

This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

- + *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
- + *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
- + *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
- + *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at <http://books.google.com/>

Mir Bozhii

W 2210.

10.
8
P.

PSlav 460.5 $\left(\frac{1895}{10-12}\right)$

HARVARD
COLLEGE
LIBRARY

Инвентарь № 2210

Школы 9

Почты 8

М. ... 4

25

Апрель 1893 г.

Годъ IV-й.

№ 10-й

МІРЪ БОЖІЙ

ЕЖЕМЪСЯЧНЫЙ

ЛИТЕРАТУРНЫЙ И НАУЧНО-ПОПУЛЯРНЫЙ ЖУРНАЛЪ

ДЛЯ ЮНОШЕСТВА

И

САМООБРАЗОВАНІЯ.

1752
25-63

О К Т Я Б Р Ъ

1895 г.

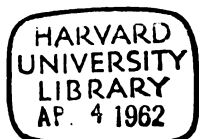

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія И. Н. Скороходова (Надеждинская, 43).

1895.

0
P Slav 460.5 (1895)
✓ (10-12)

— 6272 —

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 23-го сентабря 1895 года.

СОДЕРЖАНІЕ

	СТР.
1. ГРѢХИ. (Наброски и силуэты). (Продолженіе). И. Потапенко.	1
2. ОТЪ ГРЕКОВЪ ДО ДАРВИНА. Историческій очеркъ идеи развитія органическаго міра. Генри Осборна. Проф. Н. Холодновскаго	38
3. ПОСМЕРТНОЕ СТИХОТВОРЕНІЕ В. Д. СИМОВСКАГО	48
4. БЕРЛИНСКАЯ УРАНИЯ. (Письмо изъ Берлина). Г. Гр—а.	49
5. НАУЛАКА. Романъ Рюдіарда Киплинга и Уолькотта Балестріера. (Продолженіе). Пер. съ англ.	61
6. МАШИНЫ И НАРОДНОЕ БЛАГОСОСТОЯНІЕ. Этюдъ изъ области элементарной экономіи. А. Миллашевскаго	86
7. ДВА БРАТА. Разсказъ Елизы Оржешко. (Окончаніе). Пер. съ польскаго. И. Ж.	108
8. ИЗЪ МОЕЙ ЖИЗНИ. (Автографическія замѣтки Томаса-Генри Гексли). Г—на	149
9. НЕИЗВѢСТНАЯ ЯПОНИЯ.—ЛАФКАДИО ГИРНЪ. Статья де Вориньи, пер. съ французскаго Т. Криль.	157
10. СТИХОТВОРЕНІЕ. ОСЕННЯЯ МЕЛОДІЯ. Н. Минскаго.	174
11. ИСТОРИЯ ОДНОЙ ЖИЗНИ. Романъ. (Продолженіе). К. М. Станюновича.	175
12. БРИТИЧЕСКІЯ ЗАМѢТКИ. Русскіе декаденты и символисты: «Шедевры» г-на Брюсова.—«Русскіе символисты», изд. г-на Брюсова.—Творенія г-на Козанскаго и Анатолія Добролюбова.—Общее впечатлѣніе отъ русскаго символизма.—Символизмъ Метерлинка въ его драмѣ «Тайны души».—Символизмъ Ибсена въ драмахъ «Архитекторъ Сольнесъ» и «Маленькій Эйольфъ».—Значеніе нашихъ символистовъ.—Школа шестидесятихъ годовъ, какъ противоположность современной.—Памяти Т. Н. Грановскаго. А. Б.	193
13. РАЗНЫЯ РАЗНОСТИ. На родинѣ. Двадцатипятилѣтіе городского самоуправленія въ Россіи.—Къ вопросу о нормировкѣ рабочаго дня на русскіхъ фабрикахъ.—Народное образованіе въ Ялуторовскомъ округѣ.—Кавказскіе духоборы.—Воздвиженское трудовое братство.	210
14. За границей. Фермерское общество домашняго чтенія въ С. Америкѣ.—Турецкіе армяне.—Переписка Эрнеста Ренана съ его сестрою Генриеттой.—«Deutsche Revue».—«Contemporary Review».—«Revue des deux Mondes».—«Le Monde Moderne»	223
15. ЛУИ ПАСТЕРЬ. Э. П.	238
16. ПРИЛОЖЕНІЯ: 1) ОСНОВАНІЯ ЭЛЕМЕНТАРНОЙ ПСИХОЛОГИИ. Переводъ съ французскаго подъ редакціей прив.-доц. Г. Челпанова	65
17. 2) СЕНТЬ-МАРСЪ или заговоръ при Людовикѣ XIII. Историческій романъ. Альфреда де-Виньи. Переводъ съ французскаго А. М.	81
18. 3) ИСТОРИЯ ЦИВИЛИЗАЦІИ. Г. Дююдрэ. I. Древній міръ. Переводъ съ французскаго А. Позень, подъ редакціей Д. А. Корочевскаго	233
19. БИБЛІОГРАФИЧЕСКІЙ ОТДѢЛЪ ЖУРНАЛА «МІРЪ БОЖІЙ». Беллетристика.—Исторія всеобщая.—Политическая экономія.—Географія. Этнографія. Путешествія.—Естествознаніе.—Народныя изданія.—Новости иностранной литературы.—Новыя книги, поступившія въ редакцію.	1
20. ОБЪЯВЛЕНІЯ.	

ГРѢХИ.

(Наброски и силуэты)

И. Потапенко.

(Продолженіе *).

IV.

Учитель.

Минуть десять пошло на то, чтобы приготовить тетради, книги и карандаши. Пока мы все это дѣлали, можно было замѣтить, что Иванъ Арсентьевичъ какъ-то беспокойно ходилъ по комнатѣ и часто останавливался то у одного, то у другого окна и глядѣлъ на деревья, на рѣку, и на солнце. Когда мы усѣлись за скамью и онъ началъ урокъ, то продолжалъ дѣлать то же самое.

Это былъ урокъ географіи. Иванъ Арсентьевичъ преподавалъ намъ всѣ науки, примѣняясь къ программѣ какого-то учебнаго заведенія, куда мы готовились. Большею частью онъ рассказывалъ, а мы слушали. Уроки его были интересны и не обременяли насъ. Но на этотъ разъ онъ говорилъ вяло и часто останавливался. Строеніе внутренности земного шара, повидимому, очень мало занимало его.

Жоржикъ давно замѣтилъ его беспокойное настроеніе, а ужъ онъ не могъ выдержать, чтобы не спросить.

— Отчего это вы, Иванъ Арсентьевичъ, такой... такой странный?

— Чѣмъ?—спросилъ тотъ.

— Да все въ окно смотрите и рассказываете не такъ, какъ всегда, какъ будто о другомъ думаете.

---

*) См. «Миръ Божій» № 9, сентябрь.

«Миръ Божій», № 10, октябрь.

Иванъ Арсентьевичъ въ это время стоялъ у окна.—Солнце!—промолвилъ онъ, сильно щуря глаза. Можно было подумать, что онъ жалуется на солнце, которое досаждаеть ему своей яркостью и тепломъ.

Наши лица выразили недоумѣніе.

— Такое солнце и такой воздухъ,—пояснилъ Иванъ Арсентьевичъ,—что глупо сидѣть въ комнатѣ! Я думаю, что это даже грѣхъ.

Мы съ Жоржикомъ переглянулись и усмѣхнулись. Пристрастіе Ивана Арсентьевича въ природѣ намъ было хорошо извѣстно. Онъ не любилъ четырехъ стѣнъ, закрытыхъ оконъ, и всему на свѣтѣ предпочиталъ поляну, висящее надъ головой голубое небо, свѣжій воздухъ и свободу движеній.

— Эхъ, голубчики, пойдемте въ садъ!—сказалъ Иванъ Арсентьевичъ,—и будемъ говѣть.

— Какъ говѣть?—спросилъ Жоржикъ.

— А такъ: будемъ созерцать природу, а въ ней Творца.

И чуть замѣтная усмѣшка заиграла на его губахъ подъ свѣтлыми усами. Мы не рѣшились возразить. Во-первыхъ, предложеніе его устраивало насъ какъ нельзя лучше. Въ любви къ природѣ мы не уступали Ивану Арсентьевичу. А во-вторыхъ, мы не нашли удобнымъ упомянуть имя Ипполита. Конечно, Ипполитъ много имѣлъ бы противъ того, чтобъ мы, вмѣсто занятій географіей въ комнатѣ, гдѣ была класная скамья и черная доска съ мѣломъ, „созерцали природу и въ ней Творца“, но Иванъ Арсентьевичъ угадалъ нашу мысль.

— Боятесь?—сказалъ онъ.—Ипполита Марковича боитесь? Но онъ теперь говѣеть и не станетъ сердиться. Вѣдь сердиться грѣхъ, а онъ безгрѣшенъ, слѣдовательно и сердиться не станетъ.

Иванъ Арсентьевичъ говорилъ съ скрытой для всѣхъ, но ясной для насъ съ Жоржикомъ, усмѣшкой, той усмѣшкой, которая всегда появлялась у него въ глазахъ, когда онъ упоминалъ объ Ипполитѣ. Мы не могли понять, да, признаться, я и до сихъ поръ не понимаю, какъ относился этотъ чловѣкъ къ нашему второму отцу. Уважалъ ли онъ его, или презиралъ, боялся ли онъ его, или третировалъ. Его взгляды были совершенно противоположны взглядамъ Ипполита. Они не сходились ни въ чемъ, а между тѣмъ намъ никогда не приходилось наблюдать, чтобы Иванъ Арсентьевичъ возражалъ Ипполиту. Онъ выслушивалъ его пространна и основатель-

ныя замѣчанія и не только не находилъ въ нихъ ничего, съ чѣмъ не могъ бы согласиться, но даже всегда, въ видѣ прибавленія къ нимъ, говорилъ съ своей стороны нѣсколько словъ, которыя какъ бы резюмировали длинную рѣчь Ипполита. Изъ этого, кажется, слѣдуетъ заключить, что Иванъ Арсентьевичъ считалъ взгляды Ипполита настолько ничтожными, что не стоило тратить пороха для возраженія на нихъ. Намъ было достовѣрно извѣстно, что Иванъ Арсентьевичъ врагъ всякаго формализма въ ученїи. Онъ сотню разъ пытался передавать намъ свои знанія гдѣ-нибудь на берегу рѣчки или въ саду, подъ деревомъ, разлегшись на травѣ и глядя вверхъ на тихо колыхавшіяся верхушки деревьевъ. Онъ тогда вдохновлялся и говорилъ горячѣе и интереснѣе. Ипполитъ же былъ неисправимый педантъ. Онъ не могъ допустить мысли, чтобы ученїе безъ классной скамьи, безъ доски, безъ чернилницъ, перьевъ, тетрадей, карандашей, линейекъ, глобусовъ могло имѣть какое-нибудь значеніе. По его мнѣнію, это было не ученїе, а баловство. Нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ, онъ даже началъ высказывать мысль о томъ, чтобы у насъ съ Жоржикомъ для занятій были какіе-нибудь однообразные костюмы. Это уже былъ отголосокъ его старыхъ вкусовъ къ мундиру, — вкусовъ, выработанныхъ въ то время, когда онъ дѣлалъ карьеру, которой пожертвовалъ для насъ.

Разумѣется, мы не заставили долго убѣждать себя, быстро собрались и вмѣстѣ съ Иваномъ Арсентьевичемъ выбѣжали въ садъ.

Иванъ Арсентьевичъ жилъ у насъ уже больше года. Онъ прїѣхалъ къ намъ тогда, когда уѣздный врачъ Антонъ Павловичъ нашелъ для меня и Жоржика вреднымъ ученїе въ городѣ. Этотъ добрый человекъ въ нашихъ здоровыхъ организамахъ отыскалъ малокровіе, и мы съ Жоржикомъ не только тогда, но и очень долго еще впоследствии чувствовали къ нему благодарность. Было рѣшено, что будемъ заниматься дома, въ деревнѣ, и затѣмъ, когда мы окажемся достаточно подготовлены, выдержимъ экзаменъ въ высшій классъ. Вотъ тогда-то и возникъ вопросъ о приглашеніи намъ учителя. Ипполитъ не могъ сдѣлать этого просто, такъ точно — какъ и ничего другого не дѣлалъ онъ просто. Онъ очень долго обсуждалъ этотъ вопросъ, совѣтовался съ матерью, не для того, впрочемъ, чтобы принять во вниманіе ея совѣтъ, а единственно для того, чтобы она потомъ, въ случаѣ неудачи, не имѣла права сказать, что ея не спросили, и взвалить на

*

него всю вину. Затѣмъ, порывшись въ своей памяти, онъ вспомнилъ, что въ Кіевѣ у него есть профессоръ, съ которымъ онъ давно прекратилъ всякія сношенія, но который, тѣмъ не менѣе, его долженъ помнить, а разъ онъ его помнить, то для него доставитъ честь оказать услугу Ипполиту. Этому профессору онъ написалъ письмо, въ которомъ просилъ рекомендовать учителя „для двухъ мальчиковъ, отличающихся необыкновенными способностями, но слабымъ здоровьемъ, развитыхъ не по лѣтамъ (это мы съ Жоржикомъ) и потому могущихъ предъявить къ учителю требованія, нѣсколько большія, чѣмъ обыкновенныя дѣти въ ихъ возрастѣ“. Не слѣдуетъ думать, что Ипполитъ былъ о насъ такого высокаго мнѣнія. Кажется даже, напротивъ, онъ не возлагалъ на насъ никакихъ надеждъ. Но онъ думалъ, что все, имѣющее къ нему хоть малѣйшее отношеніе, должно возбуждать удивленіе и ни въ какомъ случаѣ никто не долженъ считать его обыкновеннымъ явленіемъ. Единственно поэтому онъ сдѣлалъ намъ такую рекламу.

Профессоръ отнесся серьезно къ просьбѣ Ипполита и порекомендовалъ Ивана Арсентьевича. Ипполитъ не сразу согласился пригласить его. Въ той блестящей рекомендаціи, которую далъ ему профессоръ, былъ одинъ пунктъ, вызывавшій въ головѣ нашего отчима сомнѣніе; тамъ было сказано, что нашъ будущій учитель—студентъ естественнаго отдѣленія математическаго факультета.

— Гм! Естественникъ!—говорилъ Ипполитъ,—слѣдовательно, матеріалистъ! Желаете ли вы,—тонко обращался онъ къ нашей матери,—чтобы ваши дѣти усвоили себѣ матеріалистическіе взгляды на жизнь и, можетъ быть, даже отрицали религію и Бога?

Это испугало маму и она, конечно, отвѣтила, что отнюдь не желаетъ этого. Тогда Ипполитъ обратился къ профессору съ новымъ письмомъ, которое было написано уже въ совершенно другомъ тонѣ. Первое было вѣжливой, но официальной, сдержанной просьбой, а это начиналось такъ: „Позвольте на этотъ разъ, на правахъ стараго товарища, обратиться къ вамъ по вопросу, такъ сказать, затрогивающему духовные интересы юныхъ питомцевъ, которыхъ ввѣрила мнѣ судьба“. Однимъ словомъ, письмо, по мнѣнію самого Ипполита, было интимное, хотя оно было составлено въ напыщенныхъ выраженіяхъ. Цѣль его была разузнать, какого направленія держится студентъ. Получились самыя утѣшительныя вѣсти.

Профессоръ отвѣтилъ, что это скромный молодой человѣкъ, нѣсколько болѣзненный, что и заставляетъ его взять этотъ урокъ въ деревнѣ и прервать свои занятія. Что занятія естественными науками нисколько не мѣшаютъ ему держаться самыхъ возвышенныхъ нравственныхъ взглядовъ; и что онъ никоимъ образомъ не матеріалистъ, это уже видно изъ того, что молодой человѣкъ любитъ поэзію, занимается ею, и даже пишетъ стихи. Последнее обстоятельство нисколько не возвысило Ивана Арсентьевича въ глазахъ Ипполита, но оно во всякомъ случаѣ успокоило его. Занятіе поэзіей и писаніе стиховъ Ипполитъ не считалъ плодотворнымъ дѣломъ. Но все же въ глазахъ его это было гарантіей противъ матеріализма. И вотъ черезъ недѣлю къ намъ пріѣхалъ Иванъ Арсентьевичъ.

Онъ сразу счумѣлъ отлично поставить себя по отношенію къ Ипполиту. Разказалъ ли ему что-нибудь про этого человѣка профессоръ, или самъ Иванъ Арсентьевичъ обладалъ необыкновеннымъ чутьемъ, но онъ съ перваго же дня раскусилъ его, понялъ, что съ нимъ ужиться будетъ не легко, и настойчиво попросилъ, чтобы его помѣстили какъ можно дальше отъ барскаго дома и вообще дали бы возможность вести отдѣльную жизнь. Онъ поселился въ саду, въ обыкновенной глиняной хатѣ, въ которой прежде жилъ садовникъ; онъ выговорилъ себѣ право обѣдать отдѣльно и только по праздникамъ появлялся за нашимъ столомъ. И съ перваго же дня онъ усвоилъ манеру никогда не спорить съ Ипполитомъ, всегда почтительно съ нимъ соглашаться и по возможности не исполнять его требованій по отношенію къ намъ. Мы полюбили его уже за одно то, что сразу почувствовали въ немъ противоположность Ипполиту.

Въ саду мы, конечно, оставили географію и принялись бѣгать. Когда устали, разлеглись на травѣ подъ деревомъ, Жоржикъ спросилъ:

— А вы говѣете, Иванъ Арсентьевичъ?

— Да, конечно,—отвѣтилъ нашъ учитель.

— Отчего же мы васъ не видимъ въ церкви?

— Я всегда дѣлаю это такъ, чтобы никто не видѣлъ.

— А вы были въ церкви?

— Да, былъ.

— Я никогда не видѣлъ, какъ вы молитесь, — сказалъ Жоржикъ.

— Я молюсь иногда дома,—отвѣтилъ Иванъ Арсентьевичъ,—иногда въ саду, когда смотрю на небо...

— Но какъ же это?—спросили мы разомъ.

— Да что значить молиться? — промолвилъ Иванъ Арсентьевичъ:—это значить отрѣшиться отъ міра, отъ заботъ, отъ неприятныхъ мыслей, отъ всего. Богъ, это — существо идеально отрѣшенное отъ всего этого, а потому и святое. Чѣмъ больше мы отрѣшаемся, тѣмъ ближе къ нему. Вотъ иногда сидишь надъ рѣкой и воображеніе унесетъ тебя въ безпредѣльные міры, и ты забудешь о землѣ, о своихъ нуждахъ и болѣзняхъ, обо всемъ на свѣтѣ, ты чувствуешь себя какъ бы безтѣлеснымъ существомъ, витающимъ среди безчисленныхъ міровъ. Вотъ въ такія минуты человѣкъ приближается къ Богу.

Иванъ Арсентьевичъ говорилъ это въ высшей степени серьезно, а мы понимали его только на половину... Въ то время, какъ происходилъ этотъ разговоръ, не имѣвшій ничего общаго съ географіей, которая была назначена въ этотъ часъ росписаніемъ, составленнымъ Ипполитомъ, на маленькой тропинкѣ, соединявшей двѣ широкія аллеи, появилась высокая прямая фигура, которая направлялась къ намъ. Это былъ Ипполитъ. Онъ, очевидно, предавался постнымъ размышленіямъ и „созерцалъ Бога въ природѣ“. Увидѣвъ насъ лежащими на травѣ, онъ въ первую минуту видимо удивился. Ему было извѣстно, что въ эти часы намъ полагается сидѣть въ комнатѣ и заниматься географіей. Но, такъ какъ онъ говѣлъ, то не сдѣлалъ замѣчанія.

— Гуляете?—спросилъ онъ, обращаясь, конечно, не къ намъ, а къ Ивану Арсентьевичу.

— Нѣтъ, мы занимаемся, Ипполитъ Марковичъ!

Ипполитъ снисходительно усмѣхнулся, какъ человѣкъ, который готовъ простить ближнему нѣкоторыя ошибки и заблужденія.

— Ну, какое же это занятіе!—промолвилъ онъ, — это баловство! Вы немножко ихъ балуете, но, впрочемъ, иногда это можно!

Жоржикъ тихонько толкаетъ меня въ бокъ и говоритъ на ухо: „Видишь, сегодня онъ совсѣмъ святой. Посмотри, у него что-то ангельское въ лицѣ“. И при этомъ онъ дѣлаетъ такое смѣшное лицо, что я начинаю изо всѣхъ силъ щипать себя за ногу, чтобъ боль помѣшала мнѣ разсмѣяться.

Иванъ Арсентьевичъ откашливается и видимо собирается говорить. Онъ пользуется временной святостью Ипполита и желаетъ высказать свои взгляды на воспитаніе.

— Мнѣ кажется, Ипполитъ Марковичъ, — вы дѣлаете ошибку, заставляя дѣтей проводить слишкомъ много времени въ комнатѣ, когда воздухъ такъ хорошъ, солнце такъ ярко свѣтитъ. Вѣдь, если я не ошибаюсь, они и учатся дома, благодаря слабому здоровью. Между тѣмъ, здоровье можно укрѣпить, только проводя какъ можно больше времени на воздухѣ.

Ипполитъ хмурится, но пока не возражаетъ. Иванъ Арсентьевичъ, зная очень хорошо, что своею рѣчью не доставляетъ ему удовольствія, тѣмъ не менѣе продолжаетъ:

— Да, это вы очень хорошо сдѣлали, что оставили ихъ дома. Школьный воздухъ еще успѣетъ отравить ихъ легкія, но надо въ такомъ случаѣ, чтобы они вполнѣ пользовались преимуществами своего положенія.

Ипполитъ дѣлаетъ слабый жестъ, которымъ какъ бы хочетъ сказать, что все это онъ знаетъ и можно не продолжать, но Иванъ Арсентьевичъ хочетъ высказаться до конца, чѣмъ вызываетъ въ насъ тайный восторгъ.

— Я приведу вамъ въ примѣръ себя, Ипполитъ Марковичъ. У меня были необыкновенно здоровые родители, отъ которыхъ я получилъ очень вѣрпкій организмъ. Къ сожалѣнію, они слишкомъ много желали мнѣ добра и возлагали на меня слишкомъ большія надежды и потому заперли въ школу, когда мнѣ было 8 лѣтъ. И вотъ я теперь, какъ естественникъ, знаю навѣрно, что въ тотъ же годъ, т.-е. въ восьмилѣтнемъ возрастѣ, моя грудь начала развиваться слабѣе, и теперь у меня отвратительныя легкія...

— Можетъ быть, вы и правы, — величественно и вмѣстѣ съ тѣмъ снисходительно сказалъ Ипполитъ: — но вѣдь всѣ мы учились въ школѣ, и, ничего, живемъ. Вотъ у меня сѣдины, а я чувствую себя здоровымъ и сильнымъ и при этомъ не могу сказать, чтобы я манкировалъ своими школьными обязанностями...

И онъ, чтобы не длить болѣе бесплодныхъ разговоровъ, кивнулъ намъ головой и пошелъ дальше. Когда онъ отошелъ отъ насъ шаговъ на пятьдесятъ, Иванъ Арсентьевичъ сказалъ съ необыкновенно серьезнымъ видомъ: „какой умный человекъ, вашъ папа!“

Мы съ Жоржикомъ вопросительно посмотрѣли на него. Умный? Неужели Иванъ Арсентьевичъ въ самомъ дѣлѣ такъ думаетъ? А мы въ глубинѣ души были убѣждены, что Ипполитъ не можетъ обладать ни однимъ достоинствомъ, въ томъ числѣ и умомъ.

— Да, онъ умный,— сказала Иванъ Арсентьевичъ.— У него вездѣ умъ, даже въ походѣ. Посмотрите, вашъ папа сегодня ходить не такъ, какъ вчера. У него и въ ногахъ какое-то благолѣпіе. Онъ говѣетъ, такъ ужъ весь говѣетъ, говѣетъ и его сюртукъ, и сапоги, и каждая пуговица на пальто. Но я думаю, что это не легко такъ себя выдерживать и что вашъ папа мученикъ. Вѣдь онъ каждую минуту слѣдитъ за собой и, если поступить, не такъ какъ слѣдуетъ, то очень мучается. Я думаю, ему трудно жить на свѣтѣ...

Въ четыре часа стали звонить къ вечернѣ. Когда подали экипажъ, вышли мама и Ипполитъ Марковичъ, затѣмъ усадили насъ, но ни Марты Федоровны, ни Дуси не оказалось.

— А Дуся не поѣдетъ?—спросилъ Жоржикъ, обращаясь къ мамѣ.

— Дуся больна, у нея голова болитъ!—отвѣтила мама и при этомъ какъ-то опасно взглянула на Ипполита.

Мы поняли, въ чемъ дѣло, и ясно представили себѣ, какъ это было. Марта Федоровна, убѣдившись, что для Дуси долгое стояніе въ церкви утомительно, стала увѣрять маму, что у Дуси голова болитъ. Дуся была при этомъ въ комнатѣ. Голова у нея не болѣла. Но Марта Федоровна такъ горячо увѣряла въ этомъ маму, что Дуся начала чувствовать головную боль и захотѣла лечь въ постельку. Она инстинктивно поняла, что это избавить ее отъ поѣздки. Мама тоже понимала замысль Марты Федоровны и всѣ трое, какъ истые заговорщики, онѣ дѣлали видъ, что вѣрять другъ другу. Дусю уложили въ постельку, но какъ только коляска тронется и мы выѣдемъ со двора, она вспрыгнетъ, выбѣжитъ въ садъ и начнетъ ловить мотыльковъ.

Что касается Марты Федоровны, то ея отсутствіе даже не вызывало въ насъ никакихъ недоумѣній. Просто случилось какое-нибудь неотложное дѣло, и она осталась. Вѣдь все-таки, хотя она и сидѣла за общимъ столомъ и ѣздила съ нами въ экипажѣ,—она была не болѣе, какъ ключница, и потому отъ нея какъ бы требовалось и меньше благочестія, чѣмъ отъ Ипполита и мамы, которые были владѣльцами усадьбы и большого имѣнія. Въ то время, какъ Ипполитъ ни для какого дѣла, хотя бы и самаго неотложнаго, не позволилъ бы себѣ пропустить вечерню или часы, Марта Федоровна манкировала иногда цѣлыми днями церковной службы и никому въ голову не приходило подумать, что это ей зачтется. Она какъ бы не говѣла, а только подгавливала.

V.

Дѣдъ Родіонъ.

Такъ какъ на этотъ разъ служба была короткая и мы съ Жорживомъ какъ-то неудачно попали, что все время были на глазахъ у Ипполита и не видѣли никакой возможности пробраться въ ограду и войти въ сношеніе съ бабами, торговавшими грушевымъ квасомъ и бубликами, то мы сперва усердно молились, а затѣмъ, когда наше вниманіе утомилось, стали заниматься наблюденіями. Церковь была полна, но не настолько, чтобы въ ней нельзя было двинуться. Молящіеся свободно могли становиться на колѣни и бить поклоны. Говѣли, главнымъ образомъ, старики и старухи, болѣе же молодые въ это время были заняты полевыми работами и отложили покаянiе на одну изъ слѣдующихъ недѣль поста.

Мы смотрѣли по сторонамъ, и вдругъ я почувствовалъ, что Жоржикъ тихонько подтолкнулъ меня въ бокъ. Ужъ я зналъ, что онъ сдѣлалъ какое-нибудь интересное наблюденіе и выскажетъ какую-нибудь оригинальную мысль.

— Посмотри, — шепнулъ онъ мнѣ: — Родіонъ говѣеть.

Я взглянулъ въ ту сторону, куда онъ указалъ мнѣ глазами. Въ темномъ углу, прижавшись спиной къ стѣнкѣ, стоялъ полусогнутый старикъ, нѣкогда довольно высокаго роста, но теперь казавшійся маленькимъ. Лѣвой рукой онъ опирался на толстую палку, безъ которой для него равновѣсіе было бы невысказано, такъ какъ весь онъ наклонился впередъ, а правой часто крестился. Голова у него была совсѣмъ бѣлая, съ легкой золотистой желтизной, нижняя часть лица вся ушла въ сѣдую густую растительность, и трудно было разобратъ, гдѣ кончаются усы и начинается борода. Все же остальное лицо состояло изъ мельчайшихъ морщинокъ, только надъ глазами нависли густыя длинныя брови.

— Неужто и у него есть грѣхи? — прошептала я Жоржику на ухо.

— Пойдемъ къ нему послѣ чаю! — сказала Жоржикъ.

— Не удастся! — отвѣтилъ я.

— О, какъ-нибудь удеремъ. Ипполитъ сегодня будетъ три часа на молитвѣ, ему не до насъ. Мы скажемъ, что ушли къ Ивану Арсентьевичу.

Такимъ образомъ, мы совершали двойной грѣхъ. Во-первыхъ, мы уговаривались воровскимъ манеромъ удратъ изъ

дому, это, конечно, было дурно, а во-вторыхъ, мы дѣлали это въ церкви; когда нужно было каяться въ прежнихъ грѣхахъ, мы создавали новый. Но ужъ всю остальную службу я только и думалъ о предстоящемъ удовольствіи посидѣть вечерокъ у Родіона.

Когда послѣ вечерни мы пріѣхали домой и нашли въ столовой приготовленный чай, такой же скучный, какъ и утромъ, то удивили Марту Федоровну нашей торопливостью. Мы пили чай наскоро, наливали его въ блюдца и обжигали губы, а на худосочныя печенья вовсе не обращали вниманія.

— Куда это вы такъ торопитесь?—спросила Марта Федоровна.

— У насъ дѣло, Марта Федоровна!—хитро прищуривъ лѣвый глазъ, отвѣтилъ Жоржикъ.

— Жоржикъ что-нибудь выдумалъ!—промолвила Марта Федоровна, неодобрительно качая головой. — Ой, развѣ это хорошо? Вѣдь вы говѣете! Что скажетъ Ипполитъ Марковичъ, если узнаетъ?

У Марты Федоровны религиозный страхъ какимъ-то страннымъ образомъ спутывался со страхомъ передъ Ипполитомъ, и трудно сказать, что въ эту минуту казалось ей большимъ грѣхомъ,—преступить ли правила покаянія, или нарушить волю Ипполита.

— Мы грѣшить не будемъ, Марта Федоровна!—съ прелестнымъ лукавымъ видомъ замѣтилъ Жоржикъ.

— Да грѣшить-то вы и не умѣете. А все же не хорошо. Вѣдь узнаетъ папа... Ему это доставитъ огорченіе.

— Мы къ Ивану Арсентьевичу!—заявилъ я.

Марта Федоровна посмотрѣла на меня съ глубокимъ сомнѣніемъ.

— Охъ, балуетъ васъ Иванъ Арсентьевичъ.

— Это вы подслушали, Марта Федоровна, — сказалъ Жоржикъ.

— Какъ подслушала? Что значить—подслушала?

— А такъ. Это самое Ипполитъ сегодня говорилъ. Онъ и васъ научилъ.

— Ипполитъ?—съ ужасомъ произнесла Марта Федоровна:—развѣ можно такъ выражаться?

Марта Федоровна, впрочемъ, слышала это не въ первый разъ и очень хорошо знала, что мы шутя называемъ нашего отчима не папой, а Ипполитомъ, когда же останемся

вдвоемъ, то ему нѣтъ другого имени. И она все же не пропускала случая выразить по этому поводу на своемъ лицѣ ужасъ. Но я увѣренъ, что въ душѣ она сама называла его не Ипполитомъ, а какимъ-нибудь болѣе характернымъ словомъ. Она его не долюбивала, и только по обязанности до-вѣренной женщины считала своимъ долгомъ внушать намъ почтительность къ нему.

— Да, Марта Федоровна, — сказалъ Жоржикъ, — такъ ужъ вы это имѣйте въ виду: мы къ Ивану Арсентьевичу пойдемъ, а отъ него въ садъ и въ саду будемъ сидѣть подь деревомъ, и больше ничего, Марта Федоровна.

— Нѣтъ, ужъ я лучше васъ и слушать не стану. Лишній только грѣхъ!

— Ну, что жъ, Марта Федоровна, у васъ хоть одинъ грѣхъ будетъ, а то у васъ совсѣмъ ихъ нѣтъ, вамъ говѣть не съ чѣмъ, съострилъ Жоржикъ. — Вѣдь вы совсѣмъ безъ грѣховъ.

— Я говорю, что вы слишкомъ умны, Жоржикъ, я вамъ это давно говорила! — промолвила Марта Федоровна, качая головой и, какъ бы убѣгая отъ грѣха, поспѣшно вышла.

Когда мы вышли изъ столовой, то во дворѣ встрѣтили новое препятствіе. На крыльцѣ сидѣлъ Ипполитъ и, глядя на рѣку и на разстилавшееся по ту сторону поле, по всей вѣроятности „созерцалъ Творца въ природѣ“. Солнце уже садилось, дневная жара ослабѣла, со стороны рѣчки съ ея безконечными плавнями вѣяло вечерней прохладой. Намъ нестерпимо поманило куда-нибудь подальше отъ дома, а препятствіе въ видѣ Ипполита еще больше разжигало въ насъ желаніе.

Мы прошли черезъ крыльцо и благополучно оставили нашего отчима позади. Но спины наши чувствовали, что его взоры не покидаютъ насъ, поэтому мы, взявшись за руки, пошли тихо по направленію къ рѣкѣ съ такимъ видомъ, какъ будто у насъ не было никакихъ дальнѣйшихъ плановъ. Мы подошли къ рѣкѣ и сѣли на берегу.

— Какъ бы удрать?—спросилъ я у Жоржика.

— Постои, придумаемъ,—отвѣтилъ онъ, и сталъ думать.

Потомъ онъ всталъ и очень спокойно, опять-таки сохраняя видъ человѣка, цѣль котораго здѣсь, на мѣстѣ, отошелъ шага на два, нагнулся, взялъ какую-то палку и затѣмъ, опять подойдя къ рѣкѣ, началъ на что-то такое указывать мнѣ палкой.

— Видишь, — сказали онъ, имѣя въ виду, повидимому, маленькихъ рыбокъ, которыя плавали сверху! — ихъ цѣлое стадо, они плывутъ туда. — И онъ указалъ по направленію въ глубь сада, т.-е. именно туда, куда насъ манило. Говорилъ онъ громко, съ явнымъ расчетомъ, чтобъ слышалъ Ипполитъ.

— Смотри, смотри, — продолжалъ онъ, — какъ онѣ всѣ повернули въ ту сторону. Давай, прослѣдимъ.

— Давай, — отвѣтилъ я, удивляясь находчивости и уму Жоржика. Вѣдь это было такъ просто и такъ глупо. Жоржикъ именно тѣмъ и отличался, что въ затруднительныхъ обстоятельствахъ никогда не искалъ какихъ-нибудь отдаленныхъ головоломныхъ выходовъ, а всегда хватался за первый попавшійся, который и оказывался самымъ простымъ.

Продолжая держать палку надъ водой и какъ бы подгоняя ею стадо маленькихъ рыбокъ, онъ медленно двигался по берегу бокомъ, какъ бы боясь упустить ихъ изъ виду; я шелъ за нимъ. Позади насъ оставался рядъ тополей и вербъ, которые своими стволами и вѣтвями все больше и больше закрывали насъ. Наконецъ, наступилъ моментъ, когда мы почувствовали, что совсѣмъ скрылись изъ глазъ Ипполита. Тогда Жоржикъ швырнулъ палку въ воду и во всю прыть помчался по узенькой тропинкѣ вдоль рѣки, а я за нимъ. Мы пробѣжали, не останавливаясь, полъ-версты и очутились на небольшой полянкѣ, гдѣ были вырублены деревья. Посрединѣ ея стоялъ низенькій курень, сдѣланный изъ камыша и прикрытый сверху соломой. Вокругъ него со всѣхъ сторонъ была набросана еще зеленая, недавно скошенная, трава. Добѣжавъ до куреня, мы бросились на эту траву и стали вататься по ней, оглашая воздухъ веселымъ смѣхомъ. Въ куренѣ слышался тоненькій лай собаченки, потому оттуда выбѣжала знакомая намъ Жучка и, узнавъ насъ, присоединилась къ намъ, и стала прыгать по нашимъ животамъ, спинамъ и лицамъ.

Дѣдъ Родіонъ не появлялся, но мы уже слышали нѣкоторые признаки того, что онъ въ куренѣ. Тамъ шуршала солома и слышалось оттуда старческое кряхтѣніе. Очевидно, онъ, утомившись на вечернѣ, пришелъ домой и легъ отдохнуть. Мы его разбудили. Но вѣдь мы очень хорошо знали, что дѣдъ Родіонъ сердиться не умѣетъ, и потому не беспокоились.

Накатавшись вдоволь по травѣ, мы сѣли противъ рѣки,

протянувъ передъ собой ноги. Жучка продолжала радостно прыгать отъ меня къ Жоржику и отъ него ко мнѣ, не зная, кому изъ насъ отдать предпочтеніе и проявить больше хозяйской любезности. Мы съ нею видѣлись не часто, но, вѣроятно, она чувствовала, что мы съ наслажденіемъ поселились бы въ этомъ куренѣ, если бы намъ позволили, и потому она насъ всегда узнавала и признавала своими.

Передъ нами разстилалась удивительная картина. Солнце закатилось за плотную, довольно высокую стѣну густого камыша, который на далекое разстояніе, насколько видно было глазу, съ обѣихъ сторонъ окаймлялъ берега рѣки. Но его присутствіе проявлялось во всемъ, — и въ золотистомъ свѣтѣ тонкихъ верхушекъ камыша, и въ розоватомъ оттѣнкѣ — въ цвѣтѣ вечерняго воздуха, и въ веселой игрѣ рыбъ, которыя ежеминутно выпрыгивали изъ воды и, продѣлавъ полувругъ надъ поверхностью рѣки, опять падали и погружались въ нее, и въ веселомъ шумѣ безчисленныхъ воронъ и галокъ, слѣпившихъ возвратиться съ поля къ своимъ гнѣздамъ, гдѣ у нихъ были уже птенцы, и въ суетливомъ щебетаньи маленькихъ птичекъ, населявшихъ каждое деревцо, каждую вѣтву, и въ какой-то дивной тишинѣ, наполнявшей окрестность, не той таинственной, пугающей тишинѣ, какая бываетъ ночью, а ясной, открытой, отрадной. На берегу рѣки стояла небольшая лодочка, на которой дѣдъ Родіонъ доплывалъ до камышовыхъ воть, чтобъ посмотрѣть, не попалась ли въ нихъ рыба, и выловить ее сѣткой. А вѣты длинной цѣпью шли какъ разъ посрединѣ рѣки. Въ нихъ колыхалась вода, когда попавшая туда рыба съ безпокойствомъ искала выхода. Откуда-то издали доносился тихій гулъ и неясный говоръ, — это мужицкіе возы переѣзжали черезъ плотину, которая не была видна отсюда, такъ какъ рѣка круто загибалась влѣво.

А вотъ изъ куреня вышелъ и самъ дѣдъ Родіонъ. Онъ былъ въ томъ же сѣромъ кафтанѣ изъ солдатскаго сукна, въ которомъ молился въ церкви, и точно также опирался на свою толстую палку. Подойдя къ намъ поближе и разглядѣвъ насъ, онъ широко улыбнулся и какъ-то особенно доброжелательно закивалъ намъ головой.

— А, панычи мои пришли! Вотъ такъ гости! Ахъ, милые, ахъ, славные! Хорошо это! Ну, посидите, и я съ вами! Хорошо, ей-ей хорошо!

Онъ опустился на траву и сѣлъ рядомъ съ нами. Для Жучки это было рѣшеніемъ ея вопроса. Не будучи въ состоя-

ни выбрать одного изъ насъ, она тотчасъ же остановилась на своемъ естественномъ другѣ, прыгнула дѣду Родіону на колѣни и успокоилась.

— Милая собачка, ласковая, — промолвилъ дѣдъ Родіонъ и сталъ ее гладить дрожащей рукою.

Мы довольно долго всѣ молчали, но рѣшительно блаженствовали въ это время. Дѣдъ Родіонъ постоянно былъ одинъ, если не считать Жучку, но несомнѣнно одиночество было для него блаженствомъ, такъ здѣсь было хорошо, тихо, прохладно и такъ отъ всего этого становилось ясно на душѣ и забывалось все, включительно до Ипполита и его строгихъ взглядовъ, которые еще пять минутъ тому назадъ чувствовали на себѣ наши спины.

Дѣдъ Родіонъ, однако же, не всегда молчалъ. Мы, хоть не часто къ нему прибѣгали, но за то оставались здѣсь подолгу, потому что, когда насъ искали, то мысль о томъ, что мы у куреня, являлась послѣдней и насъ находили здѣсь, безуспѣшно обшаривъ уже всѣ уголки сада. И мы очень подробно знали всю исторію дѣда Родіона и его взгляды на жизнь.

Родился онъ въ нашей деревнѣ, но это было ужасно давно. Были у него родные, но о нихъ онъ сохранилъ самое смутное воспоминаніе. Молодость его была омрачена тяжелой крѣпостной работой, изъ нея память дѣда Родіона не сохранила ни одного пріятнаго образа. Когда мы его спрашивали про его молодые годы, онъ только махалъ рукою и говорилъ:

— Э, не стойтъ и вспоминать! Развѣ мы люди тогда были? Конямъ и воламъ тогда лучше жилось, чѣмъ нашему брату. Вамъ, милые, того и во снѣ не приснится, что мы пережили на своихъ спинахъ.

Но его рано отдали въ солдаты и, не смотря на то, что это было въ суровую Николаевскую эпоху, все же дѣдъ Родіонъ о солдатской своей жизни вспоминалъ съ свѣтлымъ чувствомъ. Тамъ было у него что-то пріятное, какіе-то добрые моменты, которые казались такими, вѣроятно, лишь по сравненію съ крѣпостной жизнью. Бралъ онъ и какія-то крѣпости, получалъ раны и были у него медали, которыхъ онъ, впрочемъ, уже не носилъ. Жизнь, какъ бы посланная чело-вѣку специально затѣмъ, чтобъ закалить его характеръ и выработать въ немъ адское терпѣніе. Не странно ли, что такая жизнь, полная невѣроятныхъ лишеній и мукъ, огорченій и обидъ, ему, восьмидесятилѣтнему старцу, сохранила

удивительно ясную душу и вырвала изъ его сердца даже тѣнь злобы?

Вернувшись на родину послѣ долгой службы, дѣдъ Родіонъ не засталъ въ живыхъ никого и, какъ ни бился, не могъ отыскать слѣдовъ своего имущества. Какимъ-то непонятнымъ для него образомъ оно перешло въ другія руки и онъ остался ни съ чѣмъ и совершенно одинъ.

— Но мнѣ и одному хорошо!—молвилъ дѣдъ Родіонъ, глядя прищуренными старческими глазами куда-то въ пространство:—хорошо мнѣ, милые, хорошо! Жаловаться не могу.

Только зимой дѣду Родіону было скучно. За грошевую плату онъ покупалъ себѣ право лежать всю зиму на печи у бѣднаго мужика. И ужъ онъ лежалъ тамъ добросовѣстно, потому что старое его тѣло совершенно не выносило зимняго холода. Въ избѣ на печи и душно, и скучно, и мрачно. Вѣчный полумракъ, вѣчные чужіе разговоры о чужихъ дѣлахъ, перебранки, ссоры, дѣтскій крикъ. На дѣда Родіона не обращали вниманія, какъ будто его и не было на печи. Молча подавали ему туда ѣсть и пить, а слѣзалъ онъ съ печи только тогда, когда было уже не въ моготу, когда отъ лежанія кости болѣли, а если о чемъ и спрашивалъ хозяина, такъ только о томъ, скоро ли выглянетъ весеннее солнышко, скоро ли начнется тепло и онъ опять переселится въ свой курень и заживетъ привольно. Онъ чувствовалъ себя такъ, какъ будто отбывалъ суровое наказаніе въ тюрьмѣ. Слава Богу, зима въ тѣхъ мѣстахъ коротка, и дѣду Родіону приходилось не долго лежать на печи. Первая весенняя травка уже была для него вѣстникомъ освобожденія. Ужъ онъ забиралъ свое скудное хозяйство, которое помѣщалось въ одной торбѣ, свою Жучку, которая также, какъ и онъ, всю зиму страдала во дворѣ съ собаками, не желавшими признавать ее своей, и, опираясь на свою толстую палку, плелся къ рѣкѣ, отыскивалъ свою поляну и свой курень и обзаводился хозяйствомъ. Ему давали помощника, онъ забиралъ кѣты, плетенныя изъ сухого камыша, и вмѣстѣ съ помощникомъ разставлялъ ихъ въ рѣкѣ, погружая нижніе концы въ илистое дно... Когда кѣты были установлены, дѣдъ Родіонъ отсылалъ помощника, который больше былъ ему не нуженъ, и начиналъ сторожить. Это было его занятіе, оно кормило его и Жучку. Кѣты были господскія, и рыба, какая въ нихъ попадалась, шла исключительно для домашняго употребленія, никакой торговли изъ нея не дѣлали, такъ какъ ея было немного.

Измученный зимнимъ лежаніемъ на печкѣ въ душной хатѣ, среди чужихъ людей, смотрѣвшихъ на него, какъ на никому ненужное существо, дѣдъ Родіонъ вдругъ дѣлался счастливъ, какъ богъ. Здѣсь, среди простой природы, онъ чувствовалъ себя своимъ человѣкомъ, хозяиномъ, и притомъ онъ зналъ, что состоитъ при дѣлѣ, никому не досаждаеть, а напротивъ—приноситъ пользу панамъ.

Если мы встрѣчали его гдѣ-нибудь въ церкви или же въ нашемъ саду, куда онъ приходилъ по субботамъ за провизіей (такъ какъ провизія въ видѣ сухарей и соли давалась ему на цѣлую недѣлю), онъ ласково смотрѣлъ на насъ и говорилъ:—приходите, милые, у меня хорошо. Ахъ, какъ хорошо у меня! Славно, мило такъ,—приходите же, голубчики.

Это были его постоянныя слова, которыя какъ нельзя лучше выражали его душевное настроеніе. Все: и природа, и люди, съ которыми онъ имѣлъ дѣло, и его занятія и вещи, какія были у него въ куренѣ, и какія онъ видѣлъ вокругъ себя, и мысли, какія приходили ему въ голову, и свои дѣла, и чужія,—все характеризовалось у него этими словами: мило, славно, хорошо. Ко всему онъ прилагалъ какое-нибудь изъ этихъ словъ.

— Ахъ, милые, ну, приходите же!—повторялъ онъ, отпуская насъ:—у меня солнышко, у меня травка, у меня птичка поетъ, камышъ шелеститъ... Мило, право мило, такъ хорошо.

Въ этомъ была вся его жизнь. Онъ чувствовалъ себя какъ бы частью этой окружавшей его тихой природы. Онъ слился и съ солнышкомъ, и съ травкой, и съ пѣсней птицы, и съ шелестомъ камыша. Онъ понимаетъ каждый шелестъ и шорохъ въ травѣ, каждое движеніе окружающихъ его живыхъ существъ. Просиживая по цѣлымъ часамъ, иногда цѣлые дни, надъ рѣкой, онъ слѣдитъ за движеніемъ маленькихъ рыбокъ и знаетъ, какъ они живутъ; по этимъ движеніямъ онъ угадываетъ, какая будетъ завтра погода, холодна ли вода въ рѣкѣ или тепла, онъ можетъ самымъ подробнымъ образомъ объяснить, почему бѣлая плотца плыветъ цѣлымъ стадомъ поверхъ воды, или почему она одинока и плыветъ нѣсколько бокомъ, какъ бы подчиняясь силѣ теченія; все это не проходитъ для него безслѣдно, и все это у него имѣетъ значеніе, и очень можетъ быть, что его объясненія совпадаютъ съ дѣйствительной потребностью и обстоятельствами этихъ маленькихъ молчаливыхъ существъ, наполняющихъ рѣку. По тону,

которымъ птица поетъ свою пѣсню (а онъ чутко различаеъ этотъ тонъ, всѣ его оттѣнки) онъ узнаеъ о томъ, въ какомъ она настроеніи, сыта ли, счастлива ли, или горюеъ, потеряла птенца, нашла свое гнѣздо разрушеннымъ послѣ сильнаго вѣтра; для него не проходитъ безслѣдно то обстоятельство, что тонконогая курочка въ камышахъ кричитъ „кра-кра“, а въ другой разъ „кру-кру“. Онъ это тонко различаеъ и знаетъ, что это значить, и всегда онъ спокоенъ, уравновѣшенъ, никогда не торопитъ, никогда не волнуеъ, лицо его свѣтло и ясно, изъ него точно лучится счастье, доброта и душевный миръ.

— Ну, милые, чѣмъ бы угостить васъ,—говорить онъ намъ и начинаеъ сосредоточенно думать надъ этимъ вопросомъ, какъ будто и въ самомъ дѣлѣ у него въ торбѣ есть что-нибудь другое, кромѣ сухарей и соли.

— Э, вотъ и нашель, вотъ и нашель. Пстой-ка, Жучка, гдѣ мой копачъ?

Онъ встаетъ и роетъ въ какой-то ямѣ около куреня и достаетъ оттуда коротенькую палку съ заостреннымъ концомъ, на которомъ остались слѣды влажной земли. Потомъ онъ отходитъ отъ куреня и начинаеъ что-то такое разыскивать въ травѣ, затѣмъ наклоняеъ и подкапываеъ корешокъ высокой травы съ толстымъ стеблемъ, выкапываеъ и торжественно несетъ намъ весь стебель съ очень длиннымъ мясистымъ корнемъ и кладетъ передъ нами. Для насъ это не новость,—мы знаемъ, что этотъ корень съѣдобный. Онъ обладаеъ сладковатымъ вкусомъ. Ни при какихъ другихъ условіяхъ, однако, это кушанье не могло бы намъ доставить удовольствіе, но здѣсь мы съ восторгомъ очищаеъ его отъ земли и начинаеъ ѣсть съ большимъ аппетитомъ, откусывая при этомъ отъ сухарей, которые дѣдъ Родіонъ вынулъ изъ торбы. Намъ важеъ, что никакія усилія, никакое искусство нашего повара Сергѣя не въ состояніи приготовить болѣе вкуснаго блюда.

— Ну, вотъ и хорошо, вотъ и славно!—говорить дѣдъ Родіонъ, чрезвычайно довольный тѣмъ, что угодилъ намъ. Самъ онъ этотъ корень разсматриваеъ, какъ лакомство. Онъ растеъ совершенно въ дикомъ видѣ вокругъ его куреня, но дѣдъ Родіонъ знаетъ счетъ всѣмъ стеблямъ и выкапываеъ ихъ очень экономно, каждый день подсчитываеъ и, если среди нихъ не хватаеъ одного, то скорбитъ.

— Ну, милые, погодите же, я вамъ удружу!—говорить опять дѣдъ Родіонъ, котораго, очевидно, нѣсколько возбуж-

даетъ нашъ счастливый видъ и ему хочется сдѣлать насъ еще болѣе счастливыми.—Ну, я же вамъ удружу,—повторяетъ онъ и опять тащится куда-то за вурень, беретъ тамъ коротенькое весло и оттуда прямо направляется къ берегу. Мы вскакиваемъ и начинаемъ неистово прыгать. Счастье, которое намъ предстоитъ, превосходить всякую мѣру. Мы понимаемъ въ чемъ дѣло: дѣдъ Родіонъ рѣшилъ сѣсть въ лодку, доѣхать до котъ, выловить тамъ какую-нибудь мелкую рыбу (взять крупную онъ не рѣшится безъ разрѣшенія господъ) и затѣмъ въ маленькомъ казанѣ, на кострѣ изъ тутъ же собраннаго хвороста, сварить уху. Разумѣется, мы очутились у лодки и даже въ лодѣ, гораздо раньше, чѣмъ добрелъ до нея дѣдъ Родіонъ, но когда онъ приблизился, то на лицѣ его мы прочитали запрещеніе.

— Нѣтъ, милые, нѣтъ,—промолвилъ онъ:—лодка худая, не дай Богъ—потоплю васъ; ужъ вы на бережку попрыгайте, а я самъ, я самъ.

— Дѣдъ Родіонъ!—молитвенно обратились мы къ нему въ одинъ голосъ.

Но дѣдъ Родіонъ уже даже не хотѣлъ больше говорить, а только рѣшительно замоталъ головой. Впрочемъ, онъ прибавилъ:

— Чего нельзя, того нельзя. Ужъ побалую васъ, милые, а этого не могу.

И это было сказано такъ спокойно и просто и такъ убѣдительно, что мы поняли справедливость его словъ и покорно вышли изъ лодки. Дѣдъ Родіонъ влѣзъ въ нее, отчалилъ отъ берега и она поплыла къ вѣтамъ, тихо покачиваясь съ боку на бокъ. Мы сидѣли на берегу и слѣдили за каждымъ его движеніемъ. Жучка стояла у самой воды и все время дѣлала видъ, что хочетъ пуститься вплавъ, при этомъ она слабо повизгивала, выражая этимъ свою тоску по отсутствующемъ хозяинѣ. На насъ уже она не обращала вниманія и никакія заигрыванія съ нашей стороны не могли ее утѣшить. По всей вѣроятности, она думала, что дѣдъ Родіонъ вмѣстѣ съ лодкой исчезнетъ гдѣ-нибудь въ камышахъ и болѣе не вернется.

Вотъ онъ подѣхалъ къ вѣтамъ, остановился, вынулъ изъ лодки черпакъ и постучалъ имъ о камышевыя стѣнны вѣть. Этимъ способомъ онъ по движенію воды на поверхности узнавалъ, есть ли рыба. Очевидно убѣдившись, что она есть, онъ вынулъ изъ лодки длинную палку, кончавшуюся кругомъ,—чѣмъ-то вродѣ небольшого обруча, къ которому была подва-

зана короткая сѣтка. Эту сѣтку онъ опустилъ въ воду и досталъ посредствомъ нея нѣсколько мелкихъ рыбокъ. Выбросивъ эту рыбу въ лодку, онъ опять погрузилъ сѣтку, опять вынулъ ее и въ ней вмѣстѣ съ мелкой рыбой оказался довольно большой карпъ.

— Ну, ты еще поплаваешь, милый, тебѣ еще не пришелъ чередъ!—промолвилъ дѣдъ и въ голосъ его можно было слышать жалость. Онъ осторожно выбралъ мелкую рыбу изъ сѣтки и положилъ ее въ лодку, а сѣтку вмѣстѣ съ карпомъ вернулъ въ коты. Карпъ остался въ водѣ. Дѣдъ нашелъ, что рыбы достаточно, и отчалилъ.

Когда лодка причалила къ берегу, у насъ началось настоящее торжество. Прежде всего—Жучка прыгала до того неистово, что дѣдъ Родіонъ нашелъ необходимымъ даже крикнуть на нее. Затѣмъ мы стали забирать рыбу и относить ее къ куреню, потомъ начались поиски хвороста. Мы разбѣжались въ разные стороны и каждый старался набрать какъ можно больше. Дѣдъ въ это время мылъ казанокъ, потомъ подвизывалъ его къ кривой палѣ, на которой онъ долженъ былъ висѣть надъ огнемъ, затѣмъ очищалъ рыбу отъ шелухи и выбрасывалъ изъ нея ненужныя внутренности, которыми тутъ же съ восторгомъ занялась Жучка, налилъ въ казанокъ воды, подбросилъ соли, а въ яму, которая была уже обожжена, мы наложили хворосту и зажгли костеръ. Казанокъ висѣлъ надъ огнемъ, а мы съ нетерпѣніемъ ждали, когда вода въ немъ зашумитъ и закипитъ.

Солнце между тѣмъ сѣло, надъ рѣкой спустились сумерки, надъ ухомъ загудѣлъ комаръ, кое-гдѣ то на шеѣ, то на щекѣ выступалъ волдырь отъ его укуса, но все это намъ казалось пустяками, мы отмахивались и всячески отбивались отъ маленькихъ враговъ, не придавая имъ значенія. Наконецъ, уха поспѣла, дѣдъ вынесъ двѣ деревянныхъ широкихъ ложки, мы сѣли надъ казанкомъ и начали уплетать уху съ такимъ аппетитомъ, съ такой жадностью, какъ будто въ помѣщичьемъ домѣ насъ недѣлю морили голодомъ. Нѣтъ возможности описать, до какой степени это казалось намъ вкуснымъ, хотя несомнѣнно, что уха изъ мелкой рыбы, воды и соли, лишенная всякихъ другихъ приправъ, при иныхъ обстоятельствахъ показала бы намъ кушаньемъ невозможнымъ. Но тутъ было все: и курень, и зеркальная рѣка, и тихіе сумерки надъ ними, и темно-голубое небо, и кудрявая облака на западѣ съ прозрачными розовыми краями, и свѣ-

*

жій сочный воздухъ, и главное—свобода, свобода... Все это вмѣстѣ какъ бы наполняло маленькій казанокъ, стоявшій передъ нами, и дѣлало кушанье дѣда Родіона восхитительнымъ.

— А что же вы, дѣдъ Родіонъ, не ужинаете съ нами?—спросилъ я.

— Нельзя, миленькій, старику нельзя, нынче постъ, говѣнье, нельзя, — отвѣтилъ дѣдъ Родіонъ.—Вотъ я и беспокоюсь,—продолжалъ онъ,—что мальчишка не идетъ.

— Какой мальчишка?

— Сенька, Явдохинъ. Мнѣ нужно сговориться съ нимъ. Ужъ согрѣшу, два десятка раковъ отдамъ. Говѣю я, къ утрени надо идти, а какъ оставить коты? вотъ я и сказала Явдохѣ: пришли мальчишку рано утромъ, пусть постережетъ, а я раковъ тебѣ дамъ, ужъ какъ-нибудь барину скажу. Отвѣтила Явдоха, что, ежели мужъ позволитъ, мальчишку пришлетъ сказать нынче вечеромъ, а вотъ нейдетъ...

— Вы, значить, говѣете, дѣдъ Родіонъ?

— А то какъ же? Я думаю, какъ же мнѣ не говѣть?

— Да вѣдь у васъ не можетъ быть грѣховъ, дѣдъ Родіонъ,—сказалъ Жоржикъ. Эта мысль о томъ, что есть люди, у которыхъ не можетъ быть грѣховъ, и есть другіе, сверху до низу наполненные грѣхами, какимъ въ нашихъ глазахъ представлялся злосчастный Ипполитъ, въ этотъ день особенно преслѣдовала Жоржика. Онъ рѣшительно всѣхъ разсматривалъ съ этой точки зрѣнія.

— Вѣдь вы никогда не грѣшите, дѣдъ Родіонъ!

— Какъ такъ не грѣшу!—промолвилъ дѣдъ,—человѣкъ всегда грѣшитъ, человѣкъ грѣшитъ уже тѣмъ, что живетъ, да.

Мы превратились въ изумленіе и въ вопросъ. Эта идея была для насъ совершенной новостью. Человѣкъ грѣшитъ тѣмъ, что живетъ,—отъ этого становилось даже страшно.

— Какъ же это такъ, дѣдъ Родіонъ?

— А такъ вогъ, милые, такъ вотъ. Что ни шагъ, то грѣхъ. Возьмите вотъ: рыба плавать хочетъ, а я ее стерегу, коты ей разставляю, ловушку, значить; а попадется, тащу ее сѣткой, а потомъ во дворъ несу, кушайте, молъ, и самъ вотъ кушаю и вамъ даю, а она плавала бы себѣ, ей плавать пріятно. Вотъ оно что... Опять же травка... Травка расти хочетъ, я ее ногами топчу, попираю ее, серпомъ рѣжу, вотъ чтобы мнѣ мягче сидѣть было, а она бы росла себѣ, да росла... Комарикъ,—ему тоже кушать хочется, онъ сѣлъ мнѣ на руку и питается, а я его хлопъ и убилъ, а онъ не ви-

новать, что ему кушать хочется.. Все грѣхъ, милые мои, все грѣхъ; что ни шагъ, то грѣхъ, что ни вздохъ, то все у кого ни на есть, у какой ни на есть твари, что-нибудь отнимаемъ. И не дѣлалъ бы, да нельзя. Такъ устроено, что иначе жить невозможно. Такъ жизнь устроена, что, никого не обидя, дня не проживешь. Ну, вотъ, значить, и грѣшишь, что живешь, отъ того и каяться надо повсегда и повсюду. Вотъ оно какъ, милые мои. Ну, покушали, теперь на травѣ поваляйтесь, а я казанокъ вымою!

Онъ взялъ казанокъ и пошелъ къ рѣчкѣ. Уже совсѣмъ стемнѣло, когда въ отдаленнн послышались безпокойные шаги и какое-то шуршаніе хвороста подъ чьими-то ногами. Мы начали подозрѣвать, въ чемъ дѣло, и, разлегшись на мягкой травѣ полными животами еверху, притаились. Слышно было, какъ дѣдъ плещется казанкомъ въ водѣ. Шаги приближались и затѣмъ мы услышали окрикъ:

— Дѣдъ Родіонъ, не было тутъ нашихъ мальчиковъ?

Это былъ голосъ Марты Федоровны, это не подлежало никакому сомнѣнію. Мы лежали и тихонько смѣялись. Насъ интриговало, что скажетъ дѣдъ Родіонъ.

— Хе, хе!—послышалось отъ рѣки.—да ужъ они у меня жить остались. Тутъ хорошо, тутъ славно, мило такъ. Вотъ они и пришли...

— Ну, я такъ и знала!—съ легкимъ раздраженіемъ въ голосѣ промолвила Марта Федоровна: — Ай-ай-ай, какъ же вамъ не стыдно, дѣти,—внушительно уже обратилась она къ намъ:— а въ особенности вамъ, Жоржикъ, вы и старше, и умнѣе.

Намъ больше не къ чему было таиться, мы поднялись и пошли навстрѣчу Мартѣ Федоровнѣ.

— Марта Федоровна, милка, — сказалъ Жоржикъ, — не сердитесь!

— Ну, какъ же не сердиться?—отвѣтила Марта Федоровна, дѣлая, однако, видъ, что она и въ самомъ дѣлѣ сердится, хотя ей это было положительно недоступно:—какъ же не сердиться? Вы ведете себя ужасно, вы говѣете и говорите неправду, вы сказали, что пойдете къ Ивану Арсентьевичу, а Иванъ Арсентьевичъ ничего не знаетъ о васъ, сидитъ себѣ на заваленкѣ и мечтаетъ. Какъ же это можно? Ипполитъ Марковичъ безпокоится, онъ на молитву зоветъ всѣхъ.

— На молитву?—съ ужасомъ повторилъ Жоржикъ.

Мы представили себѣ, что это значить. Это значить, что

всѣ мы соберемся въ большой комнатѣ, не имѣвшей никакого опредѣленнаго назначенія. Тамъ теперь устроены угольникъ и на немъ наставлено множество образовъ, горитъ лампадка и восковыя свѣчи; всѣ соберутся туда, причѣмъ будутъ допущены не только Марта Федоровна—ужь объ этомъ нечего и говорить,—но даже горничная и кухарка, и вѣчеръ Семень, который, впрочемъ, не войдетъ въ самую комнату, а будетъ стоять въ темной передней въ нѣкоторомъ отдаленіи, потому что сапоги его издають не совсѣмъ пріятный запахъ. Насъ поставятъ впереди сейчасъ же за спиной Ипполита, за нами будутъ стоять мама и Дуся. Ипполитъ будетъ читать вечернія молитвы и это будетъ продолжаться часа полтора.

Мы сами безъ всякаго посторонняго понуканія молились каждое утро и каждый вечеръ, я могу сказать по совѣсти, что къ этой молитвѣ у насъ была потребность.

Такъ это и случилось. Прежде всего мы вошли въ домъ виноватыми; намъ объявили, что Ипполитъ уже четверть часа безпокоится по поводу нашего отсутствія, что онъ принесъ уже молитвенникъ и положилъ его на угольникъ, что уже зажжены свѣчи и лампада и въ комнатѣ носится ароматный дымокъ монашенки. Всѣ заразились,—конечно, на нѣсколько минутъ,—настроеніемъ Ипполита противъ насъ, и смотрѣли на насъ, какъ на преступниковъ. Поэтому и мы невольно почувствовали вражду противъ всѣхъ. Однимъ словомъ, эта общая молитва началась съ общаго грѣха, и рѣшительно этому виной былъ Ипполитъ. Только мама смотрѣла на насъ благосклонно, но опускала глаза, чтобы не выдать своего чувства. Она, конечно, думала про насъ, что мы бѣдняжки, что намъ хочется бѣгать на свободѣ, и что мы могли бы помолиться гораздо короче и при менѣе торжественной обстановкѣ. Дуся несомнѣнно была нашей тайной союзницей, на ея лицѣ было написано отчаяніе. Она только-что передъ этимъ разложила игрушечную мебель въ своемъ маленькомъ игрушечномъ домикѣ и начала одѣвать своихъ куколъ, чтобы онѣ ѣхали въ церковь говѣть, т. е. хотѣла повторить съ своими куклами то, что испытала днемъ сама. И вотъ въ этотъ-то моментъ ее оторвали отъ игры и повели на общую молитву.

Ипполитъ однакожь не выразилъ намъ своего негодованія; онъ только сурово посмотрѣлъ на насъ и, убѣдившись, что мы стоимъ на своихъ мѣстахъ, началъ читать молитву своимъ сухимъ тягучимъ голосомъ. Всѣ стали креститься и бить поклоны. Не прошло и полчаса, какъ съ Дусей про-

изошло что-то необыкновенное. Она ударила поклоны и въ такомъ положеніи заснула. Разумѣется, Марта Федоровна взяла ее на руки и унесла. Мы позавидовали ей, но протояли всю молитву до конца.

Трудно было ожидать, чтобы наше преступное поведеніе привело въ такимъ благопріятнымъ результатамъ, какъ это случилось. Очевидно, во время молитвы мысли Ипполита отвлекались отъ его благоговѣйной цѣли и онъ размышлялъ о насъ. Можетъ быть, когда онъ раза два оглянулся и пристально посмотрѣлъ въ наши лица, онъ замѣтилъ въ нихъ нѣкоторую усталость и блѣдность и сдѣлалъ изъ этого выводы. Но мы были совершенно поражены, когда, отпуская насъ послѣ молитвы, онъ сказалъ:

— Я думаю, что завтра вы можете не вставать рано и прійхать прямо въ часамъ.

Это значило, что мы освобождены отъ утрени и будемъ спать, по крайней мѣрѣ, до 8 часовъ. Какъ это ни странно, но мы почти почувствовали благодарность въ Ипполиту.

VI.

Ненужная жизнь.

Во вторникъ мы поѣхали въ церковь одни, такъ какъ Ипполитъ и мама были уже тамъ. Съ нами ѣхала Дуся, и, конечно, съ нею Марта Федоровна. Мы нѣсколько опоздали, но намъ это было прощено. Очевидно, размышленія Ипполита во время вчерашней вечерней молитвы были въ нашу пользу.

Когда мы вышли изъ церкви, мама обратилась въ Ипполиту:

— Я хотѣла бы зайти къ Елизаветѣ Августовнѣ.

— Что жъ, это доброе дѣло, — отвѣтилъ Ипполитъ.

Мы сѣли всѣ въ коляску и поѣхали. Не доѣзжая нѣсколько хатъ до конца деревенской улицы, неподалеку отъ усадьбы, экипажъ свернулъ влѣво и остановился у обыкновенной мужицкой хаты, съ совершенно пустымъ дворомъ и съ отсутствіемъ какихъ бы то ни было признаковъ хозяйства на току. Тамъ не было ни одного стога, ни одного влочка сѣна, ни повозки, ни водовозной тачки, ни корыта среди двора. Двѣ пары куръ тоскливо стояли подъ сараемъ, нахлобучивъ головы и какъ-то сторбивши крылья. И это было все.

Когда мама стала сходить на землю, мы съ Жоржикомъ быстро соскочили и нашими лицами выразили желаніе остаться съ нею. Дуся смотрѣла вяло и, очевидно, сильно проголодалась, поэтому Марта Федоровна взяла ее домой. Ипполитъ не двинулся. Онъ, конечно, признавалъ посѣщеніе бѣдныхъ больныхъ и увѣчныхъ, къ кажимъ принадлежала Елисавета Августовна, но теперь онъ слишкомъ былъ сосредоточенъ на своемъ собственномъ покаяніи и не хотѣлъ размѣниваться на мелочи. Онъ тоже посѣтитъ Елизавету Августовну, но не теперь, а въ воскресенье, послѣ причастія, когда онъ будетъ возвращаться изъ церкви мягкой, доброй, сіяющей, съ сердцемъ, открытымъ для благодѣяній. Мы съ мамой остались на улицѣ, а экипажъ съ Ипполитомъ, Мартой Федоровной и Дусей покатишь въ усадьбу.

Мы вошли во дворъ, затѣмъ посредствомъ низенькой двери въ темныя сѣни. Слѣва изъ „черной“ половины слышался говоръ и дѣтскій крикъ. Направо была тишина. Хата, какъ всѣ мужицкія хаты, дѣлилась на двѣ половины—черную и чистую. Въ чистой жила Елисавета Августовна, а черную занимала прислуживавшая ей Агафья, умудрявшаяся на небольшомъ пространствѣ помѣстить всю свою многочисленную семью, съ шестью дѣтьми, съ дѣдомъ и большимъ мужемъ. Не смотря на неумолкавшій шумъ, въ черной половинѣ замѣтили наше появленіе, отворилась дверь и оттуда торопливо выбѣжала Агафья.

Это была высокая женщина, плечистая, съ костистымъ лицомъ, очень грубымъ, но не лишеннымъ выраженія хитрости и даже ума. Въ немъ было что-то мужиковатое, что-то холодное и сухое. Она тотчасъ же рассыпалась передъ нами въ любезностяхъ, начала говорить, что несказанно рада намъ, ручалась также за то, что Елисавета Августовна будетъ намъ очень рада и просила „пожаловать въ горницу“.

Мы вошли направо. Мы очень хорошо знали этотъ домъ, потому что нерѣдко забѣгали къ Елизаветѣ Августовнѣ. У нея было двѣ комнаты, т.-е. горница была раздѣлена деревянной стѣной на двѣ половины. Въ глубинѣ была спальня, а впереди комната для всѣхъ остальныхъ надобностей.

Прежде всего поражалъ затхлый, промозглый воздухъ, наполнявшій комнату. Маленькія окошечки, выходившія на улицу, изъ плохого зеленоватаго стекла, притомъ же, благодаря небрежности Агафьи, грязнаго, такъ какъ она никогда не промывала оконъ, были закрыты. Елисавета Авгу-

стовна, страдавшая сильнымъ ревматизмомъ, страшно боялась сквознаго вѣтру. Она сидѣла неподалеку отъ окна въ большомъ несладномъ вреслѣ старомоднаго типа, обтянутомъ простой парусиной, безъ обивки. Подъ ногами у нея стояла скамеечка.

При видѣ насъ она подняла голову, которая все какъ-то дрожала и пошатывалась, и невѣрнымъ движеніемъ руки сняла съ носа очки съ большими круглыми стеклами. На колѣняхъ у нея лежала цвѣтная шерсть, изъ которой она вязала чулки. Богъ знаетъ, что могло выйти изъ ея рукъ, которыя вѣчно дрожали и вздрагивали, но это была старая привычка и потребность круглаго одиночества, длившася дни, мѣсяцы, годы, всю жизнь.

Лицо ея выразило живѣйшую радость, и мы знали, что эта радость была вполне искренна. Для человѣка, прикованнаго къ вреслу, появленіе всякаго живого существа, съ которымъ онъ можетъ поболтать, является настоящимъ праздникомъ.

— Мы ѣхали изъ церкви и заѣхали къ вамъ Елизавета Августовна, — сказала мама, пожимая ея дряблую руку. — Ипполитъ Марковичъ просилъ вамъ кланяться.

— Ахъ, спасибо, спасибо. Мнѣ такъ скучно, такъ скучно! — промолвила Елизавета Августовна. — На дворѣ такъ хорошо, а я не могу выйти. Некому помочь, некому...

— Какъ некому? А Агафья, что же она дѣлаетъ?

— Богъ съ нею, она недобрая, она ничего не хочетъ для меня дѣлать.

— Но я ей скажу, вѣдь это ея обязанность.

— Нѣтъ, нѣтъ, ужъ лучше вы не говорите, она тогда заклюеть меня; вѣдь я беспомощна, вы же видите... Ну, уйдетъ она, вѣдь больше никто не захочетъ ходить за мной: она хоть и злая, а все-жъ-таки живой человѣкъ въ домѣ... Да развѣ можно быть добрымъ при такой службѣ?.. Вѣдь я понимаю ее. Ходить за разбитымъ, вѣдь это ужасно... Вѣдь я капризная, потому что у меня все болитъ... спину ломить, ноги ломить, руки ломить... не знаю только, зачѣмъ Богъ хочетъ, чтобъ я жила... Другіе вотъ умираютъ и здоровые, и все... А я совсѣмъ никуда не гоюсь и живу... Ну, присядьте же, да расскажите мнѣ чтонибудь. Я такъ давно никого не видала... Никто ко мнѣ не ходитъ. Конечно, со мной скучно, я знаю, я вѣдь это понимаю... И я тутъ какъ въ гробу, совсѣмъ какъ въ гробу. Вотъ еще матушка иногда

заглянетъ, да она странная, все на батюшку жалуется, вѣчно жалуется, какъ будто я архіерей или благочинный...

Она улыбулась и лицо ея раздвѣло. У нея сохранились очень красивыя—крупныя, ровныя бѣлыя зубы. Сохранились они какимъ-то чудомъ, потому что весь организмъ ея былъ разрушенъ болѣзнями. Вся ея фигура какъ-то расплылась и утратила всякую форму. Крупныя черты ея лица, большіе глаза, густыя брови, прямой характерный носъ, выразительный подбородокъ, большой лобъ, все говорило о томъ, что лицо ея когда-то было интересно и, можетъ быть, красиво, во всякомъ случаѣ одно изъ тѣхъ лицъ, которыя способны останавливать на себѣ вниманіе. Дряблая кожа на рукахъ, на лицѣ, на шеѣ, сохранила нѣжную бѣлизну и свидѣтельствовала о томъ, что когда-то она жила въ довольствѣ и, можетъ быть, въ нѣгѣ.

Изъ молодыхъ обитателей усадьбы никто не зналъ исторіи Елизаветы Августовны, никто не слышалъ этой исторіи отъ нея, но все же существовалъ источникъ, изъ котораго можно было почерпнуть свѣдѣнія. Это была Марта Федоровна, которая помнила событія лѣтъ на пятьдесятъ назадъ. Она помнила, какъ еще въ крѣпостныя времена, въ больницу, устроенную моими предками, привезли молодую красивую женщину, разбитую нервнымъ ударомъ. Она и тогда уже была почти лишена ногъ. Ее, какъ особу, по всѣмъ признакамъ благороднаго званія, помѣстили отдѣльно, и она осталась постоянной жительницей больницы.

Объ этой больницѣ мы имѣли уже кое-какія свѣдѣнія. Мы знали, что она существовала вплоть до освобожденія крестьянъ,—знали, гдѣ она помѣщалась, но отъ нея не осталось уже никакихъ слѣдовъ. Домъ, въ которомъ была больница и который до сихъ поръ еще носилъ это названіе, былъ совершенно передѣланъ внутри и отведенъ подъ контору, но никто не говорилъ про этотъ домъ—„контора“, а всѣ говорили—„больница“. Очевидно, въ свое время больница играла немаловажную роль въ жизни села и оставила глубокое впечатлѣніе въ головахъ обывателей.

Это было очень естественнымъ, что пріѣзжая барыня сдружилась съ Мартой Федоровной. Марта Федоровна тогда еще чувствовала себя здѣсь чужой, она еще не слилась съ нашимъ семействомъ до такой степени, чтобы считать себя членомъ его. Каждая изъ нихъ почувствовала, что у нихъ есть одно общее—это одиночество и то огромное разстояніе,

которое отдѣляло ихъ отъ всѣхъ окружающихъ. Марта Федоровна тогда еще не была „бывшей нѣмкой“, а просто—нѣмкой, а въ Елизаветѣ Августовнѣ была отчасти нѣмецкая, отчасти польская кровь, она тоже имѣла право считать себя иностранкой, и на этой почвѣ онѣ сошлись и больная рассказала Мартѣ Федоровнѣ свою исторію. А ужъ отъ Марты Федоровны узнали ее мы.

Она родилась, кажется, въ Австріи, но въ дѣтствѣ еще переѣхала въ Россію. Выросла въ небогатой семьѣ, но гордой своимъ дворянствомъ, была красива и потому до известной степени избалована и рано нашла себѣ богатаго мужа. Она жила съ мужемъ гдѣ-то въ Царствѣ Польскомъ, а родные ея жили въ Кіевѣ. Мужъ ея занимался какими-то финансовыми операціями, онъ былъ старше ея лѣтъ на двадцать и не представлялъ для нея ничего привлекательнаго. Она сдѣлалась его женой отчасти изъ расчета, не только для себя, но и для своей семьи, отчасти изъ тщеславія, такъ какъ ей пужна была обстановка или, какъ она говорила, „отдѣлка“. Почтенный финансистъ любилъ ее безумно, а красавица была легкомысленна и съ первыхъ же лѣтъ замужества не отличалась вѣрностью. Онъ былъ ревнивъ и зорко слѣдилъ за нею, но въ этомъ не было надобности, потому что она не слишкомъ заботилась о томъ, чтобъ скрывать свои грѣхи. Онъ простилъ ей разъ, другой, но третья измѣна обошлась и ему, и ей слишкомъ дорого. Онъ рѣшилъ отомстить и выбралъ для этого самый ужасный способъ. Въ то время, какъ она, ничего не подозревая, вела безпечный образъ жизни, онъ потихоньку обращалъ все свое имущество въ деньги и деньги эти раздавалъ безъ всякихъ бумагъ, „безъ всякихъ слѣдовъ“ своей роднѣ, и роздалъ все до послѣдняго рубля. Изъ собственнаго дома онъ перевезъ ее въ наемный, мотивируя это какими-то особенными дѣловыми соображеніями, и затѣмъ, когда все это было исполнено, когда у него совсѣмъ ничего не осталось, онъ застрѣлился. Она осталась нищей. Это такъ поразило ее, никогда ни о чемъ не думавшую, никогда не заботившуюся о завтрашнемъ днѣ, считавшую себя обезпеченною на всю жизнь, что съ нею случился нервный ударъ, который поразилъ ноги и руки. Нельзя вообразить себѣ что-нибудь болѣе несчастное, чѣмъ она въ это время, эта красавица, еще недавно привлекавшая общее вниманіе, окруженная поклонниками и вдругъ лишенная не только этого, но даже возможности двигаться.

Родные ея въ Кіевѣ жили бѣдно. Ее перевезли туда, она была имъ въ тягость. До нихъ дошли слухи о нашей больницѣ, которая была скорѣе чѣмъ-то вродѣ богадѣльни. Ее привезли сюда. Тутъ она сдѣлалась постоянной жилицей. Когда же послѣ освобожденія крестьянъ больница была уничтожена и на ея мѣстѣ основана контора, Елизаветѣ Августовнѣ пришлось переселиться въ мужицкую хату. Ее содержала все-таки усадьба. Мама платила за жилье, посылала ей обѣды и раза два въ годъ подновляла ея платья.

Трудно представить, чтобы около такого несчастнаго существа паразитъ могъ найти себѣ какую-нибудь пищу. Но Агафья нашла ее.

— Она меня тиранить, она бьетъ меня! — жаловалась Елизавета Августовна.

И это была правда. Агафья смотрѣла на нее, какъ на источникъ существованія и для себя, и для своей семьи. Елизавета Августовна была совсѣмъ беспомощна. Безъ Агафьи она не могла подняться съ мѣста. Всѣ члены у нея были распатаны и дрожали, ноги не держали ея, она не могла пройти двухъ шаговъ, даже при помощи костылей. Ея единственное путешествіе не простиралось дальше ста шаговъ, разстояніе, на которомъ жилъ батюшка. Его она иногда посѣщала, и тогда нужно было, чтобы двое вели ее съ обѣихъ сторонъ подъ руки. Агафья пользовалась этой беспомощностью. Отъ обѣда, который ей присылали изъ усадьбы, она давала Елизаветѣ Августовнѣ только жалкіе остатки, а главную часть истребляла ея семья. Она не выносила запризовъ большой старухи, толкала и щипала ее.

И, тѣмъ не менѣе, Елизавета Августовна дрожала при мысли, что Агафья можетъ исполнить свою угрозу и побить ее. Агафья часто пугала ее этимъ.

— Если она уйдетъ, кто станетъ жить у меня? Вѣдь тогда я просто умирать должна.

И при словѣ „умирать“ лицо ея выражало ужасъ. Хотя она и говорила постоянно о смерти и высказывала сожалѣніе о томъ, что Богъ слишкомъ долго оставляетъ ее жить на землѣ, но въ сущности въ этомъ разбитомъ тѣлѣ жила страстная жажда жизни и, можетъ быть, иногда въ душѣ ея мелькала нелѣпая, неосуществимая надежда на то, что настанутъ лучшія времена. Человѣкъ такъ созданъ, что его никогда не покидаетъ надежда на лучшее.

Она любила поболтать и посмѣяться. У нея былъ уди-

вительно веселый нравъ. Не было мгновенія, чтобъ у нея что-нибудь не болѣло, гдѣ-нибудь не кольнуло, не мучилъ бы ревматизмъ, головная боль, не дрожали бы руки и ноги, не болѣло бы сердце, но она научилась какъ-то игнорировать все это и пользовалась всякимъ случаемъ, чтобы отъ души посмѣяться. Она считала для себя самымъ ужаснымъ сидѣть безъ дѣла, и такъ какъ никакое дѣло для нея не было доступно, то она вѣчно вязала чулки. Это было что-то невозможное и рѣшительно никуда негодное. Ея вязанье выбрасывалось вонъ и, тѣмъ не менѣе, она постоянно держала въ рукахъ работу, ея дрожащія пальцы вѣчно были въ движеніи. У нея также остались вкусы къ книгѣ. Она всегда просила что-нибудь почитать и непремѣнно романъ. Въ свое время она читала ихъ много и теперь, лишенная какихъ бы то ни было внѣшнихъ впечатлѣній, вспоминала все прочитанное прежде съ удивительной ясностью, съ малѣйшими подробностями и любила рассказывать это другимъ и рассказывала съ такимъ увлеченіемъ, какъ будто это были эпизоды изъ ея собственной жизни. Мы съ Жоржикомъ отъ нея получили наши первоначальныя познанія въ грамотѣ, въ особенности французской и нѣмецкой.

Жизнь этого существа была невыразимо скучна и уныла. Хотя она и дрожала при мысли о смерти, но иногда ею того овладѣвало отчаяніе, что она начинала завидовать всякому мертвецу.

— Вотъ пронесли! — съ завистью говорила она, указывая черезъ окно на покойника, котораго несли на кладбище: — пронесли... вѣдь работникъ былъ, кому-нибудь былъ нуженъ. А я никому не нужна и вотъ живв...

Единственной ея страстью былъ табакъ, который она нюхала; другихъ прихотей у нея не было, всѣ они были заглушены бѣдностью и болѣзнью и давно умерли въ ней.

— Вотъ что, голубушка, — обратилась она къ мамѣ: — хочется мнѣ поговѣть, да не знаю, какъ это сдѣлать. Агафья говорить, что теперь постъ, правда ли это? Вѣдь она часто надо мной смѣется.

Мама подтвердила показаніе Агафьи. Елизавета Августовна много лѣтъ тому назадъ пріѣхала сюда католичкой или лютеранкой — объ этомъ не сохранилось точныхъ свѣдѣній, — но, поступая въ нашу больницу, она приняла православіе. Это было условіе.

— Надо это какъ-нибудь устроить! — сказала мама.

— Да, ужъ устройте это мнѣ, голубушка, а то у меня грѣховъ многое множество накопилось.

Взглянувъ на Жоржика, я замѣтилъ, что въ лицѣ его заиграло любопытство и въ глазахъ свѣтился его обычный вопросъ о томъ, какіе могутъ быть у Елизаветы Августовны грѣхи, но на этотъ разъ онъ воздержался и не спросилъ. Безъ сомнѣнія, она теперь грѣшила только помыслами. Грѣшить дѣломъ у нея не было возможности, но, по всей вѣроятности, въ прошломъ у нея было такъ много грѣховъ, что тяжесть отъ нихъ сохранилась въ душѣ ея до сихъ поръ.

— Да,—сказала мама,—я поговорю съ батюшкой. Вѣдь вамъ въ церковь ѣздить нельзя.

— Куда мнѣ! Ахъ, если бъ я могла хоть куда-нибудь съѣздить, хоть въ церковь, хоть за двѣ версты отсюда. Я иногда начинаю сомнѣваться въ томъ, что есть еще какой-то другой міръ, кромѣ этихъ двухъ комнатъ, этого шкафчика, этихъ трехъ стульевъ, моего кресла, этажерки. Иногда мнѣ кажется, что нѣтъ ничего, кромѣ этого и кромѣ моихъ болѣзней, и прошлое представляется мнѣ сномъ, будто его никогда не было... Вѣдь это все ужасно, такъ ужасно!

Говѣніе Елизаветы Августовны совершалось тутъ же въ этой хатѣ. Батюшка приходилъ къ ней въ пятницу и исповѣдывалъ ее, а въ субботу являлся къ ней съ Дарами и причащалъ. Церковную службу и долгія покаянныя молитвы замѣняло ей одиночество. Въ эти дни она предавалась размышленіямъ и, не смотря на то, что жизнь ея была совсѣмъ скудна, она все-таки находила возможнымъ кое въ чемъ отказывать себѣ. Она не читала книгъ, не нюхала табаку и чай пила не съ сахаромъ, а съ медомъ. Совсѣмъ не пить чаю она не могла, это была ея единственная радость.

Мы посидѣли у нея съ полчаса и начали прощаться.

— Заходите же, не забывайте меня, я такъ одинока, я совсѣмъ, совсѣмъ одинока!—молвила на прощанье Елизавета Августовна. Она обращалась къ мамѣ столько же, сколько и къ намъ. Когда мы къ ней приходили, она разговаривала съ нами, какъ съ взрослыми. Ей было все равно, лишь бы живое существо. Да и міръ ея такъ былъ ограниченъ, что она, по своему кругозору, все больше и больше приближалась къ дѣтству.

Когда мы вышли въ сѣни, изъ другой половины появилась Агафья и проводила насъ во дворъ. Она подошла къ мамѣ, низко поклонилась ей и промолвила:

— Что я вамъ скажу, барыня,—это просто бѣда съ нею...

— Что такое, Агафья?—спросила мама, а мы, разумѣется, насторожили уши.

— Къ вину пристрастилась. Повѣрите ли, просто—ничего не могу подѣлать. Чуть только деньги какія-нибудь пустячныя заведутся, сейчасъ велить сороковку купить и около себя поставить и за день всю высушить. Просто не знаю, какъ и отучить ее. Вѣдь что же я могу подѣлать? Все жъ-таки она госпожа, а я слуга, должна исполнять.

— Я этого не знала. Я поговорю съ ней! — отвѣтила мама.—Вѣдь это ей вредно.

Она больше не хотѣла слушать Агафью, у которой, по-видимому, были приготовлены еще кое-какія сообщенія на счетъ Лизаветы Августовны. Впрочемъ, въ томъ, что болъная старуха пристращается къ водкѣ, не было ничего невѣроятнаго. Вѣдь это былъ бы единственный способъ хоть какъ-нибудь скрашивать ужасъ ея жизни.

Но мы замѣтили очень хорошо, что отъ Агафьи въ это время разило виномъ.

VI.

Блудный братъ.

Дома насъ ожидало важное событіе. Мы нашли Ипполита въ гостиной. Онъ былъ мраченъ и нервно шагаль изъ угла въ уголь, заложивъ руки за спину. Ничего благолѣпнаго и покаяннаго не было въ его фигурѣ. Когда онъ увидѣлъ насъ, то поднялъ глаза къ небу и издалъ глубокой вздохъ. Затѣмъ онъ отозвалъ маму и что-то сообщилъ ей. Мама покраснѣла, а онъ опустилъ глаза. Мы замѣтили, что чему-то мѣшаемъ, и съ удовольствіемъ удалились, такъ какъ намъ всегда приятно было не видѣть Ипполита.

Но любопытство наше было уже затронуто и, конечно, мы обратились къ Мартѣ Федоровнѣ. Она сама была какъ бы отраженіемъ Ипполита, и на лицѣ ея застылъ ужасъ.

— Что это у насъ случилось, Марта Федоровна?—участливо спросилъ ее Жоржикъ.

Марта Федоровна вздохнула точь-въ-точь такъ, какъ за минуту передъ этимъ вздохнулъ Ипполитъ, и закачала головой. Ахъ, ужасно! Геннадій Марковичъ пріѣхалъ.

— Геннадій?—произнесли мы оба въ одинъ голосъ.

— Да, пріѣхалъ... Да что я говорю—пріѣхалъ? Развѣ

онъ ѣздитъ? Пѣшкомъ пришелъ, бѣдняга, и въ какомъ видѣ! Господи, помилуй! Ипполитъ Марковичъ, когда узналъ, побѣднѣлъ, чуть не упалъ въ обморокъ. Вы, дѣти, Боже сохрани... не ходите къ нему, онъ такой несчастный!

— А развѣ къ несчастнымъ нельзя ходить, Марта Федоровна?—спросилъ Жоржикъ.

— Ахъ, оставьте, Жоржикъ... Къ нему нельзя ходить, я вамъ это говорю. Ипполитъ Марковичъ не желаетъ! Вѣдь вы же знаете...

Геннадій,—это было страданіе Ипполита. Геннадій былъ его родной братъ, горчайшій пьяница, человѣкъ совершенно погибшій. Мы, конечно, не сдались и мысленно рѣшили такъ или иначе побывать у него. Жоржикъ собралъ всѣ необходимыя свѣдѣнія. Геннадій пришелъ въ то время, когда мы были въ церкви. Какъ только вернулась Марта Федоровна, то, еще не докладывая Ипполиту, распорядилась помѣстить его въ отдѣльномъ пустомъ флигелѣ, который стоялъ въ саду, въ порядочномъ отдаленіи отъ главнаго дома. Туда принесли кровать, умывальникъ, столъ, нѣсколько стульевъ, и Геннадій тотчасъ же расположился, какъ дома.

Такъ какъ всѣ были подавлены и слѣдили за настроеніемъ Ипполита, который былъ центральной фигурой въ домѣ, то мы почувствовали себя свободными и пробрались во флигель. Сперва мы, разумѣется, заглянули въ окно и убѣдились въ томъ, что Геннадій совершенно трезвъ. Онъ мирно вымылся и теперь приводилъ въ порядокъ свою шевелюру, стараясь устроить себѣ пророборъ и причесать непокорные волосы на бокъ.

— А, птенцы, племянники! Добро пожаловать, милости просимъ, будете гостями!—воскликнулъ онъ, когда мы появились во флигель, и при этомъ какъ-то странно размахивалъ руками и шаркалъ ногами и вообще невыразимо ломался. Но вдругъ онъ спохватился и закрылъ себѣ ротъ рукой.

— Тс... Благодѣіе, благовоііе! Братъ, великій братъ! Нельзя! Онъ говѣеть!—онъ подчеркнулъ „братъ“ и „онъ говѣеть“ и поднялъ вверхъ палець. Мы смотрѣли на него съ величайшимъ любопытствомъ, потому что онъ былъ во всякомъ случаѣ оригиналенъ и не походилъ ни на кого изъ тѣхъ, кого мы знали.

— Ну, чего же вы смотрите? Вы думаете, — я пьянъ? Нисколько. Даже напротивъ. Вотъ ужъ недѣлю въ ротъ не беру... Съ самой масляницы.

— Съ масляницы?—спросилъ Жоржикъ,—да вѣдь масляница только позавчера была...

— Ну? Неужели? Такъ я вру, значитъ, раньше; ну, конечно, вру, вѣдь я-жь готовился. Встрѣча съ великимъ братомъ, и притомъ, говѣть надо, грѣхи вѣдь тоже и у меня есть, не у него только.

Онъ безъ умолку городилъ всякую дичь и при этомъ производилъ губами и глазами какія-то невѣроятно глупыя штуки. Костюмъ его былъ, по меньшей мѣрѣ, оригиналень: коротенькій пиджачокъ при его большомъ ростѣ походилъ на жилетку, коротенькія штанишки съ совсѣмъ обтрепаннымъ низомъ, рыжіе стоптанные сапоги. А на стулѣ лежалъ изломанный по всѣмъ направленіямъ цилиндръ.

— Боже мой! Вы здѣсь!—вдругъ раздалось еще изъ сѣней. Это была Марта Федоровна, которая принесла Геннадію чай. Казалось, въ этотъ моментъ она чувствовала къ намъ негодованіе, до такой степени ужасно было наше присутствіе здѣсь. Она, не смотря на свою обычную кротость и мягкость по отношенію къ намъ, схватила насъ за руки и увела вонъ.

Геннадій что-то такое говорилъ намъ вслѣдъ, укоряя Марту Федоровну въ томъ, что она мѣшаетъ родственному свиданію, но Марта Федоровна не обратила на это вниманіе и привела насъ въ нашу комнату.

— Какъ вамъ не стыдно, дѣти!—съ укоромъ сказала она намъ,—вы точно на зло дѣлаете! Вѣдь не дай Богъ, Ипполитъ Марковичъ узнаетъ, для него нѣтъ большаго огорченія.

Она ушла, а мы самымъ вѣроломнымъ образомъ принялись обсуждать новые планы, чтобъ попасть къ Геннадію. У насъ не хватало силъ лишить себя этого развлеченія.

— А любопытно видѣть теперь Ипполита!—продолжалъ Жоржикъ.

И этого было достаточно, чтобъ мы перемѣнили направленіе нашихъ мыслей. Геннадія мы пока оставили въ покоѣ и забрались въ комнаты. Марта Федоровна, увидѣвъ насъ здѣсь, хотѣла и отсюда изгнать насъ, но это было уже черезчуръ. Жоржикъ сказалъ, что намъ однимъ скучно и, наконецъ, имѣемъ же мы право побыть въ гостиной. Мы сѣли на диванъ и притаились. Ипполитъ нервно пагалъ по кабинету. Шаги его были выразительны, въ нихъ слышалось безпокойство и раздраженіе. Мы слышали глубокіе вздохи. Мама съ своей стороны волновалась въ спальнѣ. Иногда она, не замѣчая насъ, прохо-

дила черезъ гостиную и вх. дила въ кабинетъ. Мы слышали разговоръ.

— Я знаю,—мягко, успокоительно говорила мама, — ты изъ-за меня волнуешься, но, право же, право, я очень рада... Онъ отдохнетъ, поправитъ здоровье, подышитъ свѣжимъ воздухомъ, вѣдь онъ, бѣдный, страдаетъ, вѣдь ты же самъ знаешь, что онъ не виноватъ, что эта ужасная страсть у него—болѣзнь...

— Нѣтъ, нѣтъ,—съ сдерживаемымъ отчаяніемъ восклицалъ Ипполитъ,—все, что хотите, только не это (Ипполитъ всегда говорилъ мамѣ „вы“, когда волновался). Это мое страданіе, мое. Тысячу разъ я ставилъ его на ноги, тысячу разъ я давалъ ему полную возможность устроиться и вести себя иначе; я не говорю... Ну, если это болѣзнь, я не говорю: не пей, ты не можешь пить,—но для этого запрись, чтобъ никто тебя не видѣлъ, чтобъ не было позора, посмѣянія... А то вѣдь онъ несетъ свое несчастье на улицу, онъ таскаетъ его по кабакамъ и притонамъ, и всѣ знаютъ его имя, онъ позоритъ его, а вѣдь его имя это мое имя. Оно и ваше, вотъ что ужасно! О, будь онъ мнѣ чужой, я съ меньшей мукой принялъ бы его, но онъ мнѣ братъ, братъ! Да, это мое страданіе!

И въ самомъ дѣлѣ въ голосѣ его слышалось искреннее страданіе. Онъ продолжалъ:

— И какой ужасный примѣръ мальчишкамъ (Жоржигъ толкнулъ меня въ бокъ и шепнулъ: онъ боится, что мы сейчасъ станемъ водку пить!) и въ такое время, когда надо отрѣшиться отъ этого суетнаго міра, я взволнованъ, я потерялъ равновѣсіе духа... Онъ будто нарочно пришелъ смущать меня въ такое время...

Ипполитъ долго еще изливался въ такихъ восклицаніяхъ. Сперва это насъ очень заинтересовало, но скоро мы замѣтили, что онъ началъ повторяться, намъ показалось это скучнымъ, это утомило насъ и мы тихонько вышли во дворъ. Само собою разумѣется, мы опять попали во флигель. Геннадій уже окончательно расположился и устроился въ своей новой квартирѣ. Онъ снялъ пиджакъ и разстегнулъ жилетъ. Очевидно, Марта Федоровна достала ему гдѣ-то табакъ, онъ свернулъ папиросу и успѣлъ уже наполнить комнату дымомъ. Мы осмотрѣли всѣ углы, интересуясь его багажемъ, но никакого багажа не оказалось. У него не было ни чемодана, ни узла, ни какой-нибудь дорожной сумки. Онъ давно уже не ѣздилъ, а ходилъ пѣшкомъ.

Ему принесли бѣлье. Онъ съ комическою важностью и

вмѣстѣ съ тѣмъ благоговѣйно взявъ въ руки рубаху и, бережно положивъ ее на стулъ, сталъ передъ нею на колѣни.

— Святыня!—комически продекламировалъ онъ. — Онъ носилъ ее! Великій братъ!

Послѣ этого фарса онъ оглянулся на насъ и какъ-то глупо разсмѣялся. Потомъ ему принесли сапоги, скуртку, брюки, даже соломенную шляпу. И онъ каждую вещь точно также бралъ въ руки, влалъ куда-нибудь или вѣшалъ на гвоздь и, прежде чѣмъ надѣтъ ее, преклонялся передъ нею. Все это Марта Федоровна прислала ему помимо распоряженія Ипполита. Она боялась, что Геннадій какъ-нибудь попадетъ ему на глаза, и его ужасный виѣшній видъ увеличитъ горе Ипполита Марковича. Хотя Ипполитъ всячески будетъ избѣгать этой встрѣчи, но Мартѣ Федоровнѣ было очень хорошо извѣстно, что Геннадій будетъ стараться попастьъ ему на глаза. Онъ непремѣнно привинется кающимся, станетъ ходить въ церковь и говѣть. Нельзя же его оставить въ этомъ заношенномъ и засаженномъ пиджачишкѣ. Вѣдь всѣ тотчасъ догадаются, что это братъ помѣщика. Вѣдь Геннадій такъ удивительно похожъ на своего брата. Онъ только плохо ухаживалъ за своимъ лицомъ, оно у него было красно и распухло отъ вина. Онъ давно не брился, но все же лицо его сохраняло общія черты съ благородными чертами Ипполита.

Насъ опять поймали, Марта Федоровна, проходя мимо флигеля, увидѣла насъ въ открытое окно. На этотъ разъ она не вошла, а только остановилась у окна и сдѣлала строгое лицо. Мы не хотѣли слишкомъ огорчать ее и сами удалились.

Третья попытка была неудачна. Къ нашему удивленію, Геннадія во флигелѣ не оказалось. Сперва мы подумали, не состоялось ли уже братское свиданіе. Мы навели справки. Оказалось, что никто не видѣлъ его въ домѣ и затѣмъ, мы слышали, разговоръ въ кабинетѣ продолжался въ прежнемъ тонѣ. Мы пошли въ садъ, предположивъ, что Геннадій наслаждается прелестями деревенской природы гдѣ-нибудь подъ деревомъ, но нигдѣ не нашли его. Наконецъ, намъ пришла мысль, что онъ у Ивана Арсентьевича. Мы побѣжали туда и въ самомъ дѣлѣ нашли его тамъ. Съ перваго взгляда онъ былъ просто неузнаваемъ. На немъ была свѣжая рубаха и Ипполитовъ скуртукъ, который недурно сидѣлъ на немъ. Сапоги Ипполита тоже пришлись ему по ногѣ и были хорошо вычищены и блестящи; прическа, которую онъ себѣ устроилъ, была ему къ лицу, онъ недурно держался и имѣлъ видъ че-

ловѣка, который привыкъ прилично одѣваться и прилично вести себя. Съ Иваномъ Арсентьевичемъ онъ встрѣтился въ саду и развязно представился ему, какъ братъ хозяина. Когда мы вошли, онъ говорилъ громко, съ чрезвычайно свободной манерой, красиво жестикулируя и граціозно попыхивая маленькой сигарой, которую взялъ у Ивана Арсентьевича. Онъ вралъ, нисколько не задумываясь и не останавливаясь.

— Я предпочитаю путешествовать. У меня страсть къ путешествіямъ... Сейчасъ я изъ Москвы... Я, право, не понимаю, что тутъ пріятнаго постоянно сидѣть на одномъ мѣстѣ... Я совершенно этого не понимаю... Когда путешествуешь, получаешь разнообразныя впечатлѣнія! Это оживляетъ и, знаете, развиваетъ умъ. Но все же иногда потянетъ къ своимъ. Вотъ и меня потянуло къ брату... Ну, знаете, родственное чувство имѣетъ свои права, его нельзя игнорировать. Конечно, долго здѣсь не останусь... Я знаю, меня опять скоро потянетъ... Не могу, знаете, натура такая... Да и зачѣмъ, скажите пожалуйста, человѣку независимому стѣсняться?..

Удивительнѣе всего то, что наше появленіе нисколько не помѣшало ему врать. Онъ только взглянулъ на Жоржика и необыкновенно тонко подмигнулъ ему. Иванъ Арсентьевичъ, видѣвшій это чудо въ первый разъ и никогда ничего не слышавшій о немъ, такъ какъ никому не доставляло удовольствія вспоминать о Геннадіѣ, принялъ всѣ его турысы за чистую монету и довольно серьезно обсуждалъ вопросъ о пользѣ путешествія.

Ипполитъ никогда не рассказывалъ исторіи своего брата; но не было ничего, что касалось нашего семейства, чего не знала бы Марта Федоровна. Какимъ образомъ она узнала эту исторію, намъ неизвѣстно, но отъ нея кое-что узнали и мы: въ свое время Геннадій учился въ гимназій и въ университетѣ, но курса тамъ не вончилъ. У него случилась какая-то трагическая исторія, не то безнадежная любовь, не то проигрышъ, этого достовѣрно Марта Федоровна не знала, но до этого времени очень скромный молодой человѣкъ, онъ началъ запивать горе и разбудилъ въ себѣ наслѣдственный порокъ. Дѣдъ его страдалъ запоемъ и, очевидно, передалъ ему эту склонность. Съ этого и пошло. Онъ поступилъ на службу и сначала былъ исправнымъ чиновникомъ, но это продолжалось не больше трехъ лѣтъ. Онъ запилъ и лишился службы. Неудачи заставляли его постоянно возвращаться къ пьянству. Тысячу разъ онъ раскаявался, обѣщалъ себѣ быть бла-

горазумнымъ, выдерживалъ нѣсколько недѣль, но затѣмъ страсть опять овладѣвала имъ. Наконецъ, онъ махнулъ на все рукой и зачислилъ себя въ разрядъ погибшихъ людей. Ипполитъ въ теченіе многихъ лѣтъ дѣлалъ попытки возвратить его къ разумной жизни, пристраивалъ его къ различнымъ должностямъ, давалъ ему пріютъ у себя, когда еще жилъ въ городѣ, но кончалось это всегда печально. Геннадій напивался и начиналъ поносить его на всѣхъ перекресткахъ города. Почему-то у него засѣла въ головѣ идея, что Ипполитъ виноватъ во всѣхъ его несчастьяхъ. И онъ не умѣлъ иначе говорить о своемъ старшемъ братѣ, какъ съ саркастической усмѣшкой, съ прибаутками вродѣ „великій братъ“, „угодникъ“, „непогрѣшимый“. Каждый годъ онъ являлся въ усадьбу въ самомъ ужасномъ видѣ и проводилъ здѣсь недѣли двѣ. Тутъ его одѣвали и подкармливали, потому что онъ являлся обыкновенно голодный. Но, не смотря на хорошія условія, ему здѣсь не сидѣлось; само имъ овладѣвала любовь къ безшабашной свободѣ, онъ выпрашивалъ нѣсколько рублей—и исчезалъ.

Въ этотъ вечеръ общей молитвы не было, и вообще въ домѣ все было потрясено, всѣ какъ бы соскочили съ рельсовъ, всѣ почувствовали, какъ будто возжи, державшія ихъ въ струнѣ, разомъ ослабли. Ипполитъ страдалъ и ему было не до того, чтобы наблюдать за поведеніемъ усадьбы.

Мы пропустили всѣ сроки, когда для насъ считалось обязательнымъ быть въ постели, и легли очень поздно. Это было очень дурно съ нашей стороны, но это было такъ: намъ было пріятно, что Ипполитъ испытываетъ огорченіе.

(Продолженіе слѣдуетъ).

ОТЪ ГРЕКОВЪ ДО ДАРВИНА.

Историческій очеркъ идеи развитія органическаго міра. Генри Осборна *).

Только съ шестидесятихъ годовъ, со времени появленія книги Дарвина «Origin of species», идея о постепенномъ, племенномъ развитіи органическаго міра перестала быть чѣмъ-то въ родѣ празднои фантазіи, интересующей лишь немногихъ ученыхъ чудаковъ и философовъ и отвергаемой какъ громаднымъ большинствомъ жрецовъ науки, такъ и читающею публикой вообще; послѣдняя, впрочемъ, до Дарвина мало что и слыхала о генеалогической связи животныхъ и растительныхъ формъ между собою. И, однако же, идея генеалогическаго развитія животныхъ и растительныхъ формъ не вышла прямо изъ-подъ пера Дарвина, какъ вооруженная Минерва изъ головы Юпитера, а была подготовлена рядами поколѣній мыслящихъ изслѣдователей природы; Дарвинъ только, такъ сказать, низвелъ ее изъ облаковъ на землю, придавъ ей опредѣленную, всѣмъ понятную, форму и обставилъ ее массою убѣдительныхъ доказательствъ. Предшественниковъ Дарвина и вообще исторію развитія идеи эволюціи мало кто знаетъ, чѣмъ отчасти и объясняется, съ одной стороны, приписываніе Дарвину самаго созданія эволюціонной теоріи вообще, съ другой—взведеніе на него обвиненій, направленныхъ по ложному адресу. Поэтому, нельзя не привѣтствовать появленія книги Осборна, въ которой, при небольшомъ объемѣ, собрано и популярно изложено все существенное по исторіи развитія эволюціонной идеи.

Съ тѣхъ поръ, какъ начался историческій періодъ жизни человѣчества, начало проявляться и стремленіе человѣческаго ума познать окружающую природу. Первые мыслители были, вмѣстѣ съ тѣмъ, первыми естествоиспытателями и первыми натурфилосо-

---

*) «From the Greeks to Darwin. An outline of the Development of the Evolution idea» Columbia University Biological Series. I. B. Henry Fairfield Osborne. New-York. (Macmillan and C^o). Отзывъ объ этой замѣчательной книгѣ былъ помѣщенъ у насъ въ майской книгѣ въ отдѣлѣ «Новыя иностранныя книги».

фами. Здѣсь на первомъ планѣ стоятъ, конечно, древніе греки, а за ними римляне и арабы. Этотъ періодъ развитія эволюціонной теоріи, продолжающійся отъ 640 года до Р. Х. и до 1600 года послѣ Р. Х., Осборнъ называетъ періодомъ «угадыванія законовъ природы». Затѣмъ слѣдуетъ періодъ «толкованія природы» или періодъ «философской эволюціи», въ которомъ умы изслѣдователей освобождаются отъ греческихъ традицій и пытаются самостоятельно узловить законы, управляющіе органическимъ міромъ. Основывается натурфилософская школа среди естествоиспытателей, а равно и философы-метафизики, какъ Лейбницъ, Кантъ, Шеллингъ,—создаютъ свои теоріи мірозданія. Этотъ періодъ длится въ теченіе двухъ столѣтій (1600—1800 г. послѣ Р. Х.). Третій періодъ (1800—1858) отличается быстрымъ развитіемъ индуктивнаго мышленія и обширными успѣхами описательныхъ и морфологическихъ наукъ (ботаники, зоологіи, палеонтологіи). Въ теченіе этого періода обнаруживается упадокъ *умозрительной* біологіи, параллельно развитію *фактической* знанія. Только время отъ времени проскальзываютъ попытки возродить теорію эволюціи,—но попытки эти не имѣютъ успѣха и самая идея преемственности развитія кажется дискредитированною. Наконецъ, четвертый періодъ начинается съ появленія Дарвинова сочиненія «О происхожденіи видовъ» (1858) и съ этого времени идея эволюціи быстро завоевываетъ себѣ прочное положеніе: спорятъ уже не о томъ, *существуетъ ли вообще* преемственное развитіе, а о томъ, *какъ* лучше объяснить его съ помощію той или другой теоріи.

Таковъ, въ самыхъ общихъ чертахъ, путь, пройденный эволюціоннымъ ученіемъ съ глубокой древности до нашихъ дней. Замѣчательно, однако, что уже у самыхъ древнихъ эволюціонистовъ мы находимъ элементы тѣхъ мыслей и теорій, которыя получили болѣе опредѣленную форму, а вмѣстѣ съ тѣмъ и болѣе широкое значеніе только въ позднѣйшее время. Здѣсь мы встрѣчаемся въ области умозрительнаго знанія съ тѣмъ же явленіемъ, которое замѣчается и въ описательныхъ наукахъ; извѣстно, напр., что Аристотель зналъ уже такіе факты, какъ дѣйственное происхожденіе трутвей и животную природу губокъ,—факты, получившіе признаніе только въ нашемъ, девятнадцатомъ вѣкѣ. Выдающіеся умы подмѣчаютъ и обобщаютъ многое, что совершенно незамѣтно и непоятно для посредственности, составляющей господствующую массу, и банальная фраза «ничто не ново подъ луною» служитъ, въ сущности, выраженіемъ постоянной, хотя и не всегда очевидной, преемственности въ развитіи человѣческой мысли и человѣческаго знанія.

Изъ греческихъ философовъ, строившихъ теоріи о происхожденіи міра и тварей, *Θалесъ* и *Анаксимандръ* первые старались отрѣшиться отъ мифологическихъ объясненій. *Θалесъ* считалъ воду за начало всѣхъ вещей и его можно, слѣдовательно, считать какъ бы пророкомъ современныхъ намъ воззрѣній на водные, морскіе организмы, какъ на самые древніе, первичные. Съ этой точки зрѣнія прославилъ его и поэтъ-натурфилософъ Гёте во второй части своего «Фауста». Анаксимандръ высказалъ предположеніе, что земля (начало всѣхъ вещей, по его мнѣнію) была первоначально въ жидкомъ состояніи, почему его нѣкоторые считаютъ пророкъ космогоническихъ идей Канта и Лапласа. Ученіе Анаксимандра о происхожденіи собственно организмовъ было весьма причудливо; такъ, онъ предполагалъ, что животная жизнь началась съ появленія людей, которые развились изъ зародышей, заключенныхъ въ роговыя капсулы, плававшія въ морѣ и т. д. *Анаксименъ* и *Диогенъ* (позднѣйшіе философы іонійской школы) считаются основателями натурфилософскаго ученія о *первичной слизи* (*Urschleim* Окена и другихъ), изъ которой возникли, путемъ самозарожденія, животныя и растенія. Подобныя же теоріи были защищаемы и философами элеатической школы — *Ксенофаномъ* и *Парменидомъ*. За ними выступили на сцену болѣе смѣлые философы, матеріалисты древности — *Гераклитъ*, *Эмпедоклъ*, *Демокритъ*, *Анаксагоръ*. *Гераклитъ* положилъ основу ученія о вѣчномъ движеніи матеріи, какъ основномъ законѣ природы. *Эмпедоклъ* не довольствовался одними умозрѣніями, а дѣлалъ и нѣкоторыя собственные наблюденія, напр., эмбриологическія, — разумѣется, въ самой грубой формѣ. Защищая ученіе о самозарожденіи организмовъ, онъ въ то же время былъ рѣшительнымъ сторонникомъ идеи *постепеннаго развитія*. Организмы, по его мнѣнію, появились не сразу въ готовомъ видѣ, какъ мы ихъ теперь встрѣчаемъ, а развились изъ болѣе простыхъ формъ. Въ частности его теорія эволюціи была, однако, причудливо-фантастична и даже уродлива. Такъ, животныя появились, по его ученію, отдѣльными частями: головы безъ затылка, руки безъ плечъ и т. д.; эти отдѣльныя части, повинувшись соединяющему закону любви, искали другъ друга и слагались въ цѣлыя животныя, причемъ соединенія эти происходили чисто случайно, такъ что образовались, напр., чудовища въ видѣ животныхъ съ человѣчьими головами, многоглавыя твари и т. д. Этимъ Эмпедоклъ, быть можетъ, хотѣлъ объяснить появленіе мифологическихъ чудовищъ — кентавровъ, сиренъ и проч., въ существованіе которыхъ вѣрили древніе. Но эти уродливыя твари, по ученію Эмпедокла, были *неспособны*

къ *продолжительному существованію* и вскорѣ вымерли, уступивъ *мѣсто болѣе гармонично-устроеннымъ существамъ*. Въ этой части своего ученія Эмпедокль является *предтечею теоріи естественнаго подбора*, которая также признаетъ вымираніе, вслѣдствіе борьбы за существованіе, неприспособленныхъ существъ и переживаніе приспособленныхъ. *Демокритъ*, также сторонникъ идеи постепеннаго развитія организмовъ, основалъ ученіе о приспособленіяхъ (къ извѣстнымъ условіямъ и цѣлямъ) отдѣльныхъ частей организмовъ. *Анаксагоръ* развилъ эту идею далѣе и считается основателемъ *телеологіи* (ученія о цѣлесообразности въ устройствѣ организмовъ). Онъ училъ, что первоначальный хаосъ раздѣлился на холодную массу и теплый эфиръ; изъ первой возникли вода, земля и минералы (неорганическая природа), изъ второго—воздухъ и плававшіе въ немъ зародыши растений и животныхъ (также и человѣка), развившіеся затѣмъ цѣлесообразно подъ управленіемъ верховнаго разума.

Въ лицѣ *Аристотеля* греческая наука и философія достигли своего высшаго выраженія. Оставляя въ сторонѣ изложеніе его громаднхъ заслугъ въ области чисто фактическаго знанія, здѣсь ужѣстно будетъ охарактеризовать его лишь какъ ученаго-философа, главнымъ образомъ со стороны его отношенія къ эволюціонной идеѣ. Аристотель былъ несомнѣнно эволюціонистъ въ томъ смыслѣ, что онъ признавалъ *полнѣйшую постепенность въ развитіи природы*. Первая стадія этого развитія—неорганическая матерія, которая, путемъ прямого преобразованія, переходитъ въ матерію органическую, живую. Растенія болѣе оживлены, чѣмъ минералы, и менѣе, чѣмъ животныя; между животными и растениями стоятъ зоофиты или животнорастенія (полипы, губки), а высшую форму организмовъ представляетъ человѣкъ. Все это развитіе совершается вслѣдствіе вложеннаго въ природу *стремленія къ совершенствованію*, ничто не происходитъ случайно и все подчинено извѣстной цѣли, которая поставлена разумомъ—первою причиною всѣхъ вещей. Причинность въ природѣ Аристотель понимаетъ нѣсколько метафизически. Главныхъ причинъ онъ принимаетъ четыре: первая изъ нихъ — физическая матеріальная причина, или сама матерія, вторая—физическая формальная причина, или сила закона совершенствованія, третья—абстрактная конечная причина, или приспособленіе, стремленіе къ пользѣ или благу, и, наконецъ, четвертая и самая главная—производящая причина, первоначальный двигатель или Божество. Всѣ несовершенства природы Аристотель приписываетъ борьбѣ между матеріальною и формальною причиною, между матеріею и формою. Ученіе Эмпедокла онъ от-

вергаетъ со всею рѣшительностью; слѣдовательно, по своимъ идеямъ, онъ болѣе всего приближается къ тѣмъ изъ эволюціонистовъ ХІХ вѣка, которые отвергаютъ или ставятъ на задній планъ идею естественнаго подбора, а главное значеніе придаютъ *внутреннимъ* силамъ организмовъ (*Негели*).

Послѣ Аристотеля языческая древность не произвела ни одного выдающагося самостоятельнаго мыслителя въ области естествознанія; тѣ изъ ученыхъ и философовъ, которые касались вопросовъ о происхожденіи природы вообще и организмовъ въ частности, — лишь повторяли идеи Эмпедокла, Демокрита и другихъ древнихъ мудрецовъ. Напр., знаменитая поэма римскаго писателя Лукреція «*De natura rerum*» воскресила и популяризировала теорію Эмпедокла. Когда христіанство стало пріобрѣтать все болѣе прочную почву и, наконецъ, сдѣлалось господствующею религіею, — первые христіанскіе философы, отцы Церкви, также приняли участіе въ обсужденіи коренныхъ вопросовъ о происхожденіи и развитіи природы. Такъ, св. Августинъ былъ въ нѣкоторой степени эволюціонистомъ; онъ признавалъ, напр., что бываютъ два рода зачатковъ живыхъ существъ: видимые, вложенные Создателемъ въ извѣстныхъ животныхъ и растенія, и невидимые, которые становятся дѣятельными лишь при извѣстныхъ внѣшнихъ условіяхъ (напр., при опредѣленной температурѣ), и тогда могутъ дать начало новымъ животнымъ и растеніямъ. Но идеи эти не получили большаго распространенія, вслѣдствіе общаго упадка наукъ въ концѣ древнихъ вѣковъ и въ средніе вѣка. Только арабы, сдѣлавшіеся хранителями и почитателями научнаго достоянія языческой древности, продолжали культивировать науки и, въ томъ числѣ, теорію эволюціи (*Авиценна*, *Абубакеръ* и др.). Изъ христіанскихъ философовъ только *Джордано Бруно* (въ ХVІ столѣтіи) заявилъ себя рѣшительнымъ эволюціонистомъ, причемъ воззрѣнія его были заимствованы у Аристотеля и арабовъ; одновременно съ нимъ знаменитый богословъ *Францискъ Суарезъ* энергически выступилъ на защиту теоріи отдѣльнаго сотворенія каждаго вида животныхъ и растеній, равно какъ и на защиту буквального (не аллегорическаго) толкованія Священнаго Писанія.

Въ концѣ ХVІ и началѣ ХVІІ столѣтія наступило, наконецъ, пробужденіе науки и свободной мысли отъ многовѣковаго сна. Знаменитый англійскій философъ *Бэконъ*, основатель индуктивнаго метода, первый возсталъ противъ чрезмѣрнаго поклоненія авторитету древнихъ, рекомендуя самостоятельное изслѣдованіе и мышленіе. Въ своемъ *Novum Organon* онъ касается, между прочимъ, и біологическихъ вопросовъ, высказывая предположеніе о воз-

можномъ превращеніи видоизмѣненій — въ новые виды. Въ Nova Atlantis онъ проектируетъ научный институтъ, въ которомъ производились бы опыты надъ превращеніями органовъ и изслѣдовались бы условія измѣняемости видовъ и образованія вариаций. Дальше этихъ общихъ положеній или, вѣрнѣе, вопросовъ, Бэконъ, однако, не шелъ; но и то важно, что уже въ началѣ XVII столѣтія идея измѣняемости видовъ допускалась и до извѣстной степени обсуждалась независимыми умами. Декартъ въ своихъ «Основахъ философіи» также заявляетъ себя болѣе или менѣе эволюціонистомъ, говоря, что допущеніе немногихъ простыхъ основъ, изъ которыхъ развились небесныя тѣла, земля и весь видимый міръ, — даетъ намъ лучшее пониманіе природы вещей, чѣмъ если мы допустимъ происхожденіе всѣхъ вещей сразу въ томъ видѣ, какъ они намъ являются теперь. Лейбницъ, основатель нѣмецкой натурфилософіи, былъ смѣлѣе въ своихъ тезисахъ и выводахъ. Онъ утверждалъ, во-первыхъ, непрерывность органическаго развитія, а во-вторыхъ, идею постояннаго и постепеннаго совершенствованія отъ монадъ до человѣка. Онъ прямо говоритъ о безчисленныхъ вариацияхъ видовъ, о промежуточныхъ формахъ между видами и рекомендуетъ изученіе аналогій въ строеніи различныхъ организмовъ для установленія связи между ними. Точно такъ же и у другихъ философовъ XVII и XVIII вѣка (*Спиноза, Юмъ* и др.) проскальзываютъ эволюціонистскія мысли. Высшей своей точки умозрительная философія природы достигла въ твореніяхъ знаменитаго *Канта*, который въ своей «Общей исторіи природы» признавалъ, что вся природа подчинена дѣйствию естественныхъ (механическихъ) причинъ, но въ позднѣйшихъ своихъ сочиненіяхъ отстаивалъ мысль, что для органической природы необходимо допустить особыя причины и силы, и что объяснять ее исключительно механическими принципами даже абсурдно. «Негѣпо было бы надѣяться, — говоритъ Кантъ, — что нѣкогда явится новый Ньютонъ, который могъ бы сдѣлать намъ понятнымъ хотя бы произрастаніе листа травы съ помощью однихъ естественныхъ законовъ, не управляемыхъ никакимъ намѣреніемъ; мы должны признать это абсолютно невозможнымъ для человѣка». Другой выдающийся философъ, *Шеллингъ*, смѣло высказалъ мысль, что всѣ функціи жизни — не что иное, какъ видоизмѣненія одной силы. Методъ Шеллинга былъ чисто дедуктивный; «философствовать о природѣ — тоже, что творить природу», говорилъ онъ. Его сочиненія имѣли большое вліяніе на развитіе *натурфилософіи*, особенно нѣмецкой. Вообще, помимо чистой, умозрительной философіи, въ восемнадцатомъ столѣтіи и въ началѣ девятнадцатаго вѣка

появилось много сочиненій натуралистическаго характера, стремившихся такъ или иначе объяснить и связать между собою разныя органическія формы и явленія природы, приче́мъ, за недостаткомъ фактическаго знанія, видную роль играла фантазія. Такъ, во Франціи *Де Мальяе* производитъ разныхъ сухопутныхъ животныхъ отъ морскихъ предковъ, — птицъ отъ летучихъ рыбъ, львовъ отъ морскихъ львовъ и т. д., — словомъ, возвращается къ фантазіямъ нѣкоторыхъ древнегреческихъ философовъ, смѣшивая вмѣстѣ идеи Анаксимандра, Эмпедокла и другихъ. Рѣшительнымъ (и болѣе трезвымъ) эволюціонистомъ былъ также *Мопертюи*, въ сочиненіяхъ котораго замѣчательны зачатки теоріи наслѣдственности, весьма близкой къ нѣкоторымъ теоріямъ нашего времени. Такъ, онъ полагаетъ, что организмы состоятъ изъ частицъ, одаренныхъ жизненными и психическими свойствами и способныхъ передавать эти свойства по наслѣдству, — мысль, заключающаяся также въ теоріи пластидулъ *Геккеля*, въ теоріи пангенезиса *Дарвина*, даже въ теоріяхъ идиопазмы *Негели* и *Вейсмана*.

Подобныя же органическія частицы признаетъ и *Дидро*, по мнѣнію котораго, частицы эти могутъ группироваться различнымъ образомъ, приче́мъ жизнеспособными оказываются только нѣкоторыя, болѣе удачныя комбинаціи (идея *подбора*). Эволюціонистами въ большей или меньшей степени были также *Бонне* и *Робинс*, идеи которыхъ были болѣе или менѣе заимствованы у Лейбница. Но крайняго своего выраженія натурфилософія достигла въ сочиненіяхъ *Окена* и его послѣдователей. Окенъ обладалъ громадными знаніями, но пользовался ими безъ всякой умственной дисциплины; построить теорію, измѣнить ее, перевернуть на изнанку—для него ничего не стоило, и каждый разъ факты безъ стѣсненія подгонялись подъ ту или другую теорію. Поэтому, наряду съ здравыми и жизнеспособными идеями у него встрѣчаются совершеннѣйшіе абсурды, ничѣмъ не уступающіе абсурднымъ выводамъ нѣкоторыхъ древнихъ философовъ. Злоупотребленіе дедукціею было доведено школою Окена до послѣдней возможности; натурфилософы видѣли міръ не такимъ, какъ онъ есть, а такимъ, какъ онъ, по ихъ мнѣнію, долженъ быть. Окенъ признавалъ генетическую связь всѣхъ живыхъ формъ между собою и производилъ все живое отъ «первичной слизи», возникшей въ океанѣ изъ неорганической матеріи путемъ произвольнаго зарожденія. Эта первичная слизь приняла видъ микроскопическихъ пузырьковъ и эти пузырьки или инфузоріи составляютъ основу всѣхъ организмовъ,—мысль, въ которой нѣкоторые видятъ предугаданіе клѣточной теоріи. Во многихъ мѣстахъ своихъ сочиненій Окенъ, однако, самъ противорѣчитъ этой

теоріи возникновенія организмовъ изъ «инфузорій», допуская, на-
примѣръ, прямое происхожденіе человѣка изъ неорганическихъ
элементовъ.

Въ то же самое время, какъ натурфилософы, не столько выводя
теоріи изъ фактовъ, сколько подгоняя факты подъ фантастическія
теоріи, старались объяснить природу,—назрѣвала эпоха болѣе точ-
наго знанія, причѣмъ наступленіе ея не могло обойтись безъ реак-
ціи противъ крайностей натурфилософіи, и даже не остановилось
на этомъ, а перешло, въ концѣ концовъ, въ реакцію противъ эво-
люціонной идеи вообще. Уже основатель точной научной система-
тики, *Карль Линней*, былъ сторонникомъ ученія объ отдѣльномъ
сотвореніи каждаго вида, хотя въ одномъ мѣстѣ его сочиненій и
высказывается мысль, что нѣкоторые виды произошли черезъ скре-
щиваніе различныхъ видовъ. Равно и знаменитый *Бюффонъ* пер-
воначально защищалъ постоянство и отдѣльное происхожденіе
всѣхъ видовъ, но позднѣе примкнулъ къ эволюціоннымъ теоріямъ,
принимая возможность весьма значительныхъ варіацій органиче-
скихъ формъ. Въ его сочиненіяхъ мы встрѣчаемъ мысли, полу-
чившія позднѣе дальнѣйшее и плодотворное развитіе въ ученіи
Дарвина; такъ, онъ указываетъ на безграничную плодовитость
организмовъ и на ограниченность средствъ къ ихъ существованію,
а также на то, что виды, менѣе другихъ одаренные, роковымъ
образомъ должны исчезать, уступая мѣсто другимъ, болѣе ода-
реннымъ. Въ качествѣ фактора, измѣняющаго виды, онъ ставилъ
на первомъ планѣ прямое воздѣйствіе внѣшнихъ вліяній. Словомъ,
сочиненія Бюффона, такъ сказать, подготовили развитіе новыхъ,
болѣе научныхъ формъ эволюціонной теріи. Въ этомъ же смыслѣ
имѣютъ важное историческое значеніе также сочиненія *Эразма
Дарвина*, дѣда Чарльза Дарвина. Онъ былъ и натуралистъ, и
поэтъ, и поэма его «Храмъ Природы», напоминаетъ поэму Лукре-
ція «О природѣ вещей». Эразмъ Дарвинъ справедливо считается
предтечею ламаркизма. Какъ защитникъ идеи постепеннаго раз-
витія, онъ принималъ происхожденіе всѣхъ видовъ отъ простой
живой нити (filament), которую великая первопричина одарила жи-
зненностью и способностью приобрѣтать новыя свойства и услож-
няться въ строеніи. Новыя особенности строенія приобрѣтались,
по его мнѣнію, вслѣдствіе упражненій и усилій того или другого
органа въ извѣстномъ направленіи; передаваясь по наслѣдству,
индивидуальныя особенности превращались въ видовыя. Тѣ же, въ
сущности, идеи, но самостоятельно и съ болѣею отчетливостью,
развилъ *Ламаркъ* въ своей «Зоологической философіи», которая по-
ложила основу такъ называемому *ламаркизму*,—ученію, которое

находить послѣдователей и въ наше время *). Эволюціонистами были также Гёте и Тревиранусъ въ Германіи и Жоффрау Сентъ-Илеръ во Франціи; всѣ они принимали единство плана въ организаціи различныхъ животныхъ и растений, генетическую связь видовъ и измѣняемость ихъ отъ вышнихъ вліяній. Хотя защищаемыя ими идеи и заключали въ себѣ много вѣрнаго, но воображенію въ нихъ было отведено все-таки слишкомъ много мѣста, а фактическая обоснованность ихъ была слаба. Поэтому эволюціонное ученіе, все еще весьма несовершенное, не могло выдержать столкновенія съ строго индуктивнымъ знаніемъ, представителемъ котораго явился знаменитый Кювье, въ публичномъ спорѣ на голову разбившій Жоффрау Сентъ-Илера. Послѣ этого спора теорія постоянства видовъ восторжествовала надолго, а эволюціонное ученіе казалось опровергнутымъ разъ навсегда, такъ что защищать его—значило почти то же, что скомпрометтировать себя, какъ серьезнаго ученаго или мыслителя. Въ промежутокъ отъ 1830 до 1858 года только немногіе ученые отваживались заявлять себя въ большей или меньшей мѣрѣ эволюціонистами (*Бори де-Сенъ-Венсанъ*, отчасти *Бэръ*, *Изидоръ Сентъ-Илеръ*, *Бухъ*, *Чэмберсъ*, *Спенсеръ* и др.); нѣкоторые изъ нихъ даже предугадывали до извѣстной степени идею естественнаго подбора (*Уэльсъ*, *Матью*, отчасти *Ноденъ*). Но только *Ч. Дарвину* и одновременно съ нимъ *Уоллесу* удалось воскресить и твердо поставить на ноги эволюціонную теорію, изложивъ вполне отчетливо принципъ *естественнаго подбора* и подкрѣпивъ его фактами. Съ этого времени эволюціонная теорія пріобрѣтаетъ столько же сторонниковъ, сколько прежде имѣла враговъ.

Въ настоящее время кажется даже страннымъ, что, принимая постепенное развитіе міра неорганическаго, можно было отрицать преимущество развитія въ мірѣ растений и животныхъ, какъ это дѣлалъ, напримѣръ, *Лийэлль*, знаменитый реформаторъ геологии, пока онъ не перешелъ окончательно на сторону Дарвина. Но вышеизложенный очеркъ исторіи эволюціонной идеи показываетъ, какой длинный и трудный путь должна была проложить себѣ эта идея, прежде чѣмъ достигла общаго признанія,—и это несмотря на то, что почти всѣ элементы ея имѣлись на лицо уже въ глубокой древности. Только теорія естественнаго подбора оказалась способною окончательно разрушить догматъ неизмѣняемости видовъ. Въ настоящее время теорія эта усовершенствована и

---

*) Довольно подробное изложеніе этого ученія см. въ моей статьѣ «Старый и новый ламаркизмъ». («Сѣверный Вѣстникъ», іюнь 1895 г.).

усложнена *Вейсманомъ*, который считаетъ естественный подборъ главнымъ, если не единственнымъ факторомъ развитія; съ другой стороны, все сильнѣе и сильнѣе раздаются голоса, выдвигающіе на первый планъ другіе факторы развитія, воскрешая тѣмъ самымъ теоріи Ламарка и Ж. Сентъ-Илера. Эволюціонная идея, видимо, вступаетъ въ новый періодъ своего развитія,—и вотъ почему появленіе книги Осборна, дающей сводку разныхъ эволюціонныхъ теорій до Дарвина, въ данный моментъ оказывается особенно кстати.

Проф. Н. Холодковскій.

ПОСМЕРТНОЕ СТИХОТВОРЕНИЕ В. Д. СИПОВСКАГО *).

Когда въ жизнь я вступалъ—
Словно рекрутъ въ бою
Я блѣднѣлъ, трепеталъ:
Бой меня ужасалъ,
И недвижимъ стоялъ
Я въ послѣднемъ строю...

Но выпѣлъ жаркій бой,
Онъ меня охмѣлилъ,
И съ отвагой шальной,
Какъ солдатъ молодой,
Я кидался въ тотъ бой—
И себя не щадилъ...

Я въ бояхъ побывалъ,
Много вынесъ я ранъ,
Много бѣдъ испыталъ,
Смерть я близко узналъ—
Я друзей погребалъ,
Я теперь—ветеранъ!

И на кличъ боевой
Я на встрѣчу врагамъ
Пойду твердой ногой
На смертельный ужъ бой,
И цѣной дорогой
Жизнь врагу я продамъ!

189..... г.

---

*) Покойный сотрудникъ нашъ В. Д. Сиповскій (см. Некрологъ—«Миръ Божій», 1895 г., № IX), какъ оказалось изъ бумагъ его послѣ смерти, еще съ юности писалъ стихи, но тщательно скрывалъ это и никогда ихъ не печаталъ. Это стихотвореніе, передаваемое намъ его сыномъ, написано незадолго до смерти. Ред.

БЕРЛИНСКАЯ УРАНИЯ.

(ПИСЬМО ИЗЪ БЕРЛИНА).

Въ одной изъ лучшихъ частей Берлина, въ мѣстности, прилегающей къ такъ называемому Моабитскому художественному парку, нѣсколько лѣтъ тому назадъ, было положено основаніе учрежденію, успѣхъ котораго превзошелъ самыя радужныя надежды его основателей. Едва ли можно назвать какой-либо другой институтъ въ нѣмецкой столицѣ, который бы такъ упорно и безкорыстно стоялъ на стражѣ самыхъ возвышенныхъ интересовъ и силой своего чистаго идейнаго значенія стяжалъ себѣ такую популярность и привлекательность въ средѣ мѣстнаго населенія. Кто изъ берлинцевъ не знаетъ Ураніи, этого славнаго образовательнаго института, которому народная масса присвоила названіе и «народнаго университета»?

Когда берлинецъ, сложивъ съ себя бремя повседневной работы, задумается надъ употребленіемъ наступившаго досуга и подойдетъ справиться къ расклееннымъ на улицахъ афишамъ и объявленіямъ, онъ неизбежно встрѣтитъ тамъ и афишу Ураніи. Уранія не хочетъ уступить поля дѣйствій и воздѣйствій на публику дешевымъ театрамъ и трактирнымъ увеселеніямъ, болѣе того,—она конкурируетъ со всѣми этими соблазнами, и притомъ—чрезвычайно успѣшно. Ежедневно появляющаяся программа научныхъ представленій Ураніи какъ бы говоритъ каждому: «ты, рабочій человекъ, натрудился за день-деньской, натолкался среди подобныхъ тебѣ тружениковъ; теперь, если взаправду хочешь отдохнуть отъ житейской сутолоки, избѣжать одуряющаго вліянія переполненной табачнымъ дымомъ атмосферы ресторановъ и т. п., иди въ Уранію. Здѣсь твоимъ глазамъ откроется иной міръ—широкій, вольный, раскрывающій самыя затаенныя изгибы явленій чудной природы. Здѣсь откроется предъ тобой необъятная даль вселенной, отъ созерцанія которой въ твоемъ сознаніи раздвинутся узкія рамки твоей трудовой обстановки».

Въ началѣ 1888 года, по инициативѣ профессора Вильгельма Фэрстера, директора королевской обсерваторіи, президента Об-
«міръ вождй», № 10, октябрь.

щества этической культуры и вообще очень чтимаго здѣсь чело-
вѣка, организовалось общество изъ лицъ, принадлежащихъ къ
различнымъ слоямъ и направленіямъ, задавшееся цѣлью, при
помощи акціонернаго капитала, создать въ Берлинѣ *общеобразо-
вательный институтъ для популяризаціи знаній о явленіяхъ при-
роды*. При покровительственномъ участіи министра народнаго про-
свѣщенія были составлены планы будущаго зданія. Въ іюлѣ того же
года заложенъ былъ фундаментъ зданія, а ровно черезъ годъ—
Urania, Anstalt für volksthümliche Natur-Kunde, была открыта для
публики. Проходя по «Улицѣ Инвалидовъ», къ которой Уранія при-
легаеть пятью громадными окнами своей физической залы, трудно

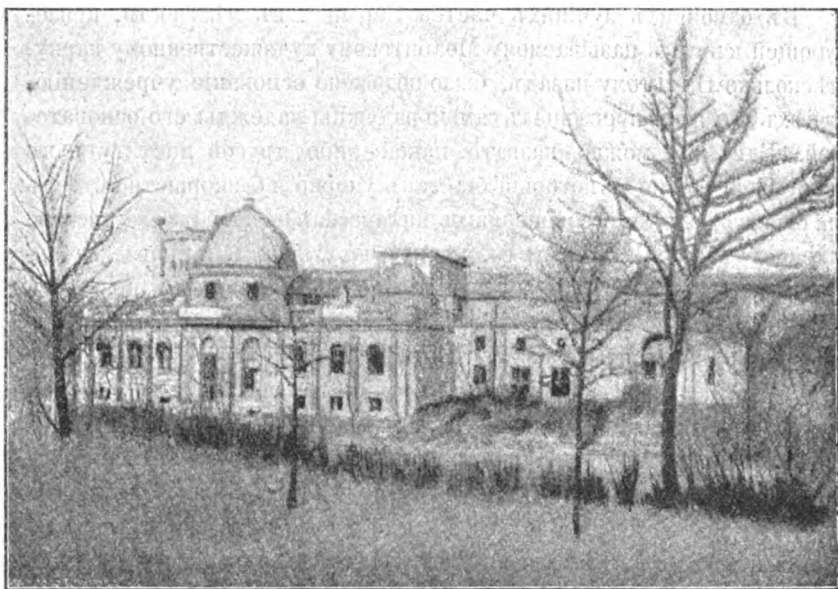

Рис. 1. Зданіе Ураніи въ Берлинѣ.

подумать, чтобы вмѣстимость всего зданія была такъ велика. Фа-
садъ зданія такъ скромнень, но стоитъ только войти внутрь—и
надъ видимымъ первымъ этажемъ въ глубинѣ парка вырастаетъ
второй, затѣмъ третій, а весь этотъ конгломератъ зданій и при-
строекъ увѣнчивается тремя граціозно расположенными куполами.

Все учрежденіе состоитъ изъ пяти главныхъ отдѣленій: астро-
номическаго, физическаго, микроскопическаго, механическаго и на-
учнаго театра. Литературнымъ органомъ совокупной дѣятельности
Ураніи является журналъ «Himmel und Erde», который редакти-
руется д-ромъ Мейеромъ и за 6 истекшихъ лѣтъ изданія пред-

ставилъ громадную массу интереснаго, болѣе или менѣе популярно-изложеннаго, матеріала.

Всякій посѣтитель Ураніи получаетъ программу даннаго вечера. Въ ней указанъ, кромѣ того, и тотъ порядокъ, въ которомъ каждому рекомендуется обозрѣть составныя части и отдѣленія Ураніи. Руководствуясь этими указаніями, я въ такомъ же порядкѣ постараюсь въ краткихъ словахъ изложить достопримѣчательности этого любопытнаго учрежденія.

Самымъ замѣчательнымъ экземпляромъ астрономическаго отдѣленія и центральнымъ пунктомъ всего института является громадный рефракторъ пяти метровъ длины и съ объективнымъ стекломъ въ 12 дюймовъ. Это, такъ сказать, глазъ Ураніи, черезъ посредство котораго взоръ посѣтителя способенъ проникнуть въ невѣдомыя дали вселенной. Окуляры этого гиганскаго инструмента, приготовленные посредствомъ особой оптической комбинаціи, даютъ увеличеніе отъ 70 до 1.300 разъ. Самый инструментъ снабженъ фотографическими и спектроскопическими приспособленіями. Поле зрѣнія и микрометръ освѣщаются электричествомъ; электричествомъ же приводится въ движеніе и часовой механизмъ, направляющій рефракторъ сообразно съ суточнымъ движеніемъ созвѣздій.

Всѣ эти и многія другія приспособленія высшаго порядка собраны въ Ураніи не только для удовлетворенія любознательности и любопытства публики, но и для серьезныхъ научныхъ изслѣдованій.

Лица, близко стоящія къ Ураніи, имѣли возможность убѣдиться, что т. н. большая, мало подготовленная, публика посѣщеніемъ обсерваторіи не всегда остается довольна. Созерцаніе звѣздъ и самое устройство обсерваторіи служитъ, конечно, сильнымъ притягательнымъ пунктомъ для публики; каждый разсчитываетъ при помощи подзорной трубы и безъ всякихъ съ своей стороны усилій узрѣть рѣдкія чудеса надзвѣзнаго міра. Разочарованіе бываетъ тѣмъ большее, когда, напр., яркій свѣтъ полнолунія привлекаетъ массы посѣтителей и имъ приходится объяснять, что при полнолуніи даже черезъ самую лучшую подзорную трубу почти ничего не видно и что, напротивъ, четверть луны *) является наилучшей порою для наблюденій. Обсерваторія посѣщается такимъ образомъ съ наибольшей пользой и интересомъ той частью публики, которая обладаетъ нѣкоторой научной подготовкой. Тѣхъ же посѣтителей, которые въ ясные вечера массами наполняютъ Уранію и посѣщеніемъ обсерваторіи остались не вполне удо-

---

*) Вторая и четвертая фаза.

влетворенными,—уже по одному тому, что четверть часа каждому пытливому наблюдателю оказывается недостаточнымъ, — этихъ посѣтителей астрономическія чтенія въ театрѣ Ураніи вознаграждаютъ съ избыткомъ. Эти чтенія, иллюстрируемыя фотографически воспроизведенными картинами небесныхъ явленій, при освѣщеніи въ 6.000 свѣчей, способны тѣмъ сильнѣе восхитить посѣтителя. Въ научномъ театрѣ Ураніи, о которомъ послѣ будетъ подробнѣе сказано, читаются не только астрономическіе рефераты.

Въ физическомъ отдѣленіи Ураніи посѣтителя ждетъ особое удовольствіе: благодаря счастливой мысли профессора Гольдштейна, тамъ всевозможныя аппараты обставлены такимъ образомъ, что посѣтитель самъ можетъ приводить ихъ въ дѣйствіе. Уранія была первымъ учрежденіемъ, которое рѣшилось въ извѣстной степени устранить педантическое правило о неприкосновенности предметовъ,—правило, практикуемое обыкновенно въ музеяхъ и на выставкахъ. Мысль Гольдштейна практически выражается въ незатѣйливой формѣ: у cadaго инструмента отиѣченъ опредѣленный рычажекъ или электрическая кнопка, прикосновеніе къ которой вызываетъ дѣйствіе самаго аппарата. Это чрезвычайно удобное, свидѣтельствующее объ извѣстномъ симпатичномъ довѣрїи къ посѣтителю, приспособленіе создаетъ какъ бы непосредственныя отношенія дѣйствія и воздѣйствія между человѣкомъ и силами природы. Несомнѣнно, что эти отношенія дѣйствуютъ на cadaго очень удовлетворяющимъ образомъ. Лишь благодаря этому приспособленію въ связи съ систематически расположенными аппаратами, каждый посѣтитель въ какіе-нибудь четверть часа можетъ пройти своего рода курсъ экспериментальной физики. Впечатлѣніе, получаемое отъ всегда удачныхъ и самимъ посѣтителемъ воспроизведенныхъ опытовъ, дѣйствуетъ на экспериментатора возбуждающимъ образомъ, заставляетъ его больше задуматься надъ наблюденными явленіями, пытливость даннаго человѣка такимъ образомъ еще больше растетъ.

Здѣсь нѣтъ, конечно, никакой возможности хотя бы въ сжатомъ видѣ представить описаніе всего того ряда инструментовъ, вдоль котораго постепенно передвигаются группы наблюдателей съ серьезнымъ, заинтересованнымъ, чтобы не сказать: ученымъ видомъ знатоковъ.

Противъ электрическаго отдѣленія находится оптическое, начинающееся громаднымъ вогнутымъ зеркаломъ, бросающимъ на станивъ ложное изображеніе маленькой статуи, которая скрыта подъ самымъ станивомъ. Далѣе слѣдуетъ рядъ аппаратовъ, объясняющихъ дѣйствіе глаза, аппараты для воспроизведенія роскош-

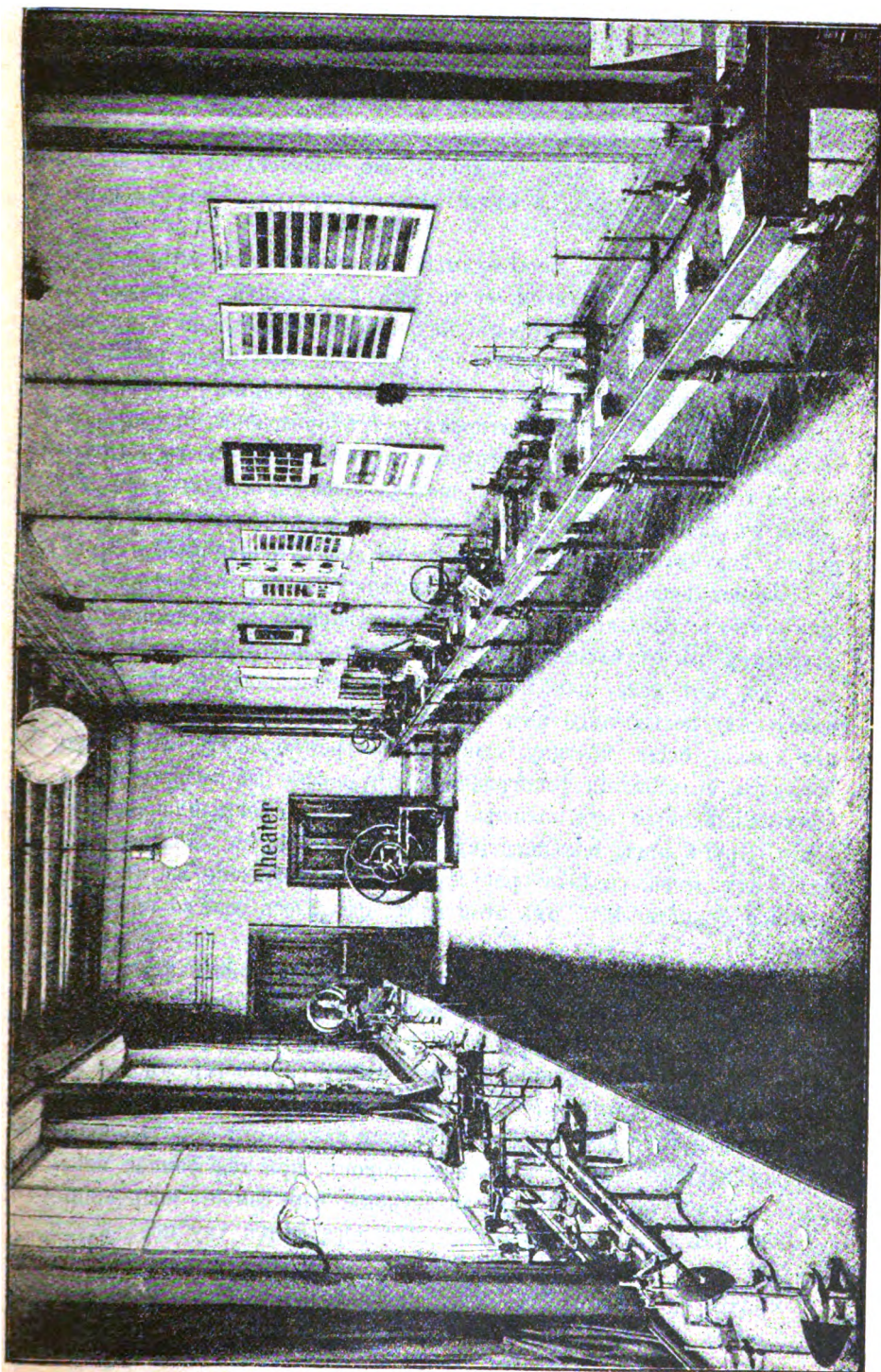

Рис. 2. Флигелескій кабинетъ Ураніи.

ныхъ цвѣтовыхъ явленій поляризаціи, флуоресценціи и пр. Свѣтовыя явленія достигаются въ этихъ аппаратахъ лишь тогда, когда наблюдатель надавить соотвѣтственную кнопку. Этотъ способъ приведенія въ дѣйствіе тѣхъ или другихъ силъ природы имѣетъ двоякое значеніе, такъ какъ, съ одной стороны, сберегаетъ массу электрической силы, съ другой же—впечатлѣніе отъ явленія, вызваннаго самимъ посѣтителемъ, получается тѣмъ болѣе поражающее.

Электрическій токъ, необходимый для производства всѣхъ опытовъ, исходитъ изъ батареи, состоящей изъ десяти громадныхъ электрическихъ аккумуляторовъ, питаемыхъ установленной въ погребѣ динамомашиной, которая, въ свою очередь, приводится въ движеніе газовымъ моторомъ въ двѣнадцать лошадиныхъ силъ. Отъ каждаго изъ этихъ аккумуляторовъ идетъ проволока черезъ всѣ тѣ помѣщенія Ураніи, въ которыхъ производятся опыты. Получается такимъ образомъ цѣлая система проволокъ, благодаря которой въ любомъ пунктѣ любой изъ залъ можно, смотря по роду опыта, получить электрическій токъ въ десять различныхъ силъ.

Разсмотрѣвши цѣлую массу всевозможныхъ акустическихъ инструментовъ, извлекиши изъ нихъ разнообразныя звуки, посѣтитель вступаетъ въ отдѣленіе фонографа. Этотъ инструментъ привлекалъ къ себѣ массу народа, что мѣшало спокойному и удовлетворительному пользованію имъ со стороны посѣтителей. Администрація Ураніи была поэтому вынуждена урегулировать нѣсколько порядокъ пользованія фонографомъ, устроивши за особую плату такъ-называемыя музыкальныя фонографо-телефонныя представленія. Кругъ лицъ, посѣщающихъ это отдѣленіе, не столько сѣзился отъ этого, сколько урегулировался; впечатлѣніе же, производимое фонографомъ, отъ этой мѣры сдѣлалось полнѣе и отчетливѣе.

Въ томъ самомъ помѣщеніи, гдѣ находится фонографъ, можно слышать также и телефонную передачу оперныхъ мелодій изъ театра, находящагося отъ Ураніи на разстояніи трехъ километровъ. Въ устроенныхъ здѣсь нишахъ имѣется 12 слуховыхъ мѣстъ, въ которыхъ разсаживаются посѣтители такимъ образомъ, что прямо къ ушамъ прилегаетъ телефонъ. Въ руки дается имъ текстъ оперы, а примѣненіемъ особаго рода микрофоновъ, при телефонной передачѣ достигается такая полнота звуковъ, что самыя мельчайшіе нюансы изъ почти трехверстной дали передаются уху посѣтителя Ураніи.

Уранія, по своему устройству, представляетъ своего рода микрокосмосъ, систему вселенной. На самой высшей ступени нахо-

дится міръ необъятно-великаго, и тамъ властвуетъ астрономъ; ниже ступеню живеть человекъ, окруженный предметами, которые онъ можетъ понять и ощутить,—здѣсь царствуетъ физикъ; наконецъ, слѣдуетъ ступень безконечно малыхъ величій, которая поддается только изслѣдованію посредствомъ микроскопа. Тѣсная связь между этими различными ступенями міровой жизни совершенно очевидна и систематически проведена; микроскопо-біологическому отдѣленію Ураніи ея ученая администрація придаетъ особо важное значеніе.

Богатая коллекція имѣющихся здѣсь микроскоповъ и препаратовъ,—подробное описаніе которыхъ не входитъ въ задачу этого письма,—служить съ большимъ интересомъ тѣмъ посѣтителямъ, которые хотѣли бы проникнуть въ тайны творческаго процесса природы. Какъ бы то ни было, но каждый побывавшій здѣсь, невольно задумается надъ видѣннымъ, а многіе получаютъ толчокъ къ болѣе серьезнымъ занятіямъ и изслѣдованіямъ.

Обратимся теперь къ самому интересному и, по своему роскошному декоративному эффекту, самому привлекательному для публики отдѣленію Ураніи,—къ ея научному театру. Этотъ театръ, представленія котораго вѣнчаютъ программу каждаго вечера въ Ураніи, имѣетъ своею задачей дать картину природы, хотя въ уменьшенномъ видѣ и въ самыхъ общихъ чертахъ, но тѣмъ болѣе поучительную, производящую сильное впечатлѣніе и приспособленную къ пониманію большого круга посѣтителей.

Лица, завѣдующія Ураніей, жалуются теперь, что размѣры театра не совсѣмъ соотвѣтствуютъ запросамъ со стороны публики. Учредители, набросавшіе первоначальный планъ театра, не ожидали, что впоследствии онъ сдѣлается любимѣйшимъ мѣстомъ отдохновенія тѣхъ, кто, дѣйствительно, ищетъ соединенія полезнаго съ пріятнымъ. Такимъ образомъ и въ этомъ случаѣ дѣйствительность превзошла первоначальныя ожиданія.

Въ техническомъ отношеніи научный театръ Ураніи устроенъ совершенно такимъ же образомъ, какъ лучшія сцены драматическихъ и оперныхъ театровъ. Весь внѣшній видъ его—сцена, зрительная зала и пр.—также вполне соотвѣтствуютъ обыкновеннымъ театрамъ. Но научный театръ располагаетъ гораздо большею массою приспособленій, чѣмъ обыкновенные театры, что вызывается необходимостью болѣе разнообразныхъ эффектовъ въ немъ. Изъ одного опредѣленнаго пункта кулисъ можно регулировать электрической токъ свѣта съ любой силой и съ тѣмъ разнообразіемъ цвѣтовъ, какое желательно для данныхъ переливовъ. Спускъ декораціи производится давленіемъ того самаго гидравлическаго приспособленія, услугами котораго пользуется и астрономическое отдѣленіе Ураніи.

Личный персонал, фигурирующий на сценѣ театра Ураніи, сводится къ одному лектору. Эта единственная «личная персона»

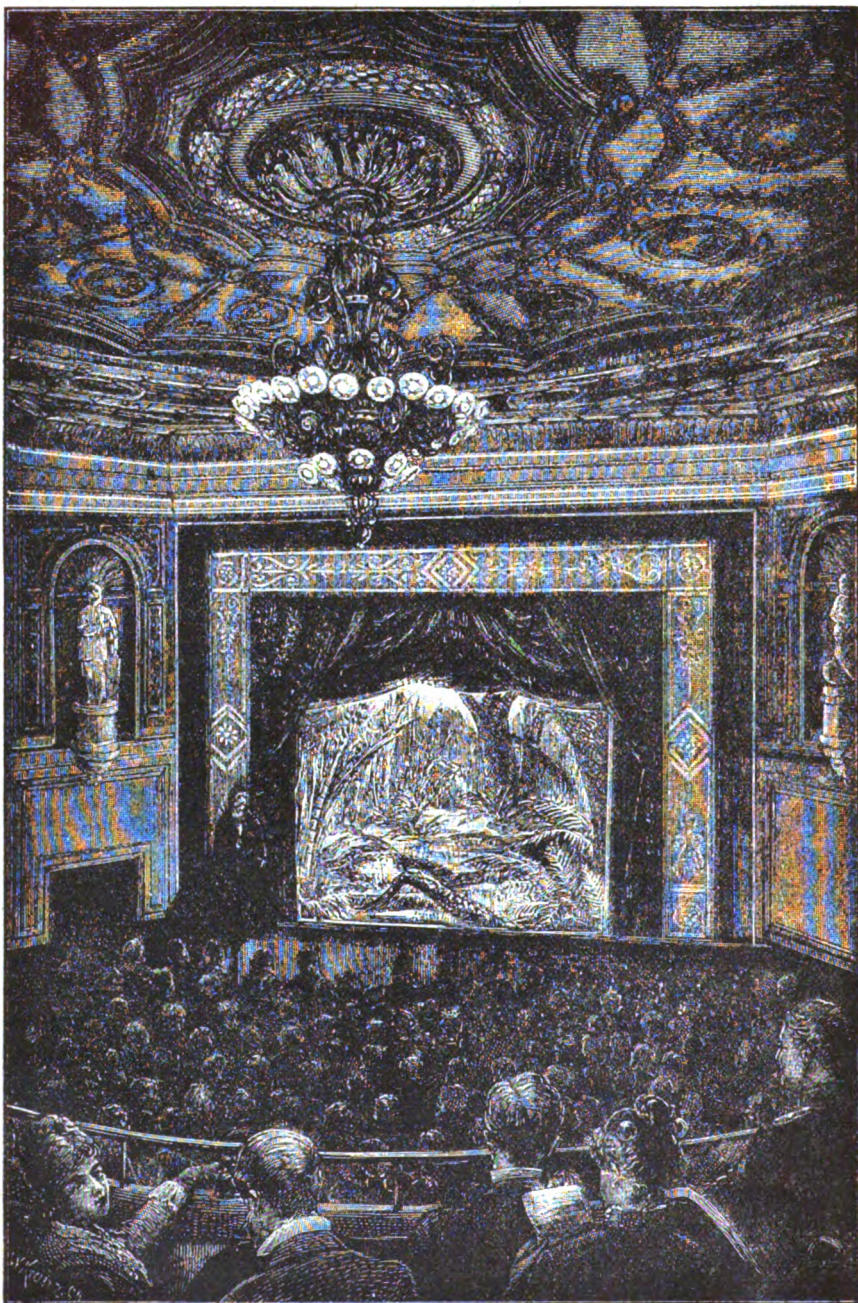

Рис. 3. Научный театр Ураніи.

можетъ быть скорѣе сравнена съ суфлеромъ обыкновенныхъ театровъ. Публика его видитъ лишь при появленіи, когда онъ вдругъ вынырнетъ изъ подземнаго хода,—подобнаго тому, откуда въ театрахъ появляются музыканты,—раскланяется и займетъ мѣсто у маленькой каюды, устроенной на одномъ концѣ узенькой авансены. Но пройдетъ нѣсколько мгновеній послѣ начала лекціи и воцаряется таинственный мракъ, не видно богѣ говорящей персоны и изъ мрака слышится только воодушевленная, поэтически обставленная рѣчь о тайнахъ природы, иллюстрируемая поражающею роскошью декоративныхъ изображеній.

Богѣ широкая сцена-подмостки, устраивается лишь въ тѣ вечера, въ которые читаются лекціи по экспериментальной физикѣ. Въ этихъ случаяхъ сцена театра представляетъ какъ бы залу, въ которой для производства опытовъ находится длинный столъ, снабженный проводниками для воды, газа и электричества. Для тѣхъ лекцій, которыя иллюстрируются только электрически-освѣщенными отраженіями черезъ проэкцію, сцена закрывается бѣлой холстиной, на которой и отражаются помощью громаднаго аппарата картины. Электрическая лампа (волшебный фонарь) силою въ 6.000 свѣчей даетъ чудное по своей яркости освѣщеніе.

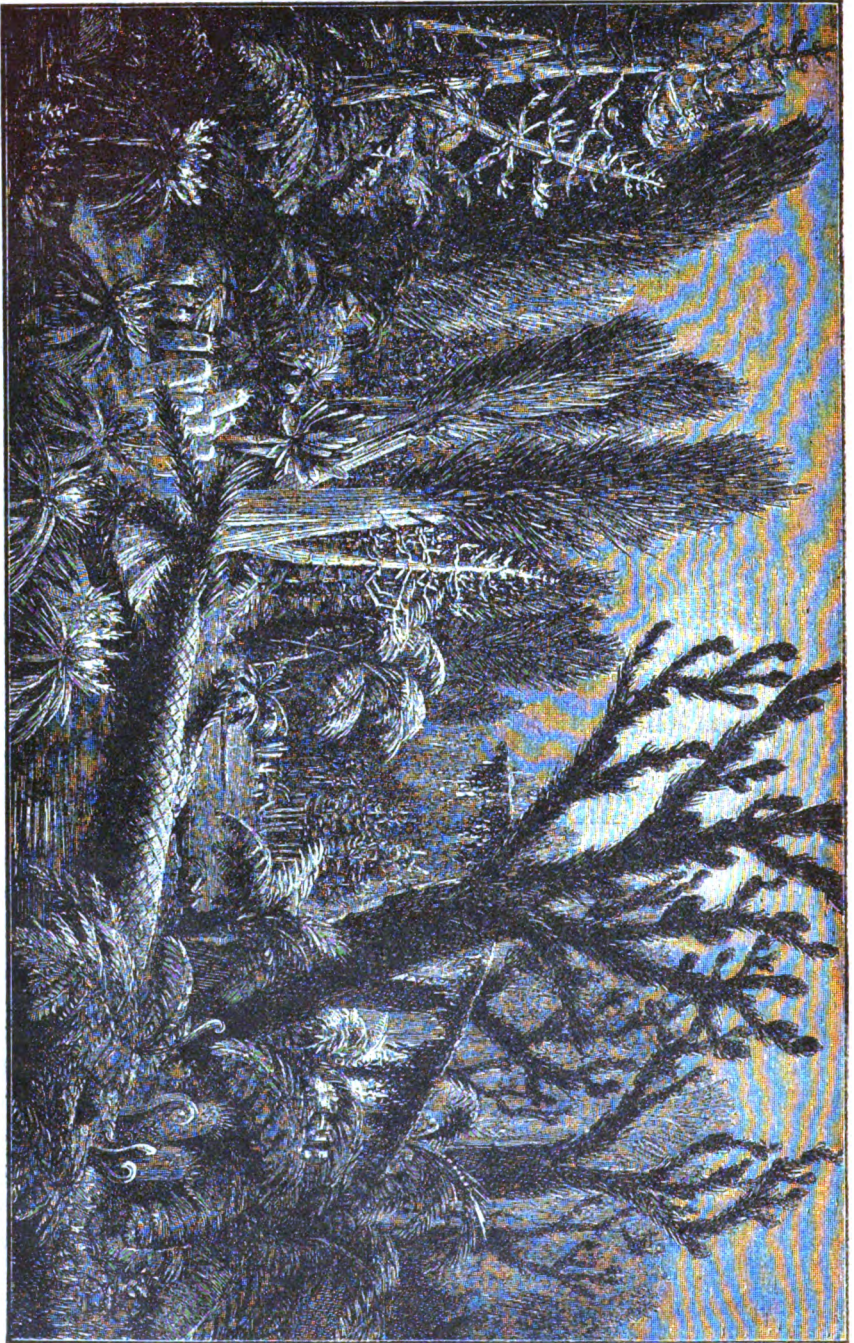
Докторъ Вильгельмъ Мейеръ, редакторъ упомянутаго выше журнала «Небо и Земля», совершенно справедливо говоритъ въ одной изъ своихъ работъ, что лекціи научнаго театра Ураніи существенно отличаются отъ такъ-называемыхъ популярно-научныхъ чтеній. Декоративная часть — такъ-называемыя туманныя картины—занимающая въ обыкновенныхъ народныхъ чтеніяхъ второе мѣсто, здѣсь, напротивъ, представляется центральнымъ пунктомъ и обставляется съ особеннымъ художественнымъ рвеніемъ и любовью.

Роскошными цвѣтовыми изображеніями величественныхъ картинъ природы имѣется здѣсь въ виду не только поразить глазъ посѣтителя, но проникнуть въ извѣстной степени и въ его душу. Научный театръ Ураніи задался цѣлью доставлять своимъ посѣтелямъ духовную пищу того же высокаго качества, какая имъ дается въ обыкновенныхъ театрахъ постановкою серьезныхъ, къ глубокой вдумчивости побуждающихъ драматическихъ произведеній. Его представленія стремятся охватить не только разумъ, но и чувства посѣтителя, его эстетическія воспріятія, его сердце,—словомъ, всего человѣка.

Въ какой мѣрѣ достигается эта поставленная себѣ Ураніей цѣль, можетъ убѣдиться каждый, кто побывалъ на представленіяхъ ея научнаго театра.

Рис. 4. Каменноугольний епоха. Образецъ картинъ, показывающихъ на геогрѣ Ураніи.

Возьмемъ хотя бы лекцію того же Вильгельма Мейера, «Geschichte der Umwelt», занимающую въ репертуарѣ Ураніи за все

время ея существованія одно изъ первыхъ мѣстъ. Это драма природы въ истинномъ смыслѣ слова. Передъ нашими глазами проходитъ здѣсь постепенный процессъ развитія и возникновенія земли изъ первоначальнаго хаоса первобытныхъ тумановъ до ея настоящаго состоянія. Изъ этого хаоса мрачной старины, гдѣ на темномъ сводѣ неба не показывается еще свѣта солнца, гдѣ потрясающіе удары грома, вулканическія изверженія, землетрясенія и страшная борьба между огнемъ и водой наводятъ паническій ужасъ, мы поднимаемся постепенно къ все болѣе радостнымъ вѣкамъ, пока не очутимся, наконецъ, у береговъ Средиземнаго моря, съ которыхъ наблюдаемъ, при блескѣ заходящаго солнца, разукрашенную всѣмъ богатствомъ красокъ нашу кормилицу-землю.. Тихими звуками издали слышной музыки сопровождается конецъ этой драмы. Трогательная гармонія раздающейся въ этотъ моментъ музыкальной мелодіи какъ бы указываетъ, что красота и поэзія великаго творенія, для созданія котораго потребовались милліоны столѣтій борьбы, получили только тогда смыслъ и значеніе, когда народилась воспримчивая душа человѣка. Этотъ послѣдній одинъ оказался чувствительнымъ къ возвышеннымъ впечатлѣніямъ красоты, поэзіи, музыки, тайнъ ритма и симметріи.

Уранія съ помощью ея театра и задалась цѣлью воспитывать въ людяхъ эти драгоцѣнныя качества души. Кто могъ бы подумать, что въ наше матеріалистическое время такой обезславленный, такъ трудно отдѣлимый отъ коммерческаго барыша принципъ, какъ акція, могъ быть приложенъ къ дѣлу, которое менѣе всего думаетъ о барышѣ? Такова именно Уранія, для созданія которой собрались люди не только съ излишками въ 500 марокъ (стоимость акціи), но и съ истиннымъ духомъ просвѣщенныхъ, безкорыстныхъ стремленій къ общему благу. Прекрасная организація Ураніи дѣлаетъ возможнымъ доступъ въ нее самымъ разнообразнымъ слоямъ населенія. Среди своихъ посѣтителей Уранія насчитываетъ большое число студентовъ, пользующихся уступкой въ платѣ за входъ на половину (25 пфенниговъ вмѣсто 50). Учителя городскихъ школъ пользуются совершенно бесплатнымъ входомъ, въ виду оказанной Ураніи со стороны города субсидіи. Три раза въ недѣлю, въ предобѣденные часы, Уранія посѣщается нѣсколькими стами учениковъ подъ руководствомъ своихъ учителей. По воскреснымъ днямъ, отъ 8 до 10 часовъ утра, Уранія открыта для рабочихъ обществъ, которымъ за уменьшенную плату (20 пф.) даются объясненія и читается научный рефератъ. Обѣденные часы воскресныхъ дней абонированы обыкновенно разными фереями и корпораціями, которымъ также читаются рефераты. Такимъ обра-

зомъ Уранія, можно сказать, съ ранняго утра до поздней ночи (10¹/₂ часовъ вечера) дѣйствуетъ всей силой своего научнаго аппарата и ученаго персонала.

Здѣсь будетъ кстати привести нѣкоторыя цифры, выражающія дѣятельность Ураніи за послѣдній отчетный 1893 годъ. Цифры эти, между прочимъ, показываютъ значительное повышеніе по всѣмъ рубрикамъ противъ предыдущаго 1892 г.

За 1893 годъ Уранія была открыта для публики 359 разъ. Ее посѣтили 125.474 человекъ. Въ томъ числѣ: 50.112 посѣтителей съ полной платой за входъ; 21.509 — со студенческими билетами; 28.803 — съ семейными билетами (абонементъ); 12.800 членовъ различныхъ союзовъ и корпорацій; 10.473 ученика городскихъ школъ.

Большихъ рефератовъ (1¹/₂ часа) было прочитано 382; полу-часовыхъ—371.

Приходъ Ураніи 124.187 марокъ, ея расходъ—117.538 марокъ. Общество состоитъ изъ 441 члена (акціонеровъ).

Для той части публики, которая стремится къ болѣе систематическому естественно-научному образованію, Уранія ввела у себя разнообразныя курсы и циклы рефератовъ объ употребленіи астрономическихъ инструментовъ, о способахъ пользованія подзорной трубой, о производствѣ опытовъ при помощи физическихъ аппаратовъ, микроскоповъ и проч. Сюда примыкаютъ лекціи по математической географіи, физикѣ, микроскопії и біологіи, въ особенномъ отношеніи всѣхъ этихъ областей знанія къ потребностямъ повседневной жизни. Не дорогая абонементная плата за всѣ эти курсы привлекаетъ въ аудиторіи Ураніи массу народа изъ среды тѣхъ, кому недоступны или недостаточно популярны аудиторіи университета. Уранія сумѣла привлечь къ себѣ и многихъ представительницъ прекраснаго пола, которыя съ глубокимъ интересомъ посѣщаютъ ее и даже образовали въ своей средѣ женскій астрономическій кружокъ. Если принять въ расчетъ всю степень косности и отсталости, въ которой пребываетъ женщина въ Германіи, то заслугу Ураніи въ этомъ случаѣ нельзя будетъ не признать весьма значительной.

Г. Гр—ъ.

НАУЛАКА.

Романъ Рюдарда Киплинга и Уолькотта Балестриера.

(Продолженіе *).

XIII.

Мы побиты въ послѣднемъ сраженіи? Тѣмъ скорѣе должны мы пуститься въ море; счастье измѣнчиво, какъ луна, для насъ, пиратовъ, и нашихъ мелкихъ судовъ. И такъ, на западъ, гей! или на востокъ, гей! куда понесетъ насъ попутный вѣтеръ! Мы свою добычу найдемъ на всякомъ морѣ, славную добычу для удалцевъ! Каждый изъ насъ, опаленныхъ солнцемъ пиратовъ, съумѣетъ и рулемъ править, и парусъ натянуть, и на вахтѣ стоять и мужественно переносить ярость моря и неба, гоняся за медленно двигающимся кораблемъ. Наши стройныя лодки уже рѣжутъ морскую пѣну, пусть же ни одинъ изъ насъ не обращается сердцемъ къ дому, пусть каждый желаетъ одного,—выгрузить какъ можно больше добра въ обширныя кладовыя на родномъ берегу, когда сокровища, добытыя въ Сантосъ-Байъ, наполнять радостью нашу омытую моремъ деревню.

Синяя Борода.

Полчаса спустя Фибби и Тарвинъ вмѣстѣ позавтракали подтѣнью кустовъ у подножія стѣны. Лошадь уткнулась носомъ въ свой кормъ и ничего не говорила. Человѣкъ тоже молчалъ. Разъ или два онъ вставалъ, окидывалъ взглядомъ неправильную линію стѣны и бастіона и качалъ головой. У него не было ни малѣйшаго желанія возвращаться туда. Когда солнце стало сильнѣе палить, онъ нашелъ себѣ укромный уголокъ, окруженный колючими кустами, подложилъ сѣдло подъ голову и улегся спать. Фибби, съ наслажденіемъ повалявшись по землѣ, послѣдовалъ примѣру

*) См. «Міръ Божій» № 9, сентябрь.

своего хозяина. Они оба спали, а въ воздухѣ стоялъ раскаленный жаръ, слышалось жужжанье насѣкомыхъ и стукъ копытъ козъ, пробравшихся по рытвинамъ.

Тѣнь башни Славы удлиннилась, упала на стѣны, протянулась по долинѣ; коршуны стали спускаться съ поднебесья по двое и по трое вмѣстѣ; голые ребятишки, перекликаясь другъ съ другомъ, собрали своихъ козъ и погнали ихъ къ дымнымъ хатамъ, прежде чѣмъ Тарвинъ проснулся и рѣшилъ пуститься въ обратный путь. Достигнувъ вершины пригорка, онъ придержалъ Фибби, чтобы бросить прощальный взглядъ на Гуннауръ. Солнце не освѣщало болѣе стѣнъ и онѣ казались черными среди туманной долины въ бирюзовомъ полусвѣтѣ сумерокъ. Огни мелькали въ окнахъ десятка хижинъ у подножія города, но въ этомъ царствѣ запустѣнія не было видно огня.

— Скажу тебѣ по правдѣ, Фибби,—проговорилъ Тарвинъ, натягивая поводья,—наша прогулка была не особенно пріятна и намъ лучше не рассказывать о ней въ Раторѣ.

Онъ повеселѣлъ, а Фибби побѣжалъ въ обратный путь со всею возможною скоростью и всего только одинъ разъ попросилъ себѣ отдыха. Тарвинъ ничего не говорилъ во все время длиннаго пути и вздохнулъ съ облегченіемъ, когда сошелъ съ лошади на разсвѣтѣ.

Сидя у себя въ комнатѣ, онъ сталъ раздумывать, что сдѣлалъ большую глупость, не устроивъ себѣ факела въ Гуннаурѣ и не осмотрѣвъ пещеры. Но воспоминаніе о зеленыхъ глазахъ и о запахѣ мускуса охватило его и онъ задрожалъ. Нѣтъ, онъ не могъ этого сдѣлать. Онъ ничего не боится, но никогда больше, ни за что на свѣтѣ не согласится онъ подойти къ Коровьей Пасти.

Онъ гордился тѣмъ, что зналъ мѣру во всемъ. Онъ зналъ, что получилъ достаточно удовольствія отъ «Коровьей Пасти»; теперь ему хотѣлось одного: высказать магараджѣ свое мнѣніе объ этомъ предметѣ. Къ сожалѣнію, это было невозможно. Онъ теперь ясно видѣлъ, что магараджа послалъ его или ради шутки, или чтобы навести его на ложный слѣдъ ожерелья, а между тѣмъ это былъ единственный человѣкъ, который въ состояніи помочь ему добиться своего. Нѣтъ, онъ не можетъ высказать магараджѣ все, что думаетъ о немъ.

Къ счастью, магараджа былъ такъ заинтересованъ работами, которыя Тарвинъ организовалъ на Аметѣ, что не справлялся, ѣздилъ ли его молодой другъ разыскивать Наулаку въ «Коровьей Пасти». На слѣдующее утро по возвращеніи изъ этого царства мрака, Тарвинъ имѣлъ аудіенцію у короля и, явившись къ нему

съ видомъ челоуѣка, не знающаго, что такое страхъ, и не испытавшаго никакихъ разочарованій, онъ весело спросилъ, когда король намѣренъ исполнить свое обѣщаніе. Потерпѣвъ неудачу въ одномъ направленіи, онъ немедленно сталъ готовить камни для новаго построенія, подобно тому, какъ жители Топазы начали снова отстраивать свой городъ на другой же день послѣ пожара. Экспедиція къ «Коровьей Пасти» еще усилила его рѣшимость, присоединивъ къ ней мрачную готовность добиваться милости челоуѣка, который послалъ его туда.

Магараджа, чувствовалъ въ это утро особую потребность въ развлеченіи, согласился исполнить свое обѣщаніе и отдалъ приказаніе, чтобы въ распоряженіе высокаго челоуѣка, игравшаго въ пакизи, отпущено было столько людей, сколько ему потребуется. Съ энергіей разочарованія, съ горькимъ воспоминаніемъ о самыхъ страшныхъ и опасныхъ минутахъ въ своей жизни, принялся Тарвинъ за изслѣдованіе рѣки и за постройку плотины. Въ той странѣ, куда его занесла судьба, было, повидимому, необходимо пускать пыль въ глаза, чтобы прятать концы. Хорошо, онъ подниметъ пыль, которая будетъ вполне соответствовать его приключенію—это будетъ пыль страшная, дѣловая и которая не скоро уляжется.

И онъ дѣйствительно поднялъ цѣлыя облака пыли. Съ самаго основанія государства никто не видалъ ничего подобнаго. Магараджа отпустилъ въ его распоряженіе всѣхъ преступниковъ, сидѣвшихъ въ тюрьмахъ; Тарвинъ повелъ маленькую армію скованныхъ по ногамъ кули за пять миль отъ городскихъ стѣнъ и торжественно объявилъ свое намѣреніе запрудить Аметъ. Его прежнія занятія въ должности гражданскаго инженера помогли ему составить разумный планъ работъ и придать имъ видъ дѣйствительно необходимыхъ. Онъ предполагалъ поставить плотину въ томъ мѣстѣ, гдѣ рѣка дѣлала большой заворотъ, и пережѣнить ея русло, прорѣзавъ долину глубокимъ рвомъ. Когда это будетъ сдѣлано, настоящее ложе рѣки останется обнаженнымъ на пространствѣ нѣсколькихъ миль, и если на немъ есть сколько-нибудь золота, какъ увѣрялъ себя Тарвинъ,—его легко будетъ собрать. А пока его работы сильно занимали короля, который пріѣзжалъ каждое утро и наблюдалъ по часу и больше, какъ онъ распоряжается своею маленькою арміею. Хожденіе взадъ и впередъ толпы преступниковъ съ корзинами, мотыками, лопатами и съ нагруженными ослиами, безпрестанные взрывы камней, общая суета и суматоха—все это нравилось королю, для котораго Тарвинъ всегда подготавливалъ самые эффектные взрывы. Вся эта картина привлекала его своей внѣшностью, и онъ охотно платилъ за порохъ, да и вообще за всю затѣю.

Одною изъ непріятныхъ сторонъ положенія Тарвина было то, что онъ долженъ былъ каждый день объяснять полковнику Нолану, королю и всѣмъ приказчикамъ въ гостинницѣ, когда имъ угодно было спрашивать его, на какомъ основаніи онъ вздумалъ запрудить Аметъ. Наконецъ, само великое индійское правительство пожелало письменно узнать, на какомъ основаніи онъ прудитъ Аметъ; письменно же, на какомъ основаніи полковникъ Ноланъ позволяетъ запрудить Аметъ, и на какомъ основаніи король разрѣшилъ запрудить Аметъ какому-то неизвѣстному, не уполномоченному агенту правительства. Затѣмъ требовалось сообщеніе богѣ подробныхъ свѣдѣній. На всѣ эти запросы Тарвинъ давалъ уклончивый отвѣтъ и чувствовалъ, что этимъ путемъ развиваетъ въ себѣ способности, необходимыя для его политической карьеры на родинѣ. Полковникъ Ноланъ объяснялъ по начальству официально, что преступники работаютъ за плату, а неофициально, что магаражда велъ себя необыкновенно хорошо все послѣднее время (когда его занималъ неизвѣстный американецъ) и что жаль прекращать работы. На полковника Нолана произвелъ сильное впечатлѣніе тотъ фактъ, что Тарвинъ былъ «достопочтенный Николай Тарвинъ, членъ законодательнаго собранія» одного изъ Соединенныхъ Штатовъ.

Индійское правительство было нѣсколько знакомо съ неукротимымъ племенемъ, которое является въ большихъ сапогахъ въ залу совѣта королей и требуетъ концессию на добываніе нефти отъ Аррапана до Пекина, и потому не стало возражать, прося только, чтобы ему отъ времени до времени сообщали свѣдѣнія о ходѣ работъ иностранца. Когда Тарвинъ узналъ объ этомъ, онъ сталъ сочувствовать индійскому правительству. Онъ понималъ это желаніе имѣть свѣдѣнія; ему и самому очень нужны были нѣкоторыя свѣдѣнія; напримѣръ, гдѣ находится въ данную минуту Наулака, и скоро ли Кэтъ найдетъ, что быть съ нимъ для нея пріятнѣе, чѣмъ облегчать всевозможныя страданія.

По крайней мѣрѣ, два раза въ недѣлю онъ мысленно отказывался окончательно отъ Наулаки, возвращался въ Топазъ и снова вступалъ въ чисто реальную должность агента поземельнаго и страховаго общества. Послѣ каждаго изъ такихъ рѣшеній онъ вздыхалъ съ облегченіемъ, вспоминая, что на земномъ шарѣ существуетъ одно мѣсто, гдѣ человѣкъ можетъ идти непосредственно къ цѣли, если онъ умѣетъ не терять времени и ловко толкаться впередъ, гдѣ онъ можетъ стремиться прямымъ путемъ къ осуществленію своихъ честолюбивыхъ замысловъ, и гдѣ ему не нужно обойти пять угловъ, чтобы взять вещь, лежащую подъ рукою.

Иногда, терпѣливо жарясь на берегу рѣки подъ палящими лучами индѣйскаго солнца, онъ еретически богохульствовалъ противъ Наулаки, отказывался вѣрить въ ея существованіе и убѣждалъ себя, что это такой же чудовищный обманъ, какъ пародія на цивилизованное правительство, представляемое королемъ, или какъ благотѣльная больница Дунпатъ-Раи. А между тѣмъ онъ сотни разъ слышалъ изъ разныхъ источниковъ о существованіи этого сокровища, только не въ отвѣтъ на прямой вопросъ.

Въ особенности Дунпатъ-Раи, который имѣлъ слабость одинъ разъ пожаловаться на «чрезмѣрное усердіе и слишкомъ мудрое управленіе леди-докторши», сообщилъ ему свѣдѣнія, отъ которыхъ у него потекли слюнки. Но Дунпатъ-Раи не видалъ ожерелья со времени коронаціи нынѣшняго короля, 15 лѣтъ тому назадъ. Преступники, работавшіе на рѣкѣ, ссорясь изъ-за порцій пищи, говорили, что шнено такая же драгоценность, какъ Наулака.

Болтая съ своимъ высокимъ другомъ о томъ, что онъ будетъ дѣлать, когда вступить на престолъ, магараджа Кенваръ два раза закончилъ свои изліянія хвастливымъ замѣчаніемъ: «И тогда я буду цѣлый день носить Наулаку у себя на тюрбанѣ».

Но когда Тарвинъ спросилъ его, гдѣ же находится это драгоценное ожерелье, магараджа Кенваръ покачалъ головой и тихо отвѣчалъ:

— Я не знаю.

Эта дьявольская штука была, можетъ быть, миеомъ, словомъ, пословицей, всѣмъ, чѣмъ угодно, только не прелестнѣйшимъ ожерельемъ въ свѣтѣ. Въ промежуткахъ между взрывами и рытьемъ земли онъ дѣлалъ разныя бесплодныя попытки добиться истины. Онъ изслѣдовалъ городъ, одинъ кварталъ за другимъ, и осмотрѣлъ всѣ храмы въ каждомъ изъ нихъ; подъ предлогомъ археологическихъ изысканій, онъ ѣздилъ къ крайнимъ фортамъ и къ разрушеннымъ дворцамъ, которые лежали внѣ города въ пустынѣ, и неутомимо бродилъ среди гробницъ, заключавшихъ прахъ умершихъ королей Ратора. Онъ сотни разъ повторялъ себѣ, что всѣ поиски бесполезны; но это постоянное разыскиванье угнѣшало его, хотя въ концѣ-концовъ оказывалось тщетнымъ.

Тарвинъ съ трудомъ сдерживалъ свое нетерпѣніе, когда сопровождалъ магараджу въ его поѣздкахъ верхомъ. Во дворцѣ, гдѣ онъ бывалъ, по крайней мѣрѣ, разъ въ день подъ предлогомъ разговоровъ о плотинѣ, онъ усерднѣе, чѣмъ когда-нибудь, занимался паккизи. На это время магараджѣ угодно было переходить изъ благаго мраморнаго павильона въ апельсиновый садъ, гдѣ онъ

обыкновенно проводилъ весенніе мѣсяцы, къ тому флигелю краснаго дворца, въ которомъ жила Ситабхаи, и усаживаться на дворѣ; тамъ онъ смотрѣлъ, какъ ученые попугаи стрѣляли изъ маленькихъ пушечекъ, любовался боемъ перепеловъ или маневрами большихъ сѣрыхъ обезьянъ, одѣтыхъ по образцу англійскихъ офицеровъ. Когда приходилъ полковникъ Ноланъ, обезьянъ быстро уводили; но Тарвину, когда онъ не былъ занятъ на плотняхъ, позволяли смотрѣть всю игру до конца. Онъ былъ вынужденъ мучиться бездѣйствіемъ и мыслью объ ожерельи во время всѣхъ этихъ дѣтскихъ забавъ; но однимъ глазомъ онъ постоянно слѣдилъ за всѣми движеніями магараджи Кенвара. Въ этомъ отношеніи онъ могъ принести пользу хотя кому-нибудь.

Король отдалъ строгій приказъ, чтобы мальчикъ исполнялъ всѣ предписанія Кэтъ. Даже его отяжелѣвшіе глаза замѣтили улучшеніе въ здоровьи ребенка, и Тарвинъ старался всячески дать ему понять, что этимъ онъ обязанъ исключительно Кэтъ. Маленькій принцъ, до тѣхъ поръ никогда въ жизни не получавшій приказаній, находилъ какое-то дьявольское наслажденіе въ неисполненіи ихъ и употреблялъ все свое остроуміе, свою свиту и свой экипажъ на то, чтобы пробираться во флигель дворца, принадлежащій Ситабхаи. Тамъ онъ находилъ множество сѣдовласыхъ льстеповъ, которые унижались передъ нимъ и толковали съ нимъ о томъ, какимъ онъ будетъ королемъ. Тамъ были также хорошенькія танцовщицы, которыя пѣли ему разные пѣсни и навѣрно развратили бы его душу, если бы онъ не былъ еще слишкомъ молодъ для этого. Тамъ, кромѣ того, были обезьяны, павлины, каждый день новые фокусники, плясуны на канатѣ и удивительныя калькутскія шкатулки, изъ которыхъ ему позволяли доставать пистолеты съ ручками изъ слоновой кости, маленькіе кивжалы съ золотыми рукоятками и жемчужными украшеніями, издававшіе чудный музыкальный звукъ, когда онъ размахивалъ ими надъ головой. Наконецъ, его привлекало жертвоприношеніе козла въ храмѣ изъ слоновой кости и опаловъ въ самой срединѣ женскаго отдѣленія,—жертвоприношеніе, на которомъ ему позволяли присутствовать. Взамѣнъ всѣхъ этихъ развлеченій, Кэтъ, грустная, серьезная, разсѣянная, постоянно подъ впечатлѣніемъ бѣдствій, свидѣтельницей которыхъ ей приходилось быть, постоянно чувствовавшая свое безсиліе облегчить ихъ, могла предложить ему въ гостинной миссіонерскаго дома самыя простыя дѣтскія игры. Будущій наслѣдникъ престола неодобрительно относился къ чехардѣ, находя ее въ высшей степени неприличной; «уголки» не нравились ему, потому что требовали слишкомъ большаго

движенія; тенись, въ который, какъ онъ слышалъ, играли другіе принцы, его собратья, былъ, по его мнѣнію, слишкомъ труденъ для Райпутана.

Иногда, когда онъ чувствовалъ себя утомленнымъ (а онъ былъ всегда утомленъ, когда пріѣзжалъ изъ дворца Ситабхаи), онъ внимательно слушалъ исторіи войнъ и осадъ, которыя читала ему Кэтъ, и въ заключеніе объявлялъ ей съ горящими глазами:

— Когда я буду королемъ, я заставлю свою армію сдѣлать все это!

Кэтъ по своимъ убѣжденіямъ не могла удержаться отъ легкой попытки затронуть религіозные вопросы, ей казалось совершенно необходимымъ дѣлать это, но при такихъ разговорахъ мальчикъ вначалѣ выказывалъ восточную косность и говорилъ обыкновенно:

— Все это очень хорошо для васъ, Кэтъ, а для меня мои боги совершенно хороши. Если бы отецъ зналъ, что вы говорите, онъ бы разсердился.

— Но чему же вы-то поклоняетесь?—спросила Кэтъ, отъ всего сердца жалѣя маленькаго язычника.

— Моей саблѣ и моей лошади,—отвѣчалъ магараджа Кенваръ, и онъ наполовину вынулъ изъ ноженъ свою, украшенную драгоценными камнями, саблю, съ которой никогда не разставался, и снова всунулъ ее въ ножны рѣшительнымъ движеніемъ, положившимъ конецъ разговору.

Онъ скоро замѣтилъ, что отъ высокаго человѣка, Тарвина, не такъ легко увернуться, какъ отъ Кэтъ. Ему было обидно, когда тотъ называлъ его «мальчикъ»; «молодой человѣкъ» тоже не особенно нравилось ему. Но Тарвинъ умѣлъ произносить слово «принцъ» къ такою спокойною почтительностью, что молодой райпутанъ почти подозрѣвалъ, не насмѣшка ли это. А между тѣмъ сагибъ Тарвинъ обращался съ нимъ, какъ съ мужчиной, и позволялъ ему— правда, съ большими предосторожностями—стрѣлять изъ своего огромнаго «ружья», въ сущности не ружья, а пистолета.

Какъ-то разъ, когда принцъ уговорилъ зрителя за лошадьми позволить ему сѣсть на необѣзженнаго коня, Тарвинъ подѣхалъ къ нему, снялъ его съ бархатнаго сѣдла, пересадилъ его на свою собственную лошадь и показалъ, какъ на его родинѣ перекладывали поводья съ одной стороны шеи лошади на другую, чтобы править ею, при преслѣдованіи быка, отбившагося отъ стада.

Фокусъ пересаживанья съ одного сѣдла на другое напоминалъ «циркъ», это любимое наслажденіе всякаго мальчика, даже

восточнаго принца, и до того понравился магараджѣ, что онъ непременно захотѣлъ исполнить «пересаживаніе» передъ Кэтъ. Тарвинъ былъ при этомъ необходимымъ дѣйствующимъ лицомъ. и онъ упросилъ его дать представленіе передъ домою миссиі. Магараджа и миссисъ Эстесъ вышли на веранду вмѣстѣ съ Кэтъ и любовались фокусомъ; миссіонеръ наградилъ его шумными аплодисментами и потребовалъ повторенія, послѣ чего м - сь Эстесъ пригласила Тарвина отобѣдать съ ними.

Тарвинъ посмотрѣлъ вопросительно на Кэтъ и путемъ умозаключеній, извѣстныхъ однимъ только влюбленнымъ, объяснилъ, что, такъ какъ она опустила глаза и отвернула голову, то она согласна.

Послѣ обѣда, когда они сидѣли на верандѣ при свѣтѣ звѣздъ, онъ спросилъ ее:

— Вы въ самомъ дѣлѣ позволяете?

— Что такое?—спросила она, поднимая на него свои серьезные глаза.

— Чтобы я видѣлся съ вами иногда. Я знаю, вамъ это неприятно; но мнѣ необходимо видѣть васъ. Вы навѣрно теперь и сами уже сознаете, что вамъ нужно, чтобы кто-нибудь видѣлся съ вами.

— О, нѣтъ.

— Благодарю васъ,—почти смиренно произнесъ Тарвинъ.

— Я хотѣла сказать, что мнѣ не нужно, чтобы со мной видѣлись.

— Но вамъ это не неприятно?

— Вы очень добры, что хотите видѣться со мной,—сказала она искренне.

— Ну, въ такомъ случаѣ, вы не добры, если это вамъ неприятно.

Кэтъ не могла удержаться отъ улыбки.

— Кажется, мнѣ это пріятно,—отвѣчала она.

— И вы позволите мнѣ пріѣзжать иногда? Вы не можете себѣ представить, что такое здѣшняя гостинница. Эти приказчики просто убьютъ меня. А отъ моихъ кули на плотинѣ тоже мало радости.

— Хорошо, пріѣзжайте, разъ вы живете здѣсь. Но вамъ не слѣдуетъ здѣсь жить. Сдѣлайте мнѣ истинное одолженіе, уѣзжайте отсюда, Никъ.

— Попросите у меня чего-нибудь полегче.

— Да зачѣмъ вы здѣсь? Вы не можете выставить никакой разумной причины.

— Британское правительство то же говорило, но я ему представил свои причины.

Онъ признался, что послѣ цѣлаго дня работы подъ этимъ жестокимъ языческимъ солнцемъ его тянетъ домой, къ чему-нибудь обычному, американскому, и когда онъ представилъ дѣло въ этомъ свѣтѣ, Кэтъ увидѣла другую сторону медали.

Ей съ дѣтства внушали, что она должна поддерживать въ молодыхъ людяхъ любовь къ дому, и Тарвинъ почувствовалъ себя точно дома, когда вечера черезъ три, четыре она подала ему Топазскую газету, только-что полученную отъ отца. Тарвинъ набросился на нее и вертѣлъ во всѣ стороны тонкій листокъ.

Онъ чмокнулъ губами.

— О, хорошо, хорошо, очень хорошо! — шепталъ онъ съ наслажденіемъ. — Какія красивыя объявленія? Правда, вѣдь? Ну, что-то случилось въ Топазѣ?

И онъ держалъ газету передъ собой и жадными глазами просматривалъ столбцы ея.

— О, все благополучно!

Стоило послушать, какимъ вѣжно воркующимъ, музыкальнымъ тономъ произнесъ онъ эту обычную американцамъ фразу.

— Ну, скажите, вѣдь мы двигаемся впередъ, не правда ли? Мы не бездѣльничаемъ, не жѣшкаемъ, не теряемъ времени, хотя мы еще не залучили къ себѣ Трехъ К^о... Мы не проспимъ поѣзда! Хи, хи! Посмотрите-ка на эту корреспонденцію изъ «Рустлеръ Рупета». Бѣдный, старый, червями изъѣденный городъ, вѣдь онъ спитъ, крѣпко спитъ, старикашка, не правда-ли? И подумайте, ему жегѣзную дорогу!

Слушайте: «Мила С. Ламбертъ, собственникъ «Ламбертова Рудника», имѣетъ въ настоящее время большіе запасы руды, но, подобно всѣмъ намъ, находитъ, что перевозка ея не окупится, пока желѣзная дорога не будетъ проходить ближе, чѣмъ за 15 миль. Мила находитъ, что ему не стоитъ жить въ Колорадо, разъ онъ не имѣетъ возможности перевозить свою руду».

— Конечно, не стоитъ! Переселяйтесь въ Топазъ, Мила! А дальше: «Въ случаѣ, если Три К^о появятся въ городѣ, мы перестанемъ слышать всѣ эти жалобы на плохія времена. А между тѣмъ, совершенно неправда, будто Рустлеръ отсталъ отъ какого-либо города, основаннаго одновременно съ нимъ. Всякій честный гражданинъ съ негодованіемъ услышитъ подобное утверждение и употребитъ всѣ усилія опровергнуть его. Въ дѣйствительности Рустлеръ находится въ самомъ цвѣтущемъ состояніи. Его рудники дали въ прошломъ году на 1.200.000 дол. руды, онъ имѣетъ 6

церквей различныхъ вѣроисповѣданій, молодую, но быстро развивающуюся академію, предназначенную занять одно изъ первыхъ мѣстъ среди учебныхъ заведеній Америки, множество новыхъ зданій, воздвигнутыхъ въ прошломъ году и дѣлающихъ его однимъ изъ самыхъ красивыхъ, даже, можно сказать, самымъ красивымъ изъ горныхъ городовъ, населеніе, состоящее изъ энергичныхъ, рѣшительныхъ и дѣловитыхъ людей—со всѣмъ этимъ можно смѣло сказать, что Рустлеръ сдѣлается въ будущемъ году вполне достойнымъ своего имени» (Rustler—производящій шумъ, звенящій).

— Пусть себѣ! Вы думаете, мы боимся? Нисколько! Намъ наплевать! А жаль, что Геклеръ помѣстилъ эту корреспонденцію,—прибавилъ онъ съ небольшой досадой.—Пожалуй, кто-нибудь изъ нашихъ топазцевъ приметъ ее въ серьезъ и поѣдетъ въ Рустлеръ ждать трехъ компаній. «Въ случаѣ если» — ахъ, Господи, Боже мой! А вотъ чѣмъ они забавляются, протягивая свои ноги до «Большихъ горъ» въ ожиданіи «случая»: «Наши продавцы не остались безучастны къ радостному настроенію, господствующему въ городѣ съ тѣхъ поръ, какъ стало извѣстно, что предсѣдатель Метри, по возвращеніи въ Денверъ, отнесся сочувственно къ желаніямъ Рустлера. Роббинсъ изящно украсилъ свою витрину множествомъ модныхъ вещей. Его магазинъ пользуется наибольшею популярностью среди молодыхъ людей, имѣющихъ возможность располагать деньгами».

— Воображаю себѣ! А что, хотѣли бы вы, чтобы Три компаніи въ одинъ прекрасный день появились въ Топазѣ, моя дорогая?—неожиданно спросилъ Тарвинъ, садясь на диванъ подлѣ нея и развертывая газету такъ, чтобы она могла читать вмѣстѣ съ нимъ.

— Вамъ этого хочется, Никъ?

— Хочется ли мнѣ?

— Тогда и мнѣ хочется. Но мнѣ кажется, для васъ будетъ лучше, если этого не случится. Тогда вы слишкомъ разбогачаете. Вотъ, смотрите на отца.

— Ну, я перестану наживать деньги, когда увижу, что въ самомъ дѣлѣ разбогачѣлъ. Я остановлюсь, какъ только проѣду станцію Благородной Бѣдности. А что, вѣдь пріятно видѣть знакомое оглавленіе?—имя Геклера громадными буквами, а на верху «Старѣйшая газета въ округѣ Дивиде» и палецъ Геклера, указывающій на горячую передовицу о будущности города? Напоминаетъ родину, не правда ли? У него нынче прибавилось два столбца объявленій, значить, городъ идетъ впередъ. Я никогда не думалъ, что буду благодарить Бога за объявленіе о Касторѣ; вѣдь и вы

не думали, Кэтъ? А право же мнѣ ужасно пріятно смотрѣть на него. Если позволите, я прочту весь этикетъ.

Кэтъ улыбнулась. И въ ней газета вызывала нѣкоторую тоску по родинѣ. Она то же любила Топазъ; но сквозь страницы «телеграммы» ей видѣлся образъ матери, которая сидитъ цѣлый вечеръ въ своей кухнѣ (она такъ долго сидѣла въ кухнѣ, пока семья была бѣдна, что и теперь любила оставаться тамъ), устремивъ грустные взоры на снѣжныя вершины «Большихъ горъ», и думаетъ, что-то подѣлываетъ ея дочь. Кэтъ хорошо помнила эти послѣ обѣденные часы въ кухнѣ, когда всѣ работы были кончены. Она помнила древнюю качалку, служившую имъ еще во время жизни на строящихся желѣзныхъ дорогахъ, прежде она стояла въ гостиной, потомъ мать обила ее кожей и унесла въ кухню. Кэтъ со слезами на глазахъ вспоминала, что мать всегда старалась усадить ее въ эту качалку; вспоминала, какъ хорошо было ей сидѣть на скамеечкѣ около печки и видѣть, какъ маленькая мама исчезаетъ въ глубинѣ качалки. Ей слышалось мурлыканье кошки подъ печкой и кипѣнье кастрюли; въ ухахъ ея раздавалось тиканье часовъ; сквозь щели пола наскоро сколоченнаго барака въ ноги ей дулъ холодный воздухъ прерій.

Она посмотрѣла черезъ плечо Тарвина на двѣ картинки Топаза, помѣщаемыя въ каждомъ выпускѣ «Телеграммы»—на первой городъ изображался въ первый годъ своего существованія, на второй—въ своемъ настоящемъ видѣ, и слезы сдавили ей горло.

— Большая разница, не правда ли?—сказалъ Тарвинъ, замѣтившій, на что она глядитъ.—Помните, гдѣ стояла палатка вашего отца и старый станціонный домъ, вотъ здѣсь, на самомъ берегу?—Онъ указалъ пальцемъ, и Кэтъ кивнула, не имѣя силъ говорить.—Это было счастливое время, вѣдь правда? Вашъ отецъ не былъ такъ богатъ, какъ теперь, да и я также; но намъ хорошо жилось вмѣстѣ.

Мысли Кэтъ возвратились къ этому времени; и воображеніе опять живо представило ей мать, тратившую свои слабыя силы на разныя тяжелыя работы. Она вспомнила тотъ характерный жестъ, съ какимъ мать поднимала руку, чтобы защитить отъ огня свое истомленное молодое лицо, когда ей приходилось жарить что-нибудь на кострѣ, или вынимать изъ печки пирожки, или поднимала крышку жаровни,—и это воспоминаніе снова вызвало слезы на глаза ея.

Вся картина необыкновенно ясно рисовалась передъ ней, ей видѣлся даже отблескъ огня на лицѣ матери и розоватый просвѣтъ его сквозь ея тонкую руку.

— Ого!— сказалъ Тарвинъ, просматривавшій столбцы газеты,— имъ пришлось завести второй обозъ для очистки города. При насъ былъ только одинъ. Геклеръ не забываетъ и погоды. Гостиница Мезы даетъ большой доходъ. Это хорошій знакъ. Туристы всѣ будутъ останавливаться въ Топазѣ, когда новая линія пойдетъ черезъ него, и тогда у насъ будетъ порядочный отель. Другіе города находятъ, пожалуй, что мы и теперь получаемъ порядочный доходъ отъ туристовъ. Вонъ Лумисъ заказалъ на дняхъ у Меза обѣдъ на 50 человѣкъ. Образовался новый синдикатъ для эксплуатаціи «Горячаго Ключа». Знаете, я нисколько не удивлюсь, если они заложатъ тамъ новый городъ. Геклеръ правду говоритъ. Это *будетъ* полезно для Топазы. Мы нисколько не боимся, что у насъ такъ близко явится еще городъ. Онъ будетъ нашимъ пригородомъ.

Онъ ушелъ рано въ этотъ вечеръ, какъ бы въ благодарность за то, что ему позволили остаться; на слѣдующій вечеръ онъ ушелъ попозже, и такъ какъ онъ не выказывалъ намѣренія касаться запрещенныхъ темъ, то Кэтъ была очень довольна, что онъ пришелъ. Мало-по-малу, у него вошло въ привычку заходить къ ней каждый вечеръ и присоединяться къ обществу, сидѣвшему около семейной лампы при открытыхъ дверяхъ и окнахъ. Кэтъ чувствовала себя счастливой, замѣчая, что ея труды начинаютъ приносить очевидно благотворные результаты, и все менѣе и менѣе боялась его посѣщеній. Иногда она выходила съ нимъ на веранду и любовалась роскошными ночами Индіи, этими ночами, когда молнія сверкаетъ на горизонтѣ, точно блестящій клинокъ меча, а небо склоняется низко надъ землей, и кругомъ царитъ полная тишина. Но, обыкновенно, они сидѣли въ комнатѣ съ миссіонеромъ и его женой, разговаривали о Топазѣ, о больницѣ, о магараджѣ Кенварѣ, о плотинѣ, а иногда о дѣтяхъ Эстесовъ въ Бангорѣ. Очень часто общій разговоръ сводился къ разнымъ мелкимъ сплетнямъ, этимъ обычнымъ спутникамъ замкнутой жизни, и это приводило Тарвина въ негодованіе и отчаяніе.

Какъ только бесѣда принимала такой оборотъ, онъ спѣшилъ прервать ее и заговаривалъ съ Эстесомъ о тарифѣ или о серебряномъ обращеніи; послѣ этого разговоръ становился болѣе интереснымъ. Тарвинъ былъ человѣкъ, получившій свое образованіе, главнымъ образомъ, изъ газетъ. Но онъ приобрѣлъ много значій непосредственно отъ жизни, отъ привычки къ самостоятельности, отъ необходимости «самому дѣлать свою исторію»; обсуждая теоріи газетныхъ политиковъ и разныя ученныя системы, онъ обыкновенно руководствовался простымъ здравымъ смысломъ.

Споровъ онъ не любилъ; онъ спорилъ только съ Кэтъ, и въ

послѣднее время особенно часто по поводу больницы, когда она начала радоваться своимъ успѣхамъ тамъ. Наконецъ, она уступила его желанію и позволила ему осмотрѣть это образцовое заведеніе, чтобы убѣдиться собственными глазами въ произведенныхъ ею реформахъ.

Порядки больницы дѣйствительно значительно измѣнились послѣ того дня, какъ былъ принятъ сумасшедшій и изгнана «женщина, пользующаяся большимъ уваженіемъ», но одна только Кэтъ знала, какъ много еще предстоитъ сдѣлать. Теперь она ѣздила туда каждый день, и потому комнаты были вычищены и выметены, а больные пользовались такимъ мягкимъ обращеніемъ и искуснымъ леченіемъ, о какомъ не смѣли и мечтать въ прежнее время. При всякомъ испѣленіи по всей окрестной странѣ распространялся слухъ о новоявленной силѣ, и приходили новые больные, или сами выздоровѣвшія приводили своихъ сестеръ, дѣтей и матерей съ полною вѣрою въ могущество Бѣлой Волшебницы. Они не могли понимать всего добра, какое имъ дѣлала эта тихонькая Кэтъ, но они благословляли ее и за то, что понимали. Ея энергія увлекла на путь реформъ даже Дунпатъ Райю. Онъ согласился бѣлить каменные стѣны известкой, дезинфицировать палаты, провѣтривать бѣлье, и даже сжигать постели, на которыхъ лежали оспенные больные, чего прежде не допускалъ. Подобно всѣмъ туземцамъ, онъ сталъ лучше работать для женщины, когда узналъ, что на заднемъ планѣ стоитъ за нею энергичный бѣлый человѣкъ. Это свѣдѣніе онъ получилъ отъ Тарвина, который побывалъ у него, и сказалъ ему нѣсколько ободряющихъ словъ.

Тарвинъ не понималъ страннаго говора приходящихъ больныхъ и не заходилъ въ женскія палаты. Но онъ все-таки многое увидалъ и безусловно хвалилъ Кэтъ. Она самодовольно улыбулась. М-съ Эстесъ сочувствовала ей, но ничѣмъ не восхищалась, и ей было очень пріятно заслужить похвалу отъ Ника, который такъ сильно порицалъ ее вначалѣ.

— Очень чисто, очень хорошо устроено, моя милая дѣвочка,— говорилъ онъ, все осматривая и обнюхивая,—вы просто чудесъ сотворили съ этими моллюсками. Если бы на выборахъ, вмѣсто вашего отца, вы явились моимъ противникомъ, я не былъ бы членомъ законодательскаго собранія.

Кэтъ никогда не говорила съ нимъ о главной части своей работы—о своей дѣятельности на женской половинѣ дворца магараджи. Мало-по-малу, она ознакомилась со всѣми ходами и выходами въ той части зданія, куда ей былъ открытъ доступъ. Она узнала, что дворецъ управляется одной королевой, о которой жен-

щины говорятъ шепотомъ и малѣйшее слово которой, переданное маленькимъ ребенкомъ, приводитъ въ движеніе весь этотъ муравейникъ. Разъ она увидала эту королеву, полулежавшую на горѣ подушекъ—молоденькую черноволосую женщину съ лицомъ ребенка, съ нѣжнымъ голоскомъ, журчавшимъ точно ручеекъ, съ глазами, въ которыхъ не было ни тѣни страха. Она лѣниво повернулась, драгоценныя украшенія на ея рукахъ и груди зазвенѣли, и она долго молча смотрѣла на Кэтъ.

— Я за вами послала; мнѣ хотѣлось видѣть васъ, — проговорила она наконецъ. — Вы пріѣхали сюда изъ за моря, чтобы лечить этихъ скотовъ?

Кэтъ утвердительно кивнула, все ея существо возмущалось при видѣ этой женщины, утопавшей въ роскоши у ея ногъ.

— Вы не замужемъ?—королева закинула руки за голову и смотрѣла на разрисованный павлинами потолокъ.

Кэтъ не отвѣчала, но въ груди ея бушевалъ гнѣвъ.

— Есть здѣсь больные?—спросила она, наконецъ, нетерпѣливо.—Мнѣ некогда!

— Здѣсь нѣтъ больныхъ, развѣ, можетъ быть, сами вы больны. Нѣкоторые люди бываютъ больны и сами этого не замѣчаютъ.

Она повернулась къ Кэтъ и встрѣтилась съ ея глазами, горѣвшими негодованіемъ. Эта женщина, погруженная въ праздность, покушалась на жизнь магараджи Кенвара; Кэтъ казалось особенно ужаснымъ то, что, повидимому, она была моложе ея.

— Ага,—проговорила королева еще болѣе тихимъ голосомъ, пристально всматриваясь въ ея лицо.—Если вы такъ ненавидите меня, зачѣмъ же вы этого прямо не говорите? Вѣдь вы, бѣлые, любите правду.

Кэтъ повернулась, чтобы выйти изъ комнаты. Ситабхаи вернула ее и подъ вліяніемъ королевской прихоти вздумала приласкать ее, но Кэтъ отскочила съ негодованіемъ и послѣ того тщательно избѣгала заходить въ эту часть дворца. Ни одна изъ женщинъ, живущихъ тамъ, не обращалась къ ней за помощью, и нѣсколько разъ, проходя мимо крытаго хода, который велъ въ апартаменты Ситабхаи, она видѣла голаго мальчика, размахивавшаго ножомъ, украшеннымъ драгоценными камнями, и радостно скакавшаго вокругъ обезглавленнаго козла, кровь котораго текла на бѣлый мраморный полъ.

— Это,—говорили женщины,—сынъ цыганки. Онъ каждый день учится убивать. Змѣя до смерти останется змѣей, а цыганка — цыганкой.

Въ томъ флигелѣ дворца, который особенно часто посѣщала

Кэтъ, не убивали козловъ, не пѣли пѣсенъ, не играли на музыкальныхъ инструментахъ. Тамъ жила покинутая магараджей и оскорбляемая служанками Ситабхаи, мать магараджи Кенвара. Ситабхаи отняла отъ нея—посредствомъ колдовства, говорили сторонники королевы, посредствомъ красоты своей и умѣнья любить, пѣли въ другомъ флигелѣ дворца—всѣ почести, весь почетъ, по праву принадлежаще ей, какъ королевѣ-матери. Въ ея помѣщеніи была масса пустыхъ комнатъ, гдѣ въ прежніе годы жило множество прислужницъ, а тѣ, которыя остались вѣрными павшей королевѣ, не пользовались милостями при дворѣ. Сама она была женщина среднихъ лѣтъ по восточнымъ понятіямъ, т.-е. ей было нѣсколько болѣе 25-ти лѣтъ, и она никогда не отличалась особенною красотою.

Глаза ея потускнѣли отъ частыхъ слезъ, душа ея была постоянно, днемъ и ночью, полна суетвѣрнаго страха и неопредѣленнаго безпокойства, развивавшагося все болѣе и болѣе отъ ея вѣчнаго уединенія; она дрожала при всякомъ шумѣ шаговъ. Во время своего благополучія она привыкла душиться благовоніями, украшать себя драгоценностями, заплетать волосы и ожидать появленія магараджи. Она и теперь приказывала подавать себѣ свои драгоценности, наряжалась, какъ въ прежнее время, и среди почтительнаго молчанія своихъ прислужницъ ждала, пока длинная ночь уступить мѣсто разсвѣту; разсвѣтъ являлся и освѣщалъ морщины на ея щекахъ. Кэтъ застала одинъ разъ эту сцену и, вѣроятно, въ глазахъ ея выразилось удивленіе, котораго она не могла скрыть, потому что королева-мать, снявъ свои драгоценности, подозвала ее къ себѣ и просила не смѣяться.

— Вы не понимаете, миссъ Кэтъ,—говорила она.—Въ вашей странѣ одни обычаи, а въ нашей, другіе; но вы все-таки женщина—и вы поймете.

— Но вѣдь вы же знаете, что никто не придетъ,—ласково сказала Кэтъ.

— Да, я знаю; но—нѣтъ, вы не женщина, вы волшебница, которая явилась изъ-за моря, чтобы спасти меня и моихъ.

Кэтъ опять ничего не поняла. Королева-мать никогда не говорила съ ней объ опасности, грозившей жизни ея сына послѣ того порученія, которое передалъ отъ ея имени магараджа Кенваръ. Много разъ пыталась Кэтъ наводить разговоръ на эту тему, чтобы узнать, какого рода была эта опасность.

— Я ничего не знаю,—обыкновенно отвѣчала королева.—Здѣсь за вашими зававѣсками никто ничего не знаетъ. Миссъ Кэтъ, если бы одна изъ моихъ собственныхъ женщинъ лежала мертвою

тамъ — она показала сквозь рѣшетку окна на мощный дворъ внизу — лежала и день и ночь, я бы этого не знала. О томъ, что я говорила, я ничего не знаю; но, конечно же, мать имѣетъ право, о, конечно, имѣетъ, просить другую женщину присматривать за ея сыномъ. Онъ уже настолько великъ теперь, что считаетъ себя взрослымъ мужчиной и ходитъ всюду, и настолько малъ, что воображаетъ, будто никто въ свѣтѣ не сдѣлаетъ ему зла. Охъ! И онъ такъ уменъ, что знаетъ въ тысячу разъ больше меня: онъ говоритъ по-англійски, какъ англичанинъ. Какъ могу я слѣдить за нимъ, я съ моими малыми знаніями и моею великою любовью? Я прошу васъ, будьте добры къ моему сыну. Это я могу сказать громко, могу даже, если нужно, написать на стѣнѣ. Въ этомъ нѣтъ ничего дурного. Но если я скажу что-нибудь больше, видите ли, замазка между камнями этихъ стѣнъ впитаетъ мои слова и вѣтеръ разнесетъ ихъ по окрестнымъ деревнямъ. Я здѣсь чужая — я райпутанка изъ Кулу, за тысячу косъ отсюда. Меня принесли сюда въ носилкахъ и несли меня цѣлый мѣсяцъ въ темнотѣ; если бы мои женщины не рассказали мнѣ, я не знала бы, въ которую сторону дуетъ вѣтеръ, который несется на мою родину, въ Кулу. Что можетъ сдѣлать чужая корова въ хлѣву? Боги мнѣ свидѣтели — ничего.

— Да, но скажите же мнѣ, что вы думаете?

— Я ничего не думаю, — мрачно отвѣчала королева. — Къ чѣмъ женщинамъ думать? Имъ суждено только любить и страдать. Я сказала все, что могла сказать. Миссъ Кэтъ, когда-нибудь и у васъ родится сынокъ. Какъ вы будете добры къ моему сыну, такъ да будутъ боги милостивы къ вашему, когда-нибудь наступитъ время, и вы узнаете, что значить любовь, наполняющая все сердце.

— Чтобы охранять его, я должна знать все. Вы мнѣ ничего не объяснили.

— Я и сама хожу во тьмѣ, а тьма исполнена опасностей.

Тарвинъ очень часто бывалъ во дворцѣ, во-1-хъ, потому, что тамъ онъ скорѣй всего могъ получить свѣдѣнія о Наулакѣ, во-2-хъ, потому, что имѣлъ возможность видѣть всякій приходъ и выходъ Кэтъ, постоянно готовый, въ случаѣ надобности, хватиться за пистолетъ.

Глаза его слѣдили за ней и тамъ и вездѣ взглядомъ влюбленнаго; но онъ ничего не говорилъ, и Кэтъ была благодарна ему за это. Ему казалось, что въ данное время онъ долженъ играть роль того Тарвина, который много лѣтъ тому назадъ носилъ для нея воду въ желѣзнодорожномъ баракѣ, что ему слѣдуетъ отойти на задній планъ, наблюдать за ней, охранять ее, но не мѣшать ей.

Магараджа Кенваръ часто попадался ему на глаза, и онъ постоянно придумывалъ какія-нибудь забавы, чтобы удерживать его подалше отъ двора Ситабхай; мальчикъ иногда убѣгалъ отъ него, и тогда Тарвинъ шелъ за нимъ и смотрѣлъ, не грозитъ ли ему опасность. Разъ онъ долго удерживалъ его при себѣ лаской и, наконецъ, прибѣгнулъ даже къ насилію; когда онъ послѣ этого уѣзжалъ изъ дворца, 12-футовая балка тиковаго дерева упала съ лѣсовъ около арки, которую въ это время починяли, и пролетѣла подь самымъ носомъ Фибби. Лошадь попятилась назадъ во дворъ и Тарвинъ слышалъ шепотъ женщинъ за закрытыми ставнями.

Онъ подумалъ о неисправимой небрежности мѣстнаго населенія, выбравилъ рабочихъ, притаившихся на лѣсахъ въ глубинѣ арки, и пошелъ дальше. Люди, работавшіе на плотинѣ, были также небрежны. Это должно быть у нихъ въ крови, думалось ему; староста одной артели кули, который, вѣроятно, разъ 20 переѣзжалъ черезъ Аметъ, показалъ ему мѣсто, гдѣ можно было переѣхать въ бродъ по протоку, терявшемуся въ пескѣ; какъ только Тарвинъ спустился въ воду, его лошадь завязла и артели пришлось цѣлыхъ полдня веревками вытаскивать Фибби. Они не могли построить ни одного моста, не оставивъ щелей между досками, такъ что ноги лошади проваливались въ нихъ; они, какъ будто нарочно, спускали тяжелыя телѣги съ крутой насыпи прямо въ спину Тарвина, чуть только онъ поворачивался къ нимъ задомъ.

Тарвинъ почувствовалъ большое уваженіе къ британскому правительству, которому приходится имѣть дѣло съ подобными субъектами, и началъ понимать кроткую меланхолію Люсьена Этеса и его безнадежный взглядъ на туземцевъ, но тѣмъ больше вѣжнаго участія внушала ему Кэтъ.

Къ довершенію всѣхъ своихъ вѣлѣпостей, этотъ странный народъ собирался, какъ онъ узналъ, женить маленькаго магараджу Кенвара на трехлѣтней дѣвочкѣ, которую для этой цѣли принесли съ большими издержками изъ за горъ Кулу. Онъ пошелъ сообщить это Кэтъ въ домъ миссіи и нашелъ ее въ сильномъ негодованіи; она уже слышала о свадьбѣ.

— Это вполне на нихъ похоже, затѣвать свадьбу, когда ея вовсе не нужно,—сказалъ Тарвинъ успокоительнымъ тономъ. Разъ онъ видѣлъ, что Кэтъ волнуется, ему слѣдовало сохранять спокойствіе.

— Не мучьте свою бѣдную головку этими дѣлами, Кэтъ. Вы слишкомъ много хотите сдѣлать и слишкомъ сильно чувствуете. Вы не выдержите, сердце ваше разорвется отъ слишкомъ туго натянутой струны сочувствія.

— О, нѣтъ!—сказала Кэтъ.—Я сильна и могу многое вынести.

Я должна быть сильна. Подумайте объ этой свадьбѣ. Магараджѣ навѣрно понадобится моя помощь. Онъ сейчасъ рассказываетъ мнѣ, что ему придется провести безъ сна три дня и три ночи, пока ихъ священники будутъ читать надъ нимъ свои молитвы.

— Отвратительно! Этимъ путемъ его легче убить, чѣмъ стараніями Ситабхай. Господи! Мнѣ страшно подумать объ этомъ. Давайте говорить о чемъ-нибудь другомъ. Не получили ли вы новыхъ газетъ отъ отца? Послѣ всѣхъ здѣшнихъ дѣлъ Топазъ кажется вдвое лучше.

Она передала ему пачку газетъ, полученныхъ съ послѣдней почтой, и онъ молча сталъ пробѣгать столбцы «Телеграммы», вышедшей шесть недѣль тому назадъ; но, повидимому, онъ нашелъ въ ней что-то мало утѣшительное. Брови его сдвинулись.

— Фу!—вскричалъ онъ съ негодованіемъ,—это не годится!

— Что такое?

— Геклеръ нападаетъ на Три компаніи, и нападаетъ нехорошо. Это не похоже на Джима. Онъ такъ рѣзко говоритъ о нихъ, точно не вѣритъ имъ, точно получилъ какое-нибудь частное извѣстіе, что они минуютъ нашъ городъ. Навѣрно получилъ. Но ему не слѣдовало выдавать этого Рустлеру. Посмотримъ, какъ идетъ продажа земельныхъ участковъ. А, вотъ въ чемъ дѣло,—въ волненіи вскричалъ онъ, просматривая цѣны участковъ, распроданныхъ на улицѣ Г.—Цѣны падаютъ, падаютъ, сильно падаютъ. Провалились, бѣдняги! Опустили руки.—Онъ вскочилъ и нервно запаталъ по комнатамъ.

— Господи! если бы я могъ сказать имъ одно словечко!

— Что такое, Никъ? Какое слово хотите вы имъ сказать?

Онъ тотчасъ же успокоился.

— Мнѣ надобно дать имъ знать, что я вѣрю въ наше дѣло,—сказалъ онъ.—Пусть они твердо стоятъ.

— Но представьте себѣ, что желѣзная дорога въ концѣ концовъ не пройдетъ черезъ Топазъ. Какъ вы можете что-нибудь знать о ней, когда вы такъ далеко, въ Индіи?

— Пройдетъ черезъ Топазъ, моя дѣвочка!—закричалъ онъ,—пройдетъ! Пройдетъ, хотя бы мнѣ пришлось самому класть рельсы.

Но, тѣмъ не менѣе, извѣстіе о настроеніи умовъ въ городѣ сердило и волновало его. Въ тотъ же вечеръ, уйдя отъ Кэтъ, онъ телеграфировалъ Геклеру черезъ посредство миссисъ Метри и просилъ ее адресовать его телеграмму изъ Денвера, какъ будто она была послана оттуда:

«Геклеръ, Топазъ. Крѣпитесь ради Бога. Свѣдѣнія о Трехъ компаніяхъ несправедливы. Вѣрьте мнѣ и распустите паруса, какъ Тарвинъ».

XIV.

Я искалъ его вдали отъ людей, одинъ среди пустыни, а онъ горѣлъ надъ моей головой онъ, этотъ царскій алмазь. Я искалъ, я искалъ его цѣлые дни и не находилъ, а онъ блеснулъ на минуту и погасъ, и ночь послѣ того стала чернѣе, чѣмъ была.

«Кристаллы Извара».

Въ три дня съ вѣшной стороны стѣнъ Ратора воздвигнутъ былъ цѣлый городъ палатокъ; этотъ городъ украсился лужайками зеленого дерна, привезеннаго издалека, наскоро пересаженными апельсинными деревьями, деревянными пестро-раскрашенными фонарными столбами и чугуннымъ фонтаномъ безобразнаго рисунка. Множество гостей должны были собраться въ Раторъ къ празднованію свадьбы магараджи Кенвара: бароны, князя, такуры, начальники сильныхъ крѣпостей и неприступныхъ утесовъ сѣвера и юга, землевладѣльцы изъ плодородныхъ, пестрѣющихъ макомъ равнинъ Мевара и райи, собратья короля. Всѣ они являлись въ сопровожденіи своихъ свитъ, конныхъ и пѣшихъ.

Въ странѣ, гдѣ всякая почтенная родословная должна тянуться безъ перерыва, по крайней мѣрѣ, гдѣ 800, очень трудно не обидѣть кого-нибудь, а тутъ всякій ревниво слѣдилъ, какъ бы не получить мѣста хуже или ниже сосѣда. Дѣло еще болѣе затруднялось, благодаря придворнымъ бардамъ, которыхъ князя привезли съ собой и которые постоянно ссорились съ придворными чиновниками Гокралъ-Ситаруна. За палатками тянулись длинные ряды конныхъ пикетовъ, и толстые жеребцы въ розовыхъ и голубыхъ пятнахъ цѣлые дни ржали и визжали подъ своими тяжелыми бархатными уборами; оборванные милиціонеры двадцати крошечныхъ туземныхъ государствъ курили и играли, сидя между лошадьми, или ссорились при ежедневной раздачѣ пищи, получаемой ими отъ щедротъ магараджи. Нищенствующіе и бродячіе монахи всякихъ наименованій собрались въ городъ за нѣсколько сотъ миль, и ихъ желтая одежда, черныя одѣяла или покрытая пепломъ нагота не мало забавляли Тарвина, когда онъ слѣдилъ, какъ они, тараща свои красные глаза, безстрашно пробирались отъ одной палатки къ другой и выпрашивали милостыню то съ мольбами, то съ угрозами. Гостинница, въ которой жилъ Тарвинъ, переполнилась вновь прибывшими агентами разныхъ торговыхъ фирмъ. Его величество, конечно, не станетъ платить въ такое время, но, вѣроятно, сдѣлаетъ много новыхъ заказовъ.

Самый городъ Раторъ сіялъ бѣлою и красною окраскою своихъ

стѣнъ; на главныхъ улицахъ его возвышались костры изъ бамбука для иллюминацій; фасады домовъ были вычищены и обмазаны свѣжей глиной, двери украшены золотоцвѣтомъ и гирляндами жасминовъ. Въ толпѣ сновали разносчики лакомствъ, сокольничьи, продавцы дешевыхъ ювелирныхъ украшеній, стеклянныхъ браслетъ, англійскихъ зеркалъ и т. под.; верблюды, нагруженные свадебными дарами иностранныхъ королей, протискивались сквозь толпу; королевскіе жезлоносцы своими золотыми жезлами очищали дорогу для каретъ магараджи. Пятьдесятъ экипажей были ежедневно въ разгонѣ, и хотя лошади еле таскали ноги, а сбруя была связана веревками, но для поддержанія достоинства государства въ каждый изъ нихъ запрягали не менѣе четверки. Такъ какъ лошади были пугливы, а туземные мальчуганы забавлялись каждый вечеръ разбрасываньемъ хлопучекъ и шутихъ, то, можно сказать, улицы были крайне оживлены.

Холмъ, на которомъ стоялъ дворецъ, дымился точно вулканъ, такъ какъ къ нему безпрестанно подъѣзжали разные владѣтельные особы, и каждая ожидала пушечнаго салюта, присвоеннаго ея званію. Въ промежуткахъ между громомъ пушекъ, изъ-за красныхъ стѣнъ раздавались звуки нестройной музыки, и изъ воротъ выѣзжалъ какой-нибудь придворный офицеръ, сопровождаемый свитой, одѣтый пестро, точно фазанъ весной, съ усами, намазанными масломъ и гордо закрученными надъ ушами; или появлялся королевскій слонъ, съ головы до ногъ покрытый краснымъ бархатомъ и золотомъ, съ серебряной бесѣдкой на спинѣ, и трубилъ до тѣхъ поръ, пока улицы освобождались для его прохода. Король содержалъ 70 слоновъ, что составляло не малый расходъ, такъ какъ каждое животное сѣдало ежедневно столько сѣна, сколько могло унести на спинѣ, и кромѣ того пудовъ 30—40 муки. Иногда вдругъ случалось, чудовище, испуганное общимъ шумомъ и суматохой или раздраженное присутствіемъ чужихъ соперниковъ, приходило въ бѣшенство. Тогда съ него быстро стаскивали его убранство, связывали его веревками и желѣзными цѣпями, выгоняли вонъ изъ города и привязывали за милю отъ жилья на берегу Амета, гдѣ онъ ревѣлъ и бѣсился до того, что лошади въ сосѣднемъ лагерѣ срывались съ привязей и дико метались между палатками. Пертабъ-Сингъ, начальникъ конвоя его величества, сіялъ въ полномъ блескѣ. Онъ находилъ каждый часъ какой-нибудь предлогъ, чтобы со своимъ отрядомъ носиться по какимъ-то таинственнымъ, но важнымъ дѣламъ между дворцомъ и палатками князей. Формальный обмѣнъ визитовъ самъ по себѣ занялъ цѣлыхъ два дня. Каждый князь со своей свитой, торжественно пріѣзжалъ

во дворецъ, а полчаса спустя серебряная парадная карета и самъ магараджа, съ головы до пятъ украшенный драгоценными камнями, возвращалъ визитъ, и пушки сообщали объ этомъ событіи и городу домовъ, и городу палатокъ.

Ночная тьма окутывала лагерь, но тишина не наступала къ нему до самаго разсвѣта: вечеромъ появлялось безчисленное множество бродячихъ музыкантовъ, пѣвцовъ пѣсень, рассказчиковъ исторій, танцовщицъ, сылачей-борцовъ и прочаго люда, сопровождавшаго войска; они ходили отъ одной палатки къ другой и всюду приносили съ собой веселье. Когда они, наконецъ, удалялись, изъ городскихъ храмовъ раздавались заунывные звуки морскихъ раковинъ, и, прислушиваясь къ нимъ, Кэтъ представляла себѣ, что это рыданія маленькаго магараджи Кенвара, котораго готовили къ браку посредствомъ безконечныхъ молитвъ и очищеній.

Она совсѣмъ не видала мальчика въ эти дни, точно такъ же, какъ Тарвинъ не видалъ короля. Каждая просьба объ аудіенціи встрѣчала отвѣтъ: «Онъ со священниками». Тарвинъ проклиналъ всѣхъ священниковъ Ратора и желалъ всевозможныхъ адскихъ мукъ бездѣльникамъ-факирамъ, вѣчно попадавшимъ ему на дорогѣ.

— Хоть бы они скорѣй покончили всю эту нелѣпую затѣю,— говорилъ онъ самъ себѣ.— Вѣдь не могу же я жить сто лѣтъ въ Раторѣ.

Цѣлую недѣлю не прерывался шумъ, ярко сіяло солнце, толпы двигались въ такихъ пестрыхъ костюмахъ, что отъ глядѣнья на нихъ у Тарвина разболѣлись глаза, и вотъ, на той дорогѣ, по которой Кэтъ пріѣхала въ городъ, появились два экипажа съ пятью англичанами и тремя англичанками; вѣзжая въ городъ, они, видимо, чувствовали себя не совсѣмъ ловко: ихъ угнетала возложенная на нихъ обязанность быть свидѣтелями преступленія, которому они не только не имѣли права препятствовать, но которое они должны были взять подъ официальное покровительство.

Чиновникъ генералъ-губернатора,—т.-е. официальный представитель вице-короля въ Райпутанѣ, — незадолго передъ этимъ убѣждалъ магараджу, что ему слѣдуетъ вступить на путь прогресса и просвѣщенія, запретивъ сыну своему жениться раньше двадцати лѣтъ. Магараджа сослался на обычай, господствовавшій въ странѣ съ незапамятныхъ временъ, и на вліяніе духовенства, но смягчилъ свой отказъ щедрымъ пожертвованіемъ въ пользу Калькутской женской больницы, которая вовсе не нуждалась въ средствахъ.

Тарвинъ никакъ не въ состояніи былъ понять, какъ можетъ какое-либо правительство дать разрѣшеніе на нелѣпый фарсъ, по-

добный приготовлявшемуся браку, въ которомъ главныя роли принадлежали двумъ дѣтямъ. Его представили чиновнику генералъ-губернатора, котораго интересовали всѣ подробности насчетъ запыруды Амета. Разспросы о запырудѣ Амета, когда его дѣло съ Наулакой не подвигалось впередъ, показались Тарвину просто обидными, и онъ неохотно отвѣчалъ на нихъ, самъ же предлагалъ чиновнику множество вопросовъ о приготовлявшемся во дворцѣ беззаконіи. Чиновникъ объявилъ, что этотъ бракъ является политическою необходимостью. Тарвинъ высказалъ ему свое мнѣніе о подобнаго рода необходимостяхъ, чиновникъ замолчалъ и оглядѣлъ дикаго американца съ ногъ до головы съ выраженіемъ удивленія и любопытства. Они разстались мало довольные другъ другомъ.

Съ остальными англичанами Тарвинъ больше поладилъ. Жена чиновника, стройная брюнетка, принадлежавшая къ одной изъ тѣхъ семей, которыя съ основанія Остъ-Индской Комп. управляли судьбами Индіи, произвела торжественный осмотръ больницы, гдѣ работала Кэтъ; такъ какъ она была только женщина, а не чиновникъ, то она плѣнилась маленькой женщиной съ грустными глазами, не хваставшейся своей дѣятельностью, и не скрыла своего восхищенія. Вслѣдствіе этого Тарвинъ старался всѣми силами занимать и развлекать жену чиновника, и она объявила, что онъ необыкновенный человекъ. «Впрочемъ, знаете, эти американцы всѣ необыкновенные люди, хотя они очень любезны». Не забывая среди шумныхъ празднествъ, что онъ гражданинъ Топоаза, Тарвинъ рассказывалъ ей о благословенномъ городѣ, скрывающемся въ долинѣ у подножія Саугуачскаго горнаго пряжа, о городѣ, которому принадлежала половина его сердца. Онъ называлъ его «волшебнымъ городомъ» и давалъ понять, что всѣ жители западнаго материка согласны присвоить ему именно это прозвище. Ей не было скучно слушать его—совершенно наоборотъ. Разговоры объ обществахъ продажи и улучшенія земли, о биржѣ, о городскихъ участкахъ, о Трехъ Компаніяхъ были для нея новостью, и Тарвину легко было перейти къ тому, что въ данную минуту особенно занимало его. Что она знаетъ о Наулакѣ? Не видала-ли она его когда-нибудь? Онъ смѣло предложилъ эти вопросы.

Нѣтъ, она ничего не знала о Наулакѣ. Ея голова была занята мыслью о томъ, что весной она поѣдетъ домой. Домой—это значило для нея—въ маленькій домикъ около Сѣрбитона, недалеко отъ хрустальнаго дворца, гдѣ ее ждалъ ея 3-лѣтній сынишка; интересы прочихъ англичанъ и англичанокъ были, повидимому,

столь же далеко отъ Райпутаны, не говоря уже о Наулакѣ. Тарвинъ только случайно узналъ, что они провели большую часть своей жизни въ этой странѣ. Они говорили о ней, какъ могутъ говорить о данной мѣстности цыгане, постоянно готовые запречь лошадей и отправиться дальше. Они замѣчали, что на дорогахъ жарко и пыльно, и надѣялись, что скоро имъ можно будетъ отдохнуть. Свадьба была только однимъ изъ утомительныхъ эпизодовъ на ихъ пути, и они отъ души желали, чтобы празднованіе ея скорѣе кончилось. Одинъ изъ нихъ даже позавидовалъ Тарвину, что онъ пріѣхалъ въ эту страну со свѣжимъ взглядомъ на все окружающее и съ надеждой на возможность извлечь изъ нея что-нибудь, кромѣ большого запаса сожалѣній.

Послѣдній день брачныхъ церемоній начался и окончился при громѣ пушекъ, блескѣ фейрверковъ, топотѣ копытъ, ревѣ слоновъ, при музыкѣ оркестровъ, сившихся сыграть «God Save the Queen». Магараджа Кенваръ долженъ былъ появиться вечеромъ (при торжественномъ бракосочетаніи въ Индіи невѣста не показывается и о ней не упоминаютъ) на банкетѣ, за которымъ чиновникъ генералъ-губернатора провозгласитъ тостъ за его здоровье и за здоровье отца его. Магараджа долженъ былъ произнести спичъ на англійскомъ языкѣ. Придворный секретарь уже сочинилъ длинную рѣчь для его отца. Тарвинъ сталъ серьезно опасаться, что больше не увидитъ ребенка живымъ, и передъ банкетомъ рѣшилъ проѣхать по волнующемуся городу посмотреть, что тамъ дѣлается. Это было въ сумеркахъ, и факелы горѣли между домами. Дикіе чужестранцы, жители степей, никогда въ жизни не видавшіе бѣлаго человѣка, схватили его лошадь подъ уздцы, съ любопытствомъ смотрѣли на него и отпустили съ ругательствами. Пестрыя чалмы блестѣли, точно драгоценные камни, при колеблющемся свѣтѣ факеловъ, всѣ бѣлыя крыши домовъ были усыяны женскими фигурами подъ покрывалами. Черезъ полчаса магараджа Кенваръ долженъ былъ проѣхать изъ королевскаго храма въ палату, приготовленную для банкета, во главѣ процессіи богато убранныхъ слоновъ.

Тарвинъ съ большимъ трудомъ протискался сквозь густую толпу, которая ждала около лѣстницы храма. Ему хотѣлось одного только: собственными глазами убѣдиться, что ребенокъ здоровъ; онъ ждалъ его выхода изъ храма. Оглядываясь во всѣ стороны, онъ увидѣлъ, что былъ единственнымъ бѣлымъ среди этой толпы, и пожалѣлъ своихъ разочарованныхъ знакомцевъ, которые не могли находить удовольствія въ дикой сценѣ, происходившей у него передъ глазами.

Двери храма были заперты, и свѣтъ факеловъ игралъ на ихъ украшеніяхъ изъ серебра и слоновой кости. Гдѣ-то въ скрытомъ мѣстѣ стояли слоны, Тарвинъ слышалъ ихъ тяжелое дыханье и по временамъ ревъ, заглушавшій жужжаніе толпы. Небольшой отрядъ кавалеріи, утомленный и запыленный послѣ цѣлаго дня работы, пытался расчистить свободное мѣсто передъ храмомъ; но это было такъ же трудно, какъ разрѣзать радугу. Съ крышъ домовъ женщины бросали въ толпу цвѣты, конфекты и крашеный рисъ, а уличные пѣвцы, еще не служившіе при дворахъ государей, громко воспѣвали хвалу магараджи, магараджи Кенвара, вице-короля, чиновника генералъ-губернатора, полковника Нолана и всякаго, отъ кого надѣялись получить за свои пѣсни нѣсколько монетъ. Одинъ изъ нихъ замѣтилъ Тарвина и тотчасъ же затянулъ пѣсню въ честь его. Онъ пріѣхалъ, —говорилось въ этой пѣснѣ,— изъ далекой страны, чтобы запрудить непокорную рѣку и наполнить золотомъ страну; его поступъ подобна поступи верблюда въ весеннее время; его взглядъ ужасенъ, какъ взглядъ слова, а красота его такъ неотразима, что когда онъ ѣздитъ по большой дорогѣ, сердца всѣхъ женщинъ Ратора превращались въ воду. Наконецъ, онъ вознаградитъ пѣвца этой слабой пѣсни съ необычайною щедростью и его имя, его слава не умрутъ въ странѣ, пока знамя Гакралъ Ситаруна сохранить свои пять цвѣтовъ, или пока Наулака будетъ украшать грудь королей.

Въ эту минуту, при оглушительномъ трубномъ звукѣ раковинъ, двери храма открылись изнутри и громкій говоръ толпы смѣнился благоговѣйнымъ шепотомъ. Тарвинъ крѣпко ухватился за поводья лошади и нагнулся впередъ, чтобы хорошенько все рассмотреть. Въ открытыя двери храма виднѣлось совершенно темное пространство; къ звуку раковинъ присоединился бой безчисленнаго множества барабановъ. Дымъ камильницъ, настолько сильный, что отъ него першило въ горлѣ, пронесся надъ толпой, которая окончательно смолкла.

Въ слѣдующую минуту изъ темноты вышелъ магараджа Кенваръ одинъ, безъ провожатыхъ и остановился въ пространствѣ, освѣщенномъ факелами, держась руками за рукоятку своего меча. Лицо его, подъ чалмой съ алмазными и изумрудными застежками, было мертвенно блѣдно. Подъ глазами его виднѣлись темные круги, а ротъ былъ полуоткрытъ; но состраданіе, какое Тарвинъ почувствовалъ къ усталому ребенку, быстро исчезло, его сердце забилося и запрыгало: на груди магараджи Кенвара, поверхъ его золотой одежды, лежала Наулака.

На этотъ разъ ему не нужно было ни о чемъ спрашивать.

Не онъ его увидѣлъ;—казалось, наоборотъ, будто глубокой взглядъ большихъ глазъ ожерелья упалъ на него. Оно горѣло мрачною краскою рубиновъ, раздражающею зеленью изумрудовъ, холодною синевою сапфировъ и бѣлымъ жаркимъ блескомъ алмаза. Но весь этотъ блескъ былъ ничто въ сравненіи съ чуднымъ сіяніемъ одного камня, который лежалъ надъ большимъ граненымъ изумрудомъ въ срединѣ ожерелья. Это былъ черный алмазъ, черный какъ адская смола и горѣвшій адскимъ пламенемъ.

Ожерелье лежало на плечахъ иальчика, точно огненное иго. Оно затмѣвало безмолвныя звѣзды Индіи на небѣ, превращало пылавшіе факелы въ грязныя желтыя пятна и вбирало въ себя блескъ золотой одежды, на которой покоилось.

Некогда было думать, соображать, оцѣнивать, едва можно было его разглядѣть, такъ какъ морскія раковины снова затрубили, магараджа удалился назадъ въ темноту, и двери храма затворились.

(Продолженіе слѣдуетъ).

МАШИНЫ И НАРОДНОЕ БЛАГОСОСТОЯНИЕ.

Этюдъ изъ области элементарной экономіи.

Деятнадцатый вѣкъ называютъ великой эпохой техническихъ изобрѣтеній и открытій. Начиная со середины прошлаго столѣтія, никогда, быть можетъ, человѣческій умъ не работалъ въ этомъ направленіи съ такой энергіей и успѣхомъ. Человѣкъ въ этотъ періодъ вполне заслужилъ названіе, которое ему далъ Франклинъ, а именно,—«животное, выдѣлывающее для себя орудіе». Изобрѣтеніе машинъ и усовершенствованіе производственныхъ процессовъ произвело коренную реформу всей экономической и политической организаціи въ Европѣ. На континентѣ Европы, въ особенности въ Германіи, уже въ періодъ процвѣтанія городовъ начала развиваться изобрѣтательность и промышленность всякаго рода. Было сдѣлано множество полезнѣйшихъ открытій, но странамъ континента въ значительной степени не пришлось воспользоваться непосредственно ихъ благами. Войны и политическія сумятицы надолго отсрочили развитіе континентальной промышленности. Только Англіи, на ея уединенномъ островѣ, удалось впервые въ широкомъ масштабѣ воспользоваться плодами человѣческой изобрѣтательности. Примѣненіе машинъ, усовершенствованіе техническихъ процессовъ, главнымъ образомъ—сила пара, надолго упрочили богатство и коммерческое преобладаніе этой страны, которое она затѣмъ при посредствѣ удачныхъ войнъ и трактатовъ успѣла послѣ 1815 года довести до небывалой степени. Не даромъ, поэтому, Англія поставила въ Вестминстерскомъ аббатствѣ памятникъ Джемсу Уатту, на которомъ, по предложенію лорда Брума, были начертаны слѣдующія слова:

«Не для того, чтобы увѣковѣчить имя, которое и такъ будетъ памятно до тѣхъ поръ, пока будутъ процвѣтать искусства, потребныя для развитія мирной дѣятельности человѣка, но для того, чтобы показать, что человѣчество научилось цѣнить тѣхъ, кто заслуживаетъ наибольшей его благодарности, воздвигнуть этотъ

памятникъ королямъ, его министрами, дворянами и гражданами Джемсу Уатту, который направилъ вниманіе своего творческаго и рано привыкшаго къ научнымъ занятіямъ ума на усовершенствованіе паровой машины и тѣмъ увеличилъ богатство своей родины и силу человѣка вообще и сдѣлался тѣмъ самымъ однимъ изъ знаменитѣйшихъ дѣятелей науки и благодѣтелей человѣчества».

Передъ нами дѣйствительно грома фактовъ, которые неопровержимо свидѣтельствуютъ, что въ теченіе XIX вѣка богатство всѣхъ націй вообще, а Англіи въ особенности, благодаря изобрѣтенію машинъ всякаго рода, возрасло въ значительной степени. Но наука не можетъ удовлетвориться однимъ неяснымъ утвержденіемъ этого факта. Она требуетъ опредѣленнаго отвѣта на то, почему техническія изобрѣтенія увеличили наши богатства и какъ ихъ введеніе отразилось и можетъ отражаться на положеніи разныхъ классовъ населенія. Всякій, кто держалъ когда бы то ни было въ рукахъ любую книгу, гдѣ изображается промышленная исторія Англіи съ конца прошлаго вѣка, знаетъ, что введеніе машинъ сопровождалось цѣлымъ рядомъ политическихъ потрясеній: бунтами и истребленіемъ машинъ, этихъ, казалось бы, источниковъ человѣческаго благосостоянія. Несообразность этого факта представится намъ еще яснѣе, если мы дадимъ себѣ отчетъ въ томъ, какія услуги оказываютъ человѣку всѣ разнообразныя орудія и машины.

Такимъ образомъ, желая очертить вліяніе машинъ на народное благосостояніе, мы должны подраздѣлить наше изслѣдованіе на три части: а) во-первыхъ, мы отвѣтимъ на вопросъ, что такое машины и орудія, и въ чемъ ихъ полезность; б) во-вторыхъ, установимъ, какое вліяніе должны оказывать машины на положеніе различныхъ классовъ въ нашей промышленной системѣ, и в) въ-третьихъ, проверимъ наши соображенія, пользуясь данными промышленной исторіи Англіи.

I.

Въ чемъ различіе между орудіемъ, машиной и средствами производства? Принципіальнаго различія между ними нѣтъ. Все это средства, при помощи которыхъ человѣкъ съ бѣльшимъ удобствомъ достигаетъ своихъ цѣлей. Но въ степени между ними имѣется весьма существенная разница. Игла, молотокъ, лопата и т. п.—вотъ что мы называемъ простыми орудіями. Всѣ они имѣютъ то общее между собой, что увеличиваютъ силу руки, ноги и вообще какого-нибудь другого органа человѣческаго тѣла и тѣмъ облегчаютъ или даже обусловливаютъ выполненіе принятой на себя человѣкомъ задачи.

По общему правилу всѣ орудія, совершая свою полезную работу, составляютъ посредствующее звено между органомъ и самимъ совершаемымъ воздѣйствіемъ, движутся въ томъ же направленіи, какъ и руководящій ими органъ. Всѣ орудія только съ большой силой и опредѣленностью выполняютъ то, что имъ приказываетъ человѣческій органъ. Орудіе безпрекословно повинуется рабочему. Машина, напротивъ, уже не передаетъ непосредственно движеній человѣческихъ органовъ, но совершенно видоизмѣняетъ ихъ направленіе и характеръ. Локомотивъ или паровозъ, передвигающій тяжести, помещенныя въ вагонахъ, одинъ изъ типичныхъ образцовъ машины. Человѣкъ топить печь локомотива, разводитъ пары, которые затѣмъ, благодаря особымъ приспособленіямъ, приводятъ весь корпусъ локомотива въ движеніе и заставляютъ его катиться по рельсамъ. Точно также и въ прядильной машинѣ—человѣкъ только надлежащимъ образомъ подаетъ ей шерсть, хлопчатникъ или другой матеріалъ и поправляетъ иногда ея опилки, а она сама уже прядетъ «безъ помощи пальцевъ». При посредствѣ машинъ человѣкъ употребляетъ для своихъ цѣлей силу вѣтра, воды, пара, электричества, животныхъ и достигаетъ при этомъ колоссальнаго увеличенія своихъ силъ. Но самъ, въ то же время, изъ главнаго творца работы, обращается въ служебное орудіе, какъ бы въ необходимую часть или колесо машины, которое при посредствѣ правильно рассчитанныхъ и однообразно совершаемыхъ движеній регулируетъ, направляетъ и прекращаетъ работу, для которой машина предназначена.

Подъ средствами производства мы понимаемъ заранѣе приготовленный матеріалъ, надъ приспособленіемъ котораго (при посредствѣ орудій или машинъ) для человѣческихъ потребностей работаетъ человѣкъ и при помощи котораго онъ химически или механически воздѣйствуетъ на другой матеріалъ и для тѣхъ же цѣлей. Такъ, изъ добытой руды человѣкъ, при помощи топлива и огня и другихъ подсобныхъ матеріаловъ, получаетъ желѣзо, чугунъ и сталь.

Всѣ орудія, машины и средства производства: а) облегчаютъ трудъ и увеличиваютъ его силу, сокращая при этомъ трату физической силы человѣка; б) увеличиваютъ вообще производительность труда; в) даютъ возможность выполнять такія предпріятія, которыя были ранѣе невозможны; г) ускоряютъ производство; д) расширяютъ сферу обмѣна и сношеній и тѣмъ, несомнѣнно, соединяютъ интересы всего человѣчества; е) во многихъ отрасляхъ промышленности они освобождаютъ человѣка отъ непосредственнаго выполненія самыхъ тяжелыхъ и вреднодѣйствующихъ на

здоровье операций, или, какъ выражаются иначе, они облагораживаютъ трудъ,—и, наконецъ, ж) они значительно сокращаютъ издержки производства.

Нѣтъ надобности останавливаться подробнѣе на каждомъ изъ этихъ пунктовъ *). Обратимъ вниманіе только на второй и послѣдній. Въ этомъ отношеніи масса любопытнѣйшихъ свѣдѣній разсѣяна въ трудѣ извѣстнаго статистика доктора Энгеля «Zeitalter des Dampfes». По его разсчету, въ 1880 году въ распоряженіи человѣчества было около 3¹/₂ милліоновъ такъ называемыхъ паровыхъ лошадиныхъ силъ въ неподвижныхъ машинахъ и 10 милліоновъ такихъ же силъ въ передвижающихся машинахъ. Энгель высчитываетъ примѣрно, сколько стоитъ содержаніе одной человѣческой силы, одной живой лошади и одной паровой лошадиной силы, а также, какъ велика совершаемая ими работа и сколько таковой получается за одну марку на германскія девьги. Вотъ краткіе его результаты.

По Dr. «Энгелю: Das Zeitalter des Dampfes», стр. 153.

	Для паровыхъ машинъ:		Для жи- выхъ ло- шадей:	Для чело- вѣка:	
	непод.	подвиж.	на лош.	на одного рабочаго.	
1. Издержки содержанія:					
а) въ теченіе года	300	51.027	650	400	марокъ.
б) въ день, считая 300 дн. въ году	1,0		2.166	1,33	
2. Совершаемая работа:					
а) работа подниманія: въ день	2.970.000		1.166.400	200.722	килограммо- метровъ.
въ годъ	891		349,92	60.216	млн. кило- граммомет- ровъ.
б) передвиженіе тяжестей въ горизонт. направленіи въ день			18.433.000	2.533.000	километровъ, не принимая во вниманіе бы- стрыхъ пер- емѣнъ.
въ годъ		132.528	5.531,4	759,9	млн. кило- метр.
3. Стоимость:					
а) при поднятій тяж.	33,6		18,57	662,6	марокъ.
б) при гориз. движеніи.		0,445	11,75	52,64	
4. Количество получаемой силы за 1 марку:					
а) при поднятій тяж.	2.970		0,548	0,151	килограммо- метровъ.
б) при горизонт. передвиж.		244.521	8.510	1.900	

*) См. по этому поводу хотя бы старую книжку С. Babbage. On the Economy of Machinery and G. Molinari Evolution Economique. Paris 1880 г.

Очевидно, ни человекъ, ни живая лошадь не могутъ соперничать съ паровыми машинами, которыя совершаютъ и больше работы, и скорѣе, и обходятся дешевле.

Если мы обратимся къ даннымъ промышленной и старой Англіи, то окажется, что богатство этой страны, начиная съ начала этого вѣка и до послѣдняго времени, возрасло въ чрезвычайной степени, и всѣ безъ основанія приписываютъ это обстоятельство умѣлому пользованію техническими усовершенствованіями. По даннымъ статистики Р. Джифена, доходы, платившіе налогъ въ 1837 г., составляли 270 мил. ф. стер., въ 1887 году уже 630 м. ф. стер., т.-е. возрасли болѣе, чѣмъ на 130%; или, капитализируя доходъ, получимъ, что въ 1837 году Англія извлекала доходъ изъ капитала въ 4.050.000.000 ф. стер., въ 1887 г. изъ 9.450.000.000. Само собою разумѣется, такое чудовищное возрастаніе дохода обусловливалось расширеніемъ ея оборотовъ на протяженіи всего міра и возрастаніемъ рабочаго населенія, но оба эти явленія не могли бы произойти, если бы Англія не примѣнила къ своей фабричной дѣятельности тѣхъ усовершенствованныхъ приѣмовъ, которые были изобрѣтены въ концѣ прошлаго и въ началѣ настоящаго вѣка ея выдающимися людьми. Такимъ образомъ, наклонный къ поспѣшнымъ выводамъ человекъ, стоя на совершенно индуктивной почвѣ, можетъ сказать: «машины величайшее благо для человѣчества» и на этомъ окончить свое изслѣдованіе.

II.

Но не такъ поступали крайніе сторонники абстрактнаго или дедуктивнаго метода и въ числѣ ихъ извѣстный Давидъ Рикардо. Откройте его «Начало политической экономіи и налоговъ» и обратите особое вниманіе на XXX главу: «о машинахъ». Весьма небезызвѣстно теперь, что все это замѣчательное изслѣдованіе построено на одномъ предположеніи, согласно которому все наше общество въ его теперешнемъ составѣ раздѣляется на три класса: землевладѣльцевъ, капиталистовъ и рабочихъ. Послѣдніе, по предположенію Рикардо, составляютъ самый многочисленный классъ и пріобрѣтаютъ средства къ жизни единственно изъ заработной платы, которую они получаютъ въ вознагражденіе за свой трудъ. Всѣ эти классы руководятся, по его же предположенію, только своими своекорыстными интересами. Взаимная конкуренція и погоня за наибольшей рентой, прибылью и заработной платой составляетъ ихъ единственный руководящій мотивъ. При такихъ предположеніяхъ Рикардо въ частности намѣчаетъ двѣ границы, между которыми можетъ

колебаться заработная плата: въ низшемъ своемъ размѣрѣ, который онъ называетъ необходимой рабочей платой, она даетъ возможность рабочему только кормить себя и свою семью, поддерживать, чрезъ естественное размноженіе, общую сумму рабочихъ въ предѣлахъ, которые необходимы для класса работодателей; во второмъ, высшемъ своемъ размѣрѣ, она неопредѣленна и зависитъ, какъ полагалъ Рикардо, отъ размѣра оборотнаго капитала, посвящаемаго на покупку труда, отъ общей производительности труда и того средняго уровня потребностей рабочихъ, ради которыхъ они задерживаютъ свое размноженіе и поддерживаютъ свое количество въ предѣлахъ, заставляющихъ капиталистовъ, въ поискахъ за трудомъ, платить имъ лучшую плату.

Установивъ подобныя положенія относительно вознагражденія многочисленнѣйшей группы населенія, Рикардо и приступаетъ къ изслѣдованію того вліянія, которое оказываютъ машины на интересы разныхъ классовъ населенія. Эта интересная XXX глава распадается по существу на двѣ части. Въ первой Рикардо излагаетъ свои первоначальные взгляды по этому предмету, во второй онъ ихъ нѣсколько видоизмѣняетъ. «Я полагалъ, — говоритъ онъ въ первой части, — что употребленіе машинъ является общимъ благомъ для человѣчества и сопровождается только тѣми неудобствами, которыя вообще имѣютъ мѣсто, какъ результатъ перемѣщенія капитала изъ одной области въ другую. Количество труда, истрачиваемаго на изготовленіе предметовъ послѣ введенія усовершенствованныхъ машинъ, уменьшается; отсюда, рано или поздно, наступаетъ пониженіе цѣнности этого продукта. Интересы землевладѣльцевъ, рента которыхъ остается при этомъ безъ измѣненія, несомнѣнно выигрываютъ: они получаютъ возможность покупать большее количество вещей или лучшаго качества, другими словами, они выигрываютъ какъ потребители. Интересы фабрикантовъ, которые пользуются этими усовершенствованными машинами, слагаются нѣсколько иначе. Пока изобрѣтенная машина не вошла въ общее употребленіе, они будутъ получать нѣкоторую добавочную прибыль. Но это обстоятельство вызоветъ наплывъ капиталовъ въ эту отрасль промышленности, и когда, наконецъ, усовершенствованная машина войдетъ въ общее употребленіе, прибыль спустится до своего средняго уровня, и капиталисты будутъ пользоваться выгодами новаго положенія вещей на тѣхъ же основаніяхъ, какъ и землевладѣльцы, т.-е. какъ потребители».

Первоначально Рикардо думалъ, что и рабочіе выиграютъ, какъ потребители, по двумъ основаніямъ: ибо а) капиталъ, употреб-

ляемый на наемъ труда, продолжаетъ существовать, т. е. спросъ на рабочія руки остается безъ измѣненія, и б) капиталъ, освободившійся отъ введенія машины, можетъ быть и, вѣроятно, будетъ употребленъ на производство другихъ предметовъ, ибо потребности общества всегда безграничны, отчего снова-таки спросъ на трудъ, а, слѣдовательно, и рабочая плата останутся безъ измѣненія. Другими словами, съ этой точки зрѣнія, которой и по настоящее время еще придерживаются нѣкоторые экономисты, всякая машина, берегая нѣкоторое количество капитала, употреблявшася ранѣе на заработную плату, вызываетъ производство новыхъ товаровъ, которые затѣмъ и поступаютъ на рынокъ для обмѣна на другіе продукты. Производство товаровъ вызываетъ, такимъ образомъ, предложеніе товаровъ, а предложеніе и производство товаровъ вызываютъ спросъ на трудъ; все остается по прежнему, рабочая плата не падаетъ и всѣ классы населенія выигрываютъ, какъ потребители.

Рикардо до конца дней своихъ оставался при убѣжденіи, что продукты обмѣниваются на продукты и что не можетъ быть общаго перепроизводства товаровъ, но счелъ нужнымъ сдѣлать существенныя ограниченія въ только что изложенныхъ взглядахъ. «Мои воззрѣнія,—говоритъ онъ во второй части разбираемой главы,—остались безъ измѣненія по отношенію къ интересамъ землевладѣльцевъ и фабрикантовъ, но я пришелъ къ убѣжденію, что замѣна человѣческаго труда машинами часто весьма вредно отражается на интересахъ рабочаго сословія. Моя ошибка,—продолжаетъ онъ,—проистекла изъ того, что мнѣ представлялось, будто возрастаніе чистаго дохода (т. е. ренты и чистой прибыли) сопровождается возрастаніемъ валоваго дохода (т. е. ренты, валовой и чистой прибыли, заработной платы), отъ размѣра котораго, главнымъ образомъ, зависитъ вознагражденіе рабочаго сословія. Возрастаніе чистаго дохода на счетъ валоваго (и въ особенности на счетъ послѣдней его части, заработной платы) можетъ сдѣлать населеніе избыточнымъ и ухудшить его положеніе».

Изъ приводимаго Рикардо примѣра легко понять его мысль. Нѣкоторое количество продуктовъ производилось ранѣе извѣстнымъ количествомъ рукъ, затѣмъ была изобрѣтена и введена въ употребленіе машина, которая сократила число потребныхъ рабочихъ рукъ на половину. Предполагая, что изготовленная машина, можетъ служить вѣчно, мы можемъ сказать, что количество употребляемаго на производство труда уменьшилось вдвое, цѣнность предметовъ понизится въ томъ же размѣрѣ, чистый доходъ останется безъ измѣненія, валовой доходъ уменьшится и половина

прежнихъ рабочихъ будетъ навсегда выброшена на рынокъ безъ всякихъ средствъ къ существованію.

Рикардо находитъ, далѣе, что обстоятельства сложатся не такъ жестоко. Такъ какъ, полагаетъ онъ, стоимость продуктовъ понизилась, а между тѣмъ чистый доходъ остался безъ измѣненія, то, очевидно, землевладѣльцы и капиталисты получаютъ возможность удовлетворять своимъ потребностямъ съ большей полнотой. Естественно предположить, что они расширятъ непосредственно свое потребленіе, но, такъ какъ ихъ потребности были уже по общему правилу достаточно удовлетворяемы всѣми прежними продуктами, то они расширятъ свое потребленіе далеко не въ тѣхъ предѣлахъ, въ какихъ они получили возможность это сдѣлать. Они станутъ сберегать часть своего чистаго дохода и обращать его въ капиталъ, т. е. употреблять на производство новыхъ продуктовъ и для удовлетворенія вновь создавшихся потребностей, которыя, по предположенію Рикардо, всегда безграничны. Это обстоятельство породитъ новый спросъ на трудъ и дастъ избыточнымъ рабочимъ средства къ существованію.

Подводя итогъ всему вышесказанному, Рикардо утверждаетъ: а) введеніе усовершенствованныхъ пріемовъ производства увеличиваетъ потребительную силу чистаго дохода, т. е., не возвышая его общей цѣнности, даетъ возможность землевладѣльцамъ (а иногда и рабочимъ) потреблять большее количество продуктовъ или лучшаго качества; б) интересы рабочихъ выиграютъ только тогда, когда увеличеніе чистаго дохода будетъ сопровождается увеличеніемъ валового; въ послѣднемъ случаѣ они выиграютъ и какъ потребители, и отъ возросшаго спроса на трудъ; если же этого не произойдетъ, ихъ интересы могутъ временно сильно пострадать; в) увеличеніе чистаго дохода чрезъ извѣстный промежутокъ времени можетъ улучшить положеніе рабочихъ и именно въ томъ случаѣ, если землевладѣльцы и капиталисты, за удовлетвореніемъ своихъ прежнихъ потребностей по нѣсколько повышенному масштабу, станутъ употреблять часть этого избытка: 1) на наемъ труда для личныхъ и непроизводительныхъ услугъ, и 2) какъ капиталъ для производства новыхъ продуктовъ для удовлетворенія новыхъ потребностей.

Мы видимъ, что, согласно съ Рикардо, интересы рабочихъ сильно связаны съ самимъ способомъ употребленія чистаго дохода. Особое предпочтеніе онъ отдаетъ найму труда для личныхъ услугъ и по той простой причинѣ, что всякое содержаніе труда въ большемъ количествѣ всего выгоднѣе для рабочаго сословія. Человѣкъ, нанимающій прислугу, отдаетъ имъ весь избытокъ сво-

его чистаго дохода, человекъ, покупающій вновь произведенные продукты: экипажи и вообще всѣ другіе полезные или просто роскошные предметы, отдаетъ часть своего чистаго дохода капиталисту, производителю этихъ предметовъ, часть потребляетъ непосредственно въ видѣ переданныхъ ему обратно готовыхъ продуктовъ и только нѣкоторую долю его отдаетъ въ видѣ вознагражденія рабочимъ, которыхъ употребляетъ капиталистъ. Въ концѣ главы, богатое содержаніе которой мы далеко не исчерпали, Рикардо высказываетъ только одно пожеланіе. Воспрепятствовать употребленію усовершенствованныхъ машинъ не цѣлесообразно, ибо иностранцы могутъ прибѣгнуть къ нимъ и воспользоваться всѣми выгодами. Желательно, чтобы переходъ отъ ручного труда къ машинному не совершался внезапно или съ чрезмѣрной быстротой.

Такова въ краткихъ чертахъ абстрактная теорія Рикардо. Спрашивается теперь, далъ ли Рикардо вполне ясный, правильный и полный отвѣтъ на вопросъ о вліяніи машинъ на благосостояніе разныхъ классовъ? Намъ приходится отвѣтить слѣдующимъ образомъ: анализируя явленія съ чисто-абстрактной точки зрѣнія, Рикардо въ общемъ довольно правильно намѣтилъ общую тенденцію явленій, но отвѣтъ его въ высшей степени не полонъ и далеко не соответствовалъ явленіямъ реальной жизни. Во-первыхъ, Рикардо слишкомъ холодно отнесся къ интересамъ наибольшей массы населенія, не обративъ вниманія на реальную картину тѣхъ страданій, которыя приходится во всѣхъ этихъ случаяхъ переживать рабочему сословію. Разсматривая этотъ процессъ, какъ нѣчто преходящее, онъ упустилъ изъ виду необходимость отмѣтить, что государство должно что-нибудь сдѣлать въ этотъ переходный періодъ, и что сами рабочіе не могутъ хладнокровно взирать на процессъ ихъ вытѣсненія съ рабочаго рынка. Во-вторыхъ, онъ не принялъ совершенно во вниманіе тѣхъ политическихъ, социальныхъ и экономическихъ послѣдствій, которыя являются результатомъ перехода отъ ручного труда къ машинной индустріи. Онъ полагалъ, что промышленная жизнь при такихъ условіяхъ можетъ съ большимъ удобствомъ протекать внѣ всякаго вмѣшательства государственной власти и безъ всякихъ столкновеній между работодателями и рабочими. Въ дѣйствительности, возникновеніе машинной индустріи вызвало появленіе социальнаго законодательства, организацію рабочихъ и видоизмѣненіе всего политическаго устройства страны. Оно и понятно. Рикардо не суждено было наблюдать всю совокупность явленій, которыя протекли предъ нами послѣ изобрѣтенія машинъ и возникновенія крупной индустріи.

Прекрасная картина этихъ явленій дана намъ во многихъ парламентскихъ изслѣдованіяхъ и въ серьезныхъ трудахъ такихъ экономистовъ, какъ Роджерсъ, Кунингэмъ, Аплей и др. Намъ остается только открыть эти книги и съ помощью ихъ сдѣлать провѣрку общей теоріи.

III.

Въ этомъ отношеніи особенно поучительна исторія двухъ отраслей промышленности, которыя создали англійское богатство: ткацкое и прядильное производство изъ хлопка и шерсти и обработка жельзной руды. Мы остановимся только на первыхъ двухъ отрасляхъ.

Въ срединѣ прошлаго вѣка тканье и пряденье изъ шерсти было уже въ значительной степени развито въ разныхъ частяхъ Англии, сосредоточиваясь однако, въ трехъ главныхъ центрахъ обработки шерсти; работа совершалась ткачами на дому, но ткачи уже сами не покупали шерсти и не продавали продуктовъ своего труда непосредственно потребителямъ. Между потребителемъ и ткачемъ стояло уже два посредника. Богѣ мелкій снабжалъ ткача шерстью, затѣмъ покупалъ пряжу и перепродавалъ ее крупному капиталисту-торговцу въ городѣ, который уже распродавалъ ее потребителямъ. При такихъ условіяхъ произошли съ поразительной быстротой техническія усовершенствованія, о которыхъ мы уже говорили выше. Послѣдовательно нашли возможность съ большимъ искусствомъ употреблять вмѣсто человѣческой силы силу воды, пара и, наконецъ, около 1780—90 г. стали повсемѣстно входить въ употребленіе машины, которыя давали возможность прясть и ткать «безъ помощи пальцевъ». Къ 1790 г. машинная индустрія уже значительно организовалась и, не смотря на временныя затрудненія, вызванныя континентальной системой, продолжала развиваться вплоть до нашихъ дней. Деревенскіе ткачи, естественно, не въ состояніи были запасаться дорого стоющими и монопольными машинами и въ тоже время не могли выдерживать конкуренціи съ ними. Домашней формѣ промышленности былъ нанесенъ рѣшительный ударъ, и ткачамъ пришлось искать работы у капиталиста-предпринимателя. Само собою разумѣется, подобный переходъ не могъ совершиться внезапно, и ткачи долгое время пытались работать старыми орудіями, не покидая своего стараго жилища. Въ 1778 году губернаторъ Повнэлъ отмѣчалъ, что ткачи иногда ходили къ мѣсту работы, гдѣ сосредоточивались машины, и возвращались обратно на разстояніи 33 миль, и это для того, чтобы заработать 2 ш.

6 пенсовъ въ сутки. Такое положеніе вещей не могло продолжаться долго. Къ тому же, въ это самое время крупное сельское хозяйство начинало гордо поднимать голову и, заботясь во имя усовершенствованнаго земледѣлія объ огороживаніи и размежеваніи полей, лишало возможности мелкаго земледѣльца и фермера существовать у себя дома. Потерявъ подспорное дѣло, домашнее ткачество, кустарь-ткачъ, скоро потерялъ и общинный лугъ, на которомъ могъ содержать корову. Положеніе мелкаго фермера было также не блестяще. Покровительственныя хлѣбныя пошлыны, которыя особенно усилились послѣ 1815 г., возвышали цѣну продукта земли. Но въ то же самое время хозяйство становилось особенно рискованнымъ дѣломъ. Цѣны сильно колебались, а ренты между тѣмъ возрастали подъ вліяніемъ замѣтнаго увеличенія населенія. Мелкій человекъ не могъ приспособиться къ новымъ условіямъ рынка, бросалъ землю и шелъ искать спасенія на фабрику. Картина промышленной жизни Англій въ періодъ съ 1790—1848 г. вообще представляетъ собой какой-то хаосъ, если мы даже будемъ вѣрить только однимъ официальнымъ источникамъ. Населеніе бѣжитъ въ города, мечется изъ стороны въ сторону въ поискахъ за работой. По выраженію одного писателя, машины временно обратили осѣдлаго англичанина въ «блуждающихъ номадовъ». Въ то же время происходило пережѣщеніе разныхъ отраслей промышленности изъ однихъ мѣстъ въ другія, подъ вліяніемъ тѣхъ или иныхъ удобствъ сбыта и организаціи фабрикъ, что еще болѣе ухудшало положеніе рабочихъ. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ они получали повышенныя платы, въ другихъ сидѣли безъ работы, не знали, что дѣлать и куда идти. Къ тому же, повсемѣстно находили работу только искуснѣйшіе, въ качествѣ руководителей; на мѣсто обыкновеннаго рабочаго всячески старались ставить женщинъ и дѣтей. Машины облегчили трудъ, раздѣлили его на простѣйшія операціи, сдѣлали болѣе механическимъ, и потому потребовались съ одной стороны искусные руководители и механики для производства машинъ и управленія ими, съ другой—только «рабочія руки». Естественно было обратиться къ такимъ рукамъ, которыя стоили всего дешевле. Съ этого-то именно времени и начинается постыдная въ глѣтописяхъ англійской исторіи торговля дѣтьми изъ рабочихъ и воспитательныхъ домовъ, начало которой положено уже въ 1793 году. Этотъ процессъ продолжался почти до нашихъ дней, и число занятыхъ рабочихъ въ хлопчатобумажной промышленности распредѣлялось, напр. въ два сравнительныхъ періода, какъ ниже слѣдуетъ:

	Въ 1850 г.	Въ 1877 г.
Дѣтей	6,4%	14,0%
Малолѣтнихъ отъ 13 до 18 л.	10,3	8,0
Взрослыхъ выше 18 л.	27,4	24
Женщинъ	55,5	54

И такая перетасовка въ рабочемъ населеніи совершалась во многихъ отрасляхъ. Въ то же время обнаружилось повсемѣстно необыкновенное удлиненіе рабочаго дня, увеличеніе регулярности и напряженности труда. Ткачъ въ домашней промышленности работалъ, конечно, не мало, но не регулярно. Онъ не былъ прикованъ къ своему станку и временами бездѣйствовалъ и отдыхалъ. Теперь рабочій долженъ былъ приходить въ опредѣленное время, и трудъ совершался только съ перерывами для принятія пищи. Къ тому же, желая выработать прежнюю сумму своего дохода, ткачъ или удлинялъ рабочій день, или переходилъ, если былъ особенно искусенъ, къ поштучной работѣ. Въ какихъ санитарныхъ и нравственныхъ условіяхъ совершалась въ это время работа, о томъ краснорѣчиво свидѣтельствуютъ отчеты инспекторовъ и послѣдующихъ комиссій и мы не станемъ на нихъ останавливаться *).

Въ этотъ періодъ рабочіе хорошо познали справедливость формулы Вильяма Коббета, согласно которой «рабочія платы тогда высоки, когда фабрикантъ бѣгаетъ за рабочимъ, и низки, когда рабочій бѣгаетъ за фабрикантомъ». Мужчины, работая полное число часовъ, добывали отъ 5 до 7 шил. въ недѣлю, а женщины и того меньше. Отъ населенія, скопившагося въ городахъ, занятаго въ перемежку съ женщинами въ однѣхъ и тѣхъ же фабрикахъ, не питающаго особыхъ надеждъ на улучшеніе своего положенія, трудно было ожидать предусмотрительности, которую ему иногда проповѣдывали Мальтусъ и другіе. Оно умирало и размножалось, размножалось и умирало. Безпристрастный, но умѣвший сочувствовать страданіямъ другихъ, экономистъ Сисмонди **), на глазахъ котораго совершались всѣ эти явленія, первый поднялъ вопль противъ машинъ. Онъ попытался даже установить законъ, согласно которому машины понижаютъ цѣнность продуктовъ въ арифметической прогрессіи, а вытѣсняють рабочихъ въ геометрической. То, что Рикардо называлъ холоднымъ словомъ временнаго страданія рабочихъ, превратилось въ хроническое бѣдствіе. Роджерсъ ***) съ

*) См. статью «Ричардъ Остлеръ» въ мартовской книгѣ «Міра Бож.» 1895 г.

**) См. его Nouveaux Principes d'Economie politique.

***) См. The Industrial and Commercial History of England, послѣд. изд. 1892 г., стр. 18.

внимательностью серьезнаго ученаго пересмотрѣвъ всѣ факты, относящіяся къ этому періоду, говоритъ: «миѣ грустно, но я долженъ сказать, что процессъ развитія британской мануфактуры и торговли былъ столь же разрушителенъ для человѣческихъ жиней, какъ и многія битвы».

Грустную, тяжелую картину представляла Англія за это время. Рабочіе не только переносили на себѣ всю тяжесть новаго положенія вещей, но и теряли всѣ преимущества, которыя имъ давало законодательство Елизаветы. Это послѣднее, какъ извѣстно, допускало возможность союзовъ рабочихъ, нормировало рабочія платы и устанавливало нѣкоторый необходимый срокъ ученичества, опредѣляя при этомъ и число учениковъ у каждаго мастера. Сначала практически, а затѣмъ и законодательнымъ путемъ (1815), соотвѣтствующія постановленія этого законодательства были устранены; рабочимъ же предоставлено, въ противность тому же закону, единственное право «искать себѣ заработка и пропитанія на всемъ протяженіи Соединеннаго королевства». Предложенія установить минимумъ заработной платы, сдѣланныя въ 1795 г., 1800 и 1808 гг., были категорически опровергнуты парламентомъ, какъ «непрактичныя». Но все-таки нужда населенія была слишкомъ велика и потому нужно было принять какія-нибудь мѣры. Въ 1795 г. беркширскіе судьи на одной изъ своихъ сессій признали, что бѣдность и страданія среди населенія достигли «крайней» степени напряженія. Они рѣшились прибѣгнуть къ системѣ, которая состояла въ слѣдующемъ. Было рѣшено приплачивать къ заработной платѣ занятаго рабочаго ту или другую сумму, въ зависимости отъ стоимости хлѣба, изъ налога, собираемаго въ пользу бѣдныхъ. Въ 1783—85 г. общій итогъ налога на бѣдныхъ колебался въ среднемъ около 2 мил. ф. с., въ 1812 г. онъ достигаетъ уже 5—6 мил. ф. с. По словамъ Кунингэма, эта система была выгоднѣе для землевладѣльцевъ и капиталистовъ, чѣмъ установленіе нормальной платы, и по слѣдующей причинѣ. Десятиные сборы (преимущественно въ пользу церкви) собирались изъ общаго продукта земли уже послѣ полученія налоговъ на бѣдныхъ. Землевладѣлецъ платилъ, такимъ образомъ, меньше въ десятинахъ, если налоги на бѣдныхъ были больше, чѣмъ могло происходить только при особенно низкихъ заработныхъ платахъ. Налогъ на бѣдныхъ снова возвращался къ нимъ въ видѣ приплаты къ рабочей платѣ. Фабриканты косвенно выгадывали точно также за счетъ земельныхъ налоговъ, вынуждая земледѣльцевъ приплачивать и занимаемымъ ими рабочимъ...

IV.

Но оставимъ эту мрачную переходную эпоху и посмотримъ, не улучшилось ли, дѣйствительно, положеніе рабочаго сословія. Рикардо, какъ мы видѣли, предполагалъ, что улучшение это произойдетъ благодаря употребленію части сбереженнаго чистаго дохода на новое производство. Спрашивается, сложились ли обстоятельства реальной жизни согласно этой формулѣ и, если это отчасти даже произошло, то не создано-ли при этомъ какихъ-нибудь особыхъ общественныхъ опасностей? Намъ снова необходимо обратиться къ фактамъ. Но къ нимъ слѣдуетъ относиться съ достаточной осторожностью. Мы поставили своей задачей прослѣдить, поскольку введеніе машинъ отразилось на благосостояніи разныхъ классовъ. Факты же, къ которымъ намъ придется обратиться, являются результатомъ не однихъ только техническихъ усовершенствованій.

Въ теченіе XVIII вѣка или, точнѣе говоря, въ періодъ съ 1688 по 1815 г. обстоятельства замѣчательно благоприятствовали Англій. Въ эту эпоху она достигла того политическаго и коммерческаго могущества, которымъ предпочтительно предъ всѣми другими націями обладаетъ еще теперь. Технические усовершенствованія разрушили старый хозяйственный строй, но въ то же время послужили лучшимъ орудіемъ для расширенія оборотовъ на протяженіи всего міра и доставили достаточное количество средствъ для разныхъ колониальныхъ приобрѣтеній. Утрехтскій (1713), Парижскій (1763) и Вѣнскій (1815) трактаты остаются памятниками развитія территориальныхъ владѣній и морскаго владычества Англій. По миру въ Утрехтѣ Англія приобрѣла—отъ Франціи—Нью-Фаундлендъ, Новую Шотландію, Гудсоновъ проливъ, отъ Испаніи—Гибралтаръ, Минорку и право на торговлю неграми въ южно-американскихъ испанскихъ колоніяхъ; по миру въ Парижѣ она получила Канаду, часть Малыхъ Антильскихъ острововъ, нѣкоторыя колоніи на африканскомъ берегу и военныя преимущества въ Индіи. Только въ 1776 году Англія потерпѣла было временную задержку въ дѣлѣ расширенія своихъ колоній и торговли. По миру въ Версалѣ (1783) она должна была признать независимость своихъ Сѣверо-Американскихъ колоній и уступить Флориду и Минорку—Испаніи, а Сенегалъ и нѣкоторыя другія территоріи—Франціи. Но самая свобода Сѣверо-Американскихъ колоній не оказалась столько пагубнымъ явленіемъ, какъ это представлялось нѣкоторымъ тогдашнимъ англійскимъ государственнымъ дѣятелемъ. Промышленныя связи съ этой страной спустя нѣкоторое время даже возрасли и окрѣпли. Почти одновременно

съ этими событіями Англія совершенно неожиданно для другихъ странъ стумѣла съ выгодой возмѣститъ свои потери новыми пріобрѣтеніями: лордъ Клиффъ положилъ основаніе Восточно-Индійской Имперіи, а Кукъ овладѣлъ Новымъ Южнымъ Валдисомъ. Наибольшаго апогея морское и коммерческое владычество Англіи достигло въ началѣ XIX вѣка, когда, развивая всѣ свои силы на почвѣ новыхъ усовершенствованій, она, пользуясь смутнымъ временемъ на континентѣ, почти буквально уничтожила военные и коммерческіе флоты другихъ странъ. По расчету Портера *), въ теченіе 22-лѣтней борьбы, закончившейся миромъ 1815 г., Англія захватила въ плѣнъ, присвоила и уничтожила болѣе 1.100 военныхъ кораблей, принадлежавшихъ Франціи, Испаніи, Даніи, Россіи и другимъ странамъ. Она же захватила въ качествѣ военной добычи болѣе 4.023 кораблей коммерческаго флота вмѣстимостью болѣе 536.240 тоннъ. Вѣнскій трактатъ (1815) закрѣпилъ за Англіей всѣ ея пріобрѣтенія. Она получила Гельголандъ, Мальту, Цейлонъ, Мауритіусъ, Капскую землю, огромныя территоріи въ Восточной и Западной Индіи, а также по берегамъ южной Америки и Африки. Уже изъ этихъ данныхъ читатель видитъ, что спросъ на рабочія руки создавался не однимъ обращеніемъ избытковъ чистаго дохода на покупку труда. Цѣлая совокупность сложнѣйшихъ обстоятельствъ дѣйствовала въ одномъ и томъ же направленіи. Населеніе возрастало, но находило при этомъ приложение своимъ силамъ не только въ метрополи, но и въ колоніяхъ. Населеніе Соединеннаго королевства, бывшее въ 1760 г. около 11 милліоновъ, достигло въ 1800 г.—16 милл., въ 1840 г. 27 милл. и въ 1881 г. болѣе 36 милліоновъ, и это кромѣ той громадной массы населенія, которая покинула метрополию для жизни въ колоніяхъ. При всемъ томъ мы, однако, имѣемъ нѣкоторыя указанія, косвенныя, но вѣскія, которыя свидѣтельствуютъ намъ о причинахъ колоссальнаго развитія оборотовъ Англіи. Общая стоимость ввоза и вывоза Англіи оцѣнивалась въ 1760 г. Макферсономъ и другими въ 26,5 милл. фун. стер.; цифра эта возрасла до 74 мил. ф. с. въ 1800 г., 103 въ 1840 г. и цифры 723 мил. ф. ст. въ 1813 г. Всѣ данныя промышленной статистики и всѣ авторитеты единодушно признаютъ, что это громадное развитіе оборотовъ было результатомъ развитія мануфактуръ и фабрикаціи всѣхъ видовъ на почвѣ новыхъ усовершенствованій и до извѣстной степени въ силу нѣкоторой монополизациі рынка. Особенную роль въ этомъ отношеніи сыграли хлопковое и шерстяное пряденіе, и качество, и желѣзо и сталелитейное дѣло въ

*) См. Progress of the Nation, 1851 г., 394—6.

его широкомъ многообразіи. Земледѣліе въ собственно мѣ смыслѣ, т. е. культура питательныхъ растений, все болѣе и болѣе отходило на задній планъ. По разсчету Портера въ періодъ съ 1801 по 1815 г., только 600 тыс. населенія содержалось за счетъ привознаго хлѣба, въ 1841—1849 г. эта цифра достигла 2,5 милл., а въ настоящее время болѣе половины населенія Соединеннаго королевства питается привознымъ хлѣбомъ. Въ 1783 г. ввозъ хлѣба составлялъ на единицу населенія 250 англ. фунтовъ. Повидимому, этотъ процессъ развитія мануфактуръ еще и теперь не закончился. Такимъ образомъ, мы имѣемъ, повидимому, всѣ основанія предполагать, что въ общемъ результатѣ новая промышленная система въ связи со всѣми вызванными ею преобразованіями и приобрѣтеніями увеличила какъ валовой, такъ и чистый доходъ. Отсюда слѣдуетъ ожидать, какъ и предполагалъ Рикардо, что положеніе всѣхъ классовъ населенія должно было улучшиться. Но и здѣсь отвлеченныя предположенія Рикардо нуждаются въ поправкахъ. Прежде всего, онъ не принялъ во вниманіе всѣхъ соціальныхъ послѣдствій того процесса, согласно которому нѣкоторая доля чистаго дохода употребляется на покупку труда; кромѣ того опытъ показалъ, что улучшеніе положенія рабочихъ обуславливалось не столько тѣмъ, что они задерживали свое размноженіе, сколько тѣмъ, что благодаря ихъ организованнымъ усиліямъ, государство принуждено было придти имъ на помощь; наконецъ, его представленіе о безграницности потребностей и о невозможности перепроизводства оказалось также весьма проблематичнымъ. Прежде чѣмъ перейти къ болѣе ясному опредѣленію этихъ положеній мы бросимъ взглядъ на нѣкоторыя имѣющіяся данныя относительно распредѣленія народнаго дохода и положенія рабочихъ въ два сравнительные періода, въ 1843 и 1886—1892 годы.

По оцѣнкѣ извѣстнаго статистика Джиффена, которая, подобно всѣмъ другимъ такимъ оцѣнкамъ, конечно, только приблизительно, возрастаніе англійскихъ доходовъ можетъ быть представлено въ слѣдующей таблицѣ:

	Общая сумма доходовъ.		% возра-
	1843 г.	1886 г.	станія.
1) Доходъ капиталистовъ (рента и процентъ)	190	400 мил. ф. с.	125%
2) Доходъ капиталистовъ, оплачивающихъ подоходный налогъ, отъ производства	154	320 „ „	100%
3) Доходъ отъ труда высшихъ и среднихъ классовъ, неоплачивающихъ подоходнаго налога			
4) Доходъ рабочаго сословія въ собственномъ смыслѣ слова			

По исчисленію того же Джиффена предъ рабочей комиссіей въ 1892 г., общая цифра рабочаго населенія, которое живетъ исключительно рабочей платой и положеніе котораго зависитъ отъ спроса на рабочія руки, составляетъ нынѣ крупную цифру въ 13,2 милліоновъ человѣкъ. Населеніе это состоитъ въ круглыхъ цифрахъ изъ 7,5 мил. взрослыхъ мужчинъ, 2,9 мил. такихъ же женщинъ, 1,7 мил. мальчиковъ и подростковъ и 1,2 мил. дѣвушекъ. Общая сумма заработка мужчинъ 439 м. ф. ст., женщинъ—118, мальчиковъ и подростковъ—46, дѣвушекъ—29, а всего, слѣдовательно, на долю рабочаго сословія приходилось 632 м. ф. ст. изъ общей суммы дохода 1.500 м. ф. ст., въ среднемъ на голову населенія—48 фунтовъ; 50 лѣтъ тому назадъ этотъ доходъ былъ всего 19½ фун. на голову населенія. По точнымъ свѣдѣніямъ, собраннымъ въ 1886 году для 38 главнѣйшихъ занятій, средняя рабочая плата была для взрослыхъ мужчинъ 24 ш. 7 пен. въ недѣлю, включая сюда и стоимость всѣхъ гратификацій, или въ среднемъ въ годъ 64 фунта; тѣ же данныя для другихъ рабочихъ въ послѣдовательномъ порядкѣ вышеуказаннаго подраздѣленія: 12 ш. 7 п. или 32 фун., 9 ш. 2 п. или 23 фун. и 7 ш. или 18 ф. Вообще изъ всѣхъ занятыхъ въ этихъ 38 отрасляхъ промышленности 0,2% получали менѣе 10 ш. въ недѣлю, 2,5% — отъ 10 до 15, 20,9%—15—20 ш., 35,4%—20—25, 23,6%—25—30 ш., 11,2%—30—35 ш., 4,4%—35—40 и 1,8%—свыше 40 шиллинговъ въ недѣлю.

Несомнѣнно, положеніе рабочихъ классовъ улучшилось. Мы знаемъ также, что въ этотъ періодъ они, благодаря своимъ организованнымъ усиліямъ, добились свободы союзовъ, стачекъ, участія въ политической жизни страны и знаменательнаго развитія соціального законодательства. Обратившись къ труду другого статистика Шонгова (The Economy of High Wages, гл. X), мы найдемъ также, что работникъ на одинъ шиллингъ могъ купить въ англійскихъ фунтахъ въ 1790 и 1890 годахъ:

	Въ 1790 г.	Въ 1890 г.
Муки пшеничной	5—6 фунт.	9 ³ / ₅ фунт.
Хлѣба пшеничнаго	4 ¹ / ₂ »	11 »
Мяса воловьяго	2 ¹ / ₂ —3 »	1 ¹ / ₂ —3 »
Варянины	2 ¹ / ₂ —3 »	1 ¹ / ₂ —2 ¹ / ₂ »
Масла	1 ¹ / ₃ »	3/4 »
Сахара	1 ³ / ₄ »	5 »
Картофеля *)	1 ² / ₃ —2 »	1 ¹ / ₂ »
Чая въ унціяхъ	1 ² / ₃ »	6 ³ / ₅ »

*) За девять литровъ (около полу-мѣры).

Изъ этихъ, хотя, конечно, очень приблизительныхъ данныхъ можно видѣть, что рабочій выигралъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ даже, какъ потребитель чисто земледѣльческихъ продуктовъ. Какъ потребитель предметовъ фабрикаціи, онъ, безъ сомнѣнія, выигралъ гораздо больше. Какъ ни утѣшительны всѣ эти цифры, въ особенности по сравненію съ данными континентальной статистики, но и онѣ имѣютъ свою обратную сторону и въ двухъ направленіяхъ, которыя могъ предвидѣть, но не указалъ Рикардо въ своемъ абстрактномъ изслѣдованіи. Во-первыхъ, возрастаніе доходовъ владѣющихъ классовъ совершалось въ значительно большей прогрессіи, и это привело къ увеличенію роскоши. Стоя на чисто отвлеченной почвѣ, Рикардо могъ бы предугадать это обстоятельство, если бы былъ болѣе склоненъ разсматривать явленія съ соціально-политической точки зрѣнія. Избытки въ чистомъ доходѣ, основывающіеся на полномъ удовлетвореніи потребностей при прежнихъ средствахъ, могутъ вести только къ появленію новыхъ и искусственныхъ потребностей. Всѣ данныя свидѣтельствуютъ о дѣйствительно небываломъ развитіи чисто искусственныхъ потребностей. Мы не имѣемъ возможности останавливаться здѣсь дольше на этомъ вопросѣ, но онъ представляетъ большой соціальный и экономическій интересъ. Соціальный потому, что направляетъ трудъ зачастую въ совершенно бесполезныя области, экономическій потому, что наростаніе этихъ потребностей и колебанія въ томъ или иномъ количествѣ средствъ, удѣляемыхъ на ихъ удовлетвореніе, оказываетъ большое вліяніе на цѣнности продуктовъ, а черезъ нихъ и на положеніе рабочихъ классовъ. Родбертусъ, какъ извѣстно, всю свою, можетъ быть, и не совсѣмъ полную и основательную, теорію кризисовъ построилъ на этомъ колебаніи потребительнаго бюджета. Во всякомъ случаѣ это значеніе колебанія и наростанія потребностей въ значительной мѣрѣ наноситъ ударъ теоріи Рикардо о невозможности перепроизводства товаровъ при помощи машинной индустріи, не знающей, кромѣ того, точно рынка, для котораго она производить, и не могущей, какъ обнаружили послѣднія изслѣдованія, остановить потокъ исходящей изъ нея продукціи. Остановить работу машинъ—это означаетъ потерять огромныя суммы въ видѣ % на этотъ мертвый капиталъ и подвергнуться всѣмъ опасностямъ безработицы. Кунингэмъ, котораго мы уже неоднократно цитировали, отлично понимаетъ всѣ опасности этого положенія вещей. Вотъ его слова, а затѣмъ и подтвержденіе ихъ на данныхъ современнаго положенія вещей: «Міровой спросъ на англійскіе товары,—говоритъ онъ,—былъ настолько великъ, что создалъ чрезвычайный стимулъ для развитія различ-

ныхъ родовъ нашей промышленности; но результатомъ этого явилось то, что англійскій капиталъ направился и повлекъ за собой англійскій трудъ по направленію, которое опредѣлялось спросомъ не собственного внутренняго рынка, а иностранныхъ государствъ. Это вызвало чрезвычайную неустойчивость во всѣхъ нашихъ промыслахъ. Положеніе нашихъ главнѣйшихъ отраслей промышленности зависитъ прямо или косвенно отъ обстоятельствъ, лежащихъ внѣ нашей воли, а именно, напр., состоянія погоды. Наши мануфактуры зависятъ не только по отношенію къ продажѣ своихъ продуктовъ отъ иностранныхъ рынковъ. Пищу своихъ рабочихъ и матеріалы для переработки они могутъ находить только на иностранномъ рынкѣ. Поэтому, продолжаетъ онъ, всякое социальное видоизмѣненіе въ другихъ государствахъ, война или разрывъ съ нами, можетъ быть, для насъ весьма серьезнымъ дѣломъ. Въ прежніе дни наша политика давала направленіе торговлѣ, нашему поколѣнію грозитъ опасность, какъ бы нужды нашей торговли не принудили насъ къ такого рода политикѣ, которая имѣетъ своею единственною цѣлью устраненіе волненій, могущихъ оказаться вредными въ интересахъ нашей промышленности. Гражданская война въ Америкѣ открыла намъ глаза относительно зависимости одной крупной нашей промышленности отъ положенія дѣлъ въ этой странѣ; разрывъ съ любой европейской державой можетъ серьезно отразиться на снабженіи пищей, въ то же время врядъ ли имѣется какая бы то ни была борьба въ любомъ изъ отдаленнѣйшихъ уголковъ міра, которая не отзывалась бы на спросѣ на наши товары. И именно, благодаря тому, что Англія сдѣлалась фабрикой для всего міра, она уже не можетъ удовлетворяться сама собой и не является владыкой своей собственной судьбы. Это было замѣчено даже въ теченіе мирнаго времени послѣ возникновенія въ другихъ странахъ враждебныхъ тарифовъ, когда стало повятно ихъ вредное вліяніе на промышленность страны. Какъ бы ни отражались эти тарифы на богатствѣ тѣхъ странъ, которыя къ нимъ прибѣгаютъ; допустимъ даже, что они болѣе всего вредны для этихъ же странъ, но для насъ все это не имѣетъ значенія до тѣхъ поръ, пока они оказываютъ дурное вліяніе на нашу промышленность и продолжаютъ наносить серьезнѣйшіе удары тѣмъ изъ ея отраслей, продуктомъ которыхъ мы живемъ. Куинингэмъ, кромѣ того, не привякъ во вниманіе еще и того, что колебаніе заработка въ значительной степени обусловливается и измѣнчивостью спроса на самомъ внутреннемъ рынкѣ. Абсентеизмъ владѣющихъ классовъ, въ особенности въ Ирландіи, и наконецъ, миграція англійскаго капитала нерѣдко наноситъ чувстви-

тельные удары интересамъ рабочихъ, вызывая неустойчивость въ спросъ на ихъ трудъ.

Я позволю себѣ привести нѣсколько данныхъ, опубликованныхъ въ октябрьскомъ номерѣ за 1894 г. официальной «Labour Gazette» при «Board of Trade». По словамъ этого журнала, положеніе промышленности почти во всѣхъ отрасляхъ критическое. Изъ 32 акціонерныхъ Обществъ, которыя давали свѣдѣнія, только семь назвали положеніе промышленности удовлетворительнымъ, 1 углероднымъ, 24 же Общества отозвались о положеніи промышленности, какъ объ очень плохомъ. Сокращеніе производства, начавшееся еще съ августа, постепенно продолжается. Обнаружилось, было, нѣкоторое оживленіе въ кораблестроительномъ дѣлѣ, но затѣмъ снова наступилъ кризисъ. Число незанятыхъ рабочихъ въ машиностроительномъ дѣлѣ, на желѣзо-дѣлательныхъ и сталелитейныхъ заводахъ въ теченіе сентября составляло 12%, въ строительномъ дѣлѣ незанятые рабочіе составляютъ 2,8%. Въ промышленности по изготовленію одежды дѣла идутъ попрежнему безъ особаго сокращенія рабочаго персонала. Переплетное и печатное дѣло находятся въ особенно утнетенномъ положеніи въ Лондонѣ и количество незанятыхъ рабочихъ—6,6%. Ткацкое дѣло въ хлопковой промышленности въ полномъ ходу, но за то пряденіе изъ шерсти и льна сильно сокращаетъ дѣятельность. Промышленности, изготовляющія ленты, шурки и чулки, работаютъ только половинное время. Промышленность бочечная, по выдѣлкѣ стеклянныхъ бутылокъ, щетокъ, ножовое дѣло и родственныя ему отрасли въ Шеффилдѣ находятся въ очень плохомъ положеніи. Въ общемъ эти 32 Общества занимаютъ 335.265 человекъ и изъ нихъ теперь не находятъ работы болѣе 24.335, т. е. 7,3%. Количество лицъ на попеченіи общественнаго призрѣнія въ сентябрѣ было 212 на 10.000 населенія, эмиграція лицъ британской расы—29.988. Зимой ожидалось еще дальнѣйшее ухудшеніе и поэтому «Local Government Board» разослалъ въ началѣ октября всѣмъ мѣстнымъ органамъ небывалый въ англійскихъ лѣтописяхъ циркуляръ, приглашая ихъ принять всѣ зависящія отъ нихъ мѣры для поддержанія ремесленниковъ и фабричныхъ рабочихъ, которые не желаютъ обращаться къ суммамъ общественнаго призрѣнія. Онъ проситъ мѣстные органы санитарнаго управленія совмѣстно съ надзирателями за бѣдными выработать въ скорѣйшемъ времени любой планъ, не останавливаясь при этомъ даже предъ совершеніемъ займовъ, которые правительство заранѣе общааетъ одобрить. Въ свою очередь, циркуляръ рекомендуетъ: а) организацію любыхъ работъ, хотя бы онѣ и не согласовались съ прежними занятіями

всѣмѣющихъ работу, совѣтуя при этомъ избирать такія работы, которыя не конкурируютъ съ существующими отраслями промышленности и даютъ возможность занятымъ рабочимъ при открытіи случая перейти къ своимъ прежнимъ и вольнымъ занятіямъ, б) организацію фермъ, и в) проложеніе дорогъ, очистку и мощеніе улицъ, открытіе новыхъ и починку старыхъ кладбищъ и проч.

Статистика рабочей газеты считается, однако, многими еще елишкомъ оптимистической. Мнѣ пришлось присутствовать на одномъ митингѣ въ «Poplar Townhall», гдѣ говоритъ одинъ изъ выдающихся руководителей рабочихъ Томасъ Мантъ, который недавно надѣлалъ много шума, высказавъ желаніе, которое онъ приведетъ въ скоромъ времени, кажется, въ исполненіе, сдѣлаться священникомъ англиканской церкви. По его словамъ, среди такъ-называемаго искуснаго ремесленнаго труда число незанятыхъ, дѣйствительно, 6—7%, т. е. не работаетъ одинъ изъ 14. Однихъ механиковъ въ Лондонѣ теперь не занято около 30.000 человѣкъ. Среди чернорабочихъ обычный процентъ незанятыхъ 3%, а теперь 15—16%. По его расчету въ одномъ Лондонѣ не заняты 102 тысячи, а считая съ женами и дѣтьми 350 тыс.

V.

Допустимъ даже, что въ общемъ положеніе рабочаго сословія значительно улучшилось по сравненію съ началомъ этого вѣка. Но снова абстрактный анализъ Рикардо, который до извѣстной степени предвидѣлъ это, нуждается въ поправкахъ. Рикардо ожидалъ, что улучшеніе произойдетъ подъ вліяніемъ двухъ обстоятельствъ. Во-первыхъ, общее увеличеніе валоваго дохода и посвященіе части чистаго дохода на новое производство вызоветъ усиленный спросъ на рабочія руки; во-вторыхъ, рабочіе въ процессѣ свободнаго преслѣдованія собственныхъ интересовъ научатся нормировать свое размноженіе. Но онъ въ значительной степени ошибся. Первоначально, какъ мы видѣли выше, промышленный переворотъ, вызванный новѣйшими изобрѣтеніями, привелъ къ почти полному политическому и экономическому рабству рабочихъ: они потеряли свою организацію и сдѣлались жертвой своекорыстія болѣе сильныхъ общественныхъ элементовъ. Но билль о реформѣ 1832 г., обезпечившій торжество среднихъ классовъ, не остался безъ дальнѣйшихъ послѣдствій. Населеніе, которое скопилось въ городахъ въ качествѣ фабричныхъ рабочихъ, не могло долгое время молчаливо переносить на себѣ всю тяжесть новой промышленной системы и скоро заговорило о своихъ правахъ. Съ этого момента

начинается великая борьба интересов средняго и низшаго сословія и, какъ о томъ не предполагалъ представитель абстрактнаго метода Рикардо, не на экономической, а въ началѣ на чисто политической почвѣ. Надо помянуть здѣсь добрымъ словомъ имена Годвина, Р. Овена, Михаила Садлера, Ричарда Остлера *), Вильяма Кобдена и др., которые, принадлежа къ владѣющимъ классамъ, сумѣли пробудить въ высшихъ классахъ сознаніе своихъ обязанностей, въ низшихъ — сознаніе своихъ правъ. Благодаря ихъ благородной инициативѣ, три могущественныхъ фактора оказали вліяніе на распредѣленіе народнаго дохода. Безъ нихъ, можетъ быть, дѣйствительно улучшеніе положенія рабочихъ классовъ совершалось бы только чрезъ средство развитія потребностей высшихъ классовъ и искусственное ограниченіе населенія, и мы были бы свидѣтелями еще большей роскоши и искусственности отношеній среди владѣющихъ классовъ и большей бѣдности, страданія и невѣжества среди работающихъ. Эти три фактора были таковы:

а) Общій подъемъ знаній, просвѣщенія и нравственныхъ чувствъ среди владѣющихъ классовъ, а въ особенности среди необыкновенно разросшагося класса ученыхъ и литераторовъ.

б) Создавшаяся рабочая организація, добившаяся отмены законовъ противъ союзовъ и комбинацій, сумѣвшая создать множество обществъ самопомощи и вынудившая дарованіе права всеобщаго и закрытаго голосованія.

в) Вмѣшательство государства въ отношенія между владѣющими и работающими классами, которое стало особенно дѣятельно послѣ реформъ 1868 г.

А. Миклашевскій.

---

*) Подробности см. «Ричардъ Остлеръ», мартъ 1895 г. «Міръ Бож.».

Прим. ред.

ДВА БРАТА.

РАЗСКАЗЪ ЕЛИЗЫ ОРЖЕШКО.

(Окончаніе *).

II.

Въ тотъ же самый часъ, когда наканунѣ семья Горнича обѣдала въ полной недовольства и мрачности семейной атмосферѣ, теперь, за тѣмъ же самымъ столомъ, раздавался говоръ оживленныхъ и веселыхъ голосовъ. Зенонъ Горничъ могъ бы найти въ этомъ тему для размышленій надъ тѣмъ, что болѣе всего занимало его разумъ, надъ измѣнчивостью всего въ жизни. Но въ настоящую минуту онъ ни надъ чѣмъ не размышлялъ, его нравственная сторона проявлялась только въ чувствѣ радости и нѣжности, а, передъ собою онъ видѣлъ только своего брата. По пріѣздѣ со станціи желѣзной дороги, онъ прямо повелъ его къ обѣду. Онъ не хотѣлъ и слышать протеста Виктора, не желавшаго явиться передъ дамами въ дорожномъ и запыленномъ платьѣ; онъ громко и искренно смѣялся надъ этимъ, говоря, что его жена и ея сестра не дамы, а женщины и вдобавокъ деревенскія, не имѣющія никакого понятія объ общественномъ этикетѣ.

— Но я не имѣю еще удовольствія знать твоей жены и ея сестры, а показаться имъ въ первый разъ въ такомъ невыгодномъ свѣтѣ...

Но онъ не могъ окончить своего замѣчанія, Зенонъ почти силою втащилъ его въ комнату, гдѣ онъ очутился передъ Сабиной, до такой степени испуганной, что у нея дрожали руки, и передъ серьезной, но привѣтливой Розаліей. Анелька и Казіо, немного приварядившіеся по случаю пріѣзда дяди, стояли за матерью и теткою. Викторъ поцѣловалъ у Сабинины и Розаліи руку, выразивъ имъ свою радость по случаю знакомства съ ними, съ

*) См. «Міръ Божій», № 9, сентябрь.

полною искренностью обнялъ здоровавшихся съ нимъ дѣтей, бросилъ мимолетный внимательный взглядъ на глаза Сабины, которые бѣгали отъ испуга, и изящную фигуру Розаліи, сказавъ при этомъ нѣсколько вѣжливыхъ и любезныхъ замѣчаній, отличавшихся гладкостью рѣчи; затѣмъ, всѣ усѣлись за столъ.

Для каждаго посторонняго, не знавшаго обоихъ братьевъ, казалось бы невозможнымъ, что Викторъ былъ старше Зенона, на видъ онъ казался моложе послѣдняго, по крайней мѣрѣ, лѣтъ на десять. У него были темные волосы, онъ былъ средняго роста съ нѣкоторою дородностью, но въ движеніяхъ его сказывалось еще много молодости и гибкости. Его лобъ былъ бѣлъ и открытъ, лицо свѣжее и темные красивые, живые и веселые глаза. Говорилъ онъ гладко и легко; свобода въ обращеніи свидѣтельствовала о его большомъ умѣннѣ устраивать дѣла, завязывать новыя отношенія и вести самые разнообразныя разговоры. Туалетъ его, въ которомъ ему не хотѣлось показаться дамамъ, дѣйствительно нѣсколько запылился въ дорогѣ, но онъ былъ тонкой матеріи и изящнаго покроя. Замѣчательнымъ былъ также пріятный звукъ его голоса, полный симпатіи и сердечной теплоты, которыя сказывались и въ его взглядѣ и улыбкѣ.

Усѣвшись за столъ и заткнувъ салфетку, онъ съ аппетитомъ кушалъ супъ, который безукоризненно приготовила Маріанна, рассказывала разные случаи изъ своего довольно продолжительнаго путешествія, все это въ формѣ до такой степени занимательной и подчасъ смѣшной, что даже Сабина перестала бояться незнакомаго человѣка и слушала его со вниманіемъ и удовольствіемъ, не заботясь о качествахъ подаваемыхъ блюдъ. Зенонъ совершенно наивно и, какъ дитя, раздражался громкимъ смѣхомъ при мало-мальски остроумномъ словѣ брата, но хотя онъ чисто-сердечно и громко смѣялся, въ глубинѣ его глазъ выражалась грусть. Онъ наливалъ въ стаканъ и рюмку гостя пиво и вино, которое на-скоро привезъ изъ уѣзднаго города, усердно угощая его, наклонившись къ нему и смотря ему прямо въ глаза. Викторъ на это особенное и нервное ухаживаніе брата почти не обращалъ никакого вниманія. Онъ много ѣлъ и мало пилъ, рассказывалъ, смѣялся и болѣе всего смотрѣлъ на Розалію, и чаще всего обращая къ ней свою рѣчь. Она-то, главнымъ образомъ, и поддерживала разговоръ съ гостемъ, такъ какъ Сабина, вообще мало-разговорчивая, въ присутствіи незнакомаго ей человѣка молчала, какъ рыба. Зенонъ былъ черезчуръ взволнованъ, чтобы вести какой-либо серьезный разговоръ; Павелекъ, который сегодня тоже обѣдалъ вмѣстѣ, смотрѣлъ и слушалъ съ любопытствомъ, но былъ

смущенъ: дѣти молча устремляли свой взглядъ на дядю, точно на радугу. Розалія же была спокойна и увѣрена въ себѣ; она задавала гостю вопросы, которые вполне удовлетворяли его, отвѣты ея были свободны и занимательны, а, угощая его, она скрашивала этимъ неповоротливость запуганной сестры и растроганнаго шурина. Въ черномъ, но праздничномъ платьѣ, съ черными волосами, зачесанными просто, но къ лицу, изящно сложенная и съ правильными чертами лица, она изображала уже отцвѣтающую, но еще привлекательную женскую красоту. Викторъ незамѣтно присматривался къ ней, какъ бы нѣсколько интересуясь ею, послѣ чего переносилъ взоръ свой на Сабину и брата, и въ глазахъ его отражалось то удивленное, то плутовское выраженіе. Разговоръ вертѣлся на путешествіи, которое Викторъ уже совершилъ и собирался еще совершить, а также вообще на путешествіяхъ. Розалія была въ этотъ день въ духѣ и любезна со всѣми, за исключеніемъ Павелка, съ которымъ она не поздоровалась передъ обѣдомъ, дѣлая видъ, что не замѣчаетъ его. Только уже среди обѣда она мелькомъ взглянула на него иронически и со смѣхомъ обратилась къ гостю:

— Между нами здѣсь также находится нѣкто, кто собирается въ дорогу за золотымъ руномъ.

Викторъ посмотрѣлъ на юношу, который покраснѣлъ, какъ макъ цвѣтъ, и опустил глаза, съ видимо непріятнымъ чувствомъ. Онъ еще вовсе не говорилъ съ своимъ хозяиномъ и благодѣтелемъ о своихъ намѣреніяхъ, и намекъ на нихъ при всемъ обществѣ ставилъ его въ щекотливое положеніе. Зенонъ Горничъ тотчасъ же понялъ это и, несмотря на обиду, нанесенную ему воспитанникомъ, ему сдѣлалось жаль послѣдняго. «Зачѣмъ такъ стыдить его?» подумалъ онъ. Разговоръ, который у нихъ будетъ потомъ, произойдетъ безъ свидѣтелей. И, чтобы вывести Павелка изъ непріятнаго положенія, онъ началъ скоро и подробно рассказывать брату о Горкевичѣ, о родѣ и выгодахъ того мѣста, которое онъ получилъ и для котораго онъ покидаетъ насиженное мѣсто, о страсти его къ агрономіи и къ широкому хозяйству, что и склоняетъ его къ отъѣзду богѣе, нежели денежныя выгоды. Розалія поддерживала слова шурина, признавая Горкевича человекомъ интеллигентнымъ, любящимъ науку. Такой человекъ можетъ всегда принести много пользы себѣ и другимъ. Викторъ, которому братъ представилъ Павелка, какъ своего воспитанника и помощника, ласково взглянулъ на юношу и спросилъ:

— Ваша предполагаемая дорога, молодой человекъ, находится въ связи съ отъѣздомъ господина Горкевича?

Вмѣсто Павелка, отвѣтила Розалія:

— Да, нашъ Павелъ ѣдетъ также составить себѣ состояніе; вотъ уже два мѣсяца, какъ онъ возымѣлъ это намѣреніе, а мой шуринокъ и мы узнали объ этомъ только вчера и отъ посторонняго. Но въ этомъ нѣтъ ничего удивительнаго, такъ какъ, во-первыхъ, нѣтъ на свѣтѣ такой любви, которой бы не приберегли для выгоднаго дѣла...

— Вы, однако, отлично передѣлываете пословицы!—засмѣялся Викторъ.

— А во-вторыхъ, куда конь съ копытомъ, туда и ракъ съ клешней!

Она говорила свободно, весело, такъ, какъ будто бы ей и въ голову не приходило кого-либо кольнуть этими словами. Павелекъ имѣлъ видъ человѣка, претерпѣвающаго жестокаго муки; Зенонъ Горничъ возмутился за него и сказалъ серьезно:

— Что касается коня и рака, то нельзя навѣрное утверждать, кто конь, а кто ракъ; что же касается тайны, скрытой отъ насъ, то это происходило отъ того, что будущій путешественникъ колебался и обдумывалъ свои намѣренія.

При послѣднихъ словахъ онъ по пріятельски моргнувъ Павелку, который взглянулъ на него съ удивленіемъ, смѣшаннымъ съ восхищеніемъ.

— Поздравляю васъ съ такою предприимчивостью и энергіей! Ласково обратился къ нему Викторъ; это очень хорошо, очень пріятно, что вамъ удалось получить выгодное мѣсто, гдѣ вы получите возможность работать подъ руководствомъ такого предприимчиваго и энергичнаго человѣка, какимъ, судя по отзывамъ о немъ, долженъ быть господинъ Горкевичъ. Прежде всего предприимчивость и энергія! Необходимо заранѣе созидать себѣ будущность!

— Но,—проговорилъ Зенонъ,—созиданіе будущности вѣдь не зависитъ только отъ выгоднаго мѣста и большихъ доходовъ.

— А отъ чего же она болѣе зависитъ?—спросилъ Викторъ.

Зенонъ, съ нѣкоторымъ удивленіемъ въ голосъ, отвѣчалъ:

— Вѣдь молодой человѣкъ имѣетъ передъ собою будущность двойную: матеріальную и нравственную.

Викторъ засмѣялся и быстро подтвердилъ:

— Конечно, разумѣется, объ этомъ нечего и вспоминать: шестая заповѣдь гласитъ: не убій! восьмая—не укради!

— Это элементарно! Очень естественно, что о нравственности, предписываемой закономъ, нечего даже и вспоминать. Но за ея предѣлами есть для высшихъ обязанностей и добродѣтели еще широкое поле.

Викторъ, поглядѣвъ съ минуту на брата и, размышляя, отвѣтилъ:

— Да, есть, дѣйствительно есть, не знаю только, такъ ли широко поле, о которомъ ты говоришь, но оно есть. Только на этомъ полѣ уже ходятъ сестры милосердія и другія Божьи овечки. И пусть ихъ ходятъ на здоровье. Для насъ же, мірскихъ козловъ, прежде всего предприимчивость, практичность и энергія! Очень естественно, что заниматься грабежомъ по большимъ дорогамъ, воровать, давать подложные векселя не слѣдуетъ, такъ какъ за это можно попасть на этомъ свѣтѣ въ тюрьму, а...

И, засмѣявшись, онъ пріостановился и принялъ серьезный видъ.

— А ргоровъ тюрьмы, слышали ли вы о случившемся на-дняхъ знаменитомъ финансовомъ скандалѣ, послѣдствіемъ котораго было судебное дѣло?—спросилъ онъ.

Такъ какъ жители Запоянки почти ничего объ этомъ не слышали, хотя и знали кое-что изъ газетъ, то Викторъ рассказалъ всѣ подробности. Это было одно изъ тѣхъ нечистыхъ финансовыхъ дѣлъ, послѣднее дѣйствіе которыхъ разыгрывается обыкновенно въ судѣ. Когда онъ окончилъ рассказъ, Зенонъ замѣтилъ:

— Вотъ видишь ли, Викторъ, до чего доводятъ иногда предприимчивость и энергія, практикуемая безъ вниманія къ той добродѣтели, по полю которой ходятъ сестры милосердія и другія Божьи овечки!

Викторъ посмотрѣлъ на брата удивленными глазами.

— Какое же отношеніе имѣетъ одно къ другому? Вслѣдствіе того, что гдѣ-то нѣсколько мошенниковъ обокрали банкъ, я не могу составить себѣ состоянія честнымъ образомъ?

— Ты совершенно правъ; но только весьма трудно наполнять шкатулку, не опоражнивая сердца.

Викторъ слушалъ внимательно, но слова брата его разсмѣшили.

— Какъ! не опоражнивая сердца?—проговорилъ онъ, смѣясь:—напротивъ, милый мой, совершенно наоборотъ! Только тогда, когда имѣется полная шкатулка, можно наполнять и сердце... разными хорошими вещами.

— Не знаю, о какихъ такихъ хорошихъ вещахъ говоришь ты,—смѣшавшись, сказалъ Зенонъ.

— О всякаго рода вещахъ, мой милый, о всякаго рода хорошихъ вещахъ: о развлеченіяхъ, удовольствіяхъ, о веселомъ препровожденіи времени, а въ особенности о наилучшей изъ всѣхъ:—о любви. Только обладая полной шкатулкой, можно позволить себѣ всю эту роскошь, въ особенности послѣднюю—во всѣхъ отношеніяхъ самую дорогую!..

Говоря о любви, онъ бросилъ взглядъ на Розалію, которая шутливо замѣтила:

— Шуринъ мой, вообще, враждебно относится ко всякой роскоши...

Викторъ повернулся къ брату и посмотрѣлъ ему въ лицо.

— Что такое? Ты врагъ роскоши? Эскъ-артистъ? Не вѣрю... А что ты дѣлалъ въ Мюнхенѣ, а? не помнишь? Объ этомъ теперь говорить недозволительно...

Онъ плутовски посмотрѣлъ на Сабину, которая ужасно смѣшалась, а Зенонъ немного нахмурился, но, желая поддѣлаться подъ тонъ брата, шутливо возразилъ:

— Что прошло, того ужъ нѣтъ. Это давнишнія дѣла, дѣла давно минувшихъ дней...

— Много лѣтъ тому назадъ, какъ ты сдѣлался отшельникомъ! Ха, ха ха!

Смѣясь, онъ обнялъ брата, поцѣловалъ его въ обѣ щеки и сказалъ:

— О, ты, мой милый отшельникъ!

Обѣдъ кончился, но Сабина, какъ это обыкновенно бывало съ нею при гостяхъ, забыла попросить встать изъ-за стола. Ея голова была такъ переполнена тѣмъ, что гость кушалъ и что онъ будетъ ѣсть, вѣсколько шумный разговоръ до такой степени путалъ ея мысли, что она бы сидѣла до самаго вечера за столомъ, если бы не выручила ея Розалія, вставшая изъ-за стола.

Въ гостиной, довольно помѣстительной, но съ низкимъ потолкомъ и старосвѣтскою мебелью, Викторъ поймалъ пробѣгавшую возлѣ него Анелъку и шутливо сталъ разспрашивать ее объ ученіи и играхъ, незамѣтно присматриваясь къ виѣшнему виду подроставшей дѣвочки, унаслѣдовавшей отъ матери личико круглое, бѣлое и румяное.

— Пойдемъ пройтись, Викторъ,—предложилъ Зенонъ;—воображаю, съ какимъ нетерпѣніемъ ты ожидаешь посмотреть землю и небо въ Заполянкѣ. Послѣ восемнадцати лѣтъ...

— Согласенъ, согласенъ!—съ охотою согласился гость, но тотчасъ же обратился къ дамамъ:

— Конечно, вы не откажете намъ въ вашемъ обществѣ?

Онъ говорилъ во множественномъ числѣ, но смотрѣлъ только на Розалію; Сабина сдѣлала безпокойное движеніе, что-то прошепталъ о недостаткѣ времени и о необходимости остаться дома,—Розалія же отвѣтила, улыбаясь:

— Послѣ такой долгой разлуки мы бы не хотѣли своимъ присутвіемъ помѣшать откровенному разговору братьевъ.

— Ахъ, Боже мой! Что же мы могли бы сказать другъ другу такого, чего бы цѣлый свѣтъ не могъ услышать! Вѣдь мы не влюбленная парочка. Не правда ли, мой милый отшельникъ?

Онъ опять обнялъ Зенона и потрепалъ его обѣими руками по плечамъ. Но Розалія положительно отказалась принять участіе въ прогулкѣ, и братья вышли вдвоемъ въ садъ.

Этотъ садъ былъ любимымъ созданіемъ, утѣшеніемъ и гордостью Зенона.

Онъ жаждалъ прежде всего показать его брату. Были въ немъ старыя аллеи, полныя для обоихъ воспоминаній дѣтства. Всякому, безъ сомнѣнія, пріятно увидѣть родное мѣсто, содержимое съ такою заботливостью, такъ обогащенное и разукрашенное. Зеновъ молчалъ и оживленными глазами высматривалъ на лицѣ брата признаки перваго волненія и удивленія. Но, отойдя нѣсколько десятковъ шаговъ отъ подъѣзда дома, Викторъ обратился къ нему и вполголоса сказалъ:

— Эта твоя свояченица, хотя и не первой молодости, но еще очень интересна. Должно быть, она была очень хороша собою, да и теперь еще, ого! сидятъ чертики въ глазахъ! При этомъ она очень мила... Не правда ли?..

Онъ улыбнулся плутовски, смотря брату въ глаза. Для него такое начало разговора было неожиданнымъ, и потому онъ только проговорилъ:

— Да, это правда, Розалія была очень хороша и очень мила.

— Что же ты такъ равнодушно объ этомъ говоришь? Ну, признайся, что, живя съ такой женщиной подъ одной крышей, съ утра до вечера, въ деревнѣ... невѣроятно, чтобы не было... такъ, чего-нибудь... между вами!

Зеновъ остановился, какъ вкопанный, широко раскрывъ глаза. Послѣ минутнаго остолебенія онъ проговорилъ:

— Что такое? между мною и Розаліей? Вѣдь это сестра моей жены!..

— Ну, конечно, это такъ,—продолжалъ съ улыбкой Викторъ,—на свѣтѣ случаются разныя вещи. Случаются и такія... да и такія ли еще! Я думалъ, ты по прежнему фантазеръ и немного сумасбродъ.

Зеновъ оправился уже отъ удивленія и спокойно заговорилъ:

— Жизнь превосходный докторъ, который лечитъ отъ разныхъ фантазій и увлеченій. Но и въ то время, о которомъ ты вспоминаешь, хотя я и увлекался, но никогда у меня не было влеченія къ предметамъ физически или нравственно дурнымъ. А то, что ты допускаешь, было бы во всѣхъ отношеніяхъ очень мерзко...

— Конечно, конечно,—согласился Викторъ,—но бываютъ соблазны, передъ которыми иногда даже благороднѣйшій человекъ устоять не можетъ...

— Могу тебя увѣрить, что въ данномъ случаѣ я не испытываю никакого соблазна. Розалія не мой любимый женскій типъ.

Онъ старался говорить шутивымъ тономъ, но съ невыразимою досадою думалъ:

— О чемъ же это мы разговариваемъ!

Но Викторъ этотъ разговоръ интересовалъ.

— Это не твой любимый типъ,—повторилъ онъ.—А какой же твой любимый типъ? Ага, блондинки! Твоя жена блондинка! Очень милая особа. Только на видъ она хладнокровная. Вѣроятно, у нея темпераментъ чрезвычайно лимфатическій. Эти блондинки бываютъ или какъ огонь, или какъ вода. Однако же я припоминаю, что твой мюнхенскій идеалъ, изъ-за котораго ты съ ума сошелъ и который тебя такъ позорно пустилъ въ трубу, былъ огненной брюнеткой? Правда? Не такъ ли?

— Я ужъ не помню,—тихо отвѣтилъ Зевонъ, и съ досадою, все болѣе назойливою, думалъ: «О чемъ же это мы разговариваемъ!». Онъ остановился и, указывая брату на окружающую мѣстность, сказалъ:

— Посмотри, Викторъ! Присмотрись хоть немножко къ дѣлу рукъ моихъ.

Они прошли уже много старыхъ аллей и клумбъ изъ нарядныхъ и красивыхъ кустовъ, окруженныхъ лужайками и дорожками. На Викторъ все это не произвело никакого впечатлѣнія. Можетъ быть, онъ и произвелъ бы на него впечатлѣніе, если бы онъ на нихъ смотрѣлъ, но онъ весело заглядывалъ въ лицо брату, разговаривая и шутя съ нимъ. Они находились среди фруктоваго сада, который занималъ довольно большое пространство; въ немъ было много деревьевъ, съ которыхъ зимніе плоды не были еще сняты: Вѣтви ихъ гнулись подъ тяжестью красныхъ, какъ рубины, яблокъ, золотистыхъ грушъ и фіолетовыхъ сливъ. Зевонъ, оживленный, полный сердечнаго умиленія, заговорилъ:

— Получивъ твое письмо, я мечталъ о той минутѣ, когда покажу тебѣ все это. Это мелочь, но она моя! Помнишь ли, какъ здѣсь все было запущено и дико 18-тъ лѣтъ тому назадъ. Бѣдный отецъ! въ послѣдніе годы жизни у него уже не хватало ни энергіи, ни охоты заботиться о землѣ, которую не только необходимо воздѣлывать, но и ухаживать за ней, какъ за матерью, чтобы силы ея не падали, и, какъ за ребенкомъ, чтобы онъ росъ и мужалъ, и даже, если хочешь, какъ за сестрой, чтобы она стала еще прекраснѣе.

Вѣдь и землю можно сдѣлать не только плодородною, но и красивою, и она можетъ не только кормить, но и быть утѣшеніемъ. Видишь ли, этотъ кусокъ земли, когда-то заросшій плевелами, былъ не только бесплоденъ, но былъ гадокъ и наводилъ уныніе. А теперь что изъ него вышло? Я самъ лично здѣсь сѣялъ и сажалъ, съ помощью только двухъ работниковъ, такъ какъ для найма садовника и большого числа работниковъ у меня не было денегъ. Не имѣя понятія о садоводствѣ, необходимо было этому научиться! Я зачитывался книгами по садоводству и совѣтовался съ опытными сосѣдями. Ну, вотъ и все, чего я достигъ. Присмотрись только! Съ одной стороны, это приноситъ большую выгоду, а съ другой — сколько здѣсь разныхъ цвѣтовъ, линий, полутѣней и полутоновъ! Это картины, нарисованныя мною не на полотнѣ, а въ нѣдрахъ земли, которая и меня произвела на свѣтъ. На сколько могу, я стараюсь быть ей признательнымъ за жизнь...

Говоря все это, онъ постепенно преображался; онъ выпрямился, морщины почти совершенно исчезли; глаза заискрились юношескимъ энтузіазмомъ. Викторъ присматривался къ хорошему саду и, когда Зенонъ замолчалъ, проговорилъ:

— Да, да, очень хорошій фруктовый садъ. А сколько онъ приноситъ доходу?

Зенонъ назвалъ довольно значительную цифру и, ошарашенный, взялъ подъ руку брата.

— Но ты не замѣтилъ моихъ рощицъ и маленькихъ ковровъ изъ цвѣтовъ. Хотя уже поздняя пора, но они еще изящны, а въ это время года они гораздо изящнѣе, чѣмъ лѣтомъ. Наша осень чудная! Посмотри, какія пышныя красныя деревца. Я ихъ сажалъ вмѣстѣ съ серебристою вербой, и теперь это особенно эффектно, — на пурпуровомъ фонѣ потокъ расплавленного серебра!

Онъ велъ брата перекрещивающимися дорожками среди фруктовыхъ деревьевъ въ ту часть сада, которая окружала домъ, и на которую онъ передъ этимъ не обратилъ вниманія. Викторъ охотно шелъ и весело говорилъ:

— Ты всегда былъ и остался поэтомъ. Говоришь о садѣ, точно о своей возлюбленной. Но этому я нисколько не удивляюсь. Каждому своя работа мила. Мнѣ предстоитъ исполнить такую работу, которая меня воспаляетъ. Представь себѣ, что дѣло идетъ о перемѣнѣ государственной системы, касающейся цѣлой фабричной отрасли. Имѣешь ли ты какое-либо понятіе о винокуреніи? Нѣтъ? Въ такомъ случаѣ, послушай. Я объясню тебѣ сейчасъ, въ чемъ дѣло.

Онъ началъ объяснять. Онъ говорилъ о назначеніи и сооруже-
женіи разныхъ машинъ и механическихъ аппаратовъ, о родѣ ме-
талла, изъ котораго они бываютъ приготовлены, о способѣ ихъ
приготовленія, о ихъ силѣ, о системахъ силъ, съ которыми сов-
мѣстно дѣйствуютъ разныя силы природы: вода, паръ, теплота,
трение и т. п. Это было полное изложеніе механики, съ разными
объясненіями, почерпнутыми изъ физики, химіи и минералогіи.
Говоря обо всемъ этомъ, Викторъ Горничъ имѣлъ видъ не только
человѣка серьезнаго, но полнаго знанія и увлеченія. Онъ говорилъ
съ большою легкостью и безъ перерыва, такъ что слушателю было
бы невозможно вставить и свое слово. Но Зенонъ и не думалъ пере-
бивать его, такъ какъ въ этомъ потокѣ словъ и техническихъ выра-
женій онъ большей части не понималъ, а другія, хотя и были ему
понятны, но онъ никакъ не могъ дать себѣ въ нихъ яснаго отчета.
Очень естественно, онъ никогда механики не изучалъ и имѣлъ о ней
едва элементарное понятіе. Даже разъ подумалъ: «Какой онъ стран-
ный! Вѣдь онъ долженъ знать, что никто не можетъ безъ продолжи-
тельнаго приготовленія понимать такихъ вещей и вести о нихъ
разговоръ!» Но Викторъ не обращалъ ни малѣйшаго вниманія на
полное незнакомство слушателя съ предметомъ. Какъ человѣкъ,
напавшій на излюбленную тему, онъ говорилъ и говорилъ съ удо-
вольствіемъ о системахъ винокуренія, какія были, есть, будутъ и
должны быть въ разныхъ европейскихъ государствахъ. Говоря,
онъ ходилъ съ братомъ подъ руку, по старымъ аллеямъ, пол-
нымъ для нихъ воспоминаній дѣтства, вокругъ клумбъ, которыя
были отрадою и гордостью ихъ творца, ни о чемъ не вспоминая
и ни на что не обращая вниманія. Это бессмысленная прогулка
изъ одной аллеи въ другую, то по одной, то по другой тропинкѣ,
и рѣчь о вещахъ, почти непонятныхъ, были для Зенона томи-
тельны и скучны. Въ первый разъ онъ прервалъ рѣчь брата:

— Сядемъ. Ты можешь говорить, а слушать такъ же хорошо
сидя, какъ и ходя!

Вполнѣ естественно; они ходили только для того, чтобы осмо-
трѣть садъ, но разъ они его не осматривали... При этомъ, ска-
мейка, на которую пригласилъ онъ присѣсть брата, стояла въ та-
комъ очаровательномъ и живописномъ мѣстѣ, что теперь именно
Викторъ замѣтитъ его и перестанетъ говорить о своихъ маши-
нахъ. Тутъ именно росли эти знаменитыя красныя деревца и бѣ-
лыя, какъ снѣгъ, вербы, на лужайкѣ цвѣли лиловые и бѣлые
флоксы, а черезъ прогалину, нарочно оставленную между деревьями,
была видна за садомъ часть луга, облитаго золотыми лучами за-
ходящаго солнца...

Взглядъ Виктора случайно остановился на этой части луга.

— А!—проговорилъ онъ,—это тотъ самый лугъ, по которому ты и я, еще мальчиками, бѣгали босикомъ по росѣ. Но это можно было дѣлать только лѣтомъ. Весною и осенью онъ былъ очень болотистъ. Какъ въ настоящее время можно отлично осушать самыя большія болота! Знаешь, какимъ образомъ почти половина полѣсскихъ болотъ была осушена?

Какъ передъ тѣмъ онъ говорилъ о винокуреніи, такъ теперь началъ рассказывать объ осушеніи мокраго грунта, причемъ огромную роль играла гидравлика, которую онъ изучилъ съ большою любовью. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ, онъ даже сдѣлалъ открытіе въ этой наукѣ, и рассказалъ брату объ этомъ открытіи съ мельчайшими подробностями. Зенонъ, на половину понимая, слушалъ его со вниманіемъ и радостью, что выражалось въ его оживленныхъ глазахъ. Успѣхъ и слава, которыя приобрѣлъ братъ, его радовали, и онъ тихо сказалъ:

— Да, это правда!.. Что значитъ моя небольшая, муравьиная работа въ сравненіи съ той, которую ты выполняешь! Для меня же это единственное утѣшеніе, какъ подумаю...

Викторъ съ оживленіемъ прервалъ его:

— Конечно, дорогой мой! Мы живемъ въ эпоху большого развитія науки и промышленности...

Онъ началъ умно и много говорить о томъ, какъ наука помогаетъ развитію промышленности, а послѣдняя облегчаетъ и украшаетъ людскую жизнь, открывая каждый разъ новые источники заработка, разныя удобства ко всеобщему употребленію.

Смерклось, и ночная тѣнь стала спускаться на красныя деревья и вербы, на лужайки, флоксы и на часть луга за садомъ; прибѣжала вся раскрасѣвшаяся Анелька и дрожащимъ голоскомъ объявила, что «мама просить къ чаю».

За чайнымъ столомъ, изящно сервированнымъ, заставленнымъ яствами и украшеннымъ цвѣтами, Розалія сказала гостю:

— Вѣрно, Зенонъ хвастался передъ вами своимъ садомъ. Дѣйствительно, этотъ садъ—дѣло его рукъ, которое ему удалось.

— Да, да,—подтвердилъ гость,—чудный садъ, но у меня нѣтъ духа восхищаться... зеленью...

— Работая такъ много надъ такими важными вопросами, у васъ не было времени посвящать себя природѣ,—вѣжливо замѣтила Розалія.

— О, нѣтъ,—возразилъ гость,—напротивъ, я не разъ бывалъ въ деревнѣ и за-границей, въ разныхъ мѣстностяхъ, которыя славятся своей живописностью. Какъ-то нѣтъ во мнѣ этой

страсти. Небольшое возвышеніе, травка, ручеекъ,—вотъ для меня и вся природа. Будутъ они больше, или меньше по своимъ размѣрамъ, но все-таки они — одно и тоже: небольшое возвышеніе, травка и ручеекъ...

— Развѣ и море тебѣ также кажется ручейкомъ?—спросилъ Зенонъ.

— Оно скучное! — проговорилъ Викторъ, — ахъ, мой милый, какую скуку наводитъ море! Не разъ бывалъ я на берегу моря; ѣздилъ по немъ. Я тебя увѣряю, что если бы на пароходахъ не нашлось никого, съ кѣмъ можно бы было поиграть въ винтъ, и не ѣздили бы на нихъ прекрасный полъ, можно бы было умереть отъ скуки. Какъ театральная декорація, оно производитъ большое впечатлѣніе, но въ природѣ — вода, вода и вода! Что, дѣйствительно, красиво и можетъ поразить, это — подводные телеграфы...

— Что подводные телеграфы могутъ поразить, я согласенъ,— съ нѣкоторымъ нетерпѣніемъ перебилъ Зенонъ,—они могутъ быть полезны, безспорно, но, чтобы они были красивы...

— Они не только красивы, но просто чудесны,—проговорилъ Викторъ. — Наука и промышленность совершили въ этомъ отношеніи настоящія чудеса...

Обратившись къ дамамъ, онъ началъ объяснять способъ устройства подводныхъ телеграфовъ краснорѣчиво, подробно и достаточно понятно. На лицѣ Сабяны, которая почти ничего не понимала въ томъ, что онъ говорилъ, выражалось удивленіе ученика шурина. Розалія внимательно слушала, много понимала, хотя и не все, и видимо все болѣе и болѣе очаровывалась гостемъ. Но Зенонъ болѣе уже не сиялъ отъ удовольствія, и не смотрѣлъ брату въ глаза, какъ это было за обѣдомъ, тѣмъ не менѣе, видно было, что онъ доволенъ его присутствіемъ, его научными свѣдѣніями и веселымъ настроеніемъ; только иногда онъ казался грустнымъ, и видно было, что мысли его далеки отъ подводныхъ телеграфовъ.

Послѣ чая, въ гостиной, Викторъ подошелъ къ фортепяно.

— Вы играете?—спросилъ онъ Розалію.

— Прежде я занималась музыкой. Я много играла и любила музыку.— Она сѣла за фортепяно. Викторъ помѣстился около нея и слушалъ, оперши голову рукой. Зенонъ слѣдилъ за своимъ братомъ, сидя на небольшомъ диванѣ, который стоялъ въ углу комнаты, и ему показалось нѣсколько разъ, что братъ его, показывая видъ, что внимательно слушаетъ игру Розаліи, думалъ совсѣмъ о другомъ. Для Зенона талантливая игра ея бывала и удоволь-

ствіемъ, и наводила на него уныніе; такъ какъ Розалія, по своему капризному и своенравному характеру, не играла, когда его настроеніе болѣе всего нуждалось въ этомъ, но только тогда, когда ей самой хотѣлось играть.

Иногда, въ сумеркахъ, во время игры, онъ проводилъ цѣлые часы, полные чарующей грусти, уносясь мыслью въ идеальный міръ; но чаще всего тогда, когда ему болѣе всего докучала тоска одинокой, полной заботъ, жизни. Въ дурномъ расположеніи духа Розалія ни за что не стала бы играть, только для того, чтобы не выказать ему своего расположенія. Бѣдная Сабина когда-то играла посредственно, съ чувствомъ, но она давно забросила музыку. Теперь Зенонъ былъ недоволенъ Розаліей за то, что она такъ долго играетъ и этимъ отвлекаетъ отъ него брата; онъ съ нетерпѣніемъ ожидалъ, когда она кончитъ. Но, когда Розалія, послѣ продолжительной игры, встала, Викторъ послѣдовалъ за ней, и они начали ходить по комнатѣ, съ оживленіемъ разговаривая о нѣсколькихъ операхъ, которыя онъ видывалъ въ большихъ европейскихъ театрахъ и о которыхъ Розалія, хотя ихъ и не видѣла на сценѣ, говорила и судила съ большимъ знаніемъ. Они обоюдно были очень заняты собою, и Викторъ разъ только обратился къ брату, который сидѣлъ на маленькомъ диванѣ въ углу комнаты.

— Ты видѣлъ «Аида»? Помнишь ту сцену, когда на берегу моря собирается народъ, жрецы и египетскіе боги?

Зенонъ на это разразился смѣхомъ.

— Мой милый, какъ могу я имѣть понятіе объ «Аидѣ»? Въѣлъ цѣлыхъ восемнадцать лѣтъ я не былъ ни въ одномъ большомъ городѣ...

— Жаль! — проговорилъ Викторъ, и снова началъ ходить по комнатѣ съ Розаліей, рассказывая случаи и анекдоты изъ жизни разныхъ пѣвцовъ и пѣвицъ.

Зенонъ, смотря на прогуливающуюся пару, думалъ:

— Онъ на самомъ дѣлѣ заинтересовался Розаліей? Можетъ быть, онъ на ней и женится? Кто знаетъ? Они подходятъ лѣтами другъ къ другу...

Розалія не была кокеткой и не имѣла смѣшной привычки старыхъ дѣвъ видѣть въ каждомъ мужчинѣ обожателя или жениха. Однако, видимое ухаживаніе гостя могло льстить ей и породить въ ней извѣстнаго рода предположенія. Она становилась все болѣе и болѣе веселою и разговорчивою; подъ конецъ вечера Викторъ сотворилъ настоящее чудо, подсѣвъ къ Сабинѣ и развеселивъ даже и ее. Они начали разговоръ озабоченно и какъ бы

колеблясь, но потомъ разговорились о дѣтяхъ, о домашнихъ дѣлахъ, о препровожденіи времени; она точно щебетала, оживленная островами шурина, и отъ души смѣялась надъ задаваемыми ей вопросами. Такъ какъ и Розалія принимала не малое участіе въ этой интимной, пустой и остроумной бесѣдѣ, то они втроемъ, сидя за столомъ при лампѣ и со старыми альбомами въ рукахъ, отлично проводили время.

Было уже довольно поздно, когда Зенонъ всталъ съ небольшого дивана, стоявшаго въ углу комнаты.

— Не хочешь ли отдохнуть послѣ дороги?—спросилъ онъ, приблизившись къ брату.

Викторъ охотно согласился, говоря, что дѣйствительно чувствуетъ себя немного усталымъ; онъ весело поцѣловалъ руку Сабинѣ и, желая Розаліи покойной ночи, выразительно посмотрѣлъ ей въ глаза. Спусти нѣсколько минутъ, братья уже были наединѣ, вдвоемъ, въ небольшой чистой и веселой комнатѣ наверху, съ чистенькими завѣсами; на столѣ стоялъ букетъ изъ свѣжихъ разноцвѣтныхъ флоксовъ и лежало нѣсколько книгъ и журналовъ.

Зенонъ опять слѣдилъ за выраженіемъ лица брата, какое впечатлѣніе произведетъ на него комната. Въ этой комнатѣ, когда они еще учились, они жили вдвоемъ, проводя дома каникулярное время; въ этой же комнатѣ, по смерти отца, тѣло котораго стояло внизу въ одной изъ главныхъ комнатъ, они провели нѣсколько ночей въ разговорахъ о понесенной потерѣ и о разныхъ своихъ невзгодахъ и надеждахъ. Здѣсь Зенонъ повѣрилъ брату тайну обманутаго чувства, измѣну любимой женщины, а Викторъ рассказывалъ ему о своей счастливой жизни съ той, на которой онъ тогда недавно женился. Онъ еще не былъ богатъ, извѣстенъ и увѣренъ въ себѣ; при семейномъ счастьи онъ испытывалъ много заботъ. Сколько дней ушло послѣ этихъ проведенныхъ въ разговорахъ ночей! Сколько перемѣнъ произошло въ положеніи ихъ матеріальномъ и нравственномъ! Какъ неожиданно забьется его сердце при видѣ этой комнаты, при трогательномъ воспоминаніи о проведенномъ здѣсь времени!

Они нашли лампу уже зажженною; на стулѣ, у стола стоялъ запертый дорожный сундукъ, и Викторъ, войдя въ комнату, тотчасъ сталъ отворять его. Стоя къ брату спиной, онъ заговорилъ въ полголоса:

— Скажи мнѣ, Зенку, отчего Розалія не вышла замужъ? Такая прелестная женщина! Неужели она никому не нравилась, или же была черезчуръ разборчива, а можетъ быть, съ ней случилось небольшое несчастье, а?

При послѣднихъ словахъ онъ повернулся къ брату и, лукаво подмигнувъ, сталъ вынимать изъ сундука разныя туалетныя принадлежности и мелочи. Зенонъ съ минуту ничего не отвѣчалъ. Онъ опустилъ глаза, сдвинувъ брови. Наконецъ, сѣвъ на стулъ у стола, отвѣтилъ:

— Дѣйствительно, съ ней было несчастье двѣнадцать лѣтъ тому назадъ, но не такое, о которомъ ты предполагаешь; у Розаліи былъ женихъ, который передъ самой свадьбой скорострѣжно умеръ. Она по смерти его приходила въ отчаяніе и, хотя ей случались вполнѣ подходящія партіи, но замужъ идти она не захотѣла.

— Дура!—проговорилъ Викторъ и, выпрямившись, началъ вынутымъ изъ сундука гребнемъ расчесывать усы и коротко остриженные волосы.—А кажись, такая разсудительная, и даже умная! Осталась въ старыхъ дѣвахъ потому только, что какой-то тамъ женихъ, Богъ знаетъ когда-то, умеръ. Есть же на свѣтѣ еще сентиментальныя и романическія существа! Но это дѣйствительная причина? А? Скажи же правду?

— Могу тебя завѣрить честнымъ словомъ, что это дѣйствительная причина, почему Розалія не вышла замужъ. Откровенно тебѣ скажу,—это постоянство чувства, котораго и смерть не изгладила, всегда ставило ее высоко въ моихъ глазахъ.

— Можетъ быть, это и очень возвышенно, но непрактично,—возразилъ Викторъ.—И что же хорошаго вышло изъ этого постоянства? Умершаго она этимъ не воскресила, а сама, вмѣсто того, чтобы осчастливить какого-либо живого смертнаго, вянеть въ старыхъ дѣвахъ. Это очень непрактично, а что непрактично, то ни къ чорту не годится. Жаль женщины! Она стоила лучшей участи!

Лицо Зенона приняло насмѣшливое выраженіе, и онъ сказалъ:

— Я замѣчаю, ты ею очень интересуешься. Ея участь, о которой ты такъ сожалѣешь, можетъ быть тобою облегчена. Попробуй, можетъ быть, она уже забыла прошлое, и тебѣ удастся заставить ее забыть тѣхъ любимаго человѣка.

Викторъ, переодѣвшись въ нарядный и дорогой халатъ, и чистя ногти какимъ-то блестящимъ инструментомъ, поднялъ на брата удивленные глаза.

— Я?—спросилъ онъ, — вѣдь я уже покоренъ, побѣжденъ и принадлежу навсегда одной прелестнѣйшей особѣ. У меня есть невѣста, мой милый! Миѣ кажется, теперь въ Вѣнѣ мы съ ней сыиграемъ свадьбу и будемъ затѣмъ вмѣстѣ путешествовать. Все это, замѣть себѣ, превосходно устроилось. И такъ уѣхать послѣ свадьбы было бы необходимо; теперь же это пріятное путеше-

ствіе будетъ соединено съ полезнымъ, такъ какъ я исполню возложенное на меня порученіе высшей власти. Желаешь воспотрѣть на мою невѣсту? Вотъ ея портретъ, очень на нее похожій. Не правда ли, красавица?—Зенонъ долго смотрѣлъ на показанную ему братомъ фотографію, на которой улыбалось лицо женщины лѣтъ тридцати, дѣйствительно красивое, умное и очаровательное. Онъ долго смотрѣлъ на эти умные и добрые, полные вѣги, глаза. на густые, къ лицу зачесанные волосы, окаймлявшіе ея открытый и благородный лобъ. Спустя нѣсколько минутъ, отдавая фотографію брату, онъ замѣтилъ:

— Какой ты счастливецъ, Викторъ. Ты переживаешь другой разъ въ жизни поэму жизни. Я, который никакой не переживалъ...

— Да, да,—прервалъ его слова Викторъ,—супружество съ этой женщиной можно дѣйствительно назвать поэмой...

И, усѣвшись возлѣ брата, онъ сталъ подробно описывать прелести и достоинства невѣсты. Онъ не скупился въ подробностяхъ; любимую женщину разбиралъ передъ братомъ съ физической и нравственной стороны. Онъ до такой степени разгорячился и увлекся, что рѣчь его была полна поэтическихъ и страстныхъ выраженій. Глаза его заискрились и щеки покраснѣлись. Онъ долго говорилъ. Онъ сказалъ фамилію невѣсты, которая была молодая вдова, не любившая своего перваго мужа, была богата, что никогда ничему не помѣшаетъ, что хотя и большая разница между ними въ лѣтахъ, но что онъ этого нисколько не боится, такъ какъ чувствуетъ себя прежде всего здоровымъ, сильнымъ и еще молодымъ, а кромѣ того, знаетъ, кого беретъ, и что вполне можетъ довѣрять честности, благородству и привязанности этой женщины.

Зенонъ слушалъ признанія брата, заслонивъ глаза рукой, какъ бы ослѣпленный нарисованной его братомъ картиною большого счастья. Когда, наконецъ, Викторъ замолчалъ, онъ отнялъ руку отъ глазъ и нѣсколько разбитымъ голосомъ проговорилъ:

— Съ чѣмъ я могу тебя поздравить, Викторъ, такъ это то, что ты будешь со своей женой на одномъ уровнѣ умственнаго развитія. Я бы могъ, даже хотѣлъ бы тебѣ сказать, насколько разница въ убѣжденіяхъ и вкусахъ дѣйствуетъ отрицательно на чувство...

— О, Амадія очень образована!—живо перебилъ его Викторъ,—она много читаетъ, обладаетъ нѣсколькими талантами и бываетъ въ самомъ избранномъ обществѣ. Я бы и не подумалъ жениться на ней, если бы она не была такова. Взять въ спутницы своей жизни

какую-либо недоучившуюся, или похожую на курочку особу, благодарю покорно! Это была бы скука въ домѣ, да и стыдно стало бы передъ людьми...

Онъ опять говорилъ довольно продолжительно объ умственныхъ и свѣтскихъ достоинствахъ своей будущей жены; рѣчь его походила вполнѣ на монологъ, такъ что Зенонъ, пробуждая два раза открытъ свою душу брату, всякій разъ умолкалъ. Но и въ рѣчи Виктора проявлялась уже усталость и слабость голоса; онъ нѣсколько разъ закрывалъ глаза, какъ бы борясь съ клонившимъ его сномъ.

Зенонъ посмотрѣлъ на часы и спросилъ:

— Тебѣ пора заснуть послѣ дороги? Покойной ночи!

Онъ протянулъ руку и хотѣлъ только пожать ее, но Викторъ привлекъ брата къ себѣ и нѣсколько разъ поцѣловалъ его.

— Я очень радъ,—сказалъ онъ,—невыразимо радъ, что вижу тебя здоровымъ, довольнымъ и счастливымъ и что тебѣ хорошо живется. Покойной ночи, дорогой мой! Покойной ночи!

Глаза у него невольно закрывались и видно было, что, лишь только онъ коснется подушки, какъ заснетъ, какъ убитый. Въстѣ съ тѣмъ успѣшная и хлопотливая работа по предпріятіямъ пріучила его рано вставать.

На другой день, довольно рано, Зенонъ нашелъ его не только уже одѣтымъ, но и занятымъ писаніемъ писемъ. Въ нарядномъ халатѣ, имѣя передъ собою хорошей работы портфель, наполненный бумагою и разнаго формата конвертами, онъ до такой степени былъ погруженъ въ свою работу, что не обратилъ вниманія на появленіе брата, и только спустя нѣсколько минутъ, замѣтивъ его присутствіе, коротко сказалъ:

— Здравствуй, Зенку. Прикажи, дорогой мой, подать мнѣ сюда чаю, такъ какъ мнѣ придется поработать нѣсколько часовъ. Какъ только кончу, сейчасъ же сойду къ вамъ...

Спустя нѣсколько минутъ Филипекъ уже шелъ наверхъ съ подносомъ съ чаемъ и разными яствами, какія обыкновенно въ деревнѣ употребляются утромъ, а за нимъ бѣжала Сабина, до самыхъ дверей комнаты шурина, наблюдая, чтобы Филипекъ по дорогѣ чего-либо не уронилъ или не потерялъ. Зенонъ ходилъ около житницы и скотнаго двора; въ то время, когда онъ разговаривалъ съ старостой и работниками, къ нему подошелъ Павелекъ и заговорилъ съ нимъ о чемъ-то по хозяйству. Дѣло касалось пары рабочихъ лошадей, изъ которыхъ одна была изувѣчена, такъ что нельзя будетъ нѣкоторое время заставлять ее работать въ полѣ, а между тѣмъ послѣднее далеко еще не вспахано для весняго

засѣва. Забота немаловажная. Что тутъ дѣлать? Послать ли за ветеринаромъ, чтобы онъ осмотрѣлъ больную лошадь? Винавать ли въ этомъ работникъ, который работалъ съ этою парой лошадей, или нѣтъ?

Огорченный неудачею по хозяйству и еще болѣе раздраженный чѣмъ-то таинственнымъ, не вполне для него самого понятнымъ, Зенонъ на первыхъ порахъ отвѣчалъ Павелку немного рѣзко, съ нѣкоторымъ раздраженіемъ. Но потомъ ему стало его жаль, когда онъ замѣтилъ, что юноша похудѣлъ, скученъ и избѣгаетъ его взгляда. Онъ смягчился и заговорилъ уже тономъ, выражавшимъ довѣріе и пріязнь, и, положила руку на плечо своего воспитанника, спросилъ:

— Что съ тобою? Я еще никогда не видѣлъ тебя такимъ бѣднымъ и похудѣвшимъ. Можетъ быть, ты чувствуешь себя нездоровымъ, въ такомъ случаѣ не ѣзди въ поле, отдохни...

Не успѣлъ онъ кончить этихъ словъ, какъ Павелекъ снялъ его руку съ плеча и сталъ горячо цѣловать ее. При этомъ у него навертывались слезы.

— Я здоровъ и сейчасъ поѣду въ поле. Для васъ я готовъ ѣхать на конецъ свѣта...

Онъ живо повернулся и черезъ нѣсколько минутъ скакалъ на лошади къ сахарямъ, за работою которыхъ присматривалъ. Зенонъ тутъ же вышелъ изъ воротъ и отправился въ ближайшій лѣсъ, откуда уже начали возить дрова въ усадьбу на зиму. Необходимо было отсюда отдѣлать пару лошадей и отправить ихъ въ поле, взявъ той, которая сдѣлалась негодною. Идя, онъ думалъ:

— Если бы всѣ пустыя слова людей занимали столько мѣста въ пространствѣ, сколько они занимаютъ во времени, то они вытѣсняли бы человѣчество съ земного шара. Онъ бы поѣхалъ для меня на конецъ свѣта! Поѣдетъ, дѣйствительно, на конецъ свѣта, но для денегъ. Но, видно, это его мучить, такъ какъ въ эти нѣсколько дней онъ похудѣлъ. Но развѣ только это можетъ быть причиною того, что онъ похудѣлъ? Вѣроятно же всего, онъ нездоровъ.

Затѣмъ, его заняли совершенно другія мысли. Вчера въ это время онъ ѣхалъ на станцію желѣзной дороги за братомъ. Вотъ уже и уплыли однѣ сутки; уплывутъ и другія и унесутъ съ собою все, что его такъ радовало, чего онъ такъ пламенно ожидалъ. Онъ имѣлъ намѣреніе завести Виктора въ тотъ лѣсъ, къ которому подходилъ теперь, чтобы показать ему нѣсколько морговъ *), вновь засѣянныхъ молодыми соснами, которыя отлично

*) Моргъ немного болѣе полудесятины.

принялись. Кромѣ того, есть въ этомъ лѣсу нѣсколько любопытныхъ тропинокъ, по которымъ очень часто онъ ходитъ въ одиночествѣ, и желалъ бы здѣсь тропинкамъ походить съ братомъ. Но что же, когда Викторъ почти цѣлое утро долженъ посвятити писанію писемъ? Человѣкъ онъ запятой, очень зажатой! А впрочемъ, онъ и не любитъ зелени!

Спустя нѣсколько часовъ, возвращаясь изъ лѣсу, Зевонъ услышалъ неселые голоса и смѣхъ, которые раздавались со стороны фруктоваго сада. Онъ шелъ скоро въ этомъ направленіи и увидѣлъ сцену, весьма оживленную и веселую. На большомъ деревѣ сидѣлъ мальчикъ и трясъ его; словно градъ, падали съ него сливы, которыя три взрослые особы и дѣти, бѣгая и гоняясь другъ за другомъ, смѣясь и разговаривая, подбирали и бросали въ корзины. Это общество имѣло видъ нарядный. Зевонъ же помнилъ, когда онъ видѣлъ свою жену такъ прилично одѣтой и причесанной; ея худую талію даже обхватывалъ цвѣтной поясъ и къ ея свѣтлымъ волосамъ былъ припиленъ бантикъ. Черное платье Розалии было отдѣлано блестящими, такого же цвѣта, украшеніями. Анелька вся въ бѣломъ и Казя въ матросскомъ костюмѣ были похожи на королевскихъ дѣтей, въ сравненіи съ тѣмъ, какъ они одѣвались ежедневно. Но между ними наряднѣе всѣхъ былъ Викторъ. Принужденный вчера оставаться въ дорожномъ платьѣ, совершенно запыленномъ, сегодня онъ нарядился à quatre épingles, во все черное; сорочка была на немъ безукоризненной бѣлизны, а на клапанѣ сюртука былъ пристегнуть серебряный академическій значокъ. При этомъ всякій разъ, когда онъ бѣгалъ по мѣсту, освѣщенному солнцемъ, на немъ блестяли два маленькіе радужные огонька: одинъ у воротника сорочки, другой на мизинцѣ руки; это были брильянты: одинъ—въ булавкѣ галстука, другой въ кольцѣ, по всей вѣроятности, обручальномъ.

Воздухъ былъ прозраченъ, какъ кристаллъ, неподвиженъ и казался блѣдно-желтымъ; полосы солнечнаго свѣта и тѣни неровно ложились на травѣ, усѣянной опавшими съ деревьевъ красными и кирпично-желтыми листьями; на листья, которые шелестѣли при махѣишемъ сотрясеніи, падали градомъ съ встряхиваемаго дерева зрѣлыя, фіолетоваго цвѣта, съ темными каплями воску и лиловаго цвѣта пушкомъ, сливы-венгерки.

Сухіе листья падали не только на траву, но очень часто на плечи и головы особъ, которыя бѣгали вокругъ дерева и каждую минуту то нагибались, то выпрямлялись. Всякій разъ они хватались за голову, за плечи, убѣгая и смѣясь.

Раздававшійся смѣхъ Сабины былъ тоньше всѣхъ, Розалии

самый тихій, а Виктор и дѣтей—громкій и свободный. Зенонъ, котораго приближенія никто не замѣтилъ, въ нѣсколькихъ шагахъ отъ нихъ присѣлъ на маленькую скамейку и, смотря на брата, думать, что такое веселое настроеніе, какъ у него, доказываетъ черту весьма цѣнную, чудесный даръ, который превращаетъ даже скорченныхъ и боязливыхъ пылать въ легкихъ скачущихъ бѣлокъ, и мрачныя тучи — въ бабочекъ. Онъ, Зенонъ, желалъ бы быть такимъ веселымъ, но не въ состояніи; хотѣлъ бы бѣгать, смѣяться, подымать сливы и, вмѣсто корзины, бросать ихъ тайкомъ въ спину Сабины, Розалии и дѣтей, и убѣгать, заслоняясь руками, на которыхъ бы играли радужные огоньки. Нѣтъ, онъ не въ состояніи. Онъ съ улыбкою смотритъ на эту забаву, но не можетъ принять въ ней участія. Онъ чувствуетъ себя нѣсколько тяжелымъ. Что же это такое, что его заставляетъ быть сторбленнымъ и приковываетъ его ноги къ землѣ? Не старость же? Викторъ старше его четырьмя годами. Разница въ темпераментѣ и въ міросозерцаціи. Спустия минуту онъ подумалъ: разница и въ судьбѣ. Всѣ эти три причины существовали, безъ сомнѣнія, но онъ не зналъ, которая изъ нихъ важнѣе. Довольно того, что онѣ были, и всѣ онѣ говорили въ пользу Виктора и во вредъ Зенону. Тотъ былъ здоровъ душою и тѣломъ, съ трезвымъ взглядомъ, энергиченъ, любезенъ, веселъ, ободрялъ самыхъ боязливыхъ и вызывалъ улыбку у самыхъ угрюмыхъ людей. Здѣсь же мрачныя мысли, вѣчно неудовлетворенныя чувства, которыя грызли голодное, больше отъ тоски, сердце, неспособное на сладкія мечты, и которое не въ состояніи было смотрѣть скептически на все на свѣтѣ; и на себя самого. Однимъ словомъ—безсиліе. Тамъ — мужество, здѣсь—безсиліе... Думая такъ, Зенонъ показался самому себѣ, въ сравненіи съ своимъ блестящимъ братомъ, чрезвычайно маленькимъ и ничтожнымъ.

Довольно долго продолжалась забава вокругъ дерева со сливами; затѣмъ перешли продѣлывать ее подъ грушу, плоды которой не могли стряхивать, но необходимо было срывать ихъ при помощи извѣстныхъ приспособленій. Викторъ тотчасъ вооружился длиннымъ шестомъ съ крючкомъ и сѣткой на концѣ и, ходя вокругъ дерева, высматривалъ на немъ лучшія груши и срывалъ ихъ съ такими предосторожностями, что дамы и дѣти, смотря на это, отъ души смѣялись. Находясь менѣе въ движеніи при этомъ занятіи, онъ замѣтилъ вскорѣ Зенона и тотчасъ подбѣжалъ къ нему, говоря:

— Ты уже возвратился? Что ты дѣлаешь? Давно ли здѣсь сидишь?

Онъ сѣлъ на скамейку возлѣ брата. Дамы, дѣти и садовникъ съ корзинами, наполненными плодами, пошли въ глубь сада, по направленію къ дому. Викторъ, отирая надушеннымъ платкомъ потъ со лба, сталъ говорить съ увлеченіемъ.

— Что это за пріятная вещь—деревня! Чистый воздухъ, движеніе, свобода, такое изобиліе всего...

— Не любя «зелени», какъ же ты можешь любить деревню?— улыбнулся Зенонъ.

— На короткое время только, дорогой мой, на короткое я люблю ее. Сколько разъ я ни бывалъ въ деревнѣ, на нѣсколько ли дней, или же недѣль, всегда забавлялся, какъ дитя, и былъ въ восторгѣ. Но жить въ ней цѣлый годъ, ни за что! Я бы не могъ жить безъ общества, не слышать музыки, безъ театра и всѣхъ тѣхъ впечатлѣній, которыя могутъ дать только города...

Повернувшись къ брату, онъ продолжалъ:

— Но ты, счастливый человекъ, живешь себѣ здѣсь какъ въ раю. Такая чудная деревня, такія милыя женщины, красивыя дѣти... Ты родился въ сорочкѣ!..

Зенонъ отвѣчалъ медленно.

— Почему ты думаешь, что то, безъ чего ты бы не въ состояніи былъ жить, не составляетъ и моей потребности? И ты воображаешь, что домъ, какой бы онъ ни былъ,—тотъ же въ будни, что и въ праздникъ, когда бываютъ гости.

— Все здѣсь, мой милый,—говорилъ Викторъ,—имѣетъ видъ восхитительный, и если бы я былъ на твоемъ мѣстѣ, то чувствовалъ бы себя счастливѣйшимъ изъ смертныхъ. Хотя и на свое положеніе я пожаловаться не могу... Миѣ везетъ по службѣ, въ дѣлахъ и... еще въ очень важномъ!.. Угадай, какой у меня капиталъ?

— Не могу угадать. Скажи самъ,—проговорилъ Зенонъ.

Онъ назвалъ значительную цифру и сталъ тотчасъ же рассказывать о двухъ предпріятіяхъ, которыя ему принесли самые большіе доходы. Это было въ связи съ постройкою желѣзныхъ дорогъ и публичныхъ зданій, причемъ Викторъ излагалъ пространно и подробно все техническое производство. Опять одинъ изъ братьевъ говорилъ продолжительно, гладко и восторженно, какъ обыкновенно говоритъ человекъ о вещахъ, которыми онъ можетъ похвалиться и которыя принесли ему пользу; другой—слушалъ и молчалъ.

Когда Викторъ пересталъ говорить, Зенонъ началъ:

— Что касается моихъ дѣлъ по имѣнію, то я не могу сказать, чтобы положеніе ихъ было плачевнымъ, но надобно быть очень заботливымъ и осторожнымъ...

— Конечно,—прервалъ его братъ,—не можетъ быть положеніе плачевнымъ. Заполанка—деревня хорошая; ваши же потребности здѣсь такъ ограничены. Въ большомъ свѣтѣ совершенно иное. Если бы ты зналъ, какая роскошь теперь царствуетъ вездѣ. А къ этому необходимо принаровляться, такъ какъ иначе невозможно имѣть отношеній, значенія и вліянія...

Онъ разсказалъ брату, какой образъ жизни онъ ведетъ, что ему стоитъ содержаніе дома, какъ у него обмѣблированы залъ и кабинетъ, сколько онъ проживаетъ ежегодно, какія онъ имѣетъ отношенія въ одной, другой и третьей столицахъ, какіе охотнѣе всего посѣщаетъ театры и клубы, и сколько времени посвящаетъ занятіямъ и удовольствіямъ. Когда онъ кончилъ разсказывать, Зенонъ спросилъ:

— А дочь твоя?

— Дочь? Костуня? Правда, я и забылъ о ней сказать. Ей уже восемнадцать лѣтъ и у нея много жениховъ. Она дѣвушка красивая, видная и не безъ талантовъ...

— Какъ же я радъ тому, что о ней слышу,—сказалъ Зенонъ, глаза котораго озарились радостью, и началъ разспрашивать съ неизмѣримымъ любопытствомъ о незнакомой ему племянницѣ.

Викторъ, по обыкновенію, не падилъ подробностей; когда предметъ, о которомъ онъ говорилъ, казался уже исчерпаннымъ, Зенонъ началъ опять:

— Что касается меня, то я немножко беспокоюсь насчетъ моего старшаго сына...

— Да, правда! У тебя вѣдь есть еще старшій сынъ!—припомнилъ Викторъ.—Гдѣ же онъ?

— Онъ въ городѣ учится... Онъ мальчикъ способный и съ добрымъ сердцемъ, но... съ нѣкотораго времени у него начала развиваться склонность къ щегольству, комфорту и желаніе показать себя во всѣхъ отношеніяхъ...

— Что же ты видишь въ этомъ дурного?—съ удивленіемъ спросилъ Викторъ.

— Какъ что? Боюсь, чтобы тщеславіе и любовь къ роскоши не сдѣлали изъ него человѣка ничтожнаго, единственною цѣлью котораго...

— Тебѣ это должно казаться смѣшнымъ, мой дорогой!—проговорилъ Викторъ;—наоборотъ, всѣ эти желанія помогутъ ему постепенно возвышаться. Если юноша щеголевать—тѣмъ лучше, потому что «по платью встрѣчаютъ, а по уму провожаютъ». Каждый съ большимъ уваженіемъ отнесется къ сюртуку изъ тонкаго

сукна, чѣмъ къ кафтану изъ толстой сермяги, хотя бы подъ сюртукомъ и была изорванная сорочка, и подъ кафтаномъ—цѣльная. Это разь. А въ другомъ отношеніи, если юноша чувствуетъ потребность показать себя, то будетъ стараться изъ всѣхъ силъ подниматься все выше, а на свѣтѣ, мой дорогой, тотъ только можетъ достигнуть высокаго положенія, кто умѣетъ протолкаться локтями сквозь толпу. Скромность и покорность ни на что непригодны въ жизни, и желая, чтобы люди высоко цѣнили тебя, необходимо прежде всего умѣть цѣнить самого себя. У тебя нѣтъ основаній, мой милый, беспокоиться участію твоего сына. Изъ того, что ты мнѣ говоришь о немъ, и притомъ, если въ немъ нѣтъ недостатка въ умственныхъ способностяхъ, изъ всего этого я вижу, что юноша имѣетъ будущность...

— Боюсь только одного, чтобы онъ не захотѣлъ ее купить цѣною совѣсти,—угрюмо проговорилъ Зенонъ.

— Все это преувеличеніе. Почему непременно цѣною совѣсти? Вѣдь не будетъ же онъ обкрадывать людей и поджигать города, а съ щегольствомъ, съ самолюбіемъ и съ малою толикою пустоты онъ уйдетъ дальше и гораздо болѣе приобрететъ этимъ, чѣмъ если бы былъ байбакомъ и ходилъ бы по свѣту тихимъ шагомъ и съ опущеннымъ носомъ. А въ концѣ концовъ, у тебя трое дѣтей. Если въ одномъ потерпишь неудачу, то въ другомъ будешь имѣть удачу, но, во всякомъ случаѣ, будетъ все хорошо. Ты счастливецъ, мой дорогой, и, ей-Богу, меня это такъ радуетъ, что мнѣ хочется плакать отъ радости.

Говоря это, онъ обнялъ брата и нѣсколько разъ поцѣловалъ, причемъ глаза его дѣйствительно казались влажными. Тотчасъ же онъ сталъ говорить, что у него съ дочерью нѣтъ ни малѣйшихъ хлопотъ. Прежде всего она единственная дочь, а потомъ живетъ на свѣтѣ такая тетка, сестра ея матери, которая души въ ней не чаеъ и которая послѣ смерти ея матери держитъ постоянно ее при себѣ, наряжаетъ ее, балуетъ и, по всей вѣроятности, въ скоромъ времени выдастъ замужъ. Эти тетки для него истинное благодѣяніе, потому что, если бы не онѣ, то, овдовѣвъ, онъ бы имѣлъ много хлопотъ съ подрастающей барышней. Будучи постоянно и обязательно въ дорогѣ и никогда почти не бывая дома, весьма трудно заниматься образованіемъ дочери, а затѣмъ вывозить ее въ свѣтъ. Но все это взяла на себя тетка, а онъ только даетъ деньги на расходы дочери, посѣщаетъ ее у тетки, а иногда, въ свободное время, беретъ ее къ себѣ на нѣсколько недѣль, или мѣсяцевъ. Онъ рассказывалъ это съ присушею ему живостью, но при этомъ каждую минуту обращалъ свой

взоръ на тропинку сада, ведущую къ дому. Видно было, что онъ радъ бы былъ уйти и поискать болѣе многочисленнаго общества. Зенонъ это замѣтилъ, всталъ и предложилъ ему пойти домой.

По дорогѣ они встрѣтили Казю, который, разбѣжавшись и запыхавшись, словно шаръ, подвернулся подъ ноги отцу и дяди и едва могъ при этомъ выговорить, что «мама просить къ обѣду». Викторъ взялъ его за плечи, поднялъ его высоко въ воздухѣ, громко поцѣловалъ и, поставивъ на землю, сказалъ:

— Я очень силенъ. Такого девятилѣтняго мальчишку я могу, какъ мячъ, забросить на крышу! Я очень много работалъ въ жизни, но трудъ мнѣ никогда не былъ вреденъ, напротивъ, онъ поддерживалъ во мнѣ энергію и здоровье. Ко всякимъ неприятностямъ и хлопотамъ, которыя не разъ случались, какъ у всякаго человѣка, я относился легко. Если они становились мнѣ поперекъ дороги, я старался отъ нихъ освободиться, а если я не могъ этого сдѣлать, то уклонялся отъ нихъ и шелъ далѣе своею дорогою, руководясь практичностью и энергіей, но не углубляясь въ нихъ, не предаваясь отчаянію, унынію и тому подобнымъ вещамъ, которыя могутъ только вредить здоровью, не принося ни въ чемъ помощи. И ты, по всей вѣроятности, такъ поступаешь, Зенку? Правда? Иначе поступать невозможно. Мучаясь чѣмъ бы то ни было, углубляясь во всякое обстоятельство, отказывая себѣ въ удовольствіяхъ жизни, можно раньше времени лечь въ могилу, а по меньшей мѣрѣ сдѣлаться бессильнымъ и быть въ тягость себѣ и другимъ. Ну, развѣ это неправда?

— Святая истина,—съ убѣжденіемъ подтвердилъ Зенонъ и черезъ минуту прибавилъ:—жаль только, что то или иное настроеніе не зависитъ отъ воли человѣка, но отъ природы, темперамента и его возрѣвій, а отчасти и отъ обстоятельствъ.

— Какъ не зависитъ!—воскликнулъ Викторъ.—Все зависитъ отъ воли человѣка. У кого есть разумъ и воля, тому на свѣтѣ должно быть хорошо. Примѣръ—ты самъ. Если бы тогда, восемнадцатъ лѣтъ томъ назадъ, ты бы не рѣшился порвать всѣ связи съ твоимъ измѣнническимъ идеаломъ въ Мюнхенѣ и не поселился здѣсь, въ Заполянкѣ, тогда бы не было такъ хорошо, какъ нынче! Неправда ли?

Зенонъ смотрѣлъ нѣсколько секундъ на брата, и въ его глазахъ промелькнула искра ироніи, но онъ, однако, ничего не отвѣтилъ и вошелъ съ братомъ въ столовую, гдѣ у накрытаго стола ожидали ихъ дамы и дѣти. Викторъ обошелъ столъ и очутился между Сабинной и Розаліей, маневрируя такъ, чтобы сѣсть за столомъ

*

между ними. При этомъ немного шутили и смѣялись, такъ какъ дамы желали будто бы сидѣть рядомъ, а онъ старался ихъ разъединить, и, достигнувъ этого и закрываясь салфеткой, напомнилъ брату:

— А что, Зенку! Видишь ли, что значитъ воля!

Симпатія, съ которой онъ относился на первыхъ же порахъ къ Розаліи, увеличивалась въ немъ, но при этомъ онъ занятъ былъ и Сабинной. Онъ ей постоянно услуживалъ, говорилъ ей комплименты по поводу домашняго порядка, дѣтей и даже ея настоящаго туалета. Зенонъ, который почти не принималъ участія въ разговорѣ, подумалъ:

— Если бы она не была такою отцвѣтшею и мало интересною, то навѣрное онъ сталъ бы ее увлекать, точно также, какъ и Розалію.

Но черезъ минуту онъ замѣтилъ съ удивленіемъ, что Сабина не считала себя такою отцвѣтшею и мало интересною, какою онъ считалъ ее, и какою она была въ дѣйствительности. Услужливость и любезность шурина приводили ее въ восхищеніе, ея голубые глаза, еще красивые, заиграли жизнью и блескомъ и нѣсколько разъ она кокетливо улыбнулась сосѣду. Цыпленокъ пробовалъ летать, и среди обѣда своимъ тоненькимъ голоскомъ она начала говорить о прежней любви къ обществу, танцамъ и нарядамъ.

— Но это все присуще вамъ и теперь!—возразилъ Викторъ.— Развѣ вы здѣсь никогда не веселитесь! Можетъ ли это быть! Да вѣдь это для васъ обѣихъ большая жертва. Необходимо нужно, Зенку, чтобы ты постарался оживить домъ и поставить его на общественную ногу... Вѣдь есть же здѣсь сосѣди какіе-нибудь. Отчего же вы у нихъ не бываете и не принимаете ихъ у себя?

Дамы на это молчали, а Зенонъ отвѣчалъ:

— Во-первыхъ, сосѣдей здѣсь очень мало и они мало интересны, а во-вторыхъ, если бы мы стали выѣзжать и принимать къ себѣ общество, то Заполянку унесъ бы вѣтеръ, какъ пушинку.

Онъ это произнесъ тономъ рѣзкимъ, какимъ никогда обыкновенно не говаривалъ и тотчасъ пожагѣлъ объ этомъ, но напрасно, такъ какъ Викторъ, повидимому, не былъ склоненъ обращать вниманіе на мелочи.

— Какъ?—проговорилъ онъ.—Вѣтеръ унесъ бы Заполянку! Да этого быть не можетъ! У кого такъ хорошо дѣла идутъ, какъ у тебя, мой дорогой...

— Вѣдь ты меня не спрашивалъ о положеніи моихъ дѣлъ и потому не имѣешь понятія...

— Какъ не имѣю понятія! Вѣд.: я знаю Заполянку и вижу, что на тихій образъ жизни, какой вы ведете, доходы ея вполне достаточны, чтобы покрыть...

— Я не говорилъ, что они недостаточны на жизнь,—отвѣтилъ Зенонъ,—но на другую, съ большою роскошью, ихъ бы не хватило, навѣрное...

— Хватило бы, мой милый, я тебя увѣряю, отлично бы хватило. Какой-нибудь приемъ, вечеръ, недалекое путешествіе въ большой городъ, заграницу... Неужели это такъ дорого стоитъ?

— Богъе, чѣмъ я могъ бы на это израсходовать, безъ ущерба для земли и людей... у меня есть еще маленькіе долги...

— Что такое долги!.. Если они и есть, то они когда-нибудь покроются, раньше или позже покроются, навѣрное...

— Сами собою? безъ моего участія?—пошутилъ Зенонъ.

Викторъ безъ малѣйшаго замѣшательства отвѣчалъ:

— Заполянка выплатитъ ихъ, а тѣмъ временемъ ты могъ бы себѣ и своимъ дамамъ сдѣлать жизнь пріятнѣе...

— Это было бы грѣхомъ противъ практичности,—добродѣтели, которую ты болѣе всего цѣнишь...

— Это правда, что я высоко цѣню практичность, но также непрактично вести монашескую жизнь, такъ какъ можно совершенно одичать...

— Повѣрь мнѣ, Викторъ,—отвѣчалъ Зенонъ,—съ спокойнымъ сердцемъ нельзя одичать; однако, выбирая изъ двухъ золъ, я готовъ лучше одичать, чѣмъ лишиться земли, чести и будущности дѣтей.

— Какія громкія слова!—засмѣялся Викторъ,—какое отношеніе имѣетъ одно къ другому? Развѣ земля и честь требуютъ жертвъ?

— Непремѣнно,—положительно отвѣчалъ Зенонъ.

— Я этого не понимаю и увѣренъ, что все это возможно согласить, только бы поступить съ ними...

— Практично и энергично,—подхватилъ Зенонъ.

— Да, но безъ экзальтаціи и преувеличенія. Ты всегда былъ экзальтированный...

— Нѣтъ, я уже охладѣлъ и постоянно охлаждаюсь,—докончилъ Зенонъ.

Они оба были раздражены; Зенонъ болѣе, Викторъ менѣе, но чувствовалось въ воздухѣ столкновеніе, въ которое были вовлечены двѣ разнородныя натуры. Розалія съ большимъ тактомъ дала другое направленіе разговору, прося Виктора объяснить ей нѣкоторые техническіе вопросы архитектуры, которые ей, встрѣчаясь при чтеніи, были непонятны. Это его направило по теченію,

по которому онъ могъ плыть безъ конца. Между предметами, которые имѣли отношеніе къ его специальности, была также и архитектура. Онъ даже взялъ подрядъ и построилъ нѣсколько общественныхъ зданій съ большою выгодною для себя. Онъ объяснялъ, рассказывалъ, немножко намекая на большіе труды, которые онъ понесъ при постройкахъ; хвастался совершенствомъ произведенныхъ работъ и денежною пользою, которую имѣлъ при этомъ.

Онъ опять сіялъ, былъ изысканно вѣжливъ и торжествовалъ. Зеновъ слушалъ все это не безъ интереса, но у него промелькнула мысль:

— Онъ только занять собою и тѣмъ, что принадлежитъ ему! Черезъ минуту онъ подумалъ:

— Да, онъ только занять собою и тѣмъ, что принадлежитъ ему; болѣе его ничто не трогаетъ.

Однако же послѣ обѣда, недовольный собою и искренно сожалѣя, что поспорилъ съ братомъ, онъ подошелъ къ нему, принуждая себя разговаривать съ нимъ обо всемъ томъ, что только могло Виктора интересовать. Викторъ же, хотя, можетъ быть, и ощущалъ нѣкоторое время кое-какое непріятное чувство, но давнымъ-давно уже о немъ забылъ, а предложеніе Сабины идти за грибами въ близъ лежащій гѣсокъ его очень обрадовало. Зеновъ остолбенѣлъ отъ удивленія. Жена его предлагаетъ совершить прогулку и высказываетъ это съ робостью и румянцемъ шестнадцатилѣтней дѣвушки! Онъ даже не помнилъ, когда Сабина не только самостоятельно рѣшилась бы совершить прогулку, но даже допустила бы уговорить себя. Всегда у нея не было времени, всегда она чувствовала себя утомленною хлопотами по хозяйству. А теперь она успѣла все сдѣлать и съ дѣтскою радостью побѣжала своимъ мелкимъ шагомъ за корзинками въ кладовую. Викторъ захопалъ въ ладоши...

— Ходить за грибами, это своего рода спортъ. Я люблю всякаго рода спортъ!

Онъ обратился къ Розаліи:

— Мы будемъ вмѣстѣ искать грибы, хорошо? Возьмите меня, человѣка бѣднаго, неопытнаго въ этомъ отношеніи, подъ свою опеку!

— О нѣтъ,—защищалась, шутя, Розалія,—кто такъ, какъ вы, умѣетъ быть самостоятельнымъ во всемъ, тотъ долженъ самостоятельно искать и грибы.

Однако, она сжалилась надъ нимъ и стала его учить, какъ, гдѣ и у какихъ деревьевъ и кустовъ, въ какихъ мхахъ и травахъ чаще всего растутъ рыжики. Сабина вошла съ корзин-

ками, а за нею вбѣжали ошастливленные дѣти. Всѣ были готовы; только Зенонъ отговорился весьма срочными занятіями по хозяйству отъ участія въ забавѣ.

И это не было выдумкою; онъ, дѣйствительно, долженъ былъ освѣдомиться, хорошо ли дѣйствуетъ молотилка, которая утромъ испортилась, узнать, какъ пахутъ, находится ли Павелекъ еще въ полѣ и почему онъ не пришелъ къ обѣду; замѣченный имъ утромъ нездоровый видъ юноши его очень беспокоилъ. Можно бы, конечно, все это отложить до другого раза, если бы онъ былъ увѣренъ, что участіе его въ прогулкѣ необходимо его гостю. Но онъ впередъ зналъ, что Викторъ будетъ постоянно придерживаться общества дамъ, а онъ проведетъ нѣсколько часовъ, шатаясь безъ пользы въ лѣсу, такъ какъ собирать грибы онъ никогда не любилъ. А, наконецъ, имъ было внолнѣ весело и хорошо и безъ него; они ушли, разговаривая, а онъ прежде всего пошелъ въ житницу.

Какъ бываетъ чаще всего въ хозяйствѣ, вмѣсто двухъ-трехъ дѣлъ, которыя необходимо выполнить, Зенонъ нашелъ ихъ гораздо болѣе и лишь по прошествіи нѣсколькихъ часовъ возвратился домой; онъ былъ немного опечаленъ тѣмъ, что молотилка была совершенно испорчена, и беспокоился о Павелкѣ, который казался ему еще болѣе похудѣвшимъ и поблѣднѣвшимъ, нежели утромъ. Онъ дотронулся рукою головы юноши и почувствовалъ, что у него жаръ. О всѣхъ возможныхъ оскорбленіяхъ онъ совершенно забылъ, онъ только беспокоился о томъ, чтобы юноша серьезно не заболѣлъ,—тѣмъ болѣе, что не имѣлъ охоты обидѣть его,—а въ недалекой деревнѣ свирѣпствовала какая-то заразительная горячка. Завтра придется послать сразу за докторомъ для Павелка, за ветеринаромъ для изувѣченной лошади и за механикомъ для исправленія молотилки.

Дома еще никого не было. Филипекъ только принесъ въ столовую самоваръ, испускавшій клубы пара, и горничная устанавливала на столѣ корзинки и тарелки съ приготовленными заранѣе Сабиною закусками къ чаю. Зенонъ вышелъ на крыльцо, намѣреваясь пойти въ лѣсъ, но услышалъ за одной изъ клумбъ голоса Виктора и Розаліи. Общество возвращалось съ прогулки; эта пара опередила Сабину съ дѣтьми и извилистыми тропинками обходила клумбы деревьевъ и кустовъ. До стоявшаго на крыльцѣ Зенона долетали отрывки разговора, довольно громкаго. Викторъ просилъ Розалію дать ему ея фотографію, она отговаривалась неимѣніемъ; когда же онъ настаивалъ на своей просьбѣ, она общала ему дать ту, которая была въ альбомѣ Сабины. Въ ея голосѣ

чувствовалось волненіе, маскированное легкимъ смѣхомъ; черезъ минуту они вышли изъ-за группы кустовъ. Зенонъ видѣлъ, какъ Викторъ, взявъ обѣ руки своей спутницы, долго прижималъ ихъ къ губамъ, и затѣмъ, вмѣсто того, чтобы идти домой, они направились на дальнюю тропинку и, въ наступившей темнотѣ ночи, скрылись въ кустахъ. У Зенона что-то закипѣло. Разомъ онъ почувствовалъ въ себѣ приливъ горечи и гнѣва. Прежде всего онъ подумалъ:

— Онъ дѣйствительно вскружить ей голову и навсегда испортить ея расположеніе духа. Что же? Она еще не стара и, должно быть, знаетъ, что еще хороша собою. Она готова повѣрить его ухаживанію, влюбиться, а послѣ всего этого мнѣ придется бѣжать отъ ея капризовъ.

Потомъ онъ вспомнилъ фотографію женщины съ добрыми и умными глазами, съ очаровательной улыбкой, съ благороднымъ лбомъ, окаймленнымъ густыми волосами, зачесанными просто, но со вкусомъ. Вѣдь это невѣста Виктора, женщина, на которой онъ женится въ недалекомъ будущемъ, которая ему вѣритъ и въ настоящую минуту, можетъ быть, думаетъ о немъ, тоскуетъ по немъ и увѣрена, что она глубоко и преданно любима. Между тѣмъ, глубина и преданность его чувства таковы, что не могутъ устоять передъ прелестями первой попавшейся старой дѣвы, еще красивой и неглупой! Онъ же, Зенонъ, давно не имѣлъ, и не могъ имѣть иныхъ чувствъ къ женѣ, какъ только уваженіе и привычку, но онъ не позволялъ себѣ даже подумать о томъ, чтобы искать какого-либо удовлетворенія съ другой. Насколько ему тяжело было переносить также внутреннюю борьбу, это было извѣстно ему одному; но его честная и умѣющая сострадать душа не допускала обмана, не могла быть виновницей чьихъ-либо нравственныхъ мученій. Въ настоящее время эти оба чувства были у него оскорблены. Ему стало невыразимо жаль этой незнакомой ему женщины, забытой и обманутой; она казалась ему идеальной, если только душа ея была подобна ея внѣшности. И человекъ, уже не молодой, который въ скоромъ времени долженъ будетъ обладать этою очаровательною женщиной, испытывать полное счастье, присущее молодости, гоняется за какою-то крохою утѣшенія, за минутнымъ удовольствіемъ, достигнутымъ цѣною измѣны одной и душевнаго спокойствія другой!

Углубляясь въ себя и анализируя свою совѣсть, онъ не могъ не замѣтить, что къ его горькимъ и злобнымъ чувствамъ, которыя онъ испытывалъ изъ-за оскорбленія своихъ убѣжденій, изъ-за обманутой женщины и изъ-за той, которая поддавалась обману,

примѣшивалось немного, а можетъ быть, и много, чувства зависти. Чего, можетъ быть, болѣе всего онъ былъ лишенъ, тѣмъ другой долженъ былъ наслаждаться въ полномъ упоеніи, но ему этого было мало. Отчего это такъ бываетъ, что для однихъ чаша жизни переполнена утѣшеніемъ и наслажденіемъ, а другимъ приходится испивать изъ нея одну горечь?

Онъ хорошо зналъ, что эти чувства и мысли дурныя; но они были; онъ хотѣлъ ихъ отогнать и не могъ. Красивое, доброе и умное лицо женщины, фотографію которой онъ видѣлъ, точно заколдованное, носилось передъ нимъ, а въ его головѣ роилась постоянно мысль: «Ему и этого недостаточно». Виѣстѣ съ тѣмъ онъ питалъ къ себѣ презрѣніе. Презиралъ онъ себя за то, что завидовалъ брату, и, завидуя ему, оправдывалъ себя только тѣмъ, что Викторъ и Розалія были въ саду въ то время еще, когда Сабина, вбѣжавъ домой, хлопоталась приготовленіемъ чая, и тогда, когда чай уже настоялся, и пожалуй, только благодаря заботливости Сабины, не перестоялъ на самоварѣ.

Онъ сидѣлъ за столомъ, освѣщенномъ лампою, и думалъ: «Какая же участь ожидаетъ эту женщину въ будущемъ, если уже и теперь она подверглась этому?»

Въ молодости онъ былъ вспыльчивъ, но потомъ превозмогалъ въ себѣ этотъ порокъ силою убѣжденія и воли и почти окончательно отъ него освободился. Теперь, подъ вліяніемъ дурной страсти, которая проникла въ его сердце, прежній недостатокъ его характера опять начиналъ себя проявлять. Когда, наконецъ, Викторъ и Розалія вошли въ столовую и сѣли за столъ, оба съ глазами болѣе, нежели обыкновенно, оживленными и съ нѣсколько принужденными улыбками на губахъ, Зенонъ обратился къ брату съ вопросомъ:

— День свадьбы твоей съ m-me Амеліей уже окончательно опредѣленъ?

Эти слова были настоящимъ coup de théâtre. Викторъ смѣшался, по выразительному лицу Розаліи пробѣжала нервная дрожь, Сабина же упустила на блюдечко ложечку и такъ испугалась, что у нея забѣгали глаза. Но, черезъ минуту, Розалія первая, любезно обратившись къ Виктору, съ спокойною улыбкою проговорила:

— У васъ есть невѣста?

— Да,—нехотя и неувѣреннымъ голосомъ отвѣчалъ Викторъ — Это старая исторія, конецъ которой неизвѣстно, когда наступитъ.

Въ первый разъ, съ тѣхъ поръ, какъ онъ находился въ Заполнянкѣ, у него проявилась на лбу морщина; онъ грозно сверкнулъ глазами на брата и въ продолженіе получаса былъ молчаливъ и

угрюмъ. Но тогда Розалія заговорила очень свободно о сегодняшнемъ хожденіи за грибами, о лѣсѣ и о чудномъ настоящемъ вечерѣ, а Зенонъ, чувствуя себя глубоко опечаленнымъ при видѣ морщины на лбу брата, старался заговаривать о вещахъ, которыя могли бы его заинтересовать и доставить ему удовольствіе. И дѣйствительно, спустя нѣкоторое время, Викторъ повеселѣлъ и принялъ участіе въ разговорѣ, но уже не съ тою свободою и игривостію. Онъ не казался разсерженнымъ, но былъ смущенъ и не въ своей тарелкѣ. Послѣ чаю онъ взялъ брата подъ руку и повелъ его въ садъ.

На крыльцѣ онъ уже началъ говорить:

— Мой Зенку, что тебѣ за охота было при дамахъ говорить о моей скорой свадьбѣ? Ты меня этимъ поставилъ въ такое неловкое положеніе, что я даже языкъ прикусилъ. Это уже несчастье! Только что въ саду я сказалъ Розаліи, что до тѣхъ поръ, пока я ея не узналъ, мое сердце было свободно, какъ птица, и что это она его лишила свободы. И вдругъ, черезъ пять минутъ послѣ этихъ словъ и поцѣлуевъ въ ручки, ты спрашиваешь о дѣлѣ моей свадьбы! Ну!

Это онъ говорилъ смѣясь и съ примѣсью горечи. Зенону также было смѣшно; такъ казалось ему забавнымъ такое отношеніе къ вопросу, которому онъ придавалъ столько значенія. Но вскорѣ онъ сдѣлался серьезенъ.

— Я не въ состояніи даже выразить тебѣ, дорогой Викторъ, — сказалъ онъ, — какъ мнѣ больно, что я тебѣ причинилъ такую неприятность, и сердечно извиняюсь передъ тобою. Но на самомъ дѣлѣ, возможно ли такъ безъ церемоніи поступать съ чужими сердцами? Вѣдь твоя невѣста тебя любитъ и вѣритъ твоей любви.

— За это я ее и люблю! — проговорилъ Викторъ. — Но какое же отношеніе можетъ имѣть одно къ другому? Тамъ любовь, а здѣсь — пріятное препровожденіе времени. И можетъ ли быть Амеліи неприятнымъ то, что я, болѣе чѣмъ за тысячу верстъ отъ нея, проведу нѣсколько пріятныхъ минутъ съ другой особой?

Зенонъ, самъ не зная, что ему было дѣлать, смѣяться ли, или же сердиться, проговорилъ:

— Ты готовъ бы былъ не только за тысячу верстъ, но въ двухъ шагахъ отъ нея проводить пріятно время съ другою; но и эта другая можетъ повѣрить и полюбить!..

— Ну, и чтобы съ ней отъ этого произошло? — удивленно сказалъ Викторъ. — Нѣсколько пріятно проведенныхъ часовъ прервали бы ея грустное состояніе старой дѣвы, она немного помечтала бы,

и затѣмъ вспоминала бы до самой смерти о другомъ, взамѣнъ покойнаго жениха. Ты черезчуръ печально смотришь на самую простую вещь въ жизни, которая, если и можетъ назваться грѣшкомъ, то весьма обыкновеннымъ и маленькимъ; это, попросту, ловля на лету удовольствія, которое пролетаетъ передъ носомъ, и котораго не поймалъ бы развѣ только одинъ дуракъ.

Зенонъ, точно эхо, повторилъ:

— Дуракъ!

Но потомъ прибавилъ:

— Дѣйствительно ли тѣ люди, которые не услаждаютъ себѣ жизнь какою бы то ни было цѣною, — дураки?

Викторъ ничего не отвѣчалъ. Они шли подъ руку по довольно широкой дорогѣ, которая прорѣзывала садъ во всю его длину. Серебряный серпъ молодого мѣсяца, среди звѣздъ, наполнялъ слабымъ свѣтомъ воздухъ. Послѣ долгаго молчанія Зенонъ первый прервалъ его.

— Я очень часто останавливался надъ тѣмъ, кто дѣйствительно правъ, и кто заблуждается: люди ли свѣтскіе и веселые, которые стараются, елико возможно, устранить отъ себя всѣ шипы жизни и брать отъ нея ея лучшія стороны какою бы то ни было цѣною, или же тѣ, которые взваливаютъ на свои плечи бремя долга, стоятъ на стражѣ его, чтобы не проронить малѣйшей частички его, и, засматриваясь въ далекое, свѣтлое будущее, какъ слѣпые, проходятъ мимо цвѣтовъ, и добровольно идутъ тернистымъ путемъ. Который же изъ двухъ этихъ родовъ людей дѣйствительно человѣкъ умный, и который — глупецъ?

— Мнѣ кажется, — отвѣчалъ Викторъ, — что въ этомъ, какъ и во всемъ, самое лучшее, можетъ быть, благоразумная середина. Трудиться необходимо, такъ какъ безъ труда человѣкъ долженъ сдѣлаться тряпьемъ, никуда негоднымъ. Честность и искренность въ дѣлахъ денежныхъ — это честь каждаго, и если человѣкъ лишился ея, онъ превращается, извини за выраженіе, въ животное. Я цѣню также до извѣстной степени и благотворительность, такъ какъ страданія людскія, когда мнѣ приходится ихъ видѣть, возбуждаютъ во мнѣ состраданіе, и я бы считалъ себя послѣднимъ эгоистомъ, если бы не облегчилъ ихъ какою-либо помощью, которая для меня окончательно не представляетъ никакого значенія, а для страдающаго въ данномъ случаѣ можетъ быть подмогою и облегченіемъ. Но это и все, и я, по правдѣ сказать, не знаю, чего можетъ человѣкъ разумный требовать отъ себя болѣе?

Они сѣли на скамью, на краю дороги, на которую мѣсяцъ бросалъ туманный свѣтъ, и Зенонъ съ оживленіемъ заговорилъ:

— Неужели въ этомъ все? Неужели же въ самомъ дѣлѣ, въ рамкахъ, составленныхъ изъ трехъ досчечекъ: труда, чести и легкой благотворительности, заключается разрѣшеніе той загадки, которая и опредѣляетъ назначеніе человѣка на землѣ? По моему мнѣнію, эта загадка — пропасть. Съ самаго существованія міра склоняются надъ нею благороднѣйшія людскія головы и не могутъ достигнуть взоромъ ея дна. Неоднократно ты, по всей вѣроятности, задавалъ себѣ вопросъ: почему человѣкъ неизбежно страдаетъ и умираетъ? Неизбѣжность страданія и смерти была бы ужасающею насмѣшкою какой-то страшной адской силы, если бы въ ней не было цѣли, непонятной для слабаго человѣческаго разума, такъ какъ бѣдный разумъ нашъ ничего сказать объ этомъ не можетъ. Если природа не допускаетъ физическаго бездѣйствія, то можетъ ли она допустить такое нравственное безсмысліе, заключающееся въ терзаніи милліардовъ существъ? Я пришелъ къ тому заключенію, что, за предѣлами знаній нашего разума, создается въ пространствѣ и времени твореніе необычайное и совершенное, для чего и необходимо существованіе страданій и смерти, а главное, можетъ быть, нашего самоусовершенствованія. Но это совершенствованіе не заключается только въ трудѣ, чести и бросаніи бѣднымъ съ нашего стола для насъ ненужныхъ крохъ. Правильно ли, или ошибочно, но подѣ этимъ совершенствованіемъ понимаютъ устраненіе въ жизни самыхъ незначительныхъ скорбей, любовь къ землѣ и людямъ, любовь, доведенную до жертвъ, если бы при этомъ даже приходилось тяжело страдать. Не знаю, ясно ли я выражаюсь. Я не привыкъ вообще говорить, особенно о такихъ предметахъ. Что же касается меня, то мое напряженное усиліе заключается въ томъ, чтобы имѣть сердце самое чистое и оказывать самыя большія, по возможности, услуги землѣ и людямъ. Мнѣ кажется, такимъ только образомъ я достигаю той цѣли, для которой я пришелъ на свѣтъ. Но это выводъ моихъ, очень уединенныхъ, думъ, а потому, можетъ быть, онъ и ошибоченъ. Что ты, Викторъ, обо всемъ этомъ думаешь?

Говоря это, онъ смотрѣлъ въ пространство, на которое падала тѣнь деревьевъ. При послѣднихъ словахъ онъ повернулся къ брату и съ трудомъ удержался отъ смѣха. Глаза Виктора были закрыты, и только при звукѣ его имени онъ ихъ открылъ, и они у него спокойно забѣгали, какъ встрепенувшіяся испуганныя птицы. Во время рѣчи брата, его стала одолевать дремота, которую онъ превозмогалъ, но, превозмогая ее изо всѣхъ силъ, не безъ труда

могъ онъ схватывать нѣкоторые слова и сужденія. Протеревъ глаза, онъ отвѣчалъ на то, что ему удалось слышать:

— Мой Зенку, все то, о чемъ ты говорилъ, принадлежитъ обсужденію лицъ духовныхъ. Пусть они себѣ додумываются до разнаго рода человѣческихъ грѣховъ и угадываютъ, что можетъ встрѣтить человѣка на томъ свѣтѣ. Это предметъ богословія. Я въ Бога вѣрую и каждый день молюсь, такъ какъ этому меня научила мать, и это вошло въ мою кровь и привычку. Но надъ предметами непонятными я себѣ головы не ломаю. У меня на это нѣтъ ни времени, ни охоты. Что же касается смерти, мой милый, то это вещь до такой степени неприятная, что лучше о ней и не думать. Когда придетъ, то что же дѣлать? Но, пока она не приходитъ, не будемъ же звать изъ гѣсу сквернаго волка. Вотъ моя философія. Въ динамикѣ, гидравликѣ и статикѣ я силенъ, но о безсмертіи души я ровно ничего не знаю. И нѣтъ надобности. То, что Богъ захочетъ, то Онъ и сдѣлаетъ съ моею душою послѣ смерти, но пока я живу — *vive la vie!* А теперь пойдемъ домой, становится свѣжо, да и не пора ли спать, какъ ты думаешь?

Черезъ часъ во всемъ домѣ было темпо, и всѣ спали, или, по крайней мѣрѣ, легли спать. Зенонъ одинъ ходилъ по длинной полосѣ дороги, прорѣзавшей садъ. Всякій разъ, когда онъ находился въ томъ ея концѣ, который доходилъ до широкихъ полей, освѣщенныхъ дремлющимъ свѣтомъ, онъ останавливался и смотрѣлъ на серебряный рожокъ мѣсяца, выглядывавшій изъ-за сосенъ. Онъ думалъ:

— Неужели же я ошибался? Неужели я убилъ свою жизнь? О, источникъ всего существующаго и всякаго вѣдѣнія, какіе на самомъ дѣлѣ Твои законы и повелѣнія? Тѣ ли они, которые сдѣлали изъ моего брата человѣка сильнаго и счастливаго, или же они таковы, что, исполняя ихъ, я преждевременно состарился и сдѣлался грустнымъ. Ты одинъ это видишь.

Всякій разъ, когда онъ снова приближался къ противоположному концу дороги, которая вела къ дому, онъ обращалъ свой взоръ на окно, въ которомъ давно огонь уже погасъ, и мысленно спрашивалъ себя:

— Кто изъ насъ глупъ, и кто—умень: онъ, или я?

Со станціи желѣзной дороги, на которую онъ отвезъ брата, Зенонъ Горничъ отправился въ ближайшій городъ, чтобы взять механика, который долженъ былъ поправить испорченную молодилку. Онъ въ городѣ пробылъ довольно долго, такъ какъ ему

необходимо было видѣться съ ветеринаромъ, поговорить съ купцомъ, которому проданъ хлѣбъ, и исполнить нѣсколько домашнихъ и по хозяйству дѣлъ. Едва только къ вечеру возвратившись въ Заполянку, онъ вышелъ изъ брички у житницы и, спустя нѣкоторое время, шелъ домой съ опущенной головой и хмурымъ выраженіемъ лица. На дворѣ въ это время было пусто и въ домѣ царила тишина; слышались дѣтскіе голоса у качелей, въ глубинѣ сада.

Возможно ли, чтобы то, чего онъ такъ горячо ожидалъ, отдавшись этому всѣмъ существомъ своимъ, причемъ онъ не спалъ всю ночь, уже пролетѣло и принадлежитъ прошлому?

Что оно пролетѣло, это вѣрно и естественно, но — было ли оно? Дѣйствительно ли это былъ его братъ и провелъ съ нимъ двое сутокъ? Приѣзжалъ и двое сутокъ провелъ въ его домѣ какой-то умный, изящный, веселый и любезный человѣкъ, но не братъ его; напротивъ, какой-то человѣкъ, совершенно ему чужой, непохожій на него, и котораго съ нимъ ничто не связывало, даже воспоминанія, такъ какъ тотъ человѣкъ, поглощенный дѣятельною и счастливою дѣйствительностью, не нуждался въ воспоминаніяхъ.

Еще разъ Зенонъ Горничъ испыталъ чувство глубокой разницы, какая существуетъ между мечтаніемъ и дѣйствительностью, между формою вещи, той же самой, какою она была прежде, и ея внутреннимъ содержаніемъ, измѣненнымъ до основанія. Также теперь, какъ и прежде, онъ и Викторъ были сыновьями однихъ родителей и носили одну фамилію, но въ чемъ именно ихъ братство?

Они простились точно также сердечно, какъ и встрѣтились. При послѣднемъ объятіи ихъ руки можно было только съ трудомъ ровнять, такъ какъ они оба обладали, хотя въ неравной степени, братскимъ инстинктомъ. Но у людей цивилизованныхъ онъ не играетъ первенствующей роли, а все то, что, кромѣ него, въ нихъ существовало, взаимно себя отталкивало и безъ словъ убѣждало въ бесполезности дальнѣйшихъ отношеній.

— Когда же мы опять увидимся? — спросилъ Викторъ и тотчасъ же прибавилъ: — мнѣ трудно располагать временемъ...

— Да, — отвѣчалъ Зенонъ, — вѣрнѣе всего, что опять не скоро увидимся...

И при этомъ подумалъ:

— Да и зачѣмъ?

Съ инстинктивнымъ сожалѣніемъ, но съ убѣжденіемъ, эти слова замѣнили выраженіе: иначе быть не можетъ, ибо зачѣмъ же?

Когда паровозъ свистнулъ, и поѣздъ сталъ удаляться отъ

станции, Зенонъ испыталъ удручающее чувство понесенной потери. Онъ потерялъ брата. Медленно подвигавшійся впередъ рядъ вагоновъ казался похоронною процессіей. Разные бывають похороны, и не менѣе тяжелыми бывають для человѣка тѣ, во время которыхъ онъ отслуживаетъ панихиду въ одиночествѣ и при глубокой тайнѣ своего сердца. Теперь же видъ двора и дома обновили въ немъ воспоминанія грезъ, предшествовавшихъ приѣзду Виктора, и того, что произошло послѣ.

Онъ мысленно повторялъ пословицу, которою не разъ въ подобныхъ случаяхъ укрощалъ свое неукротимое воображеніе:

— Ахъ ты, старый воробей, опять себя далъ поймать на мякинѣ!

Но тотчасъ же потомъ подумалъ, что это не была мякина. Напротивъ,—такіе люди, какъ Викторъ, были всегда здоровымъ зерномъ человѣчества, а такіе, какъ онъ — пленелами, которыя слѣдовало бы ссыпать въ дома умалишенныхъ, этотъ магазинъ душъ, сведенныхъ съ ума идеями, которыя на свѣтѣ не въ ходу.

Онъ колебался и остановился прежде, чѣмъ войти въ домъ. Онъ чувствовалъ, что лицо его было сильно нахмурено, и что ему необходимо было, при встрѣчѣ съ кѣмъ бы то ни было, его немного прояснить. У него не было никого, передъ кѣмъ бы онъ могъ высказать и показать то, что онъ чувствовалъ. Но онъ желалъ лучше остаться въ одиночествѣ, и лицо свое оставить въ покоѣ. Онъ присѣлъ на крыльцѣ. Вскорѣ онъ услышалъ черезъ открытое окно голоса Сабинны и Розаліи. Собственно Сабина одинъ разъ только проговорила, коротко и такъ тихо, что онъ не дослышалъ ея словъ. Розалія же отвѣчала громко, сухимъ и наставническимъ тономъ, который предвѣщалъ, что съ отъѣздомъ гостя кончились на ея небѣ свѣтлые дни, и начали собираться густыя тучи. Она говорила въ такой формѣ, какъ если бы ея сестра была маленькой дѣвочкой и во всемъ подчинялась ея власти:

— Ты всегда все преувеличиваешь, Сабина, и впадаешь въ крайности. Всю жизнь ты обожала мужа и подчинялась ему, какъ рабыня, а теперь вдругъ тебѣ пришло въ голову жаловаться на свою участь. Твой мужъ, моя дорогая, идеалистъ, очень благородный, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, и весьма непрактичный. Такіе люди не дѣлають жизни пріятною ни себѣ, ни другимъ. Но послѣ семнадцати лѣтъ замужества вовсе не время такъ много восхищаться качествами его брата.

Зенонъ не хотѣлъ слушать болѣе; онъ вскочилъ со скамейки и, быстро пробѣжавъ дворъ, вышелъ за ворота. Вотъ тебѣ на!

Даже Сабина жаловалась на свою участь и восхищалась качествами его брата. Это возбудило въ немъ гнѣвъ и даже его нѣсколько возмутило.

Пусть бы она попробовала быть не только женою, но хотя бы невѣстой Виктора! Онъ положительно и ясно сказалъ самъ себѣ, что и онъ чувствуетъ себя съ нею несчастнымъ, несмотря на мягкость отношеній и супружескую вѣрность, но что во всемъ этомъ лежитъ вина на немъ. Передъ свадьбою онъ настолько же идеализировалъ ее, насколько идеализировалъ своего брата передъ прїѣздомъ послѣдняго. Онъ принадлежалъ къ числу тѣхъ людей, которые дѣлать другихъ по своему образу и подобию, но, когда, подъ вліяніемъ времени, глина рассыпается, они начинаютъ замѣчать, что въ ней было только нѣчто, непохожее на то, что они предполагали. То, что съ нимъ случилось много разъ въ жизни, пришлось ему испытать и съ женою. Теперь, онъ убѣдился, что она точно также разочарована и не удовлетворена жизнью. Въ этомъ она призналась сестрѣ; но онъ никому никогда въ этомъ не сознавался. Онъ желалъ повѣрить свою тайну брату, но оказалось, что у него нѣтъ брата.

Его охватилъ и охватывалъ все болѣе и болѣе мрачный взглядъ на дѣйствительность; онъ чувствовалъ себя безгранично одинокимъ и окончательно усомнился въ себѣ самомъ. Онъ шелъ съ опущенною головою и сгорбившись болѣе, чѣмъ прежде. Онъ думалъ о томъ, что убилъ свою жизнь. Если бы онъ не покидалъ своей артистической карьеры для Заполянки, то, быть можетъ, былъ бы, подобно Виктору, въ настоящее время, также извѣстенъ, любимъ, веселъ и силенъ. Онъ былъ увѣренъ, что онъ не обладалъ большимъ талантомъ, такъ какъ, обладая имъ, могъ бы и здѣсь быть творцомъ произведеній искусства. Но развѣ только при помощи большихъ талантовъ люди пробиваютъ себѣ дорогу въ жизни? Онъ могъ бы ее также пробить и съ своимъ небольшимъ талантомъ, если бы, по словамъ Виктора, умѣлъ хорошо проталкиваться сквозь толпу и если бы при первомъ вступленіи своемъ на широкую арену жизни высоко оцѣнилъ себя. Но его отличительная черта была въ томъ, что онъ сомнѣвался не только въ своемъ талантѣ, но и во всемъ томъ, чѣмъ онъ обладалъ; онъ не рассчитывалъ и не спекулировалъ...

Тутъ онъ обернулся, услышавъ за собою шаги. Это былъ Павелекъ, который уже нѣсколько минутъ его догонялъ и теперь стоялъ передъ нимъ смѣшавшись; на блѣдномъ и похудѣвшемъ лицѣ его выражалось твердое рѣшеніе.

— Извините меня,—началъ онъ,—что задерживаю васъ по

дорогѣ, но я не въ силахъ болѣе выдержать, и потому удѣлите мнѣ нѣсколько минутъ.

— Съ удовольствіемъ,—сказалъ Зенонъ,—но отчего у тебя такой видъ, какъ будто ты перенесъ тяжкую болѣзнь?

При видѣ страданія, которое отпечатывалось на лицѣ воспитанника, Зенонъ забылъ о своихъ мрачныхъ думахъ и подавляющихъ чувствахъ; Павелекъ же его прервалъ:

— Вотъ уже три дня, какъ я мучусь такъ, что не могу ни ѣсть, ни спать, а бываютъ минуты, когда хотѣлъ бы сквозь землю провалиться отъ стыда и досады!

Слезы показались на его темныхъ, живыхъ глазахъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ въ нихъ проглядывалъ гнѣвъ, доходившій почти до бѣшенства.

— Если бы я былъ въ состояніи, я бы себя билъ, колотилъ, кусалъ и посадилъ бы себя въ тюрьму...

— Но, Боже мой, зачѣмъ ты себя такъ мучаешь!—проговорилъ Зенонъ съ улыбкою, которую онъ не могъ удержать при видѣ отчаянныхъ жестовъ юноши, который ими представлялъ, какъ бы онъ себя билъ, колотилъ, кусалъ, и выражавшихъ при этомъ столько наивнаго и комичнаго. Но Павелекъ, вдругъ успокоившись, сказалъ рѣшительно:

— Я съ господиномъ Горкевичемъ не поѣду!

— Не поѣдешь! Почему? Я же тебя не уговаривалъ оставаться.

Павелекъ колебался съ минуту, призадумался и отвѣчалъ съ несвойственною ему положительностью:

— Вы меня не уговаривали, но ваша доброта меня уговорила

— Какимъ образомъ? Объясни мнѣ твои слова!

— Что же тутъ объяснять! Я поступилъ, какъ послѣдній негодяй. Вы меня вытащили изъ нищеты, воспитали, любили, сдѣлали изъ меня человѣка, и я не только-что хотѣлъ покинуть васъ и поступить противно тому, чему вы меня учили всю жизнь, но даже скрывалъ отъ васъ свои намѣренія, точно отъ врага... Я думалъ, что вы меня ненавидите и презираете, какъ собаку... такъ какъ я оказался хуже, чѣмъ собака... А между тѣмъ, за обѣдомъ, когда госпожа Розалія меня такъ скомпрометировала передъ всѣми и вашимъ братомъ и хотѣла меня уязвить, какъ это она умѣетъ иногда, вы заступились за меня и моргнули, смѣясь, словно другу... А затѣмъ, при встрѣчѣ все относились ко мнѣ лучше и лучше, какъ будто бы между нами ничего не произошло: «Что съ тобою, Павелекъ, говорили вы, отчего ты такъ худъ?» Я думалъ, пропаду отъ угрызенія совѣсти и досады. Я не могъ поговорить съ вами въ то время, когда у васъ былъ гость. Но

теперь, увидѣвъ, что вы одиноко идете въ поле, я не выдержалъ и побѣжалъ... Простите меня, мой дорогой господинъ, мой золотой, мой возлюбленный, мой наилучшій благодѣтель, забудьте о моей глупости; позвольте мнѣ остаться при васъ... и послѣ, когда я поселюсь когда-нибудь въ своей небольшой усадьбѣ, я буду учить дѣтей своихъ тому, чему вы меня учили, и чтобы они за васъ возносили свои молитвы къ Богу...

Онъ произнесъ послѣднія слова дрожащимъ голосомъ; онъ поцѣловалъ его руки, припадая даже къ его колѣнямъ; онъ былъ растроганъ, какъ дитя, и раскаявался, какъ грѣшникъ, возненавидѣвшій свое прегрѣшеніе.

Зенонъ обнялъ его обѣими руками, нѣсколько разъ поцѣловалъ въ лобъ, и при этомъ улыбался, хотя глаза его были влажны. Ему не трудно было успокоить юношу, который жаждалъ только его прощенія и позволенія остаться и на будущее время въ Заполянкѣ.. Затѣмъ, онъ отправилъ его домой, а самъ пошелъ своею любимую дорогою къ холму, поросшему соснами. Онъ шелъ и чувствовалъ, что ему легче идти, плечи его нѣсколько выпрямились, и тотъ мракъ, который омрачалъ его мозгъ и сердце, нѣсколько разсѣялся.

Вскорѣ онъ очутился у подножія холма, среди рѣдкихъ сосенъ, выросавшихъ изъ подъ бѣлаго мха, начинавшихъ желтѣть, но еще зеленыхъ, какъ изумрудъ. Онъ присѣлъ на мохъ, посмотрѣлъ вокругъ, и засмотрѣлся на видъ.

Вокругъ росли клумбами и рощами коричневый папоротникъ верескъ съ красными листьями, словно центофія, и кроваво-заржавленнаго цвѣта можжевелникъ. Среди сосенъ стояли березы, окрашенныя въ золото, а въ отдаленной глуби лѣса, покрытой тѣнью, пробивался кое-гдѣ еще солнечный лучъ, отражаясь, точно въ пурпурѣ, на отпѣтшей уже брусникѣ и ежевикѣ. Съ обѣихъ сторонъ дороги, идущей среди поля и извиравшейся у подножья холма, торчали стебли растений безъ цвѣтовъ, часто безъ листьевъ, но увѣшанные разнаго рода и величинъ сѣменами. А всаханныя поля, поросшія желтымъ ржищемъ, колыхались по взрытой землѣ, уходя туда, далеко къ краю самаго неба, усѣяннаго освѣщенными разноцвѣтнымъ огнемъ облаками.

Вечерняя заря занялась, точно окровавленный хребетъ, расплывавшійся въ золотистый цвѣтъ. Ея красный и темный цвѣтъ дожились на поляхъ, поднимаясь въ воздухъ надъ полями, надъ небольшими лѣсами, разбросанными на холмахъ, надъ усадьбой Заполянки, которая со своими деревьями и трубами представляла деревенскую картинку, нарисованную на золотисто-красномъ фонѣ.

На прогивоположной же сторонѣ, на востокѣ, подернутой туманомъ и синевою, расположилась крестьянская деревня, откуда подымались къ небу струйки дыма.

Въ этой картинѣ природы царили и вечерняя тишина, и осенняя грусть, явленіе рѣдкое по своей простотѣ, но имѣвшее въ себѣ что-то величественное.

Зенонъ смотрѣлъ на землю и на небо; мало-по-малу его разумъ и душа стали такъ погружаться въ созерцаніе ихъ, что онъ уже не чувствовалъ себя болѣе одинокимъ. И онъ не былъ одинъ, такъ какъ вокругъ него было все, что онъ любилъ. Напротивъ, чѣмъ онъ дольше смотрѣлъ, тѣмъ сильнѣе и яснѣе съ нимъ происходилъ тотъ-же процессъ, который восемнадцать лѣтъ тому назадъ соединилъ его съ этимъ уголкомъ міра. Ему казалось, что онъ имъ дышитъ, что онъ взаимно имъ поглощенъ и что онъ составляетъ его частицу, тѣсно сплоченную съ другими его частицами. Онъ чувствовалъ, что не могла бы существовать такая притягательная сила, которая въ состояніи бы была его оторвать отсюда; если онъ что-либо и переносилъ и чего-либо и желалъ, то это именно было здѣсь, а не въ иномъ мѣстѣ, подобно каплѣ воды въ источникѣ, или же подобно проблеску солнечнаго луча. Онъ подумалъ, что онъ, безъ всякаго сомнѣнія, былъ каплею воды и проблескомъ свѣта для этого уголка земли; вода же оплодотворяетъ, а свѣтъ разсѣиваетъ мракъ.

Неподалеку отъ того мѣста, гдѣ онъ сидѣлъ, росли густые кустарники сухого мха, перемѣшаннаго съ опадшими иглами сосенъ, со сплетенными вѣтками, испещренными оставшимися цвѣтами и листьями. Онъ склонился надъ ними головой такъ низко, что високъ его покоился на лиловомъ атласѣ запоздавшаго вереска. И тогда-то до его уха начали доходить удивительный шорохъ и шелестъ, какъ бы ходьба червячковъ во мху и верескѣ, точно маленькія крылышки порхали подъ засохшими листьями и словно извивалось множество проворныхъ узенькихъ ручейковъ. Последніе были соками земли, которые протекали подъ ея корой и расходились во всѣ стороны, подъ полями, лѣсами, подъ усадьбою, вырисовывавшимися на фонѣ вечерней зари, и подъ деревушкою, стоявшею сѣрою тесьмой на лиловомъ востокѣ. Зенонъ прислушивался внимательно и жадно къ этому шелесту, онъ сталъ узнавать говоръ земли, который онъ понималъ, такъ какъ давнымъ-давно между нимъ и землею существовала связь глубокой любви. Въ этомъ говорѣ слышались и жалобы, и благодарность, и тихія слезы, и протяжныя пѣсни, подобныя тѣмъ, какія напѣваютъ нянюшки надъ колыбелью больныхъ дѣтей. Кромѣ шо-

роха и шелеста, въ этомъ говорѣ земли чувствовалось бѣненіе могущественнаго пульса, идущаго изъ отдаленнѣйшихъ глубинъ и учащавшагося въ своихъ ударахъ все болѣе и болѣе на поверхности ея, словно это были сердца, которыя жили, также говорили и рассказывали...

И это продолжалось долго, а Зенонъ слушалъ, прислушивался къ голосамъ, говоритъ, пульсаціи земли и впитывалъ ихъ въ свое сердце, подобно пустынь, впитывающей въ себя ночную росу послѣ полуденнаго жара.

Когда же онъ, наконецъ, оторвалъ свое ухо отъ куста мха и вереска, всталъ и выпрямился, онъ увидѣлъ надъ заполянскимъ домомъ восходящій серпъ молодого мѣсяца. Только одинъ серебряный рожокъ показывался изъ-за крыши, но онъ бросилъ на лицо всматривавшагося въ него человѣка почти-что солнечный лучъ. Плечи у него не были уже сторблены, и лобъ не былъ нахмуренъ. Видъ его былъ бодрый, а въ глазахъ, поднятыхъ вверхъ, теплилась благодарность.

Онъ молился.

— О, источника всякой жизни и единое сосредоточеніе всякаго вѣдѣнія, я болѣе не сомнѣваюсь въ твоемъ могуществѣ, такъ какъ я чувствую, что сильно люблю и не жалѣю болѣе ни о чемъ, хотя мнѣ и очень грустно. Напротивъ,—во всемъ мірозданіи Твоемъ, я обожаю грусть и съ благоговѣніемъ беру ее на свои плечи, такъ какъ она есть наставница, научающая людей распознавать Твои законы и велѣнія!

Пер. И. Ж.

«ИЗЪ МОЕЙ ЖИЗНИ».

(Автобіографическія замѣтки Томаса-Генри Гексли *).

Я родился около восьми часовъ утра четвертаго мая 1825 года въ Калингѣ (Caling), въ то время еще маленькой, тихой деревнѣ; теперь это предмѣстье Лондона,—если не ошибаюсь,—съ 30 тысячами жителей. Не знаю, предшествовали ли моему появленію на этотъ свѣтъ какія-нибудь особенныя предзнаменованія, но припоминаю слышанный мною въ дѣтствѣ разсказъ о томъ, какъ я лишился счастливаго случая приобрести дарованіе большой практической важности. По случаю необыкновенно жаркой погоды были открыты окна комнаты моей матери; должно быть, по той же причинѣ и пчелы вылетѣли изъ сосѣдняго улья, и когда поднявшійся рой хотѣлъ было направить свой путь въ комнату, то служанка съ ужасомъ прикрыла окно. Если бы эта, имѣвшая добрыя намѣренія, женщина, воздержалась отъ своего несчастнаго вмѣшательства, тогда, можетъ быть, пчелы сѣли бы ко мнѣ на губы, и я приобрѣлъ бы даръ сладкомедовой рѣчи, который въ нашей странѣ открываетъ болѣе надежный путь къ высшимъ мѣстамъ въ государствѣ и въ церкви, чѣмъ внутреннее достоинство, прилежаніе и честная работа. Но, къ сожалѣнію, случай былъ потерянъ; и я всю жизнь долженъ былъ довольствоваться выраженіемъ своихъ мыслей наипростѣйшимъ способомъ.

Почему меня окрестили Томасомъ-Генри—не знаю; но странная случайность, это имя, того апостола, которому я всегда наиболѣе симпатизировалъ. Я и по тѣлу и по духу совсѣмъ сынъ своей матери, настолько что едва могу открыть въ себѣ слѣды своего отца, кромѣ развѣ никогда, къ сожалѣнію, не разработаннаго, врожденнаго таланта къ рисованію, пылкаго темперамента и настойчивости, которую нѣкоторые люди недружелюбно называютъ

---

*) Замѣтка эта переведена изъ нѣмецкаго журнала «Zukunft», гдѣ была помѣщена съ разрѣшенія вдовы Гексли.

упрямствомъ. Моя мать была стройная, впечатлительная и энергичная брюнетка, съ пронизывающими черными глазами, какихъ я никогда не встрѣчалъ у женщинъ. Кромѣ образованія, доступнаго женщинамъ средняго круга того времени, она имѣла еще замѣчательную способность удивительно быстро соображать. Когда кто-нибудь позволялъ себѣ замѣтить, что она слишкомъ мало времени удѣляла размышленію, то она обыкновенно отвѣчала: «Я тутъ ни причемъ; въ моемъ умѣ все пролетаетъ съ быстротою молніи». Это характерное качество перешло и на меня, оно часто было мнѣ полезно, но иногда и вредило, — во всякомъ случаѣ, представляло опасность. Тѣмъ не менѣе, я отъ всего отказался бы, только не отъ этого свойства ума, унаслѣдованнаго отъ матери.

Мнѣ почти нечего рассказывать о своемъ дѣтствѣ. Въ болѣе позднее время моя мать почти съ упрекомъ говорила иногда: «Ахъ, ты былъ такимъ красивымъ мальчикомъ», — изъ чего я могъ заключать, что въ этомъ отношеніи я не оправдалъ возлагавшихся на меня надеждъ. Дѣйствительно, я отчетливо припоминаю, что имѣлъ кудри, которыми очень гордился, помню, какъ былъ твердо убѣжденъ, что похожъ на сэра Герберта Факлей'я, священника нашего прихода, котораго мы, деревенскіе жители, обоготворяли, такъ какъ его по временамъ посѣщалъ Георгъ Кембриджскій — тогда еще принцъ. Помню еще, какъ одинъ разъ, когда наши были въ церкви, произнесъ на кухнѣ проповѣдь передъ служанкой своей матери, подражая при этомъ, по возможности, манеръ сэра Герберта. Это мое самое раннее воспоминаніе о сильныхъ клерикальныхъ симпатіяхъ, приписываемыхъ мнѣ моимъ другомъ Гербертомъ Спенсеромъ, хотя, какъ мнѣ кажется, онѣ большею частью остались въ скрытомъ состояніи. Мое школьное образованіе было очень непродолжительно, — конечно, къ моему счастью, такъ какъ, не смотря на то, что въ своей жизни я былъ знакомъ съ людьми всякаго рода и всякихъ положеній, отъ самого низкаго до самаго высшаго, — я, тѣмъ не менѣе, могу сказать, что общество, въ которомъ я очутился въ школѣ, было самымъ сквернымъ изъ когда-либо видѣнныхъ мною. Мы были дѣти, какъ дѣти, способныя къ добру и къ злу; но люди, подъ наблюденіемъ которыхъ мы находились, заботились о нашемъ умственномъ и нравственномъ преуспѣяніи не больше, чѣмъ то дѣлали бы «baby farmers» *). Борьбу за существованіе мы вели посредствомъ собственныхъ кулаковъ, но эта грубая кулачная междоусобица была еще самымъ невиннымъ изъ распространенныхъ

*) Кличка людей, набирающихъ воспитанниковъ съ цѣлью получить какъ можно болѣе выгоды.

въ нашей средѣ пороковъ. Почти единственнымъ свѣтлымъ воспоминаніемъ, которое мнѣ представляется при мысли о школьныхъ годахъ, является драка между мною и товарищемъ по школѣ, дразнившимъ меня до тѣхъ поръ, пока мнѣ стало уже не втерпезъ. Я былъ очень слабый мальчикъ, но во мнѣ было что-то присущее дикой кошкѣ, и это свойство, когда я былъ раздраженъ, уравновѣшивало недостатокъ физической силы, благодаря чему я порядкомъ-таки помялъ своего противника. Но, какъ это обыкновенно бываетъ въ жизни, я долженъ былъ познать сущность справедливости изъ того обстоятельства, что у меня, побѣдителя, оказался синякъ подъ глазомъ, а у моего противника —ничего; слѣдовательно, посрамленъ былъ я, а не онъ.

Когда я выросъ, цѣлью моихъ тайныхъ желаній было сдѣлаться инженеръ-механикомъ. Но судьба рѣшила иначе, и я былъ еще очень молодъ, когда началъ заниматься медициной подъ руководствомъ своего шурина, медика по профессіи. Хотя «Institute of mechanical Engineers» навѣрно не принялъ бы меня, я, тѣмъ не менѣе, не увѣренъ—не былъ ли я всегда своего рода инженеръ-механикъ «in partibus infidelium». По временамъ я съ ужасомъ думаю о томъ, насколько ничтоженъ былъ мой интересъ къ медицинѣ, какъ къ искусству леченія. Единственная сторона моихъ профессиональныхъ занятій, внушавшая мнѣ настоящій и глубокій интересъ, была физиологія, которая вѣдь и есть нечто иное, какъ наука объ устройствѣ живыхъ механизмовъ. Меня интересовала архитектурная и строительная части въ естествовѣдѣніи, изученіе удивительнаго единства плана въ живой конструкции и модификацій сходныхъ аппаратовъ для выполненія различныхъ цѣлей. Мой чрезвычайный интересъ къ механизму сложныхъ живыхъ существъ могъ оказаться для меня гибельнымъ почти въ самомъ началѣ моего жизненнаго пути. Когда мнѣ было лѣтъ четырнадцать, меня взяли съ собой первый разъ въ жизни на вивисекцію мои старшіе товарищи. Я всегда былъ очень чувствителемъ къ непріятной обстановкѣ, тѣсно связанной съ анатомическими занятіями; но въ этотъ разъ любознательность заглушила во мнѣ всѣ остальные чувства, и я около двухъ-трехъ часовъ, какъ прикованный, просидѣлъ около препаровочнаго стола. У меня не было ни порѣзовъ, ни симптомовъ отравленія трупнымъ ядомъ; но зараженіе, тѣмъ не менѣе, произошло, и я помню, что послѣ занятій впалъ въ какую-то странную апатію. Меня отправили пожить на фермѣ, находящейся въ Варвикширѣ, къ очень хорошимъ людямъ, знакомымъ моего отца: это было послѣднимъ средствомъ, къ которому прибѣгли для моего леченія. Я помню еще, какъ въ

ясное, весеннее утро, послѣ своего приѣзда, я, пошатываясь, прошель отъ кровати до окна, и открылъ его. Вмѣстѣ съ врывающейся струей свѣжаго воздуха, казалось, возвращалась ко мнѣ и жизнь, и еще долго слабый запахъ дровъ, носившійся по двору въ то раннее утро, былъ для меня «сладокъ, какъ южный вѣтеръ, ласкающій фіалки». Я скоро выздоровѣлъ, но еще въ теченіе многихъ лѣтъ страдалъ отъ возвращавшихся по временамъ припадковъ боли, и съ этого времени моими неизмѣнными друзьями были— ипохондрія и диспепсія.

Къ сожалѣнію, я не могу сказать ничего поучительнаго о своихъ студенческихъ годахъ. Откровенно говоря, мнѣ бы хотѣлось даже предостеречь молодежь слѣдовать моему примѣру. Когда нападала охота, я работалъ очень прилежно, а когда ея не было, былъ страшно лѣнивъ, или-же нелѣпо тратилъ время. Я читалъ все, попадавшееся мнѣ въ руки, не исключая романовъ, хватался за все, и тотчасъ же забрасывалъ схватанное. Безъ сомнѣнія, въ этомъ была, главнымъ образомъ, моя собственная вина; но, къ сожалѣнію, только преподаваніе мистера (Warton Jones) Уартонъ-Джонса, доцента физиологіи въ медицинской школѣ, принесло мнѣ пользу. Его богатые, точныя знанія произвели на меня глубокое впечатлѣніе, а строго-точный методъ преподаванія въ его лекціяхъ совершенно соответствовалъ моимъ вкусамъ. Я не знаю, внушалъ ли кто-нибудь мнѣ большее уваженіе чѣмъ онъ; я работалъ усердно, чтобы заслужить его одобреніе, и онъ былъ очень добръ къ своему юному ученику. Ему я обязанъ появленіемъ въ печати въ «Medical Gazette» въ 1845 году моего перваго маленькаго произведенія. Онъ былъ при этомъ настолько любезенъ, что исправилъ въ моей работѣ всѣ литературныя ошибки, которыхъ въ ней было не мало, не смотря на ея ничтожную величину. Объяснялось это тѣмъ, что какъ тогда, такъ и въ теченіе многихъ послѣдующихъ годовъ, я терпѣть не могъ писать и относиться къ этому очень небрежно. Въ 1846 году, когда, по окончаніи медицинскихъ занятій, я получилъ степень Bachelor of medicine, я какъ-то разъ заговорилъ съ однимъ моимъ товарищемъ по школѣ, теперь знаменитымъ врачомъ сэромъ Жозефомъ Файреромъ о томъ, что бы мнѣ предпринять въ виду необходимости собственнымъ трудомъ зарабатывать хлѣбъ. Мой другъ посоветывалъ мнѣ обратиться съ просьбой о мѣстѣ къ сэру Вильяму Бурнету, тогдашнему директору медицинской части по флоту. Такъ какъ я не былъ лично знакомъ съ сэромъ Вильямомъ, то мнѣ это казалось довольно смѣлымъ предпріятіемъ, но мой неустрашимый другъ заставилъ меня преодолѣть мучившія меня сомнѣнія, и я написалъ письмо. Черезъ

нѣсколько дней я получилъ обычную въ такихъ случаяхъ оффиціальную бумагу съ указаніемъ явиться въ такой-то день въ Somerset House. Я пришелъ туда въ назначенное время и, отдавши свою карточку, усѣлся ждать въ передней сэра Вильяма. Онъ вошелъ; это былъ старикъ большого роста, съ умнымъ лицомъ, говорившій съ сильнымъ шотландскимъ акцентомъ. Я до сихъ поръ еще точно вижу его предъ собой, входящаго съ моей карточкой въ рукѣ. Прежде всего онъ вручилъ мнѣ обратно эту карточку, разсчетливо замѣтивъ, что я, быть можетъ, могу воспользоваться ею еще въ другой разъ. Далѣе слѣдовалъ вопросъ, не ирландецъ ли я? Когда я съ настойчивостью открекомендовалъ себя англичаниномъ, онъ спросилъ у меня кое-что о ходѣ моихъ занятій, и сказалъ, что я могу готовиться къ экзамену. Послѣ экзамена я получилъ должность во флоту, и началъ работать въ Гаслярскомъ госпиталѣ. Моимъ начальникомъ былъ сэръ Джонъ Ричардсонъ, превосходный естествоиспытатель и знаменитый, неустрашимый путешественникъ къ сѣверному полюсу. Въ интимнаго круга семья и друзей, это былъ молчаливый и сдержанный человѣкъ; но такъ какъ мнѣ въ полной степени было присуще юношеское тщеславіе, то я чувствовалъ себя уязвленнымъ тѣмъ, что «Old John», какъ мы непочтительные молодые люди его называли, не обратилъ ни малѣйшаго вниманія на мою достойную особу, ни въ первый разъ, когда я по долгу службы посѣтилъ его, ни въ теченіе слѣдующихъ недѣль. Но однажды, когда я проходилъ по больничной площади, сэръ Джонъ заговорилъ со мною и огорошилъ меня сообщеніемъ, что онъ старался достать мнѣ постоянное мѣсто, котораго обыкновенно добиваются молодые врачи ассистенты, но что адмиралтейство назначило туда другого. «Я удержу васъ еще здѣсь», прибавилъ онъ, «пока не найду для васъ чего-нибудь, чѣмъ бы вы остались довольны». При этомъ онъ повернулся на каблучкахъ, не дожидаясь выраженій благодарности, которыя я началъ было лепетать — и пошелъ дальше. Такимъ образомъ случилось, что я не былъ отправленъ на западный берегъ Африки, подобно нѣкоторымъ моимъ младшимъ коллегамъ, а въ продолженіе семи мѣсяцевъ оставался при Гаслярскомъ госпиталѣ. Позднѣе, послѣ того, какъ «Old John» снова очень долго игнорировалъ мое существованіе, онъ, какъ-то повстрѣчавшись, заговорилъ со мною о службѣ на суднѣ «Rattlesnake», и сообщилъ мнѣ, что Овенъ Стенли, капитанъ судна, просилъ открекомендовать ему какого-нибудь ассистента врача, имѣющаго нѣкоторыя научныя познанія. Причемъ спросилъ меня, не желаю ли я занять эту должность? Я, конечно, ухватился

за это обѣими руками. «Хорошо! — замѣтилъ онъ, — я вамъ даю отпускъ, поѣзжайте въ Лондонъ и переговорите съ капитаномъ Стенли». — Я отправился въ Лондонъ къ моему новому начальнику, который принялъ меня любезно и обѣщалъ похлопотать о моемъ опредѣленіи на его судно. Въ скоромъ времени послѣдовало и назначеніе.

Жизнь на военномъ суднѣ въ то время была совершенно иная, чѣмъ теперь; наша же жизнь была тѣмъ болѣе тяжелой, что мы цѣлыми мѣсяцами не получали писемъ и не встрѣчали культурнаго человѣка. За то мы имѣли то преимущество, что были почти послѣдними путешественниками (напримѣръ, у южныхъ береговъ Новой Гвинеи), которые могли наблюдать людей, не знавшихъ огнесгрьбльнаго оружія, и познакомиться съ интересными дикими и полупцивилизованными народами. Помимо подобныхъ встрѣчъ и случаевъ, благоприятныхъ для научныхъ занятій, мое путешествіе имѣло для меня еще другое важное значеніе. Мнѣ было очень полезно пожить подъ строгой дисциплиной; послѣ ночного отдыха на доскахъ, подъ открытымъ небомъ, вмѣсто балдахина, предвкушать завтракъ изъ какао и сухарей, проточенныхъ червями, и, тѣмъ не менѣе, чувствовать цѣнность жизни, а главное, сознавать, что научаешься работать. Мои товарищи-офицеры были славные ребята, какъ это и подобаетъ морякамъ. Я не могъ, конечно, найти въ нихъ ни достаточнаго пониманія моихъ стремленій, ни интереса къ нимъ, и они не могли постигнуть, зачѣмъ я такъ усердно занимаюсь предметами, которые мои друзья — мичманы окрестили: «буфонадой» потому что на моей книжной полкѣ стояли сочиненія Бюффона.

Во время моего четырехлѣтняго путешествія я четыре раза посылалъ сообщенія въ Общество Линнея, приблизительно, съ тѣмъ же успѣхомъ, какъ Ной, когда онъ изъ своего ковчега посылалъ вѣроновъ. Мнѣ стало, наконецъ, досадно такъ-таки ничего не слышать объ участи своихъ сообщений, и я рѣшился написать болѣе крупную работу, которую отослалъ въ 1840 году въ Royal Society. Эта работа была голубемъ моего ковчега, что я, впрочемъ, узналъ лишь по возвращеніи въ Англію (въ 1850 г.), гдѣ нашелъ свою статью напечатанной, а у себя дома — толстый пакетъ съ отдѣльными оттисками. Когда я иногда слышу, какъ иные мои молодые друзья жалуются на недостатокъ поддержки и участія, то начинаю думать, что мое морское путешествіе прошло не бесполезно для моего воспитанія.

Въ теченіе трехъ лѣтъ послѣ моего возвращенія, шелъ споръ между моими учеными друзьями и адмиралтействомъ, не должно

ли это послѣднее, согласно своему обѣщанію, поддержать тѣхъ офицеровъ, которые совершили научныя работы, и не слѣдуетъ ли помочь мнѣ въ напечатаніи моей книги. Споры эти надѣли адмиралтейству, и оно положило имъ конецъ, назначивши меня на новое судно. Я отклонилъ это предложеніе: я желалъ получить профессуру по физиологіи или сравнительной анатоміи и всюду обращался, гдѣ только открывалась свободная вакансія,—но все было напрасно. Мой другъ, профессоръ Тиндаль, и я одновременно поставили свою кандидатуру: онъ на кафедру физики, а я на кафедру естественной исторіи при университетѣ въ одномъ городѣ, который, къ счастью, не счелъ достойнымъ ни одного изъ насъ. Я сказалъ: къ счастью—не потому, что питаю недостаточное уваженіе къ этому университету, но потому что въ скорости пришелъ къ убѣжденію, что только Лондонъ настоящее для меня мѣсто.

Наконецъ, въ 1854 году, когда мой покровитель Эдвардъ Форбесъ былъ переведенъ въ Эдинбургъ, то директоръ геологическаго института Генри-де-ла-Бешъ предложилъ мнѣ освободившееся послѣ ухода Форбеса мѣсто палеонтолога и профессора естественной исторіи. Первую должность я категорически отклонилъ, вторую—принялъ до поры до времени, заявивъ при этомъ сэру Генри, что не интересуюсь ископаемыми и поэтому оставлю эту кафедру, какъ только откроется кафедра по физиологіи. Тѣмъ не менѣе, я 31 годъ оставался въ этой должности, и большая часть моихъ работъ посвящена палеонтологіи. Въ то время я очень неохотно говорилъ публично, и каждый разъ, какъ открывалъ ротъ, былъ убѣжденъ, что запнусь. Мнѣ кажется, что въ моей рѣчи, произнесенной мною въ 1852 году, въ первый разъ, въ Royal Institution передъ значительной аудиторіей, заключались всѣ недостатки, какіе могутъ быть свойственны оратору, за исключеніемъ многословія и риторической напыщенности. Я долженъ, однако, сознаться, что, по части публичнаго многоговоренія, я, помимо моей воли, согрѣшилъ не менѣе большинства моихъ современниковъ. Съ теченіемъ времени этотъ актъ для меня ужъ не былъ связанъ съ большими терзаніями.

Мнѣ кажется, не совсѣмъ удобно касаться трудовъ моей собственной жизни. Мнѣ неловко теперь, когда уже наступилъ вечеръ этой жизни, говорить о томъ, заслужилъ ли я поденную плату, или нѣтъ. Говорятъ, что люди склонны судить о самихъ себѣ слишкомъ пристрастно. Въ молодости—можетъ быть это и такъ; но никакъ не думаю, чтобы это было свойственно и старости. Когда старики оглядываются назадъ, жизнь имъ представляется въ страшно укороченной перспективѣ. Гора, на которую они мечтали

подняться въ юности, оказывается предгоріемъ неизмѣримо болѣе высокихъ горныхъ цѣпей, въ тотъ самый моментъ, когда, задыхаясь, они уцѣпились уже за ея вершину...

Но если мнѣ позволено говорить о цѣляхъ, которыя я ставилъ себѣ съ тѣхъ поръ, какъ началъ подниматься на свою маленькую вершину, то, въ краткихъ словахъ, онѣ сводятся къ слѣдующему: способствовать увеличенію научныхъ знаній; работать, на сколько это было въ моихъ силахъ, въ томъ направленіи, чтобы методы научнаго изслѣдованія были приложены ко всѣмъ проблемамъ жизни. Я исходилъ при этомъ изъ того убѣжденія, что нѣтъ другого облегченія для страданій человечества, какъ правдивость въ мышленіи и поступкахъ и мужественное созерцаніе міра такимъ, какимъ онъ является, когда съ него сорванъ покровъ иллюзіи, которою окутали его набожныя руки, чтобы скрыть его неприглядныя стороны. Такъ какъ такова была моя цѣль, то всякое честолюбіе,—справедливое или несправедливое,—какое я могъ себѣ позволить, я подчинялъ другимъ интересамъ,—популяризаціи науки и организаціи научнаго образованія, безконечнымъ спорамъ изъ-за ученія объ эволюціи и неутомимой оппозиціи противъ того церковнаго духа, который у насъ, въ Англіи, является смертельнымъ врагомъ науки.

Въ стремленіи къ достиженію названныхъ цѣлей я былъ однимъ изъ многихъ, и съ меня довольно, если въ этомъ смыслѣ останется обо мнѣ память,—или если даже и не останется... Въ силу обстоятельствъ, къ которымъ я съ гордостью причисляю благожелательство моихъ друзей, я достигъ различныхъ выдающихся должностей. Было бы ложной скромностью, если бы я, тѣмъ не менѣе, сталъ утверждать, что не имѣлъ успѣха на жизненномъ поприщѣ, на которое вступилъ болѣе подъ давленіемъ внѣшнихъ обстоятельствъ, чѣмъ по внутреннему влеченію. Но и все это я не считалъ бы признаками успѣха, если бы не позволялъ себѣ думать, что по мѣрѣ силъ моихъ участвовалъ въ томъ умственномъ движеніи, которое такъ мѣтко называли эпохой «новой реформаціи».

Г—нѣ.

НЕИЗВѢСТНАЯ ЯПОНІЯ.—ЛАФКАДИО ГИРНЪ.

Статья двѣ Вориньи. пер. съ французскаго Т. Криль.

Старая Японія исчезаетъ, исчезаетъ со своими ширмочками и лакомъ, своими удивительными подѣлками изъ слоновой кости, со своими странными и фантастическими украшеніями, передъ которыми съ любопытствомъ останавливался эстетикъ и подъ которыми скрывалась никому невѣдомая философія и никѣмъ неподозрѣваемая сила сопротивленія; она исчезаетъ вмѣстѣ съ таинственной прелестью своей улыбки, вмѣстѣ съ своей утонченной вѣжливостью. «Баски,—писалъ Вольтеръ,—это маленькій народецъ, который поетъ и пляшетъ на вершинахъ Пиренеевъ». Японцы, это народъ, состоящій изъ обезьянничавшихъ маріонетокъ и гримасничавшихъ мусмэ, народъ, весело живущій у подножія Фузи-Ямы. Такое опредѣленіе готовы дать наши современные писатели. Очень немногіе изъ нихъ подъ обманчивой внѣшностью, подъ личиною притворства сумѣли открыть расу, отличающуюся природнымъ трудолюбіемъ, расчетливою политикою, стоицизмомъ, скрытымъ подъ покровомъ учтивости, расу, способную, когда пробьетъ часъ, къ героическому подъему силъ.

Европа не шла дальше внѣшнихъ формъ. Дѣйствія желтой расы занимали ее только, поскольку они могли угрожать безопасности нашихъ владѣній въ Индо-Китаѣ. Японія — государство островное и, относительно, мало населенное, считалось величиной, не заслуживающей большого вниманія ни съ политической, ни съ военной точки зрѣнія. Поэтому, японско-китайская война казалась въ началѣ войною пигмеевъ, пока она не стала для многихъ откровеніемъ и не приняла характеръ революціи въ глазахъ дипломатовъ. Результаты этой войны перевернули предвзятые идеи и явились новымъ аргументомъ противъ теоріи многочисленности.

Эта старая Японія имѣла своихъ изслѣдователей, которые интересовались болѣе ея эстетикою, чѣмъ ея умственнымъ и нрав-

ственнымъ развитіемъ, увлекались страннымъ характеромъ ея искусства, ея нравовъ и преданій, доставлявшихъ удобный матеріалъ для художественныхъ рассказовъ и литературныхъ эффектовъ, и вовсе не старались отыскать то, что скрывала вся эта экзотическая внѣшность. Среди лицъ, которыя больше другихъ предчувствовали истину и дальше проникли въ таинственную сущность Японіи, есть писатель, знаменитый въ Соединенныхъ Штатахъ и начинающій пріобрѣтать извѣстность въ Англіи, авторъ остроумныхъ очерковъ, привлекающихъ общее вниманіе.

Трудно найти иностранца, который умѣлъ бы до такой степени проникнуть въ самую душу даннаго народа, слиться съ нимъ, воспринять его идеи, его образъ жизни, его языкъ, обычаи и стремленія и отыскать подъ сложными и безконечно-разнообразными формами, тайныя пружины его дѣйствій, факторы, подготовившіе и упрочившіе его успѣхъ.

I.

«Лѣтъ двадцать тому назадъ, — пишетъ въ «New-York Herald» редакторъ одной изъ газетъ западныхъ штатовъ, — въ мой кабинетъ вошелъ странный посѣтитель. Маленькій, очень смуглый, удивительно робкій и неловкій. Онъ носилъ громадныя очки, сильно выпуклыя стекла которыхъ указывали на значительную близорукость. Его костюмъ чистый, но потертый, изношенный до нитокъ, краснорѣчиво говорилъ о его неладахъ съ Фортуной. Онъ спросилъ меня какъ-то неловко прерывающимся голосомъ, не соглашусь ли я напечатать работу, которую онъ мнѣ принесъ. Съ этими словами онъ вытащилъ изъ кармана рукопись и положилъ ее ко мнѣ на конторку. Я отвѣтилъ, что, кромѣ статей моихъ постоянныхъ сотрудниковъ, я рѣдко помѣщаю что-либо, такъ какъ состояніе кассы газеты не позволяетъ мнѣ быть щедрымъ. Тѣмъ не менѣе, я обѣщалъ ему прочесть его статью и, если она мнѣ понравится, напечатать и заплатить за нее очень скромный гонораръ, размѣры котораго я ему тутъ же опредѣлилъ. Онъ охотно согласился и ушелъ все съ тою же неловкостью, оставляя во мнѣ впечатлѣніе чего-то непонятнаго, фантастическаго.

«По уходѣ моего посѣтителя я раскрылъ рукопись и принялся читать ее для очистки совѣсти; но съ первыхъ же строкъ она увлекла меня. Форма была безукоризненна, содержаніе въ высшей степени интересно. Необыкновенно тонкая наблюдательность, оригинальные взгляды, строгая и остроумная логика. Я дочелъ до конца, все болѣе плѣняясь и очаровываясь. На завтра статья была

напечатана, и черезъ нѣсколько дней авторъ пришелъ за своимъ, богѣе чѣмъ скромнымъ гонораромъ; помню, я заплатилъ ему изъ собственнаго жалованья, такъ какъ касса газеты была пуста. Статья надѣлала шуму, она была подписана Lafcadio Hearn, и, какъ я узналъ впоследствии, это былъ его первый опытъ въ литературѣ».

Лafcadio Гирнъ это было его настоящее имя, и это имя стало знаменитымъ въ Соединенныхъ Штатахъ, а затѣмъ сдѣлалось извѣстнымъ и въ Европѣ. Онъ родился въ Смирнѣ, отъ отца англичанина и матери гречанки, и жилъ въ маленькомъ городкѣ одного изъ западныхъ штатовъ, гдѣ съ трудомъ могъ заработать себѣ самое скромное существованіе, занимая мѣсто корректора въ одной типографіи. Робкій, какъ большинство близорукихъ, боязливый и застѣнчивый, какъ человѣкъ, котораго жизнь не баловала и который проситъ отъ судьбы только самаго необходимаго, онъ сомнѣвался во всемъ и, главное, въ самомъ себѣ; ни расположеніе редактора, ни успѣхъ его первой статьи и послѣдующихъ никогда не могли побѣдить его природной дикости.

Слава писателя росла, но человѣкъ оставался неизвѣстнымъ даже для окружающихъ его. О своемъ прошломъ онъ не говорилъ, о себѣ самомъ—молчалъ. Когда съ нимъ заговаривали объ его статьяхъ, онъ смущался, старался отклонить разговоръ, боялся похвалы. Онъ, повидимому, получилъ прекрасное образованіе, основательно изучилъ классическіе языки, обладалъ разносторонними научными знаніями, тонкой и проницательной наблюдательностью; его гибкое перо шутя справлялось со всякими трудностями. Нѣкоторыя его статьи по самымъ щекотливымъ социальнымъ вопросамъ привлекли вниманіе газетъ восточныхъ штатовъ. Перепечатанныя ими, онѣ имѣли большой успѣхъ; успѣхъ этотъ объясняется его умѣньемъ заставить понять все, что нужно, безъ избытъ подчеркиваній, легко скользить по всѣмъ темамъ, которыя могли бы задѣть щекотливость читателя, распутывать съ рѣдкой ловкостью самыя трудныя задачи. Больше всего ему удавались описанія жизни скромныхъ, маленькихъ людей, къ которымъ онъ самъ принадлежалъ и хотѣлъ принадлежать; замѣтивъ эту особенность его таланта, редакторъ одной большой Ново-орлеанской газеты пригласилъ его участвовать въ своемъ изданіи. Онъ помѣстилъ тамъ рядъ очерковъ, обратившихъ на себя общее вниманіе; въ нихъ съ необыкновенной точностью описывается бытъ, нравы и обычаи негровъ-ледочниковъ на Миссиссипи. Съ тою же правдивостью и тѣмъ же талантливымъ перомъ описалъ онъ чувственную, привольную, жизнь богатыхъ плантаторовъ, ихъ роскошь, ихъ

занятія и развлеченія. Одаренный рѣдкой наблюдательностью и способностью входить въ положеніе другого, онъ отождествлялъ себя съ тѣми типами, которые изучалъ, проникался ихъ взглядами и идеями. Все, что онъ видѣлъ, какъ вышнія проявленія жизни, такъ и скрытыя пружины дѣйствій, отражались въ немъ, какъ въ зеркалѣ, а его бойкое перо передавало въ изящной формѣ самыя неудовимые оттѣнки. Эти статьи читались и имѣли большой успѣхъ въ Нью-Йоркѣ; онѣ привлекли вниманіе одного крупнаго Нью-йоркскаго издателя, и онъ предложилъ Лафкадіо Гирну отправиться на Антильскіе острова, чтобы тамъ, на мѣстѣ, изучить бытъ креоловъ и чернокожихъ и описать ихъ такъ же, какъ онъ описалъ жителей Луизианы. За эту книгу онъ предлагалъ ему хорошее вознагражденіе. Лафкадіо Гирнъ согласился, такъ какъ такой родъ работы являлся дополненіемъ его прежнихъ изслѣдованій. Книга его имѣла громаднѣйшій успѣхъ въ Соединенныхъ Штатахъ, упрочила его славу и опредѣлила его будущность. Онъ повялъ свое призваніе: страсть къ путешествіямъ проснулась въ этомъ англо-греко-американскомъ номадѣ, и вскорѣ увлекла его на конецъ свѣта, къ великому удовольствію его читателей, а также всѣхъ тѣхъ, кого интересуютъ сложные вопросы крайняго Востока.

II.

Лафкадіо Гирнъ окончательно упрочилъ свою репутацію, какъ глубокой и проницательный изслѣдователь духа Японіи. По своимъ склонностямъ и прежнимъ работамъ онъ былъ вполне подготовленъ къ пониманію и выясненію идей этого народа, о которомъ намъ много говорили, хотя такъ мало его знали. Его статьи о Японіи, изданныя въ двухъ томахъ подъ заглавіемъ «Glimpses of unfamiliar Japan», «Бѣглые очерки малоизвѣстной Японіи», прогремѣли въ Англіи и въ Соединенныхъ Штатахъ. Онѣ явились результатомъ нѣсколькихъ лѣтъ изученія. Въ этой странѣ «Восходящаго солнца», оригинальныя особенности которой интересовали и плѣняли столько писателей, находившихъ въ ней только матеріалъ для фантастическихъ и картинныхъ описаній, для стилистическихъ упражненій, для эффектныхъ фразъ, для игры словъ,—въ этой странѣ Лафкадіо Гирнъ сдѣлалъ любопытныя находки, удивительныя открытія.

Онъ примѣнялъ тамъ тѣ же приемы, какъ въ Луизианѣ и на Антильскихъ островахъ; этотъ робкій, молчаливый человекъ становился смѣлымъ и разговорчивымъ, когда дѣло касалось удовлетворенія его господствующей страсти—его наблюдательности и по-

ниманія. Онъ обладалъ искусствомъ ввухать довѣріе, ставить вопросы искренно и безхитростно, обезоруживая всякую подозрительность, угадывая то, что скрывалось подъ умолчаньями, и все удерживая въ своей непогрѣшимой памяти. Съ людьми всѣхъ классовъ онъ разговаривалъ свободно, скромно наводилъ справки, проникалъ съ каждымъ днемъ все глубже и глубже подъ ту сложную внѣшнюю оболочку, которая въ Японіи возбуждала его воображеніе, не удовлетворяя его любознательности.

Онъ началъ съ того, что самъ превратился въ японца; онъ научился японскому языку, усвоилъ ихъ обычаи и одежду, изучилъ ихъ исторію, проникся идеями и традиціями этого народа. Онъ жилъ японцемъ, сбросивъ съ себя, какъ стѣсняющую одежду, всѣ европейскія привычки, ѣлъ и пилъ то, что ѣдятъ и пьютъ жители Ниппона, посѣщалъ мудрецовъ и священниковъ, бесѣдовалъ съ ними, удалялся отъ всякихъ сношеній съ европейцами; онъ до такой степени вошелъ въ свою роль, что для большей полноты ея женился на японкѣ, имѣлъ отъ нея сына, котораго воспиталъ японцемъ, и самъ преподавалъ японскимъ дѣтямъ ихъ родной языкъ въ костюмѣ японскаго школьнаго учителя. Его прежніе опыты облегчили ему это превращеніе, къ которому онъ былъ вполне способенъ по самому складу своего ума; многія особенности этой расы дѣлали изученіе ея привлекательнымъ для него. Этому чуткому человѣку болѣе чѣмъ кому-либо другому нравились вѣжливыя и учтивыя, деликатныя и сдержанныя манеры этого народа, извѣстнаго своимъ утонченнымъ этикетомъ, своею неизмѣнною вѣжливостью, которая не оставляетъ его никогда, даже при самыхъ критическихъ обстоятельствахъ. Этотъ робкій человѣкъ радъ былъ избавиться отъ наблюденій своихъ соотечественниковъ и мирно предаваться собственнымъ наблюденіямъ надъ другими. Этотъ поклонникъ реального, презиравшій все показное, всякую роскошь, комфортъ, находилъ удовольствіе въ скромной, трудовой и безвѣстной жизни, гдѣ каждый день давалъ ему новые факты, новые матеріалы для выводовъ, гдѣ онъ накоплялъ все новыя и новыя замѣтки, испытывая наслажденіе артиста, который все яснѣе понимаетъ и все лучше воспроизводитъ свой оригиналъ. Казалось, онъ смутно предчувствовалъ ту подпочву, до которой хотѣлъ добраться, тотъ магическій ключъ, который поможетъ ему открыть тайну, въ которую онъ хотѣлъ проникнуть. Передъ нимъ вставала трудная, раздражающая задача, которую встрѣчаетъ всякій, кто хочетъ отдать себѣ отчетъ въ истинномъ духѣ народа, распознать подъ проявленіями внѣшней жизни, подъ видимымъ разнообразіемъ формъ и формулъ, костюма, нравовъ и обычаевъ внутреннюю жизнь

идей, истинныя вѣрованія, инстинктивныя стремленія. Японцы большихъ городовъ, подражающіе европейцамъ, сбивали его съ толку своей способностью примѣняться къ чужимъ нравамъ и обычаямъ, способностью, которою онъ и самъ обладалъ; ему вездѣ попадалось то, что онъ называлъ «запахомъ англійскаго бифштекса»; чтобы не чувствовать его, онъ удалялся отъ приморскихъ областей и ѣхалъ въ глубь страны, проникалъ до глухой и мало извѣстной провинціи Оки, отыскивая для своихъ наблюденій мѣстность, гдѣ соприкосновеніе съ иностранцами не извратило еще естественныхъ инстинктовъ расы. Онъ нашелъ такую мѣстность и поселился въ ней; недѣли, мѣсяцы работалъ онъ неутомимо, отыскивая истину. Результатомъ этой работы и всѣхъ замѣтокъ, приведенныхъ въ систему и тщательно провѣряемыхъ въ теченіе пяти лѣтъ, являлось постепенно произведеніе Лафкадіо Гирна, этотъ сборникъ оригинальныхъ очерковъ, большая часть которыхъ свидѣтельствуетъ о тонкой наблюдательности и поразительной интуиціи автора. По мѣрѣ изученія этой азіатской расы—авангарда крайняго Востока, онъ своимъ гибкимъ и провицательнымъ умомъ неожиданно открылъ у нея тѣ самые методы индуктивнаго и дедуктивнаго мышленія, которые были свойственны ему самому, тѣ представленія, которыя онъ считалъ лично своими, странное сходство съ своими собственными идеями и мыслями, сходство, которое облегчило его задачу, какъ только онъ увидѣлъ въ чемъ дѣло, ясно прозрѣлъ первоначальную причину, ускользавшую отъ его пониманія. Онъ добросовѣстно доискивался этой причины, но, наталкиваясь на нее, постоянно отступалъ, такъ какъ былъ убѣжденъ, что передъ нимъ миражъ, что отраженіе его самого встаетъ между нимъ и истиной. Дѣйствительно, эта самая причина была тайнымъ и инстинктивнымъ двигателемъ его собственныхъ поступковъ и, когда онъ, наконецъ, принужденъ былъ признать это, онъ ясно увидѣлъ тождество между вкусами, ощущеніями, идеями этой расы и его самого. Онъ понялъ тогда, почему она безсознательно привлекала его, почему ему такъ легко было примѣняться къ ней. Отгадка, которую онъ менѣе всего ожидалъ, которая сама просилась подъ его перо, какъ синтезъ его терпѣливаго анализа, но которую онъ отбрасывалъ, какъ невѣроятную, и которую онъ принужденъ былъ написать, уступая очевидности, заключалась въ словѣ *стоицизмъ*. Стоицизмъ—въ этомъ, по его мнѣнію, сущность души японца. Съ перваго взгляда въ высшей степени трудно примирить кажущуюся жизнерадостность, мягкость нравовъ, непосредственную простоту и улыбающуюся вѣжливость японца съ этимъ суровымъ принципомъ безстрастной философіи. И, тѣмъ не менѣе,

все убѣждаетъ въ этомъ Лафкадіо Гирна, онъ находитъ его въ основѣ идей и традицій прошлаго и настоящаго, и каждое изслѣдованіе его приводитъ къ этому выводу; каждый фактъ, на который онъ указываетъ, каждый примѣръ, подтверждающій его описанія, доказываетъ существованіе этого принципа, который, съ другой стороны, объясняетъ стойкое мужество этой расы, состоящей, будто бы, изъ кривляющихся маріонетокъ, ея отличную дисциплину, безспорно доказанную ея выносливость.

Разъ принципъ былъ установленъ, никто лучше этого пронацательнаго наблюдателя не былъ въ состояніи понять кажущуюся противоположность между идеями и поступками, связать ихъ съ вѣковыми обычаями и объяснить одни изъ другихъ. Никто не былъ такъ способенъ, какъ этотъ тонкій и остроумный писатель, подъ перомъ котораго оживали безконечно-разнообразные типы, сохраняя свою индивидуальную оригинальность, изобразить намъ эти интересныя фізіономіи въ ихъ своеобразныхъ рамкахъ. Онъ показываетъ намъ: священника и ребенка, крестьянина и купца, дѣвушку и женщину, ученаго, учителя и слугу, и не только рисуетъ ихъ яркими и тонкими чертами, не только заставляетъ ихъ дѣйствовать, думать и говорить; онъ освѣщаетъ пружины, двигающія ихъ дѣйствіями, чувства, одушевляющія ихъ, вѣшніе знаки, въ которыхъ проявляются эти чувства; эти знаки, въ свою очередь, связаны съ цѣлымъ рядомъ фактовъ и преданій, корни которыхъ теряются въ глубинѣ прошлаго. Въ статьѣ о музыкѣ онъ высказываетъ такія неожиданныя сближенія: «Музыкальное искусство японцевъ представляется мнѣ,—пишетъ онъ,—смягченнымъ отраженіемъ нашего, лишеннымъ силы, блеска и страсти. Какъ во снѣ видится иногда улыбающееся любимое лицо подъ прозрачной дымкой, такъ и это искусство пробуждаетъ воспоминаніе о мелодіи, гдѣ-то слышанной, о гармоніи, дремлющей въ памяти». Разсуждая о брачномъ союзѣ, онъ говоритъ: «Чѣмъ дальше я двигаюсь въ изученіи жизни, какъ ее понимаетъ и дѣйствительно ведетъ этотъ счастливый народъ, тѣмъ чаще я задаю себѣ вопросъ, не вступила-ли наша цивилизація на ложный путь и такъ-ва-ли она въ моральномъ отношеніи, какою мы ее себѣ представляемъ. Я нахожу вмѣстѣ съ Кампферомъ, что японцы лучше насъ. Наши моралисты, съ ихъ семитическими взглядами на первородный грѣхъ, объявляютъ, что японцы безнравственны; но они ошибаются и обманываютъ насъ, утверждая, будто японцы стоятъ ниже насъ, потому что ихъ взгляды на отношенія половъ сильно разнятся отъ нашихъ. То, что я видѣлъ въ нашихъ большихъ городахъ, приводитъ меня къ заключенію, что японскія понятія о

нравственности выше нашихъ, если не въ теоріи, то на практикѣ. Чтобы правильно судить о народѣ, надо обладать факторомъ, необходимымъ для пониманія всякаго сложнаго явленія—способностью симпатіи. Иногда одинъ жестъ, одинъ взглядъ открываетъ многое тому, кто обладаетъ этою способностью». И вотъ, исходя изъ этого положенія, онъ пишетъ свой очеркъ «о японской улыбкѣ», весь проникнутый симпатіей и тонкой, провицательной наблюдательностью.

III.

Японская улыбка—этотъ прозрачный и изящный покровъ, брошенный на человѣческія бѣдствія и печали, не имѣетъ въ себѣ ничего окаменѣлаго; она не застыла на губахъ, то слегка очерчивающихъ, то вполне вырисовывающихъ ее. Отраженіе внутреннихъ ощущеній, то спокойная, то веселая, то грустная, но любезная, служащая выраженіемъ всевозможныхъ отгѣнковъ чувствъ, эта улыбка остается непонятной для европейца, смущаетъ его. Не зная ея скрытыхъ причинъ, ея глубокаго, таинственнаго источника, онъ видитъ въ ней ребяческое движеніе губъ, объясняетъ ее пошлой угодливостью или, чаще, плохо скрытой ироніей, презрѣніемъ къ тому, къ кому она относится. Часто, особенно въ отношеніяхъ между господиномъ и слугой, между высшимъ и низшимъ, главное же, между японцемъ и бѣлымъ эта улыбка, плохо понятая, плохо объясненная, вызываетъ печальныя недоразумѣнія.

«Почему иностранецъ никогда не улыбается?» спрашиваетъ японецъ, котораго удивляютъ сердитыя, какъ онъ говоритъ, лица англичанъ. «Почему у японца всегда улыбка на губахъ?» допытывается иностранецъ и воображаетъ, что японецъ смѣется надъ нимъ или что онъ неискрененъ. Онъ былъ бы очень удивленъ, если бы ему сказали, что источникъ этой улыбки находится тамъ-же: гдѣ онъ почерпаетъ свою важность, гдѣ онъ находитъ свою маску безстрастія и непреклонности, что одно и то же внутреннее чувство, порой искреннее, порой фальшивое, вызываетъ столь различныя проявленія; что стоицизмъ японца выше его собственнаго и что именно стоицизмъ есть источникъ этой постоянной улыбки.

«Одинъ изъ моихъ друзей — англичанинъ,—пишетъ Лафкадіо Гирнъ,—человѣкъ добрый и миролюбивый, говорилъ мнѣ наканунѣ моего отъѣзда изъ Йокогамы внутрь страны: «Такъ какъ вы ѣдете изучать японцевъ, то доберитесь, если можете, до смысла ихъ вѣчной, загадочной улыбки и, когда вернетесь, объясните мнѣ ее. Она совсѣмъ сбиваетъ меня съ толку. На-дняхъ я ѣхалъ въ го-

родъ въ своемъ экипажѣ, а на встрѣчу мнѣ попалась пустая курума, которою правилъ японецъ. Я сдѣлалъ ему знакъ посторониться и переѣхать на другую сторону дороги; у меня были горячія лошади, и я боялся несчастнаго случая. Не знаю, намѣренно или по глупости, но японецъ не посторонился, а осадилъ лошадей и въѣхалъ своей курумой на откосъ такъ неловко, что одна изъ моихъ лошадей наткнулась на оглоблю его экипажа и поранила себя. Я разсердился и ударилъ его по головѣ ручкой моего бича. Кровь брызнула, а этотъ человѣкъ, котораго я такъ обидѣлъ, не говоря ни слова и вытирая кровь, заливавшую ему лицо, поклонился мнѣ съ странной улыбкой. Эта улыбка... она стоитъ у меня передъ глазами, она постоянно представляется мнѣ, и мнѣ въ ту же минуту захотѣлось, чтобы онъ лучше самъ побилъ меня, лучше отвѣтилъ ударомъ на ударъ. Раздраженіе мое пропало. Мнѣ стало стыдно за мою вспышку. Человѣкъ удалился, продолжая улыбаться, но... почему онъ улыбался? Къ кому относилась эта улыбка? Я не понимаю». И я также не понималъ въ то время; но позднѣе я понялъ и эту улыбку, и другія еще болѣе загадочныя. Я понялъ, что японецъ улыбается даже передъ лицомъ смерти, улыбается не изъ ложнаго удалства, не изъ подлой покорности. Я понялъ, что человѣкъ, котораго такъ грубо побилъ англичанинъ, чувствовалъ себя виноватымъ и выражалъ раскаяніе, принимая безропотно наказаніе, слишкомъ сильное сравнительно съ проступкомъ, и что въ его улыбкѣ было больше сожалѣнія къ бѣлому за его вспычивость, чѣмъ къ себѣ за полученное увѣчье; я понялъ, наконецъ, что японская улыбка—это краснорѣчивый, нѣмой языкъ и что я ошибусь, если стану объяснять ее сообразно съ нашими европейскими взглядами, это такъ же неправильно, какъ толковать условные знаки японскаго письма по сходству ихъ очертавій съ нѣкоторыми буквами нашего алфавита».

Послѣ болѣе глубокаго изученія онъ достигъ того, что замѣтилъ и понялъ всѣ оттѣнки этой нѣмой рѣчи. Онъ увидѣлъ, что съ самаго ранняго возраста дѣти учились ей у своихъ родителей, что она входила въ составъ домашняго и общественнаго этикета, что дѣти должны были подходить съ улыбающимся лицомъ къ родителямъ, учителямъ, друзьямъ, а позднѣе должны сохранять эту же улыбку передъ высшими и низшими, передъ всѣми жизненными испытаніями, передъ нравственными и физическими страданіями, передъ горемъ и разочарованіемъ. Сердце можетъ разбиться, но лицо должно оставаться не безстрастнымъ, какъ требуетъ нашъ гордый и жестокій европейскій умъ, а веселымъ. Здѣсь мы подходимъ къ самой сущности стоицизма, прирожден-

наго японской расѣ, развиваемаго и культивируемаго съ дѣтства; мы касаемся также его точки соприкосновенія съ греческой и латинской древностью, съ культомъ эстетики, которая требуетъ, чтобы человѣкъ, когда на него обрушиваются несчастія, встрѣчалъ ихъ съ яснымъ челомъ, чтобы обезображенное и искаженное лицо не обличало его внутреннюю борьбу.

Все побуждаетъ его къ этому, и воспитаніе, и примѣръ окружающихъ, и то, на чемъ останавливаются его взоры. «Въ ту минуту, когда я пишу эти строки, передо мной встаетъ одна сцена, видѣнная мною однажды ночью въ Кіото. На углу одной прекрасно освѣщенной улицы, названіе которой вылетѣло у меня изъ головы, я остановился передъ статуей Жизо, стоящей у входа въ храмъ. Она изображала неофита въ экстазѣ, прекраснаго юношу, на губахъ котораго блуждала божественная и въ то же время вполне человѣчная улыбка. Пока я глядѣлъ на нее, къ этому мѣсту подбѣжалъ мальчикъ лѣтъ десяти. Судя по его раскраснѣвшимся щекамъ и блестящимъ глазкамъ, онъ только что оставилъ товарищей и игры; остановившись на минуту, онъ почтительно склонился передъ статуей и улыбнулся; эта улыбка была такъ удивительно похожа на улыбку неофита, что, казалось, онъ служилъ моделью для художника. Уходя прочь, я говорилъ: «А между тѣмъ эта улыбка не подражаніе; то, что скульпторъ символически изобразилъ въ своемъ произведеніи, есть одна изъ характерныхъ особенностей всей расы». Близокъ день, когда эта характерная и прелестная особенность останется только въ воспоминаніи. Лафкадио Гирнъ утверждаетъ, что въ портовыхъ городахъ, гдѣ японецъ часто сталкивается съ европейцемъ, его улыбка, плохо понимаемая и плохо толкуемая, исчезаетъ. И по этому поводу онъ рассказываетъ, какія печальныя недоразумѣнія порождаетъ эта улыбка между двумя расами, неспособными понимать другъ друга. Г. Т., англійскій негоціантъ въ Йокोगамѣ, много лѣтъ держалъ у себя на службѣ семурая—старога отпускнаго солдата феодальной арміи, человѣка съ ровнымъ характеромъ, работой и честностью котораго онъ былъ вполне доволенъ. Въ качествѣ семурая солдатъ постоянно носилъ у пояса двѣ сабли, знаки его прежней профессіи и его чина. Англичанинъ цѣнилъ его, хотя находилъ излишними его колѣнопреклоненія, поклоны и утонченную вѣжливость; особенно невыносимой казалась ему его постоянная улыбка. Одинъ разъ семурай попросилъ его объ одолженіи. По случайной причинѣ ему встрѣтилась безотлагательная нужда въ деньгахъ. Поэтому онъ просилъ своего хозяина дать ему въ долгъ какую-нибудь сумму денегъ и предлагалъ въ залогъ одну изъ сво-

ихъ сабель. Это было древнее оружіе прекраснаго закала и тонкой работы, стоявшее гораздо больше той суммы, которую онъ просилъ. Г. Т. согласился и выдалъ ссуду, черезъ три недѣли японецъ возвратилъ ее и получилъ обратно свою саблю.

Нѣсколько дней спустя между ними произошло столкновение, по какой именно причинѣ—г. Т. не помнилъ. Какъ бы тамъ ни было, въ минуту гнѣва и раздраженія онъ грубо оскорбилъ семурая и приказалъ ему оставить свой домъ. На эти оскорбленія и на его приказаніе семурай отвѣтилъ почтительнымъ поклономъ и улыбкой. Выведенный изъ себя этой улыбкой, которая всегда раздражала его, г. Т. забылся до такой степени, что ударилъ семурая по лицу. Тотъ съ быстротою молніи обнажилъ саблю и взмахнулъ ею надъ головой своего хозяина; англичанинъ считалъ себя погибшимъ, онъ зналъ, съ какою ловкостью семурай обезглавливаетъ человѣка однимъ ударомъ своего остраго оружія. Однако, страхъ его оказался напраснымъ. Къ удивленію его, семурай овладѣлъ собой, вложилъ вновь саблю въ ножны и, не говоря ни слова, вышелъ изъ комнаты съ той же загадочной улыбкой.

Когда онъ ушелъ, г. Т. задумался; онъ видѣлъ вблизи смерти и, заглянувъ внутрь себя, устыдился своей вспышки; онъ припомнилъ услуги семурая, его усердіе, его честность и рѣшилъ исправить свою ошибку, извиниться передъ нимъ. Но въ ту минуту, когда онъ собирался идти къ нему, онъ узналъ, что его уже не было на свѣтѣ. Вернувшись къ себѣ, семурай написалъ письмо своему хозяину и распоролъ себѣ животъ. Въ письмѣ, которое передали г-ну Т., японецъ говорилъ, что онъ не могъ пережить оскорбленія, которое на вѣки опозорило его и въ собственныхъ глазахъ, и въ глазахъ его близкихъ. Онъ извинялся, что почувствовалъ минутное искушеніе убить своего оскорбителя. Его руку удержало воспоминаніе о томъ, что въ трудную минуту хозяинъ далъ ему ссуду подъ то самое оружіе, которое онъ поднималъ на него. Честь помѣшала ему обратитъ это оружіе противъ благодѣтеля и онъ обращалъ его противъ самого себя.

«Преданія исчезаютъ,—прибавляетъ Лафкадіо Гирнъ,—передъ презрѣніемъ и насмѣшками иностранцевъ. Симпатичная улыбка, любезная вѣжливость замѣняется у этого народа безстрастностью лица, ледяною холодностью взгляда. Стоицизмъ лежитъ въ основѣ того и другого и облегчаетъ это превращеніе, но придетъ день, когда японецъ обратится къ прошлому съ тѣмъ же чувствомъ меланхолической грусти, какую вызываетъ въ насъ воспоминаніе о древней и изящной греческой цивилизаціи. Онъ, подобно намъ, вспомнитъ о счастливыхъ временахъ простыхъ удовольствій, объ

исчезнувшемъ ощущеніи прелести жизни, о божественной близости человѣка съ природой. Онъ станетъ разсказывать своимъ потомкамъ, насколько этотъ міръ былъ нѣкогда богѣ свѣтелъ и богѣ прекрасенъ. Онъ будетъ говорить имъ о прелести античной любви, о поэзи минувшихъ временъ. На пути своей быстрой эволюціи онъ будетъ многому удивляться, но еще больше сожалѣть и ни о чемъ не будетъ онъ сожалѣть такъ сильно, какъ о бессмертной улыбкѣ, которая блуждаетъ на устахъ его боговъ, и нѣжнымъ, но вѣрнымъ отраженіемъ которой является его собственная улыбка».

IV.

Исслѣдованіе о японской улыбкѣ даетъ представленіе о приемахъ анализа Лафкадіо Гирна. Подъ вѣшними формами его гибкій умъ искусно открываетъ скрытыя пружины, отмѣчаетъ характерныя особенности расы. Ничто не представляется ему безразличнымъ, не стоющимъ вниманія, разъ это даетъ матеріалъ его живой любознательности, потребности доискиваться истины и воспроизводить жизнь. Все наводитъ его на исслѣдованія и размысленія. Его очеркъ *Японскій садъ* изображаетъ намъ японскую душу въ ея отношеніяхъ къ природѣ.

Этотъ очеркъ онъ обрабатываетъ съ особеннымъ увлеченіемъ и стараніемъ; его любовь къ природѣ, его способность воспроизводить въ самомъ себѣ взгляды и чувства японскаго народа, раскрываютъ ему смыслъ подробностей, непонятныхъ для другихъ, и онъ находитъ слова для передачи намъ этого смысла. Онъ представляетъ намъ буддистскихъ монаховъ, трудящихся надъ неисполнимой, повидимому, задачей, выразить нравственныя идеи, абстрактныя понятія съ помощью исключительно тѣхъ предметовъ, которые даетъ намъ видимый міръ: деревьевъ, кустарниковъ, цвѣтовъ и скалъ. Съ каждымъ изъ этихъ предметовъ связана для японца какая-нибудь легенда, сказаніе, суевѣрное преданіе. Ручей у него говоритъ, водопадъ поетъ. «Чтобы оцѣнить японскій садъ,—пишетъ онъ,—надо понять или научиться понимать, какая красота можетъ заключаться въ камнѣ, не въ камнѣ, выточеномъ руками человѣка, а въ камнѣ обработанномъ, изваяномъ природою. Тотъ, кто не видитъ, не чувствуетъ, какія удивительныя формы, какіе своеобразныя оттѣнки и выраженія могутъ принимать нѣкоторыя скалы, тому, конечно, ничего не говорить артистическая прелесть садика въ Ниппонѣ. Это понятіе врожденно у японца; безконечно лучше насъ понимаетъ онъ, что говоритъ природа формами, такъ же, какъ мы понимаемъ то, что выражено словами.

Никогда японецъ не станетъ выдумывать, создавать искусственно-идеальный пейзажъ; онъ постарается только вѣрно передать при помощи токониа, т. е. въ миниатюрныхъ формахъ дѣйствительный пейзажъ, что удивляетъ европейцевъ и вызываетъ ихъ насмѣшки. И онъ дѣлаетъ это какъ артистъ, какъ поэтъ. Такъ же, какъ природа своими разнообразными формами производитъ на насъ впечатлѣніе спокойствія или величія, кротости или торжественности, мира или грусти, точно также пейзажъ, изображенный человѣкомъ на землѣ или на полотнѣ, только тогда правдивъ, когда онъ отражаетъ и пробуждаетъ въ человѣкѣ извѣстное впечатлѣніе. Мастера садоводства, старые монахи буддисты, развили это искусство до такой степени, что превратили его въ какую-то магію, но они этимъ не удовольствовались и пошли еще дальше. Они постарались заставить природу говорить понятнымъ для человѣка языкомъ и выражать такія отвлеченныя идеи, какъ вѣра, благочестіе, пѣломудріе, спокойствіе совѣсти, супружеская любовь. Въ садахъ, которые они распланировали и создали и которые существуютъ до нынѣшняго времени, мы находимъ какъ бы отраженіе того, для кого они предназначались: поэта или воина, философа или жреца. Тотъ, кто съуждетъ понять эти работы, увидитъ въ нихъ поэтически-воспроизведенный образъ исчезнушаго хозяина. Искусство, которое заставило говорить понятнымъ языкомъ деревья, цвѣты, даже камни, это искусство внушено, конечно, буддѣйской религіей, одинъ изъ текстовъ которой говоритъ: «Поистинѣ даже цвѣты и деревья, даже скалы и камни войдутъ въ Нирвану».

Лафкадіо Гирнъ былъ созданъ, чтобы понимать это «поэтическое откровеніе». Оно также пробуждаетъ въ немъ далекія, дорогія воспоминанія. Между духомъ азіатской расы и его собственнымъ существуетъ глубокое сродство. Своему греческому происхожденію онъ обязанъ пониманіемъ природы и культомъ ея красоты; этотъ культъ онъ встрѣчаетъ на окраинѣ Азіи, и этотъ же культъ восемь столѣтій тому назадъ внушилъ мудрому совѣтнику неосторожнаго императора Чекъ-Еунга прелестную поэму подъ заглавіемъ *Мой садъ*. Она оканчивалась слѣдующими строками: «Косые лучи умирающаго солнца настигаютъ меня, пока я сижу на пнѣ дерева и наблюдаю за волненіями ласточки, вьющейся вокругъ своего гнѣзда, или за уловками коршуна, подстерегающаго свою жертву. Луна восходитъ и застаетъ меня все еще погруженнаго въ созерцаніе. Журчанье воды, шелестъ листьевъ, волнуемыхъ вѣтромъ, невыразимая красота неба погружаютъ меня въ тихую мечтательность; вся природа говоритъ душѣ моей; я забываю

время, внимая ей, и лишь поздною ночью медленно возвращаюсь я въ свое жилище.

«Иногда друзья мои приходятъ оживлять и скрашивать мое уединеніе, они читаютъ мнѣ свои стихи и выслушиваютъ мои. Вино веселитъ наши умѣренныя трапезы, сопровождаемая мудрыми бесѣдами; тогда какъ дворъ, отъ котораго я бѣгу, поддается разслабляющей чувственности, прислушивается къ клеветѣ, куетъ оковы и разставляетъ сѣти, мы здѣсь призываемъ мудрость и открываемъ ей свои сердца. Глаза мои всегда обращаются къ ней; но, увы! почему лучи ея озаряютъ меня какъ бы сквозь дымчатый покровъ? Если бы они сіяли чистые, безъ тучъ, гдѣ нашелъ бы я убѣжище, храмъ богѣ по вкусу мнѣ? Здѣсь могъ бы я жить въ счастіи... Но что я говорю? Я отецъ, супругъ, гражданинъ; тысячи обязанностей приываютъ меня. Нѣтъ, жизнь моя, ты не принадлежишь мнѣ. Прощай, дорогой садъ! прощай, тихое убѣжище! Государственные заботы, благо родины зовутъ меня въ городъ. Храни въ моемъ отсутствіи все твое очарованіе; я возвращусь еще и буду умолять тебя облегчить страданія, которыя меня ожидаютъ, излечить душу мою отъ тѣхъ ударовъ, которымъ я ее подвергну».

Сопоставимъ съ этими строфами тѣ строки, которыми Лафкадио Гирнъ, скромный учитель въ Матсуѣ, оканчиваетъ свое описаніе *японскаго сада*: «Я уже слишкомъ привязался къ моему скромному жилищу. По возвращеніи изъ школы, я переѣзжаю—и съ какимъ удовольствіемъ!—свой учительскій костюмъ на широкую японскую тунику и съ невыразимымъ чувствомъ люблюсь съ веранды на свой садикъ, лежащій тутъ же передъ моими глазами и оживляемый пѣвьемъ птицъ. Старинныя стѣны, поросшія мхомъ, которыя окружаютъ его, заглушаютъ шумъ преображенной Японіи—Японіи телеграфовъ, газетъ, пароходовъ. За этой оградой все миръ и покой, все будитъ воспоминанія о прошломъ. Въ воздухѣ вѣетъ нѣжный ароматъ, носятся грезы о томъ, что было и что не возвратится болѣе. Подъ этой густой листвою, въ этихъ аллеяхъ рѣютъ неувидимыя, но прелестныя тѣни, быть можетъ, тѣни японскихъ красавицъ, которыя были молоды, когда былъ молодъ этотъ садъ, красавицъ, загадочныя улыбки которыхъ живо передаютъ намъ старые альбомы. Когда лучи солнца, золотя вершины скалъ, проникаютъ сквозь густую листву, мнѣ кажется, что руки этихъ призрачныхъ красавицъ, прикасаются ко мнѣ съ воздушными ласками». Къ этому прошлому невольно возвращаются всѣ его мысли и сожалѣнія.

V.

Изъ многочисленныхъ и безконечно-разнообразныхъ очерковъ, выпедшихъ изъ подъ его оригинальнаго пера, самый любопытный и, безъ сомнѣнія, самый странный тотъ, который онъ посвятилъ *Жіужутсу*. Судя по тому значенію, какое онъ придаетъ этой темѣ, и по тѣмъ выводамъ, которые онъ дѣлаетъ, можно подумать, что здѣсь онъ подходитъ къ центральному пункту, къ цѣли своихъ страстныхъ исканій, къ рѣшенію той задачи, надъ которой онъ трудился долгіе годы, рѣшенію, дающему ключъ къ пониманію изумительныхъ успѣховъ Японіи въ ея неравной борьбѣ съ Китаемъ. Что же такое *Жіужутсу*, какое опредѣленіе дать этому слову?

Большіе любители спорта, увлекающіеся борьбою атлетовъ, которые показываютъ по городамъ и селамъ свой высокій ростъ, свое могучее тѣло, свои широкія плечи, японцы называютъ этимъ именемъ особый родъ единоборства, не имѣющій ни малѣйшаго сходства съ боксомъ, процвѣтающимъ въ Англіи и Соединенныхъ Штатахъ. Въ Японіи это также искусство, но искусство другого рода; разница выражается въ самомъ словѣ *Жіужутсу* — «уступить, чтобы побѣдить». Тутъ ничто не напоминаетъ англійскихъ боксеровъ, которые въ теченіе цѣлыхъ мѣсяцевъ продѣлываютъ рядъ упражненій и гордятся торсомъ, на которомъ нѣтъ ни капли лишняго мяса. Мускулы ихъ вытягиваются и напрягаются подъ тонкимъ слоемъ кожи, физическій организмъ ихъ доведенъ до высшей степени силы, крѣпости и выносливости, главное, выносливости, такъ какъ въ англійской борьбѣ побѣда достается наиболѣе упорному, тому, кто сумѣетъ, не ослабѣвая, наносить и особенно выносить самые ужасные удары.

Въ Японіи дѣло стоитъ не такъ. На аренѣ, покрытой пескомъ, чтобы ослабить удары при паденіи, становятся другъ противъ друга два атлета, два человѣка съ раздутыми лицами, съ заплаканными глазами, съ громадными руками, кости и мускулы которыхъ исчезаютъ подъ слоемъ жира. Они медленно ходятъ одинъ вокругъ другого и когда, наконецъ, сходятся, то не осыпаютъ другъ друга ударами, а дружелюбно кладутъ руки на плечи противника. Руки медленно скользятъ по обнаженнымъ торсамъ, борцы сплетаются, не причиняя, повидимому, никакого вреда; они опупываютъ другъ друга, не какъ враги, нетерпѣливо ожидающіе момента наброситься и повалить одинъ другого, а какъ анатомы, ищущіе въ этой глыбѣ мяса слабаго мѣста, найти которое имъ необходимо. Ихъ мягкіе пальцы погружаются въ этотъ жиръ, скрывающій отъ

нихъ суставы костей, строеніе тѣла. Продолжая ощупывать одинъ другого, они сближаются все тѣснѣе, обнимаютъ другъ друга и, повидимому, стараются болѣе сохранить свои силы и истощить силы противника, чѣмъ повалить его на землю. Иногда зрители не безъ удивленія видятъ, какъ атлетъ вдругъ падаетъ на могучія руки противника, который силится поднять его съ земли и изнемогаетъ подъ его тяжестью, между тѣмъ какъ зрители раздражаются аплодисментами. Онъ намѣренно увеличилъ тяжесть своего тѣла, его противникъ напрасно истратилъ свои силы, а онъ свои сохранилъ. Каждое движеніе этихъ двухъ людей возбуждаетъ напряженное и жестокое любопытство. Эта борьба съ виду безобидная и однообразная, эти едва уловимыя, неувѣренныя движенія, эти медлительныя руки, скользящія по мягкимъ, большимъ тѣламъ, которыя то сближаются, то отталкиваются, безъ напряженія мускуловъ, безъ замѣтнаго желанія уничтожить, покончить съ противникомъ, это и есть Жіужутсу, искусство «уступить, чтобы побѣдить». Время проходитъ въ уловкахъ, въ анатомическихъ изслѣдованіяхъ, рѣшительный моментъ приближается. Одинъ изъ атлетовъ думаетъ, что открылъ слабое мѣсто противника. Если онъ не ошибся, онъ быстро и крѣпко сжимаетъ его, громадная рука погружается въ мясо и ловкимъ движеніемъ пальцевъ вывихиваетъ плечо, разрываетъ сухожилие; побѣжденный противникъ, задыхаясь, падаетъ на арену. Если же онъ ошибся, если это бесплодное напряженіе силъ истощило его—прерывающееся дыханіе, короткіе, хриплые вздохи показываютъ, что крѣпкія объятія противника душатъ его, что ребра его трещатъ подъ ужаснымъ давленіемъ; или неожиданный обморокъ даетъ знать, что лопнулъ одинъ изъ его мускуловъ, что переломилась одна изъ его костей.

Требуется 7 лѣтъ занятій, чтобы создать настоящаго атлета. Нѣкоторые изъ нихъ знаютъ безошибочные приемы и убиваютъ противника однимъ нажатіемъ своихъ мягкихъ пальцевъ, точно ударомъ молніи. Такіе артисты занимаютъ мѣста преподавателей въ государственныхъ школахъ и обязываются клятвою, подъ угрозой самаго строгаго наказанія, не научать никогда смертельному удару.

Если вѣрить Лафкадіо Гирну, «Жіужутсу» даетъ ключъ къ пониманію японской исторіи за послѣднюю четверть вѣка. Японцы перенесли въ свою политику, въ свою дипломатію, въ свою армію и флотъ приемы «Жіужутсу»; они ввели въ свои внѣшнія сношенія и въ военное искусство тактику, которая учитъ «уступать, чтобы побѣждать»; иначе сказать, они, какъ мудрые и терпѣливые анатомы, изучили политическую и социальную организацію

Европы, главное же административную и военную организацію Китая. Они нашли и отмѣтили слабыя стороны Небесной Имперіи; они ощупывали своими гибкими пальцами это большое, мягкое тѣло. Въ сношеніяхъ съ Европой они, послѣ паденія своего феодальнаго строя, повидимому, во всемъ уступали; они принимали совѣты и выносили давленіе тѣхъ, съ кѣмъ хотѣли сохранить миръ; они открыли свои порты, но отказались предоставить иностранцамъ право пріобрѣтать малѣйшую частицу ихъ земли, они принимали съ видимою готовностью костюмъ и идеи европейцевъ, но при первой возможности сбрасывали первое и отказывались отъ вторыхъ. Когда настала чаша борьбы съ Китаемъ, они нѣсколькими ловкими, умѣло подготовленными ударами sproкинули противника и потомъ, сознавая, какъ опасно было для нихъ продолжать войну, которая, конечно, должна была окончиться побѣдой 400-милліоннаго населенія надъ Японіей, они сдѣлали видъ, что уступаютъ желанію великихъ державъ и вступили въ переговоры съ Китаемъ. Въ концѣ концовъ они утвердили свое преобладаніе, которое признается Китаемъ и допускается Европой.

Выводы Лафкадіо Гирна несомнѣнно новы. Нѣкоторые увидятъ въ нихъ, быть можетъ, только остроумныя сближенія; другіе найдутъ въ нихъ объясненіе необъяснимыхъ фактовъ: быстрыхъ успѣховъ Японіи, быстрыхъ и увѣренныхъ ударовъ, нанесенныхъ этимъ Давидомъ азіатскому Голиафу, ловкости, съ которой, кстати уступивъ совѣстнымъ настояніямъ Россіи, Франціи и Германіи, маленькая страна Восходящаго Солнца съумѣла заставить простить свои успѣхи и вернуть себѣ симпатіи Европы, расчеты которой она спутала.

ОСЕННЯЯ МЕЛОДИЯ.

Съ небесъ осеннихъ лется мракъ,
Холодный дождь стучить по ставнямъ,
Заплакаль вѣтръ о горѣ давнемъ,
И не наплачется никакъ.
Огонь свѣчи мерцаетъ праздно,
Во тьмѣ лѣнивый тонетъ свѣтъ,
И ходъ часовъ звучитъ безсвязно,
Какъ вѣчности безумный бредъ.

Забутый дружбой и любовью,
Забутый сномъ, лежу больной,
Колдуешь полночь надо мной,
Печаль привила къ изголовью.
О, какъ давно рѣчь милыхъ устъ
Не оглашала эти стѣны!
Подъ бурей смерти иль измѣны
Та рѣчь умолкла. Миръ сталъ пустъ.

Какъ путникъ средь степи унылой
Не можетъ счесть кургановъ рядъ,—
Къ былому обратясь, мой взглядъ
Могилу видитъ за могилой.
На бѣдныхъ кладбищахъ, въ глуши,
На пышныхъ кладбищахъ столицы—
Повсюду милья гробницы
И прахъ священный для души.

Не разъ средь полночи безсонной
Я слышалъ чей-то тайный зовъ.
Ты-ль, смерть, зовешь мой духъ смущенный,
Иль онъ тебя зоветъ безъ словъ?
Проходитъ жизнь, какъ призракъ смутный,
Родниѣ ненужныхъ силъ изсякъ.
Съ небесъ осеннихъ лется мракъ
И плачетъ вѣтеръ безпріютный.

Н. Минскій.

ИСТОРИЯ ОДНОЙ ЖИЗНИ.

Р О М А Н Ъ.

К. М. Станюковича.

(Продолженіе *).

XXX.

Его превосходительство былъ крайне изумленъ встрѣчей на островахъ.

Его изумила не самая встрѣча, а, главнымъ образомъ, то, что онъ увидалъ своего „братца“, какъ презрительно называлъ и онъ, въ свою очередь, „графа“, не въ обычномъ его видѣ нищаго пропойцы, съ порыжѣвшимъ цилиндромъ на головѣ и въ невозможныхъ сапогахъ, — какимъ, случилось, онъ встрѣчалъ его на улицѣ, и каждый разъ отворачивался, испытывая чувство омерзѣнія, — а прилично одѣтаго, въ свѣжемъ бѣльѣ, въ незаношенныхъ перчаткахъ и, совершенно трезваго, въ образѣ почтеннаго и солиднаго человѣка, наслаждавшагося погожимъ майскимъ днемъ, да еще въ обществѣ какого-то чистенько одѣтаго мальчика.

Даже что-то идиллическое было въ этой парѣ, какъ показалось петербургскому чиновнику, попавшему на острова днемъ по дѣламъ службы, — вызваннаго по какому-то дѣлу къ министру, перебравшемуся уже на дачу.

Подобная метаморфоза заставила Опольева удивленно приподнять складки на лбу и задуматься на нѣсколько минутъ, чтобы присквать логическое объясненіе такому странному явленію, которое, казалось, совершенно противорѣчило его непогрѣшному мнѣнію о братѣ.

---

*) См. «Міръ Божій», № 8, августъ.

Самъ Константинъ Ивановичъ Ополъевъ, всегда разсудительный, не знавшій ошибокъ молодости и корректный, по крайней мѣрѣ, съ точки зрѣнія ходячей морали, считавшій себя вполне порядочнымъ человѣкомъ и недюжиннымъ государственнымъ дѣятелемъ, которому не даютъ только случая показать себя, — считалъ своего брата неисправимымъ мерзавцемъ, не заслуживающимъ никакого снисхожденія.

Это мнѣніе, вполне обоснованное, не оставляющее никакихъ сомнѣній, было давно составлено, занумеровано и сдано въ архивъ, и въ душѣ непреклоннаго чиновника ни разу не шевельнулось чувства сожалѣнія къ брату, основательно имъ позабытому.

Какое въ самомъ дѣлѣ могло быть сожалѣніе къ человѣку, который совершилъ подлогъ, опозорилъ честь мундира, почти разорилъ отца, лишивъ, такимъ образомъ, и брата значительнаго состоянія, и затѣмъ опустился до послѣдней степени, потерявъ всякое чувство человѣческаго достоинства: обивалъ пороги, просилъ милостыню на улицахъ и пьянствовалъ.

Всѣ доводы ума, весь душевный и умственный складъ Ополъева рѣшительно протестовали противъ всякаго снисхожденія — не даромъ же Ополъевъ въ свое время былъ безпощаднымъ прокуроромъ, любившимъ „закатывать“ подсудимыхъ по буквѣ закона — и логика, казалось, говорила, что такому пропащему человѣку, какъ его братъ, никогда не подняться, и что ему предстоитъ умереть отъ пьянства гдѣ-нибудь въ больницѣ, или на улицѣ, и, чѣмъ скорѣе онъ это сдѣлаетъ, тѣмъ будетъ лучше.

И вдругъ, вмѣсто того — прилично одѣтый господинъ, правда, сильно помятый жизнью, но все-таки сохранившій видъ джентльмена, и даже какую-то дерзкую самоувѣренность... И этотъ ироническій взглядъ черныхъ, глубоко сидѣвшихъ, глазъ... И эта улыбка, словно бы издѣвающаяся надъ кѣмъ-то, искривившая его губы въ тотъ моментъ, когда ихъ взгляды встрѣтились.

Его превосходительство въ качествѣ чиновника, любящаго порядокъ, привыкъ сортировать и людей, и явленія такъ же, какъ сортировалъ бумаги, давая имъ ту или другую оцѣнку краткими и рѣшительными опредѣленіями. Неясностей и не-

опредѣленности онъ не любилъ, какъ настоящій человекъ практики. И, разъ сдѣлавъ опредѣленіе, онъ успокаивался.

Вотъ почему, его превосходительство, послѣ встрѣчи съ братомъ, испытывалъ нѣкоторую досаду. Еще бы! Фактъ, который былъ передъ глазами—прежній нищій совершенно преобразенный,—какъ будто не поддавался никакому логическому объясненію и опровергалъ всѣ данныя о человѣческомъ паденіи.

Наконецъ, онъ рѣшилъ, что, вѣроятно, какой-нибудь дуракъ, не знавшій, каковъ гусь его братецъ, одѣлъ его и далъ денегъ, и онъ празднуетъ сегодня день своего обновленія и, конечно, въ скоромъ времени проплетъ платье и будетъ шататься по улицамъ въ прежнемъ своемъ видѣ.

Это рѣшеніе какъ будто успокоило его превосходительство, и на лицѣ его скользнуло довольное выраженіе человека, уяснившего себѣ непонятное явленіе.

Однако эта идиллическая прогулка въ уединеніи острововъ, вмѣсто того, чтобы быть въ какомъ-нибудь грязномъ трактирѣ, это лицо, блѣдное и истомленное, но не похожее на прежнее лицо пьяницы, и, наконецъ, эта компанія съ мальчикомъ какъ будто не вязались съ такимъ заключеніемъ. Въ минуту этого сомнѣнія, Ополевъ вдругъ вспомнилъ про письмо, въ которомъ братъ въ первый разъ послѣ долгихъ лѣтъ молчанія просилъ о помощи для какого-то мальчика, котораго прирѣлъ. Онъ припомнилъ, какъ не повѣрилъ ни слову этого письма, считалъ этого „мальчика“ уловкой, чтобы выманить денегъ на пьянство, и смутно почувствовалъ неудовлетворительность своего объясненія.

Но ему было некогда теперь думать объ этомъ. Мысли его приняли совсѣмъ другое направленіе, тѣмъ болѣе, что дача министра была недалеко.

Вернулся домой Ополевъ въ отличномъ расположеніи духа—министръ былъ очень милостивъ и привѣтливъ—и сообщивъ объ этомъ женѣ, проговорилъ:

— А знаешь, Anette, кого я сегодня встрѣтилъ на островахъ, и кто меня очень удивилъ?

— Кто, мой другъ?

— Ты ни за что не догадаешься! Я встрѣтилъ своего

брatца и — вообрази себѣ? — въ приличномъ костюмѣ, въ приличномъ видѣ и съ какимъ-то мальчигомъ...

Госпожа Ополѣва давно уже собиралась сказать мужу о перемѣнѣ, которая произошла съ его несчастнымъ братомъ, давно хотѣла объяснить, что онъ далеко не такой негодяй, какимъ считаетъ его мужъ, и сообщить, что Нина помогаетъ дядѣ изъ своихъ карманныхъ денегъ, но все не рѣшалась, боясь разсердить своего Константина Ивановича, котораго боготворила и въ то же время побаивалась. Но теперь, видя хорошее его настроеніе, она рѣшилась, наконецъ, открыть скрываемую тайну, которая ее тяготила.

И она отвѣтила:

— Твой братъ, право, заслуживаетъ лучшей участи, Константинъ Ивановичъ. Каково бы ни было его прошлое, но ты самъ убѣдился, что теперь...

— Ни въ чемъ я не убѣдился и теперь... Реабилитациі такихъ людей я не вѣрю! — перебилъ Ополѣвъ жену.

— Однако... ты самъ же говоришь, что удивленъ былъ, встрѣтивъ его совсѣмъ непохожимъ на прежняго нищаго.

— Ну и что-жъ? Кого-нибудь разжалобилъ, и онъ походитъ нѣсколько дней въ приличномъ костюмѣ, а затѣмъ пропьетъ его.

— Онъ этого не сдѣлаетъ! — значительно проговорила Ополѣва.

— Почему ты это утверждаешь?.. Тебѣ такъ кажется?.. — насмѣшливо отчеканилъ Ополѣвъ.

— Нѣтъ, я кое-что знаю о бѣдномъ твоёмъ братѣ и давно хотѣла поговорить о немъ съ тобой.. Онъ совсѣмъ не негодяй, какъ ты думаешь, мой другъ... Ты самъ въ этомъ убѣдишься, когда выслушаешь, что я тебѣ скажу...

— Я слушаю, Anette... Переходи къ дѣлу.

— Тогда это письмо, которое ты мнѣ показывалъ... Помнишь?

— Ну, помню...

— Вѣдь онъ дѣйствительно просилъ для того, чтобы одѣть мальчика, котораго спасъ отъ какого-то изверга-солдата и приютилъ у себя... Этому мальчика ты и встрѣтилъ... Онъ и теперь живетъ у твоего брата, который очень привязанъ къ своему приемышу... О, еслибъ ты зналъ, какая это трогательная привязанность двухъ несчастныхъ!

И госпожа Опольева рассказала мужу и о томъ, какъ княгиня Магге хотѣла помѣстить Антошку въ приютъ, и какъ Александръ Ивановичъ не согласился, какъ онъ былъ боленъ, какъ совсѣмъ измѣнилъ жизнь, пересталъ пить и сталъ другомъ человѣкъ.

Ополевъ внимательно слушалъ жену. Ироническая улыбка скользила по его губамъ, когда онъ спросилъ:

— Откуда ты слышала всѣ эти чувствительныя исторіи объ его чудесномъ превращеніи? Тебѣ онъ ихъ описывалъ, что ли?.. И, наконецъ, на что же онъ живетъ, если не собирается по улицамъ... Кто ему помогаетъ?..

— Нина.

Всегда ровный и сдержанный, почти никогда не возвышавшій голоса, его превосходительство на этотъ разъ не выдержалъ—до того сообщеніе жены было неожиданно—и воскликнулъ:

— Нина! Это что еще за сюрпризъ?

Глаза его сдѣлались неподвижными; губы сжались, и скулы задвигались.

— Ты не сердись, Константинъ Ивановичъ,—осторожно и робко вымолвила жена, — что мы тебѣ раньше этого не сказали... Ты такъ былъ предубѣжденъ противъ брата... Но теперь, когда нѣтъ сомнѣнія въ его исправленіи... ты, конечно, простишь намъ эту маленькую тайну... Наму Нину тогда поразило то письмо... ей непременно хотѣлось помочь, и она послала небольшую сумму изъ своихъ карманныхъ денегъ... А потомъ стала давать каждый мѣсяцъ... И еслибъ ты зналъ, какъ твой братъ благодаренъ! Еслибъ ты зналъ, какъ Нина рада, что помогла брату своего отца бросить прежнюю нищенскую жизнь... И въ какомъ она восторгѣ отъ Александра Ивановича... Какъ онъ милъ и деликатенъ...

— Милъ и деликатенъ — повторялъ Ополевъ. — Отецъ считаетъ его негоднымъ, а вы въ восторгѣ... Весьма назидательно... Отлично... Нина — глупая еще дѣвочка, но ты, Anette, какъ это допустила..?

— Но, мой другъ.. Нина такъ настаивала... И развѣ не вправѣ она распорядиться своими карманными деньгами?

— Но откуда же она знаетъ о добродѣтеляхъ моего брата? Въ перепискѣ съ нимъ состоитъ, что ли?..

— Она разъ въ мѣсяцъ навѣщала его!

— Что?—воскликнулъ Ополевъ.

Жена повторила.

— Бываетъ у этого негодая, котораго я не велѣлъ пускать къ подъѣзду? И ты ей позволила... Ты позволила ей?.. Да ты подумала ли, что дѣлаешь?.. Или ты, по обыкновенію, не думаешь о томъ, что дѣлаешь?—прибавилъ Ополевъ, оставивъ на жену злые глаза.

Этотъ оскорбительный тонъ, этотъ презрительный взглядъ задѣли за живое госпожу Ополеву, и она возразила съ обиженнымъ видомъ:

— Я не вижу ничего ужаснаго въ томъ, что Нина навѣщала несчастнаго дядю... Я подумала прежде, чѣмъ позволила дочери поѣхать... Наконецъ, какъ же ей запретить? Вѣдь она не маленькая... Развѣ лучше, если она безъ позволенія отправится?.. Да ты и самъ разрѣшилъ Нинѣ быть членомъ благотворительнаго общества, въ которомъ предсѣдательницей княгиня Магіе... Нина съ Магіе посѣщаютъ же бѣдныхъ... Такъ чѣмъ же хуже посѣтитъ твоего брата?..

Его превосходительство долженъ былъ употребить нѣкоторое усиліе, чтобъ не назвать свою супругу дурой. Онъ, впрочемъ, сдѣлалъ это мысленно, и вслухъ рѣзко прибавилъ:

— Ты не находишь ничего ужаснаго въ этихъ посѣщеніяхъ, а я нахожу ихъ неприличными для моей дочери... Я уже не говорю, какъ я неприятно изумленъ, что всѣ эти глупости держались отъ меня въ секретѣ...

— Но, милый другъ... прости... Я не ожидала, что ты примешь это такъ серьезно! — промолвила уже виноватымъ тономъ жена.

Этотъ виноватый тонъ нѣсколько смягчилъ его превосходительство, и онъ произнесъ:

— Что сдѣлано, то сдѣлано. Надо, чтобъ впредь этого не повторялось, чтобъ Нина перестала навѣщать этого чловѣка. Попроси ко мнѣ Нину. Я съ ней переговорю...

— Но только ты не сердись на нее, Константинъ Ивановичъ.. Вѣдь она все это дѣлала изъ добрыхъ побужденій.

— Знаю. Не беспокойся.

— Она какая-то нервная стала въ послѣднее время, наша Нина, и совсѣмъ не та, что была прежде...

— А что?

— Избѣгаетъ выѣздовъ...

— Ну, это еще не бѣда.

— Все больше за книгами... Увлекается Толстымъ...

Его превосходительство поморщился, точно отъ зубной боли.

— Развѣзжаетъ съ Мари по бѣднымъ... это ей нравится, хоть она и возвращается всегда разстроенная...

— Княгиня сбиваетъ ее съ толку. Отчего не заняться благотворительностью, но надо все дѣлать въ мѣру, въ мѣру!—повторилъ Ополевъ своимъ авторитетнымъ тономъ.— Положимъ, твоя кузина создала себѣ положеніе изъ филантропіи и никогда не сидитъ дома... Ну, этотъ, филантропическій зудъ у нея еще понятенъ при такомъ расслабленномъ идиотѣ, какъ этотъ князь... Но Нина слишкомъ молода еще для этихъ благотворительныхъ увлеченій... И знаешь ли что? Пора бы Нинѣ замужъ!—неожиданно прибавилъ Ополевъ.

— И я такъ думаю... Я говорила съ ней объ этомъ.

— Что жъ она?

— Не хочетъ.

— Никто ей не нравится?

— Кажется, никто...

— А Сиверскій? Кажется, онъ не прочь сдѣлать предложеніе... Онъ порядочный молодой человѣкъ, и былъ бы отличной партией... Что Нина о немъ думаетъ? Нравится онъ ей?

— Нисколько.

— Отчего?..

— Говорить: совсѣмъ неинтересенъ...

— Гммъ... Странно, почему не нравится. Онъ вполне порядочный человѣкъ... Ну, и съ состояніемъ... связи... и положеніемъ... Онъ можетъ далеко пойти... Такъ ты пришли ко мнѣ Нину... Мы съ ней побесѣдуемъ.

Ополева, сама же разболтавшая все мужу, вышла изъ кабинета нѣсколько встревоженная, досадуя на себя, что она открыла тайну, о которой лучше было бы молчать. Теперь, того и гляди, выйдетъ „исторія“ — а всякихъ „исторій“ Ополева боялась больше всего на свѣтѣ — если Нина не убѣдится доводами отца и, восторженно расхваливая нищаго

яду, выскажетъ отцу одно изъ тѣхъ своихъ крайнихъ мнѣній о свѣтѣ и богатствѣ, какія иногда высказывала матери.

Какъ обыкновенно бываетъ съ слабыми, безхарактерными людьми, она хотѣла, чтобы все какъ-нибудь обошлось безъ непріятностей, и безпояскалась и за мужа, и за дочь, не зная и не рѣшаясь, чью принять сторону. Когда она слушала мужа, ей казалось, что онъ правъ, и что Нинѣ въ самомъ дѣлѣ неприлично ѣздить къ дядѣ, хотя бы онъ и исправился, забывая, что еще недавно, слушая разговоръ Нины о посѣщеніи дяди, она проливала слезы отъ умиленія, и сама хотѣла навѣстить этого „несчастливаго старика, обиженнаго людьми“.

— Ниночка! Папа тебя зоветъ... Онъ хочетъ съ тобой говорить о твоихъ посѣщеніяхъ дяди... Онъ очень этимъ недоволенъ!—говорила Опольева, войдя въ комнату Нины.

Нина слегка поблѣднѣла. Она понимала, что предстоитъ тяжелый разговоръ. Но она быстро поднялась съ мѣста и рѣшительно направилась къ дверямъ.

— Ниночка... ты, родная, не противорѣчь отцу, не раздражай его... И исполни его желаніе: не ѣзди къ дядѣ. И не сердись на меня... Это я все ему рассказала... Я думала, онъ отнесется къ моему признанію иначе, тѣмъ болѣе, что сегодня онъ встрѣтилъ на улицѣ дядю и былъ очень изумленъ...

— Изумленъ? Чѣмъ, мама?

— Его приличнымъ видомъ, его костюмомъ... однимъ словомъ, тѣмъ, что онъ не попрошайка, какимъ былъ...

— Благодаря тому, что всѣ отъ него отвернулись!—горячо вставила молодая дѣвушка.

— Но папа не вѣритъ...

— Чему не вѣритъ?

— Что дядя могъ такъ измѣниться послѣ всего того, что было...

— Не вѣритъ?.. Но вѣдь это правда!—воскликнула Нина.

— И я пробовала говорить... Я рассказывала объ этомъ мальчикѣ...

— И папа все-таки не вѣритъ?—грустно повторила Нина.

— Не вѣритъ.

— Такъ я постараюсь убѣдить папу!—промолвила Нина.

— Нѣтъ, Нина, нѣтъ, не дѣлай этого... Это бесполезно...

И вообще... вообще, лучше не противорѣчь ему. Къ чему? Отца ты не переубѣдишь и только огорчишь его. А онъ тебя такъ любить...

— Но, мама... Что ты говоришь? Неужели я должна согласиться съ папой, что дядя гадкій человѣкъ, и что онъ не заслуживаетъ никакого участія, когда я убѣждена въ противномъ?.. И неужели папа можетъ сердиться на это?..

Опольева не знала, что отвѣчать, и снова повторила:

— Во всякомъ случаѣ, Нина... помни, что не слѣдуетъ огорчать отца... Ну, иди, иди... Онъ тебя ждетъ...

Молодая дѣвушка пошла въ кабинетъ.

XXXI.

Опольевъ такъ же мало звалъ свою дочь, какъ и дочь — отца.

Онъ ее очень любилъ тою эгоистичною любовью, которою любятъ родители своихъ дѣтей, любя въ нихъ самихъ себя. Онъ былъ всегда съ ней ласковъ и нѣженъ, заботился объ ея удовольствіяхъ, нарядахъ, перекидывался съ ней словами, полными ласки въ тѣ рѣдкія минуты, когда видѣлъ ее въ свободное отъ службы время, но никогда съ ней серьезно ни о чемъ не говорилъ, привывши считать ее дѣвочкой даже и тогда, когда она вышла изъ института.

Какъ и большинство отцовъ, онъ никогда не старался заглянуть въ ея душевный міръ, не пытался узнать, какія мысли, какія мечты занимаютъ ея голову, и со свойственною мужчинамъ самоувѣренностью въ безошибочномъ пониманіи людей, тѣмъ болѣе дочери, которая всегда была подъ глазами, воображалъ, что отлично знаетъ свою дочь, и что дѣлаетъ для нея все, что только можетъ доставить людямъ счастье. У нея будетъ короее приданое. Она выйдетъ замужъ за порядочнаго человѣка и будетъ порядочною женщиной въ томъ смыслѣ, въ какомъ понималъ Опольевъ. А пока она живетъ, окруженная любовью отца и матери, въ полномъ счастьѣ и довольствѣ.

Разговоръ, только-что бывший съ женой, нѣсколько смутилъ его превосходительство тѣми неожиданными новостями, которыя онъ узналъ. Ему очень не понравились и посѣщенія

„негодяя братца“, и филантропическіе подвиги дочери, и увлеченіе Толстымъ, и онъ считалъ виноватою свою жену, которая раньше не сообщила обо всемъ этомъ ему. Достаточно было бы ему поговорить съ дочерью съ четверть часа, и она поняла бы сама, какъ неприлично посѣщать „пьяницъ-родственниковъ“, какъ смѣшно усердствовать въ филантропіи, и какъ нелѣпо восхищаться проповѣдями Толстого.

Эту легкость вразумленія дочери Ополевъ основывалъ, главнымъ образомъ, на увѣренности въ томъ, что онъ отлично знаетъ свою дѣвочку. Кроме того, онъ рассчитывалъ и на свой нравственный авторитетъ и на свое умѣнье убѣждать людей,—не даромъ же онъ считалъ себя необыкновенно умнымъ человѣкомъ.

И въ немъ не было ни малѣйшаго сомнѣнія въ томъ, что Нина—эта милая, кроткая Ниночка,—вполнѣ проникнется его доводами и сознаетъ ошибочности своего поведенія. Она настолько умна, хорошо воспитана и настолько любитъ отца, чтобъ повѣрить ему, что хорошо, что дурно.

Разумѣется, всѣ эти увлеченія ея филантропіей и Толстымъ немедленно пройдутъ.

А, главное,—ей надо выходить замужъ!

Такъ думалъ Ополевъ, въ ожиданіи дочери, и, не смотря на увѣренность въ легкости ея обращенія на путь истины, все-таки испытывалъ не то, что смущеніе, а какою-то неловкость при мысли, что ему придется запретить ей посѣщать брата, особенно, если онъ и въ самомъ дѣлѣ пере мѣнился, какъ ни трудно этому повѣрить.

И его превосходительство снова мысленно назвалъ не совсѣмъ лестнымъ эпитетомъ свою жену за то, что она допустила это невозможное знакомство Нины съ „братцемъ“.

„Воображаю, чего только не наговорилъ ей, кого только не обвинялъ этотъ человѣкъ, чтобы только разжалобить добрую дѣвочку!“—думалъ Ополевъ.

XXXII.

Тихій стукъ раздался въ двери кабинета.

— Это ты, Ниночка?

— Я, папа.

— Входи, входи... я жду тебя. Садись вотъ тутъ, поближе... Поговоримъ, моя дѣвочка!—мягко и ласково заговорилъ Ополевъ, когда его любимая Нина, серьезная, поблѣднѣвшая и нѣсколько взволнованная, вошла въ этотъ большой, внушительный, всегда пугавшій ее кабинетъ, гдѣ за письменнымъ столомъ сидѣлъ отецъ.

Она опустила и почти потонула въ большомъ мягкомъ креслѣ, стоявшемъ у стола, и, взглянувъ на отца и встрѣтивъ его нѣжный, любовный взглядъ, казалось, смутилась еще болѣе.

Она любила отца, но всегда испытывала какое-то стѣсненіе передъ нимъ и въ присутствіи его никогда и не высказывалась, точно чувствуя, что онъ отнесется или насмѣшливо, или не обратитъ на ея слова никакого вниманія.

— Ты сердисься на меня, папа?—спросила она.

— Нѣтъ, Нина, я не сержусь, но мнѣ очень непріятно, что ты вздумала ѣздить къ моему брату...

— Я виновата, папа, что не сказала тебѣ объ этомъ раньше...

— Да, это было бы гораздо лучше, мой другъ, чѣмъ держать въ секретѣ отъ отца эти визиты... По крайней мѣрѣ, ты не сдѣлала бы ложнаго шага...

Ополевъ пустилъ дымкомъ душистой сигары и продолжалъ:

— Видишь ли, Нина, въ чемъ дѣло. Ты еще слишкомъ молода, чтобы знать и понимать людей, и потому тебя легко могъ ввести въ заблужденіе и заставить пожалѣть себя этотъ пьяница и нищій, который, къ несчастію, мой братъ... Эта чувствительная исторія о какомъ-то мальчикѣ, эти жалобы, которыя онъ, вѣроятно, расточалъ на другихъ людей за свое же безпутство, могли, конечно, тронуть твое доброе сердце... Все это понятно... Но еслибъ ты спросила у меня совѣта, я сказалъ бы тебѣ, что такіе люди, какъ мой братъ, промотавшій состояніе, сдѣлавшій подлогъ и навшій до того, что собиралъ на улицахъ милостыню, такіе люди не заслуживаютъ сожалѣнія, и посѣщать такихъ пьяницъ порядочной дѣвушкѣ совсѣмъ неприлично. Воображаю, что ты могла тамъ видѣть и съ кѣмъ могла встрѣчаться!—брезгливо прибавилъ Ополевъ.

— Но, папа, повѣрь...

— Позволь мнѣ докончить, Нина!—остановилъ Опольева дочь.

Нина тоскливо прижалась къ креслу, и Опольевъ продолжалъ, отчеканивая слова, тѣмъ увѣреннымъ, слегка докторальнымъ, тономъ, и какимъ онъ любилъ говорить, не сомнѣваясь въ надлежащемъ эффектѣ своихъ рѣчей и слушая въ то же время самого себя:

— Я очень радъ, Нина, что я объ этомъ узналъ. Не сомнѣваюсь, что ты и не подумаешь больше навѣщать человека, котораго твой отецъ имѣетъ основаніе не признавать братомъ. Я не запрещаю тебѣ помогать ему, если тебѣ такъ хочется, и бросать деньги на пьянство, но бывать у негодня, который потерялъ все человѣческое, посѣщать пьяницу, который, быть можетъ, не прочь украсть чужую ложку...

Но тутъ возмущенная молодая душа не выдержала и помянула оратору забруглить періодъ.

Блѣдная, съ блестящими отъ слезъ глазами, Нина вскочила съ мѣста и почти-что крикнула:

— Папа! Что ты говоришь? Ты заблуждаешься!

Опольевъ былъ изумленъ, и на столько изумленъ, что въ первое мгновеніе не находилъ словъ, и только въ недоумѣніи пожалъ плечами.

Въ самомъ дѣлѣ, ему говорятъ, что онъ заблуждается, — и кто это говоритъ? Его дочь!

А Нина, вся охваченная желаніемъ открыть отцу глаза и возстановить безсовѣстно поруганную правду, между тѣмъ продолжала:

— Дядя совсѣмъ не такой, какимъ ты его представляешь... О, еслибъ бѣ ты увидѣлъ его, папа... узналъ его... Ты убѣдился бы, какой онъ хорошій... сколько въ немъ доброты... сколько ума... Онъ только несчастный, оттого и брошенъ всѣми... А онъ, можетъ быть, лучше многихъ, которыхъ всѣ уважаютъ... Да, лучше, не смотря на то, что онъ нищій, а тѣ богаты и занимаютъ высокое положеніе... Ты только выслушай, папа, прошу тебя... тогда ты увидишь, какъ ты ошибаешься на счетъ бѣднаго, милаго дяди.

И, „волнуясь и спѣша“, словно боясь, что ей не дадутъ связать всего, что нужно, дѣвушка съ востор-

женною горячностью своего добраго сердца, говорила, не думая ни о закругленности періодовъ, ни о красотѣ рѣчи, о добротѣ и деликатности дяди, рассказала въ подробности исторію съ Антошкой, о томъ, какъ дядя совсѣмъ перемѣнилъ жизнь, какъ только явилась къ тому возможность, какъ онъ страдалъ прежде, и какъ доволенъ и счастливъ теперь, имѣя хоть уголь подъ конецъ своей жизни...

— И онъ нибогда никого не бранилъ, никого не обвинялъ за то, что его всѣ бросили послѣ того, какъ онъ былъ исключенъ изъ полка... Онъ одного себя считаетъ виновнымъ за всѣ несчастія, когорыя испыталъ!—прибавила въ заключеніе Нина.

И, точно сама испугавшись той храбрости, съ какою рѣшилась говорить съ отцомъ, она вдругъ притихла и, опустившись въ кресло, робко взглядывала на отца.

И страстный вызывающій тонъ, и горячая защита пьяницы-нищаго,—защита, точно похожая на обвиненіе отца, и вырвавшаяся фраза о томъ, что „дядя лучше многихъ, когорыхъ всѣ уважають“,—все это, какъ громомъ, поразило Опольева. Въ рѣчахъ дочери его ухо уловило что-то такое, для него непріязненное, ужасное и нелѣпое, чего онъ нибогда не ожидалъ. Какая-нибудь курсистка еще могла бы высказывать такіе взгляды, начитавшись нелѣпныхъ книжекъ или наслушавшись разныхъ бредней, а то его дочь, дочь виднаго общественнаго дѣятеля, извѣстнаго своими ультра-консервативными тенденціями!..

Но еще неожиданнѣе было то, что онъ, этотъ, всѣми признаваемый, умный человекъ, считавшій себя необыкновенно проникательнымъ и тонкимъ знаткомъ людей, казалось, только сейчасъ, сію минуту, нѣсколько узналъ душевный міръ своей дочери, понялъ, что и у нея есть свои взгляды и мысли, совсѣмъ не похожія на его, и—главное—что въ этомъ маленькомъ, кроткомъ и скромномъ на видъ существѣ съ большими вдумчивыми сѣрыми глазами—чувствуется что-то свое, что-то упорное, и что убѣдить ее въ четверть часа, какъ онъ думалъ, едва ли возможно.

„Откуда все это?“—думалъ онъ.

И въ эту минуту онъ понялъ, что дочь далеко не смотритъ на отца съ тѣмъ благоговѣйнымъ восторгомъ, на кото-

рый онъ разсчитывалъ, и весьма вѣроятно, даже навѣрное, судя по ея словамъ, относится къ нему критически и, пожалуй, даже считаетъ его далекимъ отъ того идеала, который рисуется въ ея головѣ. Не даромъ же она такъ распи-нается за этого „негодяя“...

И этотъ „негодяй“ возбуждаетъ еще болѣе ненависти въ его превосходительствѣ.

И взглядъ его красивыхъ черныхъ глазъ теряетъ прежнюю мягкость и нѣжность любящаго отца и блещетъ рѣзкимъ и холоднымъ, насмѣшливо-презрительнымъ, выраженіемъ. Тонкія губы его слегка подергиваются. Онъ смотритъ на свою дѣвочку и чувствуетъ къ ней въ эту минуту что-то непріязненное, точно передъ нимъ не горячо любимое созданіе, а врагъ, дерзко осмѣлившійся покачнуть пьедесталь его непогрѣшимости и великолѣпія.

Нина поняла этотъ рѣзкій холодный взглядъ, и тоска наполнила ея сердце та тоска, которая является у любящихъ дѣтей, чувствующихъ разочарованіе въ своихъ родителяхъ...

„Онъ, значить, не выноситъ правды!“—подумала она, и вся съежилась, точно ей сдѣлалось холодно, въ креслѣ и трепетно ждала, что скажетъ отецъ, предчувствуя въ то же время, что то, что онъ скажетъ, будетъ совсѣмъ не то, чего она ждала, когда шла въ кабинетъ, разсчитывая своей защитой вызвать отца на примиреніе съ несчастнымъ дядей.

И онъ проговорилъ рѣзкимъ, не допускающимъ возраженія, тономъ, слегка прищуривая глаза:

— Я терпѣливо выслушалъ все то, что ты изволила мнѣ высказать, и, разумѣется, нисколько не убѣжденъ... Меня только удивилъ тотъ вздоръ, который, въ сожалѣнію, оказался въ твоей головѣ... Я предполагалъ въ тебѣ болѣе здраваго смысла и думалъ, что ты не позволишь себѣ сравнивать пропойцу и нищаго съ порядочными людьми... Откуда у тебя такія идеи?.. Отъ этого добродѣтельнаго дяди?.. Или читалась Толстого?—насмѣшливо спросилъ онъ.

— Я, папа, сама объ этомъ думала...

— Сама? Поздравляю. На какомъ же основаніи ты дѣлаешь падобныя сравненія?

— На основаніи того, что вижу, что слышу...

— И довѣряешь своимъ наблюденіямъ больше, чѣмъ мнѣніямъ своего отца?

Что могла отвѣтить на это Нина?

— Слишкомъ рискованно, моя милая, въ твои года полагаться на свои наблюденія... Надо прислушиваться къ тому, что говорятъ люди, болѣе тебя знающіе жизнь, и не отваживаться говорить такія вещи наобумъ... И гдѣ это ты видѣла людей изъ нашего общества, которые, по твоему мнѣнію, хуже моего брата?

— А князь Чекалинскій, папа? Развѣ онъ не проигралъ огромнаго состоянія и развѣ не выдалъ подложнаго векселя? А между тѣмъ его вездѣ принимаютъ? А этотъ Кривошековъ... Занималъ такое мѣсто—и оказался взяточникомъ? А Рущуковъ?.. Господи! Да сколько такихъ, точно ты самъ ихъ не знаешь? И ихъ вездѣ принимаютъ, имъ все прощаютъ, а несчастнаго дядю, за меньшую вину, изгнали изъ общества и сдѣлали нищимъ. Гдѣ же тутъ справедливость?

На этотъ разъ и его превосходительство находился въ нѣкоторомъ затрудненіи и не зналъ, что отвѣтить дочери. Дѣйствительно, названные ею господа имѣли за собою большіе грѣхи и, тѣмъ не менѣе, бывали у Опольева въ домѣ.

И чѣмъ болѣе затруднялся Ополевъ отвѣтомъ, тѣмъ болѣе раздражался на дочь и, наконецъ, сказалъ:

— Все это, можетъ быть, до нѣкоторой степени и вѣрно... всѣ эти люди, о которыхъ ты говоришь, и поступали не совсѣмъ корректно, но все-таки они никогда не пали бы такъ низко, какъ тотъ человѣкъ...

— Да, потому, что однихъ во-время поддержали, а гадости другихъ замаяли...

— Ты глупости говоришь!— рѣзко остановилъ Ополевъ.— Довольно ихъ... Я позвалъ тебя сюда не для полемики, а для того, чтобы сказать тебѣ, что я недоволенъ твоими посященіями дяди... Да, очень недоволенъ,—строго прибавилъ онъ.

Нина молчала.

— Допустимъ даже, что онъ и перемѣнилъ жизнь, благодаря твоимъ благодѣяніямъ, и болѣе не нищенствуетъ и не пьянствуетъ, а ведетъ добродѣтельную жизнь вмѣстѣ со своимъ питомцемъ... допустимъ и это, какъ ни трудно до-

пустить такую реабилитацію, возможную лишь въ плохихъ романахъ, но все-таки прежняя жизнь оставила не немъ свою грязь, и сколько-нибудь порядочной дѣвушкѣ предосудительно вести съ такимъ человѣкомъ знакомство... Такъ я смотрю и прошу тебя никогда больше не бывать у него... Слышишь?

— Слышу, папа! — проронила молодая дѣвушка.

— Дай мнѣ слово!

— Пока я у васъ — даю!

Этотъ отвѣтъ взорвалъ обыкновенно сдержаннаго Ополева, и онъ гнѣвно проговорилъ:

— Можешь идти, дерзкая дѣвченка!

XXXIII.

Это объясненіе съ дочерью взволновало Ополева.

Онъ долго не могъ успокоиться и быстро и нервно ходилъ по кабинету, возбужденный, поводя скулами и хрустя по временамъ бѣлыми, крупными, пальцами заложенныхъ за спину рукъ. Только-что сдѣланное открытіе — именно открытіе — что, по всѣмъ вѣроятіямъ, дочь его заражена тѣми самыми мнѣніями, противъ которыхъ онъ боролся въ качествѣ оффиціального лица, и которыя считалъ вредными, — и изумляло, и раздражало, и огорчало его превосходительство...

И какъ онъ ничего этого не замѣчалъ, какъ онъ во-время не остановилъ этого недуга, готоваго охватить и погубить молодой организмъ? То-то — припоминалъ онъ слова жены — она избѣгаетъ выѣздовъ, не любитъ общества, читаетъ книжки, и ей никто не нравится изъ тѣхъ молодыхъ людей, которые у нихъ бываютъ...

Усталый отъ ходьбы, онъ снова присѣлъ къ столу и долго, долго сидѣлъ въ креслѣ въ глубокой задумчивости, словно человѣкъ, внезапно застигнутый какимъ-то неразрѣшимымъ вопросомъ.

Наконецъ, онъ подавилъ пуговку звонка и, когда явился лакей, приказалъ попросить къ себѣ барыню, если у нея никого нѣтъ.

И, когда въ кабинетъ пришла Ополева, нѣсколько встревоженная, съ красными отъ слезъ глазами, мужъ съ какою-

то злостью взглянулъ въ это, когда-то красивое, добродушное, полное лицо, точно считая ее виноватой за то, что дочь совсѣмъ не та, какою онъ ея считалъ, и проговорилъ:

— Знаешь ли ты, какая у насъ Нина?..

— Какая? Она славная, прелестная!—поспѣшила заступиться мать.

— Славная... прелестная!—передразнилъ Ополевъ.—Ты ничего не видишь?.. Она—нигилистка...

— Богъ съ тобой... Что ты говоришь?—испуганно промолвила мать.

— Я говорю то, что есть въ дѣйствительности... У нея очень опасныя мнѣнія... Что ты удивляешься? Ты и не догадывалась? Ты позволяла ей посѣщать этого пьяницу? Ты отпускаешь ее, ради дурацкой филантропіи, по всякимъ трущобамъ... Ты позволяешь ей читать все, что ей вздумается...

— Но, Константинъ Ивановичъ, она не маленькая...

— Не маленькая, но ты могла бы имѣть на нее вліяніе... А теперь полюбуйся, что вышло? Какъ она говорила съ отцомъ? Какъ защищала этого мерзавца, котораго я не велѣлъ пускать въ домъ... И какъ дала слово не ходить къ нему... Видно, что противъ желанія.

— И ты, вѣрно, сурово обошелся съ ней? Константинъ Ивановичъ! Не забудь, что Нина у насъ одна... Она—натура чуткая... Пусть даже и увлекается книгами, пусть даже у нея и крайнія мнѣнія, но не озлобляй ея... Не заставь бѣдную дѣвочку возненавидѣть родительскій домъ!—взволнованно и рѣшительно говорила теперь эта слабая, нерѣшительная, женщина, въ которой заговорила мать, отстаивающая свое любимое дѣтище.

Его превосходительство вдругъ струсилъ.

— Но я и не думалъ сурово обходиться съ ней,—промолвилъ онъ.

Но Ополева не слушала и продолжала:

— Ты упряма, но и она упряма... Мало ли что можетъ придти ей въ голову?.. Ей можетъ показаться, что ты ея не любишь, и она уйдетъ отъ насъ... Примѣры такіе бывали... Вспомни исторію у Вяземцевыхъ?.. Дочь ихъ ушла... и, наконецъ, неужели ужъ такое преступленіе бывать у твоего брата, котораго ты не можешь простить, а твоя дочь полюбила?..

Но тутъ ужъ его превосходительство не выдержало. Едва сдерживая бѣшенство, онъ растворилъ двери кабинета, и госпожа Ополева тотчасъ же смолкла и догадалась уйти.

Съ тяжелыми думами сидѣла и Нина въ своей комнатѣ. Отецъ представлялся теперь въ ея глазахъ совсѣмъ другимъ человѣкомъ. Тяжелыя обвиненія въ несправедливости, въ жестокости, въ нетерпимости въ чужимъ мнѣніямъ невольно роились въ ея головѣ, смущая въ то же время дѣвушку, и напрасно она старалась найти оправданія для отца. Что-то непонятно жестокое и злопамятное чувствовалось въ этихъ нападкахъ на брата... А это издѣвательство надъ ея словами, полное насмѣшливой злости?

Нина сидѣла грустная, и вся ея жизнь, которую вела она, казалась ей какою-то пустою, безцѣльною, ни для кого ненужною. Къ чему и зачѣмъ вся эта роскошь, которую она окружена и которая ее нисколько не дѣлаетъ счастливою?

И она завидовала въ эти минуты тѣмъ трудящимся интеллигентнымъ дѣвушкамъ, у которыхъ есть цѣль въ жизни, которыя работаютъ и ни отъ кого не зависятъ. Какъ бы она была счастлива, еслибъ и она могла такъ жить!

А теперь? Какая это жизнь?

Она можетъ ѣздить на балы, въ театры, тратиться на наряды, и въ то же время не смѣетъ навѣстить этого несчастнаго старика-дядю, только потому, что онъ въ глазахъ отца и общества отверженецъ.

„Нѣтъ, такъ жить нельзя!“ — думала молодая дѣвушка.

К. Станюковичъ.

(Окончаніе слѣдуетъ).

КРИТИЧЕСКІЯ ЗАМѢТКИ.

Русскіе декаденты и символисты: «Шедевры» г-на Брюсова.—«Русскіе символисты», изд. г-на Брюсова.—Творенія г-на Кожанскаго и Анатолія Добролюбова.—Общее впечатлѣніе отъ русскаго символизма.—Символизмъ Метерлинка въ его драмѣ «Тайны души». — Символизмъ Ибсена въ драмахъ «Архитекторъ Сольнесъ» и «Маленькій Эйольфъ».—Значеніе нашихъ символистовъ.—Школа шестидесятыхъ годовъ, какъ противоположность современной.—Памяти Т. Н. Грановскаго.

Исканіе новыхъ путей въ искусствѣ не составляетъ отличительной черты нашего времени, и на протяженіи истекающаго столѣтія можно указать нѣсколько эпохъ, когда это исканіе проявлялось съ силой, энергіей и страстностью, далеко превосходящими новаторскія попытки современныхъ намъ искателей-декадентовъ и символистовъ. Припомнимъ, напр., борьбу романтиковъ и классиковъ, когда каждое новое произведеніе В. Гюго вызывало цѣлую бурю похвалъ и негодованія. Нѣчто подобное, хотя въ неизмѣримо меньшей степени, наблюдается и теперь. На Западѣ, преимущественно во Франціи, гдѣ натурализмъ дошелъ, повидимому, до послѣдняго предѣла въ лицѣ того «хвоста», на который жаловался самъ Золя, какъ на извращеніе натурализма, явилось на смѣну новое направленіе, совершенно ему противоположное по задачамъ и формѣ. Представить не только внутренній міръ человека, но найти выраженіе, въ звукахъ и краскахъ, для тѣхъ смутныхъ, неуловимыхъ, ощущеній, изъ которыхъ складываются представленія и понятія, и которыя составляютъ какъ бы фонъ душевнаго настроенія, овладѣвающаго нами въ данный моментъ,—вотъ цѣль символизма. «О, если бъ безъ слова сказаться душой было можно!»—этотъ эпиграфъ изъ Фета, выбранный для своей книжечки стиховъ «Chefs d'oeuvre» г. Брюсовымъ, однимъ изъ видныхъ представителей русскихъ символистовъ, — очень вѣрно выражаетъ сущность символизма. Нельзя отказать въ законности такому стремленію, которое можетъ привести къ неизвѣстнымъ намъ пока открытіямъ въ области языка и дать средства къ выраженію тончайшихъ ощущеній и настроеній души.

Но, когда отъ теоретическихъ взглядовъ перейдемъ къ ихъ осуществленію, мы наталкиваемся на рядъ невообразимыхъ курьезовъ, граничащихъ съ чистымъ безуміемъ, или самой откровенной глупостью. Таково, по крайней мѣрѣ, впечатлѣніе, какое выносишь изъ чтенія нашихъ русскихъ символистовъ. На Западѣ, какъ увидимъ ниже, дѣло обстоитъ нѣсколько иначе. Тамъ символизмъ имѣетъ уже свою исторію и выдвинулъ нѣсколько видныхъ, хотя и не особенно яркихъ, талантовъ. Но наши символисты поражаютъ въ равной мѣрѣ своей безталантностью и удивительной, непредѣльной, наглостью. Упомянутый выше г. Брюсовъ въ предисловіи къ своимъ «Шедеврамъ» такъ прямо, не красѣя и не смущаясь, заявляетъ, что это «названіе имѣетъ свою исторію, но никогда оно не означало шедевры моей поэзіи, потому что въ будущемъ я напишу гораздо болѣе значительныя вещи (въ 21 годъ позволительно давать обѣщанія!). Печатаю свою книгу въ наши дни, я не жду ей правильной оцѣнки ни отъ критики, ни отъ публики. Не современникамъ, и даже не человѣчеству, завѣщаю я эту книгу, а вѣчности и искусству». Если это не сумасшествіе, извѣстное подъ именемъ маніи величья, то оно, во всякомъ случаѣ, стоитъ его, какъ видно изъ содержанія «Шедевровъ». Себя авторъ ихъ такъ рекомендуетъ въ другой книжечкѣ, имъ же изданной подъ заглавіемъ «Русскіе символисты». Символь Валерія Брюсова:

Вотъ онъ стоитъ въ блестящемъ ореолѣ,
Въ заученной и неудобной позѣ,
Его рука протянута къ мимозѣ,
У ногъ его цитаты древнихъ схолий.

Оставь, уйдемъ! нашъ міръ--фатаморгана,
Но правда есть и въ призрачномъ оазѣ:
То міръ земли на высотѣ фантазій,
То братъ Ормуздъ, обнявшій Аримана.

Если читатели поймутъ что-нибудь въ этомъ символѣ, это дѣлаетъ честь ихъ догадливости. Мы же, признаемся откровенно, ничего не понимаемъ, какъ и въ слѣдующемъ «шедеврѣ», озаглавленномъ «Pro domo sua», — въ подлинникѣ стоитъ «suo», хотя слово «domus» по латыни женскаго рода, но извращеніе грамматики, должно быть, составляетъ такую же особенность русскихъ символистовъ, какъ и полное презрѣніе къ здравому смыслу. Въ переводѣ «pro domo sua» значитъ — въ защиту себя, но авторъ ни отъ кого не защищается, а просто бредитъ, какъ могутъ судить читатели:

О нѣтъ, дорогая, печали мои
 Не сложать, какъ прежде, стиховъ о любви;
 Изъ дѣвственной радуги сотканный сонъ
 Давно отдаленнымъ напѣвомъ смущенъ.

Спускаются съ горъ и трубятъ трубаачи,
 Вестыдно по воздуху свищутъ бичи,
 Съ мычаньемъ коровъ и со ржаньемъ коней
 Смѣшались веселые крики дѣтей.

Я вижу дорогу: по ней безъ числа
 Невинныхъ блудницъ распростерты тѣла
 Въ блестящихъ браслетахъ, въ гирляндахъ изъ розъ...
 И вотъ подѣвжаетъ нестройный обозъ.

Далѣе идутъ еще три куплета такой же бессмыслицы, которую авторъ серьезно считаетъ символизмомъ. Всѣ «Шедевры» въ томъ же родѣ. Темой, лучше сказать — основнымъ тономъ, служитъ, насколько можно догадываться, — чувственныя представленія, мѣстами выраженные съ откровеннымъ цинизмомъ, что также является отличительной чертой русскихъ символистовъ. Они, повидимому, не признаютъ другихъ ощущеній и настроеній души, кромѣ низменно-чувственныхъ, и силятся выразить ихъ возможно полнѣе, многостороннѣе, образнѣе, подчасъ на столько образно, что и «хвостъ» Золя не могъ бы прибавить ни одной черточки. Въ особенности отличаются въ этомъ отношеніи символисты гг. Емельяновъ-Коханскій и Добролюбовъ. Первый (цитатъ изъ его произведеній не приводимъ, такъ какъ онъ не характернѣе произведеній г. Брюсова) посвящаетъ свои стихи «самому себѣ и египетской царицѣ Клеопатрѣ», а г. Добролюбовъ ухитряется въ сочиненіи новыхъ словъ: «гой ты заморянинъ! Не входите при-сѣнники!» Въ книжечкѣ г. Брюсова «Русскіе символисты» собрано нѣсколько образчиковъ ихъ поэзіи, изъ которыхъ приведемъ только одинъ, не потому, чтобы онъ очень выдѣлялся, а для сопоставленія съ шедеврами г. Брюсова.

Мертвецы, освѣщенные газомъ!
 Алая лента на грѣшной невѣстѣ!
 О! мы пойдемъ цѣловаться къ огню!
 Видишь, какъ блѣдны лица умершихъ?
 Это—больница, гдѣ въ траурѣ дѣти...
 Это на льду олеандры...
 Это—обложка Романсовъ безъ словъ...
 Милая, въ окна не видно луны.
 Наши души —цвѣтокъ у тебя въ бутоньеркѣ!

Эти «стихи» принадлежатъ г. Дарову, съ которымъ соперничаетъ смѣло и съ полнымъ правомъ г. Добролюбовъ:

*

З а м и р а ю щ і е.

«Одиноко мнѣ. Гой ты, заморяннѣ! слышишь, стучать?.. Я старъ... Я изнемогъ...

Ты ли это, Молодая?

Гдѣ ты, Кира?—Это ты!

Войди же, Ирочка!

Не грусти...

И это—тоже «стихи». Но пальму первенства слѣдуетъ отдать г. Брюсову, которому принадлежит слѣдующее поразительное стихотвореніе, не имѣющее себѣ равнаго ни въ какой литературѣ:

«О вакрой свои блѣдныя ноги»

Все,—въ одной строчкѣ цѣлое стихотвореніе. Нѣкоторые критики укоряли нашихъ символистовъ въ вычурности многословіи, но это стихотвореніе показываетъ, что иногда символисты умѣютъ быть краткими до лаконизма.

Когда прочитаешь подъ рядъ нѣсколько сборниковъ такой поэзіи, чувствуешь себя такъ, какъ-будто побывалъ только-что въ домѣ умалишенныхъ. Какіе-то странные крики, то гробовой шепотъ, то угрожающее бормотаніе съ скрежетомъ зубовъ и завываніемъ, то дикій ревъ, «лай, хохотъ, пѣнье, свистъ и хлопъ, людская молвь и конскій топъ». Начинаешь разбираться въ вынесенномъ впечатлѣніи,—и поражаешься прежде всего однообразіемъ авторовъ. Всѣ они на одно лицо, и отличить Дарова отъ Брюсова, Коханскаго отъ Добролюбова нѣтъ никакой возможности. Объяснить такое однообразіе можно полнѣйшей безталантностью нашихъ символистовъ, потому что талантъ, даже самый крошечный, отличается прежде всего оригинальностью, имѣетъ, только ему свойственную, ту или иную черту, которая его выдѣляетъ изъ ряда другихъ. Ничего подобнаго у нашихъ символистовъ нѣтъ, и это—роковой признакъ для нихъ, показывающій, что они не имѣютъ будущности, что они не представляютъ явленія органическаго, связаннаго съ предшествующей литературой. Являясь несомнѣнными подражателями французскимъ символистамъ, гг. Брюсовы, Коханскіе, Даровы и другіе заимствуютъ у нихъ, не смущаясь, всѣ ихъ смѣшныя, худшія стороны, но не въ силахъ подражать имъ въ томъ, что придаетъ лучшимъ изъ нихъ оригинальность и извѣстное значеніе.

Но есть глубокое различіе между истинными символистами и ихъ неудачными подражателями. Для поясненія этой разницы, возьмемъ послѣднюю драму Метерлинка, несомнѣннаго символиста, «Тайны души», которая проще другихъ его произведеній и по-

тому доступнѣе обыкновенному читателю, не посвященному въ тайны символистики. Первое, что рѣзко отдѣляетъ его отъ русскихъ его коллегъ, это простота языка, въ которомъ нѣтъ ничего вычурнаго, дѣланнаго, безвкуснаго или фальшиваго. Его языкъ является рѣзкой противоположностью изысканности и утонченности другихъ символистовъ, въ которой они видятъ то «новое», что желаютъ ввести въ искусство. Въ его драмахъ нѣтъ «красной любви, голубой дружбы, бѣлой грусти»; простота выражений, даже наивность языка, которымъ говорятъ его персонажи, нѣсколько утрированы, хотя въ общемъ это не производитъ непріятнаго впечатлѣнія, такъ какъ такой языкъ отвѣчаетъ содержанию и характеру его драмъ. Въ нихъ все просто, очень много искренности, фабула примитивна и драматическій моментъ ясенъ сначала и до конца, написаны онѣ съ полнымъ пренебреженіемъ того, что мы привыкли встрѣчать въ драмѣ. Внѣшняго дѣйствія почти нѣтъ, все заключается въ таинственныхъ, тончайшихъ проявленіяхъ души человѣческой и природы въ ихъ неразрывной связи. Читая ихъ, чувствуешь себя вырваннымъ изъ будничной вседневной жизни и переносишься въ міръ жизни хрупкихъ существъ, слабыхъ, наивныхъ, безропотно преклоняющихся предъ надвигающимся на нихъ горемъ,—и сущность драмы заключается въ чрезвычайно яркомъ представленіи внутренняго міра этихъ людей. Получается какъ бы наша жизнь, но очищенная отъ всѣхъ лишннихъ, ненужныхъ правилъ, дѣйствій и декорацій, тѣхъ условностей, которыми мы окружены на каждомъ шагу, и изъ-за которыхъ очень часто не видно нашихъ лучшихъ душевныхъ качествъ. «Странная была душа у нея,—говоритъ одно изъ дѣйствующихъ лицъ въ драмѣ «Тайны души»,—если бы она говорила то, что слѣдовало говорить, и дѣлала то, что слѣдовало дѣлать, какую милую, наивную и неисчерпаемую душу увидѣли бы мы въ ней». Цѣль Метерлинка и состоитъ въ томъ, чтобы показать эти драгоценныя качества души въ тѣ исключительныя минуты, когда условности рушатся сами собой, и на первый планъ выступаетъ наше сокровенное «я».

Въ одной изъ послѣднихъ его драмъ «Тайны души»,—въ оригиналѣ «Intérieur»,—это направленіе Метерлинка проявляется съ особенной ясностью и простотой. Темсю этой маленькой драмы выбранъ деликатный моментъ,—что чувствуютъ и дѣлаютъ люди, узнавшіе о несчастьи раньше тѣхъ, кого оно постигло, и которые должны имъ сказать это. Устами Старика и Чужого, которымъ приходится взять на себя тяжелую обязанность быть печальными вѣстниками, авторъ высказываетъ глубокія мысли о сочув-

ствіи къ горю другихъ и о той невнимательности, съ которою обыкновенно мы относимся къ молчаливымъ страданіямъ насъ окружающихъ. Въ семьѣ, повидимому, счастливой и любящей другъ друга, утопилась старшая дочь, красивая дѣвушка, улыбававшаяся въ день самоубійства, дѣлавшая все, какъ обыкновенно. Почему она утопилась? Неизвѣстно, — отвѣчаетъ старикъ.

«И что такое могутъ знать? Можетъ быть, она была изъ тѣхъ, которыя ничего не хотятъ говорить, а у всякаго есть не одна, а нѣсколько причинъ, чтобы не жить... Въ душѣ не такъ видно, какъ въ комнатѣ. Онѣ всѣ такія... Говорятъ онѣ всѣ пустяки, и никто не подозрѣваетъ въ нихъ ничего особеннаго... Живешь цѣлые мѣсяцы вмѣстѣ съ человѣкомъ, который давно уже потерялъ всякій интересъ къ этому міру и душа котораго устала унижаться; ему отвѣчаютъ кое-какъ, не думая, что онъ полонъ думой и сомнѣніемъ; и вотъ вы видите, что случается... Обыденная жизнь не такъ проста, какъ кажется, и, чтобы ее понимать, надо къ ней присматриваться долго и внимательно... Онѣ около васъ днемъ и ночью, а вы увидите ихъ настоящимъ образомъ только тогда, когда онѣ уходятъ на вѣкъ»...

И только, когда несчастіе совершилось, начинаются сожалѣнія, похвалы и слезъ ненужный хоръ. Но видъ чужихъ страданій возбуждаетъ сочувствіе даже въ равнодушныхъ людяхъ, и Метерлинкъ очень тонко заставляетъ почувствовать зрителя то настроеніе, которое постепенно охватываетъ толпу при видѣ счастливой семьи, не подозрѣвающей ожидающаго его горя. Вся семья собралась вокругъ стола передъ уходомъ ко сну, толпа наблюдаетъ за нею сквозь стекла, но ни у кого не хватаетъ духу войти и разрушить мирный покой.

«Ждутъ они времени сна, — говоритъ Старикъ, — просто, при свѣтѣ лампы, какъ мы ожидали бы, а мнѣ вотъ кажется, что я вижу ихъ съ высоты другого міра, и это просто потому, что я знаю маленькую правду, которую они еще не знаютъ... Они слишкомъ вѣрятъ въ этотъ міръ, а ихъ отдѣляютъ отъ врага только жалкія стекла... Они воображаютъ, что ничего не случится, потому что они затворили двери, а не думаютъ о томъ, что всегда что-нибудь случается въ душахъ людей, и что міръ не кончается у дверей дома... Они такъ вѣрятъ въ свою маленькую жизнь и не воображаютъ, что другіе знаютъ о ней больше, и что я, бѣдный старикъ, я держу здѣсь, въ двухъ шагахъ отъ двери, все ихъ маленькое счастье, держу, какъ больную птичку, въ старой рукѣ моей, которую боюсь открыть»...

Въ передачѣ этого настроенія жалости къ несчастнымъ, охватывающаго постепенно толпу, и заключается драма. Остальное вамъ приходится угадывать, когда, наконецъ, семья узнаетъ о несчастіи, и всѣ бросаются къ дверямъ, за которыми лежитъ трупъ утопленницы. Въ пьесѣ нѣтъ дѣйствія, нѣтъ ролей, но совокупность разговоровъ, мелкихъ замѣчаній и тонкихъ штриховъ, дѣлаемыхъ авторомъ, охватываетъ зрителя всецѣло, заставляя думать и въ свою жизнь, и возбуждая участіе къ людямъ

окужающимъ. Хорошее, гуманное чувство выносишь изъ чтенія этой пьески. «Даже равнодушные люди, сами того не зная, сочувствуютъ горю», говоритъ Старикъ, и въ этомъ сочувствіи лежитъ залогъ нашего счастья. «Будемъ же внимательнѣе къ другимъ, такъ какъ никакіе запоры и ограды не охраняютъ нашего личнаго, эгоистическаго благополучія»,—вотъ что говоритъ Метерлинкъ.

Еще возвышеннѣе по цѣлямъ и мотивамъ символизмъ Ибсена въ его пьесахъ «Архитекторъ Сольнесъ» и «Маленькій Эйольфъ». Устами Сольнеса Ибсенъ говоритъ: «Я мечталъ когда-то построить свѣтлое жилище, въ которомъ жили бы счастливо люди и гдѣ отцы, матери и дѣти сознавали бы пріятность своего существованія и ощущали бы счастье быть полезными другъ другу какъ въ крупныхъ вещахъ, такъ и въ мелочахъ». Но горькій опытъ убѣдилъ его, что все узко-личное не прочно, зависитъ отъ тысячи случайностей и потому не можетъ дать удовлетворенія. Только стремленіе къ завоеванію истины, къ идеалу, можетъ дать пищу мощной душѣ. Въ пьесѣ это стремленіе олицетворено въ Гильдѣ, одномъ изъ удивительнѣйшихъ образовъ Ибсена, чарующемъ своей поэтичностью и высокимъ замысломъ. Гильда—это олицетвореніе «вѣчной юности и вѣчной красоты», духъ молодости, не знающей низменныхъ желаній толпы. Когда Сольнесъ гибнетъ, она среди общаго переполоха торжествующе восклицаетъ: «Ничего! за то онъ достигъ вершины!»

Та же мысль, только полнѣе и ярче, заключается въ «Маленькомъ Эйольфѣ». Богачъ и счастливецъ Альмерсъ, обладающій всѣмъ, что такъ высоко цѣнить посредственность, тоскуетъ и ищетъ цѣли жизни. Сначала онъ видитъ ее въ ученомъ трудѣ, усиленно работаетъ надъ обширной, толстой «книжницей объ отвѣтственности человѣка». Но вотъ онъ видитъ, что, сочиняя правила нравственности для другихъ, самъ грѣшитъ элементарнѣйшимъ образомъ противъ нравственности. Рядомъ съ нимъ чихнетъ маленькое, бѣдное, больное существо, его сынъ—калѣка, а онъ и не замѣчаетъ, какъ глубоки его страданія. Мысль эта все больше и больше овладѣваетъ имъ, и онъ рѣшается посвятить себя сыну, въ несчастія котораго чувствуетъ себя отчасти виновнымъ. «Я хочу просвѣтить его дѣтскую душу,—говоритъ онъ,—развить богатые дарованія, которыя въ немъ предугадываю, способствовать расцвѣту благородныхъ задатковъ, скрывающихся въ немъ... Эйольфъ долженъ быть славой и гордостью нашей семьи», мечтаетъ Альмерсъ. И вдругъ всѣ эти самолюбивыя мечты рушатся самымъ жалкимъ образомъ. Мальчикъ, увлекшись таинственной

фигурой бабы-крысоловки, тонетъ въ заливѣ, а вмѣстѣ съ нимъ исчезаетъ и цѣль жизни. Потрясенный и разбитый бессмысленностью этой гибели, Альмерсъ ищетъ опоры у своей сводной сестры Асты, — «мой большой Эйольфъ», какъ онъ ее называетъ. Но и здѣсь его ждетъ неожиданный ударъ. Аста—не сестра его, она любитъ его и, опасаясь этого чувства, уходитъ. Растерянный, съ опустошенной душой, безъ желаній и цѣли, Альмерсъ надѣется только на «законы эволюціи», которые должны произвести переворотъ въ его душѣ. Но переворотъ приходитъ съ другой стороны. Его жена, до сихъ поръ жившая всецѣло любовью къ нему, потрясена катастрофой, какъ и Альмерсъ. Мысль о погибшемъ ребенкѣ наводитъ ее на мысли о другихъ дѣтяхъ изъ сосѣдней деревушки, — и въ нихъ она хочетъ найти утѣшеніе, нѣчто, «что замѣнило бы любовь». Изумленный Альмерсъ сначала отказывается отъ участія въ этой работѣ для другихъ, потомъ задумывается надъ ея словами, что «мы для нихъ ничего не сдѣлали». Онъ соглашается на ея планъ «сдѣлать ихъ жизнь счастливѣе и благороднѣе». Если это удастся, то Эйольфъ не даромъ пожилъ на свѣтѣ, «и есть смыслъ въ томъ, что онъ отнять у насъ». Онъ вдохновляется этой мыслью и на вопросъ жены, куда же надо направить взоры въ этомъ дѣлѣ, отвѣчаетъ съ оживленіемъ: «Наверхъ... на высоты... на звѣзды!.. Въ области великаго безмолвія»... Иными словами—только въ общественной работѣ, руководясь идеаломъ, можно найти цѣль, достойную человѣка. Всякая личная цѣль, какъ бы ни казалась она заманчива, мелка и ничтожна, подвержена глупѣйшей случайности и потому не можетъ служить опорой въ жизни. Какъ бы ни былъ тяжелъ трудовой день, «отрадно насладиться воскреснымъ покоемъ... Можетъ быть, тогда мы почувствуемъ присутствіе духовъ; насъ окружаютъ, быть можетъ, тѣ, которыхъ мы лишились... въ инныя минуты на пути жизни они мелькнутъ передъ нами мимолетными искрами»...

Такова сущность обѣихъ пьесъ, но сжатый пересказъ не дастъ представленія о тѣхъ неуловимыхъ оттѣнкахъ душевныхъ движеній, которые раскрываетъ Ибсенъ, вводя зрителя въ глубь внутренней жизни своихъ героевъ. Не смотря на странности формъ мѣстами, какъ, напр., появленіе бабы-крысоловки, увлекающей Эйольфа, или гибель Сольнеса, падающаго съ башни,—впечатлѣніе, выносимое изъ чтенія, глубоко и плодотворно. Хотя въ послѣднихъ словахъ Альмерса объ «области вѣчнаго безмолвія» звучитъ обычный скептицизмъ Ибсена, но его символизмъ облагораживаетъ и возвышаетъ. Это символизмъ, если можно такъ выразиться, высшаго идеализма, что сближаетъ его съ великими литературными теченіями прошлаго, преслѣдовавшими тѣ же цѣли.

И какими жалкими являются наши русскіе «символисты» въ сравненіи съ тѣмъ, чѣмъ представляется символизмъ на Западѣ въ лицѣ его лучшихъ представителей! Они думаютъ, что наборомъ безсвязныхъ, иногда дикихъ, словъ, въ родѣ «гой, ты, заморяннѣ! сердце въ бутоньеркѣ, нестройный обозъ» и т. п., можно что-то выразить, хотя бы у самихъ за душою ничего не было. Какъ ни удобна такая теорія для многихъ, но подобный символизмъ, если и можетъ служить символомъ чего-либо, то лишь бездарности гг. Брюсовыхъ, Даровыхъ и К^о, да развѣ истинно «ноздревской наглости», по мѣткому опредѣленію критика «Русскаго Богатства»,—наглости, съ которой свою сумасшедшую белиберду они завѣщаютъ «вѣчности и искусству».

Въ такомъ отношеніи къ искусству есть что-то большое и жалкое. Искусство строго и ревниво, и требуетъ правды, искренности и страсти. Ему чуждо все неестественное, болѣзненно-вымученное, въ чемъ звучитъ фальшивая нотка дѣланнаго чувства, и тотъ не художникъ, кто не понимаетъ этой сущности искусства, не обладаетъ чуткостью, предохраняющей его отъ всякой фальши и дѣланности. Наши символисты совершенно не понимаютъ этого основного требованія искусства, что и лишаетъ ихъ права не только на «вѣчность», но и на вниманіе современности. Интересны не ихъ «произведенія», а развѣ они сами, какъ одинъ изъ результатовъ тѣхъ печальныхъ условій, въ которыхъ развивается наша молодость, лишенная свѣта, простора и благородныхъ возбужденій.

Большинство русскихъ символистовъ очень молоды, если не считать нѣсколькихъ «молодыхъ поэтовъ» въ возрастѣ около сорока лѣтъ, недостатокъ таланта дополняющихъ манерничаніемъ и кривляніемъ во вкусѣ декадентства. Но ихъ, во всякомъ случаѣ, меньшинство, и большую часть «нестройнаго обоза» русской символической литературы составляютъ юные творцы въ «пятнадцать лѣтъ, не болѣе того». При всей безсодержательности, нехудожественности и нездоровой вычурности, ихъ «выкликанья» все же говорятъ о какихъ-то порывахъ и желаніяхъ, въ которыхъ и сами творцы не даютъ себѣ отчета. Ихъ опустошенныя души жаждутъ содержанія, котораго имъ не дало общество. Разсматриваемые съ этой точки зрѣнія, они являются символами общественной бездѣйственности. Нельзя безнаказанно, вмѣсто удовлетворенія вполне естественныхъ стремленій юнаго ума къ широкимъ обобщеніямъ, зажать ихъ формальнымъ отношеніемъ къ знанію, давая жалкіе обрывки его, безъ всякой системы, безъ общихъ идей, безъ согрѣвающего свѣта идеала.

Въ только-что вышедшей книжкѣ В. П. Острогорскаго: «Изъ исторіи моего учительства» авторъ говоритъ о настроеніи школы шестидесятихъ годовъ, характеризуя его словомъ *«гуманность въ самомъ широкомъ смыслѣ»*.

«У всѣхъ, — говоритъ онъ, — главною цѣлью всего воспитанія и образованія, самою первою, важнѣйшею, задачею явилось приготовленіе школоу, какая бы она ни была, низшая, средняя, высшая, военная или гражданская, мужская или женская, — приготовленіе здравомыслящаго, благородно-чувствующаго человѣка для жизни, т. е. для того, чтобы этотъ человѣкъ, благодаря полученному воспитанію и образованію, получилъ вкусъ и интересъ къ жизни, уразумѣлъ ея великій смыслъ, сѣумѣлъ бы найти себѣ по душѣ и наклонностямъ честный трудъ и имъ послужилъ своей родинѣ, которой онъ есть гражданинъ и слуга. Не офицера, не чиновника, не барина и не мужика, не невѣсту-барышню, не жену или мать спеціально, а именно *человѣка* вообще, независимо отъ пола, сословія или состоянія, — человѣка съ яснымъ, логическимъ умомъ, съ преобладаніемъ чувствъ высшихъ надъ низшими, съ добрыми желаніями, твердой волей, съ опредѣленными идеалами для достиженія отъродною возможно большого счастья, — вотъ какого человѣка хотѣли тогда видѣть въ оканчивающемъ курсъ школьникѣ. Вотъ почему школа того времени придавала такое великое значеніе элементу воспитанія души въ благородномъ умонаклоненіи, что само образованіе стало принимать характеръ воспитательный. Развей умъ ребенка, заставь и приучи его думать, пробуди въ немъ прежде всего любознательность и охоту къ умственному труду, разбуди его добрыя чувства, особенно уваженіе къ себѣ и другимъ, обрати узкій эгоизмъ въ стремленія альтруистическія, — вотъ основа всего воспитанія, вотъ на чемъ долженъ основаться тотъ капиталъ, который зовется суммою общеобразовательныхъ знаній. Разъ этихъ основаній нѣтъ, разъ — школа этими дѣлами не заботится, — все образованіе выждется на пескѣ; оно — невужный, а иногда, можетъ быть, и вредный скарбъ, багажъ, только обременяющій человѣка на жизненномъ пути и наполняющій его самомиѣвиемъ».

Такое гуманное настроеніе школы преобразило и самый типъ учащихся, которые изъ «забытыхъ, безличныхъ и жалкихъ» становились мало-по-малу личностями, сознательно относящимися къ себѣ, къ своимъ обязанностямъ, къ товарищамъ и учителямъ, видя въ нихъ «не врага, а друга, желающаго имъ добра». Окончивъ курсъ, юноша выходилъ въ жизнь не съ опустошенной душой, а съ жаждой подвига, съ сознательнымъ желаніемъ служить народу тѣми знаніями, которыя вынесъ изъ школы. И это не было платоническимъ стремленіемъ, тѣмъ обычнымъ русскимъ прекраснодушіемъ, которое преспокойно уживается со всякой мерзостью, а непосредственнымъ переходомъ отъ теоріи къ практикѣ, отъ желаній къ ихъ осуществленію. Характерный въ этомъ отношеніи эпизодъ приводитъ авторъ воспоминаній, — эпизодъ, какіе тогда составляли обычное явленіе. Кружокъ юныхъ студентовъ, къ которому принадлежалъ и авторъ, увлекался общественными вопросами, между прочимъ, и вопросомъ о народномъ просвѣщеніи, не

выходя, однако, изъ области теоретическихъ разсужденій. Многихъ не удовлетворяли эти «дебаты, книги и самобичеваніе», но неопытность и незнакомство съ общественной жизнью не давали точки опоры для болѣе живой работы. Но вотъ одинъ изъ членовъ кружка попалъ случайно въ бесплатную школу, и его оживленный разсказъ о томъ, что онъ видѣлъ и слышалъ, такъ подѣйствовалъ на слушателей, что тутъ же порѣшили—устроить и самимъ такую же школу, которая и возникла въ скоромъ времени и быстро завоевала себѣ большую популярность.

«Ни одно собраніе нашего кружка, — говоритъ авторъ, — съ самаго его основанія, не было еще такъ оживлено и богато, если не серьезностью содержанія, то необыкновеннымъ подъемомъ духа, окрыленного сознаниемъ дѣйствительно хорошаго дѣла, которое найдено для насъ всѣхъ и во что бы то ни стало должно было... Много, очень много смѣшного, какъ вспомнишь теперь со своей тридцатилѣтней педагогической опытностью, было высказано нами въ этотъ вечеръ, но много было въ этихъ рѣчахъ и высокаго, и трогательнаго, о чемъ нельзя вспомнить безъ волненія и сладкой грусти, какъ о невозвратномъ прошломъ. Это трогательное и высокое—была юношеская чистота помысла, жажда добра на пользу родины, вѣра въ свѣжесть своихъ силъ и торжество свѣта просвѣщенія народа, твердая готовность работать безкорыстно, жертвовать послѣднимъ для дорогого дѣла и въ этой жертвѣ видѣть счастье въ исполненіи долга».

Конечно, не одна школа возбуждала «жажду добра, вѣру въ свои силы и твердую готовность работать безкорыстно». Общій повышенный тонъ жизни создавалъ настроеніе, которое было таково,—по словамъ одного изъ свидѣтелей той эпохи,—что «каждый ничтожный винтикъ сложной общественной машины чувствовалъ и понималъ свою связь со всей совокупностью ея и, выполняя свою маленькую функцію, провидѣлъ въ данной перспективѣ тотъ высокій и свѣтлый идеалъ, къ которому она стремилась; проводилъ и одухотворялъ свою маленькую, нерѣдко прямо механическую работу созерцаніемъ великаго будущаго, осуществленію котораго и онъ содѣйствуетъ по мѣрѣ силъ. Самая работа, при такомъ настроеніи, была не постылымъ трудомъ, который исполняется только изъ подъ палки, а желательнымъ дѣломъ, общественнымъ служеніемъ, въ которомъ человѣкъ почерпалъ сознание собственной цѣны и достоинства. Въ ближнемъ онъ видѣлъ равноправнаго съ нимъ соучастника на жизненномъ пиру, настоящаго и необходимаго сотрудника въ достиженіи идеала будущаго. Низменная житейская роль ближняго нисколько не умаляла его цѣны, потому что онъ мыслился не какъ обособленная единица, а какъ хотя маленькое, но необходимое звено въ огромной цѣпи, именуемой движеніемъ человѣчества. А поэтому ближній встрѣчалъ въ человѣкѣ того времени не автомата, механически совершающаго тѣ

или другія дѣйствія за поденную плату, а любящаго брата, готоваго сдѣлать для него все то добро, какое можно сдѣлать въ данномъ положеніи. Отдавая личность на служеніе ближнему, человекъ не думалъ и о признательности послѣдняго, такъ какъ и самъ не считалъ дѣйствій своихъ какою-либо услугою данному лицу, а только исполненіемъ обязанности по отношенію къ тому далекому будущему, которое представлялось ему не фантазмагорією, не мечтой, а чѣмъ-то живымъ и реальнымъ».

Въ противоположность этимъ свидѣтелямъ эпохи возрожденія русскаго общества наши злополучные декаденты и символисты были захвачены попятной исторической волной, и ихъ болѣе потѣшныя, чѣмъ возмутительныя, претензіи на «вѣчность», жалкій бредъ души больной, выдаваемой ими за новое слово въ искусствѣ, и полное непониманіе истинныхъ задачъ послѣдняго—должны занять подобающее мѣсто въ общей исторической картинѣ нашего времени.

Четвертаго октября исполнится сорокъ лѣтъ со дня смерти одного изъ самыхъ яркихъ представителей гуманныхъ идей въ Россіи, вся жизнь и дѣятельность котораго заключалась въ распространеніи гуманности въ русскомъ обществѣ. Это былъ Тимофей Николаевичъ Грановскій, скончавшійся 4-го октября 1855 г. въ Москвѣ, на сорокъ третьемъ году жизни, накануне того разсвѣта гуманности, о которомъ мы говорили выше.

Есть глубокой трагизмъ въ этой смерти. Въ теченіе пятнадцати лѣтъ съ университетской каѳедры, въ печати и въ обществѣ онъ отстаивалъ права человѣческой личности, указывалъ возвышенныя цѣли и пути къ нимъ, —и почти накануне осуществленія значительной части его мечтаній, смерть прервала эту жизнь, такую безотрадную и тягостную, не давшую ему даже утѣшенія— умереть съ вѣрой въ близость возрожденія.

Но заря иной жизни была близко. Только ему не дано было счастья увидѣть, какіе плоды должны были принести сѣмена добра и правды, которыя онъ неутомимо разсѣвалъ. Въ этой смерти накануне пробужденія общественнаго сознанія есть и глубокое поученіе для тѣхъ, кто въ минуту усталости готовъ махнуть на все рукой и поставить крестъ надъ жизнью. Жизнь чрезвычайно сложна, и охватить всѣ ея проявленія намъ не дано. Каждый видитъ небольшой уголокъ ея, и то подъ извѣстнымъ угломъ зрѣнія,

въ зависимости отъ личныхъ взглядовъ, симпатій и интересовъ. *),— Общественная нравственность, справедливость робко, неясно начинала поднимать свой голосъ, заявлять свои требованія въ душѣ лучшихъ людей. Современному человѣку нельзя жить, забывая о добрѣ, нравственности, чести, о началахъ, на которыхъ зиждутся христіанскія общества—это начинало и чувствовать, и понимать все большее и большее число людей. Послѣ мрачной ночи занималась прекрасная заря, а Грановскій отошелъ къ вѣчному сну.

Такая потеря для общества была особенно ощутительна въ эту минуту. Въ немъ оно теряло не только того, «кто былъ обремененъ любовью, добромъ, нравственнымъ убѣжденіемъ, знаніемъ, горячимъ, сгратнымъ желаніемъ успѣховъ своему отечеству, безграничною преданностью всѣмъ лучшимъ интересамъ человѣчества». Въ его лицѣ сошелъ со сцены руководитель, не замѣнимый въ эпоху обновленія. Чтобы понять его значеніе, необходимо коснуться его міросозерцанія и взглядовъ на личность, на исторію и прогрессъ. При оцѣнкѣ его взглядовъ не слѣдуетъ упускать изъ виду его времени, когда, въ области философскихъ идей господствовала доктрина, разсматривавшая историческихъ дѣятелей, цѣлыя поколѣнія и народы, какъ орудія для достиженія извѣстныхъ цѣлей. *Pergeat mundus, fiat justitia*, — эта мысль проводилась тогда и въ наукѣ, и въ жизни.

Въ статьѣ «Реформа въ Англіи», въ «Современникѣ» 1848 г., Грановскій говоритъ: «Историки XVIII столѣтія любили объяснять великія событія мелкими причинами. Въ такихъ сближеніяхъ высказывалось не одно остроуміе писателей, но задушевная мысль вѣка, не вѣрившаго въ органическую жизнь человѣчества, подчинявшаго его судьбу своему равному вліянію личной воли и личныхъ страстей. Наше время перестало вѣрить въ безсмысленное владычество случая. Новая наука, философія исторіи, поставила на его мѣсто законъ, или, лучше сказать, необходимость. Въмѣстѣ съ случаемъ утратила большую часть своего значенія въ исторіи отдѣльная личность». Новое воззрѣніе, болѣе разумное, чѣмъ предшествовавшее ему, также сухо и односторонне. «Жизнь человѣчества подчинена тѣмъ же законамъ, какимъ подчинена жизнь всей природы, но законъ не одинаково осуществляется въ этихъ двухъ сферахъ. Явленія природы совершаются гораздо однообразнѣе и правильнѣе, чѣмъ явленія исторіи... Ей данъ законъ, ко-

---

*) «Тимофей Николаевичъ Грановскій» (біографическій очеркъ). А. Станкевича. Это наиболѣе полная и лучшая біографія Грановскаго, которую можно рекомендовать читателямъ. Въмѣстѣ съ его сочиненіями она даетъ вполне яркую и полную характеристику ученаго и человѣка.

того исполненіе неизбѣжно, но срокъ исполненія не сказано—десять лѣтъ, или десять вѣковъ, все равно. Законъ стоитъ какъ цѣль, къ которой неудержимо идетъ человѣчество; но ему нѣтъ дѣла до того, какою дорогою оно идетъ и много ли времени потратить на пути. Здѣсь-то вступаетъ во всѣ права свои отдѣльная личность. Здѣсь лицо выступаетъ не какъ орудіе, а самостоятельно, поборникомъ или противникомъ историческаго закона, и принимаетъ на себя, по праву, отвѣтственность за цѣлые ряды имъ вызванныхъ или задержанныхъ событій». По словамъ слушателя Грановскаго, С. М. Соловьева, въ своихъ лекціяхъ онъ формулировалъ ту же мысль въ положеніе, что «идеи не суть индійскія божества, которыхъ возятъ въ торжественныхъ процессіяхъ и которыя даютъ поклонниковъ своихъ, суевѣрно бросающихся подъ ихъ колесницы».

Въ связи съ такимъ воззрѣніемъ на значеніе личности находятъся и его взгляды на прогрессъ, который всегда является съ одной стороны «порчею чего-нибудь существующаго, извѣстнаго, въ пользу еще несуществующаго, не вызваннаго къ жизни. Такое постепенное искаженіе формы, осужденной на смерть, можетъ продолжаться долго и быть тѣмъ оскорбительнѣе, чѣмъ прекраснѣе она была въ пору своей зрѣлости, чѣмъ неопредѣленнѣе выступаютъ наружу очертанія новой, не сложившейся формы». Чѣмъ больше предоставлено личности возможности развиваться и совершенствоваться свои силы, тѣмъ правильнѣе и съ меньшими жертвами можетъ совершаться этотъ переходъ отъ стараго къ новому. «Массы косятъ подъ тяжестью историческихъ и естественныхъ опредѣленій, отъ которыхъ освобождается мыслью только отдѣльная личность. Въ этомъ разложеніи массъ мыслью заключается процессъ исторіи. Ея задача — нравственная, просвѣщенная, независимая отъ роковыхъ опредѣленій личности и сообразное требованіямъ такой личности общество». Всѣ симпатіи Грановскаго были на сторонѣ массъ, но, въ противность славянофиламъ, онъ отказывался преклоняться предъ ними, ставя выше всего *разумъ*. «У каждаго народа есть много прекрасныхъ, глубоко поэтическихъ преданій, но есть нѣчто выше ихъ: это разумъ, устрояющій ихъ положительное вліяніе на жизнь и бережно слагающій ихъ въ великія сокровищницы чловѣка—науку и поэзію».

Чуждый исключительности и узости, съ чуткимъ сердцемъ и любящей душой, Грановскій всѣми могущественными средствами своего живого таланта выступалъ противъ всякой крайности. Онъ былъ европеецъ въ самомъ широкомъ значеніи этого слова, соединяя непоколебимую твердость убѣжденій съ терпимостью къ

чуждымъ ему взглядамъ. Его разладъ съ крайней лѣвой тогдашняго московскаго общества вытекалъ столько же изъ основныхъ его взглядовъ на ходъ историческаго движенія мысли, сколько и изъ личныхъ качествъ. Но, расходясь съ своими противниками въ воззрѣніяхъ, онъ сохранялъ самыя дружескія къ нимъ чувства. Совершенно иное положеніе занималъ онъ по отношенію къ славянофиламъ, воззрѣнія которыхъ ему представлялись не только фантастическими, но затемняющими пониманіе состоянія Россіи, ея истинныхъ потребностей въ настоящемъ и будущемъ. Наступало время, говоритъ Станкевичъ, когда обществу нужна была трезвая мысль, а не забава на досугъ антикварными идеалами. «Эти люди противны миѣ, какъ гробы,—пишетъ Грановскій о славянофилахъ за два дня до смерти,—отъ нихъ пахнетъ мертвечиной. Ни одной свѣтлой мысли, ни одного благороднаго взгляда. Оппозиція ихъ бесплодна, потому что основана на одномъ отрицаніи того, что сдѣлано у насъ въ полтора столѣтія новѣйшей исторіи. Я до смерти радъ, что они затѣяли журналъ... я радъ, потому что этому воззрѣнію надо высказаться до конца, выступить наружу во всей красотѣ своей. Придется поневолѣ снять съ себя либеральныя украшенія, которыми морочили они дѣтей. Надобно будетъ сказать послѣднее слово системы, а это послѣднее слово—православная патріархальность, несомѣстимая ни съ какимъ движеніемъ впередъ». Какъ историкъ и человѣкъ, глубоко просвѣщенный, европейски образованный, сочувствовавшій живѣйшимъ образомъ европейскимъ правовымъ порядкамъ, великимъ идеямъ современности и всемірному значенію науки, онъ не могъ относиться иначе, какъ съ полнѣйшимъ отрицаніемъ къ мечтамъ о какомъ-то особенномъ, исключительномъ, народномъ характерѣ русской жизни, русскаго быта, искусства и науки.

По природѣ нѣжный и кроткій, Грановскій не былъ боевой натурой, но ясность и опредѣленность его воззрѣній, не допускавшихъ двухъ толкованій, сдѣлали его признаннымъ главою «западниковъ», и это мѣсто онъ занималъ почти съ перваго момента выступления на каѳедрѣ и до самой смерти, и русская наука имѣетъ немного такихъ цѣльныхъ представителей, неизмѣнно вѣрныхъ своимъ убѣжденіямъ. Говорить о его значеніи профессора, создавашаго цѣлую школу, изъ которой вышли такіе ученые, какъ Кудрявцевъ, Ешевскій, Соловьевъ, едва ли не лишне, такъ какъ это фактъ слишкомъ общеизвѣстный. Но не меньшее значеніе имѣлъ Грановскій, какъ общественный дѣятель, сблизившій университетскую науку съ обществомъ. Огромное значеніе имѣлъ его публичный курсъ, читанный имъ зимою 43 г. Общество впервые услышало

живое слово, полное искренней и независимой мысли, сказанное съ горячимъ чувствомъ, съ покоряющей силой таланта и убѣжденія. Аудиторія была переполнена слушателями, явившимися за полчаса до начала и не пропускавшими ни одной лекціи. «Аудиторія набита биткомъ и тишина до того велика, что слабый голосъ его слышенъ съ края до края,—говорить одинъ изъ его слушателей.—Какая округлость въ каждой лекціи, какой широкій взглядъ и какая гуманность! Это художественный, полный любви и энергіи рассказъ». Сближеніе науки и общества онъ желалъ продолжать посредствомъ ежемѣсячнаго изданія историческаго и критическаго характера, но этому желанію не суждено было осуществиться, хотя о журналѣ Грановскій мечталъ всю жизнь. Но то было время, мало благоприятное для его широкихъ просвѣтительныхъ плановъ. Оставались лекціи въ университетѣ, публичныя чтенія и личныя бесѣды, что далеко не отвѣчало его силамъ, стремленіямъ и таланту. Невозможность развернуть всѣ свои дарованія въ полномъ размѣрѣ и блескѣ наложила на его талантъ печать меланхоліи, глубоко затаенной грусти, которой проникнуты почти всѣ его статьи. Эта грусть вмѣстѣ съ поэтическимъ колоритомъ изложенія придаютъ его самымъ сухимъ, повидимому, статьямъ особенный характеръ возвышенности и идеализма, покоряющихъ читателя съ непреодолимой силой. Чувствуется сильная мысль, которая остается недосказанной и мучительно подавляетъ автора...

Живой, впечатлительный, крайне общительный, вздумчивый профессоръ, онъ не замыкался въ своей специальности и внимательно слѣдилъ за ходомъ общественной жизни.

Подъ влияніемъ тяжелыхъ событій, Грановскій не измѣнилъ своей вѣры въ прогрессъ, но надежды возлагалъ на далекое будущее, къ которому для человѣчества лежитъ далекій, тяжкій путь. «Только въ будущемъ, начиналъ онъ думать, примирятся неразрѣшимыя въ настоящемъ противорѣчія жизни, разрѣшатся трудныя задачи, можетъ быть, совсѣмъ не тѣмъ путемъ, на которомъ думали достигнуть ихъ разрѣшенія. Человѣчество должно пережить вѣка труда и ученія, вѣка подвига, прежде чѣмъ достигнетъ цѣли своихъ стремленій, разрѣшенія волнующихъ его вопросовъ». Но, какъ ни тягостно было его настроеніе въ послѣдніе годы жизни, онъ оставался на своемъ посту, въ надеждѣ, что можно быть еще полезнымъ на избранномъ имъ поприщѣ. Эти годы разбили его физическія силы, привели къ безвременной кончинѣ, но не ослабили его энергіи. Онъ горѣлъ, какъ свѣча, сжигаемая съ двухъ концовъ... Исторія русскаго просвѣщенія не знаетъ примѣра болѣе трогательнаго

героизма, какъ Грановскій, отстаивающій дорогое ему просвѣщеніе отъ грозившихъ со всѣхъ сторонъ опасностей, не отступающій передъ врагами, ободряющій другихъ, хотя отчаяніе и грусть медленно подтачивали его душу. «Его лучшія намѣренія, планы трудовъ оставались безъ исполненія, его знаніе и дарованіе, казалось ему, были напрасны, ненужны». «Чувствую, что выработался опредѣленный взглядъ на предметы, своя метода для науки, и все это...» онъ не доканчивалъ фразы,—говорить Станкевичъ,—но тонъ глубочайшей грусти, какимъ она произносилась, дѣлалъ понятнымъ печальный смыслъ ея...»

Если память о такихъ герояхъ гуманности и просвѣщенія должна быть всегда дорога человѣчеству, то тѣмъ болѣе дорога она въ тѣ моменты, когда одухотворявшія ихъ стремленія получаютъ особую силу и значеніе.

А. Б.

РАЗНЫЯ РАЗНОСТИ.

На родинѣ.

Двадцатипятилѣтіе городского самоуправления въ Россіи. Городское самоуправленіе, т. е. управленіе городскими дѣлами выборными гласными, составляющими городскую думу, было введено въ Россіи въ 1870 г. и въ настоящемъ году городскія думы могутъ праздновать 25-лѣтіе своего существованія. Но самый принципъ городского самоуправления гораздо старше и восходитъ къ царствованію Екатерины II, которая своею «Городовою грамотою» 1785 г. положила начало городскимъ «вольностямъ». «Городовая грамота» Екатерины была задумана на очень либеральныхъ началахъ (напримѣръ, при опредѣленіи избирательныхъ правъ гражданина принимался во вниманіе не только имущественный, но и образовательный цензъ), но она не привилась къ жизни, отчасти потому, что постановленія ея были составлены недостаточно опредѣленно, отчасти же, вслѣдствіе реакціи, наступившей въ царствованіе Павла I, который въ 1798 г. отменилъ указъ своей бабки. Въ 1800 г., при Александрѣ I, онъ былъ снова восстановленъ, но только на бумагѣ. Городское самоуправленіе совершенно не соответствовало господствовавшему въ то время бюрократическимъ взглядамъ, и потому реформа Екатерины не принесла желанныхъ результатовъ.

Г-нъ Джаншиевъ, въ интересной статьѣ, посвященной 25-лѣтію городского самоуправления («Русскія Вѣдомости») объясняетъ слабое развитіе городской самостоятельности въ до-реформенной Руси слѣдующими причинами: во-первыхъ, бюрократическимъ происхожденіемъ большинства русскихъ городовъ, и, во-вторыхъ, крайнимъ развитіемъ въ Россіи сословности. Относительно первой причины онъ говоритъ слѣдующее: «На Западѣ города создавались потребностями жизни, какъ оплотъ противъ феодальнаго, поземельнаго дворянства, какъ мѣсто раздѣленія труда сельскаго и городского, какъ средоточіе зачинавшейся въ «бургахъ» промышленной, торговой и умственной городской жизни. Русскіе же «казенные» или «штатные» города вызваны къ жизни административнымъ геніемъ, потребностями и удобствами администраціи, ея соображеніями о необходимости извѣстнаго положеннаго «по штату» числа городовъ, создававшихся не то для симметрии, не то для оживленія тоскливаго однообразія сплошной бѣлизны карты Россіи. Екатерина II не безъ гордости указывала на то, что ею создано по «учрежденію о губерніяхъ» 1775 г. ни мало, ни много, 216 городовъ! Можно бы поистинѣ дивиться этому сверхъестественному государственному суждательству, если бы на

повѣрку результаты этого законодательнаго »flat«, «да бысть», не оказывались крайне скромными, если не ничтожными. Когда предъ изданіемъ Городоваго Положенія 1870 г. правительство приступило къ изученію быта городовъ, то въ результатъ его оказались слѣдующіе любопытные, но нѣсколько неожиданные результаты. Изъ 595 городскихъ поселеній Европейской Россіи только $\frac{1}{6}$ часть ихъ могла быть признана, по занятіямъ жителей, чисто промышленными пунктами, $\frac{1}{3}$ полупромышленными, полугемледѣльческими; остальные города (т. е. $\frac{2}{3}$) чисто *земледѣльческими* или занимающимися отхожими промыслами.

Благодаря административному происхожденію русскихъ городовъ, въ исторіи ихъ встрѣчается явленіе, едва ли не единственное въ своемъ родѣ. это ввезеніе города «въ штатъ» и исключеніе изъ него, пожалованіе волею администраціи въ «чинъ» города или разжалованіе его за несоотвѣтственный городу образъ жизни. Аткарскъ (Сарат. губ.) въ 1780 г. былъ пожалованъ въ городъ, а въ 1799 г. разжалованъ въ село, а черезъ пять лѣтъ опять выслужилъ чинъ города. То же было съ Балашевымъ. Въ 1836 г. села Чертанлы, Царевна, пожалованы въ города — Николаевскъ, Царевъ, но они и доселѣ занимаютъ хлѣбопашествомъ, подобно купцамъ и мѣщанамъ города Вольска, обрабатывающимъ и нынѣ до 20.000 десятинъ земли».

Относительно развитія въ Россіи сословности, г-нъ Джавшіевъ справедливо замѣчаетъ, что весь дореформенный укладъ жизни, построенный на грѣбостническо-сословномъ фундаментѣ, исключалъ всякую общественную, т. е. безсословную дѣятельность на поприщѣ общегражданскомъ. Средѣ, гдѣ человѣческое достоинство было такъ унижено, что слово «человѣкъ» стало въ житейскомъ обиходѣ

уничжительнымъ и примѣнимымъ только къ прислугѣ, была слишкомъ неблагоприятна для процвѣтанія общегражданскихъ или общечеловѣческихъ учреждений.

Смѣлая мысль Екатерины включеніемъ дворянъ въ число полноправныхъ городскихъ обывателей высшаго дворянскаго сословія, ввести въ городское управленіе элементъ высшаго общественнаго служенія потерпѣла полное фіаско, главнымъ образомъ, благодаря политической и умственной неразвитости этого высшаго сословія. Обыватели податнаго сословія высшаго разряда, т. е. меньшинство (купцы), купившіе за деньги право выдѣлиться изъ разряда «подлыхъ» людей освобожденіемъ отъ тѣлеснаго наказанія и рекрутской повинности, смотрѣли недружелюбно на предоставленіе правъ обывателя дворянству, и безъ того надѣленному громадными привиллегіями. Но и само дворянство, дорожившее только своими узкими, сословными привиллегіями, совершенно равнодушное къ интересамъ общественнымъ и съ высокомерною спѣсью глядѣвшее на низшія сословія, считало ниже своего достоинства опуститься до занятія городскими дѣлами».

Такое же недоброжелательное отношеніе высшихъ сословій къ городскому самоуправленію проявлялось и въ царствованіе Николая. «Когда въ 1827 г. поднятъ былъ вопросъ о болѣе рѣшительномъ проведеніи въ городскомъ самоуправленіи начала всесословности, то противъ него возстали не только московское именитое, но невѣжественное купечество, усмотрѣвшее въ проектѣ ученаго юриста Балугьянскаго «копированіе съ французской палаты депутатовъ и начало анархіи»; но и само московское дворянство считало неумѣстнымъ участіе дворянъ въ городскомъ управленіи въ виду «естественнаго права: разсуждать о коммерціи купцу, о помѣстьѣ помѣщику». До какой степени былъ

*

еще живучъ духъ сословнаго антагонизма и барской надменности въ дворянствѣ, можно судить потому, что еще въ 1858 г., стало быть, уже послѣ начала преобразовательной дѣятельности и приступа къ отмѣнѣ крѣпостнаго права, извѣстный «олигархъ» и «плантаторъ», какъ тогда звали взятыхъ крѣпостниковъ, М. А. Безобразовъ произвелъ безобразный скандалъ при предложеніи ему петербургскою думою установленной закономъ грамоты на званіе петербургскаго обывателя, считая для стараго московскаго дворянина *оскорбительнымъ* такое званіе.

«Значеніе дореформеннаго крѣпостнаго строя для нормальнаго развитія общественной жизни, — говоритъ далѣе г-нъ Джаншіевъ, — съ особою рельефностью обнаружилось, какъ только показались, съ наступленіемъ эпохи великихъ реформъ, первые провозвѣстники предстоящаго очищенія зараженной рабствомъ атмосферы. Уже въ началѣ 1859 года то же московское дворянство, которое въ николаевское время презрительно представляло купцамъ вѣдѣніе городскими дѣлами, само ходатайствовало о дозволѣніи московскимъ домовладѣльцамъ изъ дворянъ принять участіе въ городскомъ управленіи».

Съ конца 50-хъ годовъ, когда только-что началось въ Россіи пробужденіе общественной мысли, со всѣхъ сторонъ стали указывать на необходимость уничтоженія административной опеки, сковывавшей и парализовавшей всякую общественную самостоятельность. Въ это же время начали поступать ходатайства о реформѣ городского управленія, по типу всесословнаго управленія, какое съ 1846 года было введено въ Петербургъ.

Въ 1862 г. Министерство Внутреннихъ Дѣлъ приступило къ собранію матеріаловъ для поставленной на очередь городской реформы. Изъ этихъ матеріаловъ особенно интересны от-

зывы мѣстныхъ городскихъ комиссій. «Какъ и слѣдовало ожидать, — говоритъ г. Джаншіевъ, — провинція оказалась не такъ безмолвна и бессмысленна, какою ее привыкла выставлять петербургская бюрократія. Какъ ни забыто и ни невѣжественно было городское населеніе, все-таки огромное большинство заключеній выражало совершенно разумныя основанія для будущей организаціи: уничтоженіе административнаго гнета и подавляющей чиновничьей опеки, уравненіе сословныхъ правъ и т. п. Попадались, конечно, и немногія курьезныя мнѣнія, шедшія изъ «медвѣжьихъ угловъ» и поражающія своимъ убожествомъ: такъ, гор. Бабиновичи (Могил. г.) высказывался за устройство въ городахъ управленія по образцу сельскаго, 27 ничтожныхъ, но «счастливыхъ» городовъ затянута была такою непроницаемою тиною китайскаго вѣтизма, что не усматривали «никакой надобности» въ измѣненіи существующихъ учреждений. Перекопская комиссія была необычайно сурова къ холостымъ и требовала, чтобы и выборные, и гласные были люди *женатые*. Но въ общемъ, какъ сказано, провинціальныя города лицомъ въ грязь не ударили».

Проектъ новаго городского положенія выработывался въ теченіе 7 лѣтъ и оно было утверждено въ іюнь 1870 года.

Къ вопросу о нормировкѣ рабочаго дня на русскихъ фабрикахъ. Русское «Общество охраненія народнаго здравія» образовало особую комиссію для разработки вопроса о нормировкѣ рабочаго дня на русскихъ фабрикахъ; и въ іюльской книжкѣ журнала Общества напечатано нѣсколько рефератовъ, въ которыхъ, по порученію комиссіи, разсматриваются различныя стороны этого вопроса.

Такъ, Е. М. Дементьевымъ представлено въ комиссію докладъ, въ которомъ обстоятельно разъясняется, почему сокращеніе рабочаго дня на нашихъ фабрикахъ составляетъ насущную потребность общественной гигиены. «Вѣковой опытъ говорить намъ,—замѣчаетъ г. Дементьевъ,—что нормально, безъ вредныхъ, рано или поздно сказывающихся послѣдствій, жизнь протекаетъ лишь тогда, когда человѣкъ имѣетъ до 8 часовъ въ сутки сна, при 8 часахъ серьезной работы. Отсюда и выведена та «тройка», изъ-за которой ведется на Западѣ борьба между рабочими и работодателями: 8 часовъ работы, 8 часовъ сна и 8 часовъ на отдыхъ, развлечения, неизбежныя удовлетворенія потребностей человѣческой природы и потребностей общественной жизни человѣка». Эта норма выводится для труда въ хорошихъ гигиеническихъ условіяхъ. Тѣмъ болѣе желательно установленіе ея для фабричной работы, санитарная обстановка которой отнюдь не можетъ быть названа удовлетворительной. Испорченный воздухъ замѣнутыхъ помѣщеній, помимо отрицательныхъ качествъ—недостатка кислорода, необходимаго для правильного оживленія крови, — вредитъ, — разъясняетъ авторъ статьи, — непосредственно, вводя въ организмъ различнаго рода пыль и газъ. Отсутствіе же сколько-нибудь сильныхъ мышечныхъ движеній ведетъ не только къ отсутствію благотворнаго для организма оживленія кровообращенія и дыханія, но даже прямо къ застою крови въ различныхъ частяхъ тѣла. Отсюда цѣлый рядъ послѣдствій, медленными и незамѣтными ядомъ подрывающихъ организмъ фабричнаго рабочаго». Къ чему же приводитъ при такихъ условіяхъ чрезмѣрная продолжительность рабочаго дня на нашихъ фабрикахъ? Ни къ чему другому, — отвѣчаетъ г. Дементьевъ,—какъ къ вымиранію и вырожденію. Всюду, гдѣ

только являлась возможность сопоставить цифры заболѣваемости и смертности фабричнаго населенія съ антропометрическими данными, цифры немудимо доказывали наличность въ этой средѣ вырожденія и вымиранія, незамѣтныхъ для поверхностныхъ наблюдателей только потому, что контингентъ фабричныхъ рабочихъ пополняется и даже увеличивается безпрерывнымъ притокомъ свѣжаго народа—земледѣльцевъ».

Другой членъ комиссіи, д-ръ Виреніусъ представилъ специальный докладъ о вредѣ ночной работы. На основаніи данныхъ физиологии нервной и мышечной системы, д-ръ Виреніусъ доказываетъ, что «замѣтна ночи днемъ для отдыха недопустима безъ вреда для общаго здоровья рабочихъ; если же,—говоритъ онъ далѣе,—въ виду удобоприспособленности организма къ вреднымъ влияніямъ, и возможна эта замѣтна, то только на непродолжительное время и подъ условіемъ большей продолжительности дневного сна (не менѣе 9 час.) и при наивозможно болѣе надежномъ устраненіи нарушающихъ спокойный сонъ вліяній: шума, свѣта, спертата воздуха и т. д.». По мнѣнію г. Виреніуса, продолжительность ночной работы должна быть ограничена 5—6 часами съ короткими перерывами 2—3 раза въ ночь. Недѣльное число рабочихъ часовъ для этой категоріи фабричнаго населенія опредѣляется 25—30, при условіи, что работающіе ночью пользуются, вмѣсто однихъ, двумя свободными сутками въ недѣлю. Семейные люди, равно какъ слабые, болѣзненные и недостигшіе 25 лѣтъ, вовсе не должны допускаться къ ночной работѣ.

Третій докладъ, составленный г-мъ Эккертомъ, посвященъ вопросу о фабричной дѣятельности женщинъ. Онъ доказываетъ, что «женщины всѣхъ возрастовъ, въ виду болѣе слабой физической организаци ихъ въ сравненіи съ мужчинами, а также въ виду того, что

онѣ всегда обременены массой домашнихъ работъ и заботъ, должны пользоваться въ сравненіи съ мужчиной и болѣе продолжительнымъ досугомъ отъ фабричныхъ работъ». Помимо воспрещенія женской работы на фабрикахъ въ ночное время и по воскреснымъ днямъ, у насъ, согласно взгляду автора, необходимо издать постановленія, ограждающія женщину отъ непосильной работы во время беременности и въ послѣродовомъ состояніи. Наконецъ, и вообще желательно, по мнѣнію г. Эккерта, «чтобы дѣйствительное число рабочихъ часовъ не превышало для взрослой женщины 8—9 часовъ въ день (или 48 ч. въ недѣлю) и чтобы работы не начинались ранѣе 6 часовъ утра и оканчивались не позже 6-ти часовъ вечера, а по субботамъ — не позже 2-хъ часовъ дня». вмѣстѣ съ тѣмъ и дѣтскій трудъ на нашихъ фабрикахъ могъ бы быть ограниченъ, вмѣсто 8 час., 5—6 часами въ сутки.

Помимо требованій гигиены, нормировка рабочаго дня на фабрикахъ была бы полезна и по другимъ соображеніямъ. Такое сокращеніе необходимо для того, чтобы дать рабочему возможность умственного развитія. На этомъ вопросѣ подробно останавливается д-ръ Виреніусъ:

«Въ настоящее время, — говоритъ онъ, — не представляется уже никакого сомнѣнія въ томъ, что, какъ для работы каждаго отдѣльнаго живого существа, такъ и для прогресса любой отрасли промышленности, безусловно требуется для рабочихъ такая жизненная обстановка, при которой всѣ стороны ихъ природы (тѣлесная, нравственная и умственная) отвѣчали бы налагаемымъ на нихъ ихъ организаціей требованіямъ». Поэтому «на обязанности работодателя лежитъ долгъ устроить и умственную, и нравственную жизнь рабочаго. Для удовлетворенія умственныхъ запросовъ фабричнаго населенія должны

быть созданы школы, вечерніе и воскресные курсы, популярно-научныя чтенія и бесѣды, образовательныя экскурсіи, народныя зрѣлища, читальни, музеи и т. д. Но, чтобы всѣ эти средства просвѣщенія оказали глубокое вліяніе на рабочихъ, необходимо прежде всего предоставить послѣднимъ возможность пользоваться этими благами, т. е. опять-таки необходимо сократить продолжительность рабочаго дня.

Сокращеніе рабочаго дня, являющееся также насущной потребностью для рабочихъ, въ то же время выгодно и для фабрикантовъ, потому что оно повышаетъ производительность труда. Разработкѣ этой стороны вопроса посвященъ обстоятельный докладъ г-на Мижуева, который, на основаніи опыта Западной Европы, утверждаетъ, что «сокращеніе рабочаго дня въ извѣстныхъ разумныхъ предѣлахъ вполне возмѣщается увеличивающеюся производительностью труда и улучшеніемъ самого качества работъ». Такимъ образомъ, съ точки зрѣнія интересовъ предпринимателя нельзя отрицать пользу нормировки рабочаго дня въ промышленныхъ заведеніяхъ, или хотя бы неубыточность ея для предпринимателей.

Конечные результаты работъ коммиссіи выражаются въ слѣдующихъ словахъ д-ра Дементьева: «Принимая во вниманіе условія, въ какихъ стоитъ въ настоящее время фабричная промышленность, и тотъ путь, какимъ идетъ ея развитіе, жизненные интересы расы и государства требуютъ сокращенія продолжительности рабочаго дня, уничтоженія ночной работы и особой строгой нормировки работы не только малолѣтнихъ, но подростковъ и женщинъ. Все это осуществимо лишь при вмѣшательствѣ государственной власти, путемъ общеобязательнаго закона. Ночная работа, съ точки зрѣнія гигиены недопустима ни для кого, для малолѣтнихъ и жен-

щинъ должна быть воспрещена безусловно; для подростковъ мужского пола и взрослыхъ мужчинъ она можетъ допускаться лишь въ нѣсколькихъ, безусловно въ ней нуждающихся производствахъ, каковы производства, работающія непрерывнымъ огнемъ. «Ночью» долженъ считаться періодъ сутокъ не менѣе 10 часовъ, причѣмъ періодъ времени между 9 часами вечера и 6 часами утра, долженъ, во всякомъ случаѣ, входить въ «ночь». Продолжительность эффективной работы фабричныхъ рабочихъ въ томъ количествѣ, какъ она существуетъ въ настоящее время, должна быть признана безусловно вредной и должна быть сокращена. Сокращеніе же работы подростковъ обоого пола и женщинъ желательно возможно безотлагательно и въ возможно большей степени близкимъ къ нормальному восьмичасовому рабочему дню, во всякомъ же случаѣ продолжительностью не болѣе десяти часовъ въ сутки. Сокращеніе того числа нерабочихъ дней въ году, какое установилось нынѣ на фабрикахъ съ механическимъ производствомъ, т. е. въ среднемъ 85 дней, хотя бы суточная продолжительность рабочаго дня и была сокращена до нормальныхъ восьми часовъ, не можетъ быть допущено. Желательно, напротивъ, законодательное обезпеченіе свободы воскресныхъ дней, въ цѣляхъ обезпеченія болѣе равномернаго чередованія работы съ отдыхомъ».

Народное образованіе въ Ялуторовскомъ округѣ. Въ недавно вышедшемъ III выпускѣ «Ежегодника Тобольскаго музея» помѣщена любопытная статья г. Палонеженцева «Народное образованіе въ г. Ялуторовскѣ и Ялуторовскомъ округѣ», въ которой говорится о современномъ состояніи народной школы въ Западной Сибири.

Ялуторовскій округъ занимаетъ пространство въ 19.044 кв. вер. и имѣ-

етъ населенія 184.994 чел., считая русскихъ и татаръ. Во всемъ округѣ 43 министерскихъ школы, 13 церковно-приходскихъ, 22 школы грамотности и 15 татарскихъ школъ. На русское населеніе округа 85.362 муж. и 86.404 жен. приходится учащихся 1.755 мальч. и 529 дѣв., т. е. одинъ учащійся мальчикъ на 49 муж. и одна дѣвочка на 162 женщ. Изъ 34 училищъ министерства государственныхъ имуществъ только 2 удовлетворяютъ самымъ скромнымъ требованіямъ школьно-санитарныхъ условій; въ большинствѣ же школъ учащіеся должны довольствоваться 3, 5—7 куб. арш. воздуха, т. е. 43,8—87,5% нормальной вѣстимости; такъ же неудовлетворительно большинство школъ и въ отношеніи количества свѣта; не лучше и классная мебель.

О церковно-приходскихъ школахъ въ Сибири г-нъ Палонеженцевъ приводитъ слѣдующія любопытныя данныя: Изъ приведенной имъ таблицы за 1893—1894 г. видно, что законоучители должны были дать 3.720 уроковъ, дали же 2.029 уроковъ и пропустили 1.691 урокъ, т. е. каждый законоучитель вѣсто положенныхъ 120 уроковъ далъ только 67 уроковъ и пропустилъ 53 урока, т. е. 45%!» «Такое въ высшей степени прискорбное явленіе на первый разъ можетъ поразить всякаго, не знающаго условій сибирскихъ приходоу, и оно дѣйствительно многихъ поражало, говорить г-нъ Палонеженцевъ. Но упреки по адресу духовенства однакожь не всегда справедливы, потому что пастырскія обязанности священника занимаютъ слишкомъ много времени, благодаря большому пространству приходоу. Средній приходъ въ Ялуторовскомъ округѣ состоитъ изъ 8 населенныхъ пунктовъ, съ разстояніемъ ихъ отъ приходскаго села около 30 вер. и съ населеніемъ въ 5.356 душъ. Мы встрѣчаемъ приходы съ разстояніемъ отъ приходскаго села до деревень въ

89, 80 70 и 65 верстѣ, съ 23, 18, 15 селеніями и съ населеніемъ въ 10.379 и около 10.000 душъ! При этомъ не слѣдуетъ забывать, что разстояніе приходскаго села отъ населенныхъ мѣстъ прихода должно быть увеличено вдвое, такъ какъ священнику приходится ѣхать впередъ и обратно. И такъ, есть приходы, въ которыхъ священнику, чтобы объѣхать одинъ разъ приходъ, нужно сдѣлать 178, 160 и 138 верстѣ, а кто же не знаетъ, что священнику по требамъ прихода приходится ѣздить чуть не ежедневно въ то или другое селеніе, не разбирая ни погоды, ни состоянія дороги, и почти всегда на измученной крестьянской лошадеи. Въ среднемъ каждому священнику приходится совершить 160 крещеній, 22 брака, 236 отпѣваній, всего 418 требосполненій. Тутъ перечислены требосполненія, которыя вносятся въ метрическія выписки. Помимо ихъ совершаются церковныя службы, крестные ходы, молебны, соборованія, приведеніе къ присягѣ при слѣдственныхъ разбирательствахъ, исповѣдь и причащеніе въ посты и больныхъ, прочтеніе молитвъ роженицамъ и т. п. »

Понятно, что при такихъ условіяхъ священники не имѣютъ возможности исполнять свои обязанности по отношенію къ вѣрнымъ имъ школамъ, и преподаваніе тамъ запущено до послѣдней степени. Г-нъ Палоненцевъ приводитъ слѣдующіе курьезы изъ познаній учениковъ по Закону Божьему: «при смотрительской ревизіи въ февралѣ и мартѣ мѣсяцахъ въ трехъ - четырехъ училищахъ встрѣчено было такое печальное явленіе, что изъ учениковъ младшаго и средняго отдѣленій лишь одинъ, много два - три, могли сказать, что Богъ одинъ, два - три ученика отвѣтили, что Бога три, остальное же большинство отвѣчало, что боговъ много, причемъ причисляло къ богамъ «Миколу Святителя», «Вгорья Храбраго», «Си-

меона Верхотурскаго» и др. На просьбу прочесть молитву Пресвятой Троицѣ учащіеся читаютъ молитву «Пресвятая Богородице» и считаютъ Богоматеръ Богомъ; молитвы знаютъ плохо и не въ состояніи не только объяснить ихъ, но и прочесть правильно; не въ состояніи объяснить значеніе крестнаго знаменія, а въ старшемъ отдѣленіи не могутъ прочесть отдѣльно заповѣдей и членовъ Символа вѣры. Въ нѣсколькихъ другихъ училищахъ учащіеся только тогда отвѣчаютъ на заданные вопросы, когда отвѣтъ начнетъ самъ законоучитель».

Кавказскіе духоборы. Этимъ лѣтомъ произошло выселеніе духоборовъ изъ Ахалкалакскаго уѣзда (на Кавказѣ), за ихъ отказъ отъ отбыванія воинской повинности. «Русскія Вѣдомости» сообщаютъ слѣдующія интересныя данныя о жизни духоборовъ на Кавказѣ, на Ахалкалакскомъ плоскогорьи. «Мѣстность эта очень непривѣтлива. Степь съ низкорослой травой, на высотѣ 6.000—7.000 футовъ, окаймленная на горизонтѣ горами. Ни лѣса, ни рощицы. Много горныхъ озеръ и рѣчекъ. Пять мѣсяцевъ зимы съ снѣжными метелями, заносащими человѣческія жилища; холодная суровая весна; лѣто съ полуденнымъ зноемъ и ночными заморозцами; въ іюнѣ не приходится разставаться съ зимнимъ платьемъ. Въ эту непривѣтную страну въ сороковыхъ годахъ явились невольные переселенцы изъ Таврической, Воронежской и др. губерній и основали колонію, названную ими «Терпніемъ» (теперь Орловка). Это были духоборы или духоборцы, прозванные такъ екатеринославскимъ архіепископомъ Амвросіемъ за «сопротивленіе ихъ духу истины».

Непривѣтливо встрѣтили на Кавказѣ переселенцевъ природа и люди. Туземцы, по словамъ духоборовъ, «чуждались ихъ, какъ прокаженныхъ, смо-

трѣли на нихъ, какъ на убійцъ и вообще преступниковъ». Трудно было при такихъ условіяхъ устраниваться на новомъ мѣстѣ. Нѣкоторые (435 душъ) переселились въ менѣ суровую по климату Карскую область; большинство же начало упорнымъ трудомъ борьбу за существованіе, приспособляясь къ обстановкѣ, и вышло изъ этой борьбы побѣдителемъ. На одно земледѣліе духоборы не могли рассчитывать, — хлѣбъ родится плохо, пропадаетъ отъ засухи, морозовъ и частыхъ градобитій, — и они сдѣлались ремесленниками. Съ полнымъ правомъ духоборы говорятъ: «все мы сами умѣемъ дѣлать, на базаръ поѣдешь только за иглой или какою другой мелочью».

Духоборы основали въ Ахалкалакскомъ уѣздѣ 8 селеній, и въ настоящемъ году число жителей въ нихъ равнялось 7.429. Духоборскія селенія поражаютъ своей зажиточностью. На каждый домъ приходится около 42 десятинъ земли.

Землевладѣніе у духоборовъ общинное; каждый клнѣкъ земли распределяется по душамъ мужскаго пола. Передѣлы земли производятся въ сроки отъ 3 до 10 лѣтъ жеребьевкой по домамъ, кромѣ Ефремовки, заимствовавшей у армянъ обычай, по которому участки земли остаются въ пользованіи однихъ и тѣхъ же лицъ, а передѣлъ производится съ помощью отрѣзковъ и прирѣзковъ. Покосы сначала раздѣляются по качеству ихъ на участки; затѣмъ каждый участокъ дѣлится ежегодно на «пан», состоящіе изъ 10—20 душъ. Крестьяне, образующіе «пай», убираютъ свой участокъ сообща или дѣлятъ его по душамъ.

Въ духоборскихъ селеніяхъ — прямая, широкія улицы съ красивыми избами изъ камня и нѣсколькихъ рядовъ дерна, на которые опирается бревенчатая крыша. Избы снаружи и внутри обмазаны глиной и выбѣ-

лены известкой, какъ хаты въ мало-россійскихъ деревняхъ. Въ избѣ сѣни и 2 большія комнаты, съ огромными русскими печами въ углахъ и нарами по стѣнамъ. Въ окнахъ — рамы со стеклами; принадлежность каждой избы — ткацкій станокъ. При избѣ — дворъ, занимающій съ постройками до $\frac{1}{6}$ десятины».

Жизнь среди враждебной природы и чуждаго народа развила у духоборовъ чувство солидарности и взаимопомощи. Богатые помогаютъ бѣднымъ рабочимъ скотомъ, орудіями и работою. Въ каждомъ духоборческомъ селеніи есть страннопріимный домъ. «У духоборовъ нѣтъ нищихъ и преступленій противъ собственности. Отношенія между богатыми и бѣдными не имѣютъ враждебнаго характера. Это объясняется тѣмъ, что духоборы наживаютъ богатство трудомъ, а не эксплуатаціей односельчанъ, что у нихъ широко развита помощь бѣднякамъ и что духоборскіе богачи не отличаются высокоуміемъ: на сходкахъ свобода мнѣній не подавляется богачами. Духоборы — индивидуалисты; каждый стремится къ экономической независимости. Семейные раздѣлы часты; семействъ въ 20 душъ немного. Духоборы — противники производительныхъ товариществъ. Общую работу духоборы допускаютъ только въ исключительныхъ случаяхъ; такъ, напримѣръ, они сообща содержали почтовые станціи; наиболѣе зажиточные составляли товарищества для аренды земли, но и въ этомъ случаѣ оставляли въ общемъ владѣніи товарищества только пастбища, а покосы дѣлили пропорціонально уплаченной каждымъ арендной суммѣ. Духоборы принимаютъ мѣры, чтобы разница между богатыми и бѣдными не была слишкомъ велика. Въ четырехъ селеніяхъ была опредѣлена норма скота, больше которой домъ не имѣетъ права держать въ общественномъ пастбищѣ; такъ, напримѣръ, въ с.

Богдановѣ на земельную душу было опредѣлено 5 головъ крупнаго скота и 12 головъ мелкаго; за превышеніе же этой нормы былъ установленъ платежъ въ пользу общества по одному рублю за голову. Но богачи с. Спаскаго не подчинились этому правилу и объявили, что они лучше уйдутъ на другія пастбища. Въ виду этой угрозы, общество уступило, такъ какъ бѣднѣйшимъ, если бы богачи ушли, пришлось бы однимъ платить пастухамъ и вносить подать, которая раскладывается на пастбища. Торговлей духоборы не занимаются. Въ изслѣдованіи г. Вермишева показанъ только одинъ купецъ второй гильдіи, имѣющій мелочную лавочку».

Духоборы отрицаютъ священство и всякіе обряды. Церкви у нихъ замѣняются молитвенными домами, въ которыхъ собираются для чтенія и пѣнія псалмовъ.

Духоборы почти всѣ безграмотны. Ни въ одномъ духоборческомъ селеніи нѣтъ школы; на неоднократныя предложенія начальства открыть школы, духоборы всегда отвѣчали отказомъ. Они боятся школы; говорятъ, что въ школѣ «много соблазна», что школы ослабляютъ привычку и любовь къ труду, развиваютъ неповиновеніе старшимъ и стремленіе къ празднои жизни. Г. Вермишевъ въ своемъ изслѣдованіи замѣчаетъ (стр. 49), что «духоборы понимаютъ всѣ преимущества настоящаго образованія, но, такъ какъ оно имъ недоступно, то они предпочитаютъ оставаться вовсе безъ образованія, чѣмъ давать своимъ дѣтямъ знаніе однихъ только верхушекъ, развивающее въ нихъ указанная выше черты».

Духоборы никогда не обращаются къ общему суду и всѣ дѣла рѣшаются у нихъ «по совѣсти», сначала стариками, а потомъ сельскими властями. Неподчиняющихся рѣшенію суда они изгоняютъ изъ своей среды. Вообще же, это мирный, трудящійся народъ,

мало-по-малу подчинившій себѣ суровую кавказскую природу и завоевавшій расположеніе окрестныхъ жителей. Они были самыми аккуратными плательщиками и за ними не числилось ни одной копѣйки недоимки. Выселеніе ихъ изъ Ахалкакскаго уѣзда разрушило все ихъ довольство, купленное такой дорогой цѣной. Тифлисскій корреспондентъ «Биржевыхъ Вѣдомостей» рассказываетъ слѣдующее объ этомъ выселеніи:

«Выселяются духоборы съ половины іюля мѣсяца партіями человекъ въ пятьдесятъ, восемьдесятъ. Нѣсколько такихъ партій въ концѣ прошлаго мѣсяца прошло черезъ Тифлисъ; партіи эти оставались въ городѣ на отдыхъ, и я имѣлъ случай лично бесѣдовать съ духоборами. Передаю то, что слышалъ отъ нихъ, но долженъ оговориться, что, когда рѣчь заходила о религіозныхъ ихъ вѣрованіяхъ, то они отмалчивались и старались замаять этотъ разговоръ. Разказы духоборовъ подтвердились полученными мною письмами изъ Ахалкакскаго уѣзда. Засталъ я духоборовъ въѣзжающими въ Тифлисъ и подошелъ къ одному изъ фургоновъ, переполненному дѣтворой и бабами. Появленіе мое удивило ихъ; въ недоумѣніи они оглядывали меня съ ногъ до головы, какъ бы спрашивая: «что тебѣ нужно?»—«Гдѣ у васъ старшой?» обратился я съ вопросомъ къ шедшимъ около фургоновъ духоборамъ, измученнымъ дорогой.—«Какой старшой? Нѣтъ у насъ старшихъ, мы всѣ старшіе».—Я понялъ безтактность своего вопроса, — духоборы признаютъ всѣхъ равными.—«Куда же васъ ведутъ?»—«Насъ не ведутъ, мы сами идемъ!»...—«Ну, а куда?»—«А Богъ его знаетъ куда!»—съ глубокимъ вздохомъ отвѣчалъ одинъ изъ духоборовъ,—куда прикажутъ, туда и пойдемъ». Очевидно, что они сами не знали, что ихъ ждетъ впереди, и куда занесетъ

ихъ судьба.—«Эхъ, что-то будетъ?» сказала, вздохнувъ, одна баба.—«Что будетъ? Не ропщи, хуже не будетъ и помни, что грѣхъ роптать и «противиться ему»,—отрѣзалъ ей одинъ изъ компаніи... Идея «непротивленія злу» боготворится ими».

Бротость ихъ доходить до невозможной степени. Такъ, напр., въ день св. апостоловъ Петра и Павла, особенно чтимыхъ ими въ сел. Орловкѣ, они собрались на молитву. Во время пѣнія псалмовъ на нихъ напали и стали бить ихъ плетьюми, но никто изъ духоборовъ не думалъ оказывать сопротивленія. Всѣ они упали на колѣни, и слышны были лишь возгласы: «Господи! помоги намъ!» Расправа эта продолжалась довольно-таки долго, и многіе были жестоко избиты.—«Ну, а добро куда вы свое дѣвали?»—«Раздарили и бросили! Куда возьмешь?» Изъ разсказовъ ихъ я узналъ, что каждая семья изъ семи духоборскихъ селеній захватила съ собой лишь самый необходимый домашній скарбъ и одежду; остальное имущество пошло прахомъ. Духоборы считались самымъ зажиточнымъ въ нашемъ краѣ народомъ. Среди нихъ не рѣдкость было встрѣтить богатей, имѣющихъ лошадей и по нѣсколько десятковъ тысячъ денегъ; дома ихъ были переполнены добромъ. При выселеніи они не имѣли возможности продать свое имущество. «Въ одинъ день выселились», говорили они.—«Если кое-что имъ и удалось продать, то за самый безцѣнокъ: лошадей, стоящихъ по 60—70 р., продавали за 8—10 р., рогатый скотъ по 4—5 р., а остальное имущество—дома, сараи, стада овецъ, птицы и пр., брошено на произволъ судьбы. Созрѣвшіе же на ихъ поляхъ пшеница, ячмень и проч. остались небранными».

Корреспондентъ «Биржевыхъ Вѣдомостей» говоритъ далѣе о томъ, что ожидало духоборовъ на новомъ мѣстѣ,

въ Душескомъ и Горійскомъ уѣздахъ, гдѣ они были расселены: «Оказалось, что ихъ оставили въ каждой деревнѣ по двѣ—по три семьи. Расположились они около деревень подъ открытымъ небомъ, какъ цыгане; ни усадебной, ни пахатной земли, ни лѣсного матеріала имъ не дано,—устройвайся самъ, какъ хочешь. Хорошо еще, что теперь стоятъ хорошая погода и можно прожить такой цыганской жизнью, а послѣ что имъ дѣлать при наступленіи дождей и холодовъ?».

Воздвиженское трудовое братство. Начиная съ 80-хъ годовъ, въ нѣкоторой части нашего общества, преимущественно среди учащейся молодежи, пробудилось стремленіе къ земледѣльческому труду и къ устройству земледѣльческихъ колоній, причемъ эти колоніи имѣли въ виду не экономическія и не общественныя, а чисто нравственныя цѣли. Люди шли въ деревню и занимались земледѣліемъ не для того, чтобы поставить на ноги хозяйство или, живя среди народа, помогать ему, по мѣрѣ силъ, своими знаніями и трудомъ; новые колонисты заботились прежде всего о спасеніи своей души. Они хотѣли создать себѣ чистую, трудовую жизнь, «по правдѣ», гдѣ всѣ были бы равны и руководствовались въ своихъ поступкахъ христіанской любовью и смиреніемъ. Большинство изъ возникшихъ тогда интеллигентныхъ колоній потерпѣло неудачу: иные совсѣмъ распались вслѣдствіе внутреннихъ раздоровъ между членами, другія превратились въ обыкновенныя сельскохозяйственныя товарищества.

Къ числу такихъ попытокъ устроить жизнь на новыхъ началахъ принадлежатъ и Воздвиженское трудовое братство въ Черниговской губ. Газета «Жизнь и Искусство» сообщаетъ слѣдующія любопытныя подробности объ этомъ своеобразномъ учрежденіи.

Братство это устроено въ имѣніи Н. Н. Неплюева, въ Черниговской губ. Его можно опредѣлить какъ союзъ лицъ, стремящихся на почвѣ общаго владѣнія собственностью и общаго труда проводить христіанскую жизнь. Уставъ братства указываетъ слѣдующія три главныя цѣли его: а) заботиться о христіанскомъ воспитаніи дѣтей, приучая ихъ думать, чувствовать и жить согласно ученію Христа Спасителя и уставамъ святой церкви; б) доставлять возможность желающимъ согласовать весь строй жизни съ животворящимъ духомъ вѣры, составляя одну трудовую семью, на началахъ христіанской любви и братства; в) по возможности оказывать и за предѣлами братства поддержку всему тому, что ведетъ къ упорядоченію жизни въ направленіи первыхъ двухъ цѣлей.

Организація братства опредѣляется уставомъ въ слѣдующемъ видѣ. Членами братства могутъ быть: полноправные братья, пріемные братья и члены-соревнователи. Членами братства могутъ быть и женщины, пользуясь во всемъ равными съ мужчинами правами. Полноправные братья въ совокупности составляютъ братскую думу подъ предѣлительствомъ ими же избраннаго блюстителя. Въдѣнія думы подлежатъ: пріобрѣтеніе и арендованіе недвижимыхъ имуществъ, заведеніе торговыхъ и промышленныхъ предпріятій и распоряженіе всѣми имуществами братства, установленіе внутренняго строя жизни братства, избраніе и исключеніе членовъ, избраніе и устраненіе блюстителя и, наконецъ, избраніе членовъ хозяйственнаго совѣта. Послѣдній завѣдуетъ всѣми хозяйственными дѣлами братства, согласно нотаріальнымъ довѣренностямъ, выданнымъ блюстителемъ. Члены братства, за исключеніемъ членовъ-соревнователей, больныхъ, стариковъ и т. п., составляютъ рабочую и

потребительную артель, выполняющая работы самостоятельно, безъ помощи постоянныхъ наемниковъ.

При братствѣ устроена низшая сельскохозяйственная школа, въ которой дѣти, наряду съ пріобрѣтеніемъ элементарныхъ сельскохозяйственныхъ знаній, воспитываются въ духѣ христіанской любви и готовятся къ тому, чтобы вступить впоследствии въ число членовъ трудового братства. Во главѣ школы стоитъ самъ г. Неплюевъ, человекъ, посвятившій этому дѣлу всю свою жизнь, отказавшійся ради него отъ дипломатической карьеры. Онъ принимаетъ самое близкое участіе въ дѣлахъ школы и лично руководитъ воспитаніемъ дѣтей. Система воспитанія въ Воздвиженской школѣ слѣдующая.

Каждый вновь поступающій въ школу мальчикъ съ самаго же начала получаетъ себѣ ближайшаго «руководителя и друга» въ лицѣ одного изъ старшихъ воспитанниковъ, членовъ старшаго братскаго кружка. «Старшій» прежде всего старается пробудить во вновь поступившемъ воспитанникѣ «сознаніе необходимости и желаніе духовной самодѣтельности». Какъ только же мы замѣчаемъ, пишетъ г. Неплюевъ, что въ ребенкѣ проявилась добрая воля и самодѣтельность въ желательномъ направленіи, мы считаемъ его достойнымъ кандидатомъ въ члены младшаго братскаго кружка. По идеѣ учредителя, члены младшаго братскаго кружка «соединяются съ товарищами единомышленными и единодушными для духовной взаимопомощи». Для вступленія въ этотъ кружокъ «не требуется, чтобы ребенокъ окончательно побѣдилъ порочныя наклонности, но обязательно требуется, чтобы онъ не колебался бороться съ ними и особенно не колебался въ своихъ добрыхъ чувствахъ къ братьямъ по кружку. Младшій кружокъ

собирается по временамъ для «обсужденія поведенія своихъ сочленовъ... На этихъ собраніяхъ общаются и наблюденія надъ настроеніемъ воспитанниковъ, еще не принятыхъ въ кружки, и рѣшаютъ вопросъ о томъ, на кого изъ нихъ надо обратить преимущественное вниманіе».

Когда членъ младшаго братскаго кружка настолько духовно окрѣпнетъ въ добръ, что можетъ съ пользою для младшихъ сдѣлаться ихъ руководителемъ въ религіозно - нравственной жизни, онъ принимается въ старшій братскій кружокъ. «Старшему» поручается одинъ или нѣсколько «младшихъ», при чемъ младшіе сами указываютъ, кого изъ старшихъ они желаютъ имѣть своимъ ближайшимъ другомъ и руководителемъ. Старшій прежде всего долженъ постараться завоевать расположеніе и полное довѣріе къ себѣ со стороны младшаго. Затѣмъ онъ долженъ тщательно изучать характеръ его, узнать главные его недостатки и пороки и всѣми мѣрами помогать ему освободиться отъ нихъ. «Къ 1 января каждаго года всѣ старшіе пишутъ подробныя характеристики своихъ младшихъ. Около 7 января на собраніи старшаго братскаго кружка, продолжающемся почти непрерывно два-три дня сряду, прочитываются эти характеристики, и братья по кружку высказываютъ свое мнѣніе о томъ, насколько вѣрно поняты и изображены характеръ того или другого изъ младшихъ». Прежде писались характеристики и самихъ старшихъ, писались ихъ товарищами по кружку; теперь такія характеристики не пишутся, а высказываются на словахъ въ общей дружеской бесѣдѣ. Нѣсколько характеристикъ напечатано въ отчетѣ.

Вступленіе въ кружки обставляется очень торжественно. Приѣмъ въ младшій братскій кружокъ совершается въ молебствѣ, передъ иконой, съ развѣнутой хоругвью кружка. Читается

и объясняется Евангеліе, читаются и поются молитвы; затѣмъ вступающій въ кружокъ прикладывается ко кресту и къ хоругви, и въ заключеніе присутствующіе поздравляютъ и цѣлуютъ виновника торжества и другъ друга. Вообще торжественность и разныя торжества играютъ въ жизни школы довольно замѣтную роль и должны имѣть, по мысли г. Неплюева, педагогическое значеніе; они должны способствовать подъему духа въ воспитанникахъ и укрѣплять ихъ въ сознаніи высокой важности того дѣла, которому они служатъ.

Воспитанники очень часто собираются вмѣстѣ. Собранія кружковъ имѣютъ характеръ товарищескихъ совѣщаній, на которыхъ обсуждаются текуція кружковыя дѣла. По воскреснымъ днямъ всѣ воспитанники собираются вмѣстѣ предъ утренней молитвой; на этихъ собраніяхъ ведутся бесѣды религіозно-нравственнаго содержания. Особенно интересно общее собраніе, или кругъ, бывающее по субботамъ. «Ведется это собраніе— кругъ Неплюевымъ, а въ его отсутствіи управляющимъ школою или однимъ изъ преподавателей. Собраніе это имѣетъ чисто семейный характеръ; на немъ и дѣти, и воспитатели совмѣстно говорятъ о жизни школы, о поведеніи отдѣльныхъ членовъ ея; всѣ съ полной откровенностью и доброжелательствомъ указываютъ на недостатки или проступки, стараются пробудить добрыя чувства или порывъ раскаянія въ виновномъ». Начинается кругъ чтеніемъ школьнаго дневника, который ведется дежурными воспитанниками. «Въ дневникѣ записывается все, что случается особеннаго въ жизни школы, и главное вниманіе обращается на духъ этой жизни, на общее настроеніе воспитанниковъ, на ихъ радости и горе. Въ дневникѣ подробно записывается все, что говорится въ кругахъ, на предмолитвенныхъ бесѣдахъ, на товарищескихъ

совѣщаніяхъ и на всѣхъ собраніяхъ школы. Также записываются всѣ заявленія попечителя, учителей и составляется полная хроника школы». Потомъ читаютъ записи изъ книги проступковъ, въ которую каждый воспитанникъ можетъ записать себя, своего товарища и даже старшину. Затѣмъ предсѣдатель круга сообщаетъ, что говорили преподаватели на собраніи педагогическаго совѣта о поведеніи воспитанниковъ и объ отношеніи ихъ къ своимъ обязанностямъ. Лѣтомъ, когда воспитанники работаютъ въ полѣ, общаются и заявленія надсмотрщиковъ о томъ, насколько они довольны работами воспитанниковъ. Вообще, во время круга разрѣшаются всѣ вопросы, касающіеся внутренней жизни школы, и выясняются всѣ недоразумѣнія, возникающія между воспитанниками.

Мы видимъ, что трудовое братство г. Неплюева въ одномъ отношеніи рѣзко отличается отъ прочихъ интеллигентныхъ колоній: оно подготовляетъ своихъ членовъ съ дѣтства, воспитывая ихъ соотвѣтствующимъ образомъ при совершенно исключительной обстановкѣ. Въ этомъ заключается и сила, и слабость неплюевского братства. Съ одной стороны такая система воспитанія развиваетъ въ дѣтяхъ кротость и смиреніе, необходимыя для жизни въ братствѣ, но съ другой стороны, она удаляетъ ихъ отъ жизни, дѣлаетъ неспособными къ борьбѣ и къ инициативѣ.

Учредитель школы призываетъ *вполнѣ необходимымъ ревнивомъ обособленіи* *ея отъ всякихъ противодействующихъ вліяній*. Чтобы оградить школу отъ такихъ противодействующихъ вліяній, учредитель ея постепенно замѣстилъ всѣ учительскія должности бывшими воспитанниками этой же школы, которые вполнѣ прониклись взглядами г. Неплюева и въ дѣлѣ воспитанія являются для него незаменимыми помощниками. Это, ко-

нечно,—мѣра, вполнѣ соотвѣтствующая намѣченной цѣли. Но, ограждая школу отъ вредныхъ вліяній, можно зайти дальше, чѣмъ слѣдуетъ. Относительно же Воздвиженской школы эта опасность представляется съ особенной силой. Школа расположена на хуторѣ, въ глухомъ лѣсу; это уголокъ, какъ бы оторванный отъ прочаго міра, и въ этомъ уголкѣ—никого, кромѣ воспитанниковъ, учителей и попечителя, которые всѣ связаны между собою узами взаимной любви и дружбы. «Хорошо жить въ такомъ уголкѣ,—пишетъ одинъ изъ воспитанниковъ;—хорошо, любя другихъ, сознавать, что и они тебя любить, отрадно сердцу это взаимное чувство». «Посреди злыбы, наполняющей міръ, грязя, тьмы, холода и голода,—пишетъ тотъ же воспитанникъ.—въ этомъ мірѣ есть такой прекрасный, свѣтлый уголокъ, какъ у насъ; мнѣ невольно пришло въ мысль сравнить его съ оазисомъ посреди голой безлюдной пустыни... О, какъ я радъ, какъ безконечно радъ, что я здѣсь, въ этомъ тихомъ свѣтломъ уголкѣ Россіи, въ тишину котораго не доносятся дразги земли». Вотъ это-то полное обособленіе отъ земныхъ дразгъ наряду съ хорошими послѣдствіями можетъ имѣть и нѣкоторыя дурныя. Это обособленіе въ связи съ нѣкоторыми другими причинами должно создавать въ школѣ тепличную атмосферу, въ которой не могутъ образоваться характеры сильные и закаленные для предстоящей жизненной борьбы. Самъ г. Неплюевъ заявляетъ, что большинство воспитанниковъ его школы «трудолюбиво, но не практично и не обладаетъ практичною дѣловитостью въ дѣлѣ экономической борьбы за существованіе». Съ точьн зрѣнія г. Неплюева, это—не недостатокъ, а пожалуй, даже хорошее качество. Но такимъ его можно признать только въ людяхъ, которые не готовятся для дѣятельности въ на-

шесть дѣйствительномъ мірѣ съ его дрязгами и грязью,—въ этой «голой пустынѣ»,—а удаляются въ прекрасный оазисъ, надѣясь съ теченіемъ времени, постепенно расширяя оазисъ на счетъ окружающей пустыни, превратить послѣднюю въ прекрасную, плодородную страну.

Интересно слѣдующее признаніе самого г. Неплюева. «Меньшинство,—пишетъ онъ,—выходитъ совершенно чуждымъ духу школы, до того чуждымъ, что ни на складѣ ума, ни на симпатіяхъ, ни на привычкахъ жизни ихъ невозможно замѣтить ни малѣйшихъ слѣдовъ вліянія той обстановки, въ которой они, при стройной организаціи дѣла воспитанія въ школѣ и тѣсномъ семейномъ характерѣ общежитія, прожили не менѣе пяти лѣтъ». Такимъ образомъ, меньшинство воспитанниковъ г. Неплюева совершенно не поддается воспитательнымъ вліяніямъ школы. Это меньшинство, однако, составляетъ почти 32 проц. изъ всего числа оканчивающихъ воспитанниковъ; изъ 47 человекъ окончившихъ до настоящаго года Воздвиженскую школу, 15 не пожелали поступить въ члены братства и ушли на

сторону, показавъ такимъ образомъ, что на нихъ духъ школы и господствующая въ ней система воспитанія не отразились въ желательномъ для г. Неплюева направленіи.

«Жизнь и Искусство» справедливо замѣчаетъ, что чтеніе отчета г-на Неплюева приводитъ къ слѣдующему заключенію: «Та обстановка, въ которой живутъ воспитанники Воздвиженской школы, и принятая въ послѣдней система воспитанія способны образовать скорѣе прекраснодушныхъ, но не глубокихъ идеалистовъ, преклоняющихся передъ высокой идеей труда и братства, возмущающихся господствующими въ мірѣ зломъ и неправдой и способныхъ при исключительно благопріятныхъ, искусственно созданныхъ обстоятельствахъ проводить спокойную жизнь въ умѣренномъ трудѣ и въ мірѣ съ окружающимъ зломъ,—нежели людей, чувствующихъ живое влеченіе къ неприглядному крестьянскому труду, способныхъ жить этимъ трудомъ при всякихъ обстоятельствахъ, и достаточно сильныхъ характеромъ для дѣйствительной и успѣшной борьбы съ окружающимъ зломъ».

За границей.

Фермерское общество домашняго чтенія въ С. Америкѣ. Въ декабрѣ 1892 года сельскохозяйственная коллегія въ Мичиганѣ, обсуждая предложеніе объ устройствѣ фермерскаго общества домашняго чтенія, назначило комитетъ, которому и поручено было выработать программу, специально приспособленную къ потребностямъ фермеровъ, садовниковъ, огородниковъ и др., занимающихся какою-либо отраслью сельскаго хозяйства. Такъ какъ въ сельскихъ общинахъ давно уже ощущались нужды въ программахъ для чтенія по сельскому хозяйству, то новооргани-

зованное общество встрѣтило всеобщее сочувствіе и въ февралѣ 1894 г. профессоръ Меркфордъ могъ уже написать слѣдующее о достигнутыхъ обществомъ результатахъ: «Успѣхъ превзошелъ наши ожиданія. Мы уже имѣемъ триста читателей, которые руководствуются нашими программами. Это, безъ сомнѣнія, не мало, если вспомнить, что мы организовали наше дѣло не болѣе, какъ тринадцать мѣсяцевъ тому назадъ, не прибѣгая ни къ какой специальной рекламѣ и что наша дѣятельность ограничивается только Мичиганомъ, и притомъ, предназначается лишь для специаль-

наго класса фермеровъ и, слѣдовательно, имѣетъ, до нѣкоторой степени, техническій характеръ».

Черезъ годъ тотъ же профессоръ писалъ уже слѣдующее: «У насъ внесены въ списки уже 1.200 именъ и мы получили заказъ на 800 книгъ».

Задача фермерскаго кружка домашнего чтенія прежде всего заключается въ томъ, чтобы способствовать развитію сельскаго хозяйства и земледѣлія и поставить ихъ на болѣе научную почву. Кружокъ составилъ программы для систематическаго чтенія и поставляетъ книги по удешевленной цѣнѣ. До нѣкоторой степени онъ служитъ также и справочнымъ бюро по разнымъ сельскохозяйственнымъ вопросамъ. Многіе, конечно, не могутъ проходить курсъ сельскохозяйственной коллегіи, и вотъ этимъ-то людямъ кружокъ домашнего чтенія и стремится придти на помощь своими программами, которые могутъ доставить, наряду съ практическими свѣдѣніями, болѣе или менѣе подробное знакомство съ агрономическою наукой.

Программы кружка приспособлены къ нуждамъ всѣхъ классовъ, не взирая ни на возрастъ, ни на родъ занятій. Какъ мальчики, такъ и дѣвочки въ фермерскихъ семьяхъ могутъ обучиться сельскому хозяйству при посредствѣ этихъ программъ. Поля, сады, огороды и луга фермы представляютъ лабораторію для практическихъ занятій, а сельскохозяйственная коллегія служитъ справочною книгой въ случаяхъ сомнѣній. Кружокъ домашнего чтенія не можетъ, конечно, замѣнить устройство разныхъ другихъ фермерскихъ ассоціацій съ цѣлями взаимопомощи и т. п.; его цѣль — поощреніе индивидуальныхъ стремленій къ приобрѣтенію свѣдѣній и расширенію своихъ познаній по сельскому хозяйству и, повидимому, ему удалось уже достигнуть хорошихъ результатовъ въ этомъ отношеніи.

Программы распадаются на пять отдѣловъ: 1) почва и хлѣба; 2) живой инвентарь; 3) садъ и огородъ; 4) устройство домашняго хозяйства; 5) политическая наука. Въ составленіи программъ по каждому отдѣлу участвовали выдающіеся специалисты, причемъ, насколько это возможно, составители имѣли въ виду прогрессивное приобрѣтеніе знаній, предоставляя каждому лицу самому устанавливать для себя порядокъ отдѣловъ и, выбравъ какой-нибудь отдѣлъ, уже строго слѣдовать предложенной программѣ систематическаго чтенія.

Программа перваго отдѣла (почва и злаки) слѣдующая:

- 1) Первоначальныя основы земледѣлія.
- 2) Почва и хлѣбные злаки.
- 3) Удобреніе.
- 4) Дренажъ.

Отдѣлъ 2-й (Живой инвентарь).

- 1) Первоначальные принципы сельскаго хозяйства.
- 2) Лошади, рогатый скотъ, овцы, свиньи.
- 3) Воспитаніе скота.
- 4) Животныя, идущія въ пищу.

На выборъ:

5) {	Американское фермерское хозяйство.
	Руководство для пастуховъ.
	О свиньѣ.
- Коннозаводство.

Отдѣлъ 3-й (Садъ и огородъ).

- 1) Практическое плодоводство.
- 2) Какъ вознаграждаютъ сады.
- 3) Орнаментальное садоводство.
- 4) Насѣкомыя и ихъ истребители.

На выборъ:

5) {	Садоводство для удовольствія.
	Зимнія кладовыя для овощей.
	Разведеніе цвѣтовъ.
- Домашняя культура цвѣтовъ.

Отдѣлъ 4-й (Устройство дома).

- 1) Руководство при устройствѣ дома.
- 2) Домашнее хозяйство.
- 3) Уходъ за дѣтьми.
- 4) Новыя женщины.
- 5) Образъ жизни нашихъ женщинъ

Отдѣлъ 5-й (Политическая наука).

- 1) Основы политической экономіи.
- 2) Политическая экономія.
- 3) Американская республика.

Для тѣхъ, кто уже воспользовался этими программами, но желаетъ все-таки продолжать свои занятія чтеніемъ, общество составило дополнительный списокъ слѣдующихъ книгъ:

Земледѣліе и садоводство.

Совѣтникъ ветеринара.

Воспитаніе скота.

Травы Сѣверной Америки.

Какъ получать доходъ съ фермъ.

Земледѣліе Шторера (2 тома).

Культура американскихъ фруктовъ.

Жизнь растений на фермѣ.

Дренажъ почвы.

Политическая наука.

Деньги и механизмъ биржи.

Эпохи американской исторіи.

Бесѣды о промыслахъ.

Тарифное руководство для фермеровъ.

Софизмы свободной торговли.

Софизмы протекціонизма.

Смѣсь.

Письма къ одной дочери.

Здравый смыслъ въ домашнемъ хозяйствѣ.

Домашняя вѣжливость.

Письма Тимофея Тишкомба.

Опыты Эмерсона (2 тома).

Пертская красавица Скотта.

Юлій Цезарь Шекспира.

Полное собраніе поэмъ Лонгфелло.

Проверка сдѣланной работы производится слѣдующимъ образомъ: кончившій читать какую-нибудь книгу можетъ получить отъ секретаря общества бланкъ, на которомъ уже писать отчетъ о прочитанной книгѣ. Отчетъ этотъ просматривается компетентнымъ лицомъ и если будетъ признанъ удовлетворительнымъ, то авторъ его получаетъ свидѣтельство. Такое же свидѣтельство выдается и по окончаніи всего отдѣла. Три какіе-нибудь отдѣла составляютъ уже цѣлый курсъ, и такъ какъ на каждый отдѣлъ полагается годъ, то курсъ заканчивается въ три года, и по окончаніи выдается соотвѣтствующій дипломъ. Но писаніе отчетовъ вовсе не обязательно, и каждый читатель можетъ пользоваться книгами, не подвергаясь никакому испытанію. Слѣдованіе курсу не требуетъ никакихъ расходовъ, кромѣ тѣхъ, которые сопряжены съ покупкою рекомендуемыхъ книгъ, цѣны на которыя понижены вслѣдствіе соглашенія съ издателями, точно также какъ и понижены расходы на корреспонденцію. Центромъ движенія служатъ Мичиганская сельскохозяйственная коллегія, пользующаяся вліяніемъ среди фермерскаго населенія штата Мичиганъ. Насколько само населеніе заинтересовано этимъ движеніемъ указывается тѣмъ, что секретарю общества пришлось разослать болѣе 10.000 циркуляровъ въ отвѣтъ на запросы. Благодаря толчеу, данному этимъ движеніемъ, во многихъ сельскихъ общинахъ организуются уже въ настоящее время мѣстныя сельскохозяйственныя бібліотеки.

Турецкіе Армяне. Прошло уже болѣе двадцати лѣтъ съ тѣхъ поръ, какъ Европа была взволнована зрѣлищемъ тѣхъ ужасовъ и насилій, какія совершались турками въ подвластныхъ имъ христіанскихъ провинціяхъ. Общественное мнѣніе Европы прете-

ставало противъ этихъ звѣрствъ, и Россія, считающая себя естественною покровительницей всѣхъ балканскихъ православныхъ христіанъ, послала свои войска на Балканы. Кроваво-прлитная война кончилась освобожденіемъ христіанскихъ провинцій изъ подъ турецкаго ига. Многія народности на Балканахъ вздохнули свободно, и если теперь далеко не все идетъ гладко на Балканскомъ полуостровѣ и пресловутый восточный вопросъ продолжаетъ грозить осложненіями Европѣ, все же мы уже не слышимъ боѣе воплей истязаемыхъ христіанъ, и интересъ, который принимаетъ Европа въ балканскихъ христіанахъ, обуславливается уже чисто политическими причинами. Базалось, трудно было бы ожидать повторенія тѣхъ ужасовъ, которые совершались на Балканахъ передъ русско-турецкою войной. Но вотъ въ ноябрѣ мѣсяцѣ прошлаго года европейское общественное мнѣніе снова было взволновано появившимися въ англійскихъ газетахъ корреспонденціями, въ которыхъ рассказывалось о новыхъ ужасахъ, напоминающихъ болгарскіе, происходившихъ въ Соссунѣ, въ Арменіи. Трудно было повѣрить, чтобы въ нашу цивилизованную эпоху, при такомъ развитіи и распространеніи гуманитарныхъ идей, цѣлый народъ, на глазахъ всей Европы, подвергался не только ожесточенному преслѣдованію, но и чуть ли не поголовному избиенію, такъ какъ, по рассказамъ англійскихъ корреспондентовъ, число убитыхъ армянъ въ Соссунскомъ округѣ простиралось до 10.000.

Когда въ «Times», «Daily News» и др. англійскихъ газетахъ впервые появились корреспонденціи, извѣщающія о бойнѣ, происходившей въ турецкой Арменіи, то многое въ нихъ показалося преувеличеннымъ. Турецкое правительство, конечно, поторопилось напечатать опроверженіе, и толки въ европейской печати на время за-

молкли, но только на очень короткое время. Корреспонденты англійскихъ газетъ, на свой страхъ и съ большимъ рискомъ для себя пробрались-таки въ Арменію, несмотря на всѣ препятствія, воздвигаемыя турецкими властями, и стали присылать оттуда подробные отчеты о тѣхъ звѣрствахъ, которые совершались надъ беззащитными армянскими христіанами. На этотъ разъ уже негодованіе охватило всю Европу, и турецкое правительство, видя невозможность отрицать факты, заговорило о возмущеніи армянъ, для подавленія котораго и были посланы турецкіе отряды. Это объясненіе, однако, не могло удовлетворить общественное мнѣніе. Англія, первая раскрышавшая дѣла, которыя творились въ Арменіи, Россія, какъ ближайшая сосѣдка Арменіи и покровительница восточныхъ православныхъ христіанъ, и Франція потребовали отъ Турціи назначенія слѣдственной комиссіи, въ которой участвовали бы также и иностранные делегаты. Турція, противъ воли, вынуждена была согласиться на это. Комиссія отправилась въ Мушь, гдѣ приступила къ допросу свидѣтелей и къ проверкѣ фактовъ, сообщаемыхъ англійскими газетами. Безъ всякаго сомнѣнія, турецкія власти въ Малой Азійи не очень-то были довольны дѣятельностью комиссіи и тормазили ее на каждомъ шагѣ. Но рядомъ съ официальнымъ слѣдствіемъ нѣкоторыя редакціи англійскихъ газетъ, продолжали вести за свой страхъ частное разслѣдованіе. Посланные ими на театръ армянскихъ ужасовъ корреспонденты продолжали волновать европейское общественное мнѣніе своими повѣствованіями; они же разоблачали и дѣйствія турецкой администраціи въ Малой Азійи, запугивающіе свидѣтелей, привлекаемыхъ въ комиссію и сажающихъ въ тюрьму армянъ, осмѣливающихся возвышать голосъ и жаловаться на дурное обращеніе ту-

рокъ. Въ то же время турецкія власти старались скрыть слѣды рѣзни, происходившей въ Соссунѣ.

При такихъ условіяхъ, конечно, трудно было ожидать, чтобы дѣятельность слѣдственной комиссіи увѣнчалась большимъ успѣхомъ. Три державы, принявшія участіе въ армянскихъ христіанахъ, понимали это и поэтому, не дожидаясь окончательнаго доклада комиссіи, потребовали отъ султана реорганизаціи управленія въ его христіанскихъ провинціяхъ и представили ему проектъ реформъ, которыя считали необходимыми для Арменіи. Дѣло въ томъ, что администрація всѣхъ вообще турецкихъ провинцій и особенно Арменіи, даже помимо зѣбрствъ, вызываемыхъ мусульманскимъ фанатизмомъ, оставляетъ желать очень много. Злоупотребленія, всякаго рода поборы, насилія и т. п. составляли всегда обычное явленіе въ Арменіи. Покойный сэръ Генри Лейаръ, котораго никакъ нельзя заподозрить въ предубѣжденіи противъ турокъ, слѣдующимъ образомъ отзывался о турецкой администраціи въ Арменіи, въ своей книгѣ «Ниневія и ея остатки». «Появленіе фески и хорошо извѣстнаго мундира, который носятъ солдаты нерегулярнаго турецкаго войска, всегда служить сигналомъ ко всеобщей паникѣ. Женщины прячутся какъ можно дальше, чтобы избѣжать оскорбленій; мужчины скрываются въ свои дома и пробуютъ, но очень робко, защищать свое добро».

Отзывы всѣхъ, кто писалъ объ Арменіи, указываютъ, что такое положеніе вещей тамъ существовало давно. Докторъ Райтъ, напримѣръ, настоятель протестантской миссіи въ Дамаскѣ, писалъ по этому поводу слѣдующее, еще въ 1877 году: «Почти нѣтъ во всей турецкой имперіи такой деревни, которая не имѣла бы своей трагической исторіи; почти нѣтъ христіан-

ской семьи, гдѣ бы не было такихъ ужасныхъ воспоминаній, которыя мысль и слово отказываются воспроизвести!..».

Долгіе годы рабства уничтожили въ армянскомъ народѣ способность къ сопротивленію и къ реагированію силой на силу; они наложили на него свою печать покорности и непротивленія злу. Порою только, когда преслѣдованія и притѣвленія становились окончательно невыносимыми, раздавался ихъ робкій голосъ, просившій защиты у султана. Но голосъ этотъ всегда оставался «гласомъ вопіющаго въ пустынѣ», хотя державы, собравшіяся на знаменитую берлинскую конференцію 1878 года и выказали нѣкоторый интересъ къ судьбѣ Арменіи и въ 61-й статьѣ пресловутаго берлинскаго трактата сдѣлано было постановленіе о введеніи реформъ въ Арменіи. Но курьезная судьба этого трактата именно и заключается въ томъ, что онъ нарушается вездѣ, гдѣ только можно, и его выдвигаютъ лишь на сцену тогда, когда это бываетъ нужно по разнымъ дипломатическимъ и политическимъ соображеніямъ. Такъ и относительно Арменіи; 61-я статья оставалась мертвою буквой до сихъ поръ. Ни о какихъ реформахъ въ Арменіи не было и помину и понадобились изъ ряду вонъ ужасающія преступленія, чтобы встряхнуть общественное мнѣніе Европы и напомнить ей ея обязанности.

Армянскіе подданные султана, въ количествѣ четырехъ милліоновъ, распределены по всей турецкой имперіи, но больше всего ихъ находится въ Малой Азіи, въ мѣстности, именуемой Великой Арменіей, граничащей съ Трапезундомъ, Сивасомъ, Діарбекиромъ, Азербейджаномъ съ одной стороны, горю Араратъ и русскою Арменіей съ другой. Соссунъ, или вѣрнѣе, Соссунскій округъ, представляетъ гористую мѣстность, куда

*

можно лишь проникнуть изъ Муша. Кромѣ армянъ, округъ этотъ населенъ курдскими племенами, осѣдлыми и номадами; эти-то послѣдніе и играли выдающуюся роль въ сосунскихъ событіяхъ. Съ давнихъ поръ армянское населеніе должно было терпѣть, рядомъ съ поборами турецкой администраціи, и поборы курдовъ*), которые обложили его правильно данью. Дѣло въ томъ, что курды считаютъ себя чѣмъ-то вродѣ верховныхъ властителей надъ армянами, но такъ какъ они раздѣляются на нѣсколько отдѣльных племенъ, то армянамъ и приходилось платить дань пять-шесть разъ вмѣсто одного. Каждый курдскій начальникъ племени требовалъ дани, и если армяне отказывались платить, то онъ жегъ, билъ, грабилъ деревни, отбиралъ заложниковъ и т. д. Почти то же самое дѣлали и турецкіе сборщики податей, если армяне, ограбленные курдами, отказывались имъ платить налоги. Турецкія власти прибѣгали даже къ пыткамъ, чтобы вынудить армянъ уплатить подати; такъ, напримѣръ, уведенныхъ въ Семаль четырехъ армянскихъ заложниковъ пытали раскаленнымъ желѣзомъ и затѣмъ посадили въ тюрьму; трое не вынесли жестокаго обращенія и умерли, одинъ же до сихъ поръ живъ и сидитъ въ тюрьмѣ въ Мушѣ. Такіе примѣры дѣйствовали на армянъ устрашающимъ образомъ, и тогда богатые уплачивали налоги за бѣдныхъ.

Поводомъ къ сосунскому кровопролитію послужилъ также отказъ армянъ уплатить дань курдамъ. Курды тогда напали на армянскія деревни и послѣ нѣкотораго сопротивленія

*) О дѣятельности курдовъ въ Арменіи можно составить понятіе изъ прекраснаго романа Рафи «Джелаледдинъ», печатавшагося въ 1892 г. въ «Сѣвер. Вѣстникѣ». Рекомендуемъ нашимъ читателямъ этотъ романъ, какъ правдивую картину нравовъ турецкой Арменіи.

армяне разбѣжались, дома же ихъ были разграблены и сожжены. Армяне попробовали обратиться съ жалобою въ Мушъ, но, конечно, ничего не добились. Курды возобновили свои набѣги, но на этотъ разъ армяне, видя, что имъ нечего ждать помощи отъ турецкихъ властей, выказали стойкое сопротивленіе. Курды не могли овладѣть нѣкоторыми деревнями, несмотря на повторные набѣги. Такое военное положеніе въ странѣ длилось нѣсколько мѣсяцевъ; какъ со стороны нападающихъ, такъ и со стороны защищающихся были убиты и ранены. Наконецъ, на сцену выступили турецкія войска, которыя были посланы для водворенія порядка и прекращенія кровопролитія, и тутъ началась настоящая бойня, описанія которой переносить насъ въ отдаленныя варварскія времена и заставляють сомнѣваться, что мы живемъ въ XIX вѣкѣ и что Турція принадлежитъ къ числу европейскихъ государствъ. Турецкіе солдаты, вмѣстѣ съ курдами, дѣйствуя подъ предлогомъ усмиренія бунтовщиковъ, приступили къ настоящему избиенію армянъ, не щадя ни женщинъ, ни даже грудныхъ дѣтей. Перо отказывается описывать тѣ ужасы, которые творились въ Сосунѣ. Число убитыхъ доходитъ до нѣсколькихъ тысячъ; 22 деревни въ Сосунскомъ округѣ обращены въ груды развалинъ. Уцѣлѣвшіе отъ избиенія армяне, прятавшіеся въ пещерахъ и лѣсахъ, погибли отъ голода и холода. Въ настоящее время, когда взоры всей Европы обратились на Арменію, и въ Константинополь идутъ переговоры о введеніи реформъ, а въ Мушѣ засѣдаетъ слѣдственная коммиссія, кровопролитія прекратились; но несчастнымъ армянамъ, лишеннымъ крова и имущества, угрожаетъ новое страшное бѣдствіе—голодъ. Турецкое правительство не спѣшитъ придти къ нимъ на помощь и преслѣдованія армянъ, хотя и болѣе мир-

наго характера и не сопровождающіяся кровопролитіемъ, все-таки продолжаются. При малѣйшемъ предлогѣ, а часто даже и безъ всякаго предлога, армянь сажакуть въ тюрьму, и они томятся въ заключеніи безъ всякой надежды добиться правосудія.

Но неужели же Европаноудшно развзираеть на всѣ эти ужасы? Конечно, нѣтъ. Въ Англій устраиваются митинги протеста, маститый Гладстонъ произноситъ свое слово въ защиту угнетенной народности, и всѣ державы, Франція и Россія, которыя присоединились къ Англій въ армянскомъ вопросѣ, требуютъ отъ султана скорѣйшаго введенія реформъ. Но султанъ медлитъ. Онъ отказывается приять схему, предложенную державами, онъ не хочетъ допустить ихъ вмѣшательства и контроля надъ своею администраціей. Упорство султана въ значительной степени обусловливается тѣмъ, что онъ боится за свой престолъ, а быть можетъ, даже за свою жизнь. Старотурецкая партія, преисполненная фанатизма и ненависти къ невѣрнымъ и къ европейской цивилизаціи, еще слишкомъ сильна въ Турціи, и эта партія является самою горячею противницей всякихъ реформъ, особенно если проектъ этихъ реформъ исходитъ отъ гауровъ (невѣрныхъ). Съ другой стороны, и державы вынуждены ограничиваться лишь словесными заявленіями и протестами. Болѣе энергичный образъ дѣйствій невозможенъ для нихъ при данныхъ условіяхъ, такъ какъ неприкосновенность Турецкой имперіи составляетъ краеугольный камень всей современной европейской политики. Турція понимаетъ это и пользуется своимъ привилегированнымъ положеніемъ, такъ какъ, хотя она и составляетъ вопіющій анахронизмъ въ сонмѣ прочихъ европейскихъ державъ, но существованіе ея оберегается самими державами въ силу вышеназваннаго принципа неприкосновенности. И такъ,

ради интересовъ высшей политики дѣло ограничивается одними только переговорами, и пока идутъ эти переговоры армяне страдаютъ и гибнутъ отъ голода и терпятъ всяческія притѣсненія отъ турецкой администраціи.

Переписка Эрнеста Ренана съ его сестрою Генріеттой. Отношенія Ренана къ его сестрѣ Генріеттѣ известны уже нашимъ читателямъ изъ помѣщенныхъ въ сентябрьской книжкѣ нашего журнала «Воспоминаній Ренана о его сестрѣ Генріеттѣ». Самая глубокая искренность и любовь царилъ въ этихъ отношеніяхъ, и это отражается въ каждой строкѣ воспоминаній Ренана. Переписка Ренана съ сестрой, напечатанная въ «Revue de Paris», только служитъ подтвержденіемъ этого факта и еще рельефнѣе указываетъ, съ какимъ глубокимъ довѣріемъ относился юноша Ренанъ къ своей сестрѣ и какое она имѣла вліяніе на его нравственную физиономию и на его карьеру. Известно, что Ренанъ въ молодые годы обнаруживалъ склонность къ духовному званію. Онъ посвящалъ свою сестру въ свои планы, дѣлился съ нею мыслями, но она не раздѣляла его увлеченія клерикальною профессіей и между прочимъ писала ему слѣдующее: «Мой дорогой Эрнестъ, не могу не повторять тебѣ и не просить тебя съ почти материнскою нѣжностью, чтобы ты не связывалъ себя слишкомъ поспѣшно. Ты долженъ хорошо знать, прежде чѣмъ примешь на себя, тѣ обязательства, которыя должны связать твою судьбу. Быть можетъ, я могла бы, дорогой другъ, воспользоваться вліяніемъ, доставляемымъ мнѣ моею дружбою къ тебѣ и моею жизненною опытностью. Но я не хочу этого, потому что довѣряю твоему разсудку и поэтому буду ограничиваться лишь воззваніемъ къ нему. Ты говоришь правду, мой Эрнестъ, ты не рожденъ для легкомысленной жизни, и я готова согла-

ситься съ тобою, что та жизнь, о которой ты составилъ себѣ представленіе, лучше всего подошла бы къ твоимъ вкусамъ, если бы только она могла осуществиться въ дѣйствительности. Твоя сестра въ состояніи понять больше, чѣмъ кто-либо другой, всю прелесть уединенной жизни, свободной, независимой, трудовой и, главное полезной; но гдѣ же найти такую жизнь?... Подобная независимость, какъ мнѣ кажется, если не совершенно невозможна, то, во всякомъ случаѣ, составляетъ лишь удѣлъ очень немногихъ. Я никогда ее не имѣла. Какъ же я могу думать, что она тебѣ достанется на долю въ такомъ обществѣ, гдѣ іерархія составляетъ главную основу. Не надо поддаваться иллюзіямъ; власть существуетъ всюду, во всѣхъ карьерахъ, но развѣ не слѣдуетъ опасаться ея влияния, болѣе чѣмъ гдѣ-либо, тамъ, гдѣ неизгладимая клятва вынуждаетъ къ покорности? Я тебѣ только ставлю этотъ вопросъ и предоставляю тебѣ полную свободу отвѣчать на него, рѣшать самому. Къ этому вопросу прибавлю еще слѣдующій: можетъ ли располагать собою духовное лицо, не должно ли оно слѣдовать тому направленію, которое будетъ ему указано его начальниками?..»

На впечатлительнаго юношу, который и безъ того уже начиналъ бороться съ различными сомнѣніями, слова сестры, конечно, имѣли вліяніе. Онъ ей писалъ, въ отвѣтъ, все, что она говоритъ по поводу избранія духовной карьеры, давно уже представлялось его уму: «Увы! моя добрая Генриетта,—говоритъ Ренанъ въ своемъ письмѣ,—повторяю тебѣ, я вовсе не стараюсь обмануть себя. Я видѣлъ и вижу вещи слишкомъ близко, чтобы предаваться иллюзіямъ, которыя были бы неизвинительны въ данномъ случаѣ, такъ какъ указывали бы на явное легкомысліе. Но что же, по твоему, я долженъ сдѣлать съ

тобою? Такая карьера, которая заставила бы меня предаваться вѣшнимъ занятіямъ, противорѣчить моимъ вкусамъ. Тутъ я не могу быть наединѣ съ собою, не могу размышлять и становлюсь чужимъ самъ себѣ. Совсѣмъ частная жизнь, если такъ можно выразиться, могла бы сдѣлать меня счастливымъ, но она, мнѣ кажется запятнанной эгоизмомъ. Тутъ дѣйствительно остаешься самъ съ собою, но и живешь только для себя. Наконецъ, развѣ я могу допустить, чтобы я былъ въ тягость тѣмъ, кого люблю? Положеніе же духовнаго лица, наоборотъ, соединяетъ въ себѣ всѣ преимущества, не представляя неудобства. Священникъ является хранителемъ мудрости; онъ можетъ посвятить свою жизнь размышленію и изученію, но въ это же время онъ не только принадлежитъ самому себѣ, но и своимъ братьямъ».

«Существуетъ два рода независимости духа,—пишетъ далѣе Ренанъ.—Одна—смѣлая, самонадѣянная, фронтдирующая противъ всего того, чему оказывается почтеніе. Эту независимость долгъ священника не допускаетъ. Но если бы даже я избралъ другой путь, все-таки моя совѣсть и моя искренняя любовь въ истинѣ не допустили бы меня къ такой независимости духа; поэтому, о ней не можетъ быть и рѣчи. Но есть еще другая, болѣе мудрая независимость, уважающая все то, что заслуживаетъ уваженія, не презирающая ни вѣрованій, ни людей, всегда преслѣдующая все спокойно и съ довѣріемъ, пользующаяся разумомъ, потому что онъ данъ намъ Богомъ, и не откидывающая ничего и не принимающая никакихъ возрѣній лишь на основаніи человѣческаго авторитета. Такая независимость духа позволена всѣмъ, почему же она не можетъ быть позволена священнику?..»

«Для меня служить невыразимымъ утѣшеніемъ то, что въ моемъ сердцѣ,

по крайней мѣрѣ, моя Генриетта, я всегда буду имѣть убѣжище, гдѣ могу найти ту свободу, которую такъ трудно найти внѣ самого себя. Я думаю, что Господь, по своему расположенію къ человѣку, предоставилъ ему, какъ вознагражденіе за тѣ стѣсненія, которыя налагаютъ на него общественныя условія, радости и утѣхи семейной жизни. Я часто съ удовольствіемъ предаюсь мечтамъ о тѣхъ древнихъ временахъ, когда семья составляла единственную социальную связь. Говорятъ, мы съ тѣхъ поръ далеко ушли впередъ, но, право, все это относительно».

Колебанія, очевидно, доставляли молодому Ренану большія нравственныя мученія. Въ письмахъ къ сестрѣ онъ изливаетъ свою душу, высказываетъ всѣ свои сомнѣнія и въ тоже время какъ бы старается убѣдить себя и сестру, что духовная карьера—единственная, отвѣчающая стремленіямъ его души. Но сомнѣнія его растутъ все больше и больше. «Боже мой,—восклицаетъ онъ,—какъ трудно въ такіе молодые годы принять рѣшеніе, которое должно имѣть непосредственное вліяніе на всю остальную жизнь!» Въ послѣднюю минуту онъ отступаетъ, но все-таки не окончательно, а лишь отсрочиваетъ свое рѣшеніе. Его болѣе всего смущаетъ, что онъ наноситъ этимъ огорченіе своей матери, обманываетъ ея ожиданія и ожиданія своихъ руководителей и наставниковъ. Онъ повѣ-

ряетъ сестрѣ свои думы. «Вспомни, мой дорогой Эрнестъ, что ты не одианъ на свѣтѣ,—пишетъ она ему,—что для того, чтобы раздѣлать съ тобою и облегчить твои горести, у тебя есть сестра, которую судьба не пощадила и для которой ты служишь самымъ дорогимъ утѣшеніемъ, я предвидѣла, предсказывала ту мучительную нѣрѣшительность, которая теперь подавляетъ тебя».

Вся переписка Ренана съ сестрой исключительно вертится около этой темы. Въ ней отражается, какъ въ зеркалѣ любящая, самоотверженная и благородная натура его сестры, ея умъ и пониманіе человѣческой природы, а также терзанія и колебанія молодой души, раздираемой сомнѣніями и ищущей выхода. Для биографа Ренана переписка эта, безъ сомнѣнія, должна представить большой интересъ. Поглощенные своею внутреннею жизнью и душевною борьбой, Ренанъ и его сестра лишь мелькомъ касаются внѣшнихъ обстоятельствъ своей жизни и только въ одномъ письмѣ его сестра посвящаетъ нѣсколько строкъ описанію той мѣстности (Польша), куда ее забросила судьба, причемъ она говоритъ, что нигдѣ она не видала такого развитія духа фанатизма и религіозной ненависти, какъ въ этихъ мѣстахъ, гдѣ именемъ Бога чаще всего прикрываются человѣческія страсти. О природѣ края Генриетта Ренанъ отзывается также неблагоприятнымъ образомъ.

Изъ иностранныхъ журналовъ.

«Deutsche Revue». — «Contemporary Review». — «Revue des deux Mondes». — «Le Monde Moderne».

Изъ всѣхъ формъ литературнаго творчества беллетристика, безъ сомнѣнія, имѣетъ наибольшее число представителей во всѣхъ цивилизованныхъ государствахъ. Эта отрасль литературы, въ то же время, имѣетъ

и наибольшій контингентъ читателей и поэтому, конечно, небезынтересно было бы прослѣдить ея эволюцію и ходъ ея развитія въ различныхъ странахъ и подъ вліяніемъ различныхъ условій. Такую задачу ставить

себѣ относительно Германіи Бертольдъ Литцманнъ, посвящающій статью въ «Deutsche Revue» исторіи развитія современной германской беллетристики.

Начало германской повѣсти, говорить онъ, можно прослѣдить не дальше XVI столѣтія, а современные типы появляются въ ней лишь въ XVIII столѣтіи. Геллертъ первый въ 1747 году воспользовался вымысломъ для выраженія своихъ идей, въ своей повѣсти «Жизнь шведской графини Г.», но, во всякомъ случаѣ, только Гете ввелъ вымыселъ, какъ форму художественнаго творчества, въ германскую литературу. Однако, ни одна форма литературнаго творчества не претерпѣла столько измѣненій и притомъ въ такой короткій промежутокъ, какъ беллетристика, и ни одна въ то же время не заключаетъ въ себѣ столько живучести и столько разнообразныхъ зародышей, ожидающихъ лишь новаго толчка и благоприятныхъ условій для своего развитія и разцвѣта. Беллетристъ, болѣе чѣмъ всякій другой писатель, свободенъ въ выборѣ формы и основной точки зрѣнія для своего произведенія. Онъ можетъ выступить въ качествѣ безпристрастнаго и совершенно объективнаго наблюдателя тѣхъ событій, которыя описываетъ, или же онъ можетъ отождествлять себя съ героемъ своей повѣсти и писать ее въ первомъ лицѣ. Всѣ повѣсти Золя, на примѣръ, служатъ наиболее яркою иллюстраціей первой формы беллетристическаго творчества. Въ XVIII столѣтіи наиболее распространенною и излюбленною формою беллетристики была эпистолярная. Что касается реализма, то хотя въ XVIII столѣтіи и раздавались уже громкіе призывы о возвращеніи къ природѣ, но, тѣмъ не менѣе, это былъ слишкомъ философскій вѣвъ и поэтому реализмъ и натурализмъ въ немъ приняли философское направленіе. Къ концу XIX вѣка реализмъ въ литературѣ носить

уже научный характеръ подъ влияніемъ научнаго духа времени. Результаты научныхъ изслѣдованій не даютъ покоя современнымъ писателямъ-беллетристамъ, которые всецѣло переносятъ ихъ въ область своего литературнаго творчества. Результатомъ такого стремленія беллетристовъ придавать научный характеръ своимъ литературнымъ произведеніямъ явился экспериментальный романъ, занявшій первенствующее мѣсто въ европейской изящной литературѣ. Въ этомъ романѣ, говоритъ Бертольдъ Литцманнъ, герои напоминаютъ животныхъ, надъ которыми производятся разнаго рода научные эксперименты, и читатель является ничѣмъ инымъ, какъ объективнымъ зрителемъ того, какъ реагируютъ тѣ или другія вліянія или условія на человѣка, причемъ детерминизмъ явленій играетъ во всемъ этомъ главную роль. Писатель-романистъ, съ объективностью ученаго, описывающаго, на примѣръ, тѣ явленія, которыя наблюдаются у голубя съ вырѣзанными полушаріями большого мозга, рисуетъ своихъ героевъ, дѣйствующихъ подъ вліяніемъ животныхъ инстинктовъ или наследственнаго предрасположенія. Для такого писателя какой-нибудь пьяница, лишенный совершенно человѣческихъ чувствъ или психически больной субъектъ, съ извращенными инстинктами, будетъ даже болѣе подходящимъ героемъ, такъ какъ онъ даетъ болѣе богатый матеріалъ для научныхъ наблюденій и всякаго рода экспериментовъ. Конечно, и германскіе писатели-беллетристы отдали дань этому увлеченію, но, по мнѣнію Бертольда Литцманна, въ настоящее время въ современной германской беллетристикѣ обнаруживаются уже признаки новой эры. Представителемъ новаго направленія Литцманнъ считаетъ Зудермана, отъ котораго ожидаетъ очень многого. Зудерманъ, какъ полагаетъ Литцманнъ, долженъ открыть новые пути для

германской беллетристики, окончательно высвободить ее из оков протокольного реализма.

«Ничто не ново под луною!» — такова мысль, которую высказывает профессор Ломброзо в своей статье «Атавизмъ и эволюція», напечатанной в «Contemporary Review». По своему обыкновению, почтенный профессор заваливает читателя примѣрами, фактами и доказательствами, для того, чтобы убѣдить его въ томъ, что многія изобрѣтенія, которыя онъ считаетъ новыми, на самомъ дѣлѣ очень стары. Такъ, въ древности уже были извѣстны громоотводы, или по крайней мѣрѣ былъ извѣстенъ способъ, какъ притягивать молнію. Кельтскіе солдаты, на примѣръ, имѣли обыкновеніе во время грозы ложиться на землю, но передъ этимъ они зажигали факелы и втыкали въ землю возлѣ себя обнаженные мечи остриемъ къверху. Очень часто случалось, что молнія ударяла въ мечъ и проходила въ землю, не причинивъ никакого вреда воину, лежащему тутъ же рядомъ. Римляне, повидимому, также знали громоотводы, хотя впоследствии это знаніе и предано было забвенію. На верхушкѣ самой высокой башни замка Дуино, на берегу Адриатическаго моря, съ незапамятныхъ временъ находилась длинная желѣзная проволока. Въ бурное лѣтнее время она служила для предсказанія приближенія бури. Когда море принимало злобщій видъ и предвѣщало бурю, то солдатъ отряжался на эту башню и долженъ былъ отъ времени до времени прикасаться концомъ своего длиннаго дротика къ этой проволокѣ. Какъ только отъ прикосновенія получалась искра, онъ немедленно звонилъ въ большой колоколъ, для того, чтобы предупредить рыбаковъ объ опасности. Гербертъ (Гюгъ Капетъ) въ X столѣтіи придумалъ способъ отвращать молнію отъ полей посредствомъ

водруженія въ землю длинныхъ палокъ, на верхушкѣ которыхъ насажено очень острое и длинное копье.

Тоже самое можно сказать и о другихъ изобрѣтеніяхъ и открытіяхъ, которыми кичится нашъ вѣкъ. Франція уже въ 1662 году имѣла омнибусы. Римляне устраивали артезианскіе колодцы даже въ Сахарѣ. Равнины Ливана и Пальмиры орошались искусственно и тамъ еще и теперь можно найти слѣды колодцевъ и каналовъ. Въ 1685 году Панинъ напечаталъ въ «Journal des Savants» сообщеніе о замѣчательномъ опытѣ, сдѣланномъ однимъ изъ его друзей, по имени Вальде, который могъ заставить цвѣты расти почти моментально. Секретъ заключается въ способѣ приготовления почвы, но онъ такъ и остался неоткрытымъ.

Массажъ, на примѣръ, одинъ изъ самыхъ распространенныхъ способовъ леченія въ наше время, былъ извѣстенъ римлянамъ. Парацельсъ въ своей «Opera Médica» говоритъ о гомеопатіи и высказываетъ тотъ самый принципъ, который положенъ былъ въ основу этой системы леченія. Многія лекарства употреблялись въ тѣ времена въ безконечно малыхъ дозахъ. Авиценна употреблялъ въ такихъ дозахъ мышьякъ и также давалъ его при перемежающихся лихорадкахъ. Многія изъ употребительныхъ въ настоящее время лекарствъ были извѣстны въ древности. Въ развалинахъ Помпеи были найдены хирургическіе инструменты, принципъ устройства которыхъ такой же, какъ и принципъ устройства современныхъ инструментовъ; ихъ можно видѣть въ национальномъ музѣ въ Неаполѣ. Галандъ въ 1665 году далъ теорію психическихъ центровъ и указалъ на то, что передняя часть головного мозга служитъ сѣдалищемъ мысли, воображенія и разсудка, а также хранилищемъ памяти. Аристотель открылъ, что можно сдѣлать морскую воду

годной для питья, если ее прокипятить и собрать паръ. Системы ирригаціи, сдѣлавшія Англію и Ломбардію столь плодородными, были извѣстны еще во времена Вирглія. Китайцы придумали строить желѣзные дома еще въ 1200 году. Секретъ многихъ древнихъ изобрѣтеній до сихъ поръ еще не отысканъ. Такое повтореніе человѣческой изобрѣтательности, по мнѣнію Ломброзо, зависитъ отъ того, что каждый человѣкъ естественнымъ образомъ ненавидитъ все новое и стремится всѣми силами избѣгать его, уступая лишь необходимости и неоспоримымъ доказательствомъ; во всѣхъ же другихъ случаяхъ онъ стремится идти по разъ уже продолженной дорожкѣ, всецѣло подчиняясь могущественному вліянію прибрѣтенныхъ привычекъ.

Безъ сомнѣнія, самый большой расходъ, тяжело обременяющій всѣ скромные бюджеты, это расходъ на пропитаніе. По вычисленію виконта д'Авенеля, посвящающаго этому вопросу рядъ статей въ «Revue de deux Mondes» подъ заглавіемъ «Le Mécanisme de la vie moderne», расходъ этотъ поглощаетъ три пятыхъ дохода въ такихъ скромныхъ бюджетахъ. Въ семьяхъ рабочихъ, тѣмъ меньше доходъ, чѣмъ многочисленнѣе семейство, тѣмъ болѣе возрастаетъ это отношеніе. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ мы видимъ, что расходъ на пропитаніе поглощаетъ уже три четверти годового дохода рабочаго; большинство же рабочихъ и мелкихъ собственниковъ тратитъ 60 проц. своей заработной платы и своего дохода на пропитаніе себя и своей семьи. Что же касается людей, поставленныхъ въ болѣе благоприятныя условія, то чѣмъ больше они получаютъ, тѣмъ пропорціонально меньше эта статья расходовъ въ ихъ бюджетѣ. Буржуа, имѣющій, напримѣръ, 100.000 фр.

годового дохода, тратитъ на нее не болѣе 15—20 проц., потому-то повышеніе цѣнъ на пищевые припасы не отражается на его бюджетѣ такимъ невыгоднымъ образомъ, какъ на бюджетѣ простого рабочаго и, слѣдовательно, все, что содѣйствуетъ пониженію цѣнъ, усиленіе производительности, торговыя сношенія и т. д., должно непремѣнно содѣйствовать увеличенію благосостоянія большинства. Къ этой же цѣли стремятся и многочисленные кооперативныя общества, устраиваемыя затѣмъ, чтобы дать возможность своимъ членамъ получать пищевые припасы по удешевленной цѣнѣ и притомъ лучшаго качества. Авенель подробно знакомитъ съ организаціей этихъ обществъ во Франціи, но прибавляетъ, тѣмъ не менѣе, что кооперация еще находится въ младенческомъ состояніи во Франціи, хотя и насчитывается до тысячи кооперативныхъ обществъ. Почти три четверти этихъ обществъ влчатъ жалкое существованіе, имѣя не болѣе 500 членовъ каждое, но четыре такія ассоціаціи уже достигли цвѣтущаго состоянія и имѣютъ болѣе 10.000 членовъ. Наилучше организованная изъ этихъ ассоціаціи и, безъ сомнѣнія, наиболѣе симпатичная, какъ по своему происхожденію, такъ и по своему составу, это «la Moissonneuse», существующая въ Парижѣ уже 21 годъ. Она была основана въ 1874 г. двѣнадцатыо рабочими, которые еще притянули на помощь 20 товарищей и вмѣстѣ образовали основной капиталъ въ 32 франка! Теперь это общество имѣетъ 15.000 членовъ, исключительно рабочихъ, обладаетъ капиталомъ въ 525,000 фр. и производитъ операций на сумму 7 милліоновъ франковъ. Оно владѣетъ во семью бакалейными лавками, двумя булочными, пятью мясными и имѣетъ еще, кромѣ того, винныя склады и магазинъ готоваго платья, желѣзную и угольную лавки и т. д. Ре-

зультатъ, достигнутый коопераціей въ какія-нибудь 20 лѣтъ, несомнѣнно покажется еще болѣе поразительнымъ послѣ знакомства съ ея первыми дебютами на этомъ поприщѣ. Даже самый первый шагъ былъ сопряженъ съ неудачей. Члены товарищества купили бочку вина для начала; но она разбилась, когда ее спускали въ погребъ. Это не привело ихъ въ уныніе, и они купили другую на оставшіяся деньги. Каждый изъ нихъ получилъ свою долю и все-таки вино обошлось имъ дешевле и было лучшаго качества, чѣмъ то, которое они получали въ винной лавкѣ. Для того, чтобы достигнуть удешевленія цѣнъ на пищевые припасы, имъ пришлось, въ началѣ, бороться съ огромными затрудненіями, у нихъ не было кредита и, кромѣ того, такъ какъ они не знали толку въ продуктахъ, то ихъ обманывали торговцы. Но эти «апостолы коопераціи» не отчаявались и твердо вѣрили въ успѣхъ своего дѣла. И дѣйствительно, безъ всякой поддержки, безъ денегъ, лишь благодаря своей настойчивости и предусмотрительности, смѣлые инициаторы этого дѣла, рабочіе достигли, сравнительно въ короткій срокъ, блестящихъ результатовъ и поставили на ноги ассоціацію, приносящую большую пользу своимъ членамъ, которые получаютъ всѣ продукты по возможно дешевой цѣнѣ и хорошаго качества.

Къ удешевленію цѣнъ на пищевые припасы, а слѣдовательно, къ наиболѣе возможному расширенію потребления, стремится также и одна изъ главнѣйшихъ торговыхъ фирмъ Франціи. Основатель этой фирмы, Феликсъ Потенъ, въ своемъ родѣ, замѣчательный человѣкъ. Онъ всячески старался упорядочить торговлю бакалейными товарами, понизить цѣны и повысить достоинство товара. Фальсификація процвѣтала во Франціи даже въ средніе вѣка и потребители не

только всегда страдали отъ недоброкачества продукта, но и отъ того, что для поддѣлки употреблялись далеко не всегда однѣ только безвредныя вещества. Феликсъ Потенъ старался ввести другой принципъ въ эту торговлю; доброкачественность и дешевизна — вотъ что было его лозунгомъ. Онъ началъ дѣло съ очень ничтожными средствами; вмѣстѣ со своею женою фабриковалъ свѣчи для продажи, шоколадъ и т. п. Въ теченіе шести лѣтъ онъ продавалъ свои товары почти по той же цѣнѣ, по которой ихъ покупалъ и, разумѣется, доходъ, получаемый имъ, былъ болѣе чѣмъ скромный. Но Феликсъ вѣрилъ въ будущее. Онъ находилъ, что главное было пріобрѣсти клиентовъ, снискать довѣріе. Остальное придетъ само собою. И онъ не обманулся въ своихъ ожиданіяхъ.

Феликса Потенъ весьма часто обвиняли въ скупости, такъ какъ, дѣйствительно, онъ всю свою молодость нуждался и отказывалъ себѣ во всемъ, стараясь не тратить на себя свои доходы. Но его поступокъ во время осады Парижа доказалъ всѣмъ, что онъ вовсе не такой, какимъ его призывали считать. Когда прусскія войска стали подходить къ Парижу, то довольно большое число негоціантовъ, предвидя вздорожаніе съѣстныхъ припасовъ и желая сдѣлать выгодную аферу, предложили Потену сразу купить у него всѣ его запасы за двойную цѣну. Потенъ не только не польстился на это, но даже ввелъ у себя въ магазинъ особую систему довольствія, для того, чтобы быть увѣреннымъ, что проданный товаръ идетъ на удовлетвореніе нуждъ потребителей. Каждый кліентъ могъ получить у него въ магазинъ лишь ограниченное количество товара, извѣстную опредѣленную порцію этого товара, причемъ цѣны на него не повысились ни на одинъ сантимъ. Безъ сомнѣнія, очень любопытное зрѣ-

лице представляла вся эта толпа людей, выжидающая своей очереди у дверей лавки Потена. Нѣкоторые забирались съ вечера на бульваръ и съ грѣлками въ ногахъ, терпѣливо ожидали утра, когда отпирался магазинъ. Хвостъ людей, ожидавшихъ своей очереди для входа въ лавку и получения своей порціи товара, былъ очень длиненъ, и пришедшіе поздно имѣли мало шансовъ пробраться въ магазинъ. Понятно, что Потенъ не извлекъ никакой выгоды для себя въ этомъ предпріятіи, но зато заслужилъ благодарность своихъ современниковъ.

Въ началѣ XVI столѣтія, когда турки овладѣли Балканскимъ полуостровомъ, нѣсколько смѣлыхъ сербскихъ патриотовъ не захотѣли имъ подчиниться и предпочли изгнаніе рабству. Но надо было найти такое убѣжище на Балканахъ, куда бы турки не могли проникнуть и которое не возбуждало бы зависти побѣдителей, и сербскіе изгнанники избрали пустынную, почти недоступную мѣстность, гдѣ и поселились. Такъ было основано Черногорское княжество, и эта исторія его основанія объясняетъ многія характерныя особенности этой страны.

До 1880 года единственною дорогою въ Черногорію была горная тропинка, позади Катарро, взбирающаяся вверхъ почти по отвѣсной скалистой горѣ и усыпанная камнями. Дорога эта, безъ сомнѣнія, была пригодна для дикихъ козъ, нежели для людей, но она удовлетворяла своей цѣли, дѣлая Черногорію недоступною для турецкихъ войскъ. Эта тропинка до сихъ поръ извѣстна подъ названіемъ мѣстницы Катарро, но теперь уже существуетъ прекрасная экипажная дорога въ Черногорію, проведенная лѣтъ 15 тому назадъ. Это, впрочемъ, единственная проѣзжая дорога въ Черногорію, гдѣ до сихъ поръ для сообщенія существуютъ только узень-

кія горныя тропинки, и надо обладать искусствомъ и ловкостью черногорца, чтобы взбираться по нимъ.

Въ своихъ интересныхъ очеркахъ Черногоріи, помѣщенныхъ въ «Le Monde Moderne» Жакъ Бертильонъ говоритъ, что вся мѣстность отъ Катарро до Цетинье сплошь покрыта голыми скалами, грозозащитными другъ на друга. Земли, годной для воздѣлыванія, очень мало въ Черногоріи, и поэтому черногорцы дорожатъ чуть ли не каждою горсткою такой земли. Такъ, напримѣръ, черногорцы строятъ загородки изъ камней вокругъ небольшихъ площадокъ и углубленій въ скалахъ, гдѣ скопляется немного чернозема, для того, чтобы потоки воды послѣ таянія снѣговъ не увлекли за собою частицы драгоцѣнной земли. Но относясь съ такою удивительною бережливостію къ землѣ, черногорецъ, въ то же время, очень небрежно обращается съ растительностію, истребляетъ деревья и кусты и поэтому Черногорія почти совершенно лишена лѣсовъ, такъ какъ черногорцы не даютъ имъ вырасти, ибо нисколько не оберегаютъ молодые деревца отъ нападенія козъ, а часто даже сами вырываютъ ихъ или срубаютъ на топливо или на кормъ для скота.

Недоступная и бѣдная страна, которая не могла бы привлечь къ себѣ жадныхъ взоровъ побѣдителя,—вотъ что нужно было сербскимъ изгнанникамъ, и Черногорія совершенно удовлетворяла этимъ требованіямъ. Но для полной безопасности черногорцамъ еще нужно было имѣть сильную военную организацію. На востокѣ патриотизмъ нуждается еще, кромѣ того, въ поддержкѣ со стороны религіи, которая въ политикѣ восточныхъ странъ играетъ такую выдающуюся роль, какая мало понятна европейскимъ націямъ. Черногорцы глубоко преданы своей религіи. Ихъ священники были солдатами, также какъ и всѣ прочіе обитатели этихъ неприступныхъ скалъ.

Жители Черногоріи и теперь, въ мирное время, всегда ходятъ вооруженными съ головы до ногъ, пистолетами, кинжалами и саблями. Князья черногорскіе были одновременно и епископами и генералами, и такъ какъ они считались монахами и должны были соблюдать обѣтъ безбрачія, то черногорскій престоль переходилъ не по прямой линіи, а отъ дяди къ племяннику. Только предшественникъ вѣтшнаго князя первый нарушилъ эту традицію; онъ передалъ духовную власть митрополиту и поэтому могъ жениться.

Цетинье, или, вѣрнѣе, монастырь Цетинье, былъ единственнымъ пунктомъ, которымъ турки никогда не могли овладѣть, даже цѣною огромныхъ жертвъ. Часовня этого монастыря очень почитается народомъ и, вѣроятно, потому-то маленькая деревушка Цетинье, въ которой теперь насчитывается немного болѣе тысячи жителей, сдѣлалась столицей Черногоріи. Но эта горсть лачужекъ, группирующихся вокругъ стариннаго монастыря, сыграла въ исторіи XIX вѣка такую же видную роль, какъ и вѣкоторыя блестящія столицы. Тамъ, собственно и родился пресловутый восточный вопросъ, туда являлись за приказаніями и инструкціями сербскіе, боснійскіе и герцеговинскіе повстанцы. Черногорцы—прежде всего солдаты; они дѣлаются ими съ раннаго дѣтства и остаются ими всю свою жизнь. Военная одежда нисколько не отличается отъ обыкновенной одежды черногорца, и онъ никогда не разстается съ оружіемъ. Зато онъ считаетъ унизительнымъ для себя исполнять какія бы то ни было работы; весь тяжелый трудъ, даже воздѣлываніе земли,—все это падаетъ на долю женщины, которая въ Черногоріи находится въ очень поработченномъ состояніи и представляетъ нѣчто среднее между домашнимъ вьючнымъ животнымъ и человѣкомъ.

Черногорскій типъ довольно красивъ, и ростъ черногорцевъ выше средняго. Осанка у нихъ мужественная и даже величественная. Всѣ жесты преисполнены чувствомъ собственного достоинства. Но, тѣмъ не менѣе, типъ весьма однообразенъ и всѣ черногорцы похожи другъ на друга. Всѣхъ черногорцевъ, впрочемъ, насчитывается не болѣе 200.000. Торговли въ Черногоріи почти не существуетъ никакой, всѣ черногорскія деревни удовлетворяютъ сами всѣ свои нужды. Домъ черногорскаго крестьянина—это лачужка, сложенная изъ камней и покрытая маисовою соломой. Вмѣсто оконъ—дыры безъ стеколъ, которые на зиму затыкаются соломой. Единственная дверь закрывается плохо, а все убранство единственной комнаты составляютъ двѣ-три кровати, сложенные изъ толстыхъ вѣтвей, и очагъ, надъ которымъ виситъ котелокъ. Дымъ отъ очага направляется въ дыру, продѣланную въ крышѣ. Для сидѣнія—нѣсколько низкихъ, сколоченныхъ изъ бревенъ, скамеекъ. Черногорцы въ высшей степени гостеприимны, и въ хижинѣ самаго бѣднаго черногорскаго крестьянина путешественникъ всегда встрѣтитъ самый радушный приемъ. Его непремѣнно угостятъ кофею, дѣйствительно прекрасно изготовленнымъ по турецкому способу. Въ деньгахъ черногорскій крестьянинъ нуждается не слишкомъ сильно, такъ какъ для удовлетворенія его скромныхъ потребностей ему бываетъ достаточно большей частью того, что онъ можетъ добыть отъ своего стада и поля. Несмотря на такую бѣдность черногорскаго крестьянина, пища его, судя по описанію Бертильона, пожалуй, много лучше пищи большинства нашихъ крестьянъ. Самыя бѣдныя семьи и тѣ ѣдятъ мясо не менѣе двухъ разъ въ недѣлю, затѣмъ много разныхъ овощей (особенно картофель), которые жарятся обыкновенно въ свиномъ салѣ, и раз-

ные молочные продукты. Хлѣбъ готовится изъ маисовой муки въ печахъ самаго примитивнаго устройства; онъ очень компактный и грубый. Слѣдуетъ сюда прибавить еще кофе прекраснаго качества, который пьютъ всѣ черногорцы. Однимъ словомъ: черногорскій крестьянинъ лишенъ всякаго комфорта въ своемъ жилищѣ и имѣетъ только крайне необходимое, но питается онъ все-таки хорошо и, вѣроятно, отъ этого зависятъ его физическая сила, ловкость и здоровье.

Чувство чести очень сильно развито у черногорцевъ. Одна изъ площадей въ Цетиньѣ служитъ, напримеръ, открытою тюрьмой. Арестанты прогуливаются по этой площади совершенно свободно, курятъ и разговариваютъ и отличаются отъ прочихъ жителей лишь тѣмъ, что не носятъ при себѣ оружія и это единственное лишеніе, которому они подвергаются, такъ какъ они не находятся въ заключеніи. Для черногорца же это лишеніе очень чувствительно. Случаевъ побѣга арестантовъ не бываетъ. Преступленія, въ которыхъ обвиняются арестанты,—это все убійства; воровство въ Черногоріи почти

неизвѣстно. Поэтому-то арестанты и сохраняютъ свою величественную осанку, такъ какъ только воровство считается позорнымъ преступленіемъ въ Черногоріи, убійство же и вообще пролитіе крови, хотя и признается преступленіемъ, но все же не опозориваетъ человѣка. Смотря по важности преступленія, виновника приговариваютъ либо къ лишенію оружія и свободы въ томъ смыслѣ, какъ указано выше, т. е. онъ долженъ пребывать всегда въ извѣстномъ мѣстѣ, либо ему надѣваютъ на руки кандалы, оставляя все же на свободѣ, либо приговариваютъ къ разстрѣлянію, что случается не болѣе двухъ-трехъ разъ въ годъ. Черногорецъ умѣетъ умирать, и какое бы то ни было проявленіе трусости или малодушія совершенно неизвѣстно въ Черногоріи.

Многіе современные политики предсказываютъ Черногоріи въ ближайшемъ будущемъ довольно видную роль, находя, что ея историческая задача не выполнена. Какъ бы тамъ ни было, но несомнѣнно, что такъ называемый восточный вопросъ не разрѣшается безъ болѣе или менѣе дѣятельнаго участія Черногоріи.

ЛУИ ПАСТЁРЪ.

1822—1895.

Величайшій изъ національных гениевъ Франціи и гениальтѣйшихъ ученыхъ нашего вѣка, Луи Пастёръ, смерть котораго была тяжкою утратою для современной науки, вышелъ изъ рядовъ народа. Отецъ его былъ отставной солдатъ, занявшійся по окончаніи службы ремесломъ кожевника. На свои скудные сбереженія отецъ Пастёра приобрѣлъ маленькій

кожевенный заводъ въ Арбуа, и вотъ тамъ-то, въ средѣ рабочихъ, родился и выросъ великій ученый, вызвавшій громадный переворотъ въ наукѣ своими гениальными открытіями, заслужившими горячую благодарность всего человѣчества, ко благу котораго они были направлены.

Маленькій Пастёръ былъ рано отданъ въ школу и отецъ его, самъ

сдѣвншій по вечерамъ за тѣмъ, какъ онъ готовилъ свои уроки, часто говаривалъ: «Ахъ, если бы ты могъ когда-нибудь сдѣлаться учителемъ въ коллегіи Арбуа! Я былъ бы тогда счастливѣйшимъ человѣкомъ на свѣтѣ».

гдѣ онъ жилъ, будетъ прибита марморная доска съ надписью: «Ici est né Louis Pasteur, le 27 Décembre 1822» (Здѣсь родился Луи Пастёръ, 27 декабря 1822)! Маленькій Луи сдѣлался величайшимъ ученымъ, слава

Пастёръ.

Могъ ли предполагать тогда почтенный кожевникъ, всѣ честолюбивыя мечты котораго ограничивались мѣстомъ учителя для сына, что черезъ 50 лѣтъ, триумфальная процессія пройдетъ по улицамъ разукрашеннаго флагами города и на домъ,

котораго гремѣла по всему міру и на долю котораго выпало рѣдкое счастье присутствовать при собственномъ апофеозѣ, устроенномъ въ честь семидесятилѣтней годовщины дня его рожденія.

Но если мы перенесемъ мыслью

въ далекое прошлое, то увидимъ, что отецъ будущаго великаго человѣка дѣйствительно не могъ угадать въ своемъ сынѣ великихъ задатковъ. Маленькій Луи не выказывалъ особеннаго рвенія къ наукѣ; онъ предпочиталъ ученію рыбную ловлю, прогулки по горамъ и лѣсамъ и т. п. Въ дѣтствѣ онъ обнаруживалъ только особенное пристрастіе къ рисованію. Валлери Радо, описывая жизнь великаго ученаго въ «*Histoire d'un savant par un ignorant*» говоритъ, что у Луи Пастера были большія способности къ рисованію, особенно къ рисованію портретовъ. Еще и теперь въ нѣкоторыхъ домахъ въ Арбуа встрѣчаются эти портреты, рисованные маленькимъ Пастеромъ; они, дѣйствительно, обнаруживаютъ рѣдкую для ребенка вѣрность и твердость рисунка. Четырнадцать дѣтъ Пастеръ нарисовалъ портретъ своей матери, настолько хорошій, что художникъ Жеромъ, увидавшій этотъ портретъ тогда, когда Пастеръ уже находился въ зенитѣ своей славы, шутливо воскликнулъ: «Какое счастье для насъ, что вы оставили живопись для науки! Вѣдь вы были бы для насъ очень опаснымъ конкурентомъ». Но когда молодой Пастеръ окончательно избралъ научную карьеру, то многіе, знавшіе его съ дѣтства, жители Арбуа находили, что онъ измѣнилъ своему призванію и что напрасно онъ занимается химіей, вмѣсто того, чтобы посвятить себя живописи, такъ какъ на этомъ поприщѣ онъ скорѣе могъ бы добиться извѣстности.

На четырнадцатомъ году съ Пастеромъ произошла перемѣна; онъ бросилъ свои рыболовные снаряды, карандаши и краски и взялся за книги. Учителя были тогда поражены его успѣхами и одинъ изъ нихъ, заинтересовавшись имъ, объявилъ, что онъ пойдетъ далеко. Способный ученикъ былъ переведенъ въ коллегію въ Безансонъ, гдѣ онъ окончилъ курсъ

и оставленъ былъ репетиторомъ. Въ свободное отъ занятій время онъ слушалъ курсъ математики, подготавлиаясь къ экзамену въ Нормальной школѣ. Тутъ у него впервые обнаружилось пристрастіе къ занятіямъ химіей и онъ до такой степени надобдалъ своими постоянными вопросами профессору химіи, по имени Дарлею, что тотъ, наконецъ, ему замѣтилъ, что не его дѣло задавать профессору вопросы точно на экзаменѣ, а наоборотъ, профессоръ долженъ спрашивать его.

Поступивъ въ Нормальную школу, Пастеръ съ жаромъ принялся за свои занятія химіей и проводилъ дни и ночи въ лабораторіи. Въ 1847 году онъ получилъ степень доктора и былъ назначенъ профессоромъ физики въ Дижонъ. Здѣсь онъ пробылъ только годъ; затѣмъ послѣдовательно занималъ кафедры въ различныхъ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ, въ Страсбургѣ и Лиллѣ, и наконецъ, въ 1857 году былъ сдѣланъ директоромъ «Нормальной школы», соединявшей въ своихъ стѣнахъ величайшихъ ученыхъ Франціи. Далѣе его жизнь была уже настоящимъ триумфальнымъ шествіемъ въ наукѣ и отъ всѣхъ ученыхъ обществъ, изъ всѣхъ странъ, онъ получалъ почетные дипломы, медали, преміи, награды и т. д. Его гениальныя работы доставили ему одно изъ самыхъ громкихъ именъ въ современной наукѣ, покрыли его величайшею славой и для человѣчества имѣютъ громадное значеніе въ практическомъ отношеніи. Его открытія въ бактериологіи составили новую эру въ медицинской наукѣ.

Въ работахъ Пастера и во всѣхъ его открытіяхъ явственно обнаруживается преемственная связь. Можно прослѣдить шагъ за шагомъ постепенное развитіе его идей и тотъ логическій путь, который привелъ его отъ изученія кристаллическихъ тѣлъ къ великимъ открытіямъ, вызвав-

шимъ цѣлый переворотъ въ медицинскій наукъ.

Первая работа Пастёра, появившаяся въ 1848 году, касалась поляризаціи свѣта въ кристаллахъ. Изучая кристаллы, Пастёръ сдѣлалъ свое первое открытіе, послужившее, такъ сказать, источникомъ всѣхъ остальныхъ. Изслѣдуя винокаменную кислоту, онъ открылъ что ея кристаллы обладаютъ неодинаковою оптическою дѣятельностью, т.-е. относятся различно къ свѣтовому «поляризованному» лучу, вращая его, одни—вправо, другіе—влѣво, что заставило его признать существованіе «правой и лѣвой» винокаменной кислоты. Пастёръ самъ рассказываетъ, что онъ такъ былъ счастливъ своимъ первымъ открытіемъ, что почувствовалъ нервную дрожь и не могъ далѣе продолжать опыта. Онъ бросился въ физическій кабинетъ, гдѣ находился въ это время препараторъ Бертранъ, съ восторгомъ обнявъ его и сообщилъ ему о своемъ открытіи. Это открытіе, какъ это можетъ показаться съ перваго взгляда, не имѣетъ особенно важнаго существеннаго значенія. Но оно послужило началомъ другихъ, такъ какъ Пастёръ не могъ остановиться на полдорогѣ и ему надо было проникнуть въ сущность явленія, замѣчнаго имъ. Производя далѣе свои опыты, Пастёръ замѣтилъ, что винокаменная кислота, кристаллы которой обладаютъ такими оптическими свойствами, получается только изъ продуктовъ броженія и что вообще всѣ такія оптически дѣятельныя вещества являются продуктами броженія. Это обстоятельство заставило Пастера обратить свое особенное вниманіе на процессы броженія. Отдавъ все, со свойственнымъ ему увлеченіемъ, изслѣдованію этихъ процессовъ, Пастёръ логическимъ путемъ былъ приведенъ къ провѣркѣ господствовавшихъ въ наукѣ теорій броженія Берцеліуса, Митчеллиа и Либиха;

послѣдняя признавала кислородъ воздуха главнымъ факторомъ броженія. Убѣдившись, что всѣ процессы броженія и гніенія вызываются жизненною дѣятельностью простѣйшихъ организмовъ, Пастёръ, своими опытами, опровергнувъ всѣ другія теоріи, объяснявшія эти явленія, и опять-таки логическимъ путемъ пришелъ къ вопросу, какимъ образомъ возникаютъ явленія броженія и гніенія и откуда берутся микроорганизмы, вызывающіе ихъ. Въ то время люди, стоявшіе во главѣ научнаго движенія, твердо вѣрили въ самопроизвольное зарожденіе микроскопическихъ организмовъ изъ самой матеріи жидкостей, приходящихъ въ броженіе или гніеніе. Эта теорія «самопроизвольнаго зарожденія» имѣла горячаго защитника въ лицѣ Пуше, директора музея въ Руанѣ и члена-корреспондента академіи наукъ. Пуше вступилъ въ ожесточенную полемику съ Пастеромъ, доказывавшимъ, что *микроорганизмы, вызывающіе броженіе, носятъ въ видѣ зародышей въ воздухѣ* и, попадая и развиваясь въ соответствующей средѣ, становятся возбудителями гніенія и броженія. Пуше и его послѣдователи, наоборотъ, утверждали, что *организмы, вызывающіе броженіе и гніеніе, развиваются въ самой жидкости, а не попадаютъ въ нее извне*. Этотъ научный споръ обратилъ на себя вниманіе всей образованной Европы, съ интересомъ слѣдившей за его развитіемъ. Побѣдителемъ вышелъ Пастёръ, доказавшій неопровержимымъ образомъ, что если изолировать жидкость, такъ чтобы въ нее не могли попасть зародыши, то она не подвергнется ни гніенію, ни броженію. Зданіе научной теоріи, поддерживаемое громкими авторитетами, рушилось, благодаря скромнымъ работамъ молодого ученаго, и на обломкахъ этого зданія выросла его слава. На мѣсто прежней теоріи «самопроизвольнаго зарожденія» стала

новая теорія «панслерміи», признающая, что *воздухъ населенъ зародышами низшихъ организмовъ и что эти-то самые организмы, попадая въ соответствующую среду, итъ они могутъ развиваться и питаться, и являются возбуждителями гніенія и броженія.*

Работы Пастера по вопросу о броженіи стаяли ему громкою извѣстностью въ научномъ отношеніи, но и въ практическомъ отношеніи онъ имѣли громадное значеніе. Многія отрасли промышленности, винодѣліе и пивовареніе, обязаны открытіямъ Пастера своими успѣхами въ настоящее время. Еще болѣе важное значеніе имѣеть открытый имъ способъ обеззараживанія жидкостей, извѣстный теперь подъ именемъ «пастеризаціи». Во время своей полемики съ Пуше, Пастеръ, отыскивая доказательства своей зародышевой теоріи, замѣтилъ что высокая температура убиваетъ зародыши, и слѣдовательно, кипяченіе и нагрѣваніе жидкостей лишаетъ ихъ способности къ гніенію и броженію. Это-то нагрѣваніе жидкостей до извѣстной температуры и называется пастеризаціей; въ западной Европѣ этотъ способъ теперь очень широко практикуется въ промышленности.

Споръ съ Пуше заставилъ Пастера не только самымъ тщательнымъ образомъ изучить жизнь низшихъ организмовъ, но и отыскать способъ для изолированія и культуры различныхъ видовъ этихъ организмовъ. Онъ изобрѣлъ такъ называемые бульоны, давшіе возможность воспитывать отдѣльные виды низшихъ организмовъ. Излѣдованіе процессовъ гніенія и броженія, какъ результатовъ жизнедѣятельности этихъ организмовъ, натолкнуло его на мысль, что такіе же зародыши, носящіеся въ воздухѣ, какіе вызываютъ появленіе вышеназванныхъ процессовъ, попадая въ извѣстную среду, могутъ служить и источникомъ появленія инфек-

ціонныхъ болѣзней и распространенія заразы. Эпидеміи давно уже приписывались «міазмамъ», но никто хорошенько не могъ объяснить, что такое міазмы. Пастеръ занялся рѣшеніемъ этого вопроса. Работая надъ культурами низшихъ организмовъ, микробовъ, онъ показалъ своими опытами надъ животными, что микробы могутъ вызывать опасное заболѣваніе и смерть, попадая въ организмъ животныхъ. Его открытія въ этой области произвели переворотъ какъ въ наукѣ, такъ и въ медицинской практикѣ. Старинная теорія самопроизвольнаго зараженія мало-помалу уступила мѣсто новой и гигиена и медицина, въ настоящее время, имѣютъ свою главную цѣлью предупрежденіе попаданія въ организмъ опасныхъ микробовъ, и зародышей и изученіе развитія и распространенія микробовъ составляетъ теперь новую и важную науку, именуемую бактериологіей. Пастеръ ввелъ химическіе методы въ излѣдованіе болѣзней; онъ открылъ цѣлый міръ безконечно малыхъ, изъ которыхъ одни намъ помогаютъ жить и играютъ роль нашихъ благодѣтелей, являясь главными факторами многихъ важнѣйшихъ процессовъ органической жизни, другіе же играютъ роль губителей и имѣютъ разрушительное вліяніе на животный организмъ. Идя далѣе по этому пути, Пастеръ пришелъ къ новому великому открытію, оказавшему огромныя благодѣянія всему человечеству. Доказавъ паразитную природу эпидемическихъ и инфекціонныхъ болѣзней и изучая различные болѣзнетворные микробы, Пастеръ нашелъ, что ядовитость ихъ можно усиливать и ослаблять по произволу и что введеніе въ кровь животнаго такихъ микробовъ, ядовитость которыхъ сильно ослаблена, предохраняетъ животное отъ дѣйствія микробовъ, сильно ядовитыхъ, присутствіе которыхъ въ организмѣ неизбѣжно вызываетъ ту

или другую болѣзнь. Такимъ образомъ возникли предохранительныя прививки, играющія въ настоящее время такую видную роль въ современной медицинѣ.

Но бесспорно самую большую извѣстностью пользуется открытый Пастеромъ способъ прививки бѣшенства, — способъ, давшій возможность бороться съ ужасной болѣзью, противъ которой медицина безсильна. Это одно открытіе, помимо всѣхъ прочихъ, могло бы послужить къ безсмертной славѣ Пастера и стяжать ему вѣчную благодарность страждущаго человѣчества. Въ основу этого открытія положена также идея ослабленія ядовитости, но такъ какъ Пастеру не удалось открыть микробъ бѣшенства и выдѣлить его, то онъ рѣшилъ попробовать уменьшить его ядовитость въ самой ткани, которая составляетъ ту среду, гдѣ онъ развивается и существуетъ въ чистомъ видѣ — въ нервной ткани мозга. Съ этою цѣлью Пастеръ бралъ мозгъ кролика, умершаго отъ бѣшенства и подвергалъ его постепенному высушиванію въ стеклянкѣ съ двумя трубочками, содержащей только сухой воздухъ. Мало-по-малу ткань мозга теряла свою ядовитость и на 15-й день просушки эта ядовитость была уже доведена до минимума. Такимъ образомъ Пастеръ добылъ вещество, имѣющее различную степень ядовитости, начиная отъ самой сильной (свѣжая мозговая ткань) до самой слабой (послѣ 15-ти дней просушки). Приготовивъ эмульсію изъ мозговой ткани различной степени ядовитости, Пастеръ произвелъ прививки собакамъ, постепенно переходя отъ болѣе слабой ядовитости къ болѣе сильной, и достигъ при этомъ изумительныхъ результатовъ: собаки, которымъ были сдѣланы такія прививки, становились совершенно невосприимчивыми къ бѣшенству.

Можно себѣ представить, какой

шумъ и какіе протесты вызвало сначала предложеніе Пастера примѣнять этотъ способъ къ лѣченію людей отъ бѣшенства, однако и тутъ Пастеръ одержалъ побѣду надъ господствовавшими предубѣжденіями и послѣ пятилѣтнихъ опытовъ надъ животными, онъ въ 1880 году 26-го октября н. ст. впервые произвелъ прививку бѣшенства чело­вѣку, маленькому эльзасцу Мейстеру, искусанному въ четырнадцать мѣстахъ бѣшеною собакой.

Благополучный исходъ этого перваго опыта послужилъ сигналомъ къ наводненію лабораторіи Пастера въ улицѣ Ульмъ большими со всего свѣта. Послѣ многихъ сомнѣній, жаркихъ споровъ и полемики, статистическія данныя неопровержимымъ образомъ доказали дѣйствительность Пастеровскихъ прививокъ. Теперь уже во всѣхъ большихъ городахъ у насъ и за границей, въ Америкѣ и въ Индіи устроены Пастеровскія станціи для производства прививокъ, и много людей, спасенныхъ отъ страшныхъ страданій, благословляютъ имя Пастера. Открытіе вакцины бѣшенства по истинѣ можетъ быть названо апофеозомъ его идей и заслужило ему названіе великаго благодѣтеля человѣчества. Но почти нѣтъ такой области медицины и промышленности, въ которой открытія Пастера не играли бы огромной роли. Томасъ Гексли однажды выразился такъ о работахъ Пастера: «Однѣхъ только этихъ открытій было бы достаточно для того, чтобы покрыть всѣ издержки, повнесенныя Франціей для уплаты Германіи военной контрибуціи въ пять миллиардовъ». Мы уже говорили раньше, какое важное значеніе для винодѣлія и пивоваренія имѣли работы Пастера. Также громадную пользу принесли его работы въ борьбѣ съ болѣзью шелко­вичныхъ червей. Знаменитый химикъ Дюма предложилъ ему въ 1865 году заняться изслѣдованіемъ эпидеміи, истреблявшей шел-

*

ковичныхъ червей, для того, чтобы найти средство для борьбы съ бѣдствіемъ, приносящимъ чувствительный ущербъ интересамъ цѣлой страны. Пастеръ сначала колебался взять на себя эту миссію, говоря, что онъ ничего не понимаетъ и никогда въ жизни не видѣлъ ни одного шелко-вичнаго червя. «Что за бѣда!—сказалъ ему Дюма.—У васъ по крайней мѣрѣ, не будетъ предвзятыхъ идей, а только тѣ, которыя явятся результатомъ вашихъ личныхъ наблюденій». Эта глубокая мысль получила особенное подтвержденіе во всей жизни и дѣятельности Пастера.

Въ медицинѣ идеи Пастера получили наиболѣе широкое и плодотворное примѣненіе. Открытіямъ Пастера современная хирургія обязана, главнымъ образомъ, всѣми своими успѣхами. Введеніе антисептики спасло жизнь многимъ тысячамъ больныхъ и самая смѣлая хирургическая операція удаются теперь благодаря этому методу, въ основу котораго положена идея Пастера о проникновеніи въ организмъ болѣзнетворныхъ зародышей. Плодотворность этихъ идей блестящимъ образомъ доказывается успѣхами гигиены и профилактики (науки о предупрежденіи болѣзней). Новѣйшее открытіе Ру и Беринга противудифтеритной сыворотки также непосредственнымъ образомъ связано съ работами Пастера и является прямымъ ихъ результатомъ. Такимъ образомъ, мы видимъ, что маленькая работа надъ винокаменною кислотой послужила фундаментомъ для громаднаго научнаго знанія и освѣтила цѣлый міръ безконечно малыхъ, играющій такую огромную и важную роль въ органической жизни нашей планеты. Пастеръ былъ реформаторомъ въ медицинѣ, но онъ не былъ врачомъ. Быть можетъ, тутъ на немъ оправдалась мысль химика Дюма, что лучше приступать къ наблюденіямъ, не зная и не имѣя предвзятыхъ убѣжденій. Будь онъ вра-

чемъ, онъ могъ бы находиться до нѣкоторой степени подъ властью ходячихъ взглядовъ и традицій, онъ же былъ свободенъ отъ нихъ. Онъ занимался медициной какъ хмызъ и создалъ настоящую великую медицину. Профессоръ Гранше, говоря о работахъ Пастера въ своей знаменитой публичной лекціи, прочитанной молодежи парижскихъ школъ, воскликнулъ: «Хотите знать мое мнѣніе о Пастерѣ? Когда черезъ тысячу лѣтъ, предположимъ въ 2893 году, какой-нибудь врачъ, обращающійся къ молодому поколѣнію, своимъ ученикамъ, будетъ говорить имъ объ эволюціи медицинской науки, то прежде всего онъ назоветъ имъ безсмертныя имена Гиппократъ и Пастера, слава которыхъ никогда не померкнетъ!».

Въ своей замѣткѣ мы хотѣли въ общихъ чертахъ указать на значеніе трудовъ Пастера и на то, какъ постепенно крѣпли, росли и развивались его идеи и какая преемственная связь существовала между всѣми его открытіями. Теперь намъ остается сказать еще нѣсколько словъ о Пастерѣ, какъ о человѣкѣ. Паскаль въ своихъ знаменитыхъ «Pensées» (Мысли) говоритъ, что существуютъ три рода величія: матеріальное, умственное и душевное, характеризующееся состраданіемъ. Пастеръ обладалъ послѣднимъ въ самой высокой степени, присоединяя къ нему и величіе ума. Труды Пастера тѣмъ и отличаются отъ трудовъ прочихъ ученыхъ, также какъ и онъ дѣлавшихъ открытія, борющихся съ заблужденіями, основавшихъ цѣлыя школы и обогатившихъ новыми знаніями человѣческой умъ, что въ основу ихъ заложена великая гуманитарная идея, стремленіе указать человечеству путь къ спасенію отъ многихъ бѣдствій, считавшихся до сихъ поръ непреодолимыми, продлить жизнь человечества, научивъ его бороться съ разрушительными вліяніями, Пастеру выпало рѣдкое счастье видѣть при жизни ко-

ичное торжество своихъ идей; ему при жизни устроенъ былъ апофеозъ и чествованіе его семидесятилѣтняго юбилея имѣло характеръ настоящаго международнаго торжества, потому что въ немъ приняли участіе научныя общества и ученые всѣхъ странъ. Но не смотря на то, что слава о немъ гремѣла въ цѣломъ мірѣ, Пастѣръ оставался скромнымъ ученымъ, врагомъ всякой пышности. Онъ лучше всего любилъ проводить время въ семейномъ кругу или въ своей лабораторіи, въ обществѣ своихъ сотрудниковъ. Онъ очень любилъ вспоминать свое дѣтство и всегда говорилъ, что всѣмъ обязанъ той средѣ, въ которой выросъ, такъ какъ она научила его трудолюбію, любви къ человѣчеству и къ родинѣ. Въ его кабинетѣ, рядомъ съ портретомъ матери, нарисованномъ имъ самимъ, висѣла старая вывѣска, которая нѣкогда красовалась надъ дверями кожанной лавки его отца. Къ своимъ пациентамъ Пастѣръ всегда относился съ величайшею внимательностью и состраданіемъ. Одинъ изъ ближайшихъ его сотрудниковъ рассказываетъ, что когда онъ первый разъ примѣнилъ свой способъ лѣченія бѣшенства на ребенка, искусномъ бѣшеною сабакой, то такъ сильно волновался, такъ боялся за исходъ лѣченія, что окружающіе его стали опасаться за его собственное здоровье, такъ какъ онъ не спалъ нѣсколько ночей подрядъ, совершенно лишился аппетита и постоянно переходилъ отъ отчаянія къ надеждѣ, то сомнѣваясь въ успѣхѣ и падая духомъ, то снова начиная вѣрить въ свое открытіе и надѣяться. Такое нервное состояніе довело его чуть не до галлюцинацій; онъ постоянно видѣлъ передъ глазами личико страдающаго ребенка, умирающаго отъ бѣшенства. Наконецъ, миновали тяжелые дни неизвестности. Маленькій эльзасецъ, первый пациентъ Пастера, вернулся на родину и между нимъ и Пастеромъ завязалась правильная кор-

респонденція; по уговору, онъ долженъ былъ писать Пастеру сначала черезъ каждыя четыре дня, затѣмъ черезъ недѣлю и наконецъ черезъ двѣ недѣли. Надо было видѣть съ какимъ нетерпѣніемъ Пастѣръ ждалъ почты въ назначенный день и какъ онъ радовался когда видѣлъ знакомый дѣтскій неровный почеркъ. Для всякаго, кто видѣлъ Пастера въ эти минуты, было ясно, что онъ былъ не только ученый, но и настоящій человѣкъ.

Любовь къ родинѣ была также однимъ изъ преобладающихъ чувствъ въ душѣ Пастера. Онъ не былъ узкимъ патріотомъ и въ наукѣ всѣ національности для него были равны; онъ не дѣлалъ національныхъ различій между своими учениками и сотрудниками. Всѣ одинаково были близки его сердцу, если отдавались служенію наукѣ и человѣчеству такъ беззавѣтно, какъ и онъ. Но національный патріотизмъ въ немъ просыпался иногда съ особенною силой. Такъ, на примѣръ, въ 1871 году, возмущенный бомбардировкою Парижа и гибелью отъ неприятельскихъ ядеръ прекрасныхъ коллекцій музея «Jardin des Plantes», Пастѣръ отослалъ назадъ боннскому университету полученный имъ оттуда почетный дипломъ на званіе члена-корреспондента. Въ отвѣтъ на это, германская ученая коллегія прислала Пастеру слѣдующее заявленіе: *«Боннскій университетъ выражаетъ г. Пастеру свое величайшее презрѣніе!»* Этотъ маленький эпизодъ служитъ наилучшимъ доказательствомъ того, какъ ослѣпляетъ въ извѣстныя минуты чувство національной вражды и какое смѣшеніе понятій образуется подъ вліяніемъ взрыва воинственныхъ чувствъ.

Пастѣръ умеръ, но дѣло его не умерло вмѣстѣ съ нимъ. Идеи его пустили ростки, выросли и окрѣпли и научное движеніе, подъ вліяніемъ могучаго толчка, даннаго ему Пастеромъ, широкою волною разлилось по

всѣмъ отраслямъ человѣческаго знанія. Въ Пастеровскомъ институтѣ, созданномъ національною подпиской въ Парижѣ, сдѣлано уже много научныхъ работъ высокой важности, и ему несомнѣнно принадлежитъ будущее. Смерть великаго учителя, составлявшаго душу этого учрежденія, не внесетъ, однако, беспорядка въ эти работы, такъ какъ идеи его безсмертны и ими будутъ вдохновляться тѣ, кто призванъ продолжать его дѣло. Пастеръ умеръ, «свершивъ все земное» и оставивъ по себѣ неизгла-

димый слѣдъ въ исторіи прогресса: человѣчества, но жизнь его была всегда трудовой жизнью. Онъ достигъ вершинъ славы, но не эта слава была его конечною цѣлью, а его увлекала впередъ любовь къ наукѣ и любовь къ человѣчеству и, начавъ съ узкихъ и чисто специальныхъ научныхъ работъ, онъ возвысился до самыхъ широкихъ общихъ взглядовъ, охватывающихъ всѣ проблески человѣческой жизни и затрагивающихъ интересы всего человѣчества.

Э. П.

Издательница А. Давыдова.

Редакторъ Викторъ Острогорскій.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКІЙ ОТДѢЛЪ

ЖУРНАЛА

„МІРЪ БОЖІЙ“.

Октябрь

1895 г.

Содержаніе. Беллетристика. — Исторія всеобщая. — Политическая экономія. — Географія. Этнографія. Путешествія. — Естествознаніе. — Народныя изданія. — Новости иностранной литературы. — Новыя книги, поступившія въ редакцію.

БЕЛЛЕТРИСТИКА.

«Къ чему жить?» Сборникъ «Посредника». — *А. В. Крулювъ.* «Немудренное счастье». — «Въ сѣверныхъ лѣсахъ». — Собраніе сочиненій Альфонса Доде.

Къ чему жить? Сборникъ произведеній иностранныхъ авторовъ: Э. Альгрена; Д. Верга, Э. Горнунга, Л. Галеви, Киплинга, А. Лефлеръ, Э. Оржешко, А. Стринберга и др. Изд. «Посредника» для интеллигентныхъ читателей. М. 1895 г. 70 к.—Редакція «Посредника» время отъ времени выпускаетъ сборники беллетристическихъ произведеній, какъ русскихъ, такъ и иностранныхъ авторовъ, дѣлая болѣе или менѣе подходящій выборъ для преслѣдуемыхъ ею нравственно-воспитательныхъ цѣлей. До сихъ поръ вышли два сборника: «Доброе дѣло» и «Проблески», вызвавшіе сочувствіе со стороны критики, и въ средѣ читающей публики. Въ послѣднее время вышелъ третій сборникъ: «Къ чему жить?», отличающійся тѣмъ направленіемъ, что и первые два; каждая повѣсть, каждый разсказъ, даже самый маленькій очеркъ, написанъ просто, въ тоже время живо, сердечно и непремѣнно проникнуть какою-нибудь гуманной идеей. Такъ, въ разсказѣ Эрнста Альгрена: «Къ чему жить?» на сцену выводится несчастная женщина, личная жизнь которой разбита и потеряла для нея всякій смыслъ, и потому она всѣми силами стремится сбросить съ себя это тягостное для нея бремя. Но въ то время, когда она уже стоитъ одной ногой на краю гибели, она невольно замѣчаетъ около себя другое несчастное существо, — своего маленькаго племянника, всѣми покинутаго, презираемаго, не знающаго ни ласки, ни любви, ни радостей дѣтства. Несчастіе сближаетъ эти два существа, и вопросъ: «Къ чему жить?» получаетъ иной, вполне ясный и опредѣленный отвѣтъ. Есть смыслъ въ жизни и тогда, когда личное счастье утрачено безвозвратно: если не стоитъ жить для себя, можно и должно жить для другихъ. Еще художественнѣе написанъ разсказъ Э. Оржешко «Погибшій». Такимъ «погибшимъ» становится сынъ знатныхъ родителей, — человекъ по натурѣ весьма добрый, съ богатыми природными способностями, сильной волей, но получившій самое скверное воспитаніе въ родительскомъ домѣ, и совершенно необразованный. Пылливый умъ юноши искалъ

для себя пищи — и не находилъ; горячее сердце жаждало любви — и встрѣчало одну людскую злобу, ненависть и эгоизмъ; воля стремилась къ простору для своей дѣятельности — и находила себѣ почву только въ кутежахъ и картежѣ. При подобныхъ условіяхъ преступленіе является почти естественнымъ и неизбѣжнымъ: такъ совершается *шибель* недюжинныхъ людей, не умѣющихъ мириться съ будничной обстановкой и пошлой дѣйствительностью.

Въ концѣ сборника помѣщена бретонская легенда «Жаворонокъ», глубокая по мысли и прелестная по художественной формѣ. Въ одно утро на горизонтѣ вовсе не показалось солнца. Напрасно люди и вся одушевленная и неодушевленная природа ждали источника тепла и свѣта, источника своей жизни,—его все не было и не было. Мало того, на землю спустился густой туманъ, который постепенно окутывалъ моря и горы, и былъ до того непроницаемъ, что самые зоркіе глаза отказывались видѣть что-нибудь. Во мракѣ слышался лишь шелестъ летавшихъ филиновъ и совѣ, да изрѣдка доносился плачущій вой шакала или гиены. Тогда на людей напала тяжелая, безысходная тоска. Всѣ поняли, что съ потерей тепла и свѣта они потеряли все. Все, что было ими сдѣлано и добыто, что они выстрадали, за что бились и умирали ихъ отцы и дѣды, все потонуло въ этомъ мракѣ. И даже самые мужественные, долго не терявшіеся люди, и тѣ почувствовали, что все потеряно. Люди замѣчали, что мракъ не только не разсѣивается, но точно густѣетъ, и стали проникаться увѣренностью, что ему не будетъ конца. И еще они замѣчали, что даже то, что было внутри ихъ и, казалось бы, не могло исчезнуть отъ этого мрака, исчезало постепенно, точно таяло одно за другимъ. Они чувствовали, какъ гаснетъ умъ, какъ овладѣваетъ ими апатія, какъ пропадаетъ совѣсть, какъ изъ разумныхъ существъ они превращаются, мало-по-малу, въ такихъ же звѣрей, какъ и тѣ, что жалобно выли теперь въ лѣсахъ и поляхъ... Тьма продолжалась... Въ поляхъ и лѣсахъ, въ деревняхъ и хижинахъ слышался только жалобный вой или громкое злое рычанье. Нельзя уже было разобрать, голоса ли это звѣрей или людей, превратившихся въ звѣрей, раздаются среди царившей надъ землей тьмы. Но мало по-малу люди и звѣри привыкли къ мраку. Они освоились съ нимъ настолько, что двигались, ходили, летали, и даже перестали его бояться. Многіе, увѣривъ себя, что мраку не будетъ конца, уже не желали свѣта и были вполне довольны окружавшей ихъ тьмой. Другіе находили, что мракъ еще лучше, потому что онъ не рѣжетъ глазъ, какъ яркіе лучи солнца. Постепенно человѣкъ приближался къ звѣрю, и скоро оба настолько сблизились, что уже не было между ними различія... И было въ это время только два рода голосовъ на землѣ: въ одномъ слышался жалобный плачь, стонъ отъ боли; въ другомъ—злое рычаніе и скрежетъ зубовъ... И хотя мракъ по прежнему былъ непроницаемъ, но съ нимъ уже освоились окончательно, и никто уже не желалъ, чтобы пришелъ на землю свѣтъ. Одинъ только маленькій жаворонокъ не хотѣлъ мириться съ такой ужасной дѣйствитель-

востью. Онъ плакалъ и скорбѣлъ о прошлыхъ свѣтлыхъ дняхъ и рѣшилъ лучше погибнуть въ борьбѣ за общее благо, чѣмъ прозябать въ этой тьмѣ кромѣшной. И благородный, самоотверженный и мужественный жаворонокъ полетѣлъ добывать свѣтъ. И свѣтъ былъ добытъ имъ,—но добытъ цѣною собственной жизни. Разомъ все въ мірѣ ожило,—всѣ существа дружно восклицали въ порывѣ восторга: «Солнце! милое солнце!»—одинъ только жаворонокъ лежалъ при дорогѣ недвижимъ съ сожженными крыльями, привесими міру лучъ свѣта и правды.

А. В. Кругловъ. Немудреное счастье. Романъ въ двухъ частяхъ. Спб. 1895 г. Ц. 1 р. — Когда г. Кругловъ не выходитъ изъ сферы доступныхъ ему наблюдений, его читать безъ скуки можно. Эта сфера—жизнь мелкихъ, ничтожныхъ людей, въ которой нѣкогда Гоголь почерпнулъ матеріалъ для своихъ безсмертныхъ типовъ. Г. Кругловъ просто бытописатель, хорошо знающій среду, которую описываетъ, и это оправдываетъ его право на ваше вниманіе. Безъ особаго интереса, но и не безъ любопытства вы читаете «Немудреное счастье», выпавшее на долю мелкаго провинціального чиновника, исторію его женитьбы и послѣдующей жизни, въ которой все сначала и до конца сводится къ жалкому удовлетворенію не менѣе жалкихъ грубо-матеріальныхъ интересовъ. Предъ нами живутъ, или, вѣрнѣе, копошатся такіе маленькіе людишки, что каждый изъ нихъ въ отдѣльности даже и не замѣтенъ, но всѣ вмѣстѣ они составляютъ своеобразную среду, типичную, рѣзко обособившуюся, и даже очень значительную. Это провинціальная чиновничья среда, которая въ провинціи, особенно въ уѣздныхъ городахъ представляетъ административную силу, все вѣдающую, направляющую и направляющую. Это сила, и очень ошутительная, и даже болѣе существенная, чѣмъ можетъ подумать иной столичный читатель, засѣдающій въ «центрѣ», т. е. въ департаментѣ, и мечтающій о себѣ, какъ о вершителѣ судебъ любезнаго ему отечества. Но на дѣлѣ онъ—только мечтатель, а вершитель-то—скромный его коллега въ провинціи. Столичный мечтатель, положимъ, задумалъ осчастливить отечество однимъ изъ своихъ безчисленныхъ проектовъ. Онъ теперь уже настолько просвѣщенъ, что безъ статистическихъ данныхъ не обходится, и требуетъ ихъ, какъ основу для своего зданія будущаго благополучія отечества, у своего провинціального товарища. Тотъ ищетъ эти данныя, во, уступая столичному чиновнику въ просвѣщенности, превосходитъ его въ практичности и потому, не задумываясь, измышляетъ ему данныя, въ полной увѣренности, что все имъ представленное сойдетъ благополучно. И сходитъ, потому что провѣрять его будетъ онъ же въ концѣ концовъ, а кто себѣ врагъ? И онъ сочиняетъ данныя, смотря по вдохновенію и настроенію, а «центръ» дѣлаетъ выводы, которые потомъ упираются въ обывательскую спину. Какъ же не интересна послѣ этого чиновничья провинціальная среда? Она интересна и ужасна, потому что безжизненна и поражаетъ отсутствіемъ всякихъ интересовъ. Міръ можетъ гремѣть торжествомъ или пораженіемъ самыхъ насущныхъ интересовъ челоуѣчества, волноваться величайшими открытіями науки и

*

изобрѣтеніями искусства, пламенѣть восторгомъ, или холодѣть отъ отчаянія, а провинціальная чиновничья среда остается глуха и равнодушна, потому что всѣ ея интересы сводятся къ жалованью. Пока она твердо увѣрена, что двадцатаго числа казначей выдастъ слѣдующее, она не шелохнется и не поинтересуется узнать, что тамъ происходить за предѣлами ея города. Эта неподвижность, равнодушіе, ничтожность жизни и ея грубый до животности матеріализмъ хорошо обрисованы въ «немудреномъ счастьи» чиновника Кочерина, всѣ мечты котораго заключаются сначала въ обладавіи «предметомъ», уязвившимъ его сердце,—ибо и у представителей этой разновидности рода homo sapiens есть сердце,—а затѣмъ въ достиженіи мѣста помощника столоначальника. Вокругъ этой парочки группируются остальные представители, столь же неинтересные и животные. Романъ не блещетъ художественными красотоми, не претендуетъ на анализъ психики своихъ героевъ, но знакомые съ жизнью чиновниковъ уѣздныхъ, а пожалуй и губернскихъ городовъ, должны признать, что въ немъ много правды.

А. В. Кругловъ. Въ сѣверныхъ лѣсахъ. Разказы. Изд. А. С. Суворина. 1895 г. Ц. 15 к.—Перу того же автора принадлежатъ два разказа изъ жизни зырянъ—«Отверженный» и «Мечь». Жизнь инородцевъ нашихъ окраинъ всегда даетъ много интереснаго матеріала, который въ рукахъ художника получаетъ глубокій общечеловѣческой смыслъ, какъ доказываютъ прелестные разказы гг. Короленко, Сѣрошевскаго и др. Но г. Кругловъ, не будучи художникомъ, взялся не за свое дѣло, стараясь представить въ образахъ своихъ Якушей и Пѣтырей съ ихъ возлюбленными и прочими, якобы художественными, аксессуарами, въ которыхъ недостаетъ главнаго—жизненной правды. Можетъ быть, все именно такъ и есть, какъ разказываетъ авторъ, но мы ему должны вѣрить на слово, потому что его персонажи сами по себѣ не убѣдительны. Рѣчи ихъ торжественны, жесты размѣренно-дѣланные, все въ общемъ безжизненно и скучно. Мы бы предпочли два-три простыхъ очерка жизни этихъ энергичныхъ обитателей сѣвера Вологодской и Пермской губерній, которые не только не вымираютъ, подобно своимъ родичамъ, другимъ инородцамъ тѣхъ же мѣстностей, но подавляютъ русскую народность, сливающуюся съ ними и поглощаемую до полной ассимиляціи. И если авторъ, какъ можно судить по его «разказамъ», изъ той же стороны, онъ могъ бы познакомить съ ними читателей, для большинства которыхъ зыряне—звукъ пустой.

Собраніе сочиненій Альфонса Додэ. Т. 1—9. Изд. Вѣстника иностранной литературы. С.-Петербургъ, 1894—1895. Въ вышедшихъ томахъ новаго изданія сочиненій Додэ собраны большинство его романовъ и мелкихъ разказовъ въ прекрасныхъ переводахъ. «Джэкъ», «Фромонъ Младшій и Рислеръ Старшій», «Маленькій челоуѣкъ», «Тартаренъ изъ Тарасконы», «Письма съ мельницы» и другія произведенія даютъ въ своей совокупности полное представление о романистѣ, занявшемъ одно изъ первыхъ мѣстъ въ современной французской литературѣ. Въ средней читающей пуб-

ликѣ, какъ во Франціи, такъ и внѣ ея, онъ пользуется почти большей популярностью, чѣмъ стояще гораздо выше его по таланту Золя, Мопассанъ, Бурже и др. Происходитъ это отъ того, что Додэ не запугиваетъ читателей глубокими идеями, а подкупаетъ безхитростной теплотой и сочувствіемъ къ мелкимъ страданіямъ среднихъ людей. Романы Додэ менѣе всего глубоки—въ нихъ нечего искать философской подкладки или стремленія подвести жизненные явленія подъ какія-нибудь научныя теоріи. Со стороны психологическаго анализа онъ также не удовлетворяетъ строгимъ требованіямъ—всѣ созданные имъ характеры и типы рисуютъ людей внѣшнимъ образомъ, со стороны ихъ дѣятельности; внутреннія пружины души, сложность элементовъ, опредѣляющихъ душевный міръ, остаются для него тайной. Онъ стремится только схватить оригинальныя черты характера и возсоздать обликъ человѣка такимъ, какимъ онъ является въ отношеніяхъ съ людьми, а не въ глубинѣ собственнаго сознанія. Эта поверхностность философскаго міросозерцанія и психологическаго анализа опредѣляетъ границы таланта Додэ и значеніе его творчества сравнительно съ другими вышеозначенными его современниками. Додэ представитель, такъ называемаго, «парижскаго романа», подобно Золя и другимъ, но, обладая большимъ знаніемъ парижскихъ нравовъ, въ изображеніи ихъ онъ остается на поверхности.

Въ границахъ своего таланта, однако, А. Додэ истинный и большой художникъ, чего нельзя сказать про другихъ второстепенныхъ и крайне популярныхъ французскихъ романистовъ, какъ Ж. Оне и т. п. Полный поэтическихъ настроеній и обладающій удивительнымъ языкомъ, Додэ ярче всего проявляетъ свое дарованіе въ разсказахъ и романахъ, посвященныхъ югу. Онъ знаетъ свою родину, Провансъ, до тонкости и преисполненъ горячей любви къ ней—это сквозитъ въ каждой строкѣ, посвященной югу, будь то описаніе его красотъ, или высмѣиваніе оригинальностей южанъ. Вся поэзія Прованса вылилась въ хорошенькихъ, но высокохудожественныхъ «письмахъ съ мельницы» и въ мелкихъ разсказахъ другихъ сборниковъ. Въ нихъ звучатъ всѣ мотивы, болѣе широко разработанные авторомъ впоследствии: глубокая и сосредоточенная страсти въ «Arlesienne», любовь къ природѣ въ разсказѣ «Су-префектъ на лонѣ природы», черезъ край бьющій юморъ въ «Элексиръ патера Готэ», «Папа умеръ!» и многихъ другихъ; разсказы о плутоватыхъ и въ то же время наивныхъ провансальцахъ—все это возсоздаетъ своеобразную прелесть юга, ничуть не умаленную его комическими сторонами.

Главная заслуга Додэ, какъ романиста, заключается въ созданныхъ имъ типахъ южанъ. Кромѣ поэтическихъ разсказовъ и сказокъ о своей прекрасной родинѣ, Додэ проявилъ свое знаніе Прованса и свою безпредѣльную любовь къ нему въ безсмертномъ типѣ Тартарена и въ очень яркихъ и законченныхъ характерахъ Нумы Руместана и окружающихъ его провансальцевъ, также какъ въ отдѣльныхъ фигурахъ въ другихъ романахъ. Тартаренъ—истинно эпическая фигура, выростающая до грандіозныхъ размѣ-

ровъ, благодаря удивительной смѣси столь противоположныхъ качествъ, какъ храбрости и трусости, хвастовства и неподкупной искренности, великодушія и мелочности. Въ немъ есть много фальстафовскаго, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, это истинный Донъ-Кихотъ южной Франціи, странствующій по пустынямъ, взбирающійся на Альпы, совершающій чудеса храбрости—по недоразумѣнію. И главное, за всѣми проявленіями его южнаго темперамента чувствуется настоящая жизнь, избытокъ силъ. Въ Тартарейѣ Додэ раскрывается психологію южанина, который всю жизнь остается дѣтски наивнымъ и живетъ въ вѣчной атмосферѣ оптическихъ обмановъ. Ослѣпительное солнце юга представляетъ всѣ предметы въ нѣсколько измѣненномъ, преувеличенномъ видѣ—и вотъ гдѣ романистъ видитъ источникъ «гасконады» своего героя. «Не мы говоримъ неправду, а солнце даетъ превратное понятіе о вещахъ», говоритъ Додэ часто устами своихъ героевъ. Въ самомъ дѣлѣ, среди этой благословенной природы, вѣчно счастливой и смѣющейся, кровь течетъ быстрѣе въ жилахъ, воображеніе разгорается, и область желаній сливается съ дѣйствительностью, образуя въ результатѣ безконечно симпатичныя натуры Тартареновъ, не говорящихъ ни слова правды, но наивно вѣрящихъ сами своимъ рокамъ, создающихъ себѣ миражи подвиговъ и славы и счастливыхъ, благодаря своему пылкому воображенію. Додэ показываетъ въ Нумѣ Руместанѣ, сколь пагубнымъ для другихъ дѣлается эта особенность южной натуры, когда южанинъ попадаетъ въ среду трезвыхъ людей сѣвера; но, рисуя портретъ южанина во весь ростъ въ Тартарейѣ, онъ самъ увлекается его кажущимися недостатками и, вмѣсто предполагаемой сатиры, получаетъ привлекательный своей стихійностью и внутренней красотой образъ не лгуна и хвастуна, а художника, не умѣющаго отказаться отъ права на творчество ни въ одинъ моментъ жизни; его выдумки перѣдко совершенно безкорыстны и въ этомъ ихъ обаяніе.

Парижскіе романы Додэ ниже тѣхъ, въ которыхъ герои провансальцы. Одна изъ особенностей Додэ—сентиментальность, портящая большинство его романовъ. Онъ очень легко—и дешево—умиляется то надъ беззавѣтной и несчастной любовью горбатой дѣвушки, то надъ страданіями школьнаго учителя, у котораго въ сущности мало причинъ страдать, кромѣ развѣ маленькаго роста и слишкомъ большой наивности. Самыя страданія, къ тому же, изображаются крайне схематично, не реально, и сводятся больше къ жалкимъ словамъ и патетическимъ сценамъ болѣзни, смерти и т. п., т.-е. чисто вѣшнымъ эффектамъ, не вводящимъ читателя въ душу изображаемыхъ людей. Всѣ романы Додэ полны изображенія угнетенной невинности, воплощенной въ довольно общихъ образахъ обманутыхъ мужей, чистыхъ дѣвушекъ, страдающихъ отъ эгоизма родителей и возлюбленныхъ и т. д., въ то время, какъ угнетатели представлены въ столь-же общеизвестныхъ типахъ легкомысленныхъ женъ, эгоистичныхъ отцовъ семействъ, артистовъ, приносящихъ въ жертву своему тщеславію любящихъ женъ и дѣтей и т. д. Столкновенія этихъ противоположныхъ темпераментовъ составляютъ содержанія «Джека», «Фромона Старшаго и Рислера Младшаго» и др.

Во всѣхъ ихъ есть прекрасныя сцены, жизненно очерченныя фигуры, но въ общемъ поверхностная жалостливость автора придаетъ имъ общій характеръ пошлости, еще болѣе замѣтной отъ того, что всѣ герои вращаются въ сферѣ самыхъ буржуазныхъ идеаловъ.

Среди романовъ Додэ есть еще особый разрядъ чисто тенденціозныхъ произведеній. Таковы его знаменитый «Безсмертный», — пасквиль на французскую академію, и «Сафо», романъ, написанный съ цѣлью предостеречь молодежь отъ опасныхъ увлеченій. Оба эти романа имѣли въ свое время «succès du scandale», особенно первый, высмѣивающій извѣстныхъ всѣмъ людей подъ прозрачнымъ прикрытіемъ вымысла. Въ литературномъ отношеніи это довольно слабая вещь, также какъ и «Сафо», гдѣ Додэ возвращается къ часто затрагиваемой имъ темѣ о пагубномъ вліяніи близости женщины на людей, занятыхъ интеллектуальнымъ и артистическимъ трудомъ. Тема эта не новая—Додэ заимствовалъ ее у своихъ друзей Гонкуровъ—и самая постановка вопроса въ Сафо слишкомъ искусственна, чтобы разрѣшить вопросъ.

ИСТОРИЯ ВСЕОБЩАЯ.

Т. Бокль. «Исторія цивилизаціи въ Англіи». — *Чедомилъ Мятровичъ*. «Константинъ, послѣдній византійскій императоръ».

Исторія цивилизаціи въ Англіи. Бокль. Переводъ А. Н. Буйницкаго. Изд. Ф. Павленкова. Спб. 1895 г. Ц. 1 р. 50 к.—Юношею 18—20 лѣтъ Генри Томасъ Бокль задумалъ великій трудъ своей жизни. Въ смутной формѣ представлялся ему тогда планъ его будущей работы, но, во всякомъ случаѣ, основная идея его историческаго міросозерцанія сложилась уже вполне твердо и опредѣленно. Это было убѣжденіе въ существованіи неизмѣнной послѣдовательности и законосообразности въ ходѣ историческихъ явленій, убѣжденіе въ томъ, что если извѣстныя событія совершились, то другія, соотвѣтствующія имъ, тоже произойдутъ, что въ этомъ отношеніи общественная жизнь не представляетъ исключенія въ общей цѣпи міровыхъ явленій, и въ мірѣ нравственномъ, какъ и въ мірѣ физическомъ, нѣтъ ничего аномальнаго, ничего случайнаго, неестественнаго и страннаго, но всюду порядокъ, симметрія и законъ. Подъ какимъ вліяніемъ сложилось у него это убѣжденіе, на то нѣтъ вполне точныхъ указаній, и мы сомнѣваемся, могутъ ли они быть, такъ какъ мысль эта приходила въ умы со всѣхъ сторонъ, выясняясь въ одинаковой мѣрѣ въ трудахъ философовъ и историковъ, экономистовъ и статистиковъ. Въ основныхъ воззрѣніяхъ Бокля видятъ слѣдъ вліянія французской соціологической мысли Ог. Конта и его предшественниковъ, но, можетъ быть, его идея общихъ причинъ, лежащихъ въ основѣ беспорядочнаго теченія общественно-исторической жизни, зазвучала, главнымъ образомъ, подъ впечатлѣніемъ статистическихъ выводовъ Кетле, указавшаго поразительную закономерность въ цѣломъ рядѣ,

повидимому, самыхъ капризныхъ и произвольныхъ общественныхъ явленій. Какъ бы то ни было, съ этой идеей общихъ причинъ Т. Бокль приступилъ къ своей великой задачѣ—«открыть сокровенныя условія, опредѣляющія развитіе и судьбу народовъ, найти въ событіяхъ миноваго ключъ къ таинствамъ будущаго, а для этого, по меньшей мѣрѣ, соединить въ одну науку всѣ законы нравственнаго и физическаго міра» (508). Эта попытка должна была поднять исторію изъ ея грубаго, беспорядочнаго, состоянія, слить ея отдѣльныя части въ одно полное, стройное цѣлое и содѣйствовать къ возведенію ея на подобающее мѣсто—главы и царицы всѣхъ наукъ. Т. Бокль не скрывалъ отъ себя всей трудности принятой задачи, но онъ измѣрялъ возможность ея выполненія той рѣшимостью, съ которой онъ отдавалъ ей всю свою жизнь и силы, той неуклонной энергіею, которую онъ вложилъ въ это дѣло и для которой не было ни смущенія, ни усталости, ни колебаній.

Прошло около 20 лѣтъ: въ 1857 году вышелъ въ свѣтъ первый томъ «Исторіи цивилизаціи Англіи» и произвелъ то впечатлѣніе среди современниковъ, какого съ вполне понятною гордостью ожидалъ его авторъ, но это была только часть введенія къ труду, который былъ имъ задуманъ. И вотъ, въ концѣ одной изъ главъ второго тома (IV-ой), мы встрѣчаемъ трогательныя страницы, въ которыхъ сказалась вся горечь, вся тяжесть сознанія, тяготѣвшаго надъ умомъ автора, сознанія полнаго своего безсилія привести къ концу задуманную работу, единственный излюбленный трудъ всей жизни, въ жертву которому было принесено все, чѣмъ дорожатъ люди. Онъ чувствуетъ, что «какъ бы онъ ни трудился, пройдутъ утро и полдень его жизни, наступитъ закатъ его дней, и самъ онъ сойдетъ со сцены, а то, что онъ тщетно надѣялся совершить, останется неоконченнымъ... Очевидно, подобное дѣло требуетъ не только многихъ умовъ, но и преемственной опытности многихъ поколѣній». И Бокль приходитъ къ такому заключенію:

«По внимательномъ соображеніи моихъ силъ, вѣроятной продолжительности моей жизни и предѣловъ, до которыхъ безопасно можетъ быть доведено прилежаніе, я пришелъ къ заключенію, что это введеніе, задуманное мною, какъ прочная основа, на которой впоследствии можно было бы воздвигнуть исторію Англіи, должно быть значительно сокращено, и, слѣдовательно, лишено своей силы; въ противномъ же случаѣ я едва ли успѣлъ бы рассказать съ подобающею полнотою и обстоятельностью дѣянія той великой и блестящей націи, съ которой я лучше всего знакомъ, и которой я съ гордостью считаю себя членомъ. Съ свободнымъ, благороднымъ и великодушнымъ англійскимъ народомъ тѣснѣе всего связаны мои симпатіи; на немъ естественно сосредоточиваются мои привязанности; изъ его литературы и жизни почерпнуты лучшія мои познанія; а потому теперь самое завѣтное, самое священное желаніе моего сердца—успѣть написать его исторію и раскрыть послѣдовательныя ступени его мощнаго развитія, пока задача эта мнѣ еще по силамъ, пока не притуплены мои способности и не начало ослабѣвать напряженное вниманіе» (509).

Но не сбылось и это «завѣтное желаніе сердца»: «Исторія ци-

визитаціи человѣчества, — какъ говоритъ Е. Соловьевъ, — свелась мало-по-малу на «Исторію цивилизаціи Европы», потомъ Англій, наконецъ, къ «Введенію», и того удалось написать лишь два тома изъ предполагаемыхъ пятнадцати». Силы были истощены, и конецъ близокъ. Умирая на 41 году жизни, вдали отъ родины, подъ знойными лучами сирійскаго солнца, въ безсвязномъ бреде Бокль повторялъ слова, въ которыхъ сказалось все, что привязывало его къ жизни: «Книга! моя книга! Я никогда не кончу моей книги!»

И, однако, хотя два тома, оставленные Боклемъ, представляютъ только преддверіе къ тому грандіозному зданію, которое рисовалось въ его умѣ и воображеніи, но «свободный, благородный и великодушный» англійскій народъ немного знаетъ лучшихъ памятниковъ, воздвигнутыхъ его національному гению. Всѣ лучшія черты англійскаго національнаго характера нашли себѣ мѣсто на страницахъ этого произведенія, самое краснорѣчіе котораго, серьезное и убѣдительное, сродни блестящему краснорѣчію лучшихъ политическихъ ораторовъ Англій. Здѣсь нашли себѣ отраженіе глубокая вѣра въ значеніе народной самостоятельности, уваженіе къ общественному мнѣнію, терпимость, мужественная стойкость въ защитѣ своихъ правъ и вѣрованій. И вы видите, какъ главныя начала, созидающія въ глазахъ Бокля цивилизацію народа, вытекаютъ для него въ такой же мѣрѣ изъ широкихъ обобщеній научной теоріи, сколько изъ врожденныхъ ему свойствъ національнаго характера, убѣжденій и чувствъ, выработанныхъ ходомъ той самой исторіи, истинныхъ двигателей которой онъ стремится раскрыть своимъ анализомъ.

Мы не находимъ у Бокля прямого опредѣленія понятія цивилизаціи, ростъ и упадокъ которой занимаютъ его въ теченіе всего труда, и только по отдѣльнымъ выраженіямъ можемъ судить, изъ какихъ элементовъ слагалось въ его представленіи это понятіе. Ожесточая «интересы цивилизаціи съ интересами знанія, свободы и богатства» (498), Бокль различаетъ факторы первоначальные и вторичные, подъ влияніемъ которыхъ складываются основы цивилизаціи. Къ первоначальнымъ причинамъ, опредѣляющимъ характеръ ея, относятся условія физической среды: климата, почвы, общаго вида природы. Придавая такое значеніе условіямъ естественной среды, Бокль примыкалъ къ своимъ предшественникамъ XVIII в.—Монтескье и Гердеру («Идеи о философіи исторіи человѣчества»). Недостаточность матеріала не дала ему возможности развить эту точку зрѣнія съ большею подробностью, но, во всякомъ случаѣ, Бокль устанавливаетъ двѣ стороны этого вліянія физическихъ дѣятелей на человѣка и общество. «Исторія богатства на его первыхъ ступеняхъ зависитъ по преимуществу отъ почвы и климата: почвой обусловливается вознагражденіе, получаемое за данный итогъ труда, а климатомъ—энергія и постоянство самого труда» (18). «Въ жаркихъ странахъ задѣльная плата сильно склонна къ пониженію, въ холодныхъ—къ повышенію» (26). «Когда же задѣльная плата постоянно низка, богатство распределяется весьма неравномѣрно, а также неравномѣрно

распредѣляется и политическое значеніе и общественное вліяніе» (27, 31). Что же касается вѣшняго вида природы, то отъ него зависитъ преобладаніе у населенія или воображенія, если оно поражается особымъ величіемъ физическихъ проявленій, горъ, вулкановъ, дѣвственныхъ лѣсовъ, бурь и пр., или разсудка, если вѣшній характеръ страны не возбуждаетъ фантазіи, а отсутствіе постоянныхъ и внезапныхъ опасностей внушаетъ довѣріе къ собственнымъ силамъ. Здѣсь лежитъ причина различія европейскихъ и азіатскихъ цивилизацій. Однако, и въ Европѣ на первыхъ ступеняхъ цивилизаціи природа брала верхъ надъ человѣкомъ, выработывая привычку преклоненія передъ сверхъестественными и высшими силами, суевѣріе и соотвѣтственно тому въ области общественныхъ отношеній—раболѣпіе. Эти особенности первоначальнаго состоянія человѣчества уступаютъ мѣсто лишь передъ воздѣйствіемъ позднѣйшаго и могущественнаго фактора цивилизаціи—знанія: какъ только умъ получить возможность торжествовать надъ вѣшними матеріальными дѣятелями, мѣрою цивилизаціи становится это торжество, и изъ двухъ разрядовъ законовъ, управляющихъ прогрессомъ человѣчества, умственный становится гораздо важнѣе физическаго (60 стр.). Состояніе знанія законовъ и отношеній вещей лежитъ въ основѣ господствующаго общественнаго мнѣнія, дѣлая его настолько могущественнымъ, что никакіе правители и законодатели не въ силахъ что-либо измѣнить въ странѣ, что противорѣчило бы по существу этому мнѣнію.

Какъ ни можетъ это показаться страннымъ въ глазахъ нѣкоторыхъ, но внимательное разсмотрѣніе пѣлаго ряда сужденій, высказываемыхъ Боклемъ, открываетъ у него если не послѣдовательное проведеніе того ученія, которое называется нынѣ теоріею экономическаго матеріализма въ исторіи, то во всякомъ случаѣ склонность къ этому рода приему объясненія историческихъ фактовъ. Если имѣть въ виду, что сторонники этой теоріи отнюдь не отрицаютъ первоначальнаго подавляющаго вліянія географической среды, дальнѣйшій же процессъ развитія историческихъ формъ ставятъ въ зависимость отъ развитія производительныхъ силъ, которыя, въ свою очередь, являясь ничѣмъ инымъ, какъ утилизаціею матеріальныхъ силъ, существующихъ въ природѣ, зависятъ отъ уровня знанія вещей и отношеній,—то уже изъ этого мы можемъ видѣть, насколько сближаются взгляды Бокля съ упомянутой точкой зрѣнія.

Выше мы видѣли, что распредѣленіе общественнаго вліянія и политическаго значенія между частями общества Бокль ставитъ въ непосредственную зависимость отъ распредѣленія богатства (стр. 27, 31). Обсуждая мнѣніе, что Рихелье уничтожилъ вліяніе французской знати, онъ находитъ, что это опибка, происшедшая отъ смѣшенія политическаго вліянія съ социальнымъ. «То, что называютъ политическимъ могуществомъ извѣстнаго класса общества, есть только признакъ, проявленіе дѣйствительнаго могущества его; и нѣтъ никакой пользы нападать на первое, если вы не можете въ то же время ослабить второе. Дѣйствительное могущество знатныхъ заключалось въ ихъ социальномъ значеніи, а этого

значенія ни Ришелье, ни Людовикъ XIV ослабить не могли, оно оставалось нетронутымъ до половины XVIII столѣтія, когда умъ Франціи возсталъ противъ него, ниспровергнувъ его и, наконецъ, произвелъ французскую революцію» (215 стр. прим.). Однако, сопоставляя это знаменательное примѣчаніе съ главою, посвященною ближайшимъ причинамъ французской революціи, мы отнюдь не находимъ у Бокля развитія этой замѣчательной мысли: такой крупный переворотъ, какъ французская революція, объясняется у Бокля едва ли не исключительно влияніемъ тѣхъ новыхъ идей, которыя вырабатывались изученіемъ природы въ предшествующую эпоху. Бокль, повидимому, самъ сознаетъ недостаточность своего анализа причинъ этого историческаго момента, въ чемъ и оговаривается. Недостаточность эта тѣмъ болѣе удивительна, что въ сравнительной характеристикѣ великой англійской революціи и войнъ фронды онъ твердо становится на точку зрѣнія борьбы классовъ («сословій», какъ онъ выражается), видя въ первомъ событіи борьбу между мелко землевладѣльческимъ и торговымъ классомъ, объединившимся вокругъ парламента, и дворянствомъ и духовенствомъ, объединившимся вокругъ королевскаго трона. Въ противоположность тому борьба фронды была бесплоднымъ кровопролитіемъ, потому что она велась не «во имя общихъ интересовъ сословій», а въ силу частныхъ интересовъ, и была движеніемъ только политическимъ, а не политическимъ и социальнымъ, какъ въ Англии (стр. 266—267). Мы могли бы умножить наши ссылки въ доказательство того, какое значеніе придавалъ Бокль социальному фактору въ направленіи событій, какъ онъ развитію промышленности и промышленнаго класса приписывалъ самое паденіе суевѣрій (157) и, наоборотъ, торжество бэконовской философіи (618 стр.). Но и приведенныя мѣста достаточно убѣдительно доказываютъ, что не случайною оговоркою были слова, вышедшія изъ подъ его пера: «мы живемъ въ томъ передовомъ состояніи общества, въ которомъ богатство есть и причина, и дѣйствіе прогресса, между тѣмъ какъ бѣдность есть обильный источникъ слабости, бездѣйствія и преступленія» (447). Нѣтъ никакого сомнѣнія, что если бы Бокль прожилъ дольше, то накопившеся матеріалы по промышленной исторіи Европы укрѣпили бы въ немъ подобную точку зрѣнія и послужили бы, можетъ быть, къ дальнѣйшему развитію его взглядовъ въ этомъ направленіи, но въ томъ видѣ, какъ мы ихъ встрѣчаемъ, они безусловно стоятъ въ нѣкоторомъ противорѣчьи съ общимъ началомъ изложенія. Если, дѣйствительно, «одной изъ причинъ торжества бэконовской философіи было возростаніе промышленныхъ классовъ, дѣловое, положительное направленіе которыхъ въ высшей степени благоприятно для эмпирическихъ наблюденій надъ однообразіемъ послѣдствій, такъ какъ отъ точности подобныхъ наблюденій зависитъ успѣхъ во всѣхъ практическихъ дѣлахъ», если справедливо это остроумное замѣчаніе,—а въ справедливости его, по мнѣнію Бокля, «едва ли можно сомнѣваться»,—то мы должны придти къ выводу, что или экономическія отношенія опредѣляютъ самую область явленій умственныхъ, или, во всякомъ случаѣ, между ними существуетъ

взаимодѣйствіе, извѣстные законы существованія. Послѣдняя точка зрѣнія дала бы возможность Боклю избѣжать многихъ противорѣчій и ошибокъ, явившихся въ результатѣ категорическаго утвержденія, что всѣ перемѣны въ жизни цивилизованнаго народа зависятъ *единственно* отъ суммы знаній, направленія и распространенія ихъ во всѣхъ классахъ общества (90, 93, 99, 112, 123, 236, 250, 288, 438 и пр.). Тѣмъ самымъ Бокль упускалъ прежде всего изъ виду тотъ основной фактъ, что мотивомъ дѣйствій чаще всего является чувство, а не разумъ. Всѣ великія историческія явленія сопровождались сильными чувствами. Разумъ, какъ говоритъ Л. Уордъ, не есть истинно двигающая сила, онъ есть только направляющая сила.

Нѣтъ сомнѣнія, что Т. Бокль, предоставляя знанію руководящую роль въ ходѣ дѣлъ человѣческихъ, не отдавалъ должнаго и значенію тѣхъ средъ, черезъ которыя проходитъ его вліяніе. Въ его глазахъ какъ литература, такъ и законодательство—политическій строй страны—есть явленія производныя: не они создаютъ извѣстное общественное состояніе, а напротивъ—они сами являются продуктомъ этого состоянія. Этимъ объясняется бессиліе правителей и государственныхъ дѣятелей въ ихъ попыткахъ руководить ходомъ общественнаго развитія: всѣ усилія ихъ обращаются въ ничто, разъ не встрѣчаютъ содѣйствія въ общемъ направленіи времени, которое опять же, въ концѣ концовъ, сводится къ уровню знаній въ той средѣ, съ которой имъ приходится имѣть дѣло. Это убѣжденіе приводитъ Бокля къ парадоксальному утверженію, что короли, государственные люди и законодатели скорѣе могутъ замедлить, чѣмъ ускорить умственное развитіе народовъ. Доказывая безплодность просвѣтительной дѣятельности правителей Испаніи XVIII вѣка, Бокль заключаетъ, что дѣятельность эта заслуживала бы самыхъ жаркихъ похвалъ, «если бъ мы не знали, до какой степени невозможно для какого бы то ни было правительства просвѣтить тотъ или другой народъ, и какое существенное условіе составляетъ при этомъ то, чтобы желаніе улучшеній было прежде всего заявлено самимъ народомъ. Никакой прогрессъ недействителенъ, если онъ не самопроизволенъ» (421). По тѣмъ же основаніямъ Бокль условно осуждаетъ конституціонныя попытки 1812, 1820 и 1836 г. въ Испаніи (435), находя въ исторіи этого времени доказательство того, какъ безсильны бываютъ всякія старанія путемъ учрежденій пересоздать народъ, мнѣнія котораго опираются на прежнюю систему знанія. «Общіе недуги зависятъ отъ общихъ причинъ, а эти послѣднія недосыгаемы для искусства политиковъ». Однако, вся аргументація Бокля, опирающаяся на исторію Испаніи, какъ справедливо замѣчаетъ Д. С. Милль («Система логики», кн. VI, гл. II, § 4), «показываетъ только, чего не могутъ сдѣлать правительства, но не то, что они ничего не могутъ сдѣлать. Сравните, чѣмъ была Испанія въ началѣ этого полустолѣтія либеральнаго правительства, и чѣмъ она стала въ концѣ его. Этотъ періодъ принесъ образованнымъ классамъ свѣтъ европейской мысли, который съ того времени уже никогда не переставалъ распространяться. Передъ этимъ измѣненіе происходило въ обратномъ направленіи: культура,

просвѣщеніе, умственная и матеріальная дѣятельность угасали. Развѣ ничто—остановить это понижающееся движеніе и обратить его въ возвышающееся? Этой половинѣ вѣка Испанія обязана своимъ освобожденіемъ отъ инквизиціи, отъ монаховъ, — тѣмъ, что она имѣетъ теперь парламентъ и свободную печать, чувства свободы и гражданства, что она теперь пріобрѣтаетъ желѣзныя дороги и всѣ другія принадлежности вещественнаго и экономическаго прогресса». И, безъ сомнѣнія, дальнѣйшая судьба страны оправдала скорѣе точку зрѣнія Милля, чѣмъ Бокля, самое заблужденіе котораго, однако, коренилось, быть можетъ, не столько въ теоретическихъ посылакахъ, сколько въ свойственной англо-саксонскому характеру вѣрѣ въ могущественную силу народной самостоятельности.

Чедомиль Міятовичъ.—Константинъ, послѣдній византійскій императоръ, или завоеваніе Константинополя турками. Переводъ съ сербскаго. 1895 г. Изд. А. С. Суворина. Ц. 25 к., стр. 219.—Завоеваніе Балканскаго полуострова турками представляетъ одну изъ поучительнѣйшихъ страницъ исторіи, — «какимъ образомъ не цивилизованному и отнюдь не многочисленному племени удалось разорить три христіанскихъ царства, стоявшихъ на высокой степени культуры, и создать на ихъ мѣстѣ обширную, могущественную и устойчивую имперію». Двѣ причины, по мнѣнію автора разбираемой книги, содѣйствовали побѣдоносному шествію турокъ. Первая—энергія этого молодого, воодушевленнаго фанатической идеей народа, вторая—византизмъ, въ теченіи столѣтій разрушившій основы народнаго духа грековъ, болгаръ и сербовъ, подавившій въ нихъ энергію, инициативу, любовь къ свободѣ, и сдѣлавшій ихъ продажными, рабскими, готовыми подчиниться кому угодно, лишь бы это подчиненіе не мѣшало возможности удовлетворять ихъ низменныя, животныя страсти и желанія.

Не легко опредѣлить въ нѣсколькихъ словахъ, говоритъ авторъ, что такое византизмъ. Исторія какъ бы желала испытать, что произойдетъ отъ смѣшенія идей христіанства и Запада съ духомъ Востока. «Быть можетъ, божественная идея братства соединитъ горячее сердце новаго Рима съ практическимъ благоразуміемъ древняго и отсюда получится дивная гармонія, способная поднять человѣчество на недостигаемую высоту?» Но опытъ не удался. Востокъ пересилилъ Западъ, и плодотворныя идеи и духъ послѣдняго закамевѣли въ формалистикъ и неподвижности перваго. Привилось лишь то, что было худшаго въ учрежденіяхъ древняго Рима. «Глубже всего пустили корни формы и духъ автократическаго правленія худшихъ временъ римскаго имперіализма, дѣлавшіе невозможнымъ существованіе личной свободы. Христіанская религія была слишкомъ отвлеченна, слишкомъ возвышенна для полнаго пониманія; она была отодвинута назадъ, а на первый планъ выступила церковь. Церковь же очень скоро отождествилась съ тѣсно сплоченной корпораціей невѣжественныхъ, суевѣрныхъ, эгоистичныхъ, честолюбивыхъ монаховъ, превозносившихъ императора только для того, чтобы эксплуатировать его, какъ своего пособника, и сводившихъ христіанство къ поклоненію монахамъ, реликвіямъ

и къ куплѣ и продажѣ молитвъ за упокой души умершихъ. Императоры и церковная іерархія стали союзниками и оставались ими до конца. Подъ напоромъ такого могущественнаго союза быстро потухли искры личной свободы. Возмущенія еще ухудшили дѣло, доставляя случай разгуду грубой силы, жестокости, низкопоклонству и измѣнѣ; въ концѣ концовъ они только укрѣпляли авторитарическую власть. Всякій благородный порывъ подавлялся въ пользу низкаго эгоизма и подлой неблагодарности. Народъ сталъ косной, бездушной массой, лишенной инициативы и воли. Вверху—тираннія и эксплуатація; внизу—ненависть и трусость, а лицемеріе всюду, какъ въ высшихъ, такъ и въ низшихъ, слояхъ. Наружный лоскъ и ловкость замѣняли истинную культуру; фразеологія скрывала недостатокъ мысли. Какъ политическій, такъ и социальный строй, оба были одинаково гнилы; духъ націи сталъ вялымъ, лишеннымъ всякой эластичности. Эгоизмъ взобрался на тронъ общественныхъ интересовъ, пытаясь скрыть свое безобразіе подъ маской ложнаго патріотизма. Такая политическая и социальная система, гдѣ прямодушіе и мужество смѣняются хитростью, лицемеріемъ и подлостью, между тѣмъ какъ соблюдаются все-таки изящныя формы и утонченныя приемы,—такая система, гдѣ государство является обыкновенно въ священническихъ одеждахъ, называется византизмомъ».

Паденіе Константинополя было послѣднимъ актомъ борьбы между турками и византизмомъ,—борьбы, при которой народъ присутствовалъ безучастнымъ зрителемъ. Онъ равнодушно слѣдилъ за тѣмъ, какъ постепенно сжималось кольцо турецкихъ завоеваній вокругъ греческой имперіи, пока, наконецъ, послѣдняя не была заключена въ стѣнахъ одного только города. Для народа даже была выгодна перемѣна властителей, такъ какъ турки вначалѣ были крайне осмотрительны. Они ввели вездѣ улучшенное управление, хорошій и не подкупный судъ, уваженіе къ закону, смѣнившее продажность византійской бюрократіи, и не трогаи ни языка, ни религіи побѣжденныхъ. Когда въ послѣднія минуты имперія обратилась къ народу съ воззваніемъ къ его патріотизму, народъ безмолствовалъ, и въ осажденномъ Константинополѣ, съ его почти полумилліоннымъ населеніемъ, не нашлось и десяти тысячъ добровольцевъ, готовыхъ сражаться. «Императоръ повелѣлъ произвести наборъ всѣмъ гражданамъ, способнымъ носить оружіе. Французъ (одинъ изъ греческихъ хроникеровъ), которому было поручено это дѣло, заявляетъ, что онъ отыскалъ только 4.973 грековъ и около 2.000 иностранцевъ, годныхъ къ оборонѣ стѣнъ». Ремонтъ послѣднихъ, къ несчастью, былъ порученъ надзору двухъ монаховъ, искусныхъ инженеровъ, но жадныхъ и безчестныхъ. Часть денегъ, предназначенныхъ для укрѣпленія стѣнъ, попала, какъ думаютъ, въ карманы этихъ строителей, и состояніе стѣнъ, когда появились турки, было такъ плохо, что греки опасались ставить на нихъ тяжелыя орудія (стр. 129). Мало того, во время осады, уже наканунѣ гибели, когда венеціанцы, составлявшіе самый мужественный и храбрый отрядъ гарнизона, попросили, чтобы греки помогли имъ поставить построенные ими щиты изъ дерева, то греки согласились на это лишь съ условіемъ, если имъ заплатятъ впередъ

(стр. 189). Во время осады греки вели себя, какъ трусы, и городъ не выдержалъ бы и одного дня осады, если бы не генуэзцы и венеціанцы, своимъ искусствомъ и мужествомъ на водѣ и на сушѣ поддержавшіе славу и честь Запада. Исключительно благодаря героизму ихъ вождя, венеціанца Джустиніани, Константинополь продержался три мѣсяца. Духовенство все время только пугало народъ мрачными предсказаніями и своимъ суевѣріемъ гасило послѣднюю искру мужества у осажденныхъ. Единственный грекъ, имя котораго сохранила исторія, какъ имя человѣка, достойнаго уваженія и воспоминанія, былъ самъ императоръ Константинъ Палеологъ. Трогательный образъ послѣдняго императора Византіи, запечатлѣнный мужественной рѣшимостью погибнуть на развалинахъ своей имперіи, нѣсколько искупааетъ омерзительную картину гибели народа, павшаго жертвою византизма. Императоръ ни минуты не колебался и, не смотря на усилія духовенства, горячо убѣждавшаго его покинуть городъ и бѣжать въ Пелопонесъ, — остался вѣрнѣе покинувшему его народу и палъ первый при взятіи города, сражаясь, какъ доблестный воинъ. Но греки не послѣдовали его примѣру и сдавались тысячами, умоляя побѣдителей о пощадѣ. Храбрые венеціанцы и генуэзцы не покинули грековъ и въ эту послѣднюю скорбную минуту. Они на корабляхъ неутомимо спасали погибающихъ, кого могли, и отплыли уже тогда, когда городъ былъ взятъ окончательно. Джустиніани былъ раненъ въ началѣ послѣдняго штурма, и этому обстоятельству турки приписывали успѣхъ осады. Турецкія хроники упоминаютъ, что «многіе греческіе монахи, ихъ было около трехсотъ, обитатели одного монастыря, убѣдившись, на чьей сторонѣ Богъ и чья вѣра правая, изъявили готовность принять исламъ» (стр. 206). Къ этому славянскія хроники прибавляютъ, что, когда султанъ Магометъ вошелъ въ храмъ Софіи, вдругъ отворились двери, отдѣлявшія алтарь отъ церкви, и оттуда вышло множество священниковъ на встрѣчу султану. Не доходя до него, они упали на колѣни и, простирая руки, воскликнули: «Аманъ,—смилуйся надъ нами!» Султанъ прослезился и пощадилъ ихъ всѣхъ. Этимъ послѣднимъ актомъ — униженіемъ передъ силой—византизмъ подчеркнулъ позорную память, которую справедливо сохранило за нимъ потомство.

«Духа не угапайте!»—таковъ великій урокъ, который даетъ исторія гибели византійской имперіи, и эта мысль красной нитью проведена въ образномъ изложеніи г-на Міатовича. Книга его—цѣнный и пріятный вкладъ въ нашу популярно-историческую литературу, по художественности и эпической простотѣ разсказа, проникнутаго широкими взглядами истинно просвѣщеннаго, обладающаго богатой эрудиціей, человѣка.

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЭКОНОМІЯ.

В. Г. Яроцкій. «Страхованіе рабочихъ». — Г. П. Сазоновъ. «Ростовщичество-кучачество».

В. Г. Яроцкій. Страхованіе рабочихъ въ связи съ отвѣтственностью предпринимателей. С. Петербургъ, 1895 г. 1 и 2 т. 5 р.—

«Одна изъ слабѣйшихъ сторонъ современнаго обычнаго способа вознагражденія наемнаго труда. — говоритъ г. Яропкій, — заключается въ необезпеченности будущности самихъ рабочихъ и членовъ ихъ семьи, въ случаѣ потери ими трудоспособности или преждевременной смерти». Заработная плата обыкновеннаго рабочаго настолько низка, что даетъ возможность трудящейся массѣ едва сводить концы съ концами, сбереженія же на «черный день» могутъ откладываться только въ ущербъ удовлетворенію насущныхъ потребностей. Работодатель обыкновенно нисколько не интересуется судьбой рабочаго, разъ тотъ вышелъ за стѣны его фабрики, потерявъ способность вертѣть колесо одной изъ громаднѣхъ машинъ. Капиталисту нужны только рабочія руки, или, вѣрнѣе, ему нуженъ рабочій—гвоздь, рабочій—винтъ: если этотъ гвоздь или винтъ на жѣстѣ, онъ полезень, нуженъ; разъ онъ заржавѣлъ, испортился, стерся, притупился или выпалъ изъ надлежащаго мѣста или гайки, онъ уже больше пенуженъ, его выбрасываютъ вонъ и замѣняютъ другимъ гвоздемъ, новымъ, благо такихъ гвоздей въ резервѣ находится почти неограниченное количество. Съ этимъ новымъ гвоздемъ скоро повторится та же исторія, что и съ первымъ, третій испытаетъ судьбу втораго, и т. д.

Таковъ обычный законъ безпощадной экономики. Однако, такое ненормальное положеніе рабочихъ вообще и, въ частности, тѣхъ изъ нихъ, которые по чему-либо лишились трудоспособности, давно уже обращало на себя вниманіе, давно заставляло изыскивать тѣ или иныя средства устроить это вопіющее зло современной жизни. Но только сравнительно въ недавнее время нашли болѣе или менѣе рациональныя способы разрѣшенія труднаго вопроса и однимъ изъ этихъ способовъ признано *страхованіе рабочихъ въ связи съ отвѣтственностью предпринимателей*. Этому-то предмету и посвященъ капитальный трудъ г. Яропкаго, названіе котораго мы привели выше.

Задачей своего сочиненія авторъ ставитъ «исслѣдованіе какъ внутренней или основной идеи страхованія рабочихъ, такъ и изложеніе послѣдовательнаго ея развитія во внѣшнемъ ея проявленіи, въ литературѣ и въ дѣйствительной жизни».

Въ первой главѣ, служащей какъ бы общимъ введеніемъ, г. Яропкій излагаетъ внутреннюю экономическую основу страхованія рабочихъ на почвѣ отвѣтственности предпринимателей, суть которой заключается въ слѣдующемъ: «всякое предпріятіе должно покрывать сполна всѣ свои издержки производства, а въ томъ числѣ по воспроизведенію стоимости труда рабочихъ; послѣднее не только по отношенію къ рабочему періоду, но и тогда, когда рабочіе почему-либо лишаются трудоспособности». Если же это предпріятіями не осуществляется, то покрытіе этихъ послѣднихъ издержекъ производится на счетъ общественной приплаты, выражающейся въ различныхъ формахъ вспомоществованія, благотворительности и общественнаго призрѣнія.

Глава вторая посвящена сравнительному очерку дѣйствующихъ законодательствъ объ отвѣтственности предпринимателей за несчастные случаи съ рабочими. Этотъ видъ отвѣтственности пред-

ставилъ наиболѣе благодарную почву, съ одной стороны, для выясненія и расширенія идеи отвѣтственности вообще, съ другой— дать наиболѣе энергичный толчокъ развитію сперва только соотвѣтствующаго вида страхованія рабочихъ, а потомъ и другихъ его видовъ, съ привлеченіемъ къ участию въ нихъ предпринимателей.

Въ дальнѣйшемъ изложеніи авторъ слѣдитъ за историческимъ развитіемъ различныхъ учрежденій для взаимнаго вспоможенія и страхованія рабочихъ въ четырехъ крупнѣйшихъ государствахъ Европы—Англіи, Франціи, Германіи и Австріи.

Мы остановимся лишь на Германіи, гдѣ законодательство о страхованіи рабочихъ достигло наиболѣе плодотворныхъ результатовъ.

Первымъ законодательнымъ актомъ въ этомъ смыслѣ является законопроектъ страхованія рабочихъ отъ болѣзней, принятый рейхстагомъ и утвержденный правительствомъ 15 іюня 1883 года. Внешеніе этого законопроекта мотивировалось, между прочимъ, слѣдующими соображеніями, не лишеными и въ настоящее время своего глубокаго значенія. «Объединеніе многочисленныхъ рабочихъ семей обусловливается въ значительной мѣрѣ тѣмъ, что онѣ лишаются средствъ существованія во время болѣзней кормильцевъ. Если эти послѣдніе, не будучи застрахованы, должны обращаться исключительно къ помощи общественнаго призрѣнія бѣдныхъ, то она оказывается имъ, по общему правилу, только тогда, когда леченіе больного и продовольствіе семьи поглотятъ уже всѣ источники средствъ существованія, заключающіеся въ сбереженіяхъ, домашней утвари, рабочихъ инструментахъ, и даже въ носильномъ платѣ. Но даже если общественное призрѣніе поспѣваетъ на помощь и раньше этого, то поддержка эта оказывается настолько ничтожною, что она не можетъ удовлетворить нуждамъ больного и предотвратитъ раззореніе его семьи. Для многихъ рабочихъ поэтому всякая, сколько-нибудь серьезная, ихъ болѣзнь становится причиною ослабленія или потери на долгое время, или даже навсегда, ихъ способности добывать себѣ средства къ существованію работою... Возстановитъ разъ разрушенное благосостояніе потомъ оказывается часто совершенно невозможнымъ».

Въ слѣдующемъ году—6 іюля 1884 г.,—вышелъ новый законъ— *о страхованіи отъ несчастныхъ случаевъ въ промышленности* (вообще). Самыми существенными особенностями этого закона являются: 1) возложеніе уплаты всей страховой преміи (или взносовъ) на однихъ предпринимателей, т. е. устраненіе отъ участія во взносахъ рабочихъ и государства, и 2) постановка всего дѣла на почву настоящей взаимной страховой организаціи предпринимателей въ специальныя, для этой дѣли учреждаемыя, промышленныя страховыя отъ несчастныхъ случаевъ товарищества.

Заключающаяся въ самомъ законопроектѣ мотивировка возложенія уплаты всей преміи на предпринимателей начинается съ того, что «обезпеченіе рабочихъ отъ хозяйственныхъ послѣдствій несчастныхъ случаевъ признается не только гражданско-правовою обязанностью предпринимателей къ возмѣщенію убытковъ, но и публично-правовою задачей». «Государство и общество,—говорится

дальше,—заинтересованы въ томъ, чтобы рабочіе, пострадавшіе отъ несчастныхъ случаевъ въ работъ, получали вспомошествованіе, распространяющееся за предѣлы гражданско-правовой отвѣтственности... Подобно тому, какъ несетъ предприниматель самъ всѣ издержки и убытки по сохраненію своего основнаго и оборотнаго капитала, такъ онъ же (предприниматель) долженъ изъ общаго дохода своего предпріятія покрывать всѣ убытки или потери, относящіяся къ личной трудовой силѣ (его рабочихъ) и происходящіе отъ присущихъ его предпріятію опасностей въ работъ».

Съ теченіемъ времени законъ 6-го іюля 1884 г. былъ дополненъ другими, имѣющими весьма существенное значеніе. Такъ, закономъ 28 мая 1885 г. обязательное страхованіе распространено на промыслы транспортныя (почта, торговля и конно-желѣзныя дороги, извозчичій, рѣчное или внутреннее судоходство и т. д.) и экспедиторскіе (нагрузка, разгрузка и т. п.), а также на казенныя и административныя управленія военныя, морскія, желѣзно-дорожныя, почтовыя, телеграфныя и другія мелкія транспортныя. Законъ 27 мая 1886 года распространилъ обязательное страхованіе на производимыя при постройкахъ столярныя и слесарныя работы, отнеся первыя къ строительнымъ, а вторыя къ желѣзо и стали обрабатывающимъ товариществамъ. Дальше, закономъ 5 мая того же года введено страхованіе рабочихъ отъ несчастныхъ случаевъ и отъ болѣзней въ сельскомъ и лѣсномъ хозяйствѣ; законъ же 13 іюля 1887 года распространилъ свое дѣйствіе и на морское судоходство.

Новымъ шагомъ впередъ было изданіе закона 22 іюня 1889 года *о страхованіи неспособности къ труду и старости*. По смыслу этого закона, къ обязательному страхованію привлекались: всѣ наемные рабочіе, подмастерья, ученики, прислуга,—всѣ вообще, и служащіе и приказчики,—если жалованье послѣднихъ не превышаетъ 2.000 марокъ и если они достигли 16-ти-лѣтняго возраста. Такъ-называемую, инвалидную пенсію, т. е. пенсію по неспособности къ труду, имѣетъ право получить всякій застрахованный рабочій, который дѣлалъ взносы не менѣе 5 лѣтъ; стариковская же пенсія выдается лишь тѣмъ, кто достигъ 70 лѣтъ и уплачивалъ страховую премію въ теченіе 30 годовъ.

Въ этомъ заключается сущность дѣйствующаго германскаго законодательства о страхованіи рабочихъ въ связи съ отвѣтственностью предпринимателей. Уже простой и бѣглый очеркъ этого законодательства съ достаточной ясностью показываетъ, насколько оно далеко отъ желательной постановки, какъ много предстоитъ внести поправокъ, добавленій и т. п. Несмотря на это, для нашей страны и такое, относительно несовершенное, законодательство является чуть ли не идеаломъ, достиженіе котораго мыслимо въ болѣе или менѣе отдаленномъ будущемъ. Г. Яроцкій въ заключеніе дѣлаетъ, впрочемъ, попытку указать, при какихъ условіяхъ и на какихъ началахъ возможно у насъ введеніе обязательнаго страхованія рабочихъ.

Г. П. Сазоновъ. Ростовщичество-кулачество. Наблюденія и изслѣдованія. П. 1894 г. 1 р. 50 коп.—Названный трудъ представляетъ результаты изслѣдованій и наблюденій, производившихся авторомъ

на широкомъ пространствѣ бассейновъ Волги, Оки и Вятки. Правда, эти изслѣдованія и наблюденія относятся къ 80-мъ годамъ; кромѣ того, какъ извѣстно, въ недавнее время изданъ законъ противъ ростовщичества. Тѣмъ не менѣе, трудъ г. Сазонова не утратилъ своего интереса и теперь, — даже гораздо болѣе, — именно, вслѣдствіе указанныхъ причинъ онъ становится еще интереснѣе, какъ неопровержимое доказательство того, что «такое страшное зло (ростовщичество - кулачество) не можетъ быть уничтожено столь платоническими мѣрами, какъ законъ о ростовщичествѣ, потому что, вообще, дѣло вѣковъ исправлять нелегко».

Недавно въ Бессарабіи былъ убитъ нѣкто Ойзеръ Димантъ, крупный ростовщикъ, дѣйствовавшій преимущественно среди за-путавшихся въ долгахъ помѣщиковъ. Исторія его подвиговъ послужила поводомъ для нѣкоторой части нашей печати поднять новые вопли противъ судебныхъ установленій и противъ евреевъ. Но, насколько эти вопли являются фарисейскими, показываетъ рядъ примѣровъ, приводимыхъ г. Сазоновымъ. Ойзеръ Димантъ является во всякомъ случаѣ исключительнымъ ростовщикомъ, тогда какъ примѣры ростовщичества, приводимые въ книгѣ г. Сазонова, не представляютъ ничего выдающагося, необычнаго, и мы можемъ наблюдать ихъ въ современной жизни на каждомъ шагу, а предъ такими явленіями всѣ законы безсильны, и никакая еврейская эксплуатація не можетъ сравниться съ ними.

Какковы условія и отношенія, создающія поле для ростовщичества, можно видѣть на примѣрѣ артелей, хотя это наиболѣе устойчивая форма народнаго труда. Предъ нами артель «крючниковъ», съ утра до ночи перетаскивающихъ съ пристани на пароходъ и обратно огромные кули, вѣсомъ въ 7, 10, 15, даже 18 пудовъ каждый; спины трещать подъ свиной тяжестью, потъ льетъ цѣлыми потоками; между тѣмъ, плата за такую адскую работу болѣе, чѣмъ умѣренная—3 р. 50 коп. за 1.000 пудовъ. Въ каждой такой артели крючниковъ неизмѣнно есть подрядчикъ, весь трудъ котораго заключается въ томъ, что онъ записываетъ количество перетащенного груза да выводитъ на бумагѣ цифры вмѣсто 10—8, вмѣсто 8—6 и т. д. Въ такой же пропорціи, т. е. просто-на-просто самымъ наглымъ образомъ онъ обсчитываетъ крючниковъ. За такую трудную и мудреную работу подрядчикъ получаетъ ровно столько же, сколько получаютъ всѣ артельщики вмѣстѣ; такъ, напримѣръ, если артель состоитъ изъ 100 человекъ и зарабатываетъ за время навигаціи 8.000 рублей, то столько же получить и г. Разуваевъ; если же онъ «заправляетъ» разомъ пятью или болѣе артелями (что случается гораздо чаще), то года черезъ два-три вы непременно увидите въ какомъ-нибудь городѣ подъ его фирмой огромный трактиръ или гостиницу съ номерами. Вы спросите, почему же рабочіе не протестуютъ противъ такой явной и столь наглая эксплуатаціи подрядчиковъ?—Причина очень проста и понятна: остаться вовсе безъ работы едва ли лучше, чѣмъ получить хоть ломаный грошъ за свой трудъ и питаться ржавой воблой съ волжской грязной водой.

Дѣло обставляется очень просто: чтобы заставить идти

*

именно въ свою, а не въ чужую артель, кулаки-подрядчики опутываютъ артельщиковъ еще прежде, чѣмъ послѣдніе успѣютъ сьорганизоваться и взять подрядъ. Обыкновенно пускается въ ходъ старая, грубая по своей примитивности, но вѣрная система задатковъ, выдаваемыхъ исподволь, главнымъ образомъ осенью, во время сбора податей. Результатъ подобной системы всегда одинъ и тотъ же: черезъ годъ, много черезъ два, эти задатки и колоссальные проценты на нихъ неуклонно и неизбежно приводятъ рабочихъ къ полной зависимости отъ подрядчика. Рабочіе, какъ рабы, лишаются права свободнаго выбора той или другой работы, идутъ туда, куда имъ укажетъ рядчикъ, квартируютъ въ тѣхъ «конюшняхъ» и «хлѣвахъ», какіе заблагодарасудится отвести «ихъ степенству», продовольствуются тѣмъ, чего нельзя уже болѣе держать въ лавочкѣ «хозяина», и т. д.

Въ книгѣ г. Сазонова представлена цѣлая галерея портретовъ ростовщиковъ всевозможныхъ видовъ и разновидностей. Отсылая читателей къ самой книгѣ, замѣтимъ еще, что она далеко не исчерпывается одной только обрисовкой хищническихъ типовъ, но касается и причинъ, поясняющихъ ростъ и развитіе ростовщичества въ народной средѣ. Главу, посвященную этому предмету, можно считать одной изъ самыхъ интересныхъ (стр. 77—87). Отъ автора не ускользнуло также то вредное вліяніе кулачества, какое оно оказываетъ на моральное паденіе народа. «Какая-то тупость, забитость,—пишетъ авторъ,—полное порабощеніе и страхъ передъ ростовщикомъ замѣчается въ населеніи. Запутавшіяся и разоренныя селенія тщательно скрываютъ свою кабалу, не показываютъ дѣйствительную сумму долга, увѣряя, что по документамъ берутъ денегъ, сколько въ нихъ написано. И чѣмъ настойчивѣе подобныя увѣренія, тѣмъ о большей порабощенности они свидѣтельствуютъ. Въ то же время, въ другой части населенія ненависть и злоба къ разорителямъ горятъ зловѣщимъ огнемъ, могущимъ обратиться въ пламенный потокъ. Такъ создаются послѣдствія не только опасныя, но прямо уже грозныя. Разрушается не только экономическое положеніе, въ корнѣ подтачивается семья, уничтожается нравственность народная, вносится въ народъ злоба и раздраженіе, и только кабакъ и ростовщикъ ликуютъ и поразительно развиваются».

ГЕОГРАФІЯ. ЭТНОГРАФІЯ. ПУТЕШЕСТВІЯ.

М. М. Соколова. «Земля и ея обитатели». — *Г. Шуръ.* «Краткое народо-вѣдѣніе». — *Ф. Волинъ.* «Въ странѣ черныхъ христіанъ». — *Г. Сенкевичъ.* «Письма изъ Африки». — *В. Витковскій.* «За океанъ».

Земля и ея обитатели. Первое знакомство съ географіею всеобщую и русскую. Пособіе для самообразованія. Составила *М. М. Соколова*. Ц. 1 р. Спб. 1895. Изд. Павленкова. 8°, стр. XIV+338. Учебниковъ географіи, хорошихъ и плохихъ, у насъ—множество; книжки же для чтенія и самообразованія до сихъ поръ не было

ни одной, даже плохой. Книжка г-жи Соколовой издана съ цѣлью восполнить этотъ пробѣлъ, но, къ сожалѣнію, должна быть отнесена къ категоріи плохихъ. Неудовлетворительна она прежде всего потому, что слишкомъ смахиваетъ на учебникъ. Вся книга раздѣлена на главы; послѣднія раздроблены на множество мелкихъ рубрикъ съ особыми заголовками; эти, въ свою очередь, часто еще дробятся; отъ жирныхъ заголовковъ и курсивныхъ подзаголовковъ просто рябитъ въ глазахъ; изложеніе догматическое, почти словарное, способное отпугнуть даже неустрашимого искателя знаній. Въ общемъ получается пестрая мозаика отдѣльныхъ свѣдѣній, не дающая отчетливой картины. А географія теряетъ значительную долю интереса и почти всякое воспитательное значеніе, разъ она сообщаетъ свѣдѣнія *враздробь*, а не рисуетъ широкой картины жизни земного шара, не объясняетъ закономерной и тѣсной связи между отдѣльными явленіями и фактами.

Правда, широкія картины—дѣло трудное, требующее, прежде всего, отличнаго владѣнія предметомъ, чего у составительницы, повидимому, нѣтъ. Книга изобилуетъ фактическими неточностями (особенно, главы VI, IX, X, XI); въ нихъ повинна, впрочемъ, не одна составительница, но и гг. Семеновъ и Петри, извѣстные географы, которые, по словамъ г-жи. Соколовой, «просматривали» книгу въ рукописи и, очевидно, многое въ ней *просмотрѣли*.

Въ отдѣлѣ политической географіи не мало перловъ наивности,—выражаясь возможно скромнѣе. Вотъ образчики. «Прежде,—говоритъ составительница,—у поляковъ было свое отдѣльное государство — Польское королевство, но потомъ тамъ произошли безпорядки: польскіе паны не хотѣли повиноваться королю, своевольничали, угнетали народъ, преслѣдовали иновѣрцевъ; поэтому три сосѣднія государства, Россія, Пруссія и Австрія, раздѣлили Польшу между собою». Очень просто. Не менѣе наивно, но еще болѣе неумѣстно, напр., слѣдующее разсужденіе: «Для западнаго края не было бы облегченіемъ, если бы позволить евреямъ селиться по всей Россіи, а, напротивъ, было бы еще хуже. Теперь, когда въ Западной Россіи ихъ очень много, они волей-неволей должны заниматься производительнымъ трудомъ (?). Если бы евреи торговцы отхлынули на востокъ, то оставшіеся на западѣ еще больше стали бы притѣснять бѣлорусскій народъ, и среди нашихъ евреевъ все больше уменьшалось бы количество ремесленниковъ и чернорабочихъ, вслѣдствіе чего вражда къ нимъ еще болѣе увеличилась бы, и еврейскіе погромы были бы часты и неизбѣжны. На этомъ основаніи евреямъ и указана черта ихъ осѣдлости».

Крайне неприятное впечатлѣніе производитъ также предисловіе. Здѣсь идетъ разсужденіе о пользѣ географіи, по наивности и малограмотности не уступающее плохому ученическому «разсужденію». Географія, говоритъ авторъ, показываетъ, что все подчинено «законамъ природы, установленнымъ Богомъ при сотвореніи міра», что это вызываетъ въ душѣ чловѣка благоговѣніе къ Создателю и, слѣдовательно, «способствуетъ развитію религіознаго чувства». «Землевѣдѣніе не только объясняетъ намъ землю (?), но и наше призваніе на землѣ»...; оно развиваетъ и мышленіе, и эстетическій

вкусъ, и способствуетъ любви къ отечеству и народной гордости, и т. д.

Можетъ быть, все это и такъ, можетъ быть, географія, дѣйствительно, даетъ все это, но «Географія» г-жи Соколовой—едва ли. Если всѣ отмѣченные нами наивности и грубыя ошибки непростительны г-жѣ Соколовой, взявшей не за свое дѣло, то еще менѣе онѣ простительны г-дамъ Семенову и Петри, своимъ именемъ санкционирующимъ ихъ въ глазахъ широкой публики, для которой книга предназначена. Нельзя не пожалѣть также, что г. Павленковъ, столь опытный и почтенный издатель, взялъ подъ свое покровительство такую плохую книгу.

Краткое народовѣдѣніе. Д-ра Г. Шурца. Съ 67 рисунками въ текстѣ. Пер. съ нѣм. Д. А. Коропчевскаго. Изд. М. М. Ледерле. Спб. 1895 г. Ц. 1 р. 50 к.—Народовѣдѣніе въ тѣсномъ смыслѣ стремится дать полный очеркъ природы и жизни народовъ земного шара. Книга Шурца даетъ описаніе въ общихъ чертахъ человѣка, культуры и расы, съ распредѣленіемъ расъ по земному шару. Такимъ образомъ, книга распадается на двѣ части: на этнологію, или описательное народовѣдѣніе, и этнографію, или сравнительное народовѣдѣніе. Въ первой части, значительно меньшей, дается сжатое понятіе объ антропологіи и культурѣ. Для начинающаго читателя эта часть, не смотря на нѣкоторую сухость и сжатость изложенія, не представляетъ никакихъ затрудненій и потому несравненно болѣе удобна для ознакомленія съ антропологіей, чѣмъ солидный, требующій значительныхъ знаній по анатоміи и физиологіи трудъ Топинара, имѣющійся въ русскомъ переводѣ. То же самое можно замѣтить и относительно главы «Культура», которая можетъ служить начинающему подготовительнымъ чтеніемъ къ трудамъ Леббока, Уоллеса и другихъ. Все существенное въ ней есть, безъ лишнихъ подробностей, изложено съ рѣдкой ясностью и полнотой, въ смыслѣ законченности и цѣльности понятія о культурѣ, которое выносите изъ чтенія Шурца. Вторая часть, несравненно большая, посвящена описанію отдѣльныхъ народовъ, по расамъ и видамъ, съ обозначеніемъ распредѣленія ихъ по земному шару. Такъ какъ ничего подобнаго на русскомъ языкѣ не имѣется, въ такомъ полномъ объемѣ, и вмѣстѣ съ тѣмъ сжатою видѣ, то эта часть книги Шурца для нашего читателя положительно не замѣнима. Въ общемъ, книга Шурца представляетъ прекрасное дополненіе къ нашимъ учебникамъ географіи, въ которыхъ вопросы антропологіи, культуры и распредѣленія расъ почти не затронуты, вслѣдствіе чего ученики, заканчивая среднія учебныя заведенія, остаются съ самыми смутными представленіями о жизни населенія земли. Какого высокаго мнѣнія о книге Шурца въ Германіи, показываетъ отзывъ знаменитѣйшаго изъ современныхъ географовъ, нѣмецкаго ученаго Кирхгофа, по словамъ котораго, «трудно найти въ какой-либо другой книгѣ столь небольшого объема такъ много фактовъ народовѣдѣнія, разсматриваемыхъ съ новѣйшей точки зрѣнія, собранныхъ и изложенныхъ въ такой ясной формѣ, какъ въ книгѣ Шурца». Переводъ сдѣланъ такимъ знатокомъ вопросовъ по на-

родовѣдѣнію и культурѣ, какъ г. Коропчевскій, добавившій въ примѣчаніяхъ цѣльныя поясненія. Кромѣ того, книга снабжена рисунками, дающими, вообще, вѣрное представленіе о различныхъ расахъ, орудіяхъ, жилищахъ и т. п. По справедливому замѣчанію переводчика, «книга Шурца не только можетъ служить важнымъ, даже необходимымъ, пособіемъ при школьномъ преподаваніи географіи, но и доступной для всѣхъ справочной книгой по народо-вѣдѣнію».

Полезная бібліотека. Въ странѣ черныхъ христіанъ. (Очерки Абиссиніи). Ф. Волгина. Изд. П. П. Сойкина. Спб. 1895 г. Ц. 50 к. Странный интересъ, который наша, такъ называемая, «патріотическая печать» усиленно старается возбудить въ обществѣ къ Абиссиніи, — нашелъ себѣ откликъ въ сердцѣ г. Волгина, выпустившаго небольшую брошюрку, подъ громкимъ заглавіемъ «Въ странѣ черныхъ христіанъ». Страна «древляго православія», въ которой съ незапамятныхъ временъ существуетъ обрѣзаніе, какъ священныи обрядъ, въ которой жрецы пляшутъ въ храмахъ и приносятъ жертвы, — прежде военно-плѣнныхъ, а теперь животныхъ, — привлекаетъ горячія симпатіи этого «истинно русскаго патріота», какъ себя величаетъ г. Волгинъ, и цѣль его книги — «поддержать эти симпатіи и въ русскомъ обществѣ». Претенциозная книжечка г. Волгина распадается на двѣ части. Въ первой оиъ излагаетъ понадерганныя у Реклю и другихъ географовъ, впрочемъ, безъ ссылки на нихъ, свѣдѣнія объ Абиссиніи, пересыпая ихъ измышленіями отъ ума своего. Авторъ, хотя и «съ глубокимъ сожалѣніемъ», не можетъ не признать у абиссинцевъ «нѣкоторыхъ суевѣрій и *отступленій*» отъ православія. Они не признаютъ, на примѣръ, въ Христѣ связанныхъ неразрывно двухъ естествъ — Божескаго и человѣческаго (они, такъ называемые, монофизиты, т.-е. принадлежатъ къ сектѣ, строго осужденной всѣми соборами), а обрядъ богослуженія заключается въ слѣдующемъ. «Вниманіе присутствующихъ обращено было на ту часть храма, гдѣ находилась группа священниковъ, которые при оглушительномъ воѣ, называемомъ въ Абиссиніи плѣніемъ, изгибались всѣмъ туловищемъ и высоко подпрыгивали на воздухъ; это былъ священный танецъ въ честь прославленія Бога. Каждый священникъ держалъ въ одной рукѣ египетскую трепотку, въ другой — книгу съ текстомъ пѣсенъ и крючковатую палку. Одинъ изъ священниковъ сидѣлъ на полу и билъ въ турецкій барабанъ» (стр. 33). Почему г. Волгинъ все это приписываетъ «древнему православію», можно объяснить только полнымъ его незнаемъ послѣдняго. Но, насколько нетвердъ г. Волгинъ въ православіи, настолько же оиъ твердъ въ «патріотизмѣ» и горько оплакиваетъ во второй части неудачу «молодецкаго» похода «вольнаго казака Апинова». Это самая интересная часть его книги, гдѣ торжественно-патріотическій тонъ разсказа въ связи съ комическими персонажами и поступками опереточныхъ аргонавтовъ можетъ вызвать улыбку у злѣйшаго иппохондрика. Съ меньшимъ патріотическимъ жаромъ передаются подробности «похода» г. Машкова и непосѣдливаго доктора Елисеѣва, которые

тоже стремились въ Абиссинію просвѣтити «черныхъ христіанъ» на счетъ коварства «бѣлыхъ христіанъ»—итальянцевъ. Всѣ эти «истинно-русскіе» люди, по словамъ г. Волгина, возвращались изъ Абиссиніи преисполненные патріотическаго восторга отъ знакомства съ черными христіанами «древляго православія» и глубокаго негодованія по адресу коварныхъ итальянцевъ, которые забрались въ страну «восходящаго солнца» и не жаждутъ уходить, не смотря на весь гнѣвъ и угрозы г. Волгина.

Полезная бібліотена. Письма изъ Африки. Г. Сенкевича. Пер. съ польскаго М. Круковской. Съ 26 рис. Изд. П. П. Сойнина. 1895 г.—Въ богатой литературѣ, посвященной Африкѣ, «Письма» г. Сенкевича занимаютъ совсѣмъ особое мѣсто. Это не ученое путешествіе географа или естествознателя, вродѣ знаменитаго д-ра Юнкера или Стэнли, и было бы ошибкой искать въ нихъ научныхъ свѣдѣній объ Африкѣ. Тѣмъ болѣе, что Г. Сенкевичъ и не забирался въ непроходимыя дебри неизвѣстныхъ еще уголковъ этой части свѣта. Онъ только проѣхалъ въ Занзибаръ и оттуда сдѣлалъ небольшую экскурсію на западъ, съ цѣлью поохотиться и ознакомиться съ тропической природой. Результатомъ этой поѣздки и явились письма, которые, тѣмъ не менѣе, даютъ болѣе, чѣмъ инья многогомяныя описанія Африки и ея обитателей. Въ его письмахъ нѣтъ рассказовъ анекдотическаго характера, охотничьихъ приключеній и африканскихъ ужасовъ, но жизнь Каиро, Красное море, океанъ, обитатели Занзибара и восточнаго побережья, скромные миссіонеры и его спутники негры—проходятъ предъ нами въ рядѣ неподражаемыхъ картинъ, проникнутыхъ южнымъ колоритомъ и согрѣтыхъ добродушнымъ юморомъ умнаго наблюдателя, въ свободной и легкой, слегка небрежной, формѣ, записывающаго свои впечатлѣнія. Картины природы выписаны съ поразительною образностью и яркостью, и ни въ одномъ изъ произведеній г. Сенкевича не проявилось съ такой силой его умѣнье рисовать природу. Въ его африканскихъ пейзажахъ предъ нами сама Африка, знойная и удушливая, съ ея убійственнымъ климатомъ, жертвой котораго чуть было не сдѣлался и авторъ, захворавшій сильнѣйшей лихорадкой. Съ неменьшимъ умѣньемъ представлены разные типы обитателей Занзибара и негры восточнаго побережья, къ которымъ Г. Сенкевичъ относится съ большою симпатіей, находя ихъ, по его выраженію, «хорошей пищей для цивилизаціи». Гуманное чувство автора сказывается въ той теплотѣ, съ которой онъ изображаетъ негровъ, сопровождавшихъ его на охотѣ, и французскихъ миссіонеровъ, едва ли не единственныхъ носителей цивилизаціи среди купцовъ, посѣщающихъ эту часть Африки, и нѣмецкихъ солдатъ, ихъ охраняющихъ. Какъ художникъ психологъ, г. Сенкевичъ проникаетъ въ духъ Африки, раскрывая то, чего не даютъ путешествія ни Стэнли, ни Ливингстона, ни Юнкера, къ сочиненіямъ которыхъ «Письма изъ Африки» служатъ, такимъ образомъ, превосходнымъ дополненіемъ.

В. Витевскій. За океанъ. Путевыя записки. Спб. 1895 г. Ц. 3 р. 50 к.—Совершенною противоположностью «Письмамъ» Г. Сенкевича представляютъ путевыя записки г. Витевскаго. Большая часть

ихъ посвящена Америкѣ, именно Соединеннымъ Штатамъ. Авторъ, кромѣ простаго любопытства, имѣлъ особую цѣль—«лично ознакомиться съ состояніемъ астрономіи и геодезіи» въ Англіи и Америкѣ, и этой цѣли отведена значительная часть записокъ, быть можетъ, и представляющая нѣкоторый интересъ для специалистовъ. Остальное — сухой подробный отчетъ, поверхностно излагающій, что видѣлъ г. Витевскій въ посѣщеннымъ имъ странахъ. Его замѣтки объ Англіи и Франціи сплошное пустословіе, съ извѣстной дозой чисто русскаго самодовольства, ни мало не смущаемаго превосходствомъ учреждений другихъ странъ, на томъ основаніи, что «всеблагое Провидѣніе, удививъ насъ до нѣкоторой степени отъ другихъ народовъ и задержавъ наше поступательное движеніе впередъ, даетъ намъ теперь возможность осмотрѣться». Замѣтки о Соединенныхъ Штатахъ болѣе содержательны, такъ какъ авторъ, преслѣдуя свою специальную цѣль, побывалъ во многихъ такихъ мѣстахъ, куда рѣдко заглядываютъ русскіе путешественники. Люди и учрежденія мало интересуютъ г. Витевскаго, и онъ отдѣляется отъ нихъ двумя-тремя замѣчаніями. Зато онъ очень внимательно отнесся къ разнымъ диковинкамъ Сѣв. Америки, вродѣ Мамонтовой пещеры, Йеллостонскаго парка, Ніагары и нѣкоторыхъ другихъ. Въ общемъ, все это дѣлаетъ его записки довольно скучной и малосодержательной книгой, неизвѣстно зачѣмъ изданной. Непонятно также, зачѣмъ авторъ по всякому поводу, а то и безъ повода, подчеркиваетъ свой «истинно русскій» духъ, обрушиваясь на евреевъ, которыхъ г. Витевскій всячески поноситъ, приписывая имъ невѣроятнѣйшія качества и преступленія (напримѣръ, стр. 37, 418). Этотъ специфическій юдофобскій духъ г. Витевскаго лишаетъ книгу его и того ничтожнаго значенія, какое она могла бы имѣть, какъ описаніе нѣкоторыхъ обсерваторій и чудесъ природы.

ЕСТЕСТВОЗНАНІЕ.

Ө. Ө. Клау. «Краткій очеркъ химическихъ явленій».—*Беккерледжъ*. «Устройство простѣйшихъ акваріумовъ».—*Неткса, М.* «Способъ воздухомасщенія комнатныхъ растений».—*Гвидо Финдейсъ*. «Акваріумъ и его обитатели».—*М. Пекаторосъ*. «Явленія въ атмосферѣ».

Ө. Ө. Клау. Краткій очеркъ химическихъ явленій. С.-Петербургъ. Одобрено уч. ком. Мин. Нар. Просв., какъ учебное пособіе для реальныхъ училищъ и для ученическихъ старшаго возраста библиотекъ мужскихъ среднихъ учебныхъ заведеній. Съ того времени, какъ въ реальныхъ училищахъ химія исключена изъ списка отдѣльныхъ учебныхъ предметовъ и оставлена только въ качествѣ дополненія къ курсу физики, явилась необходимость въ составленіи такого коротенькаго учебника, который могъ бы быть пройденъ въ теченіе 20—25 уроковъ. Составленіе подобнаго учебника представляетъ безспорныя трудности, но, чѣмъ учебникъ сокращеннѣе, тѣмъ большей осторожности требуетъ онъ отъ составителя, и тѣмъ

рельефнѣе обнаруживается каждый его недостатокъ; въ небольшомъ количествѣ фактическаго или теоретическаго матеріала, каждая ошибка чувствуется сильнѣе, кладя отпечатокъ свой на все остальное.

Разсматриваемая нами книжка требуетъ достаточно подробнаго отчета, потому что она, въ качествѣ одобреннаго пособія, получить несомнѣнно широкое распространеніе въ средѣ воспитанниковъ реальныхъ училищъ. и всѣ ошибки ея и ложные выводы принесутъ, разумѣется, не малый вредъ.

При самомъ поверхностномъ чтеніи названнаго учебника сразу бросается въ глаза, во-1-хъ, очевидно малое знакомство автора съ предметомъ и, во-вторыхъ, —неумѣнье разбираться въ фактахъ и наблюденіяхъ. Авторъ описываетъ опыты и дѣлаетъ изъ нихъ такія заключенія, какія изъ этихъ опытовъ отнюдь не вытекаютъ; такъ, напр., въ опытѣ 7-мъ (стр. 5) описывается дѣйствіе водной соляной кислоты на желѣзо; рассказывается, что при смѣшеніи этихъ двухъ тѣлъ начинается шипѣніе, выдѣляется газъ, который при зажженіи горитъ голубымъ блѣднымъ пламенемъ, и что желѣзо, наконецъ, исчезнетъ, а жидкость приметъ зеленый цвѣтъ. Изъ этого опыта дѣлается слѣдующій выводъ: «при взаимодействіи желѣза и соляной кислоты изъ послѣдней выдѣляется газъ и замѣщается металломъ, причемъ образуется изъ кислоты новое соединеніе—соль, не похожее ни на кислоту, ни на металлъ. Выдѣляющійся горючій газъ называется водородомъ».

Весь этотъ выводъ вполне произволенъ. Почему, спрашивается, учащійся долженъ считать, что газъ выдѣляется изъ соляной кислоты, а не изъ воды или не изъ желѣза? Вѣдь ученикъ не знаетъ, что желѣзо—простое тѣло, что соляная кислота содержитъ водородъ?! О простыхъ тѣлахъ говорится лишь дальше, точно также и о соляной кислотѣ. Затѣмъ, откуда слѣдуетъ, что въ соляной кислотѣ газъ замѣщается металлами? Развѣ ученикъ наблюдаетъ это замѣщеніе, или ему показали, что полученная соль — хлористое желѣзо—содержитъ къ себѣ желѣзо?

Точно также въ опытѣ 14-мъ, описывая дѣйствіе металла натрія на воду и выдѣленіе водорода, авторъ дѣлаетъ такой выводъ: «такъ какъ при дѣйствіи натрія на воду выдѣляется только водородъ, то слѣдуетъ, что натрій соединяется съ кислородомъ (и съ частью водорода), образуя п т. д.»

Спрашивается, можетъ ли учащійся сдѣлать такой выводъ? Разъ натрій *выдѣляетъ* водородъ, то какъ же онъ соединяется *съ частью водорода*? Для ученика подобный выводъ будетъ полнѣйшимъ произволомъ; да оно такъ и есть на самомъ дѣлѣ: заключеніе о томъ, что натрій соединяется съ частью водорода, можетъ явиться только *послѣ* изученія состава гидрата натрія.

Кромѣ подобныхъ невѣрныхъ выводовъ, у разбираемаго автора нерѣдко попадаются и фактическія ошибки; такъ, напр., на стр. 9-й сказано, что яйца и мясо гниютъ, варенье портится, и «что всѣ эти явленія никогда не происходятъ въ пространствѣ, въ которомъ кислорода нѣтъ». Это невѣрно—гниеніе можетъ происходить при полномъ отсутствіи кислорода. Желѣзо, по мнѣнію автора, добы-

вается изъ рудъ. Руды обжигаются, причѣмъ сѣра, въ нихъ содержащаяся, сгораетъ и т. д. (стр. 65). Изъ такихъ рудъ—авторъ. очевидно, думалъ о колчеданахъ—железо *не добывается* никогда и никѣмъ.

Или на стр. 48 сказано: изъ каменноугольнаго дегтя добывается *бензинъ, анилиновыя краски и карболовая кислота*. Интересно было бы узнать, когда это анилиновыя краски добывались изъ каменноугольнаго дегтя? Изъ каменноугольнаго дегтя добываются лишь вещества, необходимыя для полученія анилиновыхъ красокъ, но не самыя краски. Не менѣе интересно было бы знать, въ какой химіи г. Клау нашелъ, что блестящая поверхность калия скоро тускнѣетъ *вслѣдствіе образованія окиси калия*, когда въ этихъ условіяхъ никогда окись калия не получается, а получается гидратъ КНО. Далѣе, на стр. 58 авторъ заявляетъ, что селитра примѣняется для приготовленія азотной и сѣрной кислотъ. Кто это употребляетъ селитру для приготовленія сѣрной кислоты, знаетъ, повидимому, только г. Клау. Точно также, по мнѣнію автора, сѣрная кислота растворяетъ всѣ металлы, кромѣ золота и платины (стр. 35). А свинецъ?

Но если въ фактической части книги встрѣчаются ошибки, то съ ними еще кое-какъ можно мириться. Гораздо хуже, если ошибками и невѣрными опредѣленіями переполнена теоретическая часть, предназначенная для сообщенія ученикамъ самой сущности законовъ, выработанныхъ наукою.

Въ этой части г. Клау дошелъ до предѣловъ, заставляющихъ думать, что самъ авторъ не твердо усвоилъ основанія той науки, за изложеніе которой принялся. Вся глава «о главнѣйшихъ законахъ химическихъ явленій» представляетъ рядъ неточностей, или, просто, ошибокъ.

Такъ, говоря о количественныхъ отношеніяхъ, въ которыхъ соединяется водородъ съ кислородомъ для образованія воды, авторъ считаетъ почему-то нужнымъ говорить, что это отношеніе = 2 : 16, а не 1 : 8. Создавши въ ученикахъ, такимъ образомъ, подозрѣніе въ «подтягиваніи» цифръ, г. Клау на слѣдующей страницѣ обратитъ такое подозрѣніе въ убѣжденіе и, такимъ образомъ, подорветъ довѣріе и къ числамъ, и къ самой наукѣ, учиняющей явное арифметическое мошенничество.

Въ самомъ дѣлѣ, авторъ разбираемой книжки говоритъ (стр. 78):

2 вѣсовыхъ части водорода соединяются съ 16 вѣс. частями кислорода									
12	»	»	угля	»	»	32	»	»	»
28	»	»	азота	»	»	16	»	»	»
78	»	»	калія	»	»	16	»	»	»
28	»	»	кремнія	»	»	32	»	»	»
150	»	»	мышьяка	»	»	48	»	»	»
618	»	»	свинца	»	»	64	»	»	»
62	»	»	фосфора	»	»	80	»	»	»

и т. д. и продолжаетъ дальше:

«Изъ этого слѣдуетъ, что вѣсовыя количества кислорода, вступающія (?) въ соединеніе съ различными другими элементами, суть кратныя наименьшаго изъ нихъ (16; $32 = 2 \cdot 16$ и т. д.)».

Какъ составлять эту таблицу г. Клау? Откуда у него появи-

лись эти странныя цифры 2, 12, 28, 78, 150, 618? А изволите ли видѣть: онъ велъ расчетъ такъ, что заранѣе себѣ обозначилъ количества кислорода (16, 32, 48, 64, 80) и по нимъ вычислялъ, сколько придется другихъ элементовъ, а ученика старается увѣрить, будто эта кратность (16; 2.16; 3.16; 4.16; 5.16) получилась само собою. Очевидно, нашъ авторъ не зналъ, что изъ подобной таблицы наука выводитъ только величины эквивалентовъ и ничего больше,—и старался вывести законъ постоянства состава.

Подобное же непониманіе г. Клау обнаруживаетъ и относительно закона кратныхъ отношеній. Говоря о соединеніи азота съ кислородомъ, авторъ прибавляетъ: «количество кислорода, входящее въ соединеніе съ азотомъ, увеличивается въ 2, въ 3 и т. д. раза, но не въ $1\frac{1}{2}$, въ $2\frac{1}{2}$ и т. д.» Ну, а въ закиси и окиси жѣлѣза количество кислорода не увеличивается въ $1\frac{1}{2}$ раза? А въ фосфористомъ и фосфорномъ ангидридахъ количества кислорода, приходящіяся на одно и то же количество фосфора, не увеличиваются $1\frac{2}{3}$ раза?

Такой способъ вывода законовъ только роняетъ науку въ глазахъ учащихъся.

Если г. Клау не твердъ въ химіи, ему слѣдовало бы предварительно уяснить себѣ хотя бы основныя начала ея, и тогда онъ навѣрное не написалъ бы (стр. 85): «2 HCl представляетъ сокращенное обозначеніе для H_2Cl_2 », ибо такого рода предложеніе прямо показываетъ, что авторъ не имѣетъ понятія о молекулярномъ вѣсѣ. По мнѣнію г. Клау выйдетъ, стало быть, что все равно, напишу ли я $2C_2H_4$ или C_4H_8 ? А между тѣмъ $2C_2H_4$ выражаетъ 56 вѣсовыхъ частей этилена, а C_4H_8 —56 вѣсовыхъ частей совершенно другого вещества—бутилена.

Далѣе (стр. 87) г. Клау пишетъ:

«Химики принимаютъ, что *каждая* (курсивъ мой) такая частичка (т. е. частичка элементовъ) состоитъ изъ нѣсколькихъ атомовъ».

Опять-таки ничего подобнаго химии не принимаютъ; это принимаютъ только химики, подобныя г. Клау; химики же, знакомые съ наукою, говорятъ, что частички нѣкоторыхъ элементовъ состоятъ изъ нѣсколькихъ атомовъ, а частички другихъ—(ртути, цинка, кадмія и, можетъ быть, многихъ металловъ)—изъ одного.

Разсматриваемый учебникъ содержитъ 90 страницъ, но какихъ только свѣдѣній въ немъ нѣтъ! И техника, и медицина, и гигиена—всего понатыкано. Даже задачи гигиеническія попадаются.

Бенкерледжъ, О. Устройство простѣйшихъ акваріумовъ прѣсноводнаго и морснаго. Руководство для любителей. 10 политип. въ текстѣ. Изд. Торг. дома «Бр. Линдеманъ». М. 1895 г. 31 стр. Ц. 35 к.

Нетыкса, М. Способы воздухонасыщенія комнатныхъ акваріумовъ. Съ 37 политипажамъ въ текстѣ. Руководство для любителей рыбоводства и ремесла. Изд. Торг. дома «Бр. Линдеманъ». М. 1895 г. 84 стр. Ц. 75 к.

Гвидо Финдейсъ. Акваріумъ и его обитатели (Das Aquarium und seine Bewohner). Руководство къ устройству и содержанію акваріу-

ша. Съ 7-ю рис. въ текстѣ. Пер. съ нѣмецкаго В. Веселовскій. Изд. А. К. Глаголевой. Спб. 1895 г. 57 стр. Ц. 40 к.

Акваріумъ — не только украшеніе комнаты, но вмѣстѣ съ тѣмъ и очень полезное пособіе при изученіи естествовѣдѣнія. Въ особенности, это пособіе цѣнно для того, кому круглый годъ приходится жить въ городѣ и видѣть природу только въ скверахъ и садахъ, откуда старательно изгоняется все, что можетъ придать этимъ искусственнымъ насажденіямъ видъ естественныхъ. Акваріумъ не теряетъ своего образовательнаго значенія и для тѣхъ, кто постоянно живетъ среди неподкрашенной природы. Всякій знаетъ, что въ прудахъ живутъ рыбы, въ болотахъ лягушки, личинки насѣкомыхъ, всякій даже ихъ видѣлъ, но не всякій полѣзетъ въ воду и по цѣлымъ часамъ станетъ смотрѣть, какъ живутъ эти животныя, что они ѣдятъ, какъ ловятъ добычу, въ чемъ выражается ихъ умъ, и проч. Все это такіе вопросы, по поводу которыхъ написано множество разныхъ книжекъ; изъ нихъ, безъ сомнѣнія, можно получить самыя разнообразныя свѣдѣнія о жизни животныхъ, но знать ее по книжкамъ и наблюдать собственными глазами — двѣ вещи далеко неодинаковыя. Разъ сдѣланное, наблюденіе надолго остается въ памяти, кромѣ того, продолжительное наблюденіе изощряетъ умъ, развиваетъ способность подмѣчать даже и мелочи, и, что особенно важно, развиваетъ любовь къ природѣ. Поэтому интересъ къ устройству акваріумовъ, даже какъ къ спорту, надо считать весьма желательнымъ явленіемъ. Интересъ этотъ, впрочемъ, въ нашемъ обществѣ не только не ослабѣваетъ, но, судя по большому количеству появляющихся у насъ книгъ, посвященныхъ акваріуму, сильно развивается. Предъ нами три только-что вышедшія брошюры, трактующія объ этомъ предметѣ и, по своему содержанію, взаимно дополняющія другъ друга. О. Беккерледжъ сообщаетъ, главнымъ образомъ, техническія свѣдѣнія объ устройствѣ самого помѣщенія для акваріума, какъ прѣсноводнаго, такъ и морского, при этомъ разсчитываетъ на читателя — не мастера, или вообще хорошо знакомаго съ нѣкоторыми ремеслами, а на обыкновеннаго любителя, умѣющаго только хотя бы немного управляться съ рубанкомъ, пилой и другими немудрыми инструментами. Г. Неттыкса, исходя изъ того положенія, что освѣженіе воды въ акваріумахъ при помощи растеній не всегда достигаетъ цѣли, описываетъ многочисленныя механическіе способы насыщенія воздухомъ воды. Авторъ разсматриваетъ не только самыя обыкновенныя приемы насыщенія, какъ, напримѣръ, при помощи фонтановъ, сифонныхъ трубокъ и т. д., но описываетъ даже приборы съ электрическими двигателями, употребляемые при уходѣ за лучшими, научно поставленными, акваріумами за-границей.

Гвидо Финдейсъ посвящаетъ свою брошюру почти исключительно описанію обитателей акваріума. Онъ сообщаетъ главнѣйшія свѣдѣнія о растеніяхъ, пригодныхъ для посадки въ акваріумѣ, и о животныхъ, уходѣ за ними, объ ихъ привычкахъ, пищѣ и т. д. Къ сожалѣнію, этотъ послѣдній, самый большой, отдѣлъ книжки страдаетъ нѣкоторой неполнотой, происходящей, частью,

оттого, что авторъ не имѣетъ въ виду русской природы. Такъ, среди лягушекъ онъ не упоминаетъ о нѣкоторыхъ, очень интересныхъ, представителяхъ этихъ амфибій, водящихся въ южной Россіи, напримѣръ, о травянкѣ толстоголовой (*Pelobates fuscus*) и о повитухѣ (*Alytes obstetricans*); изъ тритоновъ пропущенъ самый распространенный у насъ видъ,—тритонъ обыкновенный (*Triton vulgaris*). Между рыбами, пригодными для населенія аквариума, описаны даже такія, которыхъ, обыкновенно, избѣгаютъ пускать туда, напримѣръ, щука и окунь, но забыты подкаменьщикъ (*Cottus gobius*), рѣчной бычокъ (*Gobius fluviatilis*) и друг.

«Общедоступная бібліотека». Изд. Г. М. Пенаторосъ. Серія I. Природа. № 3. Явленія въ атмосферѣ (Метеорологія). Составлено подъ редакціей Г. М. Пенаторосъ. Одесса. 1894. 16°, стр. 194. Ц. 25 коп.— Лежащая передъ нами книжечка производитъ менѣе благопріятное впечатлѣніе, чѣмъ первая изъ этой серіи—«Физическая географія», уже отмѣченная въ нашемъ журналѣ. Повидимому, составляла рука не столь умѣлая. Изложеніе мѣстами спутанное (глава I), мѣстами даже совсѣмъ темное (стр. 25, 102, 190 и др.). Отчасти это объясняется тѣмъ, что сама метеорологія—наука молодая и мало разработанная, отчасти также неудачнымъ выборомъ источниковъ; очень жаль, что составитель не пользовался книгами Van-Berber'a и Mohn'a). Но много грѣховъ остается на душѣ собственно составителя, напр., такіе грубые промахи: «пары воды превращаются въ жидкость при 100°» (стр. 6)... «оказывается, что луга и нивы испаряютъ воды болѣе, чѣмъ открытая поверхность воды, а лѣса—наоборотъ—менѣе» (100) и т. п.

Въ предисловіи редакторъ говоритъ, что книжечка предназначена для людей съ среднимъ, и даже съ высшимъ, образованіемъ. Совершенно неосновательная претензія и напрасное сжуженіе круга своихъ читателей. Большая часть свѣдѣній, сообщаемыхъ метеорологіей г. Пекаторосъ, разбѣяна по среднеучебнымъ курсамъ физики, географіи и космографіи, и, значитъ, читатель съ среднимъ образованіемъ почти ничего новаго здѣсь не найдетъ, да и не такъ нуждается въ изданіяхъ, подобныхъ счастливо задуманной «Общественной бібліотеки», какъ человѣкъ образованія болѣе скромнаго. И весьма желательно, чтобы г. Пекаторосъ оставилъ заботы о среднеобразованныхъ читателяхъ и въ слѣдующихъ изданіяхъ болѣе приоровилъ свои курсы къ пониманію широкой публики.

НАРОДНЫЯ ИЗДАНІЯ.

Народныя изданія книжнаго склада П. К. Прянишникова: «Митя» (по Диккенсу).—«Спартакъ, предводитель римскихъ гладіаторовъ». Историческая повѣсть.—«Семушкинъ отецъ» и «Веровочка», Гюи-де-Мопассана.—«Пила и Сысойко» (передѣланный разсказъ).—«Больше чѣмъ родная», Е. Некрасовой.—«Простая душа», П. И. Добротворскаго.—«Бѣшенный волкъ», Маріи Некрасовой.—«Иголка», разсказъ изъ малорусской жизни.—«Обезьяны Стараго и обезьяны Новаго

свѣта», А. Брема. — «Книжка для деревенскихъ слесарей и кузнецовъ». Составилъ Павелъ Оленинъ. — «На судѣ присяжныхъ», Б. Ваховскій. За послѣдніе десять мѣсяцевъ К. П. Прянишниковымъ выпущенъ рядъ книжекъ, содержаніемъ которыхъ служатъ переводныя и оригинальныя художественныя произведенія и произведенія дѣлового характера. Среди иностранныхъ авторовъ, въ каталогѣ склада К. П. Прянишникова, встрѣчаются извѣстныя имена Андерсена, Грэнда, Мопассана, Диккенса. Нѣтъ сомнѣнія, что у этихъ авторовъ не мало можно выбрать хорошаго и для нашего народа. Но, давая образцоваго иностраннаго автора простому читателю, нужно всегда держаться того же правила, котораго держится всякій учитель словесности: если нельзя предложить цѣлаго произведенія, то можно дать и отрывки, но ни въ какомъ случаѣ не передѣлки и переложенія, — и непремѣнно въ хорошемъ переводѣ. Это мудрое правило редакціей изданій книжнаго склада К. П. Прянишникова не соблюдается, и совершенно напрасно. Составленъ по Диккенсу, передѣланъ изъ Мопассана, сокращенъ изъ Тургенева, Гюго, Шекспира и, вообще, кого бы то ни было — насъ эти изданія всегда приводятъ въ смущеніе. Съ подобными издѣліями выходитъ никому ненужный и никуда негодный родъ литературы, какъ можно видѣть, напримѣръ, изъ разсказа «Митя» по Диккенсу. Мать Мити умерла, и ребенка помѣстили въ одинъ изъ воспитательныхъ пріютовъ, которые такъ мастерски описываетъ Диккенсъ въ своихъ романахъ, и описанія котораго вы въ перелицованномъ разсказѣ не найдете. Изъ пріюта Митю отдали въ ученіе къ кузнецу, отъ котораго онъ бѣжалъ послѣ жестокихъ побоевъ, за то, что вступился за честь своей покойной матери. Съ улицы Митя попадаетъ въ воровскую шайку и, послѣ многихъ приключеній, случайно освобождается и, неизвѣстно какъ, попадаетъ къ добрымъ господамъ Надежинымъ, у которыхъ и преуспѣваетъ въ наукахъ вмѣстѣ съ своими товарищами по пріюту и по воровскому притону. Разсказъ этотъ несомнѣнно диккенсовскаго происхожденія, но бѣднаго Чарльза г. Ч—ый порядкомъ-таки исковеркалъ. Разсказъ — отрывокъ изъ извѣстнаго романа Оливеръ Твистъ, но отрывокъ, изрубленный въ мелкіе кусочки и приготовленный подъ плохимъ русскимъ соусомъ. Англійскія имена замѣнены русскими, очень много хорошаго выпущено, а кое-что отъ себя прибавлено и припито бѣлыми нитками; особенно конецъ, совершенно непонятный и глупо слащавый. Затѣмъ вся стряпня изложена плохимъ языкомъ. Каждый простой читатель, и даже ребенокъ, прочтя этотъ разсказъ, скажетъ: «у насъ такъ не бываетъ». И совершенно вѣрно: бываетъ *такое*, да не *такъ*. Не проще ли было бы взять отрывокъ, или нѣсколько отрывковъ изъ лучшихъ переводовъ Диккенса и связать краткими поясненіями, какъ это дѣлается въ хрестоматіяхъ? Такой способъ ознакомленія съ писателемъ могъ бы только возбудить въ читателѣ желаніе прочесть все произведеніе, изъ котораго взяты отрывки.

Другая книжка изъ недавно изданныхъ — «Спартакъ, предводитель римскихъ гладіаторовъ», историческая повѣсть въ изложеніи Ц. Самойловой. Книжка дешевая, за 112 стр. всего 8 коп., и от-

личается она отъ «Мити» тѣмъ, что никакихъ передѣлокъ на русскіе нравы вы здѣсь не встрѣтите. Изложена она, очевидно, по прекрасному, и въ свое время извѣстному, роману Джіованіоли «Спартакъ». Содержаніемъ этого романа послужилъ историческій фактъ—возстаніе рабовъ въ Римѣ въ началѣ послѣдняго столѣтія передъ Рождествомъ Христовымъ. Повѣсть г-жи Ц. Самойловой снабжена коротенькимъ, въ одну страничку, предисловіемъ для незнакомыхъ съ исторіей читателей. Предисловіе прибавлено съ добрыми намѣреніями помочь читателю разобраться въ непонятныхъ вещахъ, но написано оно такимъ же плохимъ языкомъ, какъ и вся повѣсть, даетъ очень мало и сообщаетъ не совсѣмъ вѣрные факты. Такъ, на первой же страницѣ сказано: «благодаря частымъ и удачнымъ войнамъ, римляне покорили себѣ почти всѣ извѣстныя въ то время страны и, по тогдашнимъ обычаямъ, обратили ихъ въ рабство». Страну обратить въ рабство невозможно, да и народы далеко не всѣ обращались римлянами въ рабство; рабами, въ большинствѣ случаевъ, были военнопленные. Промахи въ изложеніи встрѣчаются въ повѣсти очень часто. На слѣдующей же страницѣ циркъ называется круглымъ («круглый циркъ»), и говорится, что «рабовъ обучали сражаться и хорошо владѣть оружіемъ». Тутъ же: «притѣсненія и жестокости озлобили бѣдныхъ рабовъ, и они рѣшили отомстить ненавистнымъ римлянамъ и добиться свободы», а строкой ниже говорится, что къ возстанію побудилъ ихъ Спартакъ своимъ мужествомъ и краснорѣчіемъ. Такихъ неудачныхъ мѣстъ много. Но все же слѣдуетъ думать, что, благодаря своему содержанію, повѣсть будетъ читаться съ интересомъ и, быть можетъ, выдержать не одно изданіе, а потому, кромѣ отбѣченныхъ уже недостатковъ, не мѣшаетъ еще указать на слишкомъ малое число подстрочныхъ примѣчаній (всего четыре). Дѣйствіе происходитъ въ такое отдаленное время, и въ такой чуждой для нашего народа странѣ и обстановкѣ, что многое остается непонятнымъ для недостаточно подготовленнаго читателя. Было бы еще лучше, избѣгая примѣчаній, снабдить книжку обстоятельнымъ введеніемъ.

Поставленные у насъ въ заголовкѣ рассказы Мопассана «Семухинъ отецъ» и «Веровочка», довольно хорошо переведенные Павломъ Ленинымъ, значительно различаются по достоинству. «Веровочка» прелестный рассказъ, наводящій читателя на серьезные размышленія. Крестьянинъ Ошкоронъ, богатый и разсѣтливый человекъ, идя на базаръ, поднялъ на дорогѣ обрывокъ веревки и тихонько, не желая давать сосѣдямъ повода къ насмѣшкамъ, спрятавъ его въ карманъ. Но шорникъ Маландрѣвъ, недолюбивавшій Ошкорона, замѣтилъ это и, когда въ тотъ же день стали разыскивать человека, нашедшаго кѣмъ-то оброненный бумажникъ съ пятьюстами франковъ, не замедлилъ указать на Ошкорона. Мэръ подвергъ Ошкорона допросу и, несмотря на его отричаніе, несмотря на то, что онъ показывалъ обрывокъ веревки, поднятый имъ дѣйствительно на дорогѣ, — ему не повѣрили. Тогда онъ попросилъ, чтобы его обыскали. Его обыскали, ничего не нашли и все таки не повѣрили. Не вѣрили его веровочкѣ и крестьяне, собравшіеся толпой у мэра, когда, по выходѣ оттуда, Ошкоронъ съ негодо-

вѣсемъ разсказывалъ о случившемся. Нѣкоторые даже хохотали. Всѣ знали его за мужика расчетливаго и плутоватаго. Не повѣрили его разсказу и въ деревнѣ, когда онъ вернулся съ базара. Душевное состояніе бѣдняги было ужасное. Но на другой день бумажникъ былъ найденъ. Находку принесъ судья какой-то работникъ. Ошкоронъ былъ очень доволенъ: его невинность была теперь доказана. Казалось, этимъ бы должно было все кончиться, но вышло не совсѣмъ такъ. Ошкоронъ цѣлый день разсказывалъ всѣмъ и каждому о происшествіи и о благополучномъ его окончаніи. «Что меня больше всего огорчало,—говорилъ онъ,—такъ это не самое происшествіе, поймите вы это, а то, что меня подозрѣвали въ обманѣ. Ничто не можетъ такъ повредить человѣку, какъ подобное подозрѣніе». Но, говоря все это, онъ чувствовалъ, что все-таки никого не можетъ убѣдить въ своей невинности, ему казалось, что его слушаютъ, тихонько посмѣиваясь себѣ въ бороды. Тоже было и на базарѣ въ слѣдующій вторникъ. Одинъ крестьянинъ прямо назвалъ его обманщикомъ, другой—плутомъ, который во-время сѣмѣлъ подослать найденный имъ же бумажникъ. Ошкоронъ хотѣлъ возражать, но всѣ смѣялись. Домой онъ пришелъ разсерженный и смущенный. Смущенъ онъ былъ именно тѣмъ, что сознавалъ себя способнымъ на поступокъ, въ которомъ его подозрѣвали. Такъ продолжалось и дальше. Какія оправданія онъ ни придумывалъ, разсказывая исторію съ веревочкой, никто ему вѣрить не хотѣлъ. Онъ это видѣлъ и страшно мучился. Нравственныя мученія ускорили смерть старика и въ предсмертномъ бреду онъ вспоминалъ о веревочкѣ. Разсказъ этотъ говорить самъ за себя и является однимъ изъ удачнѣйшихъ переводныхъ разсказовъ, изданныхъ К. П. Прянишниковымъ. Другой разсказъ того же автора «Семушкинъ отецъ» принадлежитъ къ числу болѣе слабыхъ его произведеній и для русскаго простаго читателя мало пригоденъ. Маленькаго семи—восьмилѣтняго мальчика дразнятъ въ деревенской школѣ тѣмъ, что у него нѣтъ отца. Это обстоятельство наводитъ его на размышленія, совершенно несвойственныя его лѣтамъ, а эти размышленія вмѣстѣ съ нападками товарищей приводятъ его къ мысли о самоубійствѣ. Отъ этого шага случайно спасаетъ его работникъ съ мельницы, Филиппъ, которому мальчуганъ и повѣряетъ свое горе. Работникъ свегъ его къ матери, женщинѣ очень серьезной и честной. Здѣсь мальчикъ называетъ Филиппа отцомъ за то, что тотъ его обласкалъ. Это ведетъ къ сближенію Филиппа съ матерью мальчика и, разумѣется, къ свадьбѣ. Семушка получилъ отца и школьники перестали его дразнить. Искусственнаго въ разсказѣ очень много и русскому читателю онъ даетъ мало.

Изъ приведенной нами серіи русскихъ разсказовъ на первомъ мѣстѣ нужно поставить разсказъ «Пила и Сысойко», передѣланный г. Синицинымъ изъ «Подлиповцевъ» Рѣшетникова. Это въ сущности и не передѣлка, а только сокращеніе, сдѣланное умѣлой рукой, съ полнымъ сохраненіемъ характера одного изъ лучшихъ произведеній Рѣшетникова. Конечно и это хорошо, но отчего бы не издать «Подлиповцевъ» цѣликомъ? Въ семидесятыхъ годахъ

такое изданіе было и, помнится намъ, стоило недорого. Теперь можно бы было издать значительно дешевле. Если нѣтъ какихъ-нибудь внѣшнихъ препятствій, то сдѣлать это слѣдовало.

Въ были «Больше чѣмъ родная» г-жа Е. Некрасова старается нарисовать образъ простой дѣвушки-крестьянки, всю жизнь прожившей для другихъ. Она жила и дѣйствовала, какъ подсказывало ей ея сердце. Она отказалась отъ выгоднаго замужества только потому, что человекъ, который ее хотѣлъ взять, жилъ не такъ, какъ бы слѣдовало по ея крайнему разумію. Было это во времена крѣпостной зависимости, а она была сирота, и бурмистръ хотѣлъ выдать ее насильно. За нее вступилась барыня, у которой она жила въ услуженіи на оброкѣ и отъ лица которой и ведется рассказъ. Барыня написала письмо помѣщицѣ, которой принадлежала дѣвушка, и та отпустила ее на волю. Но воля дѣвухкѣ нужна была только, чтобы отдѣлаться отъ ненавистнаго жениха. Она осталась у тѣхъ же господъ, у которыхъ жила и раньше, и такъ къ нимъ привязалась, что не отходила до самой смерти, дѣля съ ними вѣсть и горе, и радость и переживая всѣ превратности судьбы, какъ ближайшій членъ семейства. Рассказъ написанъ просто и производитъ хорошее впечатлѣніе.

Почти на такую же тему написанъ рассказъ П. И. Добротворскаго «Простая душа». Тутъ тоже прислуга, горничная, обладающая такою удивительною сердечною добротою, что ни съ того, ни съ сего, въ большомъ домѣ отыскиваетъ одинокаго больного человека, совершенно ей раньше незнакомаго, бѣгаетъ къ нему, урываясь отъ господъ изъ другой квартиры, ухаживаетъ за нимъ и откровенно рассказываетъ ему свою печальную исторію а потомъ... потомъ, по волѣ автора, какимъ-то волшебствомъ, выходитъ замужъ за чиновника, «образованнаго человека». Написанъ рассказъ съ доброй цѣлью, но слабъ и много въ немъ дѣланнаго.

Въ были Маріи Некрасовой «Бѣшеный волкъ» рассказывается, какъ одинъ волкъ искушалъ нѣсколькихъ человекъ и животныхъ, и всѣ они, кромѣ садовника Никиты, умерли. Къ этому неконченному рассказу пристегнута страничка съ заглавіемъ «Примѣты бѣшеной собаки». Вѣроятно рассказъ изданъ только какъ иллюстрація къ этой страничкѣ...

Рассказъ изъ малорусской жизни «Иголка» скорѣе изъ польской жизни, чѣмъ изъ малорусской и не принадлежитъ къ числу удачныхъ. Вся фабула въ немногихъ словахъ: магнатъ бьетъ мелкаго шляхтича за то, что тотъ не носитъ при себѣ иголки съ ниткой, и, отколотивши, разрѣшаетъ своимъ именемъ бить каждаго за то же самое. Шляхтичъ подкарауливаетъ магната, когда тотъ безъ иголки, бьетъ его, а затѣмъ лупитъ чуть не каждаго встрѣчнаго и все по тому же нелѣпому поводу.

«Обезьяны Стараго» и «Обезьяны Новаго свѣта» двѣ книжечки, очень хорошо составленныя г. М. Н. Я. по Брему и иллюстрированныя множествомъ недурныхъ рисунковъ въ текстѣ, могутъ быть весьма полезны для возбужденія любознательности и стоятъ очень дешево: 5 и 7 коп. за 48 и 88 страницъ. На нихъ стоитъ обратить вниманіе при покупкѣ книгъ для школъ и дѣтскихъ библиотекъ.

Брошюры дѣлового характера, «Книжка для деревенскихъ слесарей и кузнецовъ» составленная Павломъ Оленинымъ и «На судѣ присяжныхъ» Б. Хавскаго, не оставляютъ желать ничего лучшаго. Первая содержитъ множество практическихъ совѣтовъ и указаній для кузнеца и слесаря, съ толковыми объясненіями химическихъ и механическихъ процессовъ въ области слесарно-кузнечнаго дѣла, съ описаніями инструментовъ, сортовъ нужнаго матеріала, съ таблицами вѣса и размѣра матеріала и проч. Вторая книжка говоритъ объ уголовномъ процессѣ съ участіемъ присяжныхъ заседателей. Начиная съ перваго момента предварительнаго слѣдствія, съ полицейскаго дознанія, г. Б. Хавскій шагъ за шагомъ толково, ясно и самымъ простымъ языкомъ объясняетъ дѣйствія судебной власти, права и обязанности всѣхъ должностныхъ лицъ, подсудимыхъ, защитниковъ и присяжныхъ. Книжка г. Б. Хавскаго написана для тѣхъ, кто хочетъ знать, какъ происходитъ судъ съ присяжными. Въ концѣ ея авторъ выражаетъ надежду, что объяснилъ это понятно простымъ людямъ. Надежда не напрасная: каждый, прочитавшій книжку, получитъ совершенно ясное представленіе о предметѣ. Авторъ заканчиваетъ свой трудъ нѣсколькими добрыми совѣтами и пожеланіями. Хорошо, говоритъ онъ, почитать и самые законы, «только для того, чтобы понимать ихъ, надо побольше учиться. Хорошо, если простой народъ будетъ ходить въ школы, хорошо, если бы въ школахъ учили законамъ, хорошо тратить лишнія деньги на покупку книгъ, а еще, можетъ быть, лучше почаще разговаривать съ образованными людьми, отъ которыхъ многому можно научиться».

Изъ всей серіи только-что разобранныхъ книгъ лучшими являются книжки серьезнаго и дѣлового характера, а самыми слабыми—передѣлки художественныхъ произведеній и нѣкоторыя изъ оригинальныхъ. Нашъ совѣтъ редакціи книгоиздательства К. П. Приишниковъ, по возможности, избѣгать передѣлокъ. Хорошія работы этого рода являются рѣдкими исключеніями, еще больше доказывающими, что перелицеванная литература въ общемъ нигде не годится. Изъ того, что уже сдѣлано редакціей, видна ея полная готовность преслѣдовать просвѣтительныя задачи, а вѣдь разрѣшеніе ихъ несомнѣнно зависитъ отъ болѣе строгаго выбора матеріала для изданій.

НОВЫЯ ИНОСТРАННЫЯ КНИГИ.

«Club-land of the Toiler» Exemplified by the Workmen's Club and Institute Union. By T. S. Pappin. With a preface by Canon Barnett (Dent and Co). London. (Клубы рабочихъ). Маленькая книжка, въ которой всесторонне обсуждается вопросъ объ устройствѣ клубовъ для рабочихъ и о социальномъ вліяніи подобнаго рода учреждений, заслуживающая вниманія тѣхъ, кто интересуется социальными вопросами. Авторъ очень подробно разсматриваетъ дѣятельность общества по устройству клубовъ для рабочихъ и описываетъ уже существующіе клубы, ихъ значеніе и ту роль, которую они играютъ въ жизни рабочихъ. Книга имѣетъ безспорно современный интересъ и можетъ доставить много полезныхъ указаній общественному дѣятелю въ области рабочаго движенія.

(Literary World).

«The Salt of the Earth» by Philip Lafarque (Archibald Constable and Co). (Соль земли). Въ книгѣ заключаются шесть очень оригинальныхъ и даже блестяще написанныхъ рассказовъ, представляющихъ рядъ этюдовъ, прямо выхваченныхъ изъ жизни и обрисовывающихъ тотъ типъ людей, который истинно можно назвать «солью земли». Авторъ говоритъ въ своемъ предисловіи, что онъ былъ нѣсколько пораженъ тѣмъ, что люди этого типа въ большинствѣ случаевъ представляютъ тѣ признаки, которые указываются Максомъ Нордау въ его книгѣ о вырожденіи. Однако, авторъ не соглашается съ безусловными приговорами Нордау и указываетъ явную симпатію къ высокоодареннымъ натурамъ, обладающимъ очень тонкою нервной системой, звучащею какъ Золова арфа отъ малѣйшаго дуновенія вѣтерка. Такое пристрастіе автора къ избраннымъ натурамъ все-таки не мѣшаетъ ему оставаться вѣр-

нымъ художественной правдѣ и изображать въ своихъ рассказахъ дѣйствительно живыхъ людей, а не продуктовъ вымысла. (Literary World).

«The Ruskin Reader»: Being Passages from «Modern Painters», «The Seven Lamps of Architecture» and «The Stones of Venice». By John Ruskin (George Allen). London. (Читатель Рёскина). Въ предисловіи къ этой маленькой карманной книжкѣ издатель говоритъ, что онъ имѣлъ въ виду представить, въ сжатомъ видѣ, главныя черты и сущность ученія Рёскина, также какъ и главныя характерныя особенности его стила въ цѣломъ рядѣ извлеченій изъ его разныхъ большихъ трудовъ. Надо отдать справедливость издателю, что ему удалось выполнить эту задачу, и тѣ, кто изучаетъ Рёскина, могутъ найти въ этой карманной книжкѣ очень цѣбныя указанія. Въ послѣднее время вышло нѣсколько такихъ извлеченій и изложеній теоріи Рёскина, но вышеуказанная маленькая книжка, по своей компактности и удачному выбору цитатъ, безспорно представляетъ лучшее руководство для ознакомленія съ Рёскинымъ и его ученіемъ. (Literary World).

«Lectures and Essays» by sir J. R. Seeley (Macmillan and Co) London. (Лекціи и опыты). Книга представляетъ новое изданіе лекцій покойнаго профессора Силли. Первые три лекціи посвящены основанію, развитію и паденію римскаго имперіализма; остальные семь касаются самыхъ разнообразныхъ предметовъ, какъ, напримѣръ, поэзіи Милтона и его политическихъ воззрѣній, политическаго воспитанія, ученія о нравственности и т. п. Широта взглядовъ, сила краснорѣчія и мощный умъ профессора Силли поставили его на одно изъ первыхъ мѣстъ въ ряду дѣятелей, имѣвшихъ огромное вліяніе на прошлое

поколѣніе. Его лекціи и опыты не потеряли и теперь своего значенія и почти не имѣютъ соперниковъ, поэтому-то новое изданіе навѣрное встрѣтитъ полное сочувствіе читателей.

(Literary World).

«*Leaders of Religion. William Laud.*» By William Holden Hutton (Methuen and Co). (Вожды религіи). Превосходная книга по широтѣ взгляда, искренности и научности. Личность Уильяма Лауда, одного изъ симпатичнѣйшихъ дѣятелей англійскаго церкви, обрисована очень яркими красками въ разсказѣ автора, причѣмъ также прекрасно изображена эпоха, въ которой жилъ и дѣйствовалъ великій англійскій архіепископъ и государственный человѣкъ.

(Athenaeum).

«*Told on the Pagoda. Tales of Burma.*» By Mimosa (Fischer Unwin). (У Лаоды: Бурманскіе разказы). Разказы, заключающіеся въ этой маленькой, очень изящно изданной книжкѣ, хотя и не могутъ быть поставлены по густотѣ и силѣ красокъ съ разказами Киплинга, тѣмъ не менѣе, отличаются свѣжестью и оригинальностью и представляютъ хорошенкія картинки бурманской жизни. Къ книгѣ приложены прекрасно сдѣланные снимки съ фотографій, изображающіе сцены въ Мандаляѣ и другихъ мѣстахъ.

(Athenaeum).

«*Historical and Secret Memoirs of the Empress Josephine.*» By M. A. Le Normand (H. J. Nichols). (Историческія и секретныя мемуары императрицы Жозефины). Издатель, рядомъ съ «*Courts Memoirs*» (придворными мемуарами), приступилъ къ выпуску серіи историческихъ мемуаровъ (Historic Memoirs Series), состоящихъ изъ личныхъ разказовъ и воспоминаній разныхъ знаменитыхъ людей. Первые два тома этой серіи составляютъ мемуары императрицы Жозефины, вышедшіе черезъ четыре года послѣ ея смерти, переведенные на англійскій языкъ и изданные впервые въ Америкѣ. Большая часть этихъ мемуаровъ написана самой императрицей Жозефиной. Въ историческомъ отношеніи эти мемуары представляютъ интересъ, такъ какъ въ нихъ изображается частная жизнь Наполеона и рельефно обрисовываются многія черты его характера.

(Bookseller).

«*This Age of Ours*» by Charles Hermann Leibbrand (Sampson Low and Co). (Нашъ вѣкъ). Авторъ собралъ въ этой книгѣ и издалъ свои пересмотрѣнные и дополненные статьи по разнымъ современнымъ вопросамъ, помѣщавшіяся въ разныхъ періодическихъ органахъ

печати. Этотъ томъ своихъ статей авторъ раздѣляетъ на двѣ части, на «книгу о проблемахъ» (Book of problems) и «книгу о социализмѣ» (Book on Socialism). Въ первой части заключаются статьи автора, касающіяся преимущественно экономическихъ вопросовъ, а также «Home Rule», негрійанской проблемы, национализаціи земли и т. п. Всѣ эти статьи имѣютъ современный интересъ и заслуживаютъ вниманія читателей.

(Daily News).

«*An introduction to the study of Zoology* by B. Lindsay (Swan Sonnenschein and Co). (Введеніе къ изученію зоологіи). Книга эта приспособлена для взрослыхъ людей, желающихъ изучать зоологію, но нуждающихся не въ однихъ только элементарныхъ свѣдѣніяхъ, а также и въ знакомствѣ съ общимъ направленіемъ этой науки, т.-е. со всѣми современными теоріями, касающимися происхожденія видовъ и распредѣленія животной жизни на земномъ шарѣ. Это полезное руководство по зоологіи иллюстрировано множествомъ примѣровъ и диаграммъ.

(Daily News).

Abie Sherwin: «*A Tale of the Days of Henry VIII.*» (Burns and Oots). (Разказъ изъ временъ Генриха VIII). Анонимный авторъ этого разказа, входящаго въ составъ серіи «Granville Popular Library», прекрасно изображаетъ эпоху Генриха VIII, составляющую одну изъ самыхъ любопытныхъ страницъ Англіи. Очень интересно, между прочимъ, описаніе Лондона тѣхъ временъ.

(Bookseller).

«*My Japanese Wife.*» By Clive Holland. (Constable and Co). (Моя японская жена). Издатели очень удачно выбрали для перваго тома своей новой карманной иллюстрированной бібліотеки разказъ изъ японской жизни, такъ какъ интересъ къ Японіи и японцамъ до сихъ поръ еще не исчезъ въ европейскомъ обществѣ. Разказъ написанъ живо и очень увлекательно и прекрасно обрисовываетъ японскую жизнь.

(Bookseller).

«*Plato and the Times he lived in.*» By J. W. G. Van Oordt, Member of the Cape of Good Hope University Council (Martinus Nijhoff, Hague). (Платонъ и его время). Тотъ, кто желаетъ получить вполне ясное понятіе о великомъ философѣ, его отношеніи къ эпохѣ, въ которой онъ жилъ, и школахъ, которыя ему предшествовали, долженъ прочесть книгу проф. Ванъ Оордта, прекрасно иллюстрирующую эпоху Платона и влияніе, оказанное его доктринами на мно-

гія выдаючіяся события его времени и послѣдующей эпохи. (Bookseller).

«*From Matters to Mind*». By *Marcus R. P. Dorman*. (*Kegan Paul, French, Frübner and Co*). (*Отъ матеріи къ душі*).

Авторъ задается цѣлью опредѣлить, на основаніи біологическихъ и психологическихъ данныхъ, наши понятія о душѣ, истинѣ и о невещественномъ мірѣ, находящемся внѣ предѣловъ нашего познанія и допускаемымъ только вѣрой, которую авторъ описываетъ какъ функцію воображенія, стремящуюся къ материализаціи невещественнаго. Авторъ—сторонникъ эволюціонной теоріи и старается объяснить при ея помощи всѣ проблемы психологіи и біологіи. Если нѣкоторые взгляды автора и могутъ возбудить весьма основательныя возраженія въ умѣ читателя, то все же, въ общемъ, книга его заслуживаетъ вниманія, какъ попытка примирить метафизическія теоріи съ позитивною наукой. (Bookseller).

«*The Climates of the Geological Past*».

By *Eugene Dubois* (*Swan Sonnenschein and Co*). (*Климаты геологическаго прошлаго*).

Авторъ изслѣдуетъ въ своей книгѣ извѣстныя климатическія перемѣны геологическихъ періодовъ и старается объяснить это явленіе соответствующими перемѣнами въ величинѣ солнечнаго лучеиспусканія. Авторъ ищетъ рѣшенія интересующихъ его вопросовъ въ замѣтныхъ измѣненіяхъ, происшедшихъ въ диффузіи солнечнаго тепла, въ превращеніи путемъ охлажденія, «бѣлаго солнца» раннихъ періодовъ, съ его фіолетовыми лучами, въ «желтое солнце» нашей эпохи, съ его красными и ультракрасными лучами.

(Bookseller).

«*A Primer on Evolution*» by *Edward Clodd*. With illustrations. (*Longmans Green and Co*). (*Азбука эволюціи*).

Въ своей маленькой книгѣ авторъ просто и ясно излагаетъ главные факты эволюціи, относительно которыхъ не существуетъ разногласій между людьми науки. Къ сожалѣнію, авторъ, въ то же время, слишкомъ много распространяется и придаетъ слишкомъ большое значеніе многимъ спорнымъ вопросамъ, относительно которыхъ существуетъ много разногласій между учеными. Остановившаяся на этихъ спорныхъ пунктахъ, авторъ до нѣкоторой степени отступаетъ отъ своей первоначальной цѣли ознакомить читателя съ основными положеніями теоріи эволюціи, дать ему роль азбуки, съ которой онъ долженъ начать изученіе этой теоріи. Диаграммы, также какъ и иллюстраціи,

приложенныя къ книгѣ, исполнены очень хорошо. Авторъ посвящаетъ свою книгу покойному профессору Гексли. (Literary World).

«*Malay Sketches*» by *Frank Swettenham* (*John Lane*). (*Малайскіе очерки*).

Книга эта, безъ сомнѣнія, должна возбудить интересъ къ малозвѣстному, но въ высшей степени любопытному народу, обитающему въ одномъ изъ самыхъ красивыхъ, но наименѣе изслѣдованныхъ уголковъ дальняго Востока. Описанія автора очень живы и факты, сообщаемые имъ, заслуживаютъ вниманія. Особенно интересна глава, подъ названіемъ «*Latah*». Этимъ именемъ называется нѣчто вроде психической болѣзни, которая очень распространена среди малайцевъ и, главнымъ образомъ, характеризуется особенною воспримчивостью одержимыхъ этимъ психическимъ разстройствомъ субъектовъ къ внушенію. Чтобы подчиняться внушенію, имъ вовсе не надо находиться въ состояніи гипноза; въ бодрствующемъ состояніи они также послушно повинуются любому внушенію, какъ и загипнотизированные субъекты, и притомъ безразлично, отъ кого бы ни исходило это внушеніе. «Стоитъ лишь на моментъ привлечь вниманіе такого субъекта, одержимаго «*Latah*» словомъ, взглядомъ или жестомъ,—говоритъ авторъ,—какъ оно уже безповоротно подпадаетъ подъ вашу власть и вы можете заставить его дѣлать все, что вамъ захочется, и онъ будетъ исполнять всякое ваше приказаніе безъ малѣйшаго колебанія, пока вы сами не прекратите этого подчиненія, избавивъ его отъ своего вліянія». Авторъ самъ наблюдалъ двухъ такихъ субъектовъ и описываетъ эксперименты, которые производились съ этими живыми автоматами. (Literary World).

«*Heroes of the Nations*». (*Putnam's sons*). (*Герои націй*).

Новые томки этой интересной бібліотеки, издаваемой вышеназванной издательскою фирмой, заключаютъ слѣдующія статьи: «*Lorenzo de Medicis and Florence in the Fifteenth Century*» («*Лоренцо де Медичи и Флоренція въ XV столѣтіи*») by *Edward Armstrong*; «*Charles XII of Sweden and the collapse of the Swedish Empire*» («*Карлъ XII и паденіе шведской имперіи*») by *R. Nisbet Bain* и «*Joan of Arc and the Struggle for the Independence of France*» («*Иоанна д'Аркъ и борьба за независимость Франціи*») by *Mrs Oliphant*. Изданіе это уже успѣло завоевать себѣ симпатіи читающей публики. (Literary World).

«*Four Humorists of the Nineteenth Century*» by W. J. Lilly, Lectures revised and enlarged by M. r. Murray. (Четыре юмориста XIX вѣка). Лекціи, читанныя авторомъ въ королевскомъ институтѣ, просмотрѣны и дополнены въ этомъ изданіи Мюрреемъ. Четыре великихъ юмориста нашего вѣка, которыми посвящены эти лекціи, это Диккенсъ, Теккерей, Джорджъ Эллиотъ и Карлейль, — демократъ, философъ, поэтъ и пророкъ. Съ этой точки зрѣнія авторъ и рассматриваетъ литературную дѣятельность каждаго изъ нихъ.

(Literary World).

«*Seabound on Kolguev: a Chapter in the Exploration of Arctic Europe, to which is added a Record of the Natural History of the Island*». By Aubyn Trevor Battige. (Constable and Co). (Во льдахъ на Колгуевѣ: глава изъ путешествія по арктической Европѣ). Лѣтомъ прошлаго года всѣ европейскія газеты печатали рассказы объ одномъ молодомъ натуралистѣ, «профессорѣ», заключенномъ во льду на одномъ арктическомъ островѣ и чуть-чуть не погибшемъ отъ холода и голода. Во всѣхъ этихъ рассказахъ заключалось много преувеличеній, такъ какъ этотъ молодой натуралистъ, издавшій теперь книгу о своемъ пребываніи въ полярныхъ льдахъ, повидному, не подвергался никакой другой опасности, кромѣ той, которой вообще подвергаются путешественники, вынужденные зимовать въ полярныхъ странахъ. Результатомъ этой зимовки явилось вышеназванное исследование арктической природы, заключающее въ себѣ много интересныхъ фактовъ, особенно для зоологовъ. (Athaeneum).

«*John Francis and the Athenaeum; A Literary Chronicle of half a century*». By John C. Francis. (Richard Bentley and Son). London. (Литературная хроника полстолѣтія). Эта хроника заключаетъ въ себѣ въ высшей степени увлекательныя страницы изъ исторіи литературы нашего вѣка и изобилуетъ интересными фактами и подробностями литературной жизни Англій въ періодъ царствованія королевы Викторіи.

(Athaeneum).

«*The Story of Africa and its Explorers*» by M. Robert Brown. (Cassell and Co). London. (Исторія Африки и ея исследователи). Этотъ четырехтомный, изящно изданный трудъ, представляетъ очень интересный обзоръ всѣхъ исследованийъ африканскаго континента, за послѣднее пятидесятилѣтіе. Многочисленныя иллюстраціи дополняютъ текстъ. Исторія Африки имѣетъ для насъ современный интересъ, такъ какъ черный континентъ особенно сильно привлекаетъ взоры европейцевъ въ настоящее время и европейскія націи готовы уже вступить въ распрю за преобладаніе въ Африкѣ. Авторъ вышеназваннаго исследования — англичанинъ и, конечно, англійская точка зрѣнія даетъ себя чувствовать въ его отношеніяхъ къ тѣмъ или другимъ вопросамъ, касающимся африканскаго континента. Но во всякомъ случаѣ нельзя отрицать достоинствъ его книги, представляющей первую попытку историческаго обзора исследованийъ Африки и достигнутыхъ ими результатовъ.

(Revue Scientifique).

«*Les Travaux publics et les Mines dans les traditions et les superstitions de tous les pays*» par M. P. Sébillot. Paris. 1895. (Общественныя работы и рудники и роль, которую они играютъ въ преданіяхъ и предразсудкахъ всѣхъ странъ). У всѣхъ народовъ съ открытіемъ и разработкою рудниковъ связано много очень странныхъ легендъ и предразсудковъ, точно также какъ и съ постройкою нѣкоторыхъ зданій, мостовъ, проведеніемъ желѣзныхъ дорогъ и т. п. Собраніе всѣхъ этихъ легендъ и сказаній, конечно, должно составить любопытную главу изъ исторіи суевѣрій. Исходя изъ этой точки зрѣнія, авторъ вышеназванной книги предпринялъ свой трудъ, и собралъ въ немъ множество въ высшей степени интересныхъ и характерныхъ легендъ, относящихся къ этой области. Очень любопытно сопоставленіе легендъ различныхъ народовъ, касающихся одного и того же предмета, причѣмъ ярко выступаютъ черты сходства между легендами и суевѣріями совершенно различныхъ расъ.

(Journal des Débats).

НОВЫЯ КНИГИ, ПОСТУПИВШІЯ ВЪ РЕДАКЦІЮ

съ 20-го августа по 20-е сентября.

- Д. Маминъ-Сибирякъ. *Три кониа*. Уральская лѣтопись. Изданіе О. Н. Поповой. Ц. 1 р. 25 к. Спб. 1895.
- Д. Маминъ-Сибирякъ. *Послѣдняя треба*. Изданіе Д. И. Тихомірова. Москва. 1895 г. Ц. 10 к.
- Русскіе символысты. Сборникъ стихотвореній. Москва. 1895 г.
- Валерій Брюсовъ. *Chefs-d'oeuvre*. Сборникъ стихотвореній.
- Собраніе сочиненій Вальтеръ-Скотта. *Гей-Меняринъ или астрологъ*. Бесплатное приложеніе къ газетѣ «Лучъ».
- Б. Д. Гринченко. *Писни та думи*. Книга перша й друга. Черниговъ. 1895 г. Ц. 50 к.
- Эдвинъ Арнольдъ. *Свѣтъ Азии*. Перев. въ стихахъ А. М. Ѳедорова, съ предисл. Арнольда, портр. его и необходимыми примѣчаніями. Изданіе книжного склада Прянишнікова. Москва. 1895 г. Ц. 1 р. 50 к.
- П. Шелли. *Ченчи*. Трагедія. «Моя библиотечка». Изданіе Ледерле. Спб. 1895 г. Ц. 40 к.
- Лесама. *Тюркаре*. Комедія. Изданіе Ледерле. Спб. 1895 г. Ц. 40 к.
- Эдвинъ Арнольдъ. *Свѣтло Азии*. Повесть. Перев. И. М. Сабашникова. Спб. 1896 г. Изданіе Ледерле. Ц. 60 к.
- К. Станюновичъ. *Подъ тропиками*. Рассказъ. Изданіе Ледерле. Спб. 1895 г. Ц. 50 к.
- Де-Амичисъ. *Дневникъ школьника*. Перев. Крестовскаго-псевдонимъ. Издан. Ледерле. Спб. 1895 г. Ц. 1 р. 50 к.
- Общедоступная библиотека. Изданіе Г. М. Певаторсъ. *Человѣчскія расы.—Народы Африки*. Ц. 25 к. Одесса. 1895 г.
- И. Фульве. *Характеръ расъ и будущность бѣлой расы*. Международная библиотечка. Изданіе Вейленсона и Юровскаго. Ц. 15 к. Одесса. 1895 к.
- Г. Гимизицкій. *Основы морали*. Международная библиотечка. Изданіе Вейленсона и Юровскаго. Ц. 15 к. Одесса. 1895 г.
- В. С. Шевичъ. Проектъ руководства къ преподаванію музыки въ курсѣ средне-учебн. заведеній.
- Г. П. Каменскій. *Государственное хозяйство Англии за шесть лѣтъ управленія министерства торг.* Спб. 1895 г. Ц. 1 р. 50 к.
- С. Зенченко *Учебникъ древней исторіи*. Выпускъ I.—*Востокъ и Греція*. Москва. 1895 г. Ц. 75 к.
- В. Острогорскій. *Изъ исторіи моего учительства*. Изданіе О. Н. Поповой. Ц. 1 р. 25 к. Спб. 1895 г.
- Проф. Грачевскій. *Русская исторія*. Часть II.
- Фюстель-де-Куланжъ. *Древняя гражданская община*. Исслѣдованіе о культахъ, правѣхъ и учрежденіяхъ Греціи и Рима. Изданіе Павленкова. Спб. 1895 г.
- Преображенскій. Въ вопросу о методахъ и приемахъ веденія ученическихъ сочиненій.
- Преображенскій. *Литература по вопросу о преподаваніи церковно-славянскаго языка въ средн. учебн. заведеніяхъ*.
- В. П. Вахеровъ. *Условія распространенія образованія въ народѣ*. Москва. 1895 г.
- А. Е. Мерцаловъ. *Историческія чтенія*. Очерки изъ исторіи смутнаго времени. Ц. 1 р. Спб. 1895 г. Изд. Пантелѣева.
- М. Е. Канторъ. *Латинскіе афоризмы*. Полный алфавитн. сборникъ. Ц. 1 р. Москва. 1895 г.
- П. Морозовъ. *Финляндія въ торгово-промышленномъ отношеніи*. Спб. 1895 г.
- Л. Бертенсонъ. *Краткій очеркъ дѣятельности восьмаго международнаго конгресса шихены и демографіи въ Будапештѣ*. Изъ Горнаго Журнала. 1895 г.
- Санитарно-врачебное дѣло на горныхъ заводахъ и промыслахъ замосковныхъ и средне-волжскаго округовъ.
- Отчетъ о дѣятельности Воронежской комиссіи народныхъ чтеній за 1894—1895 г.
- Основанія новаго устава сельскаго хозяйства.
- Современный календарь на 1896 г. А. Д. Ступина. Москва. 1895 г. Ц. 15 к.
- Полезная библиотека. *Астрономъ-любитель*. Сост. Е. Предтеченскій. Изданіе П. П. Соѣкина. Спб. 1895 г. Ц. 50 к.
- И. А. Карышевъ. *Основы истинной науки*. Кн. II. *Составъ человѣческаго существа.—Жизнь и смерть*. Спб. 1895 г. Ц. 1 р. 50 к.

Годъ IV-й.

№ 11-й.

МІРЪ БОЖІЙ

ЕЖЕМЪСЯЧНЫЙ

ЛИТЕРАТУРНЫЙ И НАУЧНО-ПОПУЛЯРНЫЙ ЖУРНАЛЪ

ДЛЯ ЮНОШЕСТВА

И

САМООБРАЗОВАНІЯ.

Н О Я Б Р Ъ

1895 г.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія И. Н. Скороходова (Надеждинская, 43).

1895.

Дозволено цензурою 27-го октября 1895 года. С.-Петербургъ.

СОДЕРЖАНІЕ

	СТР.
1. МОДНАЯ ЛИТЕРАТУРНАЯ ЕРЕСЬ. Н. Стороженно	1
2. ГРЪХИ. (Наброски и сидуты). (Продолженіе). И. Потапенно.	18
3. СТИХОТВОРЕНІЕ. У МОРЯ. Н. Минскаго	46
4. НЕБЛАГОДАРНЫЙ. Соч. Уйда. Переводъ съ англійскаго М. Коршъ.	48
5. ОБРАСКА ЖИВОТНЫХЪ. Проф. Н. Холодновскаго.	76
6. НАУЛАБА. Романъ Рюдіарда Киплинга и Уолькотта Балестріера. (Продолженіе). Пер. съ англ.	98
7. ОЧЕРКИ ПО ИСТОРИИ РУССКОЙ КУЛЬТУРЫ. (Продолженіе). Проф. П. Н. Милунова.	141
8. ИСТОРИЯ ОДНОЙ ЖИЗНИ. Романъ. (Окончаніе). К. М. Станюковича.	177
9. ПОДОЗРИТЕЛЬНАЯ СЛАВА. (Семья Поланецкихъ. Романъ г-на Сенкевича). Ив. Иванова.	200
10. БРИТИЧЕСКІЯ ЗАМѢТКИ. Романъ г-па Мережковскаго «Отверженный». — Двойственность производимаго имъ впечатлѣнія. — Вѣрное изображеніе настроенія эпохи. — Отсутствие шаблонности въ обрисовкѣ типовъ. — Странное освѣщеніе характера главнаго героя. — Историческая справка для декадентовъ. — «Вологжанинъ», литературно-научный сборникъ. — Къ характеристикѣ провинціальной прессы. — «Изъ записокъ сельской учительницы», г-жи А. А. Штевень. — Общій интересъ книги и ея большое общественное значеніе. А. Б.	223
11. НАДЕЖДА ВАСИЛЬВНА СТАСОВА. (Некрологъ). Е. Гарднеръ	238
12. РАЗНЫЯ РАЗНОСТИ. На родинѣ. Общедоступные литературные вечера въ Одессѣ. — Крестьянское хозяйство въ Полтавской губ. — Ткацкое кустарное производство въ Черниговской губ. — Земскія читальни для народа. — Церковно-приходскія школы въ Оренбургской губерніи. — Юбилей А. Ѳ. Кони. — Гоголь и Чаадаевъ. — Рабочіе на Сибирской желѣзной дорогѣ. А. Ѳ. Кони. — Гоголь и Чаадаевъ. — Рабочіе на Сибирской желѣзной дорогѣ.	243
13. За границей. Бюро правосудія. — Слѣбые авторы. — Исчезающіе народы: Тоды въ Индіи. — На воздушномъ шарѣ къ сѣверному полюсу. — Скандинавскіе народы и ихъ политика. — «Revue des Revues». — «Revue de Paris». — «Revue Scientifique»	256
14. ПИСЬМА ВЪ РЕДАКЦІЮ.	271
15. ПРИЛОЖЕНІЯ: 1) ОСНОВАНІЯ ЭЛЕМЕНТАРНОЙ ПСИХОЛОГІИ. Переводъ съ французскаго подъ редакціей прив.-доц. Г. Челпанова	95
16. 2) СЕНЬ-МАРСЪ или заговоръ при Людовикѣ XIII. Историческій романъ. Альфреда де-Виньи. Переводъ съ французскаго А. М.	117
17. 3) ИСТОРИЯ ЦИВИЛИЗАЦІИ. Г. Дюнудрэ. I. Древній міръ. Переводъ съ французскаго А. Позень, подъ редакціей Д. А. Коропчевскаго	265
18. БИБЛЮГРАФИЧЕСКІЙ ОТДѢЛЪ ЖУРНАЛА «МІРЪ БОЖІЙ». Беллетристика. — Публицистика. — Юридическія науки. — Политическая экономія. — Естествознаніе. — Дѣтскія книги. — Новости иностранной литературы. — Новыя книги, поступившія въ редакцію.	1
19. ОБЪЯВЛЕНІЯ.	

МОДНАЯ ЛИТЕРАТУРНАЯ ЕРЕСЬ.

Это, конечно, безуміе, но безуміе методическое.
Полоній въ «Гамлетѣ» (Актъ II, сц. 2-я).

Жителямъ большихъ городовъ, вѣроятно, случалось наблюдать не разъ довольно курьезное явленіе: на площади стоитъ небольшая кучка людей, о чемъ-то горячо разговаривающихъ и указывающихъ пальцами на небо. Проходитъ полчаса, часъ, и кучка, постепенно увеличиваясь, превращается въ толпу людей, вперившихъ глаза въ небо и словно ожидающихъ чего-то... Судя по ихъ оживленнымъ жестамъ, можно заключить, что недавно на небѣ произошло нѣчто замѣчательное,—либо пролетѣлъ метеоръ, либо посыпался съ неба цѣлый дождь падающихъ звѣздъ. Постоявъ нѣкоторое время въ безплодномъ ожиданіи, толпа мало-по-малу расходится, но никому изъ лицъ, ее составляющихъ, не приходитъ въ голову, что на небѣ ничего не было, что всѣ они были жертвами мистификаціи двухъ или трехъ шутниковъ, которые, проходя черезъ площадь, ради шутки, вперили глаза въ небо, постояли въ такой позиціи четверть часа, и ушли, видя, что шутка удалась, что возлѣ нихъ начинаетъ собираться толпа зѣвакъ. Явленіе, подобное описанному, наблюдается въ настоящее время въ литературѣ по отношенію къ такъ называемой, бэконо-шекспировской теоріи, утверждающей, что драмы, дошедшія до насъ съ именемъ Шекспира, писаны не имъ, но великимъ основателемъ реальной философіи Бэкономъ. Разница развѣ въ томъ, что въ первомъ случаѣ мы имѣемъ дѣло съ сознательнымъ обманомъ, а въ последнемъ съ бессознательнымъ самовнушеніемъ. Не ждите отъ теоріи, низвергающей съ пьедестала величайшаго драматурга, новыхъ временъ, фактическихъ доказательствъ—ихъ нѣтъ, да для нея они и не существенны въ виду силы доказательствъ внутреннихъ, логическихъ. «Статочное-ли дѣло,—спрашиваетъ теорія,—чтобы драмы, полныя такихъ возвышенныхъ, далеко-озаряющихъ идей, такого глубокаго прозрѣнія въ сущность государственной жизни и въ тайны человѣческаго сердца, могли выйти изъ подъ пера полуобразованнаго актера, не окончившаго даже элементарной

школы, вращавшагося въ низменныхъ слояхъ общества и думавшаго только о томъ, чтобъ сколотить деньгу и удалиться на покой въ свой родной городокъ? Внутреннее содержаніе драмъ Шекспира исполнено такой глубины и разносторонности, что ихъ могъ написать не только самый гениальный, но и самый образованный человѣкъ своего времени, а такимъ человѣкомъ, безспорно, былъ Бэконъ, и если онъ скрылъ свое имя подъ псевдонимомъ Шекспира, то это произошло оттого, что, занимая высокое общественное положеніе, онъ не считалъ удобнымъ признать себя авторомъ произведеній, которыя въ то время почти не причислялись къ литературѣ, и въ которыхъ онъ высказалъ мысли и намеки, могшіе повредить его служебной карьерѣ». Таковы основныя положенія пресловутой бэконо-шекспировской ереси, которыя на разные лады повторяются въ массѣ книгъ и брошюръ, ежегодно появляющихся на книжномъ рынкѣ и жадно поглощаемыхъ людьми, мало знакомыми съ предметомъ, но сгараемыми желаніемъ блеснуть оригинальностью и прослыть разрушителями литературныхъ кумировъ и предрасудковъ. Какъ увидимъ ниже, эта литературная ересь, получившая начало въ Америкѣ, первоначально распространялась только по Америкѣ, и отчасти Англіи; ученые Германіи долгое время даже не считали ее заслуживающей опроверженія, и только въ послѣднія 10—15 лѣтъ стали обращать на нее вниманіе; у насъ въ Россіи ее знали только по слухамъ, такъ что когда, нѣсколько лѣтъ тому назадъ, г. Чуйко помѣстилъ обстоятельную статью по бэконовскому вопросу (*Наблюдатель*. 1888. Февраль), статья эта могла служить скорѣе предостереженіемъ, чѣмъ опроверженіемъ взглядовъ, имѣвшихъ тогда въ Россіи весьма немногихъ приверженцевъ. Съ тѣхъ поръ многое измѣнилось. Американская реклама, ежегодно раздувающая десятки плохихъ книгъ и брошюрокъ, сдѣлала свое дѣло. Теперь и у насъ вы встрѣтите не мало лицъ, преимущественно изъ числа учащейся молодежи, которые при словѣ Шекспиръ многозначительно ухмыляются, давая этимъ понять, что ихъ на мякинѣ не поймаешь, что имъ хорошо извѣстенъ le secret du polichinelle. Для такихъ лицъ была, безъ сомнѣнія, драгоценнымъ подаркомъ составленная на основаніи извѣстной книги Бормана *Das Shakspeare Geheimniss* (Leipzig 1894) статья г. Эйзена *Шекспиръ или Бэконъ*, помѣщенная въ декабрьской книжкѣ литературныхъ приложений къ журналу *Нива* за 1894 годъ. Въ виду того, что этотъ журналъ расходится болѣе чѣмъ въ 100.000 экземплярахъ, статью нашего единственнаго бэконіанца нельзя оставить безъ вниманія, но прежде, чѣмъ приступить къ ея разбору, считаемъ не лишнимъ предложить чи-

тателямъ «Мира Божьяго» краткій очеркъ бэконо-шекспировской ереси до появленія книги Бормана.

Всякое геніальное произведеніе всегда заключаетъ въ себѣ нѣчто таинственное, пожалуй, даже сверхъестественное. Хотя бы мы знали всѣ тѣ вліянія, которымъ подвергался его авторъ при жизни, хотя бы мы изучили всѣ составные элементы самого произведенія, для насъ все-таки останется вѣчной загадкой та геніальная сила духа, которая соединяла всѣ эти элементы по напередъ задуманному плану въ одно художественное цѣлое. Степень загадочности, конечно, увеличивается, если скудость біографическихъ данныхъ не даетъ намъ возможности даже приблизительно возстановить исторію развитія таланта и ума изучаемаго художника. Сказанное прилагается къ произведеніямъ Шекспира въ большей степени, чѣмъ къ произведеніямъ другихъ писателей, ибо исторія литературы не знаетъ большаго несоотвѣтствія между тѣмъ, что намъ извѣстно объ авторѣ, и его произведеніями. Это несоотвѣтствіе давно приводило въ смущеніе нѣкоторыхъ критиковъ. Еще въ концѣ прошлаго столѣтія Фармеръ въ своемъ *Essay on the Learning of Shakspeare* (London, 1767 г.) доказывалъ, что Шекспиръ былъ чловѣкъ малообразованный и отказывался объяснить массу научныхъ свѣдѣній, встрѣчающихся въ его произведеніяхъ. Гораздо дальше пошелъ неизвѣстный авторъ статьи, помѣщенной въ *Chamber's Edinburgh Journal* за 1852 г., который смѣло поставилъ вопросъ *Кѣмъ были написаны драмы Шекспира* (Who wrote Shakspeare?) и отвѣчалъ на него въ томъ смыслѣ, что у Шекспира состоялъ на жалованьи какой-то бѣднякъ ученый, который за извѣстную сумму и снабжалъ его своею ученостью. Отъ этой гипотезы и до предположенія, что главнымъ сотрудникомъ Шекспира былъ Бэконъ—всего одинъ шагъ. Этотъ шагъ былъ сдѣланъ въ Америкѣ однофамилицей Бэкона миссъ Деліей Бэконъ въ ея статьѣ *Шекспиръ и его драмы*, помѣщенной въ американскомъ журналѣ *Putnam Monthly Magazine* за 1855 годъ (январь), которая поэтому и считается основательницей бэконо-шекспировской ереси. Миссъ Бэконъ была женщина даровитая и ученая, но крайне экзальтированная и истеричная и рѣшительно неспособная критически отнестись къ своимъ фантазіямъ. Усомнилась ли она въ Шекспирѣ подъ вліяніемъ книги Фармера и статьи неизвѣстнаго автора въ *Chamber's Journal*, или дошла до своей теоріи совершенно самостоятельно (первое вѣроятнѣе, такъ какъ она была очень начитана), какъ бы то ни было, но въ своей статьѣ она доказывала, что мало образованный Шекспиръ не могъ написать приписываемыхъ ему драмъ, что онѣ написаны цѣлымъ кружкомъ ученыхъ людей

*

во главѣ которыхъ стоялъ Бэконъ. Гипотезу свою она развила въ цѣлую теорію въ объемистой книгѣ подъ заглавіемъ *Философія пьесъ Шекспира разоблаченная* (*The Philosophy of Shakspeare Plays unfolded. L. 1857*). По мнѣнію миссъ Бэконъ, философія эпохи Елизаветы дошла до насъ въ двухъ видахъ — въ формѣ философскихъ трактатовъ Бэкона и въ формѣ драмъ, приписываемыхъ Шекспиру. Послѣднія заключаютъ въ себѣ грандіозную систему политической философіи, которую Бэконъ счелъ болѣе удобнымъ изложить въ драматической формѣ. Иначе ему поступить было нельзя, потому что эти драмы не литературныя произведенія, но страшныя политическія проблемы. Въ эпоху Елизаветы Англія томилась подъ гнетомъ королевскаго деспотизма, отъ котораго и хотѣли избавить ее такіе великіе умы, какъ Бэконъ и Вальтеръ Рэлей. Не смѣя говорить прямо, они говорили загадками, языкомъ Эзопа; сцена была ихъ трибуной, а Шекспиръ псевдонимомъ. Теорія эта казалась истеричной дамѣ до того вѣрной, что она не сочла нужнымъ приводить въ ея пользу сколько-нибудь солидныя доказательства. Этого мало: если на пути встрѣчались факты, способные ее пошатнуть, то миссъ Бэконъ устраняла ихъ съ дороги самымъ простымъ и безцеремоннымъ образомъ. Ей, на примѣръ, былъ хорошо извѣстенъ восторженный отзывъ Бэнъ-Джонсона о Шекспирѣ, который ставилъ Шекспира даже выше древнихъ драматурговъ. Ни мало не задумываясь, она объясняетъ этотъ отзывъ тѣмъ, что Бэнъ-Джонсонъ былъ посвященъ въ тайну и что подъ видомъ Шекспира онъ прославлялъ покровительствовавшихъ ему Бэкона и Рэрея. Отсутствіе доказательствъ ее не смущало, ибо она была глубоко убѣждена, что рано или поздно они должны отыскаться — и тогда потомство ее оправдаетъ. На основаніи довольно неясныхъ намѣковъ въ письмахъ Бэкона она пришла къ заключенію, что подъ могильнымъ камнемъ Шекспира сохраняются документы либеральнаго политическаго кружка эпохи Елизаветы, рѣшающіе вопросъ объ истинныхъ авторахъ шекспировскихъ драмъ. Съ цѣлью добыть эти документы бѣдная психопатка переплыла океанъ, прибыла въ Англію и поселилась въ Стрэтфордѣ. По цѣлымъ часамъ она сидѣла въ глубокой задумчивости въ церкви св. Троицы надъ могильной плитой Шекспира, пыталась даже приподнять ее (на плитѣ до сихъ поръ видны слѣды лома, образовавшіе съ двухъ сторонъ довольно большія расщелины), пока, наконецъ, не сошла съ ума и не была отвезена въ больницу для душевно-больныхъ, гдѣ и умерла въ 1859 г. Англійскіе критики отнеслись къ книгѣ миссъ Бэконъ съ снисходительной улыбкой, какъ къ произведенію больного мозга,

за исключеніемъ, впрочемъ, нѣкоего мистера Смита, который, прочтя статью въ «Putnam Magazine», сдѣлался ревностнымъ послѣдователемъ теории миссъ Бэконъ. Въ подтвержденіе ея взглядовъ, онъ въ скоромъ времени издалъ брошюру: *Быль ли Бэконъ авторомъ шекспировыхъ драмъ?* (Was Lord Bacon the author of Shakspeare Plays? L. 1856). На предложенный самому себѣ вопросъ авторъ отвѣчаетъ утвердительно, но, за отсутствіемъ фактическихъ доказательствъ, основывается на такъ-называемыхъ доказательствахъ внутреннихъ. По мнѣнію Смита, все, что мы знаемъ о Шекспирѣ, не располагаетъ насъ вѣрить, чтобы онъ могъ написать произведенія, исполненныя столь великихъ достоинствъ, и наоборотъ, все, что мы знаемъ о Бэконѣ, объ его гениальномъ умѣ и разносторонней учености, все это склоняетъ насъ къ увѣренности, что только имъ и имъ одному могли быть сочинены драмы, которыя онъ, по личнымъ соображеніямъ, счелъ удобнымъ приписать Шекспиру. Къ этому главному соображенію присоединяются у автора нѣсколько другихъ, столь же субъективныхъ и состоящихъ въ томъ, что Шекспиръ, самъ издавшій свои поэмы, нисколько не заботился о судьбѣ своихъ драмъ, которыя выходили при его жизни въ самыхъ искаженныхъ изданіяхъ, что Бэконъ, столь интересовавшійся литературой, ни разу не упомянулъ о Шекспирѣ, чего не могло бы случиться, если бы на самомъ дѣлѣ Шекспиръ былъ авторомъ Гамлета, Макбета и Лира, что встрѣчающіяся въ драмахъ Шекспира картины итальянской городской жизни не могли быть написаны человѣкомъ, не бывавшимъ въ Италіи, и т. д. Бэконіанцы сами чувствовали слабость подобныхъ доказательствъ и, за отсутствіемъ фактическихъ данныхъ, сочли болѣе полезнымъ заняться сопоставленіемъ отдѣльныхъ мѣстъ изъ драмъ Шекспира и сочиненій Бэкона, съ цѣлью вывести отсюда выгодныя для своей теории заключенія. Трудъ этотъ взялъ на себя американскій юристъ Холмсъ (Holmes) въ своей книгѣ *Авторство Шекспира* (The Authorship of Shakspeare. New-York. 1866). Нужно отдать справедливость автору, который съ чисто-юридической тщательностью занялся сопоставленіемъ мѣстъ изъ философскихъ трактатовъ Бэкона и драмъ Шекспира и установилъ между ними несомнѣнное идейное сходство, хотя это сходство существуетъ также между Шекспиромъ и Рэлеемъ, между Шекспиромъ и Гукеромъ, ибо всѣ эти писатели вращались въ одной и той же сферѣ: понятій, дышали однимъ и тѣмъ же рѣзкимъ воздухомъ эпохи Возрожденія и, по всей вѣроятности, читали однѣ и тѣ же книги. Равнымъ образомъ, не имѣетъ никакого научнаго значенія сдѣланное Холмсомъ сопоставленіе года изданія нѣкоторыхъ шекспировскихъ пьесъ

съ фактами изъ жизни Бэкона, который, будто бы, хотѣлъ посредствомъ драмъ выразить свои душевныя настроенія. Такъ, Хольмсъ указываетъ на совпаденіе появленія «Венеціанскаго Купца», съ заключеніемъ молодого Бэкона въ долговую тюрьму, откуда онъ былъ вырученъ своимъ братомъ Антоніемъ—имя, которымъ онъ назвалъ самое симпатичное лицо пьесы. Книга Хольмса, имѣвшая успѣхъ въ Америкѣ, оживила начинавшій-было охладѣвать интересъ публики къ бэконовской теоріи, и заставила противныя стороны не разъ скрещивать оружіе. По расчету, сдѣланному Уаймэномъ *), съ 1856 по 1884 г. появилось въ Америкѣ и Европѣ 255 брошюръ и статей за и противъ Шекспира, изъ которыхъ добрыя двѣ трети принадлежатъ Америкѣ. Оставляя въ сторонѣ книгу Эпльтона Моргана **), который не столько стоитъ за Бэкона, сколько пытается доказать, что имя Шекспира было собирательнымъ и служило псевдонимомъ для многихъ писателей, желавшихъ скрыть свое имя, переходимъ къ труду г-жи Поттъ, основанному на хранящейся въ Британскомъ музеѣ записной книжкѣ Бэкона ***). Эта книжка заключаетъ въ себѣ сборникъ пословицъ, цитатъ изъ разныхъ авторовъ, острогъ, формулъ вѣжливости и т. п. выраженій, внесенныхъ въ нее Бэкономъ либо для памяти, либо потому, что онъ думалъ впоследствии воспользоваться ими въ своихъ сочиненіяхъ или парламентскихъ рѣчахъ. Издавая впервые эту, во всякомъ случаѣ, любопытную книжку, г-жа Поттъ воспользовалась заключающимся въ ней матеріаломъ не для характеристики Бэкона, какъ стилиста, а для уничтоженія Шекспира. Приемъ, употребляемый ею для этой цѣли, отличается поразительной наивностью и отсутствіемъ всякой критики. Встрѣчая у Бэкона какую-нибудь фразу, или даже просто слово, встрѣчающееся также въ драмахъ Шекспира, она изъ этого факта выводитъ заключеніе, что записная книжка Бэкона и драмы Шекспира писаны однимъ лицомъ и что этимъ лицомъ былъ, конечно, Бэконъ. Приведемъ на выдержку нѣсколько примѣровъ. Въ записной книжкѣ Бэкона, подъ № 249, стоитъ евангельское изреченіе: *«И оправдися премудрость отъ чадъ своихъ»*, имѣющее тотъ смыслъ, что дѣти своими поступками должны доказывать свое происхожденіе отъ муд-

*) The Bibliography of Bacon-Shakspeare Controversy. Cincinnati. 1884 г.

**) The Shakspearean Myth. Cincinnati. 1881. Превосходный разборъ этой книги читателя найдутъ въ брошюрѣ проф. Шиппера—Shakspeare und dessen Gegner. Münster. 1895 г.

***) The Promus of Formularies and elegancies, being private Notes circum 1594, hitherto unpublished by Francis Bacon, illustrated and elucidated by passages from Shakspeare. London. 1882.

рости. Не найдя въ произведеніяхъ Шекспира ничего соотвѣтствующаго этому предмету, г-жа Поттъ сопоставляетъ его со всѣми тѣми мѣстами произведенія Шекспира, гдѣ встрѣчаются либо слово *дитя*, либо слово *наследникъ*—сопоставленіе, вовсе не идущее къ дѣлу, и вдобавокъ ничего не доказывающее, ибо евангеліе было настольной книгой у обоихъ писателей, но производящее множественность ссылокъ импонирующее впечатлѣніе на читателя-диллента, которому не досугъ провѣрять, кстати ли приведена цитата, или нѣтъ. Равнымъ образомъ, если предположить, что слова Розалинды: *Я не желаю бросать своихъ словъ собакамъ*, навѣяны извѣстнымъ евангельскимъ изреченіемъ: *Не бросайте святыни псамъ* (Мат., глава 7, ст. 6), то этимъ фактомъ болѣе чѣмъ странно доказывать принадлежность пьесы Бэкону, ибо Шекспиръ не хуже Бэкона могъ заимствовать эти слова изъ евангелія. Пойдемъ дальше. Подъ № 43 Бэконъ приводитъ изреченіе изъ *Adagia* Эразма *Semper Virgines furiaè*. Изъ объясненій Эразма къ этому изреченію видно, что онъ не имѣлъ намѣренія обозвать всѣхъ дѣвицъ фуриями, а хотѣлъ только сказать, что, въ противоположность ангеламъ, которые всегда изображаются въ видѣ мужчинъ, фурии, наоборотъ, изображаются въ видѣ женщинъ. Не принявши этого въ соображеніе, г-жа Поттъ, что называется, ни къ селу, ни къ городу, сопоставляетъ изреченіе Эразма съ двумя мѣстами изъ «Укрощенія Строптивой» и однимъ изъ «Много шуму изъ пустяковъ». Въ первыхъ двухъ Катерина обзывается дикой кошкой (*wild cat*), а въ послѣднемъ, наоборотъ, Бенедиктъ удивляется, что такое прекрасное существо, какъ Беатриче, надѣлена такимъ бѣшенымъ характеромъ (*possessed with a fury*). Но у г-жи Поттъ встрѣчаются недоразумѣнія еще болѣе крупныя. Такъ, напримѣръ, приводя изъ книжки Бэкона французскую пословицу *Nourriture passe nature*, которую можно перевести изреченіемъ: *Привычка—вторая природа* или, точнѣе, *Привычка—сильнѣе природы*, г-жа Поттъ считаетъ ее источникомъ одного мѣста въ «Периклѣ» (актъ I, сц. 4), гдѣ говорится о страшномъ голодѣ въ Тарсѣ, когда матери готовы были съѣсть своихъ собственныхъ дѣтей. Общаго между этими мѣстами нѣтъ ничего; въ первомъ говорится о привычкѣ, побѣждающей природу, а во второмъ—о голодѣ, который заставляетъ матерей забывать естественныя чувства любви къ дѣтямъ, а между тѣмъ, сопоставленіе ихъ между собою предназначено служить доказательствомъ принадлежности «Перикла» Бэкону. Желаніе во что бы то ни стало отождествить Бэкона съ Шекспиромъ доводитъ г-жу Поттъ до самыхъ смѣшныхъ крайностей. Встрѣчая у Бэкона и у Шекспира такія простыя выраженія, какъ, напримѣръ: *О времена!* (*O the*

Time!), *O Боже!* (O the Lord!), О небо! (O the Heavens!) *Аминь* (Amen), она и ихъ считаетъ доказательствами принадлежности шекспировыхъ драмъ Бэкону. Особое значеніе придаетъ она найденному ею въ записной книжкѣ Бэкона утреннему привѣтствію *Good morrow!* (Доброе утро!). Она подробно доказываетъ, что до Бэкона англичане не употребляли этого привѣтствія, и что оно стало общеупотребительнымъ только съ тѣхъ поръ, какъ Бэконъ перенесъ его изъ своей записной книжки въ «Ромео и Юлію». Какъ ни странно предположеніе, что до Бэкона англичане не додумались до самыхъ элементарныхъ формъ вѣжливости, извѣстной даже дикарямъ, но фактъ этотъ имѣлъ бы серьезное значеніе, если бы онъ былъ доказанъ. Но этого нѣтъ. Напротивъ того, Гравтъ Уайтъ и Энгель доказали, что привѣтствіе съ добрымъ утромъ было употребительно еще въ средневѣковой Англій, что оно встрѣчается у Чосера и у многихъ писателей до-шекспировской эпохи. Еще болѣе курьезно другое доказательство принадлежности «Ромео и Юлію» Бэкону; оно заключается въ имени героя пьесы. Игнорируя фактъ, извѣстный всякому школьнику, что Шекспиръ заимствовалъ содержаніе и имена героев своей трагедіи изъ новеллы Банделло и основанной на ней поэмы Артура Брука (*The tragical history of Romeus and Julliet*, London, 1562), и найдя въ записной книжкѣ Бэкона слово Rome, авторъ сопоставляетъ его съ греческимъ ρομη = сила и изъ этого выводитъ заключеніе, что Бэконъ хотѣлъ отмѣтить въ самомъ имени героя способность сильно любить. Приведенными фактами, надѣмся, вполне доказана полнѣйшая неспособность г-жи Поттъ критически относиться къ своему матеріалу. Въ заключеніе приведемъ еще фактъ, доказывающій у ней поразительное отсутствіе изящнаго вкуса, безъ котораго трудно быть судьей въ дѣлѣ поэзіи и искусства. Всякому, читавшему драму Шекспира, безъ сомнѣнія, памятенъ восторженный гимнъ Ромео красотѣ Джульетты, которая, по его словамъ, сверкала на щекѣ ночи, какъ брилліантъ въ ушахъ эфіопки (Актъ I, сд. 5), и нужно совершенно не имѣть вкуса, чтобы рискнуть сопоставить это великолѣпное мѣсто съ записной книжкой Бэкона, гдѣ подъ № 687 говорится о золотомъ кольцѣ, которое вставляли въ морду свиньи, чтобъ она не рыла земли. Какъ и слѣдовало ожидать, книга г-жи Поттъ вызвала суровые отзывы шекспировской критики, которая, отдавая справедливость трудолюбію автора, не замедлила выставить на видъ наивность его пріемовъ, отсутствіе вкуса и т. п. Но разоблаченія критики не произвели, повидимому, никакого впечатлѣнія на ученую барыню, которая, вмѣсто всякаго отвѣта, выпустила въ свѣтъ новую книгу: *Тридцать два основанія*

скрыть въ то, что Бэконъ написал драмы Шекспира *), гдѣ она бездоказательно и упорно повторяетъ давно отвергнутыя положенія бэконовской ереси.

Не успѣли еще замолкнуть толки, возбужденные подвигами г-жи Поттъ, какъ бэконіанцы снова заставили говорить о себѣ. Уже съ 1884 г. стали появляться въ американскихъ журналахъ извѣстія о томъ, что американскому адвокату Доннелли удалось разгадать шифръ Бэкона, которымъ, какъ дважды два—четыре, доказывалось, что Бэконъ былъ авторомъ драмъ, приписываемыхъ Шекспиру. При этомъ журналы сообщали выдержки изъ имѣющей выйти въ свѣтъ книги Доннелли. Выдержки эти были настолько заманчивы и подобраны такъ искусно, что даже нѣкоторые англійскіе журналы (какъ, напр., *The Nineteenth Century*) поймались на эту удочку и видѣли въ попыткѣ Доннелли нѣчто серьезное. Прошло три года, а книга Доннелли все еще не появлялась. Наконецъ, когда нетерпѣніе публики достигло крайней степени, вышли въ свѣтъ въ Лондонѣ два объемистыхъ тома подъ заглавіемъ *Большая тайная азбука **)*, которые вызвали всеобщее недоумѣніе и разочарованіе. Оказалось, что первый томъ не заключаетъ въ себѣ ничего новаго, кромѣ сопоставленій нѣсколькихъ новыхъ мѣстъ изъ сочиненій Бэкона и драмъ Шекспира и повторенія старыхъ и уже успѣвшихъ надоесть разсужденій о томъ, почему Бэкону естественнѣе считаться авторомъ шекспировскихъ драмъ, чѣмъ самому Шекспиру. Во второмъ томѣ Доннелли подробно разсказываетъ, какимъ образомъ ему удалось придти къ своему открытію. Извѣстно, что Бэконъ любилъ употреблять въ своихъ письмахъ шифръ, имъ самимъ изобрѣтенный, ключъ отъ котораго онъ сообщилъ нѣкоторымъ изъ своихъ корреспондентовъ. Въ своемъ сочиненіи *De Augustis* онъ подробно распространяется о пользѣ шифра и о шифрахъ, употребляемыхъ различными писателями. Зная это, Доннелли рѣшился поискать, не откроется ли слѣдовъ этого шифра въ первомъ *In Folio* шекспировскимъ драмъ. Поиски его увѣнчались успѣхомъ. Изучая *In Folio*, Доннелли пришелъ къ убѣжденію, что Шекспиръ скрывалъ свою мысль подъ отдѣльными словами, напечатанными на страницахъ книги курсивомъ или между двумя тире. Если соединить эти слова на различныхъ страницахъ, то получатся фразы, которыя нельзя было помѣстить прямо въ текстъ, ибо они могли бы сильно компрометировать положеніе Бэкона при дворѣ, даже, пожалуй, навлечь на него подозрѣніе въ государственной измѣнѣ.

*) 32 Reasons for belief that Bacon wrote Shakspeare. L. 1884.

***) *The Great Cryptogram* by Jgnatius Donnelly. London. 1888. 2 vol.

Вотъ одна изъ этихъ фразъ, въ которой, впрочемъ, нѣтъ ничего подозрительнаго: «Мои надежды на возвышеніе уничтожаются; я не настолькоъ безстыденъ, чтобы встрѣтить немилость съ безстыднымъ нахальствомъ». Чтобы довести до свѣдѣнія публики эту невинную фразу, не для чего было Бэкону прибѣгать къ шифру, а Доннелли ломать голову для его разъясненія. Къ какимъ курьезнымъ результатамъ можетъ привести примѣненіе бэконовскаго шифра—это было доказано однимъ англійскимъ критикомъ, который, примѣнивъ его къ произведеніямъ Диккенса, доказалъ, что романы Диккенса писаны Гладстономъ *).

Самымъ крупнымъ продуктомъ бэконовской ереси послѣ книги Доннелли является вышедшее гѣтомъ прошлаго года сочиненіе Бормана *Шекспирова Тайна* (*Das Shakspeare Geheimniss*. Leipzig 1894), содержаніе котораго подробно изложено въ статьѣ г. Эйзена. Борманъ поставилъ своей задачей раскрыть тѣсную связь между философій Бэкона и драмами Шекспира, другими словами—найти въ послѣднихъ отраженіе и иллюстрацію философскихъ и научныхъ воззрѣній Бэкона и вывести отсюда новыя заключенія въ пользу того, что авторомъ шекспировскихъ драмъ былъ Бэконъ. Весьма забавное впечатлѣніе производитъ тотъ торжественный тонъ, которымъ г. Эйзенъ разъясняетъ русской публикѣ значеніе труда Бормана. «Въ данное время,—говоритъ онъ,—шекспиро-бэконовскій вопросъ можно считать уже почти рѣшеннымъ, благодаря появившемуся весьма недавно серьезному ученому труду Эдвина Бормана *Das Shakspeare — Geheimniss*. Трудъ этотъ, помимо сгруппировки всѣхъ вѣскихъ доказательствъ, установленныхъ ранѣе другими авторами по данному вопросу, заключаетъ въ себѣ рядъ новыхъ доказательствъ. Задавшись цѣлью доказать воочію всѣмъ, что авторъ шекспировскихъ драмъ — Бэконъ, онъ указываетъ въ цѣломъ рядѣ примѣровъ полнѣйшую тождественность естественно-историческихъ взглядовъ Бэкона со взглядами, заключающимися въ драмахъ Шекспира. Отбросивъ разныя внѣшнія доказательства, онъ проникаетъ въ самый духъ произведеній Бэкона и Шекспира и неопровержимо параллельнымъ сопоставленіемъ доказываетъ, что идеи Бэкона положены въ основу шекспировскихъ драмъ. Притомъ, что особенно важно, и что представляетъ преимущество труда Бормана предъ трудами его предшественниковъ это то, что онъ сравниваетъ и сопоставляетъ не отдѣльныя

---

*) Теорія Доннелли приведена ad absurdum въ брошюрѣ Никольсона, *The Cipher in Shakspeare*. London. 1888. См. также брошюру Шиппера *Shakspeare und dessen Gegner* Münster. 1895.

слова и фразы, выхваченныя изъ ученыхъ трактатовъ Бэкона и драмъ Шекспира, а цѣлыя произведенія «неразрывно» (стр. 700).

Нужно отдать справедливость г. Эйзену въ томъ, что основную мысль Бормана онъ понялъ вѣрно и изложилъ его теорію весьма обстоятельно. До сихъ поръ мы думали, что драмы Шекспира художественныя произведенія, но мы ошибались; это аллегоріи, выражающія въ драматической формѣ философскія и научныя теоріи, а ихъ герои не живыя лица, а отвлеченныя понятія. По мнѣнію Бормана, въ комедіяхъ Шекспира трактуются различныя естественно-научныя вопросы; въ основѣ драматическихъ хроникъ лежатъ астрономическія и метеорологическія теоріи, а трагедіи служатъ драматической иллюстраціей взглядовъ Бэкона на человѣка, какъ существо физическое, нравственное и политическое. Такъ, напримѣръ, *Буря* есть не что иное, какъ воплощеніе въ поэтическихъ образахъ бэконовской теоріи вѣтровъ, причѣмъ веселый и бодрый Ардіэль заключаетъ въ себѣ всѣ свойства сѣвернаго вѣтра, а лѣнивый и неуклюжій Калибанъ осуществляетъ собою все то, что говорится у Бэкона объ южномъ вѣтрѣ. Главный же герой пьесы, всемогущій волшебникъ Просперо, есть ничто иное, какъ бэконовскій Панъ,—образъ, придуманный философъ для осуществленія всего комплекса силъ природы. Послѣднее доказывается тѣмъ, что Панъ и Просперо снабжены одними и тѣми же признаками и одарены одинаковымъ могуществомъ. Панъ илѣтъ въ рукахъ своихъ посохъ, Просперо—волшебный жезлъ; Панъ изображается у Бэкона съ длинными волосами и бородой; такимъ же изображается обыкновенно Просперо на сценѣ; у Пана на плечахъ царская мантия; у Просперо—мантия волшебника; Панъ—богъ охоты; Просперо—охотится на сценѣ; Панъ держитъ въ лѣвую тифонъ; Просперо властвуетъ надъ вѣтрами; Панъ—властитель и вождь (dux) танцующихъ нимфъ; Просперо—изгнанный миланскій герпогъ (Duke of Millaine) и т. д. Если въ Бурѣ драматизирована бэконовская теорія вѣтровъ, то въ основу комедіи *Потерянная Усилія Любви* положена бэконовская теорія свѣта. Это видно изъ того, что главной темой разговора дѣйствующихъ лицъ служатъ мысли о свѣтѣ, цвѣтныхъ краскахъ, вліяніи свѣта, а въ общемъ во всей комедіи тридцать разъ встрѣчается слово *свѣтъ* и около шестидесяти разъ слова *глазъ* и *видѣть* и т. д. Пока Борманъ вращается въ сферѣ подобныхъ чисто-субъективныхъ воззрѣній и сопоставленій, спорить съ нимъ такъ же бесполезно, какъ доказывать человѣку, страдающему дальтонизмомъ, прелесть неба во время солнечнаго заката. Но лишь только авторъ изъ области фантазіи вступаетъ на почву фактическихъ

доказательствъ, теорія его сразу лопається по всѣмъ швамъ. Прочтя, напримѣръ, въ Энциклопедіи Бэкона, что одно изъ *Desiderata* науки будущаго состоитъ въ томъ, чтобы возбуждать и укрощать вѣтры, Борманъ видитъ въ Просперо представителя этой науки, тогда какъ на самомъ дѣлѣ герой комедіи Шекспира не ученый, а волшебникъ въ средневѣковомъ смыслѣ этого слова, повелѣвающій вѣтрами съ помощью тѣхъ же силъ, которыя находятся въ распоряженіи вѣдьмъ въ Макбетѣ. Видя въ Гамлетѣ отраженіе спиритической теоріи Бэкона, Борманъ остаивается на роли духа отца Гамлета, считая это лицо созданіемъ поэта (стр. 102), тогда какъ духъ фигурировалъ еще въ старинномъ дошекспировскомъ Гамлетѣ, о которомъ упоминаютъ Напъ и Лоджъ. Не болѣе удачны филологическія догадки Бормана. Такъ, напримѣръ, онъ утверждаетъ (стр. 199), что Фальстафъ имѣетъ аллегорическое значеніе, что онъ есть олицетвореніе тяжелой, вялой и осѣдающей внизъ матеріи, о которой говоритъ Бэконъ въ своей Энциклопедіи, и доказываетъ это этимологіей слова Фальстафъ, которое, по его мнѣнію, состоитъ изъ *Fall*—падать и *staff*—матерія, но придуманная авторомъ этимологія не вѣрна, ибо въ англійскомъ языкѣ, какъ старинномъ, такъ и современномъ, слово *staff* значитъ не матерія, а палка (нѣм. *stab*), а матерія обозначается словомъ *stuff* (нѣм. *stoff*). Притомъ же, кому изъ занимающихся Шекспиромъ неизвѣстно, что Фальстафъ первоначально назывался у Шекспира Олдкэтлемъ, что это имя перешло къ Шекспиру изъ старинной пьесы о Генрихѣ V и что только впоследствии Шекспиръ перекрестилъ его въ Фальстафа, нѣсколько видоизмѣнивъ для этого историческое имя *Fastolf* *). Не выдерживаетъ также критики ссылка автора (стр. 238) на рѣдкія формы множественнаго числа отъ союзовъ *if* и *and* (*ifs* и *ands*), потому что эти формы встрѣчаются не только у Бэкона и Шекспира, но и другихъ писателей, между прочимъ, въ извѣстномъ письмѣ Томаса Наша къ оксфордскимъ и кэмбриджскимъ студентамъ (1589 г.), гдѣ мы находимъ такую фразу: *to badge up a blanke vers with ifs and ands*, а между тѣмъ на этихъ формахъ Борманъ строитъ заключеніе о принадлежности Ричарда III Бэкону. Нельзя также пройти молчаніемъ курьезное объясненіе имени Горація. Оказывается, что Шекспиръ далъ такое имя другу Гамлета не с проста; Гораціо представитель разсудка и здраваго смысла *ratio*, оттого онъ и сомнѣвается въ явленіи духа **). Весьма

*) Въ послѣсловіи ко второй части Генриха IV Шекспиръ объясняетъ, почему онъ долженъ былъ такъ поступить.

**) Въ виду того, что первую часть имени Гораціо слогъ *Го* авторъ отказывается объяснить, мы предлагаемъ наше послѣднее объясненіе. По нашему

вѣскимъ доказательствомъ въ пользу своей теоріи Борманъ считаетъ тотъ фактъ, что Законъ написалъ исторію Генриха VII, которая по своему содержанію непосредственно примыкаетъ къ Ричарду III и, такимъ образомъ, служить необходимымъ дополненіемъ къ драматическимъ хроникамъ Шекспира. Правда, произведеніе Бэкона болѣе похоже на исторію, чѣмъ на драматическую хронику, притомъ же оно написано прозой, но это не имѣетъ большого значенія. Въ историческомъ разсказѣ можно усмотрѣть задатки драмы, прозу можно разбить на короткія строчки, и она будетъ похожа по внѣшнему виду на стихи. Конечно, стихи будутъ не особенно хороши, но развѣ самъ Шекспиръ всегда писалъ хорошіе стихи? Такъ и поступилъ Борманъ и, приведя цѣлый рядъ такимъ образомъ составленныхъ, рѣжущихъ ухо, стиховъ, онъ видитъ въ нихъ новое доказательство принадлежности шекспировскихъ драматическихъ хроникъ Бэкону.

Поставивъ своей задачей, во что бы то ни стало, свергнуть съ поэтического трона Шекспира и посадить на его мѣсто Бэкона, Борманъ выбросилъ за бортъ всѣ приемы здоровой научной критики. Съ изворотливостью софиста и наглостью адвоката онъ искусно притворяется непонимающимъ, сознательно извращаетъ факты и отрицаетъ вещи, которыя человѣку, обладающему извѣстной долей добросовѣстности и здраваго смысла, повидимому, нельзя отрицать. Хотя біографическія свѣдѣнія о Шекспирѣ очень скудны, но современныхъ отзывовъ объ его дѣятельности, какъ актера, поэта и драматурга, сохранилось не мало *). Нѣкоторые изъ этихъ отзывовъ до того ясны, что не допускаютъ никакихъ сомнѣній. Таковъ, напримѣръ, отзывъ Бэнъ-Джонсона въ его *Discoveries*. Въ каждомъ словѣ этого отзыва виденъ человѣкъ, близко знавшій Шекспира, горячо его любившій и отдававшій справедливость его таланту. «Я помню,—говоритъ Бэнъ-Джонсонъ,—что актеры часто ставили Шекспиру въ заслугу, что во всемъ имъ написанномъ онъ никогда не вычеркнулъ ни одной строки. Я отвѣчалъ на это: «Лучше было бы, если бы онъ вычеркнулъ цѣлую тысячу». Эти слова они объяснили моимъ нерасположеніемъ къ Шекспиру... Между тѣмъ я любилъ этого человѣка и чту его память. По истинѣ, это

мнѣнію, слово *Ho-ratio* образовано также какъ и *Haut-Sauterne*; *Horatio* стало быть, это высшій сортъ разсудка, способности, которой нѣтъ у Гамлета, и, вѣроятно, поэтому Гамлетъ такъ любилъ его. Надѣмся, что бэконіанцы воспользуются нашимъ открытіемъ.

*) Отзывы эти были изданы въ хронологическомъ порядкѣ за цѣлое столѣтіе (1592—1692), новымъ шекспировскимъ обществомъ (*New Shakspeare Society*) подъ заглавіемъ *Shakspeare's Centurie of Praise*. L. 1879—1886. 2 vol.

была честная, открытая и свободная натура. Онъ обладалъ превосходной фантазіей, большими умственными способностями и даромъ изящно выражать свои мысли» и т. д. Въ своемъ знаменитомъ стихотвореніи, предпосланномъ первому *In Folio*, Бэнъ-Джонсонъ выражается о Шекспирѣ въ болѣе восторженномъ тонѣ. Онъ восхищается не только его талантомъ, но и его искусствомъ, называетъ его чудомъ сцены, сладкимъ эвонскимъ лебедемъ и ставитъ его даже выше драматурговъ Греціи и Рима. Что же дѣлаетъ Борманъ? Онъ считаетъ первый отзывъ недостаточно яснымъ и думаетъ, что здѣсь говорится о Шекспирѣ, какъ переписчикъ чужихъ произведеній, а второй относитъ къ Бэкону, о которомъ Бэнъ-Джонсонъ однажды выразился, что онъ превзошелъ писателей Греціи и Рима. Также безцеремонно поступаетъ Борманъ съ свидѣтельствомъ перваго *In Folio* произведеній Шекспира, изданнаго въ 1623 г. его товарищами-актерами Геминджемъ и Конделлемъ. Чтобъ вѣрнѣе обезпечить успѣхъ изданія, которое стоило не дешево, они вздумали посвятить его двумъ англійскимъ аристократамъ, лордамъ Пемброку и Монгомерри. Посвященіе написано въ обычномъ тогда льстивомъ, лишенномъ всякаго достоинства, тонѣ. Актеры пишутъ, что своимъ изданіемъ они желали выразить благороднымъ лордамъ глубокую благодарность за оказанныя имъ милости, что, хотя издаваемые ими бездѣлки (*trifles*) и недостойны вниманія такихъ высокопоставленныхъ лицъ, но что они позволяютъ себѣ питать надежду, что ихъ лордства, покровительствовавшія автору при жизни, окажутъ покровительство его произведеніямъ послѣ его смерти, и т. д. Кажется, изъ этихъ словъ, предпосланныхъ первому полному собранію сочиненій Шекспира, ясно, о комъ говорятъ актеры, и чьи произведенія они желаютъ поставить подъ покровительство лордовъ Пемброка и Монгомерри. Но чего не дѣлаетъ ослѣпленіе? Кто могъ бы повѣрить, что въ глазахъ Бормана это посвященіе послужитъ лишь ничимъ доказательствомъ принадлежности шекспировскихъ пьесъ Бэкону, во-первыхъ, потому, что Бэконъ очень заискивалъ передъ лордами Пемброкомъ и Монгомерри, занимавшими высокое положеніе при дворѣ короля Іакова, а во-вторыхъ, потому, что Бэконъ однажды назвалъ свои, написанныя для придворныхъ празднествъ, фееріи (*masks*) тоже бездѣлками (*trifles*). Считаая дальнѣйшее изложеніе книги Бормана бесполезнымъ, переходимъ отъ нѣмецкаго ученаго къ его русскому панегиристу.

Повидимому, г. Эйзенъ еще новичокъ въ литературѣ. Мы, по крайней мѣрѣ, встрѣчаемъ его имя въ печати только въ первый разъ, но, не смотря на свою неопытность, онъ уже въ достаточ-

ной степени обладает тѣмъ милымъ качествомъ, которое французы называютъ *l'insolence de l'ignogance*. Рѣшительнымъ тономъ и съ видомъ знатока онъ говоритъ о предметахъ, о которыхъ не имѣетъ никакого понятія, и при этомъ чувствуетъ себя легко и спокойно. Не довольствуясь ошибками Бормана, онъ прибавляетъ къ нимъ свои собственныя, обнаруживая при этомъ поразительное невѣжество. Поставивъ Шекспиру въ началѣ статьи плохую отгѣтку за умъ*), онъ на стр. 710-й увѣряетъ читателей «Низы», что отъ Шекспира дошло до насъ лишь пять плохо написанныхъ подписей и больше ничего; далѣе, на стр. 742, онъ сообщаетъ никому неизвѣстный фактъ, что Шекспиръ былъ не только членомъ труппы Борбеда, но директоромъ театра. О сценической карьерѣ Шекспира сохранилось мало извѣстій. До сихъ поръ было извѣстно, что онъ игралъ роли королей (свидѣтельство Дэвиса), роль Духа въ «Гамлетѣ» (преданіе, сообщаемое Роу), роль стараго Адама въ комедіи: *Какъ Вамъ угодно* (разсказъ одного изъ его братьевъ) и нѣкоторыя роли въ пьесахъ своего друга Бэнъ-Джонсона. Г. Эйзенъ увѣряетъ, что онъ игралъ также роль Фальстафа въ «Генрихѣ IV» и «Виндзорскихъ Кумушкахъ» и что, будто бы, этотъ фактъ установленъ (стр. 735). Къ небылицамъ, украшающимъ статью г. Эйзена, относится сообщаемое имъ на стр. 733 извѣстіе, будто бы лордъ Соутамптонъ пожертвовалъ 1.000 фунтовъ на постройку общественнаго театра. Источники объ этомъ пожертвованіи молчатъ, да и кому же изъ интересующихся дѣломъ неизвѣстно, что въ эпоху Шекспира не было театра, сооруженнаго на средства общества, а всѣ театры были общественныя, всѣ были открыты для публики, хотя и принадлежали частнымъ компаніямъ. Но перломъ измышленій г. Эйзена можетъ служить придуманный имъ и приписанный Шекспиру (стр. 732) «*Рукописный Сонетъ*». Происхожденіе этого курьеза потребуетъ небольшого отступленія. Перечисляя все написанное Шекспиромъ до 1598 г., современный Шекспиру критикъ Миресь, между прочимъ, упоминаетъ и о сонетахъ, которые, въ его время, ходили по рукамъ только близкихъ друзей поэта (*among his private friends*).

*) «Какъ-то не вѣрится,—пишетъ онъ,—чтобы такія великія произведенія, какъ Гамлетъ, Лиръ, Отелло, чтобы знаменитыя десять англійскихъ хроникъ и блестящія юморомъ и остроуміемъ комедіи могли быть написаны простымъ актеромъ, уровень ума и образованія котораго былъ, сколько извѣстно, очень невысокъ». Положимъ, что о невысокомъ уровнѣ школьнаго образованія Шекспира мы имѣемъ свидѣтельства Бэнъ-Джонсона, но откуда г. Эйзенъ почерпнулъ свои свѣдѣнія о низкомъ уровнѣ ума Шекспира? Единственный въ этомъ случаѣ свидѣтель Бэнъ-Джонсонъ говоритъ совершенно противное.

Встрѣтивъ у Бормана это извѣстіе и не зная, что Шекспиръ написалъ болѣе 150 сонетовъ, г. Эйзенъ смѣшалъ множественное число съ единственнымъ и превратилъ всѣ сонеты Шекспира въ одинъ никому неизвѣстный рукописный сонетъ. Съ такимъ-то запасомъ свѣдѣній нашъ ученый выступилъ въ защиту бэконовской ереси, и нечего удивляться, что его статья представляетъ собою рядъ самыхъ жадкихъ паденій. Гораздо удивительнѣе то, что, заявивъ себя рьянымъ бэконіанцемъ, г. Эйзенъ обнаружилъ самыя скудныя свѣдѣнія по исторіи бэконовскаго вопроса, ибо только этимъ обстоятельствомъ можно объяснить попадающее на стр. 699 утвержденіе, что неглѣпая книга Доннелли повредила въ глазахъ общества талантливой и серьезной работѣ г-жи Поттъ. Смѣемъ увѣрить автора, что этого не могло быть по той простой причинѣ, что книга г-жи Поттъ, вышедшая въ 1882 г., опередила на цѣлыхъ четыре года книгу Доннелли.

Разсмотрѣвъ бэконовскую ересь въ самомъ крайнемъ ея выраженіи, мы считаемъ себя вправѣ сдѣлать слѣдующій выводъ: теорія эта не имѣетъ за себя никакихъ фактическихъ данныхъ. За сорокъ лѣтъ своего существованія она не сумѣла привести въ свою пользу не только ни одного современнаго свидѣтельства, но даже ни одного намека. Лишенная фактической основы, она принуждена ограничиваться, такъ называемыми, внутренними, доказательствами, основанными, главнымъ образомъ, на сличеніи произведеній Бэкона съ драмами Шекспира. До какой неглѣпости можно дойти въ этомъ направленіи, доказываетъ книга Бормана, который, сдѣлавъ изъ драмъ Шекспира иллюстрацію научныхъ истинъ, искажилъ науку и уничтожилъ въ самомъ корнѣ поэтическое творчество, лишивъ его самостоятельнаго значенія. Г. Эйзенъ видитъ заслугу Бормана въ томъ, что онъ сопоставляетъ между собой не отдѣльныя фразы, но цѣлыя произведенія Шекспира и Бэкона. На нашъ взглядъ, заслуга Бормана состоитъ въ томъ, что онъ этимъ сопоставленіемъ привелъ бэконовскую теорію *ad absurdum*. Дальше идти некуда, ибо предположить, чтобы такой великій и глубоко реальный умъ, какъ Бэконъ, могъ хоть на минуту повѣрить въ пользу пропаганды научныхъ истинъ путемъ драматическаго дѣйствія — значило бы усомниться въ умѣ Бэкона. Притомъ же взглядъ на драмы Шекспира, какъ на аллегорическое истолкованіе научныхъ истинъ, подрываетъ бэконовскую теорію и съ другой стороны. Пока драмы Шекспира считались страшными политическими загадками, можно было понять, почему Бэконъ при жизни скрывалъ свое авторство, но если большинство драмъ Шекспира суть не болѣе, какъ замаскированныя научныя теоріи, то непонятно, по-

чему такой самолюбивый человекъ, какъ Бэконъ, не упомянулъ о нихъ въ своемъ завѣщаніи, почему онъ еще при жизни не передалъ тайны своего авторства кому-либо изъ своихъ друзей? Мы не рассчитываемъ на то, что, наученные горькимъ опытомъ, бэконіанцы отрезвятся, отвергнуть взгляды Бормана и обратятся на путь истинный; мы знаемъ, что для огромнаго большинства своихъ послѣдователей бэконовская теорія не есть научный тезисъ, а предметъ вѣрованія, не допускающій критическаго къ себѣ отношенія, но мы вправѣ рассчитывать на здравый смыслъ публики, которая должна же, наконецъ, понять, что ее дурачатъ, и нагло дурачатъ и перестать относиться серьезно къ эксцентрическимъ фантазіямъ, не имѣющимъ ничего общаго съ наукой.

Пр. Н. Стороженко.

ГРѢХИ.

(Наброски и силуэты)

И. Потапенко.

(Продолженіе *).

VIII.

Аудіенція.

Замѣшательство, внесенное въ нашъ домъ появленіемъ Геннадія, на другой день проявилось прежде всего въ томъ, что объ насъ забыли. Несмотря на то, что это уже былъ третій день говѣнія, среда, насъ не разбудили въ заутрени и мы благополучно проспали до 9 часовъ. По всей вѣроятности, если бы мы не проснулись сами, то могли бы спать и дольше.

Когда мы, умывшись и одѣвшись, появились въ гостиной, то увидѣли, что не были исключеніемъ: ни мама, ни Марта Федоровна не поѣхали въ церковь. Одинъ только Ипполитъ поднялся въ этотъ день раньше обыкновеннаго и даже не поѣхалъ, а пошелъ пѣшкомъ въ церковь, по всей вѣроятности, въ видѣ эпитеміи, наложенной имъ самимъ на себя за то, что вчера уклонился отъ строгихъ правилъ покаянія. Мама проспала потому, что съ вечера очень долго успокаивала Ипполита, а Марта Федоровна не могла оставить домъ въ виду присутствія въ немъ человѣка, который каждую минуту могъ выкинуть непредвидѣнную штуку. Но въ сущности просто всѣ почувствовали свободу и бессознательно пользовались ею.

Такъ какъ въ столовой чай еще не былъ готовъ, то мы, разумѣется, не теряли времени и первымъ дѣломъ отправи-

---

*) См. «Міръ Божій» № 10, октябрь.

лись въ флигелю, рассчитывая на свиданіе съ дядей. Но насъ встрѣтило полное разочарованіе. Геннадій спалъ еще, ставни были наглухо заперты. Очевидно, онъ набирался силъ послѣ вчерашней прогулки пѣшкомъ изъ города, что составляло добрыхъ сорокъ верстъ. Мы нетерпѣливо ходили вoзвругъ флигеля, все рассчитывая, что ставни откроются, потому что пробужденіе Геннадія очень интересовало насъ. Намъ казалось, что у него рѣшительно все должно было выходить не такъ, какъ у всѣхъ. Вообще, насколько прибытіе Геннадія для Иполита представляло горе, настолько для насъ это было пріятнымъ развлеченіемъ. Но мы не дождались его пробужденія. Насъ позвали въ столовую и здѣсь опять-таки насъ ожидало пріятное зрѣлище. Столъ не былъ такъ скученъ и непривѣтливъ, какъ вчера и третьяго дня. Конечно, на немъ не было ни свѣжаго масла, ни сливокъ, но за то появились пышныя булки и кавія-то удивительныя печенья, несомнѣнно постныя, но съ виду очень похожія на скоромныя. Во всемъ чувствовалось злоупотребленіе временнымъ отсутствіемъ Иполита. Всѣ вели себя непринужденно, какъ бы стараясь наверстать два тяжелыхъ скучныхъ дня. Мы давно не видѣли Марту Федоровну такой оживленной, какъ въ это утро. Она много говорила и никакъ не могла наговориться; очевидно, у нея накопился запасъ свѣдѣній, который нужно было во что бы то ни стало сообщить намъ. Она рассказывала и о птицахъ, и о собакахъ, и о коровахъ, и о кучерѣ, и о кухаркѣ, и о столѣтнемъ старикѣ Яковѣ, такъ какъ надъ всѣмъ этимъ верховный надзоръ принадлежалъ ей. Мама звонко смѣялась, а намъ съ Жоржиномъ, неизвѣстно почему, было до такой степени весело, что мы поватывались отъ смѣха и даже забирались по той же причинѣ подъ столъ. И все это объяснялось исключительно пріятнымъ настроеніемъ людей, почувствовавшихъ себя внѣ строгаго надзора. Въ особенности странно это было видѣть въ мамѣ, которая по своему положенію и вліянію ни въ какомъ случаѣ не могла бояться Иполита. Это было добровольное подчиненіе слабаго сильному. Только около 10 часовъ подали экипажъ, но никто не обратилъ на это вниманія, мы и не думали торопиться.

Но вотъ въ гостиной послышались твердые шаги, дверь открылась, и въ столовой появился Геннадій. Онъ ни на одну секунду не смѣшался, очень просто и непринужденно, почти съ свѣтской ловкостью, подошелъ къ мамѣ, поцѣловалъ у нея руку и пожелалъ всѣмъ намъ добраго утра.

— Я давно не спалъ такимъ счастливымъ сномъ какъ сегодня, сказалъ онъ:—скажите, здѣсь всѣ и всегда такъ спятъ?

При этомъ онъ пододвинулъ себѣ стулъ и занялъ мѣсто за столомъ.

— Да,—отвѣтила мама,—намъ хорошо спится.

— Завидую!—Онъ обратилъ свой взоръ на Дусю, которая смотрѣла на него съ нѣкоторымъ изумленіемъ.

— Какая прелесть!—съ восхищеніемъ воскликнулъ Геннадій,—какая у нея хорошенькая головка!—Дуся сдѣлала глаза еще больше. Кажется, этотъ комплиментъ не понравился ей. Правда, онъ былъ произнесенъ не совсѣмъ естественнымъ тономъ, въ немъ было что-то театральное. Но Геннадій хотѣлъ быть героемъ утра и продолжалъ все въ томъ же, нѣсколько напыщенномъ, тонѣ;—какое чудное солнце! Какая нѣга разлита въ воздухѣ! Скажите, неужели въ такой обстановкѣ то же бываютъ огорченія, страданія и скука? Мнѣ кажется, что это невозможно.

— Гдѣ есть люди,—отвѣтила ему за всѣхъ насъ Марта Федоровна,—тамъ и огорченія, Геннадій Марковичъ!

— Вы правы!—торжественно согласился съ ней Геннадій,—вы совершенно правы, и знаете, вы это удивительно хорошо сказали, мѣтко, знаете, я это люблю! Вы въ церковь?—обратился онъ затѣмъ къ мамѣ.

— Да, мы нѣсколько запоздали, кажется...

— Ну, это ничего. Ипполитъ немного посердится, но это пройдетъ. Но,—прибавилъ онъ съ юмористической усмѣшкой,—если Ипполитъ и не проститъ,—за-то Богъ проститъ навѣрно, потому что Богъ снисходительнѣй моего брата... Впрочемъ, это вѣдь я пошутилъ... Надѣюсь, что и мнѣ найдется мѣсто въ вашемъ экипажѣ.

Мама слегка нахмурилась. Очевидно, она представила себѣ, какъ неприятна будетъ эта встрѣча для Ипполита Марковича, а между тѣмъ, Геннадій продолжалъ такимъ тономъ, какъ будто ничего не подозрѣвалъ, хотя отлично догадывался на счетъ ея мыслей.

— Вчера я не успѣлъ повидаться съ братомъ. Признаюсь, я не хотѣлъ его беспокоить и притомъ, самъ тоже усталъ съ дороги. Вѣдь мы съ нимъ не видались что-то около года. Есть о чемъ поговорить.

— Такъ поѣдемте, Геннадій Марковичъ!—сказала мама и встала съ нѣсколько болѣе дѣловитымъ видомъ, чѣмъ это вызывалось обстоятельствами.

— Мерси! — галантно отвѣтилъ Геннадій и поклонился.

Мы поднялись, началось одѣваніе и часовъ около 11 мы были въ экипажѣ. Геннадій настоялъ, чтобы Марта Федоровна сидѣла непременно рядомъ съ мамой, на что старуха долго не соглашалась.

— Нѣтъ, помилуйте, вы дама! — убѣждалъ ее Геннадій, — это невозможно.

И она, наконецъ, согласилась. Мы съ Жоржикомъ очень хорошо видѣли, что мама смущена и въ душѣ беспокоится за предстоящую братскую встрѣчу. Навѣрно, она упрекала себя за то, что не сумѣла какъ-нибудь отговорить Геннадія, и, вообще, такъ хорошо начавшееся утро для нея было уже испорчено.

Когда мы вошли въ церковь, то сейчасъ же поняли, что страшно опоздали. Служба подходила къ концу. Ипполитъ стоялъ на своемъ обычномъ мѣстѣ, мама съ Дусей прошли тоже впередъ, мы остались позади. Геннадій скромно стоялъ неподалеку отъ насъ. У насъ было много пищи для наблюдений. Мы, конечно, не спускали глазъ съ Ипполита. Онъ ни разу не оглянулся, но какимъ-то образомъ почувствовалъ, что Геннадій здѣсь. Это мы видѣли по его затылку, который вдругъ сдѣлался краснымъ, а также потому, что онъ вдругъ напряженно выпрямился и сталъ съ волненіемъ усердно креститься. Въ церкви не пришлось стоять долго. Скоро наступила роковая минута, когда народъ повалилъ изъ церкви и мы съ нетерпѣніемъ ждали встрѣчи Ипполита съ Геннадіемъ. Этого никакъ нельзя было избѣжать. Ипполитъ, не смотря на то, что служба кончилась, какъ бы питая смутную надежду, что чаша все-таки минетъ его, не повидалъ своего мѣста и не оборачивался. Геннадій вышелъ изъ церкви, и стоялъ въ оградѣ, мы послѣдовали за нимъ. Прошло минуты три. Ипполитъ не выходилъ. У насъ даже мелькала мысль, которую мы сейчасъ и высказали другъ другу, что Ипполитъ останется тамъ до вечерни. Даже мама съ Дусей вышли уже, а его все не было. Повидимому, онъ рассчитывалъ, что Геннадій уйдетъ впередъ. Но дольше ему нельзя было оставаться въ церкви, потому что и батюшка, и діаконъ уже вышли изъ алтаря и церковь уже совершенно опустѣла. Вотъ онъ появился на паперти. Мама съ волненіемъ отошла въ сторону и, указывая на верхушку грушеваго дерева, которое здѣсь росло, что-то объясняла Дусѣ, стараясь собственнымъ голосомъ заглушить свое смущеніе. Геннадій снялъ

шляпу и приглаживалъ волосы и почему-то отшатывался. Мы совершенно открыто во всѣ глаза смотрѣли то на того, то на другого, не будучи въ состояніи скрыть, что мы жадно наблюдаемъ ихъ. Ипполитъ сходилъ съ паперти по каменнымъ ступенькамъ твердо и величественно, съ полузакрытыми глазами, съ блѣднымъ лицомъ, какъ человѣкъ, рѣшившійся принести себя въ жертву, но не падающій духомъ. Геннадій направился къ нему и, встрѣтившись съ нимъ, подаль руку и потянулся къ его губамъ. Поцѣлуй состоялся, и все обошлось гораздо проще, чѣмъ мы ожидали. Мы, конечно, разочаровались.

— Не правда ли, — проговорилъ Геннадій, — я очень удачно пріѣхалъ. Такой славный день, такая чудная погода! Я думаю, у васъ ужъ начались посѣвы!

— Кончились! — тяжело вѣтилъ Ипполитъ. — У крестьянъ они теперь идутъ, а мы всегда раньше начинаемъ.

— Да, это понятно, — сказала Геннадій, — у васъ больше работы, — надо все успѣть...

При этомъ они шли рядомъ, а мы двигались по пятамъ за ними. Мама тоже направилась къ выходу. Мы всѣ успѣли въ коляску, гдѣ было нѣсколько тѣсно. Геннадій всю дорогу продолжалъ говорить то о погодѣ, то о хозяйствѣ, то дѣлалъ предсказаніе о предстоящемъ урожаѣ и эта его инстинктивная находчивость спасла общее настроеніе. Лицо Ипполита понемногу прояснилось и къ нему возвращался обычный цвѣтъ. Были моменты, когда онъ, повидимому, забывалъ о томъ, что говорить съ Геннадіемъ, и высказывался по нѣкоторымъ хозяйственнымъ вопросамъ не безъ увлеченія. Дома онъ сказалъ, обратившись къ брату: — Надѣюсь, братъ, что тебя хорошо устроили? Все у тебя есть?.. Вѣдь ты во флигелѣ?

— О, да, я совершенно доволенъ, — отвѣтилъ Геннадій, — да вѣдь мнѣ немного и надо. Было бы гдѣ спать — вотъ и все.

— Ну, вотъ и хорошо, — промолвилъ Ипполитъ и ушелъ въ свой кабинетъ.

Было замѣчено, что въ этотъ день Ипполитъ не выходилъ гулять въ садъ. Онъ до такой степени еще былъ поглощенъ усложненіемъ, которое внесло въ домъ появленіе Геннадія, что даже нами не интересовался. Мы, конечно, воспользовались этимъ вполнѣ, забрали удочки и пригласили Ивана Арсентьевича ловить съ нами рыбу. Въ нашемъ саду былъ такой пунетъ, гдѣ берегъ былъ высокъ и глубина рѣки достигала двухъ или трехъ аршинъ. Тутъ мы успѣли и мирно занялись рыбной

ловлей. Это было уже прямое злоупотребленіе. Исполить ни за что не позволилъ бы намъ заниматься этимъ спортомъ въ недѣлю покаянія.

— А гдѣ живетъ вашъ дядя обыкновенно?—спросилъ насъ Иванъ Арсентьевичъ.

Этотъ вопросъ представилъ для насъ большое затрудненіе. Гдѣ живетъ Геннадій?

— Да онъ нигдѣ не живетъ!—отвѣтилъ Жоржикъ.

— Это что же значитъ?

— Да развѣ вы не знаете, вѣдь онъ... онъ безпутный!—объяснилъ Жоржикъ.

— Какъ это безпутный?

— Да такъ: у него ничего нѣтъ, онъ пьетъ водку, онъ даже не ѣздитъ, пѣшкомъ ходитъ. У него даже чемодана нѣтъ... А вы развѣ не знали?

— Откуда же я могъ это знать? Я ничего о немъ не слышалъ. Но онъ вчера былъ такъ прилично одѣтъ и говорилъ о себѣ совсѣмъ не то.

Жоржикъ усмѣхнулся. Это съ нимъ иногда бываетъ. А въ другой разъ онъ возьметъ да и скажетъ все про себя. А одежда... Это все Иполита.

Въ это время въ отдаленіи послышался шелестъ травы, и очень скоро изъ за толстаго ствола вербы передъ нами выросла фигура Геннадія.

— А, вотъ они гдѣ!—воскликнулъ онъ и тутъ же опустился, сѣлъ на песокъ и протянулъ ноги.—А я, знаете, хотѣлъ заснуть да не удалось. Знаете, не привыкъ я какъ-то чувствовать на плечахъ нормальную голову. Когда выпьешь хорошенько, такъ послѣ этого и спится. И притомъ стѣсняетъ меня эта порядочность. Тутъ вездѣ и во всемъ порядочность. То ли дѣло гдѣ-нибудь во рву или подъ заборомъ...

И при этомъ онъ какъ-то мечтательно посмотрѣлъ вдаль.

— Ахъ, да,—прибавилъ онъ, обращаясь къ Ивану Арсентьевичу,—а вы, батюшка, вчера дурака разыграли. Вѣдь это я все навралъ вамъ. Ей-Богу, а вы повѣрили. Ха-ха-ха! А что? Вѣдь ловко, а? Да; я, знаете, иногда люблю этакъ разыграть изъ себя порядочнаго человѣка, и это мнѣ удается, не правда ли?

— Я и теперь не вижу въ васъ ничего непорядочнаго,—серьезно сказалъ Иванъ Арсентьевичъ.

— Но и порядочнаго ничего не видите, не такъ ли? Нѣтъ, что ужъ? какая тамъ порядочность? Я, батюшка, за порядочностью и не гоняюсь. Всю цѣликомъ уступилъ ее моему брату, Иполиту.

— А что же такое по вашему порядочность?—спросилъ Иванъ Арсентьевичъ.

— А чортъ ее знаетъ! Во всякомъ случаѣ, то, чѣмъ я не обладаю. Ну, вотъ и все.

Теоретическій разговоръ не удался. Геннадій взялъ запасную удочку и началъ ловить рыбу. Въ этомъ дѣлѣ онъ оказался знаткомъ и преподалъ намъ много хорошихъ совѣтовъ.

— Откуда вы всему этому научились, дядя?—спросилъ его Жоржикъ.

Геннадій ѣдко усмѣхнулся.

— Откуда? Молодой человѣкъ, вы, можете быть, слышали отъ вашего благочестиваго папаши, что есть на свѣтѣ нужда. Знаете ли вы, что такое нужда? Нѣтъ, не знаете, такъ я вамъ скажу. Нужда, молодой человѣкъ,—это есть превосходнѣйшій учитель всѣхъ наукъ и искусствъ. Она всему можетъ научить. Когда припретъ тебя къ стѣнѣ, такъ является такая изобрѣтательность, какъ будто бы ты геній. Ну, вотъ, эта самая особа и меня научила рыбу ловить. Когда жрать нечего, достанешь удочку, пойдешь на пристань, притаишься гдѣ-нибудь за столбомъ, чтобъ сторожа тебя не видѣли, и начнешь таскать окуньковъ. Десятка два наловишь и снесешь на базаръ. Ну, пятачекъ и есть. Поняли?

Жоржикъ ничего не отвѣтилъ. Съ той минуты, когда Геннадій взялъ удочку, ловля пошла у насъ быстро. Онъ въ самомъ дѣлѣ зналъ разныя ухищренія: какъ нужно травить поплавокъ, сколько времени надо давать клевать, когда нужно вытаскивать и какъ вытаскивать—на все это были чрезвычайно тонкія правила.

Въ то время, когда мы занимались рыболовствомъ, въ домѣ, въ кабинетѣ Ипполита происходилъ семейный совѣтъ.

— Вѣдь это ни къ чему не поведетъ!—мягко, успокоительно говорила мама,—какъ не приводило до сихъ поръ! Ты напрасно только разстроишь себя.

— Нѣтъ,—возражалъ Ипполитъ,—я не могу, я долженъ исполнить свое намѣреніе. У меня въ душѣ слишкомъ много противъ него... Я не могу этого носить въ себѣ. Вѣдь я говѣю. Притомъ же это не только долгъ брата, но также и долгъ христіанина. Почему знать, быть можетъ—его душа вдругъ расплавится въ моихъ сердечныхъ словахъ и онъ измѣнится. Вѣдь это зависитъ отъ настроенія, отъ момента, наконецъ, отъ удачно высказанной мысли, отъ чувства, которое передается незримыми путями. Бываютъ перевороты, бываютъ чудеса! Нѣтъ, я не успокоюсь, пока не переговорю съ нимъ по братски

Въ самый разгаръ нашей ловли, когда мы навѣшивали на „куванъ“ окуня за окунемъ, къ намъ, захыхавшись, прибѣжала горничная и объявила:

— Васъ, Геннадій Марковичъ, баринъ требуютъ.

— Что-о?—спросилъ Геннадій Марковичъ, а мы мысленно произнесли тоже самое восклицаніе.

— Требуютъ, чтобъ сейчасъ!—подтвердила горничная.

— Удивительно! Поразительно! Такъ требуютъ? Ну, ладно! Требуютъ, надо идти.

Горничная вернулась, а Геннадій началъ убирать удочку.

— Къ брату!—говорилъ онъ:—гм! хм! Будетъ пилить значить. Пополамъ перепилить. Ну, ничего,—добродушно прибавлялъ онъ,—сдѣлаемъ ему это удовольствіе!

И онъ пошелъ дѣлать удовольствіе Ипполиту. Мы, конечно, тотчасъ же потеряли всякій интересъ къ рыбной ловлѣ. Нами овладѣло непреодолимое желаніе присутствовать если не при самомъ объясненіи братьевъ, то, по крайней мѣрѣ, ближе къ тому мѣсту, гдѣ оно будетъ происходить, а происходитъ оно будетъ, конечно, въ кабинетѣ. А окна кабинета выходятъ въ садъ и подъ ними есть бесѣдка. Планъ выяснился самъ собою. Но Ивану Арсентьевичу мы не могли сказать о своемъ намѣреніи, такъ какъ онъ держался мнѣнія, что подслушивать постыдно. Мы вполне раздѣляли этотъ взглядъ и никогда не рѣшились бы подслушать никого, кромѣ Ипполита. Ипполитъ былъ для насъ исключеніемъ; по отношенію къ нему мы не признавали никакихъ правилъ чести. Мы чувствовали надъ собой его постоянное давленіе, вѣчное насиліе, которымъ онъ искренно хотѣлъ принести намъ пользу, но мы этому не вѣрили. Мы разсматривали себя, какъ воюющую сторону, а его, какъ непримиримаго врага, и потому считали для себя всѣ средства дозволенными, чтобъ сдѣлать ему непріятность.

— Надоѣло!—промолвилъ Жоржикъ, —вынувъ удочку и торопливо наматывая волосъ на удилице.

Я поспѣшилъ сдѣлать тоже самое.

— Вы уходите?—спросилъ Иванъ Арсентьевичъ.

— Да, это становится скучнымъ! отвѣтилъ Жоржикъ и выразительно искоса посмотрѣлъ на меня. Я даже звѣнулъ для большей правдоподобности.

— А я останусь, мнѣ не скучно!—заявилъ Иванъ Арсентьевичъ.

Мы пошли сперва тихо, а потомъ вскачь и въ нѣсколько минутъ очутились подъ окнами кабинета. Мы тихонько забра-

лись въ бесѣдку и замерли. Дивій виноградъ уже выбросилъ зеленые листья и мы были совсѣмъ скрыты. Мы не ошиблись. Объясненіе происходило именно въ кабинетѣ и мы слышали все отъ слова до слова. Мы только не видѣли дѣйствующихъ лицъ. Но у насъ было такое живое воображеніе, что мы совершенно ясно представляли себѣ, какъ они ходятъ, когда садятся, какіе дѣлаютъ жесты. Повидимому, мы попали въ самому началу.

Ипполитъ допрашивалъ, но голосъ его не былъ строгъ; напротивъ, въ немъ слышалась какая-то сердечная нотка.

— Откуда же ты явился?—спрашивалъ онъ.

— Изъ города! откуда же больше?—отвѣчалъ Геннадій.

— На какія средства?

— На средства Господа Бога!

Этотъ отвѣтъ намъ ужасно понравился и мы долго потомъ встать и не встать повторяли это выраженіе: „на средства Господа Бога“.

— Неужели же этому не будетъ конца?

— Будетъ, навѣрное будетъ!

— Что ты хочешь этимъ сказать?

— Конецъ недалекъ, братъ. Годика три еще протяну!

— Какъ это горько, ахъ, какъ горько, и зачѣмъ? Какая надобность? Мнѣ иногда кажется, что ты просто хочешь только огорчать меня. Послушай меня, братъ, я, можетъ быть, послѣдній разъ прошу тебя, послушай меня! Вотъ тебѣ пріютъ, ты будешь жить у своихъ, ты ни въ чемъ не будешь нуждаться, мирно, тихо. Одумайся, остепенись! Сдержи себя, будь властелиномъ своихъ страстей,—вѣдь это же униженіе человѣческаго достоинства! Ужъ я не говорю объ имени, объ имени твоего отца, которое и я ношу, и эта женщина, которую ты не можешь не уважать.

Послышался голосъ Геннадія, но съ такимъ страннымъ отгнѣномъ, какого мы еще никогда у него не слышали. Что-то глубокое, полное укора, и въ то же время сердечное, слышалось въ этомъ голосѣ. Мы мысленно видѣли, какъ онъ качалъ головой, и какъ Ипполитъ при этомъ потушился и закусилъ губу. „Эхъ, Ипполитъ, Ипполитъ!—говорилъ Геннадій,—никогда не понималъ ты души человѣка, никогда ничего ты не понималъ! Нѣтъ, оставь это, оставь! Вѣдь я же ничего и не прошу. Дай отдохнуть только, вотъ и все. Большаго не желаю. Буду вести себя прилично, общаю! Не нарушу твоего мира. А чуть потянетъ,—и слѣдъ мой простылъ. Никто и не замѣтитъ, на

другой день и забудете, что былъ я здѣсь. И вотъ что, Ипполитъ: сдѣлай мнѣ одолженіе, не заставляй ты меня каяться и говѣть. Ужъ я знаю тебя, ты вѣдь всѣхъ насильно въ рай тянешь, а мнѣ все равно, куда ни попасть. Грѣховъ у меня такъ много, что, знаешь, даже стыдно Бога безпокоить. Вообще, не обращай вниманія на меня, плюнь на меня... Вотъ и все!“

Тутъ послышался глубокой вздохъ Ипполита. Онъ опустился въ кресло, а Геннадій, должно быть, вышелъ. Аудіенція кончилась. Мы еще прождали нѣсколько минутъ, но до насъ доносились только звуки одинокихъ шаговъ нашего отчима. Его предпріятіе не удалось—и онъ скорбѣлъ.

Вечеромъ Геннадій попросилъ, чтобы ему чай принесли во флигель. Мы замѣтили, что онъ вообще какъ-то присмирѣлъ и сталъ всячески избѣгать Ипполита, очевидно—не желая огорчать его.

Странная перемена произошла и у насъ, въ нашихъ отношеніяхъ къ нему. До этого времени онъ интересовалъ насъ, какъ странное, нелѣпое и смѣшное явленіе, а теперь намъ вдругъ почему-то стало ужасно жаль его. По всей вѣроятности, причиной этого были тѣ сердечныя нотки, которыя слышались въ его голосѣ, когда мы сидѣли въ бесѣдкѣ. Онъ для насъ сталъ точно другимъ человекомъ.

IX.

Столѣтній Яновъ.

Утро слѣдующаго дня, въ четвергъ, было ужасно. Насъ разбудили въ шесть часовъ. Чудная лѣтняя прохлада показалась намъ неприятнымъ холодомъ, мы вдрагивали и вутались, глаза наши слипались, мы никакъ не могли хорошенько проснуться. Мы сразу почувствовали, что Ипполитъ нашелъ „равновѣсіе духа“, и что возжи, ослабѣвшія вчера, опять вѣрѣе натянулись.

Всѣ ходили какіе-то подавленные. Марта Федоровна смотрѣла опасно, какъ будто все боялась, что вотъ-вотъ должно случиться что-то недозволенное. Бѣдную маму тоже разбудили, и мы видѣли, что ей очень хочется спать. Только Дусѣ было оказано снисхожденіе и ее оставили въ постели. Мартѣ Федоровнѣ все какъ-то не удавалось говѣть такъ, какъ слѣдуетъ. Теперь ей пришлось остаться дома, чтобъ присматривать за Геннадіемъ. Пока онъ останется въ усадьбѣ, все время будетъ

тревожное ожиданіе какихъ-нибудь враждебныхъ дѣйствій. Но все же считалось, что она говѣетъ. Съ каждымъ часомъ мы все больше и больше ощущали, что возжи натягиваются крѣпче и крѣпче. Казалось, Ипполитъ, спохватившись, хотѣлъ наверстать пропущенное время. Послѣ утрени намъ объявили, что мы не поѣдемъ домой. Такимъ образомъ, насъ оставили безъ чаю. Это было тяжело. Мама терпѣла, но на насъ смотрѣла съ глубокой жалостью. Однако, мы съ Жоржикомъ нашлись и забѣжали къ діакошѣ и самымъ вульгарнымъ образомъ съѣли по большому калачу. Въ обѣдню, въ церкви, насъ поставили впереди, тогда какъ Ипполитъ стоялъ позади насъ, — это была настоящая пытка. Мы все время чувствовали себя такъ, какъ будто стояли на раскаленныхъ угольяхъ. Къ этому прибавилась еще досада. Иванъ Арсентьевичъ былъ въ церкви, мы видѣли его мелькомъ и, не имѣя возможности оглядываться, пропустили случай посмотрѣть, какъ онъ молится; между тѣмъ это очень занимало насъ, въ особенности Жоржика.

Когда мы возвращались домой, наша коляска нагнала его на дорогѣ.

— Пстой! — остановилъ Ипполитъ вучера, и потомъ обратился къ Ивану Арсентьевичу:— Садитесь съ нами, мы доведемъ васъ.

— Нѣтъ, спасибо! — сказалъ Иванъ Арсентьевичъ, — я дѣлаю моціонъ, такъ здоровѣй. Притомъ же все-таки это маленкій трудъ. При говѣніи это зачтется. Знаете, какъ бабы ходятъ въ Кіевъ на богомолье... Все пѣшемъ.

Кажется, Ипполиту показалось, что въ его словахъ есть иронія, и лицо его сдѣлалось холоднымъ.

— Ну, какъ хотите! — уже безъ прежней привѣтливости сказалъ онъ и велѣлъ ѣхать вучеру дальше.

Намъ предложили ужасный обѣдъ. Это было что-то до такой степени скромное и скудное, что мы съ Жоржикомъ ничего не могли ѣсть. Геннадія за столомъ не было. Онъ потребовалъ обѣдъ во флигель. И мы находили, что онъ недурно устроился. Мы встали изъ-за стола совсѣмъ голодные и, затащивъ Марту Федоровну въ свою комнату, начали осаждать ее просьбами. Она колебалась. Это было для нея настоящее испытаніе. Страхъ передъ Ипполитомъ боролся въ ея сердцѣ съ жалостью къ намъ. Нечего и говорить, что послѣдняя одержала верхъ, и насъ, съ соблюденіемъ всевозможныхъ предосторожностей, повели въ погребъ. Здѣсь было про-

хладно и сыро, пахло творогомъ, кислой капустой, окоровами, которые были подвѣшены къ потолку. На землѣ стояли кувшины съ молокомъ. Множество вкусныхъ вещей раздражали нашъ аппетитъ, но все это были запрещенные плоды; даже Марта Федоровна, не смотря на безконечно-доброе сердце, не могла бы рѣшиться угостить насъ этими вещами. Всѣ они были скоромныя. Нашъ обѣдъ ограничился солеными огурцами и еще чѣмъ-то въ такомъ же скучномъ родѣ.

Наша досада увеличилась, когда у Геннадія мы нашли на столѣ остатки простоваша. Вечеромъ общая молитва была необыкновенно длинна и тонъ Ипполита, читавшаго ее, былъ такъ грозенъ, что становилось страшно.

Не смотря на то, что мы въ этотъ день ровно ничего не дѣлали, къ вечеру мы почувствовали какое-то нравственное утомленіе. Въ нашу комнату насъ не манило, требовалось какое-нибудь пріятное успокоительное впечатлѣніе и мы вспомнили о Яковѣ, который въ это время обыкновенно сидѣлъ на скамейкѣ у кухни и тихо шепталъ то псалмы, то какіе-то стихи изъ старыхъ солдатскихъ пѣсень, смѣшивая все это и не различая одно отъ другого.

Мы его тамъ нашли, но онъ почему-то волновался и неспокойно двигался на мѣстѣ. Дѣло объяснилось тѣмъ, что Яковъ завтра собирался начать говніе. А у него это было цѣлое событіе. Ему надо было укладываться, а между тѣмъ кухарка затеряла куда-то его котомку. Эта котомка являлась на свѣтъ Божій всего только два раза въ годъ—на первой и послѣдней недѣлѣ поста, когда Яковъ говѣлъ. Онъ тогда дѣлалъ такіе сборы, какъ-будто собирался идти въ Кіевъ или въ Іерусалимъ. Для него это дѣйствительно было цѣлое путешествіе. Ходить отсюда въ церковь и возвращаться даже разъ въ день, какъ дѣлали другіе служившіе въ усадьбѣ, онъ не могъ. Завтра онъ выйдетъ часа въ три утра, перевѣсивъ котомку черезъ плечо. Въ котомкѣ у него подушка и сухари, а старая свитка изъ сѣраго сукна, которая будетъ служить ему постелью, на лѣвой рукѣ. Въ правой палка. Отъ усадьбы до церкви не больше версты, но придетъ онъ туда часамъ къ восьми, т.-е. къ началу обѣдни. Путешествіе, значить, займетъ у него пять часовъ, это самое меньшее. Онъ очень старъ. Годы буквально согнули его въ дугу. Идетъ онъ по деревнѣ, придерживаясь праваго ряда хатъ. Пройдетъ шаговъ пятнадцать и присядетъ на завалинкѣ отдохнуть. Долго онъ переводитъ духъ, иной разъ забудетъ, что онъ не дома, не на скамейкѣ у кухни, а

въ пути, и просидитъ дольше, чѣмъ слѣдуетъ, а то прохожіи мужикъ остановится и заведетъ съ нимъ разговоръ. А поговорить онъ охотникъ. Когда, наконецъ, онъ достигнетъ цѣли, то первымъ дѣломъ отнесетъ свой багажъ въ церковную сторожку. Тамъ онъ поселится на три дня, пока окончится говѣніе. Иначе ему нельзя. Здѣсь онъ посвящаетъ себя Богу. Въ церкви онъ первый, а уходитъ изъ нея послѣдній. Стоять онъ всю службу не можетъ, ему оказываютъ снисхождение и даютъ церковный табуретъ. Онъ молится сидя, но гдѣ надо (а онъ твердо знаетъ, гдѣ надо) подымается, падаетъ на колѣни и бьетъ поклоны. Въ свободное время, когда нѣтъ службы, онъ беретъ метлу и мететъ церковную ограду, мететъ даже тогда, когда не нужно. Работа его идетъ тихо, онъ и тутъ ежеминутно присаживается и отдыхаетъ, но безъ дѣла не можетъ. И дома въ усадьбѣ онъ позволяетъ себѣ подолгу сидѣть только вечеромъ, когда зашло солнце. Тутъ ужъ его старые глаза совсѣмъ ничего не видятъ. Днемъ же онъ вѣчно копается въ саду. Лѣтомъ его можно видѣть гдѣ-нибудь подъ деревомъ—стоящимъ на колѣняхъ, для удобства, и разрыхляющимъ землю надъ корнями. Онъ по цѣлымъ недѣлямъ возится около одного дерева, но это все равно, лишь бы была какая-нибудь работа. Безъ работы онъ не можетъ жить. „Всю жизнь работалъ, ну, и привыкъ,—говорилъ онъ.—Какъ перестану работать, сейчасъ помру“.

Якову было больше 100 лѣтъ, онъ не зналъ точно, сколько именно. Когда его спрашивали объ этомъ, онъ отвѣчалъ:

— Не могу вамъ этого сказать доподлинно. Знаю только, что больше сотни. До сотни считалъ, а тамъ бросилъ. Да и на что—онъ, этотъ счетъ? Все равно, придетъ пора и Богъ приберетъ тебя, и тотъ, кто считалъ—помретъ, и тотъ, кто не считалъ—помретъ, всѣмъ одинъ конецъ.

Въ памяти его хранилось множество событій. Онъ помнилъ и Наполеона, и Севастополь, но все какъ-то смѣшивалъ и не могъ сказать хорошенько, что было раньше. Точно также онъ смѣшивалъ событія, которыя были на его глазахъ, и пережитыя имъ, съ рассказами, которыя онъ слышалъ отъ другихъ. Иногда онъ рассказывалъ сказку наравнѣ съ достовѣрной исторіей; ему казалось, что то и другое было въ дѣйствительности, и онъ не отличалъ первой отъ второй... Въ солдатахъ онъ служилъ очень долго, отбылъ нѣсколько сроковъ, сперва по обязанности, а потомъ по желанію. Съ военщины вернулся въ село и

нашелъ многочисленную родню, но жить съ нею не сталъ, а сдѣлался дворовымъ и служилъ поваромъ. Искусству этому, по его разсказамъ, онъ научился въ послѣдніе годы службы, когда строй ему надоѣлъ и онъ самъ попросился въ деньщики. Деньщикомъ онъ, какъ заслуженный солдатъ, былъ у генерала и тутъ обнаружилъ большія способности въ кухнѣ. У генерала былъ искусный поварь, отъ него онъ и перенялъ всѣ познанія. Когда силы ему измѣнили, онъ создалъ себѣ достойнаго преемника. Его замѣнилъ молодой поварь Семень, его ученикъ, а Яковъ остался просто жить въ усадьбѣ въ качествѣ стараго слуги, умѣвшаго угодить господамъ своимъ искусствомъ. Родни у него и теперь было на селѣ множество, все внуки и правнуки и даже праправнуки, но жить у нихъ онъ не захотѣлъ и теперь.

— Никому не желаю быть въ тягость,—говорилъ онъ,— что я имъ? Положимъ, родня, кровная связь, такъ что же съ того? Я имъ никакого добра не сдѣлалъ, слѣдственно и они мнѣ не должны дѣлать и не сдѣлаютъ. Это ужъ такъ: коли ты не сдѣлалъ, то и тебѣ не сдѣлаютъ! Служилъ я Богу, царю и господамъ. Ну, вотъ, царь мнѣ пенсіонъ даетъ, немного, а все жъ таки даетъ, потому я ему служилъ, господа пѣять и кормятъ, а Богъ душу мою приметъ и ужъ тамъ дастъ ей мѣсто по заслугѣ.

Этотъ годъ для Якова имѣлъ особенное значеніе. Онъ почему-то сталъ увѣрять всѣхъ, что это послѣдній годъ его жизни. Онъ прямо говорилъ:— „предчувствую, что это мой послѣдній постъ и послѣдняя моя Пасха. Такъ мнѣ видится, и самъ не знаю изъ чего, но только я это знаю навѣрное! И сказать бы, какое видѣніе было, либо сонъ, такъ нѣтъ, ничего. Я даже и снова давно ужъ не вижу, а такъ вотъ чувствую. И чувствую я, что помру не иначе, какъ въ самую святую Пасху...“

Онъ говорилъ это съ умиленіемъ. Въ этомъ заключалось для него двойное благо. Умереть въ недѣлю Пасхи, это было большое преимущество для его души. Онъ былъ увѣренъ, что умирающіе въ эту недѣлю непременно попадаютъ въ рай. На этотъ счетъ у него даже было особое сравненіе. Онъ говорилъ:

— Для грѣшной души, это какъ бы сказать, вродѣ какъ для преступника подъ манифестъ попасть!

Второе же благо заключалось просто въ самомъ фактѣ смерти. Онъ уже давно ждалъ ея, онъ никогда не говорилъ,

что жизнь для него была слишкомъ тяжела и мучительна, а просто она утомила его своей продолжительностью.

— Не дай Богъ человѣку жить такъ долго!—говорилъ онъ: — тягуче, охъ, какъ тягуче. И то перемѣнилось, и это перемѣнилось, а ты все одинаковый и живешь, да живешь.

За нами пришли и это совпало съ появленіемъ кухарки, которая сообщила Якову радостную вѣсть: его котомка нашлась. Яковъ съ усиліемъ поднялся, оперся на свою палку и пошелъ улаживаться.

Х.

Передъ исповѣдью.

Наступила пятница. Краски, которыми выражалось на лицахъ жителей усадьбы суровое, строгое покаянiе, сгущались, ближе и ближе подходило время исповѣди, а для нѣкоторыхъ оно уже пришло.

Это выяснилось послѣ вечерни. Насъ поразила какая-то необыкновенная тишина и пустота въ усадьбѣ. На дворѣ не было видно ни души; когда же мы сѣли за скудный обѣдъ, то оказалось, что все стоитъ уже на столѣ, и никто не подаетъ.

Дѣло въ томъ, что обитатели усадьбы въ отношеніи говѣнія рѣзко дѣлились на два сорта: воскресниковъ и субботниковъ. Къ первымъ принадлежали люди бѣлой кости, т. е. тѣ, у кого не было никакой обязательной работы. Имъ для покаянiя полагался лишній день. Они исповѣдывались въ субботу, а причащались въ воскресенье. Всѣ же остальные были лишены этой роскоши и говѣли ускореннымъ способомъ. Они кончали свое покаянiе на цѣлые сутки раньше. И вотъ именно теперь вся рабочая часть усадьбы ушла въ церковь на исповѣдь.

Мы испытывали странное, непривычное, ощущеніе. Все должны были дѣлать сами и чувствовали себя, какъ безъ рукъ. Въ особенности было замѣтно отсутствіе Марты Федоровны, которая тоже, впрочемъ, добровольно причислила себя къ субботникамъ. Ей предоставлялось говѣть до воскресенья, но она, въ виду накопленія хозяйственныхъ дѣлъ, рѣшила отдѣлаться поскорѣй.

Никогда, быть можетъ, мы не чувствовали такъ свою бесполезность и неприспособленность къ жизни, какъ въ эти часы. Обѣдъ былъ сваренъ, всѣ кушанья были въ столовой, столъ былъ накрытъ, но, при малѣйшей надобности, кото-

рую нельзя было предвидѣть раньше, мы оказывались въ величайшемъ затрудненіи. Мы не знали, гдѣ что лежитъ и какъ что достать. Мы обходились безъ перцу и уксусу тамъ, гдѣ эти предметы были необходимы. Ни одинъ бѣднякъ не обѣдалъ такъ плохо, какъ въ этотъ день мы, владѣльцы большого имѣнія.

Ипполитъ совсѣмъ не обѣдалъ. Онъ сегодня жилъ цѣлый день однимъ чаемъ съ сухой просвирой. Въ домѣ была могильная тишина. Всѣ оставшіеся ходили на цыпочкахъ, и любопытнѣе всего, что мы дѣлали это безъ всякаго понужденія, такъ какъ и понуждать было некому, — вѣдь Марта Федоровна отсутствовала. Таково было настроеніе.

Марта Федоровна за всю недѣлю побывала въ церкви не больше двухъ разъ. Но ей и въ голову не приходило, что для ея души этого мало. Вѣдь иначе было и нельзя, — не могла же она совсѣмъ забросить хозяйство. Хотя она сама ужъ не участвовала ни въ какихъ работахъ, но верховный надзоръ ея былъ необходимъ. Потому это неожиданное усложненіе, въ видѣ Геннадія, появившагося, какъ снѣгъ на голову. Геннадій жилъ совершенно мирно, но отъ него постоянно ожидали какихъ-нибудь враждебныхъ дѣйствій.

Старый батюшка точно также думалъ, что для Марты Федоровны достаточно тѣхъ молитвъ, какія она совершала. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ, у нея были на этотъ счетъ сомнѣнія и она обратилась къ батюшкѣ, какъ къ своему духовнику. Батюшка сказалъ: „Для господъ это, конечно, мало. Кому же и молиться, какъ не имъ. Времени у нихъ много, а заботъ не Богъ знаетъ сколько. А для рабочаго человѣка лишь бы желаніе было. Искреннее желаніе принимается, какъ покаяніе. Работа та же молитва“.

Это было приложимо не только къ Мартѣ Федоровнѣ, но и ко всей дворнѣ. Поварь, на примѣръ, только вчера первый разъ пошелъ въ церковь. Вѣдь ему какъ разъ во время службы приходилось готовить завтракъ и обѣдъ. Только сегодня онъ рѣшился передать свои обязанности кухаркѣ. Кухаркѣ были даны среда и четвергъ, сегодня она была дома; горничная урывками бѣгала каждый день, но выслушивала только или начало службы или конецъ. Только кучеръ имѣлъ возможность посѣщать всѣ службы, но и то благодаря особенностямъ его должности. Вѣдь онъ всякій разъ отвозилъ въ церковь Ипполита и насъ. Онъ привязывалъ лошадей къ забору у двора отца діакона и отправлялся въ церковь. Но

молитва его была тревожная. Вѣдь онъ былъ хоропіи вечеръ и потому постоянно думаль о лошадяхъ. Ему приходилось часто выходить изъ церкви, чтобъ подложить имъ сѣна или напоить ихъ.

Въ домѣ было невыносимо скучно. Даже Геннадій на этотъ разъ не представляль намъ развлеченія. На него напала какая-то спячка и у него все время ставни были закрыты. Надзоръ за нами отсутствовалъ и мы легко могли бы удрать куда-нибудь, но и это насъ не занимало—именно потому, что никто за нами не смотрѣль и никто намъ этого не запрещаль. Мы ходили въ рѣкѣ, сидѣли на берегу и любовались зелеными полями, далеко до самаго горизонта разстилавшимися по ту сторону рѣки. Мы наблюдали, какъ по мѣрѣ того, что солнце скрывалось за камышами, сперва розовѣль, а потомъ темнѣль воздухъ, и все, что было кругомъ, каждую секунду мѣняло оттѣнки цвѣтовъ. На насъ напало благонавіе и мы хотѣли въ этотъ день быть во что бы то ни стало корректными. Сидѣть однако же дома не было никакой возможности. Природа была хороша, но мы не умѣли сосредоточиваться ни на чемъ. Пять минутъ сидѣнія на берегу уже утомило насъ. Между тѣмъ спускались сумерки, скоро должна была вернуться Марта Федоровна, да и ночью искать развлеченій было не совсѣмъ безопасно. Мы пошли къ мамѣ и объявили ей, что хотимъ посѣтить бѣдную Лизавету Августовну. Намъ, конечно, разрѣшили.

— Вы только не засиживайтесь,—сказала мама,—скоро будетъ темно и на васъ могутъ напасть деревенскія собаки.

Но мы этого менѣ всего боялись. Съ деревенскими собаками, по крайней мѣрѣ изъ тѣхъ дворовъ, которые были недалеко отъ усадьбы, мы были въ пріятельскихъ отношеніяхъ.

Лизавету Августовну мы нашли въ ея креслѣ. Она радостно улыбнулась намъ, но при этомъ мы замѣтили, что глаза ея были красны и по щекамъ катились слезы.

— Что съ вами?—спросили мы. Мы, конечно, прежде всего вообразили, что ее обидѣла Агафья.

— Вы будете смѣяться!—сказала она,—и это смѣшно, въ самомъ дѣлѣ смѣшно, но въ моемъ положеніи, дѣти, это большое лишеніе.

Мы все-таки не понимали, въ чемъ дѣло. Она взяла платокъ, который лежалъ у нея на колѣняхъ, и вытерла слезы.

— Да вотъ говѣю; батюшка приходиль сегодня; исповѣдывалась и уже грѣшу... Табаку понюхать мнѣ нельзя и ба-

тешка сказала, что не слѣдуетъ, а мнѣ такъ хочется, такъ хочется...

И это было сказано съ такимъ страданіемъ, что намъ сдѣлалось жаль бѣдную разбитую старуху.

— Да вы бы понюхали, Лизавета Августовна, — сказала Жоржикъ.

— Ахъ, нѣтъ, нельзя, нельзя! Это грѣхъ! Долженъ же быть и у меня какой-нибудь грѣхъ! А то вѣдь я грѣшу только мыслями. Ахъ!

Если бы мы съ Жоржикомъ были философиями, то могли бы найти въ этомъ поучительное доказательство того, какъ относительны понятія о счастья и несчастья. У Лизаветы Августовны до такой степени мало было удовольствій, что это лишеніе казалось ей грандіознымъ и она несомнѣнно чувствовала себя глубоко несчастной.

Я очень хорошо видѣлъ, что у Жоржика въ головѣ вертится его обычный вопросъ о грѣховности, тотъ самый вопросъ, который не давалъ покою ему еще въ первое наше посѣщеніе больной старухи. И въ самомъ дѣлѣ Жоржикъ все-таки не выдержалъ и спросилъ:

— Развѣ вы грѣшите, Лизавета Августовна?

Лизавета Августовна вздохнула:

— Ахъ, милые мои, — промолвила она, — въ томъ-то и бѣда, что грѣшить я не могу; давно, давно я уже не могу грѣшить! Грѣшить, конечно, не слѣдуетъ, дѣти, да вѣдь это же всѣ знаютъ; но скажу вамъ, что, когда вы выростете, то узнаете, что въ жизни только и есть пріятнаго, когда согрѣшить можно!

Быть можетъ, въ этой фразѣ, вырвавшейся у нея нечаянно, высказалась вся она со всею своею прошлою жизнью. Быть можетъ, наибольшія муки испытывала она не отъ своихъ многочисленныхъ болѣзней, а главнымъ образомъ отъ постоянной тайной мысли о грѣхѣ, который былъ ей недоступенъ.

— Да, дѣти, — молвила Лизавета Августовна, — я такъ наказана, такъ наказана, что если бы и могла грѣшить, то всякій грѣхъ простился бы мнѣ. Я думаю, что на томъ свѣтѣ не найдется ужъ большаго наказанія, чѣмъ то, которое несу я здѣсь.

Вдругъ она что-то вспомнила и лицо ея прояснѣло, болшіе малоподвижные глаза засвѣтились огонькомъ. Она взяла насъ за руки и съ живостью промолвила:

— Вотъ что, дѣтки, завтра я причащусь, такъ ужъ вы

не забудьте мамѣ сказать, чтобъ прислали мнѣ наливочки и вареньица. Сегодня нельзя, а завтра можно будетъ. Не забудете?

Мы обѣщали не забыть. Значить, ужъ она сегодня мечтала о завтрашнемъ праздникѣ и душа ея умилялась при мысли о томъ, что завтра обѣдъ будетъ не такъ скученъ, какъ сегодня, что будетъ наливка и варенье къ чаю. Когда всѣ надежды на дѣйствительное счастье погибли, приходится радоваться и такимъ ничтожнымъ удовольствіямъ.

Мы ушли отъ нея и рѣшили сдѣлать обходъ всѣхъ сегоднешнихъ грѣшниковъ. Мы, конечно, не могли не зайти къ нашему пріятелю, дѣду Родіону. Онъ сидѣлъ у своего куреня. Жучка лежала около него. Заслышавъ наши шаги издали, она взволновалась и хотѣла бѣжать намъ на встрѣчу, но дѣдъ Родіонъ остановилъ ее.

— Сиди, сиди!—сказалъ онъ,—нечего тебѣ прыгать.

Онъ хотѣлъ, чтобы и она сохраняла такое же ровное и спокойное настроеніе, какое было у него. Мы нашли его не совсѣмъ такимъ, какимъ видѣли раньше. Онъ весь какъ-то сіялъ и былъ проникнутъ какой-то тихой радостью. Онъ только что пришелъ отъ исповѣди и, по всей вѣроятности, чувствовалъ себя освобожденнымъ отъ всѣхъ грѣховъ. Ему предстояла трудная задача сохранить свою душу въ такой же чистотѣ до завтра, по крайней мѣрѣ до того часа, когда онъ будетъ получать причастіе. И онъ сегодня всячески старается избѣгать грѣховъ. Онъ совсѣмъ не ходитъ въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ растетъ трава, чтобы не топтать ее, а выбираетъ тропинки, лучше же всего предпочитаетъ сидѣть у куреня. Это даетъ ему возможность совсѣмъ избѣжать грѣха. Онъ со вчерашняго вечера не заглядываетъ въ коты и даже не садится въ лодку. Когда гребешь весломъ, то можно зацѣпить и раздавить какую-нибудь рыбу. А ужъ вытаскивать рыбу изъ котъ, это—такой явный грѣхъ, въ которомъ никто не усомнится. Онъ не поѣдетъ туда ни сегодня вечеромъ, ни завтра на зарѣ, а только рано утромъ, еще до восхода солнца, въ воскресенье. Тогда онъ опустошитъ всѣ коты и наберетъ множество рыбы и раковъ. Въ этомъ случаѣ расчеты покаянія удивительнымъ образомъ совпадали съ требованіями обстоятельствъ. Сегодня рыба рѣшительно никому не была нужна. Никто не сталъ бы ѣсть ее, если бы ему даже заплатили большія деньги. Вѣдь всѣ говѣли. А на селѣ мужики, даже не говѣвшіе по причинѣ полевыхъ работъ, тоже постились на этой недѣлѣ

основательно. Но за то въ воскресенье рыбы потребуется огромное количество въ усадьбѣ и къ господскому столу и людямъ. Кромѣ того, такъ какъ Ипполитъ будетъ въ этотъ день заниматься благотворительностью, дѣду Родіону будетъ предоставлено раздавать мелкую рыбу бѣднѣйшимъ изъ крестьянъ.

Жоржикъ что-то давно уже тайно смотривалъ на дѣда и, повидимому, искалъ чего-то глазами. Я, какъ ни думалъ, не могъ догадаться о его замыслахъ. Наконецъ, онъ высказался.

— Дѣдъ Родіонъ, — промолвилъ онъ: — а уху сварить нельзя?

Это показалось невѣроятнымъ не только дѣду Родіону, но и мнѣ. Дѣдъ замахалъ на него руками.

— Ни! нельзя! Какъ это можно? Да тогда за васъ мнѣ отъ Бога достанется! Нѣтъ, нѣтъ, милые, не могу, этого даже для васъ не могу!

И онъ долго качалъ головой, какъ бы удивляясь тому, что такія мысли могутъ приходиться въ голову. Вотъ человѣкъ, который въ самомъ дѣлѣ боялся не Ипполита, а Бога.

На обратномъ пути мы заглянули въ окна Ивана Арсентьевича. Онъ сидѣлъ за столомъ и писалъ. Мы вытянули шеи и съ величайшимъ любопытствомъ старались заглянуть въ бумагу, которая лежала предъ нимъ. Мы убѣдились, что это были стихи. Иногда онъ вставалъ, подходилъ къ окну и задумчиво глядѣлъ вдаль — на мѣсяцъ и уже зажегшіяся на небѣ звѣзды, потомъ вдругъ порывисто шелъ къ столу, садился и записывалъ строфу, которая приходила ему въ голову.

XI.

Послѣ исповѣди.

Поздно вечеромъ, когда всѣ вернулись отъ исповѣди, были замѣчены перемѣны, которыя соотвѣтствовали характеру каждаго. Кучеръ уединился въ конюшню, зажегъ свѣчу и погрузился въ чтеніе душеполезной книги, которую онъ досталъ у церковнаго сторожа. Это случалось съ нимъ только разъ въ годъ. Никакой наклонности къ душеполезнымъ размышленіямъ и книгамъ въ немъ не замѣчалось. Читалъ онъ вообще очень плохо и съ каждымъ годомъ все больше и больше забывалъ грамоту. Вѣдь только разъ въ годъ онъ заглядывалъ въ книгу. Онъ тянулъ слова, подолгу останавливаясь надъ каждой буквой, и слова эти являлись на свѣтѣ въ такомъ видѣ, что ни одно изъ нихъ не походило на на-

стоящее. Изъ этого чтенія онъ ровно ничего понять не могъ. Тѣмъ не менѣе, настроеніе у него было „духовное“. Онъ какъ-то особенно ровно держался, и голосу своему, такъ какъ онъ читалъ громко, придавалъ дьячковскій отгѣнонь. По характеру это былъ малый разбитной, живой и веселый и даже былъ замѣченъ въ нѣкоторомъ легкомысліи: когда, въ началѣ лѣта, въ саду на грядкахъ появлялись деревенскія дѣвки, занимавшіяся полотъемъ, онъ часто гулялъ по садовымъ аллеямъ, начиналъ въ этотъ сезонъ франтить и заниматься собой и своими сапогами, и увлекался до того, что забывалъ даже о лошадяхъ. Въ этотъ вечеръ, кромѣ душеполезнаго чтенія, онъ осудилъ себя еще на важное лишеніе: въ конюшнѣ не было слышно запаха махорки, отъ котораго обыкновенно лошади постоянно чихали.

Бухарка Ганна послѣ исповѣди пріобрѣла какой-то необыкновенно тупой видъ. Она рѣшительно поглупѣла, какъ будто вмѣстѣ съ грѣхами лишилась и всего своего небольшого ума. Она не понимала самыхъ простыхъ вещей и смотрѣла съ такимъ видомъ, какъ будто первый разъ въ жизни слышала о посудѣ, объ уборкѣ кухни и другихъ своихъ обязанностяхъ. Она наотрѣзъ отказалась отъ всякой работы, считая это большимъ грѣхомъ. Въ кухнѣ было нагромождено множество грязной посуды, накопившейся за цѣлый день. Мыть ее было некому. Къ Мартѣ Федоровнѣ изъ кухни поступали жалобы, но дѣлать выговоръ въ этотъ вечеръ было запрещено. Ипполитъ предвидѣлъ все это и предписалъ всѣмъ слугамъ вести себя такъ, чтобы не раздражать другъ друга и не вводить ближняго въ грѣхъ.

Горничная Саша относительно грѣховности работы была того же мнѣнія. Вернувшись изъ церкви, она даже не взглянула въ комнаты. Столовая послѣ обѣда была не убрана, некому было приготовить посуду къ чаю и подать самоваръ. Она забралась въ чуланъ, въ которомъ жила, и занялась своей наружностью. Она тщательно расчесывала свои густые пышные волосы, заплетала ихъ въ косу и вообще вела себя такимъ образомъ, какъ послѣ бани.

Марта Федоровна могла бы оказаться въ безпомощномъ положеніи, если бы на выручку не явилась Мавра. Эту высокую плечистую женщину съ широкимъ рябоватымъ лицомъ, съ рѣшительными мужскими манерами, съ мужской силой, сквозившей во всѣхъ ея движеніяхъ, можно было видѣть въ усадьбѣ каждый день. У нея были необыкновенно добрые и

какіе-то подвижные говорливые глаза. Когда она смотрѣла на васъ, то казалось, будто она хочетъ наговорить вамъ кучу пріятныхъ вещей. Въ этихъ глазахъ была бездна жизни и симпатіи. Въ усадьбу являлась она, обыкновенно, раннимъ утромъ и работала поденно. Она никогда не ждала особаго зова. Она славилась замѣчательной работницей. У нея не было никакой специальности, но за то она умѣла дѣлать рѣшительно все, что бы ей ни поручили. И стирать, и гладить, и гряды копать, и полоть, и шить, и служить въ комнатахъ. Она вездѣ была на своемъ мѣстѣ, никогда ни отъ чего не отказывалась, никогда не протестовала, съ чрезвычайно простымъ видомъ переходила отъ одной работы къ другой и никогда не жаловалась на усталость. Такая работница въ домѣ—настоящее золото, и Марта Федоровна всегда мечтала о томъ, чтобы Мавру взять во дворъ, на постоянную службу, но Мавра на это не соглашалась, да и не могла. Дома у нея была куча дѣтей и больной чахоточный мужъ. Она ихъ кормила и содержала своей работой. Иногда она являлась съ двумя младшими дѣтьми, отправляла ихъ въ садъ и оставляла тамъ на произволь судьбы. Но они были такъ же благо-разумны, какъ и она, и спокойно ползали, лазили на четверенькахъ или бѣгали, смотря по возрасту, и никогда съ ними не случалось никакихъ катастрофъ. Въ теченіе дня изъ нея извлекали все, что только можно было извлечь изъ такой искусной рабочей силы. А уходила она домой очень поздно, когда уже всѣ работы кончились, всѣ слуги собирались спать. У нея былъ свой расчетъ. Она не жалѣла силы, чтобы исполнить какую-нибудь лишнюю работу, но за то къ этому позднему часу вполне выяснялось, что осталось отъ господскаго и кухоннаго обѣда. Ей было предоставлено заирать съ собой всѣ остатки. Она уносила ихъ, обыкновенно, въ передникѣ, сваливъ все въ одну кучу. Дома все это разбиралось и сортировалось и служило главнымъ источникомъ для питанія ея семьи. Она не говѣла, и даже странно было видѣть въ усадьбѣ не говѣющаго человѣка. Былъ такой одинъ, кромѣ нея, это—Геннадій, но его нельзя было считать. Онъ былъ на особомъ положеніи; Мавра будетъ говѣть на третьей или на четвертой недѣлѣ. Теперь же ей было рѣшительно некогда.

И вотъ эта-то Мавра и выручила Марту Федоровну. Какъ только было выяснено, что именно осталось неисполненнымъ на кухнѣ, во дворѣ и въ комнатахъ, Мавра тотчасъ же принялась за работу, съ быстротой, свойственной только ей,

сдѣлала все, что надо: вымыла посуду въ кухнѣ, убрала столовую, вымела дворъ. Даже когда понадобилось для Дуси что-то такое сварить наскоро, она и передъ этимъ не остановилась.

Поваръ совсѣмъ не ночевалъ дома. Съ особаго разрѣшенія Ипполита онъ ушелъ на деревню къ брату, который занималъ постъ церковнаго старосты, и тамъ провелъ вечеръ и ночь.

Только съ Мартой Федоровной не произошло никакихъ перемѣнъ. Она была все такая же суетливая, озабоченная и какъ всегда, добродушно ворчала, семеня своими маленькими ножками и перебѣгая изъ одной комнаты въ другую.

Такимъ образомъ, этотъ день оказался для двора праздникомъ. Праздникомъ онъ былъ также и для деревенской молодежи. Только это былъ не веселый праздникъ, а какой-то тихій и сдержанный. Въ то время, какъ батюшка въ церкви исповѣдывалъ, въ церковной оградѣ собрались дѣвки и парни, но они проводили время не вмѣстѣ, а врозь, группируясь отдѣльными кучками. Дѣвки сидѣли на паперти кружкомъ и переговаривались шепотомъ. Когда же имъ хотѣлось смѣяться, то онѣ стыдливо закрывали ротъ платками. Одежда на нихъ была чинная, преобладали темные цвѣта и отсутствовали украшенія вродѣ лентъ и наместъ. Когда же дошла до нихъ очередь исповѣдываться, онѣ входили въ церковь не по одной, а группами, потому что батюшка исповѣдывалъ ихъ дюжинами. Для этого у него были очень вѣскія основанія: во-первыхъ, если исповѣдывать каждую отдѣльно, то нельзя успѣть и пришлось бы сидѣть въ церкви до утра; во-вторыхъ, у этого молодого народа грѣхи были самые простые и одинаковые. Точно такъ же онъ поступалъ съ мальчишками и дѣвчонками и даже съ парнями не старше 18 лѣтъ.

За церковной оградой на площади было усиленное оживленіе. Торговля бубликами и грушевымъ квасомъ сегодня значительно увеличилась. Только коники были въ застоѣ, такъ какъ малыхъ дѣтей совсѣмъ не было ни въ церкви, ни въ оградѣ. Имъ вѣдь не было надобности исповѣдываться. Но коники будутъ сильно раскупаться завтра.

Домъ діакона, стоящій неподалеку отъ церкви, ваѣ церковной ограды, ярко освѣщенъ. Свѣтъ таеъ и льется изо всѣхъ оконъ. Но никто не подумаетъ, что у діакона именины или балъ, всѣ знаютъ, что тамъ идетъ неустанная ра-

бота. Діаконша съ помощницею печеть просвиры, — завтра будетъ на нихъ большой спросъ. Она заготовляетъ ихъ нѣсколько сотенъ.

Въ субботу мы отправляемся къ обѣднѣ съ особеннымъ любопытствомъ. Мы не дожидаемся, пока насъ разбудятъ, а сами просыпаемся въ-время, сами хлопочемъ о томъ, чтобъ поскорѣе выпить чай, и пѣшкомъ идемъ въ церковь. Сегодня всѣ пойдутъ пѣшкомъ, потому что кучеръ давно уже въ церкви и некому заложить лошадей. Къ обѣднѣ звонятъ довольно рано, часовъ въ шесть. Мы послѣваемъ къ семи, когда она уже началась. Батюшка дѣлаетъ эту льготу собственно усадьбѣ. Онъ знаетъ, что всѣ слуги въ церкви, и всѣ они нужны дома и хочетъ пораньше отпустить ихъ. Кромѣ того, онъ и самъ хочетъ раньше освободиться и отдохнуть. Между тѣмъ служба затянется, потому что сегодня множество причастниковъ. Да и для деревенскихъ жителей это представляетъ удобства. День у нихъ начинается рано, и всѣ они бывають довольны, когда служба кончается часамъ къ десяти. У батюшки есть еще другая причина. Сегодня первая поминальная суббота. Въ церкви у главнаго входа, по правую сторону, на коврѣ, навалена цѣлая куча хлѣбовъ всякаго сорта и всякихъ формъ. На подоконникѣ стоитъ десятка два чашечекъ и стакановъ съ медомъ. Послѣ обѣдни придется служить длинную панихиду, съ длиннѣйшимъ спискомъ именъ, которыя непременно всѣ надо произнести, а затѣмъ, когда народъ выйдетъ изъ церкви, причтъ будетъ дѣлить между собою всѣ эти приношенія. На это тоже требуется время.

Мы свободно наблюдаемъ, за нами сегодня не смотрятъ, и никто на насъ не обращаетъ вниманія. Вѣдь эта служба не для насъ, — она какъ бы спеціально для людей работающихъ, которымъ надо поскорѣй освободиться. Завтра она повторится. Поэтому даже Ипполитъ не придаетъ значенія тому, что мы большую часть времени проводимъ въ оградѣ, а не въ церкви. Набралось безчисленное множество нищихъ. У нихъ настоящій праздникъ, лица ихъ крайне оживлены и напряжены. Они захватили съ собой большія торбы, и не напрасно, потому что эти торбы съ каждой минутой все больше и больше отдуваются. Каждый говѣльщикъ считаетъ своимъ долгомъ хоть что-нибудь положить въ каждую торбу. Иной обѣднякъ, не будучи въ состояніи дать каждому по бублику, раздаетъ по кусочкамъ, лишь бы что-нибудь дать,

а нищя братія ни отъ чего не отказывается. Въ оградѣ и въ церкви появляется множество бубликовъ и крапешныхъ воней, въ особенности послѣ того, какъ прозвонили „на достойно“, и то и другое въ большомъ количествѣ ходить по рукамъ, каждый причастившійся разыскиваетъ реблтишекъ и тычетъ имъ что-нибудь въ ротъ и въ руки. Ребята нагружены всѣмъ этимъ и тутъ же происходитъ усердная закуска.

Нашъ поваръ явился въ церковь франтомъ. Онъ не былъ уже молодымъ человѣкомъ, но былъ холостъ и претендовалъ на успѣхъ у женщинъ. Въ обыкновенное время трудно было сказать, какъ онъ одѣвался, потому что одежда его вся скрывалась подъ широкимъ и длиннымъ фартукомъ, который онъ носилъ по должности. Теперь же онъ явился въ сѣромъ пиджакѣ, крахмальной рубашкѣ, въ галстукѣ, повязанномъ пышнымъ бантомъ, съ палочкой въ лѣвой рукѣ и съ фуражкой въ правой. Онъ держался солидно, занималъ мѣсто чуть-чуть подалеже Ипполита, и вообще видно было, что онъ чувствовалъ себя почти бариномъ среди этой пестрой толпы въ простыхъ свиткахъ, широкихъ шароварахъ, парусиновыхъ сорочкахъ.

Тотчасъ послѣ причастія, когда обѣдня еще не кончилась, для дворовыхъ слугъ кончился праздникъ. Кучеръ пошелъ къ лошадямъ, зануздалъ ихъ, быстро вышли изъ церкви поваръ, кухарка и горничная, ихъ усадили въ экипажъ и торопливо повезли въ усадьбу. Вѣдь они тамъ были страшно нужны. Сейчасъ же они переодѣлись и принялись за свою обычную работу.

Мы видѣли дѣда Родіона. Послѣ причастія онъ весь какъ-то лучился тихой радостью. Видно было, что онъ испытывалъ истинное блаженство. Онъ тоже покупалъ и раздавалъ воники и бублики, подходилъ къ торговцамъ и съ наслажденіемъ пилъ грушевый квасъ. Все это было совершенно необходимо, и если бы кому-нибудь не удалось купить и раздать бубликовъ и выпить грушеваго квасу, то онъ чувствовалъ бы себя такъ, какъ будто говѣлъ, но еще не отговѣлся.

Мы подошли къ дѣду Родіону.

— А, милые! — сказалъ онъ, — вотъ теперь приходите, теперь мы уху сдѣлаемъ, теперь можно!

— А гдѣ же Жучка? — спросилъ Жоржикъ. Мы рѣшительно не могли себѣ представить дѣда Родіона безъ Жучки.

— Жучка умная, она понимаетъ! — отвѣтилъ дѣдъ Ро-

діонъ:—я ей сказалъ: сиди дома, вотъ она и сидитъ. Явдохинъ мальчикъ тамъ,—прибавилъ онъ въ поясненіе,—вотъ и Жучка сидитъ съ нимъ. А вотъ я ей бублика понесу, она будетъ рада.

Видѣли мы и дѣда Якова. Мы наблюдали, быть можетъ, единственную въ своемъ родѣ встрѣчу, когда два старца послѣ причастія сошлись и начали поздравлять другъ друга и затѣмъ поцѣловались. Дѣду Родіону было восемьдесятъ лѣтъ, а дѣдъ Яковъ былъ лѣтъ на тридцать старше его.

Дѣдъ Яковъ сказалъ дѣду Родіону:

— Вотъ это я уже въ послѣдній разъ! Ужъ это я знаю. Еще до святой доживу, а тамъ баста! Пора и честь знать!

Послѣ обѣдни дѣдъ Яковъ забралъ свою торбу и свитку и предпринялъ обратное путешествіе въ усадьбу. Онъ явился домой только къ вечеру. На этотъ разъ на пути у него были большія задержки. Когда онъ присаживался у какой-нибудь хаты на заваленкѣ, чтобы отдохнуть, бабы выносили ему подарки въ видѣ какого-нибудь вяленаго рыба или цвѣтного платочка; дѣдъ Яковъ ни отъ чего не отказывался, хотя и самъ не зналъ, для чего ему это. И такихъ подарковъ набралась у него полная торба. Все это дѣлалось въ уваженіе и какъ бы въ награду за то, что онъ прожилъ на свѣтѣ такъ много лѣтъ. Люди, которымъ живется плохо, хорошо знаютъ, что это дѣло не легкое.

Дѣдъ Яковъ притащилъ съ большимъ трудомъ свою торбу въ усадьбу и предоставилъ каждому братъ изъ нея все, что ему нравится. Это происходило вечеромъ, когда солнце уже зашло. На людскомъ дворѣ это былъ послѣдній актъ, имѣвшій отношеніе къ говѣнью. Дальше пошла будничная жизнь.

ХІІ.

Послѣ причастія.

Еще въ обѣдню Ипполитъ заходилъ въ алтарь и имѣлъ особый разговоръ съ батюшкой. Старый батюшка встрѣтилъ его почтительно, далъ ему благословеніе и спросилъ о здоровьи его, мамы и нашемъ.

— Я къ вамъ съ просьбой!—сказалъ Ипполитъ.

— Я уже знаю,—отвѣтилъ батюшка.—Это какъ всегда, какъ каждый годъ. Милости прошу, пожалуйста, въ восьмомъ часу, побесѣдуемъ!

— Если только я не затрудню васъ, батюшка. Вы такъ утомлены...

— Въ нашей службѣ для дѣлъ благочестія не должно быть утомленія!—сказала батюшка,— Нѣтъ, нѣтъ, прошу васъ, пожалуйте, въ восьмомъ часу я буду ждать.

Ипполитъ опять взялъ благословеніе и удалился.

Весь этотъ день у него былъ какой-то особенный взглядъ. Онъ смотрѣлъ не только на людей, но и на всѣ предметы, какіе попадались ему на глаза, какъ бы съ мольбой о прощеніи. Онъ какъ бы ежеминутно мысленно произносилъ: „всѣхъ-то я обидѣлъ, простите меня ради Бога“. Это было какое-то олицетворенное покаяніе. Это былъ день, когда всякій, кто только захотѣлъ, могъ бы злоупотребить его настроеніемъ. Едва ли онъ былъ въ состояніи отказать въ чемъ-нибудь. Можетъ быть, потому онъ и сидѣлъ въ своемъ кабинетѣ и никому не показывался. Можетъ быть, это была инстинктивная осторожность. По временамъ онъ предавался размышленіямъ вслухъ. „Вотъ,—говорилъ онъ,—мы часто судимъ ближняго. И то не хорошо, и это дурно, и все намъ кажется, что мы-то сами лучше, а какъ заглянешь себѣ въ душу, то увидишь, что ты хуже всѣхъ“. Цѣлый день у него на столѣ лежало раскрытое Евангеліе. Онъ читалъ его тихо, про себя, но иногда у него являлась потребность подѣлиться своимъ настроеніемъ съ близкими людьми. Онъ звалъ маму и читалъ ей отрывки. Онъ вспомнилъ также и о насъ и прислалъ намъ книжку, отмѣтивъ карандашемъ мѣста, которыя мы должны были прочесть. При этомъ онъ выразилъ желаніе, чтобъ при чтеніи присутствовала даже Дуся, которая ровно ничего не поняла.

Мы съ мамой ѣздили въ церковь и совершенно обыкновеннымъ способомъ, наряду съ другими, исповѣдывались у батюшки. Въ этотъ день у насъ съ Жоржикомъ было какое-то благочестивое настроеніе. Мы не позволили себѣ ни одной выходки, мы ни разу не огорчили Маргу Федоровну, даже для Ипполита было сдѣлано исключеніе. Жоржикъ ни разу не съострилъ на его счетъ. Мы старались не мыслить о немъ дурно и называли его между собой не Ипполитомъ, а папой.

Изъ церкви мы уже, очищенные отъ грѣховъ, заѣхали къ Елизаветѣ Августовнѣ. У нея уже былъ батюшка, она причастилась. Она совсѣмъ не походила на вчерашнюю. Лицо ея выражало полное благодушіе. Казалось, она забыла обо всѣхъ своихъ болѣзняхъ и несчастіяхъ и объ ужасной участи, которая выпала на ея долю.

— Ахъ, голубушка, — промолвила она, обращаясь къ мамѣ, — какое вамъ спасибо за варенье, и наливка — какая прелесть! Это, должно быть, Марта Федоровна дѣлала! Она это чудно умѣетъ. Славная наливка!

Мы замѣтили въ глазахъ ея какой-то странный неровный огонекъ. Не смотря на то, что мы только-что очистились отъ грѣховъ, наблюдательность все же не покинула насъ, и Жоржикъ первый толкнулъ меня въ бокъ и шепнулъ:

— Смотри, вонъ тамъ внизу... Агафья-то правду говорила!

Я присмотрѣлся, — это была бутылка съ наливкой. Она стояла сбоку у ея ногъ такимъ образомъ, что ей стоило только нагнуться и взять, когда хотѣлось выпить. Наливка была наполовину осушена, и этимъ въ достаточной степени объяснялся тотъ странный огонекъ, который блуждалъ въ ея глазахъ. Наконецъ, мы были свидѣтелями такого блаженства, какое, быть можетъ, не испытывалъ ни одинъ счастливецъ — Елизавета Августовна при насъ, послѣ суточного перерыва, понюхала табаку. Она до сихъ поръ не могла этого сдѣлать, потому что у нея вышелъ весь табакъ. Агафья только-что сбѣгала въ лавку и принесла. Руки ея дрожали болѣе обыкновеннаго, когда она раскрывала коробку. Она извинилась передъ нами и понюхала.

— Вотъ какіе пустяки иногда могутъ сдѣлать человѣка счастливымъ! — промолвила она, какъ бы этимъ извиняясь передъ нами за свою маленькую страсть.

(Окончаніе слѣдуетъ).

У М О Р Я.

На берегу морскомъ, куда врачи и мода
Ссылають на зиму невольниковъ своихъ,
Я жилъ тогда одинъ, чужой среди чужихъ.
Все поражало взоръ--и люди, и природа,
Сады кривыхъ оливъ и стройныхъ пальмъ навѣсъ,
И синіе холмы, и синева небесъ.
Лишь море, лишь оно казалось не чужое.
Едва взглянувъ, къ его простору я привыкъ
И вала перваго уразумѣлъ языкъ,
Какъ будто прожилъ здѣсь я дѣтство золотое
И въ первый разъ любилъ, и въ первый разъ страдалъ
Подъ сладкій шепотъ волнъ, подъ гулъ прибрежныхъ скалъ.

Чужой среди чужихъ, но съ моремъ неразлучно,
Безпечно день за днемъ одинъ я проводилъ.
Я въ полдень на берегъ съ Гомеромъ уходилъ,
И складъ гекзаметра такъ родственно и звучно
Сливался съ пѣньемъ водъ. Забывшись, я молчалъ,
Строеніе волны прилежно изучалъ,—
Иль просто жилъ сквозь сонъ, душой переселяясь
Туда, гдѣ гребни волнъ рождались вдалькѣ,
Гдѣ пѣна таяла на золотомъ пескѣ,
Гдѣ водоросли спать, склоняясь и выпрямляясь...

Но слушать пѣнье водъ милѣе въ поздній часъ,
Когда послѣдній лучъ зари на нихъ погасъ,
И первый лучъ звѣзды затеплился въ эфирѣ.
Тогда казалось мнѣ: одинъ я въ цѣломъ мірѣ
Вдыхаю сны цвѣтовъ и слушаю приборъ.
Въ тиши, со всѣхъ сторонъ, изъ всѣхъ пещеръ прибрежныхъ,

Изъ всёхъ изгибовъ скаль несется хоръ живой
 Какихъ-то смутныхъ словъ, и ласкъ, и жалобъ нѣжныхъ.
 Я слушаю, томлюсь, душа чего-то ждетъ...
 И вдругъ, какъ бы найдя рѣшающее слово,
 Сольется лепетъ волнъ, морская грудь вздохнетъ,—
 Мгновенье тишины—и плескъ раздастся снова...

И думалъ я тогда: сбылись мои мечты.
 Душа исполнена восторга и свободы,
 Какъ будто для меня на праздникъ красоты
 Выводитъ Богъ чередой закаты и восходы,
 И розу спящую отрадой напоилъ,
 И море вольное для пѣсенъ вдохновилъ.
 О, если бы еще сбылось одно мечтанье,
 И вмѣстѣ съ красотой любовь открылась мнѣ,—
 Безгрѣшная любовь, которой ожиданье
 Напрасно до сихъ поръ томить меня во снѣ!
 О, еслибъ торжество природы и безстрастье
 Согрѣлъ печальный взоръ, и голосъ молодой
 Мнѣ досказалъ, о чемъ безъ словъ шумитъ прибой!
 Какъ былъ бы счастливъ я!

И Богъ мнѣ далъ то счастье...

Н. Минскій.

НЕБЛАГОДАРНЫЙ.

Соч. Уида.

Переводъ съ англійскаго М. Корнъ.

Это было большое, четверугольное, величественное зданіе, построенное въ новомъ стилѣ, съ правильными рядами оконъ, съ општукатуренными стѣнами, съ цыпковою крышею, съ зелеными, мѣстами позолоченными, балконами, съ большой стеклянною входною дверью, оправленною въ мѣдь и полированное дерево. Зданіе это стояло среди обширнаго, пустого пространства, усыпаннаго пескомъ; а кругомъ находилось нѣсколько акровъ земли, на которыхъ предполагалось разбить садъ, но которые пока представляли собою лишь каменистыя мѣста, поросшія низкими деревцами и разсѣянными тамъ и сямъ невзрачными кустиками. Все это мѣсто было окружено высокою стѣною съ огромными воротами, выложенными желѣзомъ и запертыми на желѣзный замокъ, такъ что черезъ нихъ взглядъ человѣка не могъ проникнуть во внѣшній міръ. Это строеніе могло быть тюрьмою, домомъ умалишенныхъ, школою или академіей; но никто не принялъ бы его за чье-нибудь жилище.

Надъ величественною входною дверью помѣщалась статуя Милосердія—вѣчнаго Милосердія съ его голодными дѣтьми, а надъ этой группою золотыми буквами было написано названіе зданія; оно называлось «Домомъ Монъ-Парнасъ», ибо это было жилище музъ, по крайней мѣрѣ, музъ разбитыхъ и несчастныхъ, и было лишь недавно воздвигнуто нѣсколькими почтенными людьми, достаточно добрыми, чтобы не считать смертнымъ грѣхомъ неумѣнье другихъ людей подумать о черномъ днѣ. Тѣмъ не менѣе, грѣхъ этотъ, хотя не смертный, все-таки ужасенъ, и потому дому Монъ-Парнасъ преданъ былъ видъ суровый и непривлекательный, хотя и величественный. Милосердіе всегда смачиваетъ полынью свои

дары оно считаетъ это мудрымъ и справедливымъ. Пища, даваемая въ видѣ милостыни, не должна имѣть пріятнаго вкуса.

Побужденія, благодаря которымъ основанъ былъ Монъ-Парнасъ, были почтенны, хотя и не безъ примѣси эгоизма,—какъ вообще большинство человѣческихъ побужденій. Два оборвыша пришли однажды пѣшкомъ изъ Эльзаса въ Парижъ въ царствованіе Карла X-го и, начавъ съ собиранія тряпокъ, стали понемногу подниматься въ гору, благодаря бережливости, лишеніямъ и взаимной преданности, пока не сдѣлались богатыми торговцами, скопившими множество милліоновъ франковъ, съ которыми не знали, что дѣлать, такъ какъ родственниковъ у нихъ не было, и они никогда не были женаты. Они не искали титуловъ и внѣшнихъ отличій, которыми обыкновенно такъ дорожатъ большинство людей, пробившихъ себѣ дорогу своимъ трудомъ, но желали передъ смертью соединить свои имена съ какимъ-нибудь добрымъ дѣломъ или пожертвованіемъ, о которомъ заговорилъ бы весь Парижъ. Для выполненія этого плана братья отдали половину своего огромнаго капитала на устройство убѣжища для нищихъ писателей и артистовъ; и результатомъ этого было возникновеніе большого блага дома, который они назвали Монъ-Парнасомъ. Мѣсто для постройки дома было выбрано подходящее: продавался участокъ земли, нѣкогда бывшій подъ королевскимъ паркомъ, вырубленнымъ и обезображеннымъ—какъ это нравится современнымъ умамъ съ общественнымъ направленіемъ,—и значительная часть этого, такъ называемаго, лѣса, послѣ того, какъ деревья и кустарники были вырыты съ корнемъ, была приобрѣтена, какъ самое подходящее мѣсто для *богоугодно* заведенія. Для постройки дома приглашенъ былъ извѣстный архитекторъ, и извѣстный ученый взялъ на себя наблюденіе за осуществленіемъ и санитарными условіями зданія. Ни на постройку, ни на украшеніе дома не щадились издержекъ. «Если мы дѣлаемъ что нибудь, то дѣлаемъ хорошо», говорили братья. Домъ Монъ-Парнасъ былъ открытъ, и по случаю его открытія устроены были великолѣпный обѣдъ, со множествомъ привѣтствій и цвѣтовъ краснорѣчія, съ толпою извѣстностей, какъ большихъ, такъ и малыхъ, въ числѣ которыхъ находились многія свѣтила печати. Одинъ изъ послѣднихъ принесъ въ карманѣ заячью ногу и сосудъ съ краснымъ порошкомъ, и съ серьезнымъ лицомъ подалъ то и другое братьямъ. Братья взглянули на него вопросительно и съ удивленіемъ. Журналистъ же указалъ на девять музъ, статуи которыхъ украшали сѣни зданія.

— Надо бы заставить покраснѣть немного этихъ бѣдняжекъ, не правда ли?—сказалъ онъ глубокомысленно, но въ то же время подмигивая глазомъ.

До самаго дня своей смерти братья такъ и не могли понять, въ чемъ заключалась соль этой шутки.

Учрежденіе ихъ, по ихъ убѣжденію, было великимъ, благороднымъ благодѣяніемъ для націи, и, къ счастью для нихъ самихъ, братья умерли очень скоро, не успѣвъ понять своего заблужденія: они умерли, когда стѣны зданія были еще сыры, краска еще не высохла, когда сады существовали только на планѣ, и когда Парижъ еще серьезно восторгался ихъ прекрасною затѣей. Сады не разбиты еще до сихъ поръ, если не считать нѣсколькихъ клумбъ съ топкими кустами; но Парижъ, легкомысленный Парижъ давно уже позабылъ о существованіи убѣжища для тѣхъ служителей музъ, которымъ не откуда получать доходовъ. Убѣжище это, впрочемъ, снабжено всѣмъ въ изобиліи, а потому должно было бы внушать уваженіе, воздаваемое богатству; къ тому же, заведеніе прекрасно управляется комитетомъ вліятельныхъ людей,—финансистами, коммерсантами, издателями и т. п., которые присуждаютъ мѣста въ убѣжищѣ и оказываютъ свое покровительство тѣмъ или другимъ лицамъ послѣ внимательнаго разсмотрѣнія ихъ положенія. Но комитетъ этотъ никогда не считалъ нужнымъ разбивать сады.

Комитетъ крайне изумляется и оскорбляется, что назначенія его не всегда принимаются съ благодарностью.

Каждый живущій въ Монъ-Парнасъ получаетъ отдѣльную, хорошо обставленную комнату, обѣдъ, завтракъ и ужинъ въ общей столовой; топливо и освѣщеніе отпускаются въ достаточномъ количествѣ; всякій имѣетъ право пользоваться хорошею библіотекою, музыкальными инструментами и играми въ особой залѣ (всѣ азартныя игры, даже на су, запрещены); кромѣ того, къ услугамъ каждаго часть большого пространства земли, нѣкогда бывшей подъ королевскимъ паркомъ. Правила и условія не тягостны, т.-е. комитетъ не считаетъ ихъ тягостными. Всякій живущій въ Монъ-Парнасъ можетъ уходить днемъ, сказавшись швейцару и оставивъ у него ключъ, но не имѣетъ права возвращаться послѣ шести часовъ безъ особаго разрѣшенія управляющаго заведеніемъ; ни въ какомъ случаѣ никто изъ живущихъ въ Монъ-Парнасъ не можетъ держать при себѣ ни животнаго, ни птицы, ни даже бѣлой мыши (однажды кто-то имѣлъ неосторожность явиться съ бѣлою мышью); никто не имѣетъ права приносить съ собою вина, спирта или ликеровъ; всѣ должны тушить свѣтъ не позже одиннадцати часовъ вечера; принимать же друзей разрѣшается лишь въ общей гостиной, и притомъ, только отъ трехъ до пяти часовъ дня. Эти правила и нѣсколько подобныхъ имъ не кажутся тягостными директорскимъ умамъ. Нынѣшній вѣкъ—вѣкъ правилъ; онъ любитъ связы-

вать людей по рукамъ и ногамъ. Всѣ эти правила и постановленія великолѣпно отпечатаны на раскрашенныхъ картонахъ и развѣшаны по всѣмъ комнатамъ, такъ что не допускается и мысли, чтобы кто-нибудь изъ живущихъ въ заведеніи могъ быть незнакомъ съ предъявляемыми ему требованіями. Директора исполняютъ свою обязанность и сидятъ на своихъ крытыхъ бархатомъ стульяхъ вокругъ длиннаго стола, выслушивая доклады о великихъ благодѣяніяхъ Монъ-Парнаса; но больше они ни во что и не входятъ; имъ не обязательно знать или заботиться о томъ, довольны ли живущіе въ заведеніи своею жизнью, или нѣтъ; и никогда не приходило имъ въ голову придать дому жилой видъ. Да и могутъ ли чувствительные, благоденствующие люди, никогда не испытавшіе бѣдности, относиться иначе, какъ съ сострадательнымъ презрѣніемъ, къ бѣднякамъ, которые, подобно заблудившимся овцамъ, оставили часть своей шерсти на придорожныхъ изгородахъ?

Директора заботятся о томъ, чтобы все доставляемое въ заведеніе было хорошаго качества. Не допускаются ни грошевые расчеты, ни мелкіе обманы: берутся лучшаго сорта мясо, овощи и молочные товары и хорошее вино, разумѣется, не слишкомъ дорогое: давать дорогія вина при такихъ обстоятельствахъ было бы, конечно, безнравственно. За всѣ свои хлопоты директора пользуются правомъ помѣщать своихъ любимцевъ, приживальщиковъ или бѣдныхъ родственниковъ на различныхъ мѣста при заведеніи, начиная съ мѣста секретаря до мѣста привратника. Но даже эту привилегію директора пользуются уиѣренно, а члены принимаются въ богоугодное заведеніе безъ всякаго лицепріятія.

Домъ Монъ-Парнасъ выстроенъ на полсотню лицъ, и на содержаніе этого числа отложенъ капиталъ. Но число это никогда не достигалось, и множество пустыхъ комнатъ и закрытыхъ ставень на окнахъ свидѣтельствуетъ о томъ печальномъ фактѣ, что лучшія намѣренія не всегда, и даже весьма рѣдко, оцѣниваются человѣчествомъ.

— А между тѣмъ условія совсѣмъ не стѣснительны,—сказалъ одинъ изъ директоровъ, извѣстный банкиръ, когда кто-то выразилъ неудовольствіе по поводу этихъ благоразумныхъ правилъ.—Вѣдь почти то же самое требуется и въ гостиницахъ.

— Только въ гостинницѣ можно выругать хозяина и выѣхать,—сказалъ другой директоръ, издатель извѣстной газеты.

— Каждый можетъ уйти и изъ нашего заведенія,—строго возразилъ банкиръ:—ихъ никто не держитъ.

— Только уйти-то бѣднякамъ некуда! — сказалъ издатель,

*

который былъ страшно богатъ, но который въ юности испыталъ, что такое бѣдность: было время, когда ему приходилось закладывать свою единственную рубашку.

— Если человѣкъ, достигнувъ зрѣлаго возраста, не сумѣлъ устроиться, то ему нечего пенять на судьбу—онъ долженъ винить себя за свою непредусмотрительность,—сказалъ банкиръ, который получилъ въ наслѣдство отъ отца болѣе десяти милліоновъ франковъ.—Кстати,—меня просили на слѣдующемъ засѣданіи похлопотать о принятіи въ заведеніе Пьера Роскова. Что вы на это скажете? Если полную бесполезность считать достоинствомъ...

— Нѣтъ, отчего же!—возразилъ издатель.—Это большой талантъ—это былъ очень большой талантъ—въ свое время...

— Талантъ безъ характера!

— Ну, ладно ужъ!—сказалъ издатель съ нѣкоторымъ нетерпѣніемъ,—это вѣчно всё повторяютъ! Можно подумать, что всё глупцы—ангелы! Но неужели вы увѣрены, что Пьеръ Росковъ еще живъ? Я думалъ, онъ давно умеръ. Это ужасно: остаться въ живыхъ, похоронивъ свой геній!

— Геній! слишкомъ сильно сказано,—замѣтилъ банкиръ.

— Ну, вѣтъ, извините, этотъ человѣкъ былъ именно гениаленъ въ свои лучшіе дни, — горячо сказалъ журналистъ. — Да вспомните его «Хороводъ»! Сколько силы! Сколько чувства! Какое совершенство выполненія? И вы говорите, что онъ живъ и желаетъ быть принятъ въ Парнасъ? Да для кого же и существуетъ это заведеніе, какъ не для людей, которые были способны написать картины вродѣ «Зари». Я каждую зиму бываю въ Люксембургѣ, только чтобы видѣть эту картину.

— Неужели же человѣкъ, творенія котораго приобрѣтались Люксембургомъ, можетъ искать себѣ пріюта въ Парнасѣ?—сухо спросилъ банкиръ, открывая маленькую золотую табакерку.

— Для какой цѣли построено это учрежденіе?—спросилъ издатель.— Ужъ, разумѣется, оно не имѣетъ въ виду содержать посредственностей и глупыхъ бездарностей.

— Такъ вы подадите за него голосъ?

— Непремѣнно.

— Сдѣлайте еще шагъ и предложите его въ качествѣ кандидата. Вамъ это будетъ болѣе къ лицу, чѣмъ мнѣ.

— Это сомнительный комплиментъ въ вашихъ устахъ; но я принимаю его. Увѣрены ли вы, что онъ живъ?

— Совершенно увѣренъ. Вчера я завтракалъ въ Шантильи, и герцогъ далъ мнѣ его адресъ. Онъ живетъ въ какомъ-то жалкомъ переулкѣ, въ кварталѣ Тампль.

— Вѣдь это ужасно! — сказалъ издатель. — Злая насмѣшка судьбы, изъ за которой тѣло того, чья картина пріобрѣтена для Люксембурга, гніотъ всѣми забытое, гдѣ-то на чердакѣ, заставила содрогнуться даже пресыщеннаго человѣка, стоявшаго во главѣ самой рѣзкой и остроумной парижской газеты.—Бррр!—сказалъ онъ, — содрагаясь полуискренно, полупритворно; я съ величайшимъ удовольствіемъ предложу его въ качествѣ кандидата. Очевидно, онъ отвѣчаетъ условіямъ нашего превосходнаго учрежденія, если онъ такъ же бѣденъ, какъ нѣкогда былъ знаменитъ. Въ этомъ-то и заключается наше затрудненіе. Найти бѣдность легко, но не легко найти славу гдѣ-нибудь въ канавѣ. Въ наше время талантъ имѣетъ привычку хорошо обѣдать и хорошо одѣваться.

И въ самомъ дѣлѣ, было очень нетрудно найти бѣдность, но не такъ-то легко было встрѣтить бѣдность, соединенную со славою, даже при наличности очевиднаго таланта. Въ виду этого оказалось необходимымъ нѣсколько расширить первоначальныя условія учрежденія и допустить, чтобы оно принимало лицъ, въ точности не отвѣчающихъ его цѣлямъ, и нѣсколько журналистовъ, нѣсколько профессоровъ, нѣсколько музыкантовъ, не бывшихъ композиторами, пользовались тѣмъ, что предназначалось лишь для настоящихъ артистовъ. Поэтому, когда богатый журналистъ, Морисъ Вальбраншъ, предложилъ избрать въ число членовъ Монъ-Парнаса такую личность, какъ Пьеръ Росковъ, то весь комитетъ, вспомнивъ о его заслугахъ и придя въ себя отъ изумленія, и даже съ энтузіазмомъ, что онъ еще живъ,—единодушно согласился принять его. Росковъ представлялъ собою именно тотъ матеріалъ, для котораго предназначался Монъ-Парнасъ. Великій художникъ, безспорно великій художникъ, жившій въ такой безъизвѣстности, что всѣ считали его умершимъ, и притомъ въ такой нищетѣ, въ такой ужасной нищетѣ—такъ повторяли благоденствующіе люди, сидя вокругъ комитетскаго стола и испытывая то наслажденіе, о прелести котораго говорилъ Лукрецій. Росковъ былъ принятъ безъ единого возраженія, и директора въ это дождливое утро усѣлись въ свои удобныя кареты съ пріятными чувствами, словно послѣ совершенія добраго дѣла.

— По крайней мѣрѣ, онъ хоть умретъ спокойно, — подумалъ Вальбраншъ; — конечно, если только онъ согласится поселиться въ Парнасъ. А можетъ, онъ еще и не согласится, чортъ возьми!

Дѣло въ томъ, что, желая услужить члену академіи, принадлежащему къ королевской фамиліи, директоры и не подумали справиться о желаніяхъ самого Пьера Роскова. Такимъ образомъ, они

нарушили даже одно изъ особенныхъ постановленій комитета, главнѣйшее, что, въ случаѣ избранія подходящихъ лицъ для помѣщенія въ домъ, лица эти должны быть лично и письменно увѣдомлены о своемъ избраніи, прежде чѣмъ имена ихъ будутъ подвергнуты голосованію, и должны подать прошеніе о принятіи ихъ на гербовой бумагѣ. Вальбраншъ, довольный тѣмъ, что отыскалъ истиннаго питомца музъ, поспѣшилъ съ этимъ дѣломъ и при избраніи престарѣлаго художника нарушилъ формулу, не испросивъ сначала его согласія на то, чтобы быть принятымъ.

— Чортъ возьми! — опять сказалъ онъ, — разумѣется, онъ будетъ въ восторгѣ. Кровля надъ головой и полный желудокъ до могилы — это не малое благодѣяніе, когда человѣку семьдесятъ лѣтъ и когда онъ уже умеръ для міра.

Вальбраншъ былъ добродушный человѣкъ и отличался тѣмъ неглубокимъ покровительственнымъ добродушіемъ, какимъ отличаются люди богатые, и тѣмъ сознаніемъ превосходства не только своего состоянія, но и своего ума, какое порождается богатствомъ.

Онъ отправился въ своей изящной каретѣ, запряженной гордо выступающею лошадей, въ жалкій переулокъ квартала Тамплъ, гдѣ, какъ ему говорили, живетъ Пьеръ Росковъ; не безъ сомнѣнія и неприятнаго чувства Вальбраншъ медленно поднялся по крутой, темной, грязной лѣстницѣ, по которой не совѣмъ безопасно было избираться такому милліонеру, въ широкомъ верхнемъ платьѣ и увѣшанному дорогими цѣплями и кольцами. Онъ былъ толстъ, ибо жилъ очень хорошо, а лѣстница была крута и высока и ему пришлось нѣсколько разъ глубоко перевести духъ. Онъ пожалѣлъ, что не можетъ послать наверхъ одного изъ служащихъ у него молодыхъ людей, отличавшихся многими талантами и предприимчивостью и жужжавшими вокругъ него, какъ осы.

Милосердіе смягчаетъ душу, но въ немъ удобнѣе упражняться черезъ посредника.

Пыхтя, отдуваясь и произнося и забавныя, и вульгарныя ругательства, Вальбраншъ наконецъ добрался до верку лѣстницы, подъ самый потолокъ, весь увѣшанный паутиной. Къ стѣнѣ, вѣкогда бѣлой, но уже почернѣвшей отъ грязи, прибита была деревянная досочка, а на ней красовалась надпись углемъ: «Пьеръ Росковъ, вторая дверь направо».

— Наконецъ! — сказалъ Вальбраншъ, вздохнувъ съ облегченіемъ. Онъ напелъ указанную дверь — низкую, жалкую, некрашеную дверь на чердакѣ, и постучался.

— Войдите! — отозвался голосъ старика — голосъ съ легкой дрожью, но все еще звучный и мелодичный; его почти заглушалъ бѣзкій собачій лай.

Вальбраншъ отворилъ дверь и поспѣшно отступилъ назадъ, такъ какъ маленькій террьеръ бросился ему подъ ноги, а онъ боялся собакъ, какъ многіе добрые люди, добившіеся успѣха не совсѣмъ прямымъ путемъ.

— Смирно!—сказалъ хозяинъ собакъ.—Войдите, сударь. Онъ васъ не тронетъ. Онъ принялъ васъ за полицейскаго. Простите его за эту ошибку.

— Вотъ такъ комплиментъ!—сказалъ себѣ подъ носъ Вальбраншъ; но онъ связалъ шляпу и съ непритворнымъ почтеніемъ промолвилъ:

— Кажется, вы г. Росковъ? Я считаю для себя честью познакомиться съ великимъ художникомъ, произведенія котораго я всегда ставилъ высоко.

Легкая краска покрыла ввалившіяся блѣдныя щеки старика. Онъ какъ-то странно улыбулся.

— Очень давно ужъ со мной такъ не говорили. Ужъ не умеръ ли я и не мерещится ли мнѣ что-нибудь въ могилѣ?

— Нѣтъ, дорогой учитель, и я не знаю, почему вы больше не слышите такихъ рѣчей?—сказалъ Вальбраншъ.—Развѣ потому только, что вы сами удалились отъ людей. Это всегда влечетъ за собой роковыя послѣдствія. Человѣчество скоро забываетъ и отличается неблагодарностью.

— Да я ужъ на самомъ дѣлѣ умеръ двадцать лѣтъ тому назадъ.

Росковъ былъ высокій, мускулистый, сухощавый человѣкъ, который, несмотря на худобу, все-таки производилъ впечатлѣніе большой силы; у него были грубыя черты лица, и красотою отличались только большіе каріе глаза и осанка, своенравная и вмѣстѣ кроткая. Онъ былъ, повидимому, очень бѣденъ, и комната, гдѣ онъ жилъ, была лишена всякаго комфорта, хотя въ ней все было чисто и въ порядкѣ.

— Какъ вы дошли до этого положенія?—спросилъ Вальбраншъ съ удивленіемъ и смущеніемъ.

— Вы, кажется, намѣреваетесь интервьюировать меня?—отвѣчалъ Росковъ тоже вопросомъ. — Но это невозможно. Никто не интервьюируетъ исчезнувшихъ.

— Но почему вы исчезли?

— А, такъ это дѣйствительно интервью!—добродушно сказалъ Росковъ, но отгѣнокъ достоинства въ его голосѣ нѣсколько смутилъ посѣтителя.—Это очень странно. Я не думалъ, что я еще живъ настолько. И какая честь—господинъ Вальбраншъ явился ко мнѣ.

— Вы меня знаете?—съ удивленіемъ спросилъ Вальбраншъ.

— Еще бы! Всякій тряпичникъ и подметающій улицы на перекресткахъ, знаютъ проѣзжающихъ генераловъ и депутатовъ, которые забрызгиваютъ ихъ своими колесами. Но садитесь, пожалуйста, сударь. Разъ ужъ вы взобрались такъ высоко, я долженъ просить васъ отдохнуть.

Онъ выдвинулъ единственный стулъ, находившійся въ комнатѣ—большой деревянный стулъ съ ручками, а самъ усѣлся на сосновомъ столѣ посреди комнаты.

Тутъ только Вальбраншъ замѣтилъ, что у Роскова нѣтъ правой руки: она была отрѣзана у него выше кисти.—Такъ вотъ почему онъ бросилъ писать!—подумалъ Вальбраншъ и мягко прибавилъ:

— Несчастный случай, дорогой учитель?

— Обломокъ гранаты во время осады,—коротко отвѣтилъ художникъ.

— Боже мой, какая потеря для искусства!

— О! художниковъ много и безъ меня!

— Но Росковъ былъ единственный въ своемъ родѣ.

— По испытаннымъ страданіямъ съ нимъ, надѣюсь, никто не можетъ сравняться,—сказалъ старикъ, пожавъ плечами.—Но, скажите, сударь, какое у васъ дѣло ко мнѣ? Вѣдь не для того же вы пришли, чтобы спрашивать меня, какъ я лишился руки, разъ вамъ было даже неизвѣстно, что я лишился.

— Въ чемъ мое дѣло? Надѣюсь, вы не обвините меня въ праздномъ любопытствѣ и признаете по крайней мѣрѣ мои добрыя намѣренія,—отвѣтилъ Вальбраншъ и принялся излагать цѣль своего посѣщенія, нѣсколько сконфуженный независимостью и равнодушіемъ этого одинокаго старика, полусидѣвшаго, полужелезавшаго на ветхомъ столѣ, и который при всей своей бѣдности отнюдь не выглядалъ просителемъ или принимающимъ подавнѣе. Маленькій террьеръ сидѣлъ рядомъ съ нимъ, выпрямившись, настороживъ уши и вопросительно глядя на посѣтителя.

Въ нѣсколькихъ ловкихъ фразахъ и съ меньшею противъ обыкновеннаго снисходительностью въ тонѣ Вальбраншъ увѣдомилъ художника о принятіи его въ Монъ-Парнасъ.

— Благодаря моему вліянію и въ виду вашей славы въ прошломъ, комитетъ обошелся безъ обычныхъ формальностей и нашелъ возможнымъ принять васъ въ это великое и благородное учрежденіе,—сказалъ Вальбраншъ въ заключеніе, впадая въ официальный тонъ.—Мнѣ нечего распространяться о преимуществахъ, какія отсюда простираются. Они очевидны сами собою. Вамъ, ко-

вечно, извѣстно уже по слухамъ, какой характеръ носить это учрежденіе, и я не сомнѣваюсь, что вы вполне оцѣните его такъ же, какъ и мы, представители учрежденія, цѣнимъ то, что судьба даетъ намъ возможность соединить съ его именемъ имя и славу такого великаго художника, какъ вы.

Тутъ Вальбраншъ остановился и перевелъ духъ, чувствуя, что никто не сумѣлъ бы такъ успѣшно выполнить дѣло или выразить свои взгляды съ большею деликатностью и съ большимъ краснорѣчіемъ, чѣмъ онъ. Онъ взглянулъ на Роскова, ожидая видѣть въ немъ глубокое волненіе, изъявленіе благодарности или слезы; но старикъ не двинулся съ мѣста и молчалъ, ничѣмъ не обнаруживая своихъ чувствъ. На впалыхъ щекахъ его появилось по красному пятнышку, но это было все.

— Развѣ я просилъ кого-нибудь о чемъ-нибудь?—наконецъ, спросилъ онъ сиплымъ голосомъ.

— Нѣтъ, нѣтъ, конечно, нѣтъ. По крайней мѣрѣ я ничего объ этомъ не слышалъ,—проговорилъ Вальбраншъ съ нѣкоторымъ замѣшательствомъ.

— Такъ кто же смѣетъ говорить обо мнѣ, что я нуждаюсь въ милостынѣ?

— Но вѣдь, кажется...—началъ посѣтитель и остановился, обводя глазами убогую комнату. Взглядъ этотъ досказалъ невысказанное.

— Вы хотите сказать, что я въ нищетѣ,—коротко сказалъ Росковъ.—Но отъ нищеты до просьбы о помощи есть шагъ, и даже большой. Я этого шага не дѣлалъ. Вы имѣете право предлагать только въ томъ случаѣ, если бы я просилъ о чемъ-нибудь.

Онъ поднялся изъ своего полулежачаго положенія и выпрямился во весь ростъ, какъ будто давая понять, что свиданіе кончено. Говорить больше было не о чемъ.

Вальбраншъ не всталъ. Онъ смотрѣлъ вверхъ черезъ очки съ удивленіемъ, любопытствомъ и сомнѣніемъ—съ сомнѣніемъ человека, который привыкъ къ тому, что передъ нимъ разыгрываются всевозможныя комедіи. Однако, не смотря на его скептицизмъ и цинизмъ, въ немъ шевельнулось нѣчто, похожее на восторгъ и довѣріе. Онъ увидѣлъ, что этотъ старый отшельникъ, оборванный и умирающій съ голоду, всѣми покинутый и несчастный, думалъ то, что говорилъ. Онъ никогда никого ни о чемъ не просилъ; онъ далъ міру забыть себя и никогда не говорилъ: «Я здѣсь».

Въ эту минуту въ комнату, какъ порывъ весенняго вѣтра, ворвался ребенокъ—хорошенькій, бѣлокурый, кудрявый мальчикъ,

лѣтъ шести; увидѣвъ незнакомца, онъ вдругъ въ смущеніи остановился.

— Поди сюда, Максъ,—сказалъ Росковъ мягко, а собака принялась радостно прыгать вокругъ мальчика.

— Поклонись этому господину, Максъ.

Максъ снялъ свою маленькую изорванную соломенную шляпу.

— Прелестный ребенокъ,—сказалъ Вальбраншъ.— Это вашъ?

— Да, это дитя моего сына. Сынъ мой былъ убитъ вмѣстѣ съ Анри Ривіеромъ въ сраженіи съ пруссаками.

— Вы имѣете право предъявлять требованія отечеству.

— Нѣтъ, мы ничего не требуемъ. Мой сынъ былъ только волонтеромъ, какъ и я раньше его. Ему въ жизни не повезло, и онъ былъ любитель приключеній.

— И этотъ мальчикъ всецѣло зависитъ отъ васъ?

— Да.

Лицо Роскова приняло мрачное и рѣзкое выраженіе. Онъ не любилъ допросовъ и думалъ, что выразился достаточно ясно, чтобы быть понятымъ. Маленькій Максъ, который былъ худъ и блѣденъ, хотя и имѣлъ счастливый видъ, оперся на дѣда и промолвилъ съ нѣкоторою робостью:

— Мнѣ не дали хлѣба безъ четырехъ су.

— Молчи,—сказалъ Росковъ сердито; но Вальбраншъ уже успѣлъ услышать.

Онъ вынулъ изъ кармана нѣсколько серебряныхъ монетъ и протянулъ ихъ мальчику.

— Пойди и купи себѣ нѣсколько пирожковъ, Максъ. Намъ съ твоимъ дѣдомъ надо переговорить о важныхъ дѣлахъ, и ты съ нами соскучишься.

Хорошенькіе глазки ребенка засмѣялись и заблестѣли; онъ протянулъ свою маленькую ручку, чтобы взять деньги, но Росковъ схватилъ его пальчики и сжалъ ихъ невольно до боли.

— Этотъ господинъ очень добръ, дитя мое, и ты, я знаю, не хочешь сдѣлать ничего дурного, но я не могу допустить этого. Вотъ тебѣ одинъ су. Сбѣги внизъ, купи себѣ хлѣбецъ и попроси, чтобы тебѣ позволили съѣсть его въ лавкѣ. Иди!

Мальчикъ колебался, и глаза его наполнились слезами

— Дѣдъ,—сказалъ онъ застѣнчиво,— ты ничего не ѣлъ со вчерашняго полудня; весь ужинъ ты отдалъ мнѣ и Пепину. И вѣдь у тебя только одинъ су—вѣдь ты мнѣ самъ сказалъ. когда я пошелъ въ лавку.

— Держи свой дѣтскій языкъ за зубами и иди,—сказалъ Росковъ громовымъ голосомъ.

Мальчикъ отскочилъ въ испугѣ, зажимая су въ маленькомъ кулачкѣ. Пепинъ лучше попялъ, въ чемъ дѣло: онъ не испугался, а только подвинулся ближе къ своему хозяину.

— Дорогой учитель, — сказалъ Вальбраншъ, — все это очень почтенно, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, и очень печально. Ради ребенка вы должны пожертвовать гордостью. Переѣзжайте въ Парнасъ, а Максмы помѣстимъ въ хорошую школу; я самъ похлопочу объ этомъ. Вы имѣете полное право умереть съ голоду, но вы не имѣете права морить дитя вашего сына.

— А вы не имѣете права предписывать мнѣ мои обязанности. Ступайте вонъ! — сказалъ старикъ въ ярости.

— Я уйду, — сказалъ Вальбраншъ благодушно. — Я уйду, такъ какъ у меня много дѣла. Но я еще вернусь къ вамъ.

Спускаясь съ лѣстницы, онъ натолкнулся на маленькаго Макса, который сидѣлъ въ слезахъ на одной изъ нижнихъ ступенекъ.

— Тебѣ часто приходится голодать, малютка? — спросилъ Вальбраншъ.

Мальчикъ отвѣтилъ неохотно:

— Не мнѣ, но ему. Онъ все отдаетъ Пепину и мнѣ.

— А ему остается немного?

— Да, — сказалъ мальчикъ робко, сквозь слезы. — Но онъ разсердится, если узнаетъ, что вы говорили со мною. Я ве стану васъ слушать. Я не стану отвѣчать! — сказалъ онъ съ чувствомъ рѣшимости и страха, и поднялся съ того мѣста, гдѣ сидѣлъ, и сбѣжалъ по лѣстницѣ такъ быстро, какъ только могъ. Онъ боялся, чтобы господинъ не предложилъ ему опять серебряныхъ монетъ, и что самъ онъ окажется настолько гадкимъ и слабымъ, что возьметъ ихъ; ибо этотъ мальчикъ получалъ все, что имѣлъ его дѣдъ, но приходилось дѣлиться съ Пепиномъ, и ребенокъ былъ очень голоденъ, хотя послушавіе дѣду заставило его отрицать это передъ незнакомцемъ.

— Бѣдный звѣрекъ! — подумалъ Вальбраншъ, — онъ будетъ рычагомъ, при помощи котораго мы залучимъ стараго упряма въ Парнасъ.

Сопротивленіе и на этотъ разъ произвело обычное дѣйствіе на человѣческую природу, и Вальбраншъ, для котораго это дѣло не имѣло никакого важнаго или практическаго значенія, былъ такъ раздраженъ своей неудачей, что рѣшилъ во что бы то ни стало заставить Пьера Роскова переѣхать въ Парнасъ.

Росковъ продолжалъ стоять у стола и собака робко заглядывала ему въ лицо, зная, что онъ взволнованъ и смущенъ. Дѣй-

ствительно, онъ такъ долго былъ одинокъ, такъ давно привыкъ быть незамѣченнымъ, забытымъ, что посѣщеніе такого человѣка, какъ Вальбраншъ, и сдѣланное имъ предложеніе не могли оставить его равнодушнымъ. Все это удивило, оскорбило, взволновало его, вызвало въ немъ отвращеніе, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, заставило почувствовать, что онъ не совсѣмъ чуждъ остальному міру, какъ это было въ теченіе столькихъ лѣтъ. Человѣкъ, и притомъ не безумецъ и не дуракъ, еще разъ назвалъ его «дорогимъ учителемъ»—тѣмъ стариннымъ, лестнымъ, пріятно ласкающимъ слухъ названіемъ, котораго онъ такъ давно не слыхалъ! Неужели же онъ все еще продолжалъ быть учителемъ въ чьихъ-нибудь глазахъ—онъ, бѣдный, старый, разбитый человѣкъ, умирающій съ голоду и двадцать лѣтъ не бравшій кисти въ руки?

Онъ былъ сынъ бретонскихъ моряковъ, имѣвшихъ въ своемъ распоряженіи рыболовныя лодки и промышленныя суда, привычныхъ къ вѣтру, сырости и тяжелому труду, честныхъ, хотя и грубыхъ по наружности, и происходившихъ, по преданію, отъ рыцарскаго рода. Въ дѣтствѣ Росковъ рисовалъ корабли, лодки и матросовъ на всякомъ попавшемся ему клочкѣ бумаги или кускѣ дерева, а когда ему исполнилось восемнадцать лѣтъ, пріѣхалъ въ Парижъ, побуждаемый своимъ сильнымъ и полубезсознательнымъ талантомъ отправиться туда, гдѣ могъ видѣть, слышать и научиться значенію искусства.

— Какой я былъ безумецъ!—думалъ онъ иногда, вспоминая это путешествіе, полное надеждъ. — На что мнѣ были великіе мастера? Разяѣ не было неба и голосовъ моря надо мною и рядомъ со мною?

Въ свои счастливые годы онъ часто пріѣзжалъ на родину и наслаждался крѣпкимъ соленымъ запахомъ водорослей и углублялся въ сѣрые пески и кусты дрока, усыпанные золотистыми цвѣтами. Но со времени войны онъ не видѣлъ родного берега. Даже если бы ему удалось набрать денегъ на поѣздку, то онъ не поѣхалъ бы, не желая являться къ своимъ бѣднымъ, нищимъ калѣкой. Тѣ, кто остались въ живыхъ, были ему лишь дальними родственниками и они, подобно парижанамъ, успокоились на мысли, что онъ умеръ. Столько людей исчезло во время осады и коммуны, и отъ нихъ ничего не осталось! Смерть ихъ считалась несомнѣнной. Такъ и онъ считался умершимъ, какъ въ своей родной бретонской деревнѣ, такъ и въ Парижѣ.

Если бы онъ былъ въ хорошемъ положеніи, онъ разыскалъ бы своихъ близкихъ; но онъ былъ очень бѣденъ, благодаря потерѣ руки, и когда сынъ его палъ мертвымъ рядомъ съ Аври Ривіе-

ромъ, то Росковъ даже не освѣдомился о томъ, живы ли менѣе близкіе ему родные. Иной разъ, впрочемъ, онъ упрекалъ себя и думалъ, что ради маленькаго Макса не долженъ былъ бы жить въ такомъ одиночествѣ и забвеніи. Но маленькій Максъ былъ незаконное дитя, рожденное отъ краткаго и пылкаго огня случайной любви, и не могъ предъявить ни къ кому никакихъ притязаній, кромѣ своего дѣда, да и то въ случаѣ готовности этого дѣда помочь ему.

Кто позаботится о маленькомъ Максѣ и Пепинѣ въ случаѣ смерти старика? Одного возьмутъ въ приходъ, а другого на съѣзжую. Сколько разъ лежалъ Росковъ безъ сна въ долгія холодныя зимнія ночи, мучимый страшными мыслями о ихъ одиночествѣ въ случаѣ его внезапной смерти, которая могла наступить во всякій часъ! О нихъ никто не заботился. Никто не приютилъ бы ни одного изъ нихъ. Безъ него они должны будутъ погибнуть. Какъ часто думалъ онъ объ этомъ, и мучился, и жаждалъ жить ради нихъ, хотя жизнь была такъ тяжела! А теперь, когда явился человѣкъ, предлагая позаботиться о немъ, — что конечно, прямо или косвенно, должно было повліять на ихъ судьбу, — онъ былъ оскорбленъ, раздраженъ и чувствовалъ только гнѣвъ и свою уязвленную гордость. Что будетъ хорошо? Что дурно? Въ этомъ онъ не могъ отдать себѣ отчетъ.

Онъ не былъ аналитикомъ или послѣдовательнымъ мыслителемъ. Онъ былъ артистъ, и чувства его были сильны, хотя и не всегда разумны. Неужели же, если онъ желалъ приобрести друзей для одинокаго ребенка, онъ долженъ самъ отправиться въ этотъ домъ и попасть въ ненавистное ему рабство?

Этого онъ не могъ думать.

Онъ происходилъ изъ свободнаго, гордаго рода; онъ былъ человѣкомъ съ талантомъ, былъ солдатомъ, хотя и непризнаннымъ. Онъ сражался за Францію, за Парижъ. Неужели же ему придется окончить дни свои среди позорнаго довольства въ убѣжищѣ съ громкимъ названіемъ?

Однажды, когда онъ былъ еще въ цвѣтѣ лѣтъ, за нимъ послали изъ Тюльери, и онъ не пошелъ, потому что былъ республиканецъ; за этотъ отказъ онъ былъ лишенъ креста, но «великодушный» императоръ купилъ одну изъ лучшихъ его картинъ для Сень-Клу и приказалъ приобрести для Люксембурга его «Зарю», считавшуюся его лучшимъ произведеніемъ.

Печальна была судьба картины, попавшей въ Сень-Клу. Она погибла среди огня и дыма въ развалинахъ великолѣпнаго дворца, — погибла вмѣстѣ съ фресками Миньяра и другими красивыми и изящными произведеніями.

У художника не осталось отъ нея ни одного эскиза изъ всего множества сдѣланныхъ имъ за его жизнь эскизовъ углемъ, сепіей, акварелью и масляными красками, ни одного эскиза, на который онъ могъ бы полюбоваться и который напомнилъ бы ему, чѣмъ онъ былъ когда-то. У него не осталось ни одного собственного штриха карандашомъ, чтобы вспомнить тѣ чудесные дни, когда онъ былъ дѣйствительно замѣчательнымъ художникомъ, когда люди показывали на него даже на улицахъ—въ тѣ свѣтлые годы до войны, когда, казалось, всѣ были молоды, и Парижъ весь день смѣялся и всю ночь плясалъ. Всѣ эскизы его были проданы, большею частью за безцѣнокъ, въ минуты нужды. Единственное, что осталось отъ того славнаго времени, была старая, много употреблявшаяся палитра съ остатками высохшихъ, запыленныхъ, потрескавшихся красокъ; иногда онъ надѣвалъ эту палитру на большой палецъ лѣвой руки, прижималъ ее къ себѣ и такъ стоялъ, погруженный въ свои мысли, воображая, что передъ нимъ мольбертъ и большое бѣлое полотно, а на этомъ воображаемомъ полотнѣ прелестныя или ужасныя, фантастическія или величественныя видѣнія. Если человѣкъ родится художникомъ или поэтомъ, то остается мечтателемъ до самой смерти.

Бѣдность—призракъ, столь распространенный въ томъ кварталѣ, была ежедневнымъ гостемъ Роскова. Послѣ потери руки, онъ сталъ давать уроки рисованія устно, насколько это было возможно, не употребляя карандаша; но учениковъ у него было уже немного, всѣ они были бѣдны, разсѣяны по разнымъ направленіямъ, и скоро ему пришлось дѣлать всякую работу, какую только онъ могъ найти. Для одной лавки онъ взялся исполнять порученія и разносить посылки, и ему приходилось ходить очень далеко, снашивать обувь и получать ничтожную плату. Все, что было у него сколько-нибудь цѣннаго, было продано еще до рожденія Макса, такъ какъ сынъ его былъ бѣденъ и несчастенъ.

А теперь ему предлагали въ Монъ-Парнасѣ хорошее помѣщеніе, хорошую одежду, хорошую пищу, предлагали ему спать на мягкой постели, сидѣть на удобномъ креслѣ, не знать ни жара, ни холода, ни усталости, ни голода; жить спокойно, удобно всѣ оставшіеся ему годы, сколько бы ихъ ни было; «а я происхожу отъ сильной, крѣпкой семьи моряковъ», думалъ онъ, «и буду жить долго».

Ему было только шестьдесятъ шесть лѣтъ, хотя отъ перенесенныхъ страданій и лишеній онъ казался гораздо старше. Ему могла предстоять еще долгая жизнь—жизнь, равная цѣлому поколѣнію: а жестокая, безжалостная, грустная, безцвѣтная трагедія ста-

рости, съ ея безчисленными нуждами и потерями, выносима только тогда, когда наполнена спокойствіемъ и смягчена достаткомъ.

Онъ зналъ это; но все-таки мысль объ этомъ богоугодномъ заведеніи была ему противна, болѣе нестерпима даже, чѣмъ нужда или боль. Благодартели могли золотить цѣпи, сколько угодно, и все-таки онѣ остались бы цѣпями; они могли подслащать пилюлю по мѣрѣ силъ, и все-таки она должна была остаться горькой, какъ желчь, разъ что была приправлена подынью милостыни.

— Никогда! Никогда!—проговорилъ онъ въ свою сѣдую бороду, все еще стоя у стола. Онъ всегда былъ свободенъ. Онъ никогда не просилъ денегъ ни взаймы, ни въ видѣ подарка. Во время самой тяжелой борьбы и самыхъ ужасныхъ горестей онъ замыкался въ себя и несъ свое горе одинъ, какъ умѣлъ.—Нищій? Пансіонеръ? никогда!—сказалъ онъ сквозь зубы; онъ былъ слишкомъ старымъ псомъ для того, чтобы отправляться въ выложенную ватой конуру.

Маленькое блѣдное личико Макса, окруженное шапкой спутанныхъ кудрей, испуганно заглянуло въ дверь; потомъ ребенокъ неуверенными шагами подошелъ по кирпичному полу къ дѣду.

— Дѣдъ,—сказалъ Максъ шепотомъ,—ты пересталъ сердиться? Я не хотѣлъ сдѣлать ничего дурного, но я не зналъ.

— Конечно, блѣдное дитя мое,—сказалъ старикъ, взявъ Макса на руки.—Я былъ оскорбленъ и огорченъ, и я говорилъ слишкомъ рѣзко, дружокъ мой. Я не могу осуждать тебя.

— Пепинъ не испугался,—сказалъ Максъ, втайнѣ завидуя высокой мудрости собаки.

— Нѣтъ, милый; собаки не обращаютъ вниманія на наши слова, онѣ читаютъ въ нашемъ сердцѣ.

— Отчего же дѣти этого не умѣютъ?

— Увы, Максъ! дѣти вѣдь мужчины и женщины въ маленькомъ видѣ.

Максъ поцѣловалъ дѣда, а потомъ и Пепина. Ни одинъ изъ нихъ не получилъ ужина въ этотъ вечеръ, но они заснули, прижимаясь другъ къ другу и спали вовсе не плохо.

Былъ мартъ, когда Вальбраншъ въ первый разъ посѣтилъ Роскова. Въ теченіе весны и лѣта Роскову жилось свосно; работа его—исполненіе порученій магазина—казалась легкой въ хорошую погоду; нерѣдко мальчикъ и собака оба провожали его. По воскресеньямъ всѣ они отправлялись за городъ или на берегъ рѣки—той хорошо знакомой Сены, которую художникъ такъ любилъ изображать въ счастливые дни своей жизни. Небо было обыкновенно ясно, встрѣчавшіяся женщины изъ рабочаго класса лас-

кали Макса, любуясь его хорошенькими глазами и кудрями, студенты бросали Пепину кости отъ своихъ завтраковъ. Собака прыгала, мальчикъ рѣзвился, и старикъ заставлялъ себя улыбаться, глядя на нихъ.

Всю весну Вальбраншъ или заходилъ самъ, или присылалъ къ Роскову, повторяя свое предложеніе, и всегда получалъ тотъ же отвѣтъ.

— Упрямое старое животное!—говорилъ богачъ съ весьма естественнымъ нетерпѣніемъ.

Комитетъ благотворительнаго учрежденія не могъ объяснить себѣ отказа Роскова; Вальбраншъ старался защитить художника отъ обвиненій въ неблагодарности, просилъ отсрочки и получилъ ее. Ему было рѣшительно все равно, какова будетъ судьба Роскова; но онъ рѣшилъ добиться своего. Ему всегда все удавалось и въ этомъ дѣлѣ онъ не желалъ потерпѣть неудачу. Для него стало дѣломъ личнаго самолюбія—видѣть Пьера Роскова членомъ заведенія Монъ-Парнасъ.

— Нельзя сажать въ клѣтку старыхъ орловъ,—сказалъ одинъ изъ приближенныхъ къ Вальбраншу молодыхъ людей, который любилъ противорѣчить ему.

— Нѣтъ, можно,—запальчиво возразилъ Вальбраншъ,—если по-добрать ихъ полузамершими въ обнаженныхъ лѣсахъ.

— Но они умираютъ,—сказалъ непочтительный ученикъ.

— Орлы, можетъ быть, и умираютъ,—отвѣтилъ его патронъ.—Нравы хищныхъ и ручныхъ птицъ мнѣ мало извѣстны; но мужчины и женщины, голубчикъ, остаются жить и радуются, если ихъ хорошо кормятъ.

Онъ зналъ, какъ зналъ Вальполь и многіе другіе, что каждаго человѣка можно купить за извѣстную цѣну, и если не удастся совершить покупки, то только потому, что вы не угадали, какого рода монету слѣдуетъ предложить.

— Не всѣ люди думаютъ только о себѣ,—сказалъ Вальбраншъ молодому человѣку,—но мы всѣ почти такіе безсовѣстные эгоисты, что забываемъ объ этомъ. Есть люди, на которыхъ нельзя дѣйствовать непосредственно, а приходится для вліянія на нихъ указать имъ на положеніе другихъ.

Онъ намекалъ на то, что Роскова можно убѣдить принять предложеніе, доказавъ ему, что это необходимо для Макса.

Мальчикъ былъ отъ природы здоровый, но не сильный; онъ былъ такого сложенія, что ему нужны были чистый воздухъ, тепло, хорошая пища и радость; голубыя вены на нѣжныхъ вискахъ и тонкихъ маленькихъ ручкахъ невольне внушали опасенія,

грудь его была узка, а всѣ остальные члены худы и малы. Лѣтомъ онъ чувствовалъ себя недурно, хотя по шести дней въ недѣлю дышалъ только спертымъ, вонючимъ воздухомъ кишѣвшихъ народомъ улицъ,—воздухомъ, выдыхаемымъ тысячею другихъ легкыхъ и полнымъ вредныхъ зародышей. Но въ холодную погоду мальчикъ замѣтно худѣлъ: это было маленькое растеніе, требовавшее солнечнаго свѣта и прозябавшее въ подвалѣ.

Вальбраншъ однажды съ жестокою откровенностью высказалъ это дѣду.

— Я это знаю, я это вижу,—рѣзко возразилъ Росковъ.—Что же я могу сдѣлать?

— Вы знаете, что вы можете сдѣлать,—отвѣтилъ Вальбраншъ. Росковъ повернулся къ нему спиною.

Однажды Вальбраншъ встрѣтилъ старика одного, несущаго нѣсколько небольшихъ пакетовъ. Съ Вальбраншемъ былъ знаменитый врачъ: они шли вмѣстѣ въ Сальпетріеръ смотрѣть гипнотическіе опыты. Вальбраншъ попросилъ своего друга взять съ нимъ наверхъ и взглянуть на ребенка, котораго они и нашли вмѣстѣ съ собакой въ маленькой каморкѣ, гдѣ жила старуха, убиравшая во всемъ домѣ постели и будившая, кого нужно. Она была родомъ изъ деревни, находившейся въ лѣсистомъ округѣ Юры, и отличалась честностью и добротой, хотя подъ грубой оболочкой, и ей вполне безопасно было поручить ребенка.

Врачъ выслушалъ Макса, не сказалъ ни слова и вышелъ.

— Что же?—спросилъ Вальбраншъ.

— Старая пѣсня: недостатокъ питанія, недостатокъ крови, кислорода и озона. Органическаго недостатка нѣтъ, но силы и матеріи не хватаетъ; всѣ эти дѣти похожи другъ на друга. Этотъ мальчикъ проживетъ съ годъ, не больше.

И великій человѣкъ съ гнѣвомъ отозвался о безуміи и несправимости человѣчества.

— Органическаго недостатка нѣтъ?—сказалъ Вальбраншъ.—Такъ значитъ, если бы его хорошо кормили и поставили-бы въ лучшія условія, то онъ, по всей вѣроятности, поздоровѣлъ бы и окрѣпъ?

— Безъ сомнѣнія,—сказалъ врачъ равнодушно.—Все зло происходитъ въ подобныхъ случаяхъ отъ недостатка озона и питанія.

— Не можете ли вы изложить это письменно?

— Къ чему?

— Потому что у мальчика упрямый дѣдъ, котораго ваше имя можетъ убѣдить въ томъ, что ребенка опасно держать здѣсь.

Врачъ пристально посмотрѣлъ на Вальбранша.

— Если это вашъ ребенокъ, то вы поздно вдумали о немъ заботиться. Онъ не дѣлаетъ вамъ чести.

— Между мною и ребенкомъ нѣтъ ничего общаго въ томъ смыслѣ, какъ вы думаете. Но я хочу спасти его. Такъ, пожалуйста, запишите все, что вы мнѣ сказали.

Врачъ вырвалъ листокъ изъ своей записной книжки и написалъ нѣсколько словъ. Всѣ, даже знаменитые доктора, съ радостью готовы были сдѣлать одолженіе для Вальбранша. Потому оба пріятели отправились въ Сальпетриеръ смотрѣть загнипнотизированную женщину, которую заставляли думать, что ее, какъ вѣдму, сжигаютъ на кострѣ, и которая испытывала всѣ ужасы этой страшной казни къ безконечному удовольствію профессора и студентовъ: быть въ состояніи мучить внушеніемъ большой шагъ впередъ сравнительно съ грубыми ухватками инквизиціи; для этого не требуется ни инструментовъ, ни сообщниковъ, и кругъ дѣйствій этого способа на практикѣ неограниченъ.

На другой день Вальбраншъ приложилъ заявленіе врача къ короткой, написанной имъ самимъ, запискѣ такого содержанія:

«Ребенокъ неизбѣжно умереть, если вы, наконецъ, не согласитесь на то, чтобы мы спасли его».

Онъ отослалъ записку вмѣстѣ съ документомъ старику Роскову.

Конечно, Вальбраншу было безразлично, умереть ребенокъ или нѣтъ, но онъ рѣшилъ во что бы то ни стало сломить упрямство дѣда. Свое собственное упрямство Вальбраншъ вмѣнялъ себѣ въ достоинство, но упрямство другихъ считалъ непростительнымъ преступленіемъ и дерзостью. Въ этомъ отношеніи многіе походятъ на Вальбранша.

На другой день къ роскошно убраннымъ комнатамъ, отведеннымъ для редакціи журнала, издаваемого Вальбраншемъ, подошелъ худощавый, угрюмый старикъ въ сильно потертомъ платьѣ и такой жалкій на видъ, что прислуга не рѣшалась впустить его, невольно вспомнивъ объ анархистахъ и динамитчикахъ.

— Я не изъ ихъ числа,—сказалъ Росковъ, угадывая мысль ливрейнаго Цербера.—Доложите обо мнѣ г-ну Вальбраншу. Вы увидите, онъ приметъ меня.

Швейцаръ, ворча, согласился назвать имя посѣтителя въ трубу, которая сообщалась съ комнатами Вальбранша.

— Просите его ко мнѣ немедленно,—былъ отвѣтъ, и, къ великому недоумѣнію швейцара, старикъ отправился вверхъ по лѣстницѣ, устланной голубымъ бархатнымъ ковромъ, въ своихъ грязныхъ, потрескавшихся сапогахъ.

Лѣстница была украшена вызолоченными бронзовыми подстав-

ками для электрическихъ лампъ, и мраморными статуями Молчавія и Памяти, которыя издатель считалъ символомъ печати.

— А, мой другъ!—весело сказалъ Вальбраншъ, сидѣвшій на широкомъ стулѣ передъ письменнымъ столомъ, съ папирской въ зубахъ; передъ нимъ стояла бутылка съ ликеромъ и сифонъ съ минеральною водою.—Войдите, садитесь и выпейте глотокъ этого ликера. Это прекрасный напитокъ; я получилъ его изъ Петербурга. Не хотите? Напрасно. Такъ не возьмете ли сигару? Нѣтъ? Ужъ это совсѣмъ нехорошо. Ну, что же вамъ угодно?

Росковъ отказался отъ предложеннаго ему стула, отъ сигары и отъ ликера; онъ продолжалъ стоять, и бѣлые швы и обтрепанные края его бѣдной грубой одежды выдѣлялись при мягкомъ солнечномъ свѣтѣ, который лился въ комнату изъ большого окна, завѣшаннаго золотистыми шелковыми занавѣсями. Фигура старика казалась особенно нескладной въ этомъ роскошномъ храмѣ современнаго Меркурія, и, чувствуя это, Росковъ невольно становился нервнымъ.

— Что же?—повторилъ Вальбраншъ съ меньшею противъ обыкновенія развязностью и съ бѣльшею жесткостью, такъ какъ время было ему дорого.—Получили вы мое письмо?

— Да,—медленно сказалъ старикъ, тяжело вздохнувъ.—Да, да; если вы принимаете участіе въ моемъ бѣдномъ мальчикѣ, такъ возьмите его; чтобы спасти его, я готовъ отдать его вамъ.

Каріе глаза Роскова, сохранившіе еще свою красоту, несмотря на его старость,—красоту души художника,—наполнились слезами.

— Я отдамъ его вамъ,—повторилъ онъ тихимъ и дрожащимъ голосомъ.

— Прекрасно!—сказалъ Вальбраншъ съ отгѣнкомъ жестокаго сарказма. Съ нѣкоторою подозрительностью онъ внимательно взглянулъ на Роскова и прибавилъ:—Условіе! Вы понимаете условіе? Вы согласны? Вы принимаете приглашеніе въ Монъ-Парнасъ?

— Зачѣмъ? зачѣмъ вы ставите какія бы то ни было условія?—горячо сказалъ старикъ, поддаваясь волненію и чувствуя приливъ краснорѣчія.—Вы видите умирающаго ребенка; человекъ науки говоритъ вамъ, что онъ умретъ безъ воздуха, безъ лекарствъ и безъ удобствъ. Что вамъ еще нужно, чтобы онъ заслужилъ ваше вниманіе? Спасите его ради его самого! Спасите его ради того, чтобы получить удовлетвореніе отъ совершенія добраго дѣла! Я отдамъ его вамъ совсѣмъ, а самъ удалюсь куда-нибудь и проживу какъ-нибудь тѣ немногіе годы, которые мнѣ осталось прожить. Чего вамъ еще нужно? Спасите ребенка! Я обещаю вамъ, что не стану тревожить ни васъ, ни его своей особой. Спасите

ребенка! Неужели онъ не имѣетъ права на ваше состраданіе? Ему шесть лѣтъ и онъ умираетъ отъ недостатка воздуха и пищи.

Росковъ говорилъ со всѣмъ краснорѣчіемъ и энергіей сильнаго чувства. Вальбраншъ надѣлъ пенсне и съ любопытствомъ глядѣлъ на него. Ему казалось негѣпымъ, что такой старикъ способенъ такъ волноваться.

— Бѣдный другъ мой,—возразилъ онъ тѣмъ сухимъ, рѣзкимъ тономъ, котораго такъ боялись всѣ его сотрудники.—Въ Парижѣ нѣсколько сотенъ тысячъ дѣтей, нуждающихся въ чистомъ воздухѣ и здоровой пищѣ; вы бы могли съ такимъ же правомъ утверждать, что мнѣ слѣдуетъ позаботиться обо всѣхъ этихъ дѣтяхъ. Несмотря на все мое уваженіе къ медицинѣ, я не могу сказать, чтобы она успѣшно боролась съ анеміей, малярией или со всевозможными формами невроза. Я не обязанъ, да и не въ силахъ помогать всѣмъ больнымъ. Я сдѣлаю для вашего внука все, что нужно, и, съ своей стороны, честно выполняю договоръ. Но я сдѣлаю это только въ томъ случаѣ, если вы согласитесь помѣститься въ заведеніи Монъ-Парнасъ.

— Какое вамъ дѣло до меня?—горячо спросилъ Росковъ.—Если старый, всѣми забытый песъ забивается въ уголъ, чтобы умереть, то какое дѣло кому бы то ни было до того, гдѣ онъ испуститъ духъ? Если я безумецъ, предпочитающій умереть съ голоду на свободѣ и въ независимости, то можетъ ли это касаться васъ? Вѣдь только я одинъ пострадою отъ этого. Спасите ребенка потому, что онъ ребенокъ, что онъ мучается не по своей винѣ, такъ какъ онъ родился вполнѣ здоровымъ. Спасите ребенка и отпустите меня. Оставьте мнѣ только мою свободу. Это все, о чемъ я прошу.

Вальбраншъ сдѣлалъ легкое, нетерпѣливое движеніе, оттолкнулъ хрустальный графинчикъ съ ликеромъ и придвинулъ къ себѣ пресъ-бюваръ.

— Вы бредите, почтенный другъ мой,—сухо сказалъ онъ,—и мнѣ некогда терять съ вами времени. Если вы согласитесь помѣститься въ Монъ-Пернасъ, то для мальчика будетъ сдѣлано все, что возможно; если же нѣтъ, то не отдавайте его намъ, оставьте его у себя на тѣ немногіе мѣсяцы, которые ему осталось прожить, и не приходите ко мнѣ съ просьбой, чтобы я заплатилъ за его похороны.

Съ этими словами онъ нажалъ пуговку электрическаго звонка. Въ дверяхъ показался лакей.

— Такъ это ваше послѣднее слово?—упавшимъ голосомъ спросилъ старикъ; всѣ мускулы на лицѣ его дергались конвульсивно.

Вальбраншъ, казалось, не слышалъ его.

— Проводите этого господина внизъ, — сказалъ Вальбраншъ лакею, начиная писать съ тою поспѣшностью и рѣшительностью, какими отличались всѣ его дѣйствія

— Подождите! — промолвилъ Росковъ, задыхаясь; жилы на лбу его надулись, какъ стальные струны.

— Пожалуйте, сударь! — нетерпѣливо прошепталъ лакей, принимая Роскова за бѣднаго просителя, которые сильно надоѣдали Вальбраншу.

— Подождите! — сказалъ Росковъ, хватаясь за горло, какъ будто его широкой, изношенный воротникъ душилъ его. — Если... если нѣтъ другого способа спасти его, то я согласенъ.

— Bravo! — воскликнулъ Вальбраншъ, снова обрѣтая свое веселое и благодушное настроеніе; и полупривставъ, онъ прислонился къ своему письменному столу, и, къ великому изумленію своего лакея, протянулъ руку высокому, худому, несчастному старику въ лохмотьяхъ.

Къ еще большому изумленію лакея, бѣднякъ въ лохмотьяхъ не взялъ этой руки, но круто повернулся и направился къ дверямъ.

— Напишите это мнѣ! — закричалъ Вальбраншъ. — Пусть это будетъ выражено на бумагѣ.

Росковъ кивнулъ головой и, молча отстранивъ лакея, отворилъ дверь и вышелъ. Вальбраншъ съ нѣкоторымъ изумленіемъ глядѣлъ на его удаляющуюся фигуру.

— Вотъ чудакъ! — пробормоталъ онъ, а затѣмъ закурилъ свѣжую папироску и принялся за перо.

Черезъ два дня въ каретѣ, запряженной двумя пони, за Максомъ приѣхала дама: она была вдова доктора и брала на воспитаніе слабыхъ дѣтей моложе десятилѣтняго возраста. Сначала она не хотѣла было брать какого-то бродягу и найденыша изъ-за его незаконнаго происхожденія и плохого воспитанія; но лицо, которому поручено было вести съ ней переговоры, шепнуло ей, что этого ребенка, по нѣкоторымъ обстоятельствамъ, желательно какъ можно лучше обставить... и дама уступила, нѣсколько растрогавшись, — такъ какъ была женщина съ сердцемъ, — блѣднымъ страдальческимъ личикомъ и красивыми кудрями своего новаго питомца.

— Ты будешь очень счастливъ у меня, дружокъ, — сказала она Максу. — Ты будешь играть въ красивомъ саду, у тебя будутъ славные товарищи, хорошія платья и вкусная ѣда, и пони, на которомъ ты будешь ѣздить верхомъ, и голуби, и кролики, которыхъ ты будешь кормить...

— Но я хочу, чтобъ дѣдъ и Пепинъ были со мною!—всхлипывалъ Максъ, отъ страху и горя забиваясь въ уголь кареты.— Я хочу дѣда и Пепина! Отвезите меня назадъ! Отвезите меня назадъ!

— Да, я понимаю это, мой милый. Непремѣнно, непремѣнно,— сказала чужая дама, глядя его спутанныя кудри. Но, зная дѣтей и ихъ природу, она подумала:—Не пройдетъ и сутокъ, какъ ты будешь смѣяться и рѣзвиться, а черезъ недѣлю ты забудешь твоихъ друзей. Бѣдный дѣдъ, бѣдный Пепинъ, кто бы вы ни были! Вотъ они такъ не забудутъ тебя!

Но въ ту минуту Макса невозможно было успокоить или утѣшить.

Дѣдъ и собака остались на чердакѣ, который мальчикъ покинулъ навсегда. Пепинъ озирался и вопросительно визжалъ, а дѣдъ сталъ собирать немногія дешевыя игрушки и грошевыя книжки, составлявшія единственныя развлечения Макса. Росковъ съ нѣжностью обмахнулъ съ каждой изъ нихъ пыль, завернулъ каждую отдѣльно въ бумагу и связалъ ихъ всѣ въ одинъ пакетъ.

— Онъ умеръ, Пепинъ, умеръ для насъ!—сказалъ онъ въ отвѣтъ на умоляющій, грустный, смущенный взглядъ собаки. Пепинъ вздрогнулъ, и хвостъ его печально опустился.

Потомъ хозяинъ его отвернулся и взялъ со стола новое, хорошее платье, бѣлье, сапоги, войлочную шляпу и часы съ цѣпочкой.

Эти вещи прислалъ ему Вальбраншъ.

— Если я что-нибудь дѣлаю, то дѣлаю это охотно и хорошо,—сказалъ Вальбраншъ своему секретарю съ самодовольствомъ человѣка, своими силами пробившаго себѣ дорогу. Отъ природы онъ былъ великодушнѣе, и щедрость нравилась ему уже изъ тщеславія.

— Вотъ тюремное платье, Пепинъ,—промолвилъ Росковъ.

Онъ медленно раздѣлся и облекся въ новую одежду. Онъ рѣшилъ осушить до дна чашу униженія. Свобода, уваженіе къ самому себѣ, гордость—все это было у него отнято. Онъ отдалъ все это за спасеніе внука. Онъ взглянулъ на себя въ обломокъ разбитаго зеркала, висѣвшій на стѣнѣ: уже много лѣтъ не былъ онъ одѣтъ такъ прилично. Бороду и волосы онъ успѣлъ уже подрѣзывать. Открытая бритва лежала на ветхомъ стулѣ подъ зеркаломъ; при видѣ ея въ глазахъ его сверкнуло горячее желаніе воспользоваться ею; онъ схватилъ и закрылъ бритву и съ силой швырнулъ ее въ уголь, словно это было живое существо, которое соблазняло его. На мгновеніе онъ закрылъ глаза, какъ человѣкъ,

у котораго закружилась голова на краю утеса и который во-время отступилъ назадъ.

Онъ былъ бретонецъ, и смолоду привыкъ смотрѣть на самоубійство, какъ на умерщвленіе души и тѣла. Въ эту минуту, сквозь туманъ годовъ, возстало передъ нимъ воспоминаніе о его матери—набожной, кроткой, доброй женщицѣ, готовой пройти двадцать миль по степи, чтобы получить отпущеніе грѣховъ, собиравшей вокругъ себя своихъ дѣтей для молитвы о мореплавателяхъ, когда вѣтеръ гудѣлъ на берегу, врываясь въ хижины, и набѣгавшія волны заливались за садовую ограду.

— Бѣдная мать!—сказалъ онъ, подавляя вздохъ. Она умерла ужъ пятьдесятъ лѣтъ тому назадъ.

Онъ собрался съ духомъ и сказалъ Пепину: «Пойдемъ!»

Пепинъ, всегда радостно привѣтствовавшій всякій знакъ, заключавшій въ себѣ намекъ на прогулку, медленно пошелъ за старикомъ, словно чувствуя, что навсегда покидаетъ жилище, гдѣ онъ-то, по крайней мѣрѣ, былъ счастливъ.

На порогѣ хозяинъ его остановился и оглянулся назадъ. Это, дѣйствительно, была бѣдная каморка, холодная, голая, неудобная зимою, а лѣтомъ нагрѣвавшаяся отъ жары, благодаря цинковой крышѣ, которая приходилась какъ разъ надъ чердакомъ. Въ этой комнатѣ онъ испыталъ голодъ, нужду, мучительныя безпокойства—всѣ скрытыя горести и заботы бѣдняка, который никогда не знаетъ, какъ достанетъ себѣ на этотъ день хлѣба. Но здѣсь онъ былъ свободенъ; здѣсь онъ никому нитѣмъ не былъ обязанъ; здѣсь онъ могъ распоряжаться своею судьбою; сюда онъ могъ приходиться, когда хотѣлъ, отсюда могъ уходить, когда ему вздумается; здѣсь онъ никому не подчинялся, добывая трудомъ каждую корку хлѣба, каждую нитку на своей одеждѣ. И здѣсь съ нимъ жилъ его мальчикъ, принадлежа ему одному.

Онъ снова вошелъ въ комнату и на мгновеніе опустился на колѣни передъ маленькими козлами, на которыхъ спалъ Максъ; онъ прижался лицомъ къ твердой подушкѣ, гдѣ столько ночей покоилась бѣлокурая головка мальчика. Потомъ, сдѣлавъ послѣднее усиліе, онъ выбѣжалъ изъ комнаты. Ему не суждено было больше имѣть своего собственнаго жилища.

Внизу лѣстницы онъ встрѣтилъ старую служанку, прислуживавшую всему дому. Она плакала.

— Судьба милостива къ вамъ,—сказала она, замѣтивъ на немъ новое платье.—Что до меня, то я буду всю жизнь жалѣть этого милаго бѣднаго мальчика.

— Вы были добры къ нему,—сказалъ Росковъ, указывая на

пакетъ, который держалъ въ рукахъ.—Я взялъ съ собою только его игрушки и книжки. Все прочее я оставилъ наверху. Все это стоитъ пустяки—тамъ только и есть, что тряпки да доски, но все это вы можете считать своимъ. Вы были добры къ Максѹ.

Онъ оставилъ ее и поспѣшилъ на улицу, а собака прижималась къ его ногамъ.

Милостивая судьба! Да, столь же милостива бываетъ она къ заключеннымъ въ тюрьмѣ, давая имъ помѣщеніе, пищу и одежду на всю жизнь, но навсегда лишая ихъ свободы.

Росковъ вышелъ на лучшія улицы города, а Пепинъ не отставалъ отъ него ни на шагъ, но бѣжалъ безъ всякой радости или воодушевленія. Съ свойственною собакамъ чуткостью къ нравственному состоянію своихъ хозяевъ,—чуткостью, столь же сильной и безотчетной, какъ чувствительность фотографической пластинки,—маленькій террьеръ понималъ, что хозяинъ его несчастенъ, и что товарищъ его игръ, Максъ, потерянъ навсегда. Но даже чувство Пепина было недостаточно остро для того, чтобы предвидѣть грозившія ему самому горести.

Росковъ перешелъ черезъ мостъ, оставилъ за собою широкія улицы, бульвары, виллы и сады и направился въ Нельи, къ тому мѣсту, гдѣ сохранились еще остатки королевскаго лѣса, который вмѣстѣ съ нѣсколькими фермами имѣлъ видъ настоящей деревни. Росковъ направился къ одной изъ этихъ фермъ вмѣстѣ съ безпкойнымъ, взволнованнымъ Пепиномъ, которому его собачье чутье говорило, что должна произойти какая-то перемѣна, о которой его не предупредили. Оставивъ Пепина за дверью, старикъ вошелъ въ домъ и заговорилъ съ хозяйкой, которую зналъ уже давно. Черезъ нѣсколько времени онъ вышелъ и кликнулъ собаку.

Это была небольшая ферма, но вся въ зелени, привѣтливая, цвѣтушая, и нѣсколько лѣсныхъ великановъ стояло на лугу и по бокамъ строенія. Росковъ прикрѣпилъ веревку къ ошейнику своего маленькаго друга и передалъ веревку женѣ фермера.

— Будьте добры къ нему,—сказалъ онъ хриплымъ голосомъ.— Это чудесное существо, и со мной онъ пробылъ девять лѣтъ.

— Бѣдная собака, бѣдная собака!—сказала хозяйка.— Отчего вамъ нельзя взять ее съ собою туда, куда вы идете?

— Потому что заключеннымъ не позволено держать животныхъ, и собака внушаетъ отвращеніе мѣщанской душѣ,—съ горечью сказалъ Росковъ.— Прошу васъ ради всего святаго, будьте добры къ нему, а я буду приходить какъ можно чаще.

Потомъ онъ поспѣшно вышелъ изъ дому, прошелъ черезъ садикъ и слышалъ визги и борьбу Пепина, каждый крикъ котораго вонзалъ въ его душу остріе стыда и угрызеній совѣсти.

Бѣдная, вѣрная собачка, брошенная къ чужимъ! Росковъ под-
нялъ руки и потрясъ сжатыми кулаками въ направленіи блестя-
щей крыши заведенія Монъ-Парнасъ, которое возвышалось надъ
голубоватымъ туманомъ предмѣстья и гдѣ отнынѣ должна была
проходить его жизнь.

Вой и визгъ его поквнутаго друга наконецъ замерли, и Ро-
сковъ быстро пошелъ впередъ; душа его была исполнена тоски и
угрызений.

— О, безсердечные, грубые тираны!—думалъ онъ.—Они за-
ставляютъ меня бросить его и причинить столько страданій та-
кому славному, маленькому созданію!

Онъ просилъ, умолялъ, увѣщевалъ разрѣшить ему оставить
при себѣ собачку, обѣщалъ, что это не доставитъ никакихъ без-
покойствъ и издержекъ; говорилъ, что это старый другъ, кото-
рый будетъ несчастенъ безъ него; но совѣтъ мудрыхъ мужей съ
секретаремъ и управляющимъ во главѣ, не былъ тронуть его ре-
бяческими доводами, и всѣ его мольбы были отвергнуты краткимъ
и рѣшительнымъ «невозможно». Если комитетъ сочинилъ таблицу
правилъ, то правила эти получили въ его глазахъ божественную
печать и такъ же священны, какъ законы Моисея.

Росковъ шелъ впередъ одинъ, пока передъ нимъ не очутились
высокія, оправленные бронзой двери Монъ-Парнаса, который мрачно
высился надъ пыльной улицей и проложенными по ней рельсами
конно-железной дороги. Онъ позвонилъ и двери открылись.

— У васъ нѣтъ собаки?—спросилъ швейцаръ подозрительно:
начальство ужъ успѣло сдѣлать надлежащія распоряженія.

— Нѣтъ,—сказалъ Росковъ.— Въ тюрьмахъ еще позволяютъ
бѣднякамъ держать ручную крысу или мышь, но здѣсь, такъ какъ
мы ни въ чемъ не виноваты, намъ не оказывается даже подоб-
наго снисхожденія.

Швейцаръ, который былъ тугъ на ухо, услышалъ только слова
«крыса» и «мышь» и съ негодованіемъ отвѣтилъ:

— Здѣсь нѣтъ гадовъ, у насъ здѣсь домъ устроенъ по но-
вѣйшему образцу, съ новѣйшими усовершенствованіями! За кого
вы насъ принимаете, сударь? Погодите, погодите! Я долженъ до-
ложить о васъ управляющему.

Но, Росковъ, привыкнувъ къ быстрой ходьбѣ во время разне-
сенія пакетовъ въ теченіе многихъ лѣтъ, уже провикъ за стек-
ляныя двери заведенія, когда вышелъ ему на встрѣчу управляю-
щій Монъ-Парнаса.

— У васъ нѣтъ собаки?—сказалъ онъ подозрительно.—А, ра-
дуюсь вашему благоразумію. Вы отправили вашу собачку на съѣз-
жую, не правда ли?

— Удовольствуйтесь моимъ заявленіемъ, что она не тамъ,— надменно возразилъ Росковъ. — Васъ это никоимъ образомъ не касается.

— Какой несносный человѣкъ!—подумалъ управляющій и сказалъ вслухъ:—Позвольте мнѣ показать вамъ вашу комнату. Надѣюсь, вы будете себя чувствовать хорошо здѣсь, если только будете дѣйствовать въ подобающемъ духѣ.

— Что вы подѣ этимъ разумѣете?—спросилъ Росковъ.

Управляющій, не привыкшій давать опредѣленій, замаялся, кашлянулъ и выглянулъ немного сердито сквозь стеклянную дверь на неоконченные сады.

— Довольство своею судьбою... сговорчивость... сокращеніе себя... благодарность за все, что здѣсь дѣлается...—пробормоталъ онъ, чувствуя себя не по себѣ.

— Духъ паредворцевъ, да? Гибкія колѣни и спина, медовыя рѣчи? Духъ раболѣпства, низпоклонства, заискиванія, обмана и набиванія желудка? Я, милостивый государь, старъ, слишкомъ старъ для того, чтобы учиться чему-нибудь, колѣни и спина моя не гнутся, и языкъ мой никогда не лгалъ. Очень жаль! Но что же дѣлать? Не могу же я теперь поступать въ школу.

Управляющій побагровѣлъ отъ злости.

— Будьте такъ добры пройти въ вашу комнату,—мягко сказалъ онъ, думая въ тоже время: — Съ какой стати Вальбраншъ прислалъ намъ этого сердитаго, ворчливаго медвѣдя? Ужъ если кого называть свѣтскимъ человѣкомъ, такъ это Вальбранша.

— Да, я медвѣдь, — сказалъ старикъ, угадывая невысказанную мысль, какъ это часто бываетъ. — Но я никогда не умѣлъ плясать, къ сожалѣнію!

Управляющій деликатно сдѣлалъ видъ, что не слышитъ, и указалъ дорогу вверхъ по лѣстницѣ, вдоль широкаго корридора и открылъ одну изъ дверей, совершенно одинаковыхъ и украшенныхъ золотыми цифрами.

— Вотъ ваша спальня, — сказалъ онъ, отворяя дверь. — Кушаютъ всѣ внизу, въ большой комнатѣ. Надѣюсь, вы останетесь довольны во всѣхъ отношеніяхъ.

Комната была хорошая, съ обоями холоднаго сѣраго цвѣта, съ желѣзной кроватью, выкрашенной въ свѣтло-голубую краску, съ мебелью изъ кленоваго дерева; занавѣски были сѣрыя, какъ стѣны, полъ паркетный, съ рисунками, по срединѣ комнаты разостланъ небольшой голубой коверъ. На мѣдномъ гвоздѣ табличка съ правилами заведенія, а подѣ нею бѣлая фарфоровая пуговка электрическаго звонка. Это была комната, какихъ

много въ современныхъ отеляхъ средней руки. Единственное окно выходило на бѣлую стѣну.

Управляющій взглянулъ на Роскова, чтобы видѣть, произвели ли на него хорошее впечатлѣнiе порядокъ, чистота, опрятность убранства комнаты; но Росковъ былъ непроницаемъ.

— Ваши вещи еще не пришли, кажется? Тутъ есть чуланъ для чемодановъ,—заявилъ управляющій, указывая на завѣшанное углубленiе.

— У меня нѣтъ никакихъ вещей,—сказалъ Росковъ, кладя на столъ пакетъ съ игрушками Макса.—У меня нѣтъ ничего, кромѣ платья, да и то мнѣ далъ господинъ Вальбраншъ. Комната недурна. Въ послѣднiя десять лѣтъ я жилъ на чердакѣ и спалъ на мѣшкѣ съ соломой.

— Боже мой, Боже мой!—пробормоталъ управляющій, неприятно пораженный.—Подобныя вещи случаются, но приличные люди не говорятъ о нихъ.

— Вотъ какъ, милостивый государь!—крикнулъ Росковъ, подавая въ себѣ желанiе схватить этого человѣка за горло и потрясти его.—Ужъ не думаете ли вы, что *сюда* являются люди, которые могутъ спать на пуху, подъ атласнымъ одѣяломъ, пить дорогiя вина и ѣсть жареныхъ фазановъ?

Управляющій, совершенно озадаченный, быстро вышелъ изъ комнаты. Старый нищій осмѣливался говорить о благородномъ заведенiи, устроенномъ на самыхъ прекрасныхъ началахъ съ самыми благими намѣренiями, какъ объ убѣжищѣ для самыхъ низкихъ классовъ. Управляющій, получавшiй отъ заведенiя ежегодно 12.000 франковъ жалованья, съ даровою квартирой, столомъ, отопленiемъ и прислугой, спустился съ лѣстницы, глубоко пораженный чело-вѣческой неблагодарностью.

— Сказать о человѣкѣ, что онъ неблагодаренъ, значитъ сказать все,—объявилъ онъ недѣлю спустя Вальбраншу, который возразилъ съ свойственнымъ ему веселымъ цинизмомъ:

— Всѣ люди неблагодарны, особенно, если имъ ждуть больше нечего. Но этотъ старикъ былъ въ свое время гениальнымъ чело-вѣкомъ, а такiе люди имѣютъ право на привилегiи.

— Гений-то уже исчезъ давно,—замѣтилъ управляющій съ усмѣшкой.

— Давно жили и Микель Анджело, и Апеллесъ, а все-таки...—возразилъ Вальбраншъ смѣясь, и управляющій понялъ, что новому обитателю Монъ-Парнаса должно быть оказываемо уваженiе. Вальбраншъ былъ одинъ изъ самыхъ сильныхъ и способныхъ директоровъ совѣта, отъ него зависѣло и настроенiе служащихъ.

(Окончанiе слѣдуетъ).

ОКРАСКА ЖИВОТНЫХЪ.

Какъ и всякая сложная отрасль человѣческаго знанія, наука о животныхъ—зоологія—слагалась мало-по-малу изъ разнородныхъ элементовъ, проходя въ своемъ развитіи различныя фазы съ тѣмъ или другимъ преобладающимъ направлениемъ. Когда въ теченіе XVI и XVII вѣковъ накопилось множество описаній животныхъ, обитающихъ въ различныхъ частяхъ свѣта, то явилась потребность привести эти свѣдѣнія въ систему, которая помогла бы ориентироваться въ пестромъ, разнообразномъ матеріалѣ. Этой потребности удовлетворилъ знаменитый шведскій естествоиспытатель, Карлъ Линней, давшій біологической наукѣ стройную номенклатуру, которая въ основныхъ чертахъ удерживается и понынѣ и составляетъ единственный, пожалуй, всѣми признанный всемірный языкъ, хотя бы только для извѣстной группы понятій. Какъ бы ни называлось животное или растеніе на разныхъ языкахъ,—ученые всего міра тотчасъ же понимаютъ другъ друга, если это животное или растеніе назвать латинскимъ именемъ по Линнеевской двойной номенклатурѣ. Не мудрено, что простота и практическое удобство введенныхъ Линнеемъ принциповъ обезпечили имъ громадный и прочный успѣхъ въ наукѣ и что съ Линнея начался, такъ называемый, *систематическій* періодъ развитія зоологіи, когда главною, чуть не единственною, задачею натуралиста считалось умѣнье распредѣлить формы организмовъ по категориямъ системы, отвести каждой формѣ то или другое мѣсто, какъ книгамъ по шкафамъ и полкамъ библіотеки. Знаніе внѣшнихъ признаковъ и именъ считалось тогда главнѣйшимъ знаніемъ естествоиспытателя. *Nomina si nescis, perit et cognitio rerum* (если не знаешь именъ, не имѣешь и понятія о самыхъ предметахъ),—вотъ девизъ этого періода въ развитіи зоологіи и ботаники. Но недолго длился этотъ періодъ: назрѣла скоро потребность въ болѣе широкихъ и глубокихъ обобщеніяхъ, касающихся не только внѣшнихъ признаковъ организмовъ, но и всѣхъ подробностей ихъ

анатомическаго строенія, ихъ эмбриональнаго и постэмбриональнаго развитія. Возникли сравнительная анатомія и эмбриологія, которыя показали, что въ основѣ строенія организмовъ лежатъ извѣстныя общіе планы, какъ бы творческія идеи, олицетворяющіяся въ тѣхъ или другихъ частныхъ формахъ. Мало-по-малу интересъ лучшихъ, передовыхъ работниковъ науки сталъ привлекаться все сильнѣе и сильнѣе именно къ этимъ болѣе философскимъ вопросамъ,—вопросамъ *морфологии* или философіи органическихъ формъ; наступилъ новый, *морфологическій* періодъ развитія зоологіи. Когда стала все болѣе и болѣе выясняться связь органическихъ формъ между собою, доказываемая эмбриологіею, сравнительною анатоміею и палеонтологіею, — наступилъ, наконецъ, *генетическій періодъ*, начало котораго можно считать съ появленія теоріи естественнаго подбора (Дарвинъ и Уоллесъ) въ 1859 году. Въ этомъ періодѣ одною изъ главныхъ задачъ зоолога стало разыскиваніе племеннаго сродства животныхъ формъ между собою, ихъ историческаго развитія, ихъ преемственности.

Понятно, что при такомъ различіи господствующихъ стремленій и направленій въ разныхъ періодахъ развитія зоологіи—отношеніе большинства ученыхъ къ извѣстнымъ частнымъ вопросамъ было различно. Какъ бы ни былъ независимъ человѣкъ въ своихъ мнѣніяхъ; какъ бы критически ни относился онъ къ разнымъ современнымъ ему тенденціямъ, все-таки, онъ, всегда или почти всегда,—дитя своей эпохи, отъ вліянія которой трудно отдѣлаться даже величайшимъ умамъ. Если интересъ данной эпохи прикованъ къ извѣстной категоріи явленій, то явленія иныхъ, отдаленныхъ, категорій остаются въ тѣни, считаются какъ бы маловажными, пока новое направленіе вѣчно развивающейся человѣческой мысли не озаритъ ихъ новымъ, неожиданнымъ, свѣтомъ. Тогда эти, будто бы маловажныя, явленія вдругъ оказываются необыкновенно интересными и важными и привлекаютъ къ себѣ цѣлыя толпы изслѣдователей.

Въ настоящее время не послѣднее мѣсто въ ряду интереснѣйшихъ біологическихъ вопросовъ занимаетъ вопросъ объ *окраскѣ* животныхъ. Великолѣпіе красокъ, поражающее насъ въ мірѣ растительномъ, еще большаго развитія достигаетъ въ мірѣ животныхъ. Нѣжныя, прозрачныя оттѣнки актиній, металлическіе отливы перьевъ колибри, роскошная одежда тропическихъ бабочекъ и жуковъ достигаютъ такой красоты, что съ ними иногда не могутъ сравниться самыя великолѣпныя цвѣты тропической флоры. Эти роскошныя краски, разумѣется, не могли не бросаться въ глаза каждому, не только любителю природы, но и вообще охот-

нику до красивыхъ вещей: чтобы собирать, напримѣръ, красивыя раковинки, вовсе не нужно быть натуралистомъ. Наука же обратила надлежащее вниманіе на окраску животныхъ только въ сравнительно весьма недавнее время. Въ *систематическомъ* періодѣ развитія зоологіи окраска животныхъ мало привлекала къ себѣ вниманіе натуралистовъ: какъ систематическій признакъ, она имѣетъ сравнительно мало значенія, да притомъ нерѣдко бываетъ подвержена индивидуальнымъ измѣненіямъ; а въ эту эпоху старались розыскивать наиболѣе стойкіе, постоянные признаки, которые преимущественно пригодны для цѣлей классификаціи. Въ періодѣ *морфологіи*, опять-таки, вниманіе изслѣдователей было посвящено, главнымъ образомъ, внутреннимъ, анатомическимъ особенностямъ животныхъ, а внѣшность ихъ считалась чѣмъ-то второстепеннымъ. Только въ *генетическомъ* періодѣ, когда ученые стали разсматривать міръ животныхъ въ его историческомъ развитіи и въ соотношеніи съ окружающею средою, — вопросъ объ окраскѣ занялъ подобающее мѣсто въ ряду біологическихъ вопросовъ первостепенной важности. Прежде всего обратили вниманіе на цѣлесообразность многихъ формъ окраски, составляющей, какъ оказалось, нерѣдко весьма важное охранительное средство для животныхъ; затѣмъ обратили вниманіе на матеріальную сущность окраски, — на ея анатомію, химію и физиологію, — а также пригнѣнили ее и для соображеній о взаимномъ родствѣ животныхъ, о происхожденіи и измѣненіи видовъ. Мы начнемъ прежде всего именно съ вопроса о матеріальной сущности окраски животныхъ. Отчего она происходитъ, какова ея физикохимическая основа?

Съ перваго взгляда, отвѣтъ на этотъ вопросъ весьма простъ: окраска должна зависѣть отъ красящихъ веществъ, отъ красокъ, заключающихся въ наружныхъ покровахъ тѣла: каковы эти краски, таковы и цвѣта животныхъ. Во многихъ случаяхъ это, дѣйствительно, такъ и есть, но не мало и такихъ примѣровъ, гдѣ краски однѣ, а видимые нами цвѣта — совсѣмъ другіе. Съ первыхъ же шаговъ, слѣдовательно, мы убѣждаемся, что окраска — очень сложное физикохимическое явленіе, объяснить которое не такъ легко, какъ могло бы казаться.

Краски или *пигменты*, встрѣчающіеся въ тѣлѣ животныхъ, весьма разнообразны и, вѣроятно, ихъ не менѣе сортовъ, чѣмъ въ мірѣ растений. Многіе красные, зеленые, оранжевые, желтые оттѣнки зависятъ отъ такъ-называемыхъ *липохромовъ* (жирныхъ пигментовъ), которымъ, сообразно ихъ цвѣту, даются разныя спеціальныя названія: напримѣръ, красный пигментъ зовется *зоопитриномъ*, желтый — *зообульвиномъ*, зеленый — *зоовердиномъ* и т. д.

Химическое строеніе липохромовъ мало еще выяснено (они содержатъ углеродъ, водородъ и кислородъ), такъ что для характеристики многихъ изъ нихъ, за неимѣніемъ точныхъ химическихъ данныхъ, служитъ спектральный анализъ, съ помощью котораго хорошо различаются разные сорта этихъ пигментовъ. Общія химическія реакціи, характерныя для липохромовъ, слѣдующія: растворимость въ алкогольѣ, неизмѣняемость при омыленіи горячею ѣдкою щелочью (ѣдкимъ натромъ), появленіе синей окраски при дѣйствіи крѣпкой сѣрной или азотной кислоты. Липохромы—пигменты вообще весьма измѣнчивые, нестойкіе, напр., они легко разрушаются, или, какъ говорится, выцвѣтаютъ отъ дѣйствія свѣта (съ образованіемъ холестерина или его продуктовъ). Въ животномъ царствѣ они весьма распространены: они встрѣчаются въ крови и лимфѣ разныхъ животныхъ, въ колбочкахъ сѣтчатой оболочки глаза позвоночныхъ, въ кожѣ суставчатыхъ и низшихъ позвоночныхъ животныхъ, въ желткѣ птичьихъ яицъ, въ жирѣ разныхъ животныхъ и проч.

Близко къ липохромамъ стоятъ, такъ-называемые, *липохромоиды* и *меланоиды*, встрѣчающіеся въ скелетѣ нѣкоторыхъ коралловъ и въ раковинахъ моллюсковъ и составляющіе переходъ къ такъ-называемымъ *меланинамъ*. Меланины—это уже болѣе стойкіе пигменты, преимущественно темныхъ оттѣнковъ, содержащіе, кромѣ кислорода, водорода и углерода, еще азотъ, а иногда и сѣру или желѣзо. Они нерастворимы въ водѣ, алкогольѣ, хлороформѣ и эфирѣ и болѣе или менѣе энергично противостоятъ дѣйствію кислотъ и щелочей. Они не только не выцвѣтаютъ отъ свѣта, но для многихъ изъ нихъ присутствіе свѣта является необходимымъ условіемъ ихъ развитія. Сюда принадлежитъ, напримѣръ, такъ-называемый *фусцинъ*—черный пигментъ сосудистой оболочки глаза позвоночныхъ животныхъ и человѣка; сюда же относится и темно-бурый пигментъ, содержащійся въ жидкости чернильнаго мѣшка каракатицы и употребляемый для рисованія въ видѣ всеѣмъ извѣстной краски—сепіи. Меланины встрѣчаются въ волосахъ и вообще въ роговомъ веществѣ млекопитающихъ, въ перьяхъ нѣкоторыхъ птицъ, въ чешуѣ змѣй и т. д.

Кромѣ перечисленныхъ, есть еще очень много животныхъ пигментовъ, которыхъ здѣсь перечислять нѣтъ ни возможности, ни надобности; назовемъ только главнѣйшіе. Весьма распространены, напр., *гемоглобины* (кровяные пигменты), принадлежащіе къ бѣловымъ тѣламъ, *желчные пигменты* (билирубинъ, биливердинъ), химически близко стоящіе къ гемоглобину и входящіе въ составъ не только желчи, но, напр., и въ составъ красокъ скорлупы птичьихъ

яиць; назовемъ также *карминъ* — содержащійся въ жировомъ тѣлѣкопении, — и многіе другіе. Предположеніе нѣкоторыхъ ученыхъ, будто бы въ тѣлѣ животныхъ встрѣчаются и *анилиновые краски* — не оправдалось: спорные пигменты (напр. пурпурная жидкость, выдѣляемая нѣкоторыми морскими моллюсками) оказались липохромами или иными органическими красками, — но отнюдь не анилиновыми. Не подтвердилось также и предположеніе нѣсколькихъ ученыхъ, будто зеленый цвѣтъ червя Бонелліи и нѣкоторыхъ насекомыхъ зависитъ отъ присутствія въ ихъ тѣлѣ *хлорофилла* — зеленого вещества, весьма распространеннаго въ мірѣ растений. Оказалось, что спектръ зеленой окраски насекомыхъ, который совпадалъ со спектромъ хлорофилла, не имѣлъ отношенія къ цвѣту самого животнаго, а принадлежалъ хлорофиллу растительной пищи, находившейся въ пищеварительномъ каналѣ изслѣдуемаго насекомаго. Въ другихъ случаяхъ зеленый цвѣтъ животныхъ происходитъ отъ того, что въ ихъ тканяхъ живутъ микроскопическія зеленыя водоросли, осуществляя этимъ одинъ изъ любопытнѣйшихъ примѣровъ, такъ-называемаго, *симбиоза* (сожитія разнородныхъ организмовъ). Тамъ же, гдѣ зеленый пигментъ составляетъ принадлежность и результатъ физиологической работы самаго животнаго, — пигментъ этотъ оказывается не хлорофилломъ, а совершенно инымъ веществомъ (напр., изъ группы липохромовъ). Впрочемъ, въ самое новѣйшее время опять появились сообщенія, будто бы у нѣкоторыхъ насекомыхъ дѣйствительно зеленая окраска происходитъ отъ выработаннаго ими хлорофилла.

Изъ только-что сдѣланнаго, весьма бѣгло, перечисленія пигментовъ видно, что они чрезвычайно распространены въ животномъ царствѣ. Невольно возникаетъ вопросъ о причинѣ возникновенія этихъ веществъ и о значеніи ихъ для жизни животныхъ. Что касается происхожденія пигментовъ, то вопросъ этотъ — весьма сложный и пока еще темный. Повидимому, пигменты представляютъ собою большею частью косвенный результатъ сложнаго обмѣна веществъ въ организмѣ, — одинъ изъ конечныхъ результатовъ этого обмѣна. Такъ какъ организмъ, содержащій разноцвѣтные пигменты, развивается нерѣдко изъ совершенно безцвѣтнаго или лишь весьма слабо окрашеннаго яйца, то очевидно, что въ концѣ концовъ пигментъ долженъ происходить (по крайней мѣрѣ, въ большинствѣ случаевъ) отъ какого-нибудь неокрашеннаго вещества. Возможно, конечно, что въ нѣкоторыхъ случаяхъ окраска происходитъ прямо отъ вещества, воспринимаемаго извнѣ, напр., съ пищею или черезъ воздухъ. Можно, наприѣръ, искусственно окрасить кости животнаго въ красный цвѣтъ, примѣшивая въ его

пищѣ марену; этимъ даже пользовались гистологи для изученія развитія костной ткани у молодыхъ животныхъ. Извѣстно также, что легкія углекоповъ окрашиваются въ черный цвѣтъ вслѣдствіе того, что эти люди постоянно вдыхаютъ вмѣстѣ съ воздухомъ тончайшую угольную пыль. Но такіе случаи все-таки составляютъ исключеніе; даже если измѣненіе окраски тѣла зависитъ отъ пищи, то все же не прямо, а лишь косвенно, въ результатѣ обѣдѣннѣ веществъ, вызываемаго тою или другою пищею. Наблюдали, напримѣръ, что снигири, зяблики, щеглы—чернѣли при обильномъ кормленіи коноплянымъ сѣменемъ, что зависѣло, по видимому, отъ масла, содержащагося въ сѣменахъ; масло это не чернаго цвѣта, но ведетъ къ потемнѣнію перьевъ. Извѣстны и другія подобныя указанія. Одна изъ красивѣйшихъ нашихъ птичекъ—чечевица (*Carduelis erythrinus*) тоже чернѣетъ отъ кормленія коноплянымъ сѣменемъ; если же ее кормить сурьпой, то она желтѣетъ. Есть въ литературѣ указанія, что нѣкоторыя племена Южной Америки умѣютъ съ помощью какой-то пищи дѣлать зеленыхъ попугасовъ желтыми. Сообщаютъ также, что канарейки отъ прибавленія къ ихъ пищѣ испанскаго перца дѣлаются темно-оранжевыми. Точно также удавалось измѣнять цвѣтъ бабочекъ, измѣняя пищу гусеницъ. Если, напримѣръ, кормить гусеницу весьма пестрой, разноцвѣтной бабочки *Arctia Caja* листьями орѣшника, то по выходѣ изъ куколки получается одноцвѣтная коричневая бабочка.

Кромѣ пищи, и другія виѣшнія условія могутъ вліять на образованіе пигментовъ. Здѣсь на первомъ планѣ надо поставить вліяніе свѣта. Выше мы уже видѣли, что для развитія нѣкоторыхъ пигментовъ (меланины) необходимо присутствіе свѣта. Мы знаемъ также, что и чернокожія человѣческія племена свойственны по преимуществу жаркимъ климатомъ, гдѣ солнце свѣтитъ очень ярко; точно также всѣ знаютъ, что веснушки и загаръ, происходящія отъ отложенія пигмента въ клѣточкахъ кожи, появляются съ наступленіемъ яркихъ солнечныхъ дней и развиваются тѣмъ сильнѣе, чѣмъ болѣе кожа подвержена вліянію солнца. Имѣются, кромѣ того, прямые опыты надъ насѣкомыми, показывающіе, что дѣйствіе различныхъ (по цвѣту) свѣтовыхъ лучей можетъ вызывать измѣненія въ окраскѣ животнаго. Такъ, напримѣръ, Граберъ, воспитывая гусеницъ бабочки многоцвѣтницы въ ящикѣ съ желтыми стеклами, получилъ бабочекъ, которыя имѣли, вмѣсто типичныхъ голубыхъ полудлунныхъ пятенъ на крыльяхъ,—сѣрыя.

Куколки нѣкоторыхъ бабочекъ принимаютъ разный цвѣтъ, смотря по окраскѣ окружающей среды. Наконецъ, не лишень зна-

ченія и тотъ общій фактъ, что животныя, изъятые отъ дѣйствія свѣта,—напримѣръ, большинство глистовъ и другихъ внутреннихъ паразитовъ, почти всѣ личинки насѣкомыхъ, живущія внутри растений, въ землѣ, въ навозѣ, многія пещерныя животныя — бывають лишены пигментовъ или отличаются блѣдною окраскою. Но разумѣется, есть и исключенія, доказывающія, что для выработки пигментовъ вовсе не всегда нуженъ свѣтъ; во-первыхъ, многія животныя, обитающія въ вѣчной темнотѣ, въ глубинахъ морей, отличаются яркими, красивыми цвѣтами; во-вторыхъ, извѣстно не мало примѣровъ, когда *внутренніе* органы животныхъ, не подверженные прямому вліянію свѣта, ярко окрашены; кромѣ того, мы уже видѣли, что многіе пигменты, такъ сказать, боятся дѣйствія свѣта,—выцвѣтають отъ него, разлагаются подъ его вліяніемъ. Да и въ тѣхъ случаяхъ, когда свѣтъ необходимъ для выработки пигментовъ, онъ не является ихъ источникомъ, а лишь условіемъ для такого хода обмѣна веществъ, что въ результатѣ получается то или другое красящее вещество.

То же слѣдуетъ сказать и о вліяніи температуры, которое нерѣдко трудно бываетъ отдѣлить отъ вліянія свѣта. Очень вѣроятно, что роскошь и яркость цвѣтовъ тропическихъ животныхъ въ значительной степени обусловливается высокою температурою окружающей среды. Сѣверныя животныя, наоборотъ, отличаются болѣе нѣжною, блѣдною, скромною окраскою. Есть и прямые опыты, доказывающіе, что измѣненія температуры могутъ вызывать измѣненія окраски. Существуетъ нѣсколько видовъ европейскихъ бабочекъ, которыя бывають темнѣе окрашены, если куколокъ ихъ держать при довольно высокой температурѣ, и, наоборотъ, получаютъ блѣдную окраску, если куколки будутъ подвергнуты сильному охлажденію. Одна изъ такихъ бабочекъ до того рѣзко измѣняетъ при этомъ свою одежду, что ее даже описываютъ подъ двумя разными именами: рыжее видоизмѣненіе, происходящее изъ перезимовавшихъ или искусственно охлаждавшихся куколокъ, называется *Vanessa levana*, а черное видоизмѣненіе, выходящее изъ лѣтнихъ куколокъ, носитъ названіе *Vanessa prorsa*. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ появленіе окраски—и именно *блѣлой* окраски—обусловливается не присутствіемъ пигментовъ, а исчезаніе ихъ—*выцвѣтаніемъ*, или же отложеніемъ въ покровныхъ или другихъ органахъ животныхъ (въ волосахъ, чешуѣ) особыхъ веществъ (не пигментовъ), сильно отражающихъ свѣтъ. Что касается выцвѣтанія, то оно въ нѣкоторыхъ случаяхъ происходитъ вслѣдствіе ухудшенія питанія, въ особенности, если дѣло касается такъ называемыхъ жирныхъ пигментовъ (липохромовъ).

У старыхъ или плохо питающихся животныхъ ярко-окрашенные волосы могутъ превращаться въ бѣлые; такъ, выпрѣтаетъ, на примѣръ, желтое пятно на горлѣ лѣсной куницы. Пигментъ въ такихъ случаяхъ всасывается или можетъ только маскироваться мельчайшими воздушными пузырьками, сильно отражающими свѣтъ и придающими волосамъ бѣлый цвѣтъ. Сюда относятся, между прочимъ, случаи внезапнаго посѣдѣнія человѣческихъ волосъ, о чемъ существуетъ въ литературѣ не мало рассказовъ. Ландуа изслѣдовалъ волосы мужчины, посѣдѣвшаго въ теченіе одной ночи во время припадка бѣлой горячки: оказалось, что пигментъ въ волосахъ совершенно сохранился, но былъ заслоненъ безчисленными воздушными пузырьками. Въ виду такихъ фактовъ приобретаетъ особый интересъ вопросъ о причинѣ бѣлой окраски полярныхъ звѣрей, на примѣръ бѣлыхъ медвѣдей, песцовъ и др., а также зимней одежды бѣлой куропатки и другихъ животныхъ, зимою одѣвающихся въ бѣлое платье. Исчезъ-ли здѣсь пигментъ, или онъ только маскируется воздухомъ? Наконецъ, извѣстенъ рядъ фактовъ, указывающихъ на то, что при треніи или иномъ раздраженіи кожи цвѣтные волосы или перья могутъ выпадать и замѣняться бѣлыми: отъ этого иногда происходятъ пѣгота лошадей или быковъ, бѣлыя пятна плавающихъ птицъ и проч. Вѣроятно, и здѣсь побѣлѣніе сводится на измѣненіе условій.

Бѣлая окраска можетъ зависѣть и не отъ воздуха, а отъ отложенія кристалловъ особаго азотистаго вещества—*гуанина*, который отлагается въ кожѣ рыбъ и пресмыкающихся, въ стѣнкахъ плевательнаго пузыря нѣкоторыхъ рыбъ и т. д. Серебристый блескъ нѣкоторыхъ рыбъ зависитъ именно отъ гуанина; отъ него же зависятъ и бѣлыя пятна кожи различныхъ амфибій.

До сихъ поръ мы разсматривали тѣ случаи, когда окраска обуславливается присутствіемъ какого-либо вещества, преимущественно пигмента, цвѣтъ котораго и есть цвѣтъ данной окраски. Но наиболѣе великолѣпныя краски животныхъ — именно тѣ, которыя менѣе всего зависятъ отъ пигментовъ, а обязаны своимъ происхожденіемъ преимущественно сложному преломленію и отраженію, диффракціи и интерференціи свѣтовыхъ лучей въ перьяхъ, чешуйкахъ, волосахъ и другихъ покровныхъ органахъ животныхъ. Это такъ называемыя *структурныя* краски. Такъ, на примѣръ, голубого пигмента вовсе не бываетъ въ птичьихъ перьяхъ: пигментъ въ голубыхъ перьяхъ бываетъ оранжево-красный или бурый. Если смотрѣть черезъ голубое перо на свѣтъ, то голубой цвѣтъ исчезаетъ; точно такъ же, если мы раздавимъ перо или разотремъ его въ порошокъ, то голубая окраска его пропадаетъ.

*

Это зависитъ отъ того, что при раздавливаніи или растираніи пера разрушается сложная структура кожицы, покрывающей слой пигмента и состоящей изъ тонкихъ пластинокъ и призматическихъ клѣтокъ, покрытыхъ очень частыми и тонкими бороздками. Эта-то структура и обуславливаетъ собою голубой цвѣтъ пера, потому что въ тѣхъ частяхъ его, гдѣ призматическія клѣтки становятся ниже и, наконецъ, исчезаютъ,—исчезаетъ и голубая окраска. По объясненію физиковъ и физиологовъ, роль этой структуры можетъ быть понята, приблизительно, слѣдующимъ образомъ: если свѣтъ, проходя черезъ среду, состоящую изъ множества мелкихъ частицъ, раздѣленныхъ промежутками, то не всѣ лучи смѣшаннаго свѣта отражаются равномѣрно: чѣмъ короче волны, тѣмъ болѣе относительно ихъ величина каждой частицы и тѣмъ сильнѣе отраженіе. Вотъ почему голубые и фіолетовые лучи съ ихъ короткими волнами отражаются въ большемъ количествѣ, чѣмъ лучи красные и желтые. Кромѣ голубыхъ перьевъ, также и фіолетовыя, а отчасти и зеленыя обязаны своимъ цвѣтомъ преимущественно структурѣ своей кожицы. Структурными красками обуславливаются также и блестящія чешуи нѣкоторыхъ пресмыкающихся, микроскопическія чешуйки бабочекъ, металлическіе отливы разныхъ жуковъ и т. д. Необходимо при этомъ различать объективную и субъективную структурную окраску; объективною окраскою называется такая, которая не зависитъ для нашего глаза ни отъ положенія наблюдаемаго предмета, ни отъ угла паденія на него свѣта; субъективною же окраскою называется та, которая мѣняется для глаза съ измѣненіемъ положенія предмета. Какъ примѣръ субъективной окраски, можно привести иризирующія шейныя и грудныя перья колибри, бабочекъ изъ рода *Apatiga*, которыя кажутся то черными, то фіолетовыми или голубыми, смотря по положенію ихъ крыльевъ относительно нашего глаза и т. д. Въ образованіи субъективной окраски принимаютъ участіе явленія интерференціи и диффракціи и, безъ всякаго сомнѣнія, окраска этого сорта производитъ наиболѣе роскошныя и великолѣпныя цвѣта животныхъ. Въ этихъ случаяхъ пигмента иногда можетъ вовсе и не быть, а все великолѣпіе красокъ основывается на игрѣ свѣтовыхъ лучей въ тонкихъ пластинкахъ и бороздкахъ. Таковъ, на примѣръ, перламутровый блескъ раковинъ; его чисто структурное происхожденіе было наглядно доказано Брюкстеромъ, который оттиснулъ поверхность иризирующаго куска раковины на черномъ сургучѣ: вмѣстѣ съ отпечатавшимися мельчайшими бороздками сургучъ получилъ и перламутровый блескъ.

Частный случай структурной (и нерѣдко субъективной) окраски

представляетъ такъ называемая *хроматофорная окраска*. Подъ именемъ *хроматофоръ* разумѣются спеціальныя клѣтки, содержащія пигментъ и расположенныя въ кожѣ животныхъ. Клѣтки эти обыкновенно имѣютъ много отростковъ и подъ вліяніемъ нервнаго возбужденія животнаго окраска измѣняется при посредствѣ именно этихъ клѣтокъ. Прежде представляли себѣ дѣятельность хроматофоръ въ такомъ видѣ, что клѣтки эти могутъ сокращаться, втягивая свои отростки, или же, наоборотъ, выпускать эти отростки далеко, черезъ что цвѣтныя пятна занимаютъ большую площадъ. По новѣйшимъ изслѣдованіямъ выходитъ, что форма хроматофоръ, собственно, остается неизмѣнною, а перемѣщается только пигментъ, который или сосредоточивается къ центру клѣтки, или распространяется по ея отросткамъ. Какъ бы то ни было, дѣло въ томъ, что при посредствѣ хроматофоръ измѣняется распределеніе пигмента въ кожѣ; поверхъ хроматофоръ лежатъ разнообразно преломляющіе и отражающіе свѣтъ слои кожи, структура которыхъ сообщаетъ окраскѣ, съ своей стороны, извѣстный характеръ. Такимъ образомъ взаимодействіемъ этихъ двухъ факторовъ получается явленіе измѣнчивой, иногда переливающейся радужными цвѣтами окраски, которое мы наблюдаемъ у различныхъ животныхъ. Очень интересна игра хроматофоръ у нѣкоторыхъ рыбъ. У древнихъ римлянъ, напримѣръ, была въ большомъ почетѣ морская рыба, водящаяся и у насъ въ Черномъ морѣ и называемая по-русски *барбуномъ* или *султанкою* (*Mullus barbatus*) Цѣнилось (тысячами сестерцій!) не только вкусное мясо этой рыбы, но и та игра цвѣтовъ, которою она плѣняла взоры прекрасныхъ римлянокъ при своемъ умираиіи. Барбуновъ ставили въ большихъ сосудахъ на обѣденные столы и тотчасъ послѣ смерти рыбы несли ее на кухню для приготовленія, потому что мясо ея легко портится. «Нѣтъ ничего прекраснѣе,—говоритъ Сенека,—какъ зрѣлище умирающаго барбуна! Онъ борется съ приближающею смертью и эти усилія распространяютъ по его тѣлу роскошный пурпуровый блескъ, который постепенно блѣднѣетъ, переливаясь самыми удивительными и великолѣпными оттѣнками». Умирающіе *головонogie моллюски* (напримѣръ, каракатица, вынутая изъ воды), также обнаруживаютъ игру хроматофоръ, выражающуюся и при жизни, если животное чѣмъ-либо сильно возбуждено. Здѣсь смѣняются другъ друга разнообразныя металлическіе оттѣнки,—отъ блестящаго мѣдно-краснаго до зеленого или серебристо-голубого. Но самый классическій примѣръ хроматофорной окраски представляетъ собою *хамелеонъ*, подробно изслѣдованный въ этомъ отношеніи знаменитымъ физиологомъ Брюкке. Хамелеонъ — без-

обиднѣйшая африканская ящерица, питающаяся насѣкомыми и въ Испаніи содержимая иногда въ неволѣ, въ комнатахъ, какъ для истребленія мухъ, такъ и для забавы. «Совершенно несправедливо (говоритъ Брюкке) представляли хамелеона олицетвореніемъ обмана и пережѣнчивости: это, напротивъ, самое откровенное животное, потому что всѣ его внутреннія возбужденія отражаются тотчасъ же на кожѣ всего его тѣла... Въ спокойномъ состояніи эти животныя вообще довольно свѣтлой окраски; но на кожѣ появляются тотчасъ же самые разнообразныя узоры, когда хамелеоны съ жадностью приближаются къ своей добычѣ, или когда онѣ ссорятся между собою или что-либо ихъ беспокоитъ». Хамелеонъ имѣетъ, по Брюкке, два основныя цвѣта съ переливками, зависящими отъ строенія эпидермиса. Основныя цвѣта—бѣлый или желтый (въ тѣни) и темно-бурый или черный (на солнцѣ), переливы же даютъ голубой, зеленый и красный цвѣтъ. Если отравить животное стрихниномъ, то оно по всей поверхности получаетъ свѣтлую окраску, такъ какъ стрихнинъ заставляетъ сильно сокращаться протоплазму клѣтокъ и собираетъ пигментъ хроматофора въ ихъ центру; если же сдѣлать разрѣзъ въ кожѣ (напр., спины), то получается черное пятно съ расходящимися отъ него древовидными фигурами: очевидно, что группы клѣточекъ, отдѣленныя перерѣзкою отъ подходящихъ къ нимъ нервныхъ волоконъ, парализуются и не могутъ концентрировать своего пигмента. Хроматофоры, слѣдовательно, здѣсь, какъ и въ другихъ случаяхъ, находятся въ прямой связи съ нервною системою и подъ ея влияніемъ.

Но довольно о матеріальной сущности окраски животныхъ: мы разсмотрѣли всѣ ея важнѣйшіе сорта. Спросимъ теперь себя: каково фізіологическое и біологическое значеніе окраски, въ чемъ состоитъ,—говоря житейскимъ языкомъ,—цѣль ея?

Здѣсь мы должны прежде всего различать двѣ стороны дѣла: во-первыхъ, значеніе окраски для самого организма, какъ недѣлимаго, и, во-вторыхъ, значеніе ея для живого существа по отношенію къ другимъ организмамъ и вообще къ окружающей средѣ, съ которою каждый индивидъ ведетъ активную или пассивную борьбу.

Первая изъ этихъ сторонъ—чисто фізіологическое значеніе окраски—мало разработана до сихъ поръ. Очень можетъ быть, что окраска въ этомъ отношеніи во многихъ случаяхъ вообще не имѣетъ большого значенія. Будетъ ли данное животное черного, бѣлаго или иного цвѣта, фізіологическіе процессы могутъ совершаться въ немъ съ одинаковою или почти одинаковою пра-

вильностью. Это и доказывается, между прочимъ, многочисленными цвѣтовыми варіаціями, къ которымъ способны многіе виды животныхъ, безъ всякаго, повидимому, ущерба ихъ жизнеспособности. Возьмемъ, на примѣръ, бабочку-монашенку (*Liparis monacha*), столь много заставившую говорить о себѣ въ послѣдніе годы вслѣдствіе поврежденій, нанесенныхъ ея гусеницами лѣсамъ средней Европы. Окраска этой бабочки бѣлая съ черными узорами, и можно подобрать всевозможныя варіаціи отъ почти совершенно бѣлыхъ экземпляровъ до такихъ, у которыхъ чернаго цвѣта больше, чѣмъ бѣлаго; нѣтъ никакихъ данныхъ предполагать, чтобы эти варіаціи окраски имѣли какое-нибудь фізіологическое значеніе для бабочки. И такихъ примѣровъ можно было бы привести много. Съ другой стороны, немногочисленные факты, приводимые въ пользу прямого фізіологическаго значенія окраски, недостаточно обоснованы. Такъ, нѣкоторые указываютъ, будто бы *альбиносы*, т. е. люди или животныя, лишенные пигментовъ, отличаются слабостью, легкою ранимостью кожи, психическими недостатками и т. д. Но, во-первыхъ, эти утвержденія не доказаны, и несомнѣнно, что, по крайней мѣрѣ, многіе альбиносы пользуются полнымъ физическимъ здоровьемъ; во-вторыхъ, альбинизмъ не есть, собственно, родъ окраски, а лишь *отсутствіе* окраски, вслѣдствіе недоразвитія пигмента отъ какихъ-то неизвѣстныхъ причинъ. Другой примѣръ прямой пользы окраски приводится однимъ англійскимъ орнитологомъ М. Эльдоуи. Онъ утверждаетъ, что синій или зеленый пигментъ скорлупы птичьихъ яицъ служитъ для поглощенія солнечныхъ лучей и умѣряетъ ихъ дѣйствіе на развивающееся содержимое яйца. Въ подтвержденіе этой теоріи, авторъ ея приводитъ, съ одной стороны, ярко окрашенныя яйца европейскихъ дроздовъ, завирушекъ и воронъ, съ яркимъ зеленоватосинимъ фономъ, по которому разбросаны крапины, а съ другой — слабо окрашенныя зеленоватыя яйца коноплянки, зеленушки и др.; первая изъ названныхъ птицъ кладутъ яйца, когда деревья еще лишены листьевъ или бѣдны листвою, а вторыя—когда листва уже вполне развита и болѣе защищаетъ яйца отъ солнечныхъ лучей, дѣлая ненужнымъ сильное развитіе пигмента. Съ этой точки зрѣнія объясняется и присутствіе зеленого пигмента подъ наружнымъ бѣлымъ слоемъ скорлупы яицъ баклановъ, вслѣдствіе чего эти яйца кажутся бѣлыми: иначе его присутствіе, по мнѣнію нашего автора, необъяснимо. Однако, эта теорія нуждается еще въ подтвержденіи, а есть и прямо противорѣчающіе ей факты. Почему, на примѣръ, у горихвостки яйца ярко-голубыя, хотя они всегда лежатъ въ темнотѣ, защищенныя отъ солнечныхъ лучей, такъ какъ эта птичка устраиваетъ свое гнѣздо въ дуплѣ, въ какой-нибудь глубокой расщелинѣ и т. п.?

Гораздо лучше разработанъ вопросъ объ общебіологическомъ значеніи окраски, о значеніи ея въ видовой жизни организмовъ, т. е. въ жизни не отдѣльныхъ недѣлимыхъ, а породъ или видовъ животныхъ. Здѣсь мы, дѣйствительно, знаемъ множество фактовъ, доказывающихъ высокую біологическую цѣнность нѣкоторыхъ сортовъ окраски. Это значеніе окраски—уже не прямое, а косвенное, какъ одного изъ оружій организма въ борьбѣ за существованіе. Эти сорта окраски выработались и укрѣпились при помощи *естественнаго подбора* (т. е. путемъ вымиранія иначе окрашенныхъ особей), по крайней мѣрѣ, мы не можемъ объяснить ихъ себѣ безъ этой теоріи. Едва ли нужно упоминать, что самое *происхожденіе* той или другой окраски дано не естественнымъ подборомъ, а иными (неизвѣстными) факторами; естественный же подборъ только удерживалъ, упрочивалъ и накоплялъ выгодныя для организма цвѣтныя варіаціи. Относящіяся сюда весьма многочисленныя и разнообразныя явленія извѣстны подъ общимъ именемъ *охранительной* или *покровительственной окраски* и состоятъ въ томъ, что животное или окрашено въ цвѣтъ окружающей среды, или подражаетъ своими красками и формою одушевленнымъ и неодушевленнымъ предметамъ, которые не подвергаются тѣмъ опасностямъ, какимъ можетъ подвергнуться само данное животное. Такъ, зеленый кузнечикъ незамѣтенъ въ зелени куста, на которомъ онъ сидитъ; бѣлая куропатка незамѣтна на снѣгу, многія ночныя бабочки или мухи—на корѣ; нѣкоторые жуки необыкновенно похожи на сѣмена, нѣкоторыя беззащитныя бабочки—на хорошо вооруженныхъ ось и т. д. Очевидно, что такое сходство съ посторонними предметами выгодно для данныхъ животныхъ, почему эта окраска и названа охранительною. Объ этомъ родѣ окраски существуетъ обширная литература; очень много примѣровъ ея находится, напр., въ трудахъ Уоллеса и Бэтса *).

Мы здѣсь приведемъ нѣсколько примѣровъ, такъ-называемой, *угрожающей* охранительной окраски, пользуясь матеріаломъ, собраннымъ въ статьяхъ нашего извѣстнаго энтомолога І. А. Порчинскаго, подъ заглавіемъ: «Гусеницы и бабочки С.-Петербургской губерніи».

Извѣстенъ фактъ, что огромное большинство насѣкомоядныхъ птицъ пренебрегаютъ волосатыми гусеницами. Причина этого, по видимому, та, что многія изъ волосатыхъ гусеницъ ядовиты, т. е. волоски ихъ, обламываясь и вонзаясь въ кожу или въ слизистыя оболочки животныхъ и человѣка, производятъ сильное раздраже-

*) См. «Міръ Божій» 1894 г., № 8, статья «Мимикрія», г. Вольгте.

не и даже воспаленіе данныхъ органовъ. Поэтому и тѣ волосатые гусеницы, которыхъ волоски не имѣютъ такого вредоноснаго свойства, подозрительны для птицъ уже вслѣдствіе одной своей волосатости, и птицы остерегаются употреблять ихъ въ пищу. Подобныя же явленія замѣчаются и относительно нѣкоторыхъ *голимъ* личинокъ, куколокъ и взрослыхъ насѣкомыхъ. Многія изъ нихъ оказываются непригодными въ пищу птицамъ вслѣдствіе своей способности выдѣлять изъ своей кожи или изъ пищеварительнаго канала ѣдкую жидкость, обыкновенно желтоватаго цвѣта; другія этой способности не имѣютъ, но зато по тѣлу ихъ разбросаны желтоватые пятна, или же временно показываются, при виѣшнемъ раздраженіи, желтоватые или красноватые железистые выросты кожи, въ спокойномъ состояніи втянутые внутрь. Изъ числа насѣкомыхъ, выпускающихъ желтоватую или бѣловатую ядовитую жидкость, можно указать, напр., божьихъ коровокъ (*Coccinellidae*), жуковъ маекъ (*Meloe*), личинокъ нѣкоторыхъ пилильщиковъ (*Thyridinidae*) и т. д. Типичный примѣръ угрожающей окраски съ желтыми пятнами, напоминающими капельки жидкости, представляютъ гусеницы ночныхъ бабочекъ изъ рода *Cucullia*; общій фонъ тѣла ихъ—бѣлый, но по нему разбросаны черныя и желтыя пятна и точки (рис. 1). Гусеницъ этихъ птицы отказываются ѣсть, тогда какъ соотвѣтственныя бабочки (имѣющія другую—сѣрую—окраску) охотно поѣдаются птицами. Тотъ же типъ окраски свой-

ственъ и гусеницамъ нѣкоторыхъ Рис. 1. Гусеница *Cucullia campestris*. другихъ семействъ, напр., *пестрянокъ* (*Zygaenidae*), а также встрѣчается и въ другихъ отрядахъ насѣкомыхъ, напр., у личинокъ пилильщиковъ. Такъ, у личинки *Lophyrus similis*, живущей на соснѣ, бѣловатое или сѣровато-бѣлое тѣло покрыто черными и желтыми пятнами, «причемъ желтыя пятна находятся на возвышенныхъ бугоркахъ и напоминаютъ капли желтой жидкости, выступившія изъ тѣла личинки». Очень интересны личинки другого пильщика—*Nematus septentrionalis*, живущія на листовныхъ деревьяхъ (береза, ольха). Онѣ также бѣловатаго цвѣта съ черными пятнами, а брюшныя ноги ихъ окрашены въ яркій желтый цвѣтъ. Если потревожить такихъ личинокъ, то онѣ поднимаютъ всю заднюю часть тѣла вверхъ и впередъ, держась на листѣ только передними ногами и изгибаясь въ видѣ вопросительнаго знака, такъ что нижняя сторона тѣла, съ желтыми ногами, обращается наружу. Но одинъ изъ самыхъ поразительныхъ примѣровъ разсматриваемой окраски встрѣчаемъ

мы у куколки одной изъ красивѣйшихъ нашихъ дневныхъ бабочекъ—*тополеваго ленточника* (*Limenitis populi*). Эта куколка, прикрепленная къ верхней сторонѣ тополеваго листа, имѣетъ основной цвѣтъ желто-бѣлый, съ многочисленными черными пятнышками. При основаніи ея брюшной поверхности (куколка обращена къ листу своею спинною стороною) находится большой бугоръ оранжево-желтаго цвѣта, блестящій и полупрозрачный, такъ что овъ чрезвычайно напоминаетъ собою большую каплю ярко-желтой жидкости, выступившей изъ брюшка (рис. 2). Слѣдующіе за этимъ

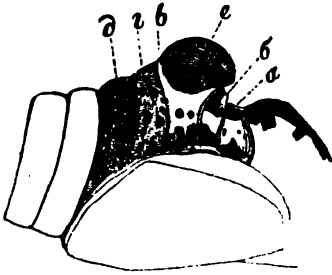

Рис. 2. Средняя часть куколки *Limenitis populi*: а, б—грудныя кольца, в, г, д—переднія брюшныя кольца, е—бугоръ.

бугромъ (къ головному концу куколки, висящему внизъ) членики какъ бы вдавлены и блестятъ, какъ будто покрыты лакомъ. «Мысль, выраженная природою на этой куколкѣ,—говорить г. Порчинскій,—очевидна и заключается въ слѣдующемъ. Открытое положеніе, величина и яркая окраска куколки должны были обратить на себя вниманіе насѣкомоядныхъ животныхъ, напр., птицы. Когда послѣдняя, желая съѣсть куколку, приступила къ исполненію своего намѣренія и разрушила верхнюю часть перваго (брюшнаго) кольца, то оттуда выступило внутреннее содержимое и отчасти разлилось по передней части куколки, а главная часть его образовала полупрозрачный желтый выступъ. Но содержимое это оказалось непригоднымъ въ пищу и куколка въ такомъ положеніи оставлена была врагомъ, нарушившимъ ея покой и цѣлость. Я многимъ показывалъ живую куколку *Limenitis populi* на разстояніи и всѣ, безъ исключенія, принимали выступъ или за высунувшееся содержимое раздавленной куколки, или за каплю меда и т. п.». Опыты надъ кормленіемъ птицъ этою куколкою дали отрицательный результатъ: птицы ея не ѣдятъ.

Этотъ примѣръ, какъ и другіе, отчасти приведенные нами выше, раскрываетъ намъ тайну бѣлой съ желтымъ (и чернымъ) окраски и объясняетъ, почему эта окраска такъ распространена у насѣкомыхъ (особенно у личинокъ и куколокъ) различнѣйшихъ семействъ и отрядовъ. Окраска эта—угрожающая вывѣска ядовитости. Сюда же примыкаетъ и еще одинъ крайне интересный родъ окраски насѣкомыхъ,—глазчатая пятна, встрѣчающіяся, напримѣръ, на крыльяхъ нѣкоторыхъ бабочекъ. Кто изъ коллекторовъ не знаетъ великолѣпнаго *павлиньяго глаза* (*Vanessa Jo*),

громадной грушевой сатурнии (*Saturnia pyri*), эффектной рыжей Аглии (*Aglia Tau*)? У всѣхъ этихъ бабочекъ находится по срединѣ каждаго крыла красивый «глазокъ» съ свѣтлымъ центромъ, частью голубой и окаймленный чернымъ цвѣтомъ. Подобныя же глазчатыя пятна мы найдемъ на крыльяхъ бабочекъ изъ семейства *Satyridae* (рис. 3), *Lyscaenidae* и др. и у нѣкоторыхъ гусеницъ. Какъ объяснить себѣ значеніе этого, также, какъ мы видимъ, весьма распространеннаго рода окраски? Оказывается, что мы и здѣсь можемъ свести эти пятна къ каплямъ ядовитой жидкости, какъ будто выступающей наружу. Черный цвѣтъ, окаймляющій желтыя пятна только-что рассмотрѣнныхъ нами случаевъ окраски, обозначаетъ собою хитиновую пластинку или бугорокъ, чрезъ отверстіе которыхъ выступаетъ охранительная жидкость.

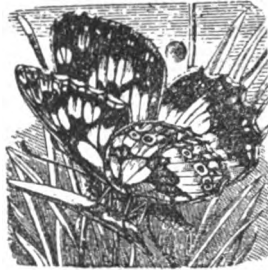

Рис. 3. *Arge Galathea*, съ многочисленными глазами на крыльяхъ.

«Представимъ себѣ,—говоритъ г. Порчинскій,—обыкновенную хитиновую пластинку съ маленькимъ бугоркомъ, въ центрѣ котораго выступила капля охранительной жидкости (рис. 4а). Если мы посмотримъ на пластинку сверху, нашимъ взорамъ представится круглое пятно желтаго цвѣта (если жидкость того же цвѣта), которое равномерно, какъ кольцомъ, окаймлено чернымъ цвѣтомъ пластинки, выступающей равномерно за предѣлы жидкой капли (рис. 4б)». «Въ глазчатыхъ пятнахъ природа стремится выразить первоначальный ихъ источникъ, придавая имъ такую вышность, которая отвѣчаетъ главнѣйшимъ физическимъ свойствамъ жидкой капли. На плоской поверхности тѣла гусеницы или крыльевъ бабочки природа рисуетъ шарообразную каплю охранительной жидкости совершенно такъ же, какъ изображаютъ художники шаръ на плоской бумагѣ». Опыты показали, что птицы ѣдятъ бабочекъ съ глазчатыми пятнами на крыльяхъ только тогда, если эти крылья предварительно оборваны. Читатель согласится, конечно, что только-что приведенныя нами наблюденія и обобщенія представляютъ глубокий интересъ. Они осмысливаютъ, какъ бы одухотворяютъ цѣлый рядъ явленій, которыя раньше были совершенно необъяснимы, играя роль какихъ-то странныхъ курьезовъ или капризовъ природы. Всякій мыслящій человекъ не можетъ не признать съ благодарностью заслугъ науки, раскрывающей передъ нимъ тайны явленій обыденныхъ, попадающихся на каждомъ шагу,—и все-таки до по-

Рис. 4. а — бугорокъ съ выступающею каплею жидкости сбоку, б — тоже сверху.

слѣдьяго времени казавшихся совершенно непонятными, загадочными.

Чтобы покончить съ вопросомъ объ охранительной окраскѣ, рассмотримъ еще нѣсколько примѣровъ *охранительнаго значенія хроматофоръ*. Въ тѣхъ случаяхъ, которые мы рассмотрѣли выше (барбунъ, каракатица, хамелеонъ), игра хроматофоръ являлась лишь выраженіемъ внутреннихъ ощущеній и волненій животнаго, не имѣя для него никакого охранительнаго значенія. Но есть случаи хроматофорной окраски, въ которыхъ животное съ помощью своихъ пигментныхъ кѣтокъ прекрасно приспособляется къ окраскѣ окружающей среды. Это доказано точными наблюденіями относительно нѣкоторыхъ рыбъ и другихъ животныхъ. Такова, напр., водящаяся въ разныхъ европейскихъ моряхъ рыба, называемая *морскимъ* или *колючимъ бычкомъ* (*Cottus scorpio*). «Я положилъ, — говоритъ одинъ нѣмецкій ученый, — морского бычка, который былъ сверху красновато-бураго цвѣта, въ акварій съ сѣрымъ дномъ и въ теченіе получаса спина его приняла равномерный сѣрый цвѣтъ. Тогда я положилъ вокругъ него разноцвѣтные камешки, и вскорѣ на кожѣ моей рыбы выступили пятна соотвѣтственныхъ цвѣтовъ». Очевидно, что такая измѣнчивость окраски выгодна для морского бычка, дѣлая его незамѣтнымъ какъ для его враговъ, такъ и для его добычи, которую онъ можетъ удобно подстергать, лежа на днѣ. Подобной же способностью измѣнять свою окраску обладаетъ камбала. Французскій изслѣдователь Пуше, изучая камбалъ въ этомъ отношеніи, положилъ нѣсколько экземпляровъ на бѣлое песчаное дно. Спустя короткое время, всѣ рыбы побѣлѣли, кромѣ одной, которая сохранила свою буроватую окраску; оказалось, что эта рыба была слѣпа. Отсюда было уже ясно, что измѣненія хроматофоръ происходятъ при участіи органа зрѣнія, который находится съ ними въ сложной связи чрезъ посредство нервной системы. Дальнѣйшія экспериментальныя изслѣдованія вполне подтвердили это. Оказалось, что и другія животныя, напр., рачекъ *Idothea entomon*, обладаютъ такою же цѣлесообразною игрою хроматофоръ; если этому рачку замазать глаза непрозрачною массою, то онъ теряетъ способность мѣнять свою окраску. Слѣдовательно, приспособительная окраска съ помощью хроматофоръ принадлежитъ къ разряду сложныхъ рефлекторныхъ дѣйствій, т. е. такихъ дѣйствій, при которыхъ организмъ, вслѣдствіе раздраженія извѣстныхъ органовъ чувствъ, произвольно, роковымъ образомъ отвѣчаетъ сокращеніемъ мышцъ, выдѣленіемъ железа, сокращеніемъ кѣточной плазмы и проч.

Кромѣ охранительнаго значенія, окраска животныхъ можетъ

служить и для другихъ биологическихъ пѣлей. Извѣстно, напр., что во многихъ отдѣлахъ животнаго царства самецъ отличается отъ самки различными признаками, въ томъ числѣ и окраскою. Въ большинствѣ случаевъ самецъ бываетъ окрашенъ ярче, чѣмъ самка; чтобы убѣдиться въ этомъ, достаточно вспомнить нѣкоторыхъ изъ нашихъ пѣвчихъ птицъ или различныхъ насѣкомыхъ. Чижъ и чижевка, клестъ (красный) и клестовка (желто-сѣрая), зябликъ и зяблица и многія другія птицы могутъ служить здѣсь общеизвѣстными примѣрами. Очень развиты различія самца отъ самки у куриныхъ птицъ, напр., павлинъ и пава, индѣйскій пѣтухъ и индюшка и т. д. Если мы захотимъ взять примѣръ изъ міра насѣкомыхъ, то намъ стоитъ только вспомнить обыкновеннѣйшихъ бабочекъ изъ семейства *Lycanidae*, порхающихъ по лугамъ и лѣснымъ дорогамъ: у этихъ маленькихъ бабочекъ самцы часто бываютъ (сверху) прелестнаго небесно-голубого цвѣта, а самки—бурая или черныя. Такихъ примѣровъ можно было бы привести многое множество. Превосходство самца по окраскѣ надъ самкою объясняется различно. Нѣкоторые ученые объясняютъ это своего рода подборомъ, причемъ необходимо допустить, что самки выбираютъ наиболѣе красивыхъ самцовъ, и потому-то красивая окраска и передается по наслѣдству преимущественно мужскому полу; другіе же изслѣдователи отказываются предположить эстетическія чувства не только у высшихъ, но и у низшихъ животныхъ и предпочитаютъ объяснять красоту самцовъ большимъ накопленіемъ у нихъ пластическаго матеріала, такъ какъ физиологическія траты у самца меньше, чѣмъ у самки, которая должна вынашивать яйца, снабжать ихъ питательнымъ желткомъ и проч. Какъ бы то ни было, но окраска, безъ сомнѣнія, играетъ видную роль въ половой жизни животныхъ.

Мы разсмотрѣли разные случаи биологическаго значенія окраски. Но интересъ разсматриваемой нами сложной группы явленій этимъ еще не исчерпывается; напротивъ, чѣмъ больше ее изучаютъ, тѣмъ больше открывается новыхъ перспективъ, новыхъ точекъ зрѣнія. Такъ, напр., въ послѣднія два десятилѣтія выяснилось, что окраска животныхъ имѣетъ немаловажное филогенетическое значеніе, т. е. можетъ служить для выясненія происхожденія видовъ, степени ихъ родства съ другими видами и для оцѣнки ихъ относительной древности или новизны. Раскрытіемъ этого значенія окраски мы обязаны, главнымъ образомъ, трудамъ вѣмецкаго ученаго Эймера.

Законность въ постепенной смѣнѣ одной окраски другою была замѣчена Эймеромъ, прежде всего, при изслѣдованіи разныхъ ва-

ріацій такъ называемой *стѣнной ящерицы* (*Lacerta muralis*), во множествѣ водящейся на скалахъ по побережью Средиземнаго моря (во Франціи, въ Италиі, въ Испаниі). Разныя видовизмѣненія этой пестрой ящерицы получили особыя названія; такъ, разновидность, покрытая продольными полосами, называется *Lacerta striata*, пятнистая разновидность *L. maculata*, одноцвѣтная (буровато желтая)—*L. modesta*, красивая зеленая варіація—*L. elegans* и т. д. Общій фонъ ящерицы, большею частью, сѣрый или бурый, а пятна и полосы болѣе темнаго оттѣнка; брюхо свѣтлое. Изучивъ эти варіаціи на множествѣ экземпляровъ и найдя между ними постепенные переходы, Эймеръ пришелъ къ заключенію, что всѣ формы окраски стѣнной ящерицы могутъ быть сведены къ продольной полосатости, которая и является исходною, наиболѣе древнею формою, а остальные представляютъ ея видовизмѣненія. Такъ, если полосы распадутся на части, то возникаетъ пятнистая окраска; если теперь пятна сольются поперечными рядами, то возникаетъ поперечная полосатость. Наконецъ, пятна и полосы могутъ исчезнуть, сливаясь съ общимъ фономъ. Самецъ варьируетъ и удаляется отъ исходнаго типа болѣе, чѣмъ самка, которая является, такимъ образомъ, консервативнѣе самца; что же касается дѣтенышей, то у нихъ продольная полосатость бываетъ выражена наиболѣе постоянно и только съ возрастомъ можетъ перейти, мало-по-малу, въ другую окраску, повторяя, при этомъ, ходъ племеннаго развитія. При этой переимѣнѣ окраски измѣненіе ея начинается съ задняго конца тѣла и постепенно передвигается къ переднему. Что приложимо къ ящерицамъ, приложимо и къ другимъ животнымъ. Возьмемъ, напримѣръ, отрядъ хищныхъ млекопитающихъ (*Carnivora*). Древнѣйшими изъ нихъ, по многимъ признакамъ, являются виверры (*Viverridae*)—своеобразные ночные хищники, нѣсколько напоминающіе по виду кошекъ (рис. 5) и водящіеся въ Африкѣ, на Мадагаскарѣ и въ Южной Азіи (немногіе виды встрѣчаются и въ Южной Европѣ). У нихъ окраска бываетъ или чисто продольнополосатая (у одного мадагаскарскаго вида), или пятнистая, или даже образуетъ поперечныя полосы. У другихъ хищныхъ млекопитающихъ продольная полосатость или совсѣмъ исчезла (медвѣди, псовыя), или сохраняется только отчасти (напр., на лбу у кошекъ). Пятнисты, какъ извѣстно, многіе виды хищныхъ, напр., леопарды, ягуары, гіены, столь же часты и поперечнополосатыя формы, напр., тигръ. Взрослый левъ одноцвѣтенъ, но львята имѣютъ поперечныя полосы и пятна; также пятнисты и дѣтеныши одвоцвѣтнаго пумы. Наша домашняя кошка на спинѣ сохраняетъ слѣды продольной полосатости, а на бокахъ ея нерѣдко весьма ясно вы-

ражены поперечныя полосы. Замѣчательно, что европейская дикая кошка ушла въ отношеніи окраски дальше отъ прародительскаго типа, чѣмъ домашняя: у дикой кошки поперечная полосатость очень мало выражена. Въ этомъ натуралисты видятъ одно изъ доказательствъ видоваго различія домашней и дикой европейской кошки.

Рис. 5. Африканская виверра. *Viverra civetta*.

Очень интересно прослѣдить подобную же законность развитія окраски у другихъ млекопитающихъ, напр., у лошадей (*Equidae*) Зебра знаменита своею полосатостью; на лбу у нея еще сохраняются продольныя полосы. Квагга (*Equus quagga*) уже имѣетъ поперечныя полосы только на шеѣ (на лбу у нея есть продольныя полоски). Домашнія лошади и ослы уже одноцвѣтны и сохраняютъ развѣ только слѣды древней окраски, напр., продольную полосу на спинѣ. Если мы обратимся къ семейству оленей, то увидимъ, что, напр., индійскій олень *аксисъ* (*Cervus axis*) весь усѣянъ бѣлыми пятнами, у нашей лани (*Cervus dama*) пятна уже обозначены слабѣе, а *благородный олень* (*Cervus elaphus*) одноцвѣтенъ, и только дѣтеныши его имѣютъ бѣлыя пятна. Точно также мы замѣчаемъ продольную полосатость у дѣтенышей кабана или тапира; во взросломъ состояніи она совершенно исчезаетъ. Если перейдемъ отъ млекопитающихъ къ птицамъ, то и здѣсь увидимъ, что, напр., у молодыхъ ястребовъ есть на груди продольныя полоски, которыя потомъ распадаются на удлиненныя пятна и, наконецъ, уступаютъ мѣсто поперечной полосатости. Тотъ же законъ господствуетъ и среди безпозвоночныхъ животныхъ и былъ подтвержденъ Эймеромъ на бабочкахъ изъ рода *Papilio*, а Вейсманомъ—на гусеницахъ бражниковъ (*Sphingidae*). Словомъ, оказывается, что окраска является, до извѣстной степени, генеалогиче-

скимъ документомъ: на поверхности животнаго природа какъ бы записываетъ нѣкоторыя главы изъ его исторіи.

Въ нашемъ бѣгломъ обзорѣ явленій животной окраски мы, разумѣется, могли привести только малую долю относящихся сюда фактовъ, но и изъ этого незначительнаго матеріала нельзя не видѣть, какое многостороннее значеніе принадлежитъ окраскѣ. Казалось бы, что можетъ быть въ животномъ организмѣ менѣе важно, чѣмъ его окраска? Не она ли настолько измѣнчива, что въ ряду классификаціонныхъ признаковъ ей отводится чуть не послѣднее мѣсто? Не она ли во многихъ случаяхъ можетъ измѣняться въ широкихъ предѣлахъ безъ всякаго видимаго ущерба для жизни и благополучія организма? И дѣйствительно, долгое время натуралисты мало интересовались окраскою животныхъ, предоставляя дилеттантамъ-любителямъ восхищаться ея эстетическою стороною. Но въ настоящее время десятки изслѣдователей заняты изученіемъ вопросовъ, относящихся къ окраскѣ, и каждый годъ работы ихъ обогащаютъ науку новыми, цѣнными фактами и обобщеніями. Спрашивается: почему же именно только теперь, въ послѣдніе годы, этотъ рядъ біологическихъ явленій приковываетъ къ себѣ вниманіе естествоиспытателей? На этотъ вопросъ можетъ быть данъ только одинъ отвѣтъ: потому, что только въ новѣйшемъ, генетическомъ періодѣ своего развитія зоологія стала разсматривать животный организмъ не какъ нѣчто вырванное изъ остальной природы, а какъ живое цѣлое, находящееся въ сложномъ соотношеніи съ окружающимъ міромъ. Только въ новѣйшее время мы научились смотрѣть на каждую форму *исторически*,—и названіе *естественная исторія* получило только съ этихъ поръ свое полное значеніе. Мы разсматриваемъ теперь каждую животную форму, каждое явленіе, какъ неизбѣжный результатъ всей суммы предшествовавшихъ формъ и явленій, все время находившихся въ гармоническомъ соотвѣтствіи съ окружающею средою, подвергаясь ея вліяніямъ, причемъ внутренніе законы развитія комбинировались съ внѣшними воздѣйствіями. Только при такомъ взглядѣ на дѣло выяснилось, что въ организмѣ нѣтъ, собственно говоря, ничего второстепеннаго, ничего малозначащаго, потому что все развилось по вѣчнымъ законамъ природы, постепенное раскрытіе которыхъ составляетъ для ученаго неизсякаемый источникъ самаго высокаго наслажденія, самыхъ дорогихъ и чистыхъ впечатлѣній, какія только доступны человѣку.

Одинъ изъ выдающихся современныхъ нѣмецкихъ ученыхъ, д-ръ Гааке (авторъ новой, имѣвшей очень мало успѣха, теоріи наследственности) находитъ, что современные біологи чересчуръ

уходятъ въ мелкія спеціальности и, вслѣдствіе общаго направленія науки, почти не имѣютъ возможности сдѣлаться болѣе многосторонними. «Мы должны,—воскликаетъ онъ,—возвратиться къ старой зоологіи и ботаникѣ, которыя болѣе интересовались изученіемъ цѣлыхъ животныхъ и растений, чѣмъ частей ихъ!» Этотъ призывъ г-на Гааке, конечно, не можетъ возымѣть дѣйствія уже по той простой причинѣ, что «исторія не повторяется»; но нужно ли доказывать, что современная біологическая наука не заслуживаетъ этого упрека? Раздѣленіе по спеціальностямъ, конечно, идетъ все далѣе и далѣе; недавно народилась, напримѣръ, цѣлая новая спеціальная наука—*цитологія* (занимающаяся изученіемъ животной и растительной кѣтки); иначе и быть не можетъ при быстромъ и постоянномъ ростѣ знанія. Раздѣленіе труда—непреложный законъ всякаго развитія, одинаково приложимый какъ къ постепенному самосозиданію организма, такъ и къ возникновенію и совершенствованію человѣческихъ обществъ и къ прогрессу науки. Но вмѣстѣ съ этою спеціализаціею не ослабляется а скорѣе усиливается связь отдѣльныхъ вѣтвей біологіи между собою. Лѣтъ сорокъ тому назадъ, зоотомія и эмбриологія, напр., представляли собою двѣ отдѣльныя науки, имѣвшія очень мало точекъ соприкосновенія; а въ настоящее время всякое сравнительно-анатомическое изслѣдованіе является незаконченною работою, пока оно не приметъ во вниманіе соотвѣтственныхъ данныхъ эмбриологіи или вообще исторіи развитія. Разсматривая вопросъ объ окраскѣ животныхъ, мы видѣли, какъ помогаютъ здѣсь одна другой разныя отрасли біологіи,—физиологія, физиологическая химія, общая біологія, анатомія и проч. Далѣе, тѣ отрасли, которыя, дѣйствительно, пока еще мало принимаются во вниманіе при разработкѣ общихъ вопросовъ, напр., зоогеографія (на что горько жалуется г. Гааке), не потому недостаточно эксплуатируются, что находятся въ пренебреженіи, а просто потому, что отрасли эти еще очень молоды и не имѣли времени принять надлежащее участіе въ общемъ движеніи научной мысли. Съ гораздо болѣшимъ правомъ можно утверждать противоположное тому, что утверждаетъ д-ръ Гааке: никогда еще общее научное движеніе не отличалось такою многосторонностью, такимъ единеніемъ разнородныхъ отраслей знанія, какъ въ наше время; и, конечно, плодотворному генетическому принципу принадлежитъ не послѣдняя роль въ этомъ объединеніи наукъ на пути къ одной общей цѣли—возможному выясненію и достиженію истины.

Проф. Н. Холодковскій.

НАУЛАКА.

Романъ Рюдиарда Киплинга и Уольботта Балестриера.

(Продолженіе *).

XV.

Отъ оспы и дурного глаза, отъ роскошнаго свадебнаго пира и отъ доброты моей второй жены да спасутъ боги сына моего.

Индійская поговорка.

Когда Тарвинъ явился на банкетѣ, лицо его горѣло, во рту все пересохло. Онъ его видѣлъ. Оно существовало. Оно не было миеомъ. И онъ его добудетъ; онъ увезетъ его съ собою. М-съ Мѣтри украситъ имъ свою мраморную шею, которая была такъ прекрасна, когда она смѣялась, и Три Компаніи появятся въ Топазѣ. Онъ окажется спасителемъ своего города; народъ выпряжетъ лошадей изъ его кареты и повезетъ его на себѣ по Пенсильванской улицѣ; въ будущемъ году городскіе участки въ Топазѣ стануть продаваться на вѣсъ золота.

Ради этого стоило ждать, стоило запрудить сотню рѣкъ, стоило цѣлый вѣкъ играть въ пахизи и проѣхать тысячу миль въ телегѣ на буйволахъ.

За банкетомъ, осушая свой стаканъ за здоровье молодаго магараджи Кенвара, онъ повторилъ самому себѣ клятву довести дѣло до конца, даже если оно протянется все лѣто. Его увѣренность въ успѣхѣ ослабѣла въ послѣднее время, получивъ нѣсколько ударовъ; теперь, когда ему удалось увидѣть свою награду, ему казалось, что онъ уже держитъ ее въ рукахъ; точно также разсуждалъ онъ и въ Топазѣ. Кэтъ должна принадлежать ему, потому что онъ ее любитъ.

* См. «Міръ Божій» № 10, октябрь.

На слѣдующее утро онъ проснулся со смутнымъ чувствомъ, что стоитъ на порогѣ великихъ событій; а потомъ послѣ ванны онъ удивился, откуда взялась у него наканунѣ такая увѣренность, такое радостное возбужденіе. Онъ дѣйствительно видѣлъ Наулаку. Но двери храма скрыли отъ него это видѣніе. Онъ спрашивалъ себя даже, существовали ли въ дѣйствительности и храмъ и ожерелье, и среди своего волненія и недоумѣнія не помнилъ, какъ вышелъ изъ гостинницы и очутился на полдорогѣ отъ города. Но когда онъ очнулся, онъ ясно понялъ, куда и зачѣмъ идетъ. Разъ онъ увидалъ Наулаку, онъ рѣшилъ не терять ее болѣе изъ вида. Ожерелье исчезло въ храмѣ. Значитъ, онъ долженъ идти въ храмъ.

Обломки сгорѣвшихъ факеловъ лежали на лѣстницѣ храма вмѣстѣ съ затоптанными цвѣтами и пролитымъ масломъ; гирлянды золотоцвѣта висѣли завядшія и смятыя, на толстыхъ шеяхъ черныхъ каменныхъ 9 быковъ, которые стояли у входа во внутренній дворъ. Тарвинъ снялъ свою бѣлую шляпу (было очень жарко, хотя послѣ восхода солнца прошло всего два часа), откинулъ густые волосы съ своего высокаго лба и оглядывалъ остатки вчерашняго праздника. Городъ еще спалъ послѣ своего праздника, Двери храма были открыты настежь, онъ вошелъ по лѣстницѣ и безпрепятственно вступилъ въ него.

Безформенный четырехголовый богъ Исвара, стоявшій посрединѣ храма, былъ запачканъ и замазанъ пятнами растопленного масла и черною копотью куреній. Тарвинъ съ любопытствомъ осматривалъ это изваяніе, почти ожидая, что Наулака виситъ на одной изъ четырехъ шей его. Сзади него, въ болѣе темномъ помѣщеніи храма стояли другія божества, многорукія и многоголовыя, съ поднятыми вверхъ руками, съ высунутыми языками и съ оскаленными зубами. Вокругъ нихъ были раскиданы остатки разныхъ жертвоприношеній, и, несмотря на полусвѣтъ, Тарвинъ разглядѣлъ на колѣняхъ одного изъ нихъ пятна засохшей крови. Надъ нимъ темная крыша заканчивалась куполомъ и оттуда слышался шорохъ и царапанье летучихъ мышей.

Тарвинъ, сдвинувъ шляпу на затылокъ и засунувъ руки въ карманы, глядѣлъ на изображенія боговъ, осматривался по сторонамъ и тихонько посвистывалъ. Онъ уже цѣлый мѣсяцъ прожилъ въ Индіи, но до сихъ поръ еще ни разу не проникалъ внутрь храма. Стоя тутъ, онъ съ новою силою сознавалъ, насколько жизнь, обычаи и преданія этого страннаго народа были далеки отъ всего, что казалось хорошимъ и правильнымъ ему, Тарвину; онъ чувствовалъ смутную досаду, при мысли, что поклонники этихъ безобразныхъ боговъ владѣютъ ожерельемъ, имѣющимъ силу измѣнить

судьбу христіанскаго, цивилизованнаго города, города въ родѣ Топаза.

Онъ зналъ, что если его увидятъ тутъ, его безъ церемоніи прогонятъ за оскорбленіе святыни, и потому спѣшилъ покончить съ осмотромъ; онъ былъ почти увѣренъ, что по небрежности, свойственной этому народу, Наулака гдѣ-нибудь брошена, подобно тому, какъ у женщины, поздно вернувшейся съ бала, брилліанты валяются на туалетѣ. Онъ шарилъ вокругъ и подъ каждымъ идоломъ, а летучія мыши шуршали надъ нимъ. Затѣмъ онъ вернулся къ центральной фигурѣ Исвара и, ставъ на прежнее мѣсто, принялся разглядывать бога.

Ему показалось, что хотя онъ стоитъ на ровномъ полу, но ему почему-то приходится сильно упираться на пальцы ногъ и онъ отступилъ, чтобы сохранить равновѣсіе. Вдругъ плита песчаника, съ которой онъ сошелъ, медленно приподнялась, точно дельфинъ на спокойномъ морѣ, и открыла на секунду темное подполье. Затѣмъ она снова беззвучно легла на свое мѣсто, и Тарвинъ отеръ холодный потъ у себя на лбу. Онъ былъ такъ взбѣшенъ, что если бы нашелъ въ эту минуту Наулаку, отбросилъ бы ее прочь отъ себя. Онъ вышелъ опять на солнечный свѣтъ и мысленно предавалъ страну, гдѣ подобныя вещи были возможны, во власть ея собственныхъ боговъ; худшаго наказанія онъ не могъ для нея придумать. Священникъ, появившійся изъ какого-то таинственнаго убѣжища, вышелъ изъ храма вслѣдъ за нимъ и съ улыбкой посмотрѣлъ на него.

Тарвину захотѣлось вернуться въ дѣйствительный міръ, населенный мужчинами и женщинами, и онъ отправился въ домъ миссіи, гдѣ самъ себя пригласилъ на завтракъ. М. и м-съ Эстесъ держались совершенно въ сторонѣ отъ церемоніи вѣнчанія, но имъ было пріятно послушать, что рассказывалъ о ней Тарвинъ съ точки зрѣнія Топаза. Кэтъ встрѣтила его съ неподдѣльною радостью. Она была сильно взволнована тѣмъ, что Дунпатъ Раи и вся больничная прислуга ушли и бросили свое дѣло. Они отправились смотрѣть на свадебныя торжества и цѣлыхъ три дня не показывались въ больницѣ. Вся работа лежала на ней одной и на дикой жѣнщинѣ изъ пустыни, пришедшей слѣдить за ходомъ леченія мужа. Кэтъ была сильно утомлена и мучилась безпокойствомъ о здоровьи маленькаго принца; она сообщила свои опасенія Тарвину, когда онъ послѣ завтрака увелъ ее на веранду.

— Я увѣрена, что ему теперь нуженъ полный покой,—признала она чуть не со слезами.—Онъ пришелъ ко мнѣ послѣ обѣда вчера вечеромъ—я была на женской половинѣ дворца—и плакалъ цѣлые полчаса. Бѣдный ребенокъ! Это жестоко!

— Ну, онъ отдохнетъ сегодня, нечего вамъ волноваться!

— Нѣтъ; сегодня повезутъ его невѣсту назадъ на ея родину, и онъ долженъ ѣхать съ процессею, провожающей ее, въ самый жаръ. Это страшно утомительно. Что, у васъ не болитъ голова отъ здѣшнихъ жаровъ, Никъ? Я часто думаю о васъ, когда вы сидите тамъ у своей плотины, и не понимаю, какъ вы можете выносить.

— Я многое могу вынести ради васъ, милая дѣвочка,—отвѣчалъ Тарвинъ, смотря ей прямо въ глаза.

— Да почему-же это для меня, Никъ?

— Вы узнаете это когда-нибудь,—увѣрялъ онъ; но ему не хотѣлось говорить о своей плотины, и онъ перевелъ разговоръ на болѣе безопасную тему, на магараджу Кенвара.

На другой и на третій день онъ безцѣльно ѣздилъ верхомъ въ окрестностяхъ храма, не осмѣливаясь опять войти за ограду его, но рѣшившись не спускать съ глазъ то мѣсто, гдѣ онъ въ первый и въ послѣдній разъ видѣлъ Наулаку. Въ настоящую минуту не было возможности добиться разговора съ тѣмъ единственнымъ—не считая короля—живымъ человѣкомъ, который держалъ въ рукахъ его сокровище. Онъ напрасно ожидалъ появленія магараджи Кенвара съ его экипажемъ и долженъ былъ призвать на помощь весь свой запасъ благоразумія, чтобы не сойти съ ума отъ нетерпѣнія. Онъ сильно рассчитывалъ на мальчика; а пока часто заходилъ въ больницу, чтобы узнавать, какъ идутъ дѣла Кэтъ. Измѣнникъ Дунпатъ Раи и его помощники вернулись, но больница была переполнена пациентами: явилась масса зашибленныхъ при безостановочной ѣздѣ королевскихъ экипажей, и одинъ или два случая отравленія, новыхъ въ практикѣ Кэтъ; злоумышленники, подъ предлогомъ пріятельскаго угощенія, давали человѣку ядъ, обирали его и оставляли на большой дорогѣ въ безпомощномъ состояніи.

Тарвинъ, окинувъ проникательнымъ взглядомъ мужскія палаты больницы, содержавшіяся въ образцовомъ порядкѣ, долженъ былъ смиренно сознаться самому себѣ, что въ концѣ концовъ Кэтъ дѣлала въ Раторѣ гораздо лучшее дѣло, чѣмъ онъ. Она работала въ больницѣ не для того, чтобы прикрывать какіе-нибудь болѣе глубокіе и болѣе темные планы, и она имѣла передъ нимъ то неопредѣленное преимущество, что видѣла свою цѣль передъ глазами. Эта цѣль не скрылась отъ нея, появившись на одинъ мигъ; она не находилась подъ охраною таинственнаго духовенства или неосязаемаго правительства; она не была запрятана въ храмахъ съ западнями, не висѣла на шеѣ слабого ребенка.

Разъ утромъ, прежде чѣмъ онъ по своему обыкновенію ушелъ на плотину, Кэтъ прислала ему въ гостинницу записочку съ просьбой придти какъ можно скорѣе въ больницу. На одну мимолетную секунду у него явилась мечта о невозможномъ счастья. Но онъ горько усмѣхнулся своей готовности надѣяться, закурилъ сигару и исполнилъ полученное приказаніе. Кэтъ встрѣтила его на лѣстницѣ и повела въ аптеку.

— Знаете вы, какіе признаки отравленія коноплей?—спросила она взволнованнымъ голосомъ.

Онъ схватилъ обѣ ея руки въ свои и смотрѣлъ на нее дикими глазами.

— Зачѣмъ вамъ? Зачѣмъ? Неужели кто-нибудь осмѣлился?

Она нервно разсмѣялась.

— Нѣтъ, нѣтъ, не меня, это его.

— Кого?

— Магараджу, ребенка. Теперь я въ этомъ увѣрена.

Она рассказала ему, какъ въ этотъ день утромъ экипажъ, конвой и одинъ туземный сановникъ подѣхали къ дверямъ мисси съ магараджей Кенваромъ, который лежалъ почти безжизненнымъ трупомъ; какъ она сначала приписала его болѣзнь утомленію вслѣдствіе свадебныхъ празднествъ; какъ мальчикъ пришелъ въ себя, но лежалъ съ посинѣлыми губами и провалившимися глазами, и какъ съ нимъ безпрестанно дѣлались судороги до того, что она пришла въ совершенное отчаяніе. Наконецъ, онъ крѣпко заснулъ и она оставила его на попеченіи миссисъ Эстесъ. Она прибавила, что миссисъ Эстесъ считаетъ это возвращеніемъ старой болѣзни маленькаго принца; она видѣла у него два раза такіе припадки до пріѣзда Кэтъ.

— А теперь посмотрите сюда,—сказала Кэтъ, показывая ему больничныи журналъ, въ которомъ были записаны признаки и исторія болѣзни въ двухъ случаяхъ отравленія коноплей, встрѣтившихся ей за послѣднія двѣ недѣли.

— Этихъ людей угостила сладкимъ печеньемъ компанія бродячихъ цыганъ, и всѣ деньги были у нихъ украдены, пока они спали. Прочтите сами.

Торвинъ прочелъ, кусая губы. Затѣмъ онъ бросилъ на нее пронипательный взглядъ.

— Да. — сказалъ онъ, выразительно кивнувъ головой,—да. Ситабхан?

— Кому же больше?—взволнованно отвѣтила Кэтъ.

— Я знаю. Я знаю. Но какъ помѣшать ей? Какъ выяснить дѣло?

— Расскажите магараджъ!—рѣшительно отвѣчала Кэтъ.

Тарвинъ взялъ ея руку.

— Хорошо, я постараюсь. Но вы понимаете,—у насъ нѣтъ ни тѣни доказательства.

— Не бѣда. Помните о мальчикѣ. Попробуйте. Мнѣ надобно теперь вернуться къ нему.

Они вмѣстѣ отправились въ домъ мисси и по дорогѣ мало говорили. Негодование Тарвина при мысли, что Кэтъ можетъ быть замѣшана въ это гадкое дѣло, превращалось почти въ негодование противъ самой Кэтъ; но гнѣвъ его сразу исчезъ при видѣ магараджи Кенвара. Мальчикъ лежалъ на кровати въ одной изъ внутреннихъ комнатъ мисси и былъ такъ слабъ, что почти не могъ повернуть головы. Когда Кэтъ и Тарвинъ вышли, миссисъ Эстесъ, только что давшая ему лекарство, встала, сказала нѣсколько словъ Кэтъ о ходѣ болѣзни и возвратилась къ своимъ дѣламъ. На мальчикѣ было надѣто легкое кисейное платье, но его мечъ и поясъ, украшенный драгоценными камнями, лежали въ ногахъ его.

— Салаамъ, сагибъ Тарвинъ,—прошепталъ онъ.—Мнѣ очень жаль, что я заболѣлъ.

Тарвинъ ласково наклонился надъ нимъ.

— Не пытайтесь разговаривать, дружокъ.

— Нѣтъ, мнѣ теперь хорошо,—отвѣчалъ мальчикъ.—Мы скоро поѣдемъ вмѣстѣ кататься.

— А вамъ было очень нехорошо?

— Не знаю. Я былъ во дворцѣ и игралъ съ танцовщицами. Вдругъ я упалъ. А потомъ я ничего не помню и не знаю, какъ очутился здѣсь.

Онъ проглотилъ прохладительный напитокъ, который Кэтъ давала ему, и снова опустился на подушки; желтая, точно восковая, ручка его играла рукояткой меча. Кэтъ стояла на колѣняхъ подлѣ него, положивъ одну руку подъ подушку и поддерживая его голову; Тарвину казалось, что до сихъ поръ онъ не отдавалъ должной справедливости красотѣ ея лица, дышавшаго добротой, искренностью и силой. Изящная маленькая фигурка приняла болѣе нѣжныя очертанія, твердыя губы дрожали, въ глазахъ сіялъ свѣтъ, котораго Тарвинъ никогда раньше не видалъ.

— Зайдите съ другой стороны, такъ,—сказалъ мальчикъ, дѣлая Тарвину знакъ по мѣстному обычаю: онъ нѣсколько разъ сложилъ и разложилъ очень быстро всѣ свои тоненькіе пальчики на ладони его руки. Тарвинъ покорно опустился на колѣни съ другой стороны постели.

— Вотъ теперь я король, а это мой дворъ.

Кэтъ звонко разсмѣялась, радуясь, что мальчику стало лучше. Тарвинъ просунулъ руку подъ подушку, отыскалъ ручку Кэтъ и не выпускалъ ее.

Занавѣсь у дверей комнаты тихо раздвинулась, миссисъ Эстесъ вошла неслышными шагами, и ей показалось, что она видѣла достаточно и можетъ также тихонько уйти прочь. Она о многомъ передумала съ тѣхъ поръ, какъ Тарвинъ въ первый разъ вошелъ въ ея домъ.

Глаза мальчика потускнѣли и отяжелѣли; Кэтъ хотѣла вынуть свою руку изъ подъ подушки и дать ему лекарство.

— Нѣтъ, оставайтесь такъ,—сказалъ онъ повелительно, и затѣмъ, заговорилъ на туземномъ нарѣчій:—Кто вѣрно служитъ королю, тотъ не останется безъ награды. Я имъ дамъ деревни, свободныя отъ налоговъ, три, пять деревень: Суджайнъ, Аметъ и Гунжу. Пусть это будетъ имъ свадебнымъ подаркомъ. Они пожениатся и всегда будутъ около меня: миссъ Кэтъ и сагибъ Тарвинъ.

Тарвинъ не понялъ, почему ручка Кэтъ тихонько отодвинулась отъ его руки. Онъ хуже ее зналъ мѣстный языкъ.

— Онъ опять начинаетъ бредить,—прошептала Кэтъ.—Бѣдный, бѣдный ребенокъ.

Тарвинъ стиснулъ зубы и послалъ проклятіе Ситабхаи. Кэтъ вытирала потъ со лба мальчика и старалась получше уложить его головку, которая металась изъ стороны въ сторону. Тарвинъ держалъ ручки мальчика и онѣ сильно сжимали его пальцы во время мучительныхъ судорогъ, обычнаго слѣдствія яда конопли.

Въ теченіе нѣсколькихъ минутъ онъ метался и стоналъ, призывалъ на помощь разныхъ боговъ, старался схватить свой мечъ и приказывалъ воображаемымъ отрядамъ повѣсить бѣлыхъ собакъ на столбахъ дворцовыхъ воротъ и замучить ихъ до смерти.

Потомъ припадокъ миновалъ, онъ сталъ говорить тише и звалъ мать.

Въ воображеніи Тарвина воскресло воспоминаніе о маленькой могилкѣ, вырытой на открытой равнинѣ, спускавшейся къ рѣкѣ и положившей начало кладбищу Топаза. Они опустили въ нее сосновый гробикъ съ первымъ ребенкомъ Геклера, и Кэтъ, стоя тутъ же, вырѣзала на гладкой соснѣ имя ребенка, что и должно было замѣнить ему надгробный памятникъ.

— Нѣтъ, нѣтъ, нѣтъ!—бредилъ магараджа Кенваръ,—я говорю правду; охъ, я такъ усталъ отъ священнаго танца въ храмѣ, я только перешелъ черезъ дворъ... Это была новая дѣвушка изъ Лукнова; она пѣла пѣсню о «Зеленомъ горохѣ Мендора»... да; только

ватрушка съ миндалямъ. Мнѣ очень хотѣлось ѣсть. Маленькая миндальная ватрушка, мама. Отчего же мнѣ было не ѣсть, когда мнѣ хотѣлось. Что я сынъ трубочиста или короля? Держите меня! держите меня! у меня конь въ головѣ... Громче. Я не понимаю. Развѣ они хотять везти меня къ Кэтъ? Она мнѣ поможетъ. Какое это было порученіе?—Мальчикъ началъ съ отчаяніемъ ломать себѣ руки.—Порученіе! Порученіе! Я забылъ порученіе. Никто во всей странѣ не умѣеть говорить по-англійски такъ, какъ я умѣю. Но я забылъ порученіе. «Тигръ, тигръ, ярко блистающій во тьмѣ глѣсовъ! Чья безсмертная рука, чей безсмертный глазъ создалъ тебя столь страшнаго и прекраснаго».—Да, мама, пока она не заплачетъ. Я долженъ повторять ей все сначала, пока она не заплачетъ. Я не забуду. Я не забылъ перваго порученія. Великій боже Гаръ. Я это порученіе забылъ,—и онъ заплакалъ.

Кэтъ, которая привыкла сидѣть у постелей больныхъ, сохраняла твердость и мужество; она успокоивала ребенка, разговаривая съ нимъ тихимъ, нѣжнымъ голосомъ, подавая ему лекарство, дѣлая все, что было нужно въ данное время, и все такъ спокойно, разумно, безъ всякаго признака волненія. Тарвинъ, напротивъ, былъ сильно разстроенъ зрѣлищемъ страданія, которое онъ не могъ облегчить.

Магараджа Кенваръ глубоко вздохнулъ и сдвинулъ брови.

— Махадео-ки-джаи! — вскричалъ онъ. — Я вспомнилъ. «Это сдѣлала цыганка. Это сдѣлала цыганка». И я долженъ былъ повторять это, пока она заплачетъ.

Кэтъ приподнялась и съ ужасомъ взглянула на Тарвина. Онъ отвѣтилъ ей такимъ же взглядомъ, кивнулъ головой и тихонько вышелъ изъ комнаты, отирая слезы.

XVI.

Сердце мое, сердце, умѣстно ли, умно ли открывать королю его враговъ? Мы знаемъ, что готовить намъ небо и адъ, но никто не можетъ знать душу короля.

Баллада о король Джестъ.

- Мнѣ надобно видѣть магараджу.
- Его нельзя видѣть.
- Я подожду, пока онъ пріѣдетъ.
- Его нельзя будетъ видѣть цѣлый день.
- Ну, такъ я буду ждать цѣлый день.

Тарвинъ спокойно усѣлся на сѣдлѣ и выѣхалъ на средину двора, гдѣ онъ обыкновенно разговаривалъ съ магараджей. Голуби спали на солнышкѣ, а маленькій фонтанъ разговаривалъ самъ съ собой, точно голубка, которая воркуетъ, прежде чѣмъ усѣсться въ своемъ гнѣздѣ. Бѣлая мраморная мостовая жгла точно раскаленное желѣзо, и пѣлыя волны жара неслись отъ стѣнъ съ зелеными ставнями. Привратникъ завернулся въ свою простыню и снова заснулъ. И съ нимъ вмѣстѣ заснулъ, казалось, весь міръ подъ покровомъ полной тишины и удручающаго жара. Лошадь Тарвина закусывала удила и звонъ желѣза передавался эхомъ съ одной стороны двора на другую. Самъ всадникъ обернулъ себѣ шею шелковымъ платкомъ, чтобы хоть слегка защититься отъ палящихъ солнечныхъ лучей и нарочно не вѣзжалъ въ тѣнь подъ арки, чтобы магараджа увидѣлъ его на открытомъ дворѣ и понялъ, какъ необходимо принять его.

Черезъ нѣсколько минутъ среди тишины пронесся звукъ, подобный шелесту вѣтра на пшеничномъ полѣ въ осенній вечеръ. Онъ шелъ изъ-за зеленыхъ ставенъ и, услышавъ его, Тарвинъ безсознательно усѣлся покрѣпче на сѣдлѣ. Шумъ усилился и снова замеръ и, наконецъ, превратился въ постоянный шорохъ, къ которому ухо тревожно прислушивается, такой шорохъ, который предвѣщаетъ быстрое приближеніе морского прилива во время кошмара, когда человѣкъ въ ужасѣ не можетъ ни убѣжать, ни закричать. Вслѣдъ за шорохомъ разнесся запахъ жасмина и мускуса, хорошо извѣстный Тарвину.

Одно крыло дворца проснулось отъ своего послѣбѣденнаго сна и смотрѣло на него сотнею глазъ. Онъ чувствовалъ взгляды, которыхъ не могъ видѣть, и они приводили его въ бѣшенство, между тѣмъ какъ онъ сидѣлъ неподвижно, а конь его отмахивался отъ мухъ. Кто-то позади ставни зѣвнулъ сдержаннымъ маленькимъ зѣвкомъ. Тарвинъ принялъ это за личное себѣ оскорбленіе и рѣшилъ стоять на одномъ мѣстѣ, пока не упадетъ или онъ самъ, или его лошадь. Тѣнь вечерняго солнца постепенно надвигалась на дворъ все дальше и дальше и наконецъ покрыла его.

Во дворцѣ: раздались жужжаніе голосовъ, совершенно отличное отъ прежняго шороха. Маленькая, выложенная слоновою костью, дверь отворилась и магараджа появился на дворѣ. Онъ былъ въ самомъ некрасивомъ муслиновомъ халатѣ и его маленькая шафранно-желтая райпутанская чалма сидѣла криво на головѣ его такъ что изумрудный плюмажъ падалъ точно пьяный. Глаза его были красны отъ опиума, и онъ шелъ точно медвѣдь, котораго разсвѣтъ застигъ среди маковаго поля, гдѣ онъ досыта угощался въ теченіе цѣлой ночи.

При видѣ его, лицо Тарвина омрачилось, и магараджа, поймавъ его взглядъ, приказалъ своей свитѣ отойти подальше, чтобы не слышать ихъ разговора.

— Давно ждете вы меня, сагибъ Тарвинъ?—спросилъ онъ съ любезнымъ видомъ.—Вы знаете, я никого не принимаю въ эти часы послѣ обѣда, и... и мнѣ не сказали, что вы здѣсь.

— Я умѣю ждать,—спокойно отвѣчалъ Тарвинъ.

Король сѣлъ на сломанное виндзорское кресло, стоявшее среди двора, и подозрительно посмотрѣлъ на Тарвина.

— Развѣ вамъ мало отпустили преступниковъ изъ тюремъ? Отчего вы не на плотинѣ, а вмѣсто того беспокоите меня? Господи, Боже мой! Король никогда не можетъ отдохнуть изъ-за васъ и вамъ подобныхъ!..

Тарвинъ ни слова не сказалъ въ отвѣтъ на эту вспышку.

— Я прѣхалъ поговорить съ вами о магараджѣ Кенварѣ,—спокойно проговорилъ онъ.

— Что же съ нимъ случилось?—нетерпѣливо вскричалъ магараджа.—Я... я ужъ нѣсколько дней не вижу его.

— Отчего?—рѣзко спросилъ Тарвинъ.

— Все государственныя дѣла и политическія осложненія,—пробормоталъ король, избѣгая негодующаго взгляда Тарвина.—Что же мнѣ беспокоиться, когда я знаю, что ничего дурного съ мальчикомъ не могло случиться.

— Ничего дурного!

— Какъ же могло случиться съ нимъ что-нибудь дурное?

Голосъ упалъ почти до жалобнаго хныканья.

— Вы сами, сагибъ Тарвинъ, обѣщали мнѣ быть ему вѣрнымъ другомъ. Это было въ тотъ день, когда вы такъ славно ѣздили и такъ славно держались при нападеніи моего конвоя. Никогда не видалъ я такой верховой ѣзды! значить, чего же мнѣ беспокоиться? Давайте лучше выпьемъ.

Онъ сдѣлалъ знакъ слугамъ. Одинъ изъ нихъ приблизился, держа высокую серебряную стопу, полускрытую подъ его широкою одеждою, и влилъ въ нее такую порцію водки, что Тарвинъ, привыкшій къ крѣпкимъ напиткамъ, широко раскрылъ глаза. Второй слуга привнесъ бутылку шампанскаго, откупорилъ ее съ ловкостью опытнаго въ этомъ дѣлѣ человѣка и долилъ стопу до краевъ пѣвящимся виномъ.

Магараджа выпилъ значительную порцію и, вытирая пѣну съ усовъ, проговорилъ какъ бы оправдываясь:

— Такія вещи нельзя показывать политическимъ агентамъ, но вы, сагибъ, вѣрный другъ нашей страны. Поэтому отъ васъ я не скрываю. Хотите, вамъ приготовятъ такого же?

— Благодарю. Я пріѣхалъ не для того, чтобы пить. Я пріѣхалъ сказать вамъ, что магараджа былъ сильно боленъ.

— Мнѣ говорили, что у него маленькая лихорадка,—сказалъ король, отклоняясь на спинку кресла.—Но онъ съ миссъ Кэтъ и она вылечитъ его. Маленькая лихорадка, ничего больше, сагибъ Тарвинъ. Выпьемъ вмѣстѣ.

— Маленькая лихорадка, чортъ возьми! Можете ли вы понимать, что я говорю? Бѣдный мальчикъ отравленъ и чуть не умеръ.

— Ну, такъ это отъ англійскихъ лекарствъ,—сказалъ магараджа съ глупой улыбкой. — Я одинъ разъ сильно расхворался благодаря имъ, такъ что долженъ былъ обратиться къ туземнымъ гакимамъ. Вы всегда рассказываете интересныя вещи, сагибъ Тарвинъ.

Тарвину пришлось сдѣлать большое усиліе надъ собой, чтобы сдержать свое негодование; онъ похлопалъ себя бичомъ по сапогу и произнесъ внятно и раздѣльно:

— Я пришелъ сегодня не для интересныхъ рассказовъ. Мальчикъ теперь у миссъ Шерифъ. Его туда свезли; кто-то во дворцѣ пытался отравить его коноплей.

— Бхангъ!—безмысленно произнесъ магараджа.

— Я не знаю, какъ называется это кушанье; но оно было отравлено. Если бы не миссъ Шерифъ, онъ бы умеръ, вашъ старшій сынъ умеръ бы. Онъ былъ отравленъ, слышите, сагибъ магараджа? и отравленъ кѣмъ-то во дворцѣ.

— Онъ вѣрно съѣлъ что-нибудь вредное и заболѣлъ. Мальчики постоянно все ѣдятъ. Господи, Боже мой! Никто не осмѣлится поднять пальца на моего сына.

— А какъ же вы помѣшаете этому?

Магараджа привсталъ и красные глаза его засверкали гнѣвомъ.

— Я привяжу его къ передней ногѣ самаго большого моего слова и убью его!

Послѣ этого онъ сталъ говорить на мѣстномъ нарѣчїи, съ яростью перебирая самыя ужасныя пытки, какія хотѣлъ бы примѣнить, хотя не имѣлъ на то права.

— Я сдѣлаю все это тому, кто осмѣлится тронуть его,—сказалъ онъ въ заключеніе.

Тарвинъ улыбнулся недовѣрчиво.

— Я знаю, вы думаете,—закричалъ король, обезумѣвшій отъ вина и опиума,—вы думаете, что такъ какъ существуетъ англійское правительство, то я могу судить только по закону, и разныя такія безсмыслицы. Глупости! Что мнѣ за дѣло до закона, который написанъ въ книгахъ? Развѣ стѣны моего дворца рассказутъ, что я здѣсь дѣлаю?

— Онѣ не расскажутъ. Если бы онѣ могли говорить, онѣ сказали бы вамъ, что въ это дѣло замѣшана женщина, которая живетъ во дворцѣ.

Смутное лицо магараджи стало сѣрымъ. Затѣмъ онъ снова заговорилъ почти ширѣпо:

— Да что я король или горшечникъ, что дѣла моего зенана разглашаются на весь свѣтъ всякою бѣлой собакой, которой вздумается обляять меня? Убирайтесь вонъ, не то караулъ выговорить васъ, какъ какого-нибудь шакала!

— Очень хорошо,—спокойно отвѣчалъ Тарвинъ.— Но какое же это имѣетъ отношеніе къ принцу, сагибъ магараджа? Поѣдемъ къ м. Эстесу и я вамъ покажу. Вы, я думаю, должны знать, что такое отравы. Вы сами рѣшите. Ребенокъ былъ отравленъ.

— Несчастный былъ день для всего моего государства, когда я впустилъ въ него миссіонеровъ, и еще болѣе несчастный, когда я не выгналъ васъ.

— Ни мало. Я рѣшилъ охранять магараджу Кенвара и буду охранять его. А вамъ лучше хочется, чтобы ваши женщины убили его.

— Сагибъ Тарвинъ, понимаете ли вы, что вы говорите?

— Если бы не повималъ, такъ и не говорилъ бы. У меня всѣ доказательства въ рукахъ.

— Но если было отравленіе, то не можетъ быть никакихъ доказательствъ, особенно если ядъ дала женщина. Тогда надобно судить по подозрѣнію, а по англійскимъ законамъ это очень нелиберально убивать по подозрѣнію. Сагибъ Тарвинъ, англичане отняли у меня все, что составляетъ радость Райпутана, и я, и всѣ мы влачимъ жизнь въ бездѣйствіи, точно лошади, которыхъ держать взаперти. Но здѣсь, по крайней мѣрѣ, я господинъ.

Онъ указалъ рукой на зеленые ставни и заговорилъ болѣе тихимъ голосомъ, снова опускаясь въ кресло и закрывая глаза.

Тарвинъ смотрѣлъ на него съ отчаяніемъ.

— Никто не посмѣетъ, никто не посмѣетъ,—бормоталъ магараджа слабѣющимъ голосомъ.— А то другое, о чемъ вы говорили, это не въ вашей власти. Ей-Богу! я вѣдь райпутанъ и король. Я не могу говорить о томъ, что дѣлается за занавѣсами.

Тарвинъ призвалъ на помощь все свое мужество и сказалъ:

— Я и не прошу васъ говорить; я только хочу предупредить васъ относительно Ситабхаи. Это она отравила принца.

Магараджа задрожалъ. Европеецъ осмѣливался произнести имя королевы; это само по себѣ было достаточно оскорбительно, ничего подобнаго онъ никогда не слышалъ. Но что европеецъ громко

произносилъ среди двора такое обвиненіе, какое высказалъ Тарвинъ, это превосходило всякое вѣроятіе. Магараджа только - что пришелъ отъ Ситабхай, которая убаюкивала его пѣснями и ласками, тайну которыхъ зналъ онъ одинъ, и вдругъ этотъ сухопарый иностранецъ нападаетъ на нее съ своими низкими обвиненіями. Въ припадкѣ гнѣва онъ готовъ былъ наброситься на Тарвина, который сказалъ:

— У меня есть доказательства, которыя могутъ вполне удовлетворить полковника Нолана.

Магараджа уставился на Тарвина своими воспаленными глазами и на минуту Тарвину показалось, что съ нимъ дѣлается апоплексическій ударъ; но оказалось просто, что вино и опіумъ производили свое дѣйствіе. Онъ что-то сердито проворчалъ. Голова его упала на грудь, слова замерли на губахъ его и онъ сидѣлъ въ своемъ креслѣ, тяжело дыша, безчувственный, какъ чурбанъ.

Тарвинъ собралъ поводья и нѣсколько времени молча смотрѣлъ на пьянаго короля, между тѣмъ какъ шорохъ за ставнями то умогнулъ, то снова поднимался. Затѣмъ онъ повернулъ лошадь, чтобы уѣхать и, задумавшись, вѣхалъ подъ арку воротъ.

Вдругъ что-то выскочило изъ темнаго угла, гдѣ спалъ сторожъ и гдѣ содержались обезьяны короля; сѣрая обезьяна, съ цѣпью, перерванною около самаго ошейника, щелкая зубами, вскочила на передокъ сѣдла и испуганная лошадь встала на дыбы. Въ темнотѣ Тарвинъ не могъ разглядѣть животное, но узналъ его по осязанію и по запаху. Обезьяна ухватилаь одною рукою за гриву лошади, а другою обняла его за шею. Онъ инстинктивно отклонился назадъ, и прежде чѣмъ зубы подъ синими деснами успѣли еще разъ щелкнуть, онъ сдѣлалъ два выстрѣла въ упоръ. Обезьяна упала на землю, застонавъ точно человѣкъ, а дымъ отъ выстрѣловъ полетѣлъ назадъ сквозь отверстіе арки и разсѣялся по широкому двору.

XVII.

Чужіе явились мы съ разныхъ концовъ земли, украшенные перьями и драгоценными камнями; я былъ первымъ въ родѣ Инковъ, она была царицей моря. Подъ звѣздами выше нашихъ звѣздъ, тамъ, гдѣ блещутъ свободные метеоры, брали мы съ бою Валгаллу миллионъ лѣтъ тому назадъ.

Звѣздная пыль была подъ нашими ногами, звѣздное сіяніе надъ нашими головами, отъ нашей ярости обломки, кружась, летѣли внизъ, а мы бились, и сражались, и боролись. Мы отталкивали міры за мірами и катали ихъ впадъ и впередъ въ ту ночь, когда мы брали съ бою Валгаллу миллионъ лѣтъ тому назадъ.

На ней сіяла звѣзда и я избралъ ее своею, я стремился къ ней въ страстномъ желаніи, пока мы блуждали во мракѣ ночи ночей, смятенные пожаромъ міровъ; мы сошлись на этой борьбѣ любви и ненависти тамъ, гдѣ блещутъ свободные метеоры, и мы пробили себѣ путь къ Валгаллѣ миллионъ лѣтъ тому назадъ.

«Битва съ богами».

Лѣтомъ ночи въ пустыняхъ бываютъ жарче, чѣмъ дни, такъ какъ послѣ заката солнца, камни и мраморъ возвращаютъ поглощенную теплоту, а низкія облака, только обѣщающія дождь, но никогда не дающія его, не позволяютъ этой теплотѣ улетучиться.

Тарвинъ лежалъ на верандѣ въ гостинницѣ, курилъ сигару и раздумывалъ, улучшилъ ли онъ положеніе магараджи Кенвара тѣмъ, что обратился къ магараджѣ. Никто не мѣшалъ ему предаваться размышленіямъ; послѣдніе изъ коммерческихъ агентовъ уѣхали въ Калькутту и Бомбей, продолжая негодовать до самой послѣдней минуты отъѣзда, и онъ остался полнымъ господиномъ гостинницы. Окидывая взглядомъ свои владѣнія и затягиваясь сигарой, онъ думалъ о томъ, что дѣла его находятся въ отчаянномъ и, повидимому, совершенно безнадежномъ положеніи. Обстоятельства дошли до той точки, когда ему было пріятно бороться съ ними. Когда дѣла принимали подобный оборотъ, одинъ только Николай Тарвинъ могъ уладить ихъ и повернуть въ свою пользу. Кэтъ упрямятся, Наулака, чортъ знаетъ, гдѣ спрятана, магараджа готовъ изгнать его изъ своихъ владѣній, Ситабхаи слышала, какъ онъ обвинялъ ее. Очень возможно, что ему предстоитъ въ близкомъ будущемъ быстро и таинственно покончить жизнь, при чемъ онъ не будетъ имѣть даже и того утѣшенія, что Геклеръ и другіе молодцы ото-

мстятъ за него; а если онъ и останется живъ, ему, по всѣмъ видимостямъ, придется жить безъ Кэтъ, жить, не давши новой жизни Топазу, иначе сказать такъ, какъ вовсе и не стоитъ трудиться жить.

Лунный свѣтъ, освѣщавшій городъ по ту сторону песковъ, бросалъ фантастическія тѣни на шпицы храмовъ и на сторожевыя башни стѣнъ. Собака, отыскивавшая себѣ пищу, жалобно повизжала около кресла Тарвина, затѣмъ отошла отъ него и принялась выть. Это былъ необычайно меланхолическій вой. Тарвинъ курилъ, пока луна не погрузилась въ густую тьму индійской ночи. Какъ только она зашла, онъ замѣтилъ нѣчто, что было чернѣе ночи и стояло между нимъ и горизонтомъ.

— Это вы, сагибъ Тарвинъ? — спросилъ голосъ по-англійски, но съ мѣстнымъ акцентомъ.

Прежде чѣмъ отвѣчать, Тарвинъ вскочилъ на ноги. Онъ начиналъ бояться всякаго вновь входящаго. Рука его опустилась въ боковой карманъ. Ему казалось, что въ этой странѣ, гдѣ все дѣлается точно на представленіи фокусника, изъ темноты можетъ вдругъ выскочить что-нибудь ужасное.

— Нѣтъ, не бойтесь, — сказалъ голосъ, — это я, Юггуть Сингъ. Тарвинъ задумчиво докуривалъ сигару.

— Въ странѣ много Синговъ, — сказалъ онъ, — вы который же изъ нихъ?

— Я Юггуть Сингъ; я служу при дворѣ магараджи.

— Гм! Король прислалъ васъ за мною?

Фигура подошла еще на одинъ шагъ ближе.

— Нѣтъ, сагибъ, королева.

— Которая? — спросилъ Тарвинъ.

Фигура стояла на верандѣ рядомъ съ нимъ и шептала ему почти на ухо:

— Только одна королева осмѣливается выѣзжать изъ дворца. Это цыганка.

Тарвинъ весело и беззвучно щелкнулъ пальцами и съ торжествомъ прищелкнулъ языкомъ.

— Пріятные, пріятные часы у этой леди, — сказалъ онъ.

— Здѣсь не мѣсто вести разговоры, сагибъ. Я долженъ былъ сказать вамъ: «Пойдемъ, если вы не боитесь темноты».

— Ахъ, вотъ что! Ну хорошо, Юггуть. Я очень радъ повидаться съ вашимъ другомъ, Ситабхай. Гдѣ же вы ее держите? Куда мнѣ идти?

— Я долженъ былъ сказать: «Пойдемъ со мною». Вы боитесь? Этотъ вопросъ посланный предложилъ уже самъ отъ себя.

— Нѣтъ, не въ томъ дѣло, — проговорилъ Тарвинъ, окружая себя цѣлымъ облакомъ дыма.

— Со мной есть лошади, очень смирныя лошади. Такъ приказала королева. Пойдемъ со мною.

Тарвинъ продолжалъ курить, не торопясь, и точно также не спѣшно поднялся съ кресла. Онъ вынулъ револьверъ изъ кармана, медленно осмотрѣлъ всѣ заряды подъ бдительнымъ взглядомъ Юггута Синга и снова положилъ его въ карманъ, подмигнувъ при этомъ своему собесѣднику.

— Ну, идемъ, Юггуть, — сказалъ онъ.

Они обошли гостиницу и направились къ тому мѣсту, гдѣ стояли двѣ лошади, головы которыхъ были закрыты плащами, чтобы онѣ не заржали. Проводникъ сѣлъ на одну изъ нихъ, Тарвинъ молча влѣзъ на другую, удостовѣрившись предварительно, что на этотъ разъ сѣдло крѣпко привязано. Они свернули съ дороги, которая вела въ городъ, и поѣхали шагомъ по проселочной дорожкѣ, къ горамъ.

— Теперь, — сказалъ Юггуть Сингъ послѣ того, какъ они проѣхали такимъ образомъ около четверти мили, — мы можемъ припустить.

Онъ нагнулся впередъ, подтянулъ стремяна и бѣшено погналъ свою лошадь. Ничто, кромѣ страха смерти, не могло заставить изнѣженнаго дворцоваго евнуха ѣхать такимъ аллюромъ.

Тарвинъ посмотрѣлъ, какъ онъ скакалъ на сѣдлѣ, немножко поспѣваясь и поспѣдовавъ за нимъ.

— Вы не любите слишкомъ откормленныхъ лошадей, Юггуть, — правда, не любите?

— Ыдемъ! — кричалъ Юггуть Сингъ, — мы должны быть въ ущельѣ! Ыдемъ!

Сухой песокъ летѣлъ изъ подъ копытъ лошадей, горячій вѣтеръ свисталъ вокругъ нихъ, пока они поднимались по отлогому склону къ горамъ, за три мили отъ дворца. Въ прежнее время, до введенія телеграфовъ, промышленники оцумомъ, жившіе въ степяхъ, имѣли обыкновеніе сообщать о поднятіи и пониженіи цѣны на опиумъ съ небольшихъ маяковъ, построенныхъ для этой цѣли на холмахъ. Юггуть Сингъ направился къ одной изъ этихъ заброшенныхъ башенъ. Лошади пошли тише, когда подъемъ сталъ круче, и очертанія башни съ плоскою крышей начали вырисовываться на фонѣ неба. Черезъ нѣсколько минутъ Тарвинъ услышалъ, что подковы ихъ лошадей стучатъ по твердому мрамору, и увидѣлъ, что они ѣдутъ по окраинѣ большого резервуара, до верху наполненнаго водой.

Къ востоку нѣсколько мерцающихъ огоньковъ указывали на мѣсто, гдѣ находился Раторъ, и напомнили ему ту ночь, когда онъ бросалъ прощальный взглядъ на Топазъ съ платформы поѣзда. Ночныя птицы перекликались въ травѣ на дальнемъ концѣ пруда, и большая рыба прыгнула изъ воды на томъ мѣстѣ, гдѣ отражалась звѣзда.

— Сторожевая башня на томъ концѣ пруда,—сказалъ Югуттъ Сингъ.—Цыганка тамъ.

— Неужели это имя будетъ вѣчно повторяться?—раздался изъ темноты удивительно нѣжный голосъ.—Хорошо, что я короткаго нрава, а то рыбамъ удалось бы поближе познакомиться съ тобой, Югуттъ Сингъ.

Тарвинъ дернулъ лошадь и остановилъ ее, такъ какъ почти у самой головы ея появилась фигура, съ ногъ до головы обернутая облакомъ свѣтложелтаго газа. Она вышла изъ-за краснаго надгробнаго памятника райпутанскаго воина, прославившагося въ прежнія времена, и, по повѣрью сельскихъ жителей, каждую ночь объѣзжающаго устроенный имъ водоемъ, отъ чего никто не ходилъ на Дунгаръ Талао послѣ заката солнца.

— Сойдите съ лошади, сагибъ Тарвинъ,—произнесъ голосъ по англійски съ отгѣнкомъ насмѣшки.—Я во всякомъ случаѣ не сѣрая обезьяна. Югуттъ Сингъ, подожди съ лошадьми наверху около сигнальной башни.

— Да, подождите Югуттъ, и не вздумайте заснуть,—сказалъ Тарвинъ,—вы намъ можете понадобиться.—Онъ сошелъ съ лошади и сталъ передъ закутанной фигурой Ситабхай.

— Пожмемъ другъ другу руку,—сказала она послѣ нѣкотораго молчанія, протягивая ручку, которая была меньше даже, чѣмъ у Кэтъ.—Ахъ, сагибъ, я знала, что вы пріѣдете. Я знала, что вы не боитесь.

Она держала его руку въ своей и нѣжно пожимала ее. Тарвинъ захватилъ тоненькую ручку въ свою объемистую руку, пожавъ ее съ такою силою, что Ситабхай невольно вскрикнула, и сильно потрясъ ее.

— Очень радъ познакомиться съ вами,—сказалъ онъ, между тѣмъ какъ она шептала: «Клянусь Индуромъ, у него сильная рука!»

— Я тоже очень рада, что вижу васъ,—отвѣчала она громко. Тарвинъ замѣтилъ, какъ музыкаленъ ея голосъ, и очень хотѣлъ бы знать, каково лице, скрытое подъ покрываломъ. Она спокойно сѣла на маленькую плиту и указала ему мѣсто рядомъ съ собою.

— Всѣ бѣлые люди любятъ говорить откровенно,—прогово-

рила она, произнося слова медленно и съ неправильнымъ англійскимъ выговоромъ.—Скажите мнѣ, сагибъ Тарвинъ, что именно вы знаете.

При этихъ словахъ она отдернула покрывало и повернула къ нему свое лицо. Тарвинъ увидѣлъ, что она красива. Представленіе о ея красотѣ нечувствительно заслонило отъ него представленія о другихъ ея свойствахъ.

— Вы не ожидаете, что я самъ себя выдамъ, не правда ли, королева?

— Я не понимаю. Но я знаю, что вы говорите не такъ, какъ другіе бѣлые люди,—сказала она кротко.

— Ну, хорошо, такъ развѣ вы ожидаете, что я вамъ скажу правду?

— Нѣтъ,—отвѣчала она,—иначе, вы бы мнѣ сказали, зачѣмъ вы здѣсь. Зачѣмъ вы мнѣ причиняете столько безпокойствъ?

— Я вамъ причиняю безпокойства?

Ситабхаи засмѣялась, откинувъ назадъ голову и сложивъ руки на затылкѣ. Тарвинъ съ любопытствомъ наблюдалъ ее при свѣтѣ звѣздъ. Всѣ чувства его были въ возбужденномъ состояніи онъ былъ на сторожѣ и отъ времени до времени бросалъ испытующіе взгляды вокругъ и назадъ. Но онъ ничего не могъ видѣть, кромѣ тусклаго блеска воды, у подножія мраморныхъ ступеней, ничего не могъ слышать, кромѣ крика ночныхъ совъ.

— О, сагибъ Тарвинъ, — сказала она. — Знаете! Мнѣ было такъ жаль послѣ перваго раза!

— Какой же это былъ разъ?—спросилъ Торвинъ, не вполне понимая ее.

— Да тогда, когда сѣдло перевернулось. И потомъ, когда балка упала съ арки, я думала, что, по крайней мѣрѣ, ваша лошадь искалѣчена. Зашибло ее?

— Нѣтъ, — отвѣчалъ Тарвинъ, удивленный ея вызывающею откровенностью.

— Навѣрно вы знали, — проговорила она почти съ упрекомъ Онъ покачалъ головой.

— Нѣтъ, Ситабхаи, моя милая, — сказалъ онъ медленно и многозначительно. — Я не подумалъ о васъ, и это будетъ моимъ вѣчнымъ позоромъ. Но я начинаю смѣкать. Вы, должно быть, устроили и маленькія приключенія на плотинѣ, и съ мостомъ, и съ телегами. А я-то думалъ, что это все ихъ дьявольская небрежность! Ну, я буду... — Онъ засвисталъ какую-то мелодію и въ отвѣтъ ему раздался хриплый крикъ журавля въ камышѣ.

*

Королева вскочила на ноги и схватилась рукою за грудь.— «Сигнал!» Затѣмъ она снова онустилась на могильную плиту.

— Нѣтъ, вы никого не привели съ собой. Я знаю, вы не побоялись пріѣхать одинъ.

— О, я вовсе не стараюсь погубить васъ, молодая леди,— отвѣчалъ онъ.— Напротивъ, я люблюсь вашими красивыми и систематическими адскими выдумками. Оказывается, что вы главная виновница всѣхъ моихъ бѣдъ? Штука съ сыпучимъ пескомъ была очень мила. Часто устраиваете вы ее?

— О, на плотинѣ! — вскричала королева, слегка махнувъ рукою.— Я просто велѣла имъ устроить что-нибудь, что они могутъ. Но это все очень глупый народъ, простые кули. Они рассказали мнѣ, что сдѣлали, и я разсердилась на нихъ.

— Убили кого-нибудь?

— Нѣтъ, съ какой стати?

— Но, если на то пошло, съ какой стати хотите вы меня убить?—сурово спросилъ Тарвинъ.

— Я не люблю, когда сюда пріѣзжаютъ жить бѣлые люди, а я знала, что вы пріѣхали жить. Кромѣ того,—продолжала она,— магараджа полюбилъ васъ, а я никогда прежде не убивала бѣлаго человѣка. И потомъ вы мнѣ понравилась!

— О!—вскричалъ Тарвинъ многозначительно.

— Клянусь Малангъ - Шахомъ, а вы этого и не замѣчали!— Она клялась богомъ своего клана, богомъ цыганъ.

— Перестаньте, это не идетъ къ дѣлу,—сказалъ Тарвинъ.

— А вы убили мою любимую обезьянку,—продолжала она.— Она всякое утро кланялась мнѣ совсѣмъ, какъ Лухманъ Рао, первый министръ. Сагибъ Тарвинъ, я знавала многихъ англичанъ. Я танцевала на натянутомъ канатѣ передъ палатками офицеровъ, шедшихъ въ походъ, и протягивала свою чашечку за подавнѣемъ самому высокому бородатому полковнику, когда была ему всего по колѣна.—Она показала рукой на футъ отъ земли.—А когда я стала старше,—продолжала она,—я думала, что знаю сердца людей. Но, клянусь Малангъ Шахомъ, сагибъ Тарвинъ, я никогда не видала такого человѣка, какъ вы! Нѣтъ,—продолжала она почти умоляюще,—не говорите, что вы не знали. На моемъ языкѣ есть любовная пѣсня: «я не спала отъ луны до луны изъ за тебя»; и ко мнѣ эта пѣсня совсѣмъ подходитъ. Иногда мнѣ кажется, что я вовсе не хотѣла бы видѣть васъ мертвымъ. А все-таки, было бы лучше, если бы вы умерли. Я, я одна распоряжаюсь этимъ государствомъ. А теперь, послѣ того, что вы сказали королю...

— Да? Вы, значить, слышали?

Она кивнула.

— Послѣ этого я не вижу никакого другого средства,—развѣ если вы уѣдете.

— Я не уѣду,—сказалъ Тарвинъ.

— Хорошо,—проговорила королева съ легкимъ смѣхомъ. — Значить, мнѣ придется каждый день видѣть васъ на дворѣ дворца. Я думала, что солнце убьетъ васъ, когда вы ждали магараджу. Поблагодарите меня, сагибъ Тарвинъ, это я сдѣлала, что магараджа вышелъ къ вамъ, а вы сыграли со мной такую злую штуку.

— Моя милая молодая леди,—серьезно сказалъ Тарвинъ,—если вы согласитесь спрятать свои маленькіе злые когти, никто не сдѣлаетъ вамъ никакого вреда. Но я не позволю вамъ отбить у меня магараджу Кенвара. Пока я здѣсь, я буду слѣдить за тѣмъ, чтобы молодой человѣкъ оставался съ нами. Держитесь по-дальше, это будетъ лучше для васъ.

— Опять-таки я ничего не понимаю,—сказала королева съ недоумѣніемъ.—Что за дѣло до жизни какого-то маленькаго ребенка, вамъ, иностранцу?

— Что мнѣ за дѣло? Странный вопросъ! Да вѣдь это жизнь ребенка, чего же вамъ еще? Неужели для васъ нѣтъ ничего святого?

— У меня тоже есть сынъ,—возразила королева,—и онъ не богъзвенный ребенокъ. Право, сагибъ Тарвинъ, тотъ мальчикъ былъ больной отъ рожденія. Какъ же онъ можетъ управлять людьми? Мой сынъ будетъ настоящій райпутанъ, и впоследствии... но это не касается бѣлыхъ людей. Не мѣшайте этому мальчику возвратиться къ богамъ!

— Ни въ какомъ случаѣ! — рѣшительно отвѣчалъ Тарвинъ.

— Иначе,—продолжала королева,—онъ доживетъ до 90 лѣтъ больнымъ и несчастнымъ человѣкомъ. Я знаю тотъ родъ Кулу, отъ котораго онъ происходитъ. Да, я пѣла у воротъ дворца его матери, когда и она, и я мы были еще дѣвочками, я стояла въ пыли, ее несли въ носилкахъ на свадьбу. Теперь пришла ея очередь стоять передо мною въ пыли. Сагибъ Тарвинъ,—ея голосъ смягчился до мольбы,—у меня никогда не будетъ второго сына, но я хочу, по крайней мѣрѣ, управлять государствомъ изъ за завѣсей, какъ это дѣлали многія королевы. Я выросла не во дворцѣ. Тѣ—она презрительно указала на огни Ратора—никогда не видели, какъ склоняются колосья, не слыхали, какъ воетъ вѣтеръ, не сидѣли на сѣдлѣ, не разговаривали съ глазу на глазъ съ муж-

чинами на улицѣ. Онѣ называютъ меня цыганкой и прячутся за свои покрывала, какъ толстыя улитки въ раковины, когда мнѣ вздумается протянуть руку къ бородѣ магараджи. Ихъ пѣвцы поютъ объ ихъ предкахъ, жившихъ 12 сотенъ лѣтъ тому назадъ. Онѣ благородныя, конечно! Но, клянусь Индуромъ и Аллахомъ, да и Богомъ вашихъ миссіонеровъ, ихъ дѣти и британское правительство будутъ помнить обо мнѣ дважды 12 сотенъ лѣтъ! Ахъ, сагибъ Тарвинъ, вы не знаете, какой мой сынъ умный мальчикъ. Я не позволяю ему ходить къ миссіонерамъ. Всему, что ему надобно будетъ узнать впослѣдствіи—а, конечно, это не бездѣлица, управлять государствомъ,—онъ научится у меня; потому что я видала свѣтъ, и я знаю. И пока вы не пріѣхали, все шло такъ тихо, такъ мирно къ цѣли. Мальчикъ умеръ бы, и никому не было бы никакихъ непріятностей. И никогда никто во дворцѣ, ни мужчина, ни женщина, не шепнули бы королю ни одного слова о томъ, о чемъ вы кричали громко во дворѣ при солнечномъ свѣтѣ. Теперь подозрѣніе навсегда запало въ душу короля, и я не знаю... я не знаю...—Она наклонилась къ нему и сказала серьезно:—Сагибъ Тарвинъ, если во всемъ, что я говорила сегодня ночью, есть хоть слово правды, скажите мнѣ, что именно вамъ извѣстно.

Тарвинъ продолжалъ хранить молчаніе. Она положила руку на его колѣно съ умоляющимъ видомъ.

— И никто бы ничего не подозрѣвалъ. Когда леди вице-короля пріѣзжала въ прошломъ году, я изъ своихъ собственныхъ денегъ пожертвовала 25 тысячъ рупи на дѣтскую больницу, и сагибъ леди поцѣловала меня въ обѣ щеки, и я говорила по-англійски, и показывала имъ, какъ я занимаюсь вязаньемъ, а я въ это время вязала и развязывала сердца людей.

Теперь Тарвинъ больше не свисталъ; онъ только улыбулся и пробормоталъ что-то въ знакъ сочувствія. Длинный рядъ ея ловко подстроенныхъ преступленій и то равнодушіе, съ какимъ она о нихъ говорила, придавали ей извѣстную оригинальность. Мало того, онъ уважалъ ее за ту черту ея характера, которая особенно симпатична людямъ запада—она провела его. Правда, ея замыслы не удались; но она приводила ихъ въ исполненіе такъ, что онъ, ея жертва, этого не замѣтилъ. Онъ почти преклонялся передъ ней за это.

— Теперь вы начинаете понимать,—сказала Ситабхан,—это дѣло не очень простое. Вы все еще намѣрены, сагибъ, идти къ полковнику Нолану съ вашими разсказами обо мнѣ?

— Непремѣнно, если вы не оставите въ покоѣ магараджу Кенвара,—сказалъ Тарвинъ, не допуская, чтобы его чувства мѣшали дѣлу.

— Это очень глупо,—сказала королева,—потому что полковникъ Ноланъ надѣлаетъ непріятностей королю, а король перевернетъ вверхъ дномъ весь дворецъ, и всѣ мои служанки, за исключеніемъ немногихъ, будутъ показывать противъ меня, и, пожалуй, дѣло дойдетъ до того, что меня всѣ стануть подозрѣвать. Тогда вы подумаете, что помѣшали мнѣ, сагибъ Тарвинъ. Но вы вѣдь не можете же всегда жить здѣсь. Вы не можете жить здѣсь до моей смерти. А какъ только вы уѣдете...—она щелкнула пальцами.

— Не надѣйтесь,—невозмутимо проговорилъ Тарвинъ,—я все устрою прочно. Развѣ вы меня не знаете?

Королева укусила себѣ палецъ съ видимымъ смущеніемъ. Никакъ нельзя было предвидѣть, что способенъ сдѣлать этотъ чловѣкъ, о котораго разбивались всѣ ея уловки. Если бы ей пришлось вести дѣло съ кѣмъ-нибудь изъ ея племени, шансы были бы равны. Но вполне спокойная и невозмутимая фигура, сидѣвшая рядомъ съ ней и наблюдавшая за каждымъ ея движеніемъ, подперевъ подбородокъ рукой, эта ловкая, подвижная, безстрашная фигура представляла неизвѣстную величину, разстраивавшую всѣ ея расчеты и приводившую ее въ безпокойство.

Послышался сдержанный кашель и къ нимъ приблизился Юггуть Сянгъ. Онъ смиренно поклонился и прошепталъ что-то королевѣ. Она презрительно засмѣялась и знакомъ приказала ему вернуться на его мѣсто.

— Онъ напомнилъ мнѣ, что ночь близится къ концу,—пояснила она,—и что смерть грозитъ ему и мнѣ за то, что мы выѣхали изъ дворца.

— Позвольте мнѣ не задерживать васъ,—сказалъ Тарвинъ, вставая.—Мнѣ кажется, мы понимаемъ другъ друга.—Онъ пристально посмотрѣлъ ей въ глаза.—Руки прочь!

— Значить, я не могу дѣлать все, что хочу?—сказала она,—и вы пойдете завтра къ полковнику Нолану?—

— Весьма возможно,—сказалъ Тарвинъ, сжимая губы. Онъ засунулъ руки въ карманы и стоялъ, глядя на нее сверху внизъ.

— Присядьте еще на минутку, сагибъ Тарвинъ,—сказала Ситабхаи пригласительнымъ жестомъ, похлопывая маленькую плиту своею маленькою ручкой. Тарвинъ повиновался.—Ну, вотъ, если я не позволю бревнамъ обваливаться, если я буду держать сѣрыхъ обезьянъ на крѣпкой привязи...

— И высушите сипучіе пески на Аметѣ,—продолжалъ Тарвинъ сердито.—Понимаю. Нѣтъ, милая, маленькая непріятельница, вы можете дѣлать все, что хотите. Я не желаю мѣшать вашимъ забавамъ.

— Я была виновата. Я должна была знать, что васъ ничѣмъ нельзя запугать,—сказала она задумчиво, искоса поглядывая на него:—я то же никого не боюсь, кромѣ васъ, сагибъ Тарвинъ. Если бы вы были королемъ, а я королевой, мы держали бы въ рукахъ весь Индостанъ.

Она зажала кулакъ при этихъ словахъ, и Тарвинъ, вспомнивъ то быстрое движеніе, съ какимъ она схватилась за грудь при его свисткѣ, положилъ свою руку на ея руки и держалъ ихъ крѣпко.

— Неужели нѣтъ ничего, ради чего вы могли бы оставить меня въ покоѣ, сагибъ Тарвинъ? Что вамъ нужно? Вы же не затѣмъ пріѣхали сюда, чтобы охранять жизнь магараджи Кен-вара?

— Почему вы знаете, что не затѣмъ?

— Вы очень умны, — сказала она съ легкимъ смѣхомъ, — но не надобно воображать себя слишкомъ умнымъ. Сказать вамъ, за чѣмъ вы пріѣхали?

— Ну, за чѣмъ же, скажите!

— Вы пріѣхали сюда за тѣмъ же, за чѣмъ вы ходили въ храмъ Исвара, и чего вы никогда не найдете, если,—она нагнулась къ нему,—я не помогу вамъ. Что, очень было холодно въ Коровей Пасты, сагибъ Тарвинъ?

Тарвинъ отшатнулся, нахмурилъ брови, но ничѣмъ больше не выдалъ себя.

— Я боялась, что змѣи съѣдятъ васъ тамъ.

— Неужели боялись?

— Да,—мягко сказала она.—И я также боялась, что вы не сойдете во-время съ вертящагося камня въ храмъ.

Тарвинъ взглянулъ на нее.

— Въ самомъ дѣлѣ?

— Да. Ахъ, я знала, что у васъ было на душѣ даже раньше, чѣмъ вы заговорили съ королемъ въ тотъ день, когда конвой чуть не убилъ васъ.

— Скажите, пожалуйста, молодая особа, вы содержите собственную тайную полицію?

Она засмѣялась.

— О вашей храбрости уже поютъ пѣсню во дворцѣ. Но самымъ храбрымъ подвигомъ съ вашей стороны было заговорить съ королемъ о Наулакѣ. Онъ разсказалъ мнѣ все, что вы говорили. Но онъ, даже онъ не воображалъ себѣ, что какой-нибудь иностранецъ можетъ пожелать пріобрѣсти его. А я была такъ добра, что не сказала ему этого. Но я знаю, — люди, подобные вамъ, созданы не для мелкихъ дѣлъ. Сагибъ Тарвинъ, — проговорила она,

приближаясь къ нему, освободивъ свою руку и вѣжно положивъ ее ему на плечо,—вы и я мы родственныя души! Потому что гораздо легче управлять этимъ государствомъ и, управляя имъ, легче отвоевать весь Индостанъ отъ этихъ бѣлыхъ собакъ-англичанъ, чѣмъ сдѣлать то, о чемъ вы мечтали. А между тѣмъ, для твердаго сердца нѣтъ ничего труднаго. Вы хотѣли добыть Наулаку для себя, сагибъ Тарвинъ, или для кого-нибудь другого, какъ я хочу заплучить Гакраль Ситарунъ для моего сына? Мы не мелкіе людишки. Вѣрно для кого-нибудь другого, не правда ли?

— Послушайте,—съ изумленіемъ проговорилъ Тарвинъ, снимая ея руку съ своего плеча и опять сжимая ее въ своей,—много такихъ, какъ вы, въ Индіи?

— Никого. Я, какъ и вы,—единственная.

Голова ея опустилась на его плечо, и она смотрѣла на него глазами, такими же темными, какъ вода у ихъ ногъ. Красныя губки и раздувающіяся ноздри ея были такъ близки отъ его лица, что ея горячее дыханіе обжигало его щеку.

— Хотите вы править государствомъ, какъ я, сагибъ Тарвинъ? Нѣтъ! вы навѣрно работаете для женщины. Вѣдь ваше правительство для васъ свято, и вы дѣлаете все, что оно вамъ приказываетъ. А у насъ: правительство велѣло вырыть каналъ, а я отвела его къ своему апельсинному саду, и я точно также заставлю короля повиноваться моей волѣ, и точно также убью мальчика, и точно также буду управлять Гакраль Ситаруномъ черезъ посредство своего сына. А вы, сагибъ Тарвинъ, вамъ ничего не нужно, кромѣ женщины? Не правда ли? Но вѣдь она слишкомъ мала, чтобы носить «Счастье государства». Она блѣднѣетъ съ каждымъ днемъ все больше и больше.

Она почувствовала, какъ онъ вздрогнулъ, но онъ не сказалъ ни слова.

Изъ кучи хвороста и валежника на дальнемъ концѣ пруда раздался сильный, лающій кашель и, казалось, звукъ его переполнилъ скорбью эту мѣстность, точно послѣдняя капля въ сосудѣ, до верку налитомъ водою.

Тарвинъ вскочилъ.

Въ первый разъ пришлось ему слышать сердитый и жалобный ревъ тигра, возвращающагося въ свое логовище послѣ неудачной ночной охоты.

— Это ничего, — сказала королева, не трогаясь съ мѣста. — Это просто тигръ изъ Дунгаръ Талао. Когда я была цыганкой, я много разъ слышала его ревъ, и даже если онъ придетъ сюда, вѣдь вы же застрѣлите его, какъ застрѣлили обезьяну?

Она прижалась къ нему, и онъ снова упалъ на камень рядомъ съ ней, машинально обнявъ ее одною рукою.

Тѣнь звѣря скользнула по открытому мѣсту на берегу пруда такъ же безшумно, какъ пушинки растений пролетаютъ по воздуху въ лѣтніе дни, и рука Тарвина крѣпче обхватила станъ женщины; не смотря на густыя складки кисеи, онъ почувствовалъ подъ ладонью холодный кушакъ, съ выпуклыми возвышеніями.

— Она такая маленькая и слабенькая, гдѣ же ей носить его?— повторила королева.

Она слегка повернулась въ его объятіяхъ, и рука его ощупала другой край пояса, такъ же какъ первый, устѣянный неправильными возвышеніями, а локоть его натолкнулся на большой квадратный камень.

Онъ вздрогнулъ и продолжалъ обнимать ее съ побѣлѣвшими губами.

— А мы вдвоемъ,—продолжала королева тихимъ голосомъ, бросая на него мечтательный взглядъ,—могли бы взбудоражить все королевство; у насъ всѣ стали бы биться точно буйволы весной. Хотите быть моимъ первымъ министромъ, сагибъ Тарвинъ, и давать мнѣ тайкомъ совѣты?

— Не знаю, могу ли я довѣрять вамъ,—рѣзко отвѣтилъ Тарвинъ.

— Я не знаю, могу ли я и сама себѣ довѣрять,—возразила королева;—очень возможно, что черезъ нѣсколько времени я, которая всегда была королевой, сдѣлаюсь рабой. Я была близка къ тому, чтобы бросить свое сердце подъ копыта вашей лошади. да и не одинъ разъ, а много разъ.

Она закинула руки за его шею и сложила ихъ тамъ, глядя ему прямо въ глаза и наклоняя къ себѣ его голову.

— Развѣ это бездѣлица,—ворковала она,—если я прошу васъ сдѣлаться моимъ королемъ? Въ прежнія времена, до англійскаго завоеванія, англичане низкаго происхожденія покоряли сердца влстителей и начальствовали надъ ихъ арміями. Они только по имени не были королями. Мы не знаемъ, когда вернутся прежнія времена, и мы можемъ вмѣстѣ предводительствовать арміями.

— Очень хорошо. Приберегите для меня это мѣстечко. Я, можетъ быть, когда-нибудь вернусь и попрошу его у васъ, послѣ того какъ обдѣлаю дома два-три дѣльца.

— Такъ вы уѣзжаете? И вы хотите скоро уѣхать отъ насъ?

— Я уѣду отъ васъ, когда получу, что мнѣ нужно, дорогая моя,—отвѣчалъ онъ, крѣпче обнимая ее.

Она закусила губу.

— Я должна была это знать,—кратко сказала она.—Я и сама никогда не отступаю отъ того, чего разъ захочу. Ну, чего же вы хотите?

Уголки губъ ея слегка опустились, а голова снова упала на плечо его. Взглянувъ внизъ, онъ увидѣлъ украшенную рубинами ручку небольшого ножа на ея груди.

Онъ быстрымъ движеніемъ освободился отъ ея объятій и поднялся на ноги. Она была очаровательна, когда съ умоляющимъ видомъ протягивала ему руки въ полусвѣтѣ. Но у него было другое на умѣ.

Тарвинъ посмотрѣлъ ей прямо въ лицо, и она опустила глаза.

— Если позволите, я возьму то, что у васъ надѣто на тальфъ.

— Я должна была знать, что бѣлые ни о чемъ не думаютъ, кромѣ денегъ!—вскричала она съ презрѣніемъ.

Она отстегнула серебряный поясъ, который былъ надѣтъ на ней, и съ шумомъ бросила его на мраморную плиту.

Тарвинъ даже не взглянулъ на него.

— Вы меня слишкомъ хорошо знаете для этого, — нетерпѣливо сказалъ онъ. — Полноте, возьмите прочь руки, ваша игра проиграна.

— Я не понимаю, — сказала она. — Я должна вамъ дать нѣсколько рупій, что ли? — спросила она презрительно. — Говорите скорѣй, Юггуть Сингъ ведетъ лошадей.

— О, я скажу скоро. Дайте мнѣ Наулаку.

— Наулаку?

— Да, именно. Мнѣ надоѣли непрочные мосты, дурно осѣдланнныя лошади, обваливаюціяся арки и вязкіе пески. Мнѣ нужно ожерелье.

— А вы мнѣ отдадите мальчика?

— Нѣтъ, не дамъ ни мальчика, ни ожерелья.

— А вы поѣдете утромъ къ полковнику Нолану?

— Да утро уже настало, вы бы лучше поторопились.

— Поѣдете вы къ полковнику Нолану?—повторила она, вставая и глядя на него.

— Да, если вы мнѣ не отдадите ожерелье.

— А если отдамъ?

— Тогда не поѣду. Это сдѣлка?—Такой же вопросъ онъ предложилъ и миссисъ Мѣтри.

Королева съ отчаяніемъ посмотрѣла на утреннюю звѣзду, которая начинала блѣднѣть на востокѣ. Все ея вліяніе на короля не спасло бы ея отъ смерти, если бы разсвѣтъ засталъ ее внѣ стѣнъ дворца.

Этотъ человѣкъ говорилъ такъ, какъ будто держалъ всю ея жизнь у себя въ кулакѣ, и она понимала, что онъ былъ правъ. Если у него есть доказательства, онъ не задумается представить ихъ магараджѣ; а если магараджа повѣритъ — Ситабхалъ чувствовала уже лезвее меча у себя на шеѣ. Она не будетъ основательницей новой династіи, она безслѣдно исчезнетъ изъ дворца. Къ счастью, сегодня на дворѣ король былъ въ такомъ состояніи, что не могъ понять обвиненія, которое Тарвинъ взводитъ на нее. Но теперь она была беззащитна противъ всего, что этотъ безпокойный и рѣшительный чужеземецъ вздумаетъ сдѣлать съ ней. Въ лучшемъ случаѣ онъ можетъ возбудить противъ нея неопредѣленное подозрѣніе индійскаго двора—что будетъ гибелью для ея плановъ,—и, съ помощью полковника Нолана, устроить такъ, что магараджа Кенваръ будетъ удаленъ отъ ея вліянія, въ худшемъ... но она не рѣшилась продолжить эту мысль до конца.

Она проклинала жалкую слабость, внушившую ей любовь къ нему и помѣшавшую ей убить его нѣсколько минутъ тому назадъ, когда онъ лежалъ въ ея объятіяхъ. Она хотѣла убить его съ самой первой минуты ихъ свиданія; она слишкомъ долго позволила себѣ увлечься наслажденіемъ чувствовать, какъ надъ ней властвуетъ воля богѣ сильная, чѣмъ ея воля, но время еще не потеряно.

— А если я вамъ не отдамъ Наулаку?—спросила она.

— Я увѣренъ, что вы поступите богѣ разумно.

Она окинула взглядомъ окружающую мѣстность и увидѣла, что блескъ звѣздъ померкъ; черная вода пруда стала сѣрою и дикія птицы просыпались въ камышахъ.

Разсвѣтъ былъ такъ же безжалостенъ къ ней, какъ и этотъ человѣкъ. Юггуть Сингъ подводилъ лошадей, и вся фигура его выражала ужась и нетерпѣніе. Небо было противъ нея, и на землѣ не отъ кого было ей ждать помощи.

Она положила руки за спину. Тарвинъ услышалъ щелканье застежки, и Наулака, вся сіяя огнями, лежала у ея ногъ.

Не удостоивъ взглядомъ ни его, ни ожерелье, она направилась къ лошадямъ. Тарвинъ быстро шагнулъ впередъ и овладѣлъ сокровищемъ. Юггуть Сингъ подвелъ его лошадь. Тарвинъ взялся за поводъ, засунувъ ожерелье въ карманъ на своей груди.

Онъ нагнулся, чтобы удостовѣриться, натянута ли подпруга. Королева, стоя сзади своей лошади, медлила садиться на нее.

— Прощайте, сагибъ Тарвинъ, и помните цыганку,—сказала она, перекинувъ руку за шею лошади.—Гей!

Огненная искра пронеслась передъ его глазами. Ножъ съ неф-

риговой рукояткой, принадлежавшей королевѣ, вонзился въ подсѣдельникъ лошади на полдюйма отъ его праваго плеча. Лошадь застонала отъ боли и скакнула впередъ къ жеребцу королевы.

— Убей его, Юггуть Сингъ!—закричала королева, указывая на Тарвина своему внуку, влѣзавшему на сѣдло.—Убей его.

Тарвинъ схватилъ ея маленькій кулачекъ въ свою сильную руку. «Потише, голубушка! Поттише! Успокойтесь!» Она поглядѣла на него растеряннымъ взглядомъ.

— Позвольте мнѣ посадить васъ!

Онъ обхватилъ ее руками и поднялъ на сѣдло.

— Ну, теперь подѣлываемся,—сказалъ онъ, видя, что она продолжаетъ смотрѣть на него.

Она отшатнулась.

— Нѣтъ? вы не хотите? Дайте-ка мнѣ ваши руки.

Онъ захватилъ обѣ ея руки въ свои и поцѣловалъ ее прямо въ губы. Затѣмъ онъ хлопнулъ ея лошадь, и она понеслась внизъ по ущелью и дальше по равнинѣ.

Онъ слѣдилъ нѣсколько минутъ глазами, какъ королева и Юггуть Сингъ исчезли въ облакъ пыли и летящихъ камней, затѣмъ съ глубокимъ вздохомъ облегченія вернулся къ пруду. Онъ вынулъ Наулаку изъ кармана, разложилъ ее на своихъ рукахъ и съ любовью глядѣлъ на него.

Камни заблестѣли при свѣтѣ утренней зари и затмили пестрые цвѣта холмовъ. Сравнительно съ сіяніемъ блестящей нитки красный свѣтъ неба, мелькавшій изъ за камышей, казался тусклымъ, какъ казались тусклыми факелы въ ночь свадьбы принца. Нѣжная зелень камышей, темная синева озера, пестрыя перья зимородокъ и заблестѣвшія на солнцѣ капли воды, которыя стая водяныхъ птицъ стряхала съ своихъ перьевъ—все казалось блѣднымъ сравнительно съ ожерельемъ. Одинъ только черный алмазъ не заразился радостнымъ блескомъ утра и лежалъ среди своихъ свѣтящихся товарищей мрачный и суровый, какъ та тревожная ночь, въ которую онъ его добылъ.

Тарвинъ перебралъ всѣ камни одинъ за другимъ; ихъ было всего 25, и каждый изъ нихъ былъ безукоризненнымъ совершенствомъ; чтобы ни малѣйшая часть ихъ красы не пропадала, они были обдѣланы въ самую тонкую золотую оправу, и каждый камень свободно возвышался надъ легкой золотой оболочкой, къ которой былъ прикрѣпленъ, и за каждый камень можно было выкупить короля изъ плѣна, купить доброе имя королевы.

Это были счастливыя минуты для Тарвина. Цѣль его жизни была достигнута, Топазъ былъ спасенъ!

Дикія утки плавали **взадъ** и впередъ по пруду, журавли перекликались, гордо выступая **среди** камышей, которые доходили имъ почти до головы. Изъ какого-то **храма**, скрытаго среди холмовъ, раздалось звучное пѣніе одинокаго **священника**, приносящаго утреннюю жертву своему богу, и изъ **города** разнесся по равнинѣ грохотъ сторожеваго барабана, **извѣщающаго**, что ворота открываются, и день начинается.

Тарвинъ отвелъ глаза отъ ожерелья, ножъ съ **нефритовой** ручкой лежалъ у его ногъ.

Онъ поднялъ хрупкое оружіе и бросилъ его въ воду.

— Теперь осталась только Кэтъ,—проговорилъ онъ.

XVIII.

И вотъ пришли мы въ свое царство и увидѣли мы свою державу, наши легионы стоятъ у воротъ дворца и не нужны они намъ больше, мы пришли въ свое царство. Мы пришли въ свое царство, корона ждетъ насъ, мы можемъ взять ее съ обнаженнымъ мечомъ въ залѣ совѣта, подъ трономъ вмѣи, мы пришли въ свое царство. Мы пришли въ свое царство, а глаза моей милой смотреть внизъ. Все, за что я бился, все, что я отвоевалъ, нисколько не радуешь ее. Моя корона для меня сухіе листья, когда она сидитъ во прахѣ и горюетъ, хотя мы пришли въ свое царство.

Король Антони.

Дворецъ на своей красной скалѣ, казалось, все еще былъ погруженъ въ сонъ, пока онъ ѣхалъ легкимъ галопомъ по пустынной равнинѣ. Человѣкъ на верблюдѣ выѣхалъ изъ городскихъ воротъ, направляясь подъ прямымъ угломъ на перерѣзъ его пути, и Тарвинъ съ интересомъ слѣдилъ, какъ быстро можетъ двигаться длинногій верблюдъ пустыни. Хотя онъ уже привыкъ къ этимъ животнымъ съ шею страуса, но при видѣ ихъ онъ все-таки не могъ удержаться отъ воспоминаній о циркѣ Барнума и о своихъ дѣтскихъ впечатлѣніяхъ. Человѣкъ подѣхалъ ближе и пересѣкъ дорогу прямо противъ него. Тогда въ утренней тишинѣ Тарвинъ услышалъ сухой звукъ, хорошо извѣстный ему: это былъ звукъ взводимаго курка. Онъ инстинктивно соскользнулъ съ сѣдла и

стоялъ по другой сторонѣ лошади, когда раздался выстрѣлъ, голубой дымъ поднялся и повисъ недвижимо надъ верблюдомъ.

— Я долженъ былъ знать, что она рано примется за дѣло,— пробормоталъ онъ, выглядывая изъ-за луки сѣдла.—Я не могу попасть въ него изъ револьвера на такомъ разстояніи. Что нужно этому сумасшедшему?

Онъ замѣтилъ, что всадникъ съ неловкостью, свойственною туземцамъ, прижималъ курокъ и бѣшено колотилъ прикладомъ по передней части сѣдла. Онъ поспѣшно вскочилъ на лошадь и подѣхалъ къ нему, направивъ револьверъ прямо на поблѣднѣвшее лице Юггута Синга.

— Какъ, это вы! Ну, Юггуть, старичина, это не любезно съ вашей стороны.

— Мнѣ было приказано,—продолжалъ Юггуть, дрожа отъ страха.—Я не виноватъ. Я, я не умѣю дѣлать этихъ дѣлъ.

— Это-то я вижу. Пойдите, я вамъ покажу.—Онъ взялъ ружье изъ его дрожащихъ рукъ.—Курокъ не надо тискать, другъ мой, такъ нельзя стрѣлять. Надо взвести его и дернуть за собачку, вотъ такъ! Вамъ слѣдуетъ поучиться, Юггуть.

— Что вы сдѣлаете со мной?—вскричалъ внучухъ.—Она убила бы меня, если бы я не поѣхалъ.

— Не вѣрьте этому, Юггуть. Она неумолима, какъ Юмба, въ теоріи и слаба на практикѣ. Пожалуйста, поѣзжайте впереди.

Они направились къ городу, Юггуть ѣхалъ впереди на своемъ верблюдѣ, ежеминутно оглядываясь назадъ съ пугливымъ выраженіемъ. Тарвинъ улыбался ему насмѣшливо, хотя успокоительно, и помахивалъ конфискованнымъ ружьемъ. Онъ замѣтилъ, что это очень хорошее ружье для умѣющаго стрѣлять.

Подѣхавъ къ флигелю дворца, гдѣ жила Ситабхаи, Юггуть Сингъ слѣзъ съ верблюда и проскользнулъ во дворъ, представляя всей своей фигурой живое воплощеніе страха и стыда. Тарвинъ догналъ его, и въ ту минуту, когда внучухъ готовъ былъ скрыться въ дверь, окликнулъ его.

— Вы забыли свое ружье, Юггуть,—сказалъ онъ.—Не бойтесь его.—Юггуть нерѣшительно протянулъ руку за ружьемъ.

— Теперъ оно никому не сдѣлаетъ зла. Идите къ своей госпожѣ, скажите ей, что вы возвратились, и поблагодарите ее.

Ни одинъ звукъ изъ за зеленыхъ ставень не долеталъ до него, пока онъ ѣхалъ дальше, а Юггуть съ недоумѣніемъ глядѣлъ вслѣдъ ему. Въ воротахъ на него ничего не свалилось и обезьяны сидѣли на привязи. Очевидно, Ситабхаи придумываетъ что-нибудь новое.

Что предстояло ему сдѣлать теперь прежде всего, это онъ уже придумалъ. Онъ поѣхалъ въ мечеть за городъ, разбудилъ своего друга въ шелковомъ халатѣ и заставилъ его послать слѣдующую телеграмму: «М-съ Мѣтри, Денверъ. Ожерелье ваше. Готовьтесь принять и ведите линію на Топазъ. Тарвинъ».

Затѣмъ онъ повернулъ лошадь къ Кэтъ. Онъ застегнулъ пальто на всѣ пуговицы и съ любовью гладилъ рукою карманъ, гдѣ лежала Наулака, пробираясь пѣшкомъ по тропинкѣ къ верандѣ дома мисси, и оставилъ Фибби на привязи за наружной оградой. Его довольство собой и всѣмъ свѣтомъ свѣтилось въ глазахъ его, пока онъ здоровался съ м-съ Эстесъ.

— Вы навѣрно узнали что-нибудь пріятное,—сказала она,—входите, пожалуйста.

— Да, очень пріятное, можетъ быть, даже самое пріятное, навѣрное не знаю,—отвѣчалъ онъ, улыбаясь и идя за ней въ гостиную.—Мнѣ бы очень хотѣлось рассказать вамъ, м-съ Эстесъ, въ чемъ дѣло. Я чувствую, что непременно долженъ кому-нибудь рассказать, но эта исторія не для здѣшнихъ мѣсть.—И онъ оглядѣлся кругомъ.—Если бы я могъ дѣлать, что хочу, я нанялъ бы глашатая съ музыкой, чтобы онъ всѣмъ оповѣстилъ ее; и мы устроили бы праздникъ 4-го іюля съ иллюминаціей, и я съ радостью прочелъ бы туземцамъ декларацію освобожденія. Но этого нельзя. А, впрочемъ, есть одна исторія, которую я могу рассказать вамъ,—прибавилъ онъ, послѣ минутнаго размышленія.—Вы знаете, отчего я такъ часто прихожу сюда, миссисъ Эстесъ, т. е. понятно, я говорю не о томъ, что вы были ко мнѣ всегда добры, и я люблю всѣхъ васъ и намъ всегда было очень пріятно видѣться, но кромѣ этого. Вѣдь вы знаете, не правда ли? — М-съ Эстесъ улыбнулась.

— Думаю, что знаю,—сказала она.

— Ну, хорошо! отлично! отлично! Я былъ увѣренъ, что вы знаете. И я надѣюсь, вы мнѣ другъ?

— Если вы спрашиваете, желаю ли я вамъ добра, то, конечно, желаю. Но, вы понимаете, я считаю себя до нѣкоторой степени отвѣтственной за миссъ Шерифъ. Мнѣ думается иногда, что я должна предупредить ея мать.

— О, ея мать знаетъ! Она все отлично знаетъ. И она ничего не имѣетъ противъ меня. Затрудненіе вовсе не въ этомъ, м-съ Эстесъ, вы понимаете?

— Да, она странная дѣвушка; очень сильная и очень нѣжная. Я отъ всей души полюбила ее. Она замѣчательно мужественна. Но я была бы рада за нее, если бы она все это бросила. Ей гораздо лучше выйти замужъ,—сказала она задумчиво.

Тарвинъ съ восхищеніемъ посмотрѣлъ на нее.

— Какая вы умная, м-съ Эстесъ, какая вы умная! — пробормоталъ онъ. — Я это же самое говорилъ ей, десять разъ говорилъ. А не находите ли вы также, что для нея было бы хорошо выйти замужъ сейчасъ, какъ можно скорѣе, не теряя понапрасну времени?

Собесѣдница посмотрѣла на него, желая удостовѣриться, не шутитъ ли онъ. Тарвинъ всегда немножко сбивалъ ее съ толку.

— Я думаю, съ вашей стороны будетъ разумнѣе предоставить дѣло теченію времени,—отвѣчала она послѣ минутнаго молчанія.—Я наблюдала за ея дѣятельностью здѣсь и надѣялась, что ей удастся то, что никому не удавалось. Но въ глубинѣ души я думаю, этого не будетъ. Слишкомъ многое здѣсь противъ нея. Ей приходится бороться съ 1000-лѣтними преданіями, привычками, обычаями. Рано или поздно, они одолѣютъ ее. И тогда, не смотря на все ея мужество, ей придется уступить. Мнѣ кажется, что ей скоро предстоятъ непріятности. Въ больницѣ много недовольныхъ. До Люсьена дошли слухи, которые очень меня тревожатъ.

— Тревожатъ! Я думаю. Бѣда въ томъ, миссисъ Эстесъ, что она не только не хочетъ идти за меня замужъ, но еще подвергаетъ себя всевозможнымъ опасностямъ. Мнѣ некогда ждать, пока она убѣдится въ этомъ. Вообще, мнѣ некогда ждать, пока она въ чемъ-нибудь убѣдится, кромѣ одного только, что теперь, именно теперь для нея самый благоприятный моментъ выйти замужъ за Николая Тарвина. Мнѣ надобно какъ можно скорѣе уѣхать изъ Ратора, м-съ Эстесъ, вотъ въ чемъ дѣло. Не спрашивайте у меня почему. Это необходимо. И я долженъ увезти съ собой Кэтъ. Помогите мнѣ, если вы ее любите.

На это воззваніе м-съ Эстесъ не нашла отвѣтить ничего лучше, какъ то, что она пойдетъ и позоветъ къ нему Кэтъ. Она ушла, а Тарвинъ остался одинъ. Но онъ ждалъ терпѣливо, съ улыбкой на губахъ. Онъ не сомнѣвался, что Кэтъ уступитъ. Упоенный первой удачей, онъ не могъ допустить, что она откажется ѣхать съ нимъ. Развѣ Наулака не у него? Она поѣдетъ вмѣстѣ съ Наулакой, она неразрывно связана съ нимъ. И все-таки онъ готовъ былъ воспользоваться всякою помощью, и ему пріятно было думать, что м-съ Эстесъ уговариваетъ ее.

Онъ принялъ за новое предзнаменованіе успѣха, когда, проглядѣвъ № «Топазскаго Телеграфа», увидѣлъ извѣстіе, что копь «Желанная» оправдала его ожиданія. Рабочіе, которымъ онъ поручилъ безъ себя продолжать дѣло, напали на богатую жилу и добывали по 500 пуд. въ недѣлю. Онъ сунулъ газету въ карманъ

и чувствовалъ сильнѣйшее желаніе танцовать; но по нѣкоторомъ размысленіи, онъ рѣшилъ, что разумнѣе отложить танцы до конца свиданія съ Кэтъ. Взамѣнъ того, онъ радостно засвисталъ и быстро смѣнилъ свистъ на улыбку, когда Кэтъ отворила дверь и вошла въ комнату. Онъ долженъ былъ объясниться съ ней тотчасъ же, улыбка его, помимо его воли, сказала ей слишкомъ много. А между тѣмъ, первый взглядъ на нее показалъ, что ей дѣло представлялось не такимъ простымъ, какъ ему. Онъ прощалъ ей это; она не могла знать, на чемъ основывается его внутреннее убѣжденіе. Онъ даже полюбовался ея сѣрымъ домашнимъ платьемъ съ отдѣлкой изъ чернаго бархата, которое она надѣла, вмѣсто своего обыкновеннаго, бѣлаго.

— Я радъ, что вы на сегодня бросили бѣлое,—сказалъ онъ, вставая, чтобы пожать ей руку.—Это знакъ. Это показываетъ, что вы вообще бросаете, покидаете эту благословенную страну, а это для меня въ высшей степени пріятно. Я радъ, что вы ее кинете, отшвырнете, забросите.

Онъ держалъ ея смуглую ручку въ своей громадной ладони, которую только что высвободилъ изъ бѣлой перчатки, и внимательно глядѣлъ ей въ глаза.

— Что такое забросить?

— Индію, все дѣло. Мнѣ хочется, чтобы вы уѣхали со мною.— Онъ говорилъ нѣжно.

Она взглянула на него, и онъ увидѣлъ въ дрожаніи линий вокругъ ея губъ слѣды спора по этому поводу, выдержаннаго ею прежде, чѣмъ выйти къ нему.

— Вы уѣзжаете? Я очень рада.—Она съ минуту колебалась.— Знаете почему?—прибавила она съ отгѣнкомъ ласки, какъ ему показалось.

Тарвинъ засмѣялся и сѣлъ.

— Это мнѣ нравится. Да, я ѣду,—сказалъ онъ.—Но я ѣду не одинъ. По моимъ расчетамъ, мы должны ѣхать вмѣстѣ,—рѣшительно проговорилъ онъ.

Она покачала головой.

— Нѣтъ, не говорите этого, Кэтъ. Вы не должны... На этотъ разъ дѣло стоитъ серьезно.

— Развѣ прежде оно не было серьезно?—сказала она, опускаясь въ кресло.—Мнѣ оно всегда казалось очень серьезнымъ. Для меня очень серьезно, что я не могу исполнить ваше желаніе, что я дѣлаю не то, что вы хотите, а совсѣмъ другое; единственное дѣло, которое я хочу дѣлать, очень для меня серьезно. Я осталась все та же, Никъ. Если бы что-нибудь во мнѣ измѣ-

нилось, я тотчасъ же сказала бы вамъ. Что же случилось новаго съ которымъ-нибудь изъ насъ?

— Очень многое. Во-первыхъ, я долженъ уѣхать изъ Ратора. Надѣюсь, вы не воображаете, что я васъ здѣсь оставлю безъ себя.

Она нѣсколько секундъ пристально смотрѣла на свои руки, сложенныя на колѣняхъ. Затѣмъ подняла на него открытый взглядъ своихъ большихъ глазъ.

— Никъ,—сказала она,—позвольте мнѣ объяснить, какъ я понимаю дѣло. Вы можете поправить меня, если я ошибаюсь.

— О, вы навѣрно ошибаетесь!—вскричалъ онъ и, однако, наклонился къ ней, чтобы лучше слушать ее.

— Ничего, я попробую. Вы просите меня выйти за васъ замужъ?

— Прошу,—торжественно отвѣчалъ Тарвинъ,—позвольте мнѣ повторить это въ присутствіи священника, и вы увидите.

— Благодарю васъ, Никъ. Вы мнѣ предлагаете величайшій, лучший даръ, и я вамъ очень благодарна. Но чего вы собственно отъ меня хотите? Не сердитесь, что я это спрашиваю, Никъ. Вы хотите, чтобы я украсила вашу жизнь, чтобы я служила дополненіемъ вашихъ другихъ честолюбивыхъ замысловъ? Развѣ это не правда? Скажите мнѣ по совѣсти, Никъ, развѣ это не правда?

— Нѣтъ!—закричалъ Тарвинъ.

— Да, увѣряю васъ! Это и есть бракъ. Бракъ есть поглощеніе одной жизни другою, вступить въ бракъ—значитъ жить своею жизнью такъ, какъ будто она не своя, а чужая. Такъ живутъ всѣ женщины; я это понимаю, я ихъ одобряю. Но сама я этого не могу. Женщина отдаетъ всю себя въ бракъ, во всякомъ счастливомъ бракѣ. Я не могу отдать всю себя. Одна часть меня принадлежитъ другому. Я не могу предложить вамъ часть себя: самые лучшіе мужчины отдадутъ только часть себя женщинѣ, но отъ женщины требуютъ большаго.

— Т.-е. вы хотите сказать, что вамъ приходится выбирать: бросить свое дѣло, или бросить меня, и что послѣднее для васъ легче.

— Я этого не сказала; но если бы и такъ, что же тутъ особенно удивительнаго? Будьте правдивы, Никъ. Представьте себѣ, что я потребую, чтобы вы отказались отъ всего смысла и всей цѣли *вашей* жизни? Представьте себѣ, что я потребую, чтобы вы бросили *ваше* дѣло, и взаменъ предложу вамъ бракъ! Нѣтъ, нѣтъ!—она покачала головой.—Бракъ дѣло хорошее; но какой мужчина заплатитъ за него такой цѣной?

*

— Моя дорогая дѣвушка, но вѣдь это же назначеніе женщинъ.

— Назначеніе нѣкоторыхъ счастливыхъ женщинъ, да; но не всякая можетъ такъ относиться къ браку. Не одни мужчины,—и женщины имѣютъ разнаго рода призванія.

— Ахъ, перестаньте, Кэтъ! Мужъ вовсе не пріютъ для сиротъ и не убѣжище для странниковъ. Вы слишкомъ серьезно смотрите на дѣло. Вы говорите такъ, какъ будто онъ долженъ быть единственнымъ объектомъ вашего милосердія, какъ будто ради него вы должны отказаться отъ всего. Конечно, къ нѣкоторой долѣ самопожертвованія вамъ надобно приготовиться, но на практикѣ вамъ придется ради мужа побывать на нѣсколькихъ обѣдахъ, присутствовать на полугодовыхъ митингахъ совѣта, да на одномъ-двухъ пикникахъ,—вотъ и все. Затѣмъ, вы должны утромъ пить кофе вмѣстѣ съ вашимъ мужемъ, а вечеромъ, когда онъ возвращается домой, сидѣть гдѣ-нибудь недалеко отъ камина въ не очень безобразномъ костюмѣ. Полноте, неужели это трудно? Попробуйте, Кэтъ, моя дорогая, вы увидите, какъ все это будетъ вамъ легко со мною. Я понимаю то другое, о чемъ вы мечтаете. Я понимаю, что вы никогда не удовлетворитесь жизнью, при которой вамъ нельзя будетъ дѣлать счастливыми, кромѣ мужа, еще массу другихъ людей. Я это признаю. Я считаю это самымъ главнымъ. Увѣряю васъ, мнѣ именно этого-то и хочется. У васъ талантъ дѣлать людей счастливыми. Ну, я, по особому соглашенію, поручаю вамъ сдѣлать меня счастливымъ; а когда вы этого достигнете, я хочу, чтобы вы шли дальше, чтобы своею добротою вы осчастливили весь міръ. И вы это сдѣлаете. Чортъ возьми, Кэтъ, мы это сдѣлаемъ! Никто не знаетъ, сколько добра могутъ надѣлать два человѣка, если они составятъ синдикатъ и займутся серьезно этимъ предпріятіемъ. До сихъ поръ еще никто этого не пробовалъ. Попробуйте вмѣстѣ со мной! О, Кэтъ, я васъ люблю, я не могу быть счастливъ безъ васъ, только не отказывайте мнѣ, я устрою вамъ жизнь по вашему вкусу!

— Я знаю, Никъ, вы будете добры. Вы постараетесь сдѣлать все, что можетъ сдѣлать мужчина. Но не мужчина дѣлаетъ бракъ счастливымъ или сноснымъ, а женщина, такъ и должно быть. Я или вполнѣ войду въ роль жены и заброшу все остальное, и тогда я буду несчастна, или я заброшу васъ и буду еще несчастнѣе. Въ томъ и другомъ случаѣ я не могу быть счастливой.

Тарвинъ нащупалъ рукой Наулаку въ своемъ переднемъ карманѣ и крѣпко стиснулъ его. Казалось, будто изъ ожерелья въ него вошла сила, сила сдержатъ себя, чтобы не потерять всего изъ-за нѣсколькихъ рѣзкихъ словъ.

— Кэтъ, дорогая моя,—мягко сказалъ онъ,—намъ теперь не время толковать о будущихъ опасностяхъ. Намъ надобно считаться съ существующими. Ваше положеніе небезопасно. Я не могу оставить васъ здѣсь одну, а мнѣ необходимо уѣхать. Вотъ почему я прошу васъ теперь же стать моей женой.

— Но я ничего не боюсь. Кому охота дѣлать мнѣ зло?

— Ситабхаѣ,—мрачно отвѣтилъ онъ.—Да и не все ли равно? Я говорю, — вамъ грозитъ опасность, повѣрьте мнѣ, я знаю это навѣрно.

— А вамъ?

— О, обо мнѣ не стоитъ говорить.

— Скажите правду, Никъ!—попросила она.

— Ну, что жъ, я всегда говорилъ, что нигдѣ нѣтъ такого здороваго климата, какъ въ Топазѣ.

— Значить, вамъ грозитъ опасность и, можетъ быть, большая.

— Фактъ тотъ, что Ситабхаи придумываетъ разныя штуки вовсе не для спасенія моей драгоценной жизни,—съ улыбкой проговорилъ онъ.

-- Такъ вы должны уѣзжать сейчасъ же, вы не должны терять ни часу. О, Никъ, вы вѣдь не останетесь?

— Да я вѣдь тоже самое говорю. Я отлично могу жить безъ Ратора, но я не могу жить безъ васъ. Поѣдемъ!

— Вы хотите сказать, что если я не поѣду, то и вы останетесь?

— Нѣтъ, это походило бы на угрозу. Я говорю только, что подожду васъ.—Онъ глядѣлъ на нее смѣющимися глазами.

— Никъ, это все изъ-за того, что вы сдѣлали, о чемъ я васъ просила?

— Вы меня вовсе не просили,—возразилъ онъ.

— Значить изъ-за того, и я во всемъ виновата.

— Вы думаете, изъ-за того, что я говорилъ съ королемъ? Милая моя, это не богѣе, какъ прологъ къ представленію въ здѣшнемъ циркѣ. Не мучьте себя мыслью о какой бы то ни было отвѣтственности. Вы будете отвѣтственны только въ томъ случаѣ, если тотчасъ же не бѣжите со мной. Идемъ, бѣжимъ, скроемся! Вамъ не стоитъ оставаться здѣсь ни часа, я въ этомъ убѣжденъ, а мнѣ ни минуты.

— Подумайте, въ какое положеніе вы меня ставите,—съ упрекомъ проговорила она.

— Я не ставлю васъ ни въ какое положеніе; я только предлагаю вамъ простой выходъ изъ затрудненія.

— Вы предлагаете себя.

— Да, конечно. Я вѣдь сказалъ, что это простой выходъ, я не сказалъ блестящій. Почти всякій могъ бы сдѣлать для васъ гораздо больше; на свѣтѣ найдется миллионъ людей лучше меня, но нѣтъ ни одного, кто могъ бы любить васъ лучше меня. О, Кэтъ, Кэтъ,— вскричалъ онъ, вставая,—довѣрьтесь моей любви, и я готовъ бороться съ цѣлымъ свѣтомъ, чтобы дать вамъ счастье!

— Нѣтъ, нѣтъ,—вскричала она съ нетерпѣніемъ,—вы должны уѣхать.

Онъ покачалъ головой.

— Я не могу оставить васъ. Требуйте это отъ кого-нибудь другого. Неужели вы думаете, что человѣкъ, который любитъ васъ, можетъ бросить васъ на произволъ судьбы въ этой дикой пустынѣ? Неужели вы думаете, что кто-нибудь можетъ это сдѣлать? Кэтъ, дорогая моя, поѣдемъ со мною. Вы меня мучите, вы меня убиваете, заставляя меня хоть на одну минуту выпустить васъ изъ глазъ. Я говорю вамъ,—вамъ грозитъ серьезная, смертельная опасность. Неужели вы останетесь, даже зная это? Навѣрно же вы не захотите пожертвовать жизнью ради этихъ тварей.

— Захочу, — вскричала она, вставая съ возбужденнымъ лицомъ.—Да! если хорошо жить для нихъ, то хорошо и умереть ради нихъ. Я не думаю, чтобы моя жизнь была кому-нибудь нужна, но если она нужна, — пусть берутъ и ее!

Тарвинъ смотрѣлъ на нее пораженный, оторопѣлый, сбитый съ толку.

— Значить, вы не поѣдете?

— Я не могу. Прощайте, Никъ. Все кончено.

Онъ взялъ ея руку.

— Добраго вечера,—отвѣчалъ онъ.—На сегодня дѣйствительно все кончено.

Она слѣдила за нимъ тревожными глазами, пока онъ выходилъ изъ комнаты; потомъ она вдругъ бросилась за нимъ.

— Но вы вѣдь уѣдете же?

— Уѣду! Нѣтъ! Нѣтъ!—закричалъ онъ.—Теперь я останусь, даже если мнѣ придется организовать постоянную армію, объявить себя королемъ и сдѣлать гостинницу резиденціей правительства. Уѣду!

Она съ отчаяніемъ протянула руку, какъ бы стараясь удержать его, но онъ уже ушелъ.

Кэтъ вернулась къ маленькому магараджѣ Кенвару, которому привезли изъ дворца множество игрушекъ и разныхъ его любимцевъ, чтобы онъ не скучалъ во время выздоровленія. Она сѣла у его кровати и долго плакала, не говоря ни слова.

— Что съ вами, миссъ Кэтъ?—спросилъ принцъ, нѣсколько минутъ молча съ удивленіемъ смотрѣвшій на нее.—Право, я теперь почти совсѣмъ здоровъ, такъ что обо мнѣ нечего плакать. Когда я вернусь во дворецъ, я скажу отцу все, что вы для меня сдѣлали, и онъ подарить вамъ деревню. Мы, райпутане, никогда ничего не забываемъ.

— Я совсѣмъ не о томъ, Ляльи,—сказала она, наклоняясь къ нему и вытирая свои заплаканные глаза.

— Мой отецъ можетъ дать вамъ и двѣ деревни. Никто не долженъ плакать, когда я выздоравливаю, вѣдь я сынъ короля. Гдѣ Моти? Мнѣ хочется, чтобы она посидѣла на стулѣ.

Кэтъ покорно встала и начала кликать любимицу магараджи Кенвара,—маленькую сѣрую обезьянку съ золотымъ ошейникомъ, которая свободно гуляла по всему дому и саду и на ночь старалась улечься подлѣ принца. Обезьянка откликнулась съ вершины дерева въ саду, гдѣ она ссорилась съ дикими попугаями, и вошла въ комнату, тихонько мурлыча, какъ обыкновенно.

— Иди сюда, маленькій Гануманъ,—сказалъ принцъ, поднимая руку. Обезьяна вскочила къ нему на кровать.—Мнѣ рассказывали объ одномъ королѣ,—говорилъ принцъ, играя ея золотымъ ошейникомъ,—который истратилъ три лакха на свадьбу двухъ обезьянъ. Моти, хочешь взять себѣ жену? Нѣтъ, нѣтъ, довольно съ тебя золотого ошейника. Мы истратимъ лучше три лакха на свадьбу миссъ Кэтъ и Тарвина-сагиба, когда мы выздоровѣемъ, и ты будешь танцовать на свадьбѣ.

Онъ говорилъ на мѣстномъ нарѣчьи, но Кэтъ очень хорошо поняла, почему онъ назвалъ ея имя вмѣстѣ съ именемъ Тарвина.

— Не надо, Ляльи, не надо!

— Отчего, Кэтъ? Вѣдь даже я женатъ.

— Да, да, но это другое дѣло. Кэтъ жагѣетъ объ этомъ, Ляльи.

— Очень хорошо,—отвѣчалъ магараджа, надувъ губы.—Я знаю, что я еще ребенокъ. Когда я выздоровѣю, я опять стану королемъ, и тогда никто не посмѣетъ отказаться отъ моихъ подарковъ. Послушайте-ка. Это трубы отца моего. Онъ ѣдетъ ко мнѣ.

Вдали раздался звукъ охотничьяго рога. Послышался топотъ лошадиныхъ копытъ, и черезъ нѣсколько минутъ экипажъ магараджи, окруженный конвоемъ, съ шумомъ подкатилъ къ дверямъ дома миссиі. Кэтъ съ безпокойствомъ посмотрѣла, не раздражаетъ ли этотъ шумъ ея маленькаго паціента; но его глаза загорѣлись, ноздри дрожали, и онъ шепталъ, сжимая ручку сабли, которая все время лежала подлѣ него: «Очень хорошо! Отецъ привезъ всю свою гвардію».

Прежде чѣмъ Кэтъ успѣла встать, м. Эстесъ ввелъ магараджу въ комнату, которая вдругъ показалась маленькой сравнительно съ его особой и его величіемъ. Онъ только-что присутствовалъ на смотру своей гвардіи и пріѣхалъ въ полной парадной формѣ главнокомандующаго всей арміей королевства, что было не маловажное дѣло. Магараджа Кенваръ съ восхищеніемъ осматривалъ августѣйшую фигуру отца своего, начиная съ блестящихъ ботфортовъ съ золотыми шпорами, бѣлоснѣжныхъ замшевыхъ панталонъ, мундира, расшитаго золотомъ, и алмазовъ ордена «Звѣзды Индіи» до шафраннаго тюрбана и его качающейся изумрудной застежки. Король снялъ перчатки и ласково пожалъ руку Кэтъ. Видно было, что его величество послѣ попойки сталъ вѣжливѣе.

— Ну, что, выздоровѣлъ мальчикъ?—спросилъ онъ.—Мнѣ говорили, что у него была маленькая лихорадка, и у меня тоже была лихорадка.

— Я боюсь, что болѣзнь принца была гораздо серьезнѣе простой лихорадки, сагибъ магараджа,—отвѣчала Кэтъ.

— Ахъ, ты, мой мальчикъ,—сказалъ король, на мѣстномъ нарѣчій, иѣжно наклоняясь надъ сыномъ,—это все оттого, что ты слишкомъ много ѣшь.

— Нѣтъ, отецъ, я не ѣлъ, и я теперь здоровъ.

Кэтъ стояла у изголовья кровати и гладила волосы мальчика.

— Сколько войска было сегодня на парадѣ?

— Оба эскадрона, генералъ,—отвѣчалъ отецъ, и глаза его заблестали гордостью.—Ты настоящій райпутанъ, сынъ мой.

— А мой конвой, гдѣ онъ?

— Вмѣстѣ съ отрядомъ Портабъ Синга. Они пошли въ атаку передъ концомъ битвы.

— Клянусь Священнымъ Кошемъ,—сказалъ магараджа Кенваръ,—въ настоящемъ сраженіи они пойдутъ въ атаку съ самаго начала. Вѣдь, правда, отецъ? Ты поведешь правый флангъ, а я—лѣвый.

— Непремѣнно. Но для этого принцъ не долженъ хворать и долженъ многому научиться.

— Я знаю,—задумчиво отвѣчалъ принцъ.—Отецъ, я здѣсь не спалъ нѣсколько ночей, и все думалъ. Развѣ я маленькій ребенокъ?—Онъ взглянулъ на Кэтъ и прошепталъ:—Мнѣ хотѣлось бы поговорить съ отцомъ. Пусть никто сюда не входитъ.

Кэтъ тотчасъ же вышла изъ комнаты, мимоходомъ съ улыбкой посмотрѣвъ на мальчика, а король сѣлъ подлѣ его кровати.

— Нѣтъ, я не маленькій ребенокъ,—сказалъ принцъ.—Черезъ пять лѣтъ я буду взрослымъ человѣкомъ, и многіе люди будутъ

повиноваться мнѣ. Но какъ же узнаю, что слѣдуетъ и чего не слѣдуетъ приказывать?

— Надобно будетъ много учиться, — неопредѣленно повторилъ магараджа.

— Да, я объ этомъ-то и думалъ, пока лежалъ здѣсь въ темнотѣ, — сказалъ принцъ. — И мнѣ кажется, что всему этому нельзя научиться, живя за стѣнами дворца и около женщинъ. Отецъ, позволь мнѣ уѣхать и учиться, какъ надобно управлять.

— Да куда же ты хочешь ѣхать? Все мое королевство твой домъ, мой дорогой.

— Я знаю, я знаю, — отвѣчалъ мальчикъ. — И я вернусь назадъ, только мнѣ не хочется, чтобы другіе принцы смѣялись надо мною. На свадьбѣ равуть Баннаула смѣялся надо мною за то, что у меня меньше книгъ, чѣмъ у него. А онъ вѣдь сынъ простого лорда. У него нѣтъ предковъ. Но онъ ѣздилъ по всей Райпутанѣ, онъ былъ въ Дели, въ Агрѣ, въ Абу; онъ въ старшемъ классѣ королевской школы въ Аймирѣ. Отецъ, всѣ сыновья королей учатся тамъ. Они не играютъ съ женщинами; они ѣздятъ верхомъ съ мужчинами. Въ Аймирѣ и воздухъ, и вода очень хороши. Мнѣ бы такъ хотѣлось поѣхать туда!

Лицо магараджи омрачилось, онъ всѣмъ сердцемъ любилъ мальчика.

— А вдругъ тамъ что-нибудь случится съ тобой, Ляли? Подумай-ка объ этомъ.

— Я уже думалъ, — отвѣчалъ принцъ. — Что же можетъ со мною случиться тамъ, гдѣ за мною будутъ смотрѣть англичане? Равуть Баннаульскій говорилъ мнѣ, что у меня будутъ мои собственныя комнаты, мои собственныя слуги, мои собственныя конюшни, какъ у другихъ принцевъ, и что меня тамъ будутъ очень уважать.

— Да, — успокоительно сказалъ король. — Мы дѣти солнца, ты и я, мой принцъ.

— Значитъ, я долженъ быть такимъ ученымъ, такимъ сильнымъ и такимъ храбрымъ, какъ лучшіе люди моего рода. Отецъ, мнѣ надоѣло бѣгать по комнатамъ женщинъ, слушать разговоры матери и пѣніе танцовщицъ; и потомъ онѣ вѣчно лѣзутъ ко мнѣ со своими подѣлуями. Пусти меня въ Аймиръ. Пусти меня въ королевскую школу. Черезъ годъ, да, черезъ годъ, такъ говорилъ равуть Баннаула, я буду умѣть командовать моимъ конюшнымъ, какъ командуютъ короли. Обѣщай мнѣ, отецъ!

— Когда ты выздоровѣешь, — отвѣчалъ магараджа, — мы объ этомъ поговоримъ, поговоримъ не какъ отецъ съ сыномъ, а какъ мужчина съ мужчиной.

Глаза магараджи Кенвара загорѣлись радостью.

— Это хорошо, — проговорилъ онъ, — какъ мужчина съ женщиной.

Магараджа поласкалъ его вѣсколько минутъ и сообщилъ ему разныя мелкія дворцовыя новости, какія мальчику могло быть интересно услышать. Затѣмъ онъ сказалъ, смѣясь:

— Ну, теперь вы мнѣ позволите уйти?

— О, отецъ!—Принцъ спряталъ голову въ бороду отца и обнялъ его обѣими руками. Магараджа высвободился тихонько и также тихонько вышелъ на веранду. Прежде чѣмъ Кэтъ вернулась, онъ исчезъ въ облакъ пыли, среди звука трубъ. Въ ту минуту, какъ онъ отъѣзжалъ, къ дому подошелъ посланный съ платяной корзиной, до верху наложенной апельсинами, бананами и гранатами—золото, изумрудъ и мѣдъ; онъ поставилъ ее къ ногамъ Кэтъ и сказалъ:

— Это подарокъ королевы.

Маленькій принцъ услышалъ изъ комнаты эти слова и закричалъ радостнымъ голосомъ:

— Кэтъ, это моя мать вамъ прислала. Не правда ли, какіе большіе фрукты? Ахъ, дайте мнѣ гранатъ!—попросилъ онъ, когда она вернулась въ комнату съ корзиной.—Я ихъ не ѣлъ съ прошлой зимы.

Кэтъ поставила корзину на столъ, а у принца явилось новое желаніе. Ему захотѣлось шербета изъ граната, и Кэтъ должна была сдѣлать смѣсь изъ сахара, молока, сока и толстыхъ красныхъ зеренъ. Она вышла изъ комнаты, чтобы принести стаканъ, а въ это время Моти, который напрасно старался стащить изумруды принца и съ горя спрятался подъ кровать, вылѣзъ оттуда и схватилъ спѣлый бананъ. Зная, что магараджа Кенваръ не можетъ встать, Моти, не обращая ни малѣйшаго вниманія на его слова, сѣлъ преспокойно на корточки, осмотрѣлъ свой бананъ, снялъ кожицу своими маленькими черными пальчиками, сдѣлалъ гримасу принцу и принялся ѣсть.

— Хорошо, Моти, —сказалъ магараджа Кенваръ на мѣстномъ нарѣчій,—Кэтъ говоритъ, что ты совсѣмъ не богъ, а просто маленькая, сѣрая обезьяна, и я тоже думаю. Когда она придетъ, она тебя побьетъ.

Моти сѣлъ половину банана, когда Кэтъ вернулась, но онъ не пытался убѣжать отъ наказанія. Кэтъ слегка толкнула воршику, и онъ упалъ на бокъ.

— Ляли, что же такое случилось съ Моти?—спросила она, съ удивленіемъ смотря на обезьяну.

— Онъ стащилъ бананъ, а теперь, должно быть, притворяется мертвымъ... Ударьте его!

Кэтъ наклонилась надъ неподвижнымъ маленькимъ тѣломъ; Моти не пришлось наказывать, онъ лежалъ мертвымъ.

Кэтъ поблѣднѣла. Она встала, взяла корзину съ фруктами, быстро поднесла ее къ носу и понюхала. Блестящая кучка плодовъ отдавала приторнымъ, опьяняющимъ запахомъ. Она опять поставила корзину на столъ и поднесла руку къ головѣ. Отъ этого запаха ей дѣлалось дурно.

— Ну, что же,—сказалъ принцъ, который не могъ видѣть своей мертвой любимицы,—дайте же мнѣ шербетъ.

— Фрукты оказались нехорошими, Ляльи,—отвѣчала она съ усміемъ. Съ этими словами она выбросила въ садъ черезъ открытое окно недоѣденный кусокъ банана, который Моти такъ крѣпко прижималъ къ своей преступной, маленькой груди.

Попугай въ ту же секунду слетѣлъ съ дерева къ этому куску, и унесъ его съ собой въ чашу вѣтвей. Это произошло такъ быстро, что Кэтъ, все еще не хотѣвшая вполне вѣрить злодѣйству, не успѣла остановить птицу, и черезъ минуту маленькій комокъ зеленыхъ перьевъ слетѣлъ съ дерева—попугай лежалъ на землѣ мертвымъ.

— Нѣтъ, фрукты не хороши,—повторила она безсознательно; лицо ея было блѣдно, глаза расширились отъ ужаса. Мысли ея вернулись къ Тарвину. Она оттолкнула его предостереженія и его мольбы! Онъ говорилъ, что ей грозитъ опасность. Развѣ это было не правда? Ужасное лукавство, съ какимъ былъ направленъ ударъ, могъ бы поразить и болѣе сильную женщину, чѣмъ она. Съ какой стороны ждать его теперь? Въ какой засадѣ притаился врагъ? Самый воздухъ можетъ быть отравленъ. Она едва рѣшалась дышать.

Смѣлость нападенія пугала ее столько же, сколько и злодѣйство замысла. Если это могло быть сдѣлано среди бѣла дня, подъ видомъ дружескаго подарка, тотчасъ послѣ посѣщенія короля, на что не рѣшится цыганка въ другой разъ? Она съ магараждей Кенваромъ жили подъ одною крышей; если Тарвинъ справедливо предполагаетъ, что Ситабхаи желаетъ ей зла, то значитъ фрукты предназначались для нихъ обоихъ. Она дрожала при мысли, что могла, ничего не подозревая, сама дать фруктъ магараджѣ.

Принцъ повернулся на постели и посмотрѣлъ на Кэтъ.

— Вамъ нездоровится?—спросилъ онъ съ серьезною любовью.—Въ такомъ случаѣ не трудитесь дѣлать шербетъ. Дайте мнѣ Моти, мы будемъ играть.

— О Ляльи, Ляльи!—вскричала Кэтъ, бросааясь къ кровати. Она опустилась на полъ подлѣ мальчика, обвила его руками, какъ бы защищая, и залилась слезами.

— Вы во второй разъ плачете,—сказалъ принцъ, съ удивленіемъ глядя на ея плечи, вздрагивавшія отъ рыданій.—Я скажу сагибу Тарвину.

Эти слова поразили Кэтъ въ самое сердце и вызвали въ ней горькое и бесполезное сожалѣніе. О, если бы хоть на минуту опереться на ту твердую, сильную руку, которую она оттолкнула! Гдѣ-то онъ теперь? съ раскаяніемъ спрашивала она себя. Что случилось съ человѣкомъ, котораго она прогнала, рѣшившись одна рисковать и жизнью, и смертью въ этой ужасной странѣ?

Въ это время Тарвинъ сидѣлъ въ своей комнатѣ въ гостяницѣ и, чтобы видѣть всякаго, кто будетъ подходить, открылъ обѣ двери знойному вѣтру пустыни; револьверъ лежалъ на столѣ противъ него, а Наулака въ его карманѣ; онъ всѣми силами жаждалъ ухватить и проклиналъ свой первый успѣхъ, который не могъ раздѣлить съ Кэтъ.

(Окончаніе слѣдуетъ).

ОЧЕРКИ ПО ИСТОРИИ РУССКОЙ КУЛЬТУРЫ.

Проф. П. Н. Миллюкова.

(Продолженіе *).

III.

Связь развитія русскихъ государственныхъ учреждений съ военными и финансовыми нуждами.—Дворцовые и государственные элементы въ управленіи великихъ княжествъ древней Руси.—Механическое наростаніе учреждений съ конца XV в. по средину XVI в.—Финансовый характеръ административной реформы Ивана IV.—Новые наросты; территориальный характеръ центрального управленія.—Сліяніе финансовыхъ вѣдомствъ и расчлененіе военныхъ втеченіе XVII в.—Завершеніе обоихъ процессовъ во время Петра.—Развитіе областного устройства и разрушеніе центрального, какъ ихъ результатъ.—Первая систематическая реформа государственныхъ учреждений: ея неудача.—Общій итогъ развитія государственныхъ учреждений до Екатерины II.—Вторая систематическая реформа областныхъ учреждений (при Екатеринѣ) и центральныхъ (при Александрѣ I).

Первые два отдѣла этого очерка показали намъ, до какой степени вопросы самоохраненія поглощали все вниманіе древняго русскаго государства, и какъ мало заботы оно могло удѣлить всѣмъ остальнымъ государственнымъ задачамъ. Естественно ожидать, что и вся государственная организація древней Руси развивалась подъ непосредственнымъ давленіемъ тѣхъ же насущныхъ потребностей, о которыхъ шла рѣчь до сихъ поръ,—подъ вліяніемъ быстро возрастающей нужды въ войскѣ и въ деньгахъ. Мы отмѣтили до сихъ поръ въ жизни московскаго государства нѣсколько моментовъ усиленной военной нужды, сопровождавшейся важными финансовыми реформами, именно:

1) *1490-е годы*; «Дворъ государевъ» осложняется «дѣтьми боярскими», навербованными «изъ городовъ». Введеніе ямской подати; финансовая перепись земель, присоединенныхъ къ Москвѣ, и введеніе въ нихъ однообразной московской финансовой единицы—московской сохи.

2) *1550-е годы*: реформируется пѣхота, вооруженная огнестрѣльнымъ оружіемъ («стрѣльцы»), и устраивается правильная оборона юга съ помощью «засѣкъ». Введеніе «пищальныхъ», «засѣч-

---

*) См. «Міръ Божій», № 9, сентябрь.

ныхъ», «емчужныхъ», «на городовое дѣло» и «половяничныхъ» денегъ. Реформа сошнаго обложенія (нормировка размѣровъ «сохи», различеніе качества земли и разрядовъ плательщиковъ) и первая генеральная перепись.

3) *1620-е годы*: войска набираются вновь, пѣхота выписывается изъ-за границы, вводится иноземный строй. Введеніе «большихъ ямскихъ» и «стрѣлцкой» подати. Составленіе новыхъ писцовыхъ книгъ и нормировка размѣровъ «живущей четверти».

4) *1660—1680-е годы*: Организуются мѣстные полки и пограничные штабы. «Драгуны, рейтары и солдаты» вытѣсняютъ дворянъ, дѣтей боярскихъ и стрѣльцовъ. Развитіе подворнаго обложенія; отмѣна старыхъ податей; поразрядный городской налогъ.

5) *1700—1720-е годы*: среди непрерывныхъ походовъ создается регулярная армія и флотъ. Экстренные подати и сборы; введеніе подушной подати.

Намъ предстоитъ теперь увидѣть, что каждая изъ этихъ военно-финансовыхъ перемѣнъ сопровождалась реорганизаціей государственныхъ учреждений, и что главной цѣлью этой реорганизаціи было удовлетвореніе все той же нужды въ деньгахъ и въ войскахъ.

Русскія учрежденія развились очень поздно и изъ очень простой и первобытной ячейки. До самаго конца XV вѣка государственное управленіе Россіи почти совершенно сливалось съ дворцовымъ хозяйствомъ. Древнѣйшими учрежденіями русскаго князя были его кладовая (казна), погребъ, кухня, конюшня, псарня и птичій дворъ; казначей и дворецкіе, чапники, стольники, конюшіе, псари и сокольники были его чиновниками. Въ его селахъ, волостяхъ и городахъ сидѣли назначенные имъ «приказчики»; извѣстные намъ финансовыя чиновники, «данщики» и «писцы», обѣзжали по временамъ княжескія земли. Все управленіе сводилось къ государеву дворцу. Нѣкоторые изслѣдователи заключили изъ этого, что древнѣйшее устройство русскаго княжества носило совершенно частный, не государственный характеръ: князь былъ просто хозяинъ своей вотчины. На дѣлѣ, дворцовое управленіе древняго княжества такъ же неудобно называть частнымъ, какъ и государственнымъ: въ немъ одинаково смѣшивались какъ тотъ, такъ и другой элементы. Князь судилъ, собиралъ подати, велъ войну и сношенія съ сосѣдями, конечно, не какъ частный хозяинъ; его слуги, съ помощью которыхъ онъ все это дѣлалъ, были не только приказчиками въ большомъ хозяйствѣ, но настоящими государственными чиновниками; и въ составѣ княжескихъ учреждений очень рано стали выдѣляться учрежденія съ чисто

государственнымъ характеромъ. Финансы, войско и дипломатическія сношенія съ давнихъ поръ завѣдывались «дворцовыми», «разрядными» и «посольскими» дьяками, которымъ эти дѣла были спеціально «приказаны». Постепенно эти «приказы» (т. е. порученія) отвердились въ постоянныя учрежденія: дворець, разрядъ и посольскій приказъ (къ срединѣ XVI вѣка),

Описанное государственное устройство было, приблизительно, одинаково во всѣхъ великихъ княженіяхъ древней Руси. Когда одно изъ этихъ княженій, Московское, поглотило остальные, естественно, что государственное устройство объединенной Руси должно было осложниться. На первыхъ порахъ, однако же, осложнение это было чисто ввѣшнее, совершенно механическое. Присоединяя какую-нибудь значительную область, Новгородъ, Тверь или Рязань—правительство Ивана III и Василя III переводило въ Москву центральныя учрежденія этихъ областей: ихъ «дворцы» и «разряды». Такимъ образомъ, рядомъ съ Московскимъ «дворцомъ», для отличія получившимъ названіе «Большого», явились «Тверской» и «Рязанскій»; такимъ же образомъ Новгородскій «разрядъ» долженъ былъ стать рядомъ съ Московскимъ разрядомъ. Въ присоединенную область посылается «намѣстникъ»: власть, дѣйствовавшая очень самостоятельно и почти независимо отъ Москвы. Такое механическое наростаніе учреждений продолжалось со времени первыхъ крупныхъ приобретеній Москвы вплоть до Ивана IV. Ко времени Ивана IV вся система русскихъ учреждений должна была представлять очень пестрое зрѣлище. Она походила на жилое помѣщеніе, которое давно уже стало тѣснымъ для хозяина, но которое хозяинъ не хотѣлъ ломать, ограничиваясь всевозможными пристройками къ старому корпусу.

Правительство Ивана IV рѣшило, наконецъ, свести этотъ старый корпусъ со всѣми пристройками и на мѣстѣ ихъ построило новое зданіе, болѣе помѣстительное и болѣе систематически расположенное. Прежде всего Иванъ IV впервые отдѣлилъ управленіе государственное отъ дворцоваго: таковъ былъ смыслъ введенія имъ опричнины. На дворцовыя нужды, на «государевъ обиходъ» было отдѣлено до 40 городовъ, волостей и селъ, которые и составили основной фондъ дворцовыхъ земель. Вѣдать ими продолжалъ по старому «Большой дворець». Всѣ же другія мѣстности государства образовали «земщину», и доходъ съ нихъ поступалъ въ особую государственную казну, отдѣлившуюся съ этихъ поръ отъ дворцовой подъ названіемъ «Большого Прихода». Такъ какъ вѣдомство Большого Прихода распространялось, за исключеніемъ дворцовыхъ земель, на всю старую территорію государства, то

одному учрежденію справляться съ такимъ огромнымъ вѣдомствомъ было трудно. Для большей правильности управленія, вѣдомство это было раздѣлено на четыре «четверти», и каждая отдана въ завѣдываніе одному изъ самыхъ главныхъ «дьяковъ», по нашему, статсъ-секретарей государства. Къ каждой четверти были приписаны извѣстные города, такъ что территория раздѣлилась на тѣ же четверти, получившія названія отъ главныхъ городовъ—Владимира, Устюга, Галича, Новгорода: Владимірская, Устюжская, Галичская и Новгородская четверть. Въ какой степени вся эта реорганизація была вызвана финансовыми потребностями, видно изъ того, что новыя учрежденія предназначались, главнымъ образомъ, для взиманія податей, и все устройство «четвертей» получило по преимуществу финансовый характеръ. Однако же не надо представлять себѣ, что четверти были какими-нибудь областями, вродѣ губерній или генералъ-губернаторствъ. Города, входившіе въ составъ извѣстной четверти, были набраны изъ всѣхъ концовъ Россіи и самымъ пестрымъ образомъ перемѣшались съ городами, попавшими въ вѣдомство другихъ четвертей. Каждый городъ сносился прямо съ Москвой, такъ что на мѣстѣ, въ области, никакого общаго управленія городами не существовало. Мы видимъ, значить, что это первое областное дѣленіе Россіи было совершенно искусственнымъ: правительство перетасовало города Россіи, какъ пришлося, почти безъ всякаго соображенія съ ихъ взаимной географической близостью или съ ихъ прежней исторической связью. Такимъ образомъ, при самомъ началѣ развитія нашихъ учреждений, мы наталкиваемся на огромную разницу съ западомъ. Тамъ каждая область была плотнымъ замкнутымъ цѣлымъ, связаннымъ особыми правами, которыми эти области долго не хотѣли поступиться государству. Наша исторія не выработала никакихъ прочныхъ мѣстныхъ связей, никакой мѣстной организаціи; немедленно по присоединеніи къ Москвѣ, присоединенныя области распадалась на атомы, изъ которыхъ правительство могло лѣпить какія угодно тѣла. Но на первый разъ оно ограничилось тѣмъ, что каждый такой атомъ разъединило отъ сосѣднихъ и привязало административными нитями прямо къ центру.

Процессъ роста русскихъ учреждений продолжался очень быстро и послѣ реформъ Ивана IV, вмѣстѣ съ дальнѣйшимъ, столь же быстрымъ ростомъ русской территоріи. Уже при самомъ раздѣленіи русской территоріи на четверти, не были введены въ составъ четвертей города только - что покореннаго Казанскаго и Астраханскаго царства: по старому принципу, для завѣдыванія

ими, былъ образованъ новый «Казанскій дворецъ», бывшій заразъ и «разрядомъ», такъ какъ въ немъ вѣдались и финансы, и военная служба на вновь прибрѣтенной окраинѣ. Когда были начаты завоеванія въ Сибири, во все первое полуостолѣтїе этихъ завоеваній и Сибирь присоединялась къ вѣдомству Казанскаго дворца, пока, наконецъ, въ 1637 году не былъ образованъ особый Сибирскій приказъ.

Затѣмъ и на югѣ, за Оку, русская территорія продолжала непрерывно расти: немедленно послѣ устройства четвертей—на югѣ появились новые города, уже не попавшіе въ «четверти». Эти города, построенные, большею частью, для военныхъ цѣлей, естественно, находились въ вѣдомствѣ тогдашняго военнаго министерства—«Разряднаго Приказа». Такимъ образомъ, государственное устройство очень скоро стало опять пестрымъ. Большой дворецъ, Устюжская, Галичская, Новгородская и Владимірская чети, Казанскій дворецъ, Сибирскій дворецъ, Разрядный приказъ,—каждое изъ этихъ учреждений вѣдало особый округъ и при томъ вѣдало исполнѣ и во всѣхъ отношеніяхъ: и собирало подати, и судило, и управляло, и гдѣ были военные люди, то управляло и военною службою. Такимъ образомъ, дѣла были распредѣлены между высшими учреждениями Московскаго государства (Приказами) не по ихъ содержанію, а по принадлежности ихъ къ извѣстному городу: не систематически, а территориально. Территориальный характеръ центральныхъ учреждений маскировалъ полное отсутствіе чего-либо похожаго на областное устройство.

Такое грубое распредѣленіе дѣлъ само по себѣ свидѣтельствуеетъ о томъ, что и задачи, которыя преслѣдовало правительственное управленіе, были крайне грубы и несложны. Мы могли въ этомъ убѣдиться, когда знакомились съ расходами Московскаго государства; къ тому же приводитъ теперь насъ и исторія московскихъ учреждений. Управленіе въ собственномъ смыслѣ, то-есть, заботы объ общественномъ благоустройствѣ, стояли на второмъ планѣ; и еще въ большемъ забросѣ находился судъ; судить въ Московскомъ государствѣ всякій, кто управлялъ, такъ что судъ считался однимъ изъ второстепенныхъ придатковъ управленія; это смѣшеніе какъ нельзя лучше выразилось въ томъ, что самое слово «судья» значило тогда то же, что правитель или администраторъ. Главными цѣлями, какъ мы не разъ говорили, были для московскаго правительства добываніе денегъ и содержаніе войска. Деньги московское правительство ХVІІ вѣка добывало преимущественно на сѣверѣ, отъ червосошныхъ, а войско содержало преимущественно на югѣ, на военной границѣ. Со-

образно съ этими цѣлями распредѣляется къ XVII вѣку и характеръ московскаго управленія между сѣверомъ и югомъ. На сѣверѣ (и въ центрѣ) задачей московскаго правительства становится сосредоточеніе въ однѣхъ рукахъ какъ можно болѣе денегъ; поэтому и цѣлью управленія сѣверомъ дѣлается—слить денежные сборы «четвертей» въ одну общую кассу. Къ концу XVII вѣка цѣль эта достигается: «четверти» уничтожаются, а сборы ихъ (и прежде всего главнѣйшіе изъ этихъ сборовъ, таможенные и кабацкіе) сосредоточиваются въ центральномъ приказѣ «Большой Казны», настоящемъ министерствѣ финансовъ того времени. По отношенію къ югу цѣль правительства другая: правильное устройство военной обороны. Выше (Оч. III, 1) мы уже имѣли случай замѣтить, что, по мѣрѣ удаленія границъ государства отъ Москвы, приходилось и штабы оборонительныхъ корпусовъ отодвигать къ новымъ границамъ. Во время войнъ Алексѣя Михайловича намѣтились три главныхъ центра военной обороны границы: Новгородъ (со стороны шведовъ), Сѣвскъ (со стороны литовско-польскаго государства) и Бѣлгородъ (со стороны Крыма). Въ этихъ центрахъ правительство организуетъ постоянные военные корпуса, такъ называемые «полки» или «разряды». Чтобы не было затрудненій въ наборѣ рекрутъ для этихъ корпусовъ, къ каждому изъ этихъ городовъ приписывается значительное количество сосѣднихъ городовъ; а чтобы было на что содержать корпуса, всѣ доходы этихъ городовъ (и вмѣстѣ и все управленіе ими) отдаются въ распоряженіе военнаго начальства каждаго «разряда». Такимъ образомъ, формируются три обширныхъ военныхъ округа, также получающихъ имя «полковъ» и «разрядовъ»: новгородскій, сѣвскій и бѣлгородскій. Итакъ, въ то самое время, какъ на сѣверѣ и въ центрѣ разрушаются старые финансовые округа, «четверти», и сливаются въ одномъ центральномъ финансовомъ вѣдомствѣ, военное вѣдомство Разряднаго приказа, напротивъ, расчленяется, и на юго-западѣ вновь появляются округа военные, гораздо тѣснѣе сплоченные и болѣе непрерывные географически, чѣмъ уничтоженные финансовые округа сѣвера.

Въ такомъ состояніи засталъ русскія учрежденія Петръ. Та нужда въ деньгахъ и войскѣ, которая вызвала административныя перемѣны въ XVII вѣкѣ,—во время Петра увеличилась въ огромныхъ размѣрахъ. Естественно, что и перемѣны въ управленіи, подобныя тѣмъ, которыя мы сейчасъ отмѣтили въ XVII в. (т.-е. разрушеніе финансовыхъ округовъ и образованіе военныхъ), въ петровское время стали совершаться ускореннымъ темпомъ. Финансовые округа и приказы, уцѣлѣвшіе къ его времени отъ XVII

вѣка, въ нѣсколько лѣтъ окончательно разрушились, такъ какъ Петръ мало-по-малу передалъ всѣ ихъ доходы въ руки новыхъ, имъ самимъ созданныхъ учреждений; такимъ образомъ, старые государственные доходы направлены были на удовлетвореніе новыхъ очередныхъ потребностей.

Напротивъ, военные округа, сформировавшіеся во второй половинѣ XVII в., не только не разрушились, а окончательно окрѣпли и распространились на всю Россію. Петру было еще нужнѣе, чѣмъ Алексѣю и Ѳедору, сосредоточить сборы со всей Россіи прямо въ рукахъ своихъ генераловъ и адмираловъ, поближе къ мѣсту ихъ дѣйствій. Завоевываетъ онъ Прибалтійскій край, и весь сѣверо-западъ Россіи отдается въ полное распоряженіе главнокомандующаго Меншикова. Ожидаетъ онъ нападенія Карла XII изъ-за Днѣпра, и немедленно формируются военныя гарнизоны въ Смоленскѣ и Кіевѣ; къ Кіеву приписываются и старые разряды: сѣвскій и половина бѣлгородскаго. Другая половина бѣлгородскаго съ Воронежемъ приписывается къ Азову, для построенія флота. Бунтъ поволжскихъ инородцевъ заставляетъ сформировать военную квартиру въ Казани и перенести туда, на мѣсто, управленіе стараго «Казанскаго дворца». Только центръ и сѣверъ остаются внѣ прямого завѣдыванія генераловъ; но для большаго единообразія Петръ и ихъ рѣшаетъ превратить въ военно-финансовыя округа, съ обязательствомъ помогать южной Россіи. Такимъ образомъ, создается, впервые въ Россіи, правильное дѣленіе всего государства на области или, какъ называетъ ихъ Петръ, «губерніи» (С.-Петербургская или Ингерманландская, Смоленская, Кіевская, Азовская, Казанская, Московская, Архангелогородская и Сибирская).

Въ результатѣ устройства губерній (1708—1712 гг.) обнаруживается, однако, большая неожиданность. Раздѣливши управленіе и доходы съ различныхъ областей Россіи между своими генералами, Петръ этимъ самымъ въ корнѣ разрушилъ прежнее центральное управленіе—«приказы». Мы видѣли, что главной задачей большинства приказовъ было финансовое или военное управленіе территоріальными округами; теперь, когда военно-финансовое управленіе перешло къ губернаторамъ, приказы сами собою перестали существовать. Россія была теперь съ областями, но безъ центральнаго управленія; жалкіе обломки приказовъ слились съ управленіемъ Московской губерніи; старинная дума боярская уже не собиралась съ начала столѣтія; вмѣсто нея существовали съѣзды ближайшихъ помощниковъ Петра, въ болѣе или менѣе случайномъ составѣ, собиравшіеся, за его отлучками, все рѣже и рѣже. Уже для военно-финансовыхъ порученій пришлось создать

*

въ центрѣ болѣе постоянное учрежденіе, которое Петръ украсилъ грскимъ именемъ «сената». За полнымъ отсутствіемъ другихъ центральныхъ органовъ, сенатъ не могъ остаться простымъ исполнителемъ порученій государя и скоро сдѣлался высшимъ учрежденіемъ въ государствѣ. Но въ этомъ своемъ качествѣ, сенатъ одинъ не могъ управиться со всѣми дѣлами, не могъ замѣнить цѣлой системы центральныхъ учреждений. Поэтому, на дѣлѣ пробѣлъ въ государственномъ строѣ оставался незаполненнымъ: новые губернаторы хозяйничали въ своихъ губерніяхъ совершенно безконтрольно и управление Россіей потеряло всякое единство. Пока Петръ лихорадочно занимался борьбой съ Карломъ XII-мъ и Турціей и непрерывно переѣзжалъ изъ конца въ конецъ своего обширнаго государства, появляясь въ Москвѣ лишь на нѣсколько недѣль каждый годъ (обыкновенно къ новому году), онъ не могъ, конечно, замѣчать неудобствъ новаго государственнаго устройства. Но когда самое трудное время прошло, когда Петръ окончательно рѣшилъ поселиться на одномъ (и притомъ, новомъ) мѣстѣ, то очень скоро онъ долженъ былъ почувствовать необходимость новыхъ, правильно организованныхъ, центральныхъ учреждений. Откуда было ихъ взять? Во всей Европѣ одна страна славилась тогда своими правительственными учреждениями, устроенными въ духѣ неограниченнѣй монархической власти: это—Швеція. Въ другихъ странахъ государственный строй носилъ болѣе или менѣе ясныя слѣды средневѣковаго феодализма. Естественно, что Швеція и сдѣлалась образцомъ для подражанія: по шведскому образцу рѣшено было устроить въ центрѣ государства «коллегіи», а въ области ввести «провинціи» съ правильнымъ устройствомъ финансовой, административной и судебной власти, съ значительнымъ судебнымъ персоналомъ. Казалось, впервые русская область придетъ въ нѣкоторый порядокъ, русская власть станетъ лицомъ къ лицу съ подданнымъ и перестанетъ нуждаться въ посредникахъ, судъ будетъ выдѣленъ изъ управленія и порученъ будетъ самостоятельнымъ отдѣльнымъ учреждениямъ. Но всѣ эти благія намѣренія наткнулись на одно непреодолимое препятствіе. По шведскимъ порядкамъ управленіе одной Лифляндіей обошлось бы государству дороже, чѣмъ стоило прежде управленіе всей Россіей. Примитивное управленіе Московскаго государства, при всѣхъ своихъ недостаткахъ, имѣло то незамѣнимое для казны достоинство, что обходилось чрезвычайно дешево. Напротивъ, образцовыя шведскія учрежденія оказались для бѣдной страны, отягощенной сверхъ силъ высокими налогами, черезчуръ дороги. Поэтому, уже при самомъ введеніи ихъ, пришлось сдѣлать въ нихъ

такія значительныя упрощенія, что они потеряли въ сущности всю свою цѣну. Въ своемъ испорченномъ видѣ они не стоили и того, что приходилось на нихъ расходовать. Поэтому, немедленно послѣ смерти Петра, правительство сочло за лучшее почти вовсе отмѣнить ихъ и вернуть областныя учрежденія почти къ допетровской простотѣ. Воеводы и воеводская канцелярія для провинціи, губернаторъ и губернская канцелярія для губерній — вотъ все, или почти все, что осталось отъ всѣхъ этихъ рентмейстеровъ, камерировъ, ландрихтеровъ и другихъ чиновниковъ шведской системы. Такимъ образомъ, первая попытка правильной бюрократической организаціи областного управленія кончилась неудачей. За то уцѣлѣла другая сторона заимствованныхъ учреждений—шведскія коллегіи. Собственно такъ, какъ онѣ были введены, и въ нихъ ничего не оставалось шведскаго. Но въ нихъ дорога была самая простая и основная идея — систематическаго распредѣленія дѣлъ въ центральныхъ учрежденіяхъ. Послѣ хаотической системы приказнаго управленія, какія бы то ни было, только-бы систематически соподчиненныя, центральныя учрежденія казались истиннымъ совершенствомъ. Сохранился и сенатъ, хотя по шведскому порядку при коллегіяхъ въ немъ не было никакой надобности; и на практикѣ въ теченіе всего XVIII в. сенатъ никакъ не могъ точно установить своего положенія между высшей государственной властью и коллегіями. По отношенію къ высшей государственной власти, сенатъ могъ имѣть только значеніе *исполнительнаго* органа; но высшая власть не могла обойтись безъ всякихъ учреждений при проявленіи своихъ высшихъ учредительныхъ и законодательныхъ правъ. Такія учрежденія, съ *учредительнымъ* и *законодательнымъ* характеромъ, постоянно возникали возглѣ верховной власти (верховный совѣтъ, кабинетъ и т. д.), и постоянно становились фактически выше сената, а формально — ихъ отношеніе часто оставалось неопредѣленнымъ. По отношенію къ коллегіямъ, съ другой стороны, сенатъ имѣлъ характеръ наблюдательнаго органа; но важнѣйшія изъ коллегій прямо были поставлены наравнѣ съ нимъ и не подчинялись ему (военная, адмиралтейская, иностранная); а по отношенію къ другимъ, сенатъ не имѣлъ никакихъ дѣйствительныхъ средствъ правильно осуществить свой контроль.

Мы прослѣдили, такимъ образомъ, связь между главнѣйшими нуждами государства и постепеннымъ развитіемъ государственнаго строя до Екатерины II. Механическому объединенію областей и ихъ военныхъ отрядовъ соотвѣтствуетъ механическое нарастаніе военныхъ и финансовыхъ учреждений въ центрѣ, при полномъ отсутствіи

связи между центромъ и областями. Затѣмъ, съ финансовыми и военными реформами Ивана Грознаго связана первая попытка систематизаціи государственнаго управленія; цѣль этой систематизаціи исключительно финансовая. Связь области съ центромъ устанавливается, но устанавливается не путемъ устройства административныхъ инстанцій, а путемъ непосредственнаго управленія областью изъ центра. Далѣе происходитъ военная колонизація юга и совершается втеченіе XVII вѣка дифференціація финансоваго и военнаго управленій. Первое требуетъ объединенія доходовъ, второе—разъединенія власти. Объединеніе финансоваго управленія ведетъ къ постепенному разрушенію старыхъ центральныхъ учреждений; разъединеніе военной власти полагаетъ начало новому областному дѣленію. Войны Петра доводятъ оба процесса до крайнихъ результатовъ: *все* центральныя учреждения разрушаются, и финансовое управленіе дробится между начальниками округовъ, сформированныхъ для военныхъ цѣлей. Наконецъ, на пустомъ мѣстѣ производится первая попытка систематической реформы центрального управленія; но, въ виду невозможности создать соотвѣтственную сѣтъ областныхъ учреждений, эта попытка оказывается мало дѣйствительной. Чего же достигалъ этотъ тяжелый механизмъ, такъ медленно совершенствованшійся и развивавшійся такъ стихійно? Изъ отдѣла о финансовомъ управленіи мы уже знаемъ, что русскія государственныя учрежденія даже въ этой самой важной для нихъ отрасли управленія достигали немногого. Они были не въ силахъ установить непосредственныя отношенія между государствомъ и каждымъ отдѣльнымъ подданнымъ; и, взявши такого прямого отношенія, они принуждены были довольствоваться круговой отвѣтственностью передъ государствомъ цѣлой общественной группы. Круговая отвѣтственность, какъ мы еще подробнѣе увидимъ впоследствии, становится типичной формой связи между гражданиномъ и государственной властью. Отдѣльное лицо неуловимо для правительства, пока властямъ не удастся отдать это лицо «за крѣпкія поруки». Съ «поруки» и начинается всякое серьезное обращеніе власти къ подданному. Система поручительства употребляется всякій разъ, когда нужно связать отдѣльное лицо какимъ бы то ни было обязательствомъ относительно государства. И даже когда правительство хочетъ заставить весь народъ принять на себя передъ государствомъ какое-нибудь экстренное обязательство, оно не находитъ лучшаго средства, какъ связать его всенародной порукой въ лицѣ его представителей на «земскомъ соборѣ». Вотъ почему выборные люди земли русской не увлекаются своимъ званіемъ и смотрятъ

ва него вовсе не какъ на свое право, а какъ на тяжелую обязанность.

Если въ предѣлахъ ближайшихъ своихъ задачъ московское правительство принуждено было прибѣгать къ такимъ сильнымъ средствамъ, чтобы восполнить недостатокъ правильной системы учреждений и какъ-нибудь помочь собственному безсилію, то понятно, что въ отношеніяхъ подданныхъ между собой его регулирующее вліяніе сказывалось еще слабѣе. Какъ отразилось это на развитіи соціальнаго строя, мы еще увидимъ; теперь же необходимо коснуться дѣятельности допетровскаго государства въ области правосудія. Конечно, судъ принадлежалъ къ древнѣйшимъ функціямъ государственной власти; но стоитъ напомнить нѣсколько элементарныхъ фактовъ, чтобы показать, что для московскаго государства эта функція постоянно оставалась на второмъ планѣ. Мы уже не будемъ повторять, что до самой имп. Екатерины II судебная власть не имѣла въ Россіи своихъ особыхъ органовъ и соединена была съ властью административной. Но если припомнить, что русское уголовное право кодифицировано было лишь настолько, насколько эта кодификація нужна была для правильнаго взиманія судебныхъ пошлинъ; что гражданское право кодифицировано было еще несовершенно; что первая попытка кодифицировать русское государственное право была сдѣлана, болѣе или менѣе плохо, только въ Уложеніи царя Алексѣя, по иностраннымъ источникамъ; если прибавить къ этому, что и на основаніи такихъ неполныхъ и неточныхъ нормъ не легко было добиться правосудія, что правительство должно было, послѣ троекратной повѣстки, устраивать правильную осаду жилища, чтобы привести къ суду сколько-нибудь вліятельнаго обвиняемаго, что на судѣ этотъ обвиняемый имѣлъ множество темныхъ способовъ уклониться отъ отвѣтственности, что даже въ такихъ уголовныхъ дѣлахъ, какъ убійство, стороны часто предпочитали кончать дѣло миромъ, а власти смотрѣли на такую развязку сквозь пальцы;—если собрать всѣ эти и подобные признаки, то легко будетъ представить себѣ, въ какой атмосферѣ безправія и безнаказанности жилъ русскій обыватель XVII и части XVIII столѣтія.

Нельзя сказать, чтобы всѣ отмѣченныя черты сразу уничтожились со времени Екатерины II; но несомнѣнно, что съ ея царствованія въ русскомъ государственномъ и общественномъ правосознаніи начинаютъ обнаруживаться признаки поворота на новую дорогу. Прежде всего, русскія учреждения при Екатеринѣ II подверглись новой систематической перестройкѣ.

Никогда еще условія реформы не благопріятствовали до такой

степени ея успѣху, какъ въ царствованіе этой императрицы. Развитіе экономической жизни, увеличеніе народонаселенія давали, наконецъ, возможность населенію выдержать болѣе сложныя, и слѣдовательно, болѣе дорогія учрежденія. Сознательное отношеніе къ дѣлу, содѣйствіе людей теоретически и практически подготовленныхъ къ разработкѣ реформы ставило и законодателя въ болѣе выгодныя условія, чѣмъ когда-либо прежде. Отсутствие ближайшихъ практическихъ побужденій позволяло приступить къ реформѣ обдуманно. Въ результатѣ губернскія учрежденія Екатерины II были одной изъ наиболѣе удачныхъ и оказались одной изъ наиболѣе прочныхъ русскихъ реформъ. При лучшихъ условіяхъ правительство Екатерины II пыталось осуществить тѣ же самыя задачи, отъ осуществленія которыхъ должно было отказаться правительство Петра и его преемниковъ. Задачи эти сводились, во-первыхъ, къ тому, чтобы приблизить управленіе къ управляемому; во-вторыхъ, чтобы отдѣлать судъ отъ управленія. Привычка управлять областью изъ центра, изъ приказа, была одной изъ самыхъ слабыхъ сторонъ стараго московскаго управленія. Съ Петра впервые явилось въ Россіи дѣленіе на области; но при скудости и малочисленности губернскихъ учреждений завѣдованіе главнѣйшими отраслями областнаго управленія продолжало сосредоточиваться въ коллегіяхъ; многія стороны губернскаго механизма приводились въ движеніе прямо коллежскими чиновниками. При Екатеринѣ II, наконецъ, управленіе губерніей всецѣло стало принадлежать губерніи. Рядомъ съ правительственнымъ чиновникомъ стали въ новыхъ губернскихъ учрежденіяхъ выборные представители отъ мѣстныхъ дворянскихъ обществъ; такимъ образомъ, положено было начало идеѣ мѣстнаго самоуправленія, ничего не имѣющей общаго съ московской идеей — круговой отвѣтственности мѣстныхъ общественныхъ группъ. Не буду остаиваться на другой важной сторонѣ екатерининской реформы: на выдѣленіи, на этотъ разъ окончательно, суда отъ управленія и на устройствѣ, впервые въ Россіи, правильныхъ судебныхъ инстанцій, съ правильнымъ порядкомъ переноса дѣлъ изъ низшаго присутствія въ высшее. Со введеніемъ новыхъ губернскихъ порядковъ Екатерины II повторилось, однако, то же самое явленіе, какое мы видѣли при введеніи губернскихъ учреждений Петра I. Какъ тогда, такъ и теперь, при Екатеринѣ II, сосредоточеніе правительственной власти въ губерніи повело къ разрушенію этой власти въ центральныхъ коллегіяхъ: коллегіи, прежде непосредственно управлявшія губерніей черезъ своихъ чиновниковъ, теперь дѣлались ненужными, когда финансы, управленіе и судъ перешли

отъ коллежскихъ чиновниковъ къ губернскимъ палатамъ, правленіямъ и судебнымъ присутствіямъ. За исключеніемъ трехъ главныхъ, коллегіи вскорѣ и были уничтожены. Вслѣдствіе этого, опять появился пробѣлъ въ системѣ государственнаго устройства и опять долженъ былъ возникнуть вопросъ о реформѣ центральныхъ учреждений. Такимъ образомъ, губернская реформа Екатерины II по необходимости повела за собою центральную реформу Александра I.

Въ основу этой послѣдней реформы была положена Сперанскимъ идея раздѣленія властей: законодательной, исполнительной и судебной. Средоточіемъ судебной власти долженъ былъ быть сенатъ, уже составлявшій по судебному устройству Екатерины II правильную высшую судебную инстанцію. Исполнительная власть распредѣлялась между министерствами, которыми замѣнены были прежнія коллегіи: при замѣнѣ этой принято было въ расчетъ, что главное достоинство исполнительныхъ органовъ власти состоитъ въ быстротѣ ихъ дѣйствія и въ отвѣтственности дѣйствующихъ лицъ. То и другое лучше достигается при единоличномъ управленіи министра, чѣмъ при совмѣстномъ управленіи нѣсколькихъ членовъ коллегіальнаго присутствія. Надо прибавить къ этому, что въ дѣйствительности «коллегіальность», т. е. равенство членовъ въ коллегіи, и прежде всегда была мертвой буквой; на дѣлѣ управляли болѣе или менѣе независимо отъ сочленовъ президенты коллегій. Наконецъ, что касается законодательной власти, во первоначальномъ проекту Сперанскаго предполагалось отдать эту власть государственной думѣ, составленной изъ выборныхъ отъ всей Россіи по способу, заимствованному Сперанскимъ изъ французской конституціи VIII-го года (1799). Но потомъ рѣшено было сдѣлать законодательнымъ органомъ государственный совѣтъ. Все же и при такомъ ограниченномъ осуществленіи проекта, впервые появился въ Россіи постоянный органъ законодательной власти, и колебаніямъ въ устройствѣ высшихъ учреждений, какія мы видѣли въ XVIII в., казалось, положенъ былъ конецъ.

«Совѣтъ учрежденъ», писалъ Сперанскій въ своемъ отчетѣ Государю, «чтобы власти законодательной, дотогѣ разсѣянной и разнообразной, дать первый видъ, первое очертаніе правильности, постоянства, твердости и единообразія... Однимъ симъ учрежденіемъ сдѣлавъ уже безмѣрный шагъ отъ самовластиа къ истиннымъ формамъ монархическимъ».

Не мало сдѣлано было со времени Екатерины и не мало остается еще сдѣлать для развитія гражданскаго правосознанія въ русскомъ обществѣ. Послѣ многихъ тщетныхъ попытокъ, Россія дож-

далась, наконецъ, 60 лѣтъ тому назадъ, первой кодификаціи русскихъ законовъ, но какой кодификаціи? Связанный необозримымъ и самымъ пестрымъ наличнымъ матеріаломъ, знаменитый творецъ Свода Законовъ составилъ свой кодексъ изъ массы обрывковъ всевозможнаго историческаго происхожденія, туземнаго и иноземнаго, древняго и современнаго; ревностный сторонникъ раздѣленія властей безнадежно смѣшалъ при этомъ настоящіе законы съ административными распоряженіями и постановленіями по отдѣльнымъ случаямъ. Сперанскій, конечно, нисколько не виноватъ въ такомъ характерѣ Свода; по желанію императора Николая, онъ долженъ былъ ограничиться на первый разъ однимъ сопоставленіемъ существующихъ законовъ, безъ всякихъ измѣненій. Въ этомъ смыслѣ «Сводъ» являлся только предисловіемъ къ настоящему «уложенію»; но этого уложенія не суждено, повидимому, дожидаться и нашему вѣку. Какое бы онъ ни былъ, Сводъ Законовъ былъ огромнымъ шагомъ впередъ; но этотъ шагъ впередъ сдѣланъ былъ только самой незначительной частью русскаго общества. До самаго послѣдняго времени о существованіи Свода знала едва десятая часть населенія Россіи. Все русское крестьянство поневолѣ пользовалось двусмысленной привилегіей—судиться и управляться по собственному праву: что это за право, извѣстно немногимъ, но большинство убѣждено, что это право не то—и не должно быть тѣмъ, какими пользуются высшіе классы. Только на почвѣ такого убѣжденія возможны были тѣ законодательные эксперименты надъ личностью и собственностью крестьянъ, которые не прекратились еще и въ наше время. Передъ этимъ состояніемъ юридическаго правосознанія массы блѣднѣютъ тѣ слабыя и медленные успѣхи въ развитіи чувства законности, которые успѣла сдѣлать привилегированная часть русскаго общества.

Мы не будемъ останавливаться на послѣднемъ періодѣ преобразованія русскихъ учреждений, начало которому положено «эпохой великихъ реформъ» императора Александра II и который до сихъ поръ нельзя еще считать законченнымъ. Съ историческимъ прошлымъ нашихъ учреждений этотъ періодъ связанъ только, какъ его полное отрицаніе—во имя требованій государственнаго искусства и во имя успѣховъ, сдѣланныхъ общественнымъ развитіемъ. Вопреки выраженію извѣстнаго адреса, поднесеннаго Александру II раскольниками, «старина наша» не «слышится въ новизнахъ» царя-реформатора; и это служитъ лучшимъ доказательствомъ соответствія новыхъ формъ новому духу—и вмѣстѣ ручательствомъ за ихъ развитіе въ будущемъ.

Кромѣ сочиненій, указанныхъ въ предыдущихъ отдѣлахъ, см. курсы русскаго государственнаго права *Градовскаю* (Начала русскаго государственнаго права) и *Романовича-Славянскаю* (Система русскаго государственнаго права въ его историко-догматическомъ развитіи). Характеристику учреждений удѣльнаго времени см. у *В. О. Ключевскаго*, Воярская дума древней Руси, гл. V. О характерѣ древнѣйшихъ московскихъ учреждений см. *А. Лохвицкаю*, Губернія. Спб. 1865, и *Градовскаю*, Исторія мѣстнаго управленія въ Россіи. Спб. 1868. Общая характеристика губернской реформы Екатерины II и связь ея съ центральными реформами Александра I сдѣлана въ поучительной статьѣ *В. М. Дмитриева*, Сперанскій и его государственная дѣятельность. «Русскій Архивъ», 1868. См. также *М. А. Корфа*, Жизнь графа Сперанскаго. Спб. 1861, 2 тома. Записка Балугьянскаго напечатана въ Бумагахъ комитета 6 декабря 1826, изд. въ «Сборникѣ Императорскаго Историческаго Общества», т. 90-й. Любопытную характеристику современной дѣятельности высшихъ государственныхъ учреждений читатель найдетъ въ «Современной Россіи» (*Скальковскаю*), т. I, 3-е изд. Спб. 1891. Споръ объ отношеніи между закономъ и распоряженіемъ раздѣляетъ современныхъ русскихъ юристовъ, нѣкоторые изъ которыхъ стараются затушевать и въ теоріи разницу, выгладившуюся на практикѣ. Свѣдѣнія о кодификаціи Свода даны самимъ Сперанскимъ въ брошюрѣ «Обозрѣніе историческихъ свѣдѣній о Сводѣ Законовъ», 1833; отзывъ о характерѣ этой кодификаціи см. въ Исторіи кодификаціи гражданскаго права, *С. В. Пахмана*, т. 2, Спб. 1876.

Очеркъ четвертый. Сословный строй.

I.

Роль дворянства въ исторіи Запада.—Недостатокъ экономической самостоятельности русскаго дворянства и его зависимость отъ службы.—Переходъ отъ вольной службы къ невольной.—Закрѣпощеніе служилого сословія.—Судьбы русской высшей аристократіи.—Политика Грознаго и мѣстническая система.—Подготовка дворянскихъ привилегій въ XVII в. и ихъ развитіе въ XVIII в.—Новыя богатства высшей аристократіи.—Ихъ непрочность и развитіе дворянской задолженности.—Постепенная потеря привилегій.—Попытки ихъ восстановления и вѣроятная судьба этихъ попытокъ.

Перейдя въ послѣднемъ очеркѣ къ изученію русской общественной организаціи, мы успѣли расчлениить эту организацію на два составные элемента. Мы видѣли, что русское общество замыкалось сильной государственной властью сверху и опиралось на принудительную организацію общественныхъ группъ снизу. Самодержавная власть и населеніе, отданное самому себѣ на поруки, таковы двѣ историческія основы русской общественности, болѣе или менѣе несовершенно связанные системой посредствующихъ правительственныхъ органовъ. Такимъ образомъ, съ самаго возникновенія нашей общественной организаціи она была поставлена въ непосредственную связь и въ прямую зависимость отъ государственной власти. Это наблюденіе само по себѣ показываетъ, что у насъ между государствомъ и населеніемъ не успѣло сложиться никакого плотнаго непроницаемаго слоя, который бы отдѣлялъ одно отъ другого такъ, какъ это дѣлали общественныя и территориальныя группы западной Европы. Теперь намъ предстоитъ развитъ то же наблюденіе въ приложеніи къ самому матеріалу, изъ котораго слагались наши общественныя группы.

Въ западной Европѣ между государствомъ и подданнымъ прежде всего стоялъ феодалъ. Этотъ феодалъ такъ успѣшно отдѣлялъ верхъ и низъ европейскаго общества, что никакія прямыя сношенія между ними не были возможны. Всѣ права государя надъ подданными: правосудить и наказывать, право брать подати и т. д., феодалъ присвоилъ себѣ, государству стоило большого труда и многолѣтнихъ усилій вернуть эти государственныя права, захва-

ченныя феодаломъ. Въ этой борьбѣ за власть феодалы защищали свое положеніе противъ правительства не въ одиночку, а плотной массой, заставившей государство пойти на уступки и дать борющимся противъ него сословіямъ важныя политическія права.

По причинамъ, намъ уже отчасти извѣстнымъ, сословная жизнь Россіи сложилась совершенно иначе. Мы говорили уже о тѣхъ историческихъ условіяхъ, которыя создали усиленный ростъ государственности (оч. III, 1): теперь мы увидимъ, какъ тѣ же самыя условія помѣшали свободному развитію сословной жизни Россіи. Прежде всего, остановимся на историческихъ судьбахъ русскаго землевладѣльческаго сословія—аристократіи и дворянства. Земледѣліе было въ Европѣ той силой, которая дала основу могуществу феодальной аристократіи. Опираясь на свои земельныя богатства, это сословіе могло чувствовать себя сильнымъ и независимымъ. И у насъ на Руси, въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ владѣніе землей давало богатство, оно давало также силу и независимость высшему сословію: такъ было на русскомъ и польскомъ юго-западѣ. Но на сѣверо-востокѣ обстоятельства сложились иначе. При крайней первобытности экономическаго развитія, при рѣдкости и бродячемъ состояніи рабочаго населенія, при полномъ господствѣ натурального хозяйства и невозможности сбыта земледѣльческихъ продуктовъ, владѣніе землей, естественно, не давало значительнаго дохода землевладѣльцу. Поэтому высшее сословіе и не дорожило землей въ древней Руси; покидая свою «боярщину», свой вотчинный участокъ, русскій землевладѣлецъ искалъ болѣе выгоднаго занятія на сторонѣ, при князѣ. Такимъ образомъ, создалось сословіе «вольныхъ слугъ», не признававшихъ никакихъ политическихъ дѣлений удѣльной Руси и свободно странствовавшихъ изъ удѣла въ удѣлъ, отъ князя къ князю. Въ самомъ дѣлѣ, покидая свою «вотчину», землевладѣлецъ ничего не терялъ, а выигрывалъ очень многое. Въ своей вотчинѣ онъ никогда не былъ тѣмъ государемъ, судьей и правителемъ, какимъ былъ западный баронъ въ своей бароніи; чиновники мѣстнаго князя, его судьи, сборщики податей всегда безпрепятственно проникали въ предѣлы владѣній русскаго вотчинника. Тѣ ограниченныя выгоды, которыя онъ получалъ отъ владѣнія вотчиной, онъ все равно сохранялъ и въ томъ случаѣ, если даже уходилъ къ чужому князю, въ чужой удѣлъ: обыкновенно, въ договорахъ между собою, князья условливались не отнимать земель у такихъ «слугъ», переходившихъ отъ одного изъ нихъ къ другому. Но явившись на службу къ князю,—своему или чужому,—землевладѣлецъ могъ рассчитывать въ свое пользованіе хотя бы часть тѣхъ государствен-

ныхъ правъ, которыхъ онъ былъ лишенъ, какъ простой хозяинъ вотчины. Князь давалъ ему часть своихъ доходовъ, связанныхъ съ управленіемъ, судомъ и т. д. въ «*кормленіе*». Итакъ, тѣ права, которыми западный землевладѣлецъ пользовался, какъ самостоятельный хозяинъ, нашъ землевладѣлецъ могъ получить только какъ чиновникъ, на службѣ князя. Естественно, что при такихъ условіяхъ землевладѣльческое сословіе могло имѣть значеніе не какъ сословіе самостоятельное, а какъ «служилое». Поэтому-то, когда начало складываться и быстро расти Московское государство, не оказалось на лицо землевладѣльческаго класса, который могъ бы противостать государству, какъ самостоятельная сила,— съ которымъ надобно было бы считаться. Этотъ классъ послужилъ только неорганической массой, сырымъ матеріаломъ, который государство употребило для возведенія своей собственной постройки. Вольный хозяинъ, свободно покидавшій свою вотчину, со времени объединенія Руси не могъ уже, какъ прежде, выбирать между князьями; князь и государь всей Руси былъ теперь одинъ, и отношенія къ нему бывшаго «вольнаго» слуги быстро становятся подневольными. Московскому государю нужно войско и, какъ мы видѣли, онъ спѣшитъ записать на свою службу всѣхъ наличныхъ землевладѣльцевъ; не довольствуясь этимъ матеріаломъ—землевладѣльцевъ-*вотчинниковъ*,—онъ создаетъ себѣ новыхъ слугъ, раздавая имъ казенныя земли, но уже не въ полную собственность, не въ вотчину, а только въ ограниченное и временное пользованіе подъ условіемъ службы,—въ помѣстье. Въ промежутокъ времени отъ Ивана III до Ивана IV возникаетъ, такимъ образомъ, рядомъ съ прежнимъ вотчинникомъ, вольнымъ слугою, новый классъ—подневольныхъ, обязанныхъ службой «*помѣщиковъ*». Ихъ служебныя обязанности со времени Ивана IV точно соразмѣряются съ величиной ихъ помѣстья и правительство строго слѣдитъ за тѣмъ, чтобы помѣстная земля «изъ службы не выходила». Какъ только умираетъ или перестаетъ быть годнымъ къ службѣ старый помѣщикъ, правительство тотчасъ отбираетъ у него помѣстье и передаетъ или взрослому сыну, или, если такого нѣтъ, кому-нибудь другому, способному къ службѣ; вдова и дочери получаютъ только небольшой клочекъ помѣстья, «въ прожитокъ», т. е. въ пенсію, вдова до смерти, а дочери до 15 лѣтъ. Только позднѣе, въ XVII в., правительство становится сговорчивѣе и соглашается «справлять» помѣстье за вторымъ мужемъ вдовы или за женихомъ дочери; только тогда же оно соглашается ждать, пока вырастутъ малолѣтнія дѣти стараго помѣщика, и въ ожиданіи этого не «отписывать» его помѣстья «на государя». Всего характернѣе,

что, опредѣливши самымъ точнымъ и строгимъ образомъ обязанности служилаго человѣка, получившаго помѣстье, правительство начинаетъ затѣмъ распространять эти обязанности и на его старое свободное владѣніе, на вотчину; оно заставляетъ служилаго человѣка точно такъ же служить съ вотчины, какъ онъ служилъ съ помѣстья; и самое помѣстье дается служилому человѣку только тогда, когда у него нѣтъ вотчины или когда она слишкомъ мала. Такимъ образомъ, самое основное различіе вотчины отъ помѣстья, какъ свободной собственности отъ условной, къ XVII вѣку совершенно уничтожается: старый вольный слуга окончательно становится невольнымъ; его отношенія къ правительству становятся вполне принудительными. Помѣщикъ и вотчинникъ прикрѣпляется къ государственной службѣ точно такъ же, какъ крестьянинъ прикрѣпляется къ податному тяглу: прикрѣпленіе крестьянъ къ тяглу обезпечиваетъ, какъ мы видѣли, потребность государства въ деньгахъ; прикрѣпленіе служилаго человѣка къ службѣ обезпечиваетъ потребность въ «войскѣ». Какъ крестьянину, такъ и помѣщику, въ серединѣ XVII вѣка, правительство окончательно запрещаетъ свободный выходъ изъ своего сословія въ другое; чтобы крестьянинъ не ушелъ изъ тяглой общины, членовъ общины правительство связываетъ круговой порукой; такая же порука требуется и отъ помѣщиковъ, записанныхъ въ службу по одному и тому же уѣзду, съ той только разницею, что здѣсь не всѣ помѣщики уѣзда ручаются другъ за друга, а, напр., за Иванова ручается Петровъ и Васильевъ, за Васильева—Ивановъ и Алексѣевъ, за Алексѣева—Петровъ и Ивановъ и т. д. Какъ крестьянская община, такъ и дворянское общество имѣетъ своихъ выборныхъ представителей, но не для того, чтобы осуществлять какія-нибудь права, а чтобы помогать правительству правильно распредѣлять лежащія на нихъ обязанности. Крестьянскій выборный староста разлагаетъ подати между членами тяглой общины; дворянскій выборный «окладчикъ» опредѣляетъ количество и качество военной службы, какую долженъ нести каждый изъ уѣздныхъ дворянъ.

Итакъ, въ удѣльной Руси не было зародышей для образованія дворянства, какъ привилегированнаго класса, и поэтому Московская Русь безъ малѣйшаго труда превратила вольнаго удѣльнаго землевладѣльца въ крѣпостного служилаго человѣка. Но въ удѣльной Руси былъ другой элементъ, болѣе пригодный для развитія аристократіи: это сами удѣльные князья, очутившіеся подъ властью великаго князя московскаго. Что случилось съ этимъ элементомъ послѣ объединенія Руси? Перейдя на службу Москвы, нѣкоторые изъ удѣльныхъ князей долго сохраняли свои государственныя права

надъ старыми своими удѣлами; въ Москву они привезли свѣжія удѣльныя воспоминанія, и на нѣкоторое время московскій дворъ получилъ такой аристократическій характеръ, какого онъ никогда не имѣлъ ни прежде, ни послѣ. Но ненадолго удалось Гедиминовичамъ и Рюриковичамъ отгѣснить старыхъ нетитулованныхъ слугъ московскихъ государей. Монархическая власть, въ лицѣ Іоанна Грознаго, начала систематическую борьбу противъ опаснаго для нея соціального элемента; борьба эта велась съ неутомимой послѣдовательностью и закончилась быстро—совершеннымъ пораженіемъ и даже истребленіемъ титулованнаго боярства. Первымъ шагомъ въ этой борьбѣ было окончательное прикрѣпленіе князей къ московской службѣ и уничтоженіе послѣднихъ остатковъ свободнаго отгѣзда. «Ты затворилъ царство русское, сирѣчь свободное естество человѣческое, словно въ адовой твердынѣ», жалуется Курбскій Грозному на него самого; «кто поѣдетъ изъ твоей земли въ чужую, того ты называешь измѣнникомъ, а если поймаютъ его на границѣ, то ты казнишь его разными смертями». Чтобы предупредить княжескіе отгѣзды, власть и здѣсь прибѣгла къ системѣ поручительства. Главные бояре связаны были огромными неустойками, которыя должны были уплатить въ случаѣ побѣга одного изъ членовъ высшей боярской аристократіи. Напримеръ, за побѣгъ князя Серебрянаго имъ пришлось бы уплатить около 1½ милл. рублей на наши деньги; за князя Мстиславскаго—около 1.200.000; побѣгъ одного изъ двухъ братьевъ Воротынскихъ стоилъ бы поручителямъ немногимъ меньше милліона, и болѣе полумилліона имъ пришлось бы внести за князя Большаго, за бояръ Шереметева и Яковлева. Заперевъ, такимъ образомъ, бояръ въ московскую ловушку, съ ними можно было уже не церемониться. Источникъ ихъ силы заключался въ томъ, что они сохраняли владѣтельныя права въ своихъ дѣлахъ и вотчинахъ. Слѣдовательно, второй шагъ долженъ былъ состоять въ томъ, чтобы отобрать у нихъ эти старыя вотчины. До двадцати такихъ вотчинъ, отобранныхъ у князей, Грозный перечисляетъ въ своемъ завѣщаніи. Взамѣнъ наследственныхъ владѣній «княжатамъ» жаловались земли гдѣ-нибудь на противоположномъ краю Россіи, въ мѣстностяхъ, съ которыми они не были уже связаны никакими историческими воспоминаніями. Но и этой мѣной владѣній не ограничилась политика Грознаго. Третій и послѣдній шагъ этой политики заключался въ томъ, что царь прямо началъ «губить» знатнѣйшія фамиліи, губить не по личной прихоти и враждѣ, а изъ той же политики, и не отдѣльныхъ лицъ той или другой фамиліи, а по возможности всѣхъ представителей каждаго рода, — «всеродно»,

по выраженію Курбскаго. Такъ погибли Прозоровскіе и Ушатые, «понеже имѣли вотчины великія», и Воротынскій съ Одоевскимъ, потому что «тѣ княжата были еще на своихъ удѣлахъ, а и велиіи вотчины подъ собою имѣли». Немногіе удѣльншіе экземпляры старинныхъ фамилій—преснники Грознаго соглашались терпѣть, но съ тѣмъ, чтобы послѣдніе представители этихъ фамилій не женились и не имѣли потомства. При такихъ условіяхъ произошло то, что никогда не могло бы случиться безъ политики Ивана IV: въ какіе-нибудь полвѣка безъ остатка вымерло большинство княжескихъ боярскихъ родовъ, которые сообщали блескъ московскому двору первой половины XVI столѣтія. На мѣсто Щенятевыхъ, Патрикѣевыхъ, Шуйскихъ, Мстиславскихъ являются въ Боярской Думѣ XVII столѣтія новые, не «родословные» люди, всецѣло созданные царской службой. Съ удивительной быстротой исчезаютъ и старыя удѣльныя имущества этой аристократіи; ни одно изъ крупныхъ богатствъ того времени не дошло до конца XVII вѣка. Если теперь въ рядахъ людей богатыхъ мы и встрѣчаемъ старыхъ Рюриковичей и Гедиминовичей или потомковъ старинныхъ московскихъ бояръ (напримѣръ, князей Трубецкихъ, Голицыныхъ, Куракиныхъ, Салтыковыхъ, Бутурлиныхъ и т. д.), то богатства ихъ приобрѣтены были вновь ихъ позднѣйшими предками, не раньше XVIII столѣтія.

Такимъ образомъ, изъ всѣхъ своихъ преимуществъ высшая аристократія сохранила только одно: свое служебное положеніе при московскомъ дворѣ. Въ этомъ всего рѣзче обнаруживается разница между русской служилою аристократіей и независимой аристократіей западной Европы. Европейская аристократія въ основу своего понятія о дворянской сословной чести полагала идею дворянскаго равенства, перства; въ Москвѣ служилая «честь» измѣрялась государевымъ жалованьемъ, различнымъ для всякаго, и вмѣсто понятія перства, поддерживавшаго корпоративный духъ и создававшаго цѣльность западной аристократіи,—выработалась своеобразная система мѣстничества. Всѣмъ извѣстно, что мѣстничество основывалось на родовыхъ счетахъ, возникавшихъ при назначеніяхъ на службу; члены одного рода не хотѣли служить подъ начальствомъ членовъ другого рода, если при прежнихъ назначеніяхъ они не бывали ниже послѣднихъ. При такомъ общемъ представленіи о мѣстничествѣ легко понять дѣло такъ, что цѣлые роды спорили съ цѣлыми родами, считая себя выше ихъ; что, стало быть, все родовое московское боярство располагалось по своему значенію при дворѣ въ извѣстнаго рода лѣстницу, ступенями которой были цѣлые роды, отъ высшаго къ низшему. При такомъ понятіи, мѣстничество,

конечно, противопоставляется идеѣ перства, какъ система единицъ, изъ которыхъ ни одна не была равна другой, такой системѣ, въ которой всѣ единицы равны. Но каждая отдѣльная единица мѣстнической системы, отдѣльный родъ, все же представляла бы собою при этомъ аристократическій элементъ, знакомый и Западу. На дѣлѣ различіе съ Западомъ идетъ дальше. Рюриковичи и Гедиминоичи съѣхались въ Москву такъ быстро и въ такомъ количествѣ, что не было никакой возможности сообразить, какой родъ долженъ стать выше и какой ниже, тѣмъ болѣе, что въ дѣйствительности ихъ права на вниманіе московскаго князя были не настолько различны, разница въ удѣльномъ вѣсѣ не такъ велика, чтобы каждый родъ могъ получить особое, по праву ему принадлежащее, положеніе. За отсутствіемъ этихъ внутреннихъ признаковъ сравнительнаго достоинства цѣлаго рода, каждому члену рода приходилось зорко слѣдить за внѣшними признаками своего личнаго положенія среди сослуживцевъ и цѣпко хвататься за отношеніе, разъ установившееся между нимъ и сослуживцами изъ другого рода. Если А и В были назначены на мѣста, равныя по достоинству, то разъ навсегда устанавливалось, что и сами они равны другъ другу; но это вовсе не означало, что равны и ихъ роды. Сынъ А считалъ себя уже ниже В, а отецъ А былъ выше В: все дѣло, стало быть, сводилось къ тому, чтобы установить личное отношеніе каждаго члена одного рода къ каждому члену другого и этимъ опредѣлить личное право каждаго на то или другое мѣсто. Какъ видимъ, родовые счеты были при всемъ этомъ не цѣлью, а только средствомъ; чтобы опредѣлить взаимное отношеніе двухъ спорящихъ лицъ, надо было высчитать ихъ отношеніе къ лицамъ, когда-нибудь прежде назначеннымъ на службу вмѣстѣ; надо было, какъ тогда выражались, узнать «кто каковъ въ своемъ родѣ». Итакъ, оригинальную систему русскаго мѣстничества не надо представлять себѣ, какъ мѣстницу родовъ въ нисходящемъ порядкѣ по ихъ «родословности», а скорѣе какъ параллельный рядъ поколѣнныхъ росписей, съ помощью которыхъ высчитывалось служебное положеніе каждаго члена каждой росписи относительно всякаго другого (предполагая нѣкоторыхъ представителей каждой изъ этихъ росписей равными другъ другу). При такомъ пониманіи, и послѣдній элементъ мѣстнической системы, который можно бы было считать аристократическимъ, — единство рода, — разрушается: родъ разлагается на свои отдѣльные атомы. Итакъ, и здѣсь, въ высшихъ слояхъ, служба, одна только служба опредѣляла положеніе нашей старинной аристократіи. Такимъ образомъ, московскіе государи не только спокойно могли при-

знавать мѣстническія права своихъ «служилыхъ князей» и бояръ; мѣстническіе счеты становились даже въ ихъ рукахъ новымъ средствомъ самодержавной политики. Какъ мы только-что видѣли, эти счеты не объединяли, а напротивъ, раздѣляли аристократію, поступившую на московскую службу: взаимная борьба за «государево жалованье» дробила высшій классъ на отдѣльные атомы и лишала его послѣдней возможности объединиться. Недаромъ иностранные наблюдатели (Флетчеръ и Горсей) говорятъ намъ, что царь систематически сѣялъ вражду между знатью, и что между отдѣльными членами высшаго класса существовало взаимное недоверіе. Мы не имѣемъ на этотъ разъ собственнаго признанія царя, но послѣ всего сказаннаго не трудно предположить, что Грозный царь сознательно пользовался знаменитымъ политическимъ правиломъ макиавелизма: «разъедени и властвуй».

Мы разсмотрѣли теперь два періода въ исторіи русскаго дворянства и нашли, что въ оба періода значеніе дворянства основывалось на службѣ сперва вольной, потомъ невольной; ни въ тотъ, ни въ другой періодъ дворянство не было привилегированнымъ сословіемъ; во 2-й періодъ, близко къ этому положенію, было титулованное боярство; но оно не было проникнуто сословнымъ духомъ, не составляло цѣлаго, заботилось только о личныхъ выгодахъ службы и притомъ скоро лишилось своего стараго «родословнаго» ядра, вымершаго безъ остатка или захудавшаго и уцѣлѣвшаго лишь въ младшихъ линіяхъ. Одновременно съ распаденіемъ боярства въ томъ же 2-мъ періодѣ создалась однако же на болѣе широкомъ фундаментѣ компактная масса рядового провинціального дворянства. Этому нижнему слою суждено было въ третьемъ періодѣ сдѣлаться настоящимъ привилегированнымъ сословіемъ. Какъ ни странно, это привилегированное положеніе подготовлено было для провинціального дворянства XVIII вѣка самыми условіями его прикрѣпощенія въ XVII вѣкѣ. Мы видѣли только что, какъ правительство распространяло *служебныя обязанности* дворянства съ помѣстій на вотчины. Эта мѣра оказалась въ результатѣ обоюдоострой, такъ какъ дворяне, въ то же время и съ помощью того же правительства, распространили свои *владѣльческія права* въ обратномъ направленіи съ вотчинъ на помѣстья. Въ самомъ дѣлѣ, съ тѣхъ поръ, какъ правительство обезпечило себѣ дворянскую службу одинаково съ помѣстій и вотчинъ, оно могло уже спокойно смотрѣть на то, какъ помѣстья постепенно высвобождались изъ подъ прежнихъ ограничительныхъ тисковъ, какъ они начинали удерживаться за родомъ въ женской и въ боковой линіяхъ, переходить по наслѣдству и т. д. Такимъ

образомъ, XVII вѣкъ подготовилъ совершившееся въ XVIII вѣкѣ сліяніе разныхъ родовъ дворянскаго землевладѣнія въ одну категорію недвижимыхъ имуществъ, владѣемыхъ на правѣ полной собственности.

Другая сторона дѣла, точно также подготовившая привилегированное положеніе дворянства въ XVIII вѣкѣ, была еще важнѣе. Дворянское землевладѣніе выиграло не только въ юридическомъ отношеніи: оно выиграло также и по отношенію къ экономическому положенію дворянской собственности. Мы говорили, что земля сама по себѣ мало цѣнилась въ древней Руси; главную цѣнность составлялъ прилагавшійся къ землѣ рабочій трудъ. Возложивши на служилое сословіе обязательную службу, правительство должно было дать ему за это нѣкоторую экономическую обеспеченность; для этой цѣли оно, какъ мы видѣли, чрезвычайно облегчило податныя тягости дворянскихъ земель; для того же, когда потребность въ рабочихъ рукахъ стала особенно сильно чувствоваться дворянствомъ, правительство закрѣпило за нимъ эти рабочія руки.

Итакъ, двѣ главныя основы, сообщившія сословную силу дворянству XVIII вѣка, сложились въ XVII в.: основа юридическая, полнота дворянской собственности на землю, и основа экономическая—даровой трудъ крѣпостного крестьянства. Фундаментъ дворянскихъ привилегій былъ, такимъ образомъ, заложенъ; недоставало сословной организаціи, которая дала бы дворянству созваніе единства сословныхъ интересовъ.

XVIII вѣкъ далъ дворянству и эти недостававшіе ему элементы сословности. Обязательная служба, проходившаяся богатѣйшими дворянами въ петербургской гвардіи, роль этой гвардіи въ политическихъ событіяхъ времени, въ рядѣ дворцовыхъ переворотовъ, воспитали въ дворянствѣ сословный духъ и сознаніе своей силы; затѣмъ и результаты этого сознанія не замедлили сказаться. Дворянство сохранило за собою пріобрѣтенныя права, но освободилось отъ обязанностей: служба перестала быть обязательной: «благородное російское шляхетство» перестало быть служилымъ сословіемъ; къ своимъ прежнимъ правамъ оно присоединило при Екатеринѣ II сословную организацію и получило первенствующую роль въ областномъ управленіи. Впервые въ сословной жизни Россіи явилось нѣчто похожее на западъ: привилегированное сословіе.

Вмѣстѣ съ этимъ усиленіемъ цѣлаго сословія выиграла чрезвычайно передовая часть его: цѣлая масса крупныхъ богатствъ составилаь путемъ пожалованія населенныхъ имѣній.

Такимъ образомъ, вторая половина прошлаго вѣка была золотымъ вѣкомъ въ исторіи русскаго дворянства. Но весь этотъ блескъ оказался въ высшей степени непрочень. Крупныя состоянія на Руси наживались чрезвычайно быстро и случайно, но также быстро и проживались, благодаря расточительности владѣльцевъ. Большіе капиталы поддерживаются и растутъ только тамъ, гдѣ существуетъ быстрое денежное обращеніе и значительное экономическое развитіе, т. е. какъ разъ при томъ условіи, котораго у насъ не существовало. Безумная роскошь петербургскихъ богачей и полныя сундуки золота и драгоценностей, удивлявшіе иностранцевъ въ ихъ кладовыхъ, лучше, чѣмъ что-либо другое, доказывали бѣдность Россіи; капиталъ некуда было приложить при тогдашнемъ ея состояніи. Земледѣльческое хозяйство, главная основа дворянской силы, велось безъ всякаго приложенія капитала, съ помощью дарового труда. При оцѣнкѣ дворянскихъ имуществъ земли обыкновенно вовсе не считали, какъ особой цѣнности; стоимость имѣнія опредѣлялась количествомъ душъ. Въ теченіе вѣка цѣна крѣпостной души значительно поднялась: въ началѣ XVIII столѣтія нужно было заплатить за душу 90 рублей на наши деньги, въ срединѣ до 270 рублей, а въ концѣ до 500 рублей. Повидимому, такое вздорожаніе рабочаго труда должно было бы свидѣтельствовать о значительномъ подъемѣ промышленной жизни; но въ этомъ подъемѣ личная дѣятельность помѣщика не играла никакой роли: онъ только воспользовался этимъ результатомъ для увеличенія личнаго комфорта *). Даровой доходъ въ такой степени избаловалъ русское дворянство, что когда, во второй половинѣ XVIII вѣка, явились кредитныя учрежденія, выдававшія ссуды подъ залогъ имѣнія, помѣщикъ бросился занимать. При правильномъ ходѣ экономической жизни займы подъ залогъ недвижимаго имущества служатъ обыкновенно или для того, чтобы ввести необходимыя улучшенія, или для того, чтобы расширить хозяйство новыми покупками; напѣе дворянство занимало для собственнаго удовольствія, для потребностей личнаго комфорта. Этимъ займамъ и суждено было, въ концѣ концовъ, погубить дворянское землевладѣніе. Ко времени крестьянскаго освобожденія изъ 11 милліоновъ крѣпостныхъ душъ м. п. 7 милліоновъ находилось въ залогѣ, то-есть, 65¹/₂% всего количества. Получивши отъ правительства при освобожденіи крестьянъ выкупныя деньги за уступленную

*) Притомъ вздорожаніе имѣній парализовалось ихъ раздѣломъ между наслѣдниками. Только въ исключительныхъ случаяхъ цѣлость крупныхъ имѣній сохранялась въ рядѣ поколѣній (какъ, напримѣръ, въ родѣ Шереметевыхъ, Строгоновыхъ, Юсуповыхъ).

крестьянамъ землю, помѣщикъ имѣлъ возможность расплатиться со старыми долгами и начать хозяйство при новыхъ условіяхъ, съ вольнонаемнымъ трудомъ; впервые дворянство очутилось въ положеніи обыкновеннаго предпринимателя на одинаковыхъ условіяхъ конкуренціи со всѣми остальными сословіями. Несмотря на усиленное покровительство государства, на удешевленный кредитъ, на всевозможныя льготы и отсрочки по уплатѣ долговъ,—дворянство этой конкуренціи не выдержало. Задолженность дворянскаго землевладѣнія возрастала послѣ крестьянскаго освобожденія съ ужающей быстротой: въ 1870 году, когда существовало только 2 земельныхъ банка, число заложенныхъ имѣній немногимъ превышало тысячу; въ 1875 г., послѣ открытія 11 новыхъ земельныхъ банковъ, было заложено уже до 11 тысячъ имѣній, а теперь (1892), послѣ открытія дворянскаго банка (1886)—уже около 87 тыс. имѣній, представляющихъ въ совокупности болѣе $\frac{2}{5}$ (41%) всей площади частновладѣльческихъ (не однихъ дворянскихъ) земель. Продажа дворянскихъ имѣній за долгъ и по частнымъ сдѣлкамъ также шла чрезвычайно быстро. Передъ крестьянскимъ освобожденіемъ дворяне владѣли 105 милліонами десятинъ; къ концу 80-хъ годовъ крестьяне выкупили изъ этого количества $32\frac{1}{2}$ мил., но изъ оставшихся $72\frac{1}{2}$ мил. очень значительное количество перешло въ руки другихъ сословій: купечества, мѣщанства и крестьянства. Общей цифры земель, потерянныхъ такимъ образомъ дворянствомъ, никто не пытался высчитать, но по отдѣльнымъ мѣстностямъ убыль дворянскихъ земель доходила до 2%, ежегодно (Тверская, Московская, С.-Петербургская губерніи) и въ суммѣ составила, вѣроятно, около половины всей земли, оставшейся за дворянами послѣ освобожденія.

Итакъ, вся исторія русскаго дворянства распадается на четыре періода. Въ первомъ періодѣ, продолжавшемся до конца XV вѣка, дворяне были вольными слугами; во второмъ, въ теченіе XVI—XVII в.в. они сдѣлались невольными слугами и были прикрѣплены къ своему занятію; въ XVIII в. они были раскрѣплены, но сохранили за собою даровой трудъ и сдѣлались привилегированнымъ сословіемъ. Наконецъ, въ послѣдній періодъ, наступившій послѣ отнятія дароваго крестьянскаго труда, русское дворянство походило на челоуѣка, не привыкшаго къ труду и къ правильной хозяйственной дѣятельности; оно нуждалось въ покровительствѣ и опекаѣ, которыя и были даны ему въ видѣ дешеваго кредита; но при отсутствіи хозяйственныхъ привычекъ, дешевый кредитъ привелъ и приводитъ только къ скорѣйшей ликвидаціи дворянскаго землевладѣнія. Потерявши свою главную опору—въ

землевладѣніи—дворянство въ то же самое время постепенно лишалось и другихъ своихъ прежнихъ привилегій—не какими-нибудь законодательными распоряженіями, а просто естественнымъ ходомъ вещей. Въ губерніи и уѣздѣ дѣятельность дворянскихъ собраній была отодвинута на второй планъ дѣятельностью земства; свобода отъ военной службы потеряла смыслъ при введеніи всеобщей воинской повинности; свобода отъ податей—теряетъ смыслъ при переходѣ государства отъ сословныхъ податей къ подоходнымъ и уже теперь не распространяется съ лица на дворянскую землю; право судиться сословнымъ судомъ «равныхъ» также потеряло значеніе со времени судебной реформы. Правда, въ послѣднее время существуетъ стремленіе удержать, что можно, изъ дворянскихъ привилегій: закрыть доступъ въ дворянство, такъ широко раскрытый чиновничеству со времени Петра, прекратить закономъ дробленіе дворянскихъ имѣній, отъ котораго разрушались постоянно самыя крупныя богатства нашего дворянства и котораго не могъ остановить даже знаменитый законъ Петра о единонаслѣдіи, отмѣненный Анной; уравнивать силу дворянства съ силой другихъ сословій въ земствѣ, сдѣлать дворянина вотчиннымъ судьей и непосредственнымъ начальникомъ надъ крестьянской волостью и т. д.

Но едва ли не поздно поспѣли всѣ эти мѣры для поддержанія сословнаго положенія дворянства. Та же причина, которая способствовала разрушенію самаго фундамента дворянскихъ привилегій, необходимо помѣшаетъ и успѣху палліативныхъ мѣръ въ пользу этого сословія. Въ нашемъ дворянствѣ не было чувства сословнаго единства. При отсутствіи этого корпоративнаго духа никогда нигдѣ привилегіи дворянскаго сословія не возникали такъ быстро, не существовали такъ недолго и не разрушались такъ, какъ у насъ.

Блестящую характеристику сословной исторіи русскаго дворянства см. у *Leroy-Beaulieu*, *L'empire des Tsars*, т. I. О прикрѣпленіи дворянства къ службѣ см. *Градоскаю*, *Исторію мѣстнаго управленія. О перемѣнахъ въ составѣ боярства* см. *В. О. Ключевскаю*, *Боярская дума*, гл. IX—X. О политикѣ Грознаго относительно боярства, см. у *С. М. Середочина*, *Сочиненіе Джильса Флетчера, какъ историч. источникъ*. Спб. 1891. О земельныхъ богатствахъ русской аристократіи см. *Е. П. Карновича*, *Замѣчательныя богатства частныхъ лицъ въ Россіи*, 2 изд. 1885. Очеркъ развитія дворянскихъ привилегій см. у *Романовича-Славатинскаю*, *Дворянство въ Россіи отъ начала XVIII в. до отмѣны крѣпостнаго права*, Спб. 1870. Развитіе «задолженности частнаго землевладѣнія въ Россіи» изложено г. *Е. И. Жигачевымъ* въ статьѣ подъ этимъ заглавіемъ, «Русская Мысль», 1892, № 11.

II.

Роль западнаго города въ жизни Европы.—Происхождение и характеръ русскіхъ городскихъ поселеній. — Москва. — Численность и населенность городовъ.—Процессъ обособленія городского сословія.—Обособленіе городского тягла и доступность его для другихъ сословія.—Прикрѣпленіе къ городскому тяглу торгово-промышленнаго класса и юридическое выдѣленіе городского сословія.—Особый характеръ тягла «гостей»: «вѣрная служба». — Происхождение городского самоуправления изъ «вѣрной службы». — Распредѣленіе городского сословія и новое смѣшеніе его съ другими.—Третье сословіе будущаго.

Переходимъ теперь къ исторіи городского сословія въ Россіи.

Въ остальной Европѣ развитіе города было послѣдствіемъ внутренняго развитія экономической и промышленной жизни европейскаго общества. Городъ выдѣлился изъ общаго фона средневѣковаго феодализма тогда, когда торгово-промышленное сословіе почувствовало въ себѣ достаточно силы, чтобы противостать своимъ феодальнымъ господамъ. Для борьбы съ своими противниками, городъ организовался въ корпорацію, которая съ теченіемъ времени все расширялась и впускала въ свою среду все болѣе низшіе слои городского населенія.

Въ дальнѣйшемъ ходѣ европейской исторіи городская буржуазія сосредоточила въ себѣ и высшія формы экономическаго развитія, — развитіе капитала, и высшія формы культурной жизни: —науку, искусство, общественность. ¶

Обращаясь къ Россіи, и въ этомъ случаѣ встрѣтимъ полную противоположность европейской исторіи города и городского сословія. Русскій городъ, какъ мы уже могли замѣтить по медленному развитію русской торгово-промышленной жизни, не былъ естественнымъ продуктомъ внутренняго экономическаго развитія страны. За единичными исключеніями, русскій городъ возникалъ не изъ скопленія въ одномъ мѣстѣ населенія, занятаго промыслами и торговлей. Промыслы и торговля, какъ мы видѣли раньше, въ Россіи могли обходиться безъ развитія городской жизни, потому что долго сливались съ сельскими занятіями. Раньше, чѣмъ городъ понадобился населенію, онъ понадобился правительству.

Зачѣмъ онъ понадобился, показываетъ само названіе «городъ». Это было мѣсто «огороженное», укрѣпленное, военный оборонительный пунктъ. Очень долго, до самаго XVIII в., за словомъ «городъ» сохранялось то значеніе, которое мы придаемъ слову «кремль», т.-е. подъ «городомъ», въ собственномъ смыслѣ, разумѣлся укрѣпленный, обведенный обыкновенно деревянной стѣной, центръ города. Въ этомъ центрѣ помѣщалось начальство: стояла воеводская изба, тюрьма для «колодниковъ», тутъ же помѣщались склады оборонительныхъ средствъ — пороха, свинца и другого казеннаго имущества. Въ «городѣ» жили приказные люди для управленія и ратные люди для обороны въ случаѣ «осады»; самые дворы обывателей, помѣщавшіеся въ городѣ, назывались «осадными», и приобрѣтались въ городѣ на случай осады, въ остальное же время часто стояли пустыми. Настоящее, по нашему понятію, городское (т.-е. торгово-промышленное) населеніе жило внѣ «города», на «посадѣ», почему и называлось «посадскими» людьми. Посадъ выстраивался около города и чаще всего возникалъ послѣ города, а еще позже появилось вокругъ посада третье кольцо: «слободы», куда стекались промышленные люди и ремесленники. Итакъ, русскій городъ былъ, прежде всего, правительственнымъ и военнымъ центромъ. Въ цѣлой половинѣ Россіи, на югъ отъ Оки, всѣ, безъ исключенія, города появляются на нашихъ глазахъ именно какъ такіе оборонительные пункты. Понятно, что и въ населеніи ихъ преобладаетъ служилый военный элементъ. Чѣмъ ближе къ окраинѣ и чѣмъ, стало быть, моложе городъ, тѣмъ военного элемента въ немъ больше и тѣмъ меньше «посадскихъ». Напримѣръ, въ срединѣ XVII в. въ Серпуховѣ число посадскихъ составляетъ 74% всего населенія; въ Бѣловѣ найдемъ уже 65%, а въ Курскѣ 43%, а если отъ Курска спустимся еще южнѣе, на только-что построенную «Бѣгородскую черту» (Оч. I), тутъ ужъ изъ всѣхъ 24-хъ городовъ, большей частью только-что появившихся, посадскихъ людей найдемъ только въ пяти, и то въ самомъ ничтожномъ количествѣ: 2%—6¹/₂% всего населенія. И сама Москва, единственный сколько-нибудь значительный городъ древней Россіи, не составляетъ исключенія изъ общаго правила. Не смотря на обширное пространство, на которое растянулась наша старая столица, казавшаяся еще въ XVI столѣтіи англичанамъ не меньше тогдашняго Лондона, не смотря на то, что по нѣкоторымъ свѣдѣніямъ, впрочемъ, едва ли достовернымъ, количество населенія въ ней было въ XVII вѣкѣ немногимъ меньше настоящаго времени (500, 600 тысячъ противъ 753 тысячъ), все же Москва была огромной царской усадьбой, значительная часть населенія которой

такъ или иначе состояла въ связи съ дворцомъ, въ качествѣ свиты, гвардіи или дворни. Изъ 16 тысячъ слишкомъ дворовъ, насчитывавшихся въ Москвѣ по переписи 1701 года, на долю посадскихъ и ремесленниковъ не приходится и 7 тысячъ (44⁰/₀), и тѣ состоятъ изъ населенія государевыхъ слободъ, работающихъ на дворецъ. Остальные 9 тысячъ принадлежатъ духовенству (1¹/₂ тыс.) и правящему сословію. Относительно размѣровъ торговыхъ оборотовъ Москвы еще въ концѣ XVI в. одинъ иностранецъ замѣтилъ, что во всѣхъ лавкахъ любого изъ Московскихъ рядовъ не найдется столько товаровъ, сколько въ одномъ венеціанскомъ магазинѣ. Достаточно взглянуть на рисунки московскихъ улицъ XVII в. съ деревянными избами, отдѣленными другъ отъ друга длинными заборами, безъ мостовыхъ, или еще хуже—съ тряскими мостовыми изъ бревенъ, съ базарной толкотнею и вонью на главныхъ площадяхъ, достаточно этихъ иллюстрацій къ Олеарию или Мейербергу, чтобы придти къ заключенію, что Москва, вопреки присутствію двора, осталась огромныхъ размѣровъ деревней.

Съ теченіемъ времени, экономическая жизнь русскаго города, конечно, должна была развиваться; но это развитіе не могло поспѣть за потребностями государственнаго управленія. Къ петровскому времени во всей Россіи насчитывалось немногимъ болѣе 250 городовъ, а когда Екатерина II стала вводить свои областныя учрежденія, понадобилось для управленія новыми ея уѣздами возвести въ рангъ города еще такое же количество. Какъ трудно было набрать необходимое количество селеній, заслуживавшихъ имя и положеніе уѣзднаго города, видно изъ того, что цѣлую сотню такихъ селеній, передѣланныхъ въ города, пришлось снова вычеркнуть изъ списка. Итакъ, государственная потребность въ городахъ, какъ средоточіяхъ управленія и военной обороны съ древняго времени и до нашего столѣтія, опережала естественное развитіе городской жизни. Городское населеніе приходилось создавать насильно. Естественно, такимъ образомъ, что и количество торгово-промышленнаго населенія въ поселеніяхъ, официально называвшихся городами, было очень незначительно. Въ срединѣ нынѣшняго вѣка изъ тысячи русскихъ городовъ 878 имѣла меньше 10.000 жителей, и только 32 больше 20.000 жителей, и изъ нихъ только въ двухъ было больше 150.000 жителей. (Теперь больше 150.000 имѣютъ 7 городовъ, а больше 20.000 — 40 городовъ). При такихъ условіяхъ городское сословіе въ Россіи, очевидно, не могло представлять самостоятельнаго элемента сословной жизни. Не только оно не развилось самостоятельно или даже въ противорѣчіе центральной власти, но, напротивъ, даже самымъ выдѣленіемъ въ особую

общественную группу и своимъ корпоративнымъ устройствомъ оно было цѣликомъ обязано правительству.

Безъ правительственныхъ хлопотъ, дѣйствительно, городская жизнь долго оставалась бы слитой съ сельской. Городское население древней Руси XVI в. прямо дѣлилось на людей «торговыхъ» и людей «пашенныхъ». Пашенные люди города были совершенными крестьянами, но и вообще каждый обыватель города имѣлъ свою пашню и свой покосъ на городской землѣ. Первымъ побужденіемъ для правительства выдѣлить население посада въ особую группу было побужденіе финансовое. Въ финансовой организаціи московскаго государства посадскіе міры составили такую же тяглую группу, какъ міры сельскіе. Точно также, какъ члены сельской общины, и члены городской общины были связаны другъ съ другомъ круговой порукой и сами разверстывали между собою всѣ подати съ помощью выборныхъ властей. Тутъ еще не было ничего, что отдѣляло бы городъ отъ деревни больше, чѣмъ каждая деревенская община отдѣлялась отъ своей сосѣдней. Переходъ изъ одной въ другую тяглую группу былъ одинаково затрудненъ фактически, вслѣдствіе нежеланія общины выпускать своихъ плательщиковъ; но юридически такой переходъ былъ одинаково возможенъ какъ изъ села въ село, такъ и изъ села въ городъ. Первое, что положило различіе между городомъ и деревней, это—перемѣна характера самого тягла. Торгово-промышленное население города могло, конечно, платить больше, чѣмъ чисто пашенные крестьяне. Поэтому правительство, бравшее крестьянскія подати первоначально съ земельного участка («сохи»), въ городъ съ давнихъ поръ стало брать подати съ «двора». «Соха» была оставлена и для городского обложенія, какъ высшая единица, но она состояла не изъ извѣстнаго количества «четвертей пашни», какъ въ деревнѣ, а изъ извѣстнаго количества дворовъ (чаще всего 80, 100, 120 дворовъ въ «сохѣ»: сравни 800, 1.000, 1.200 четвертей въ сохѣ сельской). Такимъ образомъ, городской дворъ приравнивался земельному участку въ 10 четвертей или 5 десятицъ, т. е. 15 десятицъ въ трехъ поляхъ. Это, въ сущности, было очень легкое обложеніе, не тяжеле деревенскаго; но отдѣльные жители города, конечно, должны были получать больше съ своихъ промысловъ и торговли, чѣмъ получалъ крестьянинъ съ участка, и правительство очень рано старается этотъ излишекъ городского дохода тоже уловить въ податную сѣть. Лавки, какъ мы уже знаемъ (Оч. II), облагались особо и часто отдавались въ наемъ прямо правительственными чиновниками; это былъ, стало быть, налогъ на торговля помѣщенія. Позднѣе, въ XVII вѣкѣ, правительство пыта-

лось даже обложить городъ налогомъ съ дохода: именно къ городу относились всё процентные сборы, о которыхъ мы говорили прежде: пятая, десятая, пятнадцатая деньга (Оч. II). Правда, правильное устройство подоходнаго налога не удалось, но все-таки городъ въ XVII вѣкѣ платилъ уже по особому окладу, болѣе тяжелому, чѣмъ деревня. Итакъ, разница въ характерѣ тягла и въ свойствѣ податей прежде всего отдѣлила формально городъ отъ деревни. Но это вовсе не значило, чтобъ и городское населеніе отдѣлилось вмѣстѣ съ тѣмъ отъ другихъ сословій. Правительство могло выдѣлить тяглую городскую землю; но городского человѣка прикрѣпить къ тяглой городской землѣ—до самаго XVII вѣка правительству не удавалось. Городское населеніе находилось въ такомъ же подвижномъ, бродячемъ состояніи, какъ и вся остальная Россія. Городской житель могъ уйти съ тяглаго участка, могъ перейти въ другой городъ или въ другое сословіе. Въ городскихъ переписяхъ XVI вѣка мы встрѣчаемся съ любопытнымъ явленіемъ: иногда въ самый короткій промежутокъ времени всё владѣльцы тяглыхъ городскихъ участковъ уходятъ, и составъ ихъ замѣняется совершенно новымъ. Множество оставленныхъ старыми владѣльцами участковъ въ городѣ, какъ и въ деревнѣ, пустоеть, и городская община охотно уступаетъ ихъ всякому желающему, хотя бы онъ былъ и изъ другого сословія: служилымъ людямъ, монастырямъ и т. д. Такимъ образомъ, городское тягло оказывается вовсе не сословнымъ тягломъ, и составъ городского тягловаго общества представляется довольно пестрымъ. Члены другихъ сословій допускаются нести городское тягло; но рядомъ съ этими люди самыхъ разнообразныхъ сословій и профессій ухитряются тутъ же въ городѣ жить и даже заниматься городскими промыслами, помимо всякаго тягла, не платя ничего государству. Особенно удобнымъ мѣстомъ для такого обхода городского тягла представляются подгородныя «слободы», имѣвшія уже совершенно земледѣльческій характеръ. Сюда охотно переселялся и торговый челоуѣкъ изъ города, и крестьянинъ изъ села, и даже служилый челоуѣкъ селилъ здѣсь своего приказчика—все для одной и той же цѣли—чтобы заниматься торговлею, не платя городскихъ податей. Такимъ образомъ, выдѣленіе городской тяглой земли нисколько не мѣшало городскому сословію перемѣшиваться съ другими и сохраняло полную сословную безформенность. Истинно-городскіе, торгово-промышленные элементы оставались часто внѣ тягловаго союза; наоборотъ, въ тяглый союзъ входили рядомъ съ горожанами и служилые, и духовные владѣльцы. Отъ такого смѣшенія теряла прежде всего казна. Скоро наступили обстоятельства,

которыя заставили ее принять противъ этого смѣшенія рѣшительныя мѣры. Мы видѣли прежде, какъ увеличились государственныя потребности въ XVII вѣкѣ и какія усилія должно было дѣлать правительство, чтобы увеличить въ уровень съ новыми нуждами и свои средства. Каждый членъ государства нуженъ былъ теперь на своемъ собственномъ мѣстѣ и не долженъ былъ занимать чужого. Закрѣпощая служилое сословіе на военную службу, правительство не могло требовать уже, чтобы то же сословіе несло городскія подати со своихъ «дворовъ». Оно, поэтому, сняло со служилыхъ «дворовъ» въ городѣ всѣ подати, «обѣлило» ихъ по выраженію того времени. Но съ тѣмъ большею строгостью оно должно было слѣдить теперь за тѣмъ, чтобы служилые люди не отбивали у «посадскихъ» промышленность и торговлю,—источникъ платежной силы послѣднихъ, и чтобы самое торгово-промышленное населеніе не ускользало отъ тягла. Связать для этого тяглою надо было не землю, а прямо людей.

Съ этого и начинается второй періодъ исторіи городского сословія въ Россіи. Не городская земля, а все городское сословіе становится тяглымъ, и для того, точно такъ же какъ и другія сословія, прикрѣпощается къ своему занятію. Всю первую половину XVII вѣка издаются все болѣе и болѣе строгія распоряженія этого характера. Наконецъ, въ серединѣ вѣка эти мѣры сводятся въ одно цѣлое Уложеніемъ царя Алексѣя. Всѣ посадскіе люди прикрѣпляются къ тому мѣсту и занятію, гдѣ застали ихъ эти правительственныя мѣропріятія. Не только переходъ между городомъ и селомъ, но даже переходы посадскаго населенія изъ города въ городъ строго запрещаются.

Закрѣпленная, такимъ образомъ, на мѣстѣ посадская община очищается тщательно отъ постороннихъ элементовъ и получаетъ обратно свои собственные. Продавать на сторону, въ другія сословія, городскіе дворы и лавки строжайше запрещается. Всѣ такія имущества, принадлежація лицамъ другихъ сословій, предписывается возвратить посадскимъ. Самихъ посадскихъ, ушедшихъ въ слободы или въ крестьяне, велѣно вернуть въ городское тягло; къ этому же тяглу приписать и всѣ слободы, занимающіяся торговлей и промысломъ безпошлинно. Какъ значительны были послѣдствія этихъ мѣръ, видно изъ того, что за три года, послѣ изданія Уложенія, въ силу ихъ были возвращены въ посадское тягло до 10.000 дворовъ и 21.000 торговыхъ, промышленныхъ и ремесленныхъ людей. Такимъ образомъ, къ срединѣ XVII вѣка городское сословіе впервые въ Россіи выдѣлилось юридически изъ другихъ сословій. Но выдѣленіе это, какъ видимъ, совершилось

насильственно, правительственными мѣрами, и сопровождалось закрѣпощеніемъ всего сословія на правительственную службу. Служба эта состояла въ отбываніи городского тягла; но по отношенію къ высшей части сословія она приняла иной и очень своеобразный характеръ.

Какъ ни слабо развиты были въ Россіи торговля и промышленность, все же у насъ было небольшое количество богатыхъ купцовъ, капиталистовъ. Можетъ быть, эта небольшая группа сплотилась тѣснѣе и была сильна своими капиталами? Дѣйствительно, такъ: но сплотило ее, опять-таки, само правительство и для своихъ правительственныхъ цѣлей; оно воспользовалось богатствами этой группы, чтобы наложить на нее особаго рода казенную службу. Группа богатѣйшаго купечества называлась «гостями». Какъ только провинціальный купецъ богатѣлъ, правительство сейчасъ же переводило его въ Москву и запрягало въ свою службу. Такимъ образомъ, въ провинціи не могло создаться богатаго и независимаго купечества. Въ Москвѣ же, служба, которую навязывали «гостямъ», была очень тяжела и отвѣтственна. Правительство «повѣряло» имъ сборъ важнѣйшихъ доходовъ государства, именно сборъ таможенныхъ и кабацкихъ пошлинъ; самая служба по сбору пошлинъ называлась «вѣрною» службою. Косвенный сборъ, конечно, никогда не могъ собираться въ одинаковомъ количествѣ изъ года въ годъ; но правительству важно было имѣть опредѣленную цифру дохода; для этого оно отмѣчало сборъ каждаго года, сравнивало цифры между собою и требовало, чтобы сборъ слѣдующихъ лѣтъ не былъ ниже высшаго изъ предыдущихъ сборовъ и, во всякомъ случаѣ, не ниже средняго. Въ противномъ случаѣ, о всякомъ недоборѣ производился строгій розыскъ и правительство грозило взыскать недоборъ на «вѣрныхъ сборщикахъ». Они отвѣчали за сборъ своимъ имуществомъ: для этого-то и понадобилось отдать сборы людямъ богатымъ. За свою службу «гости» получали нѣкоторыя преимущества, одинаковыя съ служилымъ сословіемъ.

Вѣрная служба лучше всего характеризуетъ зависимое положеніе городского сословія во второй періодъ его сословной жизни. Но еще характернѣе то, что и самое городское самоуправленіе, составляющее отличіе *третьяго* періода и характеризующее какъ бы добытую городскимъ сословіемъ самостоятельность,— вытекало изъ той же вѣрной службы. Дѣло въ томъ, что, поручивъ «гостямъ» взиманіе важнѣйшихъ сборовъ во всѣхъ городахъ государства, правительство 'этимъ самымъ уже передало имъ значительную долю управленія городами. Но управляя городами вое-

вода, и вѣрные головы и цѣловальники приходили съ нимъ въ постоянныя столкновенія. Къ концу XVII в. правительство убѣдилось, что въ воеводѣ нѣтъ надобности для управленія городомъ, разъ въ городѣ есть уже таможенные и кабацкіе головы, а между тѣмъ содержать воеводу все-таки лишній расходъ: не разъ обнаруживалось, что воевода бралъ свое содержаніе и получалъ взятки прямо изъ денегъ, собранныхъ для казны. Поэтому, изъ простаго финансоваго разсчета правительство рѣшило вовсе отмѣнить должность воеводы въ тѣхъ городахъ, гдѣ жило одно посадское населеніе, т. е. на всемъ сѣверѣ; а въ тѣхъ городахъ, гдѣ жило, кромѣ посадскаго, и служило сословіе, — ограничить значеніе воеводы завѣдованіемъ служилыми людьми. Вѣрные головы и цѣловальники должны были выбираться самимъ городомъ и находиться подъ завѣдованіемъ московскихъ гостей, куда они и должны были доставлять свои сборы. Случайно вышло, что въ то время, когда проводились эти мѣры, Петръ Великій вернулся изъ своего перваго путешествія по Европѣ: онъ далъ старымъ должностямъ и учрежденіямъ новыя голландскія имена: головы стали называться «бурмистрами», а московское присутствіе гостей «Бурмистерской палатой», а потомъ «Ратушей». Сущность осталась та же. *Служба* высшаго разряда городского сословія по собиранію сборовъ сохранилась во всей неприкосновенности. Въ послѣдніе года своего царствованія Петръ сдѣлалъ, было, попытку отдѣлать казенные сборы отъ городского самоуправленія и поручить эти сборы особымъ правительственнымъ чиновникамъ; но попытка не удалась — чиновниковъ не хватило, а назначенные оказались не особенно искусными, и сборы вернулись въ болѣе привычныя руки городского самоуправленія, гдѣ и остались до самой Екатерины II. Самое городское самоуправленіе и организація городского сословія были совершенно перестроены Петромъ и Екатериной II. Какъ сказано, въ этой новой сословной организаціи и состоитъ отличительный характеръ третьяго періода городской сословной жизни. Подобно третьему періоду въ исторіи дворянскаго сословія, это время должно было по идеѣ правительства представлять *раскрытіе* сословія. Правительство хотѣло дать сословію тѣ элементы самостоятельности, которыхъ не выработала русская исторія, и городское сословіе облечено было для этого въ формы средневѣковой европейской свободы, подѣлено на гильдіи и цехи. Городское корпоративное устройство въ Россіи въ гораздо большей степени, чѣмъ дворянское, оказалось мертвой формой. Городское сословіе одинаково съ крестьянскимъ платило подушный окладъ и несло воинскую повинность и уже поэтому не

могло чувствовать себя привилегированнымъ. Вотъ почему при вновь открытой свободѣ перехода изъ сословія въ сословіе, разбогатѣвшій купецъ торопился всѣми средствами перейти въ дворянское сословіе. Такимъ образомъ, надежда Екатерины II на то, что ея учрежденія поведутъ къ созданію третьяго сословія, не осуществилась. Наше третье сословіе, подъ вліяніемъ быстроаго промышленнаго и умственнаго движенія нашего времени, складывается, дѣйствительно, повемножку, но не на основѣ стараго городского сословія, не въ его предѣлахъ. Со времени крестьянскаго освобожденія, когда купецъ получилъ право пріобрѣтать въ деревнѣ земельную собственность, а дворянинъ очень часто терялъ эту собственность и навсегда переселялся въ городъ.—прежнія границы городского и землевладѣльческаго сословія совершенно смѣшались. Съ каждымъ днемъ и бытовой типъ стараго московскаго купца становится воспоминаніемъ прошлаго, и не очень далеко то время, когда мы или наши дѣти будемъ изучать этотъ типъ по комедіямъ Островскаго, какъ мы теперь изучаемъ по Фонъ-Визину типъ г-жи Простаковой. Третье сословіе нашего времени формируется изъ самыхъ различныхъ элементовъ русскаго прошлаго, и въ немъ намѣчаются тѣ силы, которыя создали культурную жизнь современной Европы: сила капитала и сила знанія.

Пособія: *Н. Чечулинъ*, Города Россіи въ XVI вѣкѣ, Спб. 1889 г. *Грудовскій*, Исторія мѣстнаго управленія. *И. Дитятинъ*, Устройство и управленіе городовъ Россіи. *Д. Багалъ*, Очерки изъ исторіи колонизаціи и быта степной окраины Моск. госуд. *И. Е. Забѣлинъ*, Древности Москвы и ихъ изслѣдованія, въ «Вѣстн. Европы», 1867 г.

(Окончаніе слѣдуетъ).

ИСТОРИЯ ОДНОЙ ЖИЗНИ.

РОМАНЪ.

Б. М. Станюковича.

(Окончаніе *).

XXXIV.

Прошло три года съ небольшимъ.

За это время Антошка блистательно окончилъ курсъ технической школы при одномъ большомъ заводѣ на Васильевскомъ островѣ и поступилъ ученикомъ на тотъ же заводъ въ механическую мастерскую.

Талантливость и способности Антошки, его необыкновенная смѣтливость и какая-то лихорадочная жадность къ занятіямъ обратили на себя вниманіе завѣдующаго школой, стараго идеалиста шестидесятихъ годовъ, преданнаго своей школѣ, которой онъ завѣдовалъ пятнадцать лѣтъ и которую поставилъ на надлежащую высоту, умѣя внушить къ себѣ любовь и уваженіе учениковъ, по большей части дѣтей заводскихъ рабочихъ.

Антошка сдѣлался его любимцемъ, и учитель предложилъ своему способному ученику приходить къ нему по вечерамъ, послѣ окончанія работъ на заводѣ, для специальныхъ занятій по механикѣ, къ которой Антошка обнаруживалъ особенную склонность. Еще бывши въ школѣ, онъ интересовался чертежами машинъ, часто бѣгалъ послѣ занятій въ механическую мастерскую, гдѣ отдѣлывались части громадныхъ механизмовъ для кораблей, и тамъ жадно смотрѣлъ на эти цилиндры, золотники и холодильники, старался проникнуть въ тайны ихъ

*) См. «Миръ Вожей», № 10, октябрь.

«Миръ вожей», № 11, ноябрь.

устройства. Ужъ онъ смастерилъ для „графа“ особенный замокъ и палку съ выскакивающимъ изъ нея приборомъ для рыбной ловли, а для Нины — стальной бюваръ съ ея монограммой, съ календаремъ и застежками замысловатаго, имъ придуманнаго, устройства, и выказалъ въ этихъ работахъ много вкуса и механическаго остроумія.

„Графъ“, гордившійся успѣхами Антошки гораздо болѣе, чѣмъ самъ юный изобрѣтатель, былъ въ восторгѣ отъ его подарковъ, находилъ, что лучше такихъ вещей онъ не видалъ на своемъ вѣку, и не безъ торжественности объявилъ, что Антошка впоследствии будетъ знаменитымъ механикомъ...

— Того и гляди, когда-нибудь и портретъ твой, Антоша, въ иллюстраціяхъ появится... Выдумаешь какую-нибудь новую машину... и станешь извѣстнымъ...

Антошка, однако, довольно скептически относился къ похваламъ „графа“, зная, что онъ, несмотря на свой умъ и обширныя познанія въ другихъ областяхъ, рѣшительно ничего не смыслить въ механическомъ дѣлѣ.

Нечего и говорить, что онъ съ благодарностью принялъ предложеніе завѣдующаго школой и ходилъ къ нему на квартиру при заводѣ каждый вечеръ, съ жадностью слушалъ его лекціи. Въ годъ онъ прошелъ, такимъ образомъ, краткій курсъ механики, познакомившись съ ея принципами, насколько это было возможно безъ знанія высшей математики.

И завѣдующій школой, маленькій, круглый, толстенькій человекъ съ добрыми глазами и длинными сѣдоватыми волосами, придававшими ему литературный видъ, однажды съ особенною горячностью просилъ директора завода обратить на Антона Щигрова особое вниманіе.

Онъ разказалъ его исторію, разказалъ, какъ прекрасно занимался онъ у него, и расхваливалъ его талантливость.

— Изъ этого юноши вышелъ бы выдающійся математикъ и механикъ, если бы только онъ имѣлъ возможность получить высшее образованіе... Но куда ему объ этомъ и думать бѣднягѣ? Во всякомъ случаѣ, благодаря его замѣчательнымъ способностямъ, заводъ будетъ имѣть въ немъ не дюжиннаго мастера...

Директоръ завода, образованный и самъ очень талантливый человекъ, особенно заботившійся, чтобы у него на заводѣ были

хорошіе русскіе мастера, заинтересовался Щигровымъ, котораго помнилъ по бойкимъ отвѣтамъ на экзаменѣ и общалъ не забыть его.

— Только не увлекаетесь ли вы, Петръ Ѳеодоровичъ?— улыбнулся директоръ, обращаясь къ учителю.

— А вы потрудитесь спросить о Щигровѣ начальника мастерской... Да вотъ и Арнольдъ Оскаръ самъ... Легкоъ на поминѣ.

На внезапный вопросъ объ Антонѣ Щигровѣ начальникъ мастерской Арнольдъ Оскаровичъ Вундстремъ, аккуратный, требовательный, справедливый и нѣсколько ограниченный финляндецъ пожилыхъ лѣтъ въ формѣ инженеръ-механика, небольшого роста, блондинъ, съ серьезнымъ лицомъ, въ выраженіи котораго было что-то честное, правдивое и въ то же время жестковатое, первымъ дѣломъ нѣсколько опалѣлъ отъ этого вопроса, такъ какъ онъ къ нему не былъ приготовленъ и пришелъ въ кабинетъ директора, занятый другими дѣлами, требующими разрѣшеніе директора.

И потому онъ не сразу отвѣтилъ и нѣсколько мгновений соображалъ о томъ, какъ ему слѣдуетъ отвѣтить со всей его педантическою добросовѣстностью.

Отзывы честнаго финляндца были самыя лучшіе. Хотя Щигровъ всего годъ, какъ служить на заводѣ, но исполняетъ отвѣтственныя работы. Руки у этого Щигрова золотыя и сообразительность замѣчательная. Кромѣ того, онъ и чертить отлично. Еслибъ не заводскія правила, то онъ съ удовольствіемъ представилъ бы его въ помощники мастера и назначилъ бы ему на первое время пятьдесятъ рублей жалованья въ мѣсяць... Ему можно поручить работу, требующую тонкой отдѣлки и особеннаго вниманія...

По счастью директоръ не былъ рутинеромъ и охотно выдвигалъ способныхъ рабочихъ, не стѣсняясь ни правилами, ни годами службы, ни молодостью.

— Что жъ, сдѣлайте Щигрова помощникомъ мастера и дайте пятьдесятъ рублей жалованья съ будущаго мѣсяца!— рѣшилъ немедленно директоръ и затѣмъ сталъ слушать обстоятельный и черезчуръ подробный докладъ добросовѣстнаго финляндца, обнаруживая на своемъ красивомъ и умномъ лицѣ нѣкоторое нетерпѣніе и оттого, что Арнольдъ Оскаровичъ

*

„тянетъ“ то, что можно объяснить въ пять минутъ, и оттого, что онъ, директоръ завода, принужденъ слушать другого вмѣсто того, чтобы его слушали. А онъ любилъ — таки поговорить и любилъ, чтобы слушали его, дѣйствительно, подчасъ блестящія рѣчи.

Когда въ тотъ же день, передъ обѣденнымъ шабашомъ, начальникъ мастерской велѣлъ позвать въ свою контору Антона Щигрова и объявилъ ему о повышеніи и о жалованьи, нашъ пріятель, котораго мы попрежнему будемъ называть Антошкой, зардѣлся отъ радостнаго волненія и, видимо подавленный неожиданнымъ счастіемъ, въ первое мгновеніе, казалось, не смѣлъ вѣрить словамъ начальника. Такого блестящаго начала онъ не ожидалъ!

— Надѣюсь, Щигровъ, васъ не испортитъ такое быстрое повышеніе. Сколько я помню, это, кажется, первый примѣръ на заводѣ, чтобы такой молодой человѣкъ, почти мальчишъ, изъ учениковъ прямо сдѣланъ былъ помощникомъ мастера...

Дѣйствительно, худощавый, маленькій, съ блѣдноватымъ, выразительнымъ лицомъ, оживленнымъ радостнымъ выраженіемъ, сверкавшимъ и въ его живыхъ, карихъ, умныхъ глазахъ, Антошка казался моложе своихъ восемнадцати лѣтъ и напоминалъ бы прежняго подростка Антошку, ходившаго съ ларькомъ, если бы не пробивавшіеся черные усики и едва замѣтный пушокъ на подбородкѣ.

— Очень вамъ благодаренъ, Арнольдъ Оскарычъ! — пробормоталъ, наконецъ, Антошка.

— Меня благодарить не за что. Повышеніемъ вы обязаны своимъ способностямъ и добросовѣстнымъ отношеніемъ къ работѣ... Вы и теперь многое понимаете не хуже мастера, а современемъ, я увѣренъ, будете превосходнымъ мастеромъ... Только смотрите, Щигровъ, оправдайте мои надежды, — продолжалъ, выговаривая слова съ замѣтнымъ акцентомъ, тихимъ, ровнымъ и нѣсколько монотоннымъ голосомъ Арнольдъ Оскаровичъ, любившій читать правоученія молодымъ мастерамъ, особенно тѣмъ, которыхъ отличалъ.

— Постараюсь, Арнольдъ Оскарычъ.

— А, главное, не заутите, какъ кутятъ многіе изъ вашихъ товарищей.

— Я вина въ ротъ не беру, Арнольдъ Оскарычъ.

— Приятно это слышать, очень приятно. И никогда не пейте водки, Щигровъ... Водка больше всего губитъ мастерового и лишаетъ его всякаго самолюбія. А безъ самолюбія какой можетъ быть человѣкъ?.. И вообще, Щигровъ, избѣгайте не только пьянства, но и другихъ кутежей... Вы понимаете, о чемъ я говорю? Будьте нравственнымъ человѣкомъ. О, это очень важно и для здоровья, и для хорошей работы...

— Я глупостями не занимаюсь! — прошепталъ конфузливо Антошка.

— Очень похвально, и не занимайтесь глупостями... При порядочномъ образѣ жизни вы можете откладывать часть жалованья и класть деньги въ сберегательную кассу. У васъ, такимъ образомъ, будетъ всегда запасъ на всякій случай.. А это очень хорошо имѣть запасъ... Предусмотрительный человѣкъ долженъ всегда имѣть запасъ. Вѣдь вамъ некому помогать? У васъ, какъ я слышалъ, родители умерли?

— У меня, Арнольдъ Оскарычъ, родителей нѣтъ, это точно, но за то есть одинъ господинъ, который для меня, можно сказать, дороже отца и матери. Онъ меня человѣкомъ сдѣлалъ, и я, пока живъ, буду для него работать! — горячо проговорилъ Антошка.

— Это дѣлаетъ вамъ честь. Благодарность — рѣдкая добродѣтель... Вашъ покровитель, значить, бѣдный?

— Бѣдный. У него ничего нѣтъ... Племянница ему помогаетъ...

— А теперь будете вы?

— Я-съ.

— Радъ узнать, что вы исполняете свой долгъ, какъ слѣдуетъ порядочному человѣку. Надѣюсь, что въ непродолжительномъ времени вы будете получать и большее жалованье, если станете такъ же хорошо работать, какъ работали до сихъ поръ.

— Я изо всѣхъ силъ буду стараться, Арнольдъ Оскарычъ.

Взглядъ большихъ, слегка выпяченныхъ, глазъ начальника мастерской, съ видимымъ благоволеніемъ скользнулъ по всей тщедушной фигуркѣ Антошки и снова принялъ нѣсколько строгое выраженіе, когда Арнольдъ Оскаровичъ внушительно произнесъ:

— Но только знайте, Щигровъ, что, какъ я васъ ни цѣню, а за малѣйшее упущеніе буду строго выскивать, и даже строже, чѣмъ съ другихъ... Помните это, и не надѣйтесь ни на какія послабленія съ моей стороны...

— Я ни на чьи послабленія не рассчитывалъ! — не безъ достоинства отвѣтилъ Антошка.

— Да вотъ еще что...

Тутъ добросовѣстный финляндецъ на минутку замаялся и продолжалъ уже не начальническимъ, а ласково-конфиденціальнымъ тономъ, нѣсколько понижая голосъ:

— Это, конечно, не мое дѣло, но я искренно желаю вамъ добра и потому считаю долгомъ предупредить васъ: не очень-то дружите съ машинистомъ Ермолаевымъ... Вы, кажется, дружны съ нимъ?.. Можете не отвѣчать, коли не хотите... Это ваше частное дѣло! — прибавилъ Арнольдъ Оскаровичъ.

— Да, я пріятель съ нимъ...

— Онъ отличный работникъ и не пьяница, но только неспокойнаго образа мыслей... Поняли?

— Понялъ, Арнольдъ Оскарычъ... Только никакихъ дурныхъ разговоровъ мы не ведемъ...

— Ну, я васъ предупредилъ. Ступайте обѣдать, сію минуту звонокъ! — прибавилъ Арнольдъ Оскаровичъ и ласково кивнулъ въ отвѣтъ на поклонъ Антошки.

XXXV.

Въ этотъ холодный, хмурый и мокрый октябрьскій день Антошка шель съ завода обѣдать домой съ такою быстротой, съ какою, бывало, въ прежнія времена своей безотрадной жизни нагонялъ какую-нибудь „миленькую барыньку“, подававшую надежду снабдить копѣечкой.

Онъ не чувствовалъ ни пронизывающаго холоднаго вѣтра, дувшаго съ Невы, ни сырости, ни холода, такъ какъ костюмъ его былъ въ надлежащей исправности — „графъ“ особенно объ этомъ заботился, и случалось, самъ чинивалъ Антошкины вещи — и, переполненный счастьемъ, спѣшилъ подѣлиться новостью съ „графомъ“ и обрадовать радостной вѣстью своего прѣступа и друга.

Едва ли въ этотъ скверный день былъ во всемъ Петербургѣ такой счастливый человѣкъ, какъ Антошка. Самая

радужныя мысли вихремъ проносились въ его головѣ, чередуясь съ невольными воспоминаніями о горемычномъ прошломъ, словно бы для того, чтобы еще ярче оттѣнить прелесть настоящаго.

Давно ли онъ, оборванный и несчастный, не слыхавшій ни одного ласковаго слова, бѣгалъ нищенкой и ходилъ съ тяжелымъ ларькомъ по улицамъ, упрасивая прохожихъ купить конвертовъ и бумаги, чтобы принести выручку и не испробовать ремня „дяденьки“ и ругани „рыжей вѣдьмы“ (гдѣ-то они теперь)? Давно ли онъ забнулъ на улицахъ и часто голодалъ?..

А теперь онъ окончилъ курсъ, имѣетъ хорошее мѣсто и жалованье и въ недалекомъ будущемъ будетъ мастеромъ— не даромъ же всѣ хвалятъ его работу, и не даромъ же онъ самъ любитъ свое дѣло.

Только въ послѣднее время, когда Антошка значительно развился, благодаря влиянію школы, чтенію и философскихъ бесѣдъ „графа“, онъ понялъ, что бы могло быть съ нимъ, съ брошеннымъ созданіемъ, если бы не графъ. И то, что прежде Антошка лишь чувствовалъ, теперь понялъ и оцѣнилъ. Оцѣнилъ все, что сдѣлалъ для него единственный человѣкъ, принявшій въ немъ горячее участіе, понялъ всю дѣятельную силу его любви и безграничность заботъ о немъ, направленныхъ къ тому, чтобы избавить его отъ ужасовъ нищенской жизни и сдѣлать его человекомъ.

Безконечно благодарный и любившій теперь „графа“ сознательно, чѣмъ прежде, Антошка былъ въ восторгѣ, что такъ скоро сбылись его завѣтныя мечты, тѣ самыя мечты, которыя нерѣдко занимали Антошку съ той памятной ночи, когда онъ, избитый, окровавленный и продрогшій прибѣжалъ отъ „дяденьки“ и былъ согрѣтъ ласкою и участиемъ, прирѣнъ и принятъ подъ покровительство такимъ же нищимъ и бездомнымъ, какимъ былъ и Антошка. И съ той только поры онъ почувствовалъ, что жизнь можетъ быть мила.

Теперь онъ можетъ отплатить своему другу не одною только безпредѣльною привязанностью. Теперь Александру Ивановичу не нужна ничья посторонняя помощь. Ему, преждевремененно состарѣвшемуся отъ долгихъ лѣтъ нищенской жизни, часто хворающему, не нужно больше трудить слабыхъ

глазъ и сидѣть, не разгибая спины, по нѣсколькѣ часовъ въ день за перепиской, чтобъ заработать нѣсколькѣ рублей для того, чтобы побаловать развлечениями и лакомствами лишній разъ того же Антошку. Теперь онъ будетъ заботиться о немъ и баловать „графа“. Теперь у нихъ будетъ пятьдесятъ рублей въ мѣсяцъ своихъ кровныхъ денежекъ и никакой чужой помощи имъ не надо. А впереди въ воображеніи Антошки послѣдовательно пробѣгали крупнѣйшія цифры будущаго жалованья и, доходя до цифры 100, говорили ему и о двухъ комнатахъ, и о сигарахъ для Александра Ивановича, и о красномъ винѣ для него за обѣдомъ, и о маленькой дачѣ гдѣ-нибудь по близости, на Петровскомъ островѣ, напримѣръ, гдѣ бы Александръ Ивановичъ могъ поправиться, а то онъ все покашливаетъ, и нѣтъ-нѣтъ да и пожалуется, что болитъ грудь...

Квартира „графа“ и Антошки была недалеко отъ завода, въ одной изъ дальнихъ линій Васильевскаго острова, у средняго проспекта. Они уже два года, какъ переѣхали отъ Нивифоровыхъ, съ тѣхъ поръ, какъ сынъ-технологъ, окончивъ курсъ, получилъ мѣсто на одномъ изъ заводовъ въ Еваторинославской губерніи, и съ нимъ уѣхали мать и сестра, здоровье которой требовало теплаго климата.

Эти милые, добрые люди, у которыхъ такъ хорошо прожили больше года „графъ“ и Антошка, пользуясь расположеніемъ всѣхъ членовъ семьи, не забывали своихъ прежнихъ жильцовъ. Разъ въ мѣсяцъ братъ или сестра писали „графу“, живо интересуясь имъ, и его сожителемъ, и „графъ“ отвѣчалъ длинными, благодарными, письмами, описывая успѣхи Антошки и отчасти свои по перепискѣ статистическихъ таблицъ, которую ему давала, по порученію барышни Нивифоровой, одна студентка.

Минуть черезъ пятнадцать, которыя показались въ этотъ день Антошкѣ ужасно долгими, онъ торопливо прошелъ дворъ большого дома и взбѣжалъ въ третій этажъ флигеля, гдѣ „графъ“ снималъ комнату со столомъ у стараго музыкантанѣмца, жившаго вдвоемъ съ супругой въ трехъ комнаткахъ, чистенькихъ, опрятныхъ, какъ и сами хозяева.

Маленькая, толстенная и румяная старушка, съ сѣдыми бубками, неизмѣнной потертой плюшевой навидушкой на плечахъ, отворила двери и, впустивъ Антошку, не безъ нѣко-

торого удивленія проговорила на очень плохомъ русскомъ языкѣ.

— Сегодня вы на пять минутъ раньше пришли, Антошъ.

— Раньше, Адель Карловна... Торопился.

— Кушать вѣрно очень захотѣли?—довольно привѣтливо освѣдомилась хозяйка, благоволившая къ своимъ жильцамъ и за то, что они аккуратно платили, и за то, что были тихие жильцы и не дѣлали, какъ она выражалась, „schweinegei“ изъ своей комнаты.

— Да, Адель Карловна,—весело и торопливо отвѣчалъ Антошка, готовый на радостяхъ обнять эту степенную, аккуратную, немного прижимистую и сентиментальную Адель Карловну.

— Марта сейчасъ подасть...

Но Антошка едва ли слышалъ послѣднія слова, такъ какъ, сбросивъ пальто, стремительно бросился въ комнату, повергнувъ въ нѣкоторое недоумѣніе почтенную нѣмку и своею забывчивостью обтереть ноги о половики, и своимъ особенно радостнымъ, возбужденнымъ, видомъ.

„Вѣрно, какое-нибудь маленькое жалованье назначили!“—мысленно рѣшила практическая старушка, приурочивавшая всѣ житейскія радости къ полученію денегъ.

И, снѣдаемая любопытствомъ узнать, въ чемъ дѣло, и желаніемъ сообщить что-нибудь новенькое своему Адольфу Ивановичу, когда онъ вернется съ репетиціи изъ театра, гдѣ онъ игралъ вторую или третью скрипку, — Адель Карловна приложила ухо къ двери комнаты жильцовъ въ надеждѣ что-нибудь услышать. Но двери были плотно закрыты, и Адель Карловна отошла нѣсколько обиженная и отправилась въ свою сверкавшую чистотой кухню, чтобы посмотреть, какъ будетъ отпускать жильцамъ обѣдъ „этотъ глухой русскій свинъ Марта“, какъ называла нѣмка рябую, неуклюжую и лѣнивую Марю, дѣйствительно не отличавшуюся большимъ пристрастіемъ къ чистотѣ, хотя и жила, какъ она говорила, „у нѣмцевъ“ цѣлыхъ пять лѣтъ, получая небольшое жалованье и вѣчно слыша отъ нѣмки посрамленіе русской національности.

Въ ожиданіи прихода Антошки, „графъ“, только-что окончившій переписку полустраницы цифръ, ходилъ, расправляя

свои усталые члены, медленными шагами по небольшой, опрятной и уютной комнатѣ, убранной въ нѣмецкомъ вкусѣ, съ бисерными подставочками на столикахъ, съ вышитой подушкой на диванѣ и съ идиллическими плохими литографіями на стѣнахъ. Маленькій обѣденный столъ посреди комнаты былъ накрытъ чистой сватерткой, и у каждаго изъ двухъ приборовъ лежали салфетки въ бисерныхъ же кольцахъ, явившихся знакомъ вниманія Адель Карловны въ день годовщины пребыванія у нея на квартирѣ жильцовъ.

За эти три года „графъ“, не смотря на спокойную и самую правильную жизнь, какую онъ велъ, сильно постарѣлъ и какъ-то осунулся. И волнистые его волосы и борода совсѣмъ засѣдѣли. Глубоко ввалившіеся темные глаза, хотя и сохранили еще живость и порой свѣтились юморомъ и насмѣшкой, но въ нихъ уже не было прежняго блеска. Лицо его потеряло одутловатость и землистый цвѣтъ кожи, зато на немъ залегло болѣе морщинъ и черты заострились, придавая фیزیономію графа тотъ изнуренно-страдальческій видъ, въ которомъ изображаютъ монаховъ-подвижниковъ.

Онъ не могъ пожаловаться ни на какія острия страданія— по временамъ грудь ныла, но не очень сильно, и беспокоилъ сухой кашель, но онъ чувствовалъ, что вообще слабѣетъ и послѣ часа работы или послѣ ходьбы устааетъ, чувствовалъ какую-то тяжесть въ ногахъ и отсутствіе гибкости въ членахъ. Видно было, что послѣдствія прежней жизни начинаютъ связываться и постепенно разрушаютъ его когда-то крѣпкій организмъ.

Но „графъ“, привязавшійся снова въ жизни съ тѣхъ поръ, какъ она ему улыбнулась, все надѣялся, что эта усталость и эта слабость пройдутъ. Онъ бодрился и съ какою-то инстинктивною предусмотрительностью заботился теперь о своемъ здоровьи и частенько показывался въ пріемные часы у женщины-врача Елизаветы Марковны, лечившей его отъ воспаленія легкихъ, совѣтовался съ ней, принималъ какія-то пилюли, остерегался простуды, словомъ, берегъ себя и подчасъ строилъ планы о будущемъ, о далекомъ будущемъ, вмѣстѣ съ Антошкой.

Когда Антошка ворвался въ комнату, графъ сразу догадался по его сіяющему лицу, что случилось что-то пріятное.

— Ну, рассказывай, рассказывай скорѣй, Антоша... Вижу, братъ, по твоей фѣзѣиоми, что ты въ восторгахъ. Что случилось? Новую машинку выдумалъ, или тебя вашъ строгій чухна похвалилъ?—говорилъ „графъ“, самъ улыбаясь при видѣ неудержимой радости, которою, казалось, былъ переполненъ Антошка.

— Помощникомъ мастера назначили, Александръ Ивановичъ,—почти крикнулъ Антошка.

„Графъ“, знавшій, благодаря Антошкѣ, всѣ іерархическія степени заводскихъ служащихъ, вполне проникся важностью этого повышенія, и радостно проговорилъ:

— Ну, поздравляю тебя, Антоша, поздравляю тебя, родной... Годъ на заводъ и уже помощникъ мастера... Это что необыкновенное... Иди, братъ, вымой скорѣй руки, чтобы я ихъ пожалъ... Кстати, вотъ и Марта несетъ произведеніе Адели Карловны.

— И жалованье назначили, Александръ Ивановичъ! Пятьдесятъ рублей въ мѣсяцъ!—почти выкрикнулъ Антошка, уходя за перегородку и принимаясь за мытье.

— Пятьдесятъ рублей!?—воскликнулъ „графъ“, не вѣря своимъ ушамъ.

— Пятьдесятъ!—повторилъ Антошка, отфыркиваясь.—Съ перваго числа. И обѣщали сдѣлать мастеромъ.

— Молодецъ Антоша... Ты блистательно начинаешь свою карьеру... Въ восемнадцать лѣтъ и уже пятьдесятъ рублей... Да вѣдь это жалованье поручика... Ай да справедливый „печальный пасынокъ природы“!.. Ай да вашъ строгій Арнольдъ Оскаровичъ! Онъ, значить, оцѣнилъ тебя, понялъ, какой ты талантливый человекъ!—радостно говорилъ „графъ“.

И когда Антошка вышелъ изъ-за перегородки, графъ крѣпко пожалъ руку Антошки, потомъ привлекъ его къ себѣ, обнялъ и что-то долго не выпускалъ Антошку изъ своихъ объятій, желая скрыть радостныя слезы, которыя невольно застѣлали глаза.

— Ну, теперь садись и ѣшь... Подробности вечеромъ... Вѣдь вашъ шабашъ не дологъ. Такъ пятьдесятъ рублей, Антоша? И будешь мастеромъ? И, конечно, скоро... Однимъ, словомъ, теперь ты на своихъ ногахъ... Я такъ и ждалъ... Ты и мальчишкой былъ всегда сообразительнымъ умницей... О

ты, братъ, далеко пойдешь... Непремѣнно какую-нибудь машину да выдумаешь... Ъшь, ѣшь... Вечеромъ расскажешь, какъ все это случилось, и что тебѣ начальникъ мастерской говорилъ... Такъ съ перваго числа? Теперь, Антоша, ты богатъ и можешь завести и часы, и спать себѣ новую пару, и пользоваться иногда развлеченіями...

Но вдругъ „графъ“ остановился, изумленный внезапной переменою лица Антошки. Куда дѣвалась сіявшая на немъ радость!

— Развѣ жалованье, которое я буду получать, мое, а не наше, Александръ Ивановичъ?— взволнованнымъ и словно бы недоумѣвающимъ тономъ воскликнулъ Антошка, и лицо его приняло безконечно-грустное выраженіе обиженного ребенка. — Къ чему вы говорите о какихъ-то часахъ, о новой парѣ? Развѣ мы не будемъ оба жить на жалованье?.. Вы, значитъ, не хотите, чтобъ я могъ хоть чѣмъ-нибудь отплатить за все, что вы для меня сдѣлали... Я... я... жизнь... готовъ... отдать за васъ, а вы...

Антошка больше не могъ продолжать.

О, какія мгновенія безконечнаго счастья испытывалъ „графъ“, слушая эти порывистыя, прочувствованныя изліянія благороднаго сердца! Какимъ великимъ вознагражденіемъ за всѣ страданія горемычной его жизни была эта обида привязаннаго существа! И какъ хороша казалась жизнь! И какимъ тепломъ охватывало его душу!

Съ трудомъ удерживаясь и самъ отъ слезъ, подступавшихъ къ горлу, „графъ“ поглядѣлъ на Антошку съ восторженнымъ умиленіемъ и проговорилъ:

— Такъ вотъ отъ чего ты обидѣлся!? А я и не думалъ тебя обидѣть... Развѣ я не знаю, не чувствую твоей привязанности?

— Но вы говорили о часахъ... о платьѣ...

— Ну, говорилъ... Такъ вѣдь я получаю тридцать пять рублей отъ племянницы.

— Зачѣмъ ихъ получать? Теперь мы сами проживемъ безъ посторонней помощи!— не безъ горделиваго чувства произнесъ Антошка и, снова повеселѣвшій, поднялъ голову и смотрѣлъ на „графа“. — Еще какъ проживемъ-то! Это на первое время мнѣ дали пятьдесятъ, а черезъ годъ навѣрное да-

дуть семьдесят пять... Я буду работать, стараться... Мы теперь ни отъ кого не будемъ зависѣть...

— „Мы“, — повторилъ „графъ“ и печально усмѣхнулся. — Что жъ, ты вѣдь правъ, мой милый; я съ бѣльшимъ удовольствіемъ буду жить на твой счетъ, чѣмъ на чей-нибудь другой.. Корми же меня, ни къ чему негоднаго старика... Ты вѣдь единственный близкій мнѣ на свѣтѣ.

— А то какъ же! — радостно поддакнулъ Антошка.

— И умру на твоихъ рукахъ.

— До этого еще долго, Александръ Ивановичъ. А главное: не трудите себя этой перепиской... Ну ее... Оставьте! Вамъ это вредно!

— Коли такъ приказываешь — оставлю! — шутливо говорилъ „графъ“. — Она, дѣйствительно, очень меня утомляетъ. Однако, что же ты не ѣшь котлетъ..

— Не хочется.

— И мнѣ не хочется... Вечеромъ поѣдимъ... Убирайте, Мареев... Да скажите Адели Карловнѣ, что мы не ѣли ся котлетъ не потому, что онѣ дурны, а потому... потому, что мы съ Антошей очень счастливы. Понимаете?

Мареева взглянула опалѣлыми глазами на обоихъ жильцовъ и молча убрала со стола.

„Графъ“ закурилъ свою копѣчную сигару и заговорилъ:

— Ужасно сильно развито у тебя чувство благодарности, я тебѣ скажу, Антоша. Оно вообще рѣдко у людей... Ты помни это и никогда на него не рассчитывай. И ты преувеличиваешь это чувство по отношенію ко мнѣ...

— Почему это?

— А потому, что я и не знаю, кто кому больше обязанъ: ты мнѣ, или я тебѣ.

— Конечно, я... Не будь васъ, чѣмъ бы я былъ теперь... Ходилъ бы съ ларькомъ и терпѣлъ отъ дяденьки...

— А не явился ты ко мнѣ въ ту ночь, давно бы я умеръ гдѣ-нибудь на улицѣ пьяный... Да, Антоша. И не жалѣлъ бы жизни... А ты возродилъ меня... Ты снова заставилъ полюбить жизнь... И вотъ теперь я не одинъ, и я счастливъ, благодаря тебѣ... Ну, да что считается. Но не забывай только одного, что обоихъ насъ выручилъ случай... Не будь этой доброй феи племянницы, не устроилось бы все такъ хорошо...

Я ходилъ бы по вечерамъ на „работу“, выпрашивалъ бы гривенники, но на нихъ, братъ, ты знаешь, не составишь состоянія, и даже теплаго пальто не купишь. По всей вѣроятности, я слегъ бы въ больницу, и чтобы тогда съ тобой сталось, бѣдняга?.. Помнишь, ты хотѣлъ идти въ газетчики?

— И пошелъ бы... И мы съ вами не пропали бы!

— Я во всякомъ случаѣ бы пропалъ... Впрочемъ, къ чему вспоминать прошлое, когда настоящее намъ улыбается.. Не будемъ, Антоша. А ты во всякомъ случаѣ какъ-нибудь сходи къ Нинѣ... Она обрадуется, когда узнаетъ о твоихъ успѣхахъ отъ тебя самого... И поблагодари ее... А ты ужъ бѣжишь на заводъ?

— Пора, Александръ Ивановичъ.

— Ну, до свиданія. Вечеромъ поболтаемъ, ты мнѣ расскажешь, что тебѣ говорилъ твой начальникъ, какъ приняли твое повышеніе товарищи... Все, все расскажи... До свиданія... Смотри, у машинъ осторожнѣй... Ты вѣдь слишкомъ прытвій...

Когда Антошка вышелъ изъ комнаты, „графъ“ пересѣлъ въ кресло и впалъ въ то блаженное настроеніе, когда человеку кажется, что счастьемъ его не будетъ конца.

Съ этими мыслями онъ незамѣтно задремалъ.

Его въ послѣднее время часто клонило къ дремотѣ.

XXXVI.

Тихій стукъ въ двери разбудилъ его.

— Войдите!—проговорилъ онъ, съ трудомъ поднимаясь съ кресла и напрасно стараясь принять бодрый видъ.

Колѣни его подгибались и ноги стояли не твердо.

Вошла Нина.

— Какой счастливый вѣтеръ занесъ васъ ко мнѣ, Нина?—радостно привѣтствовала „графъ“, дѣлая нѣсколько шаговъ на встрѣчу къ племянницѣ.

Онъ поцѣловалъ Нину и, усадивъ на диванъ, тотчасъ же сталъ рассказывать о томъ, что Антоша только-что получилъ мѣсто—онъ, конечно, объяснилъ, какое важное для начала—и ему назначили, восемнадцатилѣтнему мальчику, пятьдесятъ рублей жалованья.

— Вотъ какой онъ Антоша... О, онъ далеко поидеть... Это необыкновенно талантливый мальчижь... И какое золотое сердце!

„Графъ“ передалъ „Нинѣ“ сцену за обѣдомъ и прибавилъ:

— Непремѣнно требуетъ, чтобъ я былъ его пансіонеромъ, и чтобы никто больше не заботился обо мнѣ... Вы понимаете, Нина, я не смѣю отказать ему!—радостно заговорилъ „графъ“.

— Еще бы... Иначе вы обидѣли бы его, дядя.

— То-то и есть. А развѣ я захочу обидѣть моего мальчижа? Вотъ почему съ перваго ноября вы уже прекратите мнѣ выдачу пенсіи изъ вашего казначейства. Теперь мы богаты и счастливы, благодаря милой феѣ. Спасибо вамъ, Нина!

— Но развѣ, дядя, и мнѣ нельзя о васъ заботиться. Вѣдь эти деньги вамъ давно назначены. Позвольте попрежнему посылать вамъ.

Но „графъ“ протестовалъ. Никакъ нельзя. Антоша не позволить. И то четыре года они пользовались пенсіей. Теперь Нина можетъ быть доброй феей кого-нибудь другого, мало-ли горемыкъ? Вѣдь Антоша получилъ 50 рублей на первое время, черезъ годъ онъ получитъ 75, а когда сдѣлаютъ мастеромъ онъ будетъ получать 150 рублей въ мѣсяцъ.

Нина глядѣла на это исхудавшее блѣдное лицо дядя, озаренное счастливой улыбкой, на эту впалую грудь, и ей почему-то казалось, что онъ слишкомъ фамильярно обращается съ будущимъ.

— Ну, какъ хотите, дядя... Я рада за васъ и за Антошу... Вотъ только вы что-то похудѣли немножко съ тѣхъ поръ, какъ я видѣла васъ въ послѣдній разъ... Здоровы-ли вы?..

— Ничего себѣ, скриплю... Вотъ слабость сталъ чувствовать въ послѣднее время, но, надѣюсь, это пройдетъ... Года все-таки свое берутъ, ну, и жизнь-то моя прежняя была не особенно правильная, совсѣмъ дажо неправильная, Нина.

— Быть можетъ, хотите посоветоваться съ докторомъ, дядя? Я къ вамъ привезу специалиста.

— Спасибо, Ниночка, спасибо... У меня есть одна знакомая—докторша, славная барыня. Я съ ней совѣтуюсь и, по ея совѣту, ходилъ къ специалисту. Онъ говоритъ то же, что и докторша: надо беречься. Я и сдѣлался трусомъ... За-

бочусь о своей персонѣ, Нина, точно принцъ крови... Теперь, видите-ли, мнѣ ^{очень} жить хочется... Хотя бы лѣтъ пять еще протянуть!—проговорилъ, улыбаясь, „графъ“.—Ну, а вы какъ поживаете, Нина? Здоровы, надѣюсь?

— Здорова.

— А объ остальномъ нечего и спрашивать... Живется хорошо, конечно?

Нина встрепенулась, точно раненая птица. Въ выраженіи ея лица и большихъ темныхъ глазъ было что-то безконечно грустное.

— Не хорошо, дядя!—проронила она.

— Не хорошо? Отчего не хорошо? Что съ вами, голубушка?—съ нѣжнымъ любовнымъ участіемъ спрашивалъ „графъ“, пораженный печальнымъ видомъ племянницы.—Вы молоды, хороши, имѣете средства, добры и отзывчивы, живете не праздно, какъ другія... У васъ образованный молодой мужъ, свѣтило науки, который, конечно, любитъ васъ и раздѣляетъ ваши взгляды...

Нина нѣсколько мгновеній молчала, и вдругъ слезы тихо закапали изъ ея глазъ.

— Нина! Простите... Я своими дурацкими вопросами только разстроилъ васъ, — извинялся „графъ“, цѣлуя маленькую блѣдную руку Нины.—Я принесу воды... успокойтесь.

И „графъ“ поднялся съ кресла.

— Не надо, сидите, дядя... Это сейчасъ пройдетъ. Я нарочно приѣхала, чтобы рассказать вамъ все... все... Вы ничего не знаете... Я прежде и себѣ не рассказывала, и рѣдко у васъ бывала... Я вѣдь совсѣмъ одинока, милый дядя!—говорила молодая женщина, когда нѣсколько успокоилась.

— Одиноки? А мужъ?—невольно воскликнулъ „графъ“.

Онъ видѣлъ его разъ или два.

Влюбленная и счастливая, вышедшая замужъ противъ воли отца за молодого профессора, далеко не родовитаго происхождения, что, главнымъ образомъ, и смущало его превосходительство, Нина, два года тому назадъ, вскорѣ послѣ свадьбы приѣзжала съ мужемъ къ дядѣ.

Онъ не понравился тогда „графу“, этотъ молодой, красивый и уже извѣстный ученый. Онъ показался слишкомъ ужъ кокетливымъ и въ манерахъ, и въ костюмѣ, слишкомъ

рѣшительнымъ въ приговорахъ и влюбленнымъ въ себя. Несмотря на чрезвычайную любезность профессора, отъ него вѣяло холодомъ.

— Я расхожусь съ мужемъ!—отвѣтила Нина.

И послѣ паузы спросила:

— Вы удивлены, дядя?

— Нисколько, Нина... Я всего насмотрѣлся на своемъ вѣку и мало чему удивляюсь... Признаюсь, вашъ мужъ мнѣ не нравился... Такъ, первое впечатлѣніе стараго бродяги... Но вы, Нина, вѣдается, его любили?

— Любила, но не знала его. Тогда онъ казался другимъ. „Обыкновенная исторія“, подумалъ „графъ“ и, проговорилъ:

— Бѣдная! Такая молодая—и такое разочарованіе!

— И не одно!—грустно проронила Нина...

„А впереди еще сколько!“—пронеслось въ головѣ у „графа“.

— Что же, онъ не любитъ васъ?

— Онъ никого не любитъ, кромѣ себя, и женился, считывая на приданое... Я это хорошо знаю теперь, въ несчастіи, слишкомъ хорошо, дядя... А тогда я увлеклась имъ... Среди мужчинъ, которыхъ я встрѣчала въ нашсмъ обществѣ, онъ такъ выдавался... Вы вѣдь хорошо знаете это общество?

— Знавалъ, Нина...

— Я хотѣла уйти изъ него... Я чувствовала, что такъ жить, какъ я жила, невозможно... Меня угнетала эта безцѣльная, праздная жизнь... эти балы... эта безумная роскошь небольшого кружка въ то время, когда у десятковъ тысячъ нѣтъ куска хлѣба... Къ тому же и дома... Отецъ...

Нина на секунду остановилась, точно ей было тяжело до-сказать то, что причиняло ей страданіе. Оно въ эту минуту выражалась въ чертахъ ея лица, во всей ея принявшей фигурѣ.

— Я не смѣю осуждать отца, — произнесла она наконецъ упавшимъ голосомъ,—я все-таки люблю папу, и мнѣ жаль его, но я... я потеряла къ нему уваженіе. Вѣдь это ужасно, дядя. Не правда ли?.. Не уважать отца?..

„Графъ“ угрюмо молчалъ, опустивъ голову.

Что могъ и смѣлъ онъ сказать дочери человѣка, которого давно считалъ подлецомъ. Чѣмъ могъ онъ утѣшить Нину?

И въ первый разъ, кажется, во всю его жизнь въ немъ пробудилось чувство состраданія и жалости къ брату. Не смотря на все свое богатство и важное положеніе, онъ несчастливъ. У брата нѣтъ такого преданнаго любящаго созданія, какое есть у него, у бывшаго отверженца.

— Я съ радостью приняла предложеніе, — продолжала молодая женщина, — я любила этого человѣка, я ждала новой дѣятельной жизни, новыхъ людей, и вмѣсто того нашла почти то же, что и въ нашемъ свѣтскомъ обществѣ. Та же погоня за карьерой, за деньгами... То же равнодушіе къ вопросамъ, не имѣющимъ отношенія къ ихъ специальности, тѣ же интриги... И это ученые! Профессора!.. Мой мужъ оказался такимъ же... Разница въ нашихъ характерахъ, взглядахъ, мнѣніяхъ обнаружилась скоро и наконецъ дошла до того, что я просила развода.

— Онъ даетъ его?

— Охотно. Тѣмъ болѣе, что вѣдь женитьба не принесла ему ничего... Отецъ не далъ мнѣ приданнаго... Онъ только сдѣлалъ тряпки и выдаетъ мнѣ по двѣсти рублей въ мѣсяць.. А мужъ рассчитывалъ не на это и недавно настаивалъ, чтобы я ѣхала въ отцу и просила его дать мнѣ хоть половину общаго состоянія теперь же... Это было уже слишкомъ!

— Изъ современныхъ раннихъ молодыхъ людей! — протянула „графъ“ . — И, вѣрно, онъ все это объяснялъ по наукъ?

— Вродѣ этого. О, говорить-то онъ краснорѣчиво и любить говорить... Но мнѣ его рѣчи кажутся бездушными... Прежде, когда онъ былъ женихомъ, онъ не то говорилъ, что теперь... И съ какой страстью! И какую разумную жизнь общалъ... Все это была одна ложь. И какъ подумаешь, что этотъ человѣкъ профессоръ, поучаетъ другихъ, а самъ... О, какъ все это отвратительно, дядя!

— Хорошо еще, что вы не поздно узнали этого ученаго, и смѣю думать, совсѣмъ разлюбили его. Не правда ли, Нина? — осторожно спросила „графъ“ .

— Онъ мнѣ чужой совсѣмъ. Я къ нему равнодушна! — рѣшительно проговорила молодая женщина.

— Вотъ это отлично. Нѣтъ, по крайней мѣрѣ, лишнихъ страданій.

— Они были, дядя. Вѣдь я его любила!

Нѣсколько минутъ продолжалось молчаніе.

Высказавъ все, что мучило ее, Нина казалась покойнѣе.

— Что жъ вы намѣрены теперь дѣлать, Нина? Гдѣ будете жить? У своихъ?

— Папа былъ у меня и настоятельно звалъ къ себѣ, и мама тоже.. Бѣдныя! Они любятъ меня и въ отчаяніи, что у нихъ такая неудачная дочь. И сдѣлала mesalliance, и разводится... Но, какъ мнѣ ни тяжело было огорчить ихъ, я отказалась. Опять вернуться къ этой жизни!?. Боже сохрани!.. Мнѣ опротивѣлъ Петербургъ.

„Графъ“ съ благоговѣніемъ смотрѣлъ на молодую женщину. Сколько характера и энергіи въ этомъ созданіи!

— Вы, значитъ, уѣзжаете!

— Надняхъ уѣзжаю, дядя... До отъѣзда я еще буду у васъ...

— Спасибо, спасибо, милая... Вы не перестаете баловать меня... Надѣюсь, и вѣсточку о себѣ когда-нибудь дадите?.. Вы куда уѣзжаете?

— Далеко, дядя, въ Самарскую губернію.

— Къ кому?

— Къ тетѣ Танѣ, къ маминой сестрѣ. Она славная, добрая и простая такая, совсѣмъ не похожа на нашихъ дамъ. Зоветъ къ себѣ въ деревню... Она постоянно тамъ живетъ послѣ смерти своего мужа и не скучаетъ... Она общается найти мнѣ дѣло въ деревнѣ, если только я не соскучусь по баламъ и у меня хватитъ терпѣнія быть полезной другимъ... Пишетъ, между прочимъ, что у нихъ въ уѣздѣ совсѣмъ нѣтъ школъ, и что надо ихъ устроить. Поживу тамъ и, если понравится, быть можетъ, и останусь тамъ... Сюда буду приѣзжать, чтобъ навѣстить своихъ, взглянуть на васъ, дядя, какъ вы живете со своимъ другомъ... А средства на устройство школъ у меня будутъ. Папа оставляетъ мнѣ мои двѣсти рублей въ мѣсяцъ. Видите ли, какая я богачка!—заклчила Нина.

— Чудная вы!—умиленно воскликнулъ „графъ“.

И вслѣдъ за этимъ какъ-то особенно почтительно поцѣловалъ руку Нины. Она горячо обняла старика и проговорила:

— Если я ужъ не совсѣмъ пустая, то я и вамъ обязана, дядя. Вы мнѣ на многое отерли глаза.

— Своему доброму сердцу обязаны, и никому болѣе!

*

Нина еще просидѣла нѣсколько времени у „графа“.

Она строила планы будущей жизни, говорила, что ея манить деревня, и, что тамъ она надѣется совсѣмъ забыть о своихъ неудачахъ личной жизни, и вдругъ воскликнула, какъ бы озаренная внезапной мыслью:

— А знаете что, дядя?

— Что, Нина?

— Что бы и вамъ пріѣхать въ деревню? Тетя навѣрное будетъ рада. Тамъ вы скоро поправитесь и не будете чувствовать ни усталости, ни слабости. Хотите? Я напишу вамъ изъ деревни, и вы пріѣзжайте.

— А мой Антоша?

Нина виновато улыбнулась, взглядывая на мертвенно-блѣдное лицо съ заострившимся носомъ и обтянутыми щеками, и стала собираться, безконечно жалѣя дядю.

XXXVII.

Пришла весна.

„Графъ“ худѣлъ и слабѣлъ съ каждымъ днемъ въ теченіе зимы и теперь съ трудомъ могъ дѣлать нѣсколько шаговъ по комнатѣ. Большую часть времени онъ сидѣлъ въ креслѣ, или лежалъ на постели.

Но онъ и думать не хотѣлъ, что дѣло его проиграно окончательно, и что смерть уже витаетъ надъ его изголовьемъ. Онъ, напротивъ, питалъ какую-то упорную надежду, что поправится, какъ только наступятъ теплые вешніе дни, а тамъ и лѣто... Антошка обѣщалъ нанять на Петровскомъ островѣ маленькую дачу... Тамъ, на чистомъ воздухѣ, онъ окончательно выздоровѣетъ.

Даже зеркало, отражавшее лицо мертвеца, не колебалось этой увѣренности. Не смущали его и исхудалыя ноги и руки, и выдающіяся по плоской груди ребра...

И онъ добросовѣстно глоталъ какіе-то пилюли, принималъ микстуру и насильно, безъ всякаго аппетита, пилъ молоко и ѣлъ бульонъ и мясо.

Еще бы! Ему теперь такъ хотѣлось жить, этому горемычному бродягѣ, безконечно счастливому въ это послѣднее время, когда они жили съ Антошкой на свои кровныя денежки. И какъ же Антошка баловалъ его: и вино ему покупалъ, и не-

дурныя сигары, и на газету для него подписался, и по вечерамъ, возвратившись изъ завода, читалъ ему или рассказывалъ про заводскія дѣла и новости.

Какъ же не хотѣтъ жить, когда на каждомъ шагѣ видишь трогательную преданность близкаго существа и самъ безконечно любишь его и радуешься его успѣхамъ. А Антошка рѣшительно преуспѣвалъ. За какую-то его выдумку („графъ“ при самомъ подробномъ объясненіи автора „выдумки“ не могъ понять, въ чемъ дѣло) ему выдали недавно триста рублей награды, и самъ директоръ завода призывалъ Антошку и хвалилъ его...

И нерѣдко „графъ“, замѣчая, что Антошка грустенъ, говорилъ ему, стараясь придать своему глухому голосу веселый тонъ:

— Ты что, голубчикъ, носъ опустилъ... Думаешь: я умирать собираюсь. Дудки, братецъ! Ополевы живучи... Вотъ только тепло придетъ... Ты увидишь...

— И вовсе не думаю, Александръ Ивановичъ... Еще какъ поправитесь... Вотъ какъ теплое воскресенье придетъ, поѣдемъ дачу нанимать... Деньги у насъ, слава Богу, есть...

И Антошка употреблялъ чрезвычайныя усилія, чтобы казаться веселымъ и не разрыдаться, слушая эти полныя надежды слова.

Ему сказали доктора, что дни „графа“ сочтены, да онъ и самъ видѣлъ это, и горю его не было границъ. Нерѣдко онъ выбѣгалъ изъ комнаты на лѣстницу и плавалъ, какъ малый ребенокъ. Нерѣдко во время работы на заводѣ онъ утиралъ навертывавшіяся слезы — вѣдь „графъ“ былъ у него единственнымъ человѣкомъ, котораго онъ любилъ. И вдругъ потерять его тогда, когда жизнь ихъ обоихъ такъ хорошо устроилась!

И Елизавета Марковна, и другой докторъ совѣтовали перевести больного въ больницу, но Антошка и слышать объ этомъ не хотѣлъ, зная, что „графъ“ ни за что не согласится. И кто же будетъ по ночамъ около него?..

Каждое утро Антошка уходилъ со страхомъ, что вернется домой и не застанетъ въ живыхъ „графа“, и каждое утро просилъ хозяйку дать знать на заводъ, если Александру Ивановичу будетъ плохо.

Не смотря на протесты „графа“, въ послѣдніе дни у него въ комнатѣ дежурила сидѣлка. Антошка настоялъ на этомъ, убѣдивъ „графа“, что это необходимо. По крайней мѣрѣ, она будетъ аккуратно слѣдить за приемами лекарства.

„Графъ“ въ концѣ-концовъ покорно согласился и замѣтилъ:

— Пусть будетъ по твоему, а какъ потеплѣетъ, мы, братъ, сидѣлку спровадимъ... И то я тебѣ дорого стою.. Слишкомъ ужъ ты балуешь меня, Антоша... Роскошествуешь ты очень...

— Что вы, Александръ Ивановичъ... И вовсе у насъ немного выходитъ...

— Не бойсь, вижу... Вино-то одно чего стоитъ... Ну да, голубчикъ, скоро я тебя освобожу отъ этихъ расходовъ... Поправлюсь, и войдемъ въ бюджетъ...

Антошка отворачивался, чтобы скрыть слезы.

Въ этотъ вечеръ, когда Антошка вернулся съ завода, „графъ“ объявилъ, что чувствуетъ себя гораздо лучше, и вмѣстѣ съ Антошкой пилъ чай, сидя въ креслѣ. Онъ былъ особенно разговорчивъ и веселъ.

Напрасно Антошка останавливалъ его, объясняя, что ему вредно много говорить, „графъ“ не слушалъ и возбужденно порывисто заговорилъ:

— Да что ты, братецъ, точно меня умирающимъ считаешь... Я жить хочу и буду жить... Слышишь, Антоша... Милый, дорогой мой... Довольно я мыкался, терпѣлъ униженія, дѣлалъ подлости, пьянствовалъ... побирался... Я встрѣтилъ тебя, такого же горемыку, бѣднаго, брошеннаго... и твоя любовь привязала меня къ жизни и пробудила во мнѣ человѣка...

Онъ задыхался и все-таки продолжалъ, точно торопясь высказаться, глядя съ безконечною нѣжностью на Антошку.

— И теперь, когда я горжусь тобою, твоими успѣхами, когда я такъ привязался къ тебѣ, моему умному, славному мальчику, и вдругъ умереть... Нѣтъ... Я этого не желаю... Ты что же плачешь, мой милый... Зачѣмъ ты такъ смотришь?.. Или въ самомъ дѣлѣ...

Выраженіе ужаса вдругъ исказило черты „графа“. Онъ шевелилъ губами, и звука не было. Онъ какъ-то жалобно

замычалъ, и безконечно грустными глазами, точно моля о помощи, глядѣлъ на Антошеу.

— Это ничего... пройдетъ... докторъ говорилъ... ей-Богу, ничего, Александръ Ивановичъ, — безумно выбрасывалъ слова Антошка, и припалъ къ холодѣющей рукѣ „графа“, орошая ея слезами.

— Сейчасъ бѣгу за докторомъ, Александръ Ивановичъ.

„Графъ“ отрицательно помахалъ головой, не сводя тусклѣющаго взгляда съ Антошки.

— Ну, такъ пошлю...

И Антошка выбѣжалъ, чтобы распорядиться.

Когда онъ вернулся въ комнату, „графъ“ ужъ не дышалъ.

Черезъ два дня за скромнымъ гробомъ шли на Смоленское кладбище три человѣка: Антошка, бывшая квартирная хозяйка и прачка Анисья Ивановна и Нина. Она приѣхала въ Петербургъ, получивъ отъ Антошки телеграмму о смерти дяди.

Другихъ родныхъ онъ не извѣстилъ.

Никто не говорилъ рѣчей на могилѣ „графа“. Только Антошка безутѣшно рыдалъ, и плакали Анисья Ивановна и Нина.

Возвращаясь съ кладбища работать на заводъ, Антошка еще сильнѣе почувствовалъ свое сиротство. Но, сознавая себя одинокимъ, онъ зналъ, что, благодаря покойнику, онъ бодро и стойко выдержитъ битву жизни... Она уже улыбалась ему, еще недавно несчастному нищенкѣ.

Въ то же лѣто на могилѣ „графа“ красовался красивый желѣзный памятникъ, весь сдѣланный руками Антошки.

К. Станюковичъ.

К О Н Е Ц Ъ .

ПОДОЗРИТЕЛЬНАЯ СЛАВА.

(Семья Полонецкихъ. Романъ г-на Сенкевича).

Критика всякаго литературнаго произведенія сводится, въ сущности, къ двумъ основнымъ вопросамъ: во-первыхъ, о предметѣ, которому авторъ посвящаетъ свой трудъ и талантъ, и потомъ объ отношеніи самого автора къ этому предмету. Разрѣшеніе перваго вопроса даетъ характеристику извѣстныхъ общественныхъ типовъ, явленій, идеаловъ, а второй вопросъ прямымъ путемъ приводитъ читателя къ оцѣнкѣ міросозерцанія, умственнаго развитія и культурныхъ задачъ писателя. А такъ какъ авторъ, по своему таланту заслуживающій подобнаго разбора, долженъ принадлежать къ наиболее интеллигентнымъ и лучшимъ представителямъ общества,— въ результатѣ критики получается довольно точное понятіе объ идеальныхъ стремленіяхъ и нравственныхъ силахъ высшихъ слоевъ данной націи въ данную эпоху.

Эти общія положенія какъ нельзя болѣе примѣнимы къ г. Сенкевичу и его новому роману. На родинѣ г. Сенкевичъ считается червенствующимъ писателемъ, довольно громки отголоски этой славы и у насъ. По крайней мѣрѣ, въ русской печати объ авторѣ *Без догмата* принято говорить почтительно и немедленно сообщать русской публикѣ его новыя произведенія — даже въ нѣсколькихъ переводахъ.

Очевидно, такому романисту принадлежитъ несомнѣнное право съ совершенной авторитетностью говорить о своихъ соотечественникахъ, объ общественныхъ и нравственныхъ условіяхъ своей родины и разсчитывать на полное вниманіе со стороны иноземныхъ читателей. Но этого мало. Одновременно съ весьма лестнымъ правомъ такой романистъ долженъ нести столь же отвѣтственныя обязанности. Онъ долженъ представлять собой явленіе, во всѣхъ отношеніяхъ выдающееся, не только по своему умѣнью наблюдать и разсказывать, но и по способности понимать и судить.

Это не значитъ, чтобы авторъ въ своемъ произведеніи выступалъ непремѣнно въ роли публициста или моралиста. Эта роль сама по себѣ не представляетъ ничего возвышеннаго: весь вопросъ въ содержаніи и смыслѣ публицистики и морали. Нѣтъ. Мы отъ прославленнаго автора требуемъ не проповѣдей, изложенныхъ текстуально, а извѣстной высоты настроенія, нравственнаго созерцанія, хотя бы даже *инстинктивнаго* сочувствія или негодованія, однимъ словомъ — благородства и интеллигентности писательской *натуры*. Гоголь *Мертвыхъ душъ* и *Ревизора* ничего учительски не проповѣдывалъ, но у читателей и зрителей послѣ поэмы и комедіи возникали такого рода ощущенія и мысли, какихъ не вызвать самому краснорѣчивому и тенденціозному моралисту. И тайна заключалась въ «благородномъ смѣхѣ», т.-е. возвышенномъ, духовно-развитомъ чувствѣ автора.

Гдѣ нѣтъ этого чувства, тамъ не поможетъ никакая горячая тенденція, а гдѣ оно воодушевляетъ творчество, тамъ какая угодно «объективность» и «безсознательность» не помѣшаютъ великому идейному смыслу произведенія и его просвѣтительному значенію.

Обратимся теперь къ творчеству г. Сенкевича. Оно представляетъ большой интересъ—литературный и политическій, особенно для насъ, русскихъ. Въ силу разныхъ историческихъ событій и положеній, между двумя великими славянскими народами до сихъ поръ существуетъ не мало прискорбныхъ недоразумѣній, практически мѣшающихъ общественному и культурному единенію. Всякое недоразумѣніе чаще всего результатъ непониманія или невѣдѣнія, и несомнѣнно тщательныя взаимныя знакомства поляковъ и русскихъ на почвѣ мысли и слова тѣснѣе сблизили бы обѣ націи. Мы знаемъ блестящій примѣръ въ этомъ родѣ,—вліяніе русской литературы на Западѣ. Никакія военныя побѣды и союзы не могли бы до такой степени поднять въ глазахъ иностранцевъ культурную роль русскаго народа, какъ это сдѣлали произведенія нашихъ геніальныхъ художниковъ. Еще, конечно, желательнѣе подобный результатъ, когда вопросъ идетъ о двухъ родственныхъ національностяхъ, связанныхъ, притомъ, въ одно государственное тѣло. Мы поэтому заранѣе привѣтствуемъ лучшихъ польскихъ писателей на русскомъ языкѣ и готовы въ ихъ литературной дѣятельности видѣть полезное руководство для изученія ихъ страны и ихъ народа.

Г. Сенкевичъ идетъ на встрѣчу этой готовности — именно романомъ *Семья Полавецкихъ*, вызвавшимъ насъ на разсужденія. Но прежде, чѣмъ говорить объ этомъ романѣ, — мы бросимъ бѣглый взглядъ на раннюю дѣятельность г-на Сенкевича. Такимъ путемъ

мы достигнемъ болѣе полнаго и цѣльнаго представленія о «послѣднемъ словѣ» его таланта — въ настоящее время, по крайней мѣрѣ.

До *Семьи Полянецкихъ* русская публика могла прочесть довольно много мелкихъ разсказовъ польскаго автора, два большихъ романа *Онемъ и мечомъ* и *Потопъ*. Впечатлѣнія отъ всѣхъ этихъ произведеній получались, повидимому, весьма выгодныя для г-на Сенкевича: по крайней мѣрѣ, русская критика привѣтствовала звѣзду молодого романиста не только благосклонно, но нерѣдко даже восторженно. Кое-гдѣ, конечно, слышались и ропчущіе голоса, но они нисколько не повредили быстрому росту популярности г-на Сенкевича.

И все-таки этотъ ростъ отъ начала до конца въ сильной степени былъ недоразумѣніемъ и основывался отнюдь не на художественной силѣ и высокому идейному содержанію *всѣхъ* сочиненій автора.

Русская критика, по крайней мѣрѣ, въ лицѣ талантливѣйшихъ, интеллигентнѣйшихъ и честнѣйшихъ своихъ представителей всегда придавала и продолжаетъ придавать большое значеніе *смыслу* искусства, его культурному и общественному вліянію на дѣйствительность. Случалось, такое отношеніе къ искусству переходило въ крайность, какъ это можетъ случиться со всякой самой справедливой идеей, — и критики усиливались совершенно устранить съ своего горизонта вопросъ о прекрасномъ и художественномъ. Но увлеченіе такъ и оставалось увлеченіемъ, правда и здравый смыслъ брали свое, и *идеалъ осмысленной, сознательной красоты* снова вступалъ въ свои законныя права.

Въ наше время слышатся голоса, зовущія насъ въ другую, противоположную, сторону, — къ *звукамъ сладкимъ*, даже *безъ молитвъ*, потому что всякая молитва есть молитва о чемъ-нибудь, а звуки сладкіе могутъ быть издаваемы совершенно безсознательно и безцѣльно. Но эти призывы — не нашъ исконный русскій голосъ, не тотъ голосъ гениальныхъ художниковъ, который до глубины души поразилъ французскаго критика Вогюзъ и заставилъ его въ нашихъ поэтахъ видѣть истинныхъ пророковъ и вождей общества. Этотъ голосъ или рабское эхо чужихъ зарубежныхъ напѣвовъ, или стонъ немощныхъ, томящихся собственной пустотою и безсиліемъ душъ.

И вотъ г. Сенкевичъ присоединяетъ свою запальчивую рѣчь къ этому стону.

«По моему мнѣнію», говоритъ онъ, «наиничтожнѣйшій талантъ стодитъ дороже великолѣпнѣйшей доктрины, а наивеликолѣпнѣйшая доктрина недостойна чистить бапкимаки свободѣ».

Это весьма гордый и рѣзкій крикъ, который, впрочемъ, искони былъ свойственъ всѣмъ «свободнымъ» художникамъ. Талантъ, конечно, прекрасная вещь,—но дѣло-то въ томъ, что *свободныхъ* талантовъ никогда не бывало и не можетъ быть именно въ томъ смыслѣ, какъ это понимаютъ мнимо-свободные художники. Доктрина непремѣнно вмѣшается во все, чтобы ни «подсказывало сердце» г-дамъ Сенкевичамъ, и, къ сожалѣнію, отнюдь не «великолѣпнѣйшая» доктрина. Такой ужъ фатумъ свободныхъ художниковъ! Теоретически твердятъ они о свободѣ, а въ своихъ же собственныхъ произведеніяхъ воздвигаютъ пьедесталы для завѣдомо темныхъ и низменныхъ силъ всякаго культурнаго общества.

У насъ извѣстна, напримѣръ, участь самаго усерднаго служителя свободной музыки — Фета: трели соловья звучали у него въ полной гармоніи съ азартными воплями крѣпостника и полудикаго представителя «бѣлой кости». Не менѣе любопытны подвиги и современнаго рыцаря эстетики—г. Боборыкина: воскликнуть ли да здравствуетъ «свободное искусство», или какъ чудно прекрасны московскіе Разуваевы, говорящіе «на языкахъ»—для него, повидимому, не составляетъ большой разницы.

Г. Сенкевичъ удивительно напоминаетъ этихъ русскихъ писателей—по своимъ тенденціямъ. Да, именно *тенденціямъ*, несмотря на то, что мы прочли у него безповоротное осужденіе всякихъ доктринъ.

Всѣ свободные художники—непремѣнно аристократы, и г. Сенкевичъ съ своей стороны польскій шляхтичъ, и притомъ, далеко не новѣйшей эпохи. Въ этомъ и заключается его «доктрина», а «великолѣпнѣйшая» она, или совершенно напротивъ, зависитъ отъ вкуса читателей. Намъ только удивительно, что она такъ быстро успѣла сжиться съ симпатіями нашей публики къ произведеніямъ г. Сенкевича. Можетъ быть, исключительная художественная талантливость писателя заставила «все забыть и простить»? Мы сейчасъ это увидимъ.

Шляхетскія чувства г. Сенкевича сказываются съ поразительной наивностью, — почти съ такой же, какъ у знаменитаго польскаго капитана Матамора въ забавной комедіи гр. Фредро, — *Полночный лезъ*, на русскомъ языкѣ. Въ историческихъ романахъ *Огнемъ и мечемъ* и *Потопъ* каждая глава не что иное, какъ варіація на одну и ту же тему—патріотическаго гимна *Róki tu zujemy*, и оба громадные произведенія можно бы озаглавить по польски кратко и сильно: *Громъ побѣды раздавайся*, потому что, во славу шляхетства, даже Богданъ Хмельницкій оказывается трусомъ и пошлякомъ лицомъ къ лицу съ польскимъ паномъ.

Это пріемъ лубочный и дурного тона, но для г. Сенкевича онъ—типическая черта его таланта. Въ разсказахъ не историческаго содержанія шляхетскій азартъ не такъ горячъ, но не менѣе упренъ. Напомнимъ повѣсти *Старый слуга* и *Ганя*, имѣющія характеръ автобіографическихъ отрывковъ.

Здѣсь мы присутствуемъ при самыхъ странныхъ положеніяхъ героевъ и изумительныхъ настроеніяхъ автора. То, что *шляхтича* Суховольскій является «хамомъ» у цѣлаго поколѣнія другого *шляхтича*, что его бьютъ до полусмерти за его рабскія добродѣтели—это еще неудивительно... Но не такъ просто и естественно поведеніе настоящихъ господъ-шляхтичей. Они ежеминутно преисполнены мучительными помыслами о «своей крови»: это любимое выраженіе героевъ г. Сенкевича во всѣхъ его произведеніяхъ, но и въ этомъ еще ничего нѣтъ особеннаго. Любопытно, въ чемъ собственно шляхтичи г. Сенкевича, при полномъ сочувствіи съ его стороны, полагаютъ практическое осуществленіе своего побѣдоноснаго благородства.

Идеальный шляхтичъ-рыцарь—отецъ разсказчика въ повѣсти *Ганя*. Это—личность величавая, суровая и необыкновенно энергичная, достойный герой хотя бы *Огня и меча*. Описывается онъ въ разсказѣ, по крайней мѣрѣ, такимъ тономъ, какъ, напримѣръ, у Гоголя великій помѣщикъ Костанжоголо: красота и величіе! И какъ же подвизается этотъ фениксъ?

Его сынъ, «мальчикъ», только-что кончившій курсъ гимназіи, и его пріятель, такой же герой, по уставу шляхетскаго ордена, состязаются между собой одновременно въ чувствахъ дружбы и въ рыцарскихъ подвигахъ. Послѣднія состязанія собственно устраиваетъ величественный отецъ одного изъ юныхъ витязей.

«Чужой» мальчикъ, напримѣръ, перепрыгнулъ въ бѣшеной скачкѣ черезъ заборъ,—ментально загорается гордость у сѣдовласаго шляхтича, и онъ обращается къ сыну: «скачи, скачи, мальчикъ, да смотри,—хорошенько!» И тотъ скачетъ, падаетъ съ лошади, но, во славу шляхетства, совершенно «здорово»...

Въ другой разъ тотъ же злокозненный мальчикъ похищаетъ Ганю, влюбленную въ него, но въ Ганю также влюбленъ и его другъ. Этотъ герой беретъ «прадѣдовскую» саблю, идетъ биться съ пріятелемъ, и по пути встрѣчаетъ своего отца. Старый шляхтичъ уже, въ свою очередь, также вызвалъ отца похитителя—старика, даже не знавшаго о продѣлкѣ сына и немедленно привезшаго Ганю назадъ со всевозможными извиненіями. Происходитъ діалогъ между оригинальными вояками—сыномъ и отцомъ,—и съ двухъ словъ отецъ отправляетъ своего сына на бой... Нѣтъ, оче-

видно, ни одной мальчишеской выходки, ни единого школьническаго забіячества, въ которомъ главную роль не принялъ бы на себя великій мужъ г. Сенкевича. И объ этомъ великомъ мужѣ, по поводу дуэли его сына, говорится слѣдующее:

«И этотъ ветеранъ, посѣдѣвшій въ битвахъ, съ распростертыми руками, показался мнѣ орломъ, издали благословляющимъ своего птенца на такую же славную и высокую жизнь, какую велъ и онъ самъ».

Хороша слава,—подзадоривать мальчишекъ раскраивать другъ другу черепа! Именно такъ кончается дуэль несовершеннолѣтнихъ героевъ,—но, опять во славу шляхетства, раскроенные черепа не иѣшаютъ въ концѣ концовъ общему благополучію.

Мы знаемъ, конечно, всякіе бываютъ бреттѣры,—и съ самыми наивными понятіями о благородствѣ, и съ самыми дикими представленіями о чести. Героямъ извѣстнаго сорта, можетъ быть, и подобаетъ до сѣдыхъ волосъ натравливать другъ на друга гимназистовъ. Для насъ важенъ не этотъ безнадежно ограниченный и, при всей своей суровости и величіи, необыкновенно комическій индивидуумъ «пѣтушиной породы», а чувства писателя, изображающаго эту ограниченность и этотъ комизмъ, характерна эта выпрежня рѣчь и трагическій паосъ тамъ, гдѣ простое нравственное чувство и общечеловѣческій здравый смыслъ требуютъ смѣха и сатиры. Но для г. Сенкевича все шляхетски-рыцарственное—священно, и онъ не знаетъ границы, гдѣ доблести этого трагическаго жанра становятся законнымъ достояніемъ фарса, хотя бы по формѣ и очень жестокаго.

Неужели, спросите вы у г. Сенкевича, такъ и не сказывается вгдѣ его профессія писателя, и притомъ, писателя нашего XIX-го, демократическаго вѣка? Неужели онъ такъ и не поднимается надъ «орлами», играющими жизнью своихъ сыновей-мальчиговъ по поводу всякаго вздора?

О, нѣтъ! Г-ну Сенкевичу не чужды и другія фигуры. У него есть такія исторіи, какъ, на примѣръ, *За глѣбомъ*, *Бартекъ-побѣдитель*, *Янко-музыкантъ*. Здѣсь дѣйствующія лица изъ низшаго крестьянскаго класса, и намъ любопытно послушать, какъ рассказываетъ о мужикахъ Гомеръ польскаго шляхетства.

Г. Сенкевичъ въ одномъ изъ своихъ очерковъ заявляетъ себя рѣшительнымъ врагомъ современнаго натурализма, повторяя отъ своего лица истину, давно уже высказанную во Франціи противниками Золя. Истина, во всякомъ случаѣ, несомнѣнная: «Для изображенія красоты во всемъ ея блескѣ нужно имѣть больше

силы, больше красокъ на палитрѣ, чѣмъ для изображенія мерзости, и вообще легче возбудить тошноту, чѣмъ душу.

Справедливо. Но натурализмъ, по своей сущности, не «мерзости» собственно: это только внѣшній результатъ; натурализмъ—*односторонность, крайность, половинчатое*, если такъ можно выразиться, созерцаніе и пониманіе жизни. Такова *идейная* основа новой школы, и этой основы, очевидно, не понимаетъ г. Сенкевичъ: онъ разглядѣлъ только поверхность предмета и не проникъ въ его философское ядро. Иначе бы онъ созналъ, что можно и не описывать «мерзостей» и не возбуждать «тошноты»,—и все-таки грѣшить грѣхомъ натуралистовъ.

Вѣдь человѣкъ живетъ подъ вліяніемъ нѣсколькихъ нравственныхъ силъ. У него есть умъ, есть чувство. И то, и другое можетъ быть предметомъ и дѣйствительно-художественнаго, и натуралистическаго изображенія. «Мерзости» и «тошнота», какъ ихъ разумѣетъ г. Сенкевичъ, получаются при натуралистическомъ изображеніи *чувства*. Но совершенно также натуралистически можно представить и умственную дѣятельность человѣка, его *душу*, изобразить его животнымъ не по *чувственности*, а по *безмыслию*. «Тошноты» подобное изображеніе, можетъ быть, и не вызоветъ, но оно, по существу, будетъ самымъ подлиннымъ натурализмомъ, потому что и въ этомъ случаѣ на романъ или рассказъ можно поставить знаменитое заглавіе: *L'homme-bête*.

Теперь, припомните взрослыхъ героевъ г. Сенкевича изъ названныхъ нами рассказовъ и сравните ихъ съ «хамми», положимъ, у г-жи Ожешковой. Сравненіе особенно поучительно и прямо ведетъ насъ къ цѣли, потому что оба писателя имѣютъ въ виду одну и ту же человѣческую породу.

Бартекъ г. Сенкевича, несомнѣнно, возбуждаетъ въ васъ состраданіе, но совершенно такъ же, какъ равное или раздавленное животное. Вы не видите *страдающей души человеческой*, не можете обратиться къ бѣдняку съ словами утѣшенія на вашемъ человѣческомъ языкѣ, не можете протянуть ему руку, какъ равный равному по человѣчеству. Бартекъ—последняя степень нравственной тупости и мозговой окаменѣлости. Въ теченіе всего рассказа васъ не покидаетъ злое замѣчаніе Писемскаго, что собака богѣе мыслящее и благородное животное, чѣмъ иной человѣкъ (г. Сенкевичъ впрочемъ и самъ приравниваетъ своего героя къ его лошади), и не будь Бартекъ жертвой самыхъ жестокихъ, чисто инквизиторскихъ, ударовъ судьбы, онъ врядъ ли вызвалъ бы у насъ глубокое чувство. Автору рѣшительно ничего не остается дѣлать, какъ только бросать на своего «Макара» одну шишку

убійственнѣе другой и поддерживать интересъ читателей исключительно вѣщными жестокими обстоятельствами. Въ результатѣ, предъ нами все, что угодно—этнографическій очеркъ, публицистическая статья съ иллюстраціями, историческій документъ въ беллетристической формѣ,—только не творчески-литературное произведеіе.

Мы не думаемъ утверждать, чтобы на свѣтѣ не было Бартековъ, и еще менѣе расположены требовать отъ писателя народнической идеализаціи. Мы знаемъ, какъ мало служить серьезнымъ общественнымъ пѣлямъ подобный приѣмъ, до какой степени онъ дискредитируетъ *дѣйствительныя* положительныя черты народа, снабжая его вымышленными добродѣтелями и разукрашивая его могучій естественный обликъ дѣтскими побрякушками. Идиллическое, безотчетно-восторженное настроеніе писателя такое же отрицательное явленіе, какъ и натуралистическій преднамѣренный пессимизмъ. Мы ищемъ въ литературѣ не пасторалей и не застѣнковъ, а всесторонняго, осмысленнаго, человѣчески-чуткаго созерцанія жизни. Оно—основной законъ художественнаго творчества, какая бы дѣйствительность ни изображалась писателемъ, и даже не творчества, а простыхъ фактическихъ картинъ самаго грубаго людскаго быта.

Въ русской литературѣ мы знаемъ не мало подобныхъ приѣмовъ. Припомните хотя бы *Подлиповцевъ*. Трудно представить обитателей цивилизованной страны на болѣе низкой ступени общественнаго и умственнаго развитія. Въ матеріальномъ отношеніи жизнь Бартековъ изъ Подгнетова истинное блаженство сравнительно съ существованіемъ Пилы и Сысойки. Тамъ, судя по разсказу г. Сенкевича, безконечно больше условій—родиться и жить мыслящему существу, чѣмъ въ Подлипной. Тамъ Бартеки сѣютъ и собираютъ ишеницу, а Сысойки почти круглый годъ питаются корой и мякиной. Но сравните, *какъ* изображена жизнь и приключенія Пилы у русскаго автора, назвавшаго свое произведеіе только *этнографическимъ очеркомъ*, и у г. Сенкевича, давшаго въ *Бартекъ-побѣдитель*, будто бы, выдающееся литературное произведеіе. Припомните разсказъ о смерти Апроськи, о житѣ Пилы и Сысойки въ городѣ среди такихъ же дикарей и оѣдняковъ, и сравните барственно-юмористическій тонъ, какимъ г. Сенкевичъ повѣствуетъ о путешествіи подгнетовцевъ на войну и о возвращеніи Бартека на родину. Мы вѣримъ, когда русскій авторъ, ни на одну минуту не измѣнившій спокойствію этнографическаго наблюдателя, писалъ къ поэту-народнику по поводу своихъ героевъ: «Вы не повѣрите, — я даже плакалъ, когда передъ мной очерчивался

образъ Пилы во время его мученій». Но что могъ чувствовать г. Сенкевичъ, поминутно сравнивающій своего героя-то съ лошадыю, то съ индюкомъ, издохшимъ отъ думанья? И на какое чувство онъ разсчитывалъ у читателей, заставляя жену Бартека вспоминать съ глубочайшимъ сожалѣніемъ о Бартекѣ до побѣды, т. е. о Бартекѣ глупомъ, но, по крайней мѣрѣ, добромъ? Очевидно, предъ нами представитель особой двуногой расы, роковымъ образомъ тупой и дикій—въ сравнительно весьма сносномъ экономическомъ и культурномъ положеніи, инстинктивно-деспотическій и злой при всякой воображаемой переиѣнѣ къ лучшему, совершенно безпомощный и рабски-трусливый въ нуждѣ и неудачѣ. Пила—на могилѣ Апроськи и Пила на допросѣ у слѣдователя—настоящій человѣкъ и герой сравнительно съ «побѣдителемъ» г-на Сенкевича—въ сценѣхъ съ женой и съ начальствомъ.

Снова повторяемъ—наша цѣль не увѣнчаніе познанскихъ мужиковъ, и даже не отрицаніе реализма въ разсказѣ польскаго автора,—мы только указываемъ, какого сорта «хама» взялъ авторъ для изображенія злосчастной участи «быдла»: полуживотное, едва владѣющее членораздѣльными звуками, даже своего земляка поражающее несказанно идиотскими поступками и словами. Эта животность самое наше чувство состраданія къ несчастному должна нерѣдко подвергать сильному испытанію. Бартекъ, какъ истый дикарь, доступный только грубѣйшимъ вліяніямъ среды и самымъ примитивнымъ вожелѣніямъ, заключаетъ въ себѣ богатый матеріалъ для самодура и нахала въ своей семьѣ и въ деревнѣ. И этотъ матеріалъ обнаруживается немедленно, лишь только Бартекъ чувствуетъ себя «побѣдителемъ», попадая въ среду смиренныхъ людей.

Очевидно, слѣдовательно, предъ нами вопросъ не въ демократическихъ симпатіяхъ автора: иначе—онъ захотѣлъ бы ихъ оправдать не на мужикѣ-лошади, а на мужикѣ-человѣкѣ, котораго онъ, судя по произведеніямъ г-жи Ожешковой, могъ найти и между польскими крестьянами. Дѣло въ другой политикѣ, не внутренней; дѣло въ протестѣ противъ нѣмецкаго владычества въ Познани. На эту тему и написанъ разсказъ. Бартекъ—козелъ отпущенія не демократическихъ, а *обще-польскихъ* идей автора, т. е., въ сущности, тѣхъ же шляхетскихъ.

Мы, конечно, ничего не возражаемъ противъ *внѣшней* политики г. Сенкевича,—мы только раскрываемъ сущность его, яко бы демократическаго, замысла. Русскіе читатели слишкомъ хорошо знакомы съ приемами, съ тономъ, съ настроеніемъ истинныхъ народолюбцевъ-писателей, чтобы въ высокомѣрномъ и полити-

чески-разсчитанномъ повѣствованіи шляхтича о мужикѣ увидѣть малѣйшіе слѣды великаго демократическаго чувства.

Нѣтъ этого чувства и въ столь же жестокомъ разсказѣ *За хмѣломъ*. Опять предъ нами сверхъестественное тупоуміе героя-мужика, здѣсь же и ангельская доброта шляхтича-патріота. Дѣвушка-крестьянка, милое созданіе, въ счетъ не идетъ: когда же красивыя дѣвушки-крестьянки не казались милыми всевозможнымъ шляхтичамъ и поэтамъ!..

Никто не станетъ отрицать у г-на Сенкевича наклонности къ чувствительнымъ ощущеніямъ, доходящимъ нерѣдко до предѣловъ мелодрамы: въ особенности два предмета могутъ вызывать подобныя ощущенія—женщины и дѣти. Это фактъ обычный во всѣхъ литературахъ, и не имѣетъ ничего общаго съ демократизмомъ. Марыся и Янко-музыкантъ—очень эффектные образцы въ произведеніяхъ г-на Сенкевича, но они не измѣняютъ сущности его общественнаго направленія.

Мы не станемъ искать доказательствъ своей мысли въ другихъ разсказахъ польскаго автора. Онъ самъ новѣйшими своими сочиненіями освобождаетъ насъ отъ этого труда, живописуя съ небывалымъ усердіемъ и захватывающимъ умиленіемъ самыя микроскопическія мелочи шляхетскаго нравственнаго и внѣшняго міра. Какъ авторъ мелкихъ разсказовъ, г. Сенкевичъ если менѣе всего былъ демократомъ, по крайней мѣрѣ, правдиво и искренно относился къ своему дѣлу, въ общемъ являлся писателемъ безъ размашистыхъ претензій и сравнительно рѣдко прибѣгалъ къ литературной мишурѣ и эффекту. Мы, конечно, исключаемъ, такъ называемые, историческіе продукты его таланта: здѣсь шляхтичъ-патріотъ подчасъ просто не вмѣняемъ... Зато на другихъ страницахъ встрѣчались блестящіе и юморы (*Ти третья*), и человѣчнаго теплаго чувства (*Фонаричикъ на маякѣ*—начало разсказа). Г. Сенкевичъ былъ только шляхтичемъ въ политикѣ. Но возрастающая ли популярность, или непреодолимый демонъ моды, превратили скромнаго сравнительно разсказчика въ напыщеннаго шляхтича отъ литературы. Г. Сенкевичъ захотѣлъ быть европейскимъ писателемъ и съ закрытыми глазами бросился подъ колесницу современныхъ божествъ, во мгновеніе ока превратился въ философа, психолога, мистика, прорицателя въ области самыхъ важныхъ вопросовъ религіи и человѣческой культуры...

Явилось прежде всего *Безъ догмата*, и—что особенно удивительно,—стяжало громкую славу именно у насъ,—у насъ, владѣющихъ величайшимъ психологическимъ романомъ въ мірѣ—отъ Лермонтова до гр. Толстого. Русская публика, будто ради пре-

красныхъ глазъ г-на Сенкевича, по мановенію волшебнаго жезла, забыла первостепенныя произведенія своей литературы, и воображала найти что-то новое въ польскомъ романѣ. Критика усердно помогала въ этихъ поискахъ... А между тѣмъ, первыя же страницы романа переносили читателя прежде всего прямо къ Лермонтовскому *Герою нашего времени*. Панъ Плошовскій, оказывалось, писалъ свой дневникъ *буквальными* цитатами изъ записокъ Печорина. Да, буквальными, и именно въ тѣхъ случаяхъ, когда характеризуется *самая сущность* того и другого типа.

Мы ограничимся немногими примѣрами.

Печоринъ: «Во мнѣ два человѣка: одинъ живетъ въ полномъ смыслѣ этого слова, другой—мыслить и судить его»...

Плошовскій: «Я ношу въ себѣ двухъ людей, изъ которыхъ одинъ вѣчно все взвѣшиваетъ и критикуетъ, другой—живетъ полужизнью»...

Печоринъ: «Я часто себя спрашиваю, зачѣмъ я такъ упорно добиваюсь любви молоденькой дѣвушки, которую обольстить я не хочу и на которой никогда не женюсь».

Плошовскій: «Я долженъ былъ бы предложить себѣ вопросъ: если ты не хочешь жениться, то зачѣмъ дѣлаешь все, чтобы влюбить въ себя дѣвушку?».

Печоринъ. «Зачѣмъ я жилъ? Для какой цѣли я родился?... Я не угадалъ (своего) назначенія».

Плошовскій. «Опредѣленіе «геній безъ портфеля» мнѣ кажется точнымъ. Я долженъ буду взять привилегію на это изобрѣтеніе»...

Мы нарочно привели *общія* сужденія героевъ о самихъ себѣ. Частности должны совпадать, и дѣйствительно совпадаютъ также поразительно. Возьмите, вмѣсто княжны Мэри, Анельку—и вы цѣликомъ можете перенести въ романъ Сенкевича разсужденія Печорина о женитьбѣ, о женской любви, о роли героевъ среди женщинъ, его приемы соблазна, даже лермонтовское наблюденіе насчетъ электрической искры, пробѣгающей изъ руки мужчины въ руку женщины—все это точно воспроизведено г-номъ Сенкевичемъ и въ тождественныхъ положеніяхъ. И все это—*общее* и *частности*—превращаютъ основную часть произведенія г-на Сенкевича въ рабскую копію русскаго романа. Предположимъ, эта копія не списана преднамѣренно: г. Сенкевичъ, *какъ наблюдатель жизни*, сошелся съ Лермонтовымъ на одномъ и томъ же пути... Тогда какой же интересъ представляетъ для насъ его герой и его исторія, если ни въ немъ, ни въ ней нѣтъ ничего по существу оригинальнаго, характернаго для общества извѣстной эпохи? И если въ наукѣ изъ

двухъ наблюденій, дѣйствительнымъ открытіемъ и завоеваніемъ считается—наблюденіе первое по времени, а другое лишь повтореніемъ уже извѣстнаго опыта, въ художественной литературѣ въ такой же мѣрѣ, психологическое и историко-культурное значеніе принадлежитъ произведенію, впервые воспроизведшему извѣстное общественное явленіе. Слѣдовательно, *психологическое* содержаніе романа *Безъ догмата* можетъ казаться новостью, развѣ только публикѣ, знающей одного г-на Сенкевича. Для насъ это перепѣвъ стараго гениальнаго произведенія, и еще хорошо было бы, если бы только перепѣвъ. Но г. Сенкевичъ внесъ и нѣчто другое въ психологію своего героя. Это другое столь же неоригинально и заимствовано изъ источника, гораздо менѣе совершеннаго.

Нечего говорить о шляхетскихъ чувствахъ героевъ, о необыкновенно развитомъ физическомъ патріотизмѣ героинь, т.-е. возторженномъ культѣ родовыхъ помѣстій, рѣшающемъ чуть ли не всѣ вопросы нравственной жизни: все это — неизмѣнные мотивы г-на Сенкевича. Любопытна другая черта,—самый пріемъ психологическихъ размышленій у г. Сенкевича.

Это—черта общая всѣмъ новѣйшимъ произведеніямъ г-на Сенкевича и съ теченіемъ времени она, очевидно, все больше усиливается и разрастается.

Семья Поланецкихъ далеко превосходитъ въ этомъ отношеніи предъидущій романъ, и именно на этой *Семьѣ*, мы можемъ съ особенной ясностью прослѣдить путь новыхъ литературныхъ стремленій г-на Сенкевича, воображающаго работать, такъ сказать, уже на европейской сценѣ.

Много говорили о философскихъ размышленіяхъ Плошовскаго, но при этихъ разговорахъ забывали какъ разъ самое важное—новомодные «психологическіе романы» Бурже и большую значимость въ нихъ г. Сенкевича, мало обратили вниманія, что этотъ романъ оказался скорѣе поприщемъ космополитическихъ настроеній и событій, а не сценой типически польскихъ людей и фактовъ. Другое дѣло — *Семья Поланецкихъ*. Это — дѣйствительно будничная исторія, литературная картина современнаго быта польской интеллигенціи. Этимъ именно романъ для насъ и дорогъ. Разныя исторіи о духовно-недужныхъ людяхъ «конца вѣка» мы можемъ прочесть и помимо г. Сенкевича, у романистовъ, выросшихъ среди подлинныхъ дѣтищъ *fin de siècle*'я, наблюдавшихъ дѣйствительную, оригинальную, утонченную культуру, а не «плохія копіи», какъ, напримѣръ, именуется у самого г. Сенкевича польскій декадентъ—Букацкій. Но лавры Бурже не къ добру испортили сонъ польскаго писателя.

*

Французскій, такъ-называемый, «психологическій романъ» возникъ на почвѣ протеста противъ натурализма школы Золя и, какъ всякая преднамѣренная оппозиція, немедленно впалъ въ крайность. психологію подмѣнилъ *психологизмомъ*, все равно какъ, природу Золя подмѣнилъ натурализмомъ. Въ результатъ романы превратились въ сборники трактатовъ на темы всевозможныхъ общечеловѣческихъ настроеній. Настоящая художественная психологія имѣеть въ виду *опредѣленную личность*, душу извѣстнаго героя, а *психологизмъ*—*общія* душевныя явленія, своего рода формулы чувствъ и впечатлѣній, и на нихъ навизываетъ цѣлыя изслѣдованія, заботясь только объ отвлеченной логичности разсужденія.

Напримѣръ, герой—женатый и имѣющій дѣтей—влюбился въ другую женщину и намѣренъ объясниться ей въ любви... Что онъ при этомъ долженъ испытывать—не этотъ именно герой, а вообще человѣкъ въ подобномъ положеніи? Авторъ, такимъ образомъ, ставитъ себѣ тему и обрабатываетъ ее, какъ нѣкую схоластическую задачу. И такъ по поводу всякаго положенія и факта. Такой приѣмъ, конечно, весьма выгоденъ для объема романа и его видимой серьезности, но не имѣеть ничего общаго съ правдивымъ поэтическимъ творчествомъ. Г. Сенкевичъ, въ качествѣ подражателя, недостатокъ своихъ учителей превратилъ въ настоящій порокъ. Это чувствовалось въ мнимо-оригинальныхъ диссертацияхъ, переполняющихъ страницы *Безъ догмата, а Семейство Поланецкихъ* оказалось уже прямо пораженнымъ страшною водянкой, расплывавшей исторію о двухъ-трехъ годахъ сѣренькой жизни весьма незамысловатыхъ людей до подавляющаго объема. Въ книгѣ г. Сенкевича вмѣщаются, по крайней мѣрѣ, пять тургеневскихъ романовъ, или всѣ художественныя произведенія Гогола.

Главный герой—панъ Поланецкій, а героиня—его невѣста, потому супруга—панна Плавичкая. Около этой «семьи» группируется нѣсколько другихъ кавалеровъ, дамъ и барышень. Всѣхъ ихъ подавляетъ своими достоинствами — Поланецкій, героиня же прямо именуется въ романѣ первой красавицей Варшавы, а нравственныя ея добродѣтели прославляются рѣшительно на каждой страницѣ, гдѣ появляется она сама, или о ней только говорятъ. Что же это за рѣдкостные экземпляры человѣческой породы?

Поланецкій — по происхожденію шляхтичъ, по профессіи купецъ, представитель торговой фирмы. Операціи этой фирмы такъ характеризуются въ романѣ: подешевле купить, подороже продать, остатокъ спрятать въ кассу. Но героическая натура Поланецкаго, узнаемъ мы, не удовлетворяется подобными дѣлами и изобрѣтаетъ нѣчто экстренное. Что же именно? Россіи угрожаетъ голодъ, пред-

видится запрещеніе вывоза хлѣба за границу, — Поланецкій скупаетъ хлѣбъ, запродаетъ его за границей по контрактамъ до запрещенія и вывозитъ въ самый разгаръ голода. Авторъ это называетъ «удачной спекуляціей, которая велась на широкую и солидную ногу», а герой немедленно признаетъ свою голову «необыкновенной» и здѣсь же объясняетъ женѣ свое превосходство надъ «всѣми окружающими». Авторъ съ нимъ согласенъ, дѣлаетъ ему только легкой выговоръ, зачѣмъ онъ именно передъ женой расхвастался... Получается картина въ какомъ-то странномъ жанрѣ: съ одной стороны, комическая наивность, граничащая съ несовершеннolѣтіемъ, съ другой—удивительное смѣшеніе нравственныхъ понятій.

Таковы дѣла и подвиги героя. Но человѣка, какъ извѣстно, ярче всего характеризуютъ его идеалы, его высшія стремленія. Поланецкій и г. Сенкевичъ на этотъ счетъ необыкновенно много рѣчивы. Буквально нѣтъ возможности сосчитать, сколько разъ герой и авторъ принимаются объяснять, что они считаютъ высшимъ счастьемъ и крайней цѣлью человѣческихъ усилій. Можно подумывать,—эта цѣль необыкновенно сложна и возвышенна. Напротивъ, ничего нѣтъ проще и зауряднѣе.

По мнѣнію г. Сенкевича, въ извѣстный возрастъ мужчина обязательно жаждетъ жениться. Это — «неумолимая сила», и ей подчиняются даже «самые отчаянные пессимисты», и философы, и артисты, и самые идеальные общественные дѣятели, съ какими угодно жизненными задачами. Поланецкій вполне единодушенъ съ авторомъ, и всѣ досуги свои посвящаетъ на поиски невѣсты. Въ этихъ поискахъ вся философія нашего героя, а въ благополучномъ результатѣ—всѣ его идеалы. Именно этими словами Поланецкій называетъ свое сватовство и свою женитьбу. Какую же роль онъ предназначаетъ женѣ? Опять все—до умиленности просто. Жена должна *узнать* его, т.-е. оцѣнить его комиссіонерскія способности, потомъ принести дѣтей, которымъ онъ могъ бы оставить наслѣдство. Все это рѣчи самого Поланецкаго, и онъ при этомъ, не обинуясь, сравниваетъ себя, какъ холостяка, съ брилліантами на лунѣ, цѣнности которыхъ еще пока никто не узналъ... И авторъ совершенно ясно выражаетъ идею всего романа: женитьба и накопленіе матеріальныхъ благъ путемъ «солидныхъ» спекуляцій—вотъ современная мудрость даже для господъ съ «необыкновенными» головами, каковъ Поланецкій.

Но что же такое панна Плавидкая? Русская жизнь и русская литература приучила насъ къ женскимъ типамъ, рядомъ съ которыми идеалы пана Поланецкаго могутъ показаться необыкновенно мизерными, пожалуй, пошлыми. Мариня—это, по заявленію автора,

воплощеніе всѣхъ совершенствъ,—все время является предъ нами какимъ-то нравственнымъ недоноскомъ. О ней авторъ иначе не говоритъ, какъ уменьшительными именами: у нея—«красивый *лс-бикъ*», «немного широкій *ротикъ*», «маленькое *личико*». Этимъ микроскопическимъ внѣшнимъ даннымъ соотвѣтствуетъ столь же ограниченный внутренній мірокъ: «сердечко», «умишко», «душенка», — хочется сказать, читая разсужденія Марини, и особенно—авторскія рекомендаціи. Мариня любитъ папу, покойную маму, своего мужа и господина, своего «огромнаго сына», еще Кшемень — свою родину. За предѣлами этого царства для Марини все «чужіе» и «чужое», въ томъ самомъ смыслѣ, какъ это понимаютъ дѣти. Впрочемъ, есть одинъ сильный внѣшній интересъ у Марини—страсть женить молодыхъ людей и сватать барышень. Это, повидимому, вообще страсть польскихъ дамъ,—по крайней мѣрѣ, въ романѣ онѣ всѣ занимаются сватовствомъ—въ высшей степени откровеннымъ и настойчивымъ. Другого имъ рѣшительно нечего дѣлать: «узнавать» мужей для нихъ не особенно трудно, хотя бы даже и такихъ необыкновенныхъ, какъ Поланецкій, вопросъ о потомствѣ еще проще, хотя бы эти исторіи и обставлялись такими многочисленными и торжественными сценами, какъ это дѣлаетъ г. Сенкевичъ. Очевидно, съ Мариной идеалы Поланецкаго могутъ быть вполне безопасны. Высшіе моменты въ жизни нашей геронви—рѣшеніе мужа свезти ее въ Италію, покупка медальона съ черной жемчужиной и, въ особенности, пріобрѣтеніе утраченнаго, было, Кшеменя. Всѣ эти происшествія описываются на нѣсколькихъ страницахъ, почти такимъ же умиленнымъ тономъ, какимъ, наприимѣръ, Маниловъ бесѣдуетъ о талантахъ Фемистоклюса и Алкида. Очевидно, авторъ хочетъ сосредоточить все наше вниманіе на событіяхъ, съ особенной силой обнаруживающихъ милыя добродѣтели Марини, въ родѣ ея «сердечка» и «немного широкаго ротика». Объ этомъ ротикѣ мы слышимъ, по крайней мѣрѣ, разъ пять—счетомъ. Будто авторъ боится, какъ бы мы не упустили изъ виду подобную прелесть...

Это—отнюдь не мелочи. Онѣ лучше всякихъ крупныхъ чертъ характеризуютъ тонъ и смыслъ авторскаго творчества. Г. Сенкевичъ проникнуть глубокимъ сочувствіемъ, и даже почтеніемъ къ своимъ героямъ. Для него Поланецкій дѣйствительно положительный, и даже исключительно прекрасный, представитель современнаго польскаго общества, а выше Марини не существуетъ вичего даже и въ воображеніи. Только въ мелочахъ и отдѣльных положеніяхъ г. Сенкевичъ нарушаетъ свою чисто-отеческую сердечную гармонію съ своимъ дѣтищемъ, наприимѣръ, онъ не согла-

связь съ очень ужъ покровительственнымъ отношеніемъ «необыкновенной головы» къ женѣ и, чтобы посбавить спѣси, г. Сенкевичъ заставляетъ г-на Поланецкаго совершить нѣкоторую *réscodille* на счетъ супружеской вѣрности. Но въ шляхетскомъ царствѣ г-на Сенкевича все къ лучшему, — и звѣзда нашего героя поднимается еще выше и лучезарнѣе непосредственно изъ будуара чужой жены. И кромѣ того становится очевиднымъ, что эта звѣзда опустилась на минуту въ незаконныя сферы — ради вящей славы всесовершенной Марини. Съ этихъ поръ и Кшемень и панъ Стахъ ей принадлежать на одинаково прочныхъ основаніяхъ. Отсюда сплошное маниловское настроеніе всякій разъ, когда дѣло идетъ о Поланецкихъ, отсюда наивныя идилическія краски, лежащія на самыхъ, въ сущности, мелкихъ и мѣщански-эгоистичныхъ вождедѣніяхъ героя, отсюда забавно-серьезныя повѣствованія объ его необыкновенной дѣловитости, уживающейся рядомъ съ отчаянной склонностью къ философіи.

Какъ, — спросите вы, — неужели Поланецкій философъ, и о чемъ же онъ философствуетъ, онъ — столь просто и удобно разрѣшившій всѣ «проклятые вопросы» — о счастьѣ, о долгѣ, о служеніи обществу? Въ томъ-то и дѣло, что Бурже написалъ — *Disciple, Crime d'amour, La terre promise*, а г. Сенкевичъ — *Безъ dogmata*, — не можетъ же послѣ этого «необыкновенный» варшавскій комиссіонеръ и мужъ первой варшавской красавицы — не предаваться «анализу», — да еще какому! — «Онъ анализировалъ Мариню», читаемъ мы на одной страницѣ. «Онъ анализировалъ ее, какъ ювелиръ», повторяется немного дальше.

Не правда ли, вы изумлены? Чтò же это за предметъ для анализа — Мариня — съ ея «личикомъ», «лобикомъ», «ротикомъ» и соответствующими духовными совершенствами. Проще, кажется, не можетъ быть и субъекта въ культурной средѣ XIX-го вѣка. Но это вамъ такъ кажется, — г. Сенкевичъ совершенно другого мнѣнія и находитъ вполне естественнымъ безчисленное число разъ повторять, что «Мариня — натура прямая», даже по два раза на страницѣ, напримеръ, въ восьмой главѣ второй части, что она хорошая хозяйка, «женщина положительная», что она очень привязана къ Кшеменю... Это — «анализъ Марини». Онъ наполняетъ всю первую часть романа, охватываетъ и вторую вплоть до вѣнчанія, но за то ужъ по этому экстремному случаю «анализъ» разыгрывается въ настоящую оргію. Сначала у Поланецкаго «мысли вертѣлись въ мозгу по нѣскольку десятковъ вѣстѣ», потомъ «мысли эти разлетались», наконецъ «снова начинали кружиться»... Очевидно, «мыслямъ» Поланецкаго надоѣло ждать свадебнаго торжества, и онѣ раньше времени устроили

нѣчто въ родѣ танцевальнаго вечера. Послѣ этого, конечно, намъ весьма трудно познакомиться съ этими странными «мыслями», хотя онѣ и «кружатся» на пространствѣ цѣлаго печатнаго листа.

Но это еще только «анализъ Марини»,—онъ тонетъ, какъ капля въ морѣ, въ «анализѣ пана Стаха», т.-е. самого Поланецкаго. Авторъ ради такой «необыкновенной головы» прибѣгаетъ къ очень любопытному методу. Не довольствуясь тѣмъ, что самъ «анализируетъ» своего героя, заставляетъ тоже дѣлать другихъ дѣйствующихъ лицъ, онъ разсѣкаетъ своего героя на двухъ Поланецкихъ—и вотъ эти господа бесѣдуютъ другъ съ другомъ крайне энергично, «горячо», тѣмъ болѣе, что «одинъ Поланецкій» «не слишкомъ церемонился» съ «другимъ Поланецкимъ» и обзывалъ его даже «дурнемъ», «дулся» на него и приказывалъ молчать. Совершенно такимъ образомъ подвизался на поприщѣ психологіи и въ такихъ же выраженіяхъ громилъ двойника панъ Плошовскій,—не отставать же отъ него пану Поланецкому. Анализъ, какъ видите, необыкновенно серьезный, почти трагическій,—но весь настоящій комизмъ и дѣтскую наивность этого «анализа» вы можете почувствовать, только прочитавши главу VIII первой части и главу I—второй.

Всѣмъ, конечно, извѣстно состояніе *душезнаго раздвоенія*—источникъ истинныхъ глубочайшихъ нравственныхъ страданій, и мы не возражаемъ противъ самого явленія, а указываемъ на первобытную грубость авторскаго пріема и полную неумѣстность его въ данномъ случаѣ. Познакомившись весьма точно и подробно съ міросозерцаніемъ Поланецкаго и его умственнымъ уровнемъ на первыхъ же страницахъ романа, а также и съ панной Плавницкой,—мы положительно не подозревали, какъ можно написать громадную книгу о подобномъ «семействѣ». Внѣшнихъ фактовъ можно разумѣется, сколько угодно насочинить, но какъ открыть цѣлыя психологическіе горизонты въ эмбриональныхъ организмахъ сколько-нибудь цивилизованнаго человѣчества,—этой задачи не разрѣшилъ бы и Шекспиръ.—Да, потому что Шекспиръ имѣлъ дѣло дѣйствительно съ человѣческой душой и правдой жизни, а г. Сенкевичъ только съ листами писчей бумаги и своимъ воображеніемъ, настроеннымъ на модный тонъ, точнѣе, даже не съ воображеніемъ, а съ чисто внѣшней писательской способностью, подогрѣваемой быстрымъ успѣхомъ въ наше, весьма неизбалованное, и потому нетребовательное время.

И прослѣдите внимательнѣе за пружинами, на которыхъ держится вся тяжеловѣсная машина г. Сенкевича,—вы не найдете болѣе удачныхъ примѣровъ для комедіи «много шума изъ ни-

чего». Въ жизни, конечно, безпрестанно ничтожныя причины вызываютъ значительныя послѣдствія, но, во-первыхъ, далеко не все, происходящее въ жизни, можетъ въ неприкосновенномъ видѣ быть перенесено въ художественную литературу, а потомъ — *est modus in rebus*,—и даже истинное можетъ перейти въ негѣрое, и великое въ смѣшное. Именно это то и происходитъ въ романѣ г. Сенкевича.

Почему, напримѣръ, существуетъ первая часть романа и девять главъ второй — по объему равныя *Мертвымъ душамъ*? Потому что панъ Поланецкій, вечеромъ влюбившись въ панну Плавичкую и влюбивъ ее въ себя, утромъ разгнѣвался на ея отца, сурово встрѣтился съ дочерью и не успѣлъ съ ней объясниться: «*побѣждалъ за ней, но было уже поздно, и Мариня вышла*»...

Вотъ въ этомъ казусѣ ключъ ко всѣмъ «анализамъ», мукамъ, недоразумѣніямъ, дипломатическимъ и военнымъ предпріятіямъ. Замедли Мариня въ дверяхъ одну секунду, — и половины громаднаго романа у г. Сенкевича не было бы. Такая завязка съ перваго же раза придаетъ роману характеръ чего-то до крайности мелкаго, несерьезнаго, почти дѣтскаго. И это впечатлѣніе немедленно подтверждается: главное дѣйствующее лицо первой части — двѣнадцатилѣтній ребенокъ Литка.

Она появляется на нѣсколько мгновеній, будто нѣкая фея, вызываетъ у автора и у всѣхъ дѣйствующихъ лицъ безконечныя чувствительныя настроенія и рѣчи, особенно у «пана Стаха», потомъ умираетъ, передъ смертью оказывая серьезную услугу автору, его героямъ и, въ особенности, читателямъ. Неизвѣстно, до какихъ бы предѣловъ затянулась игра въ прятки между Поланецкимъ и Мариней, если бы Литка, вѣрная назначенію всѣхъ героинь г. Сенкевича, не сосватала окончательнаго нашего героя съ предметомъ его «анализа». Затѣмъ, повидимому, только и появилась Литка на сцену романа. По крайней мѣрѣ, всю ея роль можно выбросить безъ всякаго изъяна для смысла и съ большою пользой для *серьезныхъ* достоинствъ романа. Авторъ будто воспользовался случаемъ — вставить въ романъ личныя трогательныя воспоминанія о лично дорогой дѣвчкѣ: до такой степени искусственно вклеенъ сентиментальный мартирологъ двѣнадцатилѣтней сваты. Авторъ будто усиливается обезсмертить эту исторію: послѣ Литки остается фотографія, и «панъ Стахъ» уже съ фотографіей бесѣдуетъ, когда это вздумается автору. Но потомъ все-таки Поланецкій, въ качествѣ счастливаго мужа, забываетъ о Литкѣ, — и намъ остается совершенно неизвѣстнымъ, зачѣмъ вообще ему

нужно было знать и помнить о ней? Вѣроятно, въ интересахъ такихъ читательницъ, какъ Мариня Поланецкая и сама Литка.

Свадьба, наконецъ, совершается, изъ «двухъ Поланецкихъ» и «двухъ Маринь» стало всего одинъ и одна,—дѣйствующихъ лицъ, слѣдовательно, убыло, и авторъ везетъ «семью» въ Италію, гдѣ эта семья завязываетъ новыя знакомства, и романъ имѣетъ возможность продолжаться, особенно благодаря «семьѣ Основскихъ». Видите, какъ просто дѣлается исторія, также какъ и психологія.

Всѣ дѣйствующія лица романа послѣ Поланецкихъ не представляютъ интереса, за исключеніемъ пани Основской и панны Кастелли. Это единственныя героини, охарактеризованныя г. Сенкевичемъ метко и дѣйствительно серьезно, какъ слѣдуетъ настоящему писателю. Эти характеристики—настоящіе оазисы на обширномъ пространствѣ романа и главы XIII и XXXIII второй части показываютъ, что у г. Сенкевича есть несомнѣнный матеріалъ писателя, хотя врядъ ли оригинальнаго, но по крайней мѣрѣ интереснаго не только для легкаго дамскаго чтенія и претенціозныхъ подражательныхъ психологическихъ экскурсій. Правда, онъ и здѣсь, по обыкновенію, многорѣчивъ, слѣдуетъ тому же методу — изображать дѣйствующихъ лицъ отъ себя лично и еще устами другихъ въ однихъ и тѣхъ же выраженіяхъ. Но, по крайней мѣрѣ, злополучный «анализъ» отсутствуетъ, и мы чувствуемъ дыханіе живыхъ реальныхъ людей, и притомъ общечеловѣческаго типа. Дама, питающая романтическіе капризы чтеніемъ книжекъ и воображающая себя поэтою загадочнымъ и идеальнымъ существомъ, барышня—извнѣ ангельски прекрасная, съ таинственной глубиной очей, но въ дѣйствительности пошлая и ограниченная,—это вообще печальныя дѣтища извѣстной культурной среды, независимо отъ національностей.

Къ нимъ авторъ относится, конечно, отрицательно—такъ же, какъ и къ аферисту, пробивающемуся въ знать, и къ мѣщанамъ во дворянствѣ. Но онъ зато вполне благосклоненъ къ «солиднымъ» аферистамъ и къ подлиннымъ шляхтичамъ. Ихъ онъ изображаетъ въ такомъ-же тонѣ, въ какомъ, наприимѣръ, у насъ г. Боборыкинъ живописуетъ «рюриковичей» и ангажированныхъ московскихъ фабрикантовъ: слегка юмористическая улыбка съ тайнымъ глубокимъ почтеніемъ.

Безусловныя симпатіи г. Сенкевича принадлежатъ писательской профессіи: это, разумѣется, понятно. Романтическую даму, неудержимую въ своихъ фантазіяхъ, онъ заставляетъ остановиться на желаніи—быть писателемъ, и, что особенно любопытно, писателемъ психологомъ, «рисующимъ мельчайшіе изгибы

души» и, вѣроятно, открывающимъ ихъ даже въ совершенно пустыхъ душахъ... Но это только вступленіе: дальше описывается потрясающій триумфъ писателя, поэта Завиловскаго, только что выпустившаго сборникъ стихотвореній.

Счастливицы эти поэты! — приходится намъ воскликнуть. Намъ кое-что сообщаютъ на счетъ поэзіи Завиловскаго: у него, напримеръ, есть стихи — *Сны въ горахъ*, выражающіе тоску о чемъ-то недосыгаемомъ. Это, очевидно, «чистый» поэтъ, какихъ и у насъ множество, но ни одному изъ нихъ не поклоняются ни солидные аферисты, ни знатные господа, ни даже свѣтскія дамы, ни одного изъ нихъ не созерцаютъ, какъ нѣкое восьмое чудо свѣта, не именуютъ *орломъ* и *великимъ человекомъ*. Напротивъ, у насъ стихамъ грозитъ даже опасность утратить право считаться настоящей литературой. Совершенно иначе на берегахъ Вислы. Тамъ старый магнатъ считаетъ себя «слишкомъ глупымъ», чтобы писать стихи... По истинѣ поэтическое Эльдorado эти берега Вислы! И не даромъ г. Сенкевичъ, не сочиняющій стиховъ, осуществляетъ другой идеалъ писателя, «анализируетъ» «всѣ формы, и цвѣта, и тѣни».

Но, какъ бы великъ ни былъ успѣхъ стиховъ Завиловскаго, намъ все-таки кажется нѣсколько страннымъ одно обстоятельство. До появленія поэта на сцену мы слышали множество бесѣдъ нашихъ героевъ и героинь и изумлялись ихъ охотѣ переливать изъ пустого въ порожнее. Каковы кавалеры въ бесѣдахъ другъ съ другомъ и о другъ другѣ, можно видѣть изъ слѣдующихъ сценъ, не требующихъ критики.

Первая. Говоритъ панъ Плавичкій о панѣ Васновскомъ:

«Мнѣ съ самого начала показалось, что у него тутъ немного не въ порядкѣ!..»

«И панъ Плавичкій стукнулъ нѣсколько разъ указательнымъ пальцемъ по лбу».

Вторая сцена. Говоритъ панъ Бигель о панѣ Машко:

«Я первый готовъ признать за Машко и массу энергіи, и много ума и ловкости, но, принимая все это во вниманіе, ей-Богу, у него тутъ навѣрное что-то неладно».

«И Бигель нѣсколько разъ стукнулъ указательнымъ пальцемъ по лбу».

Третья сцена. Говоритъ панъ Васновскій о панѣ Букацкомъ:

«Я очень люблю этого Букацкаго, душа человекъ... только... видишь ли... У него вотъ тутъ чего-то недостаетъ».

«И Васновскій постучалъ пальцами себѣ по лбу».

Дамы менѣе тверды въ пріемахъ, но также составляютъ дѣя-

тельнѣйшую компанію, занимающуюся исключительно взаимными пересудами или сватовствомъ, мужчинамъ, которые—«по пѣлымъ днямъ» говорятъ о знакомыхъ, напимѣръ, очень умный художникъ Свирскій и ко всему равнодушный декадентъ Букацкій—о семьѣ Основскихъ, или размышляютъ въ одиночествѣ «по цѣлымъ часамъ» о жизни знакомыхъ, напимѣръ Поланецкій о Букацкомъ, полумертвомъ развратникѣ и эстетикѣ. Неправда ли, очень поучительное времяпрепровождение? А дальше ужъ идетъ безпримѣрное невѣжество пана Плавидкаго, «феноменальная глупость» пана Коповскаго, фанфаронство и темныя продѣлки пана Машко... Изображеніе всѣхъ этихъ уродливыхъ явленій дѣлаетъ честь безпристрастію польскаго писателя, но не дѣлаетъ чести его *психологической логикѣ*, при всей его опытности въ «анализахъ».

Умственные и, вообще, культурные интересы общества, выведеннаго въ романѣ, крайне невысоки, можно сказать, эти интересы совсѣмъ даже неумственные и некультурные, и вдругъ въ этой средѣ авторъ создаетъ триумфъ писателя. Положимъ, чтобы заинтересоваться литераторомъ или артистомъ, достаточно быть праздною модною барыней. Но вѣдь надо же помнить, какого сорта этотъ интересъ, и писателю, изображающему популярность писателя въ подобной средѣ, слѣдуетъ понять и выставить на первый планъ сущность явленія. А между тѣмъ г. Сенкевичъ съ обычнымъ идилическимъ простодушіемъ рисуетъ серьезнѣйшее торжество нищаго стихотворца тамъ, гдѣ панъ Поланецкій—солъ земли и «хорошая кровь»—верхъ человѣческаго достоинства.

Тоже простодушіе и чрезвычайно скромный полетъ авторскихъ идей сказываются въ другомъ, еще болѣе важномъ, вопросѣ.

Г. Сенкевичъ въ своей погонѣ за самымъ моднымъ авторствомъ не могъ ограничиться «анализомъ» и декадентствомъ въ лицѣ Букацкаго. *Fin de siècle*, какъ извѣстно, чувствуетъ большую слабость къ мистицизму и особаго рода религіознымъ настроеніямъ. Польскій авторъ не преминулъ захватить въ свой романъ и эту струю, — прежде всего въ лицѣ профессора Васковскаго и художника Свирскаго, а потомъ и панъ Поланецкій долженъ былъ пристать къ новѣйшей партіи. Симпатичнѣе всего профессоръ—нѣчто въ родѣ стараго русскаго славянофила на мистической подкладкѣ, Свирскій просто декламаторъ и поэтъ и съ наивностью отрока или салонной дамы бесѣдуетъ о католичествѣ, хотя авторъ видимо очень дорожитъ этими декламациями и заставляеть ихъ врѣзываться въ памяти слушателей; что же касается Поланецкаго, онъ сначала «ипущій», а потомъ вдругъ, безъ всякихъ промежутковъ «вѣрующій по убѣжденію».

Къ сожалѣнію, вездѣсущій анализъ на этотъ разъ отсутству-
етъ, а именно здѣсь онъ и былъ бы особенно необходимъ. Но
не это важно, — любопытенъ исходный пунктъ всевозможныхъ
мистическихъ и религіозныхъ толковъ въ духъ «конца вѣка». Мы,
впрочемъ, познакомившись съ житейскими идеалами героевъ
г. Сенкевича, можемъ заранѣе предугадать и ихъ высшій рели-
гіозный символъ. Это, ни богъ, ни мѣ, какъ папство въ самой
правовѣрной формѣ и католическая обѣдня. Мы, конечно, отнюдь
не намѣрены подвергать критикѣ этотъ символъ, и дѣло не въ
самомъ символѣ, а въ вопросѣ, изъ за чего было огородъ горо-
дить? Неужели затѣмъ, чтобы изобразить въ необыкновенно ли-
рическомъ, восторженномъ описаніи папскую аудіенцію и приве-
сти къ туфлѣ римскаго первосвященника всѣхъ отрицающихъ и
сомнѣвающихся? Несомнѣнно, Поланецкіе и Свирскіе могутъ
продти къ этому идеалу, но тогда зачѣмъ подобнымъ господамъ
навязывать серьезный скептицизмъ и, будто бы мучительное, ис-
каше истины? Это значитъ клеветать на скептицизмъ и на истину
и не по достоинству возвышать «солидныхъ аферистовъ». Увы!
къ великому разочарованію г. Сенкевича, вопросы «конца вѣка»
далеко не такъ легко разрѣшаются, какъ ихъ разрѣшаетъ счаст-
ливая чета Поланецкихъ, и авторъ жестоко погрѣшилъ предъ
великими запросами нашего времени, задумавъ вмѣстить ихъ въ
ничтожныя души, все равно, какъ онъ нанесъ преступный ударъ
человѣческой дуплѣ, приписавъ ея благородныя муки и возвы-
шенныя стремленія нравственно убитымъ существамъ.

На этомъ мы и кончимъ нашъ разборъ *Семьи Поланецкихъ*. Мы
и такъ говорили о ней больше, чѣмъ заслуживаютъ литературныя
достоинства романа и художественный талантъ автора. Положитель-
ная сторона произведенія г. Сенкевича ограничивается нѣкоторыми
фактическими данными о современномъ польскомъ обществѣ и мы ви-
дѣли, эти данныя представлены довольно полно и безпристрастно.
Последнему качеству повредилъ не талантъ автора, не его какія бы
то ни было познанія въ предметѣ, а недостатокъ личнаго культур-
наго развитія. Г. Сенкевичъ, по своему нравственному міросозерца-
нію и общей умственной дѣятельности, человѣкъ толпы. Онъ, по
своимъ идеаламъ не стоитъ выше будничной, изображаемой имъ,
среды. Онъ заявляетъ въ концѣ книги, что «пить медъ» счаст-
ливой жизни Поланецкихъ—«съ помощью воображенія»,—онъ, не-
сомнѣнно, готовъ пить этотъ медъ и въ дѣйствительности. А мы
знаемъ, что это за медъ. Ни одинъ истинно просвѣщенный писа-
тель не удовлетворился бы этимъ напиткомъ;—устыдился бы его,
какъ меда всей жизни, даже и заурядный интеллигентный чело-

вѣкъ, не утратившій совѣсти и мысли. А г. Сенкевичъ между тѣмъ старается плыть въ потокѣ самоновѣйшихъ теченій своего времени, спѣшитъ заимствовать мысли, и даже литературные приемы, иноземныхъ писателей,—и всѣ эти заимствованія ложатся сырыми пластами на мало воздѣланную почву. Г. Сенкевичу придется много, очень много работать надъ собой, какъ человѣкомъ и романистомъ, чтобы явиться не только поставщикомъ журнальнаго матеріала и мимолетнымъ предметомъ восхваленій нашего глухого времени, но дѣйствительнымъ національнымъ писателемъ съ прогрессивнымъ міросозерцаніемъ и оригинальной творческой силой.

Ив. Ивановъ.

КРИТИЧЕСКІЯ ЗАМѢТКИ.

Романъ г-на Мережковскаго «Отверженный». — Двойственность производимаго имъ впечатлѣнія. — Вѣрное изображеніе настроенія эпохи. — Отсутствіе шаблонности въ обрисовкѣ типовъ. — Странное освѣщеніе характера главнаго героя. — Историческая справка для декадентовъ. — «Вологжанинъ», литературно-научный сборникъ. — Къ характеристикѣ провинціальной прессы. — «Изъ записокъ сельской учительницы», г-жи А. А. Штевенъ. — Общій интересъ книги и ея большое общественное значеніе.

Въ нашей, далеко небогатой исторической беллетристикѣ, гдѣ до сихъ поръ преобладало вліяніе направленія, созданнаго ложно-историческимъ жанромъ гг. Сальяса и Мордовцева, — новое произведеніе г-на Мережковскаго «Отверженный» займетъ по праву видное мѣсто. Не смотря на двойственность впечатлѣнія, производимаго романомъ, онъ прежде всего очень интересно задуманъ и мѣстами прекрасно написанъ, давая живую и широкую картину нравовъ одной изъ важнѣйшихъ эпохъ. Взятъ въ высокой степени трагическій моментъ, когда отживающій міръ, собравъ послѣднія силы, олицетворивъ все, что въ немъ оставалось лучшаго, въ одномъ человѣкѣ, далъ отчаянную битву торжествующему христіанству — и проигралъ. Этотъ сюжетъ еще недавно послужилъ темой для вѣмецкаго романиста Дана, съ произведеніемъ котораго «Юліанъ-Отступникъ» наша публика могла познакомиться, когда этотъ романъ печатался, годъ тому назадъ, въ «Наблюдателѣ». Но Данъ не справился съ своей задачей, и его герои — тѣ же современные намъ нѣмцы, пересаженные въ историческую обстановку четвертаго вѣка христіанства. Увлеченіе Юліана эллинизмомъ — это сентиментальное преклоненіе предъ греческой культурой образцоваго нѣмецкаго учителя-классика, а отношеніе его къ христіанству трактуется съ обычной шаблонной точки зрѣнія, установленной для бытописателей этой эпохи.

Г. Мережковскій въ изображеніи толпы и нравовъ освободился отъ тѣхъ условностей, которыя почему-то считаются необходимыми, разъ дѣло коснется первыхъ вѣковъ нашей эры. Благодаря

имъ, получалось впечатлѣніе, что и люди были тогда необыкновенно возвышенные, и дѣла ихъ запечатлѣны характеромъ недостижимаго, непонятнаго намъ отчужденія отъ всего земного. При этомъ упускалось изъ виду, что великій, чудный и никогда не повторявшійся потомъ подъемъ человѣческаго духа, которымъ отмѣчено время нарожденія христіанства,—не могъ поддерживаться постоянно на одной высотѣ, и что эпоха торжества сильно уже отличается отъ первыхъ временъ гоненія. Г. Мережковскій вполне самостоятеленъ въ изображеніи толпы, народа и общества, не дѣлая противопоставленія двухъ міровъ—христіанскаго и языческаго, такъ какъ между ними въ то время различіе уже значительно сгладилось. Его христіанская толпа мало чѣмъ отличается отъ языческой, какъ то и должно было быть въ дѣйствительности. Это—все та же вѣковѣчная толпа, суевѣрная, темная, неспособная къ критикѣ, съ такою же искренностью требующая чуда отъ святыхъ, какъ прежде отъ боговъ. «Около гробницы (св. Мамы) толпились больные, ждавшіе исцѣленія. Юліанъ зналъ, зачѣмъ они приходятъ. У одного аріанскаго монаха были въ рукахъ вѣсы. Богомольцы, многіе изъ далекихъ деревень, отстоявшихъ на нѣсколько парасанговъ, тщательно взвѣшивали куски льняной, шелковой или шерстяной ткани и, положивъ ихъ на гробъ св. Мамы, молились по-долгу, иногда цѣлую ночь до утра. Потомъ, ту же ткань взвѣшивали, чтобы сравнить съ прежнимъ вѣсомъ. Если ткань была тяжелѣе, значитъ, молитва исполнена, благодать святого вошла, подобно ночной росѣ, впиталась въ шелкъ, ленъ или шерсть, и та же ткань могла исцѣлять недуги» (стр. 18). Рядомъ г. Мережковскій изображаетъ и языческій храмъ, куда приносятъ въ жертву Афродитѣ двухъ голубей, моля объ исцѣленіи отъ любви. Еще ярче родственность настроеній толпы изображена въ тѣхъ моментахъ романа, когда христіане и язычники сталкиваются и ревностно уничтожаютъ другъ друга. Вы чувствуете, что разницы между ними нѣтъ никакой.

Суевѣрію толпы противопоставляется полное безвѣріе высшаго общества. Оно становится христіанскимъ, потому что такъ повелѣлъ императоръ, а «его богоподобная святость» обладаетъ весьма убѣдительными доказательствами неопровержимости христіанской истины. Но когда другой императоръ, обладавшій не менѣе убѣдительными доводами, замѣнилъ крестъ изображеніемъ Геліуса, то же общество увѣровало въ солнце, Діониса и Афродиту, которой, впрочемъ, при всѣхъ вѣрахъ оно усердно поклонялось.

«Въ послѣдніе годы Константина Великаго, когда христіанская вѣра стала придворною модою, Гэкеболій принялъ христіанство. Люди духовнаго звѣ-

ніа питали къ нему особенную склонность. Онъ платилъ имъ тѣмъ же. Гѣкеболій часто, и всегда во время, мѣнялъ символъ вѣры, смотря по тому, откуда дуетъ вѣтеръ: то изъ аріанства переходилъ въ православіе, то опять изъ православія въ аріанство, и каждый разъ такой переходъ былъ ступенью въ лѣстницѣ государственныхъ чиновъ. Лица духовнаго званія тихонько подталкивали его, и онъ, въ свою очередь, помогаль имъ карабкаться. Голова его умащалась сѣдинами, дородность дѣлалась все болѣе пріятной, умныя рѣчи все болѣе вкрадчивыми и усладительными, а щеки украшались старческою свѣжестью. Глаза были ласковые, подернутые не то слезою, не то елеемъ... Вся наружность знаменитаго софиста приобрѣла оттѣнокъ церковнаго благолѣпія. Онъ былъ строгимъ постникомъ и вмѣстѣ съ тѣмъ тонкимъ гастрономомъ, Лакомыя постныя блюда его стола были изысканнѣе самыхъ роскошныхъ скоромныхъ, также какъ монашескія шутки Гѣкеболія были иногда острѣе самыхъ откровенныхъ языческихъ. На столѣ у него подавалось знаменитое прохладительное питье изъ свежловичнаго сока съ пряно-стями: многіе увѣряли, что оно вкуснѣе вина. Вмѣсто обыкновеннаго пшеничнаго хлѣба онъ изобрѣлъ особенныя постныя лепешки изъ пустынныхъ сѣмянъ, которыми нѣкогда, по преданію, св. Пахомій питался въ Египтѣ.

Въ романѣ такихъ мастерски написанныхъ портретовъ разсѣяно много, что въ общемъ слагается въ яркую бытовую картину, дополняемую живымъ, исторически вполне вѣрнымъ, описаніемъ сектантскихъ соборовъ, дающихъ читателю ясное представленіе о безчисленныхъ уклоненіяхъ отъ истиннаго христіанства, съ чѣмъ горячо и упорно боролись тогда отцы церкви. Страницы романа, изображающія дикій фанатизмъ и уродливости различныхъ сектъ, взаимную ихъ ненависть и нетерпимость, доходящую до безпощаднаго истребленія другъ друга, принадлежать къ числу лучшихъ, и картины этихъ соборовъ, по художественности изображенія, напоминаютъ видѣнія, терзающія св. Антонія у Флобера. Комизмъ нѣкоторыхъ сценъ, какъ, напримѣръ, появленіе суроваго отшельника, готоваго предать себя на растерзаніе палачамъ, когда ихъ вовсе не оказывается, оживляетъ общую картину пустоты и суесловія, ознаменовавшихъ описываемую эпоху. Становится понятнымъ, почему умы, болѣе глубокіе, и сердца, страстныя и жаждавшія подвига, не могли удовлетвориться сектантскимъ суемудрствованіемъ и стремились въ поиски за истинной, увлекавшія ихъ иногда въ сторону, противоположную этой истинѣ.

Юліанъ именно и представляется однимъ изъ такихъ умовъ, и если бы художникъ оставался все время на исторической почвѣ, мы имѣли бы вполне законченное произведеніе. Но когда, вмѣсто историческаго Юліана-Отступника, г. Мережковскій выводитъ на сцену Юліана-декадента во вкусѣ fin de siècle'я, то такой неожиданный оборотъ только портитъ въ общемъ хорошо задуманный романъ, и вмѣсто художественнаго образа получается мистико-

декадентская символика, повидимому, неясная и для самого автора. По крайней мѣрѣ, такое именно впечатлѣніе производятъ странное предисловіе, которымъ г. Мережковскій счелъ нужнымъ снабдить своего «Отверженнаго». Этотъ романъ, говоритъ онъ въ предисловіи, есть первая часть трилогіи и изображаетъ конецъ древняго міра, смерть олимпійскихъ боговъ. Вторая часть, озаглавленная «Воскресшіе боги», представитъ эпоху возрожденія, воскресеніе «красоты древняго олимпійскаго мною обожья—въ поэзіи, живописи, искусствѣ и философіи». Наконецъ, въ третьей мы увидимъ возрожденіе Россіи—эпоху Петра Великаго. Тонъ предисловія, Петръ—въ нѣкоторомъ родѣ собратъ Юліана-Отступника—достаточно свидѣтельствуютъ, что авторъ такъ-же мало намѣренъ считаться съ исторической правдой въ дальнѣйшемъ развитіи своей трилогіи, какъ и въ характеристикѣ Юліана.

Сопоставленіе его съ Петромъ болѣе чѣмъ смѣло, но не менѣе смѣлы тѣ декадентскія черточки, которыми авторъ скрашиваетъ своего Юліана. «Я люблю все уходящее!—говоритъ его Юліанъ.—Я люблю благоуханье умирающихъ цвѣтовъ»,—это изъ Бодлера. «Вотъ Онъ явится,—говоритъ учитель Юліана Максимъ,—какъ молнія изъ тучи, смертоносный и всеозаряющій. Онъ будетъ страшенъ и безстрашенъ, выше долга и закона, выше добра и зла. Въ немъ сольются добро и зло, смиреніе и гордость, какъ свѣтъ и тѣнь сливаются въ утреннихъ сумеркахъ. И люди благословятъ его не только за милосердіе, но и за беспощадность. Въ ней будетъ сверхчеловѣческая сила и кротость». Это совсѣмъ какъ у Ницше съ его «сверхчеловѣкомъ». Поклоненіе солнцу и увлеченіе демонами, восторженное обожаніе красоты, отвращеніе къ точнымъ наукамъ и склонность къ стихоплетству,—словомъ г. Мережковскій не упустилъ ни одной черты, характерной для современнаго декадента. Получилась въ результатѣ странная безжизненная фигура, все, что угодно, только не художественный образъ. Еще въ первой части Юліанъ болѣе или менѣе понятенъ; онъ притворяется, обманываетъ и лукавитъ, и хотя несетъ по временамъ декадентскую чепуху (напр., его разговоры съ Арсиной), но вообще ведетъ себя, какъ существо разумное, хотя и сбитое съ толку выпавшими на него съ дѣтства несчастьями и ударами судьбы. Но съ момента вступленія на престолъ Юліанъ г. Мережковскаго совершенно сумасшедшій, кидающійся во все стороны, вѣчно подъ наитіемъ всякихъ видѣній, преслѣдующихъ его на каждомъ шагу. Отъ историческаго характера ничего не остается, кромѣ знаменитыхъ послѣднихъ словъ: «Ты побѣдилъ, Галилеянинъ!» Ниспровергая христіанство, онъ заимствуетъ у послѣдняго духъ его: чо-

становляя боговъ. заявляетъ открыто, что въ нихъ не вѣрять: публично оскорбляетъ жертвенники и взываетъ къ чуду. «Все равно, все равно... Чудо совершится!.. Не теперь, такъ потомъ... Я вѣрно въ чудо!..»

Симпатіи автора несомнѣнно на сторонѣ Юліана, который представляется ему символомъ свободнаго эллинскаго духа, и тѣмъ страннѣе и непонятнѣе кажется читателю хаосъ идей, господствующій въ головѣ героя. Юліанъ—«сверхчеловѣкъ» (Uebergensch Nietzsche) отдается въ руки шарлатана Максима, надувающего его посредствомъ дѣтскихъ фокусовъ въ первой части романа. Во второй оказывается, что Максимъ и есть тотъ самый «сверхчеловѣкъ», который то появляется, то внезапно исчезаетъ, въ самые важные моменты жизни Юліана. Слѣдуетъ ли понимать эти явленія, какъ галлюцинація больного мозга Юліана,—для читателя неясно. Путаница еще усиливается г-жей Арсиной, изображающей, повидимому, чистую красоту эллинскаго духа, но такъ только повидимому. На дѣлѣ она ведетъ себя въ теченіе всего романа какъ хорошо всѣмъ знакомая современная дама психопатка-истеричка, которая и флиртомъ не прочь позаняться, и къ чертовщинѣ чувствуетъ склонность, и въ монастырѣ спасается, и искусству служить, выгнѣнная изъ воску «обнаженное цвѣтущее тѣло олимпійскаго бога». Потерпѣвъ неудачу съ Юліанамъ,—Арсиню утѣшаетъ съ жеманно-доблестнымъ, разочарованнымъ сотникомъ Анатоліемъ и вмѣстѣ съ нимъ испытываетъ въ заключительныхъ строкахъ романа «великое веселіе Возрожденія».

Можно бы отъ души порадоваться такому благополучному концу, если бы авторъ хоть намекнулъ намъ, что же понимать надлежитъ подь его пресловутымъ «Возрожденіемъ»? Неужели мистическій вздоръ, отуманивающий голову Юліана и его присныхъ? Или безпорядочныя метанія Арсиной, хотя бы и скрашенныя кокетливымъ заигрываніемъ то съ богами, то съ изящнымъ сотникомъ? Авторъ не даетъ никакого отвѣта, довольствуясь чисто отрицательнымъ изображеніемъ схоластики и догматизма христіанскихъ сектъ IV-го вѣка, какъ противоположности тому, что знаменуетъ возрожденіе эллинизма. Неопредѣленность возрѣвій автора только усиливаетъ нехудожественность его пріема: надѣлая историческія личности современными ему идеями, онъ заставляетъ ихъ дѣйствовать подь вліяніемъ чуждыхъ имъ настроеній и даже говорить языкомъ Ницше и Бодлера.

Читателю остается только пожалѣть объ этомъ, такъ какъ авторъ является вполне художникомъ, когда, забывъ о своихъ декадентскихъ тенденціяхъ, онъ описываетъ нравы хорошо имъ

изученной эпохи. Не можемъ не привести одной живой сценки, интересной и самой по себѣ, и, въ особенности, для нашихъ декадентовъ, воображающихъ, что они явленіе новое и потому многообѣщающее.

Юліанъ присутствуетъ на пирѣ въ Афинахъ, гдѣ собралось утонченное общество изъ ораторовъ, поэтовъ и богатыхъ покровителей искусства.

«Юліану было скучно.

Всѣ обратились къ нему, спрашивая его мнѣнія относительно дактилей и анапестовъ.

Онъ откровенно признался, что объ этомъ никогда не думалъ и полагасть, что оратору слѣдуетъ болѣе заботиться о мудромъ содержаніи рѣчи, чѣмъ о такихъ ничтожныхъ подробностяхъ внѣшняго стиля.

Мамертинъ, Лампридій, Гестіонъ вонегодовади. По ихъ мнѣнію, содержаніе безразлично. Оратору должно быть все равно, говорить за или противъ. Не только смыслъ имѣетъ мало значенія, но даже сочетаніе словъ—второстепенное дѣло, главное—звуки, мелодія рѣчи, новыя музыкальныя сочетанія буквъ. Надо, чтобы и варваръ, который ни слова не понимаетъ по гречески, чувствовалъ прелесть оратора.

— Сейчасъ я приведу два латинскихъ стиха Проперція,—сказалъ, Гаргалианъ,—вы увидите, что значать звуки въ поэзіи, и какъ ничтоженъ смыслъ. Слушайте:

*Et Veneris dominae volucres, mea turba, columbae
Tinguunt Gorgoneo punica rostra laci.*

Какое очарованіе! Каждая буква поетъ!.. Что мнѣ за дѣло до смысла? Вся красота—въ звукахъ, въ подборѣ гласныхъ и согласныхъ!.. За эти звуки я отдалъ бы гражданскую добродѣтель Ювенала, философію Лукреція. Нѣтъ вы только обратите вниманіе, какая сладость въ этомъ журчаніи:

Et Veneris dominae, mea turba, columbae!..

И онъ причмокнулъ верхней губой съ чувственнымъ упоеніемъ.

Всѣ повторяли два стиха Проперція, не могли насытиться ихъ прелестью. Глаза у нихъ загорѣлись. Они другъ друга возбуждали къ литературной оргіи.

— Вы только послушайте,—шептала Мамертинъ своимъ мягкимъ, замирающимъ голосомъ, похожимъ на Эолову арфу: «*tinguunt Gorgoneo*»...

— *Tinguunt Gorgoneo!*..—повторялъ чиновникъ префекта, —клянусь Палладой: самому нѣбу пріятно, какъ будто глотаешь густую, теплую струю вина, смѣшаннаго съ аттическимъ медомъ:

Tinguunt Gorgoneo...

Замѣтьте, сколько подрядъ буквъ «g»,—это воркованіе горлицы. И дальше...*punica rostra laci*...

— Удивительно, неподражаемо!—шептала Лампридій, закрывая глаза отъ наслажденія.

— Надо, чтобы слова были слегка бессмысленны,—заключила Лампридій съ важностью,—чтобы они текли, журчали, пѣли, не задѣвая ни слухъ, ни сердца,—тогда только возможно полное наслажденіе красотой!..»

Очень недурна эта карриатура на декадентское увлеченіе звуками, и, притомъ, эта сцена исторически вполнѣ выдержана. Время

упадка римской литературы, между прочимъ, ознаменовалось особымъ родомъ звукоподражательныхъ, по содержанию безмысленныхъ стиховъ. Для нашихъ знатоковъ классической литературы было бы благодарной темой познакомить современныхъ декадентовъ съ ихъ предшественниками временъ паденія античной культуры. Тогда они убѣдились бы, что ничто не ново подъ луной, и что ихъ горделивому самообольщенію грозитъ та же печальная участь, какъ и ихъ предшественникамъ,—забвеніе.

Когда намъ попадутся въ руки провинціальныя изданія, будутъ ли то сборники литературно-научнаго характера, вроде вышедшаго недавно «Вологжанина», или брошюры, трактующія по отдѣльнымъ вопросамъ, мы испытываемъ одно изъ пріятныхъ ощущеній. Разной, конечно, цѣнности бываютъ эти изданія, между которыми встрѣчаются и такія, что лучше бы имъ и не появляться, но общее впечатлѣніе почти всегда говоритъ въ ихъ пользу. Дѣло, однако, не въ этомъ, не столько въ ихъ содержаніи, сколько въ самомъ фактѣ—въ стремленіи путемъ печати говорить о своихъ нуждахъ, къ чему провинціальныи обыватель еще не такъ давно испытывалъ чуть не физическое отвращеніе. Теперь же, помимо ежедневной текущей печати, завоевывающей самыя дикіе глухіе уголки, тотъ же обыватель прибѣгаетъ безъ страха и трепета къ книгѣ, выпуская въ свѣтъ цѣлыя изданія, какъ спеціальнаго, такъ и общаго содержанія. И это одно изъ самыхъ отраднѣхъ явленій въ жизни провинціи.

Ростъ и развитіе послѣдней ни въ чемъ, быть можетъ, не выразились такъ ярко, какъ въ созданіи своей провинціальной печати, о которой лѣтъ 20—15 тому назадъ провинція не имѣла представленія. Большинство провинціальныхъ газетъ очень юны и, за исключеніемъ трехъ-четырехъ, появились на свѣтъ въ послѣднее десятилѣтіе. Теперь въ рѣдкомъ большомъ городѣ вы не встрѣтите своей мѣстной газеты, тогда какъ раньше газета была достояніемъ лишь немногихъ избранныхъ центровъ. Встрѣчаются даже города съ двумя и болѣе мѣстными изданіями, изъ которыхъ каждое имѣетъ свой кругъ читателей и почитателей. Намъ хорошо извѣстны города, гдѣ мечта о своей газетѣ составляетъ одно изъ самыхъ горячихъ желаній мѣстной интеллигенціи. Но не только для послѣдней «свой органъ» является необходимою,—значеніе его начинаютъ понимать и другія мѣстныя силы, между которыми на первомъ мѣстѣ слѣдуетъ поставить представителей промышленности и капитала. Насколько прежде они чуждались печатнаго слова, настолько теперь оно представ-

ляется имъ желательнымъ. Конечно, значеніе его они понимаютъ по своему, въ узко-утилитарномъ смыслѣ, какъ одно изъ средствъ отстаивать свои интересы и проводить нужные имъ взгляды. Но, даже и при этомъ условіи, ихъ стремленіе къ печати все же желательнѣе, чѣмъ прежде къ ней отвращеніе и тѣ неприглядныя средства, къ которымъ они прибѣгали, чтобы задавить эту ненавистную имъ печать. Если о чемъ можно пожалѣть, такъ это о постепенномъ захватѣ провинціальной печати капиталомъ, — явленіе, сплошь и рядомъ наблюдаемое въ провинціи. Впрочемъ, дѣло еще не зашло такъ далеко, и провинціальная печать несравненно выше по общему нравственному облику, чѣмъ ея старшая столичная сестра, что не мѣшаетъ послѣдней относиться къ ней съ непонятнымъ высокомѣріемъ. Мы не знаемъ, напр., ни одной провинціальной газеты (южная пресса въ этомъ случаѣ занимаетъ особое положеніе), въ которой велась бы систематическая травля инородцевъ и иновѣрцевъ, — эта излюбленная тема огромной части столичной прессы. Общечеловѣческое направленіе такъ прочно установилось въ мѣстной печати, что выходки противъ народностей въ ней немислимы, какъ немислимо отрицательное отношеніе къ принципамъ мѣстнаго самоуправленія или народнаго просвѣщенія. Любопытенъ, между прочимъ, и крайне характеренъ фактъ, что въ провинціи нѣтъ ни одного сословнаго органа, и общимъ направленіемъ, преобладающимъ надъ разными временными и случайными, остается неизмѣнно просвѣтительное, прогрессивное и гуманное. Это отчасти зависитъ отъ слабого развитія общественной жизни, вслѣдствіе чего интересы отдѣльныхъ общественныхъ группъ не могутъ проявиться съ полной опредѣленностью. Но несомнѣнно, что въ большей степени это зависитъ отъ общаго настроенія провинціальной жизни, которой чужды пока національная, религіозная и сословная нетерпимость. На прессѣ это и отражается въ видѣ ея общегуманитарнаго направленія, и отражается далеко не въ такой степени, какъ могло бы, такъ какъ многое обходится ея молчаніемъ. И въ этомъ отношеніи поведеніе провинціальной печати тактичнѣе, чѣмъ столичной, которая часто грѣшитъ противъ истины своимъ неопредѣленнымъ къ ней отношеніемъ. Провинціальная печать въ такихъ случаяхъ, упорно молчитъ, и такое отношеніе къ нѣкоторымъ явленіямъ жизни оказываетъ болѣе воспитательное значеніе, чѣмъ хожденіе вокругъ да около. Если не всегда печать можетъ просвѣщать читателя, она не должна, по крайней мѣрѣ, развращать его, и провинціальная печать свободна отъ этого упрека.

Мы думаемъ, что если теперь, создалась все-таки весьма вну-

пительная печать въ провинціи, то въ будущемъ,—можно ожидать блестящаго расцвѣта провинціальной прессы. Чѣмъ, какъ не обыкновенной жизненностью, можно объяснить ея ростъ теперь, когда печать чувствуетъ себя окруженной элементами, съ которыми приходится очень и очень считаться...

Только тотъ, кому приходилось самому работать въ провинціальной печати, знаетъ, при какихъ условіяхъ ведется эта работа, и понимаетъ, что вниманья заслуживаютъ не промахи и недостатки, а самое существованіе этой работы. Да и ведется она въ общемъ очень и очень недурно, и кто зналъ провинціальную прессу гдѣ десять тому назадъ, не узнаетъ ее теперь. Возвращаясь къ упомянутому литературно-научному сборнику «Вологжанинъ», приходится признать, что сборникъ составленъ очень прилично и вполне литературно. Мы остановились на немъ, такъ какъ онъ очень типиченъ и появился въ такомъ уголкѣ, гдѣ печать только еще зарождается.

Содержаніе сборника распадается на литературную и научную часть. Въ числѣ нѣсколькихъ беллетристическихъ произведеній выдастся одно съ несомнѣнной искрой таланта, очеркъ г. Иванickaго «Мои слуги». Очеркъ написанъ живо и интересно, не смотря на незамысловатость темы, обнаруживая въ авторѣ известную наблюдательность и умѣнье схватывать характерныя черты. Разсказъ идетъ о крестьянскомъ мальчикѣ, бывшемъ въ услуженіи у автора, и написанъ не шаблонно, какъ пишется масса разсказовъ, очерковъ и этюдовъ, наполняющихъ страницы нашихъ толстыхъ и тонкихъ журналовъ. Въ немъ чувствуется жизнь, видна оригинальная манера письма и мѣстами тонкое пониманіе душевнаго настроенія, которое передается и читателю.

Большую часть сборника занимаютъ статьи, посвященныя описанію края въ историческомъ, бытовомъ и экономическомъ отношеніи. Лучшая статья говоритъ о дѣятельности вологодскаго губернскаго земства по народному образованію; содержаніе ея, какъ и всѣхъ остальныхъ, имѣетъ чисто мѣстный интересъ, но показываетъ полное умѣнье обращаться съ матеріалами, написана она сжато и даетъ ясное представленіе о роли земства въ дѣлѣ просвѣщенія. Право, такая статья мало въ чемъ уступаетъ тѣмъ многочисленнымъ компиляціямъ, которыя составляютъ по «матеріаламъ» и съ прибавленіемъ нѣкоторыхъ общихъ мѣстъ фигурируютъ въ «серьезномъ» отдѣлѣ столичной журналистики.

Появленіе такихъ сборниковъ періодически было бы большимъ шагомъ впередъ въ развитіи мѣстной печати. Много не укладывается обыкновенно въ рамки корреспонденцій и небольшихъ

статей газетнаго размѣра, а между тѣмъ имѣеть несомнѣнный интересъ и мѣстный, и общій. Силъ литературныхъ, очевидно, хватило бы, какъ показываетъ настоящій сборникъ, и тогда, на ряду съ періодической ежедневной прессой, провинція имѣла бы и свою журналистику, въ которой изученіе края могло бы получить болѣе широкій и серьезный характеръ. Мы увѣрены, что, съ развитіемъ областной жизни, создастся и своя областная журналистика.

Тѣ живыя симпатіи, которыми пользуется вполне заслуженно г-жа Штевенъ, какъ работникъ въ дѣлѣ народнаго просвѣщенія, обеспечиваютъ наилучшій пріемъ для только-что выпущенной ею книжки «Изъ записокъ сельской учительницы» *). И книга вполне заслуживаетъ этого и своей литературной стороной, обнаруживающей въ авторѣ свѣжій и оригинальный талантъ, и серьезностью своего содержанія.

О школахъ, устраиваемыхъ г-жею Штевенъ, намъ приходилось говорить вскользь въ замѣткѣ о народническихъ взглядахъ на просвѣщеніе **), причемъ къ той постановкѣ школъ грамотности, какъ она вырисовывалась въ книгѣ г. Пругавина, мы отнеслись рѣшительно съ отрицаніемъ, и теперь продолжаемъ думать также. Последующія статьи г-жи Штевенъ вполне разсѣяли то недоумѣніе, къ какому подавала поводъ неясность ея первой брошюры «Исторія одной школы», — кстати замѣтимъ, нѣсколько передѣланной теперь въ новомъ изданіи (по крайней мѣрѣ, мы въ ней не нашли той выписки, которую приводитъ г. Пругавинъ). Въ слѣдующей статьѣ «По поводу школъ грамотности» г-жа Штевенъ ставитъ вопросъ о нихъ уже нѣсколько иначе. «Убѣдившись,— говоритъ она,— что вполне возможно дать дѣтскому населенію земскихъ губерній начальное образованіе болѣе высокаго качества и что весьма нежелательно, чтобы земства и частныя лица увлекались *одними только* дешевыми школами грамоты, я начинаю понимать раздраженіе, съ которымъ говорятъ о нихъ нѣкоторые, наиболѣе искренніе ревнители народнаго просвѣщенія. Думаю, однако, что, при введеніи всеобщаго обученія, школы грамоты должны быть включены въ школьную организацію, какъ школы подготовительныя или филиальныя отдѣленія, замѣняющія собою млад-

*) А. А. Штевенъ. «Изъ записокъ сельской учительницы». Спб. 1895 г. Ц. 75 коп.

**) См. № 3, мартъ, «М. Б.» «Текущія замѣтки».

шія отдѣленія земскихъ школъ въ мѣстностяхъ, которыя не могутъ составить отдѣльнаго школьнаго района съ достаточнымъ для нормальной школы числомъ учениковъ. Но чтобы школа грамоты могла исполнить такое свое назначеніе, чтобы она не терпѣла недостатка въ учителяхъ и чтобы на нее могли быть потрачены земскія средства, необходимо: 1) чтобы школы грамотности, т.-е. школы съ неимѣющими учительскихъ правъ учителями, находились въ тѣсной связи съ нормальными земскими школами, состоя подъ надзоромъ земскихъ учителей и имѣя ту же самую учебную программу и тѣ же учебныя пособія, какія приняты въ младшихъ отдѣленіяхъ земскихъ школъ; 2) чтобы учителями школъ грамоты были получившіе въ нормальныхъ школахъ особую подготовку и упражнявшіеся въ преподаваніи, въ качествѣ помощниковъ учителя, ученики нормальныхъ земскихъ школъ» (стр. 60). Какъ видятъ читатели, все это очень далеко отъ тѣхъ «молодыхъ» (15—16 лѣтъ) учителей, съ «небольшимъ умственнымъ и нравственнымъ превосходствомъ», которые умилили г. Пругавина, противъ чего мы и считали себя въ правѣ возразить. Какъ тогда, такъ и теперь мы осмѣливаемся думать, что единственная школа, которая въ состояніи удовлетворить все возрастающую государственную потребность въ просвѣщеніи, это нормальная школа, устроенная по типу земской, съ ея хорошо подготовленнымъ учительскимъ персоналомъ и учебной программой. Всякое пониженіе этого типа школы является страннымъ компромиссомъ, который, пожалуй, былъ умѣстенъ (да и то едва ли) лѣтъ 10—15 тому назадъ, когда еще дебатировался вопросъ, «учить ли грамотѣ народъ». Теперь двухъ мнѣній по этому вопросу не существуетъ, и если, тѣмъ не менѣе, рекомендуются тѣ или нныя школы нвзпаго типа, то ужъ не дѣло интеллигенціи поддерживать ихъ.

Возвращаясь къ книгѣ г-жи Штеванъ, отмѣтимъ прежде всего необыкновенную искренность ея разсказа о своей дѣятельности и горячую симпатію къ народу, бьющую ключемъ на страницахъ «Записокъ сельской учительницы». Можно раздѣлять или не раздѣлять ея взгляды на значеніе школъ грамотности, но нельзя читать безъ волненія прочувствованныхъ строкъ, въ которыхъ отразилась, какъ въ зеркалѣ, живая, безграничная преданность народу, желаніе работать для него и стремленіе хоть чѣмъ-нибудь помочь ему разобратъ среди окружающей его тьмы.

Когда я мысленно переживаю эти послѣднія 8 лѣтъ моего пребыванія въ деревнѣ, мнѣ много, много еще вспоминается разныхъ сценъ, потому что много есть прекрасныхъ и забавныхъ, загадочныхъ и трогательныхъ страницъ въ той ни съ чѣмъ несравнимой книгѣ, которую читаемъ, знакомясь

съ живнью, и которая особенно хороша тѣмъ, что мы сами можемъ вписывать въ нее цѣлыя строки и страницы. Вспоминаю, какъ разъ въ воскресный день собралось въ школу нѣсколько крестьянъ и какъ я прочла имъ одну свою самодѣльную маленькую повѣсть. Слушатели хвалили и благодарили, а самой мнѣ было очень стыдно, потому что я не могла не сознавать контраста между силой духовной жажды, выражавшейся въ ихъ мужественныхъ лицахъ, и той слабой, дѣтской пищей, которую я имъ предложила. Точно также я не могу не сознавать, что всѣ мои школы только въ жалкой и слабой степени удовлетворяютъ потребность народа въ образованіи. Я довольна ими только потому, что онѣ все же лучше, чѣмъ ничего, какъ лучше дать голодному корку хлѣба, чѣмъ ничего ему не давать. Я знаю, конечно, что этого недостаточно, что людямъ способнымъ мыслить и задавать себѣ вопросы, людямъ, стремящимся къ добру, обладающимъ прекрасными художественными дарованіями и наклонностями и всѣми добрыми, живыми человѣческими свойствами, нельзя дать какія-то жалкія крохи ученія и на томъ успокоиться. Надо по мѣрѣ силъ удовлетворять ихъ духовную жажду, а иначе она натолкнетъ на безумье тѣхъ, въ комъ она особенно сильна, и заглушитъ въ остальныхъ. А вѣдь гдѣ она заглухла, тамъ полный просторъ всѣмъ животнымъ истинностямъ, тамъ вся цѣль—гроши и барыши, и все счастье—пьяный разгулъ; тамъ нѣтъ уже ничего святого, тамъ нѣтъ челоуѣческой жизни, и совершаются тѣ ужасы, о которыхъ страшно даже вспомнить,—такъ они непонятны и дико... (стр. 39).

Во второй статьѣ «По поводу школъ грамотности» изложены тѣ препятствія, съ которыми г-жѣ Штевенъ пришлось имѣть дѣло при распространеніи своихъ школъ. Результатомъ борьбы съ этими препятствіями явилась та поправка къ постановкѣ школъ, о которой мы говорили выше. Эта статья имѣетъ большой общественный интересъ, показывая наглядно, на массѣ примѣровъ, какъ запутанъ у насъ такой, повидимому, простой и всѣми признаваемый вопросъ о необходимости просвѣщенія для народа. Такое сложное и громадное по количеству необходимыхъ силъ дѣло, какъ народное просвѣщеніе, только и мыслимо при дружной общей работѣ, что мы и видимъ вездѣ, въ западной Европѣ и Америкѣ, гдѣ всѣ общественные элементы, прямо или косвенно, принимаютъ въ этомъ дѣлѣ участіе. У насъ же видимъ совсѣмъ обратное. Дѣла больше, чѣмъ гдѣ-либо, силъ меньше, и сверхъ того взаимное недовѣріе, доходящее до прямого противодѣйствія, слѣдствіемъ чего является крайняя шаткость школьнаго дѣла...—Въ двухъ очеркахъ подъ общимъ заглавіемъ «Изъ жизни деревни и молодого ея поколѣнія» г-жа Штевенъ даетъ прелестную идиллію «Пѣшкомъ въ Муромѣ» и живую картину лѣтнихъ занятій при Яблонской школѣ, гдѣ готовились будущіе учителя школъ грамотности. Описывая въ первомъ изъ нихъ свое странствованіе пѣшкомъ съ группой деревенской молодежи на богомолье въ Муромъ, г-жа Штевенъ останавливается на томъ здоровомъ освѣжающемъ

впечатлѣніи, какое она испытывала въ обществѣ деревенской молодежи, оторванной на минуту отъ удручающей будничной обстановки, въ условіяхъ, сближавшихъ ее, интеллигентнаго человѣка, съ крестьянскимъ міромъ, уничтожавшихъ обычныя перегородки, мѣшающія взаимному пониманію и общенію.

«Я хотѣла бы въ воображеніи пережить это время вновь, но мнѣ уже невозможно припомнить его минута за минутой и день за днемъ; во мнѣ сохранилось лишь общее, живое впечатлѣніе чего-то милого, новаго, немного страннаго и поэтически-прекраснаго, да еще удѣлѣли въ памяти нѣкоторые отдѣльные моменты и картинки, которыми я и желала бы подѣлиться. Знаете ли вы, что значить уйти на время отъ всѣхъ мелочей и дрязгъ, отъ всего искусственнаго и условнаго, отъ всякихъ лишнихъ стѣсненій и всякой нравственной тягости? Знаете ли вы, что значить забыть исключительное положеніе, въ которое поставлены интеллигентные и обеспеченные люди, живущіе среди невѣжественной и бѣдной массы народа, и всю протекающую изъ этого положенія мучительную душевную работу, и страшные вопросы, и отвѣтственность, и почти неизбежное чувство вины? Знаете ли, что значить хоть на время почувствовать себя только человѣкомъ среди другихъ людей, съ точно такими же, какъ будто бы, правами и обязанностями, съ тѣмъ же самымъ простымъ и яснымъ положеніемъ среди великаго Божьяго міра? Знаете ли, какъ прекрасенъ бываетъ въ эти минуты великій Божій міръ, и какъ хороши и милы въ такое время люди, наши товарищи на жизненномъ пути?.. Мы не можемъ вдругъ раздѣлать все то, что постепенно было сдѣлано, и не можемъ забыть того, что узнали; а потому равенство положенія насъ, имѣющихъ и знающихъ, съ положеніемъ неизбѣжныхъ и незнающихъ будетъ воображаемымъ и фиктивнымъ, пока мы не заплатимъ за полученное и не подѣлимся приобрѣтеннымъ. А до тѣхъ поръ неизбѣжны для насъ и особенное положеніе, и тяжкій душевный трудъ, и душевное одиночество, и отвѣтственность, и вина» (стр. 65)...

Мы привели эту выдержку, какъ очень характерную для настроенія автора, показывающую, что передъ нами одинъ изъ тѣхъ идеалистовъ, которые въ увлеченіи идеаломъ доходятъ до забвенія дѣйствительности и направляютъ свои упреки не по надлежащему адресу. Мы не думаемъ, чтобы на нашей интеллигенці лежала какая-то фатальная отвѣтственность предъ кѣмъ-то, кромѣ общечеловѣческой отвѣтственности предъ своей совѣстью, и еще менѣе склонны приписывать ей какую-то «вину», кромѣ, развѣ, излишняго смиренія, мѣшавшаго ей до сихъ поръ правильно понимать свои задачи и интересы. Въ настроеніи автора чувствуются еще отголоски крѣпостнаго права, съ уничтоженіемъ котораго г-жа Штевень вполне справедливо связываетъ далѣе «новый духъ», вѣющій въ современной деревнѣ.

«Тѣмъ не менѣе,—говоритъ г-жа Штевень въ заключительныхъ строкахъ этого очерка,—крѣпостное право уже давно миновало. Ребятъ нашихъ не будутъ ни продавать, ни покупать, никто не въ правѣ бить ихъ по щекамъ, и даже розги, къ стыду и несчастью нашему еще удѣлѣвшія въ практикѣ

волостныхъ судовъ, примѣняются судьями рѣдко и неохотно. И грамотность, которую значительная часть населенія уже получаетъ въ школахъ, хорошія книжки, уже проникающія въ деревню и все болѣе и болѣе частыя столоновенія народной массы съ интеллигентными лицами и городскими жителями—вызвали въ деревнѣ нѣкоторое умственное оживленіе. Народъ уже не та инертная масса, какою онъ былъ еще недавно. Уже вездѣ молодежь горячо стоитъ за школы, отношеніе къ [женамъ и дѣтямъ стало нѣсколько мягче. пьянство мѣстами начинаетъ казаться постыднымъ. Появился цѣлый новый многочисленный классъ мелкой деревенской полунинтеллигенціи, кое-что читающей и читающей, имѣющей довольно живое чувство собственнаго достоинства и не скрывающейся отъ болѣе темной и приниженой братіи. И кое-гдѣ уже проснулся духъ критика, возникаютъ горячіе споры, и люди, такъ долго жившіе по традиціи и поклонявшіеся «невѣдомому Богу», начинаютъ рассуждать о вѣрѣ, объ общихъ вопросахъ, о жизненныхъ явленіяхъ. Какъ будто посвѣтлѣе, какъ будто поживѣе стало въ деревнѣ» (стр. 119).

Эта, быть можетъ, нѣсколько радужная картина новой деревни, рисующаяся въ воображеніи г-жи Штевенъ, должна бы подчеркнуть ей полное единеніе идей и интересовъ нашей и нарождающейся деревенской интеллигенціи, единеніе при которомъ не можетъ быть и рѣчи о чьей-либо отвѣтственности или «винѣ». Потому что интеллигенція всегда народна. Ей нечего превозноситься, но незачѣмъ и преклоняться передъ народомъ, тѣмъ болѣе каяться за чужіе грѣхи. Быстрый и блестящій успѣхъ дѣятельности самой г-жи Штевенъ лучше всего свидѣтельствуетъ, что между интеллигенціей и народомъ нѣтъ роковой противоположности. Съ измѣненіемъ условій, при которыхъ приходится жить и работать интеллигенціи, исчезнетъ и послѣдняя тѣнь недовѣрія и непониманія, и тогда наступитъ моментъ, о которомъ мечтаетъ г-жа Штевенъ, когда «эти струйки живой воды, бѣгущія подъ снѣгомъ невѣжества и застоя, соединятся въ могучее, всеобъемлющее, неударжимое, какъ вешнія воды, теченіе».

Въ послѣднемъ очеркѣ «Лѣтнія занятія въ Яблонской школѣ въ 1894 году» г-жа Штевенъ описываетъ порядокъ и сущность занятій съ будущими учителями школъ грамотности. Не смотря на лѣтнее время, когда все подростяющее поколѣніе деревни на работѣ, успѣхъ курсовъ по числу учениковъ оказался поразительнымъ. За все время перебивало до 100 учениковъ, а курсы, начавшись при наличности всего только 20 учениковъ, черезъ недѣлю имѣли 30, а къ концу мѣсяца 50. Полный курсъ проходили не всѣ, но число подготовляющихся не падало за все лѣто ниже 20. Программа курсовъ была довольно обширна, что заставляло вести ученіе усиленнымъ темпомъ, но ученики не жаловались, и усердіе ихъ не ослабѣвало. «Какъ бы то ни было,—замѣчаетъ г-жа Штевенъ,—первый нашъ опытъ лѣтнихъ занятій съ окон-

чившими курсъ начальной школы учениками я считаю удачнымъ, такъ какъ вполне увѣрена, что наша молодежь не мало вынесла хорошаго изъ этихъ пяти мѣсяцевъ усерднаго ученія». Опытъ г-жи Штевенъ въ этомъ отношеніи крайне поучителенъ, показывая, какая жажда просвѣщенія таится въ народѣ, и какъ сравнительно легко могла бы она удовлетворяться. Такіе лѣтніе курсы для кончившихъ первоначальную школу, открытые въ значительномъ числѣ, при содѣйствіи земствъ и частныхъ лицъ, могли бы сразу поднять общій уровень знаній въ народѣ, а результаты такого подъема трудно даже предвидѣть. «Всякій проучившійся нѣсколько лишнихъ лѣтъ крестьянинъ будетъ во всѣхъ положеніяхъ полезенъ, такъ какъ онъ непременно внесетъ извѣстный излишекъ знанія и свѣта [въ темную и бѣдную свою среду], говоритъ г-жа Штевенъ въ заключеніе, съ чѣмъ, конечно, согласится всякій. И подумать только, что все это, въ сущности, такъ возможно и такъ нетрудно!..

Много другихъ не менѣе важныхъ вопросовъ возбуждаетъ книга г-жи Штевенъ, имѣющая несомнѣнно общественное значеніе. Въ своей бѣглой замѣткѣ мы могли, къ сожалѣнію, коснуться только немногаго, но и это немногое, какъ могутъ судить читатели, говоритъ достаточно, какой интересъ возбуждаютъ скромныя «Записки сельской учительницы».

А. Б.

НАДЕЖДА ВАСИЛЬЕВНА СТАСОВА.

(НЕКРОЛОГЪ).

27 сентября смерть неожиданно сразила Н. В. Стасову, энергичную поборницу женской самостоятельности и высшего женскаго образованія. Вся жизнь Н. В. являетъ яркій примѣръ неутомимой работы, и даже самая смерть ея какъ бы утрачиваетъ обычную печать разрушенія и несетъ въ себѣ задатки жизни и энергіи. Выполненіе же безмолвнаго, послѣдняго завѣта Н. В. — ввести «свѣта, больше свѣта и дѣятельной, сознательной и гордой любви» къ родинѣ—лежитъ прежде всего на тѣхъ сильныхъ знаніяхъ, которыя приобрѣли его благодаря ея стойкой дѣятельности на пользу высшаго женскаго образованія.

Будущій біографъ Н. В. постарается возстановить дорогой для насъ образъ ея во всей ея цѣльности и покажетъ, при какихъ обстоятельствахъ и подъ чѣмъ вліяніемъ сложился ея характеръ, какъ выработалось то стройное міросозерпаніе, которое руководило всѣми ея поступками—въ мою же задачу входитъ только представить краткій очеркъ ея жизни и описаніе общей скорби, которая такъ рельефно выразилась послѣ смерти и при погребеніи дорогаго піонера высшаго женскаго образованія.

Н. В. Стасова родилась въ Петербургѣ, 12-го іюня 1822 г., въ семьѣ художника и придворнаго архитектора Василя Петровича Стасова, и была крестницей императрицы Елизаветы Алексѣевны. Образованіе Н. В. получила домашнее и разностороннее,—она основательно владѣла четырьмя языками, прекрасно пѣла, знала музыку и занималась живописью. У братьевъ ея цѣлы семейные портреты, писанные Н. В-ной масляными красками, и нѣкоторыя другіе рисунки, свидѣтельствующіе о ея художественномъ вкусѣ. Ростомъ художественнаго развитія Н. В. всегда интересовалась и, съ особенной любовью, относилась къ родному русскому искусству; еще наканунѣ смерти своей ѣздила она посмотрѣть на новыя работы г-жи Бемъ и собиралась вскорѣ посѣтить Эрмитажъ, чтобъ ознакомиться съ вновь приобретенными имъ картинами. На развитіи любви ея къ искусству отразилось несомнѣнное вліяніе ея отца. Можно съ достовѣрностію предположить, что жизнь Н. В. въ семьѣ была счастлива, что она вынесла изъ нея много свѣта—

и тепла—объ отрадномъ чувствѣ увѣренности въ неизмѣнной, сильной любви и дружбѣ между всѣми членами ея семьи, Н. В. тепло сообщала близкимъ знакомымъ еще накануне своей смерти. Но въ чемъ состоялъ личный внутренній міръ Н. В. въ ея юные годы, что пережила и переживала Н. В., молодость которой прошла въ тотъ періодъ русской жизни, когда общественная мысль находилась въ состояніи почти непробуднаго сна, а женскій міръ былъ исключительно міромъ личнаго чувства и домашняго очага въ самомъ узкомъ значеніи этого слова? Литература была тогда достояніемъ избранныхъ и, среди нихъ, конечно, очень немногихъ женщинъ. На читающихъ женщинъ и особенно на знакомящихся съ произведеніями русской литературы смотрѣли тогда, какъ на зачумленныхъ. Н. В. рассказывала мнѣ, какъ ей и сестрѣ ея, заговорившимъ въ гостяхъ о «Мертвыхъ душахъ», пришлось вскорѣ остаться въ залѣ однѣмъ среди мужчинъ, потому что заботливыя маменьки увели своихъ дочерей изъ общества такихъ неприличныхъ барышень, которыя осмѣливались хвалить какого-то Гоголя. Кто же зажегъ внутренній огонекъ, кто помогъ выработать духъ спокойнаго анализа и любви къ истинѣ, кто направилъ стремленія Н. В. къ общественной дѣятельности, кто научилъ ее жить общественною жизнью, кто закалилъ ее непоколебимой эвергіей,— вотъ вопросы, на которые намъ не даютъ пока отвѣта всѣ отрывочные рассказы о жизни покойной. Въ 40-хъ годахъ, значитъ въ самые лучшие, молодые годы жизни Н. В., личное горе помрачило ея жизнь и довело до нервнаго расстройства. Не это-ли личное несчастіе открыло глаза Н. В. на ту великую и безконечную мировую скорбь, которою болѣла она потомъ до послѣдняго дня своей жизни? Въ 60-хъ годахъ мы застаемъ Н. В. уже на аренѣ общественной дѣятельности, занятую организаціей Общества дешевыхъ квартиръ; она участвовала въ устройствѣ воскресныхъ школъ, возникшихъ по идеѣ проф. Павлова, и организовала издательскія артели и общество переводчицъ, въ вторыхъ дѣятельной помощницей ея была П. С. Стасова. Позже, Н. В., вмѣстѣ съ другими дѣятельницами и дѣятелями, основала «Общество для пособія бѣднымъ женщинамъ», уставъ котораго утвержденъ въ сентябрѣ 1865 г. и, въ одномъ изъ отдѣловъ его, именно въ отдѣлѣ общественной нравственности, бывшемъ подъ предѣтельствомъ графини Ламбертъ, самоотверженно трудилась надъ тяжкимъ дѣломъ спасенія униженныхъ и оскорбленныхъ женщинъ. Неутомимо работала она и въ разныхъ другихъ отрасляхъ женскаго дѣла и скоро пришла къ убѣжденію въ необходимости расширить сферу женской дѣятельности,—отсюда ужъ ясный и логическій выводъ о необходимости для женщинъ высшаго образо-

ванія. Придя къ такому убѣжденію, Н. В. не останавилась передъ трудностью задачи и, вмѣстѣ съ другими лицами, стоявшими за допущеніе женщинъ въ университеты, смѣло принялась за ея осуществленіе. Такъ возникли «Владимірскіе университетскіе курсы», нашедшіе покровительство у Министра Народнаго Просвѣщенія и даже получившіе даровое помѣщеніе сначала въ зданіи Министерства Внутреннихъ Дѣлъ, а позже въ домѣ Владимірскаго уѣзднаго училища. Пробѣлы въ подготовкѣ женщинъ къ слушанію университетскихъ курсовъ вызвали къ жизни «Аларчинскіе курсы», въ дѣлѣ организаціи которыхъ участвовала также Н. В. Курсы эти должны были служить для пополненія пробѣловъ въ общемъ среднемъ образованіи женщинъ и, отслуживъ свою службу, съ открытіемъ гимназій, закрылись. «Владимірскіе курсы» въ 1878 г. возродились, при болѣе правильной, стройной программѣ, подъ именемъ «Бестужевскихъ». Въ дѣлѣ организаціи ихъ Н. В. играла крупную роль и сразу сдѣлалась главною распорядительницею курсовъ. Въ 80-хъ годахъ, когда вопросъ о существованіи курсовъ опять былъ поставленъ на очередь, и приѣмъ на курсы временно прекращенъ, Н. В., съ присущей ей энергіей, отстаивала ихъ и, при новой организаціи ихъ, вошла въ составъ Комитета Общества для доставленія средствъ высшимъ женскимъ курсамъ, въ которомъ и работала до послѣдняго дня своей жизни. Высшіе женскіе курсы были любимымъ дѣтищемъ Н. В., въ нихъ вложила она всю свою душу, работала для нихъ неустанно, съ глубокой вѣрою въ ихъ необходимость для русской женщины. Ея усиліями и при помощи другихъ энергичныхъ женщинъ, которыя и понынѣ неутомимо трудятся на пользу курсовъ, создано и упрочено матеріальное ихъ положеніе, появилось собственное помѣщеніе и, въ нынѣшнемъ году, общежитіе для слушательницъ, построенное на собственные средства курсовъ. Слушательницы курсовъ были Н. В. безконечно дороги, и онѣ хорошо сознавали это и охотно шли къ ней за нравственной и матеріальной поддержкой въ трудную минуту жизни. Въ 1889 г. Н. В. отдалась дѣлу служенія народу, устраивая ясли для дѣтей фабричныхъ женщинъ, воскресныя школы, и позже участвуя въ трудахъ Общества для содѣйствія сельскимъ школамъ. Она поддерживала связь съ окончившими курсъ слушательницами и основала вмѣстѣ съ ними Общество вспоможенія окончившимъ курсъ наукъ на С.-Петербургскихъ высшихъ женскихъ курсахъ. Съ какой любовью и неутомимою энергіей работала Н. В. для осуществленія этого дѣла, видно изъ тѣхъ прочувствованныхъ рѣчей, которыми почтили ея память, на засѣданіи 8 октября, бывшія воспитанницы курсовъ и сотрудницы ея по дѣлу Общества.

«Какой неисчерпаемый запас душевной бодрости, энергии и сочувствія къ людской бѣдѣ и горю и готовности облегчить его вносила Н. В., тому свидѣтельница мы», говорила г-жа Платонова. «Ни плохое здоровье, ни преклонный возрастъ, ни почти полная потеря зрѣнія—ничто не останавливало Н. В., когда нужно было похлопотать за кого-нибудь изъ нашихъ. Въ этомъ отношеніи она могла служить примѣромъ для всѣхъ насъ, болѣе молодыхъ и сильныхъ членовъ Общества: мы могли утомиться, полѣниться, Н. В.—никогда. Во всякую погоду, вечеромъ, иногда на другой конецъ города, являлась она въ собраніе Совѣта, и намъ часто жутко было смотрѣть, какъ она тихо и осторожно поднимается по лѣстницѣ или спускается, ногой ощупывая каждую ступеньку».

Такой же неутомимой дѣятельницей и исполнительницей принятой на себя обязанности была Н. В. и во всѣхъ другихъ обществахъ, въ которыхъ работала. Когда, въ мартѣ 1894 г., мнѣ выпала счастливая доля привлечь Н. В. къ участию въ «Русскомъ женскомъ Обществѣ», утвержденномъ 12 мая 1895 года подъ именемъ «Русскаго женскаго взаимно-благотворительнаго Общества»—она отвѣтила мнѣ немедленнымъ согласіемъ, говоря, что давно-давно мечтала о такомъ единеніи интеллигентныхъ женскихъ силъ. Ей подобала честь руководства въ нашемъ женскомъ Обществѣ, и вскорѣ она стала лучшимъ вдохновителемъ его и горячей защитницей его интересовъ, неизмѣнно участвуя въ трудахъ по выработкѣ устава и лично ходатайствуя о его утвержденіи. «Я чувствую, что это послѣдній уставъ, который мнѣ придется проводить», сказала Н. В. другой депутаткѣ, ѣхавшей вмѣстѣ съ нею представлять уставъ Общества г-ну Министру Внутреннихъ Дѣлъ—предчувствіе ея оправдалось. Заботы по дѣлу организациі женскаго Общества, по устройству при немъ помѣщенія, отнимали много времени у Н. В., неизмѣнно являвшейся на всѣ засѣданія Совѣта, пріѣзжавшей даже для этого съ дачи, изъ Царголова. Идеиная сторона Общества такъ захватывала ее, что она не уставала говорить о ней при каждой съ нами встрѣчѣ и, даже въ письмахъ своихъ, намѣчала тѣ вопросы, которые, по ея мнѣнію, слѣдовало бы отстаивать нашему женскому Обществу, которому отдавала она свои послѣднія, дряхлѣющія физическія силы и свой несокрушимый духъ.

21-го сентября я сопровождала Н. В. въ ея послѣднемъ посѣщеніи помѣщенія Общества—она желала видѣть, насколько продвинулась меблировка комнатъ и вообще выказала рѣдкую заботливость къ нуждамъ нашего «Ноще», близости открытія котораго искренно радовалась. Послѣдніе дни жизни Н. В. прошли въ томъ

же забвеніи собственнаго я, въ тѣхъ же заботахъ объ обществен-ныхъ дѣлахъ, при чемъ бодрость духа ея не допускала у окружающихъ ее мысли о скорой и вѣчной съ нею разлукѣ. Наканунѣ смерти Н. В., днемъ, какъ я уже говорила, посѣтила мастерскую г-жи Бемъ, ѣздила въ Торговую улицу, на засѣданіе Совѣта Общества вспоможенія окончившимъ курсы, вечеромъ, по обыкновенію, слушала чтеніе, а 27-го сентября, бодрая и веселая отправилась на условленное свиданіе съ одной знакомой, въ домъ Мурузи, откуда должна была ѣхать съ нею на курсы, чтобы узнать: можно ли будетъ получить залу ихъ для общаго собранія Общества вспоможенія бывшимъ слушательницамъ курсовъ, назначеннаго ею на 8-е октября. Не дойдя до квартиры знакомой, Н. В. почувствовала себя дурно и, неузнанная швейцаромъ, была отправлена въ Маріинскую больницу, гдѣ и скончалась.

Давно объявленіе въ траурной каемочкѣ не вызывало такого взрыва общей, неподдѣльной скорби, какой произвело коротенькое извѣщеніе отъ 28-го сентября о скоропостижной смерти Н. В. Стасовой въ Маріинской больницѣ. Въ квартирѣ ея, куда перевезли покойную, весь день до глубокой ночи смѣнялись посѣтители и особенно посѣтительницы, приходившіе поклониться дорогой усопшей. У гроба Н. В., убраннаго вѣнками, гирляндами и оукетами изъ бѣлыхъ лилій и другихъ, по преимуществу бѣлыхъ цвѣтовъ, устроены были дежурства днемъ и ночью изъ слушательницъ курсовъ, бывшихъ курсистокъ и членовъ Совѣта русскаго женскаго взаимно благотворительнаго Общества. Вѣнковъ было множество отъ всѣхъ Обществъ, въ которыхъ покойная трудилась, отъ родныхъ и знакомыхъ, но самымъ лучшимъ вѣнкомъ были—та искренняя печаль, которая видѣлась на лицахъ всѣхъ, окружавшихъ гробъ покойницы, и та скорбная энергія, которою свѣтились молодые лица курсистокъ, какъ бы говорившая о рѣшимости ихъ принять на себя выполнение «послѣдняго, безмолвнаго завѣта» поборницы высшаго женскаго образованія.

Послѣ отпѣванія въ церкви Св. Духа въ Александро-Невской лаврѣ, гробъ Н. В. былъ вынесенъ слушательницами курсовъ и опущенъ въ могилу на Тихвинскомъ кладбищѣ Лавры, рядомъ съ могилой ея отца.

Могилу засыпали землей, убрали крестъ и холмъ вѣнками, и стали расходиться по домамъ, мысленно осыпая дорожку могилу иными цвѣтами—пожеланіями, чтобы духъ Надежды Васильевны зажегъ сердца оставшихся священнымъ огнемъ любви, которымъ всю жизнь горѣло ея сердце.

Е. Гарднеръ.

РАЗНЫЯ РАЗНОСТИ.

На родинѣ.

Общедоступные литературные вечера въ Одессѣ. Въ недавно вышедшей брошюрѣ проф. Кирпичникова подъ вышеприведеннымъ заглавіемъ мы находимъ интересныя подробности объ организациі общедоступныхъ литературныхъ вечеровъ въ Одессѣ. Извѣстно, что къ публичному чтенію въ народныхъ аудиторіяхъ допускается лишь очень ограниченное количество книгъ. Вслѣдствіе этого, въ аудиторіяхъ большихъ городовъ, также какъ и на фабрикахъ и заводахъ, посѣтителямъ часто приходится по нѣскольку разъ слушать одно и то же чтеніе, такъ какъ новый матеріалъ накопляется очень медленно, а старый скоро исчерпывается. Такое повтореніе, конечно, чрезвычайно тормозитъ развитіе народныхъ чтеній. Объ этомъ обстоятельствѣ говорить и пр. Кирпичниковъ въ своей брошюрѣ: «количество одобренныхъ чтеній для народныхъ аудиторій, какъ извѣстно,—говоритъ онъ,—очень ограничено, и на 3-й—4-й годъ послѣ открытія чтеній въ Одессѣ зачастую приходится повторять одно и то же. Нельзя было не замѣтить, что извѣстное любимое чтеніе даже при любящемъ аудиторіей чтеніи, повторяясь въ одинъ и тотъ же сезонъ 2—3 раза, если и собирало по-прежнему слушателей, то слушатели эти—контингентъ ихъ приблизительно былъ одинъ

и тотъ же—относились къ читаемому делу не съ такимъ вниманіемъ, какъ въ первый разъ, и, казалось, недалеко то время, когда аудиторія, вслѣдствіе постоянныхъ повтореній одного и того же лишится именно наиболѣе интересующихся и подготовленныхъ своихъ посѣтителей». Изъ этого затрудненія славянское благотворительное Общество, устраивающее эти чтенія, вышло такимъ образомъ. Оно, наряду съ обычными публичными чтеніями для народа, предприняло въ 1887 году устройство общедоступныхъ литературныхъ вечеровъ.

Литературные вечера въ Одессѣ—платные, отъ 10 коп. и выше, причѣмъ три четверти всѣхъ мѣсть слѣваны 10-копѣчными. Лекторами преимущественно явились преподаватели университета и гимназій. Въ программу вечеровъ внесены были почти всѣ русскіе классики, нѣкоторые изъ иностранныхъ (Сервантесъ, Шекспиръ, Гёте, Шиллеръ, Диккенсъ) и всѣ хрестоматіи. въ томъ числѣ и сборники Гербеля. Было испрошено у начальства дозволеніе дѣлать небольшія вступленія и объясненія въ виду сравнительно низкаго развитія большинства публики, сообщать вкратцѣ содержаніе цѣлаго произведенія, изъ котораго читается отрывокъ, и пр. Въ составленіи программы на каждый вечеръ руководились желаніемъ дать ма

*

териаль поразнообразнѣе; въ каждомъ отдѣленіи,—ихъ обыкновенно бывало 2 съ антрактомъ въ 10 минутъ,—была и проза, и стихи, и серьезное, и веселое чтеніе (роль послѣдняго въ этомъ году въ большинствѣ вечеровъ играли отдѣльныя главы «Мертвыхъ душъ» и повѣсти Гоголя). Съ перваго же раза нашлись охотники разнообразію вечера музыкой; явились солисты на скрипкѣ, фортепіано, даже на цитрѣ, иногда составляли небольшіе квартеты, изрѣдка выступали начинающіе пѣвцы и пѣвицы; наконецъ, составилъ небольшой хоръ преимущественно изъ студентовъ.

Проф. Кирпичниковъ слѣдующимъ образомъ описываетъ эти вечера: «Представьте себѣ» говоритъ онъ, «невысокій хлѣбный амбаръ, построенный, разумѣется, безъ оконъ, изъ мѣстнаго мягкаго камня, шаговъ въ 50 длины и шаговъ въ 15 ширины. Онъ неблестяще освѣщенъ двумя газовыми рожками и полудюжиной плохихъ керосиновыхъ лампочекъ. Въ глубинѣ его стоитъ небольшая эстрада для фортепіано и хора и высокая кафедра, освѣщенная особой газовой лампочкой для чтеца. Затѣмъ непосредственно помѣщаются 2—3 ряда стульевъ, а потомъ скамейки, возвышающіяся амфитеатромъ вплоть до выходной двери. Такъ какъ при аудиторіи нѣтъ помѣщенія для верхняго платья, то въ день вечеровъ она не топится, и въ началѣ вечера всѣ сидятъ въ пальто и шубахъ; но черезъ часъ—полтора залу такъ надыхать, что всѣ начинаютъ разоблачаться и укладывать платье полъ себя и за собою, какъ умѣютъ; только снимать калошъ никто не рѣшался, такъ какъ полъ всегда оставался холоднымъ, хотя къ концу вечера иногда начинало капать съ потолка и стѣнъ. Не смотря на такую неприглядную обстановку, первые дорогіе ряды большею частью были заняты публикой очень интеллигентной; если среди статскихъ и студен-

ческихъ пальто здѣсь оказывалась чуйка, это означало, что ея владѣлецъ опоздалъ взять болѣе дешевой билетъ, а присутствовать на вечерѣ желать во что бы то ни стало: первые 5—6 вечеровъ были всегда биткомъ набиты, а Пушкинскій вечеръ 1887 г., состоявшій изъ чтенія пьесы Жуковского, ряда пьесъ и отрывковъ и музыкальныхъ пьесъ изъ «Русалана» и «Русалки», пришлось повторить по настойчивому желанію публики. Огромное большинство мѣстъ было 10 коп.; около половины ихъ были заняты обычной публикой нашихъ народныхъ чтеній: мастеровыми и мастерицами, мелкими торговцами и приказчиками, прислужой, учениками и ученицами народныхъ школъ и пр.; бывали и достаточные крестьяне, но едва ли въ большемъ числѣ; другую половину, собственно вечеровую, составляли гимназисты, реалисты, гимназистки и просто небогатая молодежь обоего пола; въ 20—30 коп. мѣстахъ встрѣчались цѣлыя семьи евреевъ и русскихъ. Наиболѣе серьезную часть публики составляли взрослые мѣщане; болѣе шумную и взыскательную—ученики народныхъ школъ и подмастерья. Публика въ общемъ была чрезвычайно благодарная и впечатлительная, хотя свободная и откровенная; если чтець недостаточно повышалъ голосъ,—акустическія условія залы были изъ рукъ вонъ плохи,—съ заднихъ рядовъ раздавались возгласы: *громче! не слышно!* Всякая остроумная фраза, напр. изъ Гоголя, вызывала такой неудержимый смѣхъ, что имъ заражались и первые ряды, а иногда и самъ чтець; письмо Жуковского о послѣднихъ минутахъ Пушкина у многихъ вызывало слезы; во время чтенія даже очень извѣстныхъ ученикамъ пьесъ всѣ 700 человекъ слушали въ глубокомъ молчаніи, не перешептываясь, и всякаго сносного исполнителя награждали дружными аплодисментами; музыкальные

№№ всё безъ исключенія принимались съ глубокой благодарностью».

Выборъ произведеній для этихъ вечеровъ очень обширенъ, сравнительно съ репертуаромъ народныхъ чтеній. Попечитель Одесскаго учебнаго округа разрѣшилъ для нихъ слѣдующія сочиненія: всё сочиненія Пушкина, Гоголя, Лермонтова, Л. Толстого, Шиллера, Шекспира, Гёте и мн. др. русскихъ и иностранныхъ классиковъ. Разрѣшены, кромѣ того, многія изъ отдѣльныхъ произведеній Достоевскаго, Некрасова, Салтыкова, Гл. Успенскаго, Надсона, Чехова. Читаются также на вечерахъ и популярныя лекціи по научнымъ вопросамъ.

Крестьянское хозяйство въ Полтавской губ. Въ настоящее время постоянно приходится слышать о переживаемомъ Россією сельско хозяйственномъ кризисѣ, который вызывается крайне низкими цѣнами на хлѣбъ. Низкія цѣны невыгодны, главнымъ образомъ для помѣщиковъ и частныхъ хозяевъ, продающихъ хлѣбъ. Крестьянамъ же производаимаго ими хлѣба еле хватаетъ для собственнаго употребленія и имъ, въ большинствѣ случаевъ, приходится еще покупать хлѣбъ со стороны. Поэтому, для нихъ низкія цѣны выгодны. Но это справедливо только относительно нечерноземныхъ губерній; въ черноземныхъ же губерніяхъ, гдѣ крестьянамъ тоже приходится продавать хлѣбъ, паденіе хлѣбныхъ цѣнъ тяжело ложится и на крестьянское хозяйство. Бѣвская газета «Жизнь и искусство», пользуясь «Обзоромъ сельскаго хозяйства Полтавской губ. за 1894 г.» (изданнымъ статистическимъ бюро при полтавскомъ губернскомъ земствѣ), сообщаетъ слѣдующія свѣдѣнія о положеніи сельскаго хозяйства въ губерніи. Крестьянское хозяйство въ Полтавской губерніи, обезземленное бѣдственнымъ 1892 годомъ, до сихъ поръ не можетъ поправиться, именно бла-

годаря низкимъ цѣнамъ на хлѣбъ. «Крайне низкія цѣны на хлѣбъ,—говорится въ «Обзорѣ»,—при относительно высокиихъ цѣнахъ на всё остальные необходимые предметы потребленія, а также и при высокомъ обложеніи крестьянскихъ земель налогами, положительно парализуютъ вліяніе хорошаго урожая обзорѣмаго года». Насколько высоки цѣны на предметы необходимаго потребленія въ крестьянскомъ хозяйствѣ сравнительно съ цѣнами на хлѣбъ, можно судить по сообщенію корреспондента изъ Сенчанской волости, Лубенскаго уѣзда, гдѣ за одну пару сапогъ нужно было отдавать до 20 пудовъ хлѣба. Что же касается уплаты податей и разныхъ недоимокъ, накопившихся на крестьянахъ, то при цѣнахъ на хлѣбъ, существовавшихъ въ прошломъ году, она ложилась тяжелымъ бременемъ на истощенныя уже хозяйства. «Сами крестьяне говорятъ,—какъ сообщаетъ корреспондентъ изъ Песчанской волости, Полтавскаго уѣзда,—что прежде, бывало, отвезъ мѣшокъ пшеницы въ городъ и этимъ подати уплатилъ, а теперь нужно везти 3 мѣшка, а съ ячменемъ и не показывайся на базарь». По показанію корреспондента изъ Матяшовской волости, Лубенскаго уѣзда, «въ настоящее время, чтобы выручить 5 руб., необходимо свезти на базаръ 15 пудовъ пшеницы; глядя уже и въ закрому мало остается, волей-неволей приходится продать хорошую скотину, а себѣ купить худшую, лишь бы хватило денегъ на уплату повинностей». Между прочимъ, энергичное взысканіе въ прошломъ году хлѣбныхъ ссудъ, забранныхъ, главнымъ образомъ, въ неурожайномъ 1892 г., служило также однимъ изъ сильныхъ препятствій поправленію разстройство въ хозяйствѣ. «Возвращеніе хлѣбныхъ ссудъ, взыскиваемыхъ сразу,—пишетъ корреспондентъ изъ Блотницкой волости, Прилукскаго уѣзда,—ложится тяжелымъ ярмомъ на

крестьянскія хозяйства: если бы возвратъ этихъ ссудъ можно было разложить лѣтъ на пять, по частямъ, тогда это не было бы такъ тягостно. Особенно тяжело отдача ссудъ ложится на малосостоятельныхъ крестьянъ, которые поневолѣ должны будутъ продать послѣднюю скотину или заложить послѣдній свой участокъ для возвращенія ссуды». То же говорятъ и многіе другіе корреспонденты. Крайняя дешевизна хлѣба и часто полное отсутствіе спроса на него ставили крестьянъ не разъ въ безвыходное положеніе. Корреспондентъ Петровской волости, Миргородскаго уѣзда, пишетъ: «Хлѣбъ и другіе продукты не проданы, спроса ни на что никакого. Это очень вредно отзывается на хозяйствѣ, потому что денегъ нѣтъ и взять неоткуда; продать можно только или рогатую скотину, или лошадь, но это для себя необходимо, а излишковъ въ скотѣ нѣтъ, потому что безкормица 1892 года все забрала». Крестьяне поступали въ такихъ случаяхъ, по сообщеніямъ многихъ корреспондентовъ, слѣдующимъ образомъ: «продавали на ярмаркахъ хорошую и болѣе дорогую скотину, а себѣ приобретали тутъ же болѣе дешевой молодой скотъ или лошадей подешевле, лишь бы годились для работы». Судя по сообщеніямъ, «весьма многіе крестьяне принуждены были такимъ путемъ изыскивать себѣ средства какъ для уплаты требуемыхъ повинностей, такъ и для удовлетворенія другихъ насущныхъ потребностей». Такимъ образомъ, низкія цѣны на хлѣбъ отзываются губительно не только на частновладѣльческихъ хозяйствахъ, но и на крестьянскихъ. Но для крестьянъ вліяніе хлѣбныхъ цѣнъ неблагоприятно главнымъ образомъ потому, что оно проявляется въ связи съ дѣйствіемъ другихъ причинъ, каковы малоземелье, недостатокъ скота, необходимость брать землю въ наемъ, что совсѣмъ невыгодно при низкихъ цѣнахъ на хлѣбъ,

дорогіе отработки за взятую на сторонѣ землю подъ выпасъ скота, подъ пашню и т. п. Къ этимъ причинамъ, по мнѣнію кievской газеты, присоединяется также отсутствіе правильно организованнаго и дешеваго кредита и высокія подати, тяжелымъ бременемъ ложащіяся на крестьянское населеніе.

Ткацкое кустарное производство въ Черниговской губ. Кустарные промыслы въ Черниговской губерніи начинаютъ теперь обращать на себя вниманіе земства, которое предпринимаетъ рядъ мѣръ для поддержанія ихъ.

Изъ числа многихъ промысловъ, развитыхъ въ губерніи, губернская управа пока остановилась на слѣдующихъ: на гончарствѣ (изготовленіи глиняной посуды), ткацествѣ, плетеніи издѣлій изъ лозы, изготовленіи дешевыхъ сельскохозяйственныхъ орудій и на кожевничествѣ.

Разсмотримъ пока, что сдѣлано земствомъ для поддержанія ткацкаго кустарнаго промысла. По словамъ газеты «Жизнь и Искусство», мысль о необходимости поднять технику крестьянскаго ткацкаго промысла введеніемъ усовершенствованныхъ станковъ-самолетовъ, была подана земству г-жею Доливо-Добровольскою, командированною Министерствомъ Земледѣлія для изслѣдованія положенія кустарныхъ промысловъ. Управа собрала ткачей изъ наиболѣе развитыхъ ткацкихъ районовъ—Олишевки, Березны, Кролевца, Беркiевки, Седнева и другихъ мѣстъ для обученія работѣ на самолетахъ. Ткачи быстро поняли и усвоили себѣ все важнѣйшее, однако, самолетовъ не захотѣли у себя ввести, ссылаясь на то, что грубая и неровно спряденная крестьянская пряжа плохо идетъ на металлической сѣткѣ самолета. Только когда губернская управа пригласила бывшаго народнаго учителя Н. А. Голосова, уже раньше изучившаго всѣ приемы про-

стого крестьянского ткачества, а затѣмъ изучившаго, по порученію губернской управы, и всѣ усовершенствованные приемы въ районах наибольшаго развитія московскаго, ярославскаго и костромскаго ткачества, и когда г. Голосовъ, объѣздивъ весь югъ и средину губерніи, выяснилъ себѣ всю обстановку и нужды мѣстнаго кустарнаго ткачества, ему удалось убѣдить ткачей, что самолетъ отчасти удобенъ и для крестьянской пряжи, и склонить ихъ къ устройству у себя самолетовъ для самостоятельной переработки тонкой фабричной пряжи какъ для рынка, такъ и по заказамъ разныхъ учрежденій (преимущественно земскихъ и другихъ благотворительныхъ заведеній, въ которыхъ ежегодно требуются десятки тысячъ аршинъ полотна и другихъ тканей). Этимъ совѣтомъ г. Голосовъ какъ бы создавалъ для ткачей новые пункты сбыта: раньше ткачи брали отъ бабъ сдѣланную ими собственноручно пряжу и ткали изъ нея ткани по указаннымъ бабами узорамъ; когда у бабъ не оставалось пряжи, прекращались и работы ткачей,—на лѣто они должны были уходить на полевые работы. Съ разрѣшенія управы, г. Голосовъ рекомендовалъ ткачамъ получать при посредствѣ губернскаго земства фабричную пряжу и готовить изъ нея издѣлія на самолетахъ для самостоятельной продажи. Кое-гдѣ совѣты эти уже принимаются ткачами. Группа олишевскихъ ткачей, при содѣйствіи мѣстной народной учительницы Е. А. Слѣпужиной и г-на Голосова, составили ткацкую артель, или товарищество, которое получаетъ ссуду отъ земства, при круговой порукѣ. Въ составъ артели входятъ пока около 20-ти ткачей, лучшихъ и наиболѣе зажиточныхъ мастеровъ Олишевки. Артель беретъ отъ губ. земства сначала небольшую партію фабричной пряжи, выписанной изъ московскихъ

фабрикъ, всего рублей на 200—250. Деньги за нее они обязываются уплатить въ 1 срока, сообразно срокамъ мѣстныхъ ярмарокъ, на которыхъ они предполагаютъ продавать наготовленные изъ пряжи издѣлія (холсты, скатерти и т. п.). Пряжу при полученіи они дѣлятъ между собою сами. Взаимный контроль исключаетъ возможность скопленія пряжи (т. е. земскаго кредита) въ однѣхъ рукахъ въ ущербъ другимъ. Въ случаѣ, если бы наготовленные издѣлія не нашли себѣ сейчасъ сбыта на мѣстныхъ ярмаркахъ, ткачи предполагаютъ организовать продажу тканей въ развозъ черезъ особо уполномоченныхъ для этого членовъ артели, которые получаютъ средство возить ткани на ближайшіе пункты сбыта. Олишевскіе ткачи хорошіе мастера и знатоки своего дѣла, и есть основаніе думать, что губ. управа и разныя благотворительныя учрежденія г. Чернигова, Козельца, Остра и друг. будутъ закупать у нихъ много холста для своихъ ежегодныхъ потребностей. Въ прошедшемъ году въ губернскую больницу было доставлено нѣсколько сотъ аршинъ крестьянскихъ полотня олишевскихъ (изъ выписной пряжи); полотна были приняты и оказались нисколько не хуже и не дороже, а даже нѣкоторые сорта значительно дешевле, чѣмъ лавочные холсты сидоровской мануфактуры. Прибыли и убытки будутъ распределяться между участниками подъ общимъ контролемъ. Если бы удалось вездѣ устроить подобныя же кустарныя артели, то этимъ была бы оказана значительная помощь кустарямъ, которые не могутъ вести дѣло въ одиночку, такъ какъ имъ неоткуда достать кредитъ. «Жизнь и Искусство» справедливо замѣчаетъ, что только развитіе артельного духа въ средѣ нашихъ кустарей можетъ спасти ихъ отъ медленнаго, но неумолимаго поглощенія капиталистической организаціей. Если

земство въ своихъ попыткахъ будетъ поддержано центральной властью, оно будетъ въ состояніи развить громадную силу сопротивленія капитализму. А поддержка центральной власти на первыхъ порахъ могла бы выразиться хотя бы и въ двухъ важнѣйшихъ видахъ: во-первыхъ, въ предоставленіи земскимъ учрежденіямъ самаго широкаго кредита для доставленія ими, въ свою очередь, такого кредита кустарямъ; во-вторыхъ, въ освобожденіи кустарныхъ артелей, какъ предприятий кооперативныхъ, отъ разныхъ стѣснительныхъ формальностей, и отъ тяжелыхъ приплатъ въ казну, которыми онѣ подвергаются наравнѣ съ чисто-коммерческими предприятиями. Въ настоящее время упомянутый выше земскій агентъ г. Голосовъ оказываетъ содѣйствіе кустарямъ въ Крелевцѣ, довольно крупномъ центрѣ кустарнаго ткачества. «Въ Крелевцѣ также очень много ткачей, — насчитываютъ до 1.000 ткацкихъ станковъ, но ихъ, вѣроятно, еще больше. Крелевчане давно славятся своими рушниками, и въ послѣднее время слава эта разошлась далеко — до бельгійской, парижской и чикагской выставокъ включительно. Это дѣло рукъ, главнымъ образомъ, мѣстнаго крупнаго скупщика и работодателя И. Е. Рындина, который завелъ агентуру по продажѣ крелевецкихъ тканей во всѣхъ главнѣйшихъ городахъ Россіи, на всѣхъ ярмаркахъ и на важнѣйшихъ даже всемирныхъ выставкахъ. Кромѣ г. Рындина, еще цѣлый рядъ болѣе или менѣе мелкихъ предпринимателей кормится около крелевецкаго рушника. Всѣ они сильно капитализировали кустарный промыселъ, разъединили кустаря съ рынкомъ сбыта и поработили его выдачею сырья для переработки, такъ какъ переработавшій сырье ткачъ, принося готовыхъ издѣлій, получаетъ отъ предпринимателя ничтожные гроши за трудъ, а продать на сторону не можетъ и не

имѣеть свободнаго рынка. Предприниматель же расплачивается съ ткачемъ, смотря по рыночному спросу, причѣмъ, разумѣется, старается застраховать себя отъ убытковъ не только въ настоящемъ, но и въ возможномъ будущемъ. Когда отдѣльные кустари выражаютъ желаніе самостоятельно готовить издѣлія и продавать ихъ, предприниматели или вовсе не отпускаютъ имъ матеріала изъ своихъ складовъ, или отпускаютъ по слишкомъ дорогой цѣнѣ — съ прибылью, этакъ около 100 на 100. Подъ влияніемъ конкуренціи между отдѣльными предпринимателями и стремленія ихъ къ быстрой наживѣ кустари заботятся, главнымъ образомъ, о количествѣ издѣлій, а не о качествахъ ихъ, почему самая техника промысла замѣтно падаетъ, въ работахъ замѣчается спѣшность и недобросовѣтность. Однимъ словомъ, получается полная картина хищническаго хозяйства».

Понятно, что появленіе земскаго агента въ этомъ царствѣ скупщиковъ-капиталистовъ произвело страшное смѣтеніе. Ожесточеніе скупщиковъ противъ г. Голосова дошло до того, что они собираются подавать жалобы губернатору и Министру Финансовъ на то, что г. Голосовъ, по ихъ словамъ, лишаетъ ихъ куска хлѣба. Прежде всего г. Голосовъ обратилъ вниманіе на дешевую поставку пряжи для всѣхъ желающихъ ткачей. Для начала операціи губернская управа отпустила въ распоряженіе Голосова до 4.000 р. оборотнаго капитала, обѣщавъ ему, въ случаѣ надобности и при правильной постановкѣ дѣла, увеличить этотъ оборотный капиталъ до значительно большей суммы. Г. Голосовъ выписалъ уже нѣсколько сотъ пудовъ пряжи и продаетъ ее (частью же отпускаетъ въ кредитъ), надбавляя лишь 5 проц. къ фабричной цѣнѣ для покрытія расходовъ по складу. Результатомъ двухмѣсячной дѣятельности крелевецкаго сырьевого склада г. Го-

лосова было, во-1-хъ, то, что въ складѣ теперь нѣтъ отбою отъ покупателей пряжи, а во-2-хъ, то, что мѣстные скупщики уже и сами сильно понизили цѣну пряжи въ своихъ складахъ. Кромѣ этого, г. Голосовъ постепенно пытается установить посредничество между кустарями и рынкомъ. Съ этою цѣлью онъ завязалъ сношенія съ кустарными музеями Министерства Земледѣлія, московскаго земства и комитета, состоящаго подъ покровительствомъ Великой Княгини Елизаветы Теодоровны въ Москвѣ, а также и съ нѣкоторыми крупными провинціальными магазинами, и доставляетъ, по ихъ заказамъ, работы кустарямъ. Съ тою же цѣлью онъ ѣздитъ по ярмаркамъ ближайшихъ губерній, развозитъ и распродаетъ на нихъ взятые отъ кустарей издѣлія и присматривается къ условіямъ и особенностямъ рынковъ. Въ это лѣто уже на многихъ ярмаркахъ видѣлась вывѣска земскаго кролевцекаго склада, и бабы-покупательницы уже не мало успѣли надивиться «паву въ брили», никакъ не хотѣвшему сбросить ни одной копѣйки съ обтяженныхъ цѣвъ издѣліямъ, въ противность всѣмъ торговымъ обычаямъ нашей мѣстной запрашивающей купли-продажи. Разуется, эта часть операций земскаго склада ведется очень осторожно и въ скромныхъ размѣрахъ, такъ какъ всякая торговля и сама по себѣ дѣло рискованное. Хозяевами рынка все еще остаются предприниматели-скупщики, земскій же складъ пока только завоевываетъ себѣ скромное мѣсто на рынкѣ. Впрочемъ, у него уже имѣются кое-какіе козыри въ рукахъ: это, во-1-хъ, доброкачественность издѣлій (земскій складъ очень зорко слѣдитъ за своей репутаціей въ этомъ отношеніи), а во-2-хъ, сравнительная дешевизна издѣлій, такъ какъ складъ за предпринимательскими барышами не гонится. Кролевцкій складъ въ концѣ концовъ имѣетъ въ

виду образованіе большой ткацкой артели, которая, изучивъ рынки сбыта, могла бы развить свои операци не хуже теперешнихъ операций Рындина и комп., оставивъ для себя весь предпринимательскій барышъ.

Земскія читальни для народа.
Вопросъ о читальняхъ и библиотечкахъ для народа до самаго послѣдняго времени оставался почти незатронутымъ. Для народной школы дѣлалось сравнительно довольно много, но забота о внѣшкольномъ образованіи народа почти совсѣмъ отсутствовала. Къ началу 1895 г. въ Россіи было не болѣе 40 народныхъ библиотекъ и читаленъ. Теперь же это дѣло быстро подвинулось впередъ, благодаря С.-Петербургскому Комитету грамотности, по инициативѣ котораго въ прошломъ году была открыта подписка для устройства 100 народныхъ читаленъ при содѣйствіи земствъ. Для этой цѣли нужно было собрать 25.000 р. Не прошло еще года со времени открытія подписки, а въ настоящее время собрано уже болѣе 30.000 р. Комитетъ со своей стороны обратился къ земствамъ съ предложеніемъ снабдить книгами 100 вновь открывающихся бесплатныхъ народныхъ библиотекъ, если земства съ своей стороны обезпечатъ эти библиотеки помѣщеніемъ и средствами для дальнѣйшаго ихъ существованія. Предложеніе Комитета явилось тѣмъ толчкомъ, который вызвалъ общую крупную работу земствъ по внѣклассному образованію. Предложеніе это обсуждалось почти всѣми губернскими и уѣздными земскими собраниями и около 200 изъ нихъ откликнулось на призывъ Комитета съ полнымъ сочувствіемъ, сознавая, что широкое распространеніе знаній путемъ книги въ народной средѣ есть не только гарантія общественнаго развитія, но и главный залогъ экономическаго прогресса. Изъ свѣдѣній,

доставленныхъ Комитету грамотности, видно, что въ цѣломъ рядѣ уѣздовъ земскія собранія 1894 года не ограничились основаніемъ одной-двухъ библиотекъ, но положили прочное начало правильной ихъ организаціи. Типичнѣйшими изъ этихъ земствъ являются:

Шадринское, Пермской губ., открыло три бесплатныя народныя библиотеки и ассигновало на содержаніе каждой изъ нихъ по 190 руб.; Днѣпровское, Таврической губ., основало 5 библиотекъ и ассигновало на нихъ 2.500 р.; Мариупольское, Екатеринославской губ., намѣтило слѣдующую организацію народныхъ читаленъ: мѣстное сельское общество обязывается приговоромъ отвести для читальни удобное помѣщеніе съ отопленіемъ, освѣщеніемъ и со сторожемъ, земство же приглашаетъ за особое вознагражденіе завѣдующаго читальней и снабжаетъ читальню книгами и мебелью; въ распоряженіе Мариупольской управы на выполненіе этого дѣла ассигнована тысяча рублей; мелитопольское, Таврической губерніи, рѣшило открыть библиотеки во всѣхъ селахъ уѣзда и ассигновало на это 10.000 руб., рекомендовало для помѣщенія библиотекъ зданія волостныхъ правленій и ссудо-сберегательныхъ товариществъ; Уржумское, Вятской губерніи, ассигновало на развитіе библиотечнаго дѣла въ распоряженіе управы 2.400 руб., управа же рѣшила отпускать на каждую библиотеку по 60 руб. на наемъ помѣщенія и по 180 руб. на жалованье бібліотекаря; александровское ассигновало на ежегодное содержаніе библиотекъ по 350 руб. на каждую; чернское, Тульской губ., ассигновало на содержаніе библиотекъ по 350 р. въ годъ и, кромѣ того, отпустило 500 руб. на постройку особаго зданія для библиотекъ и т. д.

Подобныя же постановленія сдѣлали около 200 земствъ. Такимъ образомъ, ничтожная сравнительно сумма въ

250 р., жертвуемая Комитетомъ для каждой читальни, послужила толчкомъ, заставившимъ земства затратить многія тысячи рублей на дѣло распространенія внѣшкольнаго образованія въ народѣ. Роль Комитета не ограничилась только сборомъ средствъ и составленіемъ библиотекъ. Совѣтъ Комитета собралъ и издалъ узаконенія о бесплатныхъ народныхъ библиотекѣхъ, составилъ примѣрные ихъ уставы и, наконецъ, составилъ изъ одобренныхъ Ученымъ Комитетомъ книгъ примѣрный списокъ ихъ для бесплатныхъ библиотекъ и читаленъ на разныя суммы. причемъ на первомъ планѣ поставилъ выдающіяся произведенія русской литературы. Эти изданія бесплатно разосланы земствамъ, многія изъ которыхъ до сихъ поръ не были знакомы съ дѣйствующими узаконеніями о бесплатныхъ библиотекѣхъ. Примѣрный же списокъ книгъ, одобренныхъ для библиотекъ и читаленъ, является первымъ въ своемъ родѣ изданіемъ.

Комитетъ грамотности, снабдивъ 100 бесплатныхъ библиотекъ книгами общей стоимостью въ 250 руб. (для большей половины книги уже закуплены), не прекратилъ свою дѣятельность въ этомъ отношеніи. Въ октябрьскомъ засѣданіи, какъ сообщается «Новое Время», было постановлено: во-первыхъ, учредить при Комитетѣ фондъ на устройство бесплатныхъ библиотекъ и зачислить въ этотъ фондъ всѣ неизрасходованныя еще суммы, поступившія по подпискѣ на учрежденіе ста народныхъ библиотекъ, равно какъ и всѣ будущія поступленія на этотъ предметъ; во-вторыхъ, ассигновать изъ этого фонда не менѣе 50-ти комплектовъ книгъ, стоимостью каждый не менѣе 250 руб., для бесплатнаго снабженія ими первыхъ и лучше обставленныхъ бесплатныхъ народныхъ библиотекъ, учреждаемыхъ городами и посадами. въ-третьихъ, организовать при Коми-

тетъ ежегодную закупку книжныхъ комплектовъ для библиотекъ, чтобы отпускать ихъ всё заказчикамъ по заготовочной цѣнѣ, и, въ-четвертыхъ, учредить при Комитетѣ постоянную комиссію по устройству бесплатныхъ библиотекъ.

Церковно-приходскія школы въ Оренбургской губерніи. Отчетъ епархіальнаго училищнаго Совѣта оренбургской епархіи сообщаетъ слѣдующія любопытныя данныя о церковно-школьномъ дѣлѣ въ Оренбургской губ. за 1892—1893 учебный годъ. «Въ отчетномъ году обучалось дѣтей въ 249 школахъ—9.148 обоего пола (7.271 мал. и 1.887 дѣв.). Израсходовано всего Совѣтомъ 18.081 р. 1 коп. Число приходоу, неимѣющихъ церк.-приходскихъ школъ и школъ грамоты, по отчету достигаетъ до 200. Отсутствіе школъ во многихъ приходахъ объясняется объѣднѣніемъ населенія и отсутствіемъ усердія въ мѣстномъ клирѣ къ школьному дѣлу (6 стр.). Отношеніе самого духовенства къ устройству школъ и обученію въ нихъ представляется въ такомъ видѣ: «не смотря на неоднократныя просьбы Совѣта и въ настоящій отчетный годъ, какъ и въ прошлые годы, отдѣленія Совѣта, за исключеніемъ Челябинскаго, не представили свѣдѣній о томъ, въ какихъ приходахъ вовсе нѣтъ начальныхъ школъ и въ какихъ нѣтъ церковныхъ» (6 стр., примѣч. 2). «Совѣтъ не можетъ не отмѣтить въ отчетѣ и того печальнаго явленія, что многіе оо. завѣдующіе, въ распоряженіе коихъ отпускались суммы изъ Совѣта на постройку школьныхъ зданій, по нерадѣнію или же неумѣнію уклоняются отъ правильной и своевременной отчетности, а иногда не представляютъ никакихъ оправдательныхъ документовъ» (19). «Дѣло, напр., о постройкѣ школьнаго зданія въ с. Троицкомъ тянется еще съ 1888 года, когда въ распоряженіе о.

завѣдующаго школою Вас. Тихомирова было выдано 700 р. на постройку. Но о. Тихомировъ, частію по нерадѣнію, частію вслѣдствіе недоразумѣній съ прихожанами, только въ отчетномъ году, по настойчивымъ требованіямъ Совѣта, отстроилъ зданіе, хотя до сихъ поръ не сдалъ онаго и не представилъ отчета» (17). «Несмотря на требованія Совѣта, оо. завѣдующіе не отдають полного отчета и въ суммахъ, собираемыхъ съ учениковъ» (30). «Въ виду указанныхъ обстоятельствъ, Совѣтъ вынужденнымъ приходится иногда отказывать въ субсидіи только потому, что не рассчитывается отъ о. завѣдующаго школою добиться отчета и оправдательныхъ документовъ» (20).

Отношеніе законоучителей къ своему дѣлу отчетъ въ общемъ признаетъ удовлетворительнымъ. «Дѣятельность законоучителей,—говорится въ отчетѣ,—въ общемъ можно назвать удовлетворительною, немногихъ отмѣнно-усердною и нѣкоторыхъ только неудовлетворительною. Въ одноштатныхъ приходахъ, гдѣ законоучители должны часто отвлекаться для исправленія церковныхъ требъ, въ преподаваніи Закона Божія неизбѣжно встрѣчались опущенія уроковъ. Нѣкоторые оо. законоучители предоставляли преподаваніе Закона Божія учителямъ и учительницамъ. Оо. законоучители изъ лицъ малообразованныхъ затруднялись въ преподаваніи Закона Божія по неподготовленности къ этому дѣлу» (89). Находились такія лица изъ священнослужителей, которыя уклонялись отъ преподаванія Закона Божія по нерадѣнію и, наконецъ, даже такія, какъ свящ. Градо-уральской бладищенской церкви о. Дм. Кобловъ, который официально заявилъ, что не считаетъ своею обязанностью преподавать Законъ Божій и вообще «*питаетъ отвращеніе къ школьному дѣлу*» (9).

«Отношеніе учащаго персонала къ

школьнымъ занятіямъ въ общемъ можно признать усерднымъ» (10). «Большинство учителей состоятъ на должности 3—4 года. Очень немногіе служатъ болѣе пяти лѣтъ. Воспитанники духовной и учительской семинарій смотрятъ на учительство, какъ на временную переходную ступень къ священству, и чрезъ годъ-два оставляютъ учительство» (11). Таково же отношеніе къ обученію въ церковно-приходской школѣ и штатныхъ діаконовъ.

Успѣхи обученія въ школахъ грамоты, по словамъ отчета, весьма различны въ различныхъ школахъ. «Наряду съ хорошими есть такія, гдѣ дѣти за годъ еле-еле научились разбирать, да и то съ ошибками, русскую грамоту. Учителя изъ діаконовъ и псаломщиковъ смотрятъ на школьное дѣло, какъ на сверхдолжное, которое вести они не обязаны, и потому ведутъ его болѣе чѣмъ неприлежно» (22, 23).

Что же касается до школьных помѣщеній, то изъ 249 только 97 было удобныхъ и 152 неудобныхъ. 61 школа помѣщалась въ особо-устроенныхъ зданіяхъ, 57 въ наемныхъ домахъ, 95 въ частныхъ квартирахъ и 36 въ церковныхъ сторожкахъ. Всѣ специально выстроенныя зданія были помѣстительны, но нѣкоторыя очень неудобны вслѣдствіе холода отъ недостатка топлива и отъ плохой отдышки стѣнъ, непроконопаченныхъ, нештукатуренныхъ во многихъ школахъ. Отъ ремонта и поставки топлива мѣстныя общества отказываются. Помѣщенія въ наемныхъ домахъ, сторожкахъ, частныхъ квартирахъ, за немногими исключеніями, неудобны во всѣхъ отношеніяхъ; хуже всего приходится школамъ, помѣщающимся въ сторожкахъ. Неопрятныя и тѣсныя, эти помѣщенія особенно неудобны во время Великаго поста, когда въ сторожкахъ толпятся «говѣльщики» (нѣкоторые изъ нихъ даже почують) (19).

Юбилей А. Ѳ. Кони. Надвяхъ исполнилось 30-ти-лѣтіе литературно-научной дѣятельности извѣстнаго судебного дѣятеля, сенатора А. Ѳ. Кони. Сообщаемъ, со словъ газетъ, краткія біографическія свѣдѣнія объ этомъ выдающемся дѣятелѣ: А. Ѳ. Кони родился въ Петербургѣ въ 1844 г. Отецъ его былъ докторъ философіи іенскаго университета и драматической писатель, мать—драматическая актриса и тоже писательница. Онъ учился въ петербургской нѣмецкой Анненской школѣ и во II-й гимназій. въ маѣ 1861 г. поступилъ въ петербургскій университетъ по математическому факультету. По случаю закрытія въ 1862 г. этого университета, А. Ѳ. перешелъ въ московскій на 2-й курсъ юридическаго факультета. По представленіи ученой работы «О правѣ необходимой обороны» г. Кони былъ оставленъ при университетѣ для приготовленія къ каедрѣ уголовного права. Какъ разъ въ это время (1865 г.) временно приостановлены были командировки магистрантовъ за границу, и А. Ѳ. вынужденъ былъ поступить на административную службу, сначала по Государственному контролю, а затѣмъ въ главный штабъ по особымъ порученіямъ юридическаго характера.

Съ введеніемъ 17-го апрѣля 1866 г. въ дѣйствіе судебныхъ уставовъ, А. Ѳ. Кони попалъ на настоящую свою дорогу, въ новыя судебныя учрежденія, съ исторією коихъ навсегда связалъ свое имя. Сперва онъ занималъ должность помощника секретаря С.-Петербургской судебной палаты, потомъ—секретаря при прокурорѣ Московской судебной палаты (знаменитомъ Д. А. Ровинскомъ); затѣмъ онъ перешелъ въ прокурорскій надзоръ и занималъ должность товарища прокурора Харьковскаго и прокурора Казанскаго окружныхъ судовъ. Съ 1871 г. онъ переходитъ на ту же должность въ Петербургскій окружный судъ и здѣсь въ рядѣ громкихъ процессовъ обна-

ружилъ какъ выдающійся ораторскій талантъ, такъ и способность къ стойкому и гуманному отправленію обязанности прокурора въ духѣ принципъ судебныхъ уставовъ. Между прочимъ, въ это время возбуждено было г. Кони уголовное преслѣдованіе противъ игумена Митрофанія, милліонера Овсянникова, возбудившія, особенно послѣднее, сильную сенсацію не только у насъ, но и за границею.

«Русскія Вѣдом.» вспоминаютъ по поводу этого дѣла, что вѣнская газета «Кладерадачъ», не вѣря возможности привлеченія къ суду въ Россіи такого богача, какъ *11-ти-кратный* милліонеръ Овсянниковъ, въ ядовитой депешѣ изъ Петербурга добавляетъ: «Вѣроятно, скоро услышимъ, что освобожденъ отъ суда *10-ти-кратный* милліонеръ Овсянниковъ». Предсказаніе «Кадерадача» не оправдалось, но насколько оно было основательно, явствуетъ изъ того, что въ доброе старое время Овсянниковъ *десять* разъ привлекался къ суду и всегда выходилъ сухъ изъ воды, благодаря своимъ милліонамъ».

Въ 1877 г. А. Θ. Кони занялъ постъ предсѣдателя Петербургскаго окружнаго суда. Въ настоящее время онъ, съ сохраненіемъ званія сенатора, состоитъ оберъ-прокуроромъ уголовного кассационнаго департамента Сената.

Параллельно судебной службѣ шла почти непрерывно и научно-литературная и публицистическая дѣятельность г. Кони, но она особенно развилась съ 80-хъ годовъ. Статьи свои отчасти специально-юридическаго характера, отчасти литературно-психологическаго и публицистическаго, А. Θ. помѣщалъ въ «Журналѣ Гражданскаго и Уголовнаго Права», «Юридической Лѣтописи», «Журналѣ Министерства Юстиціи», въ «Вѣстникѣ Европы», въ книжкахъ «Недѣли», въ «Порядкѣ», въ «Голосѣ», въ «Новомъ Времени» и другихъ. Въ 1888 г. вышелъ большой томъ «Судебныхъ

рѣчей» Кони, имѣвшій громадный успѣхъ и выдержавшій съ тѣхъ поръ три изданія. Этотъ важный вкладъ въ юридическую литературу, стаявшій автору отъ харьковскаго университета званіе доктора уголовного права (*honoris causa*), служить вмѣстѣ съ тѣмъ важнѣйшимъ источникомъ для ознакомленія съ ораторскою манерою г. Кони и съ принципами, проводимыми имъ въ его судебной дѣятельности. Главная особенность «дѣловой» ораторской школы, созданной А. Θ. Кони совместно съ В. Д. Спасовичемъ, это—стремленіе къ живому психологическому анализу, основанному на тщательномъ изученіи всѣхъ тонкихъ особенностей дѣла и индивидуальныхъ свойствъ подсудимаго.

Изъ законодательныхъ работъ г. Кони слѣдуетъ отмѣтить участіе его въ состоящей при Министерствѣ Юстиціи комиссіи по пересмотру судебного законодательства. Особенно важное значеніе имѣло руководство совѣщанія предсѣдателей судебныхъ палатъ и прокуроровъ по вопросу о судѣ присяжныхъ. Самъ убѣжденный защитникъ суда присяжныхъ, г. Кони имѣлъ утѣшеніе убѣдиться, что взгляды его раздѣляютъ почти единогласно всѣ практики. Появившееся въ «Журналѣ Министерства Юстиціи» изложеніе хода и результата совѣщанія, даваемаго такой лестный отзывъ о дѣятельности суда присяжныхъ, не мало способствовало укрѣпленію въ обществѣ нравственнаго авторитета этого учрежденія.

Въ дѣятельности А. Θ. есть еще одна черта, которая заслуживаетъ особаго вниманія. Выступивъ убѣжденнымъ сторонникомъ судебныхъ установленій Императора Александра II, А. Θ. Кони никогда не измѣнялъ своихъ взглядовъ,—въ противность многимъ, которые, начавъ съ преклоненія передъ «этими величественнымъ созданіямъ Царя-Освободителя», кончили тѣмъ, что дѣлаютъ

всевозможное, чтобы отъ «величественнаго созданія» камня на камень не оставалось. Стойкость въ убѣжденіяхъ, — это главнѣйшее качество всякаго культурнаго общества, еще

такъ мало присуща обществу русскому, что мы въ правѣ поставить ее въ ряду общественныхъ заслугъ А. Ө. на первомъ мѣстѣ.

Изъ русскихъ журналовъ.

«Вѣстникъ Европы».

Гоголь и Чаадаевъ. Въ интересномъ очеркѣ «Гоголь и Чаадаевъ» («Вѣст. Европы», № 8), проф. Алексѣй Веселовскій разсматриваетъ судьбу двухъ литературныхъ произведеній, являющихся рѣзкими обличеніями русской дѣйствительности — «Ревизора», Гоголя и «Философскихъ писемъ» Чаадаева. «На разстояніи немногихъ мѣсяцевъ», говоритъ онъ, «Ревизоръ» послѣ перваго неудачнаго представленія, рядомъ возрастающихъ успѣховъ завоевалъ себѣ, несмотря на ропотъ обиженныхъ комедіею, передовое мѣсто на русской сценѣ».

Еще при жизни Грибоѣдова молва настойчиво указывала на Чаадаева, какъ на прототипъ Чацкаго, и, по странной случайности судьбы, комедія Грибоѣдова черезъ нѣсколько лѣтъ послѣ ея появленія оказалась пророческой: Чаадаеву дѣйствительно пришлось испытать участь Чацкаго. Изъ-за мнимаго оскорбленія національной чести, этотъ выдающійся мыслитель былъ объявленъ сумасшедшимъ и все общество отвернулось отъ него. «Одннадцать лѣтъ прошло послѣ того, какъ въ превосходной сценѣ свѣтской клеветы, разрастающейся передъ глазами зрителя точно «снѣговая глыба, катящаяся съ горы», Грибоѣдовъ заклеилъ нетерпимость, злорадство и жестокость вліятельныхъ общественныхъ слоевъ, готовыхъ съчесть безумцемъ независимо-мыслящаго человѣка, и неожиданно эта сцена разыгралась въ небывалыхъ размѣрахъ на подмосткахъ настоящей жизни... Всѣ негодовали, профаны и мудрецы, свѣтскіе люди, дамы и литераторы...

Говорятъ, будто нѣсколько студентовъ явилось тотчасъ послѣ напечатанія статьи къ попечителю округа съ заявленіемъ готовности съ оружіемъ въ рукахъ отмстить за оскорбленіе, нанесенное всей Россіи, а въ редакцію «Телескопа» — съ грознымъ протестомъ противъ статьи. Натискъ общественнаго мнѣнія былъ такъ великъ, что правительство, сначала какъ будто не особенно расположенное вмѣшиваться, рѣшилось вступиться». Противъ Чаадаева возсталъ все еще живая и вліятельная «Грибоѣдовская Москва».

Послѣ этого Чаадаевъ написалъ свою извѣстную «Апологию сумасшедшаго», въ которой онъ съ тонкой ироніей оцѣниваетъ неумѣренное патріотическое рвеніе его современниковъ. «Вѣдь есть разные виды любви къ отечеству», говоритъ онъ. «Такъ, самоѣдъ привязанъ къ своимъ роднымъ снѣгамъ, которые сдѣлали его близорукимъ; къ дынной куртѣ, гдѣ онъ прячется большую часть жизни, къ прогорклому жиру своихъ оленей, заражающему его атмосферу, но онъ любитъ родину иною любовью, чѣмъ англійскій гражданинъ, гордящійся высокою культурою своего славнаго острова».

Ограждаясь отъ обвиненій въ «ненависти къ Россіи», Чаадаевъ доказываетъ, что, несмотря на то, что онъ не можетъ закрывать глаза на тяжелья и мрачныя стороны русской жизни, онъ все-таки любитъ Россію и вѣрить въ нее не меньше возставшихъ на него патріотовъ, и дѣлаетъ затѣмъ слѣдующее сопоставленіе: «Вскорѣ послѣ появленія въ печати «зло-

счастной статьи»... на нашей сценѣ дана была новая пьеса. Никогда еще нація не подвергалась такому бичеванію, никогда еще страну не обдавали такою грязью, никогда не бросали въ лицо публики столько гнусностей—и все же никогда не бывало подобнаго успѣха. Оттого ли это, что серьезный умъ, глубоко размышляющій о своей странѣ, о ея исторіи, о характерѣ народа, обреченъ на молчаніе потому, что онъ не можетъ устами комика выразить удручающее его патриотическое чувство? Отчего же мы такъ снисходительны къ паническому уроку, который даетъ намъ комедія, и такъ нетерпимы къ суровой рѣчи, проникающей до глубины вещей?»

Этой новой пьесой былъ «Ревизоръ». Слухи объ успѣхѣ «Ревизора» проникли и до Чаадаева, который въ то время съ Гоголемъ былъ довольно близокъ по своимъ основнымъ взглядамъ.

«Передъ русскимъ обществомъ 30-хъ годовъ», говоритъ Ал. Веселовскій, «стояли эти два проповѣдника обновленія, — одинъ, стремящійся «глаголомъ жечь сердца людей», другой — смѣхомъ исправлять ихъ, но ихъ не сразу поняли, и они не поняли другъ друга. Гоголь сдѣлался въ послѣдствіи непримиримымъ врагомъ Чаадаева и рукописалъ браннымъ стихотвореніямъ Языкова. Чаадаевъ, съ своей стороны, навсегда сохранилъ къ Гоголю наблюдательное и недоувѣрчивое отношеніе, особенно обострившееся послѣ того, какъ произошелъ поворотъ въ его взглядахъ».

Рабочіе на Сибирской желѣзной дорогѣ. Въ своей интересной статьѣ «Рабочіе на Сибирской желѣзной дорогѣ» («Сѣв. Вѣстн.», № 10), г-нъ Арефьевъ рисуетъ чрезвычайно неприглядную картину положенія рабочихъ на строящейся желѣзной дорогѣ. Рабочіе эти составляютъ крайне пеструю армію, въ составъ которой

входятъ крестьяне чуть ли не всѣхъ губерній Европейской Россіи, природные сибиряки, новоселы-переселенцы, инородцы-киргизы. Денежная рабочая плата всѣмъ этимъ рабочимъ сравнительно довольно высока: для болѣе искусныхъ и сильныхъ рабочихъ отъ 12 и до 20, 22 рублей въ мѣсяцъ на готовомъ содержаніи. Но содержаніе это, какъ видно изъ статьи г. Арефьева, оставляетъ желать очень многого. Помѣщались рабочіе въ баракахъ, которые представляли собою большихъ разбѣровъ сараи, съ крышей, нарами, двумя-тремя небольшими оконцами и желѣзными печами. Въ большинствѣ бараконъ полъ земляной. Овна въ большинствѣ случаемъ не заставляются стекломъ, а просто затыкаются какой-нибудь тряпичей. Болѣе экономные подрядчики устраиваютъ баракъ просто въ четырехъ-угольной ямѣ, на которой устраивается наклонной формы крыша изъ жердей; крыша заваливается землей и дерномъ. Вообще большинство бараконъ, за немногими исключеніями, во всѣхъ отношеніяхъ стоятъ ниже всякой критики. Вотъ, напр., что рассказываетъ одна партія рабочихъ о своемъ житьѣ у одной крупной компаніи подрядчиковъ: «Привели это насъ на мѣсто, а кругомъ еще бѣлымъ-бѣло, снѣгъ. Зима тогда еще стояла. Согнали это насъ съ подводъ, смотримъ, а еще ничѣмъ ничего—бараку-то для насъ еще не построили даже. Десятники говорятъ—руби сами, ребята. Сложили мы на снѣгъ свои котомки, видно, ничего не подѣлаешь—принялись за работу. Вырыли это, значитъ, ямы, жердье на нихъ навалили, землю съ дерномъ сверху. Логовище готово. «Полѣзай теперь, ребята, грѣйся!» командуютъ надъ нами десятники. Переночевали. На утро десятники насъ на работу ужъ гонятъ. Такъ и обсохнутъ не успѣли. Лѣсъ приказано было рубить. Снѣгъ въ лѣсу, почестъ, по поясъ.

Доступу туда никакого нѣтъ... За-лѣземъ, это, въ свѣгъ по поясъ, маемся, маемся, насилу лѣсину-то свалимъ. За день-то такъ измотаешься, что до барака кое-какъ ноги волочить. Мокрехонекъ весь, нитки сухой на тебѣ нѣту. Придешь въ баракъ, и прилечь-то нельзя—сырость, мокрота. Погрѣешься малость у печки, просохнешь, да и свалишься пластомъ на нары. И тутъ мокро, а въ баракъ холодъ поднимется. Лихоманка тебя трясеть. Измаешься весь и уснешь. Печка погаснетъ, въ баракъ одно что на улицѣ—холодище страшный. За ночь-то и примерзнешь къ нарамъ. На утро десятникъ будить на работу, съ просонокъ соскочишь, это, да такъ и взвоешь—волосы-то, значить, къ нарамъ присты-

ли... Почесъ кажинный день кто-нибудь изъ нашихъ ребятъ примерзала. А одешонка, такъ та всегдысь каждое утро примерзала, на утро отрываешь...»

Пища рабочимъ давалась самая простая, и часто несвѣжая, такъ что, случалось, рабочіе даже бунтовались и требовали лучшей пищи. Особенно плохо было довольствіе рабочихъ весною, когда трудно было доставлять провизію на линію.

Старая, знакомая картина, воспѣтая еще Некрасовымъ въ его «Желѣзной дорогѣ»! Нельзя не видѣть въ ней еще одного доказательства, какъ слабо у насъ развитіе культуры, при которой было бы немислимо жить въ «логовѣ», гдѣ волосы спящихъ примерзаютъ къ нарамъ.

Изъ иностранной жизни.

Бюро правосудія. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ, группа, состоящая изъ шести молодыхъ людей, студентовъ мичиганскаго университета, не вполне согласныхъ съ идеями и методами, господствовавшими въ университетѣ, рѣшила организовать отдѣльное общество или «клубъ взаимнаго усовершенствованія». Клубъ этотъ вначалѣ носилъ характеръ тайнаго общества, но лишь въ отношеніи внѣшнихъ формъ, т. е. былъ придуманъ лозунгъ и собранія клуба не происходили открыто, какъ собранія всѣхъ другихъ клубовъ въ коллегіи; главное же отличіе заключалось не въ этомъ, а въ цѣляхъ, которыя преслѣдовались новымъ студенческимъ обществомъ или братствомъ. Каждый изъ шести членовъ этого братства избиралъ для себя профессію, которой долженъ былъ посвятить свою жизнь, но такъ какъ всѣ они выбрали разныя профессіи, то это придавало ихъ клубу нѣсколько разнообразный характеръ и этимъ онъ

также отличался отъ другихъ клубовъ коллегіи, состоящихъ преимущественно изъ однородныхъ элементовъ, т. е. людей одной профессіи и связанныхъ общими интересами. Однако, несмотря на кажущуюся разнородность, члены новаго братства были тѣснѣе связаны между собою въ идейномъ отношеніи, нежели члены обыкновенныхъ студенческихъ обществъ университетской коллегіи. Они преслѣдовали одну общую выстую цѣль, но только шли къ ней разными путями. Цѣль эта—благо человѣчества, и каждый изъ членовъ клуба, выбирая для себя профессію, прежде всего обязывался всю свою жизнь ставить эту цѣль на первомъ планѣ и служить человѣчеству по мѣрѣ своихъ силъ и возможности. Въ концѣ года каждый изъ членовъ долженъ былъ представить въ клубъ работу, въ которой заключались бы его взгляды на избранную имъ профессію и, такъ сказать, его «profession de foi», выражающее его жизненный идеаль. Та-

кимъ образомъ получился рядъ статей, трагующихъ о шести различныхъ профессіяхъ съ точки зрѣнія метода и идеала способовъ его достиженія. Тутъ были и адвокатъ, и докторъ, и учитель, и проповѣдникъ и т. д. Каждый изъ нихъ высказывалъ свой взглядъ на то, какъ онъ находитъ нужнымъ служить челоѣчеству въ предѣлахъ своей профессіи. Мы займемся теперь адвокатомъ и его миссіей.

Юноша, избравшій своею профессією адвокатуру, былъ по происхожденію еврей и родомъ изъ Чикаго. Въ своей статьѣ, прочитанной маленькому университетскому клубу, онъ изложилъ свой взглядъ на эту профессію и свой идеалъ, сказавъ, что законъ долженъ имѣть цѣлью высшую справедливость въ отношеніи каждаго изъ гражданъ; затѣмъ онъ указалъ на тѣ реформы, которыя, по его мнѣнію, должны быть введены, для того, чтобы законъ дѣйствительно могъ служить охраною для беззащитныхъ и бѣдныхъ и духъ его—высшая справедливость въ теоріи—не подвергался бы на практикѣ столь частымъ искаженіямъ. Проникнутый такими идеальными взглядами на свою профессію, молодой юристъ, по фамилиі Эррантъ, тотчасъ же по окончаніи курса въ университетѣ, отправился въ Чикаго, гдѣ и началъ проводить въ жизни свои взгляды съ истиннымъ жаромъ миссіонера и принялся за разработку схемы реформъ, которыя признавалъ необходимыми въ юридической профессіи. Его глубоко возмущало то, что онъ видѣлъ кругомъ: толкованіе законовъ въ извѣстномъ смыслѣ. Но его еще болѣе огорчало, что его товарищи по профессіи защищали крупныхъ преступниковъ, несомнѣнныхъ мошенниковъ, въ винѣ которыхъ никто не сомнѣвался, между тѣмъ какъ рядомъ какой-нибудь бѣдняга, имѣющій тяжёлое дѣло, не могъ найти адвоката, который бы согласился вести его. Само собою разумѣется, что

«миръ вождй», № 11, ноябрь.

Эррантъ тотчасъ же сдѣлался «адвокатомъ бѣдныхъ и сирыхъ» и скоро занялъ выдающееся мѣсто среди своихъ собратьевъ по профессіи. Богачи захотѣли также пользоваться его услугами и ему не трудно было бы разбогатѣть очень скоро, но онъ упорно отвергалъ всякія предложенія, исходившія отъ богатыхъ кліентовъ. Когда ему возражали на его негодующія рѣчи противъ существующаго положенія вещей, что оно составляетъ неизбѣжный продуктъ нашей цивилизаціи, неизбѣжный результатъ накопленія населенія въ большихъ городахъ, то онъ указывалъ, какъ на главное зло, на индиферентизмъ и эгоизмъ общества, на равнодушное отношеніе къ страданію. Свои взгляды онъ изложилъ въ статьѣ «О правосудіи для беззащитныхъ и бѣдныхъ» и, прочитавъ ее въ собраніи адвокатовъ въ штатѣ Иллинойсѣ, предложилъ организовать въ городахъ и селахъ штата такъ называемыя «бюро правосудія», куда могли бы обращаться и находить защиту всѣ одинокіе и бѣдные, нуждающіеся въ помощи, въ совѣтѣ и въ покровительствѣ закона.

Члены адвокатскаго общества нашили, что онъ преслѣдуетъ химеру и никакихъ особенныхъ практическихъ результатовъ отъ его плана ожидать нельзя. Поэтому предложеніе Эрранта было оставлено безъ вниманія. Ему пришлось тутъ убѣдиться, что адвокатское сословіе—самое консервативное изъ всѣхъ и всего упорнѣе всегда противится реформамъ. Нѣкогда подобное же разочарованіе пришлось испытать Песталоцци, когда онъ, въ своей молодости, мечталъ посвятить себя адвокатурѣ, быть защитникомъ сирыхъ и бѣдныхъ въ Швейцаріи. Но когда онъ выступилъ со своею схемою реформъ, его такъ осмѣяли его же собратья адвокаты, что онъ былъ совершенно обезкураженъ и тутъ же отказался навсегда

отъ юридической профессіи и только спустя восемнадцать лѣтъ снова выступилъ въ качествѣ общественнаго дѣятеля, но уже на поприщѣ педагогика. Однако, Эррантъ не такъ скоро могъ придти въ отчаяніе и разочароваться въ своей миссіи. Черезъ восемнадцать дней послѣ неудачи, постигшей его въ обществѣ адвокатовъ, Эррантъ обратился со своею запиской въ общество этической культуры. Тутъ его идеи вызвали взрывъ восторженнаго сочувствія. «О мои друзья!—восклицаютъ Эррантъ, обрадованный такимъ приѣмомъ.—На насъ лежатъ тяжелыя обязанности и огромная отвѣтственность. Жизнь не должна и не можетъ заключаться только въ погонѣ за матеріальными благами. Я видѣлъ много фазисовъ человѣческой жизни... и чѣмъ больше видѣлъ, тѣмъ тверже становилась моя вѣра въ человѣка, тѣмъ болѣе я проникался увѣренностью въ силѣ и способностяхъ людей. Но я видѣлъ, какъ человѣкъ сгибается подъ вліяніемъ окружающихъ условий, какъ онъ мучится и изнуруется въ борьбѣ съ ними. А между тѣмъ во власти человечества уничтожить все это, изменить тяжелыя условія. Вы, мужчины и женщины, отъ васъ зависитъ облегчить жизнь человечества. Когда же соедините вы свои усилія во имя любви къ человечеству? Вы должны протянуть руку нуждающимся братьямъ, помочь имъ совѣтомъ и дѣломъ... Но прежде всего надо приблизиться къ тѣмъ, кому мы хотимъ помогать, и постараться узнать ихъ больше, чѣмъ мы знаемъ другъ друга; мы должны изучить условія ихъ жизни, проникнувшись братскою любовью и состраданіемъ».

Рѣчь Эрранта произвела сильное впечатлѣніе на собравшееся общество, и нѣсколько минутъ всѣ молчали послѣ того, какъ онъ пересталъ говорить. Наконецъ, поднялся одинъ человѣкъ и произнесъ взволнованнымъ

голосомъ: «Я предлагаю организовать здѣсь первое бюро правосудія». Предложеніе это было принято единогласно и тотчасъ же начались пренія и обсужденіе плановъ. Въ концѣ концовъ была принята извѣстная схема и въ мартѣ 1888 года Эррантъ увидѣлъ, наконецъ, реализацію частицы своихъ мечтаній. Это первое бюро правосудія, устроенное и поддерживаемое добровольными пожертвованіями, дѣйствительно представило образецъ самаго полнаго безпристрастія, такъ какъ оно стояло внѣ всякихъ классовъ, партій, вѣрованій и сектъ, и на самомъ дѣлѣ осуществляло принципъ равенства всѣхъ передъ лицомъ правосудія. Цѣли бюро, главнымъ образомъ, слѣдующія: 1) помогать и поддерживать всѣхъ, нуждающихся въ покровительствѣ закона, но неимѣющихъ средствъ нанять защитника. Бороться съ несправедливостью и пристрастіемъ всѣми путями. 2) Изучать условія дѣйствующихъ законовъ и методы судебной процедуры. 3) Выработывать и предлагать новые лучшіе законы и стараться о принятіи ихъ и правильномъ примѣненіи въ жизни. Девизъ бюро правосудія гласилъ: «Я сторожъ моего брата», и дѣйствительно, служилъ выраженіемъ руководящей идеи этого учрежденія.

Президентъ комитета директоръ по устройству бюро правосудія, мистеръ Хасъ, самый убѣжденный и самоотверженный сторонникъ идей Эрранта о взаимной отвѣтственности людей, въ своемъ первомъ годовомъ отчетѣ о дѣятельности бюро говоритъ: «Мы выбрали самую возвышенную идею, во имя которой вызываемъ къ божественной сущности, обитающей въ душѣ каждаго человѣка. Эта идея служить синонимомъ человѣческаго счастья и знамя съ ея девизомъ нести чистыми руками, преслѣдуя только одну общую цѣль. Понесемъ это знамя къ тѣмъ, чьи спины согнулись отъ работы, чьи сердца разрываются

отъ горя, и вмѣстѣ съ ними внесемъ имъ надежду, миръ и радость. Справедливость—это величайшее милосердіе. Когда справедливость воцарится на землѣ, то благотворительность исчезнетъ, ибо она возникла лишь для того, чтобы залѣчивать раны, произведенныя несправедливостью. Милосердіе (въ смыслѣ подачи милостыни) събьетъ раздоры, справедливость же означаетъ гармонию. Поэтому, въ основу устройства бюро правосудія положенъ не принципъ благотворительности, а принципъ справедливости...»

Бюро существуетъ уже пять лѣтъ и въ этотъ промежутокъ разобрало 15.000 дѣлъ, причемъ въ девяти изъ десяти случаевъ распри разрѣшались мирнымъ путемъ, не доходя до суда. Выслушавъ жалобу истца, Эррантъ самъ лично или его ассистентъ производятъ разслѣдованіе, ведутъ переговоры съ отвѣтчикомъ и всегда производятъ такое впечатлѣніе непристрастія и справедливости, что очень рѣдко имъ не удается добиться разрѣшенія мирнымъ путемъ тяжбы и распри. Однажды былъ такой случай: въ бюро пришелъ человѣкъ, съ котораго требовался одинъ долларъ уплаты одному рабочему; онъ объявляетъ съ горячностью, что уплачиваетъ этотъ долларъ только для того, чтобы избѣжать суда, хотя и не считаетъ себя должнымъ. На это Эррантъ спокойнымъ тономъ отвѣтилъ: «Мы не можемъ принять отъ васъ деньги на такихъ условіяхъ. Если вы не считаете себя должникомъ, то намъ вашъ долларъ не нуженъ. Мы здѣсь только для того, чтобы наблюдать за сохраненіемъ справедливости во всѣхъ случаяхъ». Это такъ поразило строitivaго должника, что онъ вступилъ въ переговоры, призналъ себя должнымъ и, уплативъ слѣдующій долларъ рабочему, самъ сдѣлался затѣмъ членомъ бюро.

Идея Эрранта пустили корни, и уже во многихъ другихъ штатахъ учреж-

даются подобныя-же бюро, куда и прибѣгаютъ всѣ беззащитные и бѣдные искать помощи и совѣта.

Слѣпые авторы. Какъ много можетъ сдѣлать сильная воля и энергія человѣка, это особенно видно на литературной и ученой дѣятельности слѣпыхъ. Какъ оказывается изъ данныхъ, собранныхъ въ интересной, но уже почти позабытой теперь, англійской книгѣ «Biography of the Blind» (Биографія слѣпыхъ), не мало слѣпыхъ авторовъ достигли знаменитости въ области литературы и науки. Авторъ этой книги—тоже слѣпой, Джемсъ Вильсонъ, лично заинтересованный въ вопросѣ объ ученой и литературной дѣятельности слѣпыхъ, постарался собрать въ своей книгѣ все, что касается этой дѣятельности не только въ современную эпоху, но даже въ древнія времена. Такъ, напримеръ, въ началѣ нашей эры приобрѣли извѣстность грамматикъ Аскопіусъ Педаніусъ и теологъ Дидимій, изъ Александрии, оба слѣпые. Въ эпоху, болѣе близкую къ намъ, среди ученыхъ пользовались извѣстностью филологи: Понтавусъ, Грасси, нѣмецъ Гризингеръ, знавшій семь языковъ; проповѣдники: Брандолини и священникъ Жанъ Тьерри, который, несмотря на свой недостатокъ, собирался написать трактатъ о краскахъ; ученые и математики, какъ, напримеръ, Кеннеди и Эйлеръ и знаменитый кембриджскій профессоръ Николай Саундерсонъ, о которомъ Дидеро много говоритъ въ своемъ знаменитомъ «Lettre sur les aveugles». Какъ это ни трудно представить себѣ, но даже между актерами и художниками были слѣпые, достигшіе знаменитости, напримеръ, Луи Гротто, драматическій авторъ и актеръ въ XVI вѣкѣ; тосканскій скульпторъ Жанъ Гоннели, произведенія котораго даже считались шедеврами, книгопродавецъ Прайсъ пользовавшійся огромною извѣстностью

*

какъ переплетчикъ и т. д. Всего чаще среди слѣпыхъ авторовъ встрѣчаются поэты, и авторъ «Biography of the Blind», самъ тоже писавшій стихи, посвятилъ имъ большую часть своего труда. Конечно, авторъ этой любопытной книжки, далеко не исчерпалъ своего предмета, и притомъ, со времени выхода этой книги, накопилось еще больше примѣровъ, указывающихъ, что самая ужасная немощь, какая только можетъ поразить мыслящее существо, потеря зрѣнія, не только не останавливаетъ его умственной дѣятельности, но иногда эта дѣятельность даетъ такіе же плодотворные результаты, какъ и у зрячихъ людей. Исторія слѣпыхъ ученыхъ и писателей—это трогательная исторія того, какъ люди съ высоко развитымъ умомъ и талантами, пораженные слѣпотой, искали и находили утѣшеніе, благодаря своей силѣ воли и энергіи, въ великой области науки, искусства и поэзіи. Можно себѣ ясно представить, съ какими затрудненіями приходится бороться этимъ несчастнымъ, болѣе прочихъ обыкновенныхъ людей чувствующимъ, какъ много они теряютъ, благодаря своей немощи. Въ прошломъ году въ Бостонѣ умеръ извѣстный американскій историкъ Фрэнсисъ Паркманъ, тоже слѣпой, который написалъ нѣсколько томовъ исторіи и могъ это сдѣлать лишь благодаря особому, придуманному имъ апарату. Его преданные ученики и читатели помогали ему въ трудахъ, но, тѣмъ не менѣе, несмотря на эту помощь и на свою замѣчательную упорную энергію, Паркманъ самъ говоритъ, что въ теченіе своихъ сорокалѣтнихъ трудовъ онъ сдѣлалъ только одну четверть того, что могъ бы сдѣлать при нормальныхъ условіяхъ.

Трогательную исторію борьбы съ этимъ тяжелымъ несчастіемъ—потерю зрѣнія, представляетъ жизнь одной современной, недавно умершей,

англійской писательницы, миссъ Кингъ. какъ это можно видѣть изъ ея автобіографіи, напечатанной въ англійскомъ журналѣ «The Argosy», гдѣ она всегда сотрудничала. Разсказъ этой слѣпой писательницы долженъ дѣйствовать ободряющимъ образомъ на всѣхъ тѣхъ, кто, подобно ей, лишень одного изъ величайшихъ благъ, дарованныхъ природой, зрѣнія. Миссъ Кингъ съ дѣтства страдала слабостью зрѣнія и всѣ предметы представлялись ей точно въ туманѣ. Къ семи годамъ она окончательно ослѣбла «Но, страннымъ образомъ,—говоритъ она,—моя слѣпота не пугала и не слишкомъ огорчала меня. Въ ней заключалась одна особенность: я всегда видѣла блестящій свѣтъ передъ глазами, весь окружающій воздухъ казался мнѣ накаленнымъ до-бѣла. При этомъ я могла произвольно вызывать въ этомъ сіяніи появленіе разныхъ рода блестящихъ цвѣтовъ, которые смѣшивались съ сіяніемъ, носившимся передъ моими глазами, какъ бы составляя его нераздѣльную часть. Такимъ образомъ, я жила не въ «теневотѣ», какъ это должно было бы быть вслѣдствіе потери зрѣнія, а среди особеннаго блеска, и это много скрашивало мнѣ мое положеніе слѣпой». Кроме того, у миссъ Кингъ, какъ это всегда бываетъ вслѣдствіе потери одного чувства сильно развились и обострились всѣ другія чувства. Такъ, напримѣръ, она всегда угадывала, когда на нее смотреть и почти навѣрное могла опредѣлить выраженіе, съ какимъ на нее смотреть. Слухъ у нея былъ необычайно тонкій. По голосу и по прикосновенію руки она всегда почти вѣрно угадывала характеръ человѣка. Также тонко у нея было развито обонаніе и оно во многихъ случаяхъ ея жизни служило ей подспорьемъ. Такъ какъ она не могла учиться въ школѣ, вслѣдствіе слѣпоты, то съ нею занималась дома ея мать и другіе уч-

теля, и она оказалась очень способной ученицей и изучила болѣе или менѣе хорошо семь языковъ: французскій, нѣмецкій, итальянскій, испанскій, латинскій, греческій и древне-еврейскій. Отецъ ея, викарій, обыкновенно читалъ ей по вечерамъ и затѣмъ эту обязанность взялъ на себя ея братъ. Замѣчательно, что, несмотря на свой недостатокъ, она слѣзлась прекрасной и безстрашной наѣздницей и, можетъ быть отчасти благодаря этому недостатку, храбро проѣзжала на лошади по такимъ горнымъ тропинкамъ и болотамъ, по которымъ рѣдко рѣшались пускаться даже очень храбрые наѣзники и наѣздницы, видяще грозящую имъ опасность.

Нѣсколько мѣсяцевъ, проведенныхъ миссъ Кингъ въ Италиі, составили поворотъ въ ея жизни. Конечно, она лишена была возможности любоваться красотами итальянской природы, но она чувствовала ихъ. Съ дѣтства у нея существовала склонность къ литературѣ: она сочиняла стихи и повѣсти, и теперь эта склонность развилась еще сильнѣе. Ея повѣсти, между которыми наибольшую извѣстностью пользуются «Queen of Herself», скоро обратили на себя вниманіе. Она нашла горячую поляржку въ покойномъ профессорѣ Генри Морисѣ, заинтересовавшемся ея литературною дѣятельностью, въ Чарльзѣ Диккенсѣ, узнавшемъ ея исторію и всячески старавшемся содѣйствовать ея популярности, поощрять ее и помогать ей своими совѣтами. Извѣстная англійская писательница мистриссъ Генри Вудъ также приняла въ ней участіе и содѣйствовала ея приглашенію въ постоянныя сотрудницы журнала «Argosy». Но миссъ Кингъ не ограничила свою дѣятельность только литературой. Слѣпая дѣвушка горячо интересовалась рабочими классами и въ приходѣ своего отца постоянно занималась съ дѣтми и рабочими. Она устроила для нихъ читальню, клубъ

для игры въ крокетъ, публичныя чтенія, хоръ и т. п. «Моя слѣпота,— говоритъ она въ одномъ мѣстѣ своихъ воспоминаній,—повидимому, способствовала возбужденію въ душѣ рабочихъ особенныхъ рыцарскихъ чувствъ и они не только охотно повинувались маѣ, но даже какъ будто видѣли въ этомъ какой-то высшій долгъ и обязанность». Говоря очень часто въ собраніяхъ рабочихъ, миссъ Кингъ приобрѣла способность говорить публично и считалась однимъ изъ хорошихъ ораторовъ на митингахъ. Миссъ Кингъ говоритъ, что хотя ей и случалось глубоко сожалѣть о своемъ недостаткѣ, тѣмъ не менѣе, она все-таки не чувствовала себя лишней и несчастной отъ этого, такъ какъ жизнь ея была полна интересами и она чувствовала, что дѣятельность ея плодотворна. Какъ много зрячихъ не имѣютъ этого утѣшенія, которое имѣла эта слѣпая дѣвушка, за гробомъ которой шли ея друзья, рабочіе и ученики, а также многочисленные почитатели ея литературнаго таланта. Изъ ея автобіографіи узнаемъ, что она не диктовала свои повѣсти, а сама набирала ихъ посредствомъ шрифта, въ которомъ ввела нѣкоторые спеціальныя улучшенія, и дѣлала это такъ же быстро, какъ быстро пишетъ зрячій посредствомъ обыкновеннаго пера.

Исчезающіе народы: Тодды въ Индіи. Извѣстно, что европейская цивилизація не всегда составляетъ благо для дикихъ народовъ; подъ давленіемъ ея многія первобытныя расы въ различныхъ мѣстахъ земного шара мало-по-малу вымираютъ и исчезаютъ. Такъ, напримѣръ, въ Тасманіи уже не существуетъ болѣе представителей первоначальной расы; они исчезли съ тѣхъ поръ, какъ англичане колонизовали этотъ островъ. Также и число маорійцевъ въ Новой Зеландіи съ 80.000 въ 1840 году

(эпоха присоединенія къ Англіи) уменьшилось до 40.000 въ настоящее время, а число туземцевъ въ австралийской колоніи упало съ 9.000 до 800. То же самое и относительно Антилскихъ острововъ, гдѣ европейская цивилизація вытѣснила караибовъ, и Гавайскихъ (Сапдвичевыхъ) острововъ, гдѣ туземное население съ 300.000 уменьшилось до 32.000. Извѣстно какъ быстро вымираютъ индѣйцы въ Сѣверной Америкѣ, число которыхъ, менѣе чѣмъ въ двѣсти лѣтъ, уменьшилось съ пяти миллионъ до 245.000. Это быстрое вымирание даже обратило на себя вниманіе правительства Соединенныхъ Штатовъ, которое теперь уже принимаетъ мѣры, чтобы предупредить полное исчезаніе нѣкоторыхъ индѣйскихъ племенъ.

Примѣровъ такихъ можно было бы набрать множество и мы можемъ наблюдать въ разныхъ мѣстахъ, какъ постепенно цвѣтная раса уступаетъ мѣсто бѣлой. Главная причина такого, во всякомъ случаѣ, прискорбнаго явленія заключается въ невозможности для первобытныхъ народовъ быстро приспособиться къ новымъ привычкамъ и условіямъ, порождаемымъ чуждою для нихъ цивилизаціей. Впрочемъ, надо прибавить еще, что въ этомъ исчезаніи первобытныхъ расъ не послѣднюю роль играетъ и самая колонизаторская политика европейцевъ, какъ бы поставившая себѣ цѣлью возможно болѣе быстрое освобожденіе захваченныхъ территорій отъ ихъ прежнихъ хозяевъ и владѣльцевъ. Но даже и въ тѣхъ случаяхъ, когда побѣдители относятся къ побѣжденнымъ съ полной человѣчностью, первобытная раса мало-по-малу теряетъ свой прежній характеръ, такъ какъ, ассимилируясь съ бѣлой расой посредствомъ скрещиванія, теряетъ свои личныя этническія черты.

Къ длинному списку исчезающихъ народовъ, вымирающихъ постепенно расъ, надо причислить въ настоящее

время и племя тоддовъ въ Индіи, весьма интересное во многихъ отношеніяхъ. Но мало изученное европейцами. Между прочимъ, Поль Барре сообщаетъ въ «Revue française de l'étranger et des Colonies» объ этомъ племени слѣдующія свѣдѣнія:

Тодды обитаютъ въ Нильгиріи или Голубыхъ горахъ, самыя высокія вершины которыхъ достигаютъ высоты 2.700 метровъ. Племя это атлетическаго роста и черты лица тоддовъ, по мнѣнію нѣкоторыхъ ученыхъ, указываютъ на ихъ кельтическое происхожденіе, по мнѣнію же другихъ, тоды — потомки древнихъ римскихъ колонистовъ. Существуютъ еще и разныя другія мнѣнія относительно происхожденія тоддовъ. Тодды, во всякомъ случаѣ, совершенно не похожи на другія расы Индіи и представляютъ явное сходство съ европейскимъ типомъ. Языкъ ихъ также не похожъ на другіе индѣйскіе діалекты. По преданіямъ, тодды съ незапамятныхъ временъ обитали въ равнинахъ Индіи, откуда ихъ вытѣснилъ въ горы, вѣсть съ ихъ стадами, король-великанъ Равана. По другимъ сказаніямъ, тодды происходятъ отъ народа, удалившагося въ горы въ эпоху религіозныхъ войнъ между буддистами и браминами.

Тодды ведутъ патріархальный образъ жизни и до англійскаго завоеванія ходили совершенно нагими; съ той поры они стали, вмѣсто всякой одежды, носить грубыя шерстяныя одѣяла, въ которыя, однако, они драпируются очень живописно. Женщины тоддовъ носятъ длинныя косы, спадающія у нихъ по плечамъ, и вокругъ стана одѣваютъ металлическій поясъ. Повидимому, тодды поклоняются верховному существу, которому приносятъ въ жертву, въ храмѣ, масло и молоко. Два жреца тоддовъ «гугу» совершаютъ всѣ религіозныя обряды. Вначалѣ они должны сохранять обѣтъ безбрачія, затѣмъ имъ разрѣшается вступать въ бракъ. Но сущность рели-

гозныхъ воззрѣній тоддовъ, также какъ и ихъ религіозные обряды, не достаточно хорошо извѣстна. Мнѣнія многихъ изслѣдователей на этотъ счетъ расходятся. Тодды вступаютъ въ бракъ только въ предѣлахъ племени и у нихъ существуетъ полиандрія, также какъ у многихъ другихъ первобытныхъ племенъ въ Тибетѣ и другихъ мѣстахъ. Молодая дѣвушка выходитъ замужъ за всѣхъ братьевъ сразу, такъ что у нея иногда бываетъ пять мужей и болѣе.

Число тоддовъ стало быстро уменьшаться въ этомъ столѣтїи. Въ 1881 году ихъ было уже только 675: 382 мужчины и 293 женщины. Такая непропорціональность и является главною причиною полиандріи. Недостаточное количество женщинъ зависитъ отъ того, что у тоддовъ допускается гѣтубійство дѣвочекъ, если онѣ имѣли несчастье родиться въ одинъ изъ четырехъ несчастныхъ дней въ неделѣ. Тодды не воздѣлываютъ земли и средства къ жизни доставляютъ имъ стада. Кромѣ того, тодды занимаютъ дань натурою съ другихъ племенъ, обитающихъ въ горахъ, именно съ бодаговъ. Деревни ихъ, называемыя «mands», состоятъ всегда изъ пяти хижинъ, изъ которыхъ три служатъ для жилья, одна служитъ одновременно молочною и храмомъ и одна представляетъ убѣжище для коровъ. Хижины всѣ овальной формы и поставлены наклонно. Всѣ они имѣютъ три метра въ вышину, 5 м. 40 въ длину и 2 м. 70 въ ширину. Въ хижинѣ существуетъ только одно откѣрстїе, одновременно служащее и дверью, и окномъ, и войти въ него можно только ползкомъ. Такихъ деревень насчитывается въ настоящее время 106.

На воздушномъ шарѣ къ сѣверному полюсу. Нашимъ читателямъ извѣстно, что на международномъ географическомъ конгрессѣ въ этомъ го-

ду молодой шведскій воздухоплаватель Андрѣ выступилъ съ своимъ проектомъ путешествія на воздушномъ шарѣ къ сѣверному полюсу. Доводы, представленные Андрѣ въ пользу предлагаемаго имъ способа арктическаго путешествія, хотя и очень остроумные, все-таки показали недостаточную убѣдительными ученымъ, собравшимся на конгрессѣ, и проектъ Андрѣ не былъ принятъ, но, тѣмъ не менѣе, молодой воздухоплаватель не пришелъ въ уныніе отъ этой неудачи и все-таки проектируетъ совершить это путешествие. Въ бесѣдѣ съ однимъ англійскимъ журналистомъ Андрѣ сказалъ, что надѣется достигнуть сѣвернаго полюса не болѣе, какъ въ «десять» часовъ, отправившись въ свое путешествие съ острова Шпицбергена. Во всякомъ случаѣ, даже при неблагоприятныхъ условіяхъ достаточно будетъ, по его вычисленіямъ, 43-хъ часовъ, чтобы достигнуть сѣвернаго полюса. По мнѣнію Андрѣ, воздухоплаваніе въ полярныхъ областяхъ должно быть легче, нежели въ умѣренномъ поясѣ, многое же, что мѣшаетъ изслѣдованію поверхности земли при обыкновенныхъ условіяхъ, отсутствовуетъ въ полярной области. Полное отсутствіе растительности въ этой области, допускаетъ низкій полетъ, безъ опасенія запутаться въ верхушкахъ деревьевъ. Кромѣ того, это обстоятельство представляетъ большія удобства для сниманія фотографїи. Воздухоплаватель видитъ въ постоянномъ солнечномъ свѣтѣ и равномерности температуры также очень благоприятныя условія, такъ какъ, благодаря этому обстоятельству, колебанія въ силѣ подъема воздушнаго шара должны быть очень незначительны. Перечисливъ еще разныя другія данныя, которыя, по его мнѣнію, говорятъ въ пользу этого способа путешествія и указываютъ на его преимущество передъ другими способами, — путешествіемъ на лодкахъ

и саняхъ, Андрѣ прибавляетъ, что онъ пришелъ къ такому выводу не только на основаніи теоретическихъ разсужденій, но и на основаніи личнаго опыта. Андрѣ предлагаетъ совершить свой полетъ вмѣстѣ съ двумя другими смѣлыми воздухоплавателями лѣтомъ будущаго года. Онъ отвезетъ шаръ на Шпицбергенъ, гдѣ предполагаетъ построить сарай и всѣ приспособленія для наполненія шара газомъ. Затѣмъ онъ будетъ ждать благоприятнаго вѣтра, чтобы пуститься въ область неизвѣстнаго. Лодка воздушнаго шара будетъ заключать въ себѣ темную камеру для фотографіи и приспособленія для спанья трехъ путешественниковъ. Крыша сверху спальни и камеры будетъ огорожена перилами и должна служить мѣстомъ прогулки путешественниковъ. Андрѣ предполагаетъ взять съ собою не менѣе 3.000 фотографическихъ пластинокъ, но проявлять ихъ будетъ лишь по возвращеніи изъ своего путешествія. Провизіи будетъ взято на четыре мѣсяца и, кромѣ того, будутъ взяты парусинныя лодки, спасательные аппараты, сани и палатка, всего рода научные инструменты, электрическая батарея и электрической очагъ. Андрѣ убѣжденъ, что при благоприятномъ вѣтрѣ онъ пролетитъ черезъ полюсъ. Онъ произвелъ рядъ довольно удачныхъ опытовъ съ управленіемъ шара и можетъ отклонить его направленіе, по крайней мѣрѣ, на 27° отъ направленія вѣтра. Если воздухоплавателю удастся привести въ исполненіе свой проектъ, то, конечно, это будетъ однимъ изъ самыхъ смѣлыхъ предпріятій на свѣтѣ.

Скандинавскіе народы и ихъ политика. Въ послѣдніе годы въ северныхъ государствахъ Европы замѣчается очень любопытное политическое движеніе, особенно любопытное въ томъ отношеніи, что оно составляетъ рѣзкій контрастъ съ дви-

женіемъ, которое обнаруживается въ южныхъ государствахъ, населенныхъ славянскими народностями. Славяне стремятся къ объединенію, между тѣмъ какъ скандинавскіе народы, наоборотъ, выказываютъ явную склонность къ разединенію, раздробленію. Въ настоящее время скандинавская раса представляетъ двѣ политическія единицы: Швецію съ Норвегіей и Данію съ Исландіей; но она стремится къ распаденію на четыре отдѣльныя части, хотя всѣ четыре народа вмѣстѣ составляютъ этническую единицу и говорятъ почти на одномъ и томъ же языкѣ, такъ какъ лишь разница въ удареніяхъ отличаетъ шведскій и датскій языки, и если исландцы въ данномъ случаѣ представляютъ исключеніе, то лишь потому, что они сохранили архаическій языкъ древнихъ норманновъ.

Наклонности къ сепаратизму, такъ рѣзко выражающіяся у скандинавскихъ народовъ, интересны въ томъ отношеніи, что они составляютъ какъ бы результатъ сильно развитою духа индивидуализма у этихъ народовъ. Этотъ индивидуализмъ выражается у нихъ, на примѣръ, даже въ томъ, что какъ въ Швеции, такъ и въ Норвегіи и особенно въ Исландіи весьма рѣдко можно встрѣтить сельскія поселенія, бурги, деревни. Населеніе разбѣяно и отдѣльныя жилища крестьянъ часто находятся на разстояніи нѣсколькихъ верстъ другъ отъ друга. Норвежскіе и исландскіе крестьяне живутъ точно затерянные въ пустынь и почти не имѣютъ сношеній другъ съ другомъ, но это изолированное положеніе не только не тяготитъ ихъ, но даже имъ нравится. Скандинавскій крестьянинъ никогда не строитъ себѣ жилища вблизи какаго-нибудь другаго жилья, а всегда старается выбрать болѣе или менѣе уединенное положеніе. Особенно рѣзко выступаетъ эта черта скандинавскаго характера на крайнемъ сѣверѣ.

на берегахъ Ледовитаго океана. Въ Норвегій колонисты живутъ уединенно, среди лѣсовъ и горъ и очень рѣдко образуютъ маленькія поселенія. Однимъ словомъ, тамъ, гдѣ у славянъ проявляется инстинктъ ассоціаціи, стремленіе къ общинѣ, мы видимъ у скандинавскихъ народовъ стремленіе къ изоляціи и къ полной индивидуальной независимости. Ничего нѣтъ удивительнаго, что это же чувство выражается и въ политикѣ этихъ народовъ.

И такъ, мы видимъ, что скандинавскіе народы далеко несочувствуютъ принципу націонализма, который преобладаетъ въ настоящее время въ политикѣ остальной Европы. Индивидуальная свобода и независимость—это въ ихъ глазахъ самый главный принципъ, который долженъ быть поставленъ въ основу всякой политики. Поэтому-то Норвегія съ такимъ трудомъ переноситъ свой союзъ съ Швеціей и стремится къ отпаденію. Въ Норвегій, въ настоящее время, существуетъ очень сильная партія, стремящаяся къ разрыву уніи со Швеціей и можно почти навѣрное утверждать, что дни уніи сочтены. Идеаль этой партіи—учрежденіе въ Норвегій республики, совершенно независимой отъ сосѣдняго государства. Къ этому же стремится теперь и Исландія, желающая освободиться отъ опеки Даніи и образовать самостоятельное государство.

Въ началѣ этого столѣтія Исландія управлялась такъ же, какъ и всѣ прочія датскія провинціи, но въ 1843 году въ Исландіи началось движеніе, которое заставило датскаго короля сдѣлать ей нѣкоторую уступку и согласиться на учрежденіе въ Исландіи народнаго собранія «Альтинга», въ воспоминаніе о такомъ же собраніи, существовавшемъ во времена исландской республики. Однако, этимъ дѣло не ограничилось: движеніе 1848 года отразилось даже въ Исландіи и

исландцы стали требовать введенія реформъ. Тутъ на сцену выступаетъ патриотъ Янъ Сигурдсонъ, портретъ котораго украшаетъ и понынѣ залу Альтинга въ Рекьявикѣ, главномъ городѣ Исландіи.

Въ теченіе цѣлыхъ двадцати трехъ лѣтъ Сигурдсонъ добивался конституціи для своего острова. Стоя во главѣ цѣлой партіи, онъ настаивалъ на томъ, чтобы Исландія была дана отдѣльная конституція. Король далъ обѣщаніе, но долго оттягивалъ, и чтобы успокоить исландцевъ, давалъ имъ разныя льготы, свободу торговли и финансовую автономію; но это не удовлетворяло исландцевъ. Наконецъ, въ 1874 году желаніе ихъ было исполнено, и, въ день празднованія тысячелѣтія со времени основанія исландскаго государства скандинавскими выходцами, датскій король даровалъ долгожданную конституцію своимъ арктическимъ подданнымъ, обратившимся для этого въ исторической долинѣ Тингвалла. Въ этой долинѣ, въ теченіе девяти вѣковъ, съ 928 по 1800 г., Альтингъ—собраніе делегатовъ исландскаго народа, совѣщался о дѣлахъ страны, обвѣялъ законы и творилъ судъ. Эта равнина представляетъ «fogus» Исландіи и полна историческихъ воспоминаній. На ней возвышается холмъ «Lögberg»—гора правосудія, гдѣ засѣдали судьи. Рядомъ съ этой горой, въ лавѣ существуетъ глубокая расщелина, куда сбрасывали осужденныхъ на смерть, тотчасъ же по произнесеніи приговора. Нѣсколько далѣе находится песчаная площадка, служившая определеннымъ мѣстомъ для дуелей на ножахъ. Замѣчательно, что вся эта равнина сохранила свой первобытный видъ, несмотря на то, что почва Исландіи имѣетъ вулканической характеръ и въ ней часто совершаются превращенія. Вотъ на этой-то равнинѣ собрались 1-го августа 1874 года жители Исландіи со всѣхъ концовъ, и съ вершины

«Lögsberg», какъ въ древнія времена, имъ были объявлены основные законы. Это былъ моментъ всеобщаго ликования, и бѣднымъ исландцамъ казалось, что снова воскресло ихъ славное прошлое. Положеніе Исландіи по отношенію къ Даніи стало такое же, какъ и положеніе Норвегіи по отношенію къ Швеціи.

Однако, исландцы, также какъ и норвежцы, не довольствуются почти полной автономіей и стремятся къ окончательной независимости. Возрожденіе древней исландской республики также составляетъ идеаль всѣхъ мечтателій исландцевъ. Они недовольны, что въ нѣкоторомъ отношеніи все-таки находятся въ зависимости отъ Даніи, что въ Даніи игнорируютъ исландскую литературу, что въ Исландіи нѣтъ университета и исландская молодежь должна ѣхать въ Данію для полученія высшаго образованія. Почти каждый крестьянинъ въ Исландіи непременно стремится къ полученію ученой степени, хотя весьма рѣдко извлекаетъ какую-нибудь практическую пользу изъ своего диплома. Заручившись дипломомъ и вернувшись домой, онъ снова принимается за полевые ра-

боты, берется за заступъ, исполняетъ должность кучера, погонщика и т. д., не гнушаясь никакимъ ремесломъ. Но въ Даніи, во время пребыванія въ университетѣ, молодые исландцы держатъ себя гордо и неприступно, замыкаясь въ своей національности и не сближаясь съ прочими студентами. Они считаютъ уже не малымъ униженіемъ для себя то, что имъ приходится изучать науку на датскомъ языкѣ, «испорченномъ нарѣчіи древняго благороднаго языка сагъ», и, вернувшись домой, горячо настаиваютъ на учрежденіи въ Рейкьявикѣ исландскаго университета, гдѣ исландскій языкъ былъ бы официальнымъ языкомъ.

Такимъ образомъ, къ политическому вопросу, раздѣляющему двѣ родственныя страны, Данію и Исландію, присоединяется еще историческая и литературная распря. Въ настоящее время исландцы требуютъ абсолютной автономіи и личной уніи съ Даніей, но въ глубинѣ души у нихъ все-таки живетъ надежда на болѣе или менѣе близкое осуществленіе своего идеала—возрожденія республики исландскихъ сагъ.

Изъ иностранныхъ журналовъ.

«Revue des Revues». — «Revue de Paris». — «Revue Scientifique».

Въ октябрьской книжкѣ «Revue des Revues» начинается рядъ статей о женщинахъ, написанныхъ женщинами. Журналъ имѣетъ въ виду дать своимъ читателямъ изображеніе женскихъ типовъ различныхъ странъ и для этой цѣли обратился къ различнымъ писательницамъ съ просьбою написать о женщинахъ своей страны. Первая статья, которою начинается эта галерея женскихъ типовъ, посвящается румынской женщинѣ и принадлежитъ перу румынской королевы Елизаветы, извѣстной въ литературу подъ псевдонимомъ «Карменъ Сильва».

По мнѣнію Карменъ Сильва, румынская женщина интереснѣе всѣхъ прочихъ европейскихъ женщинъ, такъ какъ въ ней соединяются черты очень многихъ расъ, смѣсью которыхъ является румынскій народъ. Даки, римляне, готы, кельты, славяне, греки и др. народы послѣдовательно населяли румынскія равнины, оставляя свой отпечатокъ, и поэтому въ румынской женщинѣ мы можемъ найти черты римской матроны, одновременно съ чертами славянки, гречанки, татарки, суетливой, но поэтической женщины кельтовъ и европейской парии-

цыганки, красивой какъ статуя или ужасной какъ колдунья, но все же живописной даже въ лохмотьяхъ.

Красота румынской женщины давно уже пользуется извѣстностью, но другія ея качества, энергія, мужество, преданность недостаточно хорошо извѣстны Европѣ, мало знакомой съ исторіею Румыніи. Между тѣмъ, только изучивъ эту исторію, можно получить вѣрное понятіе о румынской женщинѣ, которой Румынія обязана своимъ существованіемъ. Румынскія женщины были всегда хранительницами языка, религіи и преданій страны. Масса легендъ и старинныхъ балладъ, собранныхъ румынскимъ поэтомъ Александріи, восхваляютъ мужество и преданность румынской женщины.

Можно было бы наполнить цѣлую большую книгу, говорить далѣе Карменъ Сильва, описывая нравы, привычки и жизнь румынской крестьянки, этого терпѣливаго существа, работающаго въ полѣ лѣтомъ и за плетнями зимой. Она прядетъ, ткеть, шьетъ и вышиваетъ чудные наряды, восхищающіе взоры гармоническимъ сочетаніемъ цвѣтовъ. Она улыбается рѣдко и красота ея быстро увядаетъ отъ тяжелой работы и отъ слишкомъ большого числа дѣтей. Ея обращеніе, всегда очень степенное, внушаетъ уваженіе и только въ рѣдкихъ случаяхъ, да и то у богатыхъ крестьянокъ, дающихъ и эксплуатирующихъ бѣдныхъ, оно переходитъ въ грубость. Между бѣдными же взаимопомощь развита трогательнымъ образомъ и, напримѣръ, если въ семьѣ много дѣтей и это въ тягость бѣдной матери, то женщины, не имѣющія дѣтей, берутъ часть ихъ къ себѣ, и такія усыновленные дѣти называются «дѣтьми души».

Румынская женщина способна на всякія самопожертвованія и считаетъ ихъ вполне естественными. Карменъ Сильва занимаетъ изъ румынской исторіи цѣлый рядъ разсказовъ о

героическихъ дѣяніяхъ румынскихъ женщинъ. Въ настоящее время миновала уже героическій періодъ исторіи и румынскимъ женщинамъ нѣтъ надобности совершать геройскіе подвиги съ мечомъ въ рукахъ, защищая свою страну, свою семью или своихъ дѣтей. Но свою способность къ самоотверженію они перенесли въ другую область, болѣе приличествующую женщинѣ, нежели кровавые воинственные подвиги. Во время войны 1877 года онѣ поражали иностранныхъ врачей своимъ геройствомъ, мужествомъ и самоотверженнымъ уходомъ за ранеными. Теперь среди румынскихъ женщинъ обнаруживается еще новое стремленіе — стремленіе къ ученію. Онѣ уже не выходятъ болѣе замужъ въ двѣнадцать лѣтъ, какъ прежде, и поэтому посвящаютъ ученію свои молодые годы, поступая въ университеты и добиваясь ученыхъ степеней. Сдѣлавшись матерью, румынская женщина будетъ себѣ отказывать во всемъ, чтобы только дать воспитаніе своимъ дѣтямъ. Десятилѣтнія дѣвочки въ румынской семьѣ уже раздѣляютъ заботы своихъ родителей и знаютъ, что жизненный путь далеко не усыпанъ розами. И въ румынскихъ матеряхъ, хранительницахъ лучшихъ сокровищъ націи, Карменъ Сильва видитъ залогъ великаго будущаго румынскаго народа.

Въ своихъ журнальныхъ очеркахъ и сценахъ, напечатанныхъ въ «*Revue de Paris*» извѣстный французскій журналистъ Морисъ Тальмейръ изображаетъ, между прочимъ, Луи Блана, въ качествѣ редактора газеты. Около 1877 года Луи Бланъ рѣшилъ основать газету «*L'Homme Libre*», сдѣлавшуюся для него источникомъ всевозможныхъ нравственныхъ мученій. Человѣкъ самой идеальной чести и доброты, Луи Бланъ никакъ не могъ понять необходимости компромиссовъ, требуемыхъ современною жизнью. Его

идеальный взгляд на служеніе печати обществу рѣшительно не вязался съ современнымъ взглядомъ на газету, какъ на выгодное предпріятіе, приносящее доходы; поэтому, пытки для него начались съ самаго момента выхода его газеты и открытія бюро редакціи. Онъ не зналъ, какъ ему отдѣлаться отъ массы людей, предлагавшихъ ему съ разныхъ сторонъ свои услуги въ качествѣ редакторовъ отдѣловъ, фельетонистовъ, поетовъ, биржевиковъ и финансистовъ и т. д. «Друзья мои,—сказалъ онъ кратко своимъ сотрудникамъ.—Вѣдь мы же друзья народа, демократы, въ нашей газетѣ не должно быть финансоваго бюллетеня». — «Что вы!—воскликнули всѣ его сотрудники въ одинъ голосъ.— Вѣдь финансовый бюллетень составляетъ доходную статью для газеты». — Но этого бѣдный Луи Бланъ никакъ не могъ понять! — «Какъ это... доходы!—говорилъ онъ въ смущеніи.— Вѣдь не для того же мы основали газеты, чтобы... Доходная статья!.. Нѣтъ, это слишкомъ!»

Такимъ же источникомъ мученія служили для него и объявленія. «Эти объявленія, мой другъ,—спрашивалъ онъ своего администратора,—отвѣчаете вы мнѣ за ихъ нравственность?» Онъ былъ противъ объявленій, но администраторъ возразилъ ему, что безъ объявленій газета существовать не можетъ и ее пришлось бы продавать такъ дорого, что ни одинъ рабочий не въ состояніи будетъ покупать ее. Это было аргументомъ, противъ котораго Луи Бланъ не могъ ничего возразить, такъ какъ вопросъ былъ поставленъ ребромъ: или отказаться отъ газеты, или согласиться на объявленія. Луи Бланъ согласился, но каждый вечеръ, просматривая четвертую страницу, онъ морщился и душу его опять начинали терзать сомнѣнія «Милый другъ,—говорилъ онъ секретарю редакціи, какъ всегда тщателью подыскивая выраженія,—я вижу

тутъ объявленія и адреса банковъ, ссудныхъ кассъ, фармацевтическихъ препаратовъ... Я не хочу сомнѣваться въ добпорядочности всѣхъ этихъ торговыхъ фирмъ, но... скажите... вамъ онѣ хорошо извѣстны?.. Можемъ мы ихъ смѣло рекомендовать?..» На замѣчаніе секретаря, что этой страницы нельзя касаться, такъ какъ она за-контрактована, Луи Бланъ восклицалъ съ отчаяніемъ: «Ахъ, я это прекрасно знаю!.. Я не думаю посягать на владѣніе другого... Но вѣдь надо же соблюдать извѣстныя границы, а то мы можемъ дойти до того, что наша газета будетъ рекомендовать всѣмъ уже двусмысленныхъ личностей... Вотъ, напримѣръ, объявленіе о сомнамбулѣ. Что это за особа? Неужели же, спрашиваю васъ, мы должны быть посредниками всѣхъ этихъ лицъ, матримоніальныхъ агентствъ и проч.? Вѣдь это выходитъ, что я покровительствую такимъ вещамъ...»

Луи Бланъ чувствовалъ себя скопрометированнымъ. Онъ былъ созданъ для того, чтобы засѣдать въ академіи, а между тѣмъ попалъ въ лавочку, и это заставляло его глубоко страдать. Точно также онъ не выносилъ рѣзкихъ, сильныхъ словечекъ, которыми любили уснащать свою хроннику его сотрудники. Онъ съ кротостью выговаривалъ своимъ сотрудникамъ ихъ индиферентизмъ. «Измѣрили ли вы весь ужасъ того, что вы рассказываете?—говорилъ онъ тономъ грустнаго огорченія кому-нибудь изъ своихъ молодыхъ сотрудниковъ.—И вы даже не протестуете! Вы только описываете!.. Подумали ли вы о чловѣчествѣ, мое дитя?..»

Все въ редакціи огорчало и оскорбляло лучшія чувства Луи Блана. Газета его не шла; въ администраціи царствовалъ ужасный безпорядокъ. Въ концѣ концовъ Луи Бланъ не выдержалъ и въ одинъ прекрасный день не явился въ редакцію, газета «*Homme libre*» перестала суще-

ствовать, и, вѣроятно, Луи Бланъ почувствовалъ не малое облегченіе, когда отдѣлялся отъ этой обузы и могъ, наконецъ, вздохнуть свободно, игнорируя четвертыя страницы газетъ, объявленія о фармацевтическихъ средствахъ, банкахъ, агентствахъ и т. п. и не зная болѣе ни финансовыхъ бюллетеней, ни статей сотрудниковъ, не понимавшихъ его возвышенной души.

Китай и Японія не перестаютъ интересоваться европейскую печать, и въ послѣднее время появилась такая масса статей и книгъ объ этихъ странахъ, что образованный европеецъ имѣетъ теперь возможность ознакомиться съ ними даже лучше, чѣмъ съ нѣкоторыми укромными закоулками своего собственнаго отечества. Однако о Японіи, какъ болѣе доступной для европейцевъ странѣ, все-таки написано больше, нежели о Китаѣ, который во многихъ отношеніяхъ остается еще terra incognita для европейца. Японскіе города описываются большинствомъ авторовъ довольно привлекательными красками; нельзя того же сказать о китайскихъ городахъ. Вотъ, на примѣръ, что говорить о Пекинѣ Т. Чайль, въ своей конференціи въ Лондонскомъ Обществѣ «Society of Arts», сообщеніе о которой напечатано въ «Revue Scientifique».

Пекинъ лежитъ въ песчаной равнинѣ, окруженной горами, и климатъ его отчасти напоминаетъ климатъ Нью-Йорка. Зима въ Пекинѣ обыкновенно бываетъ сухая и ясная, безъ дождей и тумановъ, и лишь въ очень рѣдкихъ случаяхъ температура понижается нѣсколько ниже нуля. Навигация прекращается на три мѣсяца, такъ какъ замерзаетъ не только рѣка, но и море до гаваней Чифу. Самые жаркіе мѣсяцы это—май, іюнь и іюль. Въ это время выпадаетъ очень много дождей, сезонъ которыхъ продолжается до половины ок-

тября, а съ этого времени до слѣдующаго іюня не выпадаетъ ни дождей, ни снѣга. Зимой свирѣпствуютъ часто ледяные вѣтры и почва промерзаетъ почти на метръ глубины. Городъ раздѣляется на двѣ части: на татарскій и на китаяскій городъ; оба окружены стѣнами. Татарскій городъ имѣетъ девять воротъ и внутри его находится императорскій городъ, тоже окруженный стѣной, въ которомъ, въ свою очередь, заключается священныи городъ, гдѣ находятся свирцы и куда ни одинъ изъ иностранцевъ не можетъ проникнуть.

Зелени въ Пекинѣ много, почти всѣ дома скрываются за деревьями. Главныя улицы очень широки и кажутся еще шире отъ низенькихъ одноэтажныхъ домиковъ. Онѣ идутъ по прямой линіи и соединяются узкими переулками, грязь которыхъ не поддается описанію. Впрочемъ, грязь въ Пекинѣ вообще очень велика; въ сезонъ дождей люди тонутъ на улицахъ, и поэтому полицейскіе агенты ставятъ теперь вѣхи для указанія пути пѣшеходамъ и экипажамъ, когда начинается дождливое время. Хотя въ Пекинѣ существуетъ даже система сточныхъ каналовъ, но она такъ плохо устроена, что остается безъ всякаго употребленія, и всѣ нечистоты выливаются прямо на улицу.

Самое замѣчательное зданіе въ Пекинѣ—это, безспорно, обсерваторія, старѣйшая на свѣтѣ, основанная въ 1275 году. Теперь она пришла въ сильный упадокъ и въ ней нѣтъ инструментовъ моложе полутора ста лѣтъ, и всѣ столы покрыты чуть ли не вѣковымъ слоемъ пыли. Затѣмъ идетъ экзаменаціонный дворецъ, состоящій изъ 15.000 маленькихъ клѣтушекъ, не болѣе одного метра въ ширину и полутора метра въ длину. Въ этихъ клѣтушкахъ стоятъ только скамья и столъ. Кандидатовъ запираютъ въ эти клѣтушки на одинъ день и двѣ ночи, и они не смѣютъ отлучиться изъ нихъ

ли подѣ какиѣ предлогомъ. Книгъ имъ не позволяется имѣть съ собою. Имъ задается письменная тема и вручается тетрадь, на которой написано имя кандидата. Въ этой тетрадѣ онъ пишетъ свое сочиненіе на заданную тему. Экзаменующихся бываетъ всегда много и часто можно видѣть внука и дѣда, добивающихся одного и того же диплома. Пекинская газета рассказываетъ, что во время одного только экзаменаціоннаго періода было 35 кандидатовъ, перешедшихъ 80-лѣтній возрастъ, и 18, достигшихъ 90 лѣтъ

и болѣе. Однако счастливецъ, удостоившихся ученой степени, бываетъ немного, и изъ 15.000 кандидатовъ, напримѣръ, иногда не болѣе 200 получаютъ желанный дипломъ. Но изъ этого отнюдь не слѣдуетъ выводъ благопріятнаго заключенія о степени интеллектуальной культуры страны. Эта культура также устарѣла, какъ устарѣли инструменты обсерваторіи, и ни одна свѣжая струя воздуха не проникаетъ въ нее, чтобы смести въ-ковую пыль, густымъ слоемъ покрывающую китайскіе умы.

ПИСЬМА ВЪ РЕДАКЦІЮ.

I.

Отъ Отдѣла для содѣйствія самообразованію при Комитетѣ Педагогическаго Музея.

Въ «Критическихъ замѣткахъ» г. А. Б., помѣщенныхъ въ «Мірѣ Вожіемъ» за іюль этого года, былъ сдѣланъ небольшой разборъ программъ чтенія для самообразованія, составленныхъ вышеназваннымъ Отдѣломъ и напечатанныхъ въ VIII т. «Историческаго Обзорѣнія». Не вступая въ полемику съ авторемъ «Замѣтокъ», составители программъ считаютъ нужнымъ указать на фактическія невѣрности, встрѣчающіяся въ этихъ «Замѣткахъ».

1. Комиссія, составившая программы, существуетъ не при Историческомъ Обществѣ, какъ сказано въ статьѣ (стр. 224), а при Комитетѣ Педагогическаго Музея, что и отмѣчено было въ самыхъ программахъ.

2) Сравнивая разбираемую программу энциклопедическаго чтенія съ московскими программами домашняго чтенія, авторъ говоритъ, что въ первой естествознаніе находится въ полномъ пренебреженіи сравнительно со вторыми (стр. 225). Дѣло, однако, въ томъ, что всѣхъ книгъ и статей по естественнымъ наукамъ въ разбираемой г. А. Б. программѣ названо около 85 изъ 250, въ московскихъ же программахъ — 35 изъ 109, т. е. въ обоихъ случаяхъ одинаково около трети.

3. Г-нъ А. Б. приписываетъ составленіе списка книгъ по физиологии гг. Антоновичу и Рубакину (стр. 222), хотя въ программахъ прямо въ данномъ случаѣ названъ проф. Павловъ, причемъ по представленію рецензента въ программѣ названы только изданія 60-хъ годовъ и одно 70-го года, тогда какъ на самомъ дѣлѣ названы и сочиненія девяностыхъ годовъ, и одно изъ нихъ даже особенно рекомендуется по своей современности.

4. По словамъ рецензента, историческія программы «начинаются и кончаются трудами» гг. Карѣва и Семевскаго (стр. 294). Въ дѣйствительности, изъ трехъ съ половиною десятковъ сочиненій по всеобщей исторіи, названныхъ въ программѣ, указаны всего четыре общихъ труда Н. И. Карѣва, въ томъ числѣ общій курсъ всей новой западно-европейской исторіи съ XIV в. до 1830 г. Въ энциклопедической программѣ по русской исторіи всѣхъ авторовъ сочиненія коихъ указываются, около двадцати, и изъ сочиненій В. И. Семевскаго названы лишь введеніе въ его трудъ по исторіи крестьянъ въ Россіи въ XVIII и XIX вв. и небольшой литографированный курсъ по исторіи крестьянскаго вопроса. Невѣрно и утвержденіе (стр. 223), будто по исторіи крестьянъ въ XVIII в. названы только сочиненія г. Семевскаго: кромѣ его монографіи, указаны еще: *Побѣдоносцева*, «Историческія изслѣдованія»; *Лазаревскаго*, «Малороссійскіе посполитые крестьяне»; *Лучицкаго*, «Займанщина и формы землевладѣнія въ Малороссіи» и *Макотина*. «Прикрѣпленіе крестьянъ въ лѣвобережной Малороссіи».

5. По представленію дѣла г. А. Б. у читателя можетъ составить такое впечатлѣніе, будто въ программахъ по политической экономіи то же самое случилось съ трудами гг. Карышева и Яропкаго (стр., 223—224). Между тѣмъ на дѣлѣ оказывается, что въ одной (энциклопедической) программѣ названо девять сочиненій, изъ коихъ лишь одно принадлежатъ г. Карышеву, и притомъ это—весьма популярное изложеніе основъ науки, а во второй (спеціальной) программѣ изъ цѣлой сотни сочиненій лишь шесть принадлежатъ г. Карышеву, и два—г. Яропкому.

Разборъ другихъ заявленій рецензента Отдѣлъ сдѣлаетъ въ издаваемомъ имъ Сборникѣ.

II.

Милостивый Государь,
Господинъ Редакторъ!

Въ іюльской книжкѣ Вашего журнала помѣщена статья г. А. Б. который, разбирая составленную петербургскимъ «Отдѣломъ для содѣйствія самообразованію» программу самообразовательнаго чтенія, упрекаетъ авторовъ ея въ томъ, что они рекомендуютъ публикѣ свои собственные труды. Между прочимъ, г. А. Б. въ весьма игривой формѣ обвиняетъ и меня въ томъ, что я въ спеціальной программѣ по русской исторіи дважды, подъ двумя разными вопросами, указалъ свою статью «Прикрѣпленіе крестьянства лѣво-

бережной Малороссіи въ XVIII в.» *), видя въ этомъ какъ бы самохвалство съ моей стороны. Въ виду серьезности предпріятія, о которомъ идетъ рѣчь, и тяжести взведеннаго на меня обвиненія, я считаю необходимымъ сказать въ свою защиту нѣсколько словъ и надѣюсь, что Вы не откажете дать имъ мѣсто на страницахъ Вашего журнала, въ которомъ появилось и самое это обвиненіе.

Прежде всего моя статья указана не мною, а составлявшей специальную программу по русской исторіи комиссіей изъ трехъ лицъ, въ число которыхъ входилъ, правда, и я, но не для того, чтобы указывать свои труды. Во-вторыхъ, — и это важнѣе, — г. А. Б. не потрудился, повидимому, сколько-нибудь внимательно просмотрѣть разбираемую имъ программу. Иначе онъ не могъ бы не замѣтить, что двойное указаніе одного и того же труда, въ которомъ онъ меня обвиняетъ, составляетъ въ данной программѣ не исключеніе, а общую ея особенность. Въ самомъ дѣлѣ, лекціи проф. Ключевскаго указаны въ ней 3 раза, подъ тремя различными вопросами, книга г. Пыпина «Общественное движеніе при Александрѣ I» — 3 раза, книга г. Романовича-Славаринскаго «Дворянство въ Россіи» — 2 раза, «Лекціи и изслѣдованія» проф. Сергѣевича — 3 раза и т. д. Разъ замѣтивъ эту особенность программы, не трудно ужъ, кажется, было найти ей объясненіе. Специальная программа по русской исторіи составлена была въ томъ предположеніи, что лица, занимающіяся по ней, могутъ заинтересоваться тѣмъ или инымъ отдѣльнымъ вопросомъ изъ области данной науки. Такіе вопросы и намѣчены въ программѣ и подъ каждымъ изъ нихъ сгруппирована относящаяся къ нему и наиболѣе, по взгляду составителей, важная и доступная литература. Поэтому-то начало моей статьи, въ которомъ идетъ рѣчь о внутренней исторіи Малороссіи въ XVII столѣтіи, указано подъ вопросомъ «Малороссія въ XVII в.», а указаніе на всю статью повторено подъ рубрикой «Малороссія въ XVIII в.». Поэтому же и указанія на труды другихъ авторовъ повторяются нѣсколько разъ, при различныхъ вопросахъ. Замѣтить все это, кажется, было не трудно, даже при бѣгломъ просмотрѣ программы, но г. А. Б. не замѣтилъ. Я не хочу думать противнаго, такъ какъ это значило бы обвинить самого г. рецензента въ недобросовѣстномъ отношеніи къ своимъ читателямъ. Предоставляя читателямъ судить, справедливо ли взведенное на меня обвиненіе, я не могу въ заклю-

*) Г. рецензентъ зачѣмъ-то прибавилъ къ этому заглавію слова: «къ Россіи», лишившія его всякаго смысла. Въ моей статьѣ говорится о прикрѣпленіи крестьянъ къ землѣ, а не къ Россіи.

ченіе не сказать, что серьезное по своей цѣли предпріятіе заслуживало и серьезнаго къ нему отношенія, а не одного безцеремоннаго глумленія.

Готовый къ услугамъ Вашимъ
В. Мякотинъ.

III.

М. Г.,

Г. Редакторъ!

Полученныя Вами возраженія на «Замѣтки» мои въ іюльской книжкѣ обязываютъ меня сказать нѣсколько словъ, главнымъ образомъ, по поводу фактическихъ поправокъ, присланныхъ «Отдѣломъ». Я надѣюсь, что, въ интересахъ выясненія дѣла, Вы не откажетесь помѣстить и мои къ нимъ замѣчанія.

На пунктѣ первомъ не буду останавливаться, думая, что и почтенная Коммиссія, составившая программы, не придаетъ ему особаго значенія. Охотно признаю свою ошибку, которая не умила достоинства программъ и не увеличила ихъ недостатковъ.

Пунктъ второй возбуждаетъ во мнѣ большое недоумѣніе. Мнѣ кажется прежде всего, что статистическій *) методъ въ данномъ случаѣ едва ли доказателенъ, такъ какъ любая программа для чтенія оцѣнивается никакъ не количествомъ входящихъ въ нее книгъ. Неужели это положеніе еще нужно доказывать? Я полагаю, что весь вопросъ въ разработкѣ данной науки въ программѣ. А какъ отнеслись къ этому нѣкоторые составители программъ, я указалъ на примѣрѣ программъ по геологій и физиологій, какъ болѣе характерныхъ. Сравнить программы Коммиссіи и московской Коммиссіи помощи домашнему чтенію—я даже и не думалъ, потому что онѣ и не сравнимы **), и отмѣтилъ только рѣзко бросающуюся въ глаза неполноту программъ по естествознанію сравнительно съ программами по другимъ отраслямъ знанія, — чего въ программахъ московской Коммиссіи нѣтъ.

*) Между прочимъ, разъ статистика, то она должна быть точна. Не 85 «книгъ и статей» указано въ программахъ по естествознанію, а 63 (нѣкоторыя книги, кромѣ того, повторяются), что нѣсколько мѣняетъ выведенное Коммиссіей отношеніе. Но, повторю, дѣло не въ количествѣ.

**) Дѣло въ томъ, что въ программахъ Московской Коммиссіи дана программа чтенія на первый годъ, какъ вступленіе къ двумъ отдѣламъ естествознанія: 1) науки о природѣ неорганизованной (физико-химическія), 20 сочиненій; 2) науки о природѣ организованный (біологическія), 15 сочиненій. Не затронуты, такимъ образомъ, астрономія, геологія физиологія, и проч.

Коммиссія ошибается, заявляя, что программу по физиологіи я приписываю исключительно гг. Автоновичу и Рубакину: на стр. 220 «Замѣтокъ» я «прямо» называю проф. Павлова. Что мое представленіе объ историческомъ характерѣ этой программы небезосновательно, доказывается тѣмъ, что изъ 7-ми приведенныхъ въ ней сочиненій, только *два* новыхъ, а остальные *пять*, при всемъ уваженіи къ автору программы, я и теперь осмѣливаюсь считать ияѣющими историческое значеніе, въ особенности «Физиологію» Льюиса и «Физиологическія письма» Фохта, упоминаемыя и въ «Замѣткахъ».

Лучшимъ отвѣтомъ на пунктъ четвертый, мнѣ кажется, могутъ служить тѣ программы, въ составленіи которыхъ главное участіе принималъ самъ г. Н. Карѣевъ. Вотъ одна изъ нихъ:

По социологіи. Разбивъ программу на 7 вопросовъ, авторъ, г. Н. Карѣевъ, приводитъ по каждому слѣдующія сочиненія: 1) Социологія, какъ наука, изучающая законы, коими управляются общественныя явленія: *Г. Льюисъ и Д. С. Милль*. Огюсть Контъ и положительная философія (вторая часть Льюиса). *Д. С. Милль*. Система логики (т. II, кн. 6, логика нравственныхъ наукъ). *Г. Спенсеръ*. Объ изученіи социологіи. Н. Карѣевъ. Основные вопросы философіи исторіи (т. II, кн. III, гл. 1). *Эспинасъ*. Соціальная жизнь животныхъ (вступленіе).—2) Научный и этический элементъ социологіи: Н. Карѣевъ. Историко-философскіе и социологическіе этюды (статья «О субъективизмѣ въ социологіи» и «Философія, исторія и теорія прогресса»), или Н. Карѣевъ. Основные вопросы философіи исторіи, т. I, кн. II, гл. 1, 4 и 5.—3) Отношеніе социологіи къ биологіи и психологіи (дарвинизмъ въ социологіи, органическая теорія общества, коллективная психологія): *Н. Михайловскій*. Дарвинизмъ въ социологіи и Обществе, недѣлимое и организмъ («Сочиненія»). *С. Южаковъ*. Социологическіе этюды. Н. Карѣевъ. Общество и организмъ (въ Истор.-фил. и соц. этюдахъ). Н. Карѣевъ. Основные вопросы философіи исторіи (т. II, кн. III, гл. 3). *Г. Спенсеръ*. Основы социологіи.—4) Отношеніе социологіи къ другимъ общественнымъ наукамъ (въ частности вопросъ объ экономическомъ материализмѣ): *Льюисъ и Милль*. Огюсть Контъ (мѣсто о классификаціи наукъ). Н. Карѣевъ. Основные вопросы философіи исторіи (т. II, кн. III, гл. 2). Н. Карѣевъ. Экономическій материализмъ въ исторіи (въ Истор.-фил. и соц. этюдахъ)—5) Зависимость исторіи отъ природн. условій: *Бокль*. Исторія цивилизаціи въ Англіи (ч. I, гл. 2). Н. Карѣевъ. Основные вопросы (т. II, кн. III, гл. 4).—6) Сущность историческаго процесса и роль личности въ исторіи: Н. Карѣевъ. Основные вопросы, т. II, кн. IV, гл. 1. *Н. Михайловскій*. Герои и толпа («Сочиненія»). Н. Карѣевъ. Сущность историческаго процесса и роль личности въ исторіи. *И. Николаевъ*. Активный прогрессъ.—7) Что такое прогрессъ: Н. Карѣевъ. Идея прогресса въ ея историческомъ развитіи (въ Истор.-фил. и соц. этюдахъ). *Н. Михайловскій*. Что такое прогрессъ? (въ «Сочиненіяхъ», ср. статью «Формула прогресса г-на Михайловскаго» въ «От. Зап.» за 1870 г.). Н. Карѣевъ. Основные вопросы философіи исторіи (т. II, кн. IV, гл. II и III). (Стр. 30—31 «Энциклоп. программы»).

По всеобщей исторіи программа составлена совершенно такъ же: разбивъ ее на 14 вопросовъ, авторъ каждый вопросъ, кромѣ

1, 4 и 5, начинается указаніемъ на сочиненія г. Н. Карѣва, въ видѣ добавленія къ которымъ приводятся и другіе соотвѣтственные авторы (стр. 34—35).

Коммиссія, дѣйствительно права, замѣчая, что «указаны всего четыре общихъ труда г. Н. Карѣва»,—но какъ указаны, это я и отмѣтилъ въ «Замѣткахъ».

Что касается г. Семевского, то въ «Замѣткахъ» приведено лишь то, что напечатано въ программахъ на стр. 45, § 16 съ примѣчаніемъ.

Говоря о программѣ по политической экономіи, я отнюдь не утверждалъ, что, кромѣ трудовъ гг. Карышева и Яроцкаго, тамъ нѣтъ ничего другого. То же, что я тамъ говорю, излишне повторять здѣсь, такъ какъ интересующіеся могутъ найти это на стр. 32—33 энциклопедической программы, а также на стр. 53—54 тамъ же.

Относительно возраженія г. Мякотина распространяться не стану, такъ какъ оно достаточно ясно само по себѣ. Позволю себѣ лишь замѣтить, что будь я г—номъ Мякотинымъ, то, можетъ быть, я тоже находилъ бы вполне умѣстнымъ двойное (и даже тройное: см. стр. 45, 46 и 53 прогр.) указаніе своихъ трудовъ на ряду съ такимъ же указаніемъ трудовъ гг. Ключевского, Пыпина, Романовича-Славатинскаго или проф. Сергѣевича. Допускаю даже, что я ничего не имѣлъ бы противъ указанія и такихъ своихъ трудовъ, которые «къ сожалѣнію въ продажѣ не находятся и, слѣдовательно, могутъ быть доступны развѣ посѣтителямъ публичныхъ библиотекъ Петербурга и Москвы» (см. программы, стр. 43). Охотно допуская это, я, тѣмъ не менѣе, могу только остаться на этотъ счетъ при особомъ мнѣніи, высказанномъ въ «Замѣткахъ» июльской книжки, хотя бы оно и казалось моему почтенному оппоненту «безцеремоннымъ глумленіемъ».

Примите увѣреніе и проч.

А. Б.

Издательница А. Давыдова.

Редакторъ Викторъ Острогорскій.

БИБЛЮГРАФИЧЕСКІЙ ОТДѢЛЪ

ЖУРНАЛА

„МІРЪ БОЖІЙ“.

Ноябрь

1895 г.

Содержаніе. Беллетристика. — Публицистика. — Юридическія науки. — Политическая экономія. — Естествознаніе. — Дѣтскія книги. — Новости иностранной литературы. — Новыя книги, поступившія въ редакцію.

БЕЛЛЕТРИСТИКА.

Д. Маминъ-Сибирякъ. «Три конца (уральская лѣтопись)». — *О. Петерсонъ.* «Семейство Бронте». — *Эдвинъ Арнольдъ.* «Свѣтъ Азіи». Пер. *А. М. Федорова.* — «Свѣтило Азіи». Пер. *И. М. Сабашникова.* — «Въ добрый часъ». Сборникъ.

Д. Маминъ-Сибирякъ. Три конца (уральская лѣтопись). Изданіе **О. Н. Поповой.** 1895 г. Ц. 2 р. — Больше тридцати лѣтъ отдѣляетъ насъ отъ того великаго момента, когда освобожденный русскій народъ началъ гражданскую жизнь и изъ безправнаго раба впервые почувствовалъ себя человѣкомъ. Выросло цѣлое поколѣніе, для котораго времена крѣпостнаго права сдѣлались преданіями, постепенно стирающимися подъ вѣяніемъ новыхъ впечатлѣній. Новыя условія жизни и новые интересы, отгнѣсая прошлое, не позволяютъ видѣть прямой зависимости между тѣмъ, что совершается теперь, и что, повидимому, отошло навсегда. Тѣмъ поучительнѣе и интереснѣе такія произведенія, которыя развертываютъ передъ нами живую картину этого недалекаго еще прошлаго, заставляя переживать его волненія, надежды и опасенія. Уральская лѣтопись г. Мамина «Три конца» именно посвящена этому переходному моменту, когда свобода освѣтила одинъ изъ мрачнѣйшихъ уголковъ Россіи, и весь ужасъ крѣпостной эпохи выступилъ наружу. Лѣтопись начинается мастерски написанной картиной освобожденія, въ которой радость свободы омрачена тягостными воспоминаніями вчерашняго дня. Центральнымъ лицомъ первой части лѣтописи является одно изъ разбитыхъ существованій, жертва бессмысленной жестокости крѣпостныхъ временъ, когда человѣческая личность сплошь и рядомъ падала подъ гнетомъ самодурства и дикаго произвола. Владѣлецъ завода, одинъ изъ уральскихъ автократовъ, проживавшихъ въ Парижѣ милліоны, выколачиваемые изъ народа, задумалъ имѣть своихъ крѣпостныхъ инженеровъ, техниковъ, ученыхъ, и съ этою цѣлью выбрать нѣсколько десятковъ лучшихъ мальчиковъ, которыхъ, какъ дикое стадо, отправили въ Парижъ «въ науку». Часть ихъ погибла, болѣе стойкіе и способные примѣнились къ новой жизни и закончили высшее образованіе, нѣкоторые даже съ такимъ успѣхомъ, какъ герой разсказа Мухинъ, который кончилъ первымъ ученикомъ знаменитую политехническую школу и удостоился чести быть

представленнымъ французскому королю, угощавшему обѣдомъ, по обычаю, первыхъ учениковъ высшихъ заведеній. И вотъ способный горный инженеръ, слава и гордость школы, возвращается на родину по требованію своего владѣльца, и здѣсь русская жизнь вступаетъ въ свои права. «Академикомъ», какъ въ насмѣшку прозвали несчастныхъ крѣпостныхъ ученыхъ, отдали въ полное распоряженіе крѣпостной администраціи. «Геній крѣпостнаго управляющаго проявился въ полномъ блескѣ: горные инженеры получили мѣста писцовъ въ бухгалтеріи, техники были приставлены пріемщиками угля и т. д.», словомъ, издѣвательство надъ ученостью, столь ненавистной и крѣпостникамъ нашего времени, нашло себѣ богатое примѣненіе. «Нужно ли говорить, что произошло потомъ? Всѣ «заграничные» кончили очень быстро; двое спились, одинъ застрѣлился, трое умерли отъ чахотки, а остальные сошли съ ума». Не слѣдуетъ думать, что г. Маминъ «придумалъ» эту исторію: еще недавно въ газетахъ была оглашена переписка А. И. Тургенева съ Жуковскимъ по поводу одного крѣпостнаго ученаго, принадлежавшаго Шереметьеву, который все обѣщалъ освободить его черезъ десять лѣтъ службы, да такъ и умеръ, не освободивъ. Или исторія Шевченки, выкупленнаго тѣмъ же Жуковскимъ. Современнаго читателя невольно останавливаетъ вопросъ, что же заставляло этихъ «академикомъ» возвращаться на родину, когда за границей они могли остаться свободными, равноправными всѣмъ? Но не слѣдуетъ забывать, что даже и у нихъ рабскіе инстинкты были еще живы въ душѣ, что чувство свободы требуетъ, какъ и всѣ чувства высшаго порядка, извѣстной культуры, и нужны цѣлыя поколѣнія, пока свобода советъ себѣ прочное гнѣздо въ сердцѣ человѣка. Не смотря на просвѣщеніе, «академики» оставались рабами, предпочитая гибнуть, не имѣя силы оторваться отъ родины и всего, что дорого каждому, и выражая протестъ обычнымъ русскимъ способомъ—пьянствомъ или самоубійствомъ. Личность Мухина, единственнаго «академика», пережившаго крѣпостную муку, очерчена въ лѣтописи очень живо и принадлежитъ къ числу лучшихъ характеровъ, созданныхъ г. Маминимъ въ его галереѣ уральскихъ типовъ.

Для несчастныхъ «академикомъ» свобода пришла слишкомъ поздно, но въ населеніи завода она оживила надежды и подняла духъ борьбы за лучшее будущее. Ожило прежде всего никогда не умирающее въ русскомъ крестьянинѣ стремленіе къ землѣ, въ которомъ сказывается инстинктивная жажда самостоятельности. Тонкими штрихами отмѣчаетъ г. Маминъ постепенное броженіе, начинающееся на заводѣ, которое охватываетъ скоро всѣ болѣе стойкіе характеры и переходитъ въ неудержимую жажду бросить каторжную работу и искать своего «хлѣба», а не покупнаго. Въ этомъ стремленіи сливаются разношерстные элементы, изъ которыхъ слагалось крѣпостное населеніе. Тутъ были и угрюмые «кержаки»—раскольники, выведенные изъ Нижегородской губерніи, и бойкіе туляки, представители центральной Россіи, и мечтательные, неподвижные хохлы. Крѣпостное право, равно душившее всѣхъ, въ то же время раздѣляло ихъ, заставляя каждого крѣпко

держаться преданій, представлявшихъ нѣкоторое убѣжище для «души». Свобода дала почувствовать общность интересовъ и вызвала бессознательное стремленіе къ слиянію. Наступившее оживленіе, броженіе силъ и мечты о лучшей жизни, расшатываетъ старые крѣпостные устои, какъ нравственные, такъ и экономическіе. Неудачная попытка переселенія довершаетъ паденіе «старины», и молодое поколѣніе начинаетъ устраивать жизнь «по новому», гдѣ нѣтъ мѣста прежней отчужденности, вытѣсняемой все растущимъ сознаніемъ взаимной близости. На этомъ авторъ останавливается, заканчивая лѣтопись картинкой счастливой, бодрой жизни молодой пары, на развалинахъ крѣпостнаго права начинающей постройку новаго зданія—просвѣщенія и свободы.

Какъ художественное произведеніе, «Три конца» слѣдуетъ признать однимъ изъ лучшихъ произведеній г. Мамина. Полнотѣ впечатлѣнія мѣшаетъ нѣкоторая торопливость въ концѣ, какъ будто автору надоѣли его герои, и онъ желаетъ скорѣе набросать картину ихъ жизни, не останавливаясь на мелочахъ и намѣчая только главное.

Въ «лѣтописи» масса типичныхъ фигуръ изъ среды заводскаго населенія, въ числѣ которыхъ лучшими являются типы раскольниковъ — кержаковъ, съ ихъ неумолимой враждебностью ко всему, что не укладывается въ рамки «старины». Такова, напр., фигура матери несчастнаго «академика» Мухина или «начетчицы-богомолки», Таисьи, вѣчно борющейся съ требованіями суроваго раскольничьяго «чина», подъ вліяніемъ своей жизнерадостной, любвеобильной натуры. Не менѣе хорошъ по художественной живости монахъ Кириллъ, постоянно смущаемый бѣсами, одолаживающими не безъ успѣха его грѣшную душу. Сцены въ скиту, на озерѣ, на могилахъ почитаемыхъ «старцевъ» рисуютъ неподражаемо бытъ раскольниковъ и принадлежатъ къ лучшимъ въ нашей литературѣ воспроизведеніямъ жизни людей, «вѣрующихъ по старинѣ», которая все болѣе и болѣе подрывается растущимъ въ народѣ рационализмомъ. Въ этомъ отношеніи такія произведенія г. Мамина, какъ «Три конца», занимаютъ прочное мѣсто въ русской литературѣ, и будущій историкъ ея не обойдетъ ихъ молчаніемъ при изложеніи художественной литературы, посвященной расколу.

Семейство Бронтѣ (Керреръ, Эллисъ и Антонъ Белль). О. Петерсонъ. Въ пользу О—ва вспоможенія окончившимъ курсъ наукъ на С.-Петербургскихъ высшихъ женскихъ курсахъ. 1895 г. Ц. 1 р. Кому изъ читателей не знакомъ прекрасный романъ «Дженни Эйръ», выдержавшій массу изданій у себя на родинѣ, нѣсколько разъ переведенный у насъ и еще недавно изданный г. М. Ледерле въ серіи романовъ «Моей библіотеки»? Шарлотта Бронтѣ, авторъ этого романа, принадлежала къ семейству, отличавшемуся рѣдкою наследственностью талантовъ, проявлявшихся въ разнообразной формѣ и выдвинувшихъ въ послѣднемъ поколѣніи сразу трехъ сестеръ-писательницъ. Судьбы этого семейства, представляющаго огромный психологическій интересъ, и составляютъ содержаніе поучительной и интересной книги г-жи О. Петерсонъ. Удивительныя событія, ко-

торыя переживались отдѣльными членами семейства Бронтѣ, и жизнь трехъ сестеръ-писательницъ изложена авторомъ съ живостью и мѣстами съ художественной картинностью, что придаетъ всей книгѣ характеръ настоящаго романа, съ тѣмъ различіемъ, что дѣйствующими лицами являются не вымышленныя личности, а подлинныя, живые люди. Дѣйствіе романа «Семейство Бронтѣ» растягивается на цѣлое столѣтіе, начинаясь въ Ирландію, родинѣ семейства, и переходя въ Англію, Йоркширъ, гдѣ въ глухой деревушкѣ, въ стѣвахъ маленькаго пасторота, началась и протекла почти вся жизнь сестеръ-писательницъ. Интересъ дѣйствія сосредоточивается вначалѣ на предкахъ Бронтѣ, въ особенности на жизни дѣда Гуго, въ которомъ талантливость проявилась въ рѣдкой, поражающей всѣхъ сосѣдей, способности рассказывать съ увлекательнымъ, потрясающимъ слушателей драматизмомъ. Темой его разсказовъ служила обыкновенно его собственная жизнь, богатая необыкновенными приключеніями, послужившими спустя сто лѣтъ канвой для прекраснаго романа Эмили Бронтѣ «Бурныя Вершины». Затѣмъ центральнымъ лицомъ романа «Семейство Бронтѣ» служатъ Шарлотта и ея сестры—Эмилиа и Анна. На литературное поприще сестры выступили почти одновременно, подъ псевдонимами: Керреръ, Эллизъ и Актонъ Белль. Наибольшій успѣхъ выпалъ на долю романа Шарлотты «Джени Эйръ». Успѣхъ романа былъ такъ великъ, что книга разошлась въ три мѣсяца. Громадный интересъ романа возбудилъ не меньшій интересъ къ личности автора. Имя «Керреръ Белль» было совершенно незнакомо. Любопытство публики еще болѣе подстрекнуло появленіе двухъ романовъ—«Бурныя Вершины» и «Агнеса Грей», подписанныхъ той же фамиліей «Белль», но съ разными именами: первый принадлежалъ перу «Эллисъ», другой «Актонъ Белль». При жизни писательницъ публика узнала о нихъ очень мало. Онѣ жили уединенно и замкнуто, и это еще болѣе изумляло всѣхъ. Откуда брали они сюжеты своихъ романовъ, гдѣ могли найти богатый психологическій матеріалъ, которымъ отличаются ихъ произведенія? Только спустя долгое время загадка разъяснилась, когда о семействѣ Бронтѣ создавалась цѣлая литература, до мельчайшихъ подробностей раскрывая жизнь всѣхъ членовъ этой рѣдкой семьи. «Жизнь самихъ писательницъ была крайне проста и бѣдна событіями,—говоритъ г-жа О. Петерсонъ,—но за то богата психологическимъ опытомъ, и личнымъ, и полученнымъ ими въ видѣ готовыхъ уже литературныхъ сюжетовъ и типовъ, по традиціи отъ предковъ, которые,—какъ говоритъ Врайтъ (авторъ самой полной біографіи семейства),—если и не писали романовъ, зато сами переживали ихъ въ своей жизни. Вѣроятно, благодаря этому, обычное желаніе читателей познакомиться съ обстоятельствами частной жизни и развитія авторовъ превратилось въ непосредственный интересъ къ исторіи всей этой замѣчательной семьи и вызвало къ жизни цѣлую литературу изслѣдованій, относящихся не только къ самимъ писательницамъ, но къ ихъ отцу, брату, дѣдамъ и прадѣдамъ, пока, наконецъ, романъ ихъ семья не затмилъ, можетъ быть, своимъ интересомъ всѣ написанные ими романы».

Для начала своихъ изданій, «Общество вспоможенія окончившимъ курсъ наукъ на С.-Петербургскихъ высшихъ женскихъ курсахъ» сдѣлало прекрасный выборъ, обеспечивающій начинанію несомнѣнный успѣхъ. Книга г-жи О. Петерсонъ отличается большими достоинствами. Не смотря на нѣкоторую шероховатость, написана она живымъ и образнымъ языкомъ и увлекательностью сюжета поддерживает не ослабѣвающій интересъ въ читателѣ. Закрывая книгу, чувствуешь себя охваченнымъ вѣяніемъ иной, далекой жизни, гдѣ на фонѣ тихой, мечтательной деревенской обстановки выступаютъ кроткіе и трогательные образы сестер-писательницъ. Изъ туманной дали онѣ какъ бы протягиваютъ руку помощи тѣмъ своимъ сестрамъ, которымъ еще предстоитъ долгій путь, полный борьбы, лишеній и скорби, но и обещающій высшую награду, ожидающую тѣхъ, кто, подобно имъ, идетъ въ неуклонномъ стремленіи къ сознательному выполненію долга, въ чемъ онѣ видѣли единственное, доступное человѣку, счастье на землѣ.

Эдвинъ Арнольдъ. Свѣтъ Азіи. Пер. въ стихахъ А. М. Федорова. Съ предисловіемъ Арнольда, портретомъ его и необходимыми примѣчаніями. Изд. П. К. Прянишникова. Москва. 1895 г. Ц. 1 р. 50 к.

— Свѣтило Азіи. Поэма Эдвина Арнольда. 2-е изданіе. Пер. И. М. Сабашникова. Изд. М. Лерле «Моя бібліотека». Спб. 1896 г. Ц. 60 к. Рѣдкому изъ произведеній иностранной литературы такъ посчастливилось у насъ, какъ поэмѣ Эдвина Арнольда «The Light of Asia», повѣствующей о жизни и ученіи «подателя отрады, Владыки Будды, звавшася здѣсь царевичемъ Сиддартой, безъ сравненія всецѣлительнаго, мудрѣйшаго, благого, великаго на небѣ и на землѣ, Учителя Нирваны и Закона». Два изданія прозаическаго перевода г-жи А. Н. Анненской, остающася до сихъ поръ, безспорно, лучшимъ, ближе всего передающимъ красоты подлинника, — второе изданіе перевода въ стихахъ г. И. М. Сабашникова и новый стихотворный переводъ г. А. М. Федорова — все это въ теченіе 5-ти лѣтъ, — развѣ не говорятъ достаточно о несравненныхъ достоинствахъ произведенія Арнольда, возбудившаго такой интересъ среди читающей публики?

Кромѣ высокаго наслажденія, доставляемаго поэмой, какъ изящнымъ произведеніемъ, этотъ интересъ объясняется прекраснымъ вложеніемъ жизни и ученія кроткаго «Учителя Нирваны и Закона», по своей простотѣ доступнымъ всякому читателю. Поэма Арнольда сдѣлала буддизмъ понятнымъ для неподготовленныхъ къ философскому мышленію читателей, излагая въ яркихъ образахъ глубочайшія положенія Будды. Мы едва ли ошибемся, сказавъ, что до появленія этой поэмы на русскомъ языкѣ, въ переводѣ г-жи А. Н. Анненской, въ 1890 г., буддизмъ былъ достояніемъ немногихъ нашихъ ученыхъ изслѣдователей Востока. Съ тѣхъ поръ онъ сталъ доступнымъ широкой публикѣ, которая, видимо, не перестаетъ интересоваться имъ, какъ показываютъ новые переводы въ стихахъ, удачно выполненные гг. Сабашниковымъ и Федоровымъ.

Трудно сказать, который изъ этихъ переводовъ предпочтительнѣе. Переводъ г. Сабашникова сдѣланъ бѣлымъ пятистопнымъ

ямбомъ, только мѣстами замѣняемымъ рیمованнымъ (анапестомъ или амфибрахіемъ). Переводчикъ владѣеть этимъ стихомъ свободно и красиво, вслѣдствие чего его переводъ читается легко, и даже особенно трудныя мѣста, съ изложеніемъ основъ ученія, не затрудняютъ читателя. Переводъ г. Ѳедорова весь рیمованный, что, видимо, сильно затрудняло переводчика, такъ какъ нѣвыя мѣста отличаются такой тяжестью стила, что читатель прямо-таки изнемогаетъ подъ бременемъ его пяти и шестистопныхъ стиховъ. Для сравненія, приведемъ небольшую выдержку изъ обоихъ переводовъ.

Изъ перевода г. Ѳедорова:

...Разъ Благой на дорогѣ толпу увидаѣтъ:
Съ музыкантами шли танцовщицы, полны обаянья,—
Къ храму Индры... Одинъ музыкантъ на бансулѣ игралъ,
Видъ другой въ барабанъ; третій струны тревожилъ ситары...
Стройно вторилъ имъ звонъ драгоцѣнныхъ запястьевъ, браслетъ.
Каменистой тропой шли на праздникъ веселыя пары,
Чтобъ всеильнымъ богамъ принесть свой веселый привѣтъ.
Впереди музыкантъ шелъ съ подругой прекрасной и юной
И струну за струной на ситарѣ тревожилъ слегка;
Женскій голосъ звенѣлъ подъ журчавшія весело струны,
И лилась ея пѣснь, какъ по камнямъ—струя ручейка.

«Что за прелесть плясать подъ ситару!
Но ситару настрой
Ни высоко, ни низко,—умѣло:
Въ свою пляску веселой игрой
Увлечать молодежь—наше дѣло,
Что за прелесть плясать подъ ситару!

Если слишкомъ высокъ будетъ строй,—
Скоро лопнетъ струна,
И конецъ твоей музыкѣ стройной!
Слабо,—будетъ безмолвна она,—
Снова смерть ей... Ручкою спокойной
Осторожно ситару настрой!»

Такъ танцовщица пѣла, спускаясь тропинкой лѣсною,
Точно бабочка, легкой одеждой на солнцѣ блестя.

Изъ перевода г. Сабалникова:

...Шла толпа
Нарядныхъ дѣвушекъ, танцовщицъ стройныхъ,
Изъ храма Индры, съ музыкой своей.
Одинъ изъ музыкантовъ билъ въ огромный,
Украшенный искусно барабанъ,
Другой игралъ на «бансули», а третій
«Ситару» несъ, трехструнный инструментъ.
Они съ весельемъ шли лѣсной дорогой,
Спѣша на праздникъ; на ногахъ у нихъ
Звенѣли колокольчики, и нѣжно
Браслеты на запястьяхъ и рукахъ
Тѣмъ колокольчикамъ въ отвѣтъ бряцали.
Ситару несшій сталъ на ней играть,
А дѣвушка, идя съ нимъ рядомъ, пѣла:

«Я чудно танцую подъ звуки ситары,
Людскія сердца уношу далеко.
Настрой же ситару скорѣе для танцевъ,—
Не строй только низко, не строй высоко!»

Ослабѣшь ты струны—не будетъ ни звука;
Натянешь—струна можетъ лопнуть легко;
Настрой же ситару скорѣе для танцевъ—
Не строй только низко, не строй высоко!»

Такъ пѣла дѣвушка подъ звуки струнъ,
Порхая по тропинкѣ межъ деревьевъ,
Подобно пестрой бабочкѣ въ лѣсу.

Сравнивая оба перевода съ переводомъ г-жи А. Н. Анненской, который представляетъ буквальную передачу подлинника, нельзя не видѣть, что переводъ г. Сабашникова, въ общемъ, ближе къ подлиннику, и читается легче, а отдѣльныя мѣста производятъ впечатлѣніе изящнаго, вполне художественнаго перевода. Но такихъ мѣстъ немного. Тогда какъ переводъ г. Ѳедорова, хотя, вообще, тяжеловатъ и отстываетъ отъ подлинника, даетъ много отрывковъ, проникнутыхъ искреннимъ чувствомъ и глубоко поэтическихъ. Такова пѣсня духовъ, рѣчь Суджаты, отдѣльныя мѣста 8-ой главы, съ изложеніемъ ученія, и др. Очень жалѣемъ, что размѣръ рецензіи не позволяетъ привести прекрасно переданной г. Ѳедоровымъ легенды о самопожертвованіи Будды изъ 5-й главы, стр. 108—110, гдѣ стихъ его по силѣ и сжатости не оставляетъ желать ничего лучшаго. Но оба перевода, при всѣхъ своихъ достоинствахъ, все же утомительны, и одолѣть всю поэму не легко. Читая ихъ, испытываешь такое ощущеніе, какъ при ходьбѣ по неровной поверхности среди прекраснаго пейзажа: постоянное опасеніе споткнуться и вызываемая этимъ напряженность вниманія много ослабляютъ силу впечатлѣнія отъ развертывающихся на каждомъ шагѣ чудныхъ видовъ.

Въ добрый часъ. Сборникъ въ пользу Общества вспоможенія нуждающимся ученицамъ Коломенской женской гимназіи. Спб. 1895 г. Ц. въ перепл. 1 р. 75 к.; въ обложкѣ 1 р. 50 к. (Стр. XII+298). Коломенская гимназія основана уже тридцать семь лѣтъ назадъ, въ томъ же 1858 г., когда была открыта первая—Маринская. Вмѣстѣ съ послѣдней она самая многочисленная (болѣе 600 ученицъ), а по составу учащихся, вмѣстѣ съ Петровской, самая бѣдная, гдѣ, вмѣсто первоначальной платы 25 рублей, плата за ученіе не 100 р., какъ въ прочихъ гимназіяхъ, а 90 р. Это повышеніе платы къ 1879 году вызвало, по почину инспектора Петровской гимназіи А. Н. Бетхера, основаніе перваго Общества вспоможенія нуждающимся ученицамъ при Петровской, а затѣмъ, въ томъ же году, и втораго, при Коломенской, за которымъ вскорѣ послѣдовали подобныя же общества при прочихъ женскихъ гимназіяхъ. Общества эти, вносящія, главнымъ образомъ, плату за ученіе, помогавшія ученицамъ платьемъ, книгами и пр., существовали и развивались не столько членскими взносами, сколько ежегодными концертами и литературными вечерами, устраивавшимися въ большихъ залахъ столицы, въ клубахъ, въ Кредитномъ Обществѣ и пр. Благодаря этимъ-то вечерамъ по преимуществу, за 15 лѣтъ Общество Коломенской гимназіи могло собрать 47.011 р. 66 к., израсходовавъ на ученицъ 37.379 р. 33 к. Но послѣдовавшее въ прошломъ году запрещеніе давать какіе бы то ни было вечера

гдѣ бы то ни было, кромѣ зданія гимназіи, гдѣ зала очень мала, заставило Общество поискать иныхъ способовъ пріобрѣтенія средствъ. И вотъ, въ надеждѣ, что на помощь ему прежде всего придутъ сами, настоящія и окончившія курсъ за 35 лѣтъ, ученицы (всѣхъ училось по 1893 г. 14.392; кончило курсъ 1.390), а можетъ быть, и публика, Общество рѣшилось, при безвозмездномъ участіи многихъ литераторовъ, издать настоящій сборникъ, могущій служить для всѣхъ учившихся и пріятнымъ воспоминаніемъ о родной гимназіи. Но и помимо благой цѣли и личнаго интереса для гимназистокъ, книга эта производитъ пріятное впечатлѣніе какъ своею внѣшностью (прекрасная бумага, печать, хорошіе рисунки и виньетки извѣстнаго художника г. Соломко, г. Зелинскаго и др.; въ приложеніи есть даже ноты), такъ и литературностью и интересомъ разнообразнаго содержанія. Изъ 36 прозаическихъ и стихотворныхъ статей, болѣе 20 принадлежитъ именамъ литературнымъ, напр., П. И. Вейнбергъ (отрывокъ изъ Тартюфа), Я. К. Гротъ, К. Р. (псевдонимъ поэта), проф. Кайгородовъ, Коппе, Ладыженскій В. Н., Маминъ-Сибирякъ (преlestный разсказъ *На онекс*), Микуличъ (сказка *Дурочка*), поэтъ Д. Л. Михаловскій, М. О. Меньшиковъ, Котъ-Мурлыка, Немировичъ-Данченко (*Геркулесовы столбы*), Викторъ Острогорскій (*Тургеневъ о культурной русской женщинѣ* и переводъ сказки изъ *Навана Мудраго*), Северинъ (*Чистыя сердца*), А. Слѣповъ (*Отшельники*), Червинскій, Фофановъ. Интересны статьи П. Куца объ *Андре Шенье* и Е. Балабановой—*Олимпія Мората* (эпизодъ изъ исторіи итальянской женщины XVI в.); очень недурны два стихотворенія г-жъ Рудичъ и Шерстобитовой. Таковъ разнообразный составъ этого красиваго и симпатичнаго сборника, гдѣ изъ рѣчи инспектора П. И. Вѣтвеницкаго читатели ознакомятся и съ нѣкоторыми особенностями въ исторіи Коломенской гимназіи. Нельзя не пожелать, чтобы на помощь Обществу пришли не только гимназистки, но и всѣ лица, интересующіяся русскимъ женскимъ образованіемъ.

ПУБЛИЦИСТИКА.

Ж. Э. Ренанъ. «Сборникъ мелкихъ статей и рѣчей».

Ж. Э. Ренанъ. Сборникъ мелкихъ статей и рѣчей. Перевелъ В. И. Штейнъ (съ приложеніемъ историко-литературнаго очерка о Ренанѣ) №№ 162—166 «Моей библіотеки». Изданіе М. М. Ледерле и К^о Спб. 1895 г. Ц. 1 руб. Читателямъ, незнакомымъ съ французскимъ языкомъ или непривыкшимъ слѣдить въ подлинникахъ за французской литературой, Ренанъ извѣстенъ почти только по имени. Русскій читатель могъ узнать, какъ и что онъ писалъ, лишь изъ небольшого сборника отрывковъ его работъ, вошедшаго въ составъ серии «Европейскихъ писателей и мыслителей» г. Чуйко, и изъ пересказа его философскихъ драмъ въ «Вѣстникѣ Европы». О значеніи Ренана, какъ историка, филолога и философа, русской публикѣ пришлось освѣдомиться уже изъ некрологовъ писателя,

появившихся тотчасъ послѣ его смерти чуть не во всѣхъ нашихъ газетахъ и журналахъ. Некрологи сопровождали портретами, facsimile, снимками рабочей комнаты умершаго, подробностями его домашней жизни и т. п., какъ дѣлается всегда, когда сходитъ со сцены знаменитость новѣйшаго времени. Такимъ образомъ, русскій читатель долженъ былъ участвовать въ общей скорби объ утратѣ прославленнаго писателя, съ трудами котораго онъ былъ знакомъ почти лишь по слухамъ. Среди нашихъ журнальныхъ и книжныхъ издателей сожалѣніе о Ренанѣ не выразилось, однако, воспроизведеніемъ на русскомъ языкѣ хотя какого-либо изъ сочиненій угасшаго крупнаго таланта. Только по прошествіи двухъ лѣтъ послѣ его смерти, гг. Штейну и Ледерле пришла счастливая мысль дать русскимъ читателямъ собраніе журнальныхъ статей и публичныхъ рѣчей Ренана на разнообразныя и общеинтересныя темы.

Въ ожиданіи перевода на русскій языкъ болѣе крупныхъ произведеній Ренана, сборникъ позволяетъ достаточно ознакомиться съ этимъ оригинальнымъ представителемъ современной мысли тѣмъ, кому до сихъ поръ онъ оставался мало извѣстнымъ. Они не должны смущаться скромнымъ заглавіемъ книги, обещающимъ лишь «мелкія статьи» автора. Какъ всѣ умы дѣйствительно сильныя и самобытныя, Ренана можно уподобить твердой кристаллической породѣ, сохраняющей свои основныя свойства и въ обширныхъ массахъ, и въ небольшихъ осколкахъ. Кромѣ того, даже самыя незначительныя по объему, статьи его не могутъ быть названы отрывками, произведеніями, не получившими полной разработки или отдѣлки. Ренанъ былъ мыслитель-художникъ, и законченность работы была неизбѣжнымъ качествомъ всего, что выходило изъ подъ его пера. Въ то же время онъ былъ живой человѣкъ и умѣлъ вносить жизнь даже въ самый, повидимому, мертвый матеріалъ, какой ему приходилось обрабатывать. Въ качествѣ человѣка чуткаго, непрестанно слышавшаго бѣненіе общественнаго пульса за стѣнами своего кабинета, онъ всегда переживалъ сердцемъ все совершавшееся кругомъ него и во всякую минуту готовъ былъ отозваться о томъ или другомъ явленіи своимъ прямодушнымъ, изыщнымъ словомъ. Онъ ничего не добивался такъ горячо, какъ возможности учить съ кафедръ, говорить лицомъ къ лицу съ молодежью. Онъ любилъ ее и, обращаясь къ ней, находилъ всегда самыя трогательныя, душевныя выраженія.

Эти качества французскаго ученаго и мыслителя читатель найдетъ въ «Сборникѣ мелкихъ статей и рѣчей», какъ въ статьяхъ научныхъ и лекціяхъ, такъ и въ рѣчахъ, произнесенныхъ въ академическихъ собраніяхъ и обращенныхъ къ учащимся и, наконецъ, въ характеристикахъ представителей мысли нынѣшняго и прошлаго времени. Читателя не должны пугать даже и «спеціальныя» названія статей. Ренанъ принадлежитъ къ числу тѣхъ талантовъ, которые умѣютъ внести самый оживленный интересъ даже въ такой предметъ, какъ курсъ семитическихъ языковъ. Мы убѣждаемся въ этомъ, прочтя его лекцію «Объ участіи семитическихъ народовъ въ исторіи цивилизаціи», послужившей введениемъ къ курсу еврейскаго, халдейскаго и сирійскаго языковъ въ

Collège de France. Ренанъ не только выясняетъ здѣсь культурную роль семитическихъ народовъ, указывая ее въ ихъ религіозномъ творчествѣ: вмѣстѣ съ тѣмъ онъ затрагиваетъ и вопросы о свободѣ научнаго изслѣдованія, и о будущности нашей цивилизаціи, и о высококомъ нравственномъ значеніи занятія наукою. Эти вопросы онъ рѣшаетъ въ духѣ свободы, прогресса и исканія истины и, въ то же время, учитъ своихъ слушателей мыслить и работать. «Пусть тѣ, кто молодъ, и кому угодно будетъ принять мой совѣтъ, меня выслушаютъ, говоритъ онъ. Стремленіе, воодушевляющее васъ и въ теченіе настоящей лекціи сказывавшееся столь лестнымъ для меня образомъ, весьма почтенно въ своей основѣ и является добрымъ для васъ предзнаменованіемъ,—постарайтесь только не дать ему выродиться въ легкомысленную суетню, и сосредоточьте себя лучше на солидномъ изученіи какой-либо специальности. Повѣрьте, вещь превыше всего либеральная есть именно развитіе ума, облагороженіе сердца и доведеніе сужденія до независимости». Въ другой лекціи, «Исламъ и наука», гдѣ подробнѣе развивается вопросъ о значеніи расоваго характера для умственнаго развитія, авторъ доказываетъ, что арабской учености на самомъ дѣлѣ не существовало, что «великій философскій аппаратъ, который принято именовать арабскимъ... по существу, является греческо-сассанидскимъ (персидскимъ) или, проще сказать, греческимъ, такъ какъ истинно плодотворный элементъ во всемъ этомъ шелъ изъ Греціи». Онъ доказываетъ, что иначе и не могло быть, такъ какъ «исламу, въ сущности, всегда преслѣдовалъ и науку, и философію, и кончилъ тѣмъ, что задушилъ ихъ». Печальная роль науки въ мусульманскомъ обществѣ служитъ для автора подтвержденіемъ его любимой идеи о достоинствѣ и необходимости знанія. «Знаніе есть истинная душа всякаго общества,—говоритъ онъ,—ибо знаніе есть разумъ. Оно созидаетъ и военное превосходство, и промышленное преуспѣяніе; оно же вѣкогда создастъ и превосходство социальное, т. е. я хочу сказать—общественный строй, въ коемъ будетъ царить все то количество правосудія, какое совмѣстимо съ міровой сущностью. Знаніе же подчинитъ силу разуму».

При всей специальности своего предмета, обѣ эти лекціи производятъ чрезвычайно полное, почти обаятельное впечатлѣніе. Причина этого впечатлѣнія лежитъ и въ довѣріи къ познаніямъ автора, какое онъ сразу умѣетъ внушить читателю, въ выборѣ характерныхъ, изобразительныхъ фактовъ, въ строгой связи ихъ между собою и въ художественномъ изложеніи. Уже изъ этихъ примѣровъ мы можемъ видѣть, насколько художественность составляетъ существенную сторону дарованія Ренана. Выступая, повидимому, на первый планъ, обусловливая привлекательность формы всѣхъ его произведеній, она не отвлекаетъ его, однако, отъ требованій, какія ставитъ точная наука. Едва ли что располагаетъ болѣе къ работѣ воображенія, чѣмъ случайно попадающіяся намъ остатки давно исчезнувшихъ цивилизацій. Этотъ покрытый тьмою міръ, вокресаящій передъ нашими глазами, какъ будто проситъ у нихъ свѣта, чтобы явиться въ цѣльномъ, неразрозненномъ видѣ.

Но тутъ-то ученому и нужна осторожность, чтобы не принять угадываемаго за истинное, едва намѣчающагося за дѣйствительно существовавшее. Такой неумолимой провѣркѣ и подвергаетъ Ренанъ открытіе Нинивіи Лэйардомъ въ статьѣ этого имени. Отдавая должное трудолюбію и осмотрительности англійскаго ученаго, онъ порицаетъ его за нѣкоторыя произвольныя истолкованія надписей и, главное, за «опыты возстановленія древне-ассирійскихъ дворцовъ». «Въ произведеніяхъ искусства,—говоритъ онъ,—далеко не замѣчается такой послѣдовательности, какъ въ произведеніяхъ природы, и если Кювье, съ помощью нѣсколькихъ разрозненныхъ костей, возсоздалъ цѣлый давно сгибшій міръ, то опасны и самонадѣянны были бы попытки—останься, напр., отъ Лувра одни подвалы—возстановлять по нимъ характеръ луврскихъ колоннадъ, двора и сада, цвѣтъ дворцовыхъ занавѣсей и очертаніе судовъ, плавающихъ по Сенѣ».

Напротивъ, Сицилія, съ разсѣянными въ ней остатками греческаго искусства, является Ренану исключительно въ художественномъ свѣтѣ, и онъ пользуется поѣздкой по этой странѣ, въ качествѣ участника Палермскаго археологическаго конгресса, чтобы провести по ней читателя точно по обширному музею. Малоизвѣстная, забытая въ настоящее время страна, въ его описаніи («Двадцать дней въ Сициліи»), какъ живая встаетъ передъ нами, со своей африканской природой, многочисленными развалинами греческихъ храмовъ и добродушнымъ населеніемъ, сбѣгающимъ смотрѣть на ученыхъ путешественниковъ и угощающимъ ихъ произведеніями своей плодотворной почвы. Цѣлая книга, посвященная разностороннему описанію Сициліи, едва ли дастъ о ней такое яркое понятіе, какъ эта небольшая журнальная статья.

Историческія и филологическія изслѣдованія, которыми наполнена жизнь Ренана, не заслоняютъ отъ него безпредѣльнаго горизонта научной и философской мысли. Какъ мы видимъ изъ его письма къ Бертело («Науки естественныя и науки историческія»), въ теченіе всей своей жизни, Ренанъ не перестаетъ интересоваться движеніемъ естествознанія, успѣхами изученія природы. Съ ранней молодости его связываетъ дружба съ Бертело, знаменитымъ дѣятелемъ въ области синтетической химіи, и эта дружба, со стороны Ренана, отличается не столько сердечнымъ влеченіемъ, сколько умственной жаждой. Стремленіе къ познанію природы не было лишь порывомъ молодой энергіи: и въ зрѣломъ возрастѣ, Ренанъ, въ названномъ письмѣ, признается, что сожалѣетъ иногда, почему онъ «посвятилъ себя изученію наукъ историческихъ, а не естественныхъ, и изъ этихъ послѣднихъ не отдался въ особенности сравнительной фізіологіи». Филологія и исторія отвлекли его отъ естествознанія, которое еще въ семинаріи «страстно и въ высокой степеніи интересовало» его, но онъ не остался чуждъ ему. Онъ не только вѣрилъ, что «философы литературной школы, враждебно либо равнодушно взирающіе на результаты, добытые естествознаніемъ, на вѣки остаются чуждыми истинному прогрессу»: онъ слѣдилъ за постепеннымъ расширеніемъ научнаго горизонта и живо интересовался развитіемъ срав-

нительной палеонтологіи, зоології и антропології, наукъ, изучающихъ отдаленное прошлое человѣка и земли. Этого мало: изъ письма къ Бертело мы видимъ, что Ренавъ также близко принималъ къ сердцу и успѣхи астрономіи, заключающей въ себѣ исторію мірозданія, и химіей, какъ исторіей образованія молекулъ, и механики, какъ науки наиболѣе древней, «парившей надъ тѣмъ первобытнымъ состояніемъ, когда все имѣло единый образъ». Онъ съ живѣйшимъ вниманіемъ относится къ названнымъ наукамъ и, прежде всего, какъ къ естественному расширенію его любимой области, исторіи, а также къ областямъ знанія, рѣшающимъ вопросы происхожденія и развитія всего живущаго. И въ будущемъ мысль Ренана видитъ торжество знанія, разума, «преобразование вселенной, основанное на наукѣ». Восторженно, съ искренней вѣрой и въ то же время съ убѣжденіемъ, вытекающимъ изъ близкаго знакомства съ дѣломъ, говоритъ онъ о будущемъ «возрожденіи съ помощью знанія». Это сочувствіе къ работѣ въ чуждой для него области знанія объясняется не только любознательностью, но, главнымъ образомъ, «исканіемъ истины», которое Ренавъ считаетъ своей высшей нравственной обязанностью.

Трогательной чертой его характера должна казаться намъ и связь съ родиной, которую онъ сохраняетъ до конца жизни. Мы замѣчаемъ это въ «Рѣчи, произнесенной въ Кемперѣ»; въ ней Ренавъ искренно «гордится связью съ народомъ, съ трудолюбивыми обитателями Бретани». Нельзя, конечно, удивляться, что просвѣщенный человѣкъ не стыдится своего скромнаго происхожденія; но въ этой рѣчи мы видимъ болѣе, чѣмъ призваніе связи съ средой, въ которой автору пришлось появиться на свѣтъ: мы чувствуемъ, что Ренавъ никогда не разрывалъ съ нею, что онъ остался бретонцемъ, на столько же любящимъ родину, какъ и соотчичи его, никогда ея не покидавшіе. Онъ много размышлялъ о томъ корнѣ, изъ котораго выросъ—о свойствахъ бретонскаго народа, и съ удовольствіемъ открывалъ ихъ въ себѣ. Онъ отъ души радуется, когда молодежь въ Кемперѣ собралась, чтобы привѣтствовать его. Высказывая признательность молодымъ почитателямъ своимъ, онъ, въ то же время, высказываетъ отрадное убѣжденіе, что «за 47 лѣтъ, проведенныхъ внѣ Бретани, онъ, должно быть, не провинился въ ея глазахъ, т. е. остался настоящимъ честнымъ бретонцемъ».

Ренавъ сохранилъ связь и со всѣмъ, что ему дорого было въ молодости, и всегда любилъ молодежь. Характерны для него совѣты и наставленія, какіе онъ даетъ ей въ «Рѣчи къ соединенному студенчеству» и въ «Рѣчи, произнесенной при раздачѣ наградъ въ лицѣ св. Людовика». И въ той, и въ другой онъ совѣтуетъ юношамъ «трудиться и веселиться», быть «честными людьми», «слѣдовать за своимъ отечествомъ», т. е. за законностью, держать наготовѣ для жизни «великій запасъ хорошаго настроенія», быть увѣренными, что «міръ очарователенъ, каковъ онъ ни есть», и быть «нисходительными къ поколѣнію предшественниковъ». Въ обѣихъ рѣчахъ онъ говоритъ и о себѣ; онъ жалуется,

что въ молодости слишкомъ мало развлекался: «то время, которое другіе посвящали забавамъ, у него ушло на страстную внутреннюю борьбу». Онъ признается, что завидуетъ молодежи именно потому, что она «узнаетъ много вещей, которыхъ ему узнать не суждено, что для нея разъяснится множество загадокъ, разрѣшеніе которыхъ онъ готовъ былъ бы купить цѣною многихъ годовъ собственной жизни».

Тѣ же основныя свойства своей умственной природы—стремленіе къ исканію истины, не только ради нея самой, но и ради процесса этого исканія, жизнерадостность и снисходительность, Ренанъ выказываетъ и въ статьѣ «Анри Фредерикъ Амизль», одной изъ самыхъ интересныхъ въ сборникѣ. Убѣжденный пессимистъ, всю жизнь страдавшій отъ разлада съ самимъ собою, Амизль упрекалъ Ренана за то, что тотъ, касаясь даже самыхъ возвышенныхъ темъ, способенъ былъ улыбаться и иронизировать. Ренанъ отвѣчаетъ ему, что такъ долженъ поступать истинный философъ. «Отдаваться, въ зависимости отъ настроенія, то вѣрѣ въ будущее, то скептицизму, то оптимизму, то ироніи,—говоритъ онъ,—таковъ вѣрный способъ сохранить увѣренность, что хоть пороку да бываешь близокъ къ истинѣ». Еще откровеннѣе высказывается Ренанъ въ «Новогоднемъ письмѣ къ Бертело». «Втеченіе 64 лѣтъ созерцалъ я,—говоритъ онъ—занимательнѣйшее зрѣлище—вселенную! Этимъ зрѣлищемъ я любовался съ довольно удобнаго кресла, снабженнаго и локотниками, и скамеечкою; я видѣлъ міръ въ одномъ изъ наиболѣе интресныхъ моментовъ его развитія, а пунктъ, съ котораго мнѣ удалось любоваться этимъ поразительнымъ фейерверкомъ, былъ превосходенъ».

Мы вѣримъ Ренану, когда онъ въ томъ же письмѣ говоритъ: «Праву, я всегда былъ честнымъ человѣкомъ»; несомнѣнно, онъ твердо слѣдовалъ своимъ убѣжденіямъ, не отступая ради нихъ ни передъ какими жизненными невзгодами; онъ свершилъ громадный научный трудъ, жилъ самой широкой умственной жизнью и сохранилъ до конца нравственную чуткость и отзывчивость ко всему честному и свѣжему. Тѣмъ не менѣе, при всѣхъ этихъ качествахъ, къ которымъ присоединяются еще исключительный литературный талантъ и очаровательный стиль, мы видимъ въ немъ не борца, даже не страдальца за идею, а спокойнаго мыслителя, снисходительно и иронически созерцающаго жизнь со своего удобнаго кресла. Какъ говоритъ о немъ Габріэль Сеайль (Séailles), авторъ недавно вышедшей біографіи его (Ernest Renan, Essai de biographie psychologique), «Ренанъ былъ не великимъ, а только крайне интереснымъ человѣкомъ. Несомнѣнно, что онъ былъ болѣе художникъ, чѣмъ философъ, что, при всей своей глубокой учености, онъ впадалъ въ грѣхъ дилеттантства, и, проповѣдуя подчиненіе разуму, носилъ въ себѣ безсознательный сентиментализмъ».

При всей строгости, этотъ приговоръ не отнимаетъ у Ренана значенія одной изъ интереснѣйшихъ и характернѣйшихъ личностей XIX вѣка, дающей, во всѣхъ своихъ произведеніяхъ, источникъ умственнаго просвѣтленія и наслажденія. Изученіе его въ наиболѣе доступной формѣ для русскаго читателя становится

теперь возможнымъ, благодаря сборнику, составленному г. Штейномъ и снабженному имъ основательной критико-біографической замѣткой. Этотъ очеркъ вполне отвѣчаетъ своей цѣли и принесетъ большую пользу лицамъ, мало знакомымъ съ жизнью и личностью Ренана. Подборъ статей также какъ нельзя болѣе удаченъ, представляя всѣ разнообразныя стороны такого сложнаго и блестящаго ума, какъ Ренанъ; съ этой стороны книга можетъ вызывать лишь признательность составителю и издателю. Мы не можемъ согласиться только съ г. Штейномъ относительно вѣрности избраннаго имъ пріема русской передачи Ренана. Переводъ, въ общемъ, точный и добросовѣстный, далеко не вездѣ отражаетъ «удивительный слогъ» Ренана, какъ его характеризуетъ самъ переводчикъ; онъ тяжеловатъ и содержитъ не мало устарѣлыхъ и не изящныхъ словъ и оборотовъ. Такой характеръ перевода мы не можемъ приписать недостаточному знакомству съ дѣломъ или недостаточной опытности переводчика, выказавшаго въ своихъ прежнихъ трудахъ и философское образованіе, и литературный навыкъ. Очевидно, переводчикъ намѣренно такъ передавалъ Ренана; но, при всей добросовѣстности передачи, художественный языкъ Ренана нѣсколько пострадалъ въ ней.

ЮРИДИЧЕСКІЯ НАУКИ.

М. И. Свѣшниковъ. «Русское государственное право».

М. И. Свѣшниковъ. Русское государственное право. Пособіе къ лекціямъ. Томъ I, вып. 1 и 2, Томъ II. Спб. 1895 г. Курсъ проф. М. И. Свѣшникова обнимаетъ общую теорію государственнаго права (томъ I, вып. I) и основныя начала русскаго государственнаго строя (томъ I, вып. 2, и томъ II). Авторъ даетъ обѣимъ частямъ названіе лишь пособій къ лекціямъ, очевидно, въ виду нѣкоторой ихъ внѣшней необработанности и въ особенности конспективнаго изложенія второй части. Эта послѣдняя, излагая сущность нашихъ основныхъ законовъ, содержитъ отдѣлы о верховной власти, ея существѣ, законахъ престолонаслѣдія, правахъ, преимуществахъ и функціяхъ власти, отдѣлъ о подданствѣ и правахъ состоянія, о высшихъ и центральныхъ учрежденіяхъ Россіи, а также объ учрежденіяхъ мѣстныхъ, правительственныхъ, сословныхъ и земскихъ. Достаточно ознакомиться съ этой частью лекцій проф. Свѣшникова, чтобы понять, какое значеніе имѣютъ для науки русскаго государственнаго права труды проф. А. Градовскаго. Слѣды его вліянія вы находите какъ въ расположеніи матеріала, такъ и въ обработкѣ и изложеніи частей; нѣкоторые отдѣлы составлены настолько близко къ его капитальному сочиненію: «Начала русскаго государственнаго права», что авторъ считаетъ необходимымъ оговориться (какъ это сдѣлано, напримѣръ, въ началѣ главы о министерствахъ). Въ виду этого можно сказать, что курсъ проф. Свѣшникова раздѣляетъ наряду съ нѣкоторыми достоинствами и недостатки работы А. Гра-

довскаго. Впрочемъ, трудъ г. Свѣшникова, какъ позднѣйшій, имѣетъ то преимущество, что стоитъ ближе къ дѣйствующему законодательству: имъ приняты во вниманіе всѣ позднѣйшія узаконенія конца восьмидесятихъ и начала девяностыхъ годовъ въ области мѣстнаго земскаго, городского и крестьянскаго управленія, на ряду съ цѣлымъ рядомъ болѣе частныхъ узаконеній, какъ-то: реформой паспортной системы, закономъ о неотчуждаемости и проч.

Такимъ образомъ, отдѣлъ лекцій, озаглавленный «Основныя начала русскаго государственнаго права», представляетъ изложеніе дѣйствующаго русскаго законодательства, поскольку оно опредѣляетъ формы нашего государственнаго устройства и нормы управленія. Разсмотрѣніе того, какъ выразились эти формы въ дѣйствительной жизни, и оцѣнка этихъ нормъ съ точки зрѣнія какихъ-либо общихъ основаній—не входитъ въ задачу труда, хотя нѣкоторыя отступленія въ этомъ смыслѣ и встрѣчаются. Во всякомъ случаѣ, эта часть имѣетъ совершенно опредѣленный предметъ изслѣдованія—политическое законодательство страны, въ рамкахъ изложенія котораго она и держится.

Гораздо труднѣе опредѣлить сущность того, что представляетъ общая теорія государственнаго права. Эта неопредѣленность, впрочемъ, не есть какая-либо специфическая особенность курса проф. Свѣшникова: онъ раздѣляетъ ее съ большинствомъ трудовъ, относимыхъ къ области государственной науки и находящихся подъ вліяніемъ нѣмецкой школы государствовѣдovъ. Современная литература государственнаго права въ Германіи испытываетъ въ настоящее время воздѣйствіе самыхъ разнообразныхъ вліяній, колеблющихъ ея предметъ, задачи и методы. Прежде абстрактно-философское построеніе науки о государствѣ, примѣнявшее идеальныя нормы государственной жизни, извлеченныя изъ философіи или естественнаго права, къ изученію нормъ права положительнаго, подъ вліяніемъ какъ условій собственнаго развитія, такъ и воздѣйствія англійской и въ особенности французской (О. Контъ) политической мысли—смѣнилось болѣе реальными приемами изученія. Государство, какъ явленіе, разсматриваемое съ точки зрѣнія положительной, исторической, соціальной и національной, заступило мѣсто идеи государства, созданной путемъ отвлеченія отъ фактовъ исторіи и политической дѣйствительности. Но смѣненіе точекъ зрѣнія идеальной и реальной, того, что должно быть, и того, что есть, продолжало и продолжаетъ оставаться неискоренимымъ наслѣдіемъ прежнихъ приемовъ. Современная теорія правового государства (*Rechtsstaat*), несмотря на стремленіе ея главныхъ представителей Р. Моля, Р. Гнейста и Л. Штейна ввести въ изученіе государственнаго права всѣ соціальные, историческіе и положительные факторы, — пользуется всѣмъ этимъ обширнымъ матеріаломъ не столько въ видахъ установленія законовъ политическаго развитія, сколько въ практическихъ цѣляхъ проведенія конституціонныхъ началъ во всѣ сферы государственной жизни. Вмѣстѣ съ тѣмъ, на ряду съ направленіемъ, стремящимся возможно болѣе широко охватить всѣ элементы государственной жизни, вырабатывается

направленіе, пытающееся, наоборотъ, возможно болѣе строго и тѣсно очертить границы государственнаго права. Отступая передъ трудностью задачи имѣтъ предметомъ своего изученія государство, какъ совокупность явленій соціально-политической жизни, представители этого направленія Лабандъ, Еллинекъ, Глютъ и др., ставятъ себѣ задачею выдѣлить изъ общей науки о государствѣ государственное право, какъ чисто юридическую науку, имѣющую дѣло исключительно съ одной юридической природой государственныхъ отношеній. Въ направленіи этой-то новой юридической школы проф. М. И. Свѣшниковъ видитъ «тѣ новые пути, по которымъ должна собственно пойти наука государственнаго права» (стр. 13). Однако, несмотря на подобное заявленіе, самъ проф. Свѣшниковъ далеко не слѣдуетъ по этому пути, но дѣлаетъ многоразличныя отъ него отступленія. И прежде всего онъ полагаетъ, что вся область научныхъ направленій, изучающихъ въ нѣмецкой литературѣ государство съ различныхъ точекъ зрѣнія, должна быть разобрана съ помощью тѣхъ научныхъ приѣмовъ, которые совершенно независимо отъ теченія нѣмецкой научной мысли выработаны были О. Контомъ и его продолжателемъ въ Англіи Г. Спенсеромъ. Однако, слѣлавъ попытку, надо призвать, довольно необстоятельную, «разобрать съ точки зрѣнія методологіи Конта и Спенсера приѣмы научнаго изслѣдованія, которые могутъ быть приложены къ изученію государства въ современномъ состояніи общей науки о государствѣ», авторъ очень скоро теряетъ эту точку зрѣнія. Основные выводы, къ которымъ онъ приходитъ, таковы: «Цѣль всякой науки заключается въ выясненіи природы данныхъ отношеній и указаній на условія сосуществованія и послѣдовательности данныхъ явленій. Разсматривая юридическія отношенія въ государствѣ, опредѣляющія основы порядка и свободы въ политическомъ союзѣ (что и должно составлять предметы государственнаго права), мы должны стремиться выяснить природу этихъ юридическихъ отношеній и по возможности выяснить условія ихъ существованія и послѣдовательности. Методъ, котораго слѣдуетъ держаться въ изслѣдованіи, есть тотъ, который мы употребляемъ во всѣхъ наукахъ, а именно: анализъ, конструкція и классификація» (112 стр.). Но, не говоря уже о томъ, что изолированное, согласно ученію юридической школы, изученіе юридическихъ отношеній, возникающихъ въ государствѣ, врядъ ли можетъ служить къ правильному установленію законовъ существованія этихъ отношеній, какъ явленій соціально-политическихъ, мы на каждомъ шагу убѣждаемся, что поставленная выше задача очень быстро уступаетъ мѣсто совершенно рутинному выполненію. Такъ, третій отдѣлъ лекцій, имѣющій своимъ предметомъ конструкцію государственныхъ отношеній, по своему характеру и методу изложенія представляетъ обычно установившуюся теорію конституціоннаго права. Еще оригинальнѣе отношеніе автора къ одному изъ перечисленныхъ выше методовъ научнаго изслѣдованія—классификаціи. Признавая необходимость примѣнять классификацію не только какъ приѣмъ изложенія, извѣстную схему, объясняющую намъ структуру различныхъ государствъ, но и какъ приѣмъ логическаго изслѣдованія, авторъ, тѣмъ не менѣе, заканчива-

ваетъ заявленіемъ, что самъ онъ однако въ послѣдующемъ придерживается общаго правила—пользоваться классификаціею государствъ лишь какъ пріемомъ изложенія политическихъ явленій (188 стр.).

Указанные примѣры, число которыхъ мы могли бы, при желаніи, увеличить, достаточно показываютъ, что взгляды проф. Свѣшниковъ заключаютъ не мало противорѣчій и традиционныхъ пріемовъ на ряду съ невыполненными обѣщаніями. Эта особенность его труда, можетъ быть, находится въ зависимости отъ такого же хаотическаго состоянія современной науки государственнаго права въ Германіи, откуда наши ученые привыкли по преимуществу почерпать свои познанія и руководящія идеи. На этотъ разъ положеніе ихъ оказывается весьма затруднительнымъ. Говоря о многочисленныхъ развѣтвленіяхъ теоріи государства въ нѣмецкой научной литературѣ, проф. Свѣшниковъ заключаетъ словами: «Такое различіе взглядовъ и направленій показываетъ, что конецъ XIX вѣка еще не выяснилъ вполне ни одной изъ выдающихся доктринъ государственнаго права. Наряду съ ученіями Лабанда и Еллинека появляются еще въ одинаковой мѣрѣ представители самыхъ старыхъ воззрѣній» (107 стр.). Но этого мало. Старыя воззрѣнія имѣютъ въ себѣ достаточно силы, чтобы не только возрождаться, но и заставить считаться съ собою представителей воззрѣній новыхъ. Такъ, выразивъ свои симпатіи къ юридической школѣ, проф. Свѣшниковъ спѣшитъ оговориться: «Но юридическая школа въ лицѣ Лабанда не можетъ быть названа исчерпывающею доктриной, такъ какъ то, что сдѣлано его предшественниками, далеко еще не можетъ быть сдано въ архивъ, и каждый изъ указанныхъ мыслителей прошлаго нѣмецкой науки до сихъ поръ представляетъ еще очень много важнаго животрепещущаго интереса». Въ этомъ-то тщетномъ стараніи согласить противуположные взгляды мыслителей прошлаго и настоящаго нѣмецкой науки и кроется происхожденіе многихъ противорѣчій въ пріемахъ и воззрѣніяхъ самого г. Свѣшниковъ.

Тѣмъ не менѣе, при скудости нашей литературы государственныхъ наукъ, мы не можемъ не рекомендовать лекцій М. И. Свѣшниковъ, которыя въ изложеніи нѣсколько тяжеломъ и растянутомъ достаточно подробно знакомятъ читателей съ формами нашего государственнаго устройства, а также съ конституціоннымъ правомъ западно-европейскихъ государствъ.

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЭКОНОМІЯ.

«Библіотека экономистовъ».—«Промышленная исторія Англіи».

Библіотека экономистовъ. Вып. II. Давидъ Рикардо. «Начала политической экономіи»—пер. Н. В. Фабриканта. Выш. III, Т. Р. Мальтусъ. «Опытъ закона о народонаселеніи», пер. И. А. Вернера. Вып. IV, Джонъ Стюартъ Милль. «Основанія политической экономіи съ нѣкоторыми изъ ихъ приложений къ общественной философіи», пер. А. Ми-

«мръ Вожді», № 11, ноябрь.

2

квашевского. Изд. К. Т. Солдатенкова. Цѣна каждому выпуску 1 р. Приступая къ разсмотрѣнію означенныхъ выпусковъ «Библиотеки экономистовъ», мы считаемъ своимъ долгомъ сдѣлать одну оговорку по поводу мнѣнія, высказаннаго нами ранѣе въ рецензіи, касавшейся перваго опыта настоящаго изданія. Основываясь на тѣхъ общихъ объясненіяхъ, которыя редакція «Библиотеки экономистовъ» предпослала ея первому выпуску: «Адамъ Смитъ. Исслѣдованіе о богатствѣ народовъ»,—мы приписали самую инициативу изданія «комиссіи по организаціи домашнихъ чтеній». Общій смыслъ этихъ объясненій, которыми изданіе приурочивалось къ дѣлу самообразования и задачамъ, принятымъ на себя комиссіею, давалъ поводъ къ тому, чтобы составить себѣ подобное мнѣніе. Однако, болѣе тщательное разсмотрѣніе заявленной редакціи «Библиотеки экономистовъ», выяснило намъ, что изданіе это отношенія къ дѣятельности «комиссіи по организаціи домашнихъ чтеній» не имѣетъ, и вся отвѣтственность за его достоинства и недостатки должна быть возложена исключительно на редакцію изданія,—М. Щепкина и И. Вернера. Упомянувъ объ этой нашей ошибкѣ, въ остальномъ, что касается оцѣнки перваго выпуска «Библиотеки», выходящей подъ редакціею М. Щепкина и И. Вернера, мы остаемся при прежнемъ мнѣніи, и мнѣніе это считаемъ возможнымъ перенести и на послѣдующіе выпуски разсматриваемаго изданія. Представляя переводъ французскаго изданія «Маленькой библиотеки экономистовъ» Гильомена, выпуски эти имѣютъ всѣ недостатки неполнаго и видоизмѣненнаго перевода трудовъ, значеніе и достоинства которыхъ неоспоримы. Намъ казалось, что высокое значеніе оригиналовъ, подвергавшихся нѣсколько произвольному и не всегда умѣлому въ рукахъ французскихъ издателей сокращенію и искаженію,—это высокое значеніе оригиналовъ, о которомъ не перестаютъ заявлять редакторы обоихъ изданій, и французскаго, и русскаго, на каждой страницѣ предисловія, именно и обязывало бы къ большому уваженію ихъ цѣльности и неприкосновенности. Недостатки французской редакціи, повидимому, все болѣе и болѣе даютъ себя чувствовать редакторамъ русскаго изданія, и въ позднѣйшихъ выпускахъ они значительно отступаютъ отъ построенія и порядка французскихъ изданій. Но основной недостатокъ этихъ послѣднихъ, передающихъ исслѣдованія великихъ экономистовъ въ извлеченіяхъ, а не во всей полнотѣ ихъ, остается попрежнему и въ русскомъ изданіи. Неправильность подобнаго приѣма, очевидно, чувствуется и самими редакторами его, какъ свидѣтельствуетъ о томъ слѣдующее мѣсто изъ предисловія къ выпуску II-му: «Дѣлать выборку изъ сочиненій Рикардо, помѣщать одиѣ главы и отметать въ сторону другія—дѣло не легкое, въ особенности потому, что «Начала пол. экон.» представляютъ собою такое стройное, обдуманное во всѣхъ частяхъ сочиненіе, въ которомъ частныя спеціальныя разсужденія и объясненія по отдѣльнымъ вопросамъ связаны самымъ тѣснымъ, органическимъ образомъ съ основными началами и возрѣніями автора и логически вытекаютъ изъ нихъ. Если же въ настоящемъ случаѣ приходится насильственнымъ образомъ расчленять

это стройное цѣлое, то единственно только вслѣдствіе слишкомъ узкихъ рамокъ предпринятаго нами изданія».

Естественно, что, чѣмъ болѣе редакторы русскаго изданія выходятъ изъ этихъ рамокъ, тѣмъ большаго одобренія заслуживаютъ ихъ труды. Въ частности изъ упомянутыхъ выше выпусковъ «Библиотеки экономистовъ», въ особенности мы можемъ рекомендовать читателямъ «Основанія политической экономіи» Джона Стюарта Милля, которыя являются хоть и въ сокращенномъ, но вполне самостоятельномъ переводѣ съ послѣдняго англійскаго изданія 1892 года. Переводчикъ ихъ, А. Миклашевскій, французскимъ изданіемъ почти не пользовался и держался, по возможности ближе, къ подлинной фразеологіи самого Д. С. Милля. Издаю предпосланъ довольно обширный и обстоятельный библиографическій очеркъ Д. Милля, составленный переводчикомъ.

Культурно-историческая бібліотека. № 1. Г. Гиббинсъ. Промышленная исторія Англій. Перев. съ англійскаго съ примѣчаніями и предисловіемъ А. В. Каменскаго. Изд. О. Н. Поповой. Спб. 1895 г. Ц. 80 к. Въ 80-хъ годахъ въ Англій возникло Общество распространенія высшаго образованія въ народной средѣ. Общество устраиваетъ лекціи, организуетъ бібліотеки и читальни, сносится (письменно) съ самой разнообразной публикой, помогая ей разобратъся въ тѣхъ или другихъ интересующихъ ее вопросахъ, издаетъ массу книгъ популярно-научнаго содержанія, весьма доступныхъ по своей цѣнѣ. Книжка Гиббинса принадлежитъ именно къ этой категоріи книгъ; вотъ почему она представляетъ для насъ двойной интересъ: во-первыхъ, она интересна уже тѣмъ, что затрогиваетъ очень важный вопросъ, во-вторыхъ, по ней мы, хотя отчасти, можемъ судить о степени развитія и подготовленности саморазвивающейся англійской публики, которая у насъ именуется «народомъ». Признаемся, когда мы сопоставили наши народныя изданія, тощенькія по объему и умѣренно аккуратныя по своему содержанію, съ книжкой Гиббинса, то у насъ невольно возбуждился вопросъ: да есть ли въ Россіи *литература для народа*, и то, что извѣстно подъ этимъ громкимъ названіемъ, не есть ли только вѣкая подготовка къ такой литературѣ?

О задачѣ своего труда и значеніи его Гиббинсъ высказывается слѣдующимъ образомъ: «Польза изученія промышленной исторіи несомнѣнна, если она показываетъ намъ, какими путями мы дошли до своего настоящаго положенія, и какихъ ошибокъ мы должны остерегаться въ будущемъ. Къ сожалѣнію, весьма немногіе историки считали нужнымъ изучать экономическіе факторы въ жизни народовъ. Въ большинствѣ, они ограничивались дѣяніями королей и придворными интригами, дѣйствіями государственныхъ людей и подвигами героевъ. Поэтому, они часто не въ состояніи были объяснить тѣхъ самыхъ явленій, которыя составляли предметъ ихъ изученія. Но если невозможно понять развитія Англій безъ правильной оцѣнки тѣхъ соціальныхъ и промышленныхъ событій, которыя его обуславливали, то настолько же трудно обойтись въ будущемъ безъ систематическаго изученія всѣхъ экономическихъ и промышленныхъ сторонъ ея жизни, когда всѣ главныя полити-

ческие вопросы нашего времени, въ сущности—вопросы экономическіе... И тѣ англичане, которые желаютъ удержать свою страну на ея современной высотѣ и содѣйствовать ея будущему прогрессу, должны быть готовы къ отвѣтамъ на тѣ экономическіе вопросы, которые осаждаютъ насъ со всѣхъ сторонъ; а для этого необходимо знакомство съ промышленной исторіи этой великой промышленной націи»... Съ этой задачей авторъ справился весьма удачно: книжка Гиббинса даетъ ясное и отчетливое понятіе о томъ, какъ въ Англіи постепенно совершался ростъ промышленности и торговли,—какъ чисто земледѣльческая страна мало-по-малу превращалась въ фабричную по преимуществу.

ЕСТЕСТВОЗНАНІЕ.

П. А. Зилова. «Курсъ физики. Вып. IV. Звукъ».—*М. А. Мензбиръ.* «Птицы Россіи».—*Этшверъ и Марголле.* «Микроскопъ и телескопъ».—*Н. Сеитскій.* «Драгоценные камни».

Курсъ физики. П. А. Зилова, ординарнаго профессора Императорскаго Варшавскаго университета. Выпускъ IV. Звукъ. Варшава. 1895 г. 57 стр. Ц. 30 коп. Настоящій выпускъ, посвященный ученію о звукѣ, отличается тѣми же достоинствами, какія мы отметили, давая отзывъ о первыхъ трехъ выпускахъ. Хотя авторъ и предназначаетъ свой курсъ для слушателей высшихъ учебныхъ заведеній, но изложеніе основаній акустики онъ начинаетъ съ самыхъ элементарныхъ понятій о звукѣ. Выпускъ раздѣленъ на 4 главы, содержаніе которыхъ составляютъ: 1) звучація тѣла и звуковыя волны; 2) качества звука; 3) распространеніе звука и 4) музыкальные инструменты. Помимо простоты и ясности, отдѣлъ акустики отличается еще извѣстной долей изящества изложенія, что, вѣроятно, находится въ связи съ особымъ интересомъ предмета. Книгу эту можно рекомендовать лицамъ, стремящимся къ самообразованію путемъ самостоятельнаго чтенія и обладающимъ среднимъ образованіемъ.

Птицы Россіи. М. А. Мензбира, профессора Императорскаго Московскаго университета. 2 тома, 7 выпусковъ. Вып. 1-й съ 78 рис., вып. 2-й съ 61 рис., вып. 3-й съ 90 рис., вып. 4-й съ 58 рис., вып. 5-й съ 80 рис., вып. 6-й съ 146 рис., вып. 7-й съ 24 рис. Москва. 1893—1895 гг. 836+1120+CVIII стр. Ц. 10 руб. безъ пересылки. Въ нашемъ обществѣ существуетъ большой спросъ на популярно-научныя сочиненія по естествознанію. Помимо лицъ, интересующихся общими научными вопросами, почти въ каждомъ городѣ, даже въ самыхъ глухихъ провинціяхъ, найдутся одинъ или нѣсколько любителей какой-нибудь специальной отрасли естественныхъ наукъ. Одинъ собираетъ и изучаетъ насѣкомыхъ, другой занимается мѣстными птицами, третій штудируетъ горныя породы. Такого рода любители, получая отъ своихъ занятій извѣстнаго рода умственное удовлетвореніе, силою да рядомъ при-

носить пользу и наукѣ. Правда, только въ исключительныхъ случаяхъ они превращаются въ самостоятельныхъ научныхъ дѣятелей, но, какъ корреспонденты и собиратели сырого матеріала, очень часто они незамѣнимы. Относиться вполне осмысленно къ своимъ изслѣдованіямъ они не могутъ, главнымъ образомъ, вслѣдствіе недостатка популярно-научныхъ пособій по интересующему ихъ предмету. Кому изъ ученыхъ натуралистовъ, побывавшихъ въ провинціи, не приходилось встрѣчать такихъ любителей? У много вся квартира завѣшана чучелами птицъ, онъ знаетъ образъ жизни всѣхъ пернатыхъ обитателей своей губерніи, имѣетъ въ запасѣ множество весьма интересныхъ наблюденій, но совершенно не можетъ разобраться въ вопросѣ, что изъ его свѣдѣній ново и цѣнно, и что давнымъ-давно извѣстно. Не рѣдко такой доморощенный натуралистъ не можетъ даже назвать тѣхъ животныхъ и растений, которыя онъ собралъ и жизнь которыхъ изучилъ по мѣрѣ своего разумія. Надо быть фанатикомъ своего дѣла, чтобы при такихъ условіяхъ не терять интереса къ любимому занятію. Обыкновенно собраніе естественно-историческихъ коллекцій превращается въ этихъ случаяхъ въ своего рода спортъ, лишенный всякаго смысла, или совершенно прекращается. Въ самомъ дѣлѣ, стоитъ ли собирать коллекцію, когда не знаешь того, что собираешь, и надо ли наблюдать и записывать свои наблюденія, когда можетъ быть, въ этомъ нѣтъ никакого научнаго интереса? Только популярно-научныя сочиненія, посвященныя русской природѣ, могутъ поддержать нашихъ любителей—натуралистовъ въ ихъ любви къ природѣ и въ стремленіи изучать ее. Между тѣмъ, въ такихъ-то сочиненіяхъ у насъ и чувствуется недостатокъ. Старинныя книги, какъ, напр., Симашко—«Русская фауна», Эверсманна—«Естественная исторія Оренбургскаго края (птицы и звѣри)», Кеслера—«Русская орнитологія», нельзя считать популярными, къ тому же, онѣ слишкомъ устарѣли и вышли изъ продажи. Въ то время, какъ въ заграничной, въ особенности англійской, литературѣ существуетъ цѣлая серія популярныхъ книгъ, содержаніе которыхъ составляетъ описаніе отечественной природы, у насъ, кромѣ немногочисленныхъ опредѣлителей насѣкомыхъ и растений, къ тому же по большей части переводныхъ, до сего времени было только одно капитальное сочиненіе, которое можетъ служить опредѣлителемъ и вмѣстѣ съ тѣмъ даетъ очень полныя свѣдѣнія о жизни описываемыхъ животныхъ. Это—превосходный трудъ г. Сабанѣева «Рыбы Россіи», вышедшій недавно вторымъ изданіемъ. Съ появленіемъ книги проф. Мензбира «Птицы Россіи» въ нашей популярно-научной литературѣ прибавляется второе, еще болѣе капитальное сочиненіе.

Трудъ почтеннаго профессора состоитъ изъ двухъ объемистыхъ томовъ (въ 7 выпускахъ) и введенія, помѣщеннаго въ послѣднемъ выпускѣ. Въ этомъ введеніи авторъ довольно обстоятельно знакомитъ читателей съ анатоміей птицъ вообще, современной классификаціей ихъ, палеонтологической исторіей, географическимъ распространеніемъ; тутъ же онъ даетъ общій биологическій очеркъ класса, причемъ сообщаетъ наиболѣе интересныя

свѣдѣнія о гнѣздованіи, линькѣ, миграціяхъ, и въ заключеніе предлагаетъ инструкцію для приготовленія птичьихъ шкурокъ, составленную г. Сушкинымъ. Остальные выпуски, въ объемѣ 1.956 страницъ, посвящены описанію 527 видовъ (породъ) русскихъ птицъ въ ихъ систематическомъ порядкѣ, ихъ географическаго распространенія вообще и болѣе подробно въ предѣлахъ нашей имперіи, а для большинства видовъ—и образа жизни, поскольку онъ извѣстенъ. Спѣшимъ оговориться, что здѣсь рѣчь идетъ только о птицахъ Европейской Россіи и Кавказа; представители же этого класса, водящіеся въ Сибири и Туркестанѣ, или совсѣмъ не упомянуты, или разсмотрѣны только вскользь и въ исключительныхъ случаяхъ по какому-нибудь особому поводу. Поэтому названіе книги не вполне соответствуетъ ея содержанію. Матеріаломъ для составленія столь объемистаго труда проф. Мензбиру послужили довольно обширная и чрезвычайно разбросанная русская научная литература по орнитологіи, равно какъ и собственныя изслѣдованія автора, извѣстнаго въ наукѣ за специалиста орнитолога. Приступая къ обзору представителей какого-нибудь отряда, М. А. Мензбиръ даетъ сначала синоптическую таблицу для опредѣленія семействъ, предъ описаніемъ каждого семейства приложена такая же таблица для опредѣленія родовъ, а затѣмъ и видовъ (породъ). Эти таблицы навѣрно до чрезвычайности обрадуютъ нашихъ любителей орнитологовъ, такъ какъ онѣ значительно упрощаютъ дѣло опредѣленія. Безъ нихъ начинающій долженъ былъ бы прочесть нѣсколько десятковъ длинныхъ описаній, прежде чѣмъ онъ могъ бы добраться до видового названія опредѣляемой птицы. Распознаваніе птицъ еще болѣе облегчаютъ рисунки почти всѣхъ описанныхъ породъ. Рисунки эти, по большей части заимствованныя изъ лучшихъ иностранныхъ и русскихъ научныхъ сочиненій, каковы, напримѣръ, Seebohm. Geograph. distribut. of Charadriidae, Pleske. Ornithographia rossica и друг., хотя и не раскрашены, но настолько удовлетворительно исполнены, что въ большинствѣ случаевъ даютъ довольно вѣрное представленіе о птицѣ. При описаніи образа жизни и географическаго распространенія, авторъ всякій разъ старательно подчеркиваетъ, какіе вопросы въ указанномъ отношеніи остаются въ настоящее время невыясненными. Эта особенность сочиненія проф. Мензбира точно также чрезвычайно цѣнна для любителей. Руководствуясь этой книгой, они всегда могутъ узнать, на что слѣдуетъ обращать особое вниманіе при изслѣдованіи орнито-фауны той или другой мѣстности. Такимъ образомъ любительскія занятія могутъ получить научное значеніе. Въ концѣ 2-го тома приложены алфавитные указатели латинскихъ и русскихъ названій описываемыхъ птицъ.

Считая прекрасный трудъ проф. Мензбира вполне удовлетворяющимъ своему назначенію, мы все-таки находимъ нужнымъ отмѣтить нѣкоторыя его слабыя стороны. Такъ, напримѣръ, увлекаясь своей теоріей птичьихъ перелетовъ, авторъ почти ничего не говоритъ о фактической сторонѣ ихъ. Не упоминаетъ онъ о томъ, въ какой послѣдовательности разные представители класса прилетаютъ къ намъ и отлетаютъ, не отмѣчаетъ зависимости

прилета и отлета отъ условій погоды, не говоритъ о томъ, какъ, въ какое время сутокъ летятъ тѣ или другія птицы, умалчивается о сухопутныхъ странствованіяхъ и переселеніяхъ по водѣ, о такъ-называемыхъ изопиптекахъ и проч. Между тѣмъ, всѣ эти вопросы, въ особенности для любителя, слишкомъ интересны, чтобы обходить ихъ молчаніемъ. Второй слабой стороной книги М. А. Мензбира мы считаемъ нѣсколько пристрастное отношеніе къ авторамъ различныхъ научныхъ сочиненій, послужившихъ почтенному профессору матеріаломъ для составленія его труда. Просматривая «Птицъ Россіи», всякій неспециалистъ вынесетъ впечатлѣніе, что первыми орнитологами у насъ въ Россіи являются гг. Сушкинъ, Сомовъ, Зарудный и нѣкоторые другіе, потому что имена ихъ упоминаются въ книгѣ чрезвычайно часто; что же касается проф. М. Н. Богданова, — подумаетъ не посвященный, — то онъ, если и сдѣлалъ что-нибудь въ области русской орнитологіи, то развѣ самую малость. Мы не отрицаемъ заслугъ молодыхъ ученыхъ, каковы гг. Сушкинъ, Сомовъ и друг., однако, покойный проф. М. Н. Богдановъ былъ на столько компетентнымъ орнитологомъ и такъ много сдѣлалъ по своей специальности, что игнорированіе его изслѣдовацій или неупоминаніе его имени мы считаемъ незаслуженнымъ.

Въ заключеніе нѣсколько словъ о внѣшней сторонѣ книги. Изданіе опрятно; рисунки, какъ уже было сказано, вполне удовлетворительны, поэтому цѣну книга нельзя не признать вполне умѣренной.

Зюршэръ и Марголле. Микроскопъ и телескопъ. Перевелъ и дополнилъ И. Святскій (съ 42 рисунками). Прилож. къ журналу «Природа и люди». Спб. 1895 г. 140 стр. Ц. 50 к. Содержаніе книжки не вполне соответствуетъ ея заглавію. Еще вторая часть въ дѣйствительности посвящена описанію различныхъ системъ телескоповъ, равно какъ и описанію отдѣльныхъ наиболѣе замѣчательныхъ новѣйшихъ инструментовъ этого рода; объ астрономическихъ открытіяхъ, сдѣланныхъ при содѣйствіи телескопа, здѣсь говорится только вскользь, всего на 14—15 страницахъ. Въ первой же половинѣ книги только одна первая глава въ 14 стр. съ многочисленными рисунками въ текстѣ отведена исторіи микроскопа и обзору разныхъ системъ этихъ приборовъ. Въ остальныхъ семи главахъ идетъ рѣчь о животныхъ и растеніяхъ, знакомствомъ съ которыми мы обязаны микроскопу, каковы инфузоріи, бактерии, растительныя клѣтки и т. д., а также о примѣненіи микроскопа при минералогическихъ изслѣдованіяхъ. Можно было бы помириться съ такимъ содержаніемъ книги, если бы авторы ограничились рассмотрѣніемъ только микроскопическихъ существъ, между тѣмъ въ особой главѣ (2-й) говорится о превращеніи насѣкомыхъ и растеній, въ 4-й главѣ довольно подробно рассмотрѣно устройство организма коралловъ, а переводчикъ г. Святскій, еще отъ себя прибавилъ нѣсколько подробностей къ описанію этихъ, далеко не микроскопическихъ животныхъ. Если помѣщеніе обзора превращенія насѣкомыхъ и анатоміи коралловъ авторы книжки и переводчикъ ея оправдываютъ тѣмъ соображеніемъ, что только

микроскопъ даетъ возможность познакомиться съ нѣкоторыми особенностями устройства тѣлъ этихъ животныхъ, то отчего было не помѣстить сюда же и всѣхъ остальныхъ представителей этого царства, не исключая кита и слона: и у этихъ колоссовъ строеніе тканей можетъ быть изучено только подъ микроскопомъ. Вообще книжка производитъ впечатлѣніе поверхностной и безъ всякой системы составленной компиляціи. Въ зоологической части ея авторы оказываются далеко не на высотѣ своей задачи. Такъ, чтеніе очерка глубоководной фауны производитъ въ головѣ читателя настоящій сумбуръ, вслѣдствіе того, что въ книжкѣ приведены противорѣчащія другъ другу свѣдѣнія безъ всякаго указанія на то, которое изъ нихъ надо считать справедливымъ. Очевидно, авторъ зоологической части сочиненія самъ колеблется. Разуждая о возможности жизни на большихъ глубинахъ, онъ говоритъ (стр. 38): «Г. Байлей совершенно основательно замѣчаетъ, что мало вѣроятія допустить, чтобы животныя эти (корненожки) жили на большихъ глубинахъ, такъ какъ громадное гидростатическое давленіе препятствовало бы ихъ развитію». Точно также и на слѣдующей страницѣ читаемъ: «Объяснить существованіе организмовъ на большихъ морскихъ глубинахъ весьма затруднительно, а потому естественно предположить, что жили они (корненожки) вблизи поверхности и послѣ смерти скелеты ихъ очутились на днѣ». Между тѣмъ, сейчасъ же авторъ прибавляетъ: «Однако, болѣе новые факты убѣдили въ томъ, что и на этихъ глубинахъ существуетъ жизнь. Такъ, напр., были собраны раковины на глубинѣ 1.000 метровъ». Затѣмъ сообщается фактъ, что даже на глубинѣ 1.260 шестифутовыхъ саженей добыты были живыя морскія звѣзды, а далѣе опять читаемъ: «а между тѣмъ, профессоръ Форбесъ вывелъ изъ нѣкоторыхъ опытовъ, что на большихъ глубинахъ, вблизи дна, куда не можетъ проникнуть свѣтовой лучъ и гдѣ гидростатическое давленіе достигаетъ 200 килограмм. на квадратный сантиметръ, жизни быть не можетъ». Спрашивается, гдѣ же истина? Ошибаются ли Байлей и Форбесъ, или невѣрны свѣдѣнія о раковинахъ и морскихъ звѣздахъ, найденныхъ, будто бы, на большой глубинѣ? Такъ этотъ вопросъ и остается не разъясненнымъ для читателей. Видимо, и самъ авторъ не можетъ дать на него удовлетворительнаго отвѣта. А между тѣмъ, если бы составители книжки были au courant современныхъ свѣдѣній о глубоководной фаунѣ, они не стали бы приводить мнѣнія такого ископаемаго авторитета, какъ Форбесъ, или такого неавторитетнаго ученаго, какъ Байлей, а просто-на-просто сообщили бы результаты послѣднихъ глубоководныхъ изслѣдованій, хотя бы знаменитаго «Чалленжера» или французскихъ экспедицій. Тогда читатель узналъ бы, что на всѣхъ самыхъ огромныхъ глубинахъ, куда только проникали приборы изслѣдователей, существуетъ богатая и разнообразная жизнь, что давленіе воды нисколько не препятствуетъ развитію жизни. Познакомившись съ фактами, добытыми только «Чалленжеромъ», авторъ не сталъ бы говорить о невозможности существованія корненожекъ на большой глубинѣ, такъ какъ узналъ бы, что какъ разъ эти самыя корненожки

найнены на такомъ разстояніи отъ поверхности моря, въ сравненіи съ которыми 1.260 шестифутовыхъ сажень величина незначительная, а именно на глубинѣ до 5.000 сажень и болѣе.

Драгоценные камни. Составилъ И. Святскій (съ 38 рисунками). Приложение къ журналу «Природа и люди». Спб. 1895 г. 184 стр. Ц. 50 к. Въ видѣ приложенія къ журналу «Природа и Люди» въ послѣднее время выпущена въ свѣтъ цѣлая серія компилятивныхъ книжекъ по различнымъ отраслямъ знанія. Не блещутъ эти компиляціи ни глубиной замысла, ни обиліемъ литературнаго матеріала, по которому онѣ составлены, тѣмъ не менѣе, многія изъ нихъ нельзя не признать полезными. Въ сжатомъ видѣ эти книжки даютъ читателю то, что онъ могъ бы почерпнуть изъ нѣсколькихъ большихъ и сравнительно дорогихъ сочиненій. Къ числу такихъ полезныхъ компиляцій принадлежитъ и книга «Драгоценные камни» г. Святскаго, взявшаго въ основаніе своей работы извѣстную книгу г. Пыляева «Драгоценные камни», статью того же автора «Символика драгоценныхъ камней», сочиненіе Е. Kluge «Handbuch d. Edelsteinkunde» и нѣкоторыя другія. Послѣ общаго очерка драгоценныхъ камней, ихъ происхожденія, свойствъ, какія приписывали имъ въ древнія времена и въ средніе вѣка, авторъ описываетъ въ отдѣльности различныя породы этихъ минераловъ. Въ числѣ драгоценныхъ камней онъ говоритъ также о жемчугѣ и о кораллахъ. Три главы посвящены обзору искусственныхъ драгоценныхъ камней и различнымъ способамъ ихъ приготовленія. Рисунки вполне удовлетворяютъ своему назначенію.

ДѢТСКІЯ КНИГИ.

А. Естествознание.

Ю. Н. Вагнеръ «Мой Акваріумъ»; М. Бодановъ «Разсказы о птицахъ»;
М. А. Лялина «Путешествіе Дарвина».

Мой Акваріумъ. Составилъ для дѣтей Ю. Н. Вагнеръ, приватъ-доцентъ С.-Петербургскаго университета. «Благотворное вліяніе воспитанія животныхъ на характеръ и на развитіе ребенка давно сознавалось», говоритъ авторъ въ предисловіи къ своей книжкѣ, «и здѣсь я не стану доказывать этого мнѣнія, хотя даже между интеллигентными родителями найдется не мало и противниковъ его. Въ положительномъ вліяніи воспитанія животныхъ на дѣтей во всѣхъ его видахъ,—начиная съ воспитыванья личинокъ насекомыхъ въ простыхъ коробкахъ и кончая щенками и котятами,—я убѣждался каждый разъ, когда воспитаніе велось правильно». Нельзя не согласиться со справедливостью этого мнѣнія г. Вагнера: воспитаніе животныхъ является несомнѣнно однимъ изъ лучшихъ средствъ развить въ дѣтяхъ заботливое отношеніе къ слабымъ, низшимъ существамъ, привычку внимательно и аккуратно исполнять принятую на себя обязанность, способность забывать свое я

въ пользу другого. Мы сомнѣваемся, чтобы среди интеллигентныхъ родителей дѣйствительно нашлось много противниковъ этой идеи. Если родители встаютъ противъ держанія дѣтьми щенковъ и котятъ или противъ собиранія ими личинокъ, то это исключительно потому, что правильная постановка дѣла воспитанія животныхъ слишкомъ рѣдко удается. Предоставленные себѣ, лишенные разумнаго руководительства, наши дѣти обыкновенно превращаются изъ воспитателей въ господъ и тирановъ надъ домашними животными, а изъ любознательныхъ наблюдателей природы въ бессмысленныхъ и жестокихъ коллекціонеровъ насѣкомыхъ. Въ своей книгѣ г. Вагнеръ ставитъ себѣ цѣлью научить дѣтей наблюдать и заинтересовать ихъ жизнью мелкихъ водяныхъ животныхъ и растений, которыя могутъ быть помѣщены въ небольшомъ аквариумѣ. Книга написана такъ просто, живо и интересно, что навѣрно достигнетъ своей цѣли, если только будетъ выполнено условіе, выставленное самимъ авторомъ: разумное вмѣшательство и помощь взрослыхъ для того, чтобы устроить практическую обстановку наблюдений и чтобы осмыслить самое наблюдение. Мы очень боимся, что безъ соблюденія этого условія прекрасная книга г. Вагнера пригодится немногимъ. Устройство аквариума, хотя и по упрощенному способу, предлагаемому авторомъ, уходъ за нимъ, отысканіе намѣченныхъ въ книгѣ животныхъ и растений, — все это почти неудобноисполнимо для обыкновенныхъ дѣтей съ обычнымъ запасомъ дѣтскаго легкомыслія и нетерпѣнія. Впрочемъ, и для такихъ дѣтей чтеніе книги г. Вагнера не останется бесполезнымъ: оно не дастъ имъ тѣхъ живыхъ, плодотворныхъ впечатлѣній, какія даетъ самостоятельное наблюдение, но оно покажетъ имъ, какія чудеса природы заключаются въ самыхъ мелкихъ, окружающихъ насъ, явленіяхъ природы, какъ много жизни и движенія существуетъ на днѣ какой-нибудь лужи, въ какомъ-нибудь болотѣ, по которымъ они привыкли скользить разсѣянными взглядомъ.

Разказы о птицахъ. Модеста Богданова, профессора С.-Петербургскаго университета. Для юношества. М. 1895 г. 102 стр. Ц. 75 к. Популярныя сочиненія покойнаго проф. М. Н. Богданова пользуются почетною извѣстностью. Его сборники дѣтскихъ разказовъ: «Мірскіе захребетники» (вышелъ 4-мъ изданіемъ) и «Изъ жизни русской природы» единогласно отмѣчены критикой, какъ талантливыя произведенія. И дѣйствительно, живое, мѣстами картинное изложеніе М. Н. Богданова при ясномъ, до чрезвычайности простомъ, доступномъ даже для маленькихъ дѣтей языкѣ, носитъ на себѣ печать таланта. Хорошій знатокъ царства животныхъ, знакомый съ природой не только по книгамъ, но и по личнымъ наблюденіямъ во время своихъ многочисленныхъ путешествій, авторъ даетъ далеко не избитыя свѣдѣнія объ описываемыхъ животныхъ: онъ сообщаетъ свои личные взгляды на нихъ, результаты своихъ личныхъ наблюдений, и это придаетъ его очеркамъ еще большій интересъ, особый отбѣнокъ убѣдительности. Въ разсматриваемой книжкѣ помѣщено всего 6 разказовъ, первоначально печатавшихся въ дѣтскихъ журналахъ и вышедшихъ впоследствии въ сборникѣ «Изъ жизни русской природы»: 1) «Бесѣды о пѣвчихъ птичкахъ»;

2) «Птицеловы»; 3) «Осенній перелетъ птицъ»; 4) «Соловей»; 5) «Синичка»; 6) «По гнѣзда, по яйца!» Издатель предназначилъ книжку «для юношества»; на самомъ же дѣлѣ ее съ удовольствіемъ прочтеть и взрослый, ее прочтуть и поймутъ дѣти, лѣтъ 9, 10. Писать научно-популярные очерки для взрослыхъ и для юношества несравненно легче, чѣмъ удовлетворить своими произведеніями любознательность дѣтей, примѣняясь къ ихъ уровню развитія. Поэтому хорошіе дѣтскіе писатели, какъ въ западно-европейской литературѣ, такъ и въ нашей, составляютъ рѣдкое явленіе. Къ числу такихъ рѣдкихъ явленій принадлежалъ покойный М. Н. Богдановъ, и предназначать его очерки исключительно для юношества значить умалять ихъ значеніе.

Путешествіе Чарльза Дарвина кругомъ свѣта и по южной Америкѣ. Въ передѣлкѣ М. А. Лялиной. Съ 50 рисунками въ текстѣ. Спб. Изд. М. Ледерле и К^о, 1895 г., 421 стр., ц. 80 к. Библиотена нашего юношества, вып. VII. Эта книга представляетъ передѣлку извѣстнаго сочиненія Дарвина: «Путешествіе на кораблѣ Бигль». Передѣлка заключается въ томъ что изъ оригинала выпущены нѣкоторыя мѣста, показавшіяся М. А. Лялиной или мало интересными для юношества, или недоступными его пониманію, и, кромѣ того, часть сочиненія Дарвина изложена г-жею Лялиной, ради краткости, своими словами, почему рассказъ ведется отъ третьяго лица, а не отъ перваго, какъ въ оригиналѣ. Собственно говоря, мы не видимъ никакой особенной надобности въ подобной передѣлкѣ. «Путешествіе на кораблѣ «Бигль» Ч. Дарвина написано достаточно популярно и, за немногими исключеніями, доступно для пониманія юношества; было бы вполне достаточно выпустить нѣсколько сокращенное изданіе его. вмѣсто введенія къ книгѣ г-жи Лялиной, приложенъ отрывокъ изъ извѣстнаго произведенія г. Ювина «По южной Америкѣ». Отрывокъ этотъ, въ сущности, не имѣетъ никакого отношенія къ сочиненію Дарвина, развѣ только то, что въ немъ упоминается о южной Америкѣ и о Дарвинѣ. Издана книга опрятно, хотя рисунки исполнены нѣсколько грубовато.

Б. Историческіе рассказы.

Авенаріусъ, «Во львиной пасти». — *Рейдеръ Гонардъ*, «Дочь Монтезумы». — *Янтарева*, «Марраны». — *Шелмунова*, «Георгъ Эберсъ въ пересказахъ для русскаго юношества».

Во львиной пасти. Историческая повѣсть для юношества изъ эпохи основанія Петербурга. В. П. Авенаріуса. (Съ 19 отдѣльными рисунками художника Р. Ѳ. Штейна и снимкомъ съ современной гравюры). Повѣсть г. В. П. Авенаріуса написана живо, интересна и читается съ большимъ удовольствіемъ. Въ ней изображены злоключенія молодого легкомысленнаго русскаго дворянчика, посланнаго Петромъ Великимъ въ Туловъ и Брестъ обучаться навигаціи и судостроенію. Наука плохо давалась изнѣженному барченку, онъ раньше срока бросилъ занятія, безъ позволенія царя поѣхалъ развлечься въ Парижъ, а оттуда съ паспортомъ французскаго маркиза Ламбаля явился на берега Невы охотиться за

люсями. Это было осенью 1702 г. во время войны между Швеціей и Россіей. Похожденія молодого человѣка въ шведской крѣпостѣ Ніеншанцѣ дають автору поводъ сообщить обстоятельное описаніе той мѣстности, гдѣ находится въ настоящее время Петербургъ и его окрестности. Описаніе это такъ удачно вплетено въ разсказъ о приключеніяхъ молодого Спафаріева и его слуги, что читается безъ всякой скуки. Въ изображеніи личности Петра и его сподвижниковъ нѣтъ ничего новаго, оригинальнаго, строгій критикъ найдетъ его, пожалуй, слишкомъ шаблоннымъ, скажетъ, что выпиванье «Орла» въ видѣ наказанья, выдергиванье зуба у упрямой боярыни, отказывавшейся подчиняться новымъ модамъ, награжденіе чиновомъ мичмана способнаго крѣпостнаго и отдача подъ команду ему его неуча-барина,—все это слишкомъ избито и встрѣчается во всѣхъ сборникахъ анекдотовъ о Петрѣ Великомъ. Противъ этого нельзя спорить. Надобно только имѣть въ виду, что книга г. Авенаріуса предназначается не для взрослого, образованнаго читателя, имѣющаго опредѣленный взглядъ на Петра Великаго и знакомаго со всѣми подробностями его исторіи, а для юношей, для подростковъ; имъ многое въ ней должно показаться новымъ, а потому интереснымъ, ихъ она въ живомъ разсказѣ познакомитъ съ началомъ исторіи Петербурга и въ значительной степени освѣтитъ для нихъ личность Великаго Преобразователя.

Дочь Монтезумы, царя Мексиканскаго. Историческій романъ для юношества Рейдера Гоггарда въ изложеніи М. Коршъ. Завоеваніе Мексики испанцами представляетъ одинъ изъ наиболѣе кровавыхъ эпизодовъ въ исторіи борьбы христіанской Европы съ заатлантическими народами. Автору лежащаго передъ нами «историческаго романа» показалось недостаточно познакомить юныхъ читателей со всѣми ужасами убійствъ и предательствъ, сопровождавшихъ походъ Кортеса,—онъ присоединилъ къ нимъ еще пытки инквизиціи, челоувѣческія жертвоприношенія ацтековъ и взаимную вражду двухъ лицъ, изъ которыхъ одинъ убиваетъ женщину, отвергнувъ его любовь двадцать лѣтъ тому назадъ, и преслѣдуетъ самымъ жестокимъ образомъ ея сына, а другой посвящаетъ свою жизнь мести за смерть матери. Въ общемъ получается цѣлый рядъ ужасающихъ сценъ и картинъ; чуть ли не въ каждой главѣ мы встрѣчаемъ пытки, убійства и самоубійства, кровь льется рѣкой, люди гибнутъ отъ голода, отъ заразныхъ болѣзней, падаютъ тысячами отъ мечей враговъ; молодую дѣвушку, нарушившую монашескіе обѣты и бѣжавшую изъ монастыря, замуравливаютъ въ нишу стѣны вмѣстѣ съ ея груднымъ ребенкомъ, а друзья даютъ ей выпить ядъ, чтобы спасти ее отъ мучительной агоніи; герой романа два раза лежитъ на жертвенномъ камнѣ и только случай спасаетъ его отъ поднятаго на него ножа жреца, готоваго принести его въ жертву своему богу. Въ одной изъ заключительныхъ сценъ герой романа Винфильдъ нападаетъ на своего врага, злодѣя Гарцію, тотъ въ паническомъ страхѣ убѣгаетъ отъ него и несется на лошади по узенькой тропинкѣ на вершину вулкана. Винфильдъ преслѣдуетъ его пѣшкомъ, они взбираются выше снѣговой линіи, встрѣчаются у самаго кратера, и, послѣ довольно длиннаго при данныхъ обстоя-

тельствѣхъ объясненія, Гарція сходитъ съ ума отъ ужаса и бросается въ жерло вулкана. Одинъ этотъ эпизодъ можетъ дать понятіе о всемъ характерѣ разсказа. Историческія данныя, сообщаемыя въ немъ, слишкомъ скудны, чтобы стоило покупать ихъ цѣною того тяжелого, нездороваго впечатлѣнія, какое онъ производитъ. Романъ г. Гоггарда, очевидно, предназначенъ не для дѣтей, во всякомъ случаѣ при изложеніи его слѣдовало избѣгать выраженій, неумѣстныхъ въ книгѣ для «юношества», т. е. для подростковъ; такъ, напр.: «любовь заставляетъ хитрить самую правдивую и искреннюю дѣвушку»; «любовь хороша сама по себѣ, хотя бы она осталась безъ послѣдствій»; «у меня была горячая, полуспанская кровь, и я сдѣлался уже мужемъ, когда мои сверстники-англичане еще были мальчиками. Я замѣтилъ, что кровь и дѣйствующее на нея солнце имѣютъ большое вліяніе на людей въ этомъ отношеніи». Съ внѣшней стороны изданіе настолько хорошо, что объ этомъ приходится положительно пожалѣть: красивая внѣшность заставитъ многихъ выбрать эту книгу для подарка, а между тѣмъ чтеніе ея можетъ вредно отозваться на душѣ ребенка.

Марраны (Изъ временъ испанской инквизиціи). Повѣсть для юношества Р. А. Янтаревой. Дѣйствіе повѣсти г-жи Янтаревой происходитъ въ Севильѣ, въ правленіе Фердинанда Католика и Изабеллы Кастильской, во времена безконтрольнаго господства инквизиціи въ испанской монархіи. Главными героями ея являются: старый еврей, необыкновенно умный, образованный и добродѣтельный раввинъ, и молодая христіанка Марія, которая, подъ вліяніемъ наставленій стараго раввина, посвящаетъ всю свою жизнь дѣламъ милосердія и любви къ ближнимъ безъ различія національности и религіи. Оба они дѣлаются жертвами инквизиціи. Старый еврей мужественно умираетъ на кострѣ, Марія спасается, благодаря деньгамъ и хлопотамъ молодого еврея, внука раввина. Обѣ эти личности идеально высоки и чисты, преслѣдующіе же ихъ инквизиторы и монахи доминиканцы—настоящіе злодѣи, человѣконенавистники. Они наводятъ страхъ и ужасъ на мирныхъ гражданъ Севильи, терроризируютъ короля, наполняютъ тюрьмы невинными жертвами, предають людей жесточайшимъ пыткамъ, сотнями сжигаютъ ихъ на кострахъ, и вся эта зловредная дѣятельность въ разсказѣ ничѣмъ не объясняется, не мотивируется. Юный читатель, незнакомый съ исторіей, не имѣющій понятія о томъ, какое вліяніе на строй мысли оказываетъ фанатизмъ, будетъ въ полномъ недоумѣніи, откуда явились такіе злодѣи-монахи и какъ могли терпѣть ихъ и короли, и народъ, которыхъ они равно угнетали.

Георгъ Эберсъ въ пересказахъ для русскаго юношества Л. П. Шелгуновой. 1) Дочь Египетскаго царя. 2) Сераписъ. 3) Греда. 4) Слово. 5) Уарда. Передѣлки для дѣтей произведеній разныхъ знаменитыхъ писателей все болѣе и болѣе входятъ у насъ въ моду. Не говоря о «Донъ-Кихотѣ» и «Путешествіи Гулливера», которые давно уже стали принадлежностью дѣтскихъ бібліотекъ, у насъ есть «дѣтскій Вальтеръ Скоттъ», «дѣтскіи Диккенсъ», Шекспиръ въ пересказахъ для дѣтей и проч., и проч. Защитники такого рода передѣлокъ ссылаются обыкновенно на то, что книги, написанныя спе-

ціально для дѣтей, страдаютъ отсутствіемъ художественности, что онѣ не развиваютъ вкусъ ребенка, не будятъ его мысли, что только произведенія великихъ мастеровъ слова могутъ имѣть могущественное воспитательное значеніе. Въ общемъ съ этимъ мнѣніемъ нельзя не согласиться: при прочихъ равныхъ условіяхъ нельзя колебаться въ выборѣ между талантомъ и бездарностью, нельзя давать ребенку камень вмѣсто хлѣба. Бѣда только въ томъ, что часто хлѣбъ извѣстнаго качества оказывается неудобоваримымъ для ребенка и замѣняется прецаратами, въ которыхъ исчезли всѣ главныя питательныя части хлѣба. Есть вещи, написанныя для взрослыхъ, которыя могутъ быть дѣликомъ прочитаны дѣтьми и достаточно полно усвоены ими, но большинство произведеній первоклассныхъ писателей мало годятся для дѣтей: иногда мысли, проводимыя въ нихъ, слишкомъ глубоки для дѣтскаго пониманія, иногда изображаемая ими чувства недостатны ребенку, иногда они затрогиваютъ слишкомъ серьезные вопросы и могутъ вызвать въ неокрѣпшемъ мозгу преждевременную, а потому мучительную и бесплодную работу. Если мы захотимъ и такого рода произведенія приспособить къ требованіямъ дѣтской литературы, намъ придется совсѣмъ отбросить идею, лежащую въ основѣ его или, по крайней мѣрѣ, упростить, умалить ее до послѣдней степени, лишить все произведеніе яркости и оригинальности красокъ; весь духъ и смыслъ его исчезнетъ, она потеряетъ и свою обаятельность, и свое воспитательное значеніе.

Георгъ Эберсъ несомнѣнно занимаетъ одно изъ первыхъ мѣстъ въ ряду писателей историческихъ романовъ. Извѣстный ученый, онъ сумѣлъ популяризовать свои научныя изслѣдованія, облекая ихъ въ заманчивую форму романа. Какъ египтологъ, онъ особенно ярко изображаетъ природу, нравы и вѣрованія Египта. Въ пяти своихъ романахъ (Уарда, Дочь царя Египетскаго, Невѣста Нила, Императоръ, Сераписъ) онъ даетъ намъ рядъ послѣдовательныхъ картинъ жизни этого государства, начиная съ тѣхъ древнихъ временъ, когда господство жрецовъ надъ умами было почти неограниченно, и до торжества христіанской религіи надъ старыми вѣрованіями и старыми понятіями. Въ «Дочери царя Египетскаго» передъ нами Египетъ фараоновъ съ его культомъ покойниковъ, его торжественными религіозными процессіями, его предрасудками и суевѣрїями; въ «Сераписѣ» мы присутствуемъ при агоніи язычества, при отчаянныхъ попыткахъ философіи бороться противъ христіанства, противъ этого новаго и уже торжествующаго ученія. Культурная и бытовая сторона народа нарисованы у Эберса мастерскими штрихами и всегда занимаетъ первое мѣсто въ его романахъ. Его романы изъ нѣмецкой жизни менѣе ярки, чѣмъ другіе, но и она даютъ наглядное представленіе о жизни нѣмецкой аристократіи и въ особенности нѣмецкаго бюргерства. Онъ подробно знакомитъ насъ съ устройствомъ храмовъ, съ архитектурой дворцовъ, съ убранствомъ бюргерскихъ домовъ и съ видомъ бѣдныхъ хижинъ: рассказывая о какой-нибудь битвѣ, онъ даетъ полное изображеніе костюма и вооруженія войска, описывая пиръ, онъ скажетъ, какая при немъ употреблялась посуда, какія подавались кушанья. Эти

описанія могутъ иногда показаться черезчуръ длинными и задерживающими ходъ романа, но зато, благодаря имъ, является полная картина внѣшнихъ формъ жизни въ данную эпоху. Чтеніе Эберса можетъ быть превосходнымъ подспорьемъ при урокахъ исторіи; большинство его романовъ вполне доступно для подростковъ дѣтъ 14—15. Въ передѣлкѣ г-жи Шелгуновой ихъ будутъ читать дѣти дѣтъ 10—12, будутъ читать съ удовольствіемъ, какъ интересный разсказъ, но и только. Чтобы «упростить» Эберса, чтобы сдѣлать чтеніе его какъ можно болѣе легкимъ, неумолимымъ, доступнымъ для дѣтей, г-жа Шелгунова выпустила или сильно сократила всѣ описанія, всѣ разсужденія и оставила почти только одну фабулу романовъ. А между тѣмъ, у Эберса именно фабула-то и является наиболѣе слабымъ пунктомъ: она обыкновенно слишкомъ сложна, одновременно ведется нѣскольکو интригъ, независимыхъ одна отъ другой, развязка часто бываетъ случайной и неестественной. Всѣ эти недостатки особенно замѣтны въ сокращенномъ изложеніи, гдѣ фабула играетъ главную роль и гдѣ въ сотни страницъ втиснуто то, что у Эберса занимаетъ пятьсотъ. Прочитавъ романы Эберса въ пересказѣ г-жи Шелгуновой, ребенокъ запомнитъ, можетъ быть, нѣсколько историческихъ именъ, но не составитъ себѣ никакого представленія о данной эпохѣ и данномъ народѣ. Для ребенка это не большая бѣда, но будетъ жаль, если, ставъ юношей, онъ вообразитъ, что хорошо знаетъ Эберса и не захочетъ еще разъ перечитать его уже въ настоящемъ видѣ, безъ всякихъ передѣлокъ и купюръ; онъ лишитъ себя чтенія не только полезнаго въ научномъ отношеніи, но и наводящаго на многія плодотворныя мысли.

В. Беллетристика.

Нелидова—«Дѣвочка Лида».—«Библиотека нашего юношества». Ледерле. Выпускъ VII. *Засодимскій*—«Блудный сынъ». —Выпускъ VIII. *Эдм. де-Амичисъ*—«Дневникъ школьника».

Дѣвочка Лида. Разсказъ для дѣтей Л. Нелидовой. Изданіе второе. Ц. 1 р. 50 к. Главное содержаніе книги заключается въ описаніи горестей и злоключеній маленькой Лиды, попавшей въ руки неумѣлыхъ воспитателей, которые стараются живую, впечатлительную дѣвочку втиснуть въ рамки строгой дисциплины и свѣтскихъ приличій. Разсказъ ведется очень живо, интересно и навѣрно прочтется съ удовольствіемъ маленькими читателями и въ особенности читательницами. Жаль только, что впечатлѣвіе отъ него остается нѣсколько двойственное, неопредѣленное. Авторъ какъ-будто не рѣшается ясно высказать, на чьей онъ сторонѣ, на сторонѣ Лиды или взрослыхъ, дѣлающихъ ей непріятности. Лида рисуется въ высшей степени симпатичной дѣвочкой и такъ какъ притомъ она страдаетъ, то несомнѣнно вызоветъ общее сочувствіе, а между тѣмъ авторъ безпрестанно указываетъ, какъ милы и пріятны дѣти, повинующіяся чопорной гувернанткѣ, какъ счастлива толстенъкая, всегда спокойная и послушная Любочка, какъ огорчаютъ и возмущаютъ поступки Лиды всѣхъ окружающихъ. Такая неопредѣленность во

взглядъ автора на его героиню неудобна въ книгѣ, предназначенной для дѣтей. Не читая дѣтямъ нравоченій, не надѣдая имъ прописную моралью, дѣтскіе писатели должны помогать имъ разбираться въ нравственныхъ вопросахъ, ясно и опредѣленно указывая имъ, гдѣ искать правду и добро.

Библиотека нашего юношества, изд. Ледерле. Выпускъ VII. Блудный Сынъ, повѣсть Засодимскаго. Повѣсть г. Засодимскаго предназначена не для дѣтей, но ее смѣло можно дать въ руки 11—12-тилѣтнимъ дѣтямъ. Форма разсказа незатѣйлива, чувства, изображенныя въ немъ, идеи, проводимыя имъ, настолько несложны, что дѣти безъ труда поймутъ ихъ; они навѣрно прочтутъ разсказъ съ интересомъ, и онъ произведетъ на нихъ сильное и хорошее впечатлѣніе. Въ повѣсти рисуются два противоположные характера: безукоризненная по внѣшности, черствая эгоистка, Лида, и братъ ея, Филиппъ, грубый, неотесанный юноша, съ чуткимъ сердцемъ и любящей душой. Лида была любимицей отца, котораго подкупала ея ласковость, ровность характера, изящныя манеры. Филиппу въ родной семьѣ не симпатизировали, «благовоспитанные» знакомые сестры не нравились ему и онъ искалъ себѣ друзей среди парходныхъ матросовъ, въ мастерскихъ разныхъ ремесленниковъ, въ бѣдныхъ лачугахъ на окраинахъ города. Этотъ «демократизмъ» еще болѣе отталкивалъ отъ него отца и сестру. Но вотъ въ семьѣ разыгрывается трагедія. Оказывается, что отецъ, увлекавшійся страстью къ изобрѣтеніямъ, растратилъ большую часть дѣтскихъ денегъ и принужденъ сознаться имъ въ этомъ. Въ отвѣтъ на тяжелое признаніе Лида бросаетъ старику слова: «Ты обокралъ насъ», и съ полнымъ безсердечіемъ присваиваетъ себѣ всѣ остатки состоянія. Филиппъ, наоборотъ, посвящаетъ жизнь заботамъ о разбитомъ параличомъ старикѣ: отказывается ради него отъ поступленія въ высшее учебное заведеніе, «садится на землю», перевозитъ его къ себѣ въ деревню и окружаетъ самою нѣжною заботливостью. Явная тенденціозность и отсутствіе полутоновъ въ обрисовкѣ характеровъ не мѣшаетъ живости разсказа, и, повторяемъ, какъ дѣти, такъ и подростки прочтутъ его съ удовольствіемъ и не безъ пользы.

Библиотека нашего юношества, изд. Ледерле. Выпускъ VIII. Дневникъ школьника, Эдмонда де-Амичисъ. Редакція перевода и предисловіе В. Крестовской (псевдонимъ). Изданіе третье. Первое изданіе «Дневника» вышло въ 1888 г., третье выходитъ въ 1895. Это большой успѣхъ для дѣтской книги, успѣхъ, который самъ по себѣ можетъ до нѣкоторой степени служить хорошею рекомендаціей. Въ данномъ случаѣ онъ служитъ рекомендаціей не только книги, но и читателя. Книга де-Амичиса, хотя изданная вопль удивительнорительно, не привлекаетъ роскошью внѣшняго вида, содержаніе ея тоже не возбуждаетъ захватывающаго интереса, не производитъ потрясающаго впечатлѣнія. И не смотря на то, она завоевала себѣ значительный кругъ читателей. Значить, эти читатели сумѣли понять внутренней смыслъ ея, сумѣли чуткою душою отнестись къ тѣмъ добрымъ, честнымъ, великимъ идеямъ, какія она проводитъ въ простой, незатѣйливой формѣ. Подъ видомъ дневника школьника,

авторъ рассказываетъ годъ жизни итальянской школы, соотвѣтствующей нашему городскому училищу. Въ предисловіи переводчикъ замѣчаетъ, что въ Италіи оригиналъ этой книги разошелся въ сотнѣ изданій,—значить, тамъ не нашли описаніе школы неправдоподобнымъ, хотя оно несомнѣнно идеализовано: если бы половина, даже четверть итальянскихъ школъ, итальянскихъ учителей и итальянскихъ родителей походили на тѣхъ, что описываетъ де-Амичисъ, не было бы въ Италіи ни бѣдняковъ, умирающихъ съ голода, ни банковыхъ хищеній, ни министерскихъ скандаловъ. Наши дѣти читаютъ описаніе школы Энрико, какъ мы читаемъ какую-нибудь утопію смѣлаго мечтателя, сознавая, что она не имѣетъ ничего общаго съ окружающею насъ дѣйствительностью. Это мечта; но какъ пріятно забыться въ такой мечтѣ! Какъ пріятно представить себѣ, что учишься въ школѣ, гдѣ между учителями и учениками тѣсная, дружеская, связь, гдѣ главное вниманіе обращено не на поддержаніе вѣдшей дисциплины, а на развитіе нравственныхъ свойствъ, гуманности, справедливости, любви къ родинѣ, уваженія къ труду и къ трудящимся. Эта мечта, этотъ идеальный міръ невольно манитъ къ себѣ—уйти въ него хоть на время все равно, что, послѣ дня въ душной комнатѣ, минуту подышать свѣжимъ воздухомъ: почувствуешь себя бодрѣе, здоровѣе и энергичнѣе. Это здоровое чувство не нарушается тѣмъ, что многіе изъ «ежемесячныхъ» рассказовъ о маленькихъ герояхъ, приводимые въ «Дневникѣ школьника», имѣютъ трагическую развязку. Смерть человѣка, самоотверженно отдающаго жизнь за другихъ, никогда не производитъ удручающаго впечатлѣнія,—скорѣе наоборотъ. Можетъ быть, она вызоветъ слезу на глаза ребенка, но вмѣстѣ съ тѣмъ она заставитъ его почувствовать величіе истиннаго героизма.

6

Примѣчаніе. Въ «Библиографическомъ отдѣлѣ» октябрьской книги вкралась опечатка: въ отдѣлѣ книгъ «Географія, этнографія и путешествія», фамилія автора книги «За океанъ» напечатана *Витесскій*, надо—*Витковскій*.

НОВЫЯ ИНОСТРАННЫЯ КНИГИ.

«*The Old Missionary*» By sir W. W. Hunter (Henry Frowde). (Старый миссионеръ). Врядъ ли въ современной литературѣ можно встрѣтить аналогичное по силѣ и живости красокъ произведеніе, знакомящее читателя съ индійской жизнью. Авторъ выказываетъ глубокое знаніе страны и народа, среди котораго онъ провелъ много лѣтъ, и поэтому всѣ изображаемые имъ типы англо-индусовъ, коренныхъ индусовъ, браминовъ, мусульманъ и т. д. въ высшей степени рельефны и встаютъ какъ живые передъ читателемъ. Это не беллетристическое произведеніе, но написано такъ же увлекательно, какъ романъ. Очень хорошо описаніе жизни индійскихъ деревень, религиозныхъ процессій и т. д.

(Daily News).

«*Childhood in Literature and Art, With some observations on Literature for Children*». A study by Horace E. Scudder. (Boston and New-York: Houghton, Mifflin and Co. The Riverside Press, Cambridge). (Дѣти въ литературѣ и искусствѣ съ приложеніемъ примчаній о дѣтской литературѣ).

Авторъ этой, въ высшей степени интересной и богатой содержаніемъ, книги, извѣстный американскій ученый, задался цѣлью прослѣдить, какую роль играютъ и играли дѣти въ литературѣ всѣхъ временъ и народовъ, и какъ изображали дѣтей древніе и изображаютъ ихъ современные писатели. Авторъ начинаетъ съ греческой, латинской и еврейской литературы, затѣмъ переходитъ къ раннимъ періодамъ христіанства и средневѣковому искусству и изучаетъ роль, которую играли дѣти въ произведеніяхъ этихъ временъ. Далѣе авторъ изслѣдуетъ отношеніе различныхъ европейскихъ литературъ и американской литературы къ дѣтскому возрасту, и особенно останавливается на Гансѣ Андер-

сенѣ, котораго называетъ «первымъ писателемъ-ребенкомъ» въ литературѣ, занимающимъ поэтому совершенно отдѣльное мѣсто въ литературѣ вообще и имѣющимъ громадное значеніе въ дѣтской литературѣ. Очень цѣнны замѣчанія автора, касающіяся литературы дѣтскаго возраста. Онъ особенно настаиваетъ на томъ, что лучшими книгами для чтенія дѣтей являются не тѣ, которыя написаны специально для нихъ, а тѣ, которыя написаны людьми, не забывшими свой собственный дѣтскій возрастъ и, такъ сказать, сохранившими его въ своемъ умѣ. По мнѣнію автора главная суть жгучаго вопроса современной педагогикѣ, касающагося книгъ для дѣтскаго чтенія, заключается не въ созданіи специальной дѣтской литературы, а въ цѣлесообразномъ выборѣ изъ всемирной литературы того, что можетъ дѣйствовать на дѣтскій умъ и воображеніе и отвѣчать потребностямъ дѣтской натуры.

(Literary World).

«*The Great Dominion; Studies of Canada*» by G. R. Parkin (Macmillan and Co.). (Очерки Канады). Маленькая книга заключающая въ себѣ много интересныхъ свѣдѣній о Канадѣ и канадской жизни. Разсказъ автора о развитіи фермерскаго хозяйства въ Канадѣ, объ отношеніяхъ, существующихъ между французскими и англійскими элементами, воспитаніи молодыхъ фермеровъ и т. д. заслуживаетъ безспорно особеннаго вниманія читателей, интересующихся этою страной и ея быстрымъ промышленнымъ развитіемъ.

(Athenaeum).

«*Thoughts on life*» by Mr. Duncan (Chapman and Hall). (Мысли о жизни). Многочисленные, почитателя Карлейля, конечно, отнесутся сочувственно къ этой книгѣ, въ которой заключаются

избранныя мѣста изъ его трудовъ. Сборникъ этотъ, безъ сомнѣня, заслуживаетъ вниманія, хотя нельзя же сказать о предисловіи автора, которое отличается напыщенностью.

(Athaenaeum).

«Public men of To Day» (Bliss Sands and Foster). (Современные общественные дѣятели). Нельзя не приветствовать мысли издателей дать читателямъ рядъ биографій современныхъ дѣятелей. Три первые тома этой библиотеки расчитаны, такъ сказать, на злбу дна, такъ какъ заключаютъ въ себѣ биографіи Стамбулова, афганскаго эмира и Ли-Хунгъ-Чанга. Всѣ три биографіи интересно написаны и освѣщаютъ не только дѣятеля, но и всю его окружающую обстановку, условия жизни, общество и данное политическое положеніе.

(Daily News).

«The Story of the Plants» by Grant Allen (George Newnes). (Исторія растений). Авторъ знакомитъ читателя съ новѣйшими ботаническими теоріями, причемъ излагаетъ ихъ совершенно нетехническимъ языкомъ, а въ видѣ простаго разсказа, употребляя его собственныя выраженія «о томъ, какъ растения живутъ, какъ они возникаютъ, какъ образуются между ними различія, какъ они ѣдятъ, пьютъ, заключаютъ браки и размножаются». Грентъ Алленъ и тутъ умѣетъ поразить своего читателя какимъ-нибудь удивительнымъ парадоксомъ или сравненіемъ.

(Daily News).

«The Herschels and Modern Astronomy» by Miss Agnes M. Clerke (The Century Science Series), edited by sir Henry Roseac. (Гершелли и современная астрономія). Жизнь Гершеллей, сэра Уильяма, его сестры Каролины и его сына сэра Джона, умершаго 24 года тому назадъ, составляетъ цѣлую эпоху въ исторіи астрономіи, захватывающую многія изъ важнѣйшихъ и удивительнѣйшихъ открытій въ этой области. Авторъ очень интересно рассказываетъ жизнь старшаго Гершеля и очень популярно излагаетъ сущность его астрономическихъ работъ, его великія открытія въ этой области, такъ что даже совершенно несвѣдущіе читатели легко поймутъ описанія телескоповъ и наблюденій Гершеля надъ туманными пятнами и т. д. Главы книги, касающіяся сестры Гершеля, Каролины, также не лишены интереса, такъ какъ изображаютъ самоотверженную женскую натуру, раздѣляющую свою жизнь между преданностью наукѣ и преданностью брату, олицетворяемому для нея эту науку. Во всѣхъ

трудахъ брата Каролина Гершель принимала всегда самое дѣятельное и живое участіе.

(Daily News).

«Justus von Liebig: His Life and Work» by W. Ashenstone, Lecture on Chemistry in Clifton College. (Cassell and Co). (Юстусъ фонъ Либихъ, его жизнь и труды). Эта книга входитъ въ составъ научной библиотеки и представляетъ очень популярное и интересное изложеніе жизни и трудовъ великаго ученаго, дѣятельность котораго, къ сожалѣнію, недостаточно хорошо извѣстна обыкновенной публикѣ, хотя и охватываетъ очень обширную область земледѣльческой, физиологической химіи и даже педагогики.

(Daily News).

«La Rebellion armenienne», son origine et son but, par vicomte R. de Coursons (Service Central de la Presse). (Армянское возстаніе, его происхожденіе и цѣль). Появленіе этой книги очень своевременное, и она, во всякомъ случаѣ, имѣетъ документарный интересъ, хотя можно и не соглашаться съ точкою зрѣнія автора, оттоманскія симпатіи котораго сквозятъ довольно яственно въ его отношеніяхъ къ Турціи и къ ея затрудненіямъ въ данную минуту.

(Indépendance Belge).

«L'Art de parler» par Emile Sigogne, chargé du cours d'éloquence à l'Université de Liège. (Paul Lacomblet) Bruxelles. (Искусство говорить). Любопытная книга, авторъ которой изучаетъ условия дикціи, гигиену и технику голоса, а также ораторское искусство и его примѣненіе въ различныхъ случаяхъ, на церковной кафедрѣ, въ судѣ, на трибунѣ, въ аудиторіи и т. д. Читатель навѣрное найдетъ въ этой книгѣ много новаго.

(Indépendance Belge).

«Stories of North Pole Adventure» by Frank Mündell (Sunday School Union). (Исторія полярныхъ экспедицій). Въ этой книгѣ разсказаны очень популярно выдающіяся событія во время важнѣйшихъ полярныхъ экспедицій и приключенія знаменитыхъ путешественниковъ къ сѣверному полюсу. Сцены полярной жизни описаны очень живо и увлекательно и иллюстрируются недурно выполненными рисунками.

(Daily News).

«Essays on Scandinavian Literature». By Hjalmar Hjorth Boyesen (David Nutt). (Очерки скандинавской литературы). Лица, желающія ознакомиться съ литературою сѣвера, не могутъ найти лучшаго руководителя, какъ авторъ этой книги, основательно изучившій сканди-

навскую литературу. Его «очерки» — очень объемистый трудъ, охватывающій норвежскую, шведскую и датскую литературу.

(Literary World).

«*A Vagabond in Spain*». By C. Bogue Luffmann (John Murray). (Бродяга въ Испаніи). Авторъ этой книги совершилъ пѣшкомъ путешествіе по Испаніи, пройдя отъ Пиренеевъ до Малаги, чтобы лучше ознакомиться съ положеніемъ земледѣлія въ Испаніи и жизнью и социальными условиями низшихъ классовъ населенія. Ему удалось, дѣйствительно, видѣть то, чего обыкновенно не видятъ туристы, пріѣзжающіе въ Испанію; поэтому, описанія этой страны представляютъ исключительный интересъ. Языкъ живъ и образенъ.

(Literary World).

«*Day-Dreams; Thoughts from the Note Book of a Cripple*» by Major Gambur-Parry (John Murray). (Дневныя грезы; мысли изъ записной книги одного калѣки). Заглавіе этой книги уже само по себѣ вызываетъ къ сочувствію читателя, но, и помимо заглавія, книга заслуживаетъ вниманія, такъ какъ мысли, высказываемыя въ ней, отличаются глубиною, а подчасъ и остроуміемъ. Очень хороши размышленія автора о чтеніи и его вліяніи на человѣка, о снѣ, о трудахъ Карлейля и Рескина и т. д.

(Literary World).

«*The Right Honourable W. E. Gladstone*». By Henry W. Lucy (W. H. Allen and Co). (Гладстонъ). Имя «великаго старца» настолько популярно, что книга о немъ не можетъ не заинтересовать читателей. И надо отдать справедливость автору, онъ сумѣлъ въ своемъ биографическомъ очеркѣ представить въ высшей степени живой образъ великаго государственнаго человѣка Англи. Очень интересны главы, въ которыхъ разсказывается дѣтство Гладстона. Авторъ лично знаетъ Гладстона, и поэтому многія воспоминанія дѣтства сообщаетъ съ его словъ. Любопытны въ этомъ отношеніи воспоминанія, характеризующія необыкновенную память Гладстона. Очеркъ политической дѣятельности Гладстона, парламентская борьба и т. д. написаны очень живо и интересно. Желающій познакомиться съ Гладстономъ въ семейной и политической жизни прочтетъ эту книгу съ огромнымъ интересомъ.

(Literary World).

«*The Influence of Dante on the modern Thought*». By Hermann Oelzner (T. Fisher Unwin). (Вліяніе Данте на современную мысль).

Творенія Данте, безъ сомнѣнія, имѣли огромное вліяніе на литературу прежняго времени, но теперь они еще не потеряли своего значенія, и въ своемъ очеркѣ авторъ пытается опредѣлить отраженіе идей Данте въ современной мысли и литературѣ.

(Literary World).

«*The Needs of a happy Life*» by Edward Howley (R. D. Dickinson). (Потребности счастливой жизни). Въ книгѣ много глубокихъ и вѣрныхъ мыслей и для подкрѣпленія своихъ выводовъ авторъ приводитъ различныя примѣры изъ исторіи, изъ своихъ личныхъ наблюденій, путешествій и біографій разныхъ выдающихся людей. Книга наводитъ на размышленія и уже поэтому заслуживаетъ вниманія.

(Daily News).

«*The Alps from End to End*». By Sir W. M. Conway (Archibald Constable and Co). (Альпы изъ конца въ конецъ). Прекрасно иллюстрированное интересное описаніе горныхъ экскурсій автора. Пребываніе его въ «мирѣ сѣтговъ» продолжалось три мѣсяца и онъ прошелъ Альпы вдоль и поперекъ, изучая ихъ самымъ основательнымъ образомъ. Разсказъ автора во многихъ мѣстахъ проникнутъ глубокимъ драматическимъ интересомъ и художественное описаніе горныхъ пейзажей чередуется въ немъ съ юмористическими эпизодами и встрѣчами автора съ разными личностями горныхъ туристовъ и жителей во время его долговременнаго пребыванія въ Альпахъ.

(Literary World).

«*Chariels: Private Life of Ancient Greeks*». By professor Becker. Translated by Frederick Metcalfe. N. A. The Silver Library. (Частная жизнь древнихъ грековъ). Авторъ имѣлъ въ виду дать возможно полное изображеніе древне-греческой жизни, но при этомъ старался избѣжать сухого изложенія и представилъ греческую жизнь въ отдѣльных сценахъ и картинахъ, полныхъ самаго живого интереса. Поэтому-то книга его вмѣстѣ и поучаетъ, и развлекаетъ и можетъ служить не только какъ пособие при изученіи исторіи Греціи, но и какъ увлекательное чтеніе.

(Literary World).

«*How to teach the Babies*». By James Bailey (Abbot Sones and Co). (Какъ учить дѣтей). Превосходное руководство, выходящее уже третьимъ изданіемъ въ короткій промежутокъ времени, что, конечно, служитъ для него хорошею рекомендаціей. Эту книгу можно

рекомендовать не только профессиональнымъ педагогамъ, но и всѣмъ имѣющимъ дѣло съ дѣтьми и интересующимся вопросами воспитанія.

(Bookseller).

«*The Legends of the Rhine*». By H. A. Grueber (Barnes and C^o, New-York). (Рейнскія легенды). Авторъ собралъ всѣ легенды, какія только связаны съ Рейномъ. Легенды собраны изъ самыхъ различныхъ источниковъ и многія изъ нихъ чрезвычайно поэтичны. Съ точки зрѣнія Фольклора, онѣ, конечно, представляютъ немаловажный научный интересъ, но и обыкновенный читатель прочтетъ съ удовольствіемъ эту книгу, какъ собраніе занимательныхъ и художественныхъ разсказовъ.

(Bookseller).

«*Lectures on the Principles of Political Obligation*». By Thomas Hill Green. Reprinted from Green's philosophical Works (Longmans Green and C^o). (Лекціи о принципахъ политическихъ обязанностей). Въ книгѣ собраны лекціи покойнаго профессора Грина, въ которыхъ

онъ излагаетъ свою политическую теорію, находящуюся въ связя съ его философіей. Очень хороша критическая часть книги, гдѣ авторъ разбираетъ философскія теоріи Спинозы, Гоббса, Локка и Руссо. Много вниманія отводитъ авторъ современнымъ экономическимъ вопросамъ, вопросу о земельной собственности и т. д., а также отношеніямъ государства къ своимъ гражданамъ и взаимнымъ правамъ и обязанностямъ.

(Literary World).

«*La vie simple*» par C. Wagner (Простая жизнь). Любопытная книжка во многихъ отношеніяхъ, авторъ которой старается доказать, что всѣ бѣдствія современной цивилизаціи зависятъ отъ тѣхъ осложненій, которыя мы сами вносимъ въ свою собственную жизнь. Основную счастья авторъ считаетъ простоту жизни. Хотя не всѣ, конечно, могутъ слѣдовать тому рецепту счастья, который предлагается авторомъ, но, тѣмъ не менѣе, высказанныя имъ мысли заслуживаютъ вниманія.

(Journal des Débats).

НОВЫЯ КНИГИ, ПОСТУПИВШІЯ ВЪ РЕДАКЦІЮ

съ 15-го сентября по 15-е октября.

- О. Петерсонъ. *Семейство Бронте* (Керреръ, Эллисъ и Актонъ Белль). Въ пользу Общества вспоможенія окончившимъ курсъ на С.-Петербур. высшихъ женскихъ курсахъ. Спб. 1895 г. Ц. 1 р.
- К. М. Длусскій. *Цветокъ олеандра*. Рисунки В. Навонова. Спб. 1895 г. Ц. 1 р. 25 к.
- Д. С. Мережковский. *Отверженный*. Ром. въ двухъ частяхъ. Спб. 1896 г. Ц. 1 р. 50 к.
- В. Фирсовъ. *Разказы и легенды*. Спб. 1896 г. Ц. 1 р.
- Изданія М. Круковского. Спб. 1895 г. «Мать», изъ повѣсти *Е. Оржешко*. Ц. 5 к. — «Доля», новелла *Севера*. Ц. 5 к. — «Антонъ-сирота». — «Отецъ». *Мопассана*. Ц. 1 к. — «Крошка и сверчокъ», по *Диккенсу*. — «Слѣпой Абдалла». — «Чума и крестьянинъ», польская сказка. — «Дѣнь и трудъ», народное преданіе. Ц. 1 к. — «Дѣти цирка», разказъ по *Сенкевичу*.
- Я. Л. Чертонъ. *Наша старина. Рабби-Иохананъ-Бенъ-Заккай — его жизнь и дѣятельность*. Изданіе книжнаго магазина Я. Х. Шермана. Ц. 15 коп. Одесса. 1895 г.
- Максимъ Ковалевскій. *Происхождение современной демократіи*. Т. II. Изданіе К. Т. Солдатенкова. Москва. 1895 г. Ц. 2 р. 50 к.
- Е. Лебазейль. *Древнѣе и новѣйшіе колоссы*. Перев. съ франц. Описаніе замѣчат. статуи. Приложение къ журналу «Природа и люди» за 1895 г.
- Значеніе женщины въ борьбѣ съ алкоголизмомъ. Докладъ Шарлотты Грей. Перев. съ нѣм. студ. Яровицкаго. Москва. 1895 г. Ц. 20 к.
- В. Минто. *Дедуктивная и индуктивная логика*. Перев. Котляревскаго, подъ ред. В. Н. Ивановскаго. Изданіе «Библиотеки для самообразованія». Москва. 1895 г. Ц. 2 р.
- Изданія Павленкова. *Жизнь замѣчательныхъ людей*: А. Д. Меньшиковъ, его жизнь и государств. дѣятельность. Б. Д. Прозоровой. — Б. Спиноза, его жизнь и философская дѣятельность. Г. А. Палерна. — Аксановы, ихъ жизнь и литературная дѣятельность. В. Д. Смирнова. Цѣна каждому выпуску 25 к. Спб. 1895 г.
- Настоящее и прошлое земли. Сост. В. К. Алафиновъ. Съ 237 рис. въ текстѣ. Изданіе Павленкова. Спб. 1895 г. Ц. 2 р.
- Ф. Фэдо. *Домашняя лабораторія*. Полезная библиотека. Изданіе П. П. Соѣкина. Спб. 1895 г. Ц. 50 к.
- Ш. Летурно. *Соціологія, основанная на этнографіи*. Перев. съ послѣдн. франц. изданія. Выпускъ I, съ 53 рис. Изданіе О. Н. Поповой. Спб. 1895 г. Ц. 60 к.
- М. С. Корелинъ. *Паденіе античнаго міросозерцанія*. Культурно-историческая библиотека. № 2. Изд. О. Н. Поповой. Спб. 1895 г. Ц. 75 к.
- Алкогольная хилость и недолговѣчность современнаго человѣчества. Сост. Робертъ Коппе. Москва. 1895 г.
- Гр. Джаншѣвъ. *Судъ надъ судомъ при сяжныхъ*. По поводу статьи г. Дейтриха. Москва, 1895 г.
- Полезная библиотека. Изданіе П. П. Соѣкина; *Начало и конецъ міра*. Ш. Рюшаръ. Перев. и дополнитъ Святскій. Общественная борьба съ пьянствомъ въ связи съ устройствомъ лечебницъ для алкоголиковъ въ Англіи, Швейцаріи и Германіи. Спб. 1895 г.
- Сборникъ совѣтовъ и рецептовъ по разнымъ ремесламъ. Изданіе К. А. Каначеева. Москва. 1895 г. Ц. 1 р.

- М. И. Дитятинъ.** *Статьи по исторіи русскаго права.* Изданіе О. Н. Поповой. Спб. 1895 г. Ц. 2 р.
- В. Зелинскій.** *Собраніе критическихъ матеріаловъ для изученія произведеній И. С. Тургенева.* Выпускъ I. Москва. 1895 г. Два выпуска. Цѣна каждому выпуску 2 рубля.
- И. Шерръ.** *Всобщая исторія литературы.* Выпуски II и III. Москва. 1895 г. Изданіе Д. В. Байкова и К°. Цѣна при подпискѣ на всѣ 20 выпусковъ съ дост. 8 р., безъ дост. 6 р.
- Ш. Летурно.** *Прошедшее и будущее литературы.* Перев. А. Аксарова. Изданіе Бейленсона и Юровскаго. Одесса. ній. Спб. 1895 г. Ц. 20 к.
- М. С. Штейнгаузъ.** *Земля и небо.* Общедоступныя бесѣды о міросозданіи для грамотнаго народа и публичныхъ чтеній. 1895 г.
- П. Ю. Шмидтъ.** *Біологическіе этюды.* Развитіе при искусственныхъ условіяхъ (очеркъ успѣховъ эксперимент. эмбриологіи). Съ таблицей и 10 рис. въ текстѣ. Изданіе журн. «Научное Обзорніе».
- Руководство къ устройству бесплатныхъ народныхъ библіотекъ и читаленъ. Изданіе Харьковскаго календаря. Харьковъ. 1895 г. Ц. 20 к.
- Отчетъ комитета по устройству сельскихъ библіотекъ и народныхъ читаленъ за 1894 г. Харьковское Общ. распр. грамотности.
- Программа домашняго чтенія. Комиссія по организаціи домашнихъ чтеній, состоящая при учебномъ отдѣлѣ Общества распространенія техническихъ знаній. Москва. 1895 г. Ц. 25 к., съ перес. 35 к.
- Элементарный учебникъ церковно-славянскаго языка для народныхъ училищъ. Сост. *А. Гусевъ.* Москва. 1895 г. Ц. 25 к.
- Отчетъ Совѣта С.-Петербургскаго Фребелевскаго Общества для содѣйствія первоначальному воспитанію за 1893—1894 г. Спб. 1895 г.
- Русскій сельскій календарь съ полезными свѣдѣніями для хлѣбопашцевъ, огородниковъ, садоводовъ. Ц. 20 к.
- Годичный отчетъ Императорскаго Московскаго Общества испытателей природы за 1894—1895 г.

ВЫШЕЛЪ № 10 ЖУРНАЛА РУССКОЕ БОГАТСТВО,

ИЗДАВАЕМАГО

Н. В. Михайловской и Вл. Г. Короленко.

СОДЕРЖАНІЕ. 1. Митька. Разсказъ Евгенія Чирикова.—2. Порогъ въ груди моей встаютъ. Стихотвореніе В. Булгакова.—3. Камчатка. Современные нравы. Переводъ съ французскаго. Леона Додэ.—4. Въ міръ отверженныхъ. Записки бывшаго каторжника. Л. Мельшина.—5. Судьбы крестьянской общины въ Германіи. Л. Зака.—6. Бобровая шапка. А. А. Виночкиной.—7. Французъ о современной нѣмецкой философіи. В. В. Лесевича.—8. Побѣдилъ онъ могучихъ враговъ. Стихотвореніе Allegro. — 9. Кусочекъ курса политической экономіи, А—нно.—10. Философія войны. П. Ардашева.—11. Изъ области современной этики. Маленькія дѣла. П. Н. Обнинскаго.—12. Литература и жизнь. Н. К. Михайловскаго.—13. Новыя книги.—14. Новый романъ Сенкевича. М. А. Протопопова.—15. Дневникъ журналиста. С. Н. Юмакова.—16. Хроника внутренней жизни. Н. А.—17. Изъ Германіи. А. К.—18. Изъ Франціи. Н. К.—19. Объявленія.

ОТЪРЪЫТА ПОДПИСКА НА 1896 ГОДЪ.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА: На годъ съ доставкой и пересылкой 9 р.; безъ доставки 8 р.; за границу 12 р.

Подписныя деньги слѣдуетъ исключительно адресовать: *въ контору журнала «Русское Богатство»—С.-Петербургъ, Бассейная ул., 10.*

При непосредственномъ обращеніи въ контору редакціи, допускается разсрочка: при подпискѣ 5 р. и къ 1-му іюля 4 р., или при подпискѣ 3 р., къ 1-му апрѣля 3 р. и къ 1-му іюля 3 р.

Другихъ условій разсрочки не допускается.

Не уплатившимъ подписныхъ денегъ въ означен. сроки высылка журнала прекращается.

Книжные магазины, доставляющіе подписку, могутъ удерживать за комиссію и пересылку денегъ только 40 коп. съ cadaго годового экземпляра.

Подписка въ разсрочку отъ книжныхъ магазиновъ не принимается.

Подписчики «Русскаго Богатства», уплатившіе подписную сумму словомъ, пользуются уступкой при выпискѣ книгъ изъ склада журнала.

Редакторы: П. Быновъ, С. И. Поповъ.

Годъ IV-й.

№ 12-й.

МІРЪ БОЖІЙ

ЕЖЕМЪСЯЧНЫЙ

ЛИТЕРАТУРНЫЙ И НАУЧНО-ПОПУЛЯРНЫЙ ЖУРНАЛЬ

ДЛЯ ЮНОШЕСТВА

И

САМООБРАЗОВАНІЯ.

Д Е К А Б Р Ъ

1895 г.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія И. Н. Скороходова (Надеждинская, 43).
1895.

Дозволено цензурою 27 ноября 1895 года. С.-Петербургъ.

СОДЕРЖАНІЕ

	СТР.
ВЫСОЧАЙШІЙ МАНИФЕСТЪ.	
1. ГРѢХИ. (Наброски и силуэты). (Окончаніе). И. Потапенко	1
2. СТИХОТВОРЕНІЕ. ПОСЛѢДНЯЯ МЫСЛЬ ПРОМЕТЕЯ. Н. Бальмонта.	23
3. КОСМОПОЛИТИЗМЪ И НАЦІОНАЛЬНЫЯ ЛИТЕРАТУРЫ. Статья Брюнетъера. Переводъ съ французскаго Т. Криль.	25
4. НЕБЛАГОДАРНЫЙ. Соч. Уида. Пер. съ англ. М. Коршъ. (Окончаніе)	41
5. ИЗЪ ГЕРМАНИИ. (Письмо изъ Берлина). М. С—ва	71
6. КРАСНАЯ ШАПОЧКА. Разсказъ. Д. Мамина-Сибиряна	76
7. ЗНАЧЕНІЕ ЭКОНОМИЧЕСКАГО ФАКТОРА ВЪ ИСТОРИИ. М. Туганъ-Барановскаго	101
8. НАУЛАБА. Романъ Рюдیارда Киплинга и Уолькотта Балестриера. (Окончаніе)	119
9. КОГО ЛИШИЛИСЬ МЫ ЧЕТВЕРТЬ ВѢКА НАЗАДЪ? Виктора Острогорскаго	152
10. НОВАЯ ФРАНЦУЗСКАЯ ЛИТЕРАТУРА У НОВѢЙШИХЪ ИСТОРИКОВЪ. Ив. Иванова	158
11. СТИХОТВОРЕНІЕ. ИЗЪ РОБЕРТА ГАМЕРЛИНГА. О. Чюмина.	193
12. ОЧЕРКИ ПО ИСТОРИИ РУССКОЙ КУЛЬТУРЫ. (Окончаніе I-й части). Проф. П. Н. Милюкова	194
13. БРИТИЧЕСКІЯ ЗАМѢТКИ. «Хлѣбъ», романъ г. Мамина, какъ иллюстрація хищнической стадіи капитализма. — Новые типы: «интеллигентная черничка» и человекъ будущаго. — «Душевные свойства женщины», г. Каптерева. — Двусмысленный характеръ и запоздалость его выводовъ. — Проповѣдникъ для современной молодежи: г. Карѣвъ и его произведенія для молодежи. — Общій характеръ этихъ произведеній. — Литературная фізіономія г. Карѣва. — Тридцатилѣтіе «Вѣстника Европы» А. Б.	231
14. РАЗНЫЯ РАЗНОСТИ. На родинѣ. Земледѣльческія артели въ Елизаветградскомъ уѣздѣ. — Пытки въ Рѣжницкомъ уѣздѣ. — Общественная благотворительность въ деревнѣ. — Бабые царство. — Буршевская колонія для душевно-больныхъ. — Прокаженные въ Прибалтійскомъ краѣ. — Якуты Верхоянскаго округа. — Самосожигатели XVII вѣка.	250
15. За границей. Столѣтіе Французскаго института. — Музей на открытомъ воздухѣ. — Ученыя женщины въ Германіи. — Периодическая печать въ Японіи. — Успѣхи современной хирургіи. — Томасъ Карлейль. Изъ иностранныхъ журналовъ. «Revue des Revues». — «North American Review».	262
16. ОТЧЕТЪ секретаря Общества для пособія нуждающимся литераторамъ и ученымъ за время съ 10-го апрѣля по 2-е октября 1895 г.	280
17. ПРИЛОЖЕНІЯ: 1) ОСНОВАНІЯ ЭЛЕМЕНТАРНОЙ ПСИХОЛОГІИ. Переводъ съ французскаго подъ редакціей прив.-доц. Г. Челпанова	127
18. 2) СЕНЪ-МАРСЪ или заговоръ при Людовикѣ XIII. Историческій романъ. Альфреда де-Виньи Переводъ съ французскаго А. М.	149
19. 3) ИСТОРИЯ ЦИВИЛИЗАЦІИ. Г. Дююдрэ. I. Древній міръ. Переводъ съ французскаго А. Позень, подъ редакціей Д. А. Коропчевскаго	289
20. БИБЛІОГРАФИЧЕСКІЙ ОТДѢЛЪ ЖУРНАЛА «МІРЪ БОЖІЙ». Беллетристика. — Критика. — Философія и этика. — Соціологія. — Исторія всеобщая. — Политическая экономія. — Естествознаніе. — Этнографія и путешествія. — Указатель книгъ, разобранныхъ въ библиографическомъ отдѣлѣ (іюнь—декабрь). — Обзоръ иностранныхъ литературъ. — Новыя книги, поступившія въ редакцію	1
21. АЛФАВИТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ ЗА 1895 Г. ЖУРНАЛА «МІРЪ БОЖІЙ»	57
22. ОБЪЯВЛЕНІЯ.	

ВЫСОЧАЙШІЙ МАНИФЕСТЪ.

БОЖІЕЮ МИЛОСТІЮ

МЫ, НИКОЛАЙ ВТОРЫЙ,

Императоръ и Самодержецъ Всероссійскій,
ЦАРЬ ПОЛЬСКІЙ, ВЕЛИКІЙ КНЯЗЬ ФИНЛЯДСКІЙ,
и прочая, и прочая, и прочая.

Объявляемъ всёмъ Нашимъ вѣрноподданнымъ:

Въ 3-й день сего ноября Любезнѣйшая Супруга
Наша Государыня Императрица Александра Ѳеодоровна
благополучно разрѣшилась отъ бремени рожденіемъ Намъ
дочери, нареченной Ольгою.

Такое Императорскаго Дома Нашего приращеніе
пріемля новымъ ознаменованіемъ благодати Божіей, на
Насъ и Имперію Нашу изливаемой, возбѣщаемъ о семъ
радостномъ событіи вѣрнымъ нашимъ подданнымъ и
вмѣстѣ съ ними возносимъ къ Всевышнему горячія
молитвы о благополучномъ возрастаніи и преуспѣяніи
Новорожденной.

Повелѣваемъ писать и именовать во всѣхъ дѣлахъ,
гдѣ приличествуетъ, Любезнѣйшую Нашу Дочь, Вели-
кую Княжну Ольгу Николаевну Ея Императорскимъ
Высочествомъ.

Данъ въ Царскомъ Селѣ, въ 3-й день ноября, въ
лѣто отъ Рождества Христова тысяча восемьсотъ девя-
носто пятое. Царствованія же Нашего во второе.

На подлинномъ Собственною Его Императорскаго Величества рукою
написано:

«НИКОЛАЙ».

ГРѢХИ.

(Наброски и силуэты)

И. Потапенко.

(Окончаніе *).

Ровно въ семь часовъ, на кухнѣ, въ конюшнѣ и во всей усадьбѣ было объявлено, что баринъ проситъ всѣхъ въ себѣ въ кабинетъ. Такъ именно и было сказано: „проситъ“, а не „требуетъ“, какъ это говорилось обыкновенно.

— Только скажи, чтобъ поторопились, — прибавила Марта Федоровна, дѣлая это распоряженіе, — потому что барину некогда.

Старые слуги знали, зачѣмъ ихъ зовутъ, но тѣ, кто служилъ меньше года, недоумѣвали. Но не было человѣка, который не получилъ бы приглашенія. Явилось сомнѣніе только относительно Мавры, такъ какъ она не жила въ усадьбѣ. Сомнѣніе это пришлось разрѣшить Мартѣ Федоровнѣ, и Мавра была допущена.

У Марты Федоровны было еще одно колебаніе, которое она никому не высказала, а приняла его на свой страхъ. Звать ли Геннадія? Вѣдь, чего добраго еще, выкинеть какую-нибудь неожиданную штуку. А тутъ все должно быть тихо и чинно, ни одинъ рѣзкій звукъ не долженъ нарушить мирнаго настроенія, которое господствовало въ домѣ, и она рѣшила Геннадія не звать.

Въ той самой комнатѣ, куда собирались на общую молитву, набралось душъ двѣнадцать. Тутъ былъ даже дѣдъ Яковъ и его поставили впереди всѣхъ, какъ самую представительную личность. Пришли и мы, явилась и мама. Иппо-

*) См. «Миръ Божій» № 11, ноябрь.

«Миръ Божій», № 12, декабрь.

лить промедлилъ минутъ пять, какъ бы давая всему установиться. Наконецъ, онъ вошелъ и, обратившись ко всѣмъ, сказалъ:

— Я хочу попросить у васъ прощенія! Если я кого-нибудь обидѣлъ словомъ или дѣломъ, или помышленіемъ, простите!

Въ первую минуту всѣ промолчали, но затѣмъ дѣдъ Яковъ, какъ болѣе опытный въ дѣлахъ покаянія, сказалъ:

— Богъ проститъ! а за нимъ всѣ гулко повторили:— Богъ проститъ!

— Простите!—опять сказалъ Ипполитъ.

На этотъ разъ дружныѣ раздалось:

— Богъ проститъ!

— Простите!—промолвилъ онъ въ третій разъ и опять всѣ хоромъ отвѣтили ему:—Богъ проститъ!

Это такъ полагалось, непремѣнно до трехъ разъ. Затѣмъ Ипполитъ поднялъ глаза и, осмотрѣвъ всѣхъ присутствующихъ, спросилъ:

— А что же брата здѣсь нѣтъ?

Въ голосѣ его звучало огорченіе. Марта Федоровна пришла въ сильное замѣшательство. Она думала, что отсутствіе Геннадія будетъ пріятно Ипполиту.

— Я не смѣла беспокоить Геннадія Марковича!—объяснила она, очень нетвердымъ голосомъ.—Можетъ быть, попросить его?

— Нѣтъ, не надо,—отвѣтилъ Ипполитъ.—Нѣтъ, ужъ я самъ...

Всѣ начали расходиться. Ипполитъ вышелъ съ мамой въ гостиную и мягкимъ голосомъ говорилъ съ нею о томъ, что на завтра надо заказать большой обѣдъ для нищихъ, которые были уже приглашены. Потомъ онъ вышелъ во дворъ. Для насъ представлялось огромное искушеніе. Когда онъ заявилъ, что самъ пойдетъ въ Геннадію, нами овладѣло дьявольское любопытство. Хотя мы совершенно искренно были настроены благочестиво и рѣшительно не хотѣли грѣшить, но тутъ ужъ не было никакой возможности отказать себѣ въ удовольствіи видѣть и слышать рѣдкую сцену.

Это было и не трудно. Для этого не надо было принимать никакихъ мѣръ. Во флигелѣ окна были раскрыты настежъ, и намъ стоило только пройти двадцать шаговъ и установиться, прислонившись къ дереву, чтобы стоять противъ оконъ и видѣть и слышать все.

Ипполить направился туда и вошелъ во флигель. Раньше мы видѣли Геннадія, сидящаго на стулѣ въ цвѣтной рубашкѣ, безъ сюртука, съ растегнутымъ воротомъ. Онъ протянулъ ноги, положивъ ихъ на другой стулъ, и, страшно дымя, курить толстую папиросу. Въ лицѣ у него было что-то желчное. По временамъ онъ кривился и свирѣпо кусалъ мундштукъ. Вообще, видно было, что онъ не въ добромъ настроеніи. Затѣмъ мы видѣли, какъ передъ нимъ появилась кроткая фигура Ипполита.

Геннадій не перемѣнилъ позы, а только поднялъ голову и повернулъ ее въ сторону Ипполита.

— А, пожаловалъ! — воскликнулъ онъ далеко недружелюбнымъ тономъ:—зачѣмъ бы это? Вотъ чудеса!

— Я пришелъ въ тебѣ, братъ,—коротко отвѣтилъ Ипполить,—попросить прощенія. Если я тебя обидѣлъ дѣломъ, словомъ...

Геннадій перебилъ его рѣзкимъ неприятнымъ смѣхомъ:

— Ха-ха-ха! Что же это вы, братецъ, умирать собираетесь, или въ монастырь идете? Раздаете имѣніе нищимъ? А впрочемъ, это не ваше имѣніе... Гм., а вашей супруги!

— Нѣтъ, Геннадій, я говѣю, ты же знаешь!—съ непоколебимой кротостью отвѣтилъ Ипполить:—такъ вотъ, я и прошу тебя, если ты былъ отъ меня чѣмъ-нибудь обиженъ, такъ прости.

— А очень тебѣ нужно, братъ, мое прощеніе, а?—желчно сказалъ Геннадій:—вѣдь эго все такъ, канитель одна. Къ чему? Ты могъ бы обойтись и безъ этого...

— Я вижу, что ты боленъ, Геннадій. Ты бы пошелъ! — спокойно замѣтилъ Ипполить:—у тебя печень, не правда-ли? — участливо прибавилъ онъ.

— Да-съ, печень!—выпалилъ Геннадій.—Вы правы. А лечиться не желаю, потому что никакой чортъ меня не вылечитъ. Вообще я не понимаю: вы дали мнѣ пріютъ, разрѣшили мнѣ здѣсь быть, я васъ не беспокою, даже стараюсь не попадаться вамъ на глаза. Чего же вы отъ меня хотите?

— Я прошу у тебя прощенія, братъ!

— Вамъ это необходимо? очень?

— Да, я прошу у тебя прощенія!—повторилъ Ипполить, и намъ показалось, что его кротость какъ бы начала колебаться.

Геннадій вдругъ сорвался съ мѣста, шумно отодвинулъ стулъ, на которомъ лежали его ноги, сталъ въ преувели-

*

ченно-торжественную позу, скрестилъ на груди руки и величественно наклонилъ голову.

— Я васъ прощаю!—произнесъ онъ, какъ плохой актеръ въ трагедіи,—вы прощены мною, любезный братъ!

Затѣмъ онъ повернулся и опять сѣлъ.

— Ну, а теперь оставьте меня, пожалуйста, въ покоѣ!—раздражительно прибавилъ онъ.

Ипполитъ нахмурился, глубоко вздохнулъ и вышелъ. Мы видѣли, какъ онъ, идя по тропинкѣ, которая вела отъ флигеля къ дому, кусалъ себѣ губы и ломалъ пальцы, но по мѣрѣ того, какъ онъ приближался къ крыльцу, настроеніе его становилось спокойнѣе, онъ овладѣвалъ собой и приходилъ въ то состояніе, которое ему было необходимо для завтрашняго событія. Онъ какъ будто спрашивалъ себя: согрѣшилъ я, или нѣтъ? И на этотъ вопросъ отвѣтилъ: нѣтъ, я шелъ къ нему съ чистымъ сердцемъ,—нѣтъ, я не согрѣшилъ...

Мы еще находились въ нашемъ наблюдательномъ пунктѣ, когда минуты черезъ двѣ Ипполитъ опять поспѣшно вышелъ изъ дома. На немъ было длинное весеннее пальто и черная шляпа. Въ рукахъ онъ держалъ толстую палку, очевидно, какъ предосторожность на случай нападенія собакеъ. Онъ отправился къ батюшкѣ пѣшкомъ.

Старый батюшка былъ извѣстенъ своимъ благочестіемъ. Ипполитъ могъ бы пригласить его къ себѣ, тотъ не только не отказался бы, но почелъ бы за честь, но у него всѣ стѣны кабинета были увѣшаны иконами, а Ипполиту для полного покаянія и освобожденія отъ грѣховъ была необходима такая обстановка.

Здѣсь Ипполитъ испытывалъ какое-то особенное, возвышенное, чувство.

Батюшка ждалъ его. Ипполита нѣсколько задержала сцена во флигелѣ. Они заперлись въ кабинетъ и часа два у нихъ продолжалась бесѣда. Сперва они просто сидѣли въ креслахъ другъ противъ друга и бесѣдовали, какъ знакомые; батюшка, какъ опытный духовникъ, Ипполитъ, какъ покорный духовный сынъ. Это было, такъ сказать, преддверіе исповѣди. Они касались различныхъ предметовъ изъ области душевной. Ипполитъ высказывалъ батюшкѣ свои сомнѣнія и недоумѣнія, батюшка разрѣшалъ ихъ по мѣрѣ своихъ силъ и позваній. Между прочимъ былъ поставленъ вопросъ, такъ мучившій Ипполита: не является-ли онъ отвѣтственнымъ за грѣховную жизнь брата Геннадія? Батюшка зналъ Геннадія

и ему хорошо были извѣстны ихъ отношенія. Онъ успокоилъ Ипполита:—вы исполнили долгъ брата и долгъ христіанина, сказалъ онъ, и не ваша вина, если доброе сѣмя упало на столь свудную почву. И когда уже были разобраны всѣ теоретическіе вопросы изъ области покаянія, они приступили къ исповѣди. Батюшка облачился въ епитрахиль, которая всегда находилась у него въ домѣ для случайныхъ спѣшныхъ требъ, пригласилъ Ипполита къ аналою и исповѣдывалъ его уже такъ, какъ обыкновеннаго прихожанина.

Бесѣда съ батюшкой и исповѣдь совершенно успокоили Ипполита. Они дали душѣ его глубокой мірь. Онъ возвращался домой неспѣшной походкой и явился какою-то тихій, легкій, прозрачный. Голосъ у него былъ слабый, мягкій, исполненный доброты и снисхожденія ко всему на свѣтѣ. Онъ какъ бы боялся, чтобы излишне громкимъ возгласомъ или рѣзкимъ движеніемъ нечаянно не согрѣшить. Онъ несъ свою очищенную отъ грѣховъ душу съ такой осторожностью, какъ будто это былъ сосудъ, наполненный до краевъ драгоценной влагой, изъ которой онъ боялся пролить хотя бы одну каплю. Встрѣтившись съ мамой и съ Мартой Федоровной, онъ сказалъ имъ только самыя необходимыя вещи, и сказалъ кратко, отрывисто, безъ лишнихъ словъ. Затѣмъ онъ пошелъ въ свою спальню, помолился, легъ въ постель и заснулъ совершеннымъ праведникомъ.

У насъ было искушеніе пойти къ дѣду Родіону. Ипполитъ легъ спать рано, а въ такихъ случаяхъ всегда рвеніе Марты Федоровны ослабѣвало и она переставала строго слѣдить за нашимъ поведеніемъ. Въ сущности, вѣдь за нами слѣдили не потому, чтобы мы дѣлали что-нибудь дурное, потому что мы ничего такого и не дѣлали, а единственно потому, что этого желалъ Ипполитъ. Но мы къ дѣду Родіону не пошли, мы сами почувствовали, что этого нельзя дѣлать. Вѣдь тамъ будетъ великій соблазнъ сварить и поѣсть ухи. Дѣдъ уже отговѣлся и не откажется поплыть къ котамъ и вытащить оттуда рыбы, у насъ же, не смотря ни на что, не хватитъ характера добровольно отказаться отъ этого блаженства.

Мы рѣшили, что это грѣхъ, и къ дѣду Родіону не пошли. Но, намъ казалось, не будетъ никакого грѣха, если мы заглянемъ къ Ивану Арсентьевичу. Вѣдь онъ сказалъ намъ, что говѣеть, а между тѣмъ въ церкви мы видѣли его только одинъ разъ. Когда онъ говѣеть? Можетъ быть, онъ уже сегодня отговѣлся,—можетъ быть, завтра,—его нигдѣ не видно. Мы отправились къ нему.

Онъ сидѣлъ на диванѣ, одѣтый по домашнему, въ коротенькой тужуркѣ, и читалъ книгу. Мы узнали, что это научный журналъ, который ему присылали каждый мѣсяцъ. Уже одно это привело насъ въ ужасъ. Читать журналъ во время покаянія!

— Когда же вы говѣете, Иванъ Арсентьевичъ?—спросилъ Жоржикъ.

— Я уже отговѣлся,—отвѣтилъ нашъ учитель.—Вчера исповѣдывался, сегодня причастился.

— Почему же мы васъ не видѣли?

— Право, не знаю, я не прятался.

Онъ не лгаль, но у него была манера въ церкви смѣшиваться съ толпой и стараться быть незамѣченнымъ. Насъ-то онъ, конечно, видѣлъ. Онъ такъ былъ увлеченъ статьей, за чтеніемъ которой мы его застали, что началъ оживленно говорить о ней съ нами. Это была научная статья, и мы, разумѣется, очень мало поняли изъ того, что онъ говорилъ. Но ему необходимо было высказать кому-нибудь свои взгляды, онъ обрадовался, что къ нему пришли живые люди, и высказывалъ ихъ больше для себя, чѣмъ для насъ.

Странный человѣкъ! Вчера онъ писалъ стихи, это было послѣ исповѣди, сегодня онъ увлекается вопросами о клѣткѣ и протоплазмѣ. Въ немъ какимъ-то удивительнымъ образомъ смѣшивались испытатель природы, реалистъ, съ чувствительнымъ поэтомъ съ небольшою долей мистицизма. Онъ какъ бы еще колебался въ выборѣ пути. Правда, тогда онъ былъ еще молодъ, ему не было двадцати четырехъ лѣтъ. Впослѣдствіи, когда онъ вспоминалъ объ этомъ времени, онъ говорилъ, что въ немъ встрѣтились два теченія: чистый идеализмъ, который господствовалъ въ его семьѣ, и новое вѣяніе, которое носилось тогда въ печати, въ обществѣ и въ университетѣ.

Лѣтъ черезъ шесть послѣ этого онъ сдѣлался врачомъ, совершенно бросилъ писать стихи, однимъ словомъ — выяснился.

ХІІІ.

Торжественный день Ипполита.

Раннимъ утромъ, когда сквозь щели въ ставнѣ въ нашу комнату не проникъ еще лучъ свѣта, когда звѣзды на небѣ еще блѣдно догорали, и нашъ туселый ночникъ едва мерцалъ на маленькомъ столикѣ, совсѣмъ не освѣщая комнату и только

блистая свѣтлой точкой, какъ блуждающій огонекъ среди ночной тьмы,—я вдругъ открылъ глаза и почувствовалъ, что какая-то внутренняя сила, какое-то съ вечера засѣвшее въ моей головѣ сознаніе, заставляетъ меня проснуться и больше не засыпать. Съвозъ окна нашей комнаты съ плотно прикрытыми ставнями доносился тихій, едва слышный звонъ церковнаго колокола. Я услышалъ его во снѣ и проснулся взволнованный. Никакія убѣжденія Марты Федоровны, никакія запугиванія тѣмъ, что Ипполитъ будетъ огорченъ, если мы не встанемъ, не подѣйствовали бы на меня такъ вѣрно, какъ это глубоко засѣвшее во мнѣ убѣжденіе, что я долженъ встать рано. Такой сегодня день. Если я въ предыдущія двѣ недѣли относился небрежно къ посѣщеніямъ церкви, то это потому, что такого сознанія еще во мнѣ не было. Я не чувствовалъ себя на столько грѣховнымъ, чтобы терпѣть точно такія же лишенія, какія терпѣлъ Ипполитъ, который на мой взглядъ былъ переполненъ грѣхами. Надо же было, чтобы между нами существовала какая-нибудь разница.

— Жоржикъ!—осторожно позвалъ я, въ полной увѣренности, что Жоржикъ спитъ глубокимъ сномъ, я даже боялся, что слишкомъ громкій окликъ можетъ его спящаго испугать.

— Какъ? Ты развѣ тоже проснулся?—спросилъ Жоржикъ, въ моему искреннему изумленію. Оказалось, что онъ проснулся раньше меня и тоже былъ взволнованъ.

— Слышишь, звонятъ!—сказалъ я.

— О, да, я проснулся еще до звона. А какъ ты думаешь, Ипполитъ уже всталъ?

— Я думаю, онъ и не ложился.

— А правда, онъ сегодня должно быть святой!

— Очень можетъ быть, но завтра онъ опять переполнится грѣхами.

Мы вскочили съ постелей и старались перегнать другъ друга въ быстротѣ одѣванія и умыванія. Отъ поспѣшности, конечно, получались недоразумѣнія. Жоржикъ по ошибкѣ натянулъ мои чулки, я повязалъ себѣ его галстукъ. Брызги обдавали стѣны со всѣхъ сторонъ отъ нашего усерднаго умыванія. Мы не молились, имѣя въ виду, что намъ предстоитъ очень длинная молитва въ церкви. Когда мы появились во дворѣ, то, разумѣется, удивили всѣхъ своимъ появленіемъ. Было еще совсѣмъ темно, утренній холодъ пріятно освѣжилъ наши головы. Вдали среди высокихъ деревьевъ двигалась какая-то таинственная тѣнь. Мы поняли, что это не могъ быть никто

иной, какъ Ипполитъ. Разумѣется, у насъ явилось желаніе пройти мимо него, чтобы онъ насъ замѣтилъ и оцѣнилъ наше усердіе. Мы такъ и сдѣлали.

— А, — съ какимъ-то несвойственнымъ ему благодушіемъ сказалъ Ипполитъ, когда мы поровнялись съ нимъ. — Это хорошо, это дѣлаетъ вамъ честь.

Похвала, однако, подѣйствовала на насъ отрицательно. Можетъ быть, наше тщеславіе было удовлетворено, но мы почувствовали, что это какъ бы затемнило ясность и искренность нашего настроенія. Просыпаясь при первомъ звонѣ колокола, мы дѣйствовали безкорыстно, совѣмъ не думая угодить Ипполиту, и вотъ нечаянно угодили ему.

Въ домѣ началось движеніе. Появилась Марта Федоровна съ чрезвычайно озабоченнымъ видомъ. Ей съ просонковъ показалось, что кто-то не исполнилъ своихъ обязанностей, что вучеръ опоздалъ, что Ипполитъ можетъ быть недоволенъ... Не пощадили Дусю. Но она ходила съ сонными глазками, постоянно спотыкаясь, и, кажется, продолжала спать. Въ продолженіе недѣли ей дѣлались большія льготы, такъ какъ она, по выраженію Ипполита, еще не достигла отрочества. Поэтому, она была избавлена отъ исповѣди; но въ такой торжественный день даже ей, не достигшей отроческаго возраста, нивагъ нельзя было пропустить утреню.

Какъ только двинулся со двора экипажъ, Дуся тотчасъ же заснула на рукахъ у мамы. Ипполитъ смотрѣлъ по сторонамъ и все сосредоточивался на явленіяхъ природы. Онъ говорилъ о цвѣтѣ неба, о яркости звѣздъ, о шумѣ камыша, который временами доносился къ намъ, объ утреннемъ крикѣ бекаса, который походилъ на бляеніе барашка. Все это были такія вещи, о которыхъ можно было говорить свободно, не рискуя согрѣшить.

Нашего повышеннаго настроенія хватило на утреню и начало обѣдни, а потомъ явилось на помощь ожиданіе. Мы опять подбодрились. Въ церкви была масса народа, все го-бѣльщики. Но мы, какъ чисто одѣтые люди, заняли первыя мѣста во главѣ съ Ипполитомъ. Когда вышелъ батюшка, то пришлось, однако, уступить первенство младенцамъ, которые наполняли церковь нестерпимымъ крикомъ. Ихъ причащали и поспѣшно выносили въ ограду. Первая подошла Дуся, потомъ я, затѣмъ Жоржикъ, мама и, наконецъ, самъ Ипполитъ. Затѣмъ насъ повели къ правому клиросу, гдѣ стоялъ пономарь съ „запивкой“. Мы выпили по глотку краснаго вина съ

водой изъ серебрянаго корца, закусили кусочкомъ просфоры и когда обернулись, то увидѣли Ипполита, съ ясной улыбкой поздравлявшаго маму съ событіемъ. При этомъ онъ поцѣловалъ ей руку, а она отвѣтила ему поцѣлуемъ въ лобъ. Дошло даже до того, что Ипполитъ поздравилъ и насъ, и мы съ нимъ облобызались. Въ церкви вообще слышались во всѣхъ углахъ поцѣлуи, всѣ поздравляли другъ друга. Вмѣстѣ съ тѣмъ ходили по рукамъ бублики и крашенные кони. Когда мы послѣ службы проходили черезъ ограду, нищіе раболѣпно вланились Ипполиту, поздравляли его и при этомъ, въ видѣ исключенія, не протягивали къ нему руки. Ипполитъ отвѣчалъ имъ поклонами и сказалъ:

— Приходите же, приходите! вамъ сегодня будетъ обѣдъ!

На обратномъ пути экипажъ свернулъ налѣво и остановился у хаты, гдѣ жила Лизавета Августовна. Ипполитъ почувствовалъ позывъ къ дѣламъ благотворительности. Еще вчера мы врывались въ скромное убѣжище Лизаветы Августовны съ шумомъ и криками. Сегодня это было торжественное шествіе. Ипполитъ взялъ стулъ, присѣлъ около нея, спросилъ—говѣла ли она, хорошо ли за ней ухаживаетъ Агафья? Не чувствуетъ ли она въ чемъ-нибудь недостатка, и все это величественно, совершенно по царски. Мы замѣтили съ Жоржикомъ, что старуха передъ нимъ трусила и была подавлена всѣми этими распросами. Мы знали очень хорошо, что „недостатковъ“ у нея слишкомъ много, и нашлась бы тысяча просьбъ, съ которыми она обратилась бы ко всякому другому. Но ему она отвѣтила:

— Нѣтъ, спасибо, Ипполитъ Марковичъ, у меня все есть, я всѣмъ довольна... Вотъ вчера вареньица мнѣ прислали, спасибо...

Про наливку она не рѣшилась сказать ему.

Вообще, въ этотъ день Ипполита такъ и раскачивало—творить благія дѣла, онъ вспоминалъ, нѣтъ ли гдѣ еще сирыхъ и увѣчныхъ, которыхъ онъ могъ бы утѣшить по крайней мѣрѣ добрымъ словомъ, но такихъ больше не оказалось. Въ кухнѣ очень были удивлены, когда вдругъ тамъ появилась высокая фигура барина. Всѣ поняли это такъ, что онъ просто жаждетъ поздравленій, и принялись поздравлять его. Но онъ пришелъ не за этимъ. Онъ разыскивалъ дѣда Якова. Дѣдъ Яковъ, разумѣется, не могъ быть причисленъ къ увѣчнымъ. Но онъ прожилъ сто десять лѣтъ, это своего рода несчастье. И Ипполитъ, отыскавъ его, сталъ участливо распра-

пивать о томъ, хорошо ли онъ отговѣлся, не утомило ли это его, и не нуждается ли онъ въ чемъ-нибудь?

— Нѣтъ, милостивый баринъ,—отвѣтилъ Яковъ,—какая у меня нужда? Что мнѣ, старику, надо? Кормятъ меня, поятъ, одежды на мой вѣкъ хватить, обиды ни отъ кого не вижу, гдѣ жъ обижать этакого? Это даже грѣшно,—и рука не подыметься; а попрошу я васъ, милостивый баринъ, объ одномъ: вотъ помирать собираюсь, ужъ это мой послѣдній постъ. До святой еще дотяну, а тамъ пойду въ горня... Такъ вотъ на счетъ могилки.

При этомъ словѣ у Ипполита лицо слегка передернулось. У него былъ какой-то бессознательный страхъ передъ всѣмъ, что относилось къ смерти, и такія слова, какъ гробъ, могила, владбище, были для него самыми ненавистными словами. Но подслѣповатый дѣдъ Яковъ этого, конечно, не замѣтилъ и продолжалъ:

— На счетъ могилки... Ужъ сдѣлайте милость, будьте такіе добрые, не откажите поспособствовать.

— Я думаю,—сказалъ Ипполитъ,—что тебѣ нечего беспокоиться, Яковъ. Все, что надо, будетъ сдѣлано...

— Я знаю!—отвѣтилъ Яковъ,—да только я... у меня свои мысли. Такъ мнѣ чувствуется, такъ желается... чтобы могилку мнѣ вырыли на той сторонѣ владбища, что глядитъ на востокъ. Все же и солнышку ближе, и райскій садъ на востокѣ былъ... и Богу молится человѣкъ на востокъ. Все хорошее на востокѣ. Такъ вотъ я желаю, чтобы могила моя была на той сторонѣ. А на могилѣ чтобы былъ деревянный крестъ... Только не каменный, нѣтъ,—это тяжесть. И чтобы дерево было посажено... Ива, да, иву чтобы посадили. Вотъ и все, милостивый баринъ, а въ остальномъ прочемъ я доволенъ...

— Ну, хорошо, хорошо!—посиѣшно, какъ бы желая поскорѣе окончить столь неприятный разговоръ, отвѣтилъ Ипполитъ:—исполнимъ, все исполнимъ по твоему... Только я думаю,—съ шутливымъ выраженіемъ прибавилъ онъ,—ты еще насъ переживешь. Вѣдь вонъ какой ты еще молодецъ,—въ церковь пѣшкомъ ходишь...

— Хе! Гдѣ ужъ тамъ! Не хожу, а ползу. Нѣтъ ужъ, а это такъ навѣрняка знаю, что на святой недѣлѣ Богу душу отдамъ...

Ипполитъ еще разъ подтвердилъ, что завѣщаніе Якова на счетъ могилы на востокѣ будетъ исполнено. Отсюда онъ пошелъ къ Ивану Арсентьевичу. Этотъ ужъ никоимъ обра-

зомъ не могъ быть причисленъ къ увѣчнымъ, но Ипполитъ нерѣдко съ нимъ бывалъ непривѣтливъ и холоденъ, и главное— не раздѣлялъ его взглядовъ. Иванъ Арсентьевичъ сидѣлъ на заваленкѣ у своей хижины. Они вошли съ Ипполитомъ въ комнату. На столѣ лежали у него книги и бумаги. Ипполитъ замѣтилъ листокъ, исписанный стихами.

— А,—сказалъ онъ благосклонно:—вы все еще грѣшите поэзіей!.. Съ музами общаетесь!..

— Да, общаюсь!—съ иронической усмѣшкой подтвердилъ Иванъ Арсентьевичъ,—но замѣчаю, что онѣ начинаютъ лишать меня своей благосклонности. Туго идутъ стихи, прежде легче шли. И прихожу къ заключенію, что это чепуха. Въ стихахъ есть что-то неестественное, что-то похожее на ломаніе. вмѣсто того, чтобы просто выразить свою мысль такъ, какъ она складывается въ головѣ, человѣкъ начинаетъ искать какихъ-то особенныхъ формъ, искусственно разставлять слова, искать созвучій. Все это лишнее и только трата времени...

— Нѣтъ, не говорите такъ,—возразилъ Ипполитъ,—поэзія возвышаетъ душу! Еслибъ ея не было, то люди давно погрязли бы въ практическихъ дѣлахъ, очерствѣли бы сердцемъ. Я въ прежнее время увлекался стихами Пушкина, зналъ наизусть... А потомъ служба, теперь вотъ хозяйственные дѣла поглотили все мое время.

„Ого,—подумалъ Иванъ Арсентьевичъ,—онъ сегодня даже поэзію признаетъ!“

Только къ Геннадію Ипполитъ не рѣшился зайти. Вчерашняя сцена сдѣлала его осторожнымъ. Возвращаясь къ дому, онъ не пошелъ по прямой тропинкѣ, которая проходила какъ разъ мимо оконъ флигеля, а свернулъ нѣсколько вправо... Но Геннадій сегодня былъ въ другомъ настроеніи. Печень у него успокоилась. Онъ стоялъ у окна и благодушно грѣлся солнечнымъ тепломъ. Онъ увидѣлъ Ипполита и понялъ, почему онъ свернулъ вправо.

— Добрый день, Ипполитъ!—крикнулъ онъ ему.

Въ первое мгновеніе Ипполитъ вздрогнулъ и хотѣлъ-было даже ускорить шаги, но, вслушавшись въ возгласъ Геннадія, онъ не нашелъ въ его голосѣ ни одной саркастической ноты. Онъ зналъ, что у Геннадія настроеніе постоянно мѣнялось, и остановился.

— Здравствуй, Геннадій,—отвѣтилъ онъ.

— Я не успѣлъ тебя поздравить,—продолжалъ Геннадій,—такъ поздравляю.

Ипполитъ окончателно убѣдился въ томъ, что Геннадій сегодня въ беззлобномъ настроеніи, и подошелъ къ самому окну.

— Я вчера былъ грубъ, такъ ты извини! Знаешь, въдъ у меня печень,—сказалъ Геннадій.

— Да я и не сердился!—отвѣтилъ Ипполитъ.—Я ужъ не совѣтую тебѣ лечиться, потому что, все равно, ты не слушаешь, а только одну скажу,—прибавилъ Ипполитъ, стараясь быть до послѣдней степени мягкимъ:—ты бы все-таки воспользовался пребываніемъ здѣсь и отговѣлся бы. Ты не можешь себѣ представить, какъ это облегчаетъ.

— Спасибо за совѣтъ, братъ, но меня даже это не облегчить!—очень серьезно, и даже съ нѣкоторой долей мрачности, отвѣтилъ Геннадій.

— Ты сегодня съ нами обѣдаешь?—спросилъ Ипполитъ, явно перемѣняя разговоръ.

— Да, пожалуй, я чувствую себя сегодня на столько приличнымъ, что могу посидѣть въ обществѣ порядочныхъ людей...

— Полно, что за пустяки!

Ипполитъ поклонился и пошелъ въ домъ.

Часовъ около двѣнадцати въ усадебномъ дворѣ началось чрезвычайное оживленіе. Погода стояла превосходная. Лучи солнца были мягки, воздухъ тихъ, отъ рѣки вѣяло легкой прохладой, надъ дворомъ висѣло свѣтло-голубое ясное небо. Посреди двора тянулись два длинныхъ стола, ничѣмъ не покрытые; на нихъ были вучами наложены ломти хлѣба и деревянные ложки. Начали появляться гости. Они всѣ пришли почти одновременно. Ихъ было нѣсколько десятковъ. Они собрались сюда изъ дальнихъ мѣстъ, очевидно имѣя въ виду этотъ обѣдъ. Увѣчья ихъ были чрезвычайно разнообразны. Здѣсь были представители всевозможныхъ калѣчествъ: хромяе, слѣпые, горбатые, безрувіе, иныхъ привезли въ телѣжахъ, другихъ привели за руки. Картина была пестрая и, пожалуй, живописная, но въ то же время безотрадная. Всѣ они явились съ котомками, нагруженными подаеніемъ. Войдя во дворъ, они тотчасъ же направлялись вправо и тутъ же у воротъ складывали свои котомки. Они клали ихъ бережно, стараясь отыскать каждый для своей наиболѣе удобное мѣсто, причеиъ обозначали каждый свое добро какой-нибудь примѣтой: тотъ посыпалъ сверху стружки, другой—песокъ, третій—водружалъ свою шапку, и всѣ при этомъ подозрительно посматривали

другъ на друга;—очевидно, никто никому не довѣрялъ и каждый былъ самаго сквернаго мнѣнія о другомъ. Они боялись за цѣлость своего добра, боялись, что кто-нибудь изъ товарищей тихонько переложитъ изъ чужой котомки въ свою часть добычи, и каждому казалось, что въ его-то котомкѣ заключается самое цѣнное добро. Затѣмъ, они усѣлись за столъ, подали миски, наполненныя борщемъ, и началась трапеза.

— Тебѣ слѣдовало бы выйти къ нимъ!—сказалъ Ипполитъ, обращаясь къ мамѣ:—все-таки они будутъ видѣть хозяйву, они будутъ осчастливлены.

Мама приложила ладонь ко лбу.

— Право,—отвѣтила она съ нѣкоторымъ смущеніемъ,—у меня голова болитъ,—я бы предпочла не выходить.

— Какъ хочешь! разумѣется, если нездорова... Но лучше бы... зачѣмъ ихъ обижать?

— Я, право, не хочу ихъ обижать, но въ самомъ дѣлѣ мнѣ нездоровится.

Разумѣется, у мамы голова не болѣла, но ей казалось, что этотъ выходъ къ нищимъ будетъ походить на плохую комедію, и ей не хотѣлось играть роль, да еще первую, въ этой комедіи.

Ипполитъ поймалъ насъ:

— Вотъ, сказалъ онъ,—если вы добрыя дѣти, такъ покажите слугамъ хорошей христіанскій примѣръ. Подите и подайте что-нибудь за столомъ.

Мама нахмурилась, но ничего не возразила. Довольно ужъ того, что она сама отказалась. Она не хотѣла наносить Ипполиту разомъ два огорченія. Но ей это предложеніе очень не нравилось. Мы посмотрѣли на него иначе. Намъ нравилось всякое разнообразіе, все оригинальное, и мы приняли его съ восторгомъ. Тотчасъ же мы со всѣхъ ногъ помчались въ кухню, напялили на себя длинные фартуки, въ которыхъ путались наши ноги, и при общемъ смѣхѣ всей кухни начали таскать въ столу миски и ломти хлѣба. Наше появленіе имѣло большой успѣхъ не только среди обѣдающихъ, но и среди любопытствовавшей публики. Эта публика расположилась группой нѣсколько поодаль, гдѣ стоялъ сѣнной сарай; тамъ былъ длинный сундукъ, устроенный такъ, что могъ служить и скамейкой, и на немъ помѣщались Иванъ Арсентьевичъ, Геннадій, Марта Федоровна, два приказчика изъ экономіи, машинистъ, конторщикъ, даже дьякъ полю-

бопытствовалъ и пришелъ посмотрѣть на трапезу нищихъ. За обѣдомъ каждому была предложена изрядная рюмка воды, но было строго приказано, чтобъ никто не выпилъ больше. Ипполитъ былъ врагъ пьянства, но одну рюмку признавалъ даже для себя. Но мы замѣтили странное явленіе. По всей вѣроятности, нищая братія не имѣла свѣдѣній о нашей тонкой наблюдательности. Правда, эту заслугу я не могу приписать себѣ, потому что первый проникъ въ тайну Жоржикъ. Онъ обратилъ вниманіе на рыжаго нищаго, у котораго было большое бѣльмо на лѣвомъ глазу, и кромѣ того, правая рука висѣла и не дѣйствовала... Онъ почему-то былъ центромъ обоихъ столовъ. Къ нему всѣ за чѣмъ-то обращались, и отъ него въ обѣ стороны вокругъ стола шло какое-то таинственное движеніе рукъ. Оказалось, что у него за пазухой былъ штофъ съ водкой, и онъ тутъ же устроилъ маленькую торговлю. За рюмку воды ему платили по три копейки. Торговля шла бойко и такъ ловко скрывалась, что только мы съ Жоржикомъ способны были замѣтить. Когда штофъ былъ опустошенъ, рыжій нищій отправился въ своей торбѣ, досталъ оттуда другой и тоже принесъ его за пазухой. Благодаря этому, оживленіе за обоими столами съ каждой минутой все возрастало, разговоры дѣлались громче, даже нищія бабы начали возвышать голосъ. Иногда слышались слова недостаточно приличныя, но тогда товарищи сдерживали другъ друга.

Въ самый разгаръ пиршества появился Ипполитъ. Онъ пришелъ одинъ и съ видимымъ расчетомъ избѣжать какой бы то ни было помпы. Онъ какъ-то незамѣтно очутился у стола, скромно обходилъ гостей и спрашивалъ каждаго, доволенъ ли онъ, не хочетъ ли еще чего? Гости подымались, кланялись и видимо робѣли. Разговоры вдругъ смолели и водворилась тишина. Всѣмъ стало неловко, а больше всѣхъ Ипполиту, который почувствовалъ себя центральнымъ лицомъ. Это было его несчастное свойство. Всюду, гдѣ было шумно и весело, его появленіе водворяло тишину и скуку. Онъ это зналъ и приписывалъ это своей порядочности и серьезности, но все же въ глубинѣ души, по всей вѣроятности, чувствовалъ въ такихъ случаяхъ нѣкоторую неловкость. Едва ли серьезному и порядочному человѣку приятно чувствовать себя палачомъ веселаго настроенія.

Обѣдъ кончился, гости стали расходиться и при этомъ низко кланялись Ипполиту и намъ, и даже любопытствующей

публикѣ, сидѣвшей у сѣннаго сарая. Иные изъ нихъ замѣтно пошатывались, благодаря усиліямъ рыжаго нищаго, у котораго оказался въ запасѣ и третій штофъ. Наконецъ, они всѣ ушли, и усадебный дворъ, послѣ уборки столовъ, принялъ обычную дѣловую фізіономію.

Послѣ временнаго оживленія, когда мы сняли наши длинные фартуки, мы вдругъ почувствовали страшную склонность ко сну. Отчасти здѣсь имѣло значеніе то обстоятельство, что мы рано проснулись, въ особенности же то, что это намъ было строго запрещено. Спать послѣ причастія Ипполитъ считалъ не только грѣхомъ, но и опаснымъ дѣломъ, потому что въ этотъ день діаволь пристально слѣдитъ за человѣкомъ и всячески искушаетъ его. Въ особенности легко нападаетъ онъ на человѣка, когда тотъ спитъ, и воля его не дѣйствуетъ; тогда человѣкъ беспомощенъ, и діаволь можетъ дѣлать съ нимъ все, что угодно. Это Ипполитъ говорилъ, какъ совершенно достовѣрную вещь, и, слѣдовательно, это было ему доподлинно извѣстно. И мы томительно ходили изъ угла въ уголь, потерявъ всякую способность получать пріятныя впечатлѣнія отъ красивой природы, окружавшей усадьбу, глаза наши слипались. Мы съ нетерпѣніемъ ждали, чтобъ прошелъ обѣдъ и наступилъ вечеръ.

Обѣдъ былъ торжественный; за нимъ присутствовали Иванъ Арсентьевичъ, и даже Геннадій, который былъ въ необыкновенно галантномъ настроеніи. Ипполитъ къ каждому кушанью приступалъ съ такимъ видомъ, какъ будто разговлялся послѣ продолжительнаго поста. Онъ разрѣшилъ себѣ не только „вино и елей“, но и рыбу, и, изголодавшись за недѣлю, ѣлъ съ необыкновеннымъ аппетитомъ. Былъ супъ, пирогъ съ рисомъ и грибами, судакъ подъ польскимъ соусомъ, жареная осетрина, салатъ и сладкіе пироги со сливами. Ипполитъ всему оказывалъ честь и къ концу обѣда наѣлся неумѣренно. Рюмка водки и стаканъ вина, которыми онъ себя угостилъ, сдѣлали его почти веселымъ. Онъ шутилъ съ нами, смѣялся, когда острилъ Геннадій, тогда какъ въ обыкновенное время эти остроты заставляли его только вытягивать лицо. Послѣ обѣда онъ закурилъ сигару, въ чемъ отказывалъ себѣ всю недѣлю, и курилъ съ видимымъ наслажденіемъ. Затѣмъ онъ попросилъ маму сыграть что-нибудь, самъ отыскалъ тетрадь Бетховена, нашелъ Sonata appassionata и поставилъ ноги на рояль. Мама сѣла и начала играть. Музыка сперва привела его въ торжественно-печаль-

ное настроеніе, потомъ глаза его стали смыкаться, и онъ нечаянно вздремнулъ, но скоро очнулся и спохватился. Во всякомъ случаѣ, продолженіе сонаты онъ дослушалъ уже съ большимъ усиленіемъ, потомъ поцѣловалъ руку у мамы и отправился въ кабинетъ, гдѣ сталъ усиленно умываться холодной водой. Это была мѣра, принятая имъ съ цѣлью, не заснуть.

Но съ насъ было довольно того, что онъ нечаянно вздремнулъ хоть нѣсколько минутъ. Жоржикъ подчеркнулъ это и не выдержалъ, чтобъ не подразнить Марту Федоровну. Онъ сказалъ ей:

— А знаете, Марта Федоровна, къ Ипполиту уже приходилъ дьяволъ и искусилъ его. Я самъ видѣлъ, ей-ей видѣлъ...

— Что вы, Жоржикъ? вы съ ума сошли?—съ ужасомъ воскликнула Марта Федоровна.

— А вы развѣ не замѣтили, послѣ обѣда за музыкой? Вѣдь онъ вздремнулъ, а дьяволъ, знаете, подъ музыку въ особенности любить искушать...

Но этого Марта Федоровна даже не хотѣла слушать, а просто закрыла уши и ушла изъ комнаты.

Намъ предстояла еще вечерня, но ее мы выслушали въ какомъ-то полусознательномъ состояніи; усталость совершенно овладѣла нами. Солнце еще не зашло, когда мы, наскоро раздѣвшись, не напившись даже чаю, улеглись спать. А завтра ожидали насъ событія, о которыхъ мы и не подозревали.

XIV.

Геннадій проявляетъ себя. — Заключение.

Утромъ на другой день мы проснулись раньше обыкновеннаго, такъ какъ накануне легли слишкомъ рано. За послѣднюю недѣлю у насъ вошло въ привычку начинать день маленькимъ путешествіемъ къ флигелю. Мы были очень удивлены, когда въ такой ранній часъ окна флигеля оказались настежь раскрытыми. Но удивленіе наше возрасло до величайшихъ размѣровъ, когда, заглянувъ въ окна, мы увидѣли, что Геннадія уже нѣтъ во флигелѣ. Кровать была смята, на полу валялись принадлежности его прежняго костюма, тѣ жалкія рубища, въ которыхъ онъ пришелъ къ намъ. Мы, разумѣется, тотчасъ пошли на поиски. У Ивана Арсентье-

вича его не оказалось, и тотъ не видалъ его сегодня, а вставалъ онъ всегда въ шесть часовъ и бродилъ по саду. Тогда мы вернулись въ домъ и сообщили о своемъ открытіи Марты Федоровнѣ. Старушка встревожилась.

— Поищите, дѣти, гдѣ-нибудь въ саду!

Мы помчались въ садъ и обшарили всѣ уголки. Геннадія нигдѣ не оказалось. Тревога Марты Федоровны возрасла, и она нашла необходимымъ поговорить съ мамой. Было поручено всѣмъ, кто только служилъ во дворѣ, разыскивать Геннадія. Всѣ разбѣжались въ разные стороны. Бѣгали въ поле, въ кузницу, въ контору, даже къ Лизаветѣ Августовнѣ. Геннадій не отыскался.

Марта Федоровна потеряла голову. Однакожъ не совсѣмъ. У нея настолько хватило предусмотрительности, чтобъ собственноручно припереть во флигель двери и закрыть ставни. Это для Ипполита, чтобъ онъ не догадался.

Держали семейный совѣтъ, на который были приглашены и мы съ Жоржиюмъ. Такое довѣріе уже указывало на полное отчаяніе. Но мы лучше, чѣмъ кто бы то ни было, знали всѣ потайные уголки сада и окрестности, и наше мнѣніе могло оказаться полезнымъ. Было высказано предположеніе, что Геннадій удралъ совсѣмъ, но тутъ же явилось вѣское возраженіе; во-первыхъ, это было слишкомъ рано, — онъ никогда не уходилъ, проживъ менѣе двухъ недѣль, а во-вторыхъ, и это самое главное, уходу его предшествовала обращенная къ мамѣ черезъ Марту Федоровну просьба о деньгахъ. Онъ просилъ немного, — десятка два или три рублей, но теперь и этого не было. Едва ли онъ ушелъ бы такимъ образомъ, тѣмъ болѣе, что, какъ ему хорошо было извѣстно, это никого не затруднило бы.

Ипполитъ всталъ, разумѣется, давно и занимался дѣлами. Онъ принималъ главнаго приказчика, объѣздчика, какихъ-то дѣловыхъ людей, пріѣхавшихъ изъ города, и массу всякаго народа. Онъ до того былъ поглощенъ дѣлами, нѣсколько запущенными во время говѣнія, что за завтракомъ былъ ненаблюдателенъ и не замѣтилъ, что у мамы, Марты Федоровны, даже у насъ, въ лицахъ была тревога.

— А что же братъ еще не проснулся? — спрашивалъ онъ: — вчера онъ былъ хорошо настроенъ. Если бы такое настроеніе у него сдѣлалось постояннымъ, то, быть можетъ, удалось бы благотворно повліять на него.

— Онъ еще спитъ! — промолвила Марта Федоровна и

должна была откашляться, такъ какъ въ горлѣ у нея была нервная хрипота.

— Спать? Гм... какъ долго!

Послѣ завтрака, предъ новыми дѣлами, онъ съ четверть часа погулялъ въ саду и между прочимъ, проходя мимо флигеля и увидѣвъ, что ставни закрыты, замѣтилъ: „Какъ онъ долго спитъ! Что значить ненормальная жизнь!“

Часовъ около трехъ въ усадьбу прибѣжала Агафья, — та самая, что ходила за Лизаветой Августовной. Она была вся красная, страшно взволнована и тяжело дышала отъ быстрого бѣга. Она обратилась къ горничной и просила эстренно, сейчасъ, сію минуту, вызвать ей Марту Федоровну.

— Охъ, батюшки! — зловѣщимъ шепотомъ говорила она: — тамъ, въ кабакѣ, два какихъ-то господина пьютъ и кричатъ и всячески безобразятъ, и одинъ, кажись, бариновъ братъ. Я такъ въ лицо ихъ никогда не видала, ну, а кое-что слышала про нихъ, что они выпиваютъ... Но при томъ очень схожи съ бариномъ...

— Ну, вотъ! такъ оно и есть! — вырвалось у Марты Федоровны, — я такъ и знала!

Разумѣется, тутъ не было времени подымать вопросъ о томъ, какимъ образомъ Агафья, выдававшая себя за трезвую женщину, попала въ кабакъ.

Всѣ растерялись. Какимъ образомъ связать это Ипполиту? А не связать нельзя. У женщинъ уже болѣе не хватало распорядительности, — для такихъ экстренныхъ событій требовался умъ мужчины, и не столько умъ, сколько его сильная воля.

— Нѣтъ, нѣтъ! я ни за что не пойду къ нему, — говорила мама, держась за голову обѣими руками. Она была страшно блѣдна и, по обыкновенію въ такихъ случаяхъ, нервно кусала губы.

Марта Федоровна должна была принять на себя эту страшную миссію. Она уловила моментъ, когда отъ Ипполита ушли всѣ дѣловые люди, и онъ былъ одинъ. Она вошла въ кабинетъ.

— Что вамъ, Марта Федоровна? — мирно спросилъ ее Ипполитъ: — неужели еще кто-нибудь? Я усталъ, и хотѣлъ бы немного отдохнуть.

— Нѣтъ... тутъ особое дѣло, Ипполитъ Марковичъ... Утромъ-то я не связала вамъ, думала, такъ обойдется...

— Ну? — спросилъ Ипполитъ, заблаговременно нахмуривая брови.

— Съ Геннадіемъ Марковичемъ случилось...

— Уже?—рѣзко промолвилъ Ипполитъ.

— Онъ исчезъ изъ флигеля очень рано, мы обшарили всѣ мѣста, нигдѣ не нашли, а сейчасъ пришла женщина изъ деревни и говоритъ, что онъ въ кабакѣ съ какимъ-то другимъ... должно быть, изъ города пришелъ его знакомый...

Ипполитъ сдѣлалъ рукой жестъ, которымъ какъ бы просилъ больше не продолжать, съ него довольно было и этихъ свѣдѣній... Онъ поблѣднѣлъ, пошатнулся и упалъ въ кресло. Но это была только одна минута. Онъ тотчасъ овладѣлъ собой и строгимъ повелительнымъ тономъ свазалъ:

— Сейчасъ мнѣ позвать кучера!

Марта Федоровна выскочила изъ кабинета и, несмотря на непрочность своихъ старыхъ ногъ, стрѣлой помчалась въ конюшню и извлекла оттуда кучера, который въ это время чистилъ лошадей. Черезъ минуту въ кабинетѣ слышался рѣзкій металлическій, слегка разбитый, голосъ Ипполита. Онъ давалъ безпощадныя приказанія:

— Того, другого связать... сейчасъ заложить телѣгу, везти въ городъ, въ больницу... Вотъ письмо... тамъ примутъ! Геннадія Марковича (не смотря на страшный гнѣвъ, онъ все-таки передъ слугами считалъ долгомъ называть брата по имени и отчеству) тоже связать и привезти въ сторожку... Тамъ, въ саду... Сторожа могутъ побыть въ другомъ мѣстѣ...

Въ глазахъ его и въ голосѣ и во всѣхъ движеніяхъ было что-то свирѣпое и безпощадное. Глаза метали молніи, весь онъ казался какимъ-то желѣзнымъ. Въ голосѣ слышался трескъ. Вообще нельзя сказать, чтобы Ипполитъ въ эту минуту заслуживалъ состраданія. Онъ скорѣе отгалкивалъ.

Онъ прибавилъ:

— Отправься въ волость, тамъ дадутъ тебѣ десятскихъ. Скажи, что я просилъ. И съ ними все это исполни.

Кучеръ пошелъ исполнять всѣ эти приказанія. Едва онъ вышелъ, Ипполитъ какъ-то истерически застучалъ ногами, сѣлъ въ кресло, со стукомъ опустилъ голову на столъ и зарыдалъ громко, неудержимо, всхлипывая, какъ женщина. Мама, которая была вся какъ на иголкахъ, рѣшилась пойти къ нему, чтобъ успокоить его.

— Ахъ, нѣтъ, я не могу успокоиться!—говорилъ Ипполитъ какимъ-то сдавленнымъ голосомъ. — Вѣдь это ужъ не наказаніе—это казнь... За что же? за что? Развѣ я такой ужъ злодѣй? Положимъ, я грѣшникъ, я гаже всѣхъ, все же,

*

все же нельзя такъ казнить. Вѣдь онъ тамъ кричитъ на все село! Вся деревня это слышитъ... Какое же послѣ этого будетъ отношеніе ко мнѣ? Развѣ я могу требовать уваженія? Вѣдь онъ мой братъ, онъ носитъ мое имя. И вѣдь это на васъ падаетъ! Поймите вы, это бросаетъ тѣнь на васъ! Я знаю, вашъ родъ давній въ этихъ мѣстахъ, крестьяне помнятъ вашего отца и дѣда! Всѣ они были честные люди, всѣ заслужили общее уваженіе, и вотъ явился я съ этимъ пьянымъ братомъ, ворвался въ вашу семью и внесъ въ нее позоръ... Вѣдь я дѣтей вашихъ позорю, поймите вы это! Ахъ, какъ я хотѣлъ бы умереть!...

Иполить хотѣлъ умереть! Значить, ужъ очень плохо ему было.

Кучеръ между тѣмъ давно уѣхалъ и точно исполнилъ всѣ приказанія. Онъ взялъ десятскихъ, они явились въ кабакъ и начали брать приступомъ крѣпость. Но крѣпость не сдавалась. Въ особенности свирѣпствовалъ Геннадій. Товарищъ его, который дѣйствительно пришелъ изъ города, оказался маленькимъ, щупленькимъ, слабенькимъ. Онъ скоро свалился и сдался почти безъ боя, но Геннадій отбивался и неистово кричалъ, понося на всѣ лады Иполита. Онъ безсовѣстно глалъ на него.

— А, — кричалъ онъ, — грабитель, разбойникъ, воръ! Слушайте, православные, вы знаете, вѣдь онъ ограбилъ меня до нитки, да! А вы думаете? Вы не смотрите, что онъ святой!.. вотъ онъ и кается въ грѣхѣ! Еще бы! родного брата ограбить! Понимаете? Вѣдь отъ этого я и запыль, понимаете? (и при этомъ онъ билъ кулакомъ себя въ грудь). Затѣмъ появились слезы: — Да, ограбилъ! Онъ меня по міру пустил, онъ меня нищимъ сдѣлалъ!..

Но десятскіе были всѣ молодцы, какъ на подборъ, и, разумѣется, онъ скоро долженъ былъ сдаться. Товарища повезли въ городъ, а Геннадія доставили связаннымъ въ сторожку. Сторожка эта была совершенно уединена. Она помещалась въ глубинѣ сада въ недалекомъ разстояніи отъ усадьбы, и обыкновенный голосъ, даже лай собакъ, оттуда не былъ слышенъ. Но Геннадій такъ неистовствовалъ и кричалъ, что звукъ его голоса долеталъ до усадьбы. Мы не пошли туда. Очень ужъ было все это страшно, притомъ же и лица у всѣхъ были тоже какія-то страшныя, блѣдныя, изступленныя.

Но наступилъ моментъ, когда все стихло. Геннадій выбился изъ силъ и заснулъ. Къ сторожкѣ былъ приставленъ

мальчуганъ, который всю ночь не спалъ, сидя у дверей на камушкѣ. Онъ долженъ былъ слѣдить за малѣйшимъ порохомъ и въ случаѣ тревоги немедленно извѣщать усадьбу. Геннадій проспалъ до утра. Утромъ онъ зашевелился и, почувствовавъ себя связаннымъ, сперва выругался, а потомъ началъ хохотать. Мальчишка стрѣлой побѣжалъ въ усадьбу и позвалъ кучера. Кучеръ явился.

— Ахъ, черти! — промолвилъ Геннадій безъ всякаго, однако, негодованія. — Что это вы со мной сдѣлали? Фу, какъ голова трещить! Ну-ка, развяжи!

Кучеръ принялся развязывать его и при этомъ сообщалъ ему о вчерашнихъ событіяхъ.

— Да ну! Неужто это было такъ? — искренно изумился Геннадій. — Чортъ! Ну, — прибавилъ онъ необыкновенно рѣшительнымъ тономъ, когда кучеръ развязалъ его и онъ сѣлъ на кровать, расправляя члены: — вотъ теперь и кончено! Дай-ка мнѣ карандашъ и бумажку!

У кучера ни того, ни другого не оказалось, но мальчишка сбѣгалъ къ Ивану Арсентьевичу и принесъ. Геннадій приспособился къ табурету и написалъ нѣсколько строкъ, затѣмъ свернулъ бумажку и отдалъ мальчишкѣ.

— Вотъ это снеси почтеннѣйшей Мартѣ Федоровнѣ и попроси отвѣта!

Мальчишка побѣжалъ. Въ усадьбѣ, разумѣется, съ нетерпѣніемъ ждали извѣстій изъ сторожки. Марта Федоровна и на этотъ разъ щадила Ишполита и не сообщала ему о томъ, что Геннадій проснулся, выжидая событій.

Въ письмѣ было слѣдующее:

„Почтеннѣйшая Марта Федоровна, извиняюсь передъ вами за вчерашнее. Признаю оно величайшей подлостью, какая только бывала въ природѣ. Прошу передать извиненіе брату и любезнѣйшей сестрицѣ. Удаляясь изъ этихъ благословенныхъ мѣстъ, какъ первозданный человѣкъ послѣ совершенія имъ грѣхопаденія изъ рая, прибѣгаю къ вамъ съ просьбой испросить для меня у добрѣйшей бель-сэръ нѣкоторую сумму денегъ. А брату передайте, что Геннадій влянется больше никогда не посѣщать усадьбу и не наводитъ ужаса на окрестность. Вашъ слуга Геннадій“.

Марта Федоровна нашла, что это лучшее разрѣшеніе всей страшной путаницы, которая даже ее, никогда не терявшуюся, заставила потерять голову. Она взяла у мамы все, что нашлось у нея въ шифоньеркѣ, что-то около пятиде-

сяти рублей, и отослала Геннадію. Геннадій дѣйствительно ушелъ, не смотря на то, что уже вечерѣло и его въ пути должна была застигнуть ночь. Марта Федоровна доложила обо всемъ этомъ Ипполиту только тогда, когда прошло полчаса съ момента ухода Геннадія. Она приподнесла ему уже готовый конецъ мучительныхъ событій. Ипполитъ вздохнулъ, перекрестился и промолвилъ вслухъ:

— Бѣдный человѣкъ!—а въ душѣ подумалъ:—„да, если бы это было такъ, если бы онъ, въ самомъ дѣлѣ, никогда уже больше сюда не приходилъ!“

Остается прибавить, что дѣдъ Яковъ удивительнымъ образомъ оказался пророкомъ. Онъ дѣйствительно умеръ въ святую недѣлю на третій день Пасхи. Ипполитъ приказалъ исполнить его завѣщаніе. Его похоронили на восточной сторонѣ деревенскаго кладбища, а на могилѣ его поставили крестъ и посадили молоденькую иву.

Геннадій въ самомъ дѣлѣ исполнилъ свое обѣщаніе. Онъ ни разу больше не являлся въ усадьбу. Но года черезъ два до насъ дошли вѣсти, что онъ умеръ гдѣ-то въ канавѣ за городомъ.

ПОСЛѢДНЯЯ МЫСЛЬ ПРОМЕТЕЯ.

Вдали отъ блеска дня, вдали отъ шума,
Я жилъ не годъ, не два, а сотни лѣтъ.
Тюремщикъ злой всегда молчалъ угрюмо,
Онъ мнѣ твердилъ одно лишь слово:—Нѣтъ.
И я забылъ, что въ мірѣ дышитъ свѣтъ,
И я забылъ, что значать звуки смѣха.
Я ждалъ—чего-то ждалъ—хоть новыхъ бѣдъ.
И мнѣ одна была дана угѣха:

Крича, будить въ тюрьмѣ грохочущее эхо.

Въ умѣ вставали мысли прежнихъ дней,
И гасли вновь, какъ бѣглыя зарницы,
Какъ проблески блуждающихъ огней,
Какъ буквы строкъ сжигаемой страницы.
И, вмѣсто нихъ, тянулись вереницы
Насмѣшливыхъ окрававлённыхъ сновъ:
Какъ хищныя прожорливыя птицы,
Какъ полчища уродливыхъ враговъ,
Неслись они ко мнѣ, на звонъ моихъ оковъ.

И все жъ во мглѣ безбрежнаго страданья
Зажегся блескъ, зажегся наконецъ:
Въ тиши вѣковъ кипучія рыданья
Взлетѣли сверкающей вѣнецъ.
И первый лучъ смѣлся, какъ гонецъ
Моей весны, душистаго разсвѣта.
Со вздохомъ я привѣтствовалъ конецъ
Ночной тоски, въ пустынѣ безъ отвѣта,
И видѣлъ взглядъ любви, и слышалъ гулъ привѣта.

И вотъ я вновь живу среди людей,
Подъ солнцемъ ослѣпительно-лучистымъ,
И вижу я дѣтей, моихъ дѣтей,
Внимаю въ полдень птичкамъ голосистымъ,
Роптанью травъ, струямъ кристально-чпстымъ.
Но я опять вернулся бы въ тюрьму,
Къ ущельямъ скаль, безжизненнымъ и мглистымъ,
Когда бы зналъ, что, выбравъ скорбь и тьму,
Я съ чьей-нибудь души тяжелый грѣхъ сниму!

Н. Бальмонтъ.

КОСМОПОЛИТИЗМЪ И НАЦИОНАЛЬНЫЯ ЛИТЕРАТУРЫ.

Статья Брюнетьера, пер. съ французскаго Т. Крыль.

Слишкомъ полтора ста лѣтъ тому назадъ, въ 1726 году, Вольтеръ, первый изъ французовъ, проникъ, если можно такъ выразиться, въ самую священную глубь шекспировскаго лѣса. Онъ дѣлалъ видъ, что чувствуетъ себя тамъ совершенно хорошо—это былъ человѣкъ смѣлый, но не трудно было замѣтить, что онъ вступилъ въ незнакомый мѣръ; онъ вынесъ отсюда «Заиру»; но стоитъ перечитать его «Англійскія письма», чтобы убѣдиться, какъ часто восхищеніе граничитъ съ изумленіемъ, а иногда просто съ недоумѣніемъ. Восемьдесятъ лѣтъ спустя, въ 1810 году, г-жа Сталь, въ своей книгѣ «L'Allemagne» (Германія), не побоялась противопоставить и даже предпочесть Корнею, Расину, самому Вольтеру не только Шекспира, но даже Оссіана, Гёте и Шиллера. Искренно страпась безплодности, которая, по ея мнѣнію, угрожала нашей литературѣ, она заявляла, что видитъ единственное средство спасенія въ знакомствѣ съ «сѣверными литературами». Наконецъ, въ наши дни мы принимаемся совершенно просто, какъ за вѣчто родное, за романъ Толстого или Достоевскаго, за «Анну Каренину» или «Преступленіе и наказаніе». Если драмы Ибсена «Архитекторъ Сольнесъ» или «Дикая утка» и поражаютъ насъ съ перваго взгляда, то мы быстро умѣемъ вызвать въ себѣ настроеніе, необходимое для пониманія ихъ, и ни норвежцы, ни русскіе не представляются намъ людьми иной расы.

Вотъ въ нѣсколькихъ словахъ вся исторія того, что называютъ теперь «литературнымъ космополитизмомъ».

По этому поводу возникъ вопросъ, слѣдуетъ ли радоваться такому расширенію нашего умственнаго горизонта, или будетъ приличнѣе разразиться патріотическими жалобами? Замѣтимъ кстати, что сторонники послѣдняго мнѣнія обыкновенно не знаютъ ни англійскаго, ни нѣмецкаго, ни русскаго, ни норвежскаго языка.

Конечно, это простое совпаденіе, «чистая случайность». Я ограничусь замѣчаніемъ, что противники космополитизма недостаточно основательно изучили причины этого явленія, основной характеръ французской литературы и тѣ выгоды, которыя мы постоянно извлекали изъ общенія съ иностранными литературами.

I.

Всѣмъ извѣстно, какъ часто въ наше время исторія и критика злоупотребляютъ понятіемъ или идеей народности; я, съ своей стороны, не имѣю намѣренія впадать въ противоположную крайность — отрицать, что данная литература можетъ въ нѣкоторомъ смыслѣ быть вѣрнымъ и характернымъ выраженіемъ духа извѣстной расы. Я признаю, что нѣтъ ничего болѣе «англійскаго», чѣмъ комедія Шекспира «Виндзорскія кумушки» или «Сонъ въ лѣтнюю ночь», ничего болѣе «испанскаго», чѣмъ autos'ы Кальдерона или «Видѣнія» Квеведо. «Государь» Макиавели также, конечно, вполне «итальянская» книга; «Wahlverwandschaft» несомнѣнно «нѣмецкій» романъ. И весьма возможно, что никакія другія слова не выразили бы такъ удачно самыя характерныя свойства этихъ великихъ произведеній. Конечно, на это можно замѣтить, что въ «Государь» менѣе «итальянскаго», чѣмъ лично «макиавелевскаго», а «Виндзорскія кумушки» не столько «англійское», сколько «шекспировское» произведеніе. Дѣйствительно, мы знаемъ только одного Шекспира и одного Макиавели. Это наводитъ на мысль, что ихъ свойства скорѣе личныя, чѣмъ обще-національныя. Сколько жителей Італіи, и даже Шампаньи, далеко не Лафонтены! Сколько бургундцевъ, а слѣдовательно, и французовъ — не Ламартины и не Боссюэты, а, пожалуй, Пироны! Но, повторяю, я не хочу отрицать «національныхъ литературъ», допуская, что онѣ служатъ выраженіемъ духа расы, а спрашиваю только, что же такое раса?

Замѣтьте, ни одинъ ученый, будь онъ анатомъ, фізіологъ или этнографъ, не въ состояніи отвѣтить мнѣ на этотъ вопросъ, оставаясь въ границахъ своей специальности. Одинъ ученый скажетъ мнѣ, что китайцы не англичане, а маори не германцы! Я и самъ догадывался объ этомъ, но вѣдь не въ томъ вопросъ. Вопросъ въ томъ, могутъ ли врожденныя и наследственныя свойства англичанина и китайца, такъ сказать, взаимно переходить одни въ другія? Эволюціонная теорія опрокинула или уничтожила тѣ границы, которыя старая естественная исторія ставила между видами. Было бы странно допустить, что время, случайность, обстоятельства и всѣ тѣ неизвѣстныя причины, которыя обнимаются словомъ есте-

ственный подборъ, могутъ изъ киноцефала или макака сдѣлать человѣка,—и не допускать въ то же время, что изъ китайца или японца онѣ могутъ сдѣлать француза или англичанина! Вѣдь на нашихъ глазахъ изъ смѣси англичанъ, ирландцевъ и нѣмцевъ, т. е. саксонцевъ, кельтовъ и германцевъ, создалась въ теченіе 50-ти лѣтъ американская раса. «Американская раса» существуетъ всѣ изслѣдователи подтверждаютъ это. Не слѣдуетъ ли изъ этого, что не одна кровь создаетъ расы? что онѣ являются въ дѣйствительности «историческими образованіями», изучать которыя можетъ только историкъ; сложными тѣлами, измѣнчивыми по самому существу своему; чѣмъ-то подвижнымъ, вѣчно-волнующимся, текущимъ, участвующимъ въ постоянномъ движеніи самой исторіи? — къ этому-то именно я и хотѣлъ придти.

«Благодаря увеличивающейся солидарности, которая объединяетъ міръ,—говорилось недавно,—въ наши дни создается общеевропейскій умъ, сокровищница культуры, идей и склонностей, общихъ всѣмъ интеллигентнымъ классамъ; вездѣ мы встрѣчаемъ одну и ту же одежду и одинъ и тотъ же умъ, подчиняющійся однимъ и тѣмъ же воздѣйствіямъ, въ Лондонѣ и Парижѣ, въ Римѣ и Петербургѣ. Мы найдемъ его даже гораздо дальше, на кораблѣ, пересѣкающемъ Тихій океанъ, на преріи, обрабатываемой эмигрантомъ, въ конторѣ, открываемой негодантомъ у антиподовъ». Только слѣпой можетъ отрицать это! Въ наше время Лондонъ или Парижъ ближе къ Риму, чѣмъ былъ сто лѣтъ назадъ Берлинъ къ Вѣнѣ. Границы не разрушены! Напротивъ, мы каждый день видимъ, какъ на нихъ выростають новыя укрѣпленія, новыя грозныя сооруженія; подъ Ла-Маншемъ не рѣшились провести туннель. Но, тѣмъ не менѣе, распространеніе и обменъ идей между двумя крайними пунктами Европы совершается теперь быстрѣе, чѣмъ сто лѣтъ тому назадъ между двумя сосѣдними провинціями, а въ этомъ заключается главная причина литературнаго космополитизма. Драматурги и романисты, поскольку они стремятся воспроизводить общественную жизнь, наблюдаютъ одинаковыя явленія въ Парижѣ и въ Лондонѣ, въ Берлинѣ и въ Петербургѣ, въ Бостонѣ и въ Филадельфіи. Кромѣ того, выработался одинаковый образъ мыслей обо всѣхъ вещахъ. А изъ этого общаго всѣмъ образа мыслей и одинаковаго образа жизни проистекаетъ и одинаковость чувствъ, которая, передаваясь изъ поколѣнія въ поколѣніе, стираетъ въ каждомъ изъ насъ наследственный, первоначальный отпечатокъ расы.

Раньше всего этотъ результатъ былъ подготовленъ международностью въ области промышленности и торговли. Конечно, въ

Марселѣ ѣдятъ еще «бульабесъ», а въ Калабріи все еще носятъ остроконечныя шляпы! Но, къ большому огорченію любителей «живописности» и мѣстнаго колорита, отъ края до края свѣта производятся, вывозятся и ввозятся одни и тѣ же продукты, удовлетворяютъ приходится однѣ и тѣ же потребности. По правдѣ сказать, въ Кельнѣ строятъ точь-въ-точь такъ же, какъ во Флоренціи, и дома, гдѣ мы теперъ живемъ, вездѣ одинаковы или почти одинаковы; ихъ архитектура, украшенія, обстановка комнатъ, обои, ковры, мебель—вездѣ одни и тѣ же. А «кушанья», развѣ они не вездѣ одинаковы? Скоро національныя блюда сохранятся только въ Африкѣ! Всѣ носятъ теперь одинаковую одежду, одинаковыя шляпки, одинаковую обувь, и для добыванія ихъ употребляютъ одинаковыя средства, т. е., иначе говоря, занимаются одинаковыми ремеслами. Прибавимъ, что и приемы, употребляемые въ этихъ ремеслахъ, одинаковы. Каменный уголь добывается изъ всѣхъ копей однимъ и тѣмъ же способомъ; на шелковыхъ фабрикахъ и въ Ліонѣ употребляются тѣ же приемы, что и въ Миланѣ: всякое улучшение, которое изобрѣтаетъ какой-нибудь химикъ или инженеръ, не долго остается его секретомъ или собственностью эксплуатирующей его компаніи. Говоря коротко, сотни милліоновъ людей современнаго человѣчества на разныхъ концахъ міра стремятся одинаковыми средствами къ однѣмъ и тѣмъ же цѣлямъ, отъ которыхъ ожидаютъ одинаковой пользы, одинаковыхъ выгодъ или удовольствій.

Въ то время, какъ международная торговля и промышленность вліяли на возникновеніе одинаковаго или почти одинаковаго образа жизни, международная наука, съ своей стороны, вырабатывала, пожалуй, еще болѣе однородный образъ мысли.

Неужели когда-нибудь, въ давно минувшія времена существовала французская физика и англійская физика, латинская химія и германская химія? Пожалуй, при желаніи, можно даже доказывать это. Китайская или индусская медицина, конечно, не то, что медицина европейская, и тѣ, кто придаетъ такое значеніе таинственной силѣ расы, поставлены въ необходимость находить разницу между неолатинской физиологіей и физиологіей англо-саксонской. Что касается критики, то, еще очень недавно, мы различали англійскую критику отъ французской, а нѣмецкую философію противопоставляли англійской. Можно безъ особеннаго труда доказать, что именно то, чего Вольтеръ не выносилъ въ Шекспирѣ, особенно восхищало англійскихъ критиковъ. Нельзя найти болѣе яркаго примѣра философовъ, кореннымъ образомъ отличающихся другъ отъ друга, какъ Шеллингъ и Томасъ Ридъ, Шопенгауэръ

и Дугальдъ Стюартъ. Все это измѣнилось на нашихъ глазахъ. Продолжаютъ ли англичане до сихъ поръ интересоваться преимущественно экспериментальной физикой, а нѣмцы трансцендентной метафизикой? Считаютъ ли они, что ихъ обязываетъ къ этому прошлое ихъ расы? Какъ разъ наоборотъ, именно въ Іенѣ и въ Берлигѣ вся философія въ настоящее время сводится къ «физиопсихологіи», а въ Оксфордѣ, по моему, слѣдуетъ искать послѣднихъ метафизиковъ. Это ли не новости! Англичане и нѣмцы помѣнялись вкусами и наклонностями. Но еще болѣе ново то, что всѣ они — англичане, нѣмцы, французы, итальянцы, норвежцы, русскіе — сознаютъ, что дѣлаютъ одно общее дѣло. Наука, — я беру это слово въ самомъ широкомъ его значеніи, — стала для нихъ не только руководительницей общественной жизни, но и верховнымъ безличнымъ закономъ въ области мысли, — тѣмъ, чѣмъ была когда-то религія. Споры и диспуты, безъ сомнѣнія, продолжаютъ. Это отъ того, что бывають ученые разнаго рода, что наука говоритъ далеко не все, что съ перваго взгляда кажется, будто она говоритъ не все то, что ей приписываютъ. Есть вопросы, которые не входятъ въ ея компетенцію и можно съ увѣренностью сказать — не войдутъ никогда. Абсолютъ никогда не будетъ найденъ на днѣ реторты. Но никакія разногласія и противорѣчія, никакіе споры и диспуты не помѣшаютъ создаться подъ эгидой науки умственному единенію, и мы смѣло можемъ утверждать, что никогда еще не царило такое единообразіе въ образѣ мысли, какъ теперь. Если рѣшенія поставленныхъ задачъ не всегда одинаковы, то методы, съ которыми приступаютъ къ нимъ, вездѣ одни и тѣ же. Какъ въ одномъ поясѣ земного шара въ одно и то же время года дуютъ одинаковые вѣтры, точно также и въ мірѣ духовномъ образуются одинаковыя теченія идей. — они одновременно растутъ, господствуютъ, прерываются, падаютъ и уходятъ въ землю.

Возможно ли, чтобы при одинаковыхъ условіяхъ это измѣненіе въ пріемахъ мысли и въ образѣ жизни не сопровождалось измѣненіемъ въ чувствахъ? Наши ощущенія, наши чувства мѣняются съ измѣненіемъ причинъ, вызывающихъ ихъ; возможно ли, чтобы преобладаніе въ теченіе долгаго времени одинаковыхъ идей и одинаковыхъ привычекъ не повлекло за собой и одинаковыхъ чувствъ? Это перевернуло бы всѣ законы природы и даже логики. Кто станетъ отрицать, что существуетъ зависимость, пожалуй, еще мало изслѣдованная и не вполне выясненная, но несомнѣнная — между возрастаніемъ числа самоубійствъ и увеличеніемъ пьянства? Переходя къ болѣе пріятнымъ картинамъ, кто станетъ отрицать, что во всемъ мірѣ представленіе о «счастливой жизни»,

а слѣдовательно, и мечты о будущемъ сдѣлались, приблизительно, одинаковыми? *Trahit sua quemque voluptas* *), гласитъ старая поговорка. Не трудно перечислить тѣ наслажденія, къ которымъ стремится современное человѣчество, при этомъ мы съ удивленіемъ увидимъ, что всѣ народы, подъ всѣми широтами, питаютъ совершенно сходственные желанія. Тѣ же кафе-шантаны и тѣ же пивныя, тѣ же прогулки за городъ и тѣ же пикники. Даже спортъ пріобрѣтаетъ международный характеръ,—разнаго рода с качки мячъ, лаунъ-тенисъ, велосипедъ. И всѣ одинаково увлекаются спортомъ, продѣлываютъ одинаковыя упражненія, соблюдаютъ одинаковыя правила. Какое же первое послѣдствіе этого? У насъ образуются одинаковыя тѣла, иногда даже съ одинаковыми недостатками и въ каждомъ изъ насъ стираются характерныя, отличительныя признаки расы.

«Въ мірѣ нѣтъ *человѣка*,—говорилъ Жозефъ де-Местръ,—я видѣлъ въ теченіе моей жизни французовъ, итальянцевъ, русскихъ,—благодаря Монтеスキю, я знаю даже, что можно быть персіанномъ,—но что касается *человѣка*, я утверждаю, что не встрѣчалъ его за всю свою жизнь: если онъ и существуетъ, то я въ всякомъ случаѣ его не знаю». Но если въ прежнія времена парадоксъ Жозефа де-Местра могъ содержать, и дѣйствительно содержалъ нѣкоторую долю истины, то теперь мы принуждены утверждать какъ разъ обратное. По тѣмъ соображеніямъ, которыя мы только-что привели, можно ожидать, что названія: англичане, французы, нѣмцы и итальянцы—будутъ въ скоромъ времени указывать только на политическія группы. Всѣ люди не сдѣлаются вслѣдствіе этого похожими другъ на друга, но различія не будутъ заключать въ себѣ ничего, или почти ничего этническаго: они будутъ исключительно индивидуальными. Тогда создастся «европейская раса». Конечно, ненависть и соперничество не сложатъ оружія, и, если въ то время вспыхнетъ европейская война, она будетъ не менѣе жестока, чѣмъ нынѣшняя война,—она, какъ сказалъ поэтъ, будетъ «хуже всякой гражданской».

И такъ, напрасны попытки задержать ростъ литературнаго космополитизма или *европеизма*, этотъ ростъ — какъ въ другой области ростъ демократизма—является однимъ изъ многихъ результатовъ, однимъ изъ частныхъ случаевъ, неизбежнымъ слѣдствіемъ общаго хода развитія современнаго человѣчества. Прогрессъ космополитизма неприятенъ только тѣмъ, кто ищетъ въ ли-

*) Каждый влечетъ его страсть.

тературѣ развлеченія отъ бездѣля и отъ скуки, тѣмъ гнѣбнымъ умамъ, которые не терпятъ никакихъ перемѣнъ въ своихъ привычкахъ. Романы Джоржа Эліота или Толстого, «Адамъ Бидъ» или «Анна Каренина», не могли не привести въ недоумѣніе читателей Поль-де-Кока или Пиго Лебрюна, этихъ пресловутыхъ представителей «старого гальскаго духа», а «Призраки» или «Кукольный домъ», которые удивили публику, любовавшуюся «Иностранкой» или «Женой Клода», совершенно скандализировали поклонниковъ Лабиша или Дювера и Лозанна. Но нельзя же вслѣдствіе этого позволить имъ выступать въ роли защитниковъ «французскаго духа», или «національной традиціи»! Если мы боимся восхищаться новымъ талантомъ, не обращая вниманія на его происхожденіе, если мы боимся, что, вслѣдствіе этого восхищенія, характерныя черты нашей литературы затеряются «въ туманахъ сѣвера» или засохнутъ «подъ звойнымъ солнцемъ юга», значить, мы плохо понимаемъ въ чемъ состоятъ эти самыя характерныя черты. Изъ всѣхъ литературъ современной Европы, наша французская меѣе всего потеряетъ и болѣе всего выиграетъ отъ развитія космополитическаго или общеевропейскаго духа.

II.

Мы гордимся, и, по справедливости гордимся, тѣмъ мирнымъ господствомъ надъ всемірной литературой, которое долгое время принадлежало намъ. Но что же такъ цѣнили и любили иностранцы въ нашей литературѣ? На какомъ основаніи интересовались они ею? Причины этого явленія могутъ быть историческія и географическія, несомнѣнно были и литературныя. Но, если такъ, то неужели мы настолько глупы и дерзки, что вообразимъ, будто англичане ставили нашихъ великихъ писателей выше своихъ собственныхъ: Декарта выше Бэкона, или Мольера выше Шекспира? Мы не можемъ точно также предполагать, что Расинъ или Лафонтенъ, Паскаль или Боссюэтъ—наши величайшіе художники слова—доставляли итальянцамъ болѣе живыя эстетическія впечатлѣнія, болѣе высокія наслажденія, чѣмъ ихъ собственные великіе писатели, Петрарка, Аріосто или Тассъ. Неужели мы можемъ себѣ представить, что соотечественники Сервантеса или Кальдерона учились «рыцарству», величію души, героизму у автора «Сида» и «Горациевъ»? Нѣтъ, безъ всякаго сомнѣнія, нѣтъ! Но съ давнихъ поръ наша литература была болѣе «гражданственной» изъ всѣхъ литературъ современной Европы; она всего болѣе заботилась о прославленіи, развитіи и усовершенствованіи всѣхъ «искусствъ»,

полезныхъ для человѣческой жизни». Другими словами: въ теченіе послѣднихъ трехъ столѣтій лучшія произведенія французской литературы разсматривали природу и исторію, какъ «функцію человѣка», человѣка, какъ «функцію общества», наконецъ, общество, какъ «функцію всего человѣчества». Поспѣшимъ объяснить, что мы подразумѣваемъ подъ этими математическими и, пожалуй, слишкомъ педагогическими формулами.

Разсматривать природу и исторію какъ «функцію человѣка», это значить—никогда не терять изъ вида, что достоинство какъ цивилизацій, такъ и отдѣльныхъ личностей измѣряется исключительно по тѣмъ услугамъ, какія они оказали человѣчеству; это значить—твердо помнить, что, хотя человѣкъ по отношенію къ природѣ и не представляетъ собою «государства въ государствѣ», однако, человѣчество живетъ, развивается и совершенствуется только при условіи борьбы съ природой. Человѣкъ есть животное, достаточно сильное, чтобы бороться съ природой, и онъ обязанъ дѣлать это. Объ этомъ забываютъ всѣ тѣ, кто восхищается, напримеръ, энергіей цезаря Борджія, какъ можно восхищаться свирѣпостью тигра, или, кто все прощаетъ Нерону ради красивыхъ фразъ, которыя можно о немъ сказать. Въ этомъ, какъ извѣстно, заключается великая ошибка романтиковъ,—автора «Эрнани» или «Антони», не говоря о прочихъ; эти писатели совсѣмъ не заботились о томъ, чтобы изображать природу и исторію, какъ «функцію человѣка»! Нѣкоторые изъ нашихъ классиковъ также обращали мало вниманія на это,—возьмемъ Корнеля, когда онъ писалъ «Теодору» или «Аттилу». Но остальные, всѣ остальные, всѣмъ своимъ талантомъ, всѣмъ своимъ геніемъ прославляли, какъ мы сказали—«искусства полезныя для человѣческой жизни». Что такъ старательно изгоняетъ изъ своихъ произведеній какой-нибудь Рабле или Монтень? Все, что не «человѣчно», что не входитъ само собой въ область гражданской жизни, что удовлетворяетъ только праздное любопытство, всѣ тѣ вопросы, прообразомъ которыхъ служить химера. Мудрость заключается въ томъ, чтобы стать человѣкомъ, а вся роль писателя—помогать въ этомъ своимъ ближнимъ. Не человѣкъ созданъ для искусства, для литературы, для политики, или даже для религіи, но, наоборотъ, религія, политика, литература и искусство созданы для человѣка. Софистъ былъ правъ, говоря: человѣкъ есть мѣра всѣхъ вещей, нужно только правильно понимать его. Каковы бы ни были вѣшнія силы, дѣйствующія въ природѣ и въ исторіи, мы познаемъ ихъ только въ ихъ отношеніяхъ къ намъ. Когда, ради болѣе точнаго опредѣленія, наука или философія отдѣляютъ, изолируютъ ихъ отъ насъ, противопоставляютъ ихъ намъ,

тогда онѣ являются лишь абстракціями. Литература должна постоянно напоминать намъ объ этомъ. Съ этою цѣлью она прилагаетъ къ нимъ мѣрку человѣка; это я и называю—изображать природу и исторію, какъ «функцію человѣка».

Даже я сказалъ, что наши великіе писатели изображали человѣка всегда, какъ «функцію общества», и, быть можетъ, именно это свойство особенно рѣзко отличало ихъ отъ великихъ писателей другихъ странъ. Мнѣ кажется, по крайней мѣрѣ, что въ Англіи, какъ и въ Испаніи, въ Италіи, также какъ и въ Германіи, на гений, и даже на талантъ, слишкомъ часто смотрѣли, какъ на средство выдвинуться, стать въ исключительныя условія. Тамъ какъ-то слишкомъ боятся общераспространенныхъ идей. «Громадное преимущество нѣмцевъ, — говоритъ въ одномъ мѣстѣ г-жа Сталь, — заключается въ независимости ума, въ индивидуальной оригинальности... Въ Германіи все независимо, все индивидуально... нѣтъ ни на что предустановленныхъ взглядовъ». Наши классики, наоборотъ, всегда ставили въ край угла то, что клонилося къ общей пользѣ, и этимъ именно объясняется симпатія къ нимъ даже иностранцевъ. Возьмемъ, для примѣра, басню Лафонтена, комедію Мольера, сатиру Буало. Впрочемъ, предметъ сатиры Буало слишкомъ ясенъ, на немъ не стоитъ останавливаться. Но что такое «Школа мужей» и «Школа женъ», какъ не разсужденія, и весьма основательныя разсужденія, о воспитаніи, какое слѣдуетъ давать женщинамъ для приготовленія ихъ къ будущему браку, а слѣдовательно, *въ интересахъ общества?* Что такое «Тартюфъ», если не разсужденіе, и очень искусно веденное, о томъ значеніи, какое слѣдуетъ придавать религіи *въ интересахъ общества?* Или, наконецъ, что такое «Мизантропъ», какъ не разсужденіе о тѣхъ жертвахъ, какія требуетъ отъ насъ *жизнь въ общество*. Такимъ образомъ, всѣ комедіи Мольера проникнуты общественнымъ интересомъ. Каждому извѣстно, что эти же интересы лежатъ въ основѣ басенъ Лафонтена, и единственно по этой причинѣ Лафонтенъ вовсе не является въ литературѣ XVII вѣка тѣмъ исключеніемъ, какииъ его часто хотятъ представить. Со временъ грековъ никакіе великіе писатели не говорили такъ мало о себѣ, какъ наши французскіе классики. Не только о своей личности, но даже о своихъ чувствахъ и идеяхъ они сообщаютъ только то, что можетъ представить общественный интересъ. Произведенія ихъ не всегда отличаются безукоризненной и высокой нравственностью, но они служатъ школой общественной жизни, «добрыхъ нравовъ», свѣтской мудрости. Они учатъ насъ искусству жить, учатъ насъ быть порядочными людьми. Это я называю изображать человѣка, какъ «функцію

общества»; мы увидимъ ниже, какъ это незамѣтно приведетъ къ изображенію общества, какъ «функціи человѣчества».

Кто можетъ опредѣленно сказать намъ, что хотѣлъ выразить Дантъ своей «Божественной комедіей», какая главная, основная цѣль ея, или какаѣ цѣли «Бури» Шекспира, «Донъ Кихота» Сервантеса? Можно, пожалуй, спросить себя, отдавали ли они сами себѣ отчетъ въ своей цѣли и насколько? или, можетъ быть, ихъ гениі дѣйствовали въ нихъ, какъ «сила природы», можетъ быть, они велики и, главное, оригинальны именно благодаря своему бессознательному творчеству. Между тѣмъ, цѣли, какія преслѣдовалъ Корнель или Мольеръ, одинъ въ «Гораціяхъ», другой въ «Тартюфѣ», Паскаль въ «Провинціальныхъ письмахъ», Боссюэтъ въ своей «Рѣчи о всемирной исторіи», эти цѣли ясны какъ день, и всякій школьникъ легко пойметъ ихъ. Каждое произведеніе Боссюэта есть въ то же время доброе дѣло, а онъ написалъ 40 томовъ! Очевидно, въ его умѣ идея служенія человѣчеству, которую онъ смѣшивалъ съ служеніемъ порядку—сливалась съ самымъ представленіемъ о литературной дѣятельности. Эта особенность нашей литературы выразилась наиболѣе ярко въ XVIII столѣтіи. Вольтеръ, импровизируя трагедію или сказку, «Магомета» или «Кандида», Монтескье, разрабатывая главу своего «Духа законовъ», Руссо, обдумывая одну изъ своихъ «Рѣчей», Дидеро, компилируя статью или наполняя страницы «Энциклопедіи»,—всѣ они имѣли въ виду практической результатъ, всѣ они стремились приблизить будущее общество къ идеалу болѣе человѣчному, по крайней мѣрѣ, съ ихъ точки зрѣнія. Всѣ эти писатели прежде всего люди, даже болѣе люди, чѣмъ французы, они пишутъ противъ общества во имя человѣчества. Считаютъ ли они дѣйствительно заблужденіемъ все, съ чѣмъ борются какъ съ предразсудкомъ? Не знаю. Они нападаютъ на традиціи, на обычаи, иногда даже на костюмъ, на все, что дѣлаетъ изъ человѣка продуктъ расы и среды, сына своего отца, уроженца извѣстной мѣстности, члена извѣстнаго сословія, гражданина извѣстной страны. Они нападаютъ на все, что мѣшаетъ развитію отвлеченнаго, безличнаго, всемирнаго разума. Но не потому ли именно ихъ читаютъ и понимаютъ, восхищаются ими, хвалятъ ихъ, подражаютъ имъ и въ Берлинѣ, и въ Неаполѣ, и въ Мадридѣ, и въ Петербургѣ? И нѣмцамъ, и русскимъ они говорятъ о томъ, что у всѣхъ ихъ есть общаго. Нѣтъ человѣческаго сердца, которое не забилося бы сильнѣе при звукѣ словъ Свобода и Справедливость! Я подразумеваю именно это, когда говорю, что они выражаютъ свой идеалъ, какъ «функцію человѣчества».

Всѣ другія объясненія сводятся къ тому же. Часто хвалятъ ясность, логичность и чистоту французскаго языка. Это совер-

шенно справедливо. Но вѣдь не языкъ французскій самъ по себѣ логичнѣе и яснѣе другихъ языковъ, а французская мысль; и она стала такой послѣ пяти или шестивѣковой работы надъ тѣмъ, чтобы сдѣлать себя понятной. Чтобы заставить понимать себя, наши великіе писатели употребляли одно только средство, самое вѣрное, самое естественное и самое «гражданское» (теперь умѣстно сказать это)—они говорили о томъ, что могло интересовать наибольшее число людей. «Вы, свѣтская женщина, или вы, мелкій буржуа, — обращаются они къ намъ, — не находите, что этотъ юридическій или богословскій вопросъ имѣетъ для васъ какое-либо значеніе или интересъ, вы предоставляете рѣшеніе его законникамъ и богословамъ! Мы покажемъ вамъ, что здѣсь дѣло идетъ о вашемъ покоѣ, о вашемъ состояніи, о вашей свободѣ, и чтобы доказать вамъ это, мы будемъ говорить съ вами на общепотребительномъ языкѣ, къ которому вы привыкли, на которомъ вы сами говорите». Такимъ образомъ, вмѣсто того, чтобы погружаться въ эгоистическое самосозерцаніе и писать для нѣсколькихъ посвященныхъ, они считали за честь увеличивать какъ можно больше число своихъ читателей. «Надо писать для всѣхъ,—повторяла Жоржъ Зандъ Флобэру, — для всѣхъ, кому нужны уроки». Вотъ чему насъ учатъ наши классики. Такимъ образомъ, мы видимъ, — наша литература, сохраняя свой національный характеръ, всегда была космополитической. Сказано не «по-французски» не значитъ, сказано неясно, а значитъ не сразу понимается; а что же не сразу понимается?—то, что слишкомъ «лично». Послѣ этого невольнаго отступленія, я возвращаюсь къ бесѣдѣ о вліяніи иностранныхъ литературъ на французскую.

III.

Знаете ли вы Жерома Патюро? Этотъ старый романтикъ, превратившійся въ національнаго гвардейца, различалъ въ политической экономіи двѣ школы: одну онъ называлъ «французской», а другую «общечеловѣческой», чтобы больше унижить ее, какъ онъ самъ выражался. Такъ какъ самъ онъ былъ продавецъ фланели, то всего интереснѣе онъ рассуждалъ о шерсти. «У насъ есть шерсть изъ Дербайшира,—восклипалъ онъ,—у насъ есть шерсть изъ Сеговіи, у насъ есть «курфирстная» шерсть изъ Саксоніи, всѣ онѣ почему-то производятся за-границей. *Это жаль, такъ какъ въ нихъ есть кое-что хорошее*; но это, конечно, не оправданіе, я не могу простить имъ, что они вздумали водиться не въ нашей прекрасной Франціи». Кажется, не слишкомъ дерзко будетъ сказать, что точно также рассуждаютъ нѣкоторые изъ самозванныхъ

*

защитниковъ нашихъ традицій. Они также не отрицаютъ, что и у Толстого, и у Ибсена есть «кое-что хорошее», но они не могутъ простить этимъ авторамъ, что тѣ писали «не во Франціи», и вотъ они смѣло, хотя не безъ сожалѣнія, превращаютъ литературный вопросъ въ вопросъ патріотизма. Если наша литературная роль состояла въ томъ, что мы являлись посредниками при обмѣнѣ идей, что мы придавали этимъ идеямъ, каково бы ни было ихъ происхожденіе — англійское, итальянское, нѣмецкое, испанское, восточное, арабское, пожалуй, хоть китайское—видъ, форму и выраженіе, необходимыхъ для превращенія ихъ во всемірную мѣновую цѣнность; если, повторяю, такова наша роль, то они даже съ патріотической точки зрѣнія сильно заблуждаются относительно средствъ, какими можно расширить господство, вліяніе и область распространенія французской литературы. Мы сами латинскаго происхожденія, и намъ нечего подсмѣиваться, когда заходитъ рѣчь о возрожденіи латыни. Что касается «сѣверныхъ литературъ», то хотя теперь не время Гёте и Байрона, но мы все-таки измѣняемъ нашимъ истиннымъ традиціямъ именно тогда, когда призываемъ «французскій духъ» на борьбу съ ними. Если намъ удастся когда-нибудь вернуться къ этимъ традиціямъ, то именно сѣверныя литературы совершатъ это чудо; вотъ это-то я и хочу доказать теперь

Что можетъ быть болѣе несогласно съ нашими традиціями, я хочу сказать съ завѣтами Корнеля, Паскаля, Вольтера, и даже Руссо, чѣмъ поклоненіе искусству для искусства, чѣмъ суевѣрное уваженіе къ художественному слогу, чѣмъ фальшивое идолопоклонство передъ формой, верховнымъ жрецомъ котораго былъ авторъ «Госпожи Бовари»? «Честь и поклоненіе божественному совершенству формы!»—говорила Джоржъ Эліотъ, и это несомнѣнно справедливо. Но кого дурачилъ этотъ мистификаторъ Боделаръ, утверждая, что онъ видитъ въ словѣ блескъ «равный сверканью спутанныхъ волосъ кометы»? А Флоберъ, понималъ ли онъ самого себя, когда разсуждалъ, можетъ ли книга, «независимо отъ того, что въ ней говорится», обладать высшей красотой? Въ наше время литературы Сѣвера внушили цѣлому поколѣнію молодежи, которая забыла это, что писать надо не для того, чтобы писать, или чтобы описывать, а для того, чтобы дѣлать дѣло,—не для себя одного, не для нѣсколькихъ посвященныхъ, а для всего міра. Какимъ слогомъ написаны романы Толстого и драмы Ибсена? Я не знаю. Но разъ въ переводѣ они производятъ такое же, если не большее дѣйствіе, возбуждаютъ такое же волненіе, оказываютъ такое же вліяніе, какъ на родномъ языкѣ,—приходится признать, что тайная форма не тамъ, гдѣ ее помѣстила, гдѣ ея искала романтическая риторика. Приходится признать, что искусство не можетъ служить

само для себя предметомъ и цѣлью, и что отдѣлять драму или романъ отъ жизни, по сколько они служатъ воспроизведеніемъ ея, значить лишать смысла самое существованіе ихъ. Тому же самому учили насъ и наши классики; во имя какого же узкаго патріотизма откажемся мы снова отъ ихъ завѣта? Идеи приходятъ и уходятъ, онѣ растутъ и измѣняются; пока мы сами отказываемся отъ своихъ традицій, ими овладѣвають другія литературы, развиваютъ ихъ, дѣлаютъ, въ свою очередь, своими,—развѣ онѣ перестали вълѣдствіе этого быть нашими? Конечно, нѣтъ! Лишній опытъ подтвердилъ только вѣчную истину.

Если нашимъ литературнымъ традиціямъ противорѣчитъ теорія искусства для искусства, то еще болѣе противорѣчитъ имъ горделивый и наивный субъективизмъ. Я уже много разъ говорилъ, что ничего не имѣю противъ авторовъ «Осеннихъ листьевъ» и «Рюв Блаза» (В. Гюго) или «Валентины» и «Индіаны» (Ж. Зандъ), за то, что они искали вдохновенія исключительно въ самихъ себѣ. Оставаясь тѣмъ, чѣмъ они были, они не могли дать ничего большаго. Кромѣ того, можно восхищаться тѣмъ, чего не одобряешь, и мнѣ было бы жаль, если бы Викторъ Гюго и Жоржъ Зандъ стали иными, чѣмъ были. И все-таки они показали очень дурной примѣръ. Въ противоположность имъ, современныя литературы Сѣвера характерны именно тѣмъ, что авторъ занимаетъ чрезвычайно мало мѣста въ своемъ произведеніи. «Мельница на Флоссѣ» далеко не исповѣдь Джоржа Эліотъ. Толстой въ «Аннѣ Карениной» старается тронуть насъ не своей собственной судьбой. Личность Ибсена не выступаетъ передъ нами въ «Кукольномъ домѣ». И кто станетъ отрицать, что въ этомъ именно одна изъ причинъ ихъ успѣха? Всѣмъ надоѣли разныя «исповѣди» дѣтей вѣка. Эти «дѣти вѣка» злоупотребили правомъ повѣствовать намъ о своихъ любовныхъ перипетіяхъ. Мы вполнѣ увѣрены, что есть несчастія, гораздо хучпія, чѣмъ несчастія Олимпія. Наши классики тоже знали это, но они знали также, что невѣжливо, непорядочно говорить постоянно о себѣ. Если иностранцы также замѣтили это, и если въ литературахъ, которыя справедливо слыли за самыя индивидуалистичныя, я утратило свое первенствующее значеніе, то намъ ли жаловаться на это? Почему же опасно для «французскаго духа» опять сдѣлаться тѣмъ, чѣмъ ему никогда не слѣдовало переставать быть?

Когда предметомъ искусства служить что-нибудь болѣе общее и менѣе эгоистичное, чѣмъ проявленіе таланта самого художника или личности отдѣльнаго человѣка, когда вниманіе обращается на социальныя вопросы,—развѣ это не чисто французское, не чисто классическое направленіе? Флоберъ и Боделеръ смѣялись

надъ этимъ,—я опять принужденъ говорить о нихъ, такъ какъ многіе современные писатели считаютъ именно ихъ своими учителями. Они видятъ высшее торжество искусства въ его безцѣльности. Они чужды и равнодушны къ остальному человѣчеству, для нихъ не существуютъ вопросы, которые интересуютъ насъ, которые составляютъ основу современной жизни. Они идутъ впередъ въ горделивомъ опьяненіи, которое принимаютъ за идеалъ красоты. А между тѣмъ, въ сѣверныхъ литературахъ вотъ уже столѣтія какъ писатели пользуются своимъ гениемъ или талантомъ, чтобы проводить «идеи». Да, «Адамъ Бидъ»—это «идея». Если когда-нибудь литературное произведеніе имѣло ясно выраженное намѣреніе доказать что-нибудь, то это, конечно, «Дикая утка» Ибсена. Гдѣ можно найти болѣе очевидную «идею», чѣмъ въ «Крейцеровой сонатѣ»? Вотъ еще причина успѣха «сѣверныхъ литературъ». Толстой настолько уважалъ своихъ читателей, что отдавалъ на ихъ судъ самыя интимныя свои мысли. Ибсенъ столько же моралистъ, сколько драматургъ. Будетъ ли оскорбленіемъ для Джоржа Эліота, если я скажу, что такой-то романъ ея является проповѣдью позитивизма? Это все литература «соціальная», а иногда и «соціалистическая». Но если употреблять послѣднее слово въ смыслѣ противоположномъ «индивидуализму» и «эгоизму», то оно всего болѣе, какъ мы видѣли, примѣнимо къ нашей французской литературѣ. Развѣ не идеи проводятся въ трагедіяхъ Корнеля въ «Гораціяхъ» и въ «Полиэвктѣ», въ комедіяхъ Мольера, въ его «Тартюфѣ» или въ его «Ученыхъ женщинахъ»? Надо ли напомнить «Провинціальныя письма» Паскаля или «Проповѣди» Боссюэта? Назовемъ еще сказки Вольтера, которыя также проводятъ «идеи», его «Задигъ», напримѣръ, или «Кандидъ», и романы Руссо, «Эмиль» или «Новая Элоиза». Всѣ эти писатели считали невозможнымъ изображать жизнь, не произнося надъ ней своего сужденія, не пытаясь улучшить ее или внести въ нее больше справедливости и любви. Неужели мы будемъ упрекать сѣверныя литературы за то, что онѣ предпочли такое повиманіе искусства и литературы? Это значило бы, упрекать ихъ за то, что онѣ предпочли наши традиціи всѣмъ другимъ, и, въ доказательство своего патріотизма, —сожалѣть о томъ, что намъ подражаютъ.

Можно ли заключить изъ этого, что мы должны *во всемъ* подражать «сѣвернымъ литературамъ»? Создать себѣ душу «скандинавскую» или «русскую», написать славянскую «Саламбо» или вывести на сцену норвежскихъ «Рюи Блазовъ»? Это значило бы повторить ошибку романтиковъ. Разъ къ нашему спору пригѣшивается патріотизмъ, надобно сказать, что, такъ какъ мы рождены французами, мы должны писать французскіе драмы и романы, а

не русскіе и не кареагенскіе. Такъ какъ, кромѣ того, Ибсены и Толстые имѣютъ свои недостатки, также какъ Дюма и Бальзаки, то мы не будемъ считать эти недостатки за достоинства. Главное же, мы не будемъ ставить въ вину всей сѣверной литературѣ вообще такіе недостатки, какъ, на примѣръ, неправильность построения или неясность слога, которые составляютъ личную погрѣшность извѣстнаго драматурга или романиста. Красота «Бури», что бы ни говорили, зависитъ не отъ ея туманности, «Отелло» не сталъ менѣе англійскимъ оттого, что онъ вполне ясенъ. И такъ, наши молодые люди ошибаются и поступаютъ не слишкомъ вѣжливо, воображая, что становятся настоящими сѣверянами, какъ только начинаютъ выражаться совершенно непонятно. Когда романисты, драматурги или поэты, сѣверные или южные, сообщаютъ намъ о насъ самихъ или о всемъ человѣчествѣ новыя данныя, новыя или по точкѣ зрѣнія автора, или по изображаемымъ имъ правамъ, а мы отказываемся пользоваться этимъ, обогащать и себя, и сокровищницу европейской литературы изъ-за того, что психологія этихъ произведеній не такова, какъ у автора «Итальянской соломенной шляпы» или даже «Габріэли» и «Молодости»,—тогда-то именно мы и измѣняемъ своимъ собственнымъ традиціямъ. Мы оказываемся неблагодарными относительно нашихъ переводчиковъ, компиляторовъ, критиковъ и оригинальныхъ писателей, относительно Корнеля на примѣръ, который, такъ сказать, похитилъ славу «Сида» у Испаніи, или Руссо, который своей «Новой Элоизой» создалъ европейскую извѣстность Самуилу Ричардсону.

Слѣдовало бы, можетъ быть, дольше остановиться на этомъ вопросѣ. Всѣ исторіи французской литературы повторяютъ болѣе или менѣе добродушныя насмѣшки надъ нашимъ исконнымъ равнодушіемъ къ иностраннымъ литературамъ; конечно, иностранцы поспѣшили повѣрить намъ на слово. Какъ будто, начиная съ автора «Гептамерона» и кончая авторомъ «Жиль Блаза», мы не старались ввести въ свою литературу, приспособить къ своимъ національнымъ требованіямъ и итальянскую сказку, и разбойничій испанскій романъ, не говоря уже о театрѣ. Развѣ тотъ самый Вольтеръ, котораго такъ часто обвиняютъ за то, что онъ назвалъ гдѣ-то Шекспира «пьянымъ дикаремъ», развѣ не онъ первый познакомилъ съ Шекспиромъ Францію, и даже Германію? Въ то время иностранцы интересовались нами—потому что мы были Франція Людовика XIV, мы были самымъ популярнымъ, самымъ богатымъ, самымъ благоустроеннымъ народомъ Европы—они интересовались нами и не интересовались другъ другомъ. Кто въ то время во Флоренціи подозрѣвалъ о существованіи Поппа или Адесса, или кто въ Берлинѣ, Лейпцигѣ думалъ о Кальдерасѣ и

о Лопе-де-Вега! А теперь мнѣ не трудно найти нѣмцевъ, которые восторгаются проповѣдями Массильона, которые знаютъ, что такое *Lazarille de Tormes*. Напожнимъ же это другимъ и не будемъ сами забывать. Мы, французы, первые поняли необходимость для великой литературы смотрѣть дальше границъ своего государства. Мы сдѣлали больше. Въ то время, какъ Берлинская академія изслѣдовала причины всемірнаго распространенія французскаго языка и увѣчивала Ривароля за его рѣчь по этому поводу, мы первые убѣдили Европу, что вѣкъ Людовика XIV не образецъ совершенства, выше котораго нельзя подняться. Наконецъ, мы же положили начало въ наше время литературному космополитизму, и не думаю, чтобы намъ слѣдовало раскаиваться въ этомъ.

Мы можемъ быть покойны: всегда найдется достаточно французовъ, читающихъ «Короля горъ» и аплодирующихъ «Ганьотъ». А если когда-нибудь беззаботная веселость, сверкающая въ такого рода водевиляхъ, затуманится отъ соприкосновенія съ обычной меланхоліей Сѣвера или Юга (Югъ также имѣетъ свою меланхолію, свою грусть, и Леопарди никакъ нельзя назвать веселымъ писателемъ), то, по моему, въ этомъ не будетъ ничего дурного. Если подъ влияніемъ причинъ, которыя я старался указать, литературный космополитизмъ распространится еще болѣе, и если ему удастся потушить кровавую вражду, которую породило между людьми различіе расъ,—я увижу въ этомъ большой выигрышъ для цивилизаціи и для всего человѣчества. Людямъ никогда не уничтожить той борьбы, которую поддерживаютъ и оживляютъ ежедневно столкновенія ихъ страстей и ихъ идей. Да и нужно ли желать, чтобы эта борьба уничтожилась? Есть «борьба справедливая», хотя нѣтъ справедливой вражды. Но «расовая» вражда, самая ужасная изъ всѣхъ, имѣетъ въ себѣ нѣчто животное, если можно такъ выразиться, нѣчто въ высшей степени безчеловѣчное. Она нѣсколько утратила въ нашъ вѣкъ свою жестокость и, повидимому, возрождается лишь по временамъ, черезъ болѣе долгіе промежутки. Мы обязаны энергично, неуклонно стараться усыпить, успокоить, уничтожить ее, и если развитіе литературнаго космополитизма приведетъ къ одному этому результату, — мы заранѣе привѣтствуемъ его. Нужно ли прибавлять, что посвятить себя столь великой задачѣ есть роль вполне достойная литературы. Древніе, цивилизація которыхъ стояла несомнѣнно ниже нашей, выражали именно эту мысль, говоря, что многое можно назвать гуманнымъ, но литература гуманна по преимуществу: *humaniores literae*.

Изъ «*Revue des Deux Mondes*».

НЕБЛАГОДАРНЫЙ.

Соч. Уида.

Переводъ съ англійскаго М. Коршъ.

(Окончаніе *).

Оставшись одинъ въ первый день своего приѣзда, Росковъ первымъ дѣломъ сбросилъ сюртукъ и жилетъ, сѣлъ на стулъ и, закрывъ лицо руками, зарыдалъ, какъ ребенокъ. Онъ чувствовалъ себя заключеннымъ въ тюрьму.

А Максъ? А Пепинъ?

Развѣ они не были такъ же несчастны, какъ и самъ онъ? Не бесплодна ли была принесенная имъ жертва? Вальбраншъ настоялъ на томъ, чтобы старикъ не видѣлъ ребенка въ теченіе двухъ недѣль, чтобы не тревожить его слишкомъ рано въ его новомъ училищѣ, но Росковъ чувствовалъ, что нѣжный мальчуганъ несчастенъ, такъ же несчастенъ, какъ и террьеръ, рвавшійся съ цѣпи въ кухнѣ фермы

— Мой маленькій Максъ! Мой маленькій Максъ!—разъ двадцать повторилъ Росковъ, и крупныя слезы потекли по костлявымъ пальцамъ его сомкнутыхъ рукъ.

Время шло, но онъ не могъ отдать себѣ отчета, были ли то минуты, часы или дни; вдругъ рѣзкій стукъ въ затворенную дверь вывелъ его изъ оцѣпенѣнія.

— Что вамъ нужно?—спросилъ онъ, не двигаясь.

— Развѣ вы не слышали звонка, сударь? Управляющій приказалъ меня сказать, чтобы вы шли обѣдать,—сказалъ голосъ черезъ замочную скважину.

— Я не хочу обѣдать. Уходите!

---

*) См. «Миръ Божій», № 11.

— Но вы должны обѣдать, сударь. Здѣсь всѣ обѣдаютъ за общимъ столомъ.

— Я не голоденъ, говорю вамъ, и убирайтесь!

Слуга продолжалъ упрашивать, но напрасно. Росковъ не шевелился. Обѣдъ подали безъ него, а онъ легъ спать, ничего не поѣвъ въ этомъ домѣ, гдѣ четверо поваровъ съ поварятами были заняты приготовленіемъ пищи для жильцовъ Монъ-Парнаса и для болѣе важныхъ лицъ—распорядителей и служащихъ.

Утромъ Роскову было сдѣлано внушеніе и высказана была надежда, что онъ больше ужъ не будетъ дуться; уклоненіе отъ общаго обѣда было нежелательно и дозволялось только въ случаѣ серьезной болѣзни, засвидѣтельствованной врачомъ, состоящимъ при заведеніи.

— Даже звѣрямъ въ зоологическихъ садахъ разрѣшается съѣдать или оставлять свои порціи,—возразилъ неблагодарный старикъ, — но мы, я понимаю, ничтожнѣе ихъ: они болѣе или менѣе рѣдки, а бѣдные люди встрѣчаются такъ часто.

Секретарь, посланный къ нему съ цѣлью внушить ему, что онъ долженъ съѣдать то, что предлагается ему благотворительнымъ учрежденіемъ, былъ такъ же возмущенъ его отвѣтами, какъ и управляющій, и вышелъ отъ Роскова, размышляя о томъ, что сумасшедшіе дома имѣютъ нѣкоторыя преимущества передъ богоугодными заведеніями, ибо въ первыхъ, въ случаѣ необходимости, можно прибѣгать къ ледянымъ душамъ, смвирительнымъ рубалкамъ и другимъ способамъ убѣжденія.

— Я пойду навѣстить Пепина,—подумалъ Росковъ, оставшись одинъ.

Въ окно была видна только голая стѣна, но онъ видѣлъ, что свѣтитъ солнце. Онъ не ѣлъ съ полудня вчерашняго дня, но къ посту онъ привыкъ; онъ пилъ только воду изъ стеклянаго кувшина, стоявшаго на столѣ посреди комнаты.

Онъ взялъ шляпу и спустился внизъ, держа въ зубахъ зажженную трубку; одинъ изъ слугъ почтительно остановилъ его.

— Извините, сударь, но развѣ вы не прочли правилъ? Курить разрѣшается только въ курительной комнатѣ.

Росковъ выругался, продолжалъ идти своей дорогой, и даже не взглянулъ на слугу, сидѣвшаго въ большомъ залѣ внизу.

— Вчера вечеромъ слышенъ былъ запахъ вашей трубки, сударь, и мнѣ приказано обратить ваше вниманіе на...

— Я ухожу,—сказалъ Росковъ.

— Даже и въ этомъ случаѣ не позволяется зажигать сигару или трубку въ стѣнахъ дома. Надѣюсь, сударь, вы заявля въ конторѣ о своемъ намѣреніи уйти?

— Въ какой конторѣ? И къ чему?

— Это одно изъ правилъ, сударь. Таблица правилъ повѣшена въ каждой комнатѣ. Когда одинъ изъ жильцовъ уходитъ на прогулку, онъ заявляетъ объ этомъ въ контору, и если онъ желаетъ вернуться позже пяти часовъ, то долженъ получить на то разрѣшеніе.

— Остановить мнѣ его?—шепнулъ швейцаръ слугѣ, говорившему съ сѣдымъ мятежникомъ, и не знавшему, какъ поступить съ нимъ.

— Нѣтъ, пусть его идетъ на этотъ разъ,—сказалъ наконецъ слуга.—Я доложу управляющему. Онъ приметъ мѣры къ тому, чтобы подобная непокорность не повторилась.

— Что за скверный табачище у этого старика! Кѣмъ онъ былъ прежде? Художникомъ? Онъ больше похожъ на моряка, знакомаго съ бурями.

И швейцаръ съ презрѣніемъ поглядѣлъ на удалявшуюся фигуру Роскова, который никогда не утрачивалъ сходства съ своею роднею—моряками, хотя и жилъ столько времени въ большомъ и великолѣпномъ городѣ.

Онъ никогда не чувствовалъ влеченія къ искусственнымъ потребностямъ и золотымъ цѣпямъ роскошной и гладкой жизни, какъ многіе изъ его современниковъ, также выросшихъ въ дымныхъ хижинахъ на черномъ хлѣбѣ.

— Все это годно для бабъ! — говорилъ онъ обыкновенно съ добродушнымъ негодованіемъ, глядя на восточныя ткани, на персидскія мѣдныя украшенія, на издѣлія изъ русской кожи и слововой кости, на индійскія шелковыя матеріи, на бронзу, ковры, атласы, шелки и тропическія растенія въ теплыхъ и накуренныхъ благоуханіями мастерскихъ своихъ товарищей. Когда въ его распоряженіи была большая, холодная, комната, похожая на сарай, съ большимъ окномъ, обращеннымъ на сѣверъ, онъ считалъ себя счастливымъ. Роскошь всегда была ему противна, надѣдала ему и давила его. Въ первыя пятнадцать лѣтъ своей жизни онъ во всякую погоду бѣгалъ босикомъ по песку и по скаламъ, по горячимъ камнямъ и по соленымъ лужамъ на берегу моря.

Даже въ тѣ дни, когда цѣлая толпа восторженныхъ учениковъ называла его «дорогимъ учителемъ», и когда богачи перебывали другъ у друга его самые маленькіе холсты, онъ по внѣшнему виду не переставалъ походить на своихъ предковъ—рослыхъ, грубоватыхъ, широкоплечихъ, бородатыхъ людей, привыкшихъ бороться съ вѣтромъ и волнами и въ снѣгъ, и въ бурю.

Росковъ вышелъ изъ Монъ-Парнаса, и въ душѣ его бушевала ярость. Въ первый разъ въ жизни отъ него потребовали послушанія. Кровь кипѣла въ его жилахъ: старость еще не научила ее течъ лѣниво и медленно при оскорбленіи.

Правила! Правила!

Богатые и свободные люди знаютъ, какъ раздражаютъ правила и предписанія въ гостинницахъ и клублахъ, которые они могутъ покинуть, когда угодно. Но если эти запрещенія являются булавками, воткнутыми въ большое тѣло, нитями толще веревокъ, которыми былъ привязанъ безпомощный Гулливеръ, то нельзя ни измѣрить всей доставляемой ими пытки, ни отрицать ихъ способности свергнуть здороваго человѣка въ безуміе или ввести въ преступленіе.

— Мужества побольше! это все пустяки!—говорилъ Росковъ самъ себѣ, идя по дорогѣ.—Надо дѣйствовать въ надлежащемъ духѣ, какъ заявилъ мнѣ вчера этотъ управляющій.

Не успѣлъ онъ отойти по дорогѣ настолько, чтобы потерять изъ виду большой бѣлый домъ, сдѣлавшійся его тюрьмою, какъ вдругъ увидѣлъ быстро бѣгущую ему на встрѣчу женскую фигуру и узналъ Жанну Жерве, жену фермера, у которой онъ оставилъ Пепина.

— Гдѣ собака?—закричалъ онъ, прежде чѣмъ женщина добѣжала до него.

— О, господинъ Росковъ!—закричала она въ отвѣтъ.—Я пришла сказать вамъ, что мы посадили ее въ сарай, положили ей соломы и поставили ей хорошій ужинъ, потому что въ кухнѣ мой мужъ не могъ слышать ея воя; мы заперли сарай крѣпко-на-крѣпко, но сегодня утромъ, когда мы вошли туда, чтобы накормить собаку, ея уже не было; она прогрызла и проскребла дыру въ двери, кругомъ лежали щепки и мелкіе кусочки дерева, и собака должно быть пролѣзла въ дыру и убѣжала. Я пришла спросить, не у васъ-ли она?

Росковъ издалъ звукъ, похожій не то на ругательство, не то на вздохъ.

— Бѣдняга Цепинъ вѣрно побѣжалъ въ Парижъ, домой—онъ никогда въ жизни не зналъ другого жилища, кромѣ чердака въ Тампль!

— Зачѣмъ вы посадили его въ сарай?—прибавилъ старикъ съ гнѣвомъ.—Развѣ вы не могли сдержать слова хоть одинъ день? Вѣдь вы обѣщали не отпускать его отъ себя.

— Но, голубчикъ,—сказала женщина дрожа,—я въ домѣ не одна, какъ вамъ извѣстно. Мой мужъ и мои сыновья не могли вы-

носить его воя; они тяжело работают, и ночью имъ нуженъ отдыхъ; къ тому же, сарай былъ запертъ. Какъ могли мы думать, что маленькій звѣрекъ можетъ дѣйствовать зубами, какъ плотникъ своими инструментами? Придите и посмотрите сами, что онъ надѣлалъ.

— Я пойду въ городъ. Его могла схватить полиція. Собакъ забираютъ и уничтожаютъ, какъ гадовъ.

Росковъ повернулъ назадъ по направленію къ Сенѣ, не обращая вниманія на женщину. Она, всхлипывая, побѣжала за нимъ.

— Если вы найдете собаку, приведите ее къ намъ. Мы съумѣемъ лучше позаботиться о ней...

Но онъ все шелъ, не слушая ея и не оборачиваясь. Сердце его сжималось при мысли о его маленькомъ товарицѣ. На прежней квартирѣ Пепина никто не видалъ. Гдѣ же онъ могъ быть? Какъ найти его? За это время онъ могъ забѣжать очень далеко. Старая служанка позволила Роскову посидѣть въ своемъ чуланѣ и подождать Пепина. Комнатка старика была уже сдана другимъ жильцамъ—трубочисту съ семьєю.

— Если онъ прибѣжитъ, вы присмотрите за нимъ?—сказалъ Росковъ старухѣ, напрасно прождавъ нѣсколько времени.

Она общала.

Росковъ отправился на съѣзжую: тамъ собаки не было; измученный, разбитый, съ болью въ сердцѣ вернулся онъ въ предмѣстье Тампля. Онъ былъ увѣренъ, что Пепинъ прибѣжитъ туда. Когда онъ дошелъ до дверей, старуха закричала:

— Ай, ай, ай! Зачѣмъ только вы ушли? Часа два тому назадъ онъ прибѣгалъ весь въ пыли, взбѣжалъ на чердакъ, но изъ вашей прежней комнаты его выгнали метлою, и онъ сбѣжалъ внизъ, вездѣ все обнюхивая—я думаю, онъ искалъ вашихъ слѣдовъ—и, не остановившись около меня, выбѣжалъ на улицу такъ быстро, что я не могла остановить его. Я сдѣлала все, что могла, но вы знаете, у меня ревматизмы и скоро ходить я не могу. Онъ навѣрно побѣжалъ по вашимъ слѣдамъ.

— Бѣдняжка!—промолвилъ Росковъ и, несмотря на свою усталость и голодъ—онъ съ утра съѣлъ только корку хлѣба и кусокъ колбасы, купленной за четыре су на улицѣ—повернулъ назадъ по направленію къ Нельи. Длинный день уже приходилъ къ концу. Пройти пѣшкомъ черезъ весь Парижъ, переходя изъ одного квартала въ другой, требуетъ много времени даже у хорошаго ходока.

Вечеръ былъ прелестный.

Росковъ, какъ это часто съ нимъ бывало, пробирался между всеми этими каретами, телѣгами, омнибусами и пѣшеходами, оста-

ваясь одинокимъ въ толпѣ со своимъ горемъ, какъ каждый изъ насъ одинокъ во всю свою жизнь. Несмотря на свою силу и привычку къ труду, онъ былъ очень утомленъ. Онъ не зналъ, гдѣ искать Пепина; денегъ у него не было, и онъ не могъ обѣщать награды тому, кто найдетъ его, даже со съѣзжей онъ могъ бы выкупить собаку не иначе, какъ попросивъ на то денегъ. Имѣть собаку — большое преступленіе для бѣдняка, и это преступленіе неизмѣнно наказывается надлежащимъ образомъ.

Росковъ шелъ медленно: мимо него проѣзжали конки, въ деревьяхъ шелестѣлъ вѣтеръ; время отъ времени навстрѣчу ему попадался подозрительно глядѣвшій на него полицейскій. На небѣ сіяли звѣзды; Росковъ ничего не зналъ о нихъ, но любилъ ихъ любовью художника, болѣе нѣжной, хотя и менѣе сознательной чѣмъ любовь астронома. Онъ взглянулъ на огромное солнце, которое на человѣческомъ языкѣ называется звѣздою Алтаромъ; въ газетѣ онъ прочелъ, что Алтарь съ каждымъ годомъ подходит все ближе и ближе къ землѣ, и что въ концѣ концовъ, вступивъ въ нашу солнечную систему, онъ зальетъ нашу планету нестерпимымъ свѣтомъ и сообщитъ ей такой жаръ, что всякая жизнь на землѣ погибнетъ, и Алтарь поглотитъ въ своемъ пламени и горящую землю, и мертвую луну, и побѣжденное солнце.

Росковъ поглядѣлъ на сіяющую звѣзду, самую яркую на всемъ небосклонѣ.

— Хорошо, подумалъ онъ.—Если бы ты явился теперь, ты не пришелъ бы слишкомъ рано. Земля прожила достаточно долго, и во все время ея существованія люди только и дѣлали, что ссорились, преслѣдовали и убивали другъ друга.

Потомъ глаза его снова устремились на пыльную дорогу, и онъ продолжалъ идти; голова его опустилась на грудь, усталыя ноги тащились словно свинцовыя гири.

Подходя къ концу одного бульвара, онъ услышалъ прерывистое, тяжелое дыханіе, и, задыхаясь отъ изнеможенія, обезумѣвъ отъ радости, прыгнулъ на него маленькій желтый терьеръ.

— Такъ это ты, дружокъ мой! Мой бѣдный, вѣрный, маленький дружокъ! Какъ это ты отыскалъ меня? — воскликнулъ Росковъ, и глаза его наполнились слезами, когда онъ обнялъ свою собачку.

— Ну, хорошо же, сегодня я не вернусь въ Монъ-Парнасъ. Было бы слишкомъ подло покинуть тебя теперь, когда ты доказалъ мнѣ свою вѣрность. Мы переночуемъ съ тобою гдѣ-нибудь подъ открытымъ небомъ, Пепинъ. Это вѣдь намъ не впервые.

Пепинъ все прыгалъ вокругъ своего хозяина, не помня себя отъ радости.

Росковъ сошелъ съ большой дороги и углубился въ поле; здѣсь всѣ мѣста были ему знакомы, онъ зналъ, гдѣ находится остатокъ стариннаго королевскаго парка—уединенное и тѣнистое мѣстечко, еще не купленное и не застроенное, хотя на немъ уже вывѣшена была досочка съ крупною надписью: «Это мѣсто продается».

Потому ли, что за участокъ была назначена слишкомъ высокая цѣна, или потому, что манія все застраивать на время сосредоточилась въ предмѣстьяхъ, но никто не купилъ еще этихъ нѣсколькихъ десятинъ парка, и тишина этого лѣсистаго мѣста нарушалась только дѣтьми, приходившими туда за орѣхами, за цвѣтами или за птичьими гнѣздами, а зимою здѣсь тайкомъ ставились западни для зайцевъ или кто-нибудь тайкомъ же пристрѣливалъ полузамерзшаго дрозда. Росковъ бывалъ тутъ лѣтомъ два или три раза вмѣстѣ съ Максомъ и замѣтилъ старый дуплистый дубъ, въ сѣдой глубинѣ котораго могло помѣститься съ подюжины людей; туда то направился старикъ съ собакой. Ночь была свѣжая, но небо было ясно; воздухъ былъ наполненъ благоуханіемъ травъ и полевыхъ цвѣтовъ, и не было ни сторожа, ни жандарма, который сталъ бы спрашивать о правахъ Роскова ночевать въ этомъ мѣстѣ. Онъ сѣлъ подъ старымъ дубомъ, закурилъ трубку и накрошилъ Пешину остатки хлѣба, купленнаго въ городѣ. Собачка, ничего не ѣвшая ужъ цѣлыя сутки, ѣла съ жадностью, а потомъ стала лаять воду изъ маленькаго ручейка, журчавшаго подъ мохомъ.

— А! полевой ключъ! сказалъ Росковъ вполголоса.—Такимъ ключомъ можно открыть себѣ дверь столькихъ наслажденій? Ни одинъ золотой ключъ не можетъ съ ними сравняться!

Тишина, неподвижность росистаго пространства, запахъ листьевъ, травъ и цвѣтовъ напоминали ему спокойное время передъ войною, когда онъ цѣлые мѣсяцы проводилъ въ лѣсахъ подъ Парижемъ, спалъ подъ открытымъ небомъ, подложивъ подъ голову завернутый въ пледъ ящикъ съ красками. Онъ продолжалъ курить, а ночь становилась все темнѣе, планеты и звѣзды горѣли все ярче, и безчисленные, еле-уловимые звуки жизни насѣкомыхъ дѣлались все слышнѣе. Роскова стало клонить ко сну, и онъ растянулся во всю длину внутри дупла, а собачка крѣпко прижалась къ его груди и сладко уснула, издавъ радостный вздохъ.

— Бѣдный, вѣрный звѣрекъ!—промовилъ Росковъ.—Помнишь ли меня Максъ такъ же, какъ ты?

Максъ въ это время также спалъ въ хорошенькой бѣлой кроваткѣ, съ счастливою улыбкой на лицѣ, сжимая ручкой маленькій ярко-раскрашенный пароходъ съ заводомъ, полученный имъ въ этотъ день въ подарокъ.

Росковъ спалъ крѣпко, какъ и собака; никогда не удалось бы ему уснуть такъ въ аккуратной, опрятной, сѣрой комнатѣ Монъ-Парнаса. Росковъ былъ похожъ на льва, вырвавшася изъ звѣринца и пользующася краткою свободой среди полей передъ тѣмъ, какъ снова попасть въ неволю. Лучи солнца, проникнувъ въ душу дуба, разбудили старика. Онъ взглянулъ на дневной свѣтъ, взглянулъ на прижавшася къ нему Пепина, вспомнилъ все, вздрогнулъ, вздохнулъ и всталъ съ мѣста своего, слишкомъ короткаго, отдыха.

— Бѣдный Пепинъ,—сказалъ онъ собачкѣ:—день наступилъ. Опять начнутся мои и твои страданія.

Пепинъ, вообразившій, что они проживутъ всю жизнь въ дуплѣ дуба, среди листьевъ и птицъ, искоса робко взглянулъ на своего господина и принялся чистить свою пыльную и смятую шерсть.

— Ты можешь охорашиваться, дружокъ, а я не могу,—сказалъ Росковъ, замѣтивъ, что щегольское новое платье, полученное отъ Вальбранша, пришло въ самый плачевный видъ отъ парижской пыли и отъ ночной сырости и росы.

— Такъ-то лучше,—подумалъ онъ.—Мнѣ легче будетъ ходить въ поношенномъ платьѣ.

Потомъ онъ встряхнулся такъ же, какъ и Пепинъ, и всталъ, чтобы покинуть свое пріятное убѣжище подъ листьями. Онъ подумалъ о томъ, что дѣлаетъ Максъ—можетъ быть, плачетъ, тоскуетъ, всхлипывая произносить свои коротенькія молитвы?

Максъ въ это время пилъ утренній кофе съ молокомъ и съ превосходнымъ аппетитомъ закусывалъ хлѣбомъ съ ветчиной, катая по столу свой пароходикъ и воображая, что скатерть представляетъ собою Сену.

— Бѣдная моя собачка, намъ надо разстаться и отправляться въ наши тюрьмы,—сказалъ Росковъ. И хозяинъ, и собака жаждали провести остатокъ дня и всѣ дни остатка своей жизни на свободѣ, среди этихъ деревьевъ, подъ этимъ небомъ, но старикъ долженъ былъ сдержать свое слово. Онъ принужденъ былъ вернуться, какъ узникъ, выпущенный на честное слово, долженъ вернуться по внушенію невидимой силы того чувства, которое мы называемъ честью. Вальбраншъ выполнилъ съ своей стороны условіе; Росковъ также не могъ уклониться отъ его выполненія.

Онъ повелъ Пепина на ферму, гдѣ женщина радостно приветствовала его, а фермеръ и сыновья его искоса глядѣли на собаку и на ея хозяина.

— Мы со временемъ помиримся съ вами,—сказалъ Росковъ, стараясь смягчить ихъ;—я приду гулять съ нимъ сегодня днемъ,

а потомъ буду приходить неизмѣнно по два раза въ день. Пожалуйста, будьте добры къ нему.

И бѣднаго Пепина опять привязали къ скамейкѣ, а онъ смотрѣлъ на своего хозяина влажными, грустными, умоляющими глазами, словно спрашивалъ: «Такъ вотъ награда за мою вѣрность?»

— Увы, дружокъ!—промолвилъ Росковъ, отвѣчая на безмолвный упрекъ,—люди не награждаютъ вѣрности, такъ какъ этой добродѣтели среди нихъ не встрѣчается; у нихъ вѣрность считается глупостью.

Потомъ, слыша за собою неистовые крики собаки, Росковъ вышелъ и отправился въ Монъ-Парнасъ.

Швейцаръ отворилъ ему дверь, съ гнѣвомъ и недоумѣніемъ взглянулъ на состояніе его одежды, смоченной росой и носившей на себѣ слѣды моха и плѣсени; слуги безъ всякихъ разспросовъ пропустили его въ его комнату, гдѣ онъ умылся, пригладилъ волосы и бороду и вычистилъ свое новое платье, которому уже не суждено было казаться новымъ.

Едва успѣлъ Росковъ привести себя въ порядокъ, какъ въ дверь къ нему кто-то постучался, и, не дожидаясь приглашенія, вошелъ въ комнату управляющій. На лицѣ его выражалась грусть, негодованіе и играла полу-оправдательная, полу-обвинительная улыбка.

— Милостивый государь!..—началъ онъ и остановился.

Росковъ продолжалъ чистить свой скрутокъ и не произнесъ ни звука, чтобы облегчить затруднительное положеніе своего почитателя.

— Васъ всю ночь не было,—сказалъ управляющій, откашливаясь.

— Да, это правда,—сказалъ Росковъ и прибавилъ съ короткимъ, язвительнымъ смѣхомъ:—я полагаю, въ моемъ возрастѣ, вамъ не приходится опасаться за мою нравственность.

— О, конечно!—сказалъ управляющій со сконфуженной улыбкой,—мы, конечно... не думаемъ... мы не такъ неデリкатны. Но я долженъ сказать вамъ, что правила этого заведенія должны быть соблюдаемы всѣми. Мы не можемъ дѣлать исключеній.

— Конечно, но нужно ли выдумывать правила?

Управляющій вытаращилъ глаза.

— Правила необходимы во всякомъ учрежденіи, и соблюденія ихъ слѣдуетъ требовать.

— Ну, вѣтъ,—сказалъ Росковъ рѣзко,—здѣсь правилъ не нужно. Это не домъ умалишенныхъ, не государственная тюрьма, не исправительный домъ и не больница; всѣ ваши жильцы здоровы,

не совершили преступленія, и это даже люди, поработавшіе для своихъ современниковъ; зачѣмъ вамъ предписывать имъ порядокъ ихъ жизни?

— Это люди, не сумѣвшіе устроиться,—съ презрѣніемъ подумалъ управляющій.—Если имъ и везло когда-то, то они не сумѣли воспользоваться своимъ успѣхомъ и обратить его въ купоны и облигаціи. Можно ли потакать подобной непредусмотрительности?

Вслухъ онъ началъ перечислять обычные положенія буржуазной морали: необходимость правильнаго распредѣленія времени, опредѣленныхъ часовъ для принятія пищи, хорошаго примѣра прислугѣ, приобрѣтенія надлежащихъ привычекъ, уваженія къ условіямъ и авторитету. Когда онъ остановился, чтобы перевести духъ, Росковъ опять засмѣялся своимъ короткимъ, обезоруживающимъ, смѣхомъ.

— Мы нищѣ, не такъ ли? Не золотите пилюлю. Протожните ее въ наши глотки съ вашимъ лошадинымъ поиломъ!

— Я же тутъ при чемъ?—сказалъ управляющій, выведенный изъ терпѣнія.—Правила составлены комитетомъ. Я здѣсь для того, чтобы слѣдить за ихъ исполненіемъ. Позвольте же мнѣ замѣтить вамъ, г. Росковъ, что въ теченіе сутокъ вы нарушили всѣ эти правила.

— Въ самомъ дѣлѣ!—сказалъ Росковъ.—Боюсь, какъ бы я опять не нарушилъ ихъ въ еще болѣе короткій срокъ. Что же дѣлать? Вчера ужъ я говорилъ вамъ, что я слишкомъ старъ, чтобы начинать учиться.

— Но вы не слишкомъ стары, чтобы спускаться внизъ къ обѣду, или курить въ отведенной для этой цѣли комнатѣ, или спать на вашей постели,—съ нетерпѣніемъ возразилъ управляющій

— Я не могу ѣсть на народѣ,—сказалъ Росковъ, сжимая свои, все еще бѣлые и сильные, зубы,—и я буду уходить, когда мнѣ вздумается.

Управляющій вынулъ изъ кармана запечатанный конвертъ.

— Я долженъ передать вамъ это письмо, такъ какъ мои доводы оказываются бесполезными.

Росковъ узналъ почеркъ Вальбранша на конвертѣ изъ толстой, нарядной бумаги и молча распечаталъ его. Письмо было такого содержанія:

«Любезный другъ! Вы человекъ чести, а потому спрашиваю васъ, можно ли пользоваться благодѣяніями покойныхъ братьевъ Фирменовъ и въ то же время являть собою примѣръ непокоровости и неблагодарности въ основанномъ ими заведеніи? Я предоставляю

отвѣтъ на этотъ вопросъ вашей совѣсти и вашимъ чувствамъ. Мальчикъ вашъ здоровъ и веселъ, и если вы не будете слишкомъ часто навѣщать его, черезъ недѣлю примирится вполнѣ со своею участію. Я самъ видѣлъ его и привезъ ему игрушку.

Всегда преданный вамъ

Морисъ Вальбраншъ».

Смутное, загорѣвшее лицо Роскова покрылось мертвенною блѣдностью, пока онъ читалъ письмо. Управляющій слѣдилъ за нимъ съ тихимъ, кошачьимъ, удовольствіемъ, съ какимъ мелкая душа всегда глядитъ на страданія великой души. Росковъ чувствовалъ, что выраженіе лица выдаетъ его волненіе, но не могъ овладѣть собою. Онъ отвернулся къ окну, чтобы скрыть лицо отъ управляющаго, и такъ долго молчалъ, глядя на письмо, что почитатель его потерялъ терпѣніе.

— Я полагаю, что г. Вальбраншъ не сталъ бы писать напрасно? Его доводы, вѣроятно, окажутся убѣдительнѣе моихъ,—замѣтилъ онъ съ едва скрытою дерзостью въ тонѣ.

Росковъ быстро повернулся къ нему.

— Г. Вальбраншъ не говоритъ мнѣ, что за пользованіе столомъ и квартирой я обязанъ выносить дерзости служащихъ, получающихъ жалованье!—сказалъ старикъ громовымъ голосомъ.— Вы не имѣете права приходить ко мнѣ въ комнату, когда вамъ вздумается. Если это нужно, я буду подчиняться правиламъ комитета; но если вы будете являться ко мнѣ безъ моего зова, я подамъ на васъ жалобу.

Онъ говорилъ съ такою страстью, съ такимъ авторитетомъ, съ такою надменностью, которая показалась управляющему столь же непрослительною и нестерпимою, какъ если бы ее проявилъ нищій и на мгновеніе врагъ былъ усмирень. Онъ не зналъ содержанія письма Вальбранша и, считая молчаніе лучшимъ средствомъ сохранить свое достоинство, пробормоталъ нѣсколько едва слышныхъ словъ и вышелъ изъ комнаты.

Оставшись одинъ, Росковъ перечелъ письмо, столь жестокое при всей своей вѣжливости, столь неотразимое въ своемъ остроуміи.

Вальбраншъ былъ искусный знатокъ человѣческаго сердца, и хотя въ его собственномъ сердцѣ не звучали особенно тонкія струны, но онъ умѣлъ затрагивать и извлекать изъ этихъ струнъ звуки, если онѣ были на лицо въ сердцахъ другихъ.

— О Максъ, Максъ!—промолвилъ Росковъ.—Собака лучше тебя, если въ письмѣ говорится правда. А я долженъ слушать этихъ тюремщиковъ изъ за тебя!

Когда пробило двѣнадцать и на гонгѣ въ большой залѣ раз-

дался призывъ къ завтраку, Росковъ спустился внизъ въ столовую съ страннымъ, новымъ, непріятнымъ чувствомъ застѣчивости и замѣшательства. Въ свои лучшіе годы онъ никогда не былъ человѣкомъ общительнымъ; онъ всегда жилъ своею особенною жизнью, вдали отъ міра; онъ всегда былъ сыномъ народа и бретонцемъ въ душѣ. Онъ никогда ни съ кѣмъ не обѣдалъ, кромѣ нѣсколькихъ непритязательныхъ артистовъ, вродѣ его самого, и, благодаря крайней бѣдности въ послѣднія двадцать лѣтъ, всегда ѣлъ, какъ и жилъ, въ полномъ одиночествѣ, съ тѣми грубыми, варварскими приемами, которые порождаются бѣдностью. Для него было пыткой быть среди незнакомыхъ.

Столовая была большая, красивая, богато обставленная комната съ обшитыми деревомъ стѣнами и съ лѣпнымъ потолкомъ; архитектору, малярамъ и обойщикамъ не было отказа ни въ чемъ при отдѣлкѣ Монъ-Парнаса, дабы доходы ихъ были больше. Столовая въ глазахъ Роскова имѣла скорѣе видъ церкви.

Управляющій съ привѣтливой улыбкой подошелъ къ нему.

— Милости просимъ къ нашему столу, г. Росковъ,—сказалъ онъ любезно.—Надѣюсь, аппетитъ у васъ будетъ хорошій, а это лучшая приправа къ обѣду.

Росковъ, которому было не по себѣ, неловко и сконфуженно вышелъ впередъ и сѣлъ на край указаннаго ему стула. Шестнадцать человѣкъ, считая управляющаго и секретаря, сидѣло за большимъ овальнымъ столомъ, накрытымъ дорогою бѣлою скатертью и убраннымъ хрусталемъ, серебромъ и цвѣтами въ вазахъ изъ стариннаго фарфора. Всѣ шестнадцать человѣкъ съ любопытствомъ и съ зарождающейся враждебностью посмотрѣли на Роскова; такимъ взглядомъ смотрять собаки на чужую собаку, забѣжавшую къ нимъ.

Росковъ самъ негодовалъ на себя за свое смущеніе; неужели же онъ, никогда, ни передъ кѣмъ не склонявшійся, ни отъ кого не зависѣвшій, можетъ быть сконфуженъ при одномъ видѣ накрытаго стола и сидящихъ вокругъ него незнакомцевъ? Онъ забылъ всѣ приличія, забылъ почти, для какой цѣли употребляются вилка и салфетка; онъ долго довольствовался однимъ складнымъ ножомъ, которымъ рѣзалъ свою скудную пищу на углу сосноваго стола, и оловянную ложку, которою изрѣдка хлебалъ луковый супъ. Всѣ устремленные на него глаза отняли у него аппетитъ, хотя онъ естественно чувствовалъ голодъ послѣ столь долгаго воздержанія. Напрасно сосѣдь его съ правой стороны, старый музыкантъ-композиторъ, хорошо знавшій Роскова по имени и бывший его современникомъ, старался сломать ледъ и втянуть его въ раз-

говоръ. Росковъ отвѣчалъ только едва слышнымъ, неяснымъ звукомъ. Всѣ остальные разговаривали между собою, иные смѣялись, обсуждали новости дня, одобрительно отзываясь объ изобрѣтательности управляющаго; но Росковъ не могъ ни говорить, ни слушать, и пища, хотя и хорошая, душила его при каждомъ глоткѣ: это вѣдь была милостыня.

Онъ чувствовалъ себя неуклюжимъ, неловкимъ, непохожимъ на окружающихъ; это были также люди бѣдные, но всегда соблюдавшіе приличія, отъ которыхъ самъ онъ такъ отвыкъ, что забылъ, въ чемъ они должны состоять.

Онъ всталъ раньше всѣхъ прочихъ, прежде чѣмъ управляющій подастъ къ тому знакъ, и вышелъ изъ столовой, ни съ кѣмъ не сказавъ ни слова.

— Какой медвѣдь!—сказалъ одинъ изъ жильцовъ, когда - то бывший журналистомъ и который имѣлъ такое же право жить въ Монъ-Парнасѣ, какъ если бы былъ трубочистомъ.

— Можно захворать при видѣ того, какъ онъ ѣсть,—промовилъ господинъ, который въ свое время писалъ маленькіе пасторали для сцены и былъ любимцемъ императрицы въ Компьенѣ.

— Господа, — сказалъ композиторъ, современникъ Роскова, — если это зданіе должно быть убѣжищемъ для людей гениальныхъ, то никто не имѣетъ больше правъ быть здѣсь жильцомъ, чѣмъ Пьеръ Росковъ.

Это замѣчаніе на мгновеніе заставило умолкнуть жильцовъ Монъ-Парнаса; многіе изъ нихъ были людьми талантливыми, но никто не могъ назвать себя гениальнымъ.

Но они скоро стряхнули съ себя непріятное впечатлѣніе.

— Пусть геній ѣсть въ своей собственной клѣткѣ, какъ левъ, — сказалъ съ вѣжливой усмѣшкой сочинитель эклога и идиллій, бывший вѣкогда любимцемъ въ Компьенѣ.

— Я очень жалѣю, господа, если вамъ пришлось испытать нѣкоторыя непріятности, но таковы правила...—сказалъ управляющій, полоща пальцы въ хрустальномъ сосудѣ съ розовой водой.

Послѣдующіе дни потекли однообразно. Каждый изъ нихъ, какъ двѣ капли воды, походилъ на другой.

Два раза въ день Росковъ подвергался пыткамъ ѣсть на народѣ. Два раза въ день онъ отправлялся за Пепиномъ и водилъ его гулять и возился съ нимъ цѣлые часы, не смотря ни на какую погоду, такъ какъ эти прогулки были единственнымъ смягченіемъ участи собаки и его собственной.

Если бы не было этихъ часовъ, проводимыхъ въ поляхъ, въ лѣсахъ или на фермахъ для утѣшенія Пепина, то жизнь была бы

для Роскова нестерпимой. Онъ ни съ кѣмъ не знакомился; за обѣдомъ и завтракомъ онъ молчалъ; смущеніе его оставалось неизмѣннымъ; онъ никогда ни на іоту не примирялся съ устремленными на него взорами другихъ жильцовъ или съ тѣмъ наблюденіемъ и вмѣшательствомъ, которыя онъ преувеличивалъ въ своемъ разстроенномъ воображеніи.

И всякій разъ, уходя изъ дому, онъ долженъ былъ объявлять о своемъ намѣреніи въ конторѣ; всякій разъ, какъ вечеромъ ему хотѣлось покурить свой крѣпкій табакъ, онъ долженъ былъ идти въ освѣщенную электричествомъ курительную комнату, убранную кожаными диванами и металлическими плевальницами, и гдѣ его старая, черная короткая трубка, другъ столькихъ лѣтъ, казалась далеко не такой вкусной и не давала ему успокоенія.

Онъ постоянно сердился, живя въ своей великолѣпной тюрмѣ такъ же, какъ сердилась въ сараѣ его собачка, посаженная на цѣпь.

Старикъ-композиторъ и одинъ или двое другихъ пытались-было завязать съ нимъ любезный разговоръ, но всегда встрѣчали съ его стороны отпоръ; поэтому даже эти немногіе обыкновенно оставляли его въ покоѣ, и жильцы Монъ-Парнаса прозвали его ежомъ.

Онъ старался всѣми силами сообразоваться съ правилами заведенія, побѣдить въ себѣ упорную и непреклонную независимость, сдѣлавшуюся его второй природой. Но это не всегда ему удавалось, и онъ часто подавалъ поводъ къ недовольству. Никто не любилъ его, начиная съ прислуги, которой онъ не могъ давать на чай, и кончая даровитыми людьми, нашедшими себѣ убѣжище въ Монъ-Парнасѣ и чувствовавшими, что онъ съ презрѣніемъ относится къ ихъ прошлому и къ ихъ притязаніямъ. Его считали надутымъ, между тѣмъ какъ онъ былъ только несчастенъ, считали грубіаномъ, между тѣмъ какъ душа его была полна горемъ и угнетена потерей свободы.

Ему не давало также покоя мучительное и грызущее сомнѣніе, дѣйствительно-ли эта горькая для него жертва была полезна ребенку?

Въ концѣ перваго мѣсяца, Росковъ, согласно условію, пошелъ навѣстить Макса.

Домъ, куда помѣщенъ былъ мальчикъ, находился недалеко отъ Jardin des Plantes, среди большого сада, въ хорошемъ, залитомъ солнцемъ, мѣстѣ. Это былъ домъ, гдѣ подобало жить дѣтямъ благороднаго происхожденія.

Роскова провели въ небольшую гостиную и просили обождать. Онъ привелъ съ собою Пепина, который дрожалъ отъ радостнаго ожиданія, догадываясь, повидимому, съ кѣмъ ему предстоитъ встрѣтиться.

Дверь отворилась.

— Господинъ Максъ, — сказалъ лакей.

Максъ былъ въ свѣтло-голубомъ шелковомъ костюмчикѣ съ бѣлыми кушакомъ; кудри его блестѣли на солнцѣ, личико было уже не такъ худо и блѣдно. Вальбрашъ сказалъ воспитательницѣ: «Одѣвайте его хорошо, не жалѣйте денегъ; пусть онъ будетъ здоровъ и счастливъ». И воспитательница, вполне увѣренная, что Максъ незаконное дитя этого богатаго и вліятельнаго господина, въ точности исполняла его желаніе.

Мальчикъ нерѣшительно остановился на порогѣ, и на лицѣ его выразилось не то удивленіе, не то радость, но скорѣе всего испугъ.

— Дѣдъ и Пепинъ! — воскликнулъ онъ съ изумленіемъ, пока собачка въ восторгѣ кружилась кругомъ него, пронзительно лая отъ радости.

Росковъ всегда былъ сдержанъ съ ребенкомъ, но теперь онъ крѣпко прижалъ его къ себѣ и молча поцѣловалъ съ такою страстью, что Максъ испугался.

— Хорошо ли тебѣ, мальчуганъ? — горячо спросилъ Росковъ, жажда получить отрицательный отвѣтъ.

— Да, — сказалъ Максъ безъ колебанія. — Здѣсь очень хорошо, всѣ играютъ, и такъ много даютъ ѣсть! Отчего ты не живешь такъ, дѣдъ?

— Это ты узнаешь, когда вырастешь, — сказалъ Росковъ, избѣгая прямого отвѣта. — А ты не хочешь вернуться въ нашу старую комнату, Максъ?

— О, нѣтъ, — сказалъ мальчикъ, и легкая дрожь пробѣжала по всему его тѣлу. — Я бы хотѣлъ, чтобы ты былъ съ нами здѣсь, — прибавилъ онъ ласково.

— Тебѣ лучше безъ меня, — отрѣзалъ Росковъ, подавляя въ себѣ болѣе рѣзкій отвѣтъ, готовый сорваться съ его устъ.

— А ты все еще живешь на чердакѣ, неправда ли?

— Нѣтъ, голубчикъ. Я живу въ красивомъ домѣ.

— Это хорошо.

Глаза ребенка были устремлены на дѣда съ безпоощадною дѣтскою пытливостью, и въ этихъ глазахъ, не радостныхъ, а задумчивыхъ и проникательныхъ, Росковъ прочелъ слѣдующія невысказанныя мысли: — Какой ты старый! Какой ты мужиковатый! Какъ ты не похожъ на папенекъ и маменекъ моихъ товарищей, на которыхъ весело глядѣть, которые пріѣзжаютъ въ каретахъ и носятъ лакированные ботинки и душатся хорошими духами. Отчего ты не такой, какъ они?

— Ужъ ты успѣлъ сдѣлаться маленькимъ аристократомъ,

Максъ!—съ горечью сказалъ Росковъ, до глубины души уязвленный этимъ пытливымъ разглядываньемъ.

— Скажи миѣ,—ласково прошепталъ Максъ,—меня часто спрашиваютъ объ этомъ—кто я такой? Я не знаю, что отвѣчать. Всѣ дѣти знаютъ, кто они.

— Ты Максимилианъ Росковъ,—сказалъ старикъ.

— Это я знаю,—возразилъ мальчикъ.—Но кто еще? еще кто?

— Ты хочешь знать, благороднаго ли ты происхожденія? — сказалъ Росковъ съ рѣзкимъ смѣхомъ.—Такъ хорошо же, скажи имъ, что мое благородство записано на холстахъ въ Люксембургѣ, и отецъ твой умеръ, защищая Францію. Такой знатности довольно со всякаго.

— Да,—сказалъ Максъ съ сомнѣніемъ.

Онъ начиналъ смутно понимать, что знатными людьми можно считать только тѣхъ, у которыхъ нарисованы короны на дверцахъ кареты и которые разъѣзжаютъ съ ливрейными лакеями.

— Не много же въ тебѣ нашей крови,—подумалъ дѣдъ, глядя на хрупкаго, нѣжнаго, нервнаго ребенка. Максъ общалъ выйти такимъ, какъ его мать,—блѣдная, слабая, стройная парижанка, впечатлительная, у которой кровь была не то вода, не то огонь, и которая жаждала удовольствій, не имѣя физической силы переносить ихъ.

Пепинъ, видя, что на него обращаютъ слишкомъ мало вниманія, бросился къ своему прежнему товарищу Максусу и сталъ царапаться и визжать.

Максъ взялъ взъерошенную голову собаки обѣими руками и поцѣловалъ ее, но вдругъ закричалъ, увидѣвъ, что грязныя лапки Пепина оставили слѣды на голубой рубашкѣ.

— Ужъ ты успѣлъ обратиться въ щеголя!—нетерпѣливо сказалъ Росковъ. — Мы съ Пепиномъ стали недостаточно изящны для тебя.

— О, я люблю Пепина,—сказалъ Максъ, рассказываясь и нѣжно лаская своего стараго друга.—Но онъ—онъ немножко грязный и измятый, неправда ли? Здѣшній пудель такой бѣленькій и кудрявый, и выкидываетъ такія забавныя шутки, и понимаетъ, когда съ нимъ говорятъ на четырехъ языкахъ, и проситъ сахара. Если бы ты только видѣлъ!

— Пепинъ у насъ безъ затѣй, а у меня нѣтъ знатности, Максъ,—сказалъ Росковъ, котораго и забавлялъ, и огорчалъ разговоръ мальчика. — Мы умѣемъ только любить тебя, мальчуганъ мой; а на что тебѣ это?

Росковъ вышелъ отъ Макса съ занозой въ сердцѣ. Онъ по-

ниماغъ, что Максъ потерянь для него такъ же, какъ если бы мальчикъ умеръ. Пропастъ между ними могла только расширяться, но никогда не закроется.

— Вы сдѣлали то, о чемъ я никогда не просилъ васъ, чего я никогда не желалъ. Вы пересолили!—сказалъ черезъ нѣсколько дней старикъ Вальбраншу съ страстнымъ упрекомъ.— Вы воспитываете бѣднаго ребенка, не имѣющаго гроша за душой, какъ наследника миллионъ. Этотъ пріютъ вовсе не для Макса. Вы погубите его. Вы привьете ему вкусы, понятія, привычки, желанія и фантазіи, которыя неумѣстны въ его положеніи, и которыхъ впослѣдствіи онъ не сдумѣетъ ни удовлетворить, ни побѣдить. О Господи, право, не слѣдовало мнѣ отдавать вамъ ребенка!

Вальбраншъ засмѣялся; слова Роскова отчасти оскорбляли, отчасти забавляли его.

— Ба, старина, къ чему такія трагедіи?—сказалъ онъ съ нетерпѣливымъ благодушіемъ.— Если я за что-нибудь берусь, то дѣлаю это хорошо. Я сдѣлаю мальчика журналистомъ и богачомъ, если онъ окажется способнымъ. Уходите, пожалуйста. Я занятъ.

— Онъ будетъ оторванъ отъ своей настоящей среды, — сказалъ Росковъ горячо, — и вѣтъ на землѣ болѣе несчастныхъ созданий.

— О вѣтъ, далеко не всегда они несчастны, — сказалъ Вальбраншъ со своимъ громкимъ, веселымъ смѣхомъ.— Я вотъ тоже оторванъ отъ своей среды—вѣдь всему міру извѣстно, что я сынъ танцовщицы, а своего отца я и незнаю. Но моя судьба сложилась отлично. Я не помѣнялся бы мѣстами ни съ одной коронованной особой.

— Вы обладаете двумя главными качествами, необходимыми для успѣха,—насмѣшливо воскликнулъ Росковъ: — вы ничѣмъ не стѣсняетесь и безгранично любите самого себя. Я не желаю, чтобы у Макса были эти качества; я предпочелъ бы видѣть его въ гробу.

Вальбраншъ посмотрѣлъ на Роскова не то съ восхищеніемъ, не то съ насмѣшкой.

— Какой вы неразумный, неполитичный, несправимый человекъ!—сказалъ онъ, не обижаясь однако.—А теперь, другъ мой, я занятъ. Маленькій Максъ не ось, на которой вращается земной шаръ, хотя вы и думаете это. Какой вы неблагодарный! Какъ вамъ не стыдно!

Росковъ вышелъ, горько сознавая свое неумѣнье что-нибудь устроить или устранить; ему оставалось только довѣрять прихоти къ благодѣтельствуванію этого человека, который, къ сожалѣнію, былъ извѣстенъ своими капризами и непостоянствомъ.

— Кѣмъ ты будешь, когда вырастешь? — спросилъ Росковъ внука въ одно изъ слѣдующихъ своихъ посѣщеній, — посѣщеній, въ которыхъ становилось все труднѣе найти темы для общаго разговора.

— О, я буду журналистомъ, какъ г. Вальбраншъ, — не колеблясь отвѣтилъ ребенокъ. — У меня будетъ своя газета и много денегъ, и я буду посылать моихъ лошадей на скачки, и весь Парижъ будетъ говорить обо мнѣ.

— Вотъ современный идеалъ! — сказалъ Росковъ съ справедливымъ гнѣвомъ человѣка, который никогда не переставалъ вѣрить въ высокіе идеалы, хотя они вездѣ топтались въ грязь.

— Я сочинилъ рассказъ, — продолжалъ Максъ.

— Ты, малютка? Да ты и читать-то не умѣешь!

— Это правда, но я рассказалъ мою сказку Кларѣ — той самой нянюшкѣ, у которой мелкіе локончики подъ чепчикомъ — а она записала ее и прочла другимъ, и всѣ сказали, что она хороша. Даже начальница сказала, что она хороша.

— Да, это большая честь, нечего сказать. А чтò говорится въ твоей сказкѣ, Максъ?

— О, тамъ рассказывается о маленькомъ мальчикѣ, который былъ запертъ въ подземельѣ съ людоѣдомъ, и которому нечего было ѣсть и нечего надѣть; и вотъ явилась прекрасная волшебница въ золотой колесницѣ и привезла зеленую дыню, и разрѣзала ее и вычистила ее внутри; а потомъ она сдѣлала мальчика совсѣмъ маленькимъ, маленькимъ, и посадила его въ дыню, и закрыла ее, и понесла мальчика въ заколдованный замокъ, и тамъ въ одну минуту онъ обратился во взрослога человѣка, и его провозгласили царемъ.

Росковъ горько усмѣхнулся.

— Ты хотѣлъ изобразить свои собственныя радости и печали, какъ и всѣ поэты, мой милый.

— Какъ такъ? — спросилъ Максъ, не понимая словъ дѣда.

— А подъ людоѣдомъ ты подразумѣвалъ меня, неправда ли?

Максъ покраснѣлъ, но молчалъ. Онъ понялъ, что не надо было рассказывать своей сказки. Черезъ нѣсколько мгновеній, однако, онъ сказалъ робко и нѣжно, стараясь загладить свою ошибку:

— Нѣтъ, право, нѣтъ! Я вовсе не хотѣлъ этого сказать. Ты всегда былъ добръ и ласковъ, когда...

— Когда не былъ суровъ, — сказалъ Росковъ съ самымъ рѣзкимъ своимъ смѣхомъ, котораго всякій разъ ребенокъ пугался, какъ собака свиста хлыста.

Пепинъ, чувствуя, что происходитъ какой-то разладъ между

двумя любимыми имъ существами, присѣлъ на свой обтрепанный, грязный хвостикъ и завылъ.

Росковъ всталъ, собираясь уходить.

— Когда ты въ другой разъ будешь сочинять сказку, Максъ,— сказалъ онъ,—такъ пусть мальчикъ увезетъ съ собою въ дынѣ и свою старую вѣрную собачку; что же касается до людоеда, то пусть обрушатся на него стѣны подземелья.

Онъ отдалъ себя въ рабство ради этого ребенка, а ребенокъ платилъ ему тѣмъ, что высмѣивалъ его въ сказкѣ, рассказываемой веселымъ товарищамъ по играмъ!

Можетъ быть, неоснователенъ былъ гнѣвъ старика на Макса за ту легкость, съ какою онъ перешелъ отъ старой жизни къ новой. «У него не можетъ быть ни одной капли нашей крови», думалъ онъ съ горечью. Старинный родъ моряковъ, отъ котораго происходилъ Росковъ, всегда отличался привязчивостью и преданностью. Струны души стараго художника сдѣлались такъ же тверды, какъ и сухожилія его тѣла, и съ годами утратили и ту небольшую гибкость, на какую онъ когда-либо былъ способенъ. Онъ не могъ находить желательнымъ то, что было такъ непохоже на него и на весь его родъ. Онъ не понималъ безсознательнаго эгоизма ребенка и инстинктивныхъ влеченій, которыми обуславливались его слова и дѣйствія. Старикъ не бралъ во вниманіе, что ребенокъ представляетъ собой звѣрка съ одними физическими потребностями и желаніями, и который направляетъ свою симпатію туда, гдѣ получается наибольшее удовлетвореніе.

— Ахъ!—подумалъ старикъ съ грустью,—зачѣмъ матерью его не была женщина изъ нашего сильнаго, храбраго, честнаго народа! Зачѣмъ единственное дитя моего сына произошло отъ нервной, безразсудной, болѣзненной парижской бабенки!

Какъ бы то ни было, ребенокъ былъ разлученъ съ дѣдомъ и никогда больше не суждено было имъ жить вмѣстѣ одинаковою жизнью. Не лучше ли было бы довершить жертву, ступешаться совершенно, перестать тревожить эгоистическое сердце и слабую совѣсть ребенка, оставивъ всякія притязанія, которыя могли бы пробудить въ мальчикѣ сознаніе долга, но не привязанность?

Росковъ не получилъ воспитанія и самъ воспиталъ себя только въ томъ, что касалось его искусства. Онъ чувствовалъ, что во многихъ отношеніяхъ онъ невѣжда, что о многихъ вещахъ онъ имѣетъ такъ же мало понятія, какъ дикари Кореи. Къ такого рода вещамъ, быть можетъ, относился и вопросъ о судьбѣ ребенка. Могло ли имѣть смыслъ его мнѣніе рядомъ съ мнѣніемъ такого свѣтскаго человѣка, какъ Вальбраншъ, успѣхи котораго во всѣхъ

его предпріятіяхъ доказывали правильность его сужденій? Что могъ самъ онъ сдѣлать для ребенка? Ничего; онъ, какъ старикъ, могъ скоро оставить его одного безъ единого друга.

Росковъ чувствовалъ, что силы начинаютъ покидать его.

Если бы онъ продолжалъ свою старую, свободную, жизнь и сохранилъ бы радость имѣть при себѣ мальчика, то здоровье не измѣнило бы ему еще многіе годы. Но заключеніе въ Монъ-Парнасъ, постоянно раздраженное состояніе, благодаря различнымъ вмѣшательствамъ и сознанію рабства, гнетъ однообразной и узкой жизни, новая пища, распредѣленіе часовъ и непрерывное усиліе, какое онъ долженъ былъ дѣлать, чтобы побѣждать свою природную горячность, сдерживать свои порывы и отказываться отъ долготѣхнхъ привычекъ,—все это вмѣстѣ разстраивало его какъ душевно, такъ и физически, и медленно разрушало крѣпкое здоровье, такъ долго сопротивлявшееся труду, утомленію и нуждѣ.

Недѣли обратились въ мѣсяцы, лѣто смѣнилось осенью, наступила зима, а за нею опять весна, и время потеряло свое значеніе для Роскова: для него это была одна безконечная канитель безцвѣтныхъ, слѣдовавшихъ другъ за другомъ, часовъ. Была только одна точка, выдѣлявшаяся изъ всего остального,—одинъ день въ мѣсяцъ, когда ему разрѣшено было нарѣзать Макса.

Но и это доставляло старику такъ же мало радости, какъ и все остальное, и съ каждымъ посѣщеніемъ онъ все болѣе убѣждался, что мальчикъ ускользаетъ изъ его рукъ, изъ подъ его вліянія, и что съ каждой недѣлей въ ребенкѣ уменьшается привязанность къ дѣду.

— Я зналъ, что изъ этого выйдетъ,—сто разъ мысленно повторялъ Росковъ. Но на самомъ дѣлѣ онъ не ожидалъ этого; въ глубинѣ своего довѣрчиваго и нѣжнаго сердца онъ всегда хранилъ надежду, что Максъ не забудетъ его, не измѣнитъ ему ради игръ, забавъ, игрушекъ, красивыхъ костюмовъ, мягкихъ постелей и обильной пищи. Росковъ всегда думалъ, что настанетъ время, когда маленькій мальчикъ обниметъ его и воскликнетъ: «Возьми меня отсюда, возьми меня съ собой! Будемъ бѣдны, но будемъ свободны!» Въ данномъ случаѣ Росковъ дѣлалъ весьма обыкновенную ошибку: онъ думалъ, что ребенокъ долженъ чувствовать такъ же, какъ самъ онъ, потому только, что въ жилахъ ихъ течетъ одинаковая кровь. Но напрасно ждалъ старикъ такой минуты. Каждый мѣсяцъ онъ видѣлъ, что ребенокъ становится все сильнѣе, румянѣе, здоровѣе, подвижнѣе, дѣятельнѣе, ребячливѣе; но онъ видѣлъ также, что растетъ разстояніе между нимъ и ребенкомъ, что мальчикъ все болѣе проникается новыми

мыслями и фантазіями, все болѣе сосредоточивается на своихъ новыхъ потребностяхъ, новыхъ желаніяхъ, новыхъ товарищахъ, привычкахъ и охватывается новой нравственной атмосферой. Росковъ чувствовалъ, что если онъ прекратитъ свои посѣщенія, Максъ скоро совершенно забудетъ его, и что, можетъ быть, это будетъ даже лучше.

Неужели же любовь должна напоминать о себѣ, какъ сборщикъ, требующій уплаты податей?

— Для него я только людоедъ, — думалъ онъ съ горечью. — Я чудовище, съ которымъ неразрывно связаны представленія о нуждѣ, голодѣ, холодѣ и лишеніяхъ. Это, впрочемъ, и понятно. Увы! онъ такъ часто испытывалъ все это вмѣстѣ со мною!

Эти мысли пришли ему въ голову въ одинъ изъ тѣхъ дней, когда полагалось ему навѣстить Макса. Это былъ холодный зимній день; дулъ рѣзкій вѣтеръ, и земля была скована морозомъ. Росковъ, какъ всегда, пришелъ пѣшкомъ вмѣстѣ съ собачкой. Было еще недалеко за полдень, и кареты, пролетки и omnibusы катились со всѣхъ сторонъ; но къ услугамъ старика были только его ноги, которыя сдѣлались за годъ менѣе гибкими, да старая, грубая, суковатая палка, на которую онъ опирался и на которую всегда искоса поглядывалъ Максъ.

Роскову въ послѣднее время нездоровилось, но онъ все-таки каждый день, во всякую погоду, ходилъ на нѣсколько часовъ къ Пепину и никогда не пропускалъ ни одного дня, когда было ему разрѣшено видѣть Макса. Но теперь, по пути въ пріютъ, онъ сталъ спрашивать себя, не будетъ ли лучше, умнѣе, добрѣе съ его стороны воздержаться совершенно отъ напоминанія своему маленькому внуку о себѣ и о прошломъ? Максъ, какъ ребенокъ впечатлительный и полный непосредственнаго эгоизма, мыслилъ и чувствовалъ, какъ его окружающіе, былъ щепетилень относительно внѣшности и неспособенъ цѣнить самопожертвованіе. Во многихъ отношеніяхъ онъ былъ вполне ребенокъ, въ другихъ былъ развитъ не по лѣтамъ; ему чрезвычайно нравились матеріальныя удобства, и онъ вспоминалъ не иначе, какъ съ невольной дрожью, о времени, проведенномъ съ дѣдомъ, какъ ребенокъ, грѣющійся у теплаго огня, вспоминалъ бы холодную ночь, когда онъ блуждалъ среди снѣговъ. Кромѣ того, Максъ неможно стыдился этого, посѣщавшаго его, высокаго, сухощаваго старика съ грубыми манерами; Максъ зналъ теперь, что такое «господинъ», а дѣда его никакъ нельзя назвать «господиномъ» въ общепринятомъ смыслѣ слова, и жилъ онъ въ какомъ-то убѣжищѣ для бѣдныхъ, пользуясь общественною благотворительностью, какъ гово-

рилъ мальчику съ негодованіемъ одинъ изъ его старшихъ товарищей по школѣ. Все это ясно выразалось въ глазахъ Макса, когда онъ критически глядѣлъ на дѣда, и благодаря этому, встрѣчи ихъ съ каждымъ мѣсяцемъ становились тяжелѣе для того и другого.

Свѣтъ, этотъ хитрый, безопадный разъединитель столькихъ сердецъ, невидимо, но властно сталъ между старикомъ и ребенкомъ.

Придя въ домъ, гдѣ жилъ Максъ, Росковъ просилъ слугу звзвать къ нему начальницу, не докладывая внуку о его приходѣ. Начальница вышла къ нему.

— Извините меня, сударыня,—сказалъ Росковъ,—но я хотѣлъ просить васъ дать мнѣ возможность увидѣть моего внука такъ, чтобы онъ меня не видѣлъ.

— Зачѣмъ вы желаете этого?—спросила дама съ улыбкой.— Развѣ вы сомнѣваетесь въ томъ, что онъ доволенъ?

— А вы думаете, онъ доволенъ?

Дама опять улыбнулась.

— Онъ здѣсь самый счастливый ребенокъ. Другимъ, отдаваемымъ въ эту школу, пришлось разставаться съ счастливою домашнею жизнью, и эти дѣти иногда жалѣютъ о прошломъ. Но Максъ—извините меня, г. Росковъ,—я увѣрена вѣдь, что вы дѣлали для него все, что могли.

— Я дѣлалъ все,—коротко сказалъ Росковъ.

— Но если вы сомнѣваетесь, хорошо ли ему, — продолжала она, — пойдемте со мною. Я покажу вамъ его такъ, что онъ васъ не увидитъ; можетъ быть, вы думаете, что сердце ребенка болѣе постоянно, чѣмъ это есть на самомъ дѣлѣ.

— Всѣмъ намъ дороги безумныя иллюзіи, сударыня, — промолвилъ Росковъ, слѣдуя за дамой въ сопровожденіи Пепина.

Она повела его въ свои комнаты; въ одной изъ нихъ, небольшомъ кабинетикѣ, гдѣ она проводила ббльшую часть времени, подъ тяжелою драпировкой было круглое окошечко; начальница отдернула занавѣсъ и сдѣлала знакъ Роскову. Подойдя къ окошечку, онъ увидѣлъ, что оно выходитъ въ рекреационную залу.

Это была большая, свѣтлая комната съ цѣлой стеклянной стѣной, съ вѣчно-зелеными растеніями и цвѣтущими камеліями по угламъ и съ летающими на свободѣ попугаями и канарейками. Подъ наблюденіемъ двухъ надзирательницъ дѣти играли въ большой розовый мячъ, подбрасывая его ногами; они смѣялись, кричали, толкали другъ друга, боролись, попугаи кричали, а кана-

рейки громко заливались хоромъ. Впереди всѣхъ былъ Максъ. Онъ былъ одѣтъ въ теплую синюю матросскую блузу, красную шелковую рубашку и красные чулки; его личико, уже не худое и не блѣдное, раскраснѣлось во время игры и сіяло радостью, бѣлокурые кудри развѣвались, маленькія красныя ножки сновали назадъ и впередъ, и серебряныя пряжки на его сапожкахъ блестяли, когда онъ ударялъ ногами розовый мячъ.

— Вы правы, — сказалъ его дѣдъ, отходя отъ окошка. — Вы правы. Онъ вполнѣ счастливъ.

Начальница невольно пожала ему руку въ порывѣ сожалѣнія.

— Бѣдный другъ мой, — прошептала она, — это всегда такъ бываетъ. Они всегда забываютъ насъ, а мы напрасно убиваемся о нихъ.

— Да, такъ будетъ лучше, — сказалъ Росковъ рѣзко, какъ показалось начальницѣ. — Нѣтъ, сегодня я не стану тревожить ребенка. Пусть онъ лучше забудетъ обо мнѣ.

И онъ ушелъ, оставивъ Макса съ его товарищами и съ его мячомъ.

Любви и вѣрности приходилось ему искать у смиреннаго четвероногаго созданія, которое относили къ болѣе низкимъ животнымъ.

Зима эта показалась Роскову очень длинной и томительной. Его не согрѣвала теплота, распространявшаяся по трубамъ, наполненнымъ нагрѣтымъ воздухомъ, которыми во всемъ домѣ поддерживалась одинаковая температура. Ему казалось теплѣе, когда въ былое время тлѣли угли подъ маленькимъ глинянымъ горшкомъ съ похлебкой, или когда удавалось зажечь вязанку дровъ, полученную время отъ времени отъ торговца дровами за исполненіе какихъ-нибудь порученій. Росковъ былъ всегда одинъ, кромѣ того времени, когда приходилось спускаться внизъ для трапезъ и общество его сожителей было такъ же мучительно для него черезъ нѣсколько мѣсяцевъ, какъ въ первые дни его пребывания въ Парнасѣ. Иногда онъ тайкомъ приносилъ съ собой Пепина подъ полой своего длиннаго сюртука, чтобы не оставаться одному въ теченіе долгой томительной ночи, когда ему только и оставалось считать безсонные часы и спрашивать себя, чтò означаютъ непривычныя боли и неприятныя ощущенія въ тѣлѣ, время отъ времени дававшія себя чувствовать. Съ наступленіемъ весны боли усилились, а силы ослабѣли. Только одинъ разъ, въ день новаго года, видѣлъ онъ Макса, кромѣ тѣхъ разовъ, когда смотрѣлъ на него въ окошечко, въ которое начальница, чувствуя жалость къ одинокому старику, разрѣшала ему еженедѣльно наблюдать за мальчикомъ во время игры.

— У нашего ежа еще больше иглъ, чѣмъ прежде,—говорили другіе жильцы Монъ-Парнаса.

Росковъ, впрочемъ, никогда ни на что не жаловался. Другіе жильцы жаловались на то, что одно вино недостаточно сладко, другое слишкомъ молодо, что хлѣбъ черствъ, что постельное бѣлье мѣняють слишкомъ часто или слишкомъ рѣдко, что огонь зажигаютъ слишкомъ поздно или слишкомъ рано, что газеты въ читальнѣ слишкомъ республиканскаго или реакціоннаго направленія—они жаловались съ утра до вечера то на то, то на другое. Росковъ никогда не жаловался. Онъ испытывалъ слишкомъ сильное горе, чтобы обращать вниманіе на мелочи и недочеты ежедневной жизни. Ему было все равно, что ѣсть и что пить. Онъ хотѣлъ одного—чтобы оставили его въ покоѣ. Тѣмъ не менѣе, въ глазахъ управляющаго и другихъ служащихъ онъ былъ элементомъ непокорнымъ, элементомъ безпокойства и беспорядка. Легче пріобрѣсти дурную славу, чѣмъ отдѣлаться отъ нея.

— Неисправимая неблагодарность!—сказалъ однажды управляющій, увидѣвъ на подносѣ нетронутый кофе и бѣлый хлѣбъ, который посылали по утрамъ въ комнату Роскова въ видѣ особеннаго снисхожденія.

Росковъ слышалъ это замѣчаніе, но не сказалъ ни слова; онъ могъ бы сказать, что не ѣлъ ничего изъ-за смертельнаго недомоганія, съ которымъ проснулся; но онъ молчалъ частью потому, что ему не охота была оправдываться, частью потому, что не желалъ подвергаться осмотру врача, приставленнаго къ заведенію.

Теперь часто повторялось съ нимъ это чувство недомоганія, и оно росло по мѣрѣ того, какъ дни становились длиннѣе, воздухъ теплѣе и по всему Парижу и его окрестностямъ начинали распускаться кусты сирени и ракитника.

— Я пойду—спрошу доктора Ремиса, что все это значить,—подумалъ Росковъ. — Иной разъ врачи все-таки могутъ сказать, гдѣ машина попортилась, хотя рѣдко умѣютъ починить ее.

Онъ отправился къ знакомому доктору—человѣку, который не имѣлъ обыкновенія обманывать или преувеличивать и никогда не былъ знаменитымъ.

— Я боленъ, Ремисъ, — сказалъ Росковъ.—Миѣ кажется, у меня ракъ. Посмотрите-ка меня.

Докторъ внимательно выслушалъ старика, и лицо его стало серьезнымъ.

— Это то, что я думалъ?—спросилъ Росковъ.

— Да,—отвѣчалъ врачъ.

— Сколько времени миѣ осталось жить?

Докторъ колебался.

— Вы мужественный человекъ,—наконецъ, промолвилъ онъ.— Вамъ лучше сказать правду. Дѣлать оперецію въ вашемъ возрастѣ бесполезно. Вы можете прожить мѣсяцъ, два мѣсяца, полгода; точно опредѣлить этого я не могу, но больше года вы не протянете.

— Это мнѣ и нужно было знать,—сказалъ Росковъ спокойно, поблагодарилъ врача и вышелъ.

Онъ пошелъ на оживленные, кипащія народомъ, бульвары. Мысль о смерти не возбуждала въ немъ такихъ сожалѣній, какъ въ людяхъ молодыхъ, любимыхъ, счастливыхъ; но ея неизбѣжная близость все-таки тяжелымъ камнемъ давила его душу. Жизнь была для него чѣмъ-то раздражающимъ, однообразнымъ, скучнымъ съ тѣхъ поръ, какъ онъ былъ заключенъ въ Монъ-Парнасѣ; но онъ все-таки желалъ жить, чтобы заставить Вальбранша исполнить свое обѣщаніе, и видѣть Макса взрослымъ.

Опустивъ голову, шелъ онъ впередъ болѣе медленными шагами, чѣмъ обыкновенно.

Онъ узналъ свой приговоръ еще довольно рано утромъ; но все-таки прежде всего направился къ тому дому, гдѣ жилъ Максъ.

— Я знаю,—сказалъ онъ смиренно начальницѣ,— что сегодня я не имѣю права видѣться съ Максомъ, но я былъ бы вамъ благодаренъ, если бы вы все-таки устроили мнѣ свиданіе съ нимъ. Я не задержу его.

Начальница взглянула на него, и поняла, что онъ боленъ. Смуглый цвѣтъ его лица обратился въ сѣровато-желтый, щеки ввалились, глаза потускнѣли.

Она не стала разспрашивать его, а сказала только:

— Максъ играетъ въ саду; пойдите, посмотрите на него, а потомъ мы позовемъ его.

— Благодарю васъ, сказалъ Росковъ.

Дѣти играли на лужайкѣ въ тотъ же или въ похожій розовый мячъ. На Максѣ было лѣтнее шелковое платье и соломенная матросская шляпа сползла къ нему на спину, покрывая его красивыя бѣлокурыя кудри.

Росковъ слѣдилъ за игрою напряженнымъ и грустнымъ взглядомъ; собачка, научившаяся во время своихъ бѣдствій молчаливо и терпѣливо, тоже молча наблюдала за играющими, и только дрожью своего тѣла и выраженіемъ своей фигурки обнаруживала, какъ ей хочется присоединиться къ мальчику.

Когда на сосѣдней колокольнѣ пробило двѣнадцать, игра кончилась; дѣти направилась къ дому. Начальница вызвала Макса.

— Поди сюда, дружокъ,—сказала она ему,—къ тебѣ пришелъ дѣдъ.

Максъ немедленно повиновался, но безъ всякой поспѣшности: на лицѣ его не выразилось ни радостнаго удивленія, ни удовольствія; онъ медленно направился черезъ стеклянную дверь въ комнату, держа въ рукахъ свою соломенную шляпу.

Пепинъ въ восторгѣ прыгнулъ на мальчика. Дѣдъ глядѣлъ на него молча.

— Я уѣзжаю, Максъ,—сказалъ, наконецъ, старикъ, и голосъ его больно отозвался въ душѣ ребенка.

— Уѣзжаешь! Куда?

— Въ длинное путешествіе.

— А Пепинъ ѣдетъ?

— Будь увѣренъ, я его не покину.

Максъ молчалъ. Онъ былъ удивленъ, но не огорченъ. Онъ нервно свертывалъ и развертывалъ на пальчикѣ голубую ленту своей шляпы. Онъ чувствовалъ, что долженъ проявить свою горестъ, выразить нѣкоторое сожалѣніе, но, все еще оставаясь честнымъ ребенкомъ, не находилъ словъ.

— Тебя это не огорчаетъ,—твердо сказала дѣдъ.—Не старайся казаться огорченнымъ. Никогда не притворяйся.

Максъ покраснѣлъ до самыхъ бѣлковыхъ глазъ.

— Когда ты вернешься?—спросилъ онъ, глядя Пепина.

— Охъ, въ мои годы можно ли отвѣчать за будущее?

Мальчика испугалъ рѣзкій тонъ дѣда.

Наступило долгое молчаніе. Максъ продолжалъ крутить свою ленту, устремивъ на нее опущенный взоръ.

Дѣдъ положилъ свою большую худую руку на бѣлокурую голову.

— Максъ, что бы ни случилось, обѣщай мнѣ, что ты всегда будешь стараться быть правдивымъ, добрымъ и честнымъ. Росковы всѣ были люди бѣдные, моряки и рыбаки и т. п., но всѣ они были люди честные. Обѣщай мнѣ это, дитя мое.

— Я обѣщаю,—промолвилъ мальчикъ, но въ голосѣ его не слышалось горячности; онъ былъ смущенъ словами: моряки, рыбаки и т. п.

Росковъ вдругъ наклонился, привлекъ къ себѣ мальчика и принялся цѣловать его; потомъ рѣшительнымъ движеніемъ отстранился отъ внука, позвалъ собаку и вышелъ. Онъ зналъ, что никогда въ жизни больше не увидитъ Макса.

Въ сосѣдней комнатѣ ждала его начальница.

— Вы больны, другъ мой!—сказала она, взявъ его руку.

Но Росковъ перебилъ ее.

— Мнѣ нездоровится. Если вы услышите, что мнѣ стало хуже, не говорите этого Максу. Я сказалъ ему, что уѣзжаю, уѣзжаю надолго. Вы добрая женщина, сударыня. Если... если намъ съ вами больше не придется увидѣться, то позаботьтесь о моемъ мальчикѣ, и когда онъ выростетъ и покинетъ вашъ кровъ, то слѣдите все-таки за нимъ и оберегайте его отъ искушеній. У него вѣтъ матери.

Онъ пожалъ ея руку и быстро скрылся: онъ былъ гордый человѣкъ и не желалъ, чтобы видѣли его волненіе.

Начальница отправилась въ сосѣднюю комнату, гдѣ Максъ все еще нервно игралъ съ лентой на шляпѣ.

— Милый дружокъ,— сказала она съ нѣжной внушительностью,— ты не стоишь такой глубокой привязанности, какую тебѣ едва ли придется еще встрѣтить въ жизни. Молись за своего дѣда, Максъ, и утромъ и вечеромъ. Я боюсь,— онъ не вернется изъ своего путешествія.

Максъ ударился въ слезы. Это были слезы искренняго горя, искренняго раскаянія; но черезъ полчаса онъ съ аппетитомъ кушалъ котлетку, парожное и фрукты.

Разставшись съ ребенкомъ, Росковъ пошелъ по направленію къ Люксембургу. Былъ полдень; сады кишѣли играющими дѣтьми, гуляющими нянюшками и кормилицами, солдатами, щеголями и всякимъ беззаботнымъ, веселымъ народомъ. Оставивъ по дорогѣ Пепина у стараго знакомаго, Росковъ вошелъ въ музей и прошелъ по корридорамъ, галлереймъ и заламъ прямо въ ту комнату, гдѣ на почетномъ мѣстѣ висѣли его три лучшія картины.

Онъ долго стоялъ и глядѣлъ на нихъ съ несказанною скорбью и невыразимымъ сожалѣніемъ. Геній, создавшій эти творенія, все еще жилъ въ немъ; онъ чувствовалъ его силу, его могущество и сладкій трепетъ былой страсти творчества. Но у него не было правой руки, и взоръ его былъ мутенъ. Къ тому же, онъ зналъ,— смерть для него неизбежна и близка.

Глаза его остановились на его произведеніи, какъ глаза умирающаго любовника на любимой женщинѣ. Какъ памятенъ былъ ему каждый часъ cadaго изъ тѣхъ дней, когда онъ предавался творчеству! Особенно ясно помнилъ онъ то лѣто, когда писалъ свой «Хороводъ», изображая пляшущихъ и поющихъ дѣвушекъ, держащихся за руки, и напоминавшихъ собою лѣсныхъ нимфъ, рѣзнящихся на росистой травѣ въ майскія утра. Эту картину онъ написалъ подъ тѣнью липъ и буковъ Нелли, теперь оскверненнаго

*

и развѣичаннаго для него. Художникъ умираетъ и чувствуетъ, что дѣвушки его будутъ жить и плясать по цвѣтущей травѣ.

Да, онѣ будутъ жить; но долго ли? До слѣдующей войны, до слѣдующей революціи? Вѣдь картина, купленная Наполеономъ, сгорѣла во время пожара дворца въ Сенъ-Клу!

Росковъ нѣсколько разъ собирался уходить и нѣсколько разъ возвращался, чтобы опять взглянуть на картины.

— Прощайте, дѣти мои,—вѣжно сказалъ онѣ имъ. Потомъ онъ навсегда разстался съ ними.

— Вы больны, г. Росковъ?—спросилъ его вечеромъ одинъ изъ служащихъ въ Монъ-Парнасъ.

— Миѣ нездоровится,—возразилъ Росковъ;—но это такая болѣзнь, которая проходитъ сама собою.

Старый композиторъ, слышавшій этотъ разговоръ, подумалъ:

— Его болѣзнь происходитъ оттого, что онъ заключенъ здѣсь. Такого человѣка нельзя заставить быть довольнымъ только потому, что брюхо его наполнено, а тѣло прикрито.

На слѣдующее утро Росковъ заявилъ въ конторѣ:

— Я ухожу и вернусь только къ вечеру.

— Вы вѣчно пропадаете, сударь,—сказалъ служащій нетерпѣливо.

— Кому какое дѣло до этого?—сказалъ Росковъ.

— Дѣла до этого, можетъ быть, нѣтъ никому,—сказалъ служащій.—Но это проявленіе неблагодарности по отношенію къ вашимъ ...къ вашимъ благодѣтелямъ. Библиотека, курительная комната, общая гостиная, всѣ эти прекрасныя комнаты, всѣ эти удобства, вся эта роскошь...

— Расточается на меня даромъ? Конечно, миѣ слѣдовало бы быть болѣе благодарнымъ,—сказалъ Росковъ такимъ тономъ, который показался служащему ужъ вовсе непонятнымъ. Потомъ онъ отдалъ ключъ своей комнаты и вышелъ.

Онъ отправился, по обыкновенію, на ферму, куда помѣстилъ Пепина.

— Пойдемъ, дружокъ,—сказалъ старикъ, отвязывая собаку.— Мы проведемъ вмѣстѣ послѣдній день.

Въ голосѣ его слышалась хрипая нотка, будто слова душили его; но Пепинъ, прыгавшій радостно вокругъ хозяина, не замѣтилъ этого.

Они провели нѣсколько часовъ въ той части парка Нельи, гдѣ такъ часто гуляли вмѣстѣ. Собака бѣгала до изнеможенія. Росковъ принесъ съ собою хлѣба и холоднаго мяса, которое наканунѣ купилъ въ Парижѣ, и для Пепина это былъ настоящій праздникъ.

Была середина іюня; небо было безоблачно, воздухъ—мягкій, прозрачный. Въ кустахъ ибли яблоки.

Росковъ сѣлъ на пенъ и думалъ, думалъ, думалъ; передъ глазами его все время носился образъ живого, веселаго ребенка, играющаго въ розовый мячъ. Долгіе свѣтлые часы проходили; гѣсное безмолвіе не нарушалось звуками городской жизни, и только изрѣдка доносился вѣтромъ свистъ желѣзнодорожнаго поѣзда, звонъ фабричнаго колокола, отдаленный отголосокъ конно-желѣзнодорожнаго сигнала; но эти звуки раздавались такъ далеко, что не могли нарушить гѣсной тишины.

Солнце опускалось все ниже и ниже, пока, наконецъ, остался въ воздухѣ и на листьѣхъ деревьевъ только золотистый отблескъ его отраженнаго свѣта. Пепинъ крѣпко уснулъ у ногъ своего хозяина. Росковъ съ болью въ сердцѣ глядѣлъ на свою собачку.

— Бѣдный дружокъ!—думалъ онъ,—мы должны разстаться. Я не имѣю права умереть раньше тебя. О тебѣ некому позаботиться. Ты не молодъ, не красивъ, не рѣдкой породы; ты не умѣешь продѣлывать такихъ штукъ, какъ пудель. Послѣ моей смерти тебя отправили бы на съѣзжую, а тамъ, быть можетъ, въ экспериментальный институтъ. Я могу дать тебѣ только одинъ пріютъ, тотъ единственный пріютъ, дружокъ мой, какой существуетъ въ мірѣ для вѣрныхъ сердецъ.

Онъ нагнулся надъ собачкой и погладилъ взерошенную желтую шкурку. Пепинъ взглянулъ на него любящими, довѣрчивыми, ясными глазами; потомъ, довольный и усталый, снова опустил голову на траву и снова заснулъ.

Дрожь пробѣжала по тѣлу Роскова. Все еще нѣжно глядя лѣвой рукою спину собачки, онъ вынулъ изъ за пазухи маленькій револьверъ и выстрѣлилъ своему другу прямо въ голову. Собачка одинъ разъ вздохнула и, вздыхая, протянула ноги; челюсть ея отвисла. Почти безъ сознанія перешла она отъ сна къ полному уничтоженію.

Крупныя слезы падали на нее изъ глазъ Роскова.

— Прости меня! Прости меня!—шепталъ онъ.—Больше я ничего не могъ для тебя сдѣлать.

Когда показались звѣзды и взошла луна, онъ положилъ Пепина въ дупло стараго дуба и покрылъ его мхомъ, травкою и дерномъ. Потомъ онъ отправился въ свою темницу, куда призывало его сознаніе долга.

Было поздно, и его встрѣтили упрекомъ, на который онъ не обратилъ вниманія. Онъ съ трудомъ поднялся въ свою комнату, съ усиліемъ раздѣлся и легъ въ постель.

Больше онъ ужъ не вставалъ.

Онъ сильно страдалъ и долго ждалъ освобожденія.

Нѣсколько недѣль подъ рядъ онъ безпрестанно спрашивалъ о Вальбраншѣ, но только поздно осенью вернулся Вальбраншъ въ Парижъ. Вернувшись, онъ отправился въ Монъ-Парнасъ.

— Хотите, я приведу Макса?—спросилъ онъ старика, испытывая угрызения совѣсти и поблѣднѣвъ отъ волненія.

Росковъ покачалъ головой.

Зачѣмъ омрачать жизнь ребенка?

— Было бы лучше, если бы я не трогалъ васъ,—сказалъ богачъ.—Но повѣрьте мнѣ, я думалъ, что такъ будетъ лучше.

— Я вѣрю вамъ,—сказалъ Росковъ;—но теперь общайте мнѣ, что не сдѣлаете изъ мальчика такого же человѣка, какъ вы сами, — сдѣлайте его такимъ, какимъ я желалъ бы видѣть его.

— Это я общаю вамъ,—сказалъ глубоко растроганный Вальбраншъ.—Даю вамъ честное слово.

Честь Вальбранша была подгнившею тростью, которая часто измѣняла тѣмъ, кто на нее опирался; но на этотъ разъ въ его взглядѣ, въ тонѣ его голоса было нѣчто такое, что заставило Роскова повѣрить ему.

Смерть уже была близка; глаза старика закрылись, губы раскрылись, въ горлѣ что-то захрипѣло, и нѣкоторое время онъ лежалъ такъ тихо и неподвижно, что казался уже трупомъ.

Солнце освѣтило комнату, и когда лучи его коснулись глазъ старика, то глаза эти раскрылись и устремились кверху, но они уже ничего не видѣли.

— Пойдемъ, Максъ, пойдемъ Пепинъ,—лепеталъ умирающій, слабо улыбаясь;—пойдемте на цѣлый день въ лѣсъ: меня выпустили на свободу. Я буду рисовать, а вы будете играть, дѣти мои.

Онъ жадно протянулъ руки къ солнцу, котораго не могъ видѣть; потомъ голова его откинулась назадъ, и струйка крови потекла у него изо рта. Онъ былъ мертвъ.

ИЗЪ ГЕРМАНИИ.

(Письмо изъ Берлина).

Русская читальня въ Берлинѣ. — Ревизоръ на нѣмецкой сценѣ. — Гергардтъ Гауптманъ. — Церемонія передачи университета новому ректору. — Увеличеніе числа студентовъ.

Если вы пойдете по Lilien-Strasse, найдя № 154^A, войдете во дворъ и подыметесь въ третій этажъ, вы очутитесь передъ массивной деревянной дверью, на которой прибитъ листъ бумаги съ надписью:

Russische Saltykoff Lesehalle.

Это и есть русская читальня въ Берлинѣ, основанная нѣсколько лѣтъ тому назадъ русскими студентами, получавшими высшее образованіе въ мѣстномъ университетѣ и политехникумѣ.

Небольшая комната, большую часть которой занимаютъ три книжныхъ шкафа, уставлена сплошь по стѣнамъ двумя столами, зеркаломъ, ящикомъ для книгъ и старымъ-престарымъ зеленымъ бархатнымъ диваномъ, сидѣнье котораго продавлено до невозможности. Тѣмъ не менѣе, приходится устраиваться на немъ, такъ какъ, кромѣ него, въ читальнѣ имѣются только три стула. Черная доска для объявленій, висящія по стѣнамъ газеты и большой портретъ покойнаго сатирика, въ честь котораго устроена читальня, дополняютъ убогую обстановку. Тѣмъ не менѣе, это любимый уголокъ русскихъ студентовъ. Здѣсь они встрѣчаются другъ съ другомъ, здѣсь идутъ оживленныя бесѣды, слышится русская рѣчь, здѣсь русскія книги и русскія газеты, переполненныя извѣстіями съ далекой, но милой родины, — вотъ почему каждый вновь прибывшій русскій спѣшитъ записаться въ члены читальни, вотъ почему заглядываетъ сюда и русскій туристъ.

Въ настоящее время читальня насчитываетъ свыше 85 членовъ, вносящихъ ежемѣсячно за пользованіе читальней и право брать на домъ 2 книги—75 пф. Каждый вновь поступающій вноситъ еще 1 марку «вступительныхъ» денегъ. Эти сборы и даютъ возможность платить за наемъ комнаты, отопленіе и освѣщеніе,

выписывать журналы и газеты; на покупку книгъ денегъ уже не хватаетъ, а потому вся бібліотека (около 310—320 томовъ) составлена исключительно изъ пожертвованныхъ членами читальни книгъ. Къ числу доходовъ надо еще прибавить сборъ въ 10 пф. съ посѣтителей читальни, не записавшихся въ число членовъ.

Читальня имѣетъ выработанный ея учредителями уставъ, согласно которому два раза въ году, предъ началомъ семестровыхъ занятій, созываются общія собранія членовъ читальни для выбора правленія. Оно состоитъ изъ пяти человекъ (въ лѣтнее время изъ трехъ), которые распредѣляютъ между собой дни недѣли и назначаютъ дежурные часы, въ которые и производится выдача книгъ. Въ отсутствіе дежурнаго члена правленія книжные шкафы заперты, но дверь въ читальню открыта днемъ и ночью, журналы и газеты всегда къ услугамъ посѣтителей.

Въ настоящее время читальня получаетъ изъ ежемѣсячныхъ журналовъ: «Русское Богатство», «Русскую Мысль», «Вѣстникъ Европы», «Вопросы философіи и психологіи» и «Сѣверный Вѣстникъ»; изъ еженедѣльныхъ: «Недѣлю» и «Нед. Хронику Восхода» (оба съ ежемѣсячными книжками) и «Научное обозрѣніе»; изъ газетъ: «Русскія Вѣдомости», «Новое Время», «Сибирскій Вѣстникъ» и «Одесскія Новости». Нѣкоторыя изъ вышеназванныхъ газетъ и журналовъ выписаны читальней, нѣкоторые получаютъ бесплатно, а два-три пожертвованы членами читальни, выписавшими ихъ. Вся русская колонія была бы въ высшей степени благодарна тѣмъ русскимъ газетамъ и журналамъ, которые обратили бы вниманіе на эти строки и стали бы высылать по экземпляру своихъ изданій въ читальню бесплатно.

Интересное зрѣлище представляетъ читальня въ дежурные часы; тогда читать невозможно: въ комнатѣ набивается 25—30 человекъ, здѣсь знакомятся, здѣсь бесѣдуютъ, здѣсь сходятся, сидятъ, мѣняютъ книги, дѣлятся новостями, пишутъ и читаютъ оставаемыя здѣсь же письма... Затѣмъ, понемногу члены читальни расходятся, дежурный часъ окончился, въ читальнѣ водворяется тишина, оставшіеся берутся за книги и журналы.

Каждый русскій, пріѣхавшій въ Берлинъ, послѣ посѣщенія читальни непременно пойдетъ въ Königliche Schauspielhaus (королевскій драматическій театръ) посмотрѣть, какъ нѣмцы исполняютъ «Ревизора» Гоголя. Королевскій театръ маленькій, но чистенькій; безъ всякихъ украшеній въ зрительномъ залѣ, онъ имѣетъ нѣсколько казарменный видъ. Сцена крохотная, такъ что въ послѣднемъ дѣйствіи, когда къ городничему собираются гости, артистамъ положительно негдѣ повернуться.

Передъ тѣмъ, какъ перейти къ исполненію, я долженъ указать на нахальство переводчицы, нѣкоей Эльзы Шабельской. Она позволила себѣ исправить Гоголя, выпустить нѣкоторыя, по ея мнѣнію, излишнія мѣста, и дополнить его своими фразами, на которыя нѣтъ и намека у Гоголя. Такой вольности въ переводахъ нѣмецкихъ драмъ, принадлежащихъ извѣстнымъ писателямъ, въ русской литературѣ мы не помнимъ.

Не стану касаться мелочей обстановки и аксессуаровъ, какъ, на примѣръ: Тяпкинь-Ляпкинь все время ходитъ въ пальто, вицт-мундиры въ два ряда пуговицъ, какъ носятъ нѣмеціе городовые, на стѣнѣ портретъ какого-то нѣмецкаго принца и т. п., и перейду прямо къ исполненію.

Артистъ, исполнявшій роль Хлестакова, былъ положительно хорошъ, а сцену завирания провелъ даже превосходно. Къ сожалѣнію, онъ одѣлъ рыжій парикъ, который ежеминутно бросался въ глаза и портилъ общее впечатлѣніе. Рыжимъ былъ загримированъ и артистъ, исполнявшій роль Осипа и исполнившій ее шаржированно. Пожираніе остатковъ барскаго обѣда, трусость, а затѣмъ раболѣпство передъ городничимъ, все это артистъ переигрывалъ. Когда Хлестаковъ уѣзжаетъ, Осипъ выходитъ съ палкой на плечѣ, а на палкѣ шляпа Хлестакова; это уже явный шаржъ. Кульки и подношенія купцовъ (а ихъ было принесено на сцену ужъ черезъ-чуръ много) Осипъ оставляетъ долгое время здѣсь же въ комнатѣ. Артистъ, вѣроятно, не сообразилъ, что такая масса сахарныхъ головъ можетъ, вѣдь, дискредитировать барина въ глазахъ семейства городничаго. Не понялъ, очевидно, и словъ: «Давай сюда и веревочку—въ дорогѣ все пригодится», потому что самъ, на глазахъ публики, снялъ эту веревочку съ сахарной головы.

Городничій былъ загримированъ такъ, какимъ я привыкъ его видѣть на русскихъ сценахъ, но артистъ, исполнявшій эту роль, слишкомъ много откашливался, какъ исполнявшій роль Осипа слишкомъ много отплевывался. Къ сожалѣнію, онъ плохо понялъ свою роль; слова: «вижу только свинья рыла» онъ проговорилъ прямо въ лицо Коробкину; къ нему же были обращены и слова: «Надъ кѣмъ смѣтеться?» Отвѣтъ: «Надъ собой смѣтеться»—переводчицей выпущенъ, но за то она заставляетъ городничаго искать въ полсѣднемъ дѣйствіи мышей, приснившихся ему.

Относительно другихъ исполнителей могу сказать, что ни Марья Андреевны, ни Марья Антоновны на сценѣ я не видѣлъ—были лишь двѣ прилизанныя, вычурно одѣтыя нѣмочки, причемъ дочь выглядѣла куда старше своей матери. Артистъ, исполнявшій роль Земляники, одѣлъ парикъ съ лысиной во всю голову, облачился въ черный сюртукъ и все время чуть ли не до земли кланялся

городничему. Выполнявшій роль почтмейстера изображалъ пьяницу, еле держащагося на ногахъ, съ краснымъ носомъ и распухшимъ лицомъ—все это, вѣроятно, на основаніи двухъ словъ изъ письма Хлестакова къ Тряпичкину: «пьетъ горькую». Остальные артисты шаржиrowали до невозможности и обнаружили полное непониманіе своихъ ролей.

Вообще, на русскаго такое каррикатурное исполненіе, самовольная передѣлка комедіи переводчицей и даже такія мелочи, какъ висящіе у всѣхъ изъ кармазовъ громадныя красныя носовыя платки, безпрерывное нюханье табаку и т. п., производятъ очень непріятное впечатлѣніе.

Много шуму производятъ здѣсь пьесы Гергардта Гауптмана въ «нѣмецкомъ театрѣ». Гауптманъ родился въ 1862 году и происходитъ самъ изъ той среды, которую онъ обрисовалъ въ своей драмѣ «Ткачи»: дѣдъ его былъ силезскимъ ткачемъ, и рассказы отца Гауптмана о былыхъ страданіяхъ и бѣдствіяхъ его дѣда послужили главной канвой для созданной имъ впоследствии драмы. Первая драма, принадлежащая перу Гауптмана: «Тиверій», также какъ и первая поэма его «Удѣлъ прометейцевъ», написаны въ подражаніе старымъ романтикамъ и довольно таки шаблонны. Но прошло нѣкоторое, довольно короткое, время, и Гауптманъ сдѣлалъ рѣзкій поворотъ: онъ сталъ реалистомъ. Первымъ трудомъ его въ духѣ этой школы была повѣсть его «Стрѣлочникъ Тиль» (Ballwarter Thiel); въ 1888 году онъ написалъ драму «Передъ восходомъ солнца» и поставилъ ее въ слѣдующемъ году на «вольной сценѣ», которая тогда только-что была организована берлинскимъ кружкомъ литераторовъ. Эта пьеса, въ которой Гауптманъ подражаетъ Ибсену съ большой долей своего сильнаго таланта, вызвала въ печати громадную бурю своимъ черезчуръ «дерзкимъ» реализмомъ. Въ томъ же году Гауптманъ ставитъ еще одну свою пьесу: «Праздникъ мира» (Das Friedenfest), въ которой еще ярче выказалъ свой самобытный талантъ. Въ ней онъ уже сознательно выступаетъ на путь реализма и старается создать новую школу драматическаго искусства. Слава Гауптмана начала расти и увеличиваться и достигла своего апогея послѣ постановки имъ пьесы: драмы «Одинокіе» (Einsame Menschen) въ 1890 г. и комедіи «Нашъ товарищъ Крамптонъ» (Kollega Kramp-ton) въ 1891 г. Серьезная критика нашла, что первая изъ нихъ, по взглядамъ на бракъ, сильно приближается къ ученію Толстого, а вторая принадлежитъ къ числу самыхъ веселыхъ и остроумныхъ въ новѣйшей драматической литературѣ. Два послѣднія его произведенія—«Ткачи» и «Гавнеле», надѣлавшая въ прошлый сезонъ столько шуму въ Петербургѣ.

Кромѣ драмъ, Гауптманомъ написано еще нѣсколько прекрасныхъ разсказовъ, изъ которыхъ особаго вниманія заслуживаетъ «Апостолю». «Гауптманъ», говоритъ въ одной изъ своихъ статей критикъ Рейнгольдтъ: «талантливѣе и глубже Зудермана, а въ способѣ разработки своихъ сюжетовъ гораздо детальнѣе и смѣлѣе Ибсена... И индивидуализація лицъ,—заканчиваетъ статью критикъ,—посредствомъ отгѣнковъ рѣчи доведена у него до высокой степени совершенства».

Надняхъ въ Берлинскомъ университетѣ происходила церемонія передачи своей власти старымъ ректоромъ новому, избранному на постъ ректора недавно Вагнеру, специалисту по политической экономіи. Ради этого торжества въ актовомъ залѣ университета, въ такъ называемомъ «аулѣ», собрались всѣ профессора и лекторы, въ своихъ разноцвѣтныхъ мантияхъ и шапочкахъ, а также многотысячная толпа студентовъ.

Послѣ прочтенія старымъ ректоромъ краткаго отчета о состояніи университета и принесенія новымъ присяги, состоялась самая церемонія передачи. Она состояла въ томъ, что служители въ красныхъ мантияхъ сняли съ бывшаго ректора золотую цѣпь и бархатную, вышитую золотомъ, мантию и возложили ихъ на новаго ректора.

По окончаніи этой церемоніи Вагнеръ произнесъ вступительную рѣчь, въ которой касался развитія идей политической экономіи и социалистическихъ теорій въ Германіи. Рѣчь была настолько суха и специальна, что врядъ ли кто-нибудь изъ присутствовавшихъ, за исключеніемъ двухъ-трехъ профессоровъ по политической экономіи, понялъ ее.

Но когда рѣчь, наконецъ, была окончена, поднялся въ залѣ невообразимый шумъ: хлопали въ ладоши, стучали ногами; такимъ образомъ нѣмецкіе студенты благодарили ректора за то, что рѣчь длилась только 2, а не 4 и больше часа. Кстати, о студентахъ.

По официальнымъ даннымъ, опубликованнымъ въ этомъ году, оказывается, что число студентовъ во всѣхъ германскихъ университетахъ ежегодно прогрессивно увеличивается, а за послѣднія 40 лѣтъ возрасло почти въ 2½ раза. Такъ, въ періодъ отъ 1841—1846 года число студентовъ въ среднемъ было—11.626, а въ періодъ 1888—1890 уже достигало 29.294 чел. За послѣднія 5 лѣтъ число студентовъ, конечно, возрасло, но официальныхъ данныхъ еще не имѣется. Могу сказать, что наплывъ въ этотъ году въ берлинскіе политехникумъ и университетъ—небывалый.

М. С—въ.

КРАСНАЯ ШАПОЧКА.

РАЗСКАЗЪ.

— «Вотъ незабудки—это на память: не забывай меня, милый другъ! Вотъ павлика—это означаетъ вѣрность. Вотъ вамъ хмель и васильки... Вотъ—подынь; она горька, какъ горько бываетъ раскаяніе. Вотъ—не тронь меня...»
Слова Офеліи въ 4 дѣйствіи «Гамлета».

I.

Единственная игрушечная лавка въ Тихорѣцкѣ помѣщалась на главной Московской улицѣ. Каждое утро чисто выбритый старичокъ отворялъ дверь и внимательно осматривалъ немного покосившуюся и сильно полинявшую вывѣску.

— Ужъ какъ-нибудь надо все поправить,—думалъ онъ вслухъ.—Всего-то подрасить одинъ уголокъ, двѣ буквы и вбить новый крюкъ.

Но время шло, а вывѣска оставалась въ прежнемъ видѣ. Просто, какъ говорится, руки не доходили... Съ другой стороны, какъ разъ напротивъ, черезъ улицу, была точно такая же вывѣска, такая же полинявшая и тоже покосившаяся. На ней гордо красовалось всего одно слово: Шмидтъ, а надъ нимъ выдавалась деревянная кабанья голова, которую тихорѣцкіе обыватели принимали за обыкновенную свиную. Подержанныя вывѣски самымъ добродушнымъ образомъ поглядывали одна на другую, какъ хорошіе старые знакомые. Колбасная отрывалась одновременно съ игрушечной лавкой и на ея порогѣ показывался толстый усатый господинъ съ рукой на черной перевязи,—это былъ самъ Шмидтъ, Карлъ Ивановичъ Шмидтъ. Сосѣди предварительно раскланивались молча,

а потомъ черезъ улицу говорили что-нибудь такое, что говорится съ просонья.

— Что у васъ новаго, Карль Иванычъ?

— Мой, слава Богъ, ничего... А какъ вамъ, Павелъ Петровичъ?

— И я тоже, слава Богу, ничего...

Карль Иванычъ медленно раскуривалъ хорошенькую трубочку, выходилъ на тротуаръ, осматривалъ свою вывѣску и качалъ головой. Онъ тоже находилъ, что необходимо произвести нѣкоторый ремонтъ, и утѣшался только тѣмъ, что у сосѣда такая же точно, требовавшая ремонта, вывѣска.

— Карль, нужно сдѣлать поправлять...—наставительно говорилъ самому себѣ аккуратный нѣмецъ и сейчасъ же прикидывалъ въ умѣ, что это удовольствіе будетъ стоить.—Да, нужно, Карль... Не будь русской свинья, Карль, какъ твой сосѣдъ Павелъ Петровичъ, который не хочетъ дѣлать ремонтъ.

Сосѣди стояли нѣкоторое время у своихъ лавочекъ, поджидая, когда въ концѣ улицы поважится толстеный, низенькій человѣчекъ съ большой круглой головой. Это былъ учитель русскаго языка въ тихорѣцкой женской прогимназіи Третьяковъ, который утромъ шелъ на службу мимо табачной лавочки, а возвращался домой мимо колбасной. Последнее имѣло свой хозяйственный расчетъ: учитель по пути купалъ въ колбасной какихъ-нибудь „закусноровъ“, смотря по обстоятельствамъ и расположенію духа. Шмидтъ немного ревновалъ своего сосѣда, потому что круглый учитель каждое утро останавливался у игрушечной лавочки и разговаривалъ съ Павломъ Петровичемъ.

— Гутъ моргенъ, Третьякова!—кричалъ Шмидтъ черезъ улицу.

— Мое почтеніе, Карль Иванычъ...

Павелъ Петровичъ послѣ обычныхъ переговоровъ о здоровьѣ, о клопахъ и ревматизмѣ, которымъ страдалъ „третьякова“, бралъ учителя за локоть и спрашивалъ:

— А что наша „Красная шапочка“?

— Ничего... Благодарю васъ... Впрочемъ, что же вы меня спрашиваете: вѣдь она вчера была у васъ?

— Ахъ, да...

Еще недавно Третьяковъ ходилъ въ свою гимназію по

улицамъ въ сопровожденіе дочери Мани, но она уже кончила курсъ и больше не провожала отца. Когда онъ теперь шелъ на службу одинъ съ пачкой ученическихъ тетрадокъ въ рукѣ, всѣмъ казалось, что какъ будто чего-то не достаетъ. не достаетъ именно этой хорошенькой бѣловурой дѣвушки съ такимъ тонкимъ личикомъ, граціозной тонкой фигуркой и граціозной походкой. На отца дѣвочка нисколько не походила. Онъ былъ, во-первыхъ, толстъ, а во вторыхъ, лицо у него уже совсѣмъ нельзя было назвать красивымъ—толстое, скуластое, съ широкимъ русскимъ носомъ и узенькими темными глазами. Дѣвочка походила на мать, которая умерла давно.

„Третъ Якова“ уходилъ, Павелъ Петровичъ шелъ въ свою лавку, перебиралъ какія-то картонки, что-то подсчитывалъ въ торговой книгѣ, поджимая губы, и укоризненно качалъ головой. Именно въ этотъ критическій моментъ изъ сосѣдней комнаты раздавался голосъ:

— Поль, чай пить...

Дверь изъ табачной вела въ комнату, имѣвшую значеніе гостиной и столовой вмѣстѣ. Она выходила двумя, всегда пыльными окнами на дворъ и была загромождена старомодной мебелью. У кипѣвшаго самовара Поля терпѣливо дождалась Анисья Егоровна, очень полная и когда-то очень красивая старушка. Она по утрамъ носила бѣлые чепцы и какіе-то фантастическіе пестрые капоты, свидѣтельствовавшіе о привычѣ быть красивой,—красота исчезаетъ, а привычка остается.

— Семень Васильичъ прошелъ въ свою гимназію...—неизмѣнно сообщалъ Павелъ Петровичъ, присаживаясь къ своему стакану.

— Да?..—удивлялась старушка, точно это было какое-то необыкновенное событіе.—Какъ ему не надоѣсть.

— Пенсію скоро будетъ получать...

Наступала пауза. Старички молча выпивали чай, Поль раскуривалъ папиросу, откидываясь на спинку кресла и говорилъ дѣловымъ тономъ:

— Сейчасъ просматривалъ книги, Анисья Егоровна... да. Знаете, это невозможно!.. Никакой торговли... Мы просто обманываемъ сами себя. Да и какая можетъ быть торговля въ

этой проклятой дырѣ... Развѣ это городъ, Анисья Егоровна? Въ другихъ городахъ живые люди живутъ, а у живыхъ людей дѣти... да-съ. А что можетъ быть у нашихъ отставныхъ?.. Нѣтъ, рѣшительно, надо закрывать лавочку...

— Хорошо, Поль,—согласилась старушка.—Закроемъ лавочку, а дальше что?..

— Мало ли что можно придумать... Переѣдемъ въ другой городъ или... или откроемъ какую-нибудь другую торговлю. Здѣсь нужно мукой торговать... А самое выгодное дѣло: аптека. Лекарства всегда въ модѣ и всѣмъ нужны...

— Аптека, Поль, ужъ есть, а потомъ нужно быть провизоромъ,—резонно замѣчала старушка, не желавшая спорить и раздражаться.—А если переѣзжать, такъ съ одной мебелью сколько хлопотъ.

— Мебель мы можемъ продать, Анисья Егоровна...

Эти разговоры повторялись каждое утро и ни къ чему не вели. Такъ, просто нужно было сорвать на чемъ-нибудь сердца. Торговля, дѣйствительно, шла изъ рукъ вонъ плохо, но у стариковъ были маленькія средства, и лавочка служила только призракомъ какого-то дѣла. Нельзя же, въ самомъ дѣлѣ, сидѣть, сложа руки, когда люди еще въ силѣ...

Тихорѣцъ былъ „городомъ отставныхъ“, городомъ на пенсіи. Въ немъ сслились, благодаря относительной близости къ Петербургу и захолустной дешевизнѣ, разные отставные чиновники, военные и, вообще, люди не у дѣлѣ. Здѣсь можно было жить съ самымъ скромнымъ бюджетомъ, и хозяйственный годъ стоилъ дешевле, чѣмъ одна квартира въ Петербургѣ. Старики отставные мирно доживали здѣсь свои послѣдніе дни, придавая городу какой-то старческій видъ. Въ Тихорѣцѣ, повидимому, было рѣшительно все, что полагается скромному провинціальному русскому городу—и синій соборъ на главной площади, и неизбѣжная Московская улица, и пересыльная тюрьма, и двѣ пожарныхъ каланчи, и обжорный рядъ, и полуразвалившійся городской театр—однимъ словомъ, рѣшительно все, что можетъ представить самое пылкое воображеніе, все, кромѣ жизни. Въ городѣ царилъ какая-то старческая тишина.

Самымъ характернымъ признакомъ этого города отставныхъ было полное отсутствіе дѣтей, т.-е. дѣтей настоящей

„публики“, а не тѣхъ, которыя наполняли грязныя улицы предмѣстья. Главныя улицы, гдѣ жили отставные, были всегда пусты. Даже дома походили на стариковъ. Это отсутствіе жизнерадостной дѣтвора чувствовалось во всемъ и придавало какую-то тяжелую пустоту. Ни съ улицы, ни со двора не доносилось веселаго дѣтскаго гама, беззаботный дѣтскій смѣхъ не наполнялъ воздуха веселой дрожью. У „отставныхъ“ всѣ дѣти были уже взрослыми и гдѣ-нибудь служили; они изрѣдка появлялись въ Тихорѣцкѣ навѣстить стариковъ, и вносили нѣкоторое оживленіе и надолго исчезали.

При такихъ обстоятельствахъ, конечно, дѣла игрушечной лавки не могли идти хорошо. Покупатели были на перечесть. Конечно, существовала женская прогимназія, значить, были же какія-то дѣти, но, къ сожалѣнію, это учрежденіе не могло поддержать торговли игрушками—въ прогимназіи училась мѣщанская голь, поповны и дѣти бѣдныхъ мелкихъ чиновниковъ. Все это были плохіе покупатели, за самыми рѣдкими исключеніями, какъ семья учителя Третьякова. Въ сердцахъ Павелъ Петровичъ частенько бранилъ отставныхъ, зачѣмъ у нихъ нѣтъ дѣтей, забывая, что и самъ тоже отставной и тоже бездѣтень. Дѣлалъ онъ это безсознательно, можетъ быть, потому, что чужіе недостатки виднѣе, а можетъ быть, потому, чтобы сорвать сердце. Въ минуты раздумья старикъ утѣшалъ себя тѣмъ, что, конечно, хорошо бы имѣть дѣтей, да только еще вопросъ, какія вырастутъ.

— Пожалуй, безъ дѣтей—то и лучше, — резонировалъ онъ.—Мало что-то радости по нынѣшнимъ временамъ отъ этихъ самыхъ дѣтей.

Старушка Анисья Егоровна обыкновенно молчала и только хмурилась. Она оставалась при своемъ особомъ мнѣніи. Но зато, какъ она была счастлива, когда въ лавочку завертывалъ настоящій покупатель. О, съ какой затаенной нѣжностью старушка смотрѣла на эти разгоравшіеся жадностью дѣтскіе глаза, на эти маленькія ручонки, готовые захватить и унести всю лавочку, на эту задорную дѣтскую радость, покрывавшую цѣлый міръ.

Въ числѣ самыхъ дорогихъ покупательницъ была дочь Третьякова, благодаря которой и состоялось многолѣтнее знакомство. Тогда Третьяковъ только-что овдовѣлъ и не былъ

еще такъ толстъ, какъ сейчасъ. Онъ не разставался со своей Маней и всюду таскалъ ее за собой. Анисья Егоровна влюбилась въ дѣвочку сиротку съ перваго раза и въ ней помѣстила неизрасходованный капиталъ материнской любви. Это было мучительное и больное чувство, которое даже конфузило Анисью Егоровну, и она почему-то скрывала его отъ всѣхъ, какъ преступленіе. Тутъ были и тайныя муки ревности, и материнскій страхъ за здоровье ребенка, и святой страхъ за его будущее, и тѣ молчаливыя ласки, которыя краснорѣчивѣе всякихъ словъ. Маленькая Маня быстро освоилась въ этой новой атмосферѣ чисто женской любви и съ дѣтскимъ эгоизмомъ эксплуатировала старушку. Въ результатѣ обѣ были счастливы. Анисья Егоровна называла Маню красной шапочкой, и эта вличка осталась за ней.

Въ этомъ названіи заключался свой особый смыслъ— Маня была для отца и для всѣхъ остальныхъ, а для Анисьи Егоровны только одна „Красная шапочка“. Дѣвочка являлась почти каждый день въ лавку и здѣсь играла, какъ у себя дома. Она знала наперечетъ всѣ игрушки, называя каждую своимъ именемъ, и заставляла ихъ жить. Анисья Егоровна казалась, что даже эти дешевенькія, выпцѣтшія отъ времени и пыли игрушки въ рукахъ „Красной шапочки“ точно молодѣли, дѣлались лучше, красивѣе и даже добрѣе. Напримѣръ, былъ очень злой турокъ и очень мрачный трубочистъ но эта злость и мрачность теперь были совершенно понятны— и турокъ, и трубочистъ очень хотѣли улыбнуться „Красной шапочкѣ“ и не могли. Оставалось злиться и дѣлать мрачное лицо. Старушка сама увлекалась куклами и игрушками, спускалась до дѣтскаго міросозерцанія, и ей даже начинало казаться, что и весь Тихорѣцъ старая игрушечная лавка, набитая старыми, полинявшими и расклеившимися игрушками, потерявшими всякую надежду на побудателя.

Всего счастливѣе Анисья Егоровна бывала тогда, когда „Красная шапочка“ прихварывала и требовала ее къ себѣ. О, тогда дѣвочка уже принадлежала только ей одной, ея рукамъ, уходу и вниманію... Около дѣтской кровати проходили мучительно-счастливые часы, дни и цѣлыя недѣли. И какъ все это выкупалось... Разъ ночью болѣльная „Красная

шапочка“ крѣпко обняла Анисью Егоровну и, наклонившись къ самому уху, тихо прошептала:

— Я васъ очень люблю... очень...

II.

Благодаря „Красной шапочкѣ“, завелась прочная дружба между двумя семьями. Къ нимъ черезъ нѣкоторое время присоединился колбасникъ Шмидтъ, потому что старики любили поиграть въ картишки и какъ разъ не доставало четвертаго партнера. Они собирались по вечерамъ большею частью у Павла Петровича, какъ женатаго человѣка, — Шмидтъ доживалъ свой вѣкъ старымъ холостякомъ. Старики проводили время очень недурно. „Красная шапочка“ вертѣлась все время около нихъ, и даже иногда замѣняла Анисью Егоровну, когда та готовила закусу или разливала чай. Въ темные осенніе вечера было такъ хорошо въ маленькой гостиной, и мирное убиваніе времени нарушалось только варточными спорами и политикой. Послѣдняя положительно убивала Анисью Егоровну, потому что мужчины такъ ужасно горячились, кричали и ссорились.

— Вы—нѣмецъ, Карлъ Иванычъ, и ничего не понимаете!—какимъ-то тонкимъ голосомъ выкрикивалъ Павелъ Петровичъ, утрачивая всякую душевную мягкость и присущую ему натурѣ деликатность.—Да, не понимаете... Я не хочу васъ оскорблять, Карлъ Иванычъ, но у васъ нѣмецкая голова.

Въ азартѣ одного изъ такихъ споровъ Третьяковъ выразился уже совсѣмъ не деликатно, давъ замѣтить очень прозрачно, что эта нѣмецкая голова Карла Иваныча была просто-на-просто набита пескомъ.

— Нѣтъ, это Третьякова не понимаете!—кричалъ Карлъ Иванычъ, размахивая единственной рукой.— Мой дрался у Вертъ... мой терялъ рука... мой дѣлалъ кезера Вильгельмъ императоръ... О, мой все понимайтъ!..

Главный матеріалъ для такихъ споровъ доставляли прклятыя газеты, которыя Анисья Егоровна ненавидѣла отъ всей души. Въ каждомъ номерѣ мужчины находили что-нибудь такое, изъ-за чего лѣзли на стѣну. Дѣло доходило до того, что друзья на нѣкоторое время совсѣмъ расходились

— Чортъ меня пусть положитъ къ себѣ въ карманъ, если я пойду когда-нибудь къ этимъ проклятымъ москалямъ! — повторялъ каждый разъ Карлъ Ивановичъ. — Я себѣ отрублю другой рука...

Легко было это сказать, но исполнить трудно, особенно зимой, когда ночамъ не было конца. Москали тоже скучали безъ нѣмца, хотя и старались не показывать вида. Прими-ряющимъ элементомъ обыкновенно являлась Анисья Егоровна, которая начинала съ мужа.

— Ты-то съ чего на стѣну лѣзешь, Поль? Травите Карла Ивановича, а теперь и сидите да скучаете... И что далась вамъ эта проклятая политика? Ну, Карлъ Ивановичъ еще воевалъ, ему руку отрубили, а вы-то съ Семень Васильичемъ о чемъ беспокоитесь...

— Ахъ, Анисья Егоровна, какъ это вы не хотите понять!.. — удивлялся Павелъ Петровичъ. — Вы-только подумайте, какой величайшей ошибкой была вся эта франко-прусская война... Ошибкой для нѣмцевъ. А Бисмаркъ просто осель... Для чего нѣмцамъ было брать Эльзась-Лотарингію! Вѣдь это всего нашихъ полтуфзда... Ну, возьми контрибуцію и успокойся, а теперь эта Эльзась-Лотарингія сидитъ бѣльмоу на глазу у французовъ — да. Нѣ-ѣтъ, они не забудутъ!.. Да-съ...

-- И пусть не забываютъ. Это ихнее дѣло и насъ даже нисколько не касается. Знай сверчокъ свой шестовъ...

— А вотъ и касается, и даже весьма касается, Анисья Егоровна. И какъ это, право, вы не хотите понять?..

Павелъ Петровичъ даже понижалъ голосъ и сообщалъ женѣ подъ величайшемъ секретомъ:

— Г. Бисмаркъ давно точитъ зубъ на Россію... Вѣдь вы это тысячу разъ слышали, Анисья Егоровна? Хорошо. Ему давно хочется отнять у насъ Остзейскій край и Финляндію, и Польшу... Вы тоже это слышали? Вотъ тогда, сейчасъ послѣ войны, получи контрибуцію и ударъ на насъ... Вѣдь мы-то совсѣмъ не были готовы. Хе-хе... Тутъ не Эльзась-Лотарингіей пахло. Ну, а теперь шабашъ... Положимъ, Мольтке и планъ выработалъ войны съ Россіей: — занять Западный край, уврѣниться тамъ и ни шагу дальше. Вѣдь Наполеонъ I сдѣлалъ величайшую ошибку, что забрался въ Москву. Это его

*

погубило... Да. А нѣмцы хитрѣе: заполучать весь Западный край и упрутса въ немъ.

— Какія ты страсти говоришь, Поль! — возмущалась старушка. — Вѣдь у насъ и солдаты, и пушки, и генералы, и ружья...

— А у нѣмцевъ все это лучше. Ну, да все это ничего... Теперь мы ихъ не боимся, потому что только пошевелись они — французы ихъ сейчасъ по затылку. Хе-хе... Сами себѣ игрушку подстроили...

Самой высокой степени эти политическія недоразумѣнія достигли въ то лѣто, когда въ Кронштадтѣ пришла французская эскадра. Карлъ Иванычъ потерялъ окончательно всякое душевное равновѣсіе и самъ придирался къ москалямъ, которые еще тѣснѣе сплотились и потихоньку хихикали надъ нѣмцемъ. Не угодно ли франко-русскій союзъ, Карлъ Иванычъ? Какъ вы *это* понимаете? Хе-хе...

— Если вы такъ, то мы васъ будемъ бить! — заявилъ герой Верта съ рѣшимостью на все. — Кромѣ Бога, мы ничего не боимся...

„Треть Якова“ даже не удостоилъ спорить, а только ухмылялся. Да и о чемъ было спорить, когда политическія событія были яснѣе бѣлаго дня. Мать нѣмцу — и конецъ.

Французская эскадра, такъ весело гостившая въ Кронштадтѣ, разрушила навсегда мирный союзъ скромныхъ винтеровъ. Произошла очень крупная размолвка, причемъ дѣлались довольно прозрачныя намеки съ одной стороны на недоброкачественность нѣмецкой колбасы, а съ другой — на залежалый товаръ въ игрушечной лавкѣ. „Треть Якова“ и Павелъ Петровичъ дали самую торжественную клятву, что не возьмутъ въ ротъ колбасы вообще. Никогда!.. Это была открытая война, по всѣмъ правиламъ войны. Дипломатическія уловки Анисы Егоровны не повели рѣшительно ни къ чему, кромѣ новаго раздраженія.

— Я боюсь, что *онъ* подожжетъ нашу лавку, — шепотомъ говорилъ Павелъ Петровичъ женѣ. — Отъ такихъ людей можно ожидать всего... Для нихъ нѣтъ ничего святого.

„Треть Якова“ пересталъ совсѣмъ ходить по тротуару мимо колбасной. Кто поручится, что *онъ* не схватитъ ножа и не выскочитъ съ нимъ на улицу? Да и ножъ въ колбасной всегда

подъ рукой... Самъ Карлъ Иванычъ занялъ обороняющуюся позицію и въ свою очередь ждалъ. Вѣдь эти некультурные русскіе мужики могутъ устроить какую-нибудь вылазку, особенно ночью. Карлъ Иванычъ повѣсилъ надъ своей кроватью револьверъ и сказалъ самому себѣ маленькое поученіе:

— Карлъ, осторожность — прежде всего... Осторожность — все. Помни, Карлъ, — ты прежде всего и послѣ всего — солдатъ...

Со стороны все это могло показаться и нелѣпымъ, и смѣшнымъ, и даже невозможнымъ, но, къ сожалѣнію, все это происходило именно такъ, и дѣйствующія лица чувствовали себя прескверно. Ихъ давила собственная рѣшимость и сознание безповоротности принятыхъ рѣшеній.

Но тутъ случилось событіе, которое имѣло рѣшительное значеніе въ жизни враждовавшихъ сторонъ. Въ одно прекрасное осеннее утро Павелъ Петровичъ и Карлъ Иванычъ по обыкновенію въ одно время отворили двери своихъ магазиновъ и обомлѣли.

— О, я это ожидалъ! — громко проговорилъ Карлъ Иванычъ, настолько громко, чтобы Павелъ Петровичъ могъ слышать. — Пасквиль? Отлично...

На двери колбасной и на двери игрушечной лавки были наклеены какіе-то исписанные листы. Пока Карлъ Иванычъ по складамъ разбиралъ варварскія русскія слова, а Павелъ Петровичъ бѣгалъ за очками, подошелъ „Третъ Якова“, отправлявшийся на службу, и прочиталъ первымъ:

— „Съ разрѣшенія начальства, въ г. Тихорѣцкѣ товарищество артистовъ подъ управленіемъ г. Горе-Завилейскаго, при благосклонномъ участіи артистки Императорскихъ театровъ А. Е. Мутовкиной, имѣетъ честь дать цѣлый рядъ спектаклей. Приблизительно репертуаръ будетъ состоять изъ слѣдующихъ пьесъ: „Двѣ сиротки“, „За монастырской стѣной“, „Отелло“, „Блуждающіе огни“, „Василиса Мелентьева“, „Гамлетъ“, „Тридцать лѣтъ или жизнь игрока“, „Мертвая петля“, „Злоба дня“ и т. д. Товарищество льститъ себя надеждой, что уважаемая публика г. Тихорѣца окажетъ ему свое лестное вниманіе“.

Павелъ Петровичъ и „Третъ Якова“ нѣсколько времени молчали, а потомъ учитель проговорилъ первымъ:

— Что же отлично... Однимъ словомъ, святое искусство... да. Возвышаетъ духъ вообще...

Павель Петровичъ что-то сконфуженно пробормоталъ и неожиданно скрылся, оставивъ „Третя Якова“ стоять на тротуарѣ въ полномъ недоумѣніи.

— Павель Петровичъ!.. а Павель Петровичъ!..

Павель Петровичъ появился уже съ совсѣмъ виноватымъ видомъ, высморкался, чтобы выиграть время, и кажимъ-то неестественнымъ тономъ проговорилъ:

— Да... Именно, святое искусство... А тогда, знаете, того, т.-е. отличная погода. Вы на службу идете, Семень Васильичъ?

— Куда же иначе?—удивился учитель, начиная обижаться. Вамъ не безъизвѣстно, Павель Петровичъ, что мнѣ осталось дослужить до пенсіи всего только два года, и я не могу манкировать. Да...

— Да, да, именно два года,—виновато бормоталъ Павель Петровичъ, точно извиняясь въ чемъ-то.—У меня, знаете, того... болитъ голова... вообще...

„Третя Якова“ такъ и ушелъ въ недоумѣніи, что сдѣлалось съ старымъ другомъ.

Появленіе театральныхъ афишъ произвело въ Тихорѣцкѣ своего рода сенсацію. Конечно, театръ въ городѣ былъ, т.-е. развалины, оставшіяся отъ добраго стараго времени, когда чудакъ графъ Извѣковъ былъ сосланъ въ Тихорѣцкѣ Аракчеевымъ за какія-то продерзости. У графа были двѣ слабости—театръ и охота, и онъ утѣшался въ Тихорѣцкѣ по своему, пока его не хватилъ кондрашка. Съ тѣхъ поръ театръ пустовалъ и постепенно разваливался. Какимъ образомъ занесло товарищество Горе-Завилейскаго въ эту юдоль отставныхъ—трудно сказать, а всего меньше, вѣроятно, могли бы объяснить сами гг. артисты. Но фактъ оставался фактомъ, и даже „отставные“ испытывали нѣкоторое волненіе.

Всего больше волновались владѣльцы игрушечной лавочки, и старушка Анисья Егоровна даже воскликнула:

— Зачѣмо они пріѣхали, Поль?—повторяла она.—Вѣдь есть-же другіе города? И сборовъ здѣсь не будетъ...

Павель Петровичъ мрачно молчалъ, шагая изъ угла въ уголь. Ужъ не шутова ли это проклятаго нѣмца? Онъ недѣли

двѣ тому назадъ таскался въ Петербургъ безъ всякой надобности. Да, хорошаго немного...

Именно въ такомъ настроеніи застала стариковъ „Красная шапочка“, прибѣжавшая въ лавочку радостная, сіяющая, счастливая...

— Милая Анисья Егоровна, актеры пріѣхали.. Ахъ, какъ хорошо! Вѣдь я еще никогда не видала театра.. Папа обѣщаль везти меня въ Петербургъ, какъ только получить пенсію, и мнѣ вѣжется, что онъ никогда ея не получитъ.

Дѣвушка удивилась, что не встрѣтила никакого отвѣта на свои восторги, а даже напротивъ — Анисья Егоровна смотрѣла на нее такими грустными глазами и только качала головой. Павелъ Петровичъ съ мрачнымъ видомъ ушелъ въ лавку.

— Вы сердитесь на меня?—спрашивала „Красная шапочка“, теряясь въ догадкахъ.—Боже мой, что я такого сдѣлала? Старушка обняла ее и горько заплакала.

— Что такое случилось, милая Анисья Егоровна?

— Ахъ, ничего... Совсѣмъ ничего... Это такъ, пройдетъ. Какая ты большая, Маня... Я только сейчасъ замѣтила...

— Мнѣ семнадцать лѣтъ исполнилось весной..

— Да, да... Для насъ ты все была еще маленькой дѣвочкой, и только сейчасъ я замѣтила, что ты совсѣмъ большая...

— О чемъ же тутъ плакать? Я, право, не виновата...

— Ахъ, ничего ты не понимаешь, „Красная шапочка“!..

Притворивъ дверь и осмотрѣвшись, старушка сообщила такую новость, что дѣвушка въ первую минуту подумала, ужъ не помѣшалась ли она.

— Да, да, мы съ Подемъ—актеры...—разсказывала Анисья Егоровна.—И въ свое время пользовались большой извѣстностью. А Поль меня страшно ревноваль.. Да и было за что: меня вездѣ и всѣ любили. А одинъ офицеръ стрѣляль въ меня... да. Я вышла на сцену, а онъ изъ второго ряда какъ выстрѣлить.. Даже теперь страшно вспомнить. Вотъ и теперь Поль страшно волнуется... Мы сколотили небольшой капиталчикъ и нарочно уѣхали въ такой глухой городшко, гдѣ не было театра, чтобы насъ никто не зналь. Вѣдь, на актеровъ всѣ смотрять какъ-то такъ... не хорошо... И

мы нарочно никому ничего не говорили. „Красная шапочка“, и ты никому ничего не говори. Сохрани Богъ!... Я это только тебѣ говорю... Понимаешь?..

„Красная шапочка“ ничего не понимала, а только смотрѣла на Анисью Егоровну большими глазами, напрасно стараясь представить ее себѣ такой молодой и красивой, когда офицеръ стрѣлялъ въ нее. Эта новость просто ошеломила дѣвушку. Сколько лѣтъ она знала стариковъ и даже не подозрѣвала въ нихъ артистовъ. Это начинался какой-то волшебный сонъ, и дѣйствительность исчезала.

— Я тебѣ сейчасъ покажу все...—говорила старушка.

Она показала хранившіеся въ комодахъ театральные костюмы, добыла цѣлую кипу вырѣзокъ изъ газетъ, гдѣ были напечатаны отчеты объ игрѣ Лукомурской и Гвоздева,—сомнѣній не могло быть.

III.

Третьяковы занимали небольшой деревянный домикъ съ палисадникомъ и мезониномъ какъ разъ противъ графскаго театра. Это было почернѣвшее деревянное зданіе, грозившее разрушеніемъ. Маня, еще маленькой дѣвочкой, не разъ проникала внутрь этого зданія, гдѣ все было полно какой-то особенной таинственностью. Она бродила по ломамъ и уборнымъ, рассматривала потолокъ, покрытый аллегорическими фигурами, изветшавшія декораціи, облупившія занавѣсы, и ей дѣлалось какъ-то страшно и вмѣстѣ хорошо. Все говорило о какой-то яркой жизни, которая кипѣла въ этихъ стѣнахъ. Вотъ здѣсь, на сценѣ, шло представленіе, вотъ здѣсь игралъ графскій оркестръ, вотъ здѣсь въ крайней ложѣ сидѣлъ самъ графъ, страшный любитель театра, по своему добрый и по своему жестокой человекъ, какихъ создавало только то безправное время. Кстати, съ этой ложей было связано очень грустное преданіе—въ ней отравилась любимая воспитанница графа Груша, которая была куплена маленькой дѣвочкой въ какомъ-то цыганскомъ таборѣ. Манѣ казалось, что тѣнь этой несчастной Груши до сихъ поръ незримо витаетъ въ этой развалинѣ, и она вздрагивала отъ каждаго шороха.

Театръ простоялъ больше сорока лѣтъ безъ всякихъ признаковъ жизни, и вдругъ все ожило съ какой-то сказочной быстротой. Двери были разтворены, явилась артель плотниковъ, столары, обойщики, маляры и какіе-то неизвѣстные люди, ходившіе въ блузахъ и высокихъ сапогахъ. Среди этой толпы, точно шаръ, катался съ утра до ночи какой-то коротенькій, толстенькій человѣчекъ, отчаянно размахивавшій толстыми, короткими ручками и страшно ругавшійся. Въ послѣднемъ случаѣ онъ имѣлъ смѣшную привычку подпрыгивать на одномъ мѣстѣ, какъ резиновый мячъ. Это и былъ самъ Горе-Завилейскій, стоявшій во главѣ товарищества. Около него вертѣлись какіе-то бритые люди, повидимому, страшно мѣшавшіе и не знавшіе, куда имъ дѣваться. Изрѣдка появлялись какія-то таинственныя дамы—вѣроятно, актрисы, какъ догадывалась „Красная шапочка“.

Въ какую-нибудь недѣлю Горе-Завилейскій сотворилъ чудо, превративъ развалину снова въ театръ. Крыша была залатана новыми досками, одна стѣна подперта бревномъ, подъѣздъ раскрашенъ въ русскомъ стилѣ, дорожки расчищены и посыпаны пескомъ—однимъ словомъ, волшебное превращеніе... Пока реставрировали зрительную залу, на сценѣ уже шли усиленныя репетиціи. Бритые люди приходили съ тетрадами и бормотали что-то на ходу, закрывая глаза. „Красную шапочку“ больше всего занимали актрисы, которыя, видимо, очень волновались и учили роли тутъ же у театра, разгуливая по дорожкамъ.

— Вотъ счастливицы...—завидовала дѣвушка, наблюдая ихъ по цѣлымъ часамъ изъ-за занавѣски. Какъ имъ, должно быть, весело!..

Разъ, когда Маня поглощена была этими наблюденіями, въ комнату вошелъ Павелъ Петровичъ, страшно взбѣшенный.

— Проклятый нѣмецъ! Я его убью, — заявилъ онъ съ видомъ человѣка, рѣшившагося дорого продать свою жизнь. — Не могъ усидѣть дома и бросился къ вамъ... Скоро придетъ отецъ? Ну, да это все равно... да. Ахъ, нѣмецъ проклятый...

— Что случилось, Павелъ Петровичъ?... Вы не волнуйтесь...

— Нѣтъ, ты представь себѣ, „Красная шапочка“... Ахъ, Боже мой!.. Проклятый нѣмецъ пустилъ въ себѣ на квартиру

актеровъ... Одинъ благородный отецъ, резонеръ, комическая старуха, инженерюшка, а главное—двое водевилятниковъ. Вотъ одинъ-то изъ нихъ и погубилъ меня... Нужно тебѣ сказать, что нѣмецъ пустилъ актеровъ, конечно, на зло мнѣ, а потомъ на зло же мнѣ подослалъ въ лавочку одного водевилятника... Я сижу и читаю газету, вдругъ кто-то меня хлопъ по плечу—поднимаю голову, что-то какъ будто знакомое... „Паша, не узнаешь?“ Этакой хрипъ застуженный, точно дверь въ погребъ кто отворилъ... Смотрю: батюшки, да, вѣдь, это Пронька Лохматовъ... Онъ! Я думалъ, — онъ уже умеръ лѣтъ двадцать назадъ, а онъ тутъ какъ тутъ и запахъ перегорѣлымъ виномъ тотъ же... Теперь, „Красная шапочка“, все кончено: весь городъ узнаетъ, что мы съ Анисей Егоровной тоже артисты... все пропало. Остается одно: бѣжать. Вотъ вакую штуку подстроилъ нѣмецъ!.. Торжествуетъ теперь и всѣмъ рассказываетъ про насъ...

— Что же тутъ такого особеннаго?—удивлялась дѣвушка.—Актеры такіе же люди, какъ всѣ другіе...

— Не совсѣмъ... Ахъ, да что тутъ говорить! Снялъ съ меня голову нѣмецъ, вотъ что... Безъ ножа зарѣзалъ. Теперь всѣ пальцами будутъ указывать на насъ съ Анисей Егоровной. Вѣдь ни одна душа не знала, кто мы такіе... Я всѣмъ рассказывалъ, что служилъ въ банѣ. Вотъ тебѣ и банѣ.

Вернувшійся со службы Третьяковъ напрасно старался успокоить стараго пріятеля. Павелъ Петровичъ бѣгалъ по комнатѣ, сжималъ кулаки и клялся всѣми святыми, что задушитъ нѣмца своими руками. Бѣдному старику казалось, что „треть Якова“ уже смотреть на него совсѣмъ не такъ, какъ бывало прежде, и что „Красная шапочка“ тоже. Однимъ словомъ, все поггло...

— А все-таки интересно посмотрѣть игру...—говорилъ Семень Васильчъ.—Я давно уже не бывалъ въ театрѣ... Мая посмотреть.

— Да развѣ это артисты?—кричалъ Павелъ Петровичъ.—Развѣ это труппа? У нихъ Пронька Лохматовъ будетъ короля Лира отхватывать... ха-ха!.. Я и этого Горе-Завилейскаго знаю. Прежде онъ просто Андреевымъ на афишахъ печатался.

Появленіе труппы совершенно измѣнило всю жизнь игру-

печной лавки. Старики сдѣлались неузнаваемыми, особенно Павелъ Петровичъ. Онъ постоянно тревожился, всѣхъ подзрѣвалъ, придирался къ женѣ, и даже всвакивалъ по ночамъ, чтобы посмотрѣть въ окно. Всего смѣшнѣе было то, что старикъ началъ ревновать жену къ прошлому.

— Анисья Егоровна, признайтесь, вѣдь вы рады, что приѣхала труппа? Да, рады? Меня не проведете... Нѣ-ѣтъ!...

— Поль, опомнись, что ты говоришь...

— А вы забыли, Анисья Егоровна, какъ за вами тогда ухаживалъ этотъ офицеръ?

— Да, вѣдь, это уже тридцать лѣтъ было назадъ... Можно бы, кажется, и забыть. Да и офицеръ давно умеръ навѣрно... Я даже и фамилію его позабыла...

— А я помню!.. Да-съ... Вы еще не знаете меня, Анисья Егоровна!... Да-съ... Я звѣрь... Дикій звѣрь...

Павелъ Петровичъ кричалъ, стучалъ кулакомъ и доводилъ старушку до слезъ. Анисья Егоровна не знала, что ей дѣлать, и рѣшила про себя, что старикъ повихнулся. Мало ли что было и вспоминать все черезъ тридцать лѣтъ! Жили все время душа въ душу, и вдругъ накатилась неожиданная напасть. Вѣдь этакъ и самой можно съ ума сойти...

Эти семейныя непріятности ужасно разстраивали Анисью Егоровну, и она уходила къ „Красной шапочкѣ“ отдохнуть и отвести душу.

— Я еще не знала, кокой это извергъ!— жаловалась старушка.— Онъ слѣдитъ за каждымъ моимъ шагомъ, что-то разыскиваетъ по комодамъ и ужасно ревнуетъ...

Старческая ревность, конечно, была только смѣшной, и „Красной шапочкѣ“ стоило большихъ усилій удержаться. Дѣвушка была вся поглощена театромъ. Она уже была на двухъ спектакляхъ и возвращалась къ какомъ-то чаду. Скверно было только одно, что ей рѣшительно не съ кѣмъ было подѣлиться своимъ счастливымъ настроеніемъ. Ахъ, какъ много нужно было рассказать... Вѣдь открывалась совершенно новая жизнь, полная новыхъ интересовъ, стремленій, желаній, мыслей и чувствъ. Анисья Егоровна принуждена была по цѣлымъ часамъ выслушивать эти молодые восторги и только недовѣрчиво качала своей старой головой.

— Охъ, знаю, все знаю, „Красная шапочка“... Вотъ и я

такая-то была прежде. Да, очень давно... И такъ же горѣла вся, какъ ты сейчасъ... Это только издали, крошеа, привлекательно, а вблизи...

— Не говорите, ничего не говорите, Анисья Егоровна!.. Ради Бога, не отравляйте мнѣ то, что я переживаю... Вѣдь это жизнь, настоящая жизнь, и я просто умру, когда труша уѣдетъ. Понимаете?

Старческое брюзжанье было холодной водой для увлекавшейся „Красной шапочки“. Дѣвушка даже какъ-то меньше стала любить добрую, милую старушку и теперь не могла повѣрить, чтобы она когда-нибудь была актрисой, и что какой-то офицеръ стрѣлялъ въ нее. Нѣтъ, не можетъ быть...

За то Павелъ Петровичъ оказался гораздо отзывчивѣе, и „Красная шапочка“ совсѣмъ не находила его извергомъ. Онъ даже самъ пошелъ съ Маней въ театръ, когда давали Гамлета и все время объяснялъ ей, какъ слѣдовало играть „по настоящему“. Конечно, это была такая пьеса, что и самый послѣдній актеръ сыграетъ какую-нибудь сцену удачно, — нельзя не сыграть. Послѣ спектакля старикъ завернулъ къ Третьяковымъ выпить чаю и долго толковалъ о театрѣ, о старыхъ знаменитыхъ артистахъ, о жизни актеровъ и т. д. „Красная шапочка“ превратилась вся во вниманіе и ни за что не хотѣла отпускать старика домой.

— Посидите еще немножко, Павелъ Петровичъ. Пожалуйста!

— А Анисья Егоровна?

— Она давно спитъ...

— Вы думаете? Хе-хе... Женщины ревнивы, а она знала, что я иду въ театръ.

Лукаво подмигнувъ, Павелъ Петровичъ сообщил по секрету:

— Вы не знаете Анисьи Егоровны... хе-хе!.. Это такой ужасный человекъ, когда дѣло коснется ревности. Настоящій тигръ... Она слѣдитъ теперь за каждымъ моимъ шагомъ. Вѣдь когда-то... гм... Однимъ словомъ, не стоитъ говорить объ этомъ. Артисты принадлежатъ публикѣ и любовь публики иногда ихъ губитъ... Вѣдь я самъ, „Красная шапочка“, когда-то игралъ Гамлета.

— Вы?!..

— Да-съ, я... И смѣю васъ увѣрить, что игралъ весьма

недурно. А Анисья Егоровна играла Офелію и тоже отличнo... Публика сдѣлала намъ овацію. Да вотъ спросите Ирoньку Лохматова — онъ помнитъ...

„Красная шапочка“ жила въ какомъ-то туманѣ. Она просто бредила театромъ, и ея жизнь теперь размѣрилась спектаклями. На молодую душу хлынула такая волна неиспытанныхъ впечатлѣній, и развертывались такіе горизонты, о существованіи которыхъ она даже и не подозрѣвала. Вѣдь это совсѣмъ не то, что прочитатъ гдѣ-нибудь въ книгѣ. Какъ рельефно выступали всѣ мелочи и, повидимому, совсѣмъ ненужныя сцены. А главное, что поражало „Красную шапочку“ — со сцены говорили часто именно то, что она думала только про себя, и была увѣрена, что никому въ голову еще не приходило такихъ мыслей. Ей начинало казаться, что это говорить именно она, „Красная шапочка“, и говорить такъ убѣдительно, красиво и хорошо.

Противъ всякаго ожиданія, дѣла товарищества шли совсѣмъ недурно. Почтенная публика „отставныхъ“ откликнулась на призывъ искусства. Объяснялось это и захолустной скукой, и новизной смѣлаго предпріятія, и желаніемъ возстановить воспоминанія далекой юности. Отставные занимали партеръ и поощряли артистовъ. Положимъ, театръ не всегда былъ полонъ — мѣшали застарѣлые ревматизмы, пріятельскій винтъ и отставная экономія, но зато раекъ обязательно былъ переполненъ, главнымъ образомъ, конечно, молодежью. Сначала Третьяковы ходили въ партеръ, но потомъ это оказалось обременительнымъ для ихъ скромнаго бюджета, и „Красная шапочка“ сама предложила брать мѣста въ амфитеатрѣ, что составляло половину стоимости. Значитъ, можно было за тѣ же деньги сходить въ театръ цѣлыхъ два раза.

— Папа, мнѣ больше нравится амфитеатръ, — хитрила „Красная шапочка“, ласкаясь къ отцу.

— Хорошо, хорошо... Только не слѣдуетъ слишкомъ увлекаться. Я самъ прежде сживалъ въ райкѣ. Сидишь и духъ захватываетъ. Даже одно время думалъ бросить гимназію и поступить на сцену... Это съ моей-то фигурой и фізіономіей! Ха-ха... И теперь посмотри, сколько въ райкѣ сидитъ Гамлетовъ и Офелій — до Москвы не перевѣшать. Но все это вздоръ...

„Треть Якова“ не подозрѣвалъ, что „Красная шапочка“ идетъ уже по его дорогѣ и давно мечтаетъ слѣлаться актрисой. Когда онъ уходилъ въ гимназію, дѣвушка разучивала навзустъ монологи и читала ихъ передъ зеркаломъ. Старая бухгалтерка Митревна только крестилась, — видимо, на барышню было напущено.

Разъ послѣ обѣда, когда „треть Якова“ расположился на диванѣ повейфовать съ газетой, въ нему подсѣла „Красная шапочка“ и упорно мѣшала погрузиться въ бездны политики.

— Папа, а ты хотѣлъ серьезно поступить на сцену?

— А? что?!.. Какую сцену? Глупости...

— Нѣтъ, если серьезно, такъ отчего ты не поступилъ? Можетъ быть, изъ тебя вышелъ бы серьезный комикъ...

— Я? комикъ?.. Да ты съ ума сошла...

— Нѣтъ, я серьезно говорю, папа...

Сдѣлавъ небольшую паузу, „Красная шапочка“ проговорила роковую фразу, которую вынашивала нѣсколько дней и даже разучивала передъ зеркаломъ:

— Папа, я хочу поступить на сцену...

„Треть Якова“ вскочилъ, какъ ужаленный...

— Ты? На сцену? Ну, это, братъ, дудки... Пока я живъ — понимаешь? пока я живъ — этого не будетъ... Понимаешь? Выкинь дурь изъ головы...

„Красная шапочка“ поворно замолчала.

IV.

Положеніе Анисьи Егоровны все ухудшалось. Съ Павломъ Петровичемъ положительно творилось что-то неладное. Онъ даже кричалъ на жену, топалъ ногами и убѣгалъ. Однажды разыгралась уже настоящая семейная сцена. Какъ-то въ воскресенье, послѣ репетиціи, завернулъ Лохматовъ. Ну, посвядѣлъ, напился чаю и уходитъ — кажется, ясно, а онъ дотянулъ до самаго обѣда и дождался, что Анисья Егоровна по своей добротѣ пригласила отобѣдать. Этого было достаточно, чтобы Павелъ Петровичъ страшно вспылить, конечно, когда гость ушелъ.

— Вамъ нравится этотъ Лохматовъ, Анисья Егоровна?

Да, нравится?.. Я такъ и зналъ... Можетъ быть, и раньше, когда мы вмѣстѣ служили, онъ тоже нравился вамъ, и вы, можетъ быть, обманывали меня вмѣстѣ съ нимъ?.. А теперь, по старой памяти, надо приголубить милаго...

— Поль, ты забываешься!.. Мнѣ ничего не остается, какъ только уйти совсѣмъ изъ дому...

— Какъ уйти? къ этому Лохматову?!

— Отстань ты съ своимъ Лохматовымъ! — Просто отъ тебя уйду, куда глаза глядятъ. Ты еще убьешь меня когда-нибудь...

— Ха-ха!.. А знаете, Анисья Егоровна, человѣкъ, у котораго совѣсть чиста, никуда не побѣжить... да. Другое дѣло, когда... Однимъ словомъ, я не желаю оставаться въ дуракахъ. Довольно...

Уйти Анисѣ Егоровнѣ не привелось, потому что послѣ этой сцены Павелъ Петровичъ убѣждалъ самъ. Онъ нынче, вообще, усвоилъ себѣ привычку уходить изъ дому и пропадать неизвѣстно гдѣ. Анисья Егоровна даже боялась спросить его, гдѣ онъ бываетъ.

Прежде старушка уходила, обыкновенно, къ „Красной шапочкѣ“ и тамъ отдыхала, а теперь и у Третьяковыхъ къ ней относились не по прежнему. Семень Васильичъ, конечно, былъ вѣжливъ и внимателенъ, но чего-то какъ будто не доставало. И „Красная шапочка“ тоже была не та. Или читаетъ что-нибудь, или отмалчивается. Анисья Егоровна чувствовала себя лишней въ этомъ домѣ, и эта мысль ее убивала. Господи, да за что же? Что она имъ всѣмъ сдѣлала? Объясненій могло быть только два: или они отвернулись отъ нея, когда узнали, что она была актрисой, и что въ нее стрѣлялъ офицеръ, — или Павелъ Петровичъ наболталъ что-нибудь сгоряча. Во всякомъ случаѣ, скверно и тяжело, а главное — ничего неизвѣстно. У Анисьи Егоровны не повертывался языкъ потребовать прямыхъ объясненій.

Однажды старушка сидѣла у себя въ лавкѣ и вязала чулокъ. Вдругъ входитъ „треть Якова“ съ своимъ портфелемъ, — онъ возвращался со службы.

— Павла Петровича нѣтъ? — спросилъ онъ довольно сухо. — Впрочемъ, я въ этомъ былъ почти увѣренъ...

— Почему же вы думаете, Семень Васильичъ, что Поль не долженъ быть дома?

Третьяковъ сѣлъ, медленно раскурить папиросу и только потомъ отвѣтилъ, отчеканивая слова.

— Во-первыхъ, Анисья Егоровна, я не сказалъ, долженъ или не долженъ онъ быть дома, а во-вторыхъ—это меня нисколько не касается! и, въ-третьихъ... гм... да... Я пришелъ объяснить съ вами откровенно, Анисья Егоровна. Я совершенно не понимаю вашего поведенія...

— Моего поведенія?

— Извините, но я долженъ это сказать прямо, Анисья Егоровна... да. Видите ли, раньше я всегда былъ благодаренъ вамъ за ваше вниманіе къ моей дочери, и даже очень благодаренъ... да. Дѣвочка такъ привязалась къ вамъ... Но въ послѣднее время, какъ мнѣ кажется—я даже, можетъ быть, ошибаюсь—да, мнѣ кажется, что ваше вліяніе на нее... Однимъ словомъ, я уважаю святое искусство и уважаю сцену, но совсѣмъ не желаю, чтобы моя дочь сдѣлалась актрисой. Этого никогда не будетъ... Я пришелъ вотъ именно это и сказать вамъ: Маня никогда актрисой не будетъ...

— Голубчикъ, Семень Васильичъ, да вы съ ума сошли!..

— Можетъ быть-съ... Но моя дочь все-таки актрисой не будетъ!..

— Да я-то первая отговаривала ее отъ этого, Семень Васильичъ. Сохрани ее Богъ, крошку...

„Треть Якова“ съ вѣжливой недовѣрчивостью улыбнулся. До чего, въ самомъ дѣлѣ, можетъ быть испорчена человѣческая натура: старухѣ шестьдесятъ лѣтъ, а лжетъ, какъ совсѣмъ молодая—ни въ одномъ глазу совѣсти. Но, все-таки, какъ эта ложь ни была очевидна, джентльменъ взялъ верхъ надъ отцомъ. Семень Васильичъ даже сдѣлалъ видъ, что вѣрить Анисьѣ Егоровнѣ.

— Передайте мой привѣтъ вашему мужу,—сухо простился „треть Якова“ и на порогѣ еще разъ повторилъ, дѣлая трагическій жестъ портфелемъ:—а моя дочь все-таки никогда актрисой не будетъ... да-съ!..

Эта несправедливость окончательно ошеломила Анисью Егоровну. Всѣ точно сбѣсились съ этимъ провлятымъ театромъ... Конечно, Поль не правъ, но онъ все-таки мужъ, а Семень Васильичъ посторонній человѣкъ и смѣетъ ее подзвѣвать ..

Конечно, Анисья Егоровна рассказала все мужу, но, въ ея удивленію, Павелъ Петровичъ отнесся совершенно равнодушно и даже засмѣялся.

— Онъ просто глупъ, этотъ Семень Васильичъ... Я и раньше это замѣчалъ, а теперь все для меня совершенно ясно. Что же дурного въ томъ, если дѣвушка чувствуетъ призваніе къ артистической дѣятельности? Бываютъ такія особенныя... да... избранныя натуры. А бѣднягу Семена Васильича мнѣ просто жалъ, какъ курицу, которая высидѣла утенка и бѣгаетъ по берегу въ ужасѣ, когда утенокъ стремится въ воду, т. е. въ свою родную стихію.

Въ первый разъ Анисья Егоровна показалось поведеніе мужа нѣсколько подозрительнымъ, начиная съ того, что онъ уже не былъ съ ней откровеннымъ по прежнему и что-то скрывалъ. А тутъ еще разговоръ съ Семеномъ Васильичемъ,— почему онъ, т. е. Семень Васильичъ былъ такъ увѣренъ, что не застанетъ Поля дома. Правда, онъ ходилъ по вечерамъ въ театръ, иногда по старой привычкѣ заглядывалъ на репетицію, пилъ пиво съ Лохматовымъ за кулисами—и только. Но въ концѣ концовъ эти размышленія привели старушку къ заключенію, что, пожалуй, дѣло и не ладно. Она даже начала слѣдить за мужемъ. Особенно ее напугало то, что онъ дѣлался ласковѣе съ ней, когда собирался куда-нибудь уходить,—всѣ мужья, которые обманываютъ своихъ женъ, поступаютъ именно такъ. Вообще, сомнѣній больше не было... Очевидно, Павелъ Петровичъ завелъ въ театрѣ какую-нибудь преступную привязанность. Вѣдь старики иногда сходятъ съ ума, какъ тотъ же графъ Извѣковъ... Чѣмъ больше раздумывала Анисья Егоровна на эту тему, тѣмъ больше убѣждалась въ справедливости своихъ подозрѣній. Все рушилось, все погибало...

Это настроеніе привело къ тому, что Анисья Егоровна стала слѣдить за каждымъ шагомъ мужа и дошла въ концѣ концовъ до того, что начала производить домашніе обыски по его карманамъ. Эта крайняя мѣра привела ее къ неожиданному и страшному открытію. Въ карманѣ жилета Павла Петровича она нашла смятую бумажку, на которой, видимо, второпяхъ было написано карандашомъ: „Опять въ сараѣ у Шмидта. 8 часовъ вечера“... У старушки закружилась голова, когда она узнала руку „Красной шапочки“.

этотъ старый селадонъ, не пощадилъ даже этой невинной души? Очевидно, было назначено свиданіе и не въ первый разъ (опять!) и свиданіе въ какомъ-то сараѣ... Какой позоръ!.. какое несчастіе!.. какой ужасъ!.. Вѣдь съ очень молодыми и неопытными дѣвушками иногда случается, что они увлекаются стариками, а Павелъ Петровичъ такъ избалованъ женщинами...

Старушка даже не плакала, а приняла твердое рѣшеніе: съ мужемъ она, конечно, разойдется, но прежде необходимо спасти „Красную шапочку“. Бѣдная, несчастная дѣвочка...

Планъ былъ готовъ. Свиданіе назначено въ 8 часовъ, слѣдовательно, необходимо его предупредить. Павелъ Петровичъ, какъ ни въ чемъ не бывало, преспокойно пообѣдалъ дома и еще болѣе преспокойно завалился послѣ обѣда спать, заказавъ разбудить себя ровно въ шесть часовъ. Такая неисправимая закоренѣлость удивила даже Анисью Егоровну, хотя, съ другой стороны, преступники преспокойно ѣдятъ и спятъ наванунѣ казни... Потомъ Павелъ Петровичъ ровно въ шесть часовъ поднялся самъ (Анисья Егоровна не хотѣла его будить), съ особенной тщательностью умылся, еще съ большей тщательностью смотрѣлъ въ зеркало, — чудовище даже улыбалось самому себѣ въ зеркалѣ, что Анисья Егоровна отлично видѣла. Потомъ чудовище старалось быть ласковымъ, хотя старушка и не поддавалась на эту удочку. О, гнусный человѣкъ, въ которомъ не осталось рѣшительно ничего святого! Потомъ, онъ ровно въ семь часовъ — замѣтьте: ровно! вышелъ изъ дому, сославшись, что ему необходимо кого-то увидеть. Эта ходячая ложь была уже не въ силахъ придумать какого-нибудь правдоподобнаго предлога...

Анисья Егоровнѣ пришлось ждать ровно цѣлый часъ, — было еще свѣтло. Потомъ она затворила лавочку, накинута на голову большой платокъ и вышла съ твердой рѣшимостью исполнить свой долгъ. Она сначала прошла по улицѣ, но ничего подозрительнаго не встрѣтила, потомъ свернула въ пустырь, который оставался рядомъ съ колбасной. Самое страшное было то, что гдѣ-то лаяла собака. Но старушка собрала послѣднія силы и пошла по бурьяну вдоль забора, отыскивая лазейку. Въ одномъ мѣстѣ заборъ сильно осѣлъ и можно было

через него перелѣзть. Она такъ и сдѣлала. А вотъ и старый деревянный сарай, стоявшій въ сторонѣ отъ другихъ построекъ. О, какъ билось ея бѣдное старое сердце, когда она стала подкрадываться къ этому сараю! Она нарочно обошла его кругомъ... Что это такое? Голосъ Павла Петровича... Да, это его голосъ... Она даже могла слышать отдѣльныя слова... Да, да, это онъ говорить:

Офелія! о, нифма, помяни
Мои грѣхи въ твоей святой молитвѣ!

Позвольте, да, вѣдь, это онъ изъ Гамлета? У бѣдняги отъ старости уже нѣтъ своихъ словъ, и онъ вымаливаетъ любовь краденными фразами... Несчастнѣйшій!.. Старушка отыскала въ сараѣ какую-то щель и припала къ ней.

То, что она увидѣла, окончательно ее поразило, такъ что она даже отступила и протерла себѣ глаза. Ужъ не сонъ ли все это? Во-первыхъ, сарай былъ чѣмъ-то освѣщенъ и первое, что она увидѣла, былъ Карлъ Ивановичъ Шмидтъ, сидѣвшій на ящикѣ изъ подъ свѣчь. Да, это былъ онъ, настоящій, живой Карлъ Ивановичъ... Онъ сидѣлъ и, видимо, дремалъ. Напротивъ него, на такихъ-же ящикахъ были поставлены двѣ жестяныхъ лампочки. Къ нимъ журавлинымъ шагомъ подошелъ Павелъ Петровичъ, склонилъ нѣсколько голову на бокъ, сдѣлалъ театральнѣйшій жестъ рукой, точно отгонялъ муху и началъ глухимъ голосомъ:

Господь земли и неба! Что еще?
Не вызвать ли и адъ? О, не старѣйте, нервы!..
Держите персть возвышенно и прямо...
Мнѣ помнить о тебѣ?..

— Карлъ Ивановичъ, да смотрите же на меня?— совсѣмъ другимъ тономъ обратился онъ къ нѣмцу. — Вѣдь вы публика и должны смотрѣть на артистовъ, а вы, кажется, дремлете. „Красная шапочка“, вы видѣли, какъ я выходилъ? Вотъ такъ... да... Потомъ необходимо сдѣлать паузу... Гаррикъ дѣлалъ такой жестъ... да. Каждое движеніе разсчитано, каждая нота тоже и ни одного невѣрнаго звука. Карлъ Ивановичъ, пожалуйста, будьте настоящей публикой... „Красная шапочка“, когда вы начнете—смотрите прямо ему въ лицо. Это самое трудное для начинающихъ артистовъ, и къ этому необходимо себя

пріучать. Ну-съ, начинайте... Я Лаэртъ, помните, и подаю вамъ реплику: ...„этотъ вздоръ значительнѣе смысла“. Ахъ, зачѣмъ вы подняли лѣвое плечо? Ради Бога опустите руки, какъ будто онѣ вамъ совсѣмъ лишнія.. Голову немного выше... сдѣлайте разсѣянный взглядъ, какъ будто что-то видите въ пространствѣ, хотя и смотрите прямо въ лицо Карлу Иванычу. Карлъ Иванычъ вы опять? Да, такъ я Лаэртъ... „Этотъ вздоръ значительнѣе смысла“!..

Офелія отвѣтила не сразу, но первыя же слова заставили Анисю Егоровну задрожать. Боже мой, неужели это она, „Красная шапочка“? Сколько задушевной простоты, чарующей нѣжности и глубокаго горя въ каждой нотѣ...

— Вотъ забудеи—это на память...

Послышался смѣхъ больного ребенка, въ каждомъ звукѣ стояли святыя слезы. Анися Егоровна не выдержала и крикнула въ свою щель:

— „Красная шапочка“, да у тебя талантъ... Настоящій талантъ!...

Въ слѣдующій моментъ она была уже въ сараѣ, обнимала „Красную шапочку“, цѣловала ее и крестила.

— Талантъ... да, настоящій талантъ. Искра Божія...

Павелъ Петровичъ ударилъ себя въ грудь кулакомъ и съ гордостью проговорилъ:

— А кто открылъ этотъ талантъ? Я-съ... Анися Егоровна, садитесь рядомъ съ Карломъ Иванычемъ.. вы тоже будете публика.

Черезъ полгода „Красная шапочка“ навсегда покинула родной Тихорѣцкъ. Она применила къ труппѣ товарищества Горезавилейскаго въ качествѣ *ingenue dramatique*.

Д. Маминъ-Сибирякъ.

ЗНАЧЕНІЕ ЭКОНОМИЧЕСКАГО ФАКТОРА ВЪ ИСТОРИИ.

Философія исторіи сдѣлалась предметомъ самостоятельной научной разработки съ очень недавняго времени, хотя въ той или иной формѣ, въ видѣ болѣе или менѣе яснаго представленія объ основныхъ свойствахъ и характерѣ историческаго процесса, она всегда была нераздѣльной частью исторіи. Не существуетъ и не существовало историческаго сочиненія, каково бы ни было его содержаніе, совершенно лишеннаго философіи этого рода. Историкъ можетъ нисколько не интересоваться общими соображеніями и ставить себѣ единственной задачей описаніе конкретныхъ фактовъ, но его общая точка зрѣнія, помимо его воли, опредѣляетъ характеръ его работы. Уже самый подборъ матеріала невозможенъ безъ теоріи того или иного рода. Историческіе факты многочисленны и разнообразны,—на какихъ же фактахъ останавливать свое вниманіе, какіе выдвигать на первый планъ и какіе оставлять въ тѣни?

Древніе лѣтописцы менѣе всего могутъ считаться зараженными какими бы то ни было предвзятыми теоріями; ихъ труды являются образцомъ спокойнаго, объективнаго изложенія предмета, но легко доказать, что и они были проникнуты вполнѣ опредѣленной историко-философской теоріей. О чемъ говорятъ лѣтописи? Преимущественно о политическихъ событіяхъ, войнахъ, подвигахъ государей и полководцевъ. Экономическіе факты отмѣчаются ими крайне рѣдко. Родословныя государей излагаются ими во всѣхъ подробностяхъ, но свѣдѣнія о цѣнахъ на хлѣбъ, на работу, о распредѣленія земельной собственности, способахъ пользованія ею, и пр.—у нихъ почти совершенно отсутствуютъ. Очевидно, политическіе факты признавались лѣтописцами болѣе важными, чѣмъ экономическіе; единственными двигателями исторіи въ ихъ глазахъ являются народные вожди—великіе люди. Это историко-философское воззрѣніе характерно для всей древней исторіографіи.

Оно привлекало своей наглядностью и простотой. Историческое значеніе великихъ людей сразу бросается въ глаза; ихъ дѣянія у всѣхъ на виду, народъ послушно идетъ за ними, имъ достаются всѣ почести въ случаѣ побѣды, и на нихъ подаетъ позоръ пораженія. Легко было придти къ мысли, что великіе люди—творцы исторіи, а народъ, грубая толпа—сырой матеріалъ, изъ котораго великіе люди дѣлаютъ, что имъ угодно. Малыя причины порождаютъ великія слѣдствія. Извѣстно изреченіе, что если бы у Клеопатры носъ былъ подлиннѣе, судьба Римской имперіи была бы иная. Міровая исторія превращалась въ длинный рядъ біографій государей, полководцевъ и государственныхъ людей. Такое воззрѣніе на природу исторіи долгое время было почти единственнымъ.

Послѣднимъ и самымъ талантивымъ, можно сказать даже гениальнымъ, представителемъ историческаго культа героевъ былъ Томасъ Карлейль. Вотъ, напримѣръ, что говоритъ онъ по этому поводу въ своемъ сочиненіи «Герои и героическое въ исторіи»:

«Всемирная исторія, въ сущности, есть исторія великихъ людей, потрудившихся здѣсь на землѣ. Все содѣянное въ этомъ мірѣ представляетъ, въ сущности, внѣшній матеріальный результатъ, практическую реализацію мыслей, принадлежавшихъ великимъ людямъ, посланнымъ въ этотъ міръ. Исторія этихъ послѣднихъ составляетъ, по истинѣ, душу всей міровой исторіи. Я хорошо знаю, что въ настоящее время почитаніе героевъ признается культомъ отжившимъ, окончательно прекратившимъ свое существованіе. Покажите нашимъ критикамъ великаго человѣка, и они начнутъ съ такъ-называемаго ими «объясненія»; они не преклонятся предъ нимъ, а примутся измѣрять его и найдутъ, что онъ принадлежалъ къ людямъ мелкой породы! Онъ былъ продуктомъ своего времени, говорятъ они. Время создало его время сдѣлало все; онъ же ничего такого, чего бы мы, маленькіе критики, не могли сдѣлать. Жалкій трудъ, по моему мнѣнію, такая критика» *).

Что историческая критика, отрицающая всякое различіе между героями и обыкновенными людьми,—жалка, въ этомъ можно вполне согласиться съ Карлейлемъ; но все-таки безъ объясненія и критики героевъ обойтись нельзя, такъ какъ въ критикѣ и заключается вся сущность науки. Приведенная тирада Карлейля очень краснорѣчива, но мало убѣдительна. Если внимательно перечитать всю книгу, откуда эта тирада взята, то въ ней также мало най-

*) Т. Карлейль. Герои и героическое въ исторіи. Перев. Яковенко, стр. 17.

дета доказательствъ исключительной роли великихъ людей въ исторіи. Для Карлейля герой—это нѣчто вродѣ чуда, прямой посланникъ божества, вѣстникъ изъ нѣдръ безконечности, молнія, нисходящая съ неба. Карлейль ослѣпленъ величіемъ героевъ и требуетъ, чтобы мы также преклонялись передъ ними, «потому что въ груди человѣка нѣтъ чувства болѣе высокаго, чѣмъ удивленіе передъ тѣмъ, что выше его». Но наука ни передъ чѣмъ не преклоняется; коснитесь только холоднымъ анализомъ возвышеннаго культа героевъ, и вы увидите, что этотъ культъ основанъ на такой же иллюзіи, какъ и другіе подобные культы. Великій человѣкъ—не чудо и не посланникъ божества, а такой же естественный продуктъ матеріальныхъ условій, какъ и прочіе смертные. Объяснять исторію личными дарованіями, наклонностями и характеромъ великихъ людей, это значить, въ сущности, не давать никакого объясненія. Дѣло въ томъ, что надо объяснить самого великаго человѣка. Остается или признать случай единственнымъ вершителемъ судебъ человѣчества,—и тогда исторія теряетъ всякій смыслъ и превращается въ пестрый калейдоскопъ смѣняющихся явленій, такихъ же измѣнчивыхъ и неподдающихся законамъ, какъ измѣнчива и случайна воля человѣка,—или нужно искать руководящаго фактора исторіи за предѣлами человѣческой индивидуальности.

И вотъ, на смѣну культа героевъ выступаетъ ученіе о всемогуществѣ идеи. Не великіе люди, а разумъ и идеи въ дѣйствительности управляютъ міромъ. Всѣ великія историческія событія являются ничѣмъ инымъ, какъ борьбой идей. Свою «Исторію французской революціи» Луи Бланъ начинаетъ слѣдующими словами: «Въ міровой исторіи господствуютъ три великихъ принципа: авторитетъ, индивидуализмъ, и братство» *). Авторитетъ преобладалъ до Лютера, индивидуализмъ характеризуетъ настоящее время, а братству принадлежитъ будущее. Французская революція была борьбою идеи авторитета съ идеями индивидуализма и братства. Принципъ индивидуализма одержалъ побѣду. Даже самыя значительныя историческія личности, по мнѣнію Луи Блана, не болѣе, какъ «эфемерные актеры въ драмѣ, создаваемой обществомъ, къ которому они принадлежатъ». Что же движетъ исторію? «Не сила, что бы ни говорила внѣшность, но мысль; исторія дѣлается книгами». Съ этой точки зрѣнія важнѣйшимъ факторомъ исторіи является развитіе человѣческаго ума, распространеніе просвѣщенія въ

---

*) Луи Бланъ. Исторія великой французской революціи. Пер. Антоновича. Т. I, стр. 40.

народѣ. Разуму, интеллекту приписывается первенствующая роль въ жизни отдѣльнаго человѣка и всего общества, а чувства, привычки, желанія, страсти человѣка признаются маловажнымъ элементомъ въ его жизни, не имѣющимъ никакого историческаго значенія.

Историческая философія этого рода характерна для конца прошлаго вѣка — эпохи революціи. Французскіе матеріалисты XVIII столѣтія, послѣдователи Вольтера и Руссо, экономисты школы Смита, философы и юристы школы Бентама, наконецъ, сами дѣятели революціи, — всѣ эти, столь различные по своимъ цѣлямъ и стремленіямъ, люди сходились въ томъ, что мысль, разумъ они ставили впереди чувства. Можно сказать, что чувство они совсѣмъ игнорировали. Человѣкъ для нихъ былъ мыслящей машиной, душа человѣка — *tabula rasa*, въ которую можно вписать любое содержаніе. Различію нравовъ, обычаевъ, характеровъ, нравственныхъ понятій они не придавали никакого значенія. Игнорируя всѣ культурныя, историческія, классовыя особенности людей, рационалисты XVIII вѣка создали какую-то абстракцію человѣка, которая и признавалась ими выраженіемъ свойствъ человѣческой души въ ея естественномъ состояніи. Всѣ люди предполагались ими разумными и склонными къ добру существами, легко доступными убѣжденію; съ этой точки зрѣнія несправедливости общественнаго устройства объяснялись, съ одной стороны, испорченностью и эгоизмомъ людей, стоящихъ у власти, а съ другой — невѣжествомъ народной массы. Отсюда естественно получался выводъ, что достаточно просвѣтить народъ, объяснить ему его истинные интересы — и всѣ эти несправедливости исчезнутъ. Исторія человечества дѣлилась на двѣ части — прежнее время, когда люди не понимали своихъ интересовъ, и новая эпоха, которая начнется тогда, когда эти интересы будутъ поняты; чтобы преобразовать общественный строй, достаточно — ясно и понятно изложить недостатки существующаго строя и преимущества новаго, основаннаго на разумномъ соглашеніи всѣхъ членовъ общества — *contrat social*. Сила человѣческой мысли и просвѣщенія такъ велика, что передъ нею не могутъ устоять предрассудки и предубѣжденія, порождаемыя невѣжествомъ, и потому измѣненія соціального строя происходятъ съ такою же легкостью, съ какою открываются новыя идеи.

Утописты XIX вѣка, Овенъ, Сенъ-Симонъ, Фурье, были полны наивной вѣрой во всемогущество идеи. Имъ казалось, что они открыли для человечества идеальный соціальный строй; оставалось только убѣдить человечество устроить свою жизнь по

предлагаемому плану, а это считалось дѣломъ легкимъ. И вотъ наши утописты обращаются ко всѣмъ классамъ населенія—королямъ, аристократамъ, банкирамъ, фабрикантамъ, рабочимъ—«съ горячимъ словомъ убѣжденія». Для устройства фаланстера по плану Фурье требовалась бездѣлица—милліонъ франковъ. Но Фурье не суждено было дожидаться этого милліона, хотя онъ ежедневно возвращался въ 12 ч. домой, ожидая въ этотъ, назначенный имъ въ своей книгѣ, часъ—миѣческаго капиталиста, который согласится облагодѣтельствовать человѣчество.

Подобныя же воззрѣнія долгое время пользовались неограниченнымъ кредитомъ и у насъ. Припомнимъ столь популярное у насъ ученіе о роли «критически-мыслящей личности» въ историческомъ процесѣ. По этому взгляду, прогрессъ въ исторіи совершается очень просто: критически-мыслящія личности, другими словами то, что называется интеллигенціей, вырабатываютъ общественные идеалы; чѣмъ болѣе возвышенны и гуманны эти идеалы, тѣмъ плодотворнѣе вліяніе интеллигенции на народъ. Когда выработка идеала закончена, тогда начинается распространеніе его въ народной массѣ, и если идеаль стѣбитъ этого, онъ мало-по-малу проникаетъ въ народное сознаніе, становится господствующимъ воззрѣніемъ и, наконецъ, достигаетъ своего объективнаго осуществленія, въ видѣ желаемаго преобразованія общественнаго строя. При такомъ взглядѣ на исторію, задача историка очень упрощается: она сводится къ критической оцѣнкѣ идеаловъ.

Но можно ли согласиться съ исторической философіей, признающей идеи, мнѣнія и взгляды людей конечной причиной прогресса? Нельзя, разумѣется, отрицать вліянія идей на ходъ исторіи, но что такое сами идеи,—являются ли онѣ результатомъ свободного творчества человѣческаго ума, стоящаго внѣ условій мѣста и времени, освобожденнаго отъ всѣхъ тѣхъ предразсудковъ, традицій, симпатій и антипатій, которые опредѣляютъ взгляды большинства людей,—или же идеи представляютъ естественный и необходимый продуктъ своего времени, соціальной среды, изъ которой онѣ вышли?

Какъ возникаютъ и какъ дѣйствуютъ идеи въ исторіи? Исторія любой общественной науки можетъ дать на это вполне ясный отвѣтъ. Мы ограничимся примѣромъ политической экономіи, идеи которой оказывали едва ли не наибольшее вліяніе на общественную жизнь.

Политическая экономія — наука новаго времени. Обыкновенно, основателемъ ея признають Адама Смита. Во всякомъ случаѣ, только

со времени Смита политическая экономія приобретаетъ первенствующее вліяніе на законодательство и практическую жизнь. Если признать, что исторія дѣлается книгами, то книгѣ Адама Смита должно быть отведено очень почетное мѣсто въ исторіи. По словамъ Бокля, «Богатство народовъ»—важнѣйшая изъ книгъ, когда-либо написанныхъ, а ея авторъ больше способствовалъ своимъ произведеніемъ счастью человѣчества, чѣмъ всѣ политическіе и государственные люди, вмѣстѣ взятые. Бэдждотъ говоритъ, что никакой продуктъ философскаго мышленія, за исключеніемъ нѣкоторыхъ богословскихъ системъ, не имѣлъ и тысячной доли того вліянія, какое оказала книга Смита *). Если даже признать эти отзывы сильно преувеличенными, то все же фактъ огромнаго историческаго значенія «Богатства народовъ» не подлежитъ сомнѣнію. Идеи Ад. Смита, дѣйствительно, обладали творческою силой, и социальные отношенія въ Англіи глубоко измѣнились подъ вліяніемъ этихъ идей. Развѣ нельзя видѣть въ этомъ доказательства великаго значенія идей въ исторіи?

Разсмотримъ, однако, этотъ примѣръ поближе. Перечтите внимательно книгу Смита и скажите, къ чему стремился Смитъ, чьи интересы онъ защищалъ, какому общественному классу онъ болѣе всего сочувствовалъ? О рабочихъ онъ всегда говоритъ съ глубокой симпатіей; по его словамъ, «всякій разъ, когда правительство издаетъ какой-либо законъ въ пользу рабочихъ, оно поступаетъ справедливо; но не всегда бываетъ такъ, когда законъ издается въ пользу хозяевъ». Самое глубокое негодованіе вызываетъ у Смита стѣсненіе свободы труда, нарушеніе права рабочаго распоряжаться, безъ всякаго посторонняго вмѣшательства, единственною собственностью, которою онъ обладаетъ—своей рабочей силой. Напротивъ, о торговцахъ и фабрикантахъ Смитъ почти всегда говоритъ во враждебномъ тонѣ; онъ называетъ ихъ «аичнымъ и корыстолюбивымъ классомъ людей, жаждущихъ монополіи». Благодаря ихъ упорному сопротивленію всему тому, что клонится къ ослабленію ихъ несправедливыхъ привилегій, свобода торговли въ Англіи, по мнѣнію Смита, является такой же несбыточной мечтой, какъ утопія Томаса Мора. Къ законамъ, исходящимъ отъ капиталистовъ, Смитъ совѣтуетъ относиться съ крайнимъ недоумѣніемъ, такъ какъ интересы купцовъ и фабрикантовъ прямо противоположны интересамъ всего общества. Для всякаго, знакомаго съ книгою Смита, не можетъ быть никакого сомнѣнія, что Смитъ признавалъ свои идеи вполне соответствующими интересамъ ра-

*) А. Чупровъ. Исторія политической экономіи.

бочихъ и находящимися въ непримиримомъ антагонизмѣ со стремленіями капиталистическаго класса. И что же—не прошло и двадцати лѣтъ послѣ выхода въ свѣтъ «Богатства народовъ», какъ идеи Смита стали проникать въ жизнь и вызвали ожесточенную борьбу классовъ. На сторонѣ Смита оказались фабриканты и торговцы, а противъ ученія Смита боролись рабочіе; и будущее вполнѣ оправдало такое неожиданное для творца экономической науки распределеніе ролей на исторической сценѣ. Царство свободы далеко не принесло народной массѣ тѣхъ благъ, которыхъ ожидалъ Смитъ. Гуманные и широкіе идеалы Смита нашли себѣ неожиданное выраженіе въ узко-эгоистическихъ интересахъ того общественного класса, которому Смитъ менѣе всего сочувствовалъ. Желая открыть вѣчные и неизбѣжные законы народнаго хозяйства и установить принципы общественнаго строя, основаннаго на разумѣ и справедливости, Смитъ способствовалъ водворенію экономического порядка, выгоднаго для немногихъ и невыгоднаго для большинства.

Тѣмъ не менѣе, ученики Смита продолжали открывать вѣчные и неизбѣжные законы народнаго хозяйства. Такимъ закономъ долженъ былъ быть установленный Мальтусомъ законъ размноженія народонаселенія. Сущность этого закона заключается въ слѣдующемъ: человѣчество имѣетъ тенденцію размножаться быстрѣе, чѣмъ растутъ средства къ существованію, и поэтому причины бѣдности лежатъ въ основныхъ свойствахъ человѣческой природы. Законъ Мальтуса имѣлъ очень внушительный и научный видъ, но, тѣмъ не менѣе, практическая сторона его выступала довольно ясно. Приписывая бѣдность естественнымъ причинамъ, Мальтусъ тѣмъ самымъ отрицалъ возможность улучшенія положенія рабочихъ классовъ путемъ общественныхъ реформъ; однако, и онъ требовалъ одной реформы—а именно, отміны законовъ о бѣдныхъ. Надо сказать, что, по стариннымъ англійскимъ законамъ, начало которыхъ восходитъ еще къ среднимъ вѣкамъ, приходы въ Англійю обязаны были содержать своихъ бѣдныхъ на счетъ средствъ, собираемыхъ съ мѣстныхъ собственниковъ. Чѣмъ богѣе возрасталъ пауперизмъ, тѣмъ тяжелѣе становились сборы въ пользу бѣдныхъ и тѣмъ популярнѣе дѣлался законъ Мальтуса среди имущихъ классовъ, несмотря на его противорѣчіе съ Библіей («плодитесь и размножайтесь»). Наконецъ, въ 1834 г. ученіе Мальтуса восторжествовало, и помощь бѣднымъ была сокращена, во имя неизбѣжныхъ законовъ политической экономіи.

Такимъ же неизбѣжнымъ закономъ считалось, въ теченіе первой половины нашего вѣка, знаменитое ученіе о фондѣ заработной

платы. По этому ученію, размѣръ платы каждому рабочему опредѣляется двумя условіями—величиной запаса, предназначеннаго для содержанія рабочихъ, и ихъ числомъ. Это казалось такимъ неопровержимымъ логическимъ выводомъ изъ всѣми признаваемыхъ положеній, что даже и не требовало доказательства: предполагалось, что достаточно ясно формулировать это ученіе, чтобы сдѣлать его вполнѣ очевиднымъ.

Посмотримъ теперь, какіе выводы получились изъ новаго экономического закона. Величина фонда не зависитъ отъ воли рабочихъ; число ихъ, въ каждый данный моментъ, тоже не зависитъ отъ ихъ воли. Слѣдовательно, рабочіе не могутъ вліять на размѣръ своей платы; другими словами, всѣ ихъ усилія поднять заработную плату бессмысленны и бесплодны. Точно также, всякое вмѣшательство правительства въ отношенія труда и капитала въ интересахъ рабочихъ (напр., фабричные законы) совершенно бесполезно, такъ какъ никакія мѣры правительства не могутъ увеличить фонда заработной платы, или понизить численность населенія.

Изложенное ученіе принималось всѣми выдающимися экономистами школы Мальтуса-Рикардо, и, безъ сомнѣнія, принималось ими вполнѣ искренно. Неудивительно, что фабриканты охотно признавали выводы экономистовъ неопровержимыми положеніями науки, но также понятно, что рабочіе съ этими выводами не соглашались. И рабочіе были правы, какъ объ этомъ свидѣтельствуемъ одинъ изъ самыхъ талантливыхъ экономистовъ 80-хъ годовъ — Арнольдъ Тойнби. Въ своей книгѣ — «Lectures on the Industrial Revolution in England» — онъ прямо заявляетъ, что «политическая экономія была преобразована рабочими классами» (стр. 107).

Такимъ образомъ, политическая экономія, выражаясь мягко, далеко не была чужда классовыхъ вліяній. Что такое была политическая экономія и политико-экономы 30-хъ и 40-хъ годовъ, объ этомъ можетъ дать понятіе слѣдующая тирада Сидлера, вліятельнаго писателя того времени, члена парламента, тори и религіознаго человѣка: «политико-экономы — настоящая общественная чума и гонители бѣдныхъ людей (надѣюсь, безъ злого умысла) но съ умысломъ или безъ умысла — это не касается судьбы ихъ несчастныхъ жертвъ. Всѣ ихъ принципы и практическія предюженія прямо ведутъ къ униженію и неминуемой гибели рабочихъ» *).

*) Alfred. The History of the Factory Movement. I, 131.

Все это показываетъ, какимъ образомъ возникаютъ идеи въ исторіи и какъ онѣ дѣйствуютъ на общество. Въ ихъ идеальной оболочкѣ всегда скрывается очень грубое матеріальное содержаніе, котораго лицо, пустившее идею въ ходъ, нерѣдко совсѣмъ и не подозрѣваетъ. Идеи Адама Смита послужили прежде всего на пользу буржуазіи, а самъ Смитъ мечталъ о благѣ рабочихъ. Для того, чтобы идея подѣйствовала, сдѣлалась господствующимъ воззрѣніемъ въ обществѣ и дѣйствительно могущественнымъ историческимъ факторомъ, необходимо, чтобы она соотвѣтствовала нуждамъ и потребностямъ данной эпохи. Отчего же зависятъ эти нужды и потребности? Это-то и нужно объяснить. Сами идеи не выходятъ изъ головы человѣка, какъ Минерва изъ головы Юпитера, но возникаютъ на почвѣ общихъ матеріальныхъ и культурныхъ условій эпохи. Въ этихъ-то матеріальныхъ и культурныхъ условіяхъ и лежитъ ключъ къ пониманію историческихъ событій. Ученіе о господствѣ идей въ исторіи, въ сущности, есть та же вѣра во всемогущество героя, но только героями въ данномъ случаѣ признаются не народные вожди, какъ въ древней исторіографіи, а мыслители, ученые, писатели, вообще люди, обладающіе творческимъ даромъ въ области духа. Но мыслители такіе же продукты своего времени, своей соціальной среды, какъ и государственные люди. Слова Луи Блана объ эфемерной роли историческихъ дѣятелей вполне примѣнимы и къ мыслителямъ. Вліяніе научныхъ идей, въ сущности, довольно ограничено. Очень мало людей серьезно читаетъ книги, а еще меньше такихъ, на которыхъ книги оказываютъ настолько глубокое дѣйствіе, что они подъ вліяніемъ книгъ измѣняютъ свое поведеніе. Обыкновенный средній человѣкъ живетъ не умомъ, а чувствами; условія его жизни воспитываютъ въ немъ цѣлый рядъ наклонностей, симпатій и антипатій, предвзятыхъ мыслей, предразсудковъ, которые глубоко коренятся въ его душѣ и не могутъ быть измѣнены книгами. Характеръ человѣка опредѣляется не книгами, а всей его жизненной обстановкой, противъ которой, точно такъ же, какъ и противъ интересовъ, книги безсильны. Даже и на взгляды людей книги оказываютъ далеко не такое сильное вліяніе, какъ обыкновенно думаютъ. Возьмите людей изъ различныхъ классовъ общества—аристократа, банкира и рабочаго. Эти люди будутъ, вѣроятно, очень различно смотрѣть на многія вещи, но развѣ различіе ихъ взглядовъ объясняется различіемъ прочитанныхъ ими книгъ? Не вѣрнѣе ли обратное—что выборъ читаемыхъ ими книгъ опредѣляется ихъ взглядами?

Человѣкъ, со всѣми своими физическими и духовными способно-

стями, является историческимъ продуктомъ породившей его обстановки, продуктомъ естественной и соціальной среды. Это положеніе представляетъ просто иную формулировку закона всеобщей причинности. Такъ какъ все имѣетъ свою причину, и человекъ не съ неба свалился, а исторически развился, то и всѣ свойства человека должны быть обусловлены тѣми физическими и психическими факторами, подъ вліяніемъ которыхъ жилъ и развивался онъ самъ, и жили и развивались его предки. Какъ животное общественное, человекъ подвергается не только физическимъ вліяніямъ, но и вліянію всѣхъ другихъ людей, съ которыми онъ вступаетъ въ соприкосновеніе, вліянію ихъ нравовъ, обычаевъ, вѣрованій, политическихъ и общественныхъ учреждений, наукъ и искусствъ, однимъ словомъ—всѣхъ тѣхъ соціальныхъ элементовъ, которые своей совокупностью составляютъ соціальную среду.

Зависимость отъ внѣшней природы ослабляется по мѣрѣ развитія цивилизаціи, сущность которой заключается въ возрастаніи власти человека надъ природой. Напротивъ того, чѣмъ дальше идетъ исторія, тѣмъ сильнѣе вліяетъ на человека соціальная среда, то, что мы называемъ *культурой*.

Духовное наслѣдство человечества все возрастаетъ, и доля каждаго отдѣльнаго поколѣнія, и тѣмъ болѣе отдѣльнаго человека, становится все менѣе и менѣе замѣтной. Чѣмъ культурнѣе человекъ, тѣмъ въ большей мѣрѣ онъ пользуется плодами умственной дѣятельности другихъ людей, и слѣдовательно, тѣмъ большее вліяніе оказываетъ на него соціальная среда. Великіе люди являются такими же продуктами соціальной среды, какъ и прочіе смертные. Можно даже сказать, что именно въ великихъ людяхъ, характеризующихъ цѣлую эпоху, особенно выпукло отражаются особенности соціального строя, породившаго ихъ. Именно потому они и оказывали такое сильное вліяніе на современниковъ. Вотъ, напр., что говоритъ по этому поводу человекъ, понимавшій толкъ въ великихъ людяхъ—Гетѣ: «Присматриваясь къ фамиліямъ, или семьямъ, существовавшимъ очень долгое время, можно замѣтить, что природа обыкновенно заканчиваетъ тѣмъ, что производитъ на свѣтъ личность, заключающую въ себѣ характеристическія качества всѣхъ своихъ предковъ и обнаруживающую въ соединеніи между собой и въ полномъ развитіи всѣ предрасположенія, проявившіяся до тѣхъ поръ въ зародышномъ и изолированномъ состояніи во множествѣ отдѣльныхъ личностей данной семьи или рода. То же самое можно сказать и о народахъ, которые, при благоприятныхъ обстоятельствахъ, тоже воплощаютъ всѣ свои характерныя качества заразъ

въ одной личности. Такими личностями были, наприѣръ, для Франціи—Людовикъ XIV, этотъ по преимуществу французскій король, и Вольтеръ, этотъ самый характерный французскій писатель, какого только возможно себѣ представить» *).

Мы не можемъ объяснить индивидуальности генія, какъ и всякого другого человѣка. Вообще индивидуальность необъяснима, такъ какъ она зависитъ отъ безконечно-сложнаго сдѣленія обстоятельствъ, въ своей совокупности никогда не повторяющихся, и потому не поддающихся изслѣдованію. Но именно эта сторона каждаго человѣка, составляющая то, чѣмъ онъ отличается отъ всѣхъ другихъ, себѣ подобныхъ, имѣетъ менѣе всего историческаго значенія. Человѣкъ дѣйствуетъ на другихъ людей постольку, поскольку онъ имъ подобенъ, поскольку въ его личныхъ стремленіяхъ, чувствахъ, желаніяхъ, вообще въ его духовномъ мірѣ отражается духовный міръ другихъ людей. Мы называемъ великимъ поэтомъ того, кто умѣетъ затронуть наши душевныя струны, кто, силой своего воображенія, способенъ отчуждаться отъ собственной индивидуальности, и воплощаться въ объективныхъ художественныхъ образахъ. Великій поэтъ долженъ имѣть болѣе общаго съ каждымъ изъ насъ, чѣмъ обыкновенный смертный. Его личность является какъ бы собирательнымъ выраженіемъ личностей всѣхъ другихъ людей, и именно потому его поэзія дѣйствуетъ на всѣхъ людей, какъ бы ни было различно ихъ социальное положеніе и индивидуальныя условія жизни.

Художественныя произведенія всегда отражаютъ на себѣ господствующее настроеніе общества; это настроеніе опредѣляетъ характеръ и направленіе искусства той или иной исторической эпохи. Готическая архитектура характерна для среднихъ вѣковъ, итальянская живопись достигаетъ высшей точки своего развитія въ эпоху возрожденія; французскій ложноклассицизмъ тѣсно примыкалъ къ монархіи Людовика XIV, а великія поэтическія произведенія Гёте и Шиллера были выраженіемъ пробужденія германскаго національнаго генія, экономическаго и политическаго подъема Германіи, послѣ упадка и истощенія, вызваннаго 30-лѣтней войной.

То же самое можно сказать и о наукѣ. Въ средніе вѣка самые сильные умы посвящали себя теологіи и изошрялись въ бесплодныхъ усиліяхъ понять и объяснить то, что по самому существу своему необъяснимо. Теперь во главѣ наукъ стоитъ естествознаніе. Почему же блаженный (beatus) Августинъ изучалъ не природу, а

---

*) Цитировано у Жоли: Психологія великихъ людей, русск. переводъ, стр. 14.

Дарвинъ не сдѣлался теологомъ? Не вслѣдствіе своей индивидуальности, а просто потому, что Августинъ жилъ въ то время, когда теологія господствовала надъ умами человѣчества и заключала въ себѣ всѣ знанія и философію эпохи; а Дарвинъ жилъ въ наше время, когда крупная промышленность преобразовала хозяйство, и на первый планъ выдвинулись практическія задачи, разрѣшеніе которыхъ невозможно безъ познанія законовъ природы.

Философія точно также всегда отражаетъ на себѣ характеръ соціальной среды. Философскій скептицизмъ Юма и материализмъ Гельвеція, Ламеттри и Гольбаха были порождены тѣмъ общественнымъ теченіемъ, которое произвело французскую революцію. Метафизическія системы первой половины нашего вѣка находились въ очевидной связи съ реакціей, господствовавшей на всемъ европейскомъ континентѣ. Вообще, какую бы область искусства или знанія мы ни взяли, вездѣ мы видимъ могущественное вліяніе господствующаго настроенія умовъ, иначе говоря, соціальной среды. То, что кажется продуктомъ личнаго творчества человѣка, высочайшимъ произведеніемъ индивидуальнаго генія, при внимательномъ анализѣ всегда оказывается болѣе или менѣе яснымъ выраженіемъ общихъ культурныхъ условій эпохи.

Вліяніе соціальной среды на политическія учрежденія еще болѣе очевидно. Въ настоящее время было бы смѣшно объяснять характеръ государственнаго устройства той или иной страны личностью законодателя. Соціальная среда опредѣляетъ характеръ государственнаго строя точно также, какъ она опредѣляетъ направленіе искусства, науки, философіи и религіи.

Мы видимъ, что соціальная среда является основнымъ факторомъ исторіи. Личность человѣка исчезаетъ и расплывается въ человѣческой массѣ, которая и дѣлаетъ исторію. Несмотря на то, что, при поверхностномъ взглядѣ, единственнымъ дѣятелемъ исторіи является конкретная человѣческая индивидуальность, историческій процессъ имѣетъ стихійный, безличный характеръ. Человѣкъ хлопочетъ о своихъ личныхъ дѣлахъ, живетъ въ своемъ маленькомъ, узенькомъ міркѣ, думаетъ только о себѣ, и въ то же время безсознательно отражаетъ господствующія культурныя теченія, и является носителемъ идей, стремленій и вѣрованій своего времени. Осуществляя свой личный идеалъ, человѣкъ доставляетъ торжество тѣмъ соціальнымъ вліяніямъ, которыя сдѣлали его такимъ, какимъ онъ есть. «Er denkt zu shieben, und er wird geschoben». Весь секретъ вліянія героя на толпу, великаго историческаго дѣятеля на человѣчество заключается въ томъ, что герой лучше другихъ угадываетъ нужды и потребности своей эпохи, и поэтому

является самой подходящей личностью для осуществленія ихъ. Нерѣдко при этомъ историческій дѣятель не понимаетъ истиннаго смысла своей дѣятельности, руководствуется своими личными мотивами и какъ бы помимо воли исполняетъ свою историческую миссію.

Итакъ, социальная среда создаетъ человѣка и даетъ направленіе его дѣятельности. Но чѣмъ же опредѣляется характеръ социальной среды? Социальная среда не есть первичный факторъ, не поддающийся дальнѣйшему разложенію. Социальная среда—это тѣ же люди. Слѣдовательно, объясняя историческое развитіе вліяніемъ среды, мы, въ сущности, утверждаемъ только то, что историческая эволюція имѣетъ безличный, массовой характеръ. Но чѣмъ же движется исторія, что толкаетъ человѣчество впередъ, что создаетъ то общественное настроеніе, которымъ опредѣляется характеръ исторической эпохи?

Социальная среда опредѣляется, прежде всего, хозяйственными отношеніями. Философія, наука и искусство, политическія учрежденія, обычаи, нравы—всѣ самыя возвышенныя проявленія человѣческаго духа имѣютъ свои корни въ условіяхъ хозяйства. Такое утвержденіе можетъ показаться очень рискованнымъ. Тѣмъ не менѣе, оно является самымъ естественнымъ и правдоподобнымъ разрѣшеніемъ вопроса о движущей силѣ исторіи.

Отбросимъ всякія теоріи въ сторону и посмотримъ вокругъ. Прежде чѣмъ наслаждаться искусствомъ и философствовать, нужно ѣсть, и потому, пока вопросъ о пищѣ не рѣшенъ, до тѣхъ поръ нельзя уноситься въ заоблачныя сферы, какъ бы онѣ ни были привлекательны. Преобладаніе въ жизни людей хозяйственныхъ интересовъ основывается вовсе не на природѣ человѣка. Обеспечьте людямъ средства къ существованію, и тогда на первый планъ выступятъ другія потребности и задачи. Но такъ какъ до сихъ поръ мы не знали ни одного общества, въ которомъ большинство населенія было бы избавлено отъ заботы о хлѣбѣ насущномъ, то экономическій факторъ до сихъ поръ является важнѣйшимъ въ исторіи.

So übt Natur die Mutterpflicht
 . . . . .
 Einstweilen, bis den Bau der Welt
 Philosophie zusammenhält,
 Erhält sie das Getriebe
 Durch Hunger, und durch Liebe *).

*) Такъ природа исполняетъ свою материнскую обязанность: пока философія не будетъ управлять міромъ, природа поддерживаетъ все живое съ помощью голода и любви.

Эти стихи Шиллера выражают несомненную истину, съ которой трудно спорить. Кто же не знаетъ, что голодъ и любовь являются главнѣйшими, и почти единственными, мотивами человѣческой дѣятельности? Русскіе субъективисты часто ссылаются на Лестера Уорда. Вотъ что говоритъ по этому поводу послѣдній *): «...Какой же философъ, или, вообще, мыслящій человекъ можетъ не видѣть, что любовь, голодъ и, вообще, нужда поглощаютъ силы большей части человечества?» И, дѣйствительно, этого нельзя не видѣть. Но если есть два основныхъ фактора человѣческой жизни, почему же мы признаемъ только одинъ изъ нихъ— голодъ, творческой силой исторіи? По очень простой причинѣ: потому что любовь не толкаетъ насъ на борьбу съ природой, не требуетъ съ нашей стороны труда и усилій, не вызываетъ упорной и неутомимой работы ума. Удовлетвореніе чувства любви зависитъ не только отъ насъ самихъ, но и отъ воли другого человека, и никакія усилія съ нашей стороны не могутъ вызвать въ этомъ другомъ человекѣ чувства, если оно не возникаетъ само собою. Чувство любви одинаково удовлетворяется людьми, стоящими на самыхъ различныхъ ступеняхъ культуры и самыхъ различныхъ общественныхъ положеній. Это есть по преимуществу не историческій факторъ, и къ нему вполне примѣнимо изреченіе: «ничто не ново подъ луной». Тысячу лѣтъ тому назадъ люди любили такъ же, какъ теперь, такъ же радовались, встрѣчая взаимность, такъ же страдали отъ неудачной любви. Въ этомъ отношеніи человечество почти не прогрессируетъ. Напротивъ, прогрессъ цивилизаціи можетъ вполне измѣряться успѣхами матеріальной культуры. Чѣмъ выше цивилизація, тѣмъ больше наша власть надъ природою; безъ этой власти, безъ соотвѣтствующаго матеріальнаго базиса, невозможно развитіе высшихъ духовныхъ способностей человека. Что же насъ толкаетъ на борьбу съ природой? Голодъ, понимая подъ голодомъ всю совокупность нашихъ матеріальныхъ потребностей, — потребность въ пищѣ, одеждѣ, жилищѣ, и пр. Въ этомъ направленіи наши усилія не бесплодны, не пропадаютъ даромъ, но всегда приводятъ къ цѣли. Матеріальныя потребности удовлетворяются все полнѣе и полнѣе, по мѣрѣ развитія нашего ума и совершенствованія общественнаго строя; потому стремленіе къ удовлетворенію именно этихъ потребностей и является прогрессивнымъ факторомъ въ исторіи, направляющимъ энергію человечества и не позволяющимъ ему успокоиться надъ тѣмъ, что уже достигнуто.

Поддержаніе своего существованія во всѣ времена было глав-

*) Lester Ward: «Psychic Factors of Civilisation», p. 122.

нымъ интересомъ человѣческой жизни. Въ этомъ заключалась основная задача всякаго политическаго и общественнаго союза. Нравы, обычаи, политическія учрежденія должны были приспособляться къ условіямъ хозяйства, такъ какъ если бы они не соотвѣтствовали этимъ условіямъ, то хозяйство не могло бы идти, и человечество лишилось бы матеріальнаго базиса своего существованія.

Мы говорили о томъ, что человѣкъ создается соціальной средой. Теперь остановимся нѣсколько подробнѣе на томъ, чѣмъ создается сама среда, что опредѣляетъ ея характеръ.

Было бы ошибочно предполагать, что соціальная среда въ каждомъ данномъ обществѣ имѣетъ однородный характеръ. Напротивъ, соціальная среда такъ же разнообразна, какъ разнообразны господствующія экономическія условія. Если мы оставимъ въ сторонѣ примитивное общество, основанное на материнскомъ правѣ и коммунистическомъ хозяйствѣ, то во всѣхъ историческихъ союзахъ людей мы встрѣтимъ одно основное дѣленіе общества—на богатыхъ и бѣдныхъ. На низшихъ ступеняхъ культуры съ этимъ различіемъ соединяется различіе въ политическихъ и гражданскихъ правахъ. Въ современныхъ государствахъ политическія и гражданскія права богатыхъ и бѣдныхъ уравниваются, но экономическое неравенство не исчезаетъ. На этомъ основномъ общественномъ неравенствѣ создаются общественные классы.

Не слѣдуетъ, впрочемъ, думать, что общество состоитъ только изъ двухъ классовъ—оптиматовъ и пролетаріевъ, капиталистовъ и рабочихъ. Въ каждомъ обществѣ столько же классовъ, сколько формъ дохода въ немъ существуетъ. Такъ, капиталистическая организація хозяйства предполагаетъ три основныя формы дохода—ренту, прибыль и заработную плату. Но не нужно забывать, что ни въ одной странѣ капитализмъ не достигъ еще полнаго господства, и на ряду съ крупными капиталистическими предпріятіями повсюду еще сохраняются многочисленныя мелкія предпріятія, основанныя на личномъ трудѣ хозяевъ; особенно распространены такія предпріятія въ земледѣліи. Поэтому, большинство современныхъ обществъ распадаются, по крайней мѣрѣ, на 5 классовъ: крупныхъ землевладѣльцевъ (рента), крупныхъ предпринимателей (прибыль), рабочихъ (заработная плата), ремесленниковъ, лавочниковъ, вообще мелкихъ самостоятельныхъ хозяевъ (смѣшанный доходъ, состоящій изъ прибыли и заработной платы) и крестьянъ (смѣшанный доходъ изъ ренты, прибыли и рабочей платы). Два послѣдніе класса занимаютъ промежуточное положеніе между собственниками и рабочими. Экономическое, а вмѣстѣ съ тѣмъ и общественное значеніе этихъ классовъ падаетъ по мѣрѣ

развитія капитализма; среди нихъ происходитъ дифференціація—немногіе хозяева переходять въ классъ крупныхъ собственниковъ, а громадное большинство пополняетъ ряды пролетарьята, рабочихъ.

Если мы представимъ себѣ, какъ различны условія жизни каждаго изъ этихъ общественныхъ классовъ, если мы сравнимъ жизненную обстановку крестьянина и землевладѣльца, фабриканта и рабочаго, для насъ станетъ ясно великое значеніе экономическаго фактора. Крестьянинъ, обрабатывающій тотъ же клочекъ поля, надъ которымъ трудились поколѣнія его предковъ, живущій въ деревнѣ, работающій подъ открытымъ небомъ, при помощи только своей семьи, почти никогда не покидающій ограниченнаго участка земли, гдѣ онъ родился и выросъ, возлагающій всѣ свои надежды на урожай, посылаемый Господомъ Богомъ,—очевидно, долженъ быть совсѣмъ другимъ человѣкомъ, чѣмъ фабричный рабочій, не имѣющій своего угла, скитающійся съ одной фабрики на другую, работающій среди шума и грохота паровыхъ машинъ, съ сотнями и тысячами товарищей. Міросозерцаніе того и другого должно быть глубоко различно. Также различны культурный типъ крупнаго землевладѣльца, живущаго въ своихъ родовыхъ помѣстьяхъ, и какого-нибудь биржевого дѣльца или банкира, занятаго финансовыми операціями, которыя каждую минуту могутъ его обогатить или разорить. Общество, въ которомъ преобладаетъ натуральное хозяйство, въ которомъ большинство населенія удовлетворяетъ свои потребности продуктами собственнаго труда, должно имѣть другія вѣрованія, другую философію, литературу, нравы, обычаи, чѣмъ общество съ денежнымъ хозяйствомъ, подпавшее власти золотого тельца.

И такъ, раздѣленіе общества на классы основывается на неравенствѣ распредѣленія народнаго дохода. Чѣмъ же опредѣляется это распредѣленіе? Ничѣмъ инымъ, какъ способомъ производства и обмѣна. Каждой формѣ производства и обмѣна соотвѣтствуетъ опредѣленная форма распредѣленія, а слѣдовательно, и опредѣленный типъ соціального строя вообще. Такъ, рабство могло возникнуть только тогда, когда производительность труда сдѣлала нѣкоторые успѣхи, и трудъ раба могъ приносить болѣе, чѣмъ стоило его содержаніе. Поэтому, у народовъ, стоящихъ на самой низкой ступени экономическаго развитія, рабства не существуетъ. Плѣнниковъ просто убивали.

Съ другой стороны, когда производительность труда невелика, рабство, какъ извѣстно, является необходимымъ условіемъ культурныхъ успѣховъ; уже давно замѣчено, что греческая цивилизація была бы немислима безъ рабства. Только благодаря тому,

что весь физическій трудъ исполнялся рабами, греческіе мыслители, поэты и художники могли свободно отдаваться умственному труду. Возникновеніе классовъ вполне объясняется условіями производства. Пока охота и рыбная ловля являются единственными средствами добыванія пищи, всѣ члены племени принимаютъ участіе въ управленіи и въ войнѣ. Но охота можетъ давать пропитаніе только очень рѣдкому населенію; запросъ на пищу все возрастаетъ, и населеніе переходитъ къ земледѣлію. Тогда положеніе мѣняется. Земледѣлецъ не можетъ принимать участія въ непрерывныхъ войнахъ, такъ какъ обработка земли требуетъ большого труда, а орудія производства земледѣльца непригодны для военныхъ цѣлей; охотникъ всегда вмѣстѣ съ тѣмъ и воинъ, но земледѣлецъ, по самому роду своихъ занятій, предпочитаетъ миръ. Однако, воевать все-таки нужно, и вотъ начинается раздѣленіе труда: масса населенія занимается обработкой земли, а особая каста воиновъ ведетъ войну. Такимъ же образомъ изъ первичной общины мало-по-малу выдѣляются и другіе правящіе классы, все по той же причинѣ, потому что земледѣліе цѣликомъ поглощаетъ человѣка, приковываетъ его къ одному участку земли и не оставляетъ ему времени для занятія войной и общественными дѣлами.

Измѣненіе условій производства и обмѣна въ наше время вызвало новое распредѣленіе національнаго дохода, и новые общественные классы. Въ средніе вѣка капиталъ не игралъ почти никакой роли. Политическая власть сосредоточивалась въ классѣ крупныхъ земельныхъ собственниковъ. Фабрика, міровая торговля и денежное хозяйство сдѣлали господствующимъ классомъ крупную буржуазію—фабриканта, банкира, биржевика—все фигуры, незнакомыя доброму старому времени. По извѣстному выраженію Сійэса, третье сословіе, которое раньше было ничѣмъ, теперь стало всѣмъ.

Чѣмъ же была вызвана эта политическая и социальная революція? Ничѣмъ инымъ, какъ новыми формами хозяйства, развитіемъ обмѣна, изобрѣтеніемъ машинъ.

Этихъ бѣглыхъ замѣчаній, разумѣется, отнюдь недостаточно для доказательства преобладающаго значенія экономическаго фактора въ исторіи. Достоинство всякой научной гипотезы можетъ быть опредѣлено только однимъ путемъ: проверкой этой гипотезы на фактахъ. Если при ея помощи удается объяснять факты и, еще болѣе, предвидѣть ихъ, значитъ гипотеза плодотворна и ею можно пользоваться въ научныхъ изслѣдованіяхъ. Поэтому, доказательство изложенной теоріи или гипотезы историческаго процесса можетъ заключаться только въ дѣйствительномъ объясненіи событій міро-

вой исторіи съ точки зрѣнія зависимости ихъ отъ экономическихъ отношеній. Очень многое въ этомъ смыслѣ уже сдѣлано, еще больше остается сдѣлать; во всякомъ случаѣ, нельзя, по нашему мнѣнію, отрицать, что новое направленіе въ историческихъ наукахъ оказалось весьма плодотворнымъ, пролило яркій свѣтъ на цѣлый рядъ историческихъ фактовъ, которые раньше, со стороны историковъ культурнаго направленія, получали неполное или невѣрное освѣщеніе, уяснило смыслъ многихъ событій, и, что еще важнѣе, до извѣстной степени позволило ихъ предвидѣть. Чего же еще требовать отъ научной гипотезы?

Въ какой мѣрѣ эта гипотеза примѣнима ко всѣмъ историческимъ эпохамъ и ко всѣмъ народамъ, это можетъ рѣшить только спеціальное разслѣдованіе самихъ фактовъ. До сихъ поръ попытки экономического объясненія исторіи, въ тѣхъ случаяхъ, когда онѣ дѣлались умѣло и съ нужнымъ знаніемъ историческихъ фактовъ, приводили къ блестящимъ результатамъ, открывали новыя и неожиданныя историческія перспективы, и въ этомъ заключается, по нашему мнѣнію, лучшее доказательство научной состоятельности разсматриваемой доктрины.

М. Туганъ-Барановскій.

НАУЛАКА.

Романъ Рюдларда Киплинга и Уольботта Балестриера.

(Окончаніе *).

XIX.

Мы боги Востока, мы старше всѣхъ боговъ, мы въ своихъ рукахъ держимъ и горе, и радости, какъ можемъ мы пасть? Развѣ тѣ, другіе, насытятся той шелухой, какую вы приносите, развѣ ихъ растрогаютъ ваши пѣсни? А мы, неужели мы уже ничего не можемъ дать, мы, которые такъ долго царствовали среди дыма благовоній, звука цимбаловъ, гласа кончей и гонговъ?

Выше пререканій всякихъ ученыхъ загорается солнечный день, всякій гонить свое стадо съ водопою и возвращается въ той жизни, которая ему хорошо извѣстна, возвращается туда, гдѣ горитъ пламя алтаря и гдѣ «тушван» покоятся въ урнахъ.

Изъ Сеонне.

Кэтъ спрятала предательскій бананъ, постаралась, несмотря на собственныя слезы, утѣшить магараджу, оплакивавшаго таинственную смерть Моти, и, затѣмъ, весь вечеръ и всю длинную ночь обдумывала свое положеніе. Когда она встала на слѣдующее утро, утомленная, съ покраснѣвшими глазами, ей было вполне ясно только одно: она должна трудиться для здѣшнихъ женщинъ, пока жива, и единственнымъ утѣшеніемъ ей осталось ея дѣло. Между тѣмъ, любимый ею человѣкъ живетъ въ Гокраль Ситарунѣ, подвергаясь смертельной опасности, чтобы только не оставлять ее одну, а она не можетъ даже позвать его: обратиться къ его помощи значитъ уступить, а этого она не хотѣла.

Она поѣхала въ больницу. Боязнь скрытаго врага, покушав-

---

*) См. «Міръ Божій» № 11, ноябрь.

шагося наканунѣ на ея жизнь, превратилась въ ужасъ, отъ котораго цѣпенѣла ея мысль. Женщина пустыни, по обыкновенію, ждала ее, сидя на нижней ступени гѣстницы съ лицомъ, закрытымъ покрываломъ, и съ руками, сложенными на колѣняхъ.

Сзади нея стоялъ Дунпатъ Раи, которому слѣдовало быть въ палатахъ. Кэтъ замѣтила, что во дворѣ толпится народъ, разные чужіе люди и посѣтители, которые на основаніи ея новыхъ правилъ могли приходиться въ больницу только разъ въ недѣлю. Это не былъ день, назначенный для посѣщеній, и Кэтъ, взволнованная и разстроенная всѣмъ, что ей пришлось пережить наканунѣ, сердито спросила, слѣзая съ лошади:

— Что это значить, Дунпатъ Раи?

— Тамъ на дворѣ собрался народъ, котораго возмутили какія-то ханжи. Такія волненія бывали и прежде. Это ничего. Не ходите туда.

Она молча оттолкнула его и хотѣла войти наверхъ, но на встрѣчу ей спускали съ гѣстницы одного изъ ея паціентовъ, больного тифомъ; его съ криками несли шесть человѣкъ пріятелей, которые обратились къ ней съ угрожающими жестами. Въ ту же секунду женщина пустыни очутилась подлѣ нея и подняла свою смуглую руку, въ которой блестѣлъ длинный ножъ съ широкимъ лезвиемъ.

— Молчать, собаки!—закричала она на ихъ родномъ нарѣчій.— Не смѣйте поднимать руку на эту пери, которая такъ много сдѣлала для васъ!

— Она убиваетъ нашъ народъ—вскричалъ одинъ крестьянинъ.

— Можетъ быть,—сказала женщина съ мимолетней улыбкой,— но я знаю, кто будетъ лежать мертвымъ здѣсь, если вы не пропустите ее. Кто вы такіе, райпутане или бхили съ горъ, рыболовы, копатели червей, чего вы бѣжите точно стадо овецъ изъ за того, что неизвѣстно откуда явившійся священникъ навралъ вамъ и смутилъ ваши глиняныя головы? Развѣ она убила кого-нибудь изъ вашихъ? Надолго ли сохраните вы жизнь этого человѣка, вы съ вашимъ колдовствомъ и вашими заклинаніями?—спросила она, указывая на полумертвое тѣло, распростертое на носилкахъ.—Прочь! убирайтесь прочь! Развѣ эта больница ваша деревня, что вы здѣсь разгуливаете? Заплатили вы хоть одинъ пенсъ за крышу надъ вашими головами, за лѣкарство въ вашей утробѣ? Убирайтесь прочь, не то я плюну на васъ!—И она оттолкнула величественнымъ жестомъ.

— Самое лучше не ходить туда,—шепнулъ Дунпатъ Раи на ухо Кэтъ.—Тамъ на дворѣ одинъ мѣстный святой человѣкъ волнуется умы. А мнѣ и самому какъ-то не по себѣ.

— Но что же это значить?—снова спросила Кэтъ.

Больница находилась въ рукахъ волнующейся толпы, которая тащила внизъ постели и кухонную посуду, лампы и бѣлье; бѣгая назадъ и впередъ по гѣстницамъ, люди переговаривались сдержанными голосами, и переносили больныхъ изъ верхнихъ палатъ точно муравьи, которые переносятъ яйца изъ раззореннаго муравейника; каждыя носилки несли шесть или восемь человѣкъ, передъ ними

шли люди съ вѣтками златоцвѣта; всѣ они останавливались чуть не на каждой ступени и бормотали молитвы; другіе перерывали все въ аптекѣ, третьи доставали воду изъ колодца и лили ее вокругъ постелей.

Посрединѣ двора, нагой, какъ тотъ сумасшедшій, который по-мѣщался тутъ до пріѣзда Кэтъ, сидѣлъ вымазанный сажей, длинно-волосый, съ когтями, какъ у хищной птицы, полоумный бродячій монахъ и махалъ надъ головой палкой съ заостреннымъ концомъ, напѣвая громкимъ, монотоннымъ голосомъ какія-то пѣсни, которыя побуждали мужчинъ и женщинъ дѣйствовать быстрѣе. Когда Кэтъ, блѣдная отъ негодованія съ блестящими глазами подошла къ нему, пѣніе его превратилось въ какой-то визгъ, полный гнѣва и ненависти. Она быстро прошла къ женщинамъ, къ своимъ женщинамъ, которыя, какъ ей думалось, привыкли любить ее. Но онѣ были окружены родственниками, и какой-то широкоплечій громкоголосый крестьянинъ изъ степной деревни толкнулъ Кэтъ. Онъ не думалъ оскорбить ее, но женщина пустыни ударила его ножомъ по лицу такъ, что онъ отскочилъ съ громкимъ стономъ.

— Мнѣ бы хотѣлось поговорить съ ними, — сказала Кэтъ, и женщина, ни на шагъ не отстававшая отъ нея, заставила толпу замолчать, поднимая надъ нею руки.

Одинъ только монахъ продолжалъ пѣть. Кэтъ подошла къ нему, погрозила ему своимъ дрожащимъ пальцемъ и закричала на мѣстнымъ нарѣчіи:

— Молчать! или я найду средство заткнуть твой ротъ!

Онъ смолкъ, и Кэтъ, вернувшись къ женщинамъ, стала среди нихъ и начала говорить взволнованнымъ голосомъ:

— О, мои женщины, чѣмъ я васъ обидѣла?—воскликнула она на мѣстномъ нарѣчіи.—Если здѣсь дѣлается что-нибудь не такъ, какъ слѣдуетъ, кто же можетъ все исправить, если не я, вашъ другъ? Вѣдь вы же можете день и ночь говорить со мной!—Она протянула къ нимъ руки:—Послушайте, сестры мои! Не съ ума ли вы сошли, что хотите уйти теперь, когда вы полувылечены, больны, можете умереть? Вы вѣдь свободны, вы можете выйти отсюда во всякій часъ дня и ночи. Прошу васъ только, ради васъ самихъ, ради жизни дѣтей вашихъ—не уходите, пока я не вылечу васъ съ Божьею помощью. Теперь въ пустынѣ лѣто, а многія изъ васъ пришли издалека.

— Она говоритъ правду! Она говоритъ правду!—раздался голосъ въ толпѣ.

— Конечно, я говорю правду. Я всегда желала вамъ добра. Вамъ слѣдуетъ объяснить мнѣ, что за причина этого бѣгства, а не убѣгать, точно испуганныя мыши. Сестры мои, вы слабы и больны, а ваши друзья не знаютъ, чѣмъ можно помочь вамъ. Я же знаю это.

— *Арге!* Что же намъ дѣлать?—воскликнулъ слабый голосъ.— Мы не виноваты. Я, по крайней мѣрѣ, очень хотѣла бы спокойно умереть, но священникъ говорить...

Шумъ снова начался.—На пластыряхъ написаны заклинанія.— Съ какой стати хотятъ насъ насильно дѣлать христіанами? Зна-

харка, которую прогнали отсюда, говоритъ это.—Что значить красные значки на пластыряхъ?—Зачѣмъ кладутъ намъ на тѣлѣ дьявольскіе знаки? Они жгутъ насъ, точно адскій огонь.

— Монахъ пришелъ къ намъ вчера, тотъ святой человѣкъ, который стоитъ тамъ на дворѣ, и рассказалъ, что ему было откровеніе, когда онъ сидѣлъ среди холмовъ; все это дѣло дьявола, который хочетъ этимъ отвратить насъ отъ нашей вѣры.

— И мы выйдемъ изъ больницы съ значками на тѣлѣ, да и всѣ дѣти, которыхъ мы родимъ въ больницѣ, будутъ съ хвостами, какъ у верблюдовъ, и съ упями, какъ у муловъ. Это говоритъ знахарка; это говоритъ священникъ.

— Тише, тише,—вскричала Кэтъ, ошеломленная всѣми этими обвиненіями.—Какіе пластыри? что за глупые разговоры, о какихъ-то пластыряхъ и о дьяволахъ? Здѣсь родилось много дѣтей и всѣ они были какъ настоящіе люди. Вы это отлично знаете! Это все наговорила вамъ негодная женщина, которую я прогнала за то, что она мучила васъ.

— Да, и священникъ говорилъ.

— Что мнѣ до вашего священника? Развѣ онъ ходилъ за вами, когда вы были больны, развѣ онъ просиживалъ съ вами ночи? Развѣ онъ сидѣлъ у вашей постели и поправлялъ вамъ подушки и держалъ вашу руку въ своей, когда вы мучились? Развѣ онъ бралъ отъ васъ ребенка и закачивалъ его, хотя самъ былъ утомленъ и хотѣлъ спать?

— Онъ святой человѣкъ. Онъ дѣлаетъ чудеса. Мы боимся гнѣва боговъ.

Одна женщина, посмѣлѣе прочихъ, закричала:

— Посмотрика сюда!—и подставила къ самому лицу Кэтъ одинъ изъ горчишниковъ, выписанныхъ изъ Калькутты, на задней сторонѣ котораго было напечатано простыми чернилами имя фабриканта и клеймо фирмы.

— Развѣ это не дьявольская штука? — спросила женщина сердито.

Женщина пустыни схватила ее за плечи и заставила опуститься на колѣни.

— Молчи, женщина безъ носа!—закричала она и голосъ ея дрожалъ отъ гнѣва.—Она вышла не изъ твоей грязи, твое прикосновеніе запачкаетъ ее. Помни свои навозныя кучи и говори потише!

Кэтъ съ улыбкой взяла пластырь.

— Кто же говоритъ, что это дѣло дьявола?—спросила она.

— Святой человѣкъ, монахъ. Онъ уже, конечно, знаетъ.

— Нѣтъ, вы должны знать,—кратко отвѣчала Кэтъ. Она поняла теперь въ чѣмъ дѣло и почувствовала состраданіе.

— Вамъ прикладывали этотъ пластырь. Развѣ онъ сдѣлалъ тебѣ вредъ, Питира?—Она обратилась прямо къ одной изъ женщинъ.—Ты нѣсколько разъ благодарила меня за то, что я помогла тебѣ этимъ снадобьемъ. Если это дьявольская штука, отчего же она не сожгла тебя?

— По правдѣ сказать, она сильно жгла меня, — отвѣчала женщина съ нервнымъ смѣхомъ.

Кэтъ тоже не могла удержаться отъ улыбки.

— Это правда. Я не могу сдѣлать, чтобы мои лѣкарства были пріятны. Но вы знаете, они приносятъ пользу. Развѣ весь этотъ народъ, ваши друзья, мужики, погонщики верблюдовъ, пастухи знаютъ, какія бываютъ англійскія лѣкарства? Развѣ тѣ, что живутъ среди холмовъ, или этотъ священникъ, настолько мудры, что знаютъ, какъ вы себя чувствуете, когда вы за 50 миль отъ нихъ? Не слушайте ихъ! О, не слушайте! Скажите имъ, что вы хотите остаться со мною, и я васъ вылечу. Это все, что я могу сдѣлать. Я затѣмъ и пріѣхала сюда. Я слышала о вашихъ несчастьяхъ у себя на родинѣ, за 10 тысячъ миль отсюда, и сердце мое заглохло. Неужели я пріѣхала бы изъ такой дали, чтобы сдѣлать вамъ зло? Ложитесь въ постели, сестры мои, и велите этимъ глупымъ людямъ уйти.

Среди женщинъ поднялся говоръ, какъ будто одобренія или сомнѣнія. Въ теченіе минуты положеніе оставалось неопредѣленнымъ.

Вдругъ человекъ, получившій ударъ по лицу, закричалъ:

— Что за разговоры? Возьмемъ вашихъ женъ и сестеръ и уведемъ ихъ! Мы не хотимъ, чтобы у насъ были сыновья, похожіе на дьяволовъ. Скажи намъ свое слово, ты, отецъ! — обратился онъ къ монаху.

Святой человекъ поднялся на ноги и отвѣтилъ на рѣчь Кэтъ пѣлымъ потокомъ брани, угрозъ и проклятій; народъ сталъ по-немногу отходить отъ Кэтъ, унося и уводя съ собою своихъ родственницъ.

Кэтъ звала женщинъ по имени, умоляла ихъ остаться, уговаривала, убѣждала ихъ. Но все было напрасно. Многія изъ нихъ плакали; но всѣ отвѣчали одно и то же. Имъ очень жаль, но онѣ ничего не могутъ сдѣлать, онѣ слабыя женщины и боятся своихъ мужей.

Съ каждой минутой палаты больницы пустѣли, и монахъ во дворъ снова запѣлъ и затѣмъ началъ какую-то безпутную пляску. Людской потокъ спустился съ лѣстницы на улицу, и Кэтъ видѣла, какъ безжалостно тащили подъ палящими лучами солнца тѣхъ женщинъ, за которыми она такъ заботливо ухаживала; одна только женщина пустыни осталась подлѣ нея.

Кэтъ смотрѣла окаменѣлыми глазами. Ея больница была пуста.

XX.

Наша сестра говоритъ и то, и другое, и мы должны исполнять ея приказанія, наша сестра слишкомъ много хлопочетъ, наша дѣвочка, у которой нѣтъ сердца.

Невспаханное поле, несотканная тканьъ, почка, не выдавшая ни солнца, ни пчелы, чужая во дворцѣ любви и жрицы и ея алтара.

Мы любимъ ее, но въ то же время смѣемся; мы смѣемся, но рыданья при-мѣшиваются къ нашему смѣху; нашей сестрѣ некогда улыбаться, она еще не знаетъ будущаго.

Южный вѣтеръ поднимись и подуи, разнеси сѣмена и зародыши, подуи на ея сердце, чтобы она узнала, подуи на ея глаза, чтобы она увидѣла.

Увы! мы сердимъ ее своею веселостью, мы смущаемъ ее нашими нѣжными насмѣшками, ее, стоящую у порога рожденія, ее, невинную какъ ребенокъ, неродившійся ребенокъ.

Наша сестра говоритъ и то, и другое, и мы должны исполнять ея приказанія, наша сестра слишкомъ много хлопочетъ, наша дѣвочка, у которой нѣтъ сердца.

Изъ либретто Наулаки.

— Угодно будетъ, сагибъ миссъ, приказать что-нибудь?— съ восточною невозмутимостью спросилъ Дунпатъ Раи, когда Кэтъ осталась одна съ женщиной пустыни и стояла въ полномъ изнеможеніи, опираясь на ея сильное плечо.

Кэтъ покачала головой молча, крѣпко стиснувъ губы.

— Это очень грустно, — разсуждалъ Дунпатъ Раи такъ спокойно, точно дѣло вовсе не касалось его. — Всему виноватъ религиозный фанатизмъ и нетерпимость, господствующіе въ здѣшней мѣстности. Мнѣ и прежде случалось видать разъ или два нѣчто подобное. Одинъ разъ изъ-за порошковъ; другой разъ они говорили, что градусники — это священные сосуды и что цинковая мазь — это коровій жиръ. Но никогда еще не бывало, чтобы всѣ заразъ ушли изъ больницы. Я думаю, они больше не вернутся. Конечно, я получаю жалованье отъ правительства, — прибавилъ онъ съ кроткой улыбкой, — такъ что мой официальный окладъ не уменьшится.

Кэтъ съ изумленіемъ посмотрѣла на него.

— Неужели вы думаете, что онъ никогда больше не придутъ? — слабымъ голосомъ спросила она.

— Отчего же... когда-нибудь... одинъ или два; пожалуй, двое или трое мужчинъ, когда ихъ укуситъ тигръ или у нихъ сдѣлается воспаление глазъ; но женщины — нѣтъ, никогда. Мужья никогда не позволяютъ имъ. Спросите у этой женщины.

Кэтъ устремила жалобно вопросительный взглядъ на женщину пустыни, которая наклонилась, взяла немного песку съ земли, пропустила его сквозь пальцы, отряхнула руки и покачала головой. Кэтъ съ отчаяніемъ слѣдила за всѣми ея движеніями.

— Вы видите, все кончено, не стоитъ хлопотать, — проговорилъ Дунпатъ Раи не злобно, но не скрывая удовольствія, что его мудрое предсказаніе исполнилось, и она потерпѣла поражение. — А теперь, что угодно вашей милости дѣлать? Прикажете запереть аптеку, или вы, можете быть, желаете провѣрить лѣкарства.

Кэтъ отстранила его слабымъ движеніемъ руки.

— Нѣтъ, нѣтъ! не теперь. Я должна все обдумать. Я напишу вамъ. Пойдемъ, моя дорогая, — обратилась она на мѣстномъ нарѣчій къ женщинѣ пустыни, и рука объ руку вышли онѣ изъ больницы.

Когда онѣ миновали ворота, сильная райпутанка схватила ее на руки, точно ребенка, посадила на лошадь и мрачно пошла рядомъ съ ней къ дому миссис.

— Куда же ты идешь? — спросила у нея Кэтъ на ея родномъ языкѣ.

— Я пришла первую изъ всѣхъ, — отвѣчала женщина, — мнѣ слѣдуетъ уйти послѣднею. Я пойду, куда ты пойдешь, а потомъ что должно случиться, то случится.

Кэтъ нагнулась и съ благодарностью пожала руку женщины.

Подѣхавъ къ воротамъ миссис, она должна была призвать на помощь все свое мужество, чтобы удержаться на ногахъ.

Она такъ много говорила м-съ Эстесъ о своихъ надеждахъ на будущее, съ такою любовью описывала, чему она намѣрена научить этихъ безпомощныхъ бѣдняковъ, такъ часто сообщала ей о той пользѣ, какую уже начинаетъ приносить имъ, и теперь ей было невыразимо горько признаться, что все ея дѣло погибло. Мысль о Тарвинѣ была еще болѣе мучительна, и она старательно отгоняла ее отъ себя.

Но, къ счастью, оказалось, что м-съ Эстесъ нѣтъ дома, а Кэтъ ждалъ посланный отъ королевы матери съ просьбой, чтобы она явилась во дворецъ вмѣстѣ съ магараджей Кенваромъ.

Женщина пустыни положила руку ей на плечо, какъ бы удерживая ее, но Кэтъ оттолкнула ее.

— Нѣтъ, нѣтъ, нѣтъ! Я должна ѣхать. Я должна что-нибудь дѣлать! — вскричала она почти сердито, — хорошо, что я хоть кому-нибудь нужна. Мнѣ необходимо имѣть дѣло. Это мое единственное спасеніе, добрая моя. Иди впередъ ко двору.

Женщина молча повиновалась и зашагала по пыльной дорогѣ, а Кэтъ бросилась въ домъ и въ ту комнату, гдѣ лежалъ маленькій принцъ.

— Ляльи, — сказала она, наклоняясь надъ нимъ, — хорошо ли вы себя чувствуете, можете вы проѣхать въ каретѣ къ своей матери?

— Мнѣ бы лучше хотѣлось съѣздить къ отцу, — отвѣчалъ мальчикъ, сидѣвшій на софѣ, куда его перенесли, такъ какъ со

вчерашняго дня ему стало значительно лучше. — Мнѣ надобно поговорить съ отцомъ объ одномъ очень важномъ дѣлѣ.

— Но вѣдь вы такъ давно не видались съ матерью, мой милый.

— Очень хорошо. Я поѣду.

— Ну такъ я велю приготовить карету.

Кэтъ повернулась чтобы выйти изъ комнаты.

— Нѣтъ, пожалуйста. Я хочу ѣхать въ своей собственной каретѣ. Кто это стоитъ тамъ за дверями?

— Высокорожденный, это я, — отвѣчалъ густой бастъ гвардейца.

— Ахма! Поѣзжай скорѣй и вели прислать сюда мой экипажъ и конвой. Если они не будутъ здѣсь черезъ 10 минутъ, скажи Сирапъ Сингу, что я убавлю его жалованье и поколочу его при всѣхъ солдатахъ. Сегодня я опять поѣду кататься.

— Да будетъ милость Господня надъ высокорожденнымъ на десять тысячъ лѣтъ, — отвѣчалъ голосъ солдата съ улицы; онъ вскочилъ на сѣдло и умчался.

Пока принцъ одѣвался, къ дверямъ подѣхалъ тяжеловѣсный экипажъ, нагруженный подушками. Кэтъ и м-съ Эстесъ наполовину свели, наполовину снесли мальчика, который непременно захотѣлъ стать на ноги среди веранды и отвѣтить на салютъ своего конвоя, какъ подобаешь мужчинамъ.

— Ахи! я очень ослабѣлъ, — заговорилъ онъ, пока они ѣхали во дворецъ. — Мнѣ самому кажется, что въ Раторѣ я никогда не поправлюсь.

Кэтъ обняла его одной рукой и подвинула поближе къ себѣ.

— Кэтъ, — продолжалъ онъ, — если я стану чего-нибудь просить у отпа, скажете вы, что это для меня полезно?

Кэтъ, печальныя мысли которой блуждали гдѣ-то вдали, разсѣянно погладила его по плечу, устремляя глаза, полныя слезъ, къ красной скалѣ, на которой стоялъ дворецъ.

— Я, право, не знаю, Ляльи, — проговорила она, пытаясь улыбнуться ему.

— Но вѣдь это очень умная вещь.

— Въ самомъ дѣлѣ? — ласково спросила она.

— Да; я это самъ выдумалъ. Я вѣдь Рай Кумаръ и я хочу ѣхать въ школу Рай Кумаровъ, гдѣ учатъ принцевъ, какъ надобно быть королями. Это недалеко — въ Айспирѣ; я долженъ тамъ пожить, я долженъ учиться, ѣздить верхомъ и фехтовать вѣстѣ съ другими принцами Райпутаны, тогда я сдѣлаюсь настоящимъ мужчиной. Я хочу ѣхать въ Рай Кумарскую школу въ Айспирѣ, чтобы узнать, какъ жить на свѣтѣ. Правда, это очень умно? Послѣ болѣзни мнѣ все кажется, что свѣтъ ужасно большой. Кэтъ, скажите, вы видѣли очень большой кусокъ свѣта, когда ѣхали черезъ Черную Воду? А гдѣ сагибъ Тарвинъ? Мнѣ бы хотѣлось и съ нимъ повидаться. Не разсердился ли сагибъ Тарвинъ на меня или, можетъ быть, на васъ?

Онъ мучилъ ее безконечными вопросами, пока они не остановились около боковыхъ воротъ дворца, которые вели къ флигелю

его матери. Женщина пустыни сидѣла на землѣ около этихъ воротъ. Она встала при приближеніи экипажа и протянула руки.

— Я слышала, что говорилъ посланный,—обратилась она къ Кэтъ,—я знаю, что нужно. Дайте я донесу ребенка. Нѣтъ, принцъ, не бойся, я хорошаго рода.

— Женщины хорошаго рода ходять подъ покрывалами и не разговариваютъ на улицахъ,—подозрительно произнесъ мальчикъ.

— Одинъ законъ для тебя и твоихъ, другой для меня и моихъ,—отвѣчала женщина со смѣхомъ.—Мы зарабатываемъ трудомъ свой хлѣбъ и потому не можемъ ходить подъ покрывалами, но наши отцы жили за много сотенъ лѣтъ до насъ, такъ же какъ и твой, высокорожденный. Иди, бѣлая волшебница не можетъ снести тебя такъ хорошо, какъ я.

Она обвила его руками и держала такъ легко, какъ будто это былъ трехлѣтній ребенокъ. Онъ спокойно прилегъ къ ней и махнулъ исхудавшей ручкой; страшные ворота отворились, заскригѣвъ на своихъ тяжелыхъ петляхъ, и они взопли всѣ вмѣстѣ: женщина, ребенокъ и дѣвушка.

Въ этой части дворца не видѣлось роскошныхъ украшеній. Пестрая облицовка стѣнъ выцвѣла и отвалилась во многихъ мѣстахъ, ставни полиняли и покривились, во дворѣ лежали кучи сора и навоза. Королева, лишаящаяся милостей короля, въ значительной степени лишается и матеріальнаго комфорта.

Какая-то дверь открылась, раздався чей-то голосъ. Трое послѣдителей вступили въ длинный полутемный корридоръ, полъ котораго, выкрашенный бѣлою краской, блестѣлъ точно мраморный. Этотъ корридоръ велъ въ апартаменты королевы. Мать магараджи Кенвара жила почти постоянно въ одной длинной низкой комнатѣ, выходившей на сѣверо-западъ; она любила, прислонясь къ мраморнымъ сводамъ, глядѣть въ окно и мечтать о своей родинѣ тамъ за песчаной степью, среди холмовъ Кулу. Дворцовый шумъ не достигалъ до этой комнаты, и лишь шаги ея немногочисленныхъ прислужницъ нарушали молчаніе, царившее вокругъ нея.

Женщина пустыни, продолжавшая держать на рукахъ принца, прижавшагося къ груди ея, шла по лабиринту пустыхъ комнатъ, узкихъ лѣстницъ и крытыхъ дворовъ, точно пантера, попавшая въ клѣтку. Кэтъ и принцъ привыкли къ этой темнотѣ, этимъ извилистымъ переходамъ, этой тишинѣ, этой мрачной таинственности. Для нея это было частью тѣхъ ужасовъ, среди которыхъ она рѣшила дѣйствовать; для него—обыденной обстановкой жизни.

Наконецъ, они пришли. Кэтъ подняла тяжелый занавѣсъ, принцъ позвалъ мать, и королева, вставъ съ кучи бѣлыхъ подушекъ, на которыхъ она сидѣла у окна, вскричала нетерпѣливо:

— Живъ ли мой сынъ?

Принцъ спустился съ рукъ женщины и сталъ на полъ, королева съ рыданьемъ бросилась къ нему, называла его тысячкою вѣжныхъ именъ и ласкала его всего съ головы до ногъ. Первую минуту онъ пытался, было, держаться, какъ настоящій мужчина племени Райпутанъ, т. е. выказать полное презрѣніе къ такому публичному проявленію чувствъ, но очень скоро самообладаніе

оставило его, и онъ началъ плакать и смѣяться въ объятіяхъ матери. Женщина пустыни провела рукою по глазамъ, бормоча что-то про себя. Кэтъ отвернулась къ окну.

— Какъ мнѣ благодарить васъ?—сказала наконецъ королева.— О мой сынъ, сыночекъ мой, дитя моего сердца, боги и она возвратили тебѣ здоровье. Но кто это стоитъ тамъ?

Ея глаза въ первый разъ упали на женщину пустыни, стоявшую на порогѣ, въ своемъ темнокрасномъ плащѣ.

— Она принесла меня сюда изъ кареты,—сказалъ принцъ,— она сказала, что она райпутанка хорошаго рода.

— Я изъ рода Шохановъ, райпутанка и мать райпутанъ,—спокойно произнесла женщина, продолжая стоять.—Бѣлая волшебница сдѣлала чудо надъ моимъ мужемъ. Онъ болѣлъ головой и не узнавалъ меня. Правда, онъ умеръ, но передъ смертью узналъ меня и назвалъ по имени.

— И она несла тебя,—сказала королева, вздрагивая и прижимая къ себѣ ребенка: подобно всѣмъ индійскимъ женщинамъ, она считала, что взглядъ и прикосновеніе вдовы предвѣщаетъ несчастье.

Женщина упала къ ногамъ королевы.

— Прости меня, прости меня!—вскричала она.—Я родила трехъ дѣтей, и боги взяли у меня всѣхъ ихъ, а напоследокъ и моего мужа. Мнѣ было такъ хорошо, такъ хорошо, что я опять могла поддержать на рукахъ ребенка. Ты можешь простить,—продолжала она со слезами,—ты богата, у тебя есть сынъ, а я вѣдь одинокая вдова.

— Я тоже, все равно, что вдова,—прошептала королева.—Это правда, я могу простить. Встань.

Женщина продолжала лежать, обнимая голыя ноги королевы.

— Встань же, сестра!—прошептала королева.

— Мы, люди полей,—проговорила женщина пустыни,—мы не знаемъ, какъ говорить съ знатными людьми. Если я скажу грубое слово, простишь ли мнѣ, королева?

— Да, прощу. Ты выговариваешь такъ же мягко, какъ женщины съ холмовъ Кулу, но нѣкоторыхъ твоихъ словъ я не понимаю.

— Я изъ пустыни; я пасу верблюдовъ, я дою козъ, гдѣ мнѣ умѣть говорить по придворному! Пусть бѣлая волшебница говорить за меня.

Кэтъ слушала разсѣянно. Теперь, когда она освободилась отъ лежавшей на ней обязанности, мысли ея возвратились къ опасности, грозившей Тарвину, и къ тому позорному пораженію, которое она пережила часъ тому назадъ. Ей представлялось, какъ всѣ женщины ея больницы одна за другой уходили отъ нея, какъ все ея дѣло гibly, всѣ надежды принести пользу рушились; ей представлялось, что Тарвинъ умираетъ мучительной смертью, и она чувствовала, что онъ умираетъ отъ ея руки.

— Что такое?—упавшимъ голосомъ спросила она, когда женщина дернула ее за платье. Затѣмъ, обращаясь къ королевѣ:—Эта женщина,—объяснила она,—одна изъ всѣхъ, кому я старалась приносить пользу, осталась сегодня со мною.

— Сегодня во дворцѣ ходили слухи,—сказала королева, про-

долгая обнимать одной рукой принца,—будто у васъ въ больницѣ были какіе-то безпорядки, сагиба.

— У меня больше нѣтъ больницы,—врачно отвѣчала Кэтъ.

— А вы обѣщали свезти меня туда когда-нибудь, Кэтъ,—сказалъ принцъ по англійски.

— Женщины были глупы,—быстро заговорила женщина пустыни, не вставая съ полу.—Сумасшедшій монахъ навралъ имъ, будто въ лѣкарствахъ есть колдовство.

— Спаси, Господи, насъ отъ злыхъ духовъ и колдовства,—про-бормотала королева.

— Въ лѣкарствахъ, которыя она раздавала собственными руками, сагиба, и вотъ онѣ разобѣжались, боясь, что у нихъ вмѣсто дѣтей родятся обезьяны, и ихъ подлая душа пойдутъ къ дьяволу. Ага! Они черезъ недѣлку, другую узнаютъ, куда пойдутъ ихъ души, не одна, не двѣ, а многія узнаютъ это. Онѣ умрутъ, умрутъ и колосья, и зерна въ нихъ.

Кэтъ содрогнулась. Она очень хорошо знала, что женщина говоритъ правду.

— Но лѣкарства!—проговорила королева.

— Кто знаетъ, какая сила можетъ быть въ лѣкарствѣ?—она нервно разсмѣялась и взглянула на Кэтъ.

— Декх! Посмотри на нее,—сказала женщина насмѣшливо.— Она дѣвочка и ничего больше. Какъ можетъ она затворять Ворота жизни?

— Она вылѣчила моего сына, послѣ этого она мнѣ сестра,—проговорила королева.

— Она сдѣлала, что мужъ заговорилъ со мной равнѣ смертнаго часа; послѣ этого я ея служанка такъ же, какъ и твоя, сагиба,—сказала женщина.

Принцъ съ недоумѣніемъ посмотрѣлъ на мать.

— Она говоритъ тебѣ «ты»,—сказалъ онъ, не обращая вниманія на присутствующую женщину.—Это неприлично, чтобы мужичка говорила *ты* королевѣ.

— Мы обѣ женщины, сынокъ. Не отходи отъ меня. Какъ мнѣ отрадно обнимать тебя, мой безцѣнный.

— Высокорожденный на видъ слабъ, какъ сухой колосокъ маиса,—быстро проговорила женщина.

— Скорѣе, какъ сухая обезьянка,—отвѣчала королева, пѣлуя ребенка въ голову. Обѣ матери говорили нарочно громко и съ жаромъ, чтобы боги, вѣчно завидующіе счастью смертныхъ, услышали ихъ и повѣрили нелестнымъ отзывамъ, подъ которыми скрывалась нѣжная любовь.

— Ага, моя маленькая обезьянка умерла,—сказалъ принцъ, безпокойно двигаясь.—Мнѣ надобно достать другую. Пусти меня во дворецъ, я тамъ себѣ найду.

— Ему нельзя уходить изъ этой комнаты во дворецъ,—вскричала королева, обращаясь къ Кэтъ.—Ты слишкомъ слабъ, мой любимый. О, сагибъ миссъ, онъ не долженъ уходить.

Она по опыту знала, что сынъ не послушаетъ ее и сдѣлаетъ по своему.

— Я такъ хочу,—произнесъ принципъ.—Я пойду!

— Оставайтесь съ нами, любимый,—попросила Кэтъ. Ей вдругъ начало казаться, что, пожалуй, больницу можно будетъ опять открыть, такъ—мѣсяца черезъ три, и что ей, можетъ быть, удастся отворотить опасность отъ Ника.

— Я иду!—вскричалъ принцъ, вырываясь изъ объятій матери.—Мнѣ надоѣли всѣ эти разговоры.

— Позволить королеву?—спросила женщина пустыни попуткомъ. Королева кивнула головой, и принцъ очутился между двумя смуглыми руками, противъ силы которыхъ онъ не въ состояніи былъ бороться.

— Пусти меня, вдова!—закричалъ онъ сердито.

— Ваше величество, неприлично райпутану не уважать мать райпутанъ,—спокойно отвѣчала женщина.—Когда молодой бычокъ не слушается коровы, ему приходится подъ ярмомъ учиться послушанію. Высокорожденный еще слабъ. Онъ упадетъ, ходя по этимъ корридорамъ, по этимъ лѣстницамъ. Пусть онъ лучше будетъ здѣсь. Когда гнѣвъ оставитъ его, онъ сдѣлается еще слабѣе, чѣмъ былъ прежде. Вотъ уже теперь—большіе, блестящіе глаза пристально глядѣли въ лицо ребенка—уже теперь,—она продолжала все тѣмъ же спокойнымъ голосомъ—гнѣвъ проходить. Еще минутой, высокорожденный, и ты станешь не принцемъ, а маленькимъ, маленькимъ ребеночкомъ, такимъ, какихъ и я рождала, *Али*, такимъ, какихъ я никогда больше не могу родить.

При этихъ послѣднихъ словахъ голова ребенка упала къ ней на плечо. Припадокъ гнѣва миновалъ, и послѣ него онъ ослабѣлъ до того, что засыпалъ.

— Срамъ, ахъ какой срамъ!—пробормоталъ онъ.—Я и вправду не могу уйти. Я хочу спать.

Она начала тихонько гладить его по плечу, пока королева не протянула жадныя руки, не схватила сына, свою собственность, и не уложила его на подушки подлѣ себя, прикрывъ его широкими складками своего платья и со страстною нѣжностью глядя на свое сокровище. Женщина сѣла на полъ, Кэтъ опустилась на одну изъ подушекъ и прислушивалась къ тиканью плохенькихъ американскихъ часовъ, висѣвшихъ въ нишѣ. Голосъ какой-то женщины, распѣвавшей пѣсни, слабо доносился до нихъ, заглушаемый нѣсколькими стѣнами. Сухой полуденный вѣтеръ врывался сквозъ рѣзныя ставни оконъ, слышно было, какъ лошади конвой хлещутъ хвостами и грызутъ удила внизу, во дворѣ. Кэтъ прислушивалась къ этимъ звукамъ, и мысль о Тарвинѣ наполняла ее все новымъ ужасомъ. Королева низко наклонилась надъ сыномъ и на глаза ея навернулись слезы материнской любви.

— Онъ заснулъ,—сказала она наконецъ.—Что онъ такое говорилъ о своей обезьянѣ, сагибъ миссъ?

— Она околѣла,—отвѣчала Кэтъ и привудила себя солгать.— Она, кажется, набѣлась дурныхъ плодовъ въ саду.

— Въ саду?—быстро переспросила королева.

— Да, въ саду.

Женщина пустыни переводила глаза отъ одной собесѣдницы

къ другой. Онѣ говорили о чемъ-то непонятномъ для нея, и она начала робко глядеть ноги королевы.

— Обезьяны часто умираютъ,—замѣтила она.—Я видѣла даже, какъ среди обезьяняго народа была настоящая повальная болѣзнь тамъ, въ Бансварѣ.

— Какъ она околѣла?—настаивала королева.

— Я, я не знаю...—пролепетала Кэтъ. Между ними снова воцарилось молчаніе, а полуденный жаръ становился все удушливѣе.

— Миссъ Кэтъ, что вы думаете о моемъ сынѣ?—прошептала королева.—Здоровъ онъ или нездоровъ?

— Онъ нездоровъ. Со временемъ онъ навѣрно окрѣпнетъ, но для него было бы лучше теперь пока уѣхать отсюда.

Королева кивнула головой.

— Я то же часто думала это, сидя здѣсь одна. Эти мысли раздирали мое сердце. Да, ему хорошо уѣхать отсюда. Но,—она съ отчаяніемъ протянула руки къ солнечному лучу,—я вѣдь ничего не знаю о томъ мѣрѣ, куда онъ поѣдетъ, и не знаю, будетъ ли онъ тамъ внѣ опасности. Здѣсь, даже здѣсь...—Она вдругъ остановилась.—Съ тѣхъ поръ какъ вы пріѣхали, миссъ Кэтъ, мое сердце узнало хоть немного покой, я не могу подумать, что будетъ, когда вы уѣдете.

— Я не могу уберечь ребенка отъ всякаго зла,—отвѣчала Кэтъ, закрывая лицо руками;—отправьте его изъ этого дворца какъ можно скорѣе. Ради Бога, отправьте его.

— Это правда, это правда!—Королева обратилась къ женщинѣ, сидѣвшей у ея ногъ.—Ты родила трехъ?—спросила она.

— Да, трехъ, и еще четвертаго, который умеръ, не успѣвъ вздохнуть. И они всѣ были мальчики,—сказала женщина пустыни.

— И боги взяли ихъ?

— Одинъ умеръ отъ оспы, двое отъ лихорадки.

— Ты увѣрена, что это была воля боговъ?

— Я не разставалась съ ними до самаго конца.

— Твой мужъ былъ, значить, только твой, и ничей больше?

— Насъ было только двое, онъ да я. У насъ въ деревняхъ народъ бѣдный, всякій беретъ только одну жену; не больше.

— *Аппе!* У васъ въ деревняхъ люди очень богаты. Слушай. А что если бы вторая жена задумала извести твоихъ трехъ мальчиковъ...

— Я бы убила ее, какъ же иначе?—ноздри женщины расширились, и она быстро сунула руку подъ лифъ платья.

— А если бы, вмѣсто трехъ, у тебя былъ только одинъ, одинъ свѣтъ твоихъ очей, и ты знала бы, что не можешь родить другого, и что вторая жена тайно умышляетъ на его жизнь. Что тогда?

— Я бы убила ее, но не просто, я бы замучила ее. Я убила бы ее, когда она лежала бы рядомъ съ мужемъ, въ его объятіяхъ. Если бы она умерла, прожде чѣмъ мнѣ удалось бы насытить свою месть, я и въ аду нашла бы ее.

— Ты можешь выходить при солнечномъ свѣтѣ и ходить по

•

улицамъ, и ни одинъ мужчина не повернетъ къ тебѣ голову,— съ горечью замѣтила королева.—А что, если бы ты была рабой среди рабовъ, чужестранкой среди чуждаго племени и—голосъ ея упалъ—женщиной, лишенной милости своего господина.

Женщина нагнулась и поцѣловала блѣдную ногу, лежавшую на ея ладони.

— Тогда я не стала бы мучить себя борьбой, я помнила бы, что мальчикъ можетъ вырасти и стать королемъ, и я отослала бы его туда, гдѣ вторая жена не можетъ сдѣлать ему зла.

— Развѣ легко отрѣзать себѣ руку?—сказала королева, рыдая.

— Лучше руку, чѣмъ сердце, сагиба. Кто можетъ уберечь такого ребенка въ здѣшнемъ мѣстѣ?—Королева указала на Кэтъ.— Она пріѣхала издалека, и она уже однажды спасла его отъ смерти.

— Ея снадобья хороши и ея искусство велико, но, ты знаешь, она вѣдь только дѣвушка, она не знала ни счастья, ни несчастья. Можетъ быть, я несчастная, и глазъ у меня дурной—мой мужъ не говорилъ этого прошлую осень—но, можетъ быть, это правда. Но я знаю, что такое страданіе сердца, я знаю радость при крикѣ новорожденнаго ребенка, и ты ихъ знала.

— И я ихъ знала.

— Мой домъ пусть, я вдова, я бездѣтна, и никогда ни одинъ мужчина не возьметъ меня въ жены.

— И я такая же, и я такая же.

— Нѣтъ, у тебя остался мальчикъ, если ты потеряла другое, и мальчика надобно хорошенько беречь. Если кто-нибудь питаетъ ревность къ ребенку, ему не хорошо расти здѣсь. Отпусти его въ другое мѣсто.

— Но куда? Миссъ Кэтъ, не знаешь ли ты? Міръ темень для насъ, сидящихъ за занавѣсами.

— Я знаю, что мальчику самому хочется поѣхать въ школу принцевъ, въ Айспиръ. Онъ мнѣ объ этомъ говорилъ, — сказала Кэтъ, слышавшая весь разговоръ съ своего мѣста на подушкѣ, гдѣ она сидѣла, подперевъ голову руками.—Онъ хочетъ уѣхать на годъ или на два.

Королева усмѣхнулась сквозь слезы.

— На годъ или на два, миссъ Кэтъ. А знаете ли вы, какъ долго тянется даже одна ночь, когда его нѣтъ здѣсь?

— Но онъ можетъ вернуться, когда вы его позовете, а мнихъ никакія слезы не вернуть назадъ. На годъ или на два! Міръ темень не только для тѣхъ, кто сидитъ за занавѣсами, сагиба. Она не виновата. Какъ она можетъ знать?—сказала женщина пустыни шопотомъ королевѣ.

Кэтъ неволью чувствовала досаду, что ее постоянно исключаютъ изъ разговора, какъ будто она, у которой было свое тяжелое горе на сердцѣ, которая поставила себѣ главной задачей облегчать горести ближнихъ, она не можетъ принимать участія въ этой двойной печали.

— Какъ я могу не знать!—съ жаромъ вскричала она.—Развѣ я не знаю, что такое горе? Развѣ я не живу?

— Нѣтъ еще,—быстро отвѣтила королева.—Ты еще не знаешь ни горя, ни радости. Миссъ Кэтъ, ты очень умна, а я никогда не выходила за стѣны дворца. Но я умнѣе тебя, такъ какъ я знаю то, чего ты не знаешь, хотя ты и вернула мнѣ сына, вернула языкъ мужу этой женщины. Чѣмъ заплатитъ мнѣ тебѣ за то, что ты сдѣлала?

— Скажи ей правду,—шепнула женщина пустыни.—Мы здѣсь всѣ трое—женщины, сагиба: сухой листъ, цвѣтущее дерево, не раскрывшійся цвѣтокъ.

Королева взяла руки Кэтъ и тихонько потянула ее впередъ, пока голова дѣвушки не упала на ея колѣни. Утомленная отъ всѣхъ пережитыхъ въ это утро волненій, невыразимо усталая и тѣломъ и духомъ, дѣвушка не чувствовала охоты подниматься. Маленькія ручки сдвинули ея волосы со лба, и большія темныя глаза, отяжелѣвшіе отъ слезъ, смотрѣли прямо въ ея глаза. Женщина пустыни обняла ее одною рукой.

— Слушай, сестра моя,—начала королева съ необыкновенною нѣжностью.—У моего народа, тамъ въ горахъ сѣвера есть сказка о крысѣ, которая нашла кусочекъ имбиря и задумала открыть москательную лавку. Тоже дѣлаешь и ты, моя любимая, когда хочешь глѣчить всѣ болѣзни. Ты не сердись? Нѣтъ, не обижайся. Забудь, что ты блѣлая, а я смуглая, помни только, что мы всѣ трое здѣсь сестры. Милая сестрица, у насъ, всѣхъ женщинъ, одна судьба. Отъ всякой женщины, которая не родила ребенка, міръ сокрытъ. Я съ трепетомъ обращаюсь въ молитвахъ къ тому или другому богу, про котораго ты говоришь, что это просто черный камень; я дрожу при порывахъ ночного вѣтра, такъ какъ я вѣрю, что въ эти часы злые духа пролетаютъ у меня подъ окнами; я сижу здѣсь въ темнотѣ и работаю шерстями и готовлю лакмоста, котораго возвращаются нетронутыми со стола господина моего. А ты пріѣхала за 10.000 миль, ты умная и безстрашная, ты научила меня многому, о, очень многому. И все-таки ты дитя, а я мать, и того, что я знаю, ты не можешь знать, ты не можешь измѣрить ни бездну моего счастья, ни горькія воды моего горя, пока сама не испытаешь такого же горя, такой же заботы. Я говорила тебѣ о ребенкѣ—ты думаешь я сказала тебѣ много, я сказала все? Сестрица, я рассказала тебѣ меньше, чѣмъ начало моей любви къ нему, я вѣдь знаю, что ты не можешь понять меня. Я говорила тебѣ о моихъ печаляхъ, ты думаешь, я сказала много, я сказала все, въ тотъ разъ, когда я склонила голову къ тебѣ на грудь. Какъ могла я сказать тебѣ все? Ты дѣвушка, твое сердце прижималось къ моему сердцу, а я по его біенію чувствовала, что оно не понимаетъ. Нѣтъ, эта женщина, пришедшая изъ деревни, знаетъ меня больше, чѣмъ ты. Ты мнѣ рассказывала, что тебя учили въ школѣ разнымъ способамъ глѣченья, и ты понимаешь всѣ болѣзни, какія есть на свѣтѣ. Сестрица, какъ можешь ты понимать жизнь, когда ты никому не давала ее? Чувствовала ли ты, какъ бьется ребенокъ у тебя подъ сердцемъ? Нѣтъ, не краснѣй! Скажи, чувствовала ли ты? Я знаю, что не чувствовала. Я это угадала въ первый разъ, когда услы-

шала, какъ ты говоришь, увидѣла изъ окна, какъ ты ходишь. А другія, мои сестры, живущія въ мірѣ, тоже узнали это, но онѣ не всѣ говорятъ съ тобой такъ, какъ я. Когда новая жизнь бьется у насъ подъ сердцемъ, мы просыпаемся ночью, и намъ кажется, что вся земля двигается такъ же быстро. Съ какой стати станути онѣ рассказывать тебѣ это? Сегодня больница ушла у тебя изъ подъ ногъ. Вѣдь это правда? Женщины ушли одна за другой? Что же ты имъ говорила?

Женщина пустыни отвѣтила вмѣсто нея:

— Она говорила: «Вернитесь, и я васъ вылечу.

— А какую же клятвой подтвердила она эти слова?

— Никакой,—сказала женщина пустыни;—она стояла у дверей и звала ихъ.

— Да и что же можетъ сказать дѣвушка, чтобы вернуть женщинъ, которыя сомнѣваются? Что она для нихъ работала, о нихъ беспокоилась? Этого онѣ не поймутъ. Но всякая понимаетъ, когда другая женщина раздѣляетъ ея страданія. На твоихъ рукахъ не было ребенка. Въ твоихъ глазахъ не было взгляда матери. Какими же чарами хотѣла ты привлечь женщинъ? Онѣ говорили, что твои снадобья закодрованы, и что ихъ дѣти рождаются уродами. Чѣмъ могла ты имъ доказать, что это неправда, когда ты не знаешь источниковъ жизни и смерти? Я знаю, въ книгахъ твоихъ школъ написано, что этого не можетъ быть. Но мы, женщины, не читаемъ книгъ. Мы не изъ нихъ учимся жить. Ты ничѣмъ не могла побѣдить ихъ, развѣ боги помогли бы тебѣ, но боги живутъ далеко. Ты посвятила свою жизнь на помощь женщинамъ. А когда же ты сама, сестрица, становишь женщиной?

Голосъ смолкъ. Голова Кэтъ пряталась въ складкахъ платья королевы; она не поднимала ее и не шевелилась.

— Да,—сказала женщина пустыни,—знакъ подданства мужу снять съ моей головы, стекляныя запястья разбиты на моей рукѣ, путникъ считаетъ за несчастіе встрѣтить меня на дорогѣ. Пока умру, я должна быть одна, я должна одна зарабатывать свой хлѣбъ и думать только о смерти. Но если бы я знала, что все это случится и не черезъ 10 лѣтъ, а черезъ годъ, я все-таки благодарила бы боговъ за то, что они дали мнѣ любовь и ребенка. Сагибъ миссъ, примите эти слова, какъ плату за все, что вы сдѣлали для моего мужа: «Бездѣтный священникъ, бездѣтная женщина и камень, лежащій въ водѣ—одной породы». Такъ говорится въ нашей народной пословицѣ. Что думаетъ сагибъ миссъ дѣлать теперь? Королева сказала правду. Боги и твоя собственная мудрость, которая выше мудрости всякой дѣвушки, помогали тебѣ до сихъ поръ, какъ я видѣла, я вѣдь постоянно была около тебя. Боги предупредили тебя, что ихъ помощь пришла къ концу. Что же осталось? За свое ли дѣло взялась ты? Развѣ королева не справедливо говорила? Она сидитъ здѣсь одна, ничего не видитъ, а она замѣтила то же, что видѣла я, которая день за днемъ ходила вмѣстѣ съ тобой за больными. Сестрица, развѣ все это не правда?

Кэтъ тихонько подняла голову съ колѣнъ королевы и встала.

— Возьмите ребенка, а мы уйдемъ,—проговорила она хриплымъ голосомъ.

Къ счастью темнота въ комнатѣ скрывала ея лицо.

— Нѣтъ, — сказала королева, —эта женщина уведетъ его. Уходи одна.

Кэтъ исчезла.

XXI.

Законъ, которому повинуются моя милая, никогда не былъ моимъ закономъ, но съ меня довольно и того, что она его признаетъ.

Я готовъ держаться этого закона, я готовъ во всемъ подчиняться ему не потому, что его уважаю или боюсь, но потому, что это ея законъ.

На радость мнѣ Азія прислала богатѣйшіе корабли свои, я отъ нихъ откажусь, я отошлю ихъ прочь, если это успокоитъ ее.

Пусть они натянутъ паруса, пусть повернуть въ обратный путь, безъ горечи, безъ досады провожу я ихъ глазами, счастье милой мнѣ дороже самой богатой добычи.

Такоеъ я всегда и во всемъ, я готовъ быть рабомъ и нести тяжелыя цѣпи, но я и самый свободный изъ всѣхъ свободныхъ. Законъ, которому повинуются моя милая, тайна для меня

Сидѣть смирно, сидѣть, что бы ни случилось, это первый урокъ, который долженъ выучить всякій молодой жокей. Тарвинъ учился ему при самыхъ горькихъ обстоятельствахъ. Ради пользы его города, ради пользы его милой, а главное, ради спасенія жизни милой онъ долженъ уѣхать.

Городъ ждетъ его, его конь стоитъ оспѣданный у воротъ, но милая не идетъ.

Онъ долженъ сидѣть смирно.

Горячій вѣтеръ пустыни дулъ черезъ открытую дверь веранды такъ же безжалостно, какъ безжалостна была вражда Ситабхай. Онъ глядѣлъ въ окно и не видѣлъ ничего, кромѣ города, уснувшего подѣ лучами полуденнаго солнца, да коршуновъ, носившихся надъ нимъ.

Но когда жара спала и явилась возможность проѣхать верхомъ къ желѣзной дорогѣ, какія-то закутанныя фигуры стали пробираться около стѣнъ, подвигаться ближе и заняли позицію на ружейный выстрѣлъ отъ гостиницы.

Съ каждой стороны ея притаилось по одному человѣку, а между ними всю ночь разѣзжалъ взадъ и впередъ верховой. Тарвинъ слышалъ мѣрный топотъ копытъ его лошади, и этотъ звукъ не способствовалъ къ оживленію его надеждъ.

— Если бы не Кэтъ, если бы не Кэтъ, —повторялъ онъ самому

себѣ,—я былъ бы теперь уже тамъ, гдѣ не могла бы меня догнать ни лошадь, ни пуля.

Часы шли необыкновенно медленно, пока онъ сидѣлъ такимъ образомъ и слѣдилъ, какъ тѣни то удлинялись, то сокращались, и ему представилось, какъ представлялось часто и прежде, что именно въ эту самую минуту Топазь отказывается отъ всякихъ шансовъ на процвѣтаніе.

Онъ уже потерялъ по его расчетамъ цѣлыхъ двадцать четыре часа, и если все пойдетъ такъ же, какъ до сихъ поръ, вѣроятно, и весь остатокъ года будетъ потерянъ подобнымъ же образомъ.

А между тѣмъ въ эту самую ночь Кэтъ подвергалась всевозможнымъ опасностямъ.

Ситабахай, конечно, предполагаетъ, что онъ похитилъ у нея ожерелье для «слабенькой блѣдной дѣвушки», она и сама это высказала около пруда. До нѣкоторой степени это было для Кэтъ, но Тарвинъ съ горечью раздумывалъ, что восточные люди не имѣютъ чувства мѣры и, подобно змѣѣ, набрасываются на то, что къ нимъ ближе.

А Кэтъ? Какъ объяснить онъ ей все это дѣло?

Онъ сказалъ, что ей, такъ же какъ и ему, грозятъ опасности, и она рѣшила пренебрегать этими опасностями. Онъ любилъ ее за это мужество, за это самоотверженіе; но онъ скрежеталъ зубами, думая объ ея упрямствѣ.

Во всей этой страшной путаницѣ былъ только одинъ комическій элементъ. Что скажетъ король Ситабахай, когда узнаетъ, что она потеряла «Счастье государства»? Какимъ образомъ скроешь она эту потерю; и главное, въ чемъ выразится гнѣвъ короля?

Тарвинъ въ раздумьѣ покачалъ головой.

— Мое дѣло стоитъ плохо,—сказалъ онъ,—такъ плохо, какъ только возможно, но я сильно подозреваю, что дѣло Юггута еще того хуже. Да, мнѣ отъ души жаль бѣднягу Юггута. Мой толстый другъ, тебѣ не слѣдовало въ тотъ разъ возвращаться за городскія стѣны!

Онъ всталъ и посмотрѣлъ на освѣщенную солнцемъ дорогу, стараясь угадать, кто изъ бродившихъ по ней прохожихъ посланъ изъ дворца. Одинъ человѣкъ лежалъ и очевидно спалъ около своего верблюда, на краю дороги, которая вела въ городъ. Тарвинъ спустился съ веранды, вышелъ на дорогу и замѣтить, что спавшій перевернулся и передвинулся по другую сторону верблюда.

Онъ сдѣлалъ еще нѣсколько шаговъ дальше. Солнечный лучъ, скользнувъ по спинѣ верблюда, упалъ на что-то, заблестѣвшее точно серебро. Тарвинъ пошелъ прямо къ этому блестящему предмету, держа пистолетъ въ рукѣ. Подойдя ближе, онъ замѣтилъ, что человѣкъ погруженъ въ самый невинный сонъ. Изъ подъ складокъ его одежды торчало дуло новаго, отлично вычищеннаго ружья.

— Кажется, Ситабахай собираетъ милицію и вооружаетъ ее на свой собственный счетъ. Ружье Юггута было также новое, думалъ Тарвинъ, стоя надъ спящимъ. Но этотъ человѣкъ умѣетъ обращаться съ ружьями лучше, чѣмъ Юггутъ.

— Эй!—Онъ нагнулся и ткнулъ человѣка дуломъ своего пистолета.—Отдайте-ка мнѣ, пожалуйста, свое ружье. И скажите своей госпожѣ, чтобы она бросила это дѣло, понимаете? Скажите, что оно ничего не стѣить.

Человѣкъ понялъ только нѣмое краснорѣчіе пистолета и ничего болѣе. Онъ мрачно отдалъ свое ружье и ушелъ, сердито подгоняя кнутомъ верблюда.

— Интересно, сколько человѣкъ изъ ея арміи придется мнѣ еще обозоружить,—думалъ Тарвинъ, возвращаясь назадъ съ конфискованнымъ ружьемъ на плечѣ.—Интересно... нѣтъ, я увѣренъ, она не посмѣетъ ничего сдѣлать Кэтъ! Она меня достаточно узнала, она не сомнѣвается, что я въ состояніи уничтожить и ее, и весь ея старый дворецъ. Если она хоть на половину такая женщина, за какую выдаетъ себя, она подумаетъ обо мнѣ прежде, чѣмъ идти дальше.

Напрасно старался онъ успокоить себя этою увѣренностью. Ситабхаи показала ему, на что была способна, и, можетъ быть, Кэтъ, въ свою очередь, уже испытала это. Ъхать къ ней теперь—невозможно, это значить рисковать навѣрно если не быть убитымъ, то быть изувѣченнымъ. И все-таки онъ рѣшился ѣхать. Онъ быстро подошелъ къ Фибби, котораго оставилъ три минуты тому назадъ привязаннымъ къ задней сторонѣ гостинницы и усердно отмахивающимся хвостомъ отъ мухъ. Теперь Фибби лежалъ на боку и жалобно стоналъ, умирая съ подрѣзанными жилами на подкогѣнкахъ.

Тарвинъ слышалъ, какъ конюхъ старательно чистилъ сбрую за угломъ дома; онъ позвалъ его, тотъ бросился къ лошади и завылъ отъ горя.

— Врагъ сдѣлалъ это, врагъ сдѣлалъ это! — причиталъ онъ.—Мой чудный гнѣдой конь, онъ не дѣлалъ ничего дурного, только иногда брыкался, когда ему давали слишкомъ много корму! Гдѣ найду я себѣ другое мѣсто, если порученныя мнѣ лошади будутъ такъ окогѣвать.

— Хотѣлось бы мнѣ знать! Хотѣлось бы мнѣ знать!—повторялъ Тарвинъ озадаченный, почти приведенный въ отчаяніе.—Если бы я зналъ навѣрно, пуля прострѣлила бы нѣкую черную голову. Ну, вставай, ты! Фибби, старый другъ, я прощаю тебѣ всѣ твои грѣхи. Ты былъ мнѣ добрымъ товарищемъ, и вотъ тебѣ за то!

Синій дымокъ закружился на минутку вокругъ головы Фибби, голова тяжело упала на землю, и страданія бѣднаго коня прекратились. Конюхъ продолжалъ громко вопить, пока Тарвинъ не далъ ему пика и не велѣлъ ему убираться. Замѣчательно, что его вопли сразу прекратились; когда онъ пришелъ въ свою комнату, чтобы собрать вещи, онъ улыбнулся и вытащилъ вѣсколку серебряныхъ монетъ изъ лыры подъ своею кроватью.

Тарвинъ, лишенный лошади, смотрѣлъ на западъ, на востокъ, на сѣверъ и на югъ, напрасно ожидая помощи, совершенно такъ же, какъ смотрѣла Ситабхаи около пруда. Таборъ кочевыхъ цыганъ съ сухопарыми волами и лающимъ собаками показался изъ

за городской стѣны и расположился, точно стая грязныхъ птицъ около самыхъ воротъ города. Это было довольно обыкновенное явленіе, хотя, по закону, они не имѣли права располагаться ближе, какъ за четверть мили отъ городскихъ стѣнъ.

— Должно быть, какіе нибудь бѣдные родственники королевы. Они отлично забаррикадировали дорогу къ воротамъ. Если я вздумаю пробраться черезъ нихъ къ дому мисси, они схватятъ меня, непременно схватятъ, — разсуждалъ Тарвинъ. — Въ общемъ, нельзя сказать, что очень пріятно вести дѣла съ восточными королевами. Онѣ, кажется, совсѣмъ не знаютъ правилъ игры.

Въ эту минуту среди цыганскаго табора поднялось облако пыли, и конвой магараджи Кенвара разогналъ черную толпу направо и налево, расчищая дорогу для экипажа принца. Тарвинъ недоумѣвалъ, что это можетъ значить. Конвой съ обычнымъ звономъ оружія остановился у дверей гостинницы, экипажъ слѣдовалъ за нимъ. Одинъ изъ солдатъ конвоя отсталъ на нѣсколько сажень и со сдержаннымъ восклицаніемъ догналъ экипажъ. Конвой отвѣтилъ ему смѣхомъ, и изъ экипажа послышался веселый хохотъ.

Мальчикъ, котораго Тарвинъ никогда не видалъ прежде, стоялъ на заднемъ мѣстѣ экипажа и осыпалъ отставшаго солдата градомъ ругательства на мѣстномъ нарѣчій. Конвой смѣялся и надъ нимъ.

— Сагибъ Тарвинъ, сагибъ Тарвинъ! — закричалъ тоненькимъ голоскомъ магараджа Кенваръ. — Придите, посмотрите на насъ!

На одну минуту Тарвинъ вообразилъ, что это новая ловушка его врага; но успокоенный при видѣ своего стараго, довѣреннаго союзника, магараджи, онъ подошелъ ближе.

— Принцъ, — сказалъ онъ, пожимая его руку, — вамъ не слѣдовало выѣзжать.

— О, я совсѣмъ здоровъ, — поспѣшилъ заявить мальчикъ, хотя поблѣднѣвшее личико изобличало его. — Я приказалъ и мы поѣхали. Миссъ Кэтъ приказываетъ мнѣ; но она отвезла меня во дворецъ, и тамъ ужъ я приказываю. Это Умръ-Сингъ, мой братъ, маленькій принцъ, но королемъ буду я.

Второй мальчикъ медленно поднялъ глаза и оставилъ ихъ на Тарвина. Глаза и низкій широкий лобъ его напоминали Ситабхай и губы его крѣпко сжимались надъ жемчужно-бѣлыми зубами, такъ же, какъ сжимались губы его матери при ихъ столкновеніи въ Дунгарь-Талао.

— Онъ изъ другого флигеля дворца, — объяснялъ магараджа по англійски, — изъ другого флигеля, куда мнѣ нельзя ходить. Но когда я былъ во дворцѣ, я прошелъ къ нему, ха, ха, сагибъ Тарвинъ, а онъ убивалъ козленка. Посмотрите! у него до сихъ поръ красныя руки.

Умръ-Сингъ, по слову, сказанному магараджей на мѣстномъ нарѣчій, раскрылъ тоненькую ладонь и протянулъ ее Тарвину. Она была вся въ пятнахъ отъ запекшейся крови, и среди конвоя поднялся сдержанный шопотъ. Начальникъ конвоя повернулся на сѣдлѣ и, кивнувъ Тарвину, прошепталъ: «Ситабхай». Тарвинъ разобралъ это слово, и для него было довольно. Провидѣніе

посылало ему неожиданную помощь. Онъ быстро составилъ планъ дѣйствиій.

— Но какъ же вы сюда пріѣхали. молодые люди, кто васъ пустилъ?—спросилъ онъ.

— О, вѣдь во дворцѣ однѣ женщины, а я райпутанъ и мужчина. Онъ совсѣмъ не умѣетъ говорить по англійски,—прибавилъ магараджа, указывая на своего спутника.—Но когда мы вмѣстѣ играли, я ему рассказывалъ о васъ, сагибъ Тарвинъ, и какъ вы меня, помните тогда, подняли съ сѣдла, и ему захотѣлось также съѣздить къ вамъ, посмотреть все, что вы мнѣ показываете, и вотъ я быстро отдалъ приказъ, и мы вышли вмѣстѣ черезъ маленькую дверь. Такъ мы и пріѣхали. Saalam, baġa,—покровительственнымъ голосомъ сказалъ онъ мальчику, сидѣвшему рядомъ съ нимъ; мальчикъ медленно и важно поднесъ руку ко лбу, продолжая смотрѣть на чужестранца пристальнымъ, любопытнымъ взглядомъ. Затѣмъ онъ прошепталъ что-то, отчего магараджа Кенваръ засмѣялся.—Онъ говорить,—объяснилъ магараджа, —что вы совсѣмъ не такой большой, какъ онъ думалъ. Его мать сказала ему, что вы сильнѣе всѣхъ людей, а у насъ въ конвоѣ есть солдаты выше васъ.

— Ну, хорошо, что же мнѣ вамъ сдѣлать?—спросилъ Тарвинъ.

— Покажите ему ваше ружье, покажите, какъ вы прострѣливаете монеты, и какъ вы усмиряете лошадей, когда онѣ брыкаются, и все такое.

— Отлично,—сказалъ Тарвинъ.—Но здѣсь я не могу этого показывать. Поѣдемъ къ м. Эстесу,

— Мнѣ бы не хотѣлось туда ѣхать. Моя обезьяна умерла. И я не знаю, будетъ ли Кэтъ довольна, если мы пріѣдемъ. Она нынче все плачетъ. Она свезла меня вчера во дворецъ, а сегодня утромъ я былъ у нея, но она не захотѣла меня видѣть.

Тарвинъ готовъ былъ обнять и разцѣловать мальчика за радостное извѣстіе, что Кэтъ, по крайней мѣрѣ, жива.

— Развѣ она не въ больницѣ?—спросилъ онъ.

— О, больница вылетѣла въ трубу. Тамъ теперь нѣтъ женщинъ. Онѣ всѣ разбѣжались.

— Не можетъ быть!—вскричалъ Тарвинъ.—Неужели это правда? Изъ-за чего же это?

— Изъ-за дьяволовъ,—коротко отвѣчалъ магараджа Кенваръ.—Почемъ я знаю? женщины что-то болтали. Покажите ему, какъ вы ѣздите, сагибъ Тарвинъ!

Умръ-Сингъ опять что-то прошепталъ на ухо своему товарищу и закинулъ одну ногу на край экипажа.

— Онъ говорить, что ему хочется поѣздить съ вами, какъ я ѣздилъ,—передалъ принцъ.—Гурдить Сингъ, дай свою лошадь.

Одинъ изъ солдатъ соскочилъ съ сѣдла и покорно стоялъ около головы лошади. Тарвинъ улыбнулся, подумавъ, какъ случай благоприятствуетъ его намѣреніямъ, ничего не отвѣчалъ, вскочилъ на сѣдло, подвѣлъ Умръ Синга изъ экипажа и осторожно посадилъ его передъ собой.

— Воображаю, какъ бы испугалась Ситабхай, если бы увидѣла меня въ эту минуту,—говорилъ онъ самому себѣ, обнимая рукой маленькую фигурку, сидѣвшую на сѣдлѣ передъ нимъ.

Когда конвой разступился, чтобы Тарвинъ могъ стать во главѣ его, какой-то бродячій монахъ, наблюдавшій издали за всей этой сценой, обернулся къ городу и испустилъ громкій крикъ. Этотъ крикъ былъ подхваченъ невидимыми голосами, достигъ до стѣнъ города и замеръ въ пескахъ, танувшихъ за нимъ.

Умръ Сингъ улыбнулся, когда лошадь пошла рысью, и попросилъ ѣхать поскорѣе. Магараджа воспротивился этому. Ему хотѣлось спокойно любоваться всѣмъ происходящимъ изъ своего экипажа. Когда они проѣзжали мимо цыганскаго табора, мужчины и женщины бросались на песокъ и кричали:

— Джаи! Джунигъ да бадшахъ джаи! — и лица свиты омрачились.

— Это значитъ, — вскричалъ магараджа Кенваръ, — «Побѣда царю пустыни». У меня нѣтъ съ собой денегъ. Я не могу ничего дать имъ. Не можете ли вы, сагибъ Тарвинъ?

Тарвинъ былъ такъ радъ, что можетъ безопасно проѣхать къ Кэтъ, что готовъ былъ бросить толпѣ все, что угодно, даже Наулаку. Онъ кинулъ имъ нѣсколько горстей серебряной и мѣдной монеты, и крикъ снова поднялся, но къ нему примѣшивался горькій смѣхъ, и цыгане о чемъ-то насмѣшливо перекрикивались. Лицо магараджи Кенвара вспыхнуло. Онъ нагнулся впередъ, прислушивался съ минуту и затѣмъ закричалъ: «Клянусь Индуромъ, это они ему кричали! Снести ихъ палатки!» По знаку его руки конвой бросился впередъ, разсѣялся по табору, разбросалъ костры, разогналъ ословъ и концами копій разнесъ на части легкія темныя палатки.

Тарвинъ съ удовольствіемъ смотрѣлъ на разгромъ шайки, которая непременно задержала бы его, если бы онъ былъ одинъ.

Умръ Сингъ закусилъ губы. Затѣмъ, обращаясь къ магараджѣ Кенвару, онъ улыбнулся и вынулъ саблю изъ ноженъ въ знакъ вѣрноподданничества.

— Это справедливо, братъ мой, — сказалъ онъ на мѣстномъ нарѣчьи. — Но я, — онъ заговорилъ болѣе громкимъ голосомъ, — не сталъ бы далеко угонять цыганъ. Они всегда возвращаются.

— Да, — закричалъ одинъ голосъ изъ взволнованной толпы, мрачно глядѣвшей на уничтоженіе табора, — цыгане всегда возвращаются, ваше величество.

— И собаки также, — пробормоталъ магараджа. — И тѣхъ, и другихъ бьютъ. Поѣзжайте дальше.

Облако пыли приблизилось къ дому Эстесовъ и, окруженный имъ, Тарвинъ ѣхалъ въ полной безопасности.

Сказавъ мальчикамъ, чтобы они пока поиграли одни, онъ вбѣжалъ по лѣстницѣ, шагая черезъ двѣ ступени, и нашелъ Кэтъ въ темномъ уголку гостиной съ какимъ-то шитьемъ въ рукахъ. Когда она подняла голову, онъ увидѣлъ, что она плакала.

— Никъ! — вскричала она беззвучно. «Никъ». Онъ въ нерѣшимости остановился на порогѣ: она отложила работу и встала, задыхаясь отъ волненія. — Вы вернулись? Это вы? Вы живы?

Тарвинъ улыбнулся и протянулъ руки.

— Придите и посмотрите!— Она сдѣлала шагъ впередъ.

— Ахъ, я боялась...

— Придите!

Она все также нерѣшительно приблизилась къ нему. Онъ быстро схватилъ ее и заключилъ въ объятія. Цѣлую долгую минуту покоилась ея голова на его груди. Затѣмъ она подняла ее.

— Я совѣмъ не то думала...—протестовала она.

— О, пожалуйста, не старайтесь оправдываться!—поспѣшилъ перебить ее Тарвинъ.

— Она пыталась отравить меня. Я ничего объ васъ не слышала и была увѣрена, что она убила васъ. Я представляла себѣ самыя ужасныя вещи!

— Бѣдное дитя! И ваша больница уничтожилась. Вамъ пришлось пережить тяжелыя минуты. Но мы теперь все переимѣнимъ. Мы должны уѣхать какъ можно скорѣе. Я на нѣсколько минутъ избавился отъ ея когтей; у меня въ рукахъ заложникъ. Но мы не можемъ вѣчно держать его. Намъ надо скорѣе убираться!

— Намъ!—слабо повторила она.

— А то какже? или вы хотите уѣхать безъ меня?—Она улыбулась, освобождаясь отъ него.—Я хочу, чтобы вы уѣхали!

— А вы?

— Обо мнѣ не стоить думать. Я потеряла неудачу. Все, что я хотѣла сдѣлать, провалилось. Я точно вся выгорѣла, Никъ, вся выгорѣла!

— Отлично! Мы затѣмъ новыя дѣла и спустимъ васъ на воду по новой системѣ. Я именно этого-то и добиваюсь. Пройдетъ нѣсколько времени и вы забудете, что были когда-нибудь въ Раторѣ, моя дорогая.

— Это была ошибка,—сказала она.

— Что?

— Все. Мой приѣздъ сюда. Мои планы дѣятельности. Оказалось, что это дѣло не для дѣвушки. Можетъ быть, это мое призваніе, но я не могу здѣсь работать. Я отъ всего отказалась, Никъ. Везите меня домой.

Тарвинъ издалъ совершенно неприличнѣйшій крикъ радости и снова заключилъ ее въ объятія. Онъ заявилъ ей, что они должны повѣнчаться тотчасъ же и выѣхать въ эту ночь, если она успеетъ собраться. Къ счастью, боясь тѣхъ опасностей, какія могли грозить ему, робко согласилась. Она стала говорить о приготовленияхъ: но Тарвинъ отвѣчалъ, что они будутъ объ этомъ думать послѣ того, какъ покончатъ дѣло. Они могутъ купить все, что нужно въ Бомбеѣ, они покупаютъ тамъ пропасть вещей. Онъ не давалъ ей опомниться, быстро сообщая ей разные планы. какъ вдругъ она прервала его словами:

— А какъ же плотина, Никъ? Вѣдь вы же не можете бросить ее.

— Чуть!—вскричалъ Тарвинъ.—Неужели вы думали, что въ этой рѣчонкѣ можетъ быть золото?

Она быстро вырвалась изъ его объятій и посмотрѣла на него съ упрекомъ и негодованіемъ.

— Неужели же вы съ самаго начала знали, что тамъ нѣтъ золота?—спросила она.

Тарвинъ быстро приготовилъ отвѣтъ, но не на столько быстро, чтобы она не замѣтила признанія въ его глазахъ.

— Вы знали, я вижу.

Тарвинъ понялъ, какая неожиданная гроза разразилась надъ нимъ изъ чистаго неба. Онъ въ одну секунду сообразилъ, что слѣдуетъ переменить фронтъ, и отвѣтилъ на ея слова улыбкой.

— Конечно, зналъ,—сказалъ онъ:—я затѣялъ эти работы ради прикрытія.

— Ради прикрытія?—повторила она.—Что же вамъ надо было прикрывать?

— Васъ.

— Что это значитъ? Я не понимаю,—сказала она, и ему стало жутко отъ ея взгляда.

— Индійское правительство не позволяетъ никому жить въ этомъ государствѣ безъ опредѣленныхъ занятій. Не могъ же я сказать полковнику Нолану, что я занимаюсь ухаживаньемъ за вами.

— Не знаю. Но вы не должны были тратить деньги мага раджи для исполненія этой... этого плана. Честный человѣкъ не поступилъ бы такъ.

— О, полноте!—вскричалъ Тарвинъ.

— Какъ вы могли обмануть короля, увѣривъ его, что ваши работы принесутъ пользу, какъ вы могли пользоваться трудомъ тысячи человѣкъ, которыхъ онъ вамъ отпустилъ, какъ вы могли брать деньги? О Никъ!..

Онъ смотрѣлъ на нее нѣсколько секундъ растеряннымъ, безнадёжнымъ взглядомъ.

— Полно, Кэтъ,—вскричалъ онъ,—развѣ вы не понимаете, что я устроилъ самый великолѣпный фарсъ, какой видала индѣйская имперія съ основанія міра?

Это было очень мило, но оказалось недостаточно хорошо. Ему пришлось придумывать какое-нибудь болѣе серьезное оправданіе, когда она отвѣтила съ очень опасной ноткой презрѣнія въ голосѣ:

— Это еще хуже.

— Ну да, конечно, вы знаете, Кэтъ, что юморъ не по вашей части.

Онъ сѣлъ рядомъ съ ней нагнулся къ ней и, взявъ ее за руку, продолжалъ:

— Неужели вамъ не представляется очень забавнымъ, что я взрылъ половину государства, чтобы оставаться подлѣ одной маленькой дѣвочки, очень милой, въ высшей степени прелестной, но все-таки очень тоненькой, маленькой, совсѣмъ ничтоженъкой сравнительно съ долиной Амета. Ну, скажите, неужели въ самомъ дѣлѣ это не забавно?

— Это все, что вы можете сказать?—спросила она.

Тарвинъ поблѣднѣлъ. Онъ зналъ этотъ тонъ непреклонной рѣшимости, который слышался въ ея голосѣ и являлся всегда вмѣстѣ съ презрительнымъ взглядомъ, когда ей приходилось говорить о какой-нибудь нравственной низости, возмущавшей ее. Онъ

прочелъ въ немъ свой приговоръ и содрогнулся. Настала минута молчанія, и онъ чувствовалъ, что это самая критическая минута его жизни. Затѣмъ онъ овладѣлъ собой и проговорилъ легкимъ, спокойнымъ тономъ.

— Послушайте, вы, конечно, не думаете, что я не заплачу магараджѣ за его расходы?

Она вздохнула съ нѣкоторымъ облегченіемъ. Не смотря на давнишнее знакомство съ Тарвинымъ, она не могла услѣдить за головокружительными перемѣнами въ его мысляхъ. Его чисто птичья способность подниматься вверхъ, быстро опускаться, кружиться на одномъ мѣстѣ всегда приводила ее въ недоумѣніе. Но она твердо вѣрила, что онъ постоянно имѣетъ въ виду поступать правильно, когда только ясно видитъ, въ чемъ состоитъ эта правильность. И ея вѣра въ его нравственную силу помѣшала ей замѣтить, что въ эту минуту онъ руководствовался исключительно ея мнѣніемъ о добрѣ и злѣ. Она не знала и даже не могла вообразить, какъ мало его собственное понятіе о правильномъ основывалось на какой-либо системѣ нравственности, и какъ онъ мысленно опредѣляетъ нравственность: это то, что пріятно Кэтъ. Другія женщины любятъ наряды; она любитъ нравственные поступки, и онъ рѣшилъ, что она ихъ увидитъ, хотя бы ему пришлось для этого сдѣлаться разбойникомъ.

— Вы, конечно, не думали, что я не заплачу за эту шутку?— мужественно продолжалъ онъ; а сердце шептало ему: — Она это презираетъ, она это ненавидитъ; какъ я не подумалъ раньше; какъ я не подумалъ?—Онъ прибавилъ громко:—Я устроилъ себѣ забаву, а теперь пріобрѣлъ васъ. За то и другое мнѣ придется заплатить недорого, я сейчасъ пойду и сведу свои счета, какъ честный человѣкъ. Вы не должны забывать этого.

Его улыбка не встрѣтила отвѣтной улыбки. Онъ потеръ лобъ и съ тревогой посмотрѣлъ на нее. При всей своей ловкости онъ никакъ не могъ знать навѣрно, что она скажетъ въ слѣдующую минуту. Она ничего не сказала, и онъ продолжалъ говорить, чувствуя, какъ холодный ужасъ сжимаетъ его сердце.—Не правда ли, вѣдь это похоже на меня, Кэтъ, вся эта интрига со старымъ раджей? Владѣлецъ рудника, приносящаго по 2.000 ф. въ мѣсяцъ, можетъ выкинуть штуку въ этой пустынѣ и сдѣлать видъ, будто хочетъ выманить нѣсколько тысячъ рупій у доврчиваго индѣйскаго короля. Не правда ли?

Онъ проговорилъ это экспромтомъ сочиненное объясненіе своего поведенія съ спокойствіемъ отчаянія.

— Какого рудника?—спросила она съ усиленіемъ.

— «Желаннаго». Я вѣдь вамъ рассказывалъ о немъ.

— Да, но я не знала...

— Что онъ приноситъ такъ много? А между тѣмъ, это такъ. Хотите видѣть пробу руды?

— Нѣтъ, — отвѣчала она. — Нѣтъ, но значить вы, значить вы, Никъ...

— Богатый человѣкъ? Да порядочно, пока жила держится. Во всякомъ случаѣ я слишкомъ богатъ для мелкаго мошенничества.

Онъ шутилъ, а между тѣмъ вся его жизнь стояла на картѣ. Голова его трещала отъ этой болтовни, подъ которой онъ скрывалъ свое волненіе; онъ чувствовалъ, что напряженіе слишкомъ сильно для него. Безумный страхъ, который онъ испытывалъ, изоцрялъ его мысль. Что-то точно кольнуло его, когда онъ произнесъ слово «мошеничество». Сердце его замерло. Его внезапно озарила страшная, неоспоривая мысль, и онъ понялъ, что погибъ.

Если она презираетъ это, что скажетъ она о томъ? Ему это казалось невиннымъ, удачнымъ, даже забавнымъ, а ей? Онъ почувствовалъ, что ему дѣлается дурно. Кэтъ или Наулака. Онъ долженъ выбирать, Наулака или Кэтъ?

— Не шутите этимъ,—сказала она.—Вы навѣрно поступили бы честно, даже если бы не могли заплатить, Никъ. Ахъ,—продолжала она, нѣжно положивъ свою руку на его и какъ бы прося у него прощенья, что могла хоть на минуту усумниться въ немъ,—я знаю васъ, Никъ! Вы любите представлять хорошее въ дурномъ свѣтѣ, вы любите казаться дурнымъ. Но есть ли человѣкъ честнѣе васъ? О Никъ, я знаю, что на васъ можно положиться. Если бы вы свернули съ прямого пути, все пошло бы вкривь.

Онъ обнялъ ее.

— Въ самомъ дѣлѣ, моя дорогая дѣвочка?—спросилъ онъ, глядя ей въ глаза.—Ну, постараемся, чтобы все шло по прямому пути, чего бы это ни стоило.

Онъ тяжело вздохнулъ и поцѣловалъ ее.

— Нѣтъ ли у васъ какого-нибудь ящичка?—спросилъ онъ.

— Какого ящичка?—съ удивленіемъ спросила Кэтъ.

— Ну, какого-нибудь очень красиваго, а впрочемъ, и простая коробка изъ подъ винограда годится. Не всякій день приходится посылать подарки королевѣ.

Кэтъ подала ему коробокъ, въ которомъ лежали прежде длинныя зеленыя кисти кабульскаго винограда. На днѣ его остались полинялыя обрѣзки шерсти.

— Мы купили его надняхъ у разносчика,—сказала она,—довольно ли онъ великъ?

Тарвинъ отвернулся, не отвѣчая, всыпалъ въ коробокъ что-то, что застучало точно мелкіе камешки, и глубоко вздохнулъ. Топазъ лежалъ въ этомъ коробкѣ. Изъ сосѣдней комнаты послышался голосъ магараджи Кенвара.

— Сагибъ Тарвинъ, Кэтъ, мы съѣли всѣ фрукты, мы хотимъ теперь дѣлать что-нибудь другое.

— Одну минутку, молодой человѣкъ.—Продолжая отворачиваться отъ Кэтъ, онъ въ послѣдній разъ погладилъ рукой блестящій рядъ камней, лежавшій на днѣ ящичка. Большой зеленый изумрудъ смотрѣлъ на него съ упрекомъ, какъ ему показалось. Туманъ застигнулъ глаза его, алмазъ былъ слишкомъ блестящъ. Онъ быстро опустилъ крышку ящичка и рѣшительнымъ движеніемъ передалъ его въ руки Кэтъ; онъ заставилъ ее держать его, пока самъ молча перевязывалъ его веревочкой. Затѣмъ какимъ-то страннымъ, не своимъ голосомъ попросилъ ее отнести ящикъ къ Ситабхаи и передать ей его поклонъ.—Нѣтъ,—продолжалъ онъ,

замѣтивъ испугъ въ ея глазахъ.—Она не сдѣлаетъ, она не посядетъ сдѣлать вамъ никакого зла. Ея сынъ побѣдетъ съ вами, и я буду съ вами, на сколько будетъ можно. Слава Богу, это ваша послѣдняя повѣзка въ здѣшней проклятой странѣ, т.-е. не послѣдняя, а предпоследняя. Мы живемъ въ Раторѣ подь высокимъ давленіемъ, слишкомъ высокимъ для меня. Пожалуйста, поскорѣй, если меня любите.

Кэтъ поспѣшила одѣться, а Тарвинъ въ это время забавлялъ маленькихъ принцевъ, показывая имъ свой револьверъ и обѣщая въ другой разъ прострѣлить, сколько они хотятъ, монетъ. Конвой, ожидавшій у подьѣзда, былъ внезапно встревоженъ; кто-то ѣхавшій изъ города протчался сквозь ряды его съ крикомъ: «письмо сагибу Тарвину!»

Тарвинъ вышелъ на веранду, взялъ смятый листокъ бумаги изъ рукъ всадника и прочелъ слѣдующія слова, написанныя видимо съ большимъ трудомъ, круглымъ неправильнымъ почеркомъ: — «Дорогой М. Тарвинъ. Отдайте мнѣ мальчика и оставьте себѣ другое. Любящій васъ другъ».

Тарвинъ смялъ письмо и сунулъ его себѣ въ карманъ.

— Отвѣта не будетъ,—сказалъ онъ посланному, а про себя подумалъ:—Вы очень предупредительная женщина, г-жа Ситабхай, пожалуй, даже слишкомъ предусмотрительная. Этотъ мальчикъ нуженъ мнѣ еще на полчаса.

— Готовы вы, Кэтъ?

Принцы громко выразили свое неудовольствіе, когда имъ сказали, что Тарвинъ ѣдетъ тотчасъ же во дворецъ и что они должны ѣхать съ нимъ, если хотятъ, чтобы онъ показалъ имъ что-нибудь интересное.

— Мы пойдемъ въ большую залу Дурбаръ,—сказалъ магараджа Кенваръ, чтобы утѣшить своего товарища, — и заведемъ сразу всѣ музыкальные ящики.

— Я хочу видѣть, какъ этотъ человѣкъ стрѣляетъ,—заявилъ Умръ-Сингъ.—Я хочу, чтобы онъ застрѣлилъ что-нибудь живое. Я не хочу ѣхать во дворецъ.

— Я возьму его къ себѣ на лошадь,—сказалъ Тарвинъ, когда эти слова были переданы ему,—и мы всю дорогу поскачемъ въ галопъ. Скажите, принцъ, какъ вы думаете, вашъ экипажъ скоро можетъ ѣхать?

— Какъ хотите скоро. Только бы миссъ Кэтъ не струсилла.

Кэтъ сѣла въ экипажъ, и вся кавалькада пустилась галопомъ ко дворцу, причемъ Тарвинъ ѣхалъ впереди съ Умрѣ Сингомъ, который обѣими руками держался за луку сѣдла.

— Мы должны подьѣхать къ флигелью Ситабхай, милая,—крикнулъ ей Тарвинъ,—вы не побойтесь войти подь ворота со мною.

— Я вамъ довѣряю, Никъ,—просто отвѣчала она, выглядывая изъ экипажа.

— Ну, такъ идите во флигель этой женщины. Отдайте ящичекъ самой Ситабхай въ руки и скажите ей, что это отъ меня. Вы увидите, что она знаетъ мое имя.

Лошадь вѣхала подъ арки воротъ, Кэтъ шла подлѣ нея, а Тарвинъ старался держать Умръ Синга какъ можно больше на виду. Дворъ былъ пустъ, но когда они вѣхали на свѣтъ и подѣхали къ фонтану посрединѣ его, шорохъ и шопотъ за ставнями усилился,—будто вѣтеръ подулъ сквозь сухую траву.

— Подождите минутку, дорогая,—сказалъ Тарвинъ, останавливаясь;—если вы только можете переносить эти палящіе лучи солнца.

Дверь открылась, и изъ нея вышелъ евнухъ, который молча поклонился Кэтъ. Она послѣдовала за нимъ и исчезла за запертою дверью. Сердце Тарвина замерло, и онъ машинально такъ крѣпко прижалъ къ себѣ Умръ Синга, что мальчикъ вскрикнулъ.

Шопотъ усилился, и Тарвину показалось, что кто-то рыдаетъ за ставнями. За этимъ послѣдовалъ взрывъ тихаго, нѣжнаго смѣха, и Тарвинъ вздохнулъ свободнѣе. Умръ Сингъ пытался вырваться изъ его рукъ.

— Еще рано,—молодой человѣкъ,—подождите, пока... Ахъ, слава Богу!

Явилась Кэтъ, ея маленькая фигурка рѣзко выдѣлялась на темномъ фонѣ дверей. Сзади нея шелъ евнухъ, который боязливо приблизился къ Тарвину. Тарвинъ ласково улыбнулся и передалъ ему съ рукъ на руки удивленнаго маленькаго принца. Умръ Синга унесли, несмотря на его сопротивление и, прежде чѣмъ они вѣхали со двора, Тарвинъ услышалъ неистовые крики разсерженнаго мальчика и вслѣдъ затѣмъ несомнѣнно его же стонъ отъ боли. Тарвинъ улыбнулся.

— Въ райпутанѣ начинаютъ бить молодыхъ принцевъ; это несомнѣнно шагъ на пути прогресса. Что она сказала, Кэтъ?

— Она сказала, чтобы я непремѣнно передала вамъ, что она знаетъ, что вы ничего не боитесь. «Скажите сагибу Тарвину: я знала, что онъ не боится».

— А гдѣ же Умръ Сингъ? — спросилъ магараджа Кенваръ изъ экипажа.

— Онъ ушелъ къ своей матери. Кажется, мнѣ нельзя сейчасъ играть съ вами, милый мальчикъ. У меня сорокъ тысячъ дѣлъ и очень мало времени. Скажите мнѣ, гдѣ вашъ отецъ?

— Не знаю. Во дворцѣ была какая-то тревога, кто-то плакалъ. Женщины вѣчно плачутъ, и это сердитъ отца. Я останусь у м. Эстеса и буду играть съ Кэтъ.

— Да, пусть онъ останется,—поспѣшно заявила Кэтъ.—Никъ, неужели вы думаете, что я имѣю право бросить его?

— Это тоже одно изъ дѣлъ, которыя я долженъ уладить,—сказалъ Тарвинъ.—Но прежде мнѣ надобно повидать магараджу, если я обязанъ запрудить для него Раторъ. Что такое, милый мальчикъ?

Одинъ изъ солдатъ шепнулъ что-то маленькому принцу.

— Этотъ человѣкъ говоритъ, что онъ тутъ,—сказалъ магараджа Кенваръ.—Онъ цѣлыхъ два дня все здѣсь. Мнѣ тоже нужно было повидаться съ нимъ.

— Очень хорошо. Поѣзжайте домой, Кэтъ. Я подожду здѣсь.

Онъ снова въѣхалъ подъ арку воротъ и во дворъ. Опять за ставнями поднялся шопотъ; изъ дверей вышелъ человѣкъ и спросилъ, что ему нужно.

— Мнѣ надобно повидать магараджу, — сказалъ Тарвинъ.

— Подождите, — отвѣчалъ человѣкъ. Тарвину пришлось прождать цѣлыхъ пять минутъ и онъ успѣлъ въ это время обдумать весь планъ дѣйствій.

Наконецъ, явился магараджа и любезность свѣтилась въ каждомъ волоскѣ его усовъ, только что намазанныхъ масломъ.

Вслѣдствіе какой-то таинственной причины, Ситабхаи на цѣлыхъ два дня лишила его свѣта своего лицемерія и сидѣла запершись въ своихъ апартаментахъ. Теперь ея капризь прошелъ, и цыганка согласилась снова повидаться съ нимъ. Вслѣдствіе этого сердце магараджи весело билось; какъ опытный мужъ многихъ женъ, онъ весьма разумно не разспрашивалъ особенно настойчиво о причинѣ такой перемѣны.

— Ахъ, сагибъ Тарвинъ, — сказалъ онъ, — я давно не видалъ васъ. Что новенькаго на плотинѣ? Есть тамъ что-нибудь интересное?

— Сагибъ магараджа, я объ этомъ именно и пришелъ поговорить съ вами. На рѣкѣ нѣтъ ничего интереснаго, и я думаю, что изъ нея совсѣмъ нельзя добыть золота.

— Это плохо, — спокойно замѣтилъ король.

— Но тамъ можно устроить очень интересную вещь, если вамъ будетъ угодно посмотреть. Мнѣ не хочется тратить ваши деньги на работы, разъ я убѣдился, что онѣ бесполезны; но я не знаю, зачѣмъ вамъ беречь весь тотъ порохъ, который вывезентъ на плотину. Его тамъ около 500 пудовъ.

— Я васъ не понимаю, — проговорилъ магараджа, мысли котораго были заняты совсѣмъ другимъ.

— Хотите видѣть самый громаднѣйшій взрывъ, какой вы когда-нибудь въ жизни видѣли. Хотите слышать, какъ земля дрожитъ, хотите видѣть, какъ летятъ скалы?

Лицо магараджи прояснилось.

— А можно будетъ видѣть это изъ дворца? — спросилъ онъ, — съ крыши дворца?

— Да, конечно. Но всего лучше будетъ видно съ берега рѣки. Я спущу рѣку въ 5 часовъ. Теперь три. Придете вы, сагибъ магараджа?

— Приду. Это будетъ великолѣпная *тамаша*. Пятьсотъ пудовъ пороху! Земля расколется пополамъ.

— Я думаю! А послѣ этого, сагибъ магараджа, я женюсь; а послѣ я уѣду. Придете вы ко мнѣ на свадьбу?

Магараджа застѣнулъ рукой глаза отъ солнца и пристально посмотрѣлъ на Тарвина изъ-подъ своего тюрбана.

— Клянусь Богомъ, сагибъ Тарвинъ, — сказалъ онъ, — вы быстрый человѣкъ. Такъ вы хотите жениться на лѣди докторшѣ и уѣхать? Я приду на свадьбу. И я, и Портабъ Сингъ.

Невозможно въ точности разсказать жизнь Николая Тарвина въ слѣдующіе два часа. Онъ чувствовалъ непреодолимое желаніе сдвинуть горы и перемѣстить полюсы земли; подъ нимъ скакалъ сильный конь, а въ сердцѣ его было сознаніе, что онъ потерялъ Наулаку и приобрѣлъ Кэтъ. Когда онъ появился словно метеоръ среди кули на плотинѣ, они поняли, что какое-то слово сказано, и предстоятъ какія-то великія дѣла. Главный надсмотрщикъ обернулся на его громкій зовъ и узналъ, что приказъ на сегодняшній день гласитъ — разрушеніе, единственное, что восточные люди умѣютъ хорошо дѣлать.

Они съ крикомъ и громкимъ воемъ разнесли пороховой сарай, оттащили отъ рѣки телѣги, подъемный кранъ и всѣ свои вещи, затѣмъ, по командѣ того же Тарвина, зарыли боченки съ порохомъ подъ верхнюю часть полуготовой плотины, навалили на нее разныхъ тяжестей и прикрыли ихъ свѣжимъ пескомъ.

Все было сдѣлано наспѣхъ, но, по крайней мѣрѣ, весь порохъ былъ собранъ въ одномъ мѣстѣ и Тарвинъ былъ увѣренъ, что шуму и дыму будетъ вполне достаточно для увеселенія магараджи. Въ пять часовъ онъ явился на мѣсто въ сопровожденіи своей свиты, и Тарвинъ, приказавъ всѣмъ рабочимъ отбѣжать подальше, поджегъ длинную зажигательную нить. Огонь медленно тлѣлъ, распространяясь по верхней части плотины. Вдругъ раздался глухой трескъ, плотина разверзлась и изъ глубины ея поднялся столбъ бѣлаго пламени и облако дыма, смѣшаннаго съ черною земляною пылью. Воды Амета съ яростью устремились въ образовавшееся отверстіе и затѣмъ гнѣвно разлились по своему старому руслу. Дождь падавшихъ камней и обломковъ взрывалъ землю на отмеляхъ и разбрасывалъ воду брызгами.

Прошло нѣсколько минутъ, и только облако дыма да почернѣвшіе края плотины, спускавшейся все ниже по мѣрѣ того, какъ рѣка подгачивала ее, напоминали о производившихся здѣсь работахъ.

— Ну, теперь, сагибъ магараджа, скажите мнѣ пожалуйста, сколько я вамъ долженъ?—спросилъ Тарвинъ, убѣдившись, что ни одинъ изъ самыхъ безпокойныхъ кулей не убитъ.

— Это было очень красиво, — сказалъ магараджа. — Я никогда не видалъ ничего подобнаго. Жаль, что нельзя сдѣлать еще разъ.

— Но сколько же я вамъ долженъ?—повторилъ Тарвинъ.

— За что? Да вѣдь это же были мои рабочіе, имъ ничего не платили, только давали немного рису; большая часть были отпущены изъ тюрьмы. Порохъ взятъ изъ арсенала. Что за разговоръ о долгахъ! Точно я какой-нибудь *буння*, что стану считать, кто мнѣ долженъ. Это была славная штука! Клянусь Богомъ, запруды какъ не бывало!

— Вы можете заставить меня заплатить за все.

— Сагибъ Тарвинъ, если вы проживете годъ или два, вы можете быть, получите счетъ; но если вы что-нибудь заплатите, смотрители за тюрьмами возьмутъ деньги себѣ и я не стану богаче. У васъ работали мои люди, рисъ дешевъ, и они полюбовались чудесной картиной. Этого вполне довольно. Не хорошо говорить

о платежахъ. Вернемся въ городъ. Клянусь Богомъ, сагибъ Тарвинъ, вы ловкій человекъ. Теперь мнѣ не съ кѣмъ будетъ играть въ паккизи и некому будетъ смѣшить меня. Магараджа Кенваръ будетъ также сильно жалѣть о васъ. Но, конечно, хорошо, когда человекъ женится. Да, это очень хорошо. Зачѣмъ вы уѣзжаете, сагибъ Тарвинъ? Развѣ это распоряженіе правительства?

— Да, американскаго правительства. Оно зоветъ меня, чтобы я помогъ править государствомъ.

— Но вы вѣдь не получали никакой телеграммы, — просто-душно замѣтилъ король. — Впрочемъ, вы такой ловкій.

Тарвинъ весело засмѣялся, вскочилъ на лошадь и ускакалъ, оставивъ короля заинтересованнымъ, но не удивленнымъ. Онъ въ концѣ концовъ привыкъ принимать Тарвина и всѣ его поступки, какъ естественныя явленія природы, не подлежащія человѣческому контролю. Передъ домою миссиі Тарвинъ машинально придержалъ лошадь и бросилъ взглядъ на городъ.

Его вдругъ такъ сильно охватило чувство рѣзкой разницы окружающаго и той жизни, которая предстояла ему въ близкомъ будущемъ, что онъ вздрогнулъ.

— Это все было дурной сонъ, очень дурной сонъ, — пробормоталъ онъ, — и хуже всего то, что въ Топазѣ никто не повѣритъ и половинѣ его.

Глаза его, блуждавшіе по выжженной солнцемъ равнинѣ, заблестали при воспоминаніи о разныхъ сценахъ, пережитыхъ имъ здѣсь. «Тарвинъ, дружище, ты игралъ королевствомъ и въ концѣ концовъ остался ни съ чѣмъ. Цѣлые полгода ты старался добыть вещь и тебѣ не пришло въ голову, что ты не можешь удержать ее, когда она будетъ въ твоихъ рукахъ. Это было глупо, очень глупо! Топазъ, мой бѣдный, милый Топазъ!» Снова взглядъ его окинулъ весь краснобурый ландшафтъ, и онъ громко разсмѣялся.

Маленькій городокъ у подножія Высокой Горы за 10.000 миль отъ него, не подозрѣвавшій всѣхъ грандіозныхъ предпріятій, которые затѣвались ради него, разсердился бы на этотъ смѣхъ: подъ впечатлѣніемъ событий, взволновавшихъ весь Раторъ, Тарвинъ относился нѣсколько свысока къ этому дѣтищу своихъ честолюбивыхъ замысловъ.

Онъ хлопнулъ себя по ногѣ и повернулъ лошадь на телеграфную станцію. «Желалъ бы я, ради всего святаго, знать, какъ мнѣ уладить дѣло съ м-съ Метри? Если бы я показалъ ей хоть поддѣльную Наулаку со стеклышками вмѣсто камней, у нея и то потекли бы слюнки». Лошадь быстро подвигалась впередъ, и Тарвинъ разрѣшилъ свое недоумѣніе, безпечно махнувъ рукой. «Если я помирился съ неудачей, помирится и она. Надо только приготовить ее телеграммой»

Телеграфный чиновникъ и генералъ-почтмейстеръ королевства до сихъ поръ не можетъ забыть, какъ англичанинъ, который, въ сущности, не англичанинъ и потому вдвойнѣ непонятенъ, взоспелъ въ послѣдній разъ на узкую лѣсенку, сѣлъ на сломанный стулъ и потребовалъ абсолютной тишины; какъ послѣ 15 минутъ мрачнаго раздумья и закручиванья своихъ тонкихъ усовъ, онъ глу-

боко вздохнулъ (такъ обыкновенно вздыхаютъ англичане, если съѣдятъ что-нибудь для себя вредное), отстранилъ чиновника и самъ передалъ телеграмму, дѣйствуя руками твердо и сердито: какъ онъ долго остановился на послѣднемъ ударѣ, приложилъ ухо къ аппарату, точно тотъ могъ отвѣтить ему, и, повернувшись, съ ласковой улыбкой сказалъ:

— Кончено, Бабу, сдѣлайте нужныя отмѣтки,—и убѣждалъ напѣвая воинственную пѣсню своей родины: «Не богатство, не знатность, не почести, а сила воли и успѣхъ дѣлаютъ людей великими».

Телѣга, запряженная волами, скрипѣла и при свѣтѣ вечерней зари двигалась къ желѣзно-дорожной станціи, и низкіе ряды холмовъ Аравулуса рисовались точно темныя облака на бирюзовомъ фонѣ неба. Сзади красная скала Ратора сердито глядѣла на желтый песокъ пустыни, на который темными пятнами ложились тѣни верблюдовъ. Журавли и дикіе гуси собирались стаями и опускались въ камыши на ночлегъ, а сѣрыя обезьяны сидѣли семьями по краямъ дороги, обнимая другъ друга за шею. Вечерняя звѣзда поднялась выше зубчатой верхушки скалы и отраженіе ее безъ помѣхи заблестало въ полузасохшемъ водоемѣ, обложенномъ пожелтѣвшимъ отъ времени мраморомъ и окруженномъ серебристою султанъ травкою. Между звѣздой и землею носились тяжелыя летучія мыши съ лисьими головами, и ночные соколы гонялись за легкокрылыми бабочками. Буйволы поднялись изъ своихъ ямъ, а стада располагались на ночь. Изъ крестьянскихъ хижинъ слышалось пѣніе, въ домахъ, раскиданныхъ по холмамъ, зажглись огни. Волы мычали, когда возница дергалъ ихъ за хвосты, а высокая трава по краямъ дороги шуршала точно морская волна, разбивающаяся о берегъ.

Почувствовавъ свѣжесть ночного воздуха, Кэтъ покрѣпче закуталась въ свой шерстяной плащъ. Тарвинъ сидѣлъ на задкѣ телѣги, свѣсивъ ноги и не спуская глазъ съ Ратора, пока городъ не скрылся за поворотомъ дороги. Сознаніе своего пораженія, разочарованіе, упреки слишкомъ чуткой совѣсти,—все это могло ждать Кэтъ въ будущемъ. Но въ эти часы, спокойно сидя на подушкахъ, она ощущала лишь чисто женское удовольствіе отъ сознанія, что около нея есть мужчина, который все для нея устроитъ, причемъ она еще не перестала интересоваться и тѣмъ, какъ онъ будетъ устраивать.

Нѣсколько разъ повторенныя, нѣжныя прощанья съ дворовыми женщинами, необыкновенно быстрое вѣнчаніе, при которомъ Никъ не игралъ пассивной роли, какъ обыкновенные женихи, а напротивъ, всѣмъ распоряжался и всѣхъ увлекъ своею неудержимою живостью—все это утомило ее. Тоска по родинѣ, желаніе быть дома—она прочла такую же тоску, такое же желаніе въ глазахъ м-съ Эстесъ часъ тому назадъ—охватили ее, и ея попытка самостоятельной жизни среди мірскихъ золъ начала казаться ей какимъ-то сномъ, но...

— Никъ,—тихонько позвала она.

— Что надо, моя маленькая жена?

— Ахъ, ничего; я думала... Никъ, что вы сдѣлали для магараджи Кенвара?

— Онъ устроенъ, я увѣренъ, отлично. Не заботьтесь объ этомъ. Я объяснилъ вѣкоторыя обстоятельства полковнику Полану, и онъ обѣщаль, что пригласить мальчика пожить у себя до поступленія въ школу.

— Бѣдная мать его! Если бы я только могла...

— Но вы ничего не могли. О, смотрите скорѣе, Кэтъ! Вонъ оно! послѣдній взглядъ на Раторъ.

Рядъ разноцвѣтныхъ огней, освѣщавшихъ висячіе сады дворца, былъ скрытъ за уступомъ темной скалы, и теперь выступилъ изъ за него. Тарвинъ вскочилъ на ноги въ телѣгѣ и низко поклонился по восточному обычаю.

Огни исчезли одинъ за другимъ такъ же, какъ исчезли великолѣпные камни ожерелья въ коробкѣ изъ подъ кабульскаго винограда; свѣтилось одно только окно на крайнемъ бастионѣ, красною, далекою звѣздой, точно блестящій черный алмазь. Наконецъ и оно погасло, мягкая ночная тѣнь поднималась съ земли, постепенно окутывая своимъ темнымъ покровомъ мужчину и женщину.

— Въ концѣ концовъ,—проговорилъ Тарвинъ, обращаясь къ небу, на которомъ зажглись безчисленные звѣзды,—это былъ, несомнѣнно, кривой путь.

К о н е ц ъ .

КОГО ЛИШИЛИСЬ МЫ ЧЕТВЕРТЬ ВѢКА НАЗАДЪ?

(Константинъ Дмитріевичъ Ушинскій † 21 декабря 1870 г. *).

Школа должна зажечь въ юности жажду серьезнаго труда, безъ которой жизнь его не можетъ быть ни достойною, ни счастливою. Пусть наша молодежь смотритъ на этотъ образъ, и будущность нашего отечества будетъ обеспечена.

Ушинскій.

Чѣмъ болѣе будетъ развиваться наша педагогическая литература и чѣмъ болѣе будетъ совершенствоваться наша школа, тѣмъ должно болѣе расти и значеніе К. Д. Ушинскаго, вдохнувшаго идею въ русское воспитаніе и указавшаго ему путь къ безконечному развитію на тѣхъ же физико-психологическихъ или, вѣрнѣе, антропологическихъ началахъ, на которыхъ оно уже установлено у образованнѣйшихъ народовъ.

Стоюничъ.

21-го декабря этого, 1895 г., исполняется четверть вѣка съ того дня, когда въ Одессѣ, проѣздомъ въ Крымъ, тихо скончался, всего на 47 году неутомимо трудовой жизни, первый у насъ, послѣ Н. И. Новикова и Н. И. Пирогова, дѣйствительно *всемирный* и *единственный* по идейности и громадному успѣху при жизни русскій педагогъ Константинъ Дмитріевичъ Ушинскій. Ревностный поборникъ идеи широкаго гуманнаго просвѣщенія, низшаго, средняго и высшаго, на началахъ гуманности и народности въ литературѣ; горячій и краснорѣчивый проводникъ этой идеи въ Педагогическомъ собраніи, существовавшемъ въ Петербургѣ при 2-й гимназіи; реформаторъ нашего женскаго образованія въ институтахъ; незабвенный создатель «Дѣтскаго Мира» и «Роднаго Слова», достигшаго безпримѣрнаго распространенія для книги у насъ—сотого изданія, творецъ первой и единственной у насъ «Педа-

*) Для знакомства съ Ушинскимъ см.: 1) «Русскіе педагогическіе дѣтели», Виктора Острогорскаго и Д. Д. Семенова. Изд. учеб. маг. «Начальная Школа» Е. Н. Тихомировой. М. 1887. Ц. 75 коп. 2) «Жизнь замѣчательныхъ людей». Биографич. бібліотека Ф. Павленкова. К. Д. Ушинскій, его жизнь и педагогическая дѣятельность. М. Л. Песковскаго. Слб. 1892. Ц. 25 коп.

гогической антропологіи» (Человѣкъ какъ предметъ воспитанія); стоявшій крѣпко за разумно устроенныя семинаріи, проводникъ въ наше общество здравыхъ педагогическихъ идей путемъ журнальнымъ—этотъ человѣкъ вполне заслуживаетъ величайшей признательности всего русскаго общества и народа, всей націи, которая никогда не забудетъ этого святого имени великаго своего учителя. Выступивъ на литературно-педагогическое поприще въ 1855 г., непосредственно за Н. И. Пироговымъ, Ушинскій явился какъ нельзя болѣе во-время, въ ту именно великую эпоху освобожденія отъ крѣпостной зависимости, когда вопросъ о просвѣщеніи сталъ ребромъ, требуя немедленнаго и широкаго разрѣшенія. «Теперь именно, — писалъ онъ, этотъ энтузіастъ и идеалистъ просвѣщенія въ 1862 г. изъ Швейцаріи, — настаетъ пора, когда Россіи всего болѣе нужны школы, хорошо устроенныя, и учителя, хорошо подготовленные, — и много, много школъ нужно! Иначе — и свобода крестьянъ, и открытое судопроизводство не принесутъ той пользы, какую могли-бы принести эти истинно великіе шаги впередъ. Школу, народную школу, дайте Россіи, и когда, лѣтъ черезъ тридцать, станетъ она на прямую дорогу, васъ ждетъ, господа, лучшее время, чѣмъ то, въ которое мы были, какъ рыба объ ледъ. Готовьтесь же съ любовью, съ увлеченіемъ къ тому великому поприщу, которое васъ ожидаетъ!»

Такъ думалъ, такъ вѣрилъ идеалистъ, и не только думалъ и вѣрилъ, но и дѣлалъ пятнадцать лѣтъ своей педагогической и литературной дѣятельности трудился съ рѣдкимъ по широтѣ и глубинѣ образованіемъ, энергіей и талантомъ на пользу этой русской школы, справедливо полагая въ ея основу — языкъ родной, для обученія которому и до сихъ поръ его «Родное Слово» остается первымъ и самостоятельнымъ. Профессорская дѣятельность его въ Ярославскомъ лицѣѣ и въ качествѣ инспектора Смольнаго института, гдѣ такъ много сдѣлано имъ для русскаго женскаго образованія, продолжалась недолго, и онъ долженъ былъ посвятить себя только литературѣ. Но то, что имъ написано, даже далеко не полное изданіе его сочиненій, заключаетъ въ себѣ такіе вопросы, не только поставленные, но и разрѣшенные, такія богатства просвѣтительной мысли, что и теперь, черезъ четверть вѣка послѣ его смерти, ими, и почти только ими, пользуются, какъ педагогическимъ евангеліемъ, всѣ тѣ русскіе люди, которымъ дорого отечественное просвѣщеніе. Онъ требовалъ отъ учителя серьезнаго образованія общаго, и для этого указывалъ на необходимость учрежденія при университетахъ особуыхъ педагогическихъ кафедръ, и даже антропологическо-педагогическихъ факультетовъ; горячо доказывалъ важность широкаго распространенія учительскихъ семинарій, откуда учитель выходилъ бы образованнымъ человѣкомъ, съ сознаниемъ высоты своего призванія. Все русское общество звалъ онъ къ *труду* сознательному, поднимающему душу, — къ труду, дающему человѣку благородную цѣль жизни и самоудовлетвореніе.

Такимъ-то образомъ, четверть вѣка назадъ лишились мы того, кто поставилъ и въ значительной степени разрѣшилъ намъ величайшіе и самыя важныя для насъ вопросы просвѣщенія, лишились того, чьи благотворныя и благородныя идеи и по сейчасъ могутъ освѣтить намъ жизнь и осмыслить наше существованіе, только бы обратились мы серьезно къ этимъ «забытымъ словамъ», обратились всѣ: и профессора съ учителями до народнаго включительно, и эта славная, любящая, чуткая на добро

русская женщина, для которой покойный такъ много сдѣлалъ, и всякій русский, у котораго не перестало биться сердце любовью къ родинѣ.

Что же былъ за человѣкъ, чью славную память хотимъ мы возстановить передъ читателемъ?

Это была натура рѣдкая по широтѣ, глубинѣ и дальновидности ума, одаренная отъ природы чуткимъ чувствомъ и огромною настойчивостью въ преслѣдованіи опредѣленной разъ намѣченной цѣли,—натура дѣловитаго холерика, призванная къ проложенію новыхъ путей къ истинѣ, къ организаторству, къ буженію общества своимъ энергичнымъ словомъ и дѣломъ. Такія цѣльныя, опредѣленные здоровыя дѣловыя натуры появляются у насъ рѣдко, и чаще всего обращаются въ эгонстическихъ дѣловиковъ и эксплуататоровъ, такъ какъ условія воспитанія, образованія и окружающей среды рѣдко складываются для нихъ благопріятно.

Но счастливая натура Ушинскаго нашла для своего образованія и направленія—и условія особенно счастливыя. Образованные, хорошіе люди его родители, благотворное вліяніе матери, прекрасное семейное воспитаніе на почвѣ добрыхъ привычекъ семьи и знакомыхъ, малороссійская природа Черниговской губерніи, раннее знакомство съ деревней, съ народомъ— вотъ элементы воспитанія, которые еще въ дѣтствѣ заложили въ этой натурѣ благородно-эстетическое настроеніе, такъ ярко отличавшее Ушинскаго до послѣднихъ минутъ его жизни.

Одиннадцати лѣтъ онъ лишается матери и поступаетъ въ Новгородъ-Сѣверскую гимназію. На почвѣ семейной начинается воспитаніе общественное. Здѣсь опять улыбается мальчику судьба. Гимназія оказывается образцовой. Во главѣ ея стоитъ директоръ—одинъ изъ образованнѣйшихъ педагоговъ—друзей юношества, старый профессоръ И. Ѳ. Тимковскій, страстно любящій науку, съ юношескими стремленіями соединяющій въ себѣ глубокія религиозныя убѣжденія. Библия, Цицеронъ, Горацій, Виргилій, Тацитъ вселяютъ въ юношахъ уваженіе и стремленіе къ истинѣ, къ знанію... Педагогъ-директоръ становится идеаломъ будущаго педагога-юноши... Духъ разумной свободы и тѣснаго товарищества, прогулки и чтенія, соревнованіе въ приобрѣтеніи знаній дѣлаютъ юношамъ жизнь пріятной и осмысленной. Демократическій духъ всеословности, бѣдота многихъ товарищей зароняетъ въ воспримчиваго юношу мысль объ общенародной школѣ. Знаніе нѣмецкаго языка знакомитъ его съ Шиллеромъ... Словомъ, все—и директоръ, и учителя, и товарищи, и весь строй жизни способствуютъ выработкѣ идеала всеословнаго, народнаго средняго учебнаго заведенія на твердой почвѣ науки, въ духѣ широкой гуманности, общественности, живой религиозности и патриотизма, въ смыслѣ страстнаго желанія отдать всего себя на служеніе увеличенію матеріальнаго и нравственнаго состоянія своей возлюбленной родины.

Московскій университетъ довершаетъ формальное образованіе и воспитаніе. Влестящій періодъ этого университета (1840—1844 гг.) подъ управленіемъ попечителя гр. С. Г. Строганова, довоспитываетъ молодого человѣка при могущественномъ вліяніи такихъ личностей, какъ профессора Грановскій, Рѣдвинъ, Чивилевъ, Брыловъ. Московская молодежь начала сороковыхъ годовъ увлекается философій, исторіей, науками политическими и общественными, упражняетъ свою рѣчь свободными товарищескими дебатами о вопросахъ науки, этики, искусства, общественного воспитанія... Въ числѣ вопросовъ передовыхъ выдвигается вопросъ о крѣ-

постномъ правѣ, неразрывно связанный съ просвѣщеніемъ темной массы. Идеалы литератора, профессора, учителя, педагога всюду, на всѣхъ поприщахъ общественнаго служенія, чтобы, по примѣру перваго нашего просвѣтителя Петра Великаго, внести въ темную массу свѣтъ истины и благой примѣръ собственной честной дѣятельности,—вотъ что манитъ эту молодежь въ даль заманчиваго будущаго, на борьбу съ мракомъ невѣжества и застоя...

Такимъ образомъ, и изъ университета, какъ и изъ гимназій, выносятся Ушинскій въ лицѣ своихъ наставниковъ тотъ же идеалъ гуманнаго педагога, и этотъ идеалъ, основанный на широкой образованности, отнынѣ, до самой его смерти, будетъ «*святая святыхъ*» всей его дѣятельности.

И Ушинскій черезъ два года по окончаніи курса въ университетѣ, въ 1846 г., становится профессоромъ энциклопедіи законовѣдѣнія, исторіи законодательства и науки о финансахъ въ Ярославскомъ Демидовскомъ лицейѣ, гдѣ увлекаетъ слушателей своимъ преподаваніемъ.

До 1855 г. Ушинскій, перешедшій на службу въ Петербургъ, долженъ ограничиться только дѣятельностью литературной изъ-за куска хлѣба, и только съ этого времени онъ снова возвращается къ педагогической и состоитъ три года учителемъ словесности и инспекторомъ въ Гатчинскомъ сиротскомъ институтѣ. Здѣсь-то, подъ влияніемъ статей Пирогова и общаго увлеченія педагогическими вопросами, знакомства съ иностранной журнальной педагогической литературой и, наконецъ, открытой имъ въ Гатчинскомъ институтѣ прекрасной педагогической бібліотеки бывшаго инспектора института, покойнаго, умершаго въ сумасшедшемъ домѣ, Е. О. Гугеля, и началась для Ушинскаго та серьезная подготовка къ литературно-педагогическо-общественной дѣятельности, которая сдѣлала даже при его жизни столь славнымъ его имя.

1859 годъ особенно знаменателенъ. Въ этотъ годъ онъ становится инспекторомъ Смольнаго института, гдѣ за три года до начала 1862 г. оставилъ по себѣ незабвенную память своею реформаторскою дѣятельностью на пользу женскаго образованія въ Россіи, которая справедливо ставитъ его имя, какъ реформатора нашихъ институтовъ, рядомъ съ именемъ основателя открытыхъ всеобщихъ женскихъ гимназій Н. А. Вышнеградскаго. Насколько великъ былъ авторитетъ Ушинскаго, видно уже изъ того, что онъ лично былъ извѣстенъ Государынѣ Маріи Александровнѣ, которая и поручила ему написать свое мнѣніе о воспитаніи наследника престола. Это мнѣніе было высказано имъ въ четырехъ письмахъ, къ сожалѣнію, неопечатанныхъ и до сихъ поръ. Этотъ трехлѣтній періодъ инспекторства былъ самымъ блестящимъ періодомъ его организаторско-педагогической дѣятельности, показывающимъ, какъ много добра для своей родины можетъ сдѣлать у насъ даже одинъ благонамѣренный, просвѣщенный и талантливый человѣкъ, если ему будетъ оказано довѣріе и открыта возможность дѣйствовать.

Въ послѣднія восемь лѣтъ его жизни явились и лучшія его статьи, остающіяся и до настоящаго времени полными интереса и значенія, и знаменитое «Родное Слово». выдержавшее до *ста* изданій, и «Педагогическая Антропология» — «Человѣкъ какъ предметъ воспитанія», и «Собраніе его сочиненій» — словомъ, все то, что, главнымъ образомъ, создало ему вѣчную память.

Русское общество принято укорять въ равнодушіи и неблагодарности современниковъ къ своимъ лучшимъ дѣтелямъ на пользу страны.

По отношенію къ Ушинскому это не совсѣмъ справедливо. Современники поняли и оцѣнили его. Въ послѣднюю, предсмертную, свою поѣздку по Россіи, особенно въ Брѣму, Одессѣ, Кіевѣ, онъ самъ могъ убѣдиться, насколько его имя, личность, дѣятельность — знакома, близка, дорога всѣмъ русскимъ людямъ, не только педагогамъ. Всѣ эти встрѣчи, овація, рѣчи, проводы должны были вдохнуть въ его угасающій организмъ новыя силы... Но смерть не ждала... и его похороны доказали всѣмъ во очю, кого мы лишились четверть вѣка назадъ.

Но почему же теперешнее наше общество, особенно учителя—и народныя, и гимназическія, и профессора—словомъ, даже тѣ, кому, по преимуществу, должно было быть близко имя Ушинскаго, такъ мало говорятъ о немъ, и даже зачастую мало знакомы съ его идеями? Почему и вообще-то люди мысли, науки, литературы, дѣятельности общественной почти не оставляютъ у насъ послѣ себя наслѣдниковъ? Почему уносятъ съ собою въ могилу, точно заповѣданную, способность продолжать ихъ благое дѣло?

Сложенъ и труденъ на это отвѣтъ. Конечно, главная причина здѣсь общая намъ малая культурность, равнодушіе къ успѣхамъ интеллектуальной мысли и къ просвѣтительному прогрессу нашей родины въ соединеніи съ легкостью впаденія въ апатію и потерю бодрости духа, понижающаго не только въ борьбѣ, но и при первой неудачѣ. Но за всѣмъ этимъ, едва ли еще не большая причина такого печальнаго явленія заключается въ недостаткѣ въ насъ *общественности, публичности*. Всякому выдающемуся дѣятелю приходится употреблять у насъ немногочисленныя усилія тратить цѣлую массу силъ, въ одиночку, чтобы разбудить сонное общество, лишенное всякой инициативы, чтобы обратить на себя даже вниманіе. Всякая дѣятельность практическая, общественная, педагогическая особенно, находитъ у насъ очень мало простору и подвержена случайностямъ, какъ это было съ Ушинскимъ. Довести до конца своего реформаторскаго дѣла онъ не имѣлъ возможности, точно также, какъ и осуществить свою завѣтную мечту объ устройствѣ особыхъ педагогическихъ факультетовъ, или, по крайней мѣрѣ, педагогическо-антропологическихъ кафедръ. Не осуществилась и его благая мысль о широкой постановкѣ учительскихъ семинарій и народной образовательной школы. Такимъ образомъ, пришлось ограничиться одной литературно-педагогической дѣятельностью. Но послѣ смерти Ушинскаго настроеніе общества, крайне неустойчиваго и переменчиваго въ своихъ увлеченіяхъ, измѣнилось, и преемниковъ ему даже и въ литературѣ не нашлось, такъ какъ почти все, о чемъ онъ писалъ, въ жизни не осуществилось и до сихъ поръ. Для того, чтобы дѣятель, въ родѣ Ушинскаго, могъ найти себѣ продолжателей, необходимы были болѣе благоприятныя условія въ видѣ публичнаго напоминанія и обсужденія его идей и въ печати, и въ публичныхъ чтеніяхъ,—словомъ, необходимо какъ можно чаще говорить о немъ. Но говорить, обсуждать идеи, хотя бы самыя и благотворныя и отвлеченныя, у насъ, особенно въ провинціи, гдѣ нѣтъ ни интеллигентныхъ клубовъ, ни обществъ, ни собраній, негдѣ,—и вотъ, очень естественно, при общей умственной спячкѣ, такъ быстро смѣняющей у насъ увлеченія, со смертью одиноваго бойца мысли, весьма скоро наступаетъ сначала охлажденіе къ нему, потомъ равнодушіе, а тамъ и забвеніе, пока черезъ много лѣтъ, при но-

вомъ пробужденіи общества, не вспомнить кто-нибудь «забытыхъ словъ», которыя давно должны были бы перейти въ дѣло, и вотъ приходится начинать съизнова.

И такъ во всемъ: и въ литературѣ, и въ критикѣ, и въ педагогіи... «Суждены намъ, по словамъ поэта, благіе порывы, но свершить,—т. е. продолжать преемственно, осуществить, закончить—ничего не дано».

Все же виноваты мы передъ памятью Ушинскаго не мало, по крайней мѣрѣ, въ томъ, что бы, кажется, вполне зависѣло отъ насъ. Мы даже черезъ четверть вѣка не имѣемъ не только полной біографіи этого чловека, но даже матеріаловъ для нея въ формѣ бумагъ и писемъ.

Нельзя не пожалѣть также и о томъ, что даже этотъ единственный томъ его сочиненій мало доступенъ скромнымъ учителямъ нашихъ народныхъ школъ, въ которыя онъ внесъ бы столько свѣта. Покойный своими книгами далъ цѣлое состояніе, и что стоило бы пустить этотъ томъ не дорожы какого-нибудь полтинника, а то и дешевле, чтобы, не имѣя въ виду барышей, ознаменовать двадцатипятилѣтіе смерти доставленіемъ возможности близко ознакомиться съ Ушинскимъ, цѣлой массѣ русскаго люда.

Это уже, конечно, дѣло наследниковъ, котораго, по закону о литературной собственности, никто на себя взять не можетъ.

Но, какъ бы то ни было, исполняющаяся четверть вѣка съ кончины Ушинскаго должна настоятельно напомнить всему русскому обществу объ этой безпримѣрной личности отца русской педагогіи на началахъ антропологическихъ и гуманныхъ и о его забытыхъ словахъ «о школѣ народной» ежедневной и воскресной, о воспитаніи русской женщины, о личности ребенка и, первѣе всего, объ образованіи учителя, образованіи широкому и философскому, безъ котораго онъ только *шкульмейстеръ*, безъ особаго труда осиливающей нехитрую дрессировочную науку обученія грамотѣ, или того или другаго предмета. Приближающійся день 21 декабря 1895 г. долженъ вызвать благодарное воспоминаніе о томъ чловекѣ, который поставилъ наше школьное дѣло на почву науки и величайшаго, общественно-государственнаго интереса.

Викторъ Острогорскій.

НОВАЯ ФРАНЦУЗСКАЯ ЛИТЕРАТУРА У НОВѢЙШИХЪ ИСТОРИКОВЪ.

Нѣсколько времени тому назадъ мы дали отчетъ о книгѣ Шахова *Очерки литературнаго движенія въ первую половину XIX-ю века*. Къ истинному нашему удовольствію, предъ нами еще два сочиненія на русскомъ языкѣ, посвященныя тому же предмету. Авторы—датчанинъ Брандесъ *) и французъ Пелиссье **)—оба талантливые писатели, оба извѣстны русской публикѣ, одинъ изъ нихъ даже популярень. Вопросы ихъ книгъ въ высшей степени значительны и необычайно сложны. Сама область этихъ вопросовъ еще менѣе всего *исторична*, т. е. тѣснѣйшимъ образомъ связана съ современными живыми идеями, нашими насущными стремленіями и невольными пристрастіями. Въ такихъ случаяхъ первая необходимость—опредѣлить *точки зрѣнія* на слишкомъ жгучій предметъ, заранѣе выяснить основныя силы новой европейской литературы и установить принципы историческаго изслѣдованія. Мы и попытаемся сдѣлать это въ возможно сжатой формѣ. Въ результатѣ, интересующія насъ работы получаютъ одно стройное освѣщеніе—со всѣми ихъ достоинствами и недостатками.

I.

Въ литературѣ и въ обществѣ на каждомъ шагу употребляются такія, напримѣръ, выраженія: эпоха возрожденія, классическій вѣкъ, эпоха философіи. И всякому совершенно понятно, что хотятъ этимъ сказать. Важнѣйшія эпохи новой европейской культуры давно и разъ навсегда получили краткія и точныя наименованія. Достаточно произнести одно слово, чтобы вызвать у слушателя рядъ вполне опредѣленныхъ представленій, воспоминаній, сочувствій и непріязней.

И только XIX вѣкъ до сихъ поръ исключеніе. Сколько разъ пытались снабдить его какой-нибудь кличкой,—ни одна не приживалась, и наше столѣтіе такъ и продолжаетъ оставаться безымяннымъ.

---

*) Г. Брандесъ. «Литература XIX в. въ ея главныхъ теченіяхъ». Пер. съ нѣм. Л. Зауэръ, съ портретами. Ц. 2 р. 1895 г. Изд. Павленкова.

**) Пелиссье. «Литературныя движенія въ XIX вѣкѣ». 1895 г. Ц. 2 р.

Причина—очевидна. Мы переживаемъ столь многосложный и многозначительный историческій періодъ, вписываемъ въ книгу судебъ столько разнообразныхъ фактовъ и идей, добродѣтелей и пороковъ, подвиговъ и паденій, что самому искусному систематическому уму не достаетъ силъ обобщить все это въ одномъ при- знакъ и понятіи. Предъ нами, если угодно, и эпоха новаго воз- рожденія, и новаго классицизма, потому что ужъ, конечно, мы имѣемъ дѣло съ подлиннымъ античнымъ искусствомъ и натураль- ными античными людьми, а не *подданные* Людовика XIV, заку- тывавшіе въ свою ливрею всѣ вѣка и народы. Потомъ, и фило- софовъ мы видѣли и видимъ несравненно больше и по количе- ству и по качеству, чѣмъ всякій другой вѣкъ. Наконецъ, у насъ есть много своего собственнаго, раньше невѣдомаго міру,—на нашей сценѣ дѣйствуетъ совершенно особенный общественный и политическій герой, именно нашимъ вѣкомъ и созданный,—*народъ, демократія*. А разсмотрѣть обликъ и внутренній міръ только это- го одного дѣйствующаго лица, стоитъ всѣхъ трудовъ и позна- ній старыхъ историографовъ и поэтовъ.

Эта истина подтверждается ежедневно. Даже больше. Одинъ и тотъ же историкъ и психологъ паритъ настоящимъ орломъ надъ возрожденіемъ, классицизмомъ, и даже философіей прошлаго вѣка,—и едва-едва поднимается надъ землей, лишь только ему приходится обозрѣвать наше столѣтіе. У него глаза будто раз- бѣгаются, съ первой же минуты онъ чувствуетъ беспомощность и близорукость своего зрѣнія, примиряется, повидимому, съ невоз- можностью одинаково хоропо разсмотрѣть и изучить всѣ види- мые предметы, вперяетъ свой взоръ въ одну точку и только из- рѣдка улавливаетъ жизнь и движеніе, здѣсь же, со всѣхъ сто- ронъ мощно врывающіяся въ заколдованный кругъ. И къ сожалѣ- нію, излюбленная точка и очерченный кругъ весьма рѣдко со- отвѣтствуютъ существеннѣйшимъ явленіямъ и руководящимъ си- ламъ нашего вѣка. Чаше всего, изслѣдователи походятъ на то- го астронома, который съ театральнымъ биноклемъ вздумалъ бы изучать небесныя свѣтила, или на того генерала, который гене- ральное сраженіе рѣшилъ бы устроить по образцу обыкновен- ныхъ манѣвровъ.

Когда вопросъ идетъ о точныхъ наукахъ, большихъ опасно- стей историку не предстоитъ, хотя даже и здѣсь плохъ былъ бы историкъ, если бы, напримѣръ, по поводу Кюда Бернара или Дарвина онъ забылъ указать на могущественные отголоски ихъ открытій въ философіи, нравственности и общественной жиз- ни нашихъ современниковъ. Несравненно сложнѣе задача литера- турнаго историка.

Еще вѣка полтора тому назадъ литература играла роль роскошнаго магазина съ необычайно дорогими гастрономическими товарами. Клиентовъ у подобнаго магазина не могло быть особенно много, да и на самихъ кліентахъ долженъ былъ лежать «особый отпечатокъ». Они считали ниже своего достоинства входить въ преппирательства съ продавцомъ, брали товаръ и платили за него деньгами или комплиментами—съ видомъ полупрезрительнаго равнодушія и насмѣпливаго состраданія. Продавецъ, конечно, старался угодить господамъ, но это не причиняло большихъ затрудненій, во-первыхъ, потому, что литературная гастрономія занимала далеко не первое мѣсто въ обиходѣ благородныхъ потребителей, а потомъ и вкусы были поразительно устойчивы и однообразны: въ теченіе десятилѣтій для дѣдовъ и для внуковъ готовились все одни и тѣ же блюда съ нѣкоторыми измѣненіями въ гарвирѣ, т.-е., напримѣръ, раньше Александръ Македонскій щеголялъ въ новомодномъ кафтанѣ, а потомъ смѣнилъ его на отчасти-греческій костюмъ, оставаясь неизмѣнно копіей съ какого-нибудь герцога Решелье.

Приблизился XIX-й вѣкъ, и все это измѣнилось, въ особенности составъ и характеръ потребителей литературныхъ продуктовъ. Читатель сталъ необыкновенно придирчивъ, даже дерзокъ, присвоилъ себѣ право вкривь и вкось оцѣнивать товаръ, мало интересовался красотой и отдѣлкой, требуя добротности и практичности. Литература должна была спуститься съ эфирныхъ высотъ, выйти изъ золотыхъ салоновъ на улицы, заглянуть даже въ подвалы и мастерскія. А сюда не совсѣмъ удобно являться въ роскошныхъ, тонкихъ матеріяхъ,—вмѣсто моднаго платья, граціозной шевелюры и шепелявой болтовни, здѣсь требуются качества другого порядка: умѣнье видѣть, понимать и даже любить неприметную дѣйствительность, отвага—заявить объ этомъ публикѣ и стать съ ней лицомъ къ лицу, не смотря на ея мало эстетическія и слишкомъ шумныя и капризныя замашки.

Но и на этомъ дѣло не остановилось. Новый читатель—мы говоримъ о Франціи—вырвавшись на волю изъ вѣковыхъ порядковъ, наложилъ свои руки не только на форму и содержаніе литературы,—онъ повлекъ за собой литераторовъ всюду, гдѣ только ему приходилось теперь дѣйствовать: въ избирательное собраніе, въ парламентъ, на стачку рабочихъ, на «биржу труда», въ редакціи газетъ и летучихъ брошюръ. Куда дѣвались сцены добраго стараго времени, когда напудренный поэтъ въ укромномъ кабинетѣ за грудой книгъ взлелѣивалъ въ тиши каждую строчку поэмы въ честь какого-нибудь олимпійскаго или земнаго бо-

жества, потомъ шелъ къ патентованнымъ аристархамъ или къ высокороднымъ меценатамъ и съ трепетной льстивостью представлялъ имъ свое чинное, вылощенное дѣтище. А тѣ прикидывали къ этому дѣтищу строго вымѣренный аршинъ «хорошаго тона» и «правиль», награждали автора восторженными восклицаніями, тонкимъ объдомъ, рекомендаціями. Правда, авторамъ одновременно съ этими благами приходилось получать и совершенно особаго рода сюрпризы, въ родѣ оскорбленій словами и даже дѣйствіемъ. Но, во-первыхъ, оскорбители были большею частью потомки крестовосцевъ, потомъ оскорбленія наносились въ аристократическихъ святилищахъ, недоступныхъ «презрѣнной толпѣ»... Можно было въ виду этого многое простить и ко многому привыкнуть...

Въ общемъ обходилось дѣло полюбовно и необыкновенно комфортабельно. Писателю стоило обзавестись томикомъ сочиненій Буало, заручиться благосклонностью какой-нибудь «ученой женщины»—и карьера была обезпечена.

Въ теченіи нѣсколькихъ лѣтъ все это разлетѣлось въ прахъ. Буало и пружинныя салонныя куклы, съ мушками и учевостью, погибли въ волнахъ страшнаго переворота. Писатели и остро-словы очутились буквально подъ открытымъ небомъ и скорбно бродили по Парижу, оплакивая старыя пепелища *). А здѣсь кругомъ уже шумѣла новая жизнь и новая публика громовыми воплями одобренія или негодованія встрѣчала и провожала всѣхъ, кто вмѣшивался словомъ и мыслью въ бурный потокъ историческаго движенія. Больше не могло быть рѣчи о дамскихъ ласкахъ и милостивыхъ угощеніяхъ. Кто являлъ истинный талантъ и гражданское мужество, того новые читатели возносили на вершину дѣйствительной, общественной и даже политической власти. Ему открывался широкій триумфальный путь къ парламентской трибунѣ, къ министерскому креслу, подчасъ даже къ высшей власти въ государствѣ.

И немедленно послѣ крушенія стараго порядка въ спискахъ государственныхъ дѣятелей мы встрѣчаемъ чуть ли не всѣ великія имена литературы. Съ теченіемъ времени, эти списки все разрастаются, литература выноситъ своихъ знаменитостей все ближе на первый планъ, къ общенациональному вліянію почти, пока, наконецъ, первыми министрами монархіи не являются журналисты, руково-

*) Напримѣръ, Карамзинъ въ *Письмахъ* рассказываетъ о прогулкахъ съ однимъ аббатомъ по парижскимъ улицамъ во время революціи: бесѣды русскаго путешественника съ обломкомъ стараго порядка—превосходно иллюстрируютъ указываемый нами фактъ.

дителемъ революціоннаго правительства—поэтъ, президентомъ республики—бывшій редакторъ газеты. И въ результатѣ—двѣ, когда несовмѣстимыя профессіи, историческаго повѣствователя и фактическаго творца исторіи—въ нашъ вѣкъ совпали въ лицѣ значительнѣйшихъ историковъ и даровитѣйшихъ министровъ. Даже больше. Подъ самыми, повидимому, вдохновенными поэтическими страницами и проникновенными меланхолическими элегіями мы встрѣчаемъ самыя блестящія имена дипломатовъ, министровъ, парламентскихъ ораторовъ, начиная съ Шатобріана и кончая Ламартиномъ. И величайшій поэтъ новой Франціи—Викторъ Гюго—одинъ изъ энергичнѣйшихъ политическихъ агитаторовъ.

Ясно, политика ворвалась въ область *всѣхъ* литературныхъ жанровъ, овладѣла исторіей и сообщила весь свой пылъ злободневныхъ волненій лирикѣ и драмѣ. Она—настоящая муза новой поэзіи,—муза, ни единой чертой не напоминающая величавыхъ и беззаботно-прекрасныхъ дочерей стараго Зевса. Нашъ Буало — это длинный рядъ политическихъ установленій, государственныхъ формъ, народныхъ идеаловъ, а литературный трибуналъ—газета, парламентская партія, избирательное собраніе.

Другой вопросъ, выиграло ли отъ этихъ перемѣнъ поэтическое творчество, но фактъ остался неопровержимымъ: современная художественная литература—политика, излагаемая образами и вдохновеннымъ лиризмомъ; современный поэтъ—публицистъ съ совершенно опредѣленной общественной окраской. Вы скажете, существуетъ не мало, такъ - называемыхъ, чистыхъ художниковъ и поэтовъ съ младенчески-неповинными мечтами и звуками. Но, мы дальше увидимъ, даже эта поэзія въ наше время ничто иное, какъ вполне сознательный и преднамѣренный протестъ противъ господствующаго духа литературы. Неудержимыя назойливыя политическія страсти, страстные, часто мучительные вопросы данной минуты, повелительная власть новой исторической силы—все это, будто вихремъ увлекающее современные таланты и честолюбія, должно было вызвать у натуръ робкихъ, аристократически-деликатныхъ и склонныхъ къ самодовлѣющей прекраснодушной мечтательности, совершенно естественную реакцію, даже своего рода оторопь и ненависть.

Это—психологія немногихъ искреннихъ поэтовъ. Рядомъ съ ними явились декламаторы-забіяки, чистые художники съ самыми нечистыми умыслами противъ идеи вообще, противъ живого, отзывчиваго чувства сына своего народа и гражданина своей родины. Это—не невольная меланхолическая реакція современной шумной дѣйствительности, а самый тенденціозный протестъ про-

тивъ неотразимо развивающейся жизни, противъ всякихъ новыхъ побѣговъ разумныхъ историческихъ силъ.

Рука объ руку тянутся за ними «сухія вѣтви на пняхъ сухихъ», прямые потомки органическаго худосочія и духовныхъ немощей. Но ни физическое вырожденіе, ни нравственное ничтожество не мѣшаютъ развиваться жесточайшему душевному недугу; напротивъ, естественнымъ путемъ обусловливаетъ его. Именно Поприщинъ долженъ былъ вообразить себя Фердинандомъ VIII. И вотъ такіе же Поприцины, у которыхъ нѣтъ ни силы, ни воли считаться съ слишкомъ требовательною живою жизнью, принимаются разыгрывать на старыя манеры роль лисы, не доставшей винограда. Но жизнь—нѣчто неизмѣримо болѣе могучее, чѣмъ даже тотъ слонъ, который ни на минуту не измѣнилъ своей поступи отъ лая шавки...

Можно бы и дальше продолжить психологію литературы, брезгливо отряхающей прахъ отъ «публицистики» и «политики». Но для насъ пока достаточно видѣть общія основы новѣйшаго свободнаго искусства: онѣ ничто иное, какъ *отрицательные моменты* господствующаго положительнаго направленія или нравственное отшельничество, или замаскированное мракобѣсіе, или недужное оскорбленное самолюбіе. Литературныя явленія, возникшія по любому изъ этихъ мотивовъ, должны быть объясняемы и оцѣниваемы, какъ отраженія центральныхъ фактовъ. Они слѣдующіе: тѣснѣйшая связь литературы XIX вѣка съ общественной и политической исторіей даннаго времени, прямая или косвенная зависимость писателей и ихъ вдохновенія отъ совершенно новой, напимъ вѣкомъ созданной, публики, и, наконецъ, коренная пережѣна въ самыхъ основахъ художественнаго творчества. Для литературы нѣтъ болѣе исключительныхъ привилегированныхъ героевъ и явленій, подлежащихъ ся вѣдѣнію: жизнь во всѣхъ ея разнообразіяхъ, нація во всемъ ея составѣ—таковы предметы ея искусства. Естественно, писатель долженъ до крайнихъ предѣловъ расширить свои познанія и идеи. Отсюда, сближеніе поэзіи и философіи, беллетристики и науки. Когда-то античный мудрецъ, указывая на исконную непримиримую вражду между поэтами и философами, людьми вдохновенія и политиками, даже не находилъ мѣста для поэтовъ въ настоящемъ идеальномъ государствѣ: и предписывалъ просто изгонять ихъ. Если бы въ XIX вѣкѣ послѣдовать этому предписанію, ссылкѣ пришлось бы подвергнуть развѣ только символистовъ и декадентовъ: только они до сихъ поръ ведутъ жестокую брань не только противъ мудрости и политики въ философскомъ смыслѣ слова, а вообще, никакъ не могутъ ужиться съ

*

человѣческимъ здравымъ смысломъ и элементарными требованіями культурнаго гражданскаго общества...

Послѣ всего сказаннаго, намъ очевидны настоятельныя обязанности историка литературы XIX-го вѣка, ясенъ его путь и цѣли, и его точки зрѣнія. Кругозоръ безусловно долженъ быть обширенъ и непремѣнно захватывать двѣ важнѣйшихъ силы современнаго слова—политику и публицистику. Это на сколько вопросъ касается *писателей*. Въ свою очередь, современная *демократическая публика* должна быть подвергнута тщательнѣйшему изученію во всѣ періоды своего развитія. Она на Западѣ въ настоящее время источникъ и основа политическаго и общественнаго вліянія, часто независимая отъ своихъ прямыхъ органовъ, представительнаго собранія и правительства, нерѣдко враждебная имъ. За стѣнами парламента развивается *своя* жизнь, не всегда осуществляемая и подчасъ даже непризнаваемая народными избранниками. А между тѣмъ, шумъ этой жизни изо дня въ день проносится по всей періодической печати, по пути захватываетъ всѣ ея отдѣлы, начиная съ хроники и кончая романомъ. Писатели являются первыми глашатаями назрѣвающихъ народныхъ нуждъ. Диккенсъ предшествуетъ школьной и тюремной реформѣ, Жоржъ Зандъ рисуетъ самыя отдаленныя перспективы народнаго благополучія. Историкъ долженъ спуститься въ самыя нѣдра той почвы, гдѣ возникаютъ молодые побѣги художественнаго творчества, и изслѣдовать тѣ плоды, откуда жизненные соки распространяются по всему многовѣтвистому дереву поэзіи. Тогда только мы поймемъ всю прелесть и все значеніе его плодовъ.

Теперь обратимся къ нашимъ авторамъ.

II.

Брандесъ—бывшій профессоръ копенгагенскаго университета, Целиссье—преподаватель гимназіи. Эти данныя для насъ важны, потому что преподавательская дѣятельность налагаетъ свою особенную печать на писателя, и въ особенности аудиторія, съ которою онъ имѣетъ дѣло. Брандесъ въ этомъ отношеніи занималъ въ высшей степени выгодное положеніе.

Его слушатели представляли въ полномъ смыслѣ дѣвственную почву. Впечатлительность, отсутствіе богатаго культурнаго наследства, молодой довѣрчивый идеализмъ—всѣ свойства, крайне облегчающія задачи лектора по части и научныхъ знаній, и общихъ идей. Многочисленные факты анекдотическаго характера, утомительные и любопытные для болѣе свѣдущихъ и скептиче-

скихъ слушателей, здѣсь кажутся необыкновенно занимательными и остроумными. Широкіе взгляды, для опытнаго культурнаго поколѣнія слишкомъ рискованные или просто банальные, — здѣсь играютъ роль откровений. Наконецъ, эта жажда необыкновеннаго, героическаго, блестящаго, жажда, похожая на влюбленную мечтательность и поэтическое ясновидѣніе, дають лектору множество въ высшей степени благодарныхъ темъ — для художественныхъ характеристикъ, драматическихъ повѣствованій, личныхъ импровизацій.

Вниманіе и восторги покупаются здѣсь хотя и благородными, но далеко не дорогими средствами и безъ особенныхъ усилій строгой, вдумчивой мысли.

Мы это видимъ на каждой страницѣ нашей книги.

Первый томъ носитъ заглавіе: *литература эмигрантовъ*. Что вы видите изумительнаго въ этомъ выраженіи? Можно ли автору претендовать на исключительную изобрѣтательность, если ему пришло на умъ опредѣленіе, столь же старое, какъ и самый предметъ?

Оказывается, можно. Брандесъ находитъ свой терминъ *наилучшимъ*, какой только можно подыскать, и говоритъ прямо: «Я пытаюсь ввести» это названіе... Врядъ ли предъ другой аудиторіей, кромѣ копенгагенской, можно открывать такъ смѣло и такія Америки.

Но это бы еще ничего. Бѣда, что Америка чрезъ нѣсколько страницъ превращается въ совершенно другую часть свѣта. Сначала намъ эмигрантами называютъ Констанъ, г-жу Сталь, т.-е. талантливѣйшихъ представителей *либерализма* въ эпоху революціи и имперіи (стр. 6), а потомъ перечисляются дѣйствительные эмигранты, т.-е. проповѣдники реакціи и самаго жестокаго мракобѣсія, Жозефъ де-Местръ, Бональди (стр. 199—200). Между той и другой группой нѣтъ рѣшительно ничего общаго, это—два полюса, и зачѣмъ Брандесу понадобилось давно установленный терминъ (между прочимъ, г-жей Сталь) переносить съ однихъ писателей на другихъ? Тѣмъ болѣе, что и операція эта не соответствуетъ самой сущности дѣла: Констанъ и г-жа Сталь были *не эмигрантами*, а *измѣнниками*: такъ и выражается о себѣ знаменитая жертва наполеоновскаго самовластія. А эмигранты—люди, добровольно покинувшіе отечество, своего рода дезертиры, фанатики старой дореволюціонной Франціи. Но г. Брандесу надо сдѣлать открытіе и онъ пишетъ: «Подъ именемъ литературы эмигрантовъ я разумѣю лишь болѣе здоровыя литературныя произведенія, въ которыхъ реакція не превратилась еще въ слѣпое подчиненіе передъ авторитетами»...

Что́ это значить? Гдѣ г. Брандесъ прочелъ у г-жи Сталь, по его словамъ, *эмигрантки*, мысли *болѣе* или *менѣе* реакціонныя? Съ другой стороны,—въ какомъ сочиненіи Де-Местра датскій критикъ открылъ «болѣе здоровую» «реакцію», чѣмъ «слабое подчиненіе передъ авторитетами»? Не проще ли было—не пускаться въ открытія и называть эмигрантами тѣхъ, кого такъ называли еще въ эпоху революціи, потому что *эмиграцію* вызвала революція, а не имперія, весьма благосклонная къ дѣйствительнымъ эмигрантамъ, возвращавшая ихъ подъ свой кровъ и пользовавшаяся ихъ услугами.

Можно подумать, мы споримъ о словахъ. Отнюдь нѣтъ. Смѣшавъ вмѣстѣ Шатобріана и г-жу Сталь, какъ эмигрантовъ и враговъ старой классической литературы, г. Брандесъ принесъ въ жертву своему открытію глубочайшія нравственныя, культурныя и общественныя противорѣчія между обоими писателями. Эмиграція — *фактъ политическій*, а г. Брандесъ считаетъ его главой изъ французской эстетики и прямо заявляетъ, что «литература изъ эмигрантовъ» ничто иное, какъ реакція противъ «литературы, связанной правилами» (стр. 200). Въ результатѣ, мы очень подробно узнаемъ о романахъ г-жи Сталь и ничего объ ея *Разсужденіяхъ о революціи*, на десяткахъ страницъ излагаются шатобріановскія поэмы и лишь едва затрагивается его нравственный и политическій характеръ. Очень, конечно, пріятно молодымъ людямъ слушать и читать о такихъ блестящихъ демонахъ разочарованія, каковъ Ренэ, но даже и молодымъ людямъ не мѣшало бы знать истинную психологію и дѣйствительную практику этого демонизма.

Трудно даже представить, съ какой искренностью и чистожюношеской довѣрчивостью г. Брандесъ пересказываетъ подвиги и въ особенности измѣненія реального и беллетристическаго Ренэ: извѣстно вѣдь, что Шатобріанъ снабдилъ своего героя даже своимъ именемъ. О Шатобріанѣ мы читаемъ, что онъ былъ «другомъ республиканской оппозиціи» (стр. 6), а раньше обладалъ удивительной «душой клерикала», когда описывалъ путешествіе въ Іерусалимъ (стр. 305); за Шатобріаномъ признается лишь «извѣстная доля аффектаціи» (стр. 13), пишется даже такая фраза: «Шатобріанъ нигдѣ прямо не лицемеритъ, а всюду обманываетъ себя» (стр. 317); реакціонный азартъ его оправдывается эпохой: въ родѣ того, что «среда заѣла» (стр. 317); наконецъ,—романъ шестидесятилѣтнаго гения съ двадцатилѣтней психопаткой признается «весьма трогательнымъ», въ особенности потому, что старецъ плакалъ горькими слезами надъ самыми дурными стра-

ницами своихъ поэмъ, когда ихъ читала возлюбленная за бутылкой шампанскаго (стр. 318).

То же самое елейное чувство и къ Ренэ. Г. Брандесъ, вѣроятно, сознаеть, какъ мало этотъ пустозвонный французскій демонъ похожъ на героевъ Байрона, потому что тенденціей шатобриановскаго романа считаетъ защиту католическихъ монастырей, единственно надежныхъ убѣжищъ отъ заблужденій (стр. 43). И все-таки предъ нами вполне безнаказанно ломается великій фразёръ, ни на одну минуту автору не приходитъ мысль, хотя бы немного приподнять жестокою маску и заглянуть въ настоящее лицо необыкновеннаго созданія... Такъ мы и должны остаться при убѣжденіи, что Шатобрианъ большой *человѣкъ* и гениальный *писатель*, а его герой—нестерпимо трагическая фигура.

И, если угодно, на юношескій, отуманенный взглядъ это справедливо. *Спектакли* Шатобриана въ теченіи всей жизни давалъ, дѣйствительно, изумительные. Не даромъ въ 60 лѣтъ онъ имѣлъ возможность плакать наединѣ съ женщиной втрое его моложе, даже больше: въ салонахъ горѣлъ неугасимый огонь его культа, Ренэ оказывали чуть ли не божескія почести. Только любопытна одна черта въ этихъ почестяхъ. Ее отмѣчаетъ очевидецъ, вполне благосклонно расположенный къ предмету обожанія. Шатобриана позволялось восторженно созерцать, когда онъ сидѣлъ въ креслѣ, будто на тронѣ, среди фей Севъ-Жерменскаго предмѣстья. Но гений былъ уже дряхлѣ и слабѣ на ноги. Его съ большимъ трудомъ вводили и сводили по лѣстницамъ, и вотъ въ эти-то моменты считалось великимъ преступленіемъ *узнать* поэта... Всѣ его поклонники должны были проходить мимо съ видомъ равнодушія, потому что не могъ же столь великій человѣкъ быть больнымъ, жалкимъ старикомъ.

Этотъ мелкій фактъ—специфическая черта шатобриановскаго величія. Комедантомъ жилъ человѣкъ, комедантомъ и умеръ, ни на одну минуту не отходя отъ зеркала.

Г-нъ Брандесъ находитъ возможнымъ серьезно говорить о политическихъ убѣжденіяхъ Шатобриана, и это только потому, что кригикъ крайне небрежно относится къ политическому вопросу и по поводу Шатобриана, и вообще во всемъ своемъ сочиненіи. Г-ну Брандесу не можетъ быть неизвѣстно, какое впечатлѣніе произвели даже на французскую публику *Замогильныя записки* автора Ренэ. Публика въ первый разъ увидѣла закулисныя области многолѣтняго феерическаго зрѣлища и почувствовала дрожь отвращенія, въ лучшихъ случаяхъ—жалости, къ ритору, умѣвшему на ловкихъ фразахъ и картинныхъ позахъ совершать триумфальное шествіе въ теченіи полувѣка.

Публика увидѣла еще больше,—какой малой дозой *ума и здравомыслия* обладалъ идолъ парижскихъ салоновъ, сколько дѣтскаго тщеславія и первобытнаго эгоизма скрывалось за *всякимъ* личнымъ и общественнымъ поступкомъ Шатобріана.

Французовъ, какъ извѣстно, необыкновенно легко очаровать эффектомъ стіля и жеста, но они были поражены откровеніями «великаго» человѣка, въ особенности его не то фатовскими, не то ребячьескими претензіями.

«Роковой шагъ отъ великаго до смѣшнаго» — такова судьба Шатобріана послѣ смерти. Въ самомъ дѣлѣ, кто могъ удержаться отъ искреннѣйшаго смѣха, видя страшныя усилія рыцаря парижскаго бомонда, во что бы то ни стало, найти черты сходства въ своей біографіи и личности съ судьбой и характеромъ Наполеона? Было бы слишкомъ долго разбирать этотъ безпримѣрно забавный фарсъ: мы укажемъ всего нѣсколько первыхъ попавшихся страницъ. Прежде всего, Шатобріанъ родился на 20 дней позже Бонапарта ¹⁾. Потомъ, въ 1792 году, 20-го іюня, онъ «былъ очень недалеко отъ Бонапарта» — тотъ въ Парижѣ, а его двойникъ — въ Монморанси ²⁾ и, что еще важнѣе, Наполеонъ жилъ въ той же улицѣ, гдѣ когда-то останавливался его соперникъ, позже Наполеонъ, проѣзжалъ на Востокъ по тѣмъ же дорогамъ, какъ и Шатобріанъ ³⁾... И такъ далѣе, безъ конца, вплоть до сходства въ стилѣ. Не правда ли, весьма убѣдительныя основанія — разыгрывать роль контръ-цезаря?

Для Шатобріана они безусловно убѣдительны, и онъ прямо называетъ себя Наполеономъ отъ литературы, ставитъ себя выше всѣхъ современныхъ королей — данниковъ Бонапарта, и послѣ смерти изгнанника на островѣ св. Елены онъ пишетъ главу: *Мои послѣднія сношенія съ Наполеономъ* ⁴⁾. Оказывалось, Наполеонъ «не заключивъ мира съ королями, своими тюремщиками, заключилъ его со мной», съ авторомъ Ренэ, т. е. сказалъ по его адресу нѣсколько комплиментовъ.

Намъ кажется, достаточно этихъ чертъ, чтобы судить о шатобріановскомъ гениі и тактѣ. Мы даже можемъ и не настаивать на знаменитомъ доводѣ Шатобріана, почему онъ былъ сильнѣе всѣхъ королей: ни болѣе, ни менѣе, какъ потому, что его лицо было сожжено солнцемъ, и онъ предоставлялъ себя (*m'étais livré*) «гниву небесъ», — на обыкновенномъ языкѣ это означаетъ: Шато-

¹⁾ *Mémoires d'outre-tombe*. I, 22.

²⁾ *Ib.* III, 118.

³⁾ *Ib.* 129, 190—1.

⁴⁾ *Ib.* V, 84—5.

бріанъ путешествовалъ на Востокъ въ жаркіе дни и видѣлъ молнію во время грозы...

Вполнѣ естественно, когда вышли *Записки* и французская публика успѣла отрезвѣть отъ лжи и самодовольства маленькихъ и большихъ бонапартовъ, участь Шатобріана была рѣшена. Вотъ совершенно справедливый отзывъ о немъ, какъ писателѣ и человѣкѣ, справедливый именно потому, что онъ ни въ одномъ словѣ не согласуется съ лиризмомъ г. Брандеса.

«Обстоятельства слишкомъ благопріятствовали Шатобріану. Они подарили его ролью, до которой онъ не доросъ... Его жизнь, его дѣятельность, его книги были эпизодами, а не прочнымъ дѣломъ, отъ всего этого остается лишь одно воспоминаніе». Начавъ съ посвященія своей первой политической книги *О революціяхъ—встѣхъ партійамъ*, Шатобріанъ всю жизнь метался безъ руля и безъ вѣтрилъ, приставалъ и къ консульству, и къ реставраціи, и къ либерализму. Все зависѣло отъ вопроса, въ какомъ лагерѣ въ данное время расположены воскурить фиміамъ предъ оригинальнымъ «Наполеономъ пера». Получается не политическій дѣятель, а афферистъ своего тщеславія, и тотъ либерализмъ, за который г. Брандесъ восхваляетъ Шатобріана, былъ ничѣмъ другимъ, какъ *личной мстью* министерству реставраціи, принужденному дать отставку слишкомъ своевольному и фантастическому великому человѣку. Шатобріанъ одинаково презиралъ и легитимную монархію, и демократію, осѣдывалъ ихъ только по временамъ, ради шума и удовольствія.

Единственная прочная основа шатобріановской дѣятельности—интриги съ женщинами. Ради ихъ онъ превращается въ дипломата: итальянскій климатъ необходимъ одной красавицѣ; ѣдетъ въ Іерусалимъ: другая красавица, наканунѣ полного своего сумасшествія, обѣщала Шатобріану свою любовь за этотъ подвигъ. Это по истинѣ воплощеніе принципа—*ni foi, ni loi, ni Dieu, ni maître*, если только второе выраженіе не читать такъ: *déesse et maîtresses...*

Таковъ *человѣкъ*. Отсюда уже ясенъ и писатель. «Цѣль Шатобріана—фраза», говоритъ французскій критикъ. «Онъ только—великолѣпный *дѣлатель фразъ*», un magnifique faiseur de phrase. Цѣлыя страницы Шатобріана можно цитировать, какъ образцы внутренней безсодержательности, «дѣтскости и нечѣпости» (*enfantillage et absurdité*). Это говоритъ французъ, и, по нашему мнѣнію, еще очень скромно. Такіе перлы, какъ разсужденія о дѣвственности, о таинствахъ рая, о крокодиловыхъ яйцахъ въ пресловутомъ *Геніи христіанства* или въ *Мученикахъ*, останутся навсегда бле-

стящими образцами единственнаго въ своемъ родѣ жанра, гдѣ неизвѣстно чего больше—сознательнаго шутовства и тартюфства или простого неразумія. Шатобріану суждено было довести до крайнихъ предѣловъ специально-французскія наклонности къ напыщенному благѣрству и театральному фигурантству. Къ счастью, даже соотечественники поэта начинаютъ понимать сущность этихъ доблестей, и мужественно отрицають у Шатобріана право даже считаться писателемъ: «онъ не создалъ книги, онъ не оставилъ памятника. онъ производилъ этюды... Манера Шатобріана носить отпечатокъ литературъ упадка (*décadence*),—несоотвѣтствіе сущности и формы». Критикъ прибавляетъ, что Шатобріанъ, вообще, былъ неспособенъ понимать *серьезности*, отличать великое отъ смѣшнаго, разумное отъ велѣпаго, прекрасное отъ уродливаго. Онъ считалъ совершенными такія, напимѣръ, страницы въ своихъ сочиненіяхъ, гдѣ изображались райскія, совершенно дѣтскія фееріи съ маріонетками и всей театральной бутаферіей. Критикъ послѣ этихъ восторговъ принужденъ признать у Шатобріана «великій недостатокъ ума, естественнаго такта, *une notable lacune*».

И мы, въ видѣ противоядія противъ добросердечныхъ повѣствованій г. Брандеса, рекомендуемъ или прочесть нѣсколько страницъ изъ знаменитѣйшихъ сочиненій Шатобріана, особенно *Геній христіанства* и *Мученики*, или, такъ какъ это было бы работой слишкомъ неблагодарной и тягостной, взять хотя бы *Критическіе этюды* Шерера, *Etudes critiques de la littérature contemporaine*, а на русскомъ языкѣ *Исторію французской литературы* Юліана Шмида. Это безусловно необходимо при чтеніи книги г. Брандеса. Русскіе читатели и безъ того слишкомъ склонны къ мало сознательнымъ восторгамъ и осужденіямъ. А у датскаго критика, талантливаго писателя, всѣ данныя толкнутъ увлекающуюся публику въ сторону совершенно ошибочной и крайне вредной идеализаціи. Мы слишкомъ долго поклонялись разнымъ великимъ людямъ на маленькія дѣла, еще до сихъ поръ не вывѣтрилось изъ нашего общества рудинство и печоринство. А здѣсь—ставятъ на пьедесталъ завѣдомое *нравственное* и *идейное* ничтожество, одаренное единственными талантами престижитагора и авантюриста.

И все несчастіе произошло отъ пренебреженія къ политической атмосферѣ эпохи Шатобріана, отъ поверхностнаго взгляда на поэта, какъ дѣятеля и выразителя извѣстныхъ практическихъ идей и настроеній. Г-нъ Брандесъ предпочитаетъ имѣть дѣло съ книгой и съ авторомъ въ парадномъ поэтическомъ костюмѣ. Этотъ приѣмъ, можетъ быть, и умѣстенъ для придворныхъ питовъ классическаго вѣка,—въ новой литературѣ онъ влечетъ къ безчисленнымъ недоразумѣніямъ и ошибкамъ.

Та же самая наивная идеализація отразилась и на представленіяхъ г. Брандеса о Наполеонѣ. Онъ видитъ этого героя исключительно на парадахъ, въ торжественныхъ аудіенціяхъ, въ триумфахъ. Вся реальная бонапартовская лабораторія скрывается гдѣ-то далеко за декораціями. Читатель совершенно не видитъ *нравственнаго* вліянія военнаго деспотизма на литературу, публику и націю. Человѣкъ, претендовавшій единолично завѣдывать въ громадной имперіи рѣшительно всѣми дѣлами и людьми, начиная съ государственнаго совѣта и кончая закулисными интригами актрисъ, въ книгѣ г. Брандеса проходитъ какъ бы стороной мимо литературы. Лишь мелькомъ упоминается о «суровой атмосферѣ имперіи», о томъ, что «Наполеонъ не поощрялъ литературы». Но, во-первыхъ, это невѣрно: стоитъ заглянуть въ корреспонденцію Бонапарта, чтобы познаться съ его идеями, на счетъ всемогущества министра внутреннихъ дѣлъ по части созданія новыхъ талантовъ, стоитъ просмотрѣть бюджетъ имперіи, чтобы открыть множество пенсіонеровъ отъ литературы—временныхъ и пожизненныхъ, стоитъ, наконецъ, разузнать у современниковъ, *откуда* писатели брали темы и мотивы своихъ произведеній... Нѣтъ. Бѣда именно въ томъ, что Бонапартъ ужъ слишкомъ *поощрялъ* литературу, усиливался даже *поощрить* г-жу Сталь. Если, слѣдовательно, г. Брандесъ Людовика XIV и даже Людовика XV считаетъ поощрителями литературы, какъ же онъ можетъ отказать въ этомъ титулѣ Наполеону, который *въ томъ же смыслѣ*, какъ и Людовики, управлялъ авторами и ихъ творчествомъ, только несравненно энергичнѣе?

Г-нъ Брандесъ идетъ дальше. У него мы узнаемъ такую новость: «Наполеонъ перевязывалъ открытыя раны Франціи завоеванными и непріятельскими знаменами» (стр. 302). Неужели краснорѣчивый авторъ не знаетъ, что Наполеонъ въ теченіи своей власти успѣлъ выпустить всю свѣжую и молодую кровь изъ несчастной страны,—только за десять лѣтъ отъ 1804 до 1814 года онъ погубилъ, по самому скромному счету, три милліона однихъ французовъ, и за долго до конца набиралъ солдатъ и офицеровъ среди *пятнадцати-лѣтнихъ* школьничковъ? Богѣе свѣдущіе историки говорятъ, что Наполеонъ довелъ Францію до состоянія отупѣнія (*engourdissement*) и нравственнаго маразма именно къ тому 1810 году, который столь лирически изображенъ у г-на Брандеса (стр. 115).

Это отупѣніе и характеризуется шедеврами Шатобриана, Бональди, Де-Местра. Французы вообще очень чувствительны къ смѣшному: *ridicule* для нихъ хуже всѣхъ пороковъ. Но въ на-

полеоновскую эпоху они, повидимому, совершенно утратили это свойство. Только такимъ соображеніемъ можно объяснить невѣроятно комическія декламаціи Шатобріана, путовскія философствованія Бональди и юродивыя пророчества Де-Местра. Все это г. Брандесъ прочелъ, но не понялъ политической и культурной основы этихъ во французской литературѣ исключительныхъ явленій. Все сильное и здоровое погибло въ революцію, имперія докончила ампутацію страны, и на сценѣ дѣйствовали всевозможныя немощи—умственные, нравственные и политическія. Г-нь Брандесъ, во-первыхъ, не всегда отличаетъ немощь отъ силы,—напримѣръ, относительно Шатобріана, а потомъ только *живописуетъ* ихъ, не объясняя ни ихъ источника, ни ихъ культурно-историческаго смысла.

Этотъ жанръ *живописной исторіи*—очень увлекателенъ. Книга г. Брандеса читается съ большой легкостью и даже удовольствіемъ, но все-таки для изученія литературы эпохи имперіи мы рекомендуемъ менѣе блестящихъ живописцевъ, но несомнѣнно болѣе реальныхъ историковъ,—напримѣръ, хотя бы книгу Мерле—*Tableau de la littérature française 1800—1815*, сочиненіе Вельшингера—*La censure sous le premier empire* и даже первый томъ политической исторіи XIX вѣка Гервинуса. Безъ этихъ менѣе восторженныхъ и занимательныхъ совѣтниковъ, читатель съ однимъ г-мъ Брандесомъ рискуетъ попасть въ положеніе Манилова при покупкѣ Чичиковымъ *мертвыхъ душъ*.

До сихъ поръ нашъ авторъ грѣшилъ по части *политическаго* смысла и общекультурной исторіи. Въ его книгѣ за «литературой эмигрантовъ» и «реакціи» слѣдуетъ «романтическая школа». Здѣсь автору предстояла еще болѣе отвѣтственная задача. Всѣхъ и все подавлявшая личность сошла со сцены, и замолкшая—было общественная борьба возгорѣлась съ новымъ ожесточеніемъ. Политику стали дѣлать не только въ кабинетѣ министровъ и въ парламентѣ, но и гораздо дальше,—въ простомъ народѣ, и здѣсь ее вели совершенно въ разрѣзъ съ высшей политикой: тамъ все еще толковали о конституціяхъ,—здѣсь начался и быстро разросся разговоръ о трудѣ, общественной справедливости и прочихъ непарламентскихъ предметахъ... Литература гораздо скорѣе вмѣшалась въ эту бесѣду, чѣмъ конституція, и литература самая разнообразная, начиная съ философіи и кончая романомъ и уличной пѣсней.

Какъ же г. Брандесъ все это изображаетъ?

III.

Прежде всего, предъ нами снова Америка и даже не одна. Повторивъ чужое сравненіе революціи съ классической трагедіей, торжественно отъ своего собственного лица (*я разумно...*) опредѣливъ «принципъ авторитета», г. Брандесъ припомнилъ также старинное сравненіе «свободной конкуренціи» со скачкой, «гдѣ одинъ участникъ сидитъ на статной лошади, а другой бѣжитъ бо-сикомъ». Сравненіе заимствовано изъ демократической литературы первой четверти нашего вѣка. На это мы обратили вниманіе, ожидая дальнѣйшихъ послѣдствій авторскаго знакомства съ этой литературой, надѣялись встрѣтить—по поводу литературы при іюльской монархіи—изображеніе общественной атмосферы этой эпохи, по поводу Сень-Симона—обстоятельную *культурную и психологическую* характеристику этого оригинальнаго пророка-политика, по поводу романовъ Бальзака—точную параллель между литературнымъ натурализмомъ и научнымъ и философскимъ направленіемъ даннаго времени.

Намъ вѣдь досконально извѣстно, что Людовикъ-Филиппъ палъ отъ тѣхъ самыхъ причинъ, которыя вызвали дѣятельность Жоржъ Занда, и что Бальзакъ шелъ по тому же самому пути, какой пролагался, такъ называемымъ, позитивизмомъ. Извѣстно еще болѣе важное обстоятельство: демократія постепенно создала свое искусство и свою литературу, создала *карикатуру* и *журналистику* именно главнымъ образомъ послѣ іюльской революціи. Правда, здѣсь нѣтъ такихъ величественныхъ фигуръ, какъ Бальзакъ и Жоржъ Зандъ, вообще нѣтъ большого личнаго героизма, но это только усиливаетъ смыслъ явленія, и историкъ отнюдь не долженъ играть роль, обратную роли извѣстнаго персонажа: замѣтить однихъ слоновъ и не удостоить ни единымъ взглядомъ «букашекъ и таракашекъ». Тѣмъ болѣе, что двуногія букашки и таракашки, право, иной разъ существеннѣе, чѣмъ даже слоны—въ родѣ многихъ эмигрантовъ г. Брандеса.

Авторъ этого не признаетъ, и результаты получаются слѣдующіе.

Почему палъ Людовикъ-Филиппъ? Вѣдь онъ строго соблюдалъ конституцію, во всѣ глаза слѣдилъ за парламентомъ и былъ друженъ съ большинствомъ въ самую минуту паденія?

Послушать Брандеса, выйдетъ—потому, что этотъ король не былъ героемъ: ходилъ по Парижу съ зонтикомъ, культивировалъ *juste-milieu*, впалъ въ ханжество. Конечно, у Скриба, напрімѣръ, историческіе перевороты происходятъ отъ чашки чая. Но это—

исторія малолѣтнихъ школьниковъ, мелкихъ сидѣльцевъ и ско-ропалительныхъ фельетонистовъ. Г. Брандесъ, конечно, не впа-даетъ въ эти крайности, но въ вопросѣ февральской революціи остается на почвѣ анекдота и гейневскаго репортажа, полагавшаго всю сущность дѣла въ тѣлосложеніи короля (стр. 6, т. III). Г-ну Бран-десу, вмѣсто корреспонденцій Гейне, слѣдовало бы обратиться къ французскимъ источникамъ, современнымъ іюльской монархіи, и тогда бы онъ узналъ капитальнѣйшій фактъ новой общеевропей-ской политики. Рядомъ съ официальными и признанными пред-ставителями власти выросла грозная сила безправной демократіи, и именно она свергла Людовика-Филиппа, почившаго-было на лав-рахъ конституціи и парламента. Въ критическую минуту оказа-лись безъ всякаго вліянія старые вожди *всѣхъ* партій, и въ пер-выхъ рядахъ выступили журналисты и поэтъ Ламартинъ.

Этотъ результатъ подготовлялся весьма продолжительнымъ хо-домъ вещей, въ теченіи почти двадцати лѣтъ; жесточайшая война журналистики, часто служившей органомъ даже современныхъ фи-лософскихъ ученій, велась противъ іюльскихъ порядковъ, вся Фран-ція гремѣла процессами періодической печати, залы судовъ пре-вратились въ парламенты для идей, не признаваемыхъ съ парла-ментскихъ трибунъ. Первенствующая писательница эпохи, Жоржъ Зандъ, была захвачена этимъ теченіемъ, близко сошлась съ его вождями и принялась фанатически проводить ихъ въ своихъ ро-манахъ.

Правда, всѣхъ этихъ учителей г-жа Жоржъ Зандъ превосхо-дила талантомъ и, пожалуй, даже умомъ и образованіемъ. Но во-просъ въ извѣстномъ толчкѣ, въ неотразимомъ воздѣйствіи прак-тическихъ стремленій эпохи на воспримчивую душу поэта-жен-щины. Если, по рассказамъ, падающее яблоко могло озарить столь яркимъ и рѣшительнымъ свѣтомъ умъ Ньютона, еще сильнѣйшее впечатлѣніе долженъ былъ произвести на Жоржъ Зандъ первый отважный и убѣжденный проповѣдникъ новыхъ идей—все равно, былъ ли онъ мало или много образованъ; сила заключалась въ его *направленіи и убѣжденности*. Поэтому, совершенно напрасно г. Брандесъ всѣ вопросы поканчиваетъ однимъ эпитетомъ «доб-ряка» по адресу Пьера Леру и удовлетворяется снисходительной улыбкой на счетъ преклоненія предъ этимъ «добрякомъ» г-жи Жоржъ Зандъ (стр. 108, т. III).

Авторъ, очевидно, безнадежно загнипотизировавъ одними ге-роями и экстренными происшествіями. У него отъ начала до конца остается любимымъ приемомъ знакомить читателя съ писателемъ или знаменитымъ произведеніемъ на манеръ поднятія занавѣса въ театрѣ предъ бенефиснымъ спектаклемъ.

Во главѣ авторской біографіи или центрального литературнаго разбора мы чаще всего встрѣчаемъ *анекдоты*... «Однажды, въ 1836 г. взволнованный и радостный Бальзакъ вошелъ въ комнату сестры и, помахивая на манеръ тамбуръ-мажора толстою тростью, на которой былъ начертанъ на турецкомъ языкѣ девизъ султана: «я—разрушитель препятствій», воскликнулъ весело, обращаясь къ собравшейся семьѣ: «Поздравьте меня, дѣти, я вскорѣ сдѣлаюсь гениемъ!..»

Такъ начинаются разсужденія о *Comédie humaine*. Можно подумать, идея этого произведенія пришла Бальзаку внезапно, на бульварѣ или за рюмкой ликера. Конечно, для паденія громадной скалы достаточено иногда легкаго прикосновенія къ ней, даже дуновенія вѣтра, но столь эффектному казусу необходимо должны предшествовать весьма многочисленныя и сложныя воздѣйствія на скалу. А то иначе мы легко увѣруемъ, что битва при Ватерло проиграна Наполеономъ изъ-за насморка, римская имперія возникла благодаря носу Клеопатры, а польская монархія пала изъ-за клочка печатной бумаги...

Все это очень эффектно, хотя врядъ ли остроумно и совершенно серьезно.

Относительно Бальзака мы не узнаемъ, почему романисту могла придти мысль создать *физиологію* общества и рядъ такихъ типовъ, какъ Растиньякъ? Почему романистъ только съ теченіемъ времени пришелъ къ *естественному* взгляду на предметъ своего творчества и манеру творить? И какая основа существовала въ окружающей жизни для Растиньяковъ—типа съ громаднымъ будущимъ въ важнѣйшей французской литературѣ?

Отвѣтить на эти вопросы было не трудно; стоило только написать лишнюю главу культурнаго и общественнаго содержанія—о тридцатыхъ годахъ. Тогда бы совершенно послѣдовательно заняли свои мѣста и Леру, и Бальзакъ, и Жоржъ Зандъ, и, въ особенности, Сень-Симонъ.

А то теперь выходитъ такъ. Бальзакъ «въ одинъ прекрасный день» превращается въ физиолога современнаго общества, съ Сень-Симономъ происходятъ еще болѣе странныя вещи.

Откройте *послѣднія* страницы третьяго тома, вы встрѣтите недурный портретъ Сень-Симона; это, конечно, похвально. Но за то авторъ начнетъ разсказъ свой объ основателѣ когда-то необыкновенно шумной секты на манеръ извѣстныхъ персонажей комедіи: «Вообразите, какое происшествіе!..»

Прежде всего, Сень-Симонъ и по хронологіи, и по многимъ основнымъ чертамъ своей дѣятельности человѣкъ XVIII-го вѣка

и, слѣдовательно, *предшествоуетъ* идейному содержанію романтической литературы. Г. Брандесъ неправъ, считая «идейную жизнь» Сень-Симона вообще реакціей противъ восемнадцатаго вѣка (стр. 351, т. III). Самъ философъ въ своей автобіографіи называетъ себя ученикомъ Даламбера и подтверждаетъ это *главнѣйшей цѣлью* своей «идейной жизни» — объединить всѣ человѣческія званія и науки. А это—идеаль именно XVIII-го вѣка, породившій *энциклопедію* Лидро и Даламбера и у самого Сень-Симона вызвавшій цѣлый рядъ сочиненій энциклопедическаго характера. Мало того. Идея энциклопедіи пережила Сень-Симона, перешла въ наслѣдство къ позднѣйшимъ его ученикамъ, и *научный* позитивизмъ съ Огюстомъ Контомъ во главѣ ни что иное, какъ та же идея объединенія наукъ. Контъ это объединеніе стремился осуществить въ стройную логическую систему, между тѣмъ какъ философы XVIII-го вѣка скорѣе *сопоставляли* науки другъ съ другомъ, чѣмъ *соподчиняли* ихъ другъ другу. Но исходная точка одна и та же въ обоихъ случаяхъ.

Дальнѣйшая политическая и социальная дѣятельность Сень-Симова тѣснѣйшимъ образомъ связана съ настроеніями общества, пережившаго революцію. Всѣ эти настроенія сводились къ жаждѣ *положительной основы* для нравственной и общественной жизни. Философія XVIII-го вѣка произвела громадную разрушительную работу, хотя опять-таки слѣдуетъ оговориться: «критическая, разлагающая эпоха» воплотилась, въ сущности, только въ одной партіи философовъ,—вольтерьянской и энциклопедической; другая партія, съ Руссо во главѣ, страстно вождѣла о религіи, восторженныхъ чувствахъ, вообще о *положительномъ* достояніи человѣческой природы. Недаромъ, столь велико вліяніе Руссо на писателей XIX-го вѣка: его ученики Шатобрианъ,—на сколько въ этомъ комедіантъ было искренности и сердечности,—г-жа Сталь, Жоржъ Зандъ... И вотъ, когда послѣ революціи принялись возстановлять разрушенныя мечты и даже погибшую дѣйствительность, одни рѣшили задачу необыкновенно просто: да здравствуетъ католичество во всей его неприкосновенной красотѣ! Другіе попытались найти спасеніе иначе, въ томъ же человѣческомъ разумѣ, до сихъ поръ разрушавшемъ, и въ человѣческомъ чувствѣ, отодвинутомъ на задній планъ разсудочностью и остроуміемъ.

На этой почвѣ и выросли идеи Сень-Симона—соціальнаго философа. Точка отправленія—старая: объединеніе наукъ, но цѣль—новая: созиданіе положительнаго общественнаго идеала подъ руководствомъ этихъ самыхъ наукъ. Пока Сень-Симонъ оставался въ этихъ предѣлахъ, его усерднѣйшимъ ученикомъ былъ Контъ.

Но съ теченіемъ времени *чувство* возобладало надъ *разумомъ*: философъ превратился въ первосвященника и пророка, подчинился, какъ онъ самъ выражался, силамъ *чувствительной и религіозной*. Впослѣдствіи Коптъ, теперь покинувшій учителя, долженъ былъ кончить этими же силами. Поэтому такъ и важна, во-первыхъ, *общая психологія* дѣятелей первой четверти XIX-го вѣка, во-вторыхъ, точные періоды идейнаго развитія Сень-Симона.

Г-нъ Брандесъ, повидному, не подозрѣваетъ ни преестественной культурной связи между сень - симонизмомъ и энциклопедистами, ни подавляющаго значенія сень - симонистовъ въ художественной литературѣ, ни общаго пути развитія политической философіи, естественно - научныхъ открытій, матеріалистическихъ увлеченій и литературнаго реализма. Достаточно вспомнить, что Пьеръ Леру былъ однимъ изъ послѣдователей Сень-Симона, началъ свою дѣятельность горячимъ, юношески-идеальнымъ увлеченіемъ религіей философа, потомъ каждый шагъ своего ученія покупалъ искреннѣйшей и упорной работой своей личной мысли. Было же что-нибудь въ этомъ чловѣкѣ, если Жоржъ Зандъ признала его наставникомъ и вдохновителемъ, отнюдь не по женскимъ мотивамъ. Только г. Брандесъ не хочетъ внимательно относиться къ идеямъ и фактамъ. А между тѣмъ самъ же онъ говоритъ: «Уже съ тридцатыхъ годовъ вторгаются въ творчество романтической школы со всѣхъ сторонъ идеи обновленія» (стр. 350). Если такъ, намъ нужно знать, какія именно идеи и откуда? Вѣдь историки классицизма признаютъ необходимымъ говорить о Буало и его піитикѣ, о Людовикѣ XIV и его дворѣ, о Боссюэ и его проповѣдяхъ; почему же историкъ новой литературы считаетъ достаточнымъ «указать и пройти мимо», даже не всегда и указать то? А на самомъ дѣлѣ, какое же можетъ быть сравненіе власти *идей* надъ литературой XIX-го вѣка и твореніями какого-нибудь Шоплена или Расина! Г-нъ Брандесъ довольно подробно излагаетъ идеи Сень - Симона второго періода его дѣятельности. Но мы уже давно знаемъ, что г. Брандесъ хоропій рассказчикъ и пересказчикъ: только это не исторія въ современномъ смыслѣ слова. Она несравненно любознательнѣе, чѣмъ студенты копенгагенскаго университета, и гораздо менѣе интересуется *иллюстраціями* великой книги народовъ, чѣмъ *текстомъ*. На каждомъ шагу она ставитъ назойливые вопросы: *какъ и почему?* И проявляетъ даже весьма непріятную для г-на Брандеса тенденцію, стремится свести *героевъ и вождей* на роли чуть ли не исполнителей другихъ высшихъ предначертаній, мыслей и настроеній, назрѣвшихъ не въ героическомъ единоличномъ мозгу, а гдѣ-то внѣ,

кругомъ героя. Потому что надо же помнить самую простую истину—логики и жизни: ни одинъ герой на общественной сценѣ не станетъ героемъ, пока его не сдѣлають таковымъ, пока публика не приметъ на себя роль поклонницы и сотрудницы. А это возможно въ единственномъ случаѣ: когда она согласна съ героемъ, если не по убѣжденію, то по инстинкту. Иначе, трагедія «гласъ вопіющаго въ пустынь» можетъ быть и героической, но только не изъ тѣхъ пьесъ, которыя излагаетъ г. Брандесъ на своемъ живописномъ и лирическомъ языкѣ.

IV.

Таковъ грѣхъ г. Брандеса предъ философскими идеями эпохи.

Другой, не менѣе важный, уже намъ отчасти знакомый—предъ политическими движеніями, окружавшими поэтовъ - романтиковъ. Собственно это одно и то же прегрѣшеніе, потому что французская философія и даже наука первой половины XIX-го вѣка — таже политика. Такою она останется очень долго. Еще послѣ декабрьскаго переворота Тэнъ будетъ писать одному изъ своихъ друзей, приглашая его примириться съ событіями:

«Будемъ жить въ наукѣ... Мы одни только занимаемся истинной политикой, такъ какъ политика—наука. А прочіе только приказчики и афферисты».

Г-нъ Брандесъ знаетъ о политическихъ искушеніяхъ для поэзіи романтиковъ, но понимаетъ *смыслъ* этихъ искушеній весьма своеобразно. «Такъ какъ», говоритъ онъ, «въ новѣйшія времена политика скорѣе, чѣмъ литература даетъ славу, то неудивительно, если первая даже поэтовъ увлекала на ораторскія трибуны» (стр. 101, т. III).

Это неточно. Далеко не политика вообще давала славу, скорѣе можно сказать—литература давала ее, конечно, при условіи одинаковой талантливости политика и поэта. Въ томъ-то весь и вопросъ, что политика въ эпоху романтизма должна была держаться извѣстнаго и весьма строгого направленія, чтобы увѣнчать славой даже самаго энергичнаго дѣятеля. Г-ну Брандесу слѣдовало бы припомнить печальную участь Гизо и вообще такъ называемой доктринерской школы: слава ея вождя, какъ писателя, осталась прочной, но политическая репутація погибла въ волнахъ февральской революціи. Еще болѣе эффектный примѣръ. Весной 1848 года первымъ человѣкомъ въ Парижѣ и во всей Франціи считался Ламартинъ, онъ игралъ самыя блестящія роли во время переворота, и всего спустя нѣсколько мѣсяцевъ былъ окончательно

похороненъ въ общественномъ мнѣніи. Почему? Отнюдь не по недостатку политическаго азарта, а по неспособности понять и вершить политику эпохи; эта политика состояла въ разрѣшеніи соціальныхъ вопросовъ, въ дѣятельномъ и разумномъ демократизмѣ. А Ламартинъ оказался только Юпитеромъ въ парламентѣ и карликомъ въ государствѣ, гениемъ въ толпѣ и посмѣшищемъ въ народѣ, героемъ среди возмущенія и школьникомъ въ спокойной политической работѣ. И все потому, что съ новой силой трудно было день за день раздѣливаться острыми фразами. Онѣ могли имѣть потрясающій успѣхъ въ парламентѣ, среди сытыхъ, всѣмъ довольныхъ буржуа. Предъ другой публикой, на минуту онѣ тоже могли казаться любопытными, но потомъ вызывали безпощадное презрѣніе и даже гнѣвъ.

Вотъ объ этой-то публикѣ и забываетъ г. Брандесъ. Онъ ставитъ рядомъ Гюго и Ламартина, какъ поэтовъ-политиковъ. Но въдь послѣ 1848 года Ламартинъ падалъ все ниже, даже какъ писатель, а звѣзда Гюго быстро поднималась до зенита.

И это фактъ изумительной исторической справедливости и логики. Оливъ былъ авторомъ *Рюи Блаза* и *Châtiments*, а другой продолжалъ спекулировать на дамскую чувствительность и вдохновенное пустозвонство на «симпатичныя» темы.

Г-нъ Брандесъ, слѣдовательно, недостаточно и невѣрно представляетъ значеніе политики въ романтической литературѣ. Отъ этого страдаютъ *положительныя* стороны романтизма, но еще важнѣе, что отъ этой же причины совершенно ошибочное освѣщеніе получаютъ *отрицательныя* явленія той же литературной школы

Ламартинъ, Гюго, Жоржъ Зандъ страстно отделились политикѣ, или, по крайней мѣрѣ, общественнымъ интересамъ современности. Но рядомъ съ ними дѣйствовали Альфредъ Мюссе, Теофиль Готье, Бейль-Стендаль и самый сильный изъ нихъ Балзакъ. Ни одинъ изъ нихъ не былъ политическимъ дѣятелемъ,—напротивъ, всѣ они сторонились отъ политики, и даже самый сильный и талантливый изъ нихъ—авторъ *Человѣческой комедіи*.

Конечно, г. Брандесу это извѣстно, онъ даже приводитъ жесточайшую брань чистаго художника Готье противъ «дураковъ и критиковъ», т. е. «утилитарныхъ критиковъ». Но именно эта нечистая выходка должна бы навести автора на мысль проникнуть глубже именно въ политическую психологію романтиковъ, исповѣдниковъ политики. Дѣло было бы очень поучительное, не только для французскихъ тридцатыхъ годовъ, и разъясняется оно очень просто, т. е. даетъ ясный отвѣтъ, что такое чистое искусство вообще и романтическое въ частности.

*

Загадку разрѣшаетъ, прежде всего, самый искренній и увлекательный изъ поэтовъ неполитиковъ, Мюссе. О немъ Гейне выразился очень вѣрно: «Это — молодой человѣкъ прекраснаго прошлаго». Надо, разумѣется, понимать языкъ Гейне и прекрасное замѣнить совершенно другимъ эпитетомъ: дѣло идетъ, ни болѣе, ни менѣе, какъ о старомъ режимѣ Франціи. Мюссе былъ именно гражданиномъ погибшихъ поколѣній, — салонный маркизъ, злою шуткой судьбы перенесенный въ новый демократическій вѣкъ.

И въ тоскѣ по минувшему царству Людовиковъ заключалась вся философія и политика Мюссе. Такъ его и понимаютъ современные французскіе историки разныхъ реакціонныхъ партій, осыпая восторгамъ его *весьма тенденціозныя* нападки на людей XVIII вѣка, сопровождая сочувственными вздохами его «разочарованіе» *). Но, къ счастью, и во Франціи находятся люди, умѣющіе устоять противъ поэтической граціи пѣвца любовнаго культа, напротивъ, тотъ же г. Пелиссье судить о Мюссе здраво и провицательно. Мы позволимъ себѣ привести нѣкоторыя его сужденія: они намъ нужны для настоящей оцѣнки взглядовъ г. Брандеса.

«Сюжетъ его — это сплошная любовная исторія, а вводимыя въ ней лица до призрачности идеальны и фантастичны. Только благодаря тому, что все это одушевлено и согрѣто страстью, мѣстами получаютъ изумительныя строфы по красотѣ и силѣ выраженія. Мысль поэта тоже нигдѣ не отличается ни глубиной, ни оригинальностью. Онъ страдаетъ, радуется, страстно мѣлѣтъ, грезить, но не мыслить, его увлекаютъ чувства, а не идеи... Разъ два или три онъ серьезно ставитъ себѣ высшіе вопросы, — и какая же слабость мысли, какая мелкая и поверхностная философія!..»

По нашему мнѣнію, это значитъ отдать должное Мюссе, т. е. признать за нимъ способность увлекаться женщинами, рассказать въ стихахъ свои чувства и не видѣть въ немъ никакихъ признаковъ умственнаго процесса, свойственнаго взрослому человѣку въ новомъ европейскомъ обществѣ. А что касается «разочарованія», оно у Мюссе нѣчто въ родѣ знаменитаго русскаго «конфуза». Именно настроеніе поэта послѣ іюльской революціи сочувственные историки описываютъ въ томъ самомъ смыслѣ, въ какомъ помѣщикъ у нашего поэта жалуется на свою судьбу мужикамъ.

О чемъ мечтаетъ Мюссе? Прочтите *Кармазину*: это — пастораль, прельщавшая въ конецъ пресыщенное воображеніе маркизъ и шевалье Людовика XV. Что и почему ненавидитъ Мюссе? Возв-

*) Напр. Thureau Danguin. Histoire de la monarchie de Juillet. Paris, 1888, I, livre I, chap. X.

мите *Ролла*: Вольтера за его борьбу съ предрассудками и комедіанствомъ придворныхъ стараго порядка. Чего ждетъ Мюссе отъ іюльской революціи? Двора, каламбуровъ, баловъ и—любви, любви безъ конца. Не даромъ онъ съ такой стремительностью готовъ исполнять должность поэта-лауреата.

И вдругъ—ничего подобнаго. Людовикъ-Филиппъ популярничаетъ, жметъ руки мѣщанамъ, и даже не подозрѣваетъ о существованіи стиховъ Мюссе. При дворѣ, вмѣсто виконтовъ, лавочники и биржевики, въ салонахъ, вмѣсто *petits jeux*, политическія междоусобицы, на улицѣ хуже всего: дерзкая, грубая карриатура, крикливая газета, вся переполненная самыми прозаическими идеями и фактами и, что особенно ужасно, потомки старыхъ смиренныхъ Жаковъ теперь ведутъ себя, будто настоящіе хозяева Парижа, не прочь даже при случаѣ толкнуть локтемъ экзотическаго франта съ самой изящной блѣдностью на лицѣ и самой поэтической грустью въ очахъ.

Естественно, фронтъ впадетъ въ отчаяніе. Одно ему спасеніе—любовь, и онъ отдаетъ ей свои силы и свою молодость съ такой поспѣшностью, что въ тридцать лѣтъ уже можно будетъ придти въ отчаяніе отъ совершенно другихъ причинъ—менѣе всего политическаго характера...

Такова психологія и біографія юнаго аристократа, школьнаго товарища герцога Орлеанскаго.

Но прочтите о Мюссе у г. Брандеса, и вы подумаете — предъ вами какой-то непризнанный герой и носитель идеаловъ, превосходящихъ пониманіе современниковъ. Это и «тонкій, вдумчивый умъ», и стремленіе «всевозможными излишествами» «заглушить то внутреннее страданіе, какимъ для него была геніальность», и его пасторали—не отголоски давно извѣстной бонтовной галантности, а—«міръ идеала» (стр. 123, т. III). Къ сожалѣнію, г. Брандесъ забываетъ указать, въ чемъ именно проявилась *genialность* Мюссе, кромѣ блестящихъ *по формѣ*, и то далеко не всегда, воспѣваній «излишествъ» и самыхъ этихъ «излишествъ»? Если такъ на языкѣ критика дешева *genialность*, то какой же онъ цѣной оцѣнитъ геніевъ, не топившихъ своей геніальности въ «излишествахъ», а извлекавшихъ изъ нея чистѣйшіе перлы мысли и *человѣческую* чувства въ истинномъ смыслѣ слова? Потомъ, интересно бы знать, почему драматическія идилліи Мюссе рисуютъ «міръ идеала», а поговорки, дававшіеся на сценахъ Версаля и Трианона, всѣми признаются просто наркотическимъ пирожнымъ для слишкомъ избалованныхъ и упитанныхъ гастрономовъ разврата? И г. Брандесъ, вѣроятно, не совѣмъ точно представляетъ себѣ

исторію Людовика XIV и г-жи Ментенонъ: иначе бы онъ не сталъ такъ восхищаться королевой изъ пьесы Мюссе.

Г-нъ Брандесъ знаетъ, что Мюссе современныхъ ему политическихъ мыслителей цѣнилъ исключительно съ точки зрѣнія стиля и «презиралъ ихъ» за стиль «съ гордостью аристократическаго ума...» (стр. 108—109). Дальше г. Брандесъ описываетъ, въ чемъ сказывались инстинкты протеста и оппозиціи со стороны Мюссе: «онъ умышленно извращалъ рѣчмы...» (стр. 145). Наконецъ, онъ совершенно справедливо возстаеъ противъ слѣпыхъ восторговъ Тэна предъ Мюссе (стр. 104)...

Неужели все это можетъ уживаться съ восторгами самого критика предъ умомъ, идеализмомъ и геніальностью поэта? Неужели г. Брандесъ не отдаетъ себѣ отчета, почему именно въ лицѣ Тэна Мюссе нашелъ фанатическаго поклонника? Ни болѣе, ни менѣе, какъ только потому, что тотъ же Тэнъ написалъ извѣстный многотомный историческій памфлетъ, весь дышашій такимъ же «слѣпымъ пристрастіемъ», но только *противъ* «предмета изслѣдованія» и именно предмета, ненавистнаго самому Мюссе.

Остальные чистые поэты романтизма—того же политическаго порядка, какъ и Мюссе. Бейль и Бальзакъ—откровенные бонапартисты, Готье—«никогда не былъ и не хотѣлъ быть хорошимъ гражданиномъ», говоритъ о немъ г. Пелиссье, т.-е. занималъ мѣсто паразита за общественнымъ столомъ, потому что аристократы стиля и гастрономы любви врядъ ли интереснае для челоуѣчества, чѣмъ просто аристократы и просто гастрономы.

Но г. Брандесъ, очевидно, на этотъ счетъ держится совершенно другаго взгляда и это довольно неожиданно для профессора, превратившаго-было университетскую кафедру въ нравственную и общественную трибуну.

«Несравненная энергія», говоритъ онъ, «проявленная Готье при освобожденіи искусства отъ нравственныхъ и гражданскихъ требованій и своеобразная манера творчества были крупнымъ и благимъ дѣломъ» (стр. 298).

Какъ—крупнымъ и благимъ? Для кого и когда? Г. Пелиссье говоритъ о томъ же Готье: «Звучный стихъ для него гораздо важнѣе самыхъ великодушныхъ рѣчей трибуна. Въ будніе дни 1848 года онъ плотно закрываетъ свои окна и, не обращая никакого вниманія на бушующій за ними ураганъ, пишетъ свои *Центы и Каме...*»

Античный законодатель такихъ гражданъ присуждалъ къ жесточайшимъ наказаніямъ, и былъ правъ; если бы всѣ стали сочинять звучные стихи и закрывать окна, культурное общество

быстро превратилось бы въ становище дикарей и исчезли бы не только читатели стиховъ, но даже и словари, въ которыхъ Готье съ неутомимымъ усердіемъ разыскивалъ рѣдкостныя слова.

Это не единичное недоразумѣніе г. Брандеса на счетъ *общихъ* идей. Удивительнѣйшія страницы въ этомъ смыслѣ—разсужденіе о католичествѣ и протестантствѣ.

Всѣмъ извѣстенъ основной фактъ европейской исторіи: агонія католичества началась съ эпохи Возрожденія, первыхъ враговъ— и своему міросозерпанію, и своей нравственности, и своему ученью— оно встрѣтило въ лицѣ страстныхъ поклонниковъ и изслѣдователей античной литературы. Недаромъ, тюрьмы, ссылки и костры занимаютъ столько мѣста въ исторіи этой эпохи и захватываютъ періодъ реформаціи, знатной младшей сестры Возрожденія. А до этого— войну съ папствомъ въ теченіе цѣлыхъ вѣковъ вели итальянскія республики. Стоитъ припомнить только исторію важнѣйшаго города средневѣковой Италиі, —Флоренціи,—чтобы убѣдиться въ ненависти городскихъ самоуправленій къ римской власти. Уже въ началѣ XIV вѣка Флоренція издѣвается подъ проклятіями папскихъ пословъ и надъ папскими отлученіями, оскорбляетъ духовенство, не платящее городскихъ налоговъ, и вообще стремится жить вполне самостоятельной народной жизнью *).

И вдругъ г. Брандесъ открываетъ сліяніе «итальянскаго католицизма съ гражданскимъ духомъ въ городахъ». Г. Брандесъ говоритъ еще болѣе странныя вещи: у него «Возрожденіе совлекаетъ съ христіанства аскетизмъ», вообще *преобразовываетъ* христіанство... Это то самое Возрожденіе, которое даже папъ, если они поддавались его вліянію, превращало въ язычниковъ и атеистовъ, которое зажигало лампы предъ изображеніями Платона и Виргилія, и вообще вело жестокою войну не только съ христіанствомъ, а вообще со всякими религіозными чувствами. Въ этомъ и заключалось его существенное отличіе отъ реформаціи, возставшей на католичество дѣйствительно во имя болѣе чистаго и подлиннаго христіанства.

Наконецъ, неожиданнѣе всего читать у г. Брандеса обвиненія, которыми до послѣднихъ дней католическіе историки реформаціи осыпаютъ протестантство, будто оно враждебно искусствамъ и вообще эстетически безсильно. Г. Брандесъ считаетъ протестантство «лишеннымъ фантазіи и художественнаго чувства, сухой и холодной религіей», а въ католичествѣ находитъ: «эстетическое чувство и довѣрчивое отношеніе къ дѣятельности воображенія и искусству» (стр. 161—162)...

*) На русскомъ языкѣ книга Вегеле *Данте и его время*.

Въ этомъ разсужденіи не столько изумителенъ историческій и культурный смыслъ автора, сколько вопросъ общаго характера. До какой эпохи исторіи искусства г. Брандесъ полагаетъ рѣшающее значеніе католическаго или протестантскаго вѣроисповѣданія для художниковъ? Неужели онъ думаетъ, что Сикстинская Мадонна— плодъ католическаго усердія ея творца? И неужели онъ не знаетъ, что всевозможныя базилики изобрѣтены не католичествомъ, а древнимъ искусствомъ? Католичество расцвѣло на той самой почвѣ, гдѣ хранилось множество памятниковъ античнаго творчества и гдѣ потомъ ихъ возстановляло Возрожденіе. Это—факты *рядомъ существующіе*, а не зависимые отъ одного—*религіознаго* факта, напротивъ, античный міръ и Возрожденіе—по самому духу—непримиримые враги католичества. Наконецъ, интересно бы знать, какъ объясняетъ г. Брандесъ такой простой фактъ: *до Возрожденія* Италия далеко не славилась своимъ художественнымъ творчествомъ, и дѣятельность великихъ мастеровъ совпадаетъ именно съ этой эпохой, окончательно подорвавшей кредитъ католичества. А то, что Рафаэль рисовалъ Мадоннъ,—это зависѣло просто отъ спроса: если бы художнику заказали Венеру, онъ бы и ее нарисовалъ и такъ же, какъ и для Мадонны, нашелъ бы оригиналъ среди красавицъ Возрожденія ¹⁾).

Въ заключеніе укажемъ еще одну несправедливость г. Брандеса по отношенію къ протестантскому искусству. Критикъ говоритъ о героинѣ изъ романа Констана: это — «типъ сильной женщины», вступающей въ борьбу съ обществомъ, и г. Брандесъ даже и представить не можетъ «болѣе сильной противоположности» между этимъ типомъ и женскими образами нѣмецкой литературы въ эпоху Гёте (стр. 89). Намъ снова остается удивляться, какъ нашъ авторъ могъ забыть шиллеровскихъ героинь,—Теклу, свергающую предрассудки общества и личную зависимость женщины во имя своего чувства, Берту, покидающую блескъ и приволье аристократической жизни ради свободы простого народа... Это даже много эффектнѣе подвиговъ констановской Элеоноры.

¹⁾ Кромѣ этихъ замѣчаній, у каждаго читателя, конечно, является невольное сравненіе *поэзи* (вѣдь это тоже область эстетическаго чувства и притомъ высшая) протестантскихъ странъ и католическихъ. Несомнѣнно,—Шекспиръ, Мильтонъ, Свифтъ, Байронъ, Гёте, Шиллеръ стоятъ Данта, Петрарки, Рабля, Гюго, Мюссе и т. д. Кромѣ того, поэтамъ-протестантамъ удавалось соперничать съ поэзіей католическаго юга въ ея исконномъ жанрѣ: *Ромео и Джульетта* заключаетъ въ себѣ не меньше яснаго, солнечнаго лиризма, чѣмъ лучшія новеллы Боккаччіо. Вообще, идею г. Брандеса было бы излишне даже опровергать, если бы она принадлежала менѣе заслуженному автору.

Г-нъ Брандесъ упускаетъ изъ виду, что у нѣмецкихъ и французскихъ поэтовъ XVIII-го и начала XIX-го вѣка былъ одинъ и тотъ же учитель — Руссо, и одинъ и тотъ же идеальный образъ героини — Юлія, и если Г'ѣте рисовалъ женщинъ-дѣтей, его современнику ничто не мѣшало мечтать о женщинахъ-герояхъ, патриоткахъ и даже вождяхъ, въ родѣ Орлеанской Дѣвы.

Мы могли бы привести немало и другихъ неточностей въ книгѣ г. Брандеса. Напримѣръ, онъ нигдѣ не отмѣчаетъ великой поправки, внесенной г-жей Сталь въ идеи Руссо, эту могучую идею прогресса, эту чисто-религіозную вѣру въ непрестанное движеніе человѣчества къ идеалу разума и просвѣщенія. Именно эта вѣра и вдохновила геніальной писательницѣ столь трезвый и благородный взглядъ на революцію, взглядъ, до котораго не смогли достроить даже иѣкоторые современные французскіе историки, въ родѣ Тэна. Г-нъ Брандесъ, къ сожалѣнію, проходитъ молчаніемъ историческія сочиненія г-жи Сталь, до сихъ поръ остающіяся первоисточниками для одной изъ самыхъ сложныхъ эпохъ новой исторіи. Мы бы скорѣе помирились на болѣе краткомъ изложеніи романовъ г-жи Сталь и непремѣнно потребовали бы менѣе категорическихъ заявленій, что она—ученица Руссо. Ученица, но съ зависимою и оригинальною мастера!

Всѣ подробности въ нашихъ замѣчаніяхъ вызваны именно особенными качествами произведенія г. Брандеса. Русскій переводъ сдѣланъ не совсѣмъ тщательно, можно насчитать не мало совсѣмъ дикихъ фразъ, но это никому не помѣшаетъ легко и занимательно прочитать книгу. Симпатичный, теплый тонъ изложенія, яркія краски характеристикъ, въ высшей степени искусный пересказъ художественныхъ произведеній, склонность къ лирическимъ отступленіямъ, несомнѣнно—искреннее культурное чувство автора и открытое увлеченіе всѣмъ талантливымъ, прекраснымъ и благороднымъ, все это дѣлаетъ книгу г. Брандеса законнымъ достояніемъ большой публики. И все это—неоспоримыя достоинства. Но они, къ сожалѣнію, куплены далеко не всегда дешевой цѣной.

Дѣйствительная историческая жизнь отнюдь не такъ художественна, какъ она рисуется лирически настроенному уму. Въ ея ходѣ нѣтъ ни стройности, ни чиннаго порядка, ни классической простоты. Чаще всего это—хаотическая масса самыхъ разнообразныхъ идей, стремленій, страстей, добродѣтелей, подвиговъ, преступленій. Только терпѣливый и истинно-чернорабочій взоръ послѣ упорнаго и пристальнаго наблюденія открываетъ духа, носящагося надъ хаосомъ.

Г-нъ Брандесъ писатель болѣе аристократическаго направленія. Недаромъ онъ тяготеетъ къ остроумію Гейне и мастерству Готье. Онъ рѣшаетъ задачу историкѣ самымъ нехлопотливымъ способомъ, на манеръ путешественника, который пріѣхалъ бы въ совершенно незнакомую сторону, остановился бы въ ея столицѣ, здѣсь осматривалъ бы присутственныя мѣста, сдѣлалъ бы визиты властямъ, и уѣхалъ бы въ полной увѣренности, что онъ «изучилъ край». Такъ обыкновенно поступаютъ разные «знатные иностранцы». Г-нъ Брандесъ слѣдуетъ, приблизительно, ихъ примѣру и весьма часто изъ-за деревьевъ не видитъ лѣса. Излагая *литературу*, не хочетъ знать журналистики—важнѣйшей литературной силы новаго времени, характеризуя *писателей*, забываетъ о самой многочисленной и въ сущности, въ нашъ вѣкъ, самой серьезной и интересной публикѣ, о демократіи, описывая *направленія* и *школы*, оставляетъ на заднемъ планѣ или совсѣмъ опускаетъ первоисточникъ направленій и школъ, или по крайней мѣрѣ, ихъ спутника—философскую мысль. Получается книга, гдѣ превосходно отпечатаны прописныя буквы, и едва видны, а то и вовсе отсутствуютъ главныя части словъ, строкъ и цѣлыхъ страницъ. Мы, поэтому, и рекомендуемъ восполнять эти пробѣлы съ помощью другихъ авторовъ.

Но за то по части портретовъ и иллюстрацій г. Брандесъ можетъ не бояться соперниковъ, по крайней мѣрѣ, на русскомъ языкѣ и въ исторіи французской литературы XIX вѣка, и мы смѣло предлагаемъ каждому лично проверитъ это впечатлѣніе: пріятное такъ рѣдко соединяется съ полезнымъ!..

О другомъ авторѣ наша бесѣда будетъ гораздо короче. Прежде всего, книга г. Пелиссье не *исторія*, а только *картина движенія*, т. е. *эволюція литературы*, какъ принято теперь выражаться. А потомъ, главнѣйшія силы этой эволюціи мы опредѣлили. Намъ остается оцѣнить широту и вѣрность авторскаго взгляда на развитіе художественнаго творчества и общественныхъ идей. Это—общій вопросъ. Частныя—на сколько правильно обозначены мѣста и роли отдѣльныхъ писателей въ поступательномъ движеніи литературы.

V.

О французахъ давно извѣстна одна весьма неелстная для нихъ истина: необыкновенно отважные въ политическихъ теоріяхъ и переворотахъ, они отчаянные консерваторы въ обыденной жизни, въ соціальныхъ отношеніяхъ, и, какъ это ни странно, въ лите-

ратурныхъ вкусахъ. Мѣняетъ ли французъ бѣлую кокарду на трехцвѣтную, или наоборотъ,—онъ неизмѣнно остается мольеровскимъ буржуа, искреннимъ почитателемъ благороднаго происхожденія и недвижимой собственности, надменнымъ «господиномъ» среди «черни» и большимъ любителемъ мелодрамъ и классическихъ трагедій.

Не всѣ, конечно, граждане третьей республики во всей полнотѣ воплощаютъ Жоржа Дандэна, но какая-нибудь изъ этихъ чертъ непремѣнно отыщется даже у самаго образованнаго и талантливаго француза.

Примѣръ г. Пелиссье.

У него обычная французская натура въ высокой степени, облагорожена. Онъ, подобно Тэну и Золя, не способенъ свой нравственный кругозоръ ограничить домовладѣльческими идеалами, но и у него есть одна черта, намъ, русскимъ читателямъ, не совсѣмъ понятная, а многимъ и глубоко антипатичная.

Г-нъ Пелиссье буквально идолопоклонствуетъ предъ однимъ качествомъ художественной литературы,—предъ изящнымъ стилемъ. Можно, конечно, и даже должно высоко цѣнить это достоинство,—но именно *на немъ* основать права писателей на бессмертіе, а *на содержаніе* смотрѣть, какъ на вопросъ второстепенный и мимолетный, это весьма спорный критическій принципъ, и онъ сразу увлекаетъ автора въ несправедливости и недоразумѣнія.

Мы знаемъ, какъ нѣкоторые современные французскіе критики сматрѣютъ на «красоту» и «геніальность» великаго стилиста Шатобріана, и каждый можетъ повѣрить самъ личнымъ впечатлѣніемъ справедливость этихъ взглядовъ. Г-нъ Пелиссье совершенно очарованъ шатобриановскимъ стилемъ и, сравнивая автора *Мучениковъ* съ г-жей Сталь, первому пророчить бессмертіе, а второй—забвеніе, потому что сила Шатобріана въ стилѣ, а цѣль г-жи Сталь преимущественно идеи. «М-ше де-Сталь чистѣйшій идеалистъ, Шатобріанъ—чистѣйшій художникъ» (стр. 59).

Такъ выражается г. Пелиссье, позже все-таки умѣяющій довольно хорошо оцѣнить поэзію Мюссе. Мы даже можемъ привести еще болѣе любопытный фактъ. Брюнетьеръ, профессоръ и одинъ изъ основателейнѣйшихъ знатоковъ французской литературы и почтеннѣйшихъ журнальныхъ критиковъ, по миѣнію французовъ даже единственный «профессоръ литературы» во всей Франціи,—написалъ статью о книгѣ г. Пелиссье очень хвалебную, и по поводу нашего вопроса выразился такъ: «именно престижъ стиля держитъ на неизмѣнной высотѣ *Реній христіанства*—надъ сочиненіями г-жи Сталь о *Германіи* и о литературѣ, гдѣ такое обиліе

идей». Дальше Брюнетьеръ сожалѣетъ, что во Франціи часто небрежно относятся къ мельчайшимъ отгѣнкамъ стихотворнаго языка, предпочитая интересоваться смысломъ стиховъ. А между тѣмъ часто одна рима рѣшаетъ участь стиха! *).

И ни Брюнетьеръ, ни г. Пелиссье отнюдь не символисты: такова ужъ «французская складка», и притомъ исконная вѣковая. Право, парижскимъ декадентамъ немного надо было сдѣлать усилий послѣ Гюгю, даже послѣ гримасниковъ, каламбуристовъ XVII вѣка, чтобы достигнуть своего «престижа стиля».

Нечего и говорить, что на Шатобріана г. Пелиссье возводитъ еще больше небывлицъ, чѣмъ г. Брандесъ. По мнѣнію нашего автора, Шатобріанъ «возвратилъ духовенству обладаніе сердцами» (стр. 87), а на самомъ дѣлѣ уваженіе къ духовенству стояло такъ низко въ эпоху Шатобріана и еще болѣе понизилось послѣ царствованія Карла X, что священники не могли раскрыть рта для проповѣди—даже предъ высшей аристократіей. Немедленно начинали замѣчаться «вольтеровскія улыбки», хотя возстановленіе католичества было именно въ интересахъ стараго дворянства. А что было позже, достаточно припомнить аристократическіе вечера «церковной музыки», когда-то напумѣвшіе на всю Европу **). Вся-то популярность Шатобріана объясняется его *статскимъ* и *чисто-литературнымъ положеніемъ* проповѣдника. Его фееріи изъ *Генія христіанства* и *Мучениковъ* были просто спектаклями для салонной, въ особенности дамской публики, въ свою очередь получавшей возможность ломаться на тему благочестивыхъ и необыкновенно стильныхъ настроеній.

Г-нъ Пелиссье усиливаетъ свою ошибку, навязывая небывалому религиозному *чувству* современниковъ Шатобріана еще одинъ фантастическій результатъ—субъективизмъ и меланхолію. Выходить, романтики, такъ часто живописующіе личныя настроенія, и разочарованные поэты XIX вѣка,—правовѣрные католики! Но вѣдь самый типичный изслѣдователь своего я, авторъ даже спеціальнаго термина—*эготизмъ*, обозначающаго неустанное копанье человѣка въ своихъ ощущеньяхъ и мысляхъ,—Бейль-Стендаль. А онъ не только чувствовалъ глубокое отвращеніе къ католицизму, но вообще прожилъ всю жизнь явнымъ атеистомъ и эпикурейцемъ. Первое его свойство доходило даже до самыхъ дерз-

*) «Révue des deux mondes». 15 oct. 1869, p. 879.

**) Merlet. о. с. 93. Съ этими курьезными, но въ высшей степени характерными эпизодами можно ознакомиться по мемуарамъ Арсена Гусса. Они изложены въ *Ист. В.* т. 37 и 38. О «церковной музыкѣ»—т. XXXVII, стр. 644.

кихъ вызововъ чужимъ вѣрованіямъ. Объ этомъ подробно можно прочесть у г. Брандеса (стр. 211, т. III). Потомъ, меланхолическій изъ поэтовъ Мюссе отъ негодованій противъ Вольтера быстро переходилъ къ столь же дѣтскимъ нападкамъ на религію. Это обстоятельство извѣстно г. Пелиссье.

А между тѣмъ, онъ меланхолію и самоуглубленіе первыхъ христіанъ смѣшиваетъ съ тоской и нелюдимствомъ или пресыщеныхъ донъ-жуановъ, или непризнанныхъ мракобѣсовъ. Едва можно повѣрить, что такое смѣшеніе возможно, хотя все это мы читаемъ на 91-й страницѣ книги г. Пелиссье.

И все зло въ эстетическихъ страстяхъ автора: онъ, очевидно, окончательно ослѣпленъ «престижемъ стилия» тонкихъ политиковъ или просто фигурантовъ реакціи, и совершенно искренне искусственную прѣсную воду принимаетъ за драгоценнѣйшую влагу неземной благодати.

Этотъ «престижъ» заявляетъ о себѣ на лучшихъ страницахъ книги. Напримѣръ, г. Пелиссье даетъ прекрасную характеристику г-жи Жоржъ Зандъ,—прекрасную во всѣхъ отношеніяхъ, и въ лично-психологическомъ, и въ литературно-критическомъ,—по стилю первое мѣсто! Что же касается содержанія романовъ писательницы, ея идей—въ этомъ отношеніи она для насъ уже не существуетъ: такъ увѣряетъ г. Пелиссье. Вы, слѣдовательно, должны предпочесть шатобриановскіе восторги предъ способностью крокодила класть яйца—творчеству, проникнутому неумирающимъ страстнымъ трепетомъ человѣческаго сердца... Врядъ ли даже отыщется смѣльчакъ, согласный на себѣ самомъ продѣлать опытъ для доказательства идеи французскаго критика...

Вообще *идея*—слабый пунктъ г-на Пелиссье. Онъ правильно опѣиваетъ умъ Мюссе, но становится на совершенно ложную почву, объясняя отсутствіе мысли въ творествѣ этого поэта. Во всемъ виновата, будто бы эпоха, т. е. «тусклые дни 1830 года» (стр. 168). Намъ уже извѣстно, что эти дни огорчали поэта не «тускlostью», а совершенно противоположнымъ характеромъ: *жизнью*, бѣжавшей по новымъ путямъ, интересами, судьбами обломка стараго порядка, идеалами, грозящими ему нравственной и политической смертью. Да и странно было бы считать тусклыми—дни, открывшіе новый періодъ въ литературной дѣятельности г-жи Жоржъ Зандъ, вызвавшіе на поприще славы Бальзака: до 1830 года это безымянный фабрикантъ второсортнаго товара, въ 1831 году онъ авторъ *Шагреневой кожи*—и сразу знаменитость. Наконецъ, самое яркое вліяніе «тусклые дни» произвели на Виктора Гюго: легитимистъ въ ранней молодости, прѣвецъ Вав-

домской колонны при Карлѣ X, съ 1830 года онъ поэтъ «молодой Франціи», временами даже переходитъ границы историческаго либерализма, готовъ прославлять республику.

Можно, конечно, различно относиться къ этимъ пережѣнамъ, но нельзя отрицать ихъ, нельзя закрывать глаза на страшное дѣйствіе «іюльскаго солнца» и «іюльской лихорадки», какъ выражались сами же современники событій.

Однимъ словомъ, у кого были задатки жизни и органически-сильной дѣятельности, тотъ въ новыхъ порядкахъ почерпнулъ новые мотивы и новыя силы, а главное, новую методу художественнаго творчества. А чья нравственная природа страдала немощами и худосочиємъ, кто грезилъ изысканными пустяками и чувственнымъ раемъ, тому, конечно, было не по себѣ среди настоящей, часто грубой и всегда требовательной дѣйствительности.

Г-нъ Пелиссье говоритъ: «Гроза давно утихла, померкли солнечные лучи, и подъ вліяніемъ тусклыхъ дней 1830 года, юный поэтъ едва вступивъ на свое поприще, уже восклицаетъ: «все умерло въ Европѣ!»

«И мертвые хоронили мертвыхъ», прибавимъ мы, потому что смерть поражала именно ихъ. А живые—что они дѣлали? Г-ну Пелиссье извѣстно, потому что онъ доводитъ свой разсказъ до 1848 года и ведетъ его еще дальше и объ одномъ изъ самыхъ живыхъ людей іюльской эпохи мы читаемъ:

«Всякій поэтъ,—говоритъ Викторъ Гюго,—долженъ содержать въ себѣ «сумму всѣхъ идей своего времени», и она дѣйствительно содержится въ его гениальномъ творествѣ». (стр. 153).

Вотъ истинный судъ надъ тѣми, кого иссушило іюльское солнце, и надъ тѣми, кому оно озарило новые пути мысли и дѣятельности.

Впослѣдствіи дѣйствительно настали «сумерки», вторая имперія заслонила всякій свѣтъ, и Мюссе, вѣроятно, счелъ бы себя счастливымъ именно въ эти дни: императрица Евгенія очень любила удовольствія, и ея супругъ несравненно больше интересовался аристократами и даже поэтами, чѣмъ Людовикъ-Филиппъ. Г-нъ Пелиссье мѣтко очерчиваетъ литературныя школы, порожденныя этой эпохой, и снова отдаетъ должное великому вождю романтизма.

«Между поэтами, пережившими великое романтическое движеніе, только одинъ остался непоколебимо вѣренъ своему идеалу и не сложилъ оружія,—это Викторъ Гюго. Среди общаго упадка душевныхъ и творческихъ силъ, онъ гордо и мощно держитъ знамя романтизма, обреченнаго на изгнаніе».

И дальше перечисляются малодушные, бѣглецы, измѣнники и просто литературные промышленники.

Это большая заслуга со стороны г-на Пелисье—сознавать значеніе Гюго и внутренній смыслъ этого значенія. Очевидно, здѣсь не въ стилѣ дѣло: критикъ прямо говоритъ о нравственной мощи поэта, объ его идеяхъ. Не вполне ли было бы естественно—тотъ же принципъ примѣнить и къ романамъ г-жи Жоржъ Зандъ? Въдѣ «наивностей, гуманитарныхъ тирадъ и химерическаго оптимизма»—этихъ, по мнѣнію критика, основныхъ пороковъ произведеній писательницы, не меньше и у Гюго, если не больше, въ особенности при его риторическомъ и будто взвинченномъ стилѣ.

Дѣло въ томъ, что непризнаваемые большинствомъ идеи всегда принимаютъ рѣзкую и приподнятую форму у самихъ проповѣдниковъ. Чтобы толпу заставить слушать, надо возвысить голосъ, а чтобы она, кромѣ того, и поняла содержаніе рѣчи, надо подчеркнуть мысли и положенія, и не скупиться на свѣтъ и тѣни. Такъ бываетъ вездѣ и всегда при всякомъ новомъ общественномъ или нравственномъ движеніи.

А въ нашемъ случаѣ еще прибавилась врожденная національная аффектація, склонность французскаго писателя—одинаково и поэтовъ, и журналистовъ—къ ролямъ ораторовъ и трибуновъ. Отсюда и «гуманитарныя тирады».

Г-нъ Пелисье отлично характеризуетъ французскій классицизмъ и особенный «классическій умъ», свойственный французской націи. Это—страсть къ системамъ, къ красивымъ отвлеченнымъ построеніямъ, къ простымъ общимъ выводамъ въ ущербъ подробностямъ и фактамъ. Страсть способна развиться до фанатизма: тогда и ученый, и публицистъ невольно становятся защитниками столь же рѣзкихъ и настоятельныхъ формулъ, какъ любой догматъ. По всей исторіи французской литературы проходитъ эта «господствующая способность» націи, создавшей три единства и *Общественный договоръ*. Г-нъ Пелисье открываетъ «классицизмъ» и въ ученіи и творествѣ романтиковъ, и даже въ направленіи натуралистовъ. И онъ совершенно правъ. Гюго сочинялъ поэтическія, психологическія и нравственныя формулы не хуже Буало, Расина и Боссюэ. Отсюда «химерическій оптимизмъ». А натуральная школа—только другая крайность,—«химерическій пессимизмъ». На это указываетъ и самъ г. Пелисье. Онъ даже приводитъ изумительно вѣрныя и искреннія слова Балзака, обращенныя къ г-жѣ Жоржъ Зандъ:

«Я гораздо больше, чѣмъ вы, интересуюсь обыденными людьми и тоже идеализирую ихъ, только въ обратномъ смыслѣ, т. е. со стороны безобразія и глупости».

Слѣдовательно, за что же казнить г-жу Жоржъ Зандъ? Ея спо-

собъ рисовать дѣйствительность свойственъ даровитѣйшимъ писателямъ Франціи, даже противоположнаго направленія. А что она оптимистка, а современные натуралисты—пессимисты, это вопросъ, выходящій за предѣлы литературной критики, пожалуй, даже и вообще человѣческаго разума. Кто правъ? Авторъ ли, успокаивающій свой умъ на челоуѣкъ-звѣръ, или авторъ, тоскующій по челоуѣкъ-ангелѣ,—это задача и для всѣхъ доступная, и въ то же время никѣмъ неразрѣшимая.

Г-нъ Пелиссье, во всякомъ случаѣ, склоняется на сторону болѣе «гуманитарную» и, по современному, безусловно «химерическую». Онъ отлично понимаетъ сущность литературы Эмиля Золя съ рѣдкимъ безпристрастіемъ оцѣниваетъ критику Тэна и приносить благородную отвѣдь по адресу «декадентовъ» и «неомистиковъ». Всѣ сочувствія критика на сторонѣ духовныхъ силъ, ясной мысли, реальной дѣйствительности. Правда, онъ, подобно г. Брандесу, не останавливается нигдѣ съ должнымъ вниманіемъ на философскихъ и обще-научныхъ идеяхъ нашего вѣка, даже по поводу Тэна не говоритъ о позитивизмѣ и по поводу Золя о вліяніи успѣховъ естествознанія на складъ ума современнаго челоуѣка. Эволюція у него выходитъ *литературной*, въ самомъ узкомъ смыслѣ слова, т. е. цѣпь воздѣйствій одного писателя-художника на другого.

Это—методъ несовершенный и взглядъ узкій. Это—недостатокъ *содержанія* книги г. Пелиссье, но *цѣль* и *смыслъ* ея блестяще выясняются изъ истинно художественныхъ характеристикъ величайшихъ писателей эпохи и получаютъ прекрасный аккордъ въ слѣдующихъ заключительныхъ словахъ автора:

«Искреннее стремленіе извлечь наибольшую *нравственную пользу* изъ жизненной правды,—вотъ въ чемъ заключается главная суть реализма, порожденнаго *научно-критическимъ духомъ* нашего вѣка. Очистимъ же его отъ посторонняго сора, отъ всякой наносной грязи и, вмѣсто того, чтобы противопоставлять ему *«идеализмъ»*, какъ нѣчто враждебное, признаемъ въ немъ самомъ имъ же созданный и осуществляемый идеалъ благотворнаго искусства...»

Подчеркнутыя нами слова—несомнѣнныя «смягчающія обстоятельства» для указанныхъ выше увлеченій, недомолвокъ и несправедливостей автора.

Ив. Ивановъ.

ИЗЪ РОБЕРТА ГАМЕРЛИНГА.

Какъ счастливъ тотъ, кто, туждый колебаньямъ,
Сказавъ мѣстамъ возлюбленнымъ: прости,
Сказавъ прости своимъ воспоминанямъ, —
Пойдетъ по новому пути.

Къ несчастію, мы съ болью отрываемъ
Прошедшее отъ сердца своего;
Передъ собой съ тоскою мы взираемъ,
Для насъ грядущее — мертво!

Безумные! Въ теченіи лѣтъ безсильны
Мы позабыть одинъ блаженный мигъ,
И какъ порою слезы ни обильны —
Не изсякаетъ ихъ родникъ.

И никогда, цѣною всѣхъ усилій,
Не свергнуть намъ былого гнетъ:
Пусть больше нѣтъ того, что мы любили —
Сама любовь еще живетъ.

О. Чюмина.

ОЧЕРКИ ПО ИСТОРИИ РУССКОЙ КУЛЬТУРЫ.

(Окончаніе) *).

III.

Количественный и качественный составъ земледѣльческаго населенія Россіи и Европы.—Происхожденіе русской общины.—Сходство и различіе въ современномъ положеніи разныхъ элементовъ русскаго крестьянства.—Періоды въ исторіи помѣщичьихъ крестьянъ.—Прикрѣпленіе къ тяглу и къ служилому сословію.—Правительственныя и владѣльческія мѣры прикрѣпленія.—Фактическое прекращеніе свободнаго перехода крестьянъ и законодательное прекращеніе свободной конкуренціи хозяевъ за рабочія руки.—Внѣ-законное развитіе помѣщичьей власти надъ крѣпостными и юридическія противорѣчія въ ихъ положеніи.—Замѣна государственнаго характера прикрѣпленія—частнымъ.—Стороны крѣпостнаго права, регламентированныя и оставшіяся безъ регламентаціи въ законодательствѣ.—Непрочность крѣпостнаго права и сравнительная возможность разныхъ способовъ освобожденія.—Сравнительная сила разныхъ мотивовъ освобожденія.—Роль дворянскихъ интересовъ при освобожденіи.—Исторія удѣльныхъ крестьянъ.—Особенности исторіи государственныхъ крестьянъ.—Частная собственность и введеніе общины у черносошныхъ и однодворцевъ.—Аграрная политика XVIII и XIX вѣва.—Вопросъ о будущемъ общины.

Переходя къ исторіи крестьянскаго сословія въ Россіи, мы опять должны прежде всего отмѣтить разницу въ той роли, которую это сословіе играло въ соціальной жизни Россіи и Европы. Разница эта обнаруживается уже при простомъ сопоставленіи цифръ. Земледѣльческій классъ европейской Россіи составляетъ 88%, или почти $\frac{9}{10}$, всего населенія. Между тѣмъ, въ Германіи и Франціи земледѣліемъ кормится вдвое меньшая часть населенія (42—41%); въ Англіи земледѣліе служитъ источникомъ существованія всего $\frac{1}{8}$ части жителей (12%). Все остальное населеніе живетъ на Западѣ промышленностью, торговлей или личными услугами—государству и частнымъ лицамъ. Не менѣе значительно и качественное различіе въ составѣ земледѣльческаго класса Россіи и Европы. Изъ всего количества лицъ, живущихъ на доходы отъ земледѣлія, въ Россіи всего полмилліона владѣть землей на

*) См. «Міръ Божій», № 11 ноябрь.

правѣ частной собственности (въ томъ числѣ больше половины—крестьяне). Этому полумиллиону частныхъ собственниковъ принадлежитъ четвертая часть всей земельной площади Россіи (въ томъ числѣ дворянамъ отдѣльно— $\frac{1}{5}$ всей площади). Остальная многомиллионная масса состоитъ изъ земледѣльцевъ-общинниковъ,—коллективныхъ собственниковъ, пользующихся своей долей общинной земли и обрабатывающихъ свой участокъ своими руками. Во владѣніи крестьянскихъ общинъ находится треть всей площади (остальные $\frac{2}{5}$ —преимущественно покрытыя лѣсами—принадлежать казнѣ). Исторія западнаго землевладѣнія началась съ разрушенія тѣхъ особенностей, которыя отличаютъ русское землевладѣніе. Въ самый древній періодъ этой исторіи коллективная собственность разложилась и уступила мѣсто частной, и тотчасъ же эта частная собственность начала ускользать изъ рукъ того сословія, которое его обрабатывало. Въ результатѣ вѣковой социальной борьбы въ трехъ главныхъ странахъ Западной Европы сложились три различные типа земельной собственности, одинаково далекія отъ типа, преобладающаго въ Россіи. Въ Великобританіи земля окончательно ушла изъ рукъ земледѣльческаго сословія; $\frac{7}{10}$ площади находится тамъ во владѣніи всего 10 тысячъ крупныхъ собственниковъ; преобладающимъ типомъ земледѣльца сдѣлался, такимъ образомъ, типъ зажиточнаго фермера,—арендатора чужой земли,—или его наемнаго рабочаго. Въ Германіи, напротивъ, тѣ же $\frac{7}{10}$ площади сохранились въ рукахъ крестьянства; но въ процессѣ борьбы за землю сложился преобладающій типъ крестьянства крупнаго, болѣе похожаго на нашихъ мелкихъ помѣщиковъ. Наконецъ, во Франціи крестьянство было слишкомъ слабо, чтобы вести активную социальную борьбу; за то земля не ускользнула отъ него и не перешла въ руки однихъ только болѣе стойкихъ его представителей. Французскій крестьянинъ вышелъ изъ исторіи такимъ, какимъ сдѣлалъ его долговременный государственный и феодальный гнетъ: онъ вышелъ самостоятельнымъ работникомъ на мелкомъ участкѣ, который сталъ, рано или поздно, его полной собственностью.

Что же значить это сдѣланное нами сопоставленіе? Составляетъ ли особенная форма русскаго землевладѣнія наше неотъемлемое національное свойство, какъ думали одни, или она доказываетъ только, что мы еще стоимъ на той ступени развитія, съ которой давно уже сдвинулась Европа, — какъ думали другіе? Историческій анализъ одинаково разрушаетъ оба предположенія, показывая, что русская община не есть ни такое неизмѣнное въ исторіи явленіе, какъ это предполагается сторонниками перваго

мѣнія,—ни такое элементарное, примитивное и архаическое, какъ это нужно предположить для доказательства втораго. Не только нѣтъ возможности вывести современную общину изъ какихъ-нибудь первобытныхъ общественныхъ формъ, но даже есть полная возможность показать ея позднее сравнительно происхождение и раскрыть создавшія ее причины. По существу своему, русская община есть принудительная организація, связывающая своихъ членовъ круговымъ обязательствомъ въ исправности отбыванія лежащихъ на ней платежей и повинностей и обеспечивающая себѣ эту исправность уравниемъ повинностей съ платежными средствами каждаго члена. Какъ появилась такая принудительная организація, объ этомъ мы уже говорили; мы видѣли, что тяглая община была продуктомъ усиленныхъ государственныхъ нуждъ и русской экономической неразвитости (Оч. III, 2). Но такая *тяглая* община еще не есть непременно *хозяйственная*, какою мы знаемъ общину нашего времени. Хозяйственное распоряженіе общинной землей—въ формѣ «свалки и навалки» участковъ и въ формѣ періодическихъ передѣловъ всей земли—не входитъ необходимо въ кругъ обязанностей тяглой общины. Съ податной точки зрѣнія постоянное приспособленіе платежей къ платежнымъ силамъ семьи,—какое достигается этими перераспредѣленіями участковъ,—есть, конечно, самая совершенная форма «народнаго кадастра». Но тяглая община, какъ *таковая*, не могла еще идти такъ далеко въ податномъ уравниеніи плательщиковъ. Ея цѣль заключалась не въ постоянномъ уравниваніи платежей съ постоянно мѣняющимися рабочими силами каждаго хозяйства,—а просто въ уравниеніи тягла съ размѣромъ участка, предполагаемаго неизмѣннымъ. Такимъ образомъ, старинная «мірская ровность» состояла не въ передачахъ и передѣлахъ участковъ, а только въ ихъ измѣреніи съ помощью веревки («вервленіи») и въ обложеніи ихъ тягломъ пропорціонально размѣрамъ. Сами участки могли при этомъ оставаться полной и неприкосновенной собственностью ихъ хозяевъ. Если община позволяла себѣ распоряжаться этими участками, то только въ томъ случаѣ, когда хозяева, «вотчичи» участковъ, бросали ихъ пустыми: въ такомъ случаѣ община поневолѣ должна была прискаты хотя бы временныхъ «жилцовъ» на опустѣвшіе участки, такъ какъ съ нихъ все-таки ей же приходилось платить всѣ подати и нести всѣ повинности. Впервые болѣе свободное распоряженіе крестьянскими участками — напоминающее современную общину—мы встречаемъ на такихъ земляхъ, которыя крестьянамъ въ собственности не принадлежали, — т. е. на земляхъ частныхъ вла-

дѣльцевъ. Располагается при этомъ не община, а приказчикъ частнаго владѣльца; если же располагается передѣломъ участковъ община, то это по специальному разрѣшенію или приказанію владѣльцевъ. Такимъ образомъ, *хозяйственная* община нашего времени впервые появляется въ предѣлахъ частнаго—и притомъ богѣе или менѣе крупнаго—хозяйства: на земляхъ монастыря или князя. Уже въ XVI вѣкѣ свободное хозяйственное распоряженіе крестьянскими участками, повидимому, входитъ въ обычай на владѣльческихъ земляхъ срединной Россіи. Въ теченіе XVII и XVIII в. правительство старается распространить этотъ обычай и на свободное крестьянство русскихъ окраинъ. Сейчас мы увидимъ, что въ концѣ прошлаго и началѣ настоящаго вѣка это вполне ему удастся.

И такъ, русская община есть поздній и въ разныхъ мѣстностяхъ разновременный продуктъ владѣльческаго и правительственнаго вліянія. Это нисколько не мѣшаетъ ей отражать на себѣ примитивный характеръ экономическаго быта, среди котораго она возникла; но этотъ примитивный характеръ общины не долженъ вводить насъ въ заблужденіе: нѣтъ надобности искать родственныхъ ей формъ въ далекомъ прошломъ, когда недавнее настоящее представляло всѣ нужные элементы для возникновенія вновь этой формы и для распространенія ея на всѣ разнородные элементы, изъ которыхъ сложилось современное русское крестьянство. Только познакомившись съ тѣмъ, насколько различно сложилась предыдущая исторія этихъ разнородныхъ элементовъ, мы будемъ въ состояніи оцѣнить, какъ велика была ассимилирующая сила одинаковыхъ экономическихъ условій и одинаковой финансовой системы, сообщившая всѣмъ этимъ разнороднымъ частямъ словія одинаковую соціально-экономическую структуру.

Въ наше время, дѣйствительно, все крестьянское сословіе Россіи представляетъ одно цѣлое. Все русское крестьянство выкупаетъ въ настоящее время свои надѣлы и выкупить ихъ окончательно въ свою собственность къ 1931 году. По окончаніи выкупа всѣ юридическіе слѣды прежнихъ различій въ положеніи разныхъ группъ крестьянства сгладятся совершенно и крестьянство окончательно сольется въ единое сословіе. Теперь же, прежде всего, разница самыхъ условій земельного выкупа напоминаетъ намъ о прошломъ. По условіямъ выкупа вся крестьянская масса дѣлится на три категоріи. Первая категорія это бывшіе *крѣпостные*, помѣщичьи крестьяне. Они перешли на выкупъ по положенію 19-го февраля 1861 г., но только съ 1883 года выкупъ сдѣланъ былъ для всѣхъ обязательнымъ. Эти крестьяне получили для расчета съ помѣ-

щиками правительственную ссуду, за которую они вносятъ проценты съ погашеніемъ (такъ называемые «выкупные платежи») и, такимъ образомъ, уплатятъ ссуду въ 49 лѣтъ. Вторая категория—*удѣльныхъ крестьянъ*—стала выкупать свои земли въ 1863 г., выкупъ сдѣланъ былъ для нихъ съ самаго начала обязательнымъ и производится не путемъ взноса новыхъ платежей, а путемъ обращенія прежнихъ платежей въ выкупные; въ 49 лѣтъ образуется изъ этихъ взносовъ капиталъ, который и будетъ соответствовать цѣнности отданной удѣльнымъ крестьянамъ земли. Наконецъ, третья категория крестьянъ *государственныхъ*. Они хотя и остались на казенномъ оброкѣ, а земли ихъ въ казенной собственности, но уже въ 1865 г. эти земли были закрѣплены за ними особыми юридическими актами, такъ называемыми, «владѣнными записями», и дозволенъ былъ желающимъ выкупъ этихъ земель въ полную собственность. Такимъ правомъ пользовались, однако, немногіе, и черезъ двадцать лѣтъ (при первой послѣ 1866 г. переоброукѣ «оброчной подати») — въ 1886 г. выкупъ былъ сдѣланъ и для нихъ обязательнымъ; для этого оброчные платежи были обращены въ выкупные: взносъ ихъ въ 44 года долженъ образовать капиталъ, нужный для выкупа оброчной подати, которая затѣмъ и перестанетъ уплачиваться, такъ что крестьяне перестанутъ стоять относительно государства въ положеніи оброчниковъ, нанимателей государственной земли.

Разница этихъ трехъ категорій русскаго крестьянства повлекла за собою еще и другое различіе, въ степени обезпеченія ихъ земельной собственностью. У крестьянъ разныхъ категорій самые размѣры выкупаемыхъ участковъ оказались различными. Всего хуже пришлось въ этомъ отношеніи помѣщичьимъ крестьянамъ, такъ какъ владѣльцы ихъ большею частью имѣли интересъ продать крестьянамъ какъ можно меньше зомли, а себѣ оставить какъ можно больше. Такимъ образомъ, почти $\frac{3}{4}$ помѣщичьихъ крестьянъ (73%) получили надѣлы отъ десятины и менѣе до 4-хъ десятинъ. Между тѣмъ $\frac{3}{4}$ удѣльныхъ крестьянъ (74,9%) обезпечены надѣлами отъ 2 до 6 десятинъ, а изъ государственныхъ большая часть (70,7%) получила отъ 4 до 10 десятинъ и больше (и 25% отъ 2 до 4). Если считать достаточнымъ для крестьянскаго хозяйства средней государственной надѣлъ, то изъ государственныхъ надѣлены были при выкупѣ недостаточно только 13,7%, а изъ помѣщичьихъ 42,6%, т. е. количество, втрое большее.

Обратимся теперь къ исторіи тѣхъ отдѣльныхъ группъ, изъ которыхъ, какъ мы видѣли, образовалось современное крестьянское сословіе: къ исторіи крестьянъ помѣщичьихъ, удѣльныхъ и государственныхъ.

Исторія помѣщичьихъ (и вообще владѣльческихъ) крестьянъ тѣсно переплетается съ исторіей другихъ сословій; естественно поэтому, что отмѣченные нами прежде періоды въ развитіи дворянскаго и городского сословія совпадаютъ съ періодами въ исторіи владѣльческихъ крестьянъ. Въ исторіи дворянства и горожанъ мы нашли четыре различные періода. Древнѣйшій періодъ (до конца XV вѣка) тамъ и здѣсь характеризуется отсутствіемъ юридическихъ разграниченій между сословіями, полной неустойчивостью сословныхъ связей, отсутствіемъ сословной организаціи. Во второмъ періодѣ (XVI и особенно XVII в.) усиливающаяся государственная власть закрѣпощаетъ сословія на государственную службу натурой или деньгами; закрѣпощая ихъ, она этимъ самымъ устанавливаетъ рѣзкія грани между сословіями и даетъ имъ принудительную организацію. Третій періодъ (XVIII) состоитъ, напротивъ, въ раскрѣпощеніи сословій; освобождая ихъ отъ обязательной службы, правительство пытается дать имъ сословныя привилегіи и сословную организацію. Наконецъ, четвертый періодъ характеризуется отмѣной сословныхъ привилегій, юридическимъ сліяніемъ старыхъ сословныхъ группъ и началомъ новой общественной группировки. Короче, мы можемъ назвать эти періоды—періодомъ первоначальнаго смѣшенія, закрѣпощенія, раскрѣпощенія и разрушенія старыхъ сословій.

Отдѣлы, соотвѣтствующіе всѣмъ этимъ періодамъ, мы найдемъ и въ исторіи владѣльческаго крестьянства съ нѣкоторыми, однако же, различіями. Въ древнѣйшемъ періодѣ, когда «вольные слуги» кочуютъ отъ князя къ князю и когда городское населеніе юридически не выдѣляется отъ деревенскаго—въ самомъ деревенскомъ населеніи мы отмѣтили уже прежде нѣкоторые элементы принудительной организаціи. Мы видѣли, что правительство, подъ давленіемъ татарскаго ига, сгруппировало нѣкоторую, по крайней мѣрѣ, часть населенія въ тяглыя «сотни» и записало ихъ въ «данскія книги. Эти «численные люди», «данные» и «письменные», были уже тогда закрѣплены на тѣхъ мѣстахъ, гдѣ записаны; съ другими владѣльцами и князьями заключалось постоянное условіе, «а тяглыхъ тебѣ моихъ людей, данскихъ и письменныхъ, къ себѣ въ села не принимать!» Такова была древнѣйшая форма прикрѣпленія крестьянъ, притомъ, свойственная всѣмъ ихъ категоріямъ одинаково. Конечно, это прикрѣпленіе было пока чисто податное: подобно городскому прикрѣпленію древнѣйшаго времени, здѣсь подать была прикрѣплена къ тяглу, а не къ тяглу, къ участку, а не къ его обитателю, который могъ свободно уйти, поставивъ за себя жильца. Поэтому, когда начался второй періодъ сословной

исторіи—періодъ прикрѣпленія жителей къ ихъ занятіямъ, — податнаго прикрѣпленія крестьянъ оказалось недостаточно. На крестьянъ легла новая обязанность: содержать обширное, вновь сформированное служилое сословіе. Бѣдное деньгами государство поступило такъ, какъ поступали и на Западѣ въ подобномъ случаѣ; оно заплатило своимъ служилымъ людямъ землей, но не простой землей, которая въ московскомъ государствѣ ничего не стоила, а землей, населенной крестьянами. Кому принадлежали раньше эти земли и на какомъ основаніи населеніе этихъ земель обязано было «слушать» своихъ новыхъ хозяевъ, «подати имъ платить и всякое издѣліе дѣлать, чѣмъ ихъ изборочатъ», — объ этомъ едва ли возникалъ вопросъ въ то время. Но, какъ бы то ни было, новая обязанность, возложенная на крестьянство, считалась особымъ видомъ службы *государству*. Хотя государство и не позаботилось установить границы обязанностей крестьянъ относительно ихъ «помѣщиковъ», тѣмъ не менѣе ни владѣніе землей, данцой за службу, ни, тѣмъ болѣе, владѣніе крестьянами не считалось безусловнымъ. Крестьянинъ смотрѣлъ на служилого человека, котораго онъ обязанъ былъ «слушать» и подати ему платить, какъ на царскаго слугу, а на свое подчиненіе ему, какъ на временную форму казеннаго вознагражденія за его службу. Такъ смотрѣло, конечно, вначалѣ и само правительство; въ одномъ документѣ середины XVI в. выставляется даже, въ интересахъ крестьянства, требованіе, чтобы служилые люди и жили не въ своихъ деревняхъ, а въ городахъ, въ сборныхъ пунктахъ, куда и должны были бы доставляться всѣ «установленные» сборы съ назначенныхъ на ихъ содержаніе «ратаевъ».

Конечно, объ этомъ можно было только мечтать въ государствѣ, не имѣвшемъ еще собственныхъ органовъ для выполненія самыхъ важнѣйшихъ своихъ функцій. Если бы правительство могло установить *такія* отношенія между крестьянами и помѣщиками то оно могло бы и ввести иную форму вознагражденія послѣднихъ. При тогдашнихъ условіяхъ, сношенія съ крестьянами правительство должно было предоставить самимъ помѣщикамъ; а вмѣстѣ съ тѣмъ оно лишалось и всякой возможности контроля надъ этими отношеніями. Не только оно не могло думать о защитѣ интересовъ крестьянъ отъ помѣщиковъ, но на первыхъ же порахъ ему пришлось рѣшительно стать на сторону помѣщичьихъ интересовъ. Дѣло въ томъ, что недостаточно было дать служилымъ людямъ населенныя земли; надо было позаботиться о томъ, чтобы населеніе этихъ земель оставалось на мѣстѣ. Одной записи въ тягло было для этого слишкомъ мало. Правда, подъ вліяніемъ ли тягла,

или независимо отъ этого вліянія, нѣкоторая часть населенія при-
выкла къ своимъ мѣстамъ; сплошь и рядомъ въ документахъ
XVI вѣка встрѣчаются «старожильцы», которые живутъ на одномъ
и томъ же мѣстѣ и полвѣка, и больше: и правительство кончаетъ
тѣмъ, что признаетъ право владѣльца на такихъ старожильцевъ,
начинаетъ считать ихъ «крѣпкими» ему «по старинѣ». Большая
часть крестьянъ продолжаетъ, однако, бродить отъ одного вла-
дѣльца къ другому, вступая съ каждымъ изъ нихъ въ доброволь-
ное и временное соглашеніе. Этихъ-то вольныхъ людей прави-
тельство старается теперь всячески укрѣпить за владѣльцами; къ
тому же стремятся, конечно, и сами владѣльцы. Тѣ и другіе дѣй-
ствуютъ при этомъ тѣми средствами, которыя находятся въ ихъ
власти. Правительство законодательнымъ порядкомъ устанавли-
ваетъ высокія пошліны съ уходящихъ отъ владѣльца крестьянъ, —
какъ плату за пользованіе избой («пожилое»); оно опредѣляетъ
законный срокъ расчета (Юрьевъ день); и въ случаѣ, если кре-
стьянинъ ушелъ отъ владѣльца не въ срокъ и безъ платежа по-
шлинъ, т. е. безъ правильнаго «отказа», — правительство считаетъ
такого крестьянина «бѣглымъ» и даетъ на него владѣльцу право
иска и возвращенія судебнымъ порядкомъ. Съ своей стороны, и
владѣлецъ принимаетъ мѣры, чтобы закрѣпить себѣ крестьянина.
Лучшимъ средствомъ для этого служитъ выдача крестьянину
«ссуды» на первоначальное обзаведеніе. Въ такой ссудѣ нужда-
лось большинство крестьянства; получивъ отъ 2 до 5 рублей (отъ
120 до 300 р. на наши деньги), крестьянинъ терялъ всякую воз-
можность расплатиться съ хозяиномъ, и, такимъ образомъ, при-
нужденъ былъ оставаться на его землѣ безсрочно; тѣмъ болѣе,
что, въ случаѣ нарушенія контракта, онъ обязанъ былъ выслать
еще особую неустойку («зарядъ»). Всѣхъ этихъ средствъ было бы
совершенно достаточно, чтобы обезпечить помѣщику крестьянъ,
если бы не примѣшались два непредвидѣнные обстоятельства. Во-
первыхъ, каждый помѣщикъ хлопоталъ о прикрѣпленіи собствен-
ныхъ крестьянъ, но въ то же время всячески препятствовалъ при-
крѣпленію крестьянъ своего сосѣда, стараясь всѣми силами пере-
манить ихъ къ себѣ. Законный «отказъ» и выходъ сталъ для кре-
стьянина очень труденъ къ концу XVI в.; но на смѣву выходу
явился «вывозъ». Владѣльцы или общины, искавшіе работниковъ
и тягловцовъ, разсылали своихъ агентовъ повсюду съ цѣлью «от-
казывать» себѣ крестьянъ изъ-за старыхъ владѣльцевъ. Новый
хозяинъ охотно принималъ на себя уплату всѣхъ долговъ, лежав-
шихъ на крестьянинѣ, только бы перевести его на свою землю.
Воспротивиться такому «вывозу», если всѣ условія «отказа»

были соблюдены, старый владѣлецъ не имѣлъ права. Такимъ образомъ, свобода перехода крестьянъ превратилась въ свободу конкуренціи изъ-за крестьянъ между земледѣльцами: конечно, при этомъ выигрывали наиболѣе зажиточные хозяева, имѣвшіе возможность дать крестьянину наибольшую льготу. Эта конкуренція еще болѣе обострилась тѣмъ обстоятельствомъ, что съ середины XVI вѣка открылась возможность колонизаціи новыхъ земель (Оч. I, 3); народный потокъ хлынулъ туда, а въ старомъ московскомъ центрѣ земли стали пустовать и явился усиленный спросъ на рабочія руки *). Правительство было завалено исками о возвращеніи незаконно ушедшихъ. На первыхъ порахъ оно не нашло ничего лучшаго, какъ попытаться сократить число этихъ исковъ: указомъ 1597 г. запрещено было принимать жалобы отъ тѣхъ, кто не успѣлъ подать ихъ въ теченіе пяти лѣтъ до этого года. Это значило, что всѣ незаконно ушедшіе съ своихъ мѣстъ равьше 1592 г. могутъ законно оставаться на новыхъ мѣстахъ жительства и не считаются «бѣглыми». Такимъ образомъ, результаты самаго горячаго времени колонизаціи степи и поволжья были официально признаны правительствомъ. Естественно, что въ служиломъ классѣ коренного московскаго центра эта мѣра должна была вызвать страшнѣйше раздраженіе. Тогда Борисъ Годуновъ, вообще старавшійся добиться расположенія мелкихъ служилыхъ людей, рѣшился успокоить ихъ мѣрой совершенно противоположнаго характера. Въ 1601 г. и еще разъ въ 1602 г. — оба раза только на одинъ годъ — запрещено было крестьянамъ уходить изъ московскаго центра на окраины, и въ то же время свобода «вывоза» крестьянъ оставлена только мелкимъ служилымъ людямъ между собою, а крупнымъ — между собою. Такимъ образомъ, самые опасные конкуренты для мелкаго помѣщика, крупные хозяева устра-

*) Сравнительная численность равныхъ формъ перехода въ концѣ XVI в. видна будетъ изъ слѣдующаго примѣра. Въ 1580 г. въ тверской вотчинѣ князя Симеона Бекбулатовича (20 селъ и 473 деревни) числялось 2.217 крестьянъ. Изъ этого числа въ ближайшія лѣты пять до 1580 г. ушло 305 человекъ, т. е. меньше 14%. Но изъ числа ушедшихъ только 53 (17% или болѣе 2% всѣхъ крестьянъ) смогли «выйти» сами, т. е. рассчитаться своими средствами съ хозяиномъ. Нѣсколько [большее количество «выбѣжало», т. е. ушло безъ законнаго отказа (65 чел., 21% или около 3% всѣхъ крестьянъ); владѣлецъ имѣлъ право отыскивать ихъ законнымъ порядкомъ. Большая же часть (188 чел., 62% или около 9% всѣхъ крестьянъ) были «вывезены» другими владѣльцами. Такимъ образомъ, «вывозъ» былъ главной формой перехода. На мѣсто ушедшихъ пришло и вновь порядилось въ крестьянство всего 27 человекъ. Въ итогѣ, слѣдовательно, въ самый короткій промежутокъ времени хозяйство Симеона потеряло 13% рабочаго населенія.

нялись отъ конкуренціи. 'Вмѣстѣ съ тѣмъ и положеніе крестьянъ существенно измѣнялось. Теперь уже «бѣглыми» были не только тѣ крестьяне, которые жили, не исполнивъ условій своей «порядной», своего свободнаго договора; всякій крестьянинъ «вывезенный» за «сильнаго человѣка» былъ бѣглымъ, и даже хуже, чѣмъ бѣглымъ, такъ какъ тутъ къ нарушенію обязанности со стороны крестьянина присоединялось нарушеніе закона со стороны принявшаго его хозяина. Правда, въ слѣдующіе годы законъ Бориса, повидимому, не подтверждался, да и скоро правительству стало не до того, чтобы разрѣшать вопросы сословной политики. Наступила смута и новая династія застала положеніе дѣла самымъ неопредѣленнымъ. Съ одной стороны, уже во время смуты поговаривали о томъ, чтобы вообще запретить всякіе переходы крестьянъ; съ другой стороны, переходы эти стали легче, чѣмъ прежде, такъ какъ законъ 1597 г. стали толковать въ томъ смыслѣ, что отыскивать бѣглаго крестьянина вообще можно только въ теченіе пяти лѣтъ послѣ побѣга. Съ одной стороны, мелкіе служилые люди твердо стояли на почвѣ закона 1601 г. и считали «бѣглыми» всѣхъ, перезванныхъ «сильными людьми»; съ другой—«сильные» люди свободно продолжали переманивать крестьянъ и старались привязать ихъ къ себѣ какъ можно прочѣе. Въ это время вошло въ обычай брать съ крестьянъ запись особаго рода: вмѣсто простой «порядной» крестьянинъ давалъ на себя такъ-называемую «сеудную запись». Здѣсь онъ навсегда отказывался отъ права уплатить взятую у хозяина сеуду, обязывался никуда не «выходити» отъ новаго хозяина и давалъ ему заранѣе право отыскивать себя повсюду и «отовсюду къ себѣ взяти». Можно себѣ представить положеніе стараго хозяина, когда передъ судомъ новый владѣлецъ выкладывалъ такой документъ. На что онъ могъ сослаться въ доказательство своихъ правъ на бывшаго своего крестьянина? Онъ ссылаясь, обыкновенно, на «старину»; но чтобы доказать, что отыскиваемый крестьянинъ былъ его «старинный», надо было представить какую-нибудь «крѣпость», какой-нибудь документъ, въ которомъ этотъ крестьянинъ былъ записанъ въ его имѣніи. Но уже никакія доказательства ни къ чему не служили, если новому владѣльцу удавалось укрыть у себя крестьянина въ теченіе пяти лѣтъ: тогда послѣдній оставался за нимъ по праву давности.

Естественно, что мелкіе служилые люди начинаютъ добиваться при новой династіи, чтобы бѣглый навсегда оставался бѣглымъ, т. е. чтобы уничтожена была давность для исковъ о бѣглыхъ, которой не было «при прежнихъ государяхъ»; чтобы разнаго рода

владѣнные документы на землю признавались достаточными «крѣпостями» на крестьянѣ, чтобы сильнымъ людямъ вообще запрещено было вывозить за себя крестьянѣ. Мало-по-малу, правительство уступаетъ; срокъ давности удлинняется до 10 лѣтъ, а потомъ и вовсе уничтожается: всѣ крестьяне, записанные въ новую дворовую перепись 1646—48 гг., признаются крѣпостными и *всякій* переходъ ихъ къ кому бы то ни было съ этого времени считается бѣгствомъ. Такимъ образомъ, служилое сословіе торжествуетъ побѣду надъ взаимной конкуренціей изъ-за крестьянѣ, послѣ того, какъ оно давно уже восторжествовало надъ свободнымъ переходомъ крестьянѣ. Остается, правда, еще кое-какое гулящее населеніе, не попавшее въ перепись; но теперь уже всякій договоръ такого гулящаго человѣка съ хозяиномъ заключается въ формѣ ссудной записи, т. е. дѣлаетъ его вполне крѣпостнымъ; и всякій такой случай поступленія «въ крестьянство» омѣчается въ правительственномъ учрежденіи—помѣстномъ приказѣ. По мѣрѣ того, какъ крестьянинѣ закрѣпляется за владѣльцемъ, растетъ и власть надъ нимъ послѣдняго. Никто не вмѣшивается въ область ихъ взаимныхъ отношеній; правительство заботится только о томъ, чтобы крестьянинѣ не выходилъ изъ крестьянства, т. е. чтобы онѣ не переставалъ быть плательщикомъ: до остального ему нѣтъ никакого дѣла. Такимъ образомъ, уже въ XVII вѣкѣ, едва сложившись формально, крѣпостное право является со всѣми атрибутами неограниченной власти человѣка надъ человекомъ. Съ самаго начала вѣка помѣщикъ безъ стѣсненія отрываетъ крестьянина отъ земли, переводитъ его въ дворовую прислугу, переселяетъ въ другія имѣнія, дробитъ крестьянскія семьи, дѣлитъ, мѣняетъ ихъ; навѣрное, тогда же начинается и прямая продажа крестьянѣ. Судьей своихъ крестьянѣ помѣщикъ былъ, вѣроятно, уже и въ XVI вѣкѣ; въ XVII вѣкѣ на помѣщичьемъ дворѣ можно уже встрѣтить тюрьму, кандалы и рогатки, а въ арсеналѣ судебныхъ доказательствъ появляются самыя изысканныя московскія пытки. Право наказанія не ограничивалось никакими предѣлами; уложеніе, правда, при одномъ частномъ случаѣ, велитъ «приказывать накрѣпко» господину, чтобъ онѣ не убилъ, не изувѣчилъ и голодомъ не уморилъ подвластнаго ему человѣка; но; и въ этихъ скромныхъ предѣлахъ законъ ничѣмъ не обезпечивалъ личности крѣпостного. Даже въ случаѣ убійства крѣпостного, владѣлецъ не несетъ опредѣленной законами отвѣтственности. И при всемъ томъ законъ нисколько не ограничивалъ какихъ бы то ни было гражданскихъ правъ крестьянина, такъ что на практикѣ положеніе его было полно самыхъ рѣзкихъ противорѣчій. Крестьянинѣ могъ

быть проданъ помѣщикамъ—и въ то же время могъ покупать собственныхъ крѣпостныхъ; онъ подлежалъ помѣщичьему суду—и въ то же время являлся передъ обычными судами въ роли полноправнаго истца или отвѣтчика; имущество его входило въ составъ господскаго имущества—и одновременно онъ могъ самостоятельно входить въ имущественныя сдѣлки съ казной, посторонними лицами и даже собственнымъ владѣльцемъ; онъ былъ равноправимъ—или равно-обязаннымъ—членомъ общины, и вполне зависѣлъ отъ личнаго произвола хозяина или его приказчика; онъ былъ крѣпокъ землѣ, и, повидимому, безъ всякаго спроса владѣльца могъ уходить на заработки и оставаться внѣ общины цѣлыми годами. И всѣ эти противорѣчія сводились къ одному коренному. Съ одной стороны, владѣніе крѣпостными продолжало считаться только средствомъ вознагражденія служилыхъ людей за ихъ службу, т. е. было одной изъ формъ казеннаго жалованья; съ другой, уже складывалось на практикѣ отношеніе къ крѣпостному, какъ къ полной собственности владѣльца.

Третій періодъ въ исторіи владѣльческаго сословія далъ рѣшительный перевѣсъ послѣднему взгляду на крѣпостное право. Оно сохраняло государственный характеръ, пока соединено было съ обязательной военной службой землевладѣльцевъ. Служба крестьянина помѣщику представлялась естественнымъ послѣдствиемъ службы помѣщика государству: закрѣпощеніе крестьянъ оправдывалось закрѣпощеніемъ самого дворянства. Но въ XVII вѣкѣ началось, какъ мы знаемъ, раскрѣпощеніе дворянства и превращеніе его въ привилегированное сословіе. Первымъ шагомъ къ этому раскрѣпощенію было отдѣленіе дворянской службы отъ дворянскаго землевладѣнія; обязательность службы была сохранена и даже усилена Петромъ, но владѣніе бывшимъ служилымъ участкомъ (все равно, помѣстьемъ или вотчиной) перестало зависѣть отъ службы и превращено было знаменитымъ указомъ о единонаслѣдіи (1714) въ полную дворянскую собственность. Манифестъ 18 февраля 1762 г. и жалованная грамота Екатерины II дворянству закончили то, что было начато указомъ о единонаслѣдіи: дворянство окончательно освободилось отъ обязательной службы и получило подтвержденіе и даже расширеніе всѣхъ своихъ владѣльческихъ правъ,—что же должно было стать теперь съ крѣпостными? Сами они твердо помнили, что кормятъ царскаго слугу; если царь освободилъ его отъ службы, то ихъ онъ долженъ былъ, по ихъ убѣжденію, освободить отъ обязанности его кормить. Вотъ почему послѣ манифеста о вольности дворянства крѣпостные стали ждать и для себя такого же манифеста; не дождавшись его, они

рѣшили, что манифестъ о ихъ вольности уже данъ, но только помѣщики его скрываютъ. При этомъ убѣжденіи, не смотря ни на что, они остались вплоть до освобожденія; и самое освобожденіе съ своей старой точки зрѣнія они поняли такъ, что царь, наконецъ, отдаетъ имъ землю,—которую они продолжали упорно считать своею,—а своихъ слугъ хочетъ наградить за ихъ службу царскимъ жалованьемъ.

Правительственная точка зрѣнія совершенно разошлась въ этомъ случаѣ съ народной. Въ тотъ моментъ, когда крестьяне начали ждать свободы, законъ превратилъ ихъ въ полную собственность дворянъ; *государственный* характеръ этой собственности совершенно стусебался, и на первый планъ выступилъ *частный*. Правительство уже не ограничивалось пассивнымъ отношеніемъ къ положенію крѣпостныхъ: цѣлымъ рядомъ указовъ оно старалось провести новый взглядъ на нихъ, какъ на привилегированную дворянскую собственность. Постепенно крѣпостные лишаются права свободно уходить на промыслы (1726), брать откупа и подряды (1731), обязываться векселями и вступать въ поручительство (1761), право продажи крѣпостныхъ, признанное закономъ уже въ концѣ ХУІІ в., формально подтверждается въ 1747; но, кромѣ того, дается помѣщикамъ право ссылки въ Сибирь (1760); у крестьянъ отнимается право жалобы на помѣщиковъ въ 1767 г. Отдавъ, такимъ образомъ, крѣпостныхъ въ полное распоряженіе помѣщиковъ, правительство старается гарантировать себѣ только исправность платежей; для этой цѣли оно все настойчивѣе и настойчивѣе требуетъ послѣ Петра (1731—1762), чтобы помѣщики взяли на себя отвѣтственность за правильный взносъ податей и поставку рекрутъ, и все опредѣленіе возлагаетъ на нихъ обязанность заботиться о прокормленіи крестьянъ во время голода, о снабженіи ихъ сѣменами въ случаѣ неурожая. Изъ частыхъ напоминаній помѣщикамъ обо всѣхъ этихъ обязанностяхъ можно заключить, что онѣ далеко не всегда выполнялись. Самые добросовѣстные изъ помѣщиковъ перелагали свои обязанности на крестьянъ, заставляя ихъ покупать рекрутъ въ складчину и наполнять своимъ хлѣбомъ запасные магазины. Большинство же и во все не заботилось о выполненіи обязанностей. Не имѣя, такимъ образомъ, возможности настоять даже на томъ, что его ближайшимъ образомъ интересовало, правительство, естественно, тѣмъ менѣе имѣло побужденій виѣшиваться во внутреннія отношенія помѣщиковъ къ крѣпостнымъ. Область этихъ отношеній оставалась, по прежнему, незатронутой никакими законодательными опредѣленіями. Въ концѣ концовъ, такая неопредѣленность взаим-

ныхъ отношеній, усердно оберегавшихся дворянствомъ отъ всякихъ посягательствъ законодателя,—послужила крестьянству на пользу, когда рѣчь зашла о ликвидаціи этихъ отношеній. Вездѣ на Западѣ сословная сила облеклась въ этомъ случаѣ въ формы права; землевладѣльческое сословіе имѣло тамъ достаточно сословнаго такта, чтобы закрѣпить документомъ и защитить закономъ каждую частность своихъ крѣпостныхъ отношеній. Вотъ почему новѣйшему законодательству приходилось отвоевывать шагъ за шагомъ крестьянскую свободу, ставя на мѣсто стараго права новое въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ взаимныхъ отношеній. У насъ это было сдѣлать легче, такъ какъ законодательство застало совершенную *tabula rasa* въ области крѣпостныхъ отношеній: новое право не замѣняло здѣсь стараго,—а явилось на смѣну полному отсутствію юридической точки зрѣнія. Въ этомъ смыслѣ—русское крѣпостное право сравнительно съ крѣпостнымъ правомъ Европы—то же, что деревянный «острогъ» русской крѣпости сравнительно съ каменнымъ феодальнымъ замкомъ: ломкое, непрочное зданіе безъ перегородокъ внутри, безъ контрфорсовъ снаружи. Чтобы разрушить твердыню средневѣковаго крѣпостничества понадобились столѣтія, тогда какъ одного почерка пера оказалось совершенно достаточнымъ, чтобы опрокинуть гнилое зданіе барскаго произвола.

Пришелъ ли этотъ «почеркъ пера» слишкомъ рано, какъ утверждаютъ одни, или, напротивъ, слишкомъ поздно, какъ говорятъ другіе? Несомнѣнно, что уничтоженіе крѣпостнаго права въ 1861 году соединено было съ значительными потерями для дворянства; нѣтъ основаній не вѣрить тѣмъ расчетамъ, по которымъ потеря выгодъ, соединенныхъ съ крѣпостнымъ правомъ, доходила до трети всего состоянія помѣщиковъ. Несомнѣнно, что если бы законодательство преслѣдовало ту цѣль, которую одинаково ставили крестьянской реформѣ представители власти отъ Екатерины II до Александра II, т. е. если бы оно задавалось мыслью сдѣлать такъ, чтобы быть крестьянъ былъ улучшенъ, а помѣщикъ не пострадалъ, или даже выигралъ, то мы долго не дождались бы рѣшенія вопроса. Рѣшеній перепробовано было много въ теченіе цѣлаго столѣтія передъ освобожденіемъ; всѣ они оказались одинаково несостоятельными, такъ что путемъ простого исключенія правительства могло бы придти къ единственно возможному рѣшенію, принятому 19 февраля 1861 г. Началось, конечно, съ попытокъ частныхъ улучшеній; но правительство Екатерины II, также какъ и правительство Императора Николая I должно было придти къ заключенію, что никакія отдѣльныя улучшенія невозможны, если

оставить по прежнему ту неопредѣленность отношеній, которая составляла сущность нашего крѣпостнаго права. Регламентировать же серьезно эти отношенія ни одно правительство не рѣшалось; а когда рѣчь о такой регламентаціи зашла передъ освобожденіемъ крестьянъ, то наше дворянство ясно показало, что всякой подобной регламентаціи оно предпочитаетъ полную ликвидацію крѣпостныхъ отношеній. Такимъ образомъ, съ точки зрѣнія самого дворянства, радикальное разрѣшеніе вопроса оказалось единственно возможнымъ. Какого рода должна была быть эта радикальная развязка, относительно этого тоже предъидущая исторія крестьянскаго вопроса не оставляла никакихъ сомнѣній. Первой мыслью было—дать крестьянамъ личную свободу, а землю оставить помѣщикамъ. Въ прошломъ вѣкѣ и въ началѣ нынѣшняго такое рѣшеніе считалось даже либеральнымъ; а постепенное развитіе экономической жизни Россіи сдѣлало его настолько выгоднымъ для помѣщиковъ, что наиболѣе развитая часть дворянства прямо стала желать освобожденія крестьянъ безъ земли. Въ самомъ дѣлѣ, если прежде земля безъ крѣпостныхъ ничего не значила, то теперь она стала пріобрѣтать совершенно самостоятельную цѣнность. Помѣщикъ не могъ обойтись безъ дарового труда, пока онъ извлекалъ изъ своей земли продукты исключительно для личнаго потребленія; сама по себѣ земля ничего бы ему не дала; понятно, что цѣнность ея измѣрялась для него количествомъ прикрѣпленныхъ къ ней рабочихъ рукъ. Но съ тѣхъ поръ обстоятельства перемѣнились. Натуральное хозяйство начало уступать мѣсто новому; земледѣльческіе продукты стали предметомъ сбыта внутри и внѣ страны; цѣны ихъ постепенно росли; вмѣстѣ съ тѣмъ возростала доходность хозяйства и поднимались цѣны годной для обработки земли. При этихъ условіяхъ даровой трудъ въ земледѣльческомъ хозяйствѣ быстро потерялъ свою привлекательность. Не трудно было убѣдиться, что трудъ этотъ—даровой только по видимости. На самомъ дѣлѣ помѣщикъ платилъ крѣпостному, выдѣляя ему извѣстный клочекъ земли для его собственнаго хозяйства. Чѣмъ доходнѣе становился этотъ клочекъ, отданный крѣпостному, тѣмъ, значить, дороже обходились помѣщику его услуги; а производительность крѣпостнаго труда далеко уступала производительности труда свободнаго. Министръ Перовскій, самъ сторонникъ крѣпостнаго права, въ одномъ изъ секретныхъ комитетовъ Императора Николая (1845) прямо заявлялъ, что «опыты обработки земель наемными людьми въ губерніяхъ Саратовской, Тамбовской, Пензенской, Воронежской и другихъ показали, что тамъ, гдѣ нѣтъ недостатка въ рукахъ, владѣлецъ *ненаселенной*

земли при подобномъ хозяйствѣ оставался въ выигрышѣ противу *помѣщика*. Естественно, что помѣщики хлѣбородной полосы «сами начали понимать, что крестьяне тяготятъ ихъ и что было бы желательнѣе измѣнить эти обоюдо - невыгодныя отношенія». Лучше всего было бы, конечно, отпустить крѣпостныхъ на всѣ четыре стороны. Но достаточно было знать русскаго крестьянина, чтобы понять, что съ такимъ рѣшеніемъ онъ не помирится. Вотъ почему всѣ сколько-нибудь свѣдущіе защитники владѣльческихъ интересовъ всегда признавали безземельное освобожденіе неосуществимымъ въ настоящемъ и только настаивали на томъ, чтобы подготовить постепенно его осуществленіе въ болѣе или менѣе отдаленномъ будущемъ.

Возникалъ по временамъ и другой проектъ развязки крѣпостныхъ отношеній. Если отдать крестьянину землю было нежелательно, а отнять ее у него—невозможно, то нельзя ли было избрать средній путь: оставивъ собственность на землю за помѣщиками, крестьянамъ передать право наслѣдственнаго пользованія ихъ участками за опредѣленныя повинности. Этотъ проектъ, чуждый условіямъ русской жизни, послужилъ, однакоже, лишь для того, чтобы выяснитъ вообще неудовлетворительность среднихъ рѣшеній. Одна мысль о регламентаціи взаимныхъ отношеній и объ установленіи вѣчной обязательности ихъ для обѣихъ сторонъ приводила владѣльческое сословіе въ ужасъ. Притомъ же, нашимъ помѣщикамъ трудно давалось юридическое понятіе *dominium directum*. Права собственности они никакъ не могли представить себѣ безъ права распоряженія; отдача земли въ наслѣдственное пользованіе казалась имъ полной—и притомъ даровой—потерей имущества.

И такъ, если уже развязка была необходима, оставалось только одно—остановиться на мысли, которая на первый взглядъ казалась возмутительной и революціонной: на мысли объ отдачѣ земли крестьянамъ. Возмутительной представлялась, собственно, въ этомъ исходѣ только идея принудительной экспроприаціи дворянской земли. Поэтому, ни Императоръ Николай, ни Императоръ Александръ II не рѣшились сдѣлать передачу земли крестьянамъ обязательной для дворянства. Но разъ идея *обязательности* была, такимъ образомъ, устранена, продажа крестьянамъ земли могла сдѣлаться для помѣщиковъ даже выгодной операцией. Все зависѣло тутъ отъ условій продажи. Мы видѣли, что помѣщикъ хлѣбородной полосы къ серединѣ нашего вѣка сталъ предпочитать совсѣмъ отдѣлаться отъ крестьянъ. Но если это было нельзя, онъ могъ съ выгодой для себя уступить крестьянину такой

маленькій клочекъ земли, который самъ по себѣ не обезпечивалъ бы ему средствъ для существованія и для уплаты повинностей. Въ такомъ случаѣ, помѣщикъ освобождался отъ всего, что, по выраженію Перовскаго, дѣлало его отношенія къ крестьянину «тягостными»: избавлялся отъ неудовлетворительнаго и дорогого теперь крѣпостнаго труда, отъ «неопредѣленности крестьянскихъ обязанностей», а также и отъ своей «тяжкой обязанности—кормить крестьянъ на свой счетъ» въ случаѣ неурожая. Взамѣнъ того, онъ приобреталъ дешеваго наемнаго работника, который находился въ полной отъ него зависимости и съ которымъ, въ то же время, онъ не былъ ничѣмъ связанъ формально. Въ сѣверной, нехлѣбородной половинѣ Россіи—разстаться съ землей помѣщику было еще легче. Здѣсь онъ уже и прежде, большею частью, не занимался хозяйствомъ и даже не жилъ въ деревнѣ, а получалъ съ крестьянъ, за всѣ ихъ обязанности, круглую цифру «оброка» *). Трудность при развязкѣ крѣпостныхъ отношеній была тутъ другая. Земля была не нужна помѣщику, потому что съ нея здѣсь немного было можно выручить; но и крестьянинъ выручалъ въ этой мѣстности барскій оброкъ не съ земли, а съ промысловъ, служившихъ здѣсь издавна подспорьемъ земледѣлію, стало быть, отдавъ крестьянину землю за то, чего она здѣсь стоила, помѣщикъ не вознаградилъ бы себя за потерю оброка; такъ или иначе, онъ долженъ былъ добиться вознагражденія не за одну землю, но также и за теряемое имъ право на промышленный трудъ крестьянина.

И такъ, освобожденіе крестьянъ съ землей могло бы быть выгодно помѣщикамъ только при томъ условіи, чтобы въ хлѣбородной полосѣ до крайности были урѣзаны размѣры надѣла, а въ промышленной — цѣна за землю была бы назначена выше ея естественной стоимости, принимая въ расчетъ и внѣземледѣльческіе заработки крестьянина. Въ послѣднемъ случаѣ владѣлецъ прямо рассчитывалъ получить выкупъ за личность крѣпостнаго, а въ первомъ—онъ могъ надѣяться остаться фактическимъ распоряди-

---

*) Къ послѣдней четверти XVIII в. въ нечерноземныхъ губерніяхъ было на оброкѣ больше половины (55%) всего крѣпостнаго населенія, тогда какъ въ черноземныхъ губерніяхъ число оброчныхъ едва превышало четверть (26%); остальные были на барщинѣ. Ко времени крестьянскаго освобожденія эта разница между югомъ и сѣверомъ сдѣлалась еще рѣзче: въ 8 нечерноземныхъ губерніяхъ, въ которыхъ при Екатеринѣ II было 54% оброчныхъ, ко времени освобожденія ихъ было уже 63,8%, т. е. около двухъ третей. Напротивъ, на черноземѣ число оброчныхъ крестьянъ, въ общемъ, не увеличилось, а во многихъ губерніяхъ даже уменьшилось.

телемъ свободнаго крестьянскаго труда. Затѣмъ, за ликвидацію крѣпостныхъ отношеній посредствомъ выкупа говорила и настоятельная нужда многихъ помѣщиковъ — расплатиться съ долгами кредитнымъ учрежденіямъ и частнымъ лицамъ. Всѣ эти соображенія могли перевѣсить въ глазахъ помѣщиковъ опасеніе тѣхъ потерь, которыя по необходимости вытекали изъ упраздненія множества даровыхъ услугъ и натуральныхъ приношеній. Но, конечно, этого было слишкомъ недостаточно, чтобы побудить дворянство взять на себя инициативу въ упраздненіи крѣпостнаго права. Известно, до какой степени неподготовленной оказалась къ реформѣ масса рядоваго дворянства, и какія усилія дѣлалъ владѣльческій классъ, чтобы затормозить эмансипацію. Инициативу взяло на себя правительство; и, конечно, оно руководилось при этомъ не измѣненіями въ экономическомъ строѣ помѣщичьяго хозяйства. Гораздо большее значеніе имѣла та мысль, что крѣпостное право вообще стоитъ на дорогѣ всему экономическому развитію цѣлой страны. Эта мысль должна была, конечно, утвердить въ обществѣ мнѣніе о необходимости реформы. Но едва ли бы ошибемся, если скажемъ, что рѣшающую роль въ возбужденіи вопроса о реформѣ сыиграли, съ одной стороны, чисто моральныя побужденія, съ другой—соображенія государственной безопасности. Если угодно, эти двѣ причины суть двѣ стороны одной и той же причины. Одно и то же нравственное сознаніе невыносимости крѣпостной зависимости руководило общественнымъ мнѣніемъ въ его сознательныхъ стремленіяхъ къ реформѣ и самой народной массой въ ея стихійныхъ попыткахъ освободиться изъ-подъ помѣщичьяго гнета. Уже Императрица Екатерина II высказала опасеніе, что «если не согласимся на уменьшеніе жестокости и умѣреніе роду человѣческому нестерпимаго наказанія, то и противъ воли сами оную (свободу) возьмутъ рано или поздно». Эта мысль, поддерживаемая непрерывными, все болѣе и болѣе численными волненіями крестьянъ, не оставляла преемниковъ Екатерины, пока, наконецъ, Императоръ Александръ II не повторилъ ее въ своемъ знаменитомъ обращеніи къ московскому дворянству: «гораздо лучше, чтобы это произошло свыше, нежели снизу». Заявленная громко передъ всей Россіей, эта же мысль объясняетъ намъ, какимъ образомъ сперва одинъ человѣкъ, потомъ еще двое, потомъ не болѣе дюжины искренно убѣжденныхъ могли разрушить до основанія зданіе крѣпостнаго права, лицомъ къ лицу съ раздраженными криками сословія, затронутого въ своихъ существенныхъ интересахъ, и съ внушительнымъ спокойствіемъ массы. Конечно, владѣльческій классъ употребилъ всѣ старанія, чтобы сдѣлать развязку выгодной для

*

себя. И южный помѣщикъ получилъ возможность урѣзать надѣлы, и сѣверный добился замаскированного выкупа личности крестьянина (посредствомъ повышенной оцѣнки «первой десятины» надѣла). Въ результатѣ крестьяне получили земли меньше, чѣмъ имъ было нужно, и принуждены были заплатить за нее больше, чѣмъ она стоила. Съ этими послѣдствіями освобожденія — съ малоземельемъ и съ несоотвѣтствіемъ между платежами съ земли и ея доходностью—правительству приходится и досихъ поръ считаться. Покупка земель съ помощью крестьянскаго банка и переселенія крестьянъ на свободныя земли должны были помочь малоземелью; пониженіе выкупныхъ платежей и отмена подушной подати должны были уравнивать финансовыя тягости съ размѣрами крестьянскихъ доходовъ. Нечего и прибавлять, что, несмотря на все сдѣланное, на этомъ пути еще гораздо больше остается сдѣлать.

И такъ, крестьянская реформа осуществилась далеко не такъ, какъ этого требовали интересы крестьянства. Но было бы трудно винить за это дѣятелей эмансипаціи. Нужно знать, въ какой обстановкѣ приходилось имъ дѣйствовать и какія условія ставила для освобожденія противная сторона, чтобы оцѣнить вполне, какъ много было сдѣлано для крестьянъ. «Вѣсы реформы» были, дѣйствительно, наклонены въ сторону помѣщичьихъ интересовъ, но это случилось уже послѣ того, какъ немногочисленные адвокаты крестьянскаго дѣла успѣли сильно перегнуть ихъ въ сторону своихъ кліентовъ. Въ итогѣ, конечно, все-таки получился компромиссъ, и очень невыгодный для крестьянства; но между окончательнымъ исходомъ дѣла и первоначальными предложеніями дворянства (даже либеральной части его) мы находимъ такую огромную разницу, что остается только удивляться, какимъ образомъ защитникамъ крестьянскихъ интересовъ удалось сдѣлать такъ много въ предѣлахъ скромной отведенной имъ роли—подготовителей реформы. Слѣдующая табличка можетъ наглядно показать, въ какихъ предѣлахъ велась борьба по коренному вопросу — о размѣрахъ надѣла — и какъ велики были ея результаты.

Въ 6 губерніяхъ *) до реформы находилось въ распоряженіи крестьянъ	5.986 тыс. дес
Изъ этого числа предложено было отрѣзать при освобожденіи:	
1. Дворянствомъ (въ губернскихъ комитетахъ).	2.979 тыс. дес.
<i>(Въ такомъ случаѣ осталось бы у крестьянъ всего . . . . .</i>	
	<i>3.007)</i>

*) По этимъ губерніямъ сообщены Н. П. Семеновымъ нужныя намъ свѣдѣнія (Каванская, Воронежская, Саратовская, Псковская, Новгородская и Сибирская).

2. Сторонниками освобождения (въ редакціонныхъ комиссіяхъ, въ 1-й періодъ ихъ дѣятельности . . . . .)	825	
(Въ такомъ случаѣ крестьянамъ осталось бы . . . . .)		5.161)
3. Послѣ пересмотра ихъ предположеній, при новомъ консервативномъ предсѣдателѣ редакціонныхъ комиссій	938	
4. При окончательномъ рѣшеніи дѣла (въ Главномъ комитетѣ по крест. дѣлу).	1.022	
5. Сами крестьяне отказались по правилу о дарственномъ (нищенскомъ) надѣлѣ, введенномъ крѣпостниками.	180	
Отдаю крестьянамъ на выкупъ		4.784
Осталось земли у помѣщиковъ (въ 5 губерніяхъ).	9.020	
Осталось бы, если бы осуществились отрѣзки, предложенныя дворянствомъ	10.563	

Какъ видимъ, дворянство хотѣло отобрать у крестьянъ въ этихъ губерніяхъ половину существовавшихъ въ моментъ освобожденія надѣловъ, тогда какъ сторонники эмансипаціи предполагали отрѣзать меньше $\frac{1}{7}$. Послѣ всѣхъ усилій крѣпостникамъ удалось оставить за собой нѣсколько болѣе $\frac{1}{6}$ части крестьянской земли, т. е. все-таки *трое* меньше, чѣмъ они желали. Если бы даже имъ удалось уменьшить крестьянскій надѣлъ вдвое, то отъ этого ихъ собственныя владѣнія увеличились бы только на 16%. Осталось во владѣніи помѣщиковъ почти вдвое болѣе, чѣмъ продано крестьянамъ; т. е. они поступились всего третью своихъ земель.

Намъ пора перейти теперь къ исторіи другихъ отдѣловъ русскаго крестьянства: крестьянъ удѣльныхъ и государственныхъ. Крестьяне удѣльные составляли ко времени освобожденія до 900.000, т. е. незначительную сравнительно часть въ общей цифрѣ крестьянства того времени (22 милліона душъ муж. пола.). Названіе ихъ «удѣльные» появилось только сто лѣтъ тому назадъ, въ 1797 г., когда Императоръ Павелъ своимъ «Учрежденіемъ объ Императорской фамиліи» выдѣлилъ эту группу крестьянъ въ вѣдомство «Удѣла». Но самая группа «удѣльныхъ» крестьянъ существовала и раньше: подъ названіемъ «дворцовыхъ» она восходитъ къ самымъ древнимъ временамъ нашей исторіи. Въ древнѣйшій періодъ, правда, «дворцовые» крестьяне сливались съ казенными крестьянами вообще, какъ и само дворцовое управленіе сливалось съ государственнымъ. Въ составъ дворцовыхъ волостей попали, повидимому, всѣ волости центральной Руси, не принадлежавшія частнымъ собственникамъ: въ основу легли при этомъ волости и села, купленные или другими способами приобретенныя великими князьями; но уже въ

XIV—XV в. къ этому ядру присоединяются и всё вообще «черныя», то-есть, свободныя крестьянскія волости московскаго центра; существовалъ даже терминъ для обозначенія перехода черныхъ волостей въ распоряженіе князя, «окняженіе». «Окняживъ» черныя волости, великій князь распоряжался ими по усмотрѣнію: дарить, продавать, мѣнялъ съ другими частными собственниками и т. д.

Изъ всей этой первоначальной массы государственныхъ волостей собственно дворцовыя волости выдѣляются, повидимому, не ранѣе середины XVI в.; раньше мы видѣли, что въ то же время выдѣляется и вообще дворцовое управленіе изъ общегосударственнаго (Оч. III, 3). Съ половины XVI в. до начала XVIII в. дворцовыя волости находятся въ завѣдываніи Большого Дворца; число ихъ послѣ Ивана Грознаго постепенно увеличивается: въ 1646 г. считалось въ завѣдываніи Большого Дворца 37.200 дворовъ, а въ 1678 г. уже 90.550 дворовъ. Но съ этого времени по 1711 г. роздано было изъ дворцовыхъ волостей больше 43 тысячъ дворовъ; въ 1711 г. считалось въ дворцовомъ вѣдомствѣ только около 50 тысячъ дворовъ. Съ начала XVIII в. Большой Дворецъ былъ уничтоженъ и замѣненъ дворцовой канцеляріей. Въ ея вѣдомствѣ и оставались дворцовыя крестьяне до Екатерины II; при введеніи ею губернскихъ учрежденій дворцовыя имѣнія распредѣлились (какъ распредѣлялись уже одно время и при Петрѣ) между губерніями и съ этихъ поръ находились, какъ и государственныя имущества вообще, въ вѣдомствѣ казенныхъ палатъ. Съ 1797 г. дворцовыя крестьяне снова были выдѣлены въ особую группу, и завѣдованіе ими опять сосредоточено въ особомъ центральномъ «удѣльномъ» вѣдомствѣ. Наконецъ, послѣ крестьянскаго освобожденія, съ 1863 г., какъ мы говорили выше, они были переведены на выкупъ на самыхъ льготныхъ условіяхъ.

Группа *государственныхъ* крестьянъ, по численности приблизительно равная группѣ помѣщичьихъ, составила изъ весьма различныхъ элементовъ не ранѣе XVIII столѣтія. Главными частями этой группы *) были, такъ-называемые, черносошныя, однодворцы и ясачныя крестьяне (т. е. инородцы, платившіе прямую подать, называвшуюся «ясакъ»). Всѣ три отдѣла государственныхъ крестьянъ расположились по разнымъ окраинамъ Московскаго государства: черносошныя на сѣверѣ, однодворцы на югѣ и ясачныя на востокѣ. На далекій сѣверъ, въ теперешнюю Архангельскую, Вологодскую, Олонецкую, сѣверныя части Вятской

*) Кромѣ такъ-называемыхъ «экономическихъ» крестьянъ, т. е. бывшихъ монастырскихъ, отданныхъ въ XVIII в. въ вѣдѣніе Коллегіи Экономіи.

и Пермской губ., влияние московскаго правительства проникало довольно медленно. Гарнизонныя военных здѣсь держать было не нужно, такъ какъ съ сѣвера не грозила никакая опасность; раздавать въ такой отдаленности земли служилымъ людямъ было бесполезно, такъ какъ на мѣстѣ ихъ служба была не нужна, а на московскую службу они не могли отсюда поспѣвать во время. Поэтому, служилое землевладѣніе сюда почти совсѣмъ не проникло. Во время крестьянскаго освобожденія въ составѣ крестьянъ Олонекской губ. было всего до $4\frac{1}{2}\%$ крѣпостныхъ, въ Вятской—немного болѣе $2\frac{1}{2}\%$, а въ Архангельской на всю губернію приходилось крѣпостныхъ всего 20 человекъ. Въ XVII вѣкѣ всѣ эти мѣстности выдѣлялись въ особый отдѣлъ именно на основаніи того, что въ нихъ служилыхъ людей вовсе не было. Служилый человекъ изъ Москвы являлся сюда только на время, или какъ воевода, или какъ сборщикъ податей; но уже очень рано правительство начало передавать управленіе краемъ и сборъ податей мѣстнымъ выборнымъ властямъ: къ началу XVIII в. правительственные воеводы и сборщики были здѣсь вовсе отмѣнены. Такимъ образомъ, здѣшнее крестьянство и городское сословіе управлялось само собою: поэтому здѣсь и создались самыя широкія формы крестьянскаго и посадскаго самоуправленія. Не только крестьянская волость составляла одно самоуправляющееся цѣлое, но мѣстами встрѣчаемъ выборное управленіе цѣлымъ «уѣздомъ»,—высшей областной единицей Московскаго государства: выборные отъ крестьянъ и посадскихъ за сѣдали во «всеуѣздной избѣ», въ центрѣ обширнаго округа. Главной задачей этихъ выборныхъ властей было собираніе податей: мы знаемъ, что русскій сѣверъ въ XVII в. игралъ роль денежнаго сундука для правительства и былъ несравненно тяжеле другихъ частей государства обложенъ податями (Оч. III, 2).

Населеніе этой части государства носило названіе «черныхъ сохъ». Исключительно широкое самоуправленіе «черносошныхъ» крестьянъ привело нѣкоторыхъ изслѣдователей къ выводу, что здѣсь на сѣверѣ сохранилась въ чистомъ видѣ первобытная русская община. Однакоже, такой выводъ не подтверждается при ближайшемъ разсмотрѣніи. Сѣверная волость, дѣйствительно, управляла, раскладывала и собирала подати, судила своихъ членовъ сама, другими словами, она, дѣйствительно, была общиной административной, судебной, финансовою; но она не была общиной хозяйственной (ср. выше). Участки земли, обработанные членами общины, составляли собственнотъ не всей общины, а отдѣльныхъ хозяевъ, которые могли продавать, покупать, завѣщать ихъ, словомъ, распоряжались своими участками, какъ полною собственностью.

Такимъ образомъ, въ эпоху Московскаго государства на сѣверѣ не было еще общиннаго землевладѣнія. Мы видѣли, что въ то время общинное землепользованіе, хозяйство крестьянина на общинной землѣ, существовало уже съ давнихъ поръ въ центрѣ, на владѣльческихъ земляхъ. Отсюда, изъ центра, общинные порядки распространяются и на сѣверъ, въ среду черносошныхъ, но уже въ XVIII в. и притомъ преимущественно въ концѣ его. Любопытно, что и самый переходъ общины изъ центра на сѣверъ связавъ съ перемѣной во взглядѣ на черносошное землевладѣніе. Съ «черными сохами» случилось то же, что съ черными землями центра. Мы видѣли, что уже въ очень древнее время правительство «окняжило» эти земли, т. е. превратило ихъ изъ свободной въ казенную собственность. «Черныя сохи» сѣвера правительство тоже склонно считать своею собственностью, но на сѣверѣ этотъ правительственный взглядъ сталкивается съ крестьянскимъ взглядомъ, по которому черныя сохи суть свободная крестьянская собственность. До самаго XVIII вѣка правительство оказывается безсильнымъ провести свой взглядъ и дѣлаетъ уступки взгляду мѣстнаго крестьянства. Но съ начала XVIII в. московское правительство становится рѣшительнѣе и настойчивѣе. Петръ облагаетъ черносошныхъ, кромѣ подушной, еще особой дополнительной *оброчной* податью и этимъ формально ставитъ ихъ въ такое же отношеніе къ правительству, въ какомъ стояли помѣщичьи крестьяне относительно помѣщика: тѣ и другіе платятъ оброкъ, — слѣдовательно, тѣ и другіе признаются не собственниками своихъ участковъ, а арендаторами чужой земли, казенной или помѣщичьей. И такъ, со времени заведенія оброчной подати (1724) черносошныя становятся формально государственными крестьянами, а черныя сохи — государственной собственностью. Въ концѣ вѣка правительство рѣшилось сдѣлать изъ своего права собственности и практическое примѣненіе, и распорядиться по хозяйски крестьянскими участками, которые крестьяне продолжали считать своей частной собственностью. Коммиссія, посланная для усмиренія волненій олонедкихъ черносошныхъ, прямо рѣшила ввести у черносошныхъ общинное землевладѣніе: «между крестьянами земли и всѣ угодья, смѣшавъ, раздѣлить на тягла по душамъ и по имуществу»; дальнѣйшіе передѣлы «предоставить на общее самихъ же ихъ мірское уравненіе», а «родословія и наслѣдства ихъ отрѣшить; продажи, заклады, мѣны и покупки уничтожить». Отмѣна частной собственности на землю, установившейся вѣками, конечно, была встрѣчена съ неудовольствіемъ, вызвала отпоръ и окончательно проведена была не раньше 30-хъ годовъ нашего столѣтія. Такъ, слѣдовательно, недавно появилось на сѣверѣ общинное землевладѣніе.

Совершенно тотъ же ходъ дѣла встрѣтимъ у южнаго отдѣла государственныхъ крестьянъ, у бывшихъ однодворцевъ. По самому происхожденію своему однодворцы были не общинниками, а свободными собственниками. Однодворцы и другіе мелкіе служилые люди были поселены правительствомъ каждый на своемъ участкѣ на тогдашней военной границѣ: они должны были оборонять тѣ укрупленные линіи, которыя воздвигало на югѣ для защиты отъ степи московское правительство (Оч. 1, 3). Эти военныя поселенія явились, слѣдовательно, одновременно съ устройствомъ оборонительныхъ линій,—на промежуткѣ отъ половины XVI в. до половины XVII в. Позже оборона границы была устроена, какъ мы знаемъ, иначе; съ половины XVII в. на югѣ селятся малороссійскіе полки, за ними устроенная Петромъ «ландмилиція» и, наконецъ, славянскіе военные выходцы. Такимъ образомъ, однодворческія поселенія въ поясъ между Тульской и Бѣлгородской оборонительной чертами оказываются далеко отодвинутыми отъ новыхъ границъ и ихъ военная служба становится ненужной. Тогда Петръ записываетъ этихъ старыхъ служилыхъ людей въ подушный окладъ, и превращаетъ ихъ въ крестьянство. Такимъ образомъ, группа однодворцевъ одновременно съ черносошными входитъ въ составъ государственныхъ крестьянъ; однодворческая земля начинаетъ, какъ и черносошная, считаться государственной. Однакоже, тутъ новый взглядъ было еще труднѣе провести, чѣмъ на сѣверѣ; многіе изъ владѣльцевъ старинныхъ служилыхъ (такъ наз. «четвертныхъ») участковъ сохраняли еще документы на владѣніе участками,—документы, данные самимъ правительствомъ. Превратить частное землевладѣніе однодворцевъ въ общинное нельзя было, конечно, одной какой-нибудь общей мѣрой безъ согласія владѣльцевъ: однакоже правительство старалось осуществить этотъ переходъ при всякомъ удобномъ случаѣ; и старанія эти были настолько успѣшны, что въ срединѣ нашего вѣка 533 тыс. душъ уже перешли къ общинному владѣнію и только 540 тыс. душ. сохранили владѣніе частное («четвертное»). Во вторую половину вѣка и до нашего времени этотъ переходъ къ общинѣ непрерывно, хотя и медленно, продолжался.

И такъ, среди главныхъ разрядовъ государственныхъ крестьянъ общинное землевладѣніе есть совсѣмъ свѣжій продуктъ исторіи. Напротивъ, у крестьянъ владѣльческихъ оно создалось вѣками. Если, такимъ образомъ, несмотря на различіе времени и условій жизни, среди всѣхъ отдѣловъ русскаго крестьянства установилась одинаковая форма соціально-экономическаго быта, то мы должны заключить, что форма эта продолжаетъ поддерживаться какими-нибудь

общими причинами, дѣйствующими во всей Россіи на пространствѣ вѣковъ. Эти причины мы уже указали раньше: это, съ одной стороны, паткій уровень экономического развитія, съ другой, финансовыя требованія государства. Устанавливая общинные порядки на сѣверной и южной окраинѣ, правительство прошлаго и первой половины настоящаго вѣка руководилось тѣми же соображеніями, которыя вызвали созданіе такой организаціи въ XIII и слѣдующихъ столѣтіяхъ. Свободная собственность не могла обезпечить правительству исправнаго платежа податей. У черносошныхъ и у однодворцевъ свобода землевладѣнія повела за собою свои обычныя послѣдствія. Земельные участки стали скопляться въ рукахъ зажиточныхъ и ускользать изъ рукъ бѣдныхъ владѣльцевъ; съ одной стороны, создавалась вліятельная группа лицъ, имѣвшихъ возможность (на сѣверѣ) перелгать свои повинности и платежи на бѣдняковъ, за которыми эти платежи пропадали въ вѣчной недоимкѣ; съ другой—явилась масса безземельныхъ, которымъ только и оставалось идти въ батраки къ деревенскимъ богачамъ; наконецъ, значительная часть земли вовсе ушла изъ крестьянскаго сословія, перейдя въ собственность покупателей изъ другихъ сословій. Въ отпоръ всѣмъ этимъ социальнымъ явленіямъ правительство и поспѣшило ввести на окраинахъ тотъ же самый принципъ равномѣрнаго надѣленія землей за равномѣрныя повинности, къ которому оно привыкло въ центрѣ. Уравненіе повинностей являлось при этомъ главной цѣлю, а равномѣрное надѣленіе — испытаннымъ средствомъ, лучше всего приводившимъ къ цѣли.

Вся эта система аграрной политики покоилась на одной основной идеѣ: что земля въ Россіи принадлежитъ не крестьянамъ, а—или государству, или душевладѣльцамъ. Естественно, что переходъ въ 60-хъ годахъ къ выкупу крестьянскихъ надѣловъ долженъ былъ поколебать самыя основанія системы. Дѣятели крестьянскаго освобожденія исходили изъ мысли о благотѣльности индивидуальной собственности для экономического развитія страны. Изъ всѣхъ членовъ редакціонныхъ комиссій не было ни одного (кромѣ Ю. Самарина), кто бы не былъ увѣренъ, что въ болѣе или менѣе близкомъ будущемъ на благо Россіи община должна разрушиться и уступить свое мѣсто болѣе подвижнымъ формамъ землевладѣнія. Подъ вліяніемъ этой мысли законодательство открыло настежь двери индивидуалистическимъ вліяніямъ на общину и въ теченіи вѣкотораго времени воздерживалось отъ какого бы то ни было государственнаго вмѣшательства во внутреннія отношенія деревни. Послѣдствія не замедлили сказаться. Земская статистика 80-хъ годовъ констатировала цѣлый рядъ симптомовъ, свидѣтельствующихъ

ших о разложеніи общины, особенно среди бывших помѣщичьихъ крестьянъ. Передѣлы земли, казалось, выходили изъ употребленія; надѣльные участки зачастую фактически превращались въ наследственные, а иногда такое превращеніе закрѣплялось и формальными приговорами о переходѣ отъ общиннаго владѣнія къ подворному: сознаніе того, что каждый хозяинъ выкупаетъ *своими* деньгами *свою* будущую собственность не могло не вызвать всѣхъ этихъ явленій. Но дѣло пошло уже и дальше. Раздѣлъ общинной земли нерѣдко служилъ лишь средствомъ для ея немедленной продажи своему же зажиточному сосѣду или на сторону—купцу, кабатчику и т. п. Къ тому же приводилъ и дозволенный статьей 165 Положенія досрочный выкупъ надѣловъ отдѣльными хозяевами: выкупъ этотъ возрасталъ въ геометрической прогрессіи, по мѣрѣ того какъ приближался срокъ окончанія выкупа, и, слѣдовательно, на землѣ все меньше и меньше оставалось выкупаго долга. Въ результатѣ, въ деревню проникли посторонніе элементы, а значительная часть (въ Московской губ. до 20%) деревенскаго населенія превратилась въ безземельныхъ. Словомъ, повторилось все то, что мы видѣли на черныхъ и однодворческихъ земляхъ до конца XVIII в. И правительство снова употребило противъ этихъ явленій прежнія средства: оно обратилось, въ послѣдніе годы, къ мѣрамъ охраны, имѣющимъ цѣлю—съ одной стороны приостановить мобилизацію крестьянской собственности, съ другой—регулировать общинное пользованіе ею. Каковы бы ни были мотивы, руководившіе при этомъ законодателемъ, среди нихъ побужденія чисто фискальнаго характера все еще играютъ не послѣднюю роль. Изъ причинъ, подъ влияніемъ которыхъ сложилась наша община, одна эта причина продолжаетъ дѣйствовать, какъ дѣйствовала прежде. Сильно перемѣнился общій тонъ экономической жизни; земледѣльческія занятія въ значительной части Россіи начали наконецъ, интересоваться населеніе, не какъ неизбежное средство расквитаться съ повинностями или кое-какъ просуществовать, а какъ выгодный источникъ дохода. вмѣстѣ съ тѣмъ, появилось и могущественное побужденіе къ пріобрѣтенію личной земельной собственности. Давно исчезла и та хозяйская рука, которая давала общинѣ ея хозяйственное единство. Только тяглый характеръ общинной организаціи продолжаетъ сохраняться; но общій ходъ нашей податной исторіи (Оч. III, 2) не оставляетъ никакого сомнѣнія, что рано или поздно развяжется и этотъ послѣдній узелъ, соединяющій членовъ общины принудительной связью. вмѣстѣ съ тѣмъ, исчезнетъ главный мотивъ, руководившій до сихъ поръ нашей аграрной политикой. Сохранить ли и при этомъ условіи наше законодательство

свою стародавню тенденцію—охранять крестьянскую общину, или оно уступитъ передъ напоромъ новыхъ, индивидуалистическихъ стремленій,—на этотъ вопросъ отвѣтитъ теперь довольно трудно. А между тѣмъ, отъ отвѣта на этотъ вопросъ зависить и то, проживетъ ли современная община до того времени, когда станетъ возможно превращеніе ея въ свободную ассоціацію, какою хотѣли ее видѣть всѣ, идеализировавшіе нашу общину въ ея настоящемъ и въ прошломъ.

Важнѣйшія пособія: *Л. В. Ходскій*. Земля и земледѣлецъ, 2 тома Спб. 1891 г. (въ первомъ томѣ—положеніе европейскихъ крестьянъ; во второмъ—ходъ и результаты земельного выкупа разными категоріями крестьянъ). *К. П. Побѣдоносцевъ*. Историческія изслѣдованія и статьи. Спб. 1876. («Историческіе очерки крѣпостнаго права въ Россіи»). *В. И. Семевскій*. Крестьяне въ царствованіе Екатерины II, т. I. Спб. *Его же*. Крестьянскій вопросъ въ Россіи въ XVIII и первой половинѣ XIX в. 2 тома. Спб. 1888. Новѣйшія данныя о ходѣ крестьянской реформы см. у *Н. П. Семенова*. Освобожденіе крестьянъ въ царствованіе имп. Александра, 3 тома (въ 4 книгахъ), Спб. 1889—1892. О результатахъ реформы, кромѣ Ходскаго, см. еще Опытъ статистическаго изслѣдованія о крестьянскихъ надѣлахъ и платежахъ, *Ю. Янсона*. Особенности исторіи черносошныхъ крестьянъ прекрасно выясняются въ статьѣ г-жи *А. Я. Ефименко*. Крестьянское землевладѣніе на крайнемъ Сѣверѣ, см. ея «Изслѣдованіе народной жизни». М. 1884. Параллельныя данныя для исторіи однодворческаго землевладѣнія см. у *В. И. Семенова*. Казенные крестьяне при Екатеринѣ II, «Русская Старина» 1879 г. I—VI. Сводъ данныхъ земской статистики объ общинѣ см. въ соч. *В. В.* Крестьянская община (Итоги экономическаго изслѣдованія Россіи по давнымъ земской статистикѣ, т. I). Даныя о переходахъ крестьянъ въ XVI в. вьаты изъ соч. *И. Ланно*. Тверской уѣздъ въ XVI ст. Дальнѣйшія указанія см. въ статьѣ «Крестьяне». Энциклопедическаго словаря *Арсеньева* и *Петрушевскаго*.

И т о г и.

Дѣлая наблюденія надъ русской демографіей, экономическимъ, политическимъ и социальнымъ строемъ, мы постоянно встрѣчались съ нѣкоторыми общими чертами, проходящими красной нитью черезъ весь русскій историческій процессъ и сообщающими разнымъ сторонамъ этого процесса единообразный характеръ. Въ заключеніе первой части нашихъ «Очерковъ» будетъ нелишнимъ еще разъ остановиться на этихъ общихъ чертахъ, снова пересмотрѣть ихъ и свести въ одно цѣлое.

Начавъ съ наблюденій надъ количественнымъ и качественнымъ составомъ русскаго населенія, мы пришли къ заключенію, что въ томъ и другомъ отношеніи Россія представляетъ большую раз-

нису сравнительно съ Западной Европой. По степени населенности она далеко отстала отъ Запада и стоитъ на такой точкѣ, которая много вѣковъ тому назадъ превзойдена Западной Европой; и притомъ вопросъ, способна ли Россія по мѣстнымъ условіямъ когда-либо достигнуть плотности населенія, подобной Западу,—остается открытымъ. Размѣщеніе русскаго населенія по всей русской территоріи совершалось въ теченіе всей исторіи Россіи, затянулось до нашего времени и до сихъ поръ далеко не пришло въ соотвѣтствіе съ естественными условіями почвы и климата. Наконецъ, въ этнографическомъ отношеніи, точно также черезъ всю исторію шелъ процессъ сліянія и ассимиляціи различныхъ племенныхъ элементовъ, до сихъ поръ не закончившійся. Перейдя затѣмъ къ экономическому развитію русскаго населенія, мы должны были вывести, что и это развитіе совершалось медленно и достигло сравнительно невысокой степени. Такъ, мы видѣли, что черезъ всю исторію Россіи проходитъ процессъ эксплуатаціи природныхъ богатствъ страны, по преимуществу зоологическихъ; что земледѣльская культура развивается, исключая центра, очень поздно, ограничивается, опять-таки, расхищеніемъ природныхъ почвенныхъ силъ и стоитъ до сихъ поръ на очень низкой степени развитія. Промышленность старой Россіи, какъ мы видѣли, носила по преимуществу домашній характеръ; крупная же капиталистическая промышленность искусственно создана была государствомъ и долго не могла обходиться безъ усиленнаго покровительства. Наконецъ, торговля Россіи всегда носила пассивный характеръ и находилась (внѣшняя) преимущественно въ рукахъ иностранцевъ, нуждавшихся въ русскихъ товарахъ. Кредитъ и кредитныя учрежденія возникли только сто лѣтъ тому назадъ, благодаря правительственному почину, частный же починъ въ этомъ дѣлѣ принадлежитъ только нашему времени.

На такомъ непрочномъ фундаментѣ могла сложиться только очень элементарная общественная организація и притомъ очень трудно и медленно; при элементарномъ развитіи матеріальныхъ интересовъ не было достаточно прочныхъ и сложныхъ матеріальныхъ связей, которыя могли бы служить основаніемъ для рѣзкой сословной группировки. Такимъ образомъ, общественный матеріалъ оставался разрозненнымъ, безформеннымъ, хаотически перемѣшаннымъ до тѣхъ поръ, пока не явилась столь же элементарная потребность въ усиленіи государственной власти. Потребность эта явилась у насъ не извнутри, не вслѣдствіе внутренняго развитія общества, а вслѣдствіе внѣшней необходимости—государственной защиты. Сильная государственная власть нужна была для воен-

ной обороны страны, и военныя потребности надолго остались первенствующими потребностями государства. Для ихъ удовлетворенія государство должно было создать общественную организацію, скрѣпить общественныя связи. Такимъ образомъ, возникла волостная связь крестьянскихъ (и городскихъ) міровъ для удовлетворенія потребности въ деньгахъ и уѣздная связь служилаго сословія для удовлетворенія потребности въ войскѣ. По мѣрѣ увеличенія государственныхъ нуждъ и по мѣрѣ отягощенія населенія налогами, связь эта становилась все болѣе и болѣе принудительною и привела, наконецъ, въ XVII вѣкѣ къ всеобщему закрѣпощенію сословій: крестьянскаго такъ же, какъ и городского и служилаго. Это закрѣпощеніе впервые въ Россіи положило рѣзкія границы между сословіями и существенно содѣйствовало развитію ихъ внутренней организаціи. Съ XVIII столѣтія начинается обратное движеніе къ раскрѣпощенію, и при прямомъ содѣйствіи правительства сословія начинаютъ проникаться духомъ внутренней самостоятельности. Однакоже это развитіе сословнаго духа въ XVIII вѣкѣ не имѣло почвы въ исторіи русскихъ сословій и въ концѣ концовъ оказалось временнымъ и наноснымъ продуктомъ переходной эпохи: дальнѣйшее развитіе общественной самостоятельности совершалось въ противоположномъ смыслѣ бессословности, и въ результатѣ получилось къ нашему времени полное разрушеніе и перетасовка старыхъ сословныхъ элементовъ.

Тѣ же причины, которыя помѣшали развитію сословной жизни въ Россіи, казалось, должны бы были содѣйствовать развитію государственности. Но государственность Россіи не становилась въ разрѣзъ съ сословной жизнью и употребляла или даже создавала сословныя группы, какъ орудія для своихъ правительственныхъ цѣлей. Причиной этого было то, что и правительству долго не хватало собственныхъ правительственныхъ органовъ: развитіе правительнаго управленія совершалось въ Россіи чрезвычайно медленно. Правительственныя учрежденія создавались подъ вліяніемъ неотложной нужды и соответствовали характеру этой нужды, т. е. носили по преимуществу финансовый и военный характеръ. Собственно управленіе и судъ стояли для правительства на второмъ планѣ и примыкали къ учрежденіямъ финансовымъ и военнымъ. Безсистемное накопленіе приказовъ, сосредоточеніе всѣхъ провинціальныхъ дѣлъ въ Москвѣ, по преимуществу въ финансовыхъ и военныхъ учрежденіяхъ—таковы главныя черты старой московской администраціи. Переходъ къ новому порядку создается путемъ введенія систематически соподчиненныхъ центральныхъ учреждений и путемъ организаціи болѣе или менѣе самостоятельной областной

единицы. Со второй половины XVIII вѣка, со времени Екатерины II, создается въ Россіи правильное областное устройство, со времени Александра I устанавливаются правильныя отношенія между областными учрежденіями и центральными, и со времени Александра II нѣкоторая часть областныхъ дѣлъ передается въ вѣдѣніе всесословнаго мѣстнаго самоуправления. Въ этотъ только періодъ времени правительство получаетъ возможность систематически преслѣдовать въ области управленія болѣе широкія государственныя задачи, охранять и развивать въ населеніи чувство законности путемъ болѣе точнаго опредѣленія того, что должно считаться закономъ и путемъ болѣе дѣйствительнаго контроля за его примѣненіемъ на мѣстѣ. Только въ это время, наконецъ, становится возможнымъ освобожденіе цѣлаго сословія изъ-подъ власти другого, уравненіе гражданскихъ правъ и обязанностей разныхъ классовъ, и установленіе одинаковаго для всѣхъ права и равнаго для всѣхъ суда.

Если мы захотимъ формулировать общее впечатлѣніе, которое получается при сравненіи всѣхъ затронутыхъ нами сторонъ русскаго историческаго процесса съ тѣми же сторонами историческаго развитія Запада, то, кажется, можно будетъ свести это впечатлѣніе къ двумъ основнымъ чертамъ. Въ нашей исторической эволюціи бросается въ глаза: во-первыхъ, ея крайняя *элементарность*, во-вторыхъ, ея совершенное *своеобразіе*. Обѣ эти черты были давно подмѣчены, и каждая изъ нихъ легла въ основаніе одного изъ двухъ противоположныхъ взглядовъ на ходъ русской исторіи. По первому изъ этихъ взглядовъ, русская исторія есть нѣчто настолько своеобразное, что ничего подобнаго мы не найдемъ ни въ какомъ другомъ историческомъ процессѣ. Между Россіей и Европой такъ же нѣтъ ничего общаго, какъ не можетъ быть ничего общаго между двумя различными зоологическими типами, на примѣръ, между рыбами и млекопитающими; въ основѣ ихъ историческаго развитія лежатъ совершенно различныя, цѣльныя и неразложимыя на составныя элементы національныя типы, несравнимыя и несоизмѣримыя между собою. Всѣ отдѣльныя черты каждаго національнаго типа вытекаютъ изъ его основной сущности и находятся другъ съ другомъ въ самой неразрывной связи. Привить какую-нибудь черту одного изъ этихъ типовъ другому такъ же невозможно, какъ заставить рыбу дышать легкими, а млекопитающее жабрами. Такимъ образомъ, и въ общемъ, и въ частностяхъ историческое развитіе русскаго народа было, есть и будетъ совершенно самобытно, своеобразно и не похоже ни на какую другую національную исторію.

Таковъ взглядъ на русскую исторію нашихъ націоналистовъ. Другой взглядъ исходитъ изъ наблюденія другой отмѣченной черты: элементарности русскаго историческаго развитія. По этому взгляду всѣ народности проходятъ одинаковую зѣстницу общественнаго развитія, и мы идемъ потому же пути, на которомъ мы пока лишь отстаемъ. Въ дальнѣйшемъ Россія будетъ продолжать эволюцію и пройдетъ тѣ же ступени, какія уже пройдены или проходятся Западомъ.

Который же изъ двухъ взглядовъ вѣренъ? Представляетъ ли Россія совсѣмъ особый типъ національнаго развитія, или только одну изъ ступеней, давно пройденныхъ Европой? Мы поймемъ всю важность этого вопроса, если замѣтимъ, что отъ того или другого отвѣта на него зависитъ наше представленіе о дальнѣйшемъ развитіи, о будущности Россіи. Такая важность вопроса заставляетъ быть очень осторожными въ его разрѣшеніи. Мы поступимъ всего лучше, если не дадимъ вѣры ни тому, ни другому изъ двухъ крайнихъ взглядовъ въ ихъ чистомъ видѣ. Въ томъ и другомъ истина смѣшана съ ошибкой; и выдѣливъ изъ обоихъ долю истины, которая въ нихъ заключается, нельзя не придти къ заключенію, что, въ сущности говоря, оба взгляда не такъ непримиримы другъ съ другомъ, какъ это кажется съ перваго раза. Ни одно національное развитіе не похоже на другое, въ каждомъ есть доля своеобразнаго, индивидуальнаго, свойственнаго только одному данному случаю. Такъ говорятъ сторонники націонализма, и если бы они ограничились однимъ этимъ утвержденіемъ, намъ нечего было бы возражать имъ. Да, дѣйствительно, сочетаніе историческихъ условій, создающихъ національную жизнь, не можетъ не быть безконечно разнообразно въ каждомъ данномъ случаѣ, а слѣдствительно и результатъ этого сочетанія—национальное развитіе—будетъ безконечно разнообразенъ. Но при всемъ разнообразіи результатовъ исторической жизни—точно ли они такъ несоизмѣримы другъ съ другомъ? Если сравнить между собою одни только готовые результаты и забыть о тѣхъ условіяхъ, которыя ихъ создали, конечно, сравненіе окажется затруднительнымъ. Но задача историка именно и заключается въ анализѣ историческаго явленія, въ сведеніи его къ создавшимъ его причинамъ. Чтобы воспользоваться приведеннымъ уже примѣромъ, конечно, было бы безцѣльно обсуждать сравнительное достоинство жабръ и легкихъ самихъ по себѣ, независимо отъ условій жизни въ водѣ и на сушѣ, къ которымъ эти органы приспособлены; но въ наше время существуетъ наука сравнительной анатоміи, которая производитъ сравненіе одинаковыхъ органовъ не въ ихъ готовомъ видѣ, а въ

ихъ происхожденіи и развитіи въ цѣломъ рядѣ животныхъ формъ, подѣ влияніемъ условій жизни. Съ этой точки зрѣнія между обѣими формами дыхательныхъ органовъ можно прослѣдить не только безусловное сходство, но даже, можетъ быть, и генеалогическое родство. Современный историкъ тоже не можетъ обойтись въ наше время безъ своего рода сравнительной анатоміи: и ему приходится расчленять историческое явленіе и устанавливать сравненіе не между готовыми результатами, а между условіями ихъ происхожденія. Такого рода расчлененіе условій историческаго явленія и мы пытались произвести въ началѣ нашихъ «Очерковъ». Теперь будетъ своевременно напомнить объ этомъ анализѣ и приложить его къ интересующему насъ вопросу. Мы различали въ историческомъ результатѣ три главныхъ группы производящихъ его условій. *Первое* условіе заключается во внутренней тенденціи, внутреннемъ законѣ развитія, присущемъ всякому обществу и для всякаго общества одинаковомъ. *Второе* условіе заключается въ особенностяхъ той матеріальной среды, обстановки, среди которой данному обществу суждено развиваться. Наконецъ, *третье* условіе состоитъ во влияніи отдѣльной человѣческой личности на ходъ историческаго процесса. Первое условіе сообщаетъ различнымъ историческимъ процессамъ характеръ сходства въ основномъ ходѣ развитія; второе условіе придаетъ имъ характеръ разнообразія; третье, наиболѣе ограниченное въ своемъ дѣйствіи, вноситъ въ историческія явленія характеръ случайности. Если мы попробуемъ приложить эту классификацію историческихъ условій къ оцѣнкѣ противоположныхъ взглядовъ на прошлое и настоящее Россіи, мы увидимъ, что оцѣнка эта значительно облегчится. Взглядъ націоналистовъ, какъ мы видѣли, грѣшитъ тѣмъ, что вовсе не подвергаетъ анализу историческій результатъ и обращается съ нимъ, какъ съ неразложимымъ цѣлымъ. Взглядъ ихъ противниковъ (назовемъ ихъ для большаго удобства, — хотя не для большей точности, — западниками) вноситъ, напротивъ, необходимый анализъ, но, произведя этотъ анализъ, останавливается преимущественно на первомъ изъ отмѣченныхъ нами условій и забываетъ объ остальныхъ. Если бы, дѣйствительно, вся историческая жизнь народовъ сводилась къ внутреннему, органическому развитію общества, если бы развитіе внутренней тенденціи историческаго процесса не осложнялось ничѣмъ постороннимъ, тогда, конечно, всѣ человѣческія общества проходили бы однѣ и тѣ же ступени развитія въ одномъ и томъ же порядкѣ, и намъ было бы нетрудно по извѣстнымъ признакамъ опредѣлить, на какой ступени стоитъ Россія и какія предстоить ей пройти въ будущемъ. Но какъ разъ

относительно Россіи мы знаемъ уже, какъ внутренній ходъ ея развитія видоизмѣнялся подѣ могущественнымъ вліяніемъ второго условія, исторической обстановки. Если бы можно было предположить, что это условіе произвело только задерживающее вліяніе, что оно остановило ростъ Россіи на одной изъ раннихъ ступеней жизни, тогда мы имѣли бы еще право сравнивать состояніе Россіи съ состояніемъ Европы, какъ два различные возраста. Но нѣтъ, историческая жизнь Россіи не остановилась; она шла своимъ ходомъ, можетъ быть, болѣе медленнымъ, но непрерывнымъ, и слѣдовательно, пережила извѣстные моменты развитія, — пережитые и Европой, — по своему. Такъ, образованіе государства есть ступень, одинаково пережитая и Россіей, и Европой: но мы видѣли, при какихъ различныхъ условіяхъ это происходило и съ какими разнообразными результатами. Такимъ образомъ, мы уже не можемъ, какъ предполагали нѣкоторые наши старые писатели, советовать Россіи пережить сначала всѣ стадіи европейской жизни, чтобы придти къ европейскимъ результатамъ. Такъ или иначе, нѣкоторыя изъ этихъ стадій навсегда пережиты; такъ или иначе и результаты всей жизни оказались и будутъ оказываться впредь болѣе или менѣе своеобразными. И такъ, не слѣдуетъ ли вернуться къ теоріи націоналистовъ? Ничуть не бывало. Если историческая обстановка, видоизмѣняющая историческое развитіе, есть могущественный факторъ въ историческомъ процессѣ, то не менѣе основнымъ и могущественнымъ факторомъ надо считать внутреннее развитіе общества одинаковое во всякомъ обществѣ. Условія исторической жизни задержали развитіе численности русскаго населенія; но дальнѣйшій процессъ по необходимости будетъ заключаться въ размноженіи и увеличеніи плотности этого населенія. Условія обстановки задержали экономическую эволюцію на нижнихъ ступеняхъ, но дальнѣйшій ходъ ея у насъ, какъ вездѣ, пойдетъ одинаковымъ порядкомъ, въ направленіи большей интенсивности, большей дифференціаціи и большаго обобществленія труда. Историческія условія создали насильственное сплоченіе сословій и одностороннее развитіе государственности; но дальнѣйшее развитіе экономической жизни уже привело отчасти къ ослабленію государственной опеки, къ раскрѣпощенію сословій, къ зачаткамъ общественной самостоятельности и самодѣятельности. Тѣ же историческія условія сузили государственную дѣятельность и сдвинули государственную организацію въ сторону военныхъ и финансовыхъ потребностей; но дальнѣйшее развитіе и здѣсь повело къ болѣе широкой и рациональной постановкѣ государственныхъ задачъ и должно привести къ болѣе сознательной общественной организаціи. Такимъ обра-

зомъ, во всѣхъ этихъ областяхъ жизни историческое развитіе совершается у насъ въ томъ же направленіи, какъ совершалось и вездѣ въ Европѣ,—это не значитъ, что оно приведетъ въ частностяхъ къ совершенно тождественнымъ результатамъ, но тождественности мы не встрѣтимъ и между отдѣльными государствами Запада,—каждое изъ нихъ представляетъ настолько глубокия различія и своеобразія, что самое подведеніе ихъ подъ одну общую рубрику «западныхъ государствъ» можетъ имѣть только весьма условное и относительное значеніе.

И такъ, несомнѣнное своеобразие русскаго историческаго процесса не мѣшаетъ намъ находить весьма значительное сходство и въ его общемъ ходѣ, и, еще болѣе, въ отдѣльныхъ элементарныхъ факторахъ этого процесса, между нимъ и развитіемъ западно-европейскихъ государствъ. Наши націоналисты стараго времени, вѣрившіе въ то, что каждый народъ призванъ къ осуществленію какой-нибудь одной національной идеи и что эта послѣдняя вытекаетъ изъ внутреннихъ свойствъ народнаго духа, естественно, должны были находить, что это единство національной идеи должно выразиться и въ единствѣ національной исторіи, что, стало быть, завѣты историческаго прошлаго должны служить лучшимъ указаніемъ на задачи будущаго, а всякое заимствованіе со стороны есть не что иное, какъ измѣна національному преданію и искаженіе національной идеи. Въ наше время эти воззрѣнія, какъ будто, опять начали входить въ моду въ извѣстныхъ кругахъ. Тѣмъ болѣе необходимо бороться съ ними, такъ какъ подобныя идеи не только совершенно ошибочны, но и въ высшей степени вредны. Въ самомъ дѣлѣ, что можетъ быть общаго между тринадцати-милліоннымъ государствомъ съ плотностью трехъ человекъ на кв. километръ и съ городскимъ населеніемъ въ 3% всего населенія, и между тѣмъ же государствомъ полтора вѣка спустя съ населеніемъ въ 9 разъ болѣе, съ плотностью въ 6 разъ болѣе и съ городскимъ населеніемъ, увеличившимся въ 40 разъ абсолютно и въ 4 раза пропорціонально? Какую историческую традицію можетъ передать періодъ натурального хозяйства и крѣпостного права періоду мѣноваго хозяйства и гражданской равноправности? Какая историческая связь можетъ существовать между историческимъ прошлымъ русскаго сѣвера и необычайно быстрымъ развитіемъ русскаго юга въ теченіе одного послѣдняго столѣтія,—развитіемъ, которое одно совершенно перемѣстило центръ русской экономической жизни? Наши націоналисты жаловались на Петра Великаго, что онъ хотѣлъ только-что выпедшую изъ младенчества Россію одѣть въ костюмъ взрослого человѣка; но, настаивая на поддер-

жаніи въ настоящемъ исторической традиціи, не хотятъ ли они сами, во что бы то ни стало, сохранить на юношѣ дѣтскія пеленки?

Россія выросла изъ извѣстныхъ формъ и переросла извѣстныя традиціи, отрицать это значитъ закрывать глаза на дѣйствительность и отрицать законы историческаго роста. Признавъ эти законы, мы, вмѣстѣ съ тѣмъ, приобретаемъ возможность взглянуть иначе на необходимость заимствованій съ Запада, чѣмъ смотрѣли на это наши самобытники. Если бы русскій историческій процессъ былъ дѣйствительно совершенно своеобразнымъ и несравнимымъ съ другими, тогда, конечно, всякое заимствованіе пришлось бы считать искаженіемъ національнаго процесса, хотя тогда трудно бы было даже понять, какимъ образомъ такое искаженіе было возможно: ясное дѣло, что заимствованіе не имѣло бы тогда никакой возможности привиться. Но если основной ходъ историческаго развитія, общій у различныхъ историческихъ процессовъ, тогда необходимо признать и нѣкоторую общность въ формахъ этого развитія, и вопросъ долженъ идти уже не о томъ, законно или возможно ли вообще всякое заимствованіе, а о томъ, какія формы могутъ быть признаны подходящими для того, чтобы облечь въ нихъ наличное содержаніе даннаго момента народной жизни. Сходство съ Европой не будетъ при этомъ непремѣнной цѣлью при введеніи извѣстной новой формы, а только естественнымъ послѣдствіемъ сродства самихъ потребностей, вызывающихъ къ жизни и тамъ и здѣсь эти новыя формы; само собою разумѣется, что сходство никогда не дойдетъ при этомъ до полнаго тождества. И такъ, мы не должны обманывать самихъ себя и другихъ страхомъ передъ мнимой измѣной нашей національной традиціи. Если наше прошлое и связано съ настоящимъ, то только какъ балластъ, тянущій насъ книзу, хотя съ каждымъ днемъ все слабѣе и слабѣе. Эту слабость связи между нашимъ прошлымъ и настоящимъ съ грустью признаютъ и націоналисты: отъ требованій быть вѣрными исторической традиціи, они нерѣдко переходятъ къ печальнымъ размышленіямъ о томъ, что настоящей традиціи у насъ нѣтъ. Въ основѣ этихъ печалованій лежитъ, кажется, также нѣкоторое недоразумѣніе. Надо оговориться, о какой традиціи мы говоримъ. Если рѣчь идетъ о связи различныхъ періодовъ естественной эволюціи общества, надо признать, что эта эволюція совершается по свойственнымъ ей законамъ; основной ея законъ есть постоянное измѣненіе и, стало быть, по самому существу дѣла здѣсь никакая традиція невозможна. Но можетъ быть рѣчь о традиціи въ другомъ смыслѣ. Помимо естественнаго хода общественной эволюціи,

во всякомъ развитомъ обществѣ существуетъ сознательная чело-вѣческая дѣятельность, стремящаяся подчинить эту эволюцію чело-вѣческой воли и согласовать ее съ извѣстными чело-вѣческими идеалами. Для достиженія этихъ цѣлей надо прежде всего выра-ботать и распространить эти идеалы и затѣмъ воспитать волю. Если подобная работа совершается въ одномъ и томъ же направ-леніи въ теченіе цѣлаго ряда поколѣній, въ такомъ случаѣ въ результатѣ получится дѣйствительная *культурная* традиція—един-ство общественнаго воспитанія въ извѣстномъ опредѣленномъ на-правленіи. У насъ, дѣйствительно, такой традиціи нѣтъ, и при томъ по двумъ причинамъ. Во-первыхъ, у насъ слишкомъ недавно началось какое бы то ни было сознательное общественное воспи-таніе, во-вторыхъ, наши идеалы за этотъ небольшой промежутокъ сознательнаго общественнаго воспитанія слишкомъ быстро и рѣ-шительно мѣнялись *). То и другое совершенно естественно, и не-обходимо вытекаетъ изъ общаго хода нашей исторической жизни: стихійная, бессознательная въ теченіе многихъ вѣковъ и потому быстро, лихорадочно двинувшаяся впередъ вѣка два тому назадъ, она должна была привести къ разрыву со старой традиціей, а для созданія новой традиціи условія русской духовной культуры сло-жились слишкомъ неблагоприятно. Но неблагоприятныя условія рано или поздно измѣнятся, и новая традиція будетъ имѣть время сло-житься. Что же намъ дѣлать въ ожиданіи этого будущаго? Вер-нуться къ старой традиціи, говорятъ наши націоналисты. Эта старая допетровская традиція дѣйствительно сложилась прочно и крѣпко: тутъ нѣтъ ничего удивительнаго, такъ какъ слагала ее не сознательная дѣятельность общественнаго воспитанія, а сама жизнь съ ея потребностями. Разъ сложившись, эта традиція пере-давалась изъ поколѣнія въ поколѣніе долгое время въ неизмѣн-номъ видѣ, даже не въ формѣ теоретическихъ предписаній, а въ формѣ житейскихъ привычекъ; въ этомъ нѣтъ ничего удивитель-наго, такъ какъ ни о какой «быстрой смѣнѣ идеаловъ» не могло быть и рѣчи въ то время. Можно, смотря по вкусу, завидовать прочности этого допетровскаго чина жизни,—или ненавидѣть его косность, — но, какъ бы мы на него ни смотрѣли, сочувственно или враждебно, нельзя ни надѣяться, ни опасаться, что онъ мо-жетъ быть восстановленъ въ наше время тамъ, гдѣ онъ давно исчезъ, и сохраненъ тамъ, гдѣ уцѣлѣли и до сихъ поръ его об-ломки. Та же жизнь, которая создала его, привела неотвратимо къ его разрушенію раньше даже, чѣмъ воспитаніе могло успѣть это

---

*) См. 3-ю часть «Очерковъ».

сдѣлать сознательно. Понятное дѣло, что и наша сознательная дѣятельность должна быть направлена не на поддержаніе этого археологическаго остатка отдаленной старины, а на созданіе новой русской культурной, «Петровской», традиціи, соотвѣтствующей нашимъ идеаламъ:

Das alte stürzt; es ändert sich die Zeit,
Und neues Leben steigt aus den Ruinen *).

Конецъ I-ой части.

---

*) Старое рушится, и съ теченіемъ времени изъ развалинъ возрождается новая жизнь.

КРИТИЧЕСКІЯ ЗАМѢТКИ.

«Хлѣбъ», романъ г. Мамина, какъ иллюстрація хищнической стадіи капитализма.—Новые типы: «интеллигентная черничка» и человекъ будущаго.—«Душевные свойства женщины», г. Каптерева. — Двусмысленный характеръ и запоздалость его выводовъ.—Проповѣдникъ для современной молодежи: г. Карѣевъ и его произведенія для молодежи. — Общій характеръ этихъ произведеній.—Литературная фязіономія г. Карѣева.—Тридцатилѣтіе «Вѣстника Европы».

«— Да такъ... Вотъ ты теперь ѣшь пирогъ съ лукомъ, а вдругъ протягивается невидимая лапа и цапъ твой пирогъ. Только и видѣлъ... Ты ротъ-то раскрылъ, а пирога ужъ нѣтъ. Не понимаешь? А дѣло-то къ тому идетъ и даже весьма деликатно и просто».

Такъ жалуются волостной писарь Замараевъ, одинъ изъ героевъ послѣдняго романа г. Мамина «Хлѣбъ», на непонятные для него порядки, которые начались послѣ реформы въ глухомъ уголку Зауралья, гдѣ равьше все казалось такъ понятно, мирно и просто. Крестьяне были государственные, земли у нихъ было «не мѣрено», а земля-то — «черноземъ овчина-овчиной», своего хлѣба «сколько влѣзетъ, по три года запасы стояли». Подъ бокомъ была еще «орда» — киргизы, съ которыми шелъ чисто русскій народный обмѣнъ: хлѣбъ мѣняли на скотину съ придачей «кунарскихъ», иначе фальшивыхъ денегъ. Справно жили мужички, — вздыхаетъ одинъ изъ народныхъ радѣтелей, которые кормились около, пока не пришла реформа и съ нею новое время, иные порядки. Г. Маминъ, какъ художникъ, не вдается въ разсмотрѣніе того, такъ ли ужъ было все благополучно, и только изображаетъ картину прежней жизни, какъ она рисовалась самому обывателю. Иначе ему пришлось бы невольно задуматься надъ вопросомъ, отчего въ какихъ-нибудь два-три десятка лѣтъ эта картина безпечальнаго житія такъ быстро разрушилась при первомъ натискѣ новыхъ порядковъ и замѣнилась общимъ разореньемъ, которымъ авторъ заканчиваетъ свой романъ?

Содержаніе романа очень несложно, какъ несложна вообще исторія такихъ нѣкогда Богомъ хранимыхъ уголковъ, теперь представляющихъ унылую пустыню, откуда «народы бѣгутъ врозь». Все благосостояніе заключалось въ отсутствіи жизни, движенія, потребностей. Былъ хлѣбъ—и больше ничего. «Все свое было,—плачетъ одинъ изъ стариковъ,—а теперь ситцы да самовары пошли». Въ примитивности такой жизни скрывался залогъ ея поразительно быстрого разрушенія. «Хлѣбъ» приманилъ новую силу, которая пришла со стороны, хотя для ея развитія были всѣ данныя, всѣ условія на мѣстѣ. Явился капиталъ, смѣнившій доморощенного кулака. Послѣднему жилось очень недурно, и на первыхъ порахъ онъ посматривалъ на дѣятельность капитала не безъ насмѣшки. Услышавъ рассказъ о томъ, какъ вновь открытый банкъ выдаетъ вкладчикамъ шесть процентовъ, а самъ зарабатываетъ двадцать четыре, кулакъ заливается смѣхомъ: «Удивиль!.. Ха-ха!.. Удивиль! А я-то всего беру сто на сто процентовъ... Меньше ни-ни! Дѣло полюбовное: хочешь — не хочешь. Кто шубу принесетъ въ закладъ, кто телѣгу, кто снасть какую-нибудь... Деньги деньгами, да еще отработай... И еще благодарятъ. Понялъ?» Но эти операціи, какъ ни чудовищны онѣ представляются намъ по размерамъ процентовъ, не выходятъ изъ предѣла незначительной области, села, много волости, и самъ кулакъ не развиваетъ никакихъ мѣстныхъ силъ, предпріятій, словомъ, не вноситъ ничего новаго въ кругъ патріархальной жизни, не идетъ дальше личнаго накопленія богатства, съ которымъ и самъ въ концѣ концовъ не знаетъ что дѣлать.

Новая сила отличалась прежде всего особою жизненностью, которую она несла съ собою, оживляя тихую и мирную жизнь небывалыми предпріятіями. Центромъ ихъ является тотъ же хлѣбъ, который прежде, «по три года лежалъ въ закромахъ». Теперь хлѣбъ сталъ товаромъ, и очень ходкимъ, вызвавшимъ бойкую спекуляцію. Новыя условія жизни извлекли его изъ закрововъ на рынокъ, гдѣ онъ завертѣлся, закружился, сталъ подниматься и падать, съ непостижимой для оторопѣлаго обывателя легкостью. Явился спросъ на него, выросли мельницы и винокуренные заводы, и въ замѣнъ явились деньги, а вмѣстѣ съ ними и новыя потребности. «Въ теченіе десяти лѣтъ Суслонъ (центральное мѣсто дѣйствія романа) совершенно измѣнилъ свою фізіономію. Изъ простаго зауральскаго села онъ превратился въ боевой торговый пунктъ, гдѣ начала развиваться уже городская торговля, какъ лавки съ краснымъ товаромъ, и даже появился галантерейный магазинъ. Раньше былъ одинъ кабакъ, а теперь цѣлыхъ десять. Простыя деревенскія избы

перестраивались на городскую руку, обшивались тесомъ и раскрашивались. Появились дома съ мезонинами и городскими палисадниками. Суслонскихъ мужиковъ деревенскіе сосѣди называли купцами». Изъ этой выдержки читатели видятъ, что авторъ вполне объективенъ въ изображеніи подвиговъ капитала, отнюдь не скрывающая отрицательныхъ сторонъ его дѣятельности. Г. Маминъ, описывая въ одномъ мѣстѣ конкуренцію двухъ винныхъ заводчиковъ, рисуетъ ужасающую картину спаиванія и деморализаціи народа. Въ этомъ, — замѣтимъ кстати, — одно изъ огромныхъ достоинствъ романа, подавляющаго читателя своей правдой. Но лучше такая правда, хотя бы и скорбная, чѣмъ тѣ иллюзіи, которыми прежде литература расцвѣчивала изображаемую ею яко-бы народную жизнь.

Однако, накопленные запасы быстро были перемолоты, перелѣяны и вывезены. Началось истощеніе земли, съ которой стали вырывать силой то, что прежде она давала исподволь сама. «Ослабѣлъ мужикъ», на спинѣ котораго выросли паровыя мельницы и винокуренные заводы, — «ослабла земля», изъ которой этотъ ослабѣвшій мужикъ тянулъ послѣдніе соки. Хищническій періодъ капитализма завершился и, какъ и должно было ожидать, завершился общимъ крахомъ, который выдержали наиболѣе сильныя. На костяхъ погибшихъ, банкъ, главная сила, своимъ кредитомъ ускорявшая процессъ хищничества, и крупные тузы, его создавшіе, упрочились, какъ въ завоеванномъ краѣ, предписывая побѣжденному свои условія. Картиной голоднаго года заканчивается бытовая сторона романа, который, однако, не исчерпывается только этимъ, сжато переданнымъ нами, содержаніемъ.

Очень искусно романистъ намѣчаетъ двѣ силы, бокъ-о-бокъ выдвигающіяся на фонѣ общаго разрушенія старыхъ устоевъ «мирнаго житія», — мѣстную интеллигенцію и типъ мѣстнаго, если можно такъ опредѣлить его, доморощеннаго капиталиста. Это — то, что г. Милуковъ въ своихъ «Очеркахъ по исторіи русской культуры», называетъ «силою капитала и силою знанія», создавшими «культурную жизнь современной Европы». Интеллигенція группируется постепенно около мѣстной печати, единственной силы, смѣло борющейся съ беспощадными захватами капитала, во имя обездоленныхъ и раззоренныхъ. Лучшимъ представителемъ ея въ романѣ является дѣвушка Устинька, дочь мѣстнаго купца стараго типа. Она цѣликомъ уходитъ въ новый міръ идей, безъ колебаній порвавъ завѣтныя традиціи. Во время наступившаго голода она и кружокъ мѣстной интеллигенціи становятся центромъ, завѣдующимъ помощью голоднымъ.

На ряду съ Устинькой стоитъ новый капиталистъ, тоже порвавшій всё традиціи, но въ совершенно другую сторону. Это—Галактіонъ Колобовъ. Интересна его родословная, являющаяся типичной для многочисленныхъ разновидностей этого нарождающагося типа. Дѣдъ его—неизвѣстнаго происхожденія бродяга, прикнувшійся къ одному заводу, гдѣ его приписали въ крѣпостные. Отецъ выбивается изъ крѣпостныхъ путемъ личной предпримчивости и завоевываетъ себѣ самостоятельное существованіе. Онъ раскольникъ, и мистицизмъ прижмивается къ его хищническимъ наклонностямъ, давая ему извѣстную нравственную опору въ борьбѣ за существованіе. Сынъ, Галактіонъ, не уступаетъ отцу въ энергіи, но глубже понимаетъ современныя условія, болѣе свѣдущъ, онъ технологъ и вообще видалъ не только свое Зауралье. Онъ чувствуетъ въ себѣ необычайныя силы, жажда дѣятельности, простора одолеваетъ его до болѣзненности. Предъ нами крупная личность, которую не можетъ удовлетворить медленная, кропотливая жизнь «по-старинкѣ», скопидомство по грошамъ, мелкія прижимки и кулачество на почвѣ мистицизма и яко бы радѣнія о народѣ, о душѣ и т. п. Онъ хочетъ дѣлать «большія дѣла», ему рисуются «широкіе горизонты», весь міръ представляется ему ареной для его замысловъ обогащенія, хотя по временамъ онъ испытываетъ странное смущеніе, какъ-будто «измѣняетъ чему-то, измѣняетъ такому хорошему и завѣтному»,—потому что и у него въ глубинѣ души есть порывъ къ свѣту и правдѣ. Но старая «правда», въ видѣ безформеннаго мистицизма, не можетъ удовлетворить его, а новую жизнь еще не выработала, — и этому порыву не дано развиться. Вся окружающая жизнь, семейная обстановка и дѣятельность толкаютъ его въ противоположную сторону, въ сторону личнаго обогащенія, котораго онъ и добивается, не разбирая средствъ. Во время голода удачнымъ предпріятіемъ, давно обдуманнымъ и взвѣшеннымъ, онъ страшно наживается на хлѣбѣ.

Эти двѣ силы будущаго—Устинька и Галактіонъ—сталкиваются, и оба взаимно поражены. Его уничтожаетъ ея чистота, нравственная красота, предъ которой онъ до боли сознаетъ свою гнусность, грязь душевную и изменность преслѣдуемыхъ идеаловъ. Она сознаетъ его силу и, ненавидя его дѣятельность, позорную въ ея глазахъ, особенно въ минуту общественнаго бѣдствія, не можетъ втайнѣ не восхищаться его широкимъ размахомъ, смѣлостью и удачливостью. Приведемъ небольшую выдержку, очень характерную для психологіи современной женщины.

«Вернувшись домой, Устинька заперлась въ свою комнату, бросилась на постель и долго плакала. Умъ говорилъ одно, а сердце — другое. Получался

ошеломлявшій ее разладъ. Плакала слабая женщина, платившая дань своей слабости. Устинька не умѣла даже сказать, любить она Галактіона или ненавидитъ. Но она много думала о немъ, особенно въ послѣднее время, и жалѣла себя. Именно, только съ такимъ мужемъ она могла быть счастлива, если бы онъ не имѣлъ за собой тяжелаго прошлаго и этого ужаснаго настоящаго. Да, это была сила и сила недюжинная. Для сравненія у Устиньки было сейчасъ достаточно матеріала. Хорошихъ людей много, но всѣ они такіе безвильные. Все только на языкѣ, въ теоріи, въ области никогда неосуществимыхъ хорошихъ чувствъ. Можетъ быть, и хороши они только потому, что ничего не стояли своимъ владѣльцамъ. Устинька перебирала свои хлопоты по голодному дѣлу и не могла не придти къ заключенію, что все такъ мало и неумѣло сдѣлано, ничего не подготовлено, какъ-то вяло и пассивно. А если бы за это же дѣло влялся Галактіонъ... о, онъ одинъ сумѣлъ бы прокормить цѣлый уѣздъ, создать работу, найти приложение даромъ пропадавшимъ силамъ и вдохнуть мужскую энергію!

«Именно это и понималъ Стабровский, понималъ въ ней ту энергичную сибирскую женщину, которая не удовлетворится одними словами, которая для дѣла пожертвуетъ всѣмъ и будетъ своему мужу настоящимъ другомъ и помощникомъ. Тутъ была своя поэзія,—поэзія самаго широкаго размаха энергіи и неудержимаго стремленія впередъ.

«Стоило Устинькѣ закрыть глаза, какъ она сейчасъ видѣла себя женой Галактіона. Да, именно, жена, то, изъ чего складывается нераздѣльный организмъ. О, какъ хорошо она умѣла бы любить эту упрямую голову, заполненную такими смѣлыми планами! Сильная мужская воля направлялась бы любящею женскою рукой, и все дѣлалось бы, какъ говорили старинные русскіе люди, *по душѣ*. Все по душѣ, по глубокому внутреннему тяготѣнію къ правдѣ, къ общенародной совѣсти. Именно, вѣдь, тѣмъ и хорошъ русскій человѣкъ, что въ немъ еще живетъ эта общая совѣсть и что онъ не потерялъ способности стыдиться... И вдругъ нѣтъ ничего!.. Нѣтъ, прежде всего, любимаго человѣка. И другого полюбить нѣтъ силъ. Все кончено. Радужный туманъ свѣтлаго утра спустился въ темную грозовую тучу. А любимый человѣкъ несетъ съ собой поворъ и развореніе...

«Разъѣзжая по уѣзду, Устинька познакомилась въ раскольниковыхъ семьяхъ съ совершенно новымъ для нея типомъ женщины: это были такъ называемыя чернички. Онѣ добровольно отказывались отъ замужества и посвящали свою жизнь обученію дѣтей и разнымъ душещеспительнымъ подвигамъ. Причинъ для такого черничества въ тяжеломъ складѣ народной жизни было достаточно, и на первомъ планѣ, конечно, стояло неудовлетворенное личное чувство. Устинька сначала разсматривала этихъ черничекъ съ любопытствомъ, потомъ жалѣла ихъ и, наконецъ, пришла къ убѣжденію, что, вѣдь, и она Устинька, тоже въ своемъ родѣ черничка, интеллигентная черничка».

Въ этой характеристикѣ настроенія Устиньки авторъ затронуть глубокую психологическую черту современной не только «сибирской», а вообще русской женщины. Сколько теперь такихъ интеллигентныхъ черничекъ и по той же причинѣ, по которой и Устинька зачислилась въ ихъ печальную рать! Словами, «идеями», не можетъ удовлетвориться сердце современной женщины, а «дѣла», живого, настоящаго дѣла ей не можетъ предложить любимый человѣкъ

въ огромномъ большинствѣ случаевъ. Она видитъ, всѣмъ существомъ своимъ понимаетъ, что все это «дѣло» мелко, жалко и, въ сущности, сводится къ «словамъ и словамъ...»

Галактіонъ—онъ умѣетъ, онъ силенъ, прежде всего, вѣрой въ себя, откуда его жажда дѣятельности, «широкій размахъ энергій». Въ немъ нѣтъ раздвоенности, онъ весь изъ одного куска. Онъ не витаетъ въ облакахъ, не путается въ неразрѣшимыхъ противорѣчійхъ, онъ стоитъ на почвѣ дѣйствительности и умѣетъ отстоять себя. Но онъ мерзокъ до глубины души съ своими низменными, «купонными» интересами, а другихъ пока—не знаетъ. Почему,—это сложный вопросъ, отвѣтъ на который отчасти есть въ романѣ. Въ началѣ своей дѣятельности Галактіонъ увлекается примѣромъ энергичнаго миллионера Стабровскаго, крупнаго винокуреннаго заводчика, который любитъ дѣло прежде всего ради борьбы. «Отчего бы вамъ, Болеславъ Брониславичъ, не заняться другимъ дѣломъ?—рѣшился замѣтить Галактіонъ.—Вѣдь, всякое дѣло у васъ пошло бы колесомъ».—«Что дѣлать, сейчасъ *отрмѣ водки* у насъ нѣтъ дѣла»,—отвѣчаетъ Стабровскій. Та недюжинная сила, которая такъ привлекаетъ Устиньку, не имѣетъ теперь другого приложенія, кромѣ водочныхъ и имъ подобныхъ дѣл. Но неудовлетворенность, испытываемая Галактіономъ, служитъ извѣстнымъ указателемъ, что въ этой силѣ скрываются и лучшія стремленія, и если они получаютъ развитіе и примѣненіе,—не придется тогда Устинькѣ идти въ чернички.

Очерчивая этотъ типъ, г. Маминъ, въ противность г. Боборыкину, не приходитъ въ восторгъ и отнюдь не обѣляетъ его. Онъ какъ бы самъ не увѣренъ въ немъ и изучаетъ его съ видимымъ любопытствомъ, какъ естественникъ, новую разновидность. Въ концѣ концовъ онъ заставляетъ своего героя кончить самоубійствомъ, показывая этимъ, что типъ для него не вполне ясенъ. Дѣйствительно, Галактіонъ еще въ періодѣ образованія, *in statu nascendi*, какъ говорятъ химики, это «новый человѣкъ»...

«Душевные свойства женщины»—заманчивое и въ то же время внушающее сомнѣніе заглавіе. Дѣло въ томъ, что нѣтъ, кажется, другого общественнаго вопроса, около котораго накопилось бы столько сору, сколько около женскаго вопроса. И накопляется этотъ соръ какъ-то періодически. То разные «Вопросительные и Восклицательные знаки» начнутъ соперничать, кто наговоритъ больше пошлости, то выищется нежданный ревнитель семейственныхъ добродѣтелей женщинъ и на страницахъ того или иного, непремѣнно патріотическаго, органа начнетъ оплаки-

вать потерю этихъ добродѣтелей, вслѣдствіе излишка образованности. То въ западной Европѣ объявится модный философъ на минуту, въ родѣ пресловутаго болтуна Монтегаца, и съ претензіями на ученость начнетъ доказывать несравненныя достоинства «дѣвы-розы», а наши сикофанты подхватятъ его банальныя откровенія и, сдобривъ двумя-тремя афоризмами Шопэнгауэра или другого извѣстнаго женоненавистника, преподносятъ ихъ нашей публикѣ въ качествѣ самововѣйшихъ данныхъ по женскому вопросу.

Книга г. Каптерева «Душевные свойства женщинъ» не принадлежитъ, конечно, къ категоріи такого сора. Авторъ—безусловный сторонникъ женской «оригинальности», что не мѣшаетъ ему относиться вполне объективно къ своимъ противникамъ. Онъ безпристрастно приводитъ ихъ доводы, разбивая ихъ на основаніи строго научныхъ данныхъ, хотя книга и не претендуетъ на особую ученость, представляя рядъ популярныхъ лекцій, читанныхъ авторомъ года полтора тому назадъ. Сдѣлавъ историческій, довольно поверхностный, обзоръ мнѣній по женскому вопросу, авторъ свое изслѣдованіе психическихъ особенностей женщины сводитъ къ слѣдующимъ двумъ вопросамъ:

1) Женской душѣ свойственны ли всѣ основные процессы и явленія, которые своею наличностью образуютъ мужскую душу? Есть ли въ мужскомъ сознаніи какой-либо элементъ,—чувствованіе, процессъ мыслительности,—совершенно неизвѣстный и недоступный женщинамъ. Въ настоящее время никто, конечно, не думаетъ, что женщина не человѣкъ; но многіе думаютъ, что это человѣкъ болѣе низкой психической организаціи, чѣмъ мужчина, что женщинѣ многого недостаетъ сравнительно съ мужчиной; что это, словомъ, нумеръ второй человѣческаго рода. Поэтому и необходимо прежде всего узнать,—женская душа по своему существу, по своему основному строю одинакова съ мужской или различна, другого рода, и ей недостаетъ, можетъ быть, нѣкоторыхъ элементовъ, по сравненію съ мужской?—2) Если женская душа по своему существу одинакова съ мужской, если основные психическіе элементы и свойства суть общее достояніе и мужской и женской психики, то нѣтъ ли какихъ-либо особенностей въ сочетаніи душевныхъ элементовъ у мужчины и женщины, у одного пола не преобладаетъ ли какой-либо классъ душевныхъ явленій въ то время, когда у другого пола этотъ классъ явленій слабъ? Можетъ быть, у различныхъ {половъ окажутся постоянно различными сила, напряженность, энергія общихъ душевныхъ элементовъ, ихъ сочетанія и пропорціи?}

Слѣдить за аргументаціей автора мы не станемъ, тѣмъ болѣе, что ничего новаго она не заключаетъ, и приведемъ его выводы. Первый вопросъ авторъ рѣшаетъ въ смыслѣ, вполне благопріятномъ для женщинъ, находя ихъ отнюдь не обиженными отъ природы сравнительно съ мужчинами. Второй вопросъ тоже рѣшается благопріятно въ томъ смыслѣ, что хотя особенности женскаго

психическаго типа и существуютъ, но ихъ сочетаніе даетъ въ общемъ типъ нисколько не ниже мужскаго, только своеобразный, значительно рзняящійся отъ мужскаго. Своего полнаго развитія типъ этотъ еще не достигъ, вслѣдствіе тѣхъ условій, при которыхъ ему приходилось развиваться прежде, да въ большинствѣ случаевъ приходится развиваться и теперь. Все, повидимому, обстоитъ благополучно, и женщинамъ остается только кланяться и благодарить. Но окончательный выводъ автора разрушаетъ это благополучіе, хотя авторъ этого и не замѣчаетъ. Какъ на одну изъ главныхъ причинъ, мѣшающую «дифференцированію» женскаго психическаго типа отъ мужскаго, авторъ указываетъ на отсутствіе «настоящей системы женскаго образованія», которое, въ сущности, есть «мужское образованіе, нѣсколько видоизмѣненное». Далѣе слѣдуетъ характеристика этого образованія и нѣкоторыя разсужденія автора, которыя такъ характерны, что, боясь исказить ихъ, мы приведемъ это мѣсто полностью.

«Извѣстно, что мужское образованіе строится, главнымъ образомъ, на изученіи древнихъ языковъ и математики, т. е. что основа его крайне отвлеченнаго и односторонняго характера. Насколько такая система удобна для всесторонняго умственнаго развитія молодыхъ людей—не будемъ обсуждать. Одно несомнѣнно, что такая система отчуждаетъ {отъ природы, подрываетъ любовь и вкусъ къ наблюденію естественныхъ явленій, дѣлаетъ школьничковъ безучастными и праздными зрителями самыхъ поразительныхъ фактовъ живой дѣйствительности. Женскій умъ другого склада, чѣмъ мужской, мышленіе женщинъ живо, образно, разносторонне, тѣсно связано съ дѣятельностью органовъ вѣдшихъ чувствъ. Женщина, какъ воспитательница своихъ дѣтей и хозяйка, имѣетъ постоянно нужду въ наблюденіи природы, въ естественно-научныхъ знаніяхъ, въ умѣннн понимать жизнь и дѣйствительность. А каковъ учебный курсъ женскихъ учебныхъ заведеній? Въ основѣ его тѣ же грамматики, только не древнихъ, а новыхъ языковъ, и та же математика. У насъ есть даже женскія гимназій съ двумя древними языками, а въ послѣднее время ученицы этихъ гимназій соперничаютъ съ гимназистами въ разыгрываніи драмъ древнихъ греческихъ трагиковъ на греческомъ языкѣ. Эти факты свидѣтельствуютъ о необычайной гибкости женскаго ума, о его растяжимости, способности приноровится ко всему; они свидѣтельствуютъ о томъ, чему женщина *можетъ* учиться, но никакъ не о томъ, чему она *должна* учиться. Женское образованіе, какъ и самый женскій психическій типъ, должно быть оригинально, а не копировать мужское».

Г. Каптеревъ, прежде всего, не замѣчаетъ, что становится на ту самую почву, съ которой противники женской самостоятельности нападаютъ на женское просвѣщеніе. Вѣдь, это ихъ главные доводы, что женщина, «какъ мать и хозяйка», *должна* получать *оригинальное* образованіе, которое они откровенно и сводятъ къ *кухнѣ и рукодѣліямъ*. На такихъ же совершенно основаніяхъ прежде преподавалась женщинамъ даже особая, примѣнительно

для нихъ изобрѣтенная, геометрія, осмѣянная еще, если не ошибаемся, Бѣлинскимъ, по словамъ котораго «авторъ сдѣлалъ все, что только можетъ сдѣлать изъ геометріи самое нѣжное пристрастіе къ дѣвицамъ; онъ превратилъ ее въ легкое, подобное вышиванію по канвѣ и другимъ женскимъ занятіямъ, искусство употреблять въ приличныхъ случаяхъ геометрическіе термины». Углубляясь еще далѣе въ прошлое, мы натываемся на уставъ приспомянутыхъ «заведеній для благородныхъ дѣвицъ» тридцатыхъ годовъ. Этотъ уставъ преслѣдовалъ именно «оригинальное», только для дѣвицъ допускаемое имъ образованіе, цѣль котораго заключалась въ томъ, чтобы образовать изъ русскихъ женщинъ «добрыхъ женъ, попечительныхъ матерей, примѣрныхъ наставницъ для дѣтей, хозяекъ, способныхъ трудами своими и приобрѣтенными искусствами доставлять самимъ себѣ и ихъ семействамъ средства къ существованію». Для сего,—какъ узнаемъ изъ книги г-жи Лихачевой «Матеріалы къ исторіи женскаго образованія въ Россіи, — должны были служить слѣдующіе предметы: «а) нравственность, основанная на Законѣ Божіемъ, б) необходимыя науки (вышеприведенная геометрія, напр.), с) полезныя руководствія и д) повятія о домашнемъ хозяйствѣ и порядкѣ». Для довершенія оригинальности въ образованіи, предлагалось «для доставленія дѣвицамъ пріятнаго и непринужденнаго обращенія въ обществѣ, стройнаго вида, благородной и непринужденной осанки» давать балы.

Разумѣется, г. Каптеревъ, какъ человѣкъ конца вѣка, не думаетъ о такомъ именно образованіи, но, тѣмъ не менѣе, коренная ошибка въ его выводахъ остается та же, что и въ требованіяхъ устава и современныхъ его сторонниковъ. Дѣло въ томъ, что въ погонѣ за психическими особенностями женщины, авторъ приписалъ имъ многое, скорѣе чисто временное, вовсе не имѣющее основанія въ ихъ природѣ, и явившееся какъ продуктъ тѣхъ общественныхъ условій, при которыхъ приходилось женскому психическому типу вырабатываться. Чувствительность, напряженность чувства любви, субъективный оттѣнокъ мышленія и т. п. качества, приписываемыя авторомъ женскому типу, очень легко ступшеваются, разъ женщина получаетъ не «оригинальное», а обще-человѣческое образованіе, которое развиваетъ въ ней прежде всего и главнымъ образомъ не женственныя, а обще-человѣческія качества — умъ, волю, характеръ, давая при этомъ не специально-женскія знанія (сомнительно даже, есть ли такія?), а общія и для всѣхъ одинаковыя. Авторъ въ одномъ мѣстѣ и самъ намекаетъ на «глубокое вліяніе социальныхъ условій жизни на психическій

складъ женщинъ», приводя примѣръ американокъ, которыя, по отзыву многихъ наблюдателей, являются въ Сѣверной Америкѣ «образованнѣе мужчинъ, носительницами культуры, представительницами искусства и науки и усерднѣйшими хранительницами народнаго просвѣщенія». Такого необыкновеннаго подъема женщина въ Америкѣ достигла за послѣднія пятьдесятъ лѣтъ вовсе не потому, что галантные янки, изъ преклоненія предъ «особенностями психическаго типа женщины», выдѣлили ее въ особую категорію и стали развивать и образовывать ее «оригинальнымъ» путемъ. Пожалуй, это образованіе оригинально, но не въ смыслѣ г. Каптерева: въ немъ уничтожена всякая разница между полами. Школа, низшая, средняя и высшая, знаетъ только индивидуальнаго ребенка, будущаго человѣка, и стремится развить въ немъ все его отличительныя свойства, будетъ ли это мальчикъ, или дѣвочка—все равно, давая всѣмъ одинаковыя знанія, но не одинаковымъ способомъ, а примѣняясь къ каждой индивидуальности. Цѣль такого воспитанія — выработать самостоятельную личность, а оригинальность является уже вторичнымъ качествомъ.

Точно также и вездѣ подъемъ женщины начинался съ того, что, отложивъ попеченіе объ ея оригинальности, занялись ею, какъ человѣкомъ. Съ того же началось дѣло женскаго просвѣщенія и у насъ, когда Ушинскій и Вышнеградскій приступили къ преобразованію женскаго образованія на началахъ обще-человѣческихъ. Съ этой почвы оно не сходило съ тѣхъ поръ, несмотря на нѣкоторыя уклоненія въ сторону кулинарнаго искусства, въ видѣ открытія одно время весьма модныхъ курсовъ, и особыхъ профессиональныхъ женскихъ училищъ, представлявшихъ нѣчто среднее между швейными мастерскими и обыкновенными средними школами. Если современныя женскія учебныя заведенія плохи, то не потому, что они представляютъ копию съ мужскихъ, а потому, что не удовлетворяютъ требованіямъ современной жизни. Женщина не только можетъ обучаться тому, чему учится мужчина, а *должна*, и только при этомъ условіи она «сотретъ съ себя окончательно,—какъ говоритъ г. Каптеревъ,—слѣды застарѣлаго рабства и некультурности и будетъ жить и развиваться вполнѣ свободно, согласно съ особенностями своего типа».

Такимъ образомъ, выводы г. Каптерева запоздали, по меньшей мѣрѣ, лѣтъ на сорокъ, и идутъ въ разрѣзъ съ тѣмъ теченіемъ въ женскомъ вопросѣ, какое замѣчается теперь. По крайней мѣрѣ, два выдающихся факта въ области этого вопроса указываютъ на то, что женскому образованію у насъ открываются свѣтлыя перспективы. Первый фактъ.—это законодательное утвержденіе проекта

высшихъ медицинскихъ курсовъ. Любопытно, между прочимъ, что государственный совѣтъ дополнилъ программу курсовъ нѣсколькими каедами и расширилъ ее, введя пятый курсъ. Совѣтъ мотивировалъ это тѣмъ, что разъ женщины должны изучать медицину, они должны изучать ее въ томъ же объемѣ, какъ и мужчины. Второй фактъ—предстоящее открытіе высшихъ женскихъ курсовъ въ провинціальныхъ городахъ, въ чемъ такъ давно ощущалась настоятельнѣйшая потребность. Жизнь, очевидно, беретъ свое, что бы ни говорили двусмысленные ревнители и открытые противники женской самостоятельности, путь къ которой одинъ—образование на равныхъ правахъ съ мужчинами.

«Узнать цѣль жизни»... Вотъ именно такъ, этими тремя словами отвѣчалъ мнѣ ты на мой вопросъ, чего ты, главнымъ образомъ, хотѣлъ бы достигнуть, стремясь къ самообразованію... Ты говоришь о цѣли жизни, но почему? Потому ли, что ты ее уже знаешь? Нѣтъ, не потому, конечно, ибо иначе ты не поставилъ бы себѣ задачи узнать эту цѣль».

Такимъ фалиіарно-глубокомысленнымъ вопросомъ начинается первая глава новой книги, посвященной г. Н. Карѣвымъ молодежи, «Мысли объ основахъ нравственности». Въ ней разбирается вопросъ о «цѣли жизни», — вопросъ, столь существенной важности и не для молодежи, что, выражаясь языкомъ одного изъ героевъ г. Сенкевича, «пойдемъ за нимъ»,—за г. Карѣвымъ, конечно. Но прежде два слова о формѣ этой бесѣды, необходимыхъ для того, чтобы читатель не былъ введенъ въ заблужденіе. Книга написана въ видѣ разговора, «съ постоянными обращеніями къ одному лицу, — говоритъ авторъ въ предисловіи, — которому я то разъясняю нѣчто, то возражаю на что-нибудь». Форма не новая, отмѣченная еще Гл. Успенскимъ, какъ обычный пріемъ, къ которому прибѣгаютъ гг. авторы, «въ видахъ полнѣйшаго безпристрастія, полной откровенности, точности и вѣрности, а также, чтобы не стѣснять себя». Съ этою цѣлью въ собесѣдники избирается «чучела», съ которой и ведется разговоръ. Въ отличіе отъ «чучелы» обычной, собесѣдникъ г. Карѣва все время молчитъ, и почтенный профессоръ самъ за него вопрошаетъ и самъ же даетъ надлежащія отвѣты. Вслѣдствіе этого возникаетъ немалое затрудненіе,—не знаешь, что слѣдуетъ возложить на отвѣтственность «чучелы», что—профессора. Правда, предвидя это, г. Карѣвъ дѣлаетъ въ томъ же предисловіи нѣсколько ехидное замѣчаніе: «Дѣйствительное ли это лицо, или только воображаемое, не все ли вамъ

равно? Если оно дѣйствительное, это только значить, что я писалъ книжку подѣ вліяніемъ болѣе или менѣе живого общенія съ однимъ изъ вашей среды; вообразить же себя на мѣстѣ этого лица можетъ каждый, кто ищетъ того же, чего ищетъ мой собесѣдникъ. кто ошибается въ томъ, въ чемъ, на мой взглядъ, ошибается и онъ». Вообразить себя на мѣстѣ этого лица, — нѣтъ, это было бы не совсѣмъ удобно, какъ увидимъ дальше, и потому мы съ читателемъ лучше вообразимъ себя на мѣстѣ «благородныхъ свидѣтелей», присутствующихъ при глубокомысленныхъ преніяхъ почтеннаго профессора съ невѣдомой намъ «чучелой».

Итакъ, рѣчь идетъ о «цѣли жизни»:

«Ты хочешь знать, въ чемъ заключается цѣль жизни, предполагая (т. е., въ сущности, вѣря только, а не зная), что цѣль эта существуетъ, но для знанія, которое ищетъ прежде всего фактическихъ и логическихъ основаній, еще вопросъ, существуетъ ли вообще у жизни какая-либо цѣль, — вопросъ, отъ правильнаго рѣшенія коего въ ту или другую сторону зависитъ, можно ли — и если можно, то въ какомъ смыслѣ — говорить о цѣли жизни. Знаніе любить, далѣе, точности, и потому нужно непремѣнно не забыть во изобѣжаніе недоразумѣній твердо установить, въ какомъ значеніи слова мы беремъ «жизнь» въ сочетаніи «цѣли жизни». Самое широкое значеніе слова дѣлаетъ изъ «жизни» почти синонимъ существованія вообще: вопросъ о цѣли жизни сведется тогда къ вопросу о цѣли существованія вообще, въ частности о цѣли моего существованія, о цѣли существованія всѣхъ людей и т. д. Предположимъ, что такая цѣль существуетъ, но вѣдь еще вопросъ, доступна ли она нашему познанію: то, что не можетъ быть предметомъ знанія, для знанія все равно какъ бы и не существуетъ и можетъ быть предметомъ только вѣры. Между тѣмъ, когда ты говоришь мнѣ, что хотѣлъ бы узнать цѣль жизни, ты можешь употреблять слово «жизни» именно въ смыслѣ существованія, своего собственнаго существованія и существованія вообще человѣка. Конечно, ты бралъ жизнь не въ томъ смыслѣ, въ какомъ, исследуя ея явленія и законы, берутъ ее биологическія науки, какъ особую совокупность процессовъ, происходящихъ въ организованныхъ существахъ, называемыхъ растениями и животными: при самомагнѣшемъ знакомствѣ съ духомъ современнаго естествознанія было бы столь же бессмысленно ставить вопросъ о цѣли жизни, какъ бессмысленно было бы, напр., спрашивать о цѣли всемірнаго тяготѣнія или химическаго сродства. Остается еще одно значеніе, въ какомъ употребляютъ слово жизнь, и, я думаю, это значеніе ты также можешь имѣть въ виду, когда говорилъ о своемъ стремленіи «узнать цѣль жизни». Конечно, для тебя, какъ существа разумаго, жить не значить «ѣсть, пить, спать», не значить «питаться, размножаться», т. е. ...

Позвольте, — готовъ прервать иной читатель, — вѣдь это ужъ слишкомъ! Если по поводу одного слова «жизнь» мы будемъ пѣлый часъ топтаться на мѣстѣ, то никогда не доберемся до цѣли! Терпѣнье прежде всего, — добродѣтель весьма не лишняя, — а вторыхъ, не слѣдуетъ забывать, что вѣдь не намъ это говорится, а «чучелъ», съ которой и разговаривать надо примѣнительно къ

ея «чучелинымъ» способностямъ. Мы отлично понимаемъ, вмѣстѣ съ почтеннымъ профессоромъ, что разъ идетъ рѣчь о цѣли жизни, то уже, конечно, не фیزیологической, и если г. Карѣевъ такъ многословенъ, то единственно имѣя въ виду пользу своего несообразительнаго собесѣдника. Такъ онъ и самъ разъясняетъ эту черту, общую всѣмъ его «бесѣдамъ», «обращеніямъ», «мыслямъ», адресованнымъ молодежи. На упрекъ г. Михайловскаго въ «многословной обстоятельности», онъ отвѣчаетъ въ «Предисловіи» къ «Мыслямъ о сущности общественной дѣятельности»: «обращаясь къ молодежи, я долженъ принимать въ расчетъ, что люди, только-что начинающіе самостоятельно приобритать знанія, могутъ не знать весьма многого и многое могутъ понимать невѣрно». Если таковъ его методъ въ бесѣдахъ съ молодежью вообще, то тѣмъ болѣе онъ законенъ, когда изъ этой молодежи г. Карѣевъ выбираетъ, подобно Сократу, человѣка скорбнаго главою, и потому намъ, благороднымъ свидѣтелемъ этого обольщиванія «чучелы», смущаться, а тѣмъ болѣе роптать — не подобаетъ.

Далѣе, когда рѣчь идетъ о матеріяхъ столь важныхъ, какъ «основы нравственности» или «сущность (*слушайте! слушайте!*) общественной дѣятельности», форма — послѣднее дѣло. И самъ г. Карѣевъ понимаетъ, что форма его «мыслей» оставляетъ желать многого. По крайней мѣрѣ, въ «Послѣсловіи» къ «Мыслямъ объ основахъ нравственности» онъ говоритъ: «теперь я могъ бы вновь написать *гораздо лучше*». Въ виду такой скромности, намъ остается почтительно склонить голову.

Итакъ, рѣчь о «цѣли жизни» продолжается. Мы остановились на «т.-е.»:

«совершать жизненные процессы, необходимые для поддержанія самой же жизни отдѣльной особи и всего вида. Ты сознаешь себя, какъ личность, какъ я, и называешь жизнью этого я не только совокупность тѣхъ впечатлѣній, которыя оно получаетъ изъ окружающаго міра, но—и это главнымъ образомъ — какъ внутреннюю переработку этихъ впечатлѣній, совершающуюся въ этомъ я, такъ и въ особенности дѣятельность этого я, направленную на вѣншній міръ. Эта внутренняя и вѣншняя дѣятельность, отличная отъ механическихъ жизненныхъ процессовъ, поддерживающихъ жизнь, и отъ пассивнаго воспріятія вѣншнихъ впечатлѣній, есть сознательная и активная сторона жизни, и это есть именно та сторона, по отношенію къ которой только и можно ставить вопросъ о цѣли жизни. Въ этой сознательности и активности мы вѣдь, собственно говоря, только и полагаемъ свое существованіе, по отношенію къ коему все механическое и пассивное для насъ имѣетъ значеніе лишь необходимыхъ или неизбежныхъ орудій, средствъ, условій или основъ истиннаго существованія. Съ другой стороны, разъ мы отождествляемъ жизнь съ сознаніемъ и дѣятельностью, мы получаемъ вмѣстѣ съ тѣмъ

полное право говорить о цѣли жизни, поскольку дѣятельность сознательныхъ существъ всегда направляется къ какимъ-либо цѣлямъ. И по личному опыту, и на основаніи наблюденій надъ другими мы знаемъ, что у сознательныхъ дѣятельностей, изъ совокупности коихъ и состоитъ вся наша жизнь—не въ чисто біологическомъ смыслѣ, всегда бывають тѣ или другія цѣли, и нашему знанію доступно не только существованіе этихъ цѣлей, но и ихъ содержаніе, т. е. . . .»

Не довольно ли, однако? И такъ какъ въ подобномъ тонѣ ведется вся бесѣда, — мы не выбирали мѣстъ, а прямо начали съ первой страницы первой главы—то попробуемъ излагать «мысли» г. Карѣева собственными словами, придерживаясь только его метода изслѣдованія истины. Для этого прибѣгнемъ къ тому упрощенному способу, къ которому прибѣгаетъ постоянно г. Карѣевъ. Методъ этотъ можно назвать «постоянными ссылками на самого себя», что, въ примѣненіи къ трудамъ г. Карѣева, въ высшей степени облегчаетъ работу. Возражая г. Михайловскому на его замѣчаніе, что непосредственный толчокъ къ изложенному имъ заявленію о значеніи историзма въ научномъ мышленіи онъ, г. Карѣевъ, получилъ отъ Паульсена, почтенный профессоръ съ негодованіемъ заявляетъ: «Ни въ этомъ случаѣ, ни вообще, Паульсенъ не могъ на меня сильно повліять, потому что въ «Бесѣдахъ о выработкѣ міросозерцанія» я въ концѣ концовъ изложилъ вкратцѣ то, что подробнѣе излагалъ въ «Основныхъ вопросахъ философіи исторіи», въ «Сущности историческаго процесса» и во многихъ статьяхъ, изъ коихъ главное перепечаталъ въ «Историко-философскихъ и соціологическихъ этюдахъ». Такимъ образомъ, «Бесѣды» являются конспектомъ предъидущихъ трудовъ г. Карѣева. Но въ «Мысляхъ объ основахъ нравственности» онъ дѣлаетъ многократныя ссылки на «Бесѣды» и позаимствованія изъ нихъ, (см. напр. стр. 7, 82, 96, 102, 110 и др.), почему «Мысли» служатъ конспектомъ «Бесѣдъ» плюсъ всѣ предъидущіе труды. Отсюда выводъ ясенъ,—кто желаетъ, не теряя времени, постигнуть «Мысли объ основахъ нравственности», пусть возьметъ «Мысли о сущности общественной дѣятельности», какъ самое послѣднее по времени произведеніе г. Карѣева. Такъ и поступимъ. Дѣйствительно, руководствуясь этимъ апріорнымъ заключеніемъ, выведеннымъ изъ изученія «трудовъ» г. Карѣева, мы находимъ въ «Мысляхъ о сущности общественной дѣятельности» все, что намъ въ данную минуту требуется.

Итакъ, еще разъ, но уже—въ послѣдній, вернемся къ «цѣли жизни».

На стр. 37 упомянутыхъ «Мыслей о сущности и пр.» читаемъ: «Въ главѣ о цѣли жизни въ «Мысляхъ объ основахъ нравствен-

ности» я проводилъ не только ту идею, что каждый самъ долженъ ставить цѣль своей жизни, но и ту, что *цѣль эта должна заключаться въ той же самой жизни, а не внѣ ея*. А на стр. 50— для тѣхъ, кому цѣль жизни все еще недостаточно выяснена г. Карѣвымъ, онъ прибавляетъ: «Пусть же разумъ и совѣсть каждаго рѣшаютъ вопросъ о цѣли его жизни и о его жизненномъ призваніи!»

Видите, какъ богато вознаграждено наше терпѣніе? Вопросъ разрѣшается такъ просто, и притомъ какой вопросъ!

Головы въ іероглифныхъ кидарахъ,
Въ черныхъ береткахъ, въ чалмахъ,
Въ пудрѣ и головы всякаго рода
Били надъ этимъ вопросомъ въ слезахъ,—

а г. Карѣвъ пришелъ, увидѣлъ и — рѣшилъ: «цѣль жизни въ ней самой», и «пусть каждый рѣшаетъ его про себя». Это несравненно яснѣе и глубже знаменитаго отвѣта—«жизнь для жизни намъ дана».

Не менѣе просто и стольже ясно рѣшается вопросъ «о сущности общественной дѣятельности». На стр. 29 г. Карѣвъ пишетъ (на этотъ разъ онъ не бесѣдуетъ съ «чучелой», а категорически ей предписываетъ): «Пусть каждый прежде всего «познаетъ самъ себя» и опредѣлитъ свое жизненное призваніе въ зависимости отъ наклонностей и способностей своей природы». Иной, незнакомый съ г. Карѣвымъ, читатель замѣтитъ, пожалуй, что это сказалъ еще Сократъ. Но напрасно онъ думаетъ смутить этимъ нашего почтеннаго автора, который въ «Предисловіи» къ «Мыслямъ о сущности и проч.» не безъ ядовитости возражаетъ г. Михайловскому на подобный же упрекъ: «Неужели отстаивать нужно только то, что оспаривается, и нѣтъ надобности отстаивать тѣ или другія истины просто отъ одного забвенія, по крайней мѣрѣ, въ очень широкихъ кругахъ?» Но такъ какъ читатели не всѣ же молчаливыя «чучелы», и нѣкоторые могутъ не удовлетвориться сократовскимъ отвѣтомъ о сущности общественной дѣятельности, то на стр. 32 г. Карѣвъ съ несвойственной ему рѣзкостью заявляетъ имъ: «я отказываюсь дать готовый рецептъ общественной дѣятельности». Снисходя, однако, къ беспомощности такихъ безпокойныхъ читателей, онъ на стр. 65 благосклонно и даже съ нѣкоторою торжественностью отвѣтствуетъ: «Содѣйствіе культурному и соціальному прогрессу есть настоящее поприще всякой общественной дѣятельности». Это, разумѣется, тоже не ново, но «нельзя пользоваться одними и тѣми же приемами (именно приемами, способами, методами) въ изложеніи, положимъ, научныхъ теорій для специалистовъ и въ популяризаціи

науки, въ публицистическомъ и педагогическомъ воздѣйствіи на общество,—говоритъ авторъ въ «Предисловіи». Если я останавливаюсь съ особой подробностью иногда (?) на истинахъ наиболѣе элементарныхъ, то потому, что для круга читателей, къ которому обращаюсь, или, по крайней мѣрѣ, для весьма и весьма многихъ изъ этого круга эти самыя истины, могущія нерѣдко, къ сожалѣнію, оставаться неизвѣстными въ обществѣ, гдѣ такъ много «забытыхъ словъ», и считаю болѣе важными», и т. д., и т. д., и т. д.

Итакъ, «истины, наиболѣе элементарныя (замѣтите,—не просто, а «наиболѣе»)» — вотъ сущность «трудовъ» г. Карѣева. Отмежевавъ себѣ область азбучныхъ истинъ, г. Карѣевъ полагаетъ популяризацію ихъ въ томъ, что самую простую истину закутываетъ непроницаемымъ облакомъ словъ. Повидимому, онъ принялъ серьезно лукавый совѣтъ Мефистофеля,—

Im Ganzen—haltet euch an Worte,

.....
Denn eben wo Begriffe fehlen,

Da stellt ein Wort zur rechten Zeit sich ein,

Mit Worten lässt sich trefflich streiten.

Mit Worten ein System bereiten... *)

И плывутъ у него «слова и слова» безконечнымъ потокомъ, сыплются какъ осенній мелкій дождикъ, когда онъ зарядитъ на пѣлыя недѣли и барабанитъ по крышамъ и въ окна однообразной дробью, наводя сонливое уныніе и безнадежность. Смотришь въ окно на медленно плывущія свинцовыя тучи и чувствуешь, какъ «съ каждымъ часомъ слабнуть силы и въ сердце крадется тоска».

Такое же уныніе и тоску выносишь изъ чтенія всѣхъ этихъ «Писемъ», «Бесѣдъ», «Мыслей», поражающихъ однообразіемъ своего содержанія. Изъ безформеннаго тумана словъ вырисовывается ясно только обликъ автора, а постоянныя ссылки на самого себя, самоцитированіе **), тщательныя отмѣтки ***), когда и гдѣ было имъ написано то или другое, — производятъ впечатлѣніе, по-истинѣ, «святой простоты»!

*) Главное—держитесь крѣпче словъ... ибо гдѣ не хватаетъ смысла, тамъ можно всегда во время вставить словечко. Словами можно удачно вести споръ, построить изъ словъ систему...

**) Для образца стоитъ взять «Мысли о сущности общественной дѣятельности». См. страницы 1, 2, 3, 4, 9, 26, 27, 29, 31, 50, 77, 103, 107, 112, 127, 133 и проч.

***) Напр., въ «Мысляхъ объ основахъ нравственности» подъ самыми «Мыслями» отмѣчено: «С. Андосово. 26 іюня—5 іюля 1895 г.» Подъ ничтожнымъ епископомъ книгъ о нравственности, приложеннымъ къ «Мыслямъ», отмѣчено: «май—іюнь 1895 г.» Подъ Предисловіемъ: «С. Андосово. 3 іюля 1895.»

Съ выходомъ декабрьской книжки «Вѣстника Европы» исполнилось тридцатилѣтіе этого журнала,—явленіе, не только рѣдкое въ исторіи русской журналистики, но даже небывалое. По вычисленію досужихъ статистиковъ, норма жизни для нашихъ временныхъ изданій колеблется въ предѣлахъ отъ 3 до 5 лѣтъ, и уже по этому одному тридцатилѣтіе почтеннаго журнала заслуживало бы вниманія. Кстати, напомнимъ читателямъ, что «Вѣстникъ Европы» въ то же время старѣйшій русскій журналъ. Основанный Карамзинымъ въ 1807 году, онъ пережилъ различныя фазисы, пока въ 1865 году не перешелъ въ руки нынѣшней его редакціи, въ лицѣ гг. М. М. Стасюлевича и А. В. Пыпина, которые и до сихъ поръ благополучно руководятъ имъ. Но, помимо уваженія, какое вообще внушаетъ почтенный возрастъ, тридцатилѣтіе «Вѣстника Европы» представляется намъ отраднымъ явленіемъ въ русской общественной жизни и по другимъ причинамъ.

Неоднократно приходилось намъ по разнымъ поводамъ отмѣчать неустойчивость русскаго человѣка въ убѣжденіяхъ, ту легкость, съ которой мы увлекаемся новыми словами и тѣшимъ себя иллюзіями. Стойкость въ убѣжденіяхъ, готовность исповѣдывать ихъ не на словахъ, а на дѣлѣ,—это главныя, отличительныя черты культурнаго общества,—и въ этомъ именно отношеніи «Вѣстникъ Европы» былъ, дѣйствительно, истиннымъ вѣстникомъ того, что мы понимаемъ лучшаго подъ словомъ «Европа»...

Но, оставаясь неизмѣнно вѣрной завѣтамъ лучшихъ дней своей молодости, почтенная редакція не была никогда нечувствительной къ новымъ требованіямъ жизни. На страницахъ «Вѣстника Европы» эта жизнь всегда находила вѣрную оцѣнку и опредѣленное, не допускающее двухъ толкованій, освѣщеніе. Въ этомъ смыслѣ почтенный журналъ служилъ и служить образцомъ публицистической корректности и литературной этики, что должны признать, и неоднократно признавали, злѣйшіе его враги. Смѣло и съ тѣмъ достоинствомъ, которымъ отличается всегда защита справедливаго дѣла, журналъ никогда не уклонялся поднять брошенную ему перчатку, разъ этого требовалъ общественный интересъ. Никогда не впадая въ полемическій задоръ, не унижаясь до инсинуаций и намековъ «на то, чего не вѣдаетъ никто», журналъ твердо отстаивалъ свои мнѣнія, безъ компромиссовъ и «жалкихъ словъ», къ которымъ такъ часто привыкли прибѣгать за послѣднее время, когда совѣсть не позволяетъ открыто признать извѣстное явленіе, а «страхъ іудейскій» не допускаетъ отнестись къ нему отрицательно.

...Журналъ всегда посвящалъ вопросамъ мѣстнаго самоуправленія

и судоустройства особое вниманіе, и на его страницахъ эти вопросы находили и находятъ теперь самую обстоятельную разработку. Съ такимъ же вниманіемъ разрабатывались «Вѣстникомъ Европы» вопросы финансовой политики, имѣющіе у насъ общественное значеніе... Точно также вопросы крестьянскаго землевладѣнія получали именно здѣсь наиболѣе серьезное и безпристрастное освѣщеніе. Эта характеристика общественной роли журнала была бы неполна, если бы мы не отмѣтили того расширенія программы журнала, которое проявилось именно по отношенію народа и его нуждъ. Изъ журнала, съ такъ - называемымъ, либеральнымъ направленіемъ, «Вѣстникъ Европы» постепенно демократизировался. Это отнюдь не значитъ, что журналъ сталъ народническимъ, понимая это слово въ его сектантскомъ значеніи, такъ какъ именно «Вѣстникъ Европы» всегда былъ самымъ неумолимымъ, хотя и самымъ безпристрастнымъ противникомъ народническаго сектантства, какъ въ дни его торжества, такъ и во время его упадка. Говоря о все болѣе и болѣе демократическомъ направленіи журнала, мы имѣемъ въ виду демократизмъ въ широкомъ, хотя и нѣсколько расплывчатомъ, смыслѣ. Народъ и его нужды никогда не сходили со страницъ журнала, но въ послѣдніе годы народъ буквально заслонилъ собою всѣ остальные общественные вопросы, которыми былъ занятъ журналъ, и въ этомъ сближеніи съ народомъ «Вѣстникъ Европы» какъ бы обрѣлъ источникъ живой воды, сохранившій его отъ увяданія и давшій ему удивительную бодрость и жизненность. Съ годами журналъ словно молодѣлъ, и живость и восприимчивость его къ вопросамъ дня все возрастала, какъ объ этомъ свидѣлствуютъ превосходныя «внутреннія обозрѣнія» и «общественныя хроники», создавшія журналу особую оригинальность и характерность среди русской текущей печати.

Есть, наконецъ, еще одна черта у этого журнала, имѣющая въ наши дни особое общественное значеніе: «Вѣстникъ Европы» *никогда* не нападалъ ни на одну изъ народностей, населяющихъ Россію, и *всегда* защищалъ ихъ отъ несправедливыхъ нападковъ своихъ собратій по печати. Среди ожесточенной травли народностей, въ которой согласнымъ хоромъ принимала участіе чуть ли не вся текущая и не текущая пресса, голосъ «Вѣстника Европы» раздавался всегда съ благородной защитой и съ словомъ сочувствія и поддержки. Когда минуетъ общественное настроеніе, которому мы обязаны этой, недостойной конца девятнадцатаго столѣтія, травлей людей, повинныхъ только въ томъ, что они родились не-русскими, — русское общество съ благодарностью вспо-

нить роль «Вѣстника Европы» въ этомъ вопросѣ, а будущій историкъ вѣннеть ему ее въ великую заслугу.

Въ этой краткой замѣткѣ мы не коснулись другихъ сторонъ, выдѣляющихъ «Вѣстникъ Европы» среди другихъ современныхъ журналовъ. Не коснулись, напр., его иностранной политики, научно - историческаго содержанія и въ особенности изящной словесности. Вспомнимъ, что на его страницахъ Тургеневъ помещалъ свои послѣднія произведенія, начиная со второй половины шестидесятыхъ годовъ, а Салтыковъ холодящей рукой дописывалъ «забытыя слова». Но чтобы охватить всесторонне дѣятельность журнала, пришлось бы написать значительную часть исторіи развитія общественнаго самосознанія въ Россіи, — что, конечно, не можетъ входить въ задачу нашихъ краткихъ «замѣтокъ».

Пожелаемъ же почтенной редакціи долго еще служить столь горячо и искренне любимой ею родинѣ, успѣшно содѣйствуя русскому обществу въ уразумѣніи истинныхъ интересовъ народа, права и справедливости.

А. Б.

РАЗНЫЯ РАЗНОСТИ.

На родинѣ.

Земледѣльскія артели въ Елизаветградскомъ уѣздѣ. Въ апрѣлѣ 1895 г., въ Елизаветградскую уѣздную управу поступило нѣсколько заявленій крестьянъ села Панчева, о выдачѣ ссуды для покупки лошадей и хозяйственнаго инвентаря, причемъ просьбы подавались не отъ лица отдѣльных крестьянъ, а отъ лица артелей, составленныхъ по особому артельному договору. Осенью того же года управа получила такія же артельные прошенія изъ разныхъ другихъ селъ. Въ виду этого, для разслѣдованія дѣла былъ командированъ на мѣста агрономическій смотритель Кузьменко, представившій по этому поводу докладъ, выдержки изъ котораго приводятся г-мъ Земскимъ въ «Хозяинѣ». Изъ опроса хозяевъ-артельщиковъ, а также изъ личнаго осмотра дворовъ г. Кузьменко убѣдился, что крестьяне всѣ обѣдѣли за послѣднее время и прибѣгаютъ къ артели только для полученія ссуды, рассчитывая, что сообщая имъ скорѣе будеть оказанъ кредитъ. «Хозяева, лишившіеся живого инвентаря, настолько упали духомъ, что готовы составить артели и хозяйничать сообща, сознавая, что самостоятельныхъ хозяйствъ уже не могутъ завести. Хозяева же, не лишившіеся пока скота, предпочли бы получить ссуду каждый въ отдѣльности, и выдать какое-

нибудь ручательство въ исправности платежа. Такъ, напр., изъ 8-ми артелей села Канижа, 6-ть составлены изъ бѣднѣйшихъ крестьянъ, готовыхъ мириться съ неудобствами артельного хозяйства по необходимости; двѣ же другія группы, составленные изъ крестьянъ побогаче, относятся къ артельному хозяйству отрицательно и соединяются вмѣстѣ только для того, чтобы дать ручательство въ исправной уплатѣ долга. Такое же впечатлѣніе вынесъ г. Кузьменко и отъ артелей въ другихъ селахъ.

«Изъ всѣхъ этихъ данныхъ, — говоритъ г. Земскій, — елизаветградская земская управа сдѣлала вполнѣ правильное заключеніе о томъ, что никакихъ артелей въ данныхъ селахъ пока нѣтъ, за то есть хозяева, и ихъ много, которые нуждаются въ кредитѣ и изыскиваютъ способы воспользоваться имъ, а однимъ изъ главныхъ для этого средствъ они считаютъ артель, которая, по ихъ мнѣнію, благодаря общей круговой поруки, представляетъ, будто бы, больше гарантій для учреждений, выдающихъ ссуды». Г-нъ Земскій справедливо замѣчаетъ по этому поводу, что трудно возлагать особенныя надежды на земледѣльскія артели въ дѣлѣ поднятія народнаго хозяйства: «Мы не говоримъ о томъ, — такъ заканчиваетъ г. Земскій свой обзоръ, — что едва ли можно

назвать артелями союзы несчастныхъ бѣдняковъ, готовыхъ мириться съ неудобствами артельного хозяйства ради полученія ссуды, или образующихъ артели только потому, что разореніе заставило ихъ совершенно упасть духомъ. Настоящая артель, какъ форма кооперативнаго труда, требуетъ для своего осуществленія не упадка, а громаднаго подъема духа: она немыслима безъ высокаго развитія чувства общественной нравственности и значительнаго умственнаго развитія. Признавая за артелями и кооперацией вообще громадную будущность, горячо имъ сочувствуя, мы не можемъ не видѣть, что настоящая обстановка нашей общественной жизни должна дѣйствовать на артели, какъ морозъ дѣйствуетъ на прекрасные цвѣты. Необходимо, всячески ограждать эти цвѣты и помогать имъ уцѣлѣть, но не сажаетъ принимать за нихъ болѣзненные проявленія жизни нашего обездоленнаго земледѣльца, который идетъ по наклонной плоскости всеобщаго разоренія и умоляетъ о помощи. Онъ нуждается, между прочимъ, и въ дешевомъ кредитѣ, но этотъ кредитъ необходимо ему дать въ чистомъ видѣ, не создавая для этого искусственно «артелей». Къ такому именно выводу пришло на основаніи своего опыта пермское губернское земство. На немъ же основывалось и елизаветградское земство, уполномочившее управу производить, кромѣ выдачи ссудъ подъ хлѣбъ, еще операціи по выдачѣ ссудъ на покупку лошадей, хозяйственнаго инвентаря и т. д. Для перваго опыта управѣ открытъ для этого кредитъ въ 50.000 руб.

Пытки въ Рѣжницкомъ уѣздѣ. Въ «Биржевыхъ Вѣдомостяхъ» излагается интересное дѣло, только-что разсматривавшееся во Ісковѣ.

Дѣйствіе происходитъ въ Рѣжницкомъ уѣздѣ, Витебской губерніи. 23-го

іюня 1893 года въ одной изъ деревень, которыми въ полицейскомъ отношеніи правилъ удостоивавшійся массы благодарности своего начальства за свою дѣятельность заслуженный урядникъ Адамовъ, въ току былъ найденъ повѣшеннымъ одинъ изъ мѣстныхъ крестьянъ-латышей Иванъ Брокъ, все тѣло котораго было открыто полосами и синевою, а на головѣ имѣлась большая рана. Были, конечно, произведены дознаніе и медицинское вскрытіе трупа, давшія въ результатъ слѣдующее удостовѣреніе. Смерть Брока послѣдовала отъ самоповѣшенія, многочисленныя полосы и синева на его тѣлѣ должны быть признаны трупными пятнами, а рана на головѣ произошла отъ удара о дерево при самоповѣшеніи. Все это признано и подписано не только производившимъ дознаніе становымъ приставомъ, но и мѣстнымъ уѣзднымъ врачомъ Елизаровымъ. Вскорѣ послѣ этого дознанія до витебскаго прокурора дошли слухи совсѣмъ другого рода. Слухи эти гласили, что крестьянинъ Брокъ не повѣсился, а былъ повѣшенъ, правда, уже мертвымъ, и что самая смерть его послѣдовала отъ истязаній, которымъ онъ былъ подвергнутъ мѣстнымъ полицейскимъ урядникомъ Адамовымъ и другими полицейскими чинами. Возникло новое дознаніе на этотъ разъ порученное уже самому рѣжницкому исправнику. Но... это дознаніе дало тѣ же результаты, потому что всѣ допросы велись на латышскомъ языкѣ, котораго ни исправникъ, ни становой не понимали, а переводчикомъ служилъ... самъ заподозрѣнный въ истязаніи Брока полицейскій урядникъ Адамовъ.

Разслѣдованіе дѣла все-таки этимъ не ограничилось и послѣ долгихъ мытарствъ дѣло было, наконецъ, выяснено во всѣхъ его ужасныхъ подробностяхъ. Было обнаружено, что заслуженный урядникъ Адамовъ, при

помощи четверыхъ сотскихъ и своего домохозяина. богатаго крестьянина Гроза, въ теченіе пятнадцати лѣтъ систематически употреблялъ пытки при допросахъ по уголовнымъ дѣламъ. Порядокъ допросовъ у него былъ слѣдующій: заподозрѣннаго связывали по рукамъ и ногамъ, прикручивали къ столбу у арестантскаго помѣщенія и затѣмъ начинался самый допросъ при помощи плетей и нагаекъ. Плетью допрашивалъ самъ урядникъ, а сотскіе тутъ же допрашивали нагайками. И такіе допросы продолжались по цѣлымъ днямъ. Но самымъ страшнымъ допросчикомъ, настоящимъ Шешковскимъ былъ богатый крестьянинъ Грозъ, извѣстный всему мѣстному населенію подъ именемъ инквизитора. Этотъ ближайшій и вѣрнѣйшій другъ урядника Адамова инквизиторствовалъ просто изъ любви къ искусству. Между прочимъ, онъ изобрѣлъ какую-то особенную желѣзную палку, которою онъ «доводилъ до сознанія» самыхъ упорныхъ.

По дѣлу о мнимомъ самоубійствѣ крестьянина Брока было обнаружено слѣдующее: 20-го іюня 1893 г. у одного изъ обывателей участка Адамова пропалъ кусокъ холста, стоющій 3 р. Адамовъ заподозрилъ въ кражѣ двѣнадцатилѣтняго пастушенка, который и подвергся обычному «допросу» у столба. И плеть, и нагайка цѣлыхъ два часа гуляли по несчастному, чередуясь со словами, которыми требовалось указаніе, гдѣ и у кого холстъ находится. Придя въ полное изнеможеніе, мальчикъ Богдановъ, по собственному сознанію, назвалъ первую пришедшую ему на память фамилію «Брокъ». Хотя оговоръ этотъ былъ явно неправдоподобенъ, такъ какъ крестьянинъ Брокъ проживалъ совсѣмъ въ другомъ мѣстѣ, онъ, тѣмъ не менѣе, былъ доставленъ къ уряднику и въ продолженіе трехъ дней подвергнутъ «допросу». Въ первый день допросъ былъ порученъ тремъ

сотскимъ, которые, связавъ Брока такъ, что онъ не могъ двигаться, въ продолженіе часа то приподнимали, то бросали его объ полъ, требуя сознанія. Брокъ не «сознавался». Тогда на другой день допросъ сопровождался уже тяжкими побоями и угрозами «выбить у него весь мозгъ». Брокъ опять-таки не сознался. Тогда на третій день за него принялся уже самъ урядникъ. И загуляли по нему плеть урядника съ одной стороны и нагайка сотскаго съ другой. И продолжался этотъ допросъ въ теченіе двухъ часовъ, причѣмъ для того, чтобы заглушить крики Брока, урядникъ заткнулъ ему ротъ... каблукомъ своего сапога. Но Брокъ и тутъ не сознался. Тогда его развязали и совершенно истерзаннаго и измученнаго бросили. А такъ какъ онъ отъ слабости уже и подняться не могъ, то онъ только ползкомъ могъ добраться до дому. Но напрасно онъ и доползъ. Въ тотъ же день онъ былъ опять взятъ для допроса, но на этотъ разъ уже къ самому инквизитору Грозу. Тутъ, при помощи знаменитой палки инквизитора, онъ уже былъ на смерть «допрошенъ», а затѣмъ, уже мертвый, съ цѣлью объясненія этой смерти самоубійствомъ, и повѣшенъ.

На судебномъ слѣдствіи многочисленныя свидѣтели вполне определенно подтвердили указанные данныя. На скамьѣ подсудимыхъ сидѣли только урядникъ и сотскіе, которые и были приговорены къ заключенію въ арестантскія роты, съ лишеніемъ всѣхъ правъ и преимуществъ.

Общественная благотворительность въ деревнѣ. Въ настоящее время поставленъ на очередь вопросъ объ общественномъ призрѣніи бездомныхъ и безпріютныхъ стариковъ, больныхъ и пр. въ деревняхъ.

Около двухъ лѣтъ тому назадъ, учреждена, подъ предсѣдательствомъ статсъ-секретаря Гроза, коммиссія по

пересмотру дѣйствующаго законодательства объ общественномъ призрѣніи. Въ началѣ нынѣшняго года коммиссія обратилась ко всѣмъ губернскимъ управамъ съ просьбою организовать совѣщанія, при участіи предсѣдателей уѣздныхъ управъ, для формулировки отвѣтовъ на 12 предложенныхъ ею вопросовъ, имѣющихъ цѣлью выясненіе современнаго состоянія дѣла призрѣнія и желательной его организациі въ будущемъ.

Постановку этого вопроса нельзя не признать чрезвычайно своевременной. Дѣло общественнаго призрѣнія въ деревняхъ находится въ самомъ первобытномъ состояніи: богадѣльни и лѣчебницы для хроническихъ больныхъ повсемѣстно отсутствуютъ, и люди, нуждающіеся въ общественной помощи, находятся въ самомъ бѣдственномъ положеніи. Слѣдующій случай, приводимый «Смол. Вѣстн.», можетъ служить яркой иллюстраціей настоящаго положенія дѣла.

Солдатка Маріа Григорьева (Юхновскаго уѣзда, деревни Никитенокъ), 20 лѣтъ тому назадъ, была покинута мужемъ, который ушелъ на заработки и больше не возвращался. Черезъ 12 лѣтъ послѣ его ухода, мѣръ отнялъ у Маріны землю, на которой стояла ея избушка, и она осталась безъ пристанища и начала скитаться съ одного мѣста на другое, нанимаясь на поденныя работы. Такъ прошло 10 лѣтъ, когда однажды, во время ея пребыванія въ Юхновѣ, ее разбилъ параличъ. Полиція тотчасъ же препроводила ее въ родную деревню—Никитенки. Но жители Никитенокъ не пожелали взять на свое содержаніе больную старуху, а сославшись на то, что мужъ ея былъ родомъ изъ другой деревни, отправили ее туда. На родинѣ (Бутурлинской волости) мужа она была встрѣчена тоже недоброжелательно, и общество тотчасъ же составило приговоръ о нежеланіи призрѣвать ее, такъ какъ

оказалось, что мужа ея никто не помнитъ. Поэтому ее отвезли въ Юхновскую больницу. Врачъ далъ ей тамъ отдохнуть нѣсколько дней и затѣмъ сдать ее въ полицейское управленіе, которое вновь послало ее въ Бутурлинскую волость «для водворенія». 16-го іюня волостной старшина переслалъ въ управленіе вышеупомянутый приговоръ войтовскаго общества, а полицейское управленіе представило его на усмотрѣніе земскаго начальника. Послѣдній призналъ, что, такъ какъ, по наведеннымъ имъ справкамъ, мужъ Григорьевой къ войтовскому обществу не приписанъ, то за этимъ обществомъ нельзя признать обязанности призрѣнія Григорьевой, а потому онъ предложилъ полиціи пріискать лицо, которое согласилось бы призрѣвать Григорьеву при пособіи по 2 р. въ мѣсяцъ, которое онъ предполагалъ исходатайствовать для нея у уѣзднаго попечительства о бѣдныхъ. Между тѣмъ, войтовцы успѣли вторично переправить Марину въ Юхновъ, гдѣ она и оказалась въ то время, когда (19 іюля) полицейскій надзиратель донесъ управленію, что лицъ, которыя пожелали бы взять ее для призрѣнія, въ Юхновѣ не нашлось. Полицейское управленіе, въ виду этого, постановило: по неимѣнію въ уѣздѣ земской богадѣльни, препроводить Григорьеву въ смоленское богоугодное заведеніе губернскаго земства, «а до времени отправленія этапа заключить ее въ мѣстную тюрьму». Затѣмъ послѣдовало отправленіе ея въ смоленскую тюрьму, и 6-го августа начальникъ этой тюрьмы препроводилъ «арестантку» Григорьеву въ губернскую больницу. Здѣсь она была принята только благодаря личному распоряженію предсѣдателя губернской управы Н. А. Рачинскаго. Но, продолжавъ Григорьеву до 17 августа, контора богоугоднаго заведенія вошла въ губернскую управу съ просьбою о разъясненіи, какъ поступить съ Гри-

горьевой, какъ неизлѣчимою. По распоряженію управы, больная была сдана 19 августа въ полицейское управленіе для пересылки на родину, а полицейское управленіе вновь доставило ее въ тюрьму. На этотъ разъ и это суровое учрежденіе вошло въ положеніе несчастной и оказало ей призрѣніе въ своей больницѣ, гдѣ она и пробыла до 13 сентября. Затѣмъ— новое путешествіе больной въ Юхновъ, а оттуда, по распоряженію полицейскаго управленія, въ с. Знаменское, гдѣ находится земская управа, для передачи на попеченіе послѣдней. Управа дала ей пріютъ въ Знаменской больницѣ.

«Смоленскій Вѣстникъ» справедливо замѣчаетъ, что это скитаніе парализованной старухи достаточно обрисовываетъ хаотическое состояніе у насъ дѣла призрѣнія. Бѣда ли нужно дополнять эту характерную картину длиннымъ рядомъ другихъ фактовъ изъ практики «призрѣнія», нѣсколько видоизмѣняющихся въ своей исторіи, но совершенно тождественныхъ по внутреннему ихъ смыслу и содержанию. Да еще Григорьева оказывается счастливей многихъ другихъ, ей подобныхъ. Ей было оказано возможное призрѣніе и Юхновской больницей, и губернской управой, и даже губернской тюрьмой. Каждое изъ этихъ учрежденій давало ей пріютъ и пропитаніе. Это доставило ей необходимый отдыхъ послѣ двухмѣсячныхъ «препровожденій». Теперь призрѣніе оказано ей уѣздной управой и, можетъ быть, этотъ счастливый случай выясненія ея положенія положить теперь конецъ скитаніямъ 65-лѣтней старухи. Но, повторяемъ, это— только счастливая случайность. Многія лица, столь же нуждающіяся въ призрѣніи проходятъ мимо насъ незамѣченными: ихъ безысходное положеніе не только само не бросается намъ въ глаза, но и, вызываемое имъ, прямое обращеніе за помощью встрѣчаетъ

нами подозрительно, съ сомнѣніемъ въ основательности просьбы. При отсутствіи у нѣкоторыхъ лицъ юридическаго права на призрѣніе, а у большинства—возможности добиться фактическаго осуществленія права, признаваемаго за ними въ этомъ отношеніи закономъ, каждое изъ такихъ лицъ можетъ рассчитывать на достиженіе призрѣнія только путемъ ничѣмъ необусловливаемой слѣпой случайности,

Отсутствіе всякой организаціи призрѣнія и приводитъ къ такой жизненной коллизіи, не лишенной глубокой ироніи: тюрьмы являютъ въ роли милосердныхъ самарянъ, въ качествѣ учреждений, исправляющихъ должность богоугодныхъ заведеній.

Нѣкоторые земства уже взяли на себя починъ въ организаціи общественнаго призрѣнія, и надо надѣяться, что дѣятельность земствъ, сдѣлавшихъ такъ много для народнаго образованія и народной медицины, окажется также плодотворной и въ этомъ отношеніи.

Бабые царство. Корреспондентъ «Смоленскаго Вѣстника» описываетъ оригинальную жизнь «бабыаго царства», пріютившагося въ Смоленской губ. Владѣнія его простираются на 15 верстъ, именуется оно «Безюковщиной» и состоитъ изъ селеній, нѣкогда находившихся въ крѣпостной зависимости отъ Безюковскаго монастыря, закрытаго, кажется, еще при Петрѣ I. А бабыамъ это царство называется потому, что здѣсь почти всѣ лѣтнія работы и почти все хозяйство ведется исключительно бабами, такъ какъ всѣ мужчины, отъ 17-лѣтняго возраста и до 60 лѣтъ, съ ранней весны идутъ на платничія работы во всѣ стороны нашего отечества, нѣрѣдко за 500 верстъ и далѣе отъ родины. Домой возвращаются они въ Петрову дню и снова уходятъ съ конна іюля или начала августа до замороз-

ковъ. Бабы папуть, навозъ возять, сѣютъ, облоги деруть, дрова рубяць, на мельницу ѣздить, — словомъ, всюду замѣняютъ собой мужиковъ.

По наружности эти бабы рѣзко отличаются отъ другихъ сосѣднихъ бабъ. «На видъ она средняго роста, плотная, угловатая, съ сильно развитыми мускулами, худощавая; замѣчательно подвижная. Бабу - безючку вы сразу отличите среди нашихъ другихъ бабъ и по бойкой ея походкѣ, и по одеждѣ самодѣльной и весьма приспособленной къ работамъ, и по рѣзвой рѣчи, пересыпанной шутками, пословицами, и по отменно трезвому поведенію».

Безюковскія бабы живутъ совсѣмъ обособленной жизнью: женихи изъ сосѣднихъ селеній къ нимъ не заглядываютъ, и онѣ выходятъ замужъ за своихъ же односельчанъ.

Въ лѣтнее время въ безюковскихъ деревняхъ рѣдко встрѣчаются ссоры и драки нетрезвыхъ людей; и только въ сѣнокосную пору мужики, замѣтно, нарушаютъ обычаи и законы бабьяго царства; за то съ августа опять баба беретъ въ свои руки бразды правленія.

Оригинальную картину представляють собою безюковскія селенія лѣтомъ: на поляхъ ни одного мужика; все бабы и бабы, тамъ и здѣсь красѣются, синѣются платки, безрукавки; изрѣдка выѣдетъ на полосу сѣдой, какъ лунь старикъ, съ мѣшками и лукошкомъ, и пойдетъ «зыбать» на своихъ старческихъ ногахъ, разбрасывая сѣмена по нивѣ. Въ селеніяхъ этихъ вы часто встрѣтите лѣтомъ сходку, состоящую изъ однихъ бабъ. Жена сельскаго старосты или десятскаго, за отсутствіемъ мужа, ведетъ всѣ мирскія дѣла: загоняетъ на сходку, ставитъ на сходкѣ вопросы о поправкѣ изгороди, раскладкѣ пастушныхъ и другихъ платежей.

Вопреки общераспространенному мнѣнію о женской болтливости, оказывается, что на этихъ сходахъ дѣла рѣ-

шаются гораздо быстрѣе, чѣмъ на мужскихъ. Бабамъ некогда болтать, хотя бы и хотѣлось почесать языки; каждая изъ нихъ спѣшитъ поскорѣе покончить съ мирскимъ дѣломъ и бѣжать домой, гдѣ нужно и стряпать, и брать въ руки мужскую работу, — прозѣваешь, — капуста въ печи выкипѣть, свиньямъ нужно нарубить, полоса стоитъ въ полѣ недожатая, нужно телѣгу сѣна привезть.

Но бываютъ случаи, когда и бабы сходки затягиваются долго; это бываетъ тогда, когда бабамъ приходится дѣлать раскладку платежей и вести счета. Обладая большою практическою сметкой, помогающей имъ справляться съ дѣлами, бабы въ то же время очень слабы въ математикѣ, и счетная часть ихъ крайне затрудняетъ. Корреспондентъ «Смол. Вѣст.» описываетъ такую сцену, свидѣтелемъ которой ему пришлось быть:

«Однажды, въ деревнѣ П — ской, бабы собрались на сходку для того, чтобы сложить пастушное; съ «кучи» нужно было класть по 75 копѣекъ, сосчитали, сколько въ каждомъ дворѣ скота, сколько кучъ и начали смеяться, сколько нужно платить съ cadaго двора, чтобы выдать пастуху половину лѣтнаго заработка; считали, считали, не клеится дѣло; позвали на сходку дѣда Архипа; но и тотъ, за древностью лѣтъ, не въ состояніи былъ свести счетъ. Вотъ баба - десятскій и говорить, обращаясь къ теткѣ Сашкѣ.

— Сашка, тебѣ считать.

— А почему жъ это мнѣ?

— Да потому, что у тебя языкъ длиннѣе всѣхъ. Тебя, вѣдь, никто въ деревнѣ не переговорить, — ну-ка сосчитай.

— Это не мое дѣло; ты десятчица, ты счетъ веди.

— О, дуй вась горой! что жъ вы думаете, не сосчитаю?

Десятчица побѣжала домой. На лавкѣ у нея стояло ведро съ картофелемъ, который предназначался для обѣда.

Схватила баба ведро картофелю и на сходку. Бабы обступили десятчику; а та сѣла на дугъ и давай выкладывать картофель, принимая каждую клубню за четвертакъ.

— Алена, съ тебя начинать! У тебя двѣ кучи... Ну, вотъ твои деньги... три четвертака, да три четвертака, значить шесть четвертаков... и это будетъ три полтинника — полтора цѣлковыхъ... Съ тебя полтора цѣлковыхъ... Ну, вотъ это твоя картошка, — держи!

— А полкучи какъ же ты будешь считать?

— Картошину пополамъ разрѣжу... Полтину — пополамъ, — четвертакъ, а четвертакъ пополамъ, — $12\frac{1}{2}$ коп.

— А сколько всего?

— Четвертакъ, да еще гривенникъ, да еще $2\frac{1}{2}$ коп., — $37\frac{1}{2}$ коп... такъ ли?

Счетъ на картошкахъ бабы вели часа полтора; сосчитали правильно; сложили всѣ части вмѣстѣ, пересчитали, — получилось половинное жалованье пастуха, — десятчица не ударила лицомъ въ грязь и съ торжествующимъ видомъ понесла свою картошку домой.

Въ послѣднее время на помощь бабамъ по счетоводству стали приходять ученики сельской школы, уже достаточно научившіеся грамотѣ и ариѳметикѣ.

Вся земледѣльческая работа въ безючскихъ селахъ лежитъ на бабахъ: безючка же корчуетъ свое ядо, какъ самый заправскій мужикъ, она выкапываетъ и валитъ на землю ели отъ 4—5 верш. въ отрубѣ. Почва безюковской земли крайне истощенная, земля не хлѣбородная, ощущается здѣсь большой недостатокъ въ сѣнокосныхъ статьяхъ, а дровъ ни палки; волей-неволей приходится откупать у сосѣднихъ помѣщиковъ яда, на которыхъ можно было бы дровъ наготовить, травы накосить, хлѣба посѣять. Можно съ увѣренностью сказать, что безюков-

щина поголовно пошла бы въ кусочки, если бы изъ бѣды не выручали неутомимая энергія и дѣятельность безюковской женщины.

Въ вѣковой своей лямкѣ она до того обтерпѣлась и нашколилась, что положеніе ея уже не кажется ей особенно тяжелымъ. Что она, въ большинствѣ случаевъ, не достигая шестидесятилѣтняго возраста, умираетъ, — это она объясняетъ волей Божіей; что ея малолѣтніа дѣти очень часто на погостъ идутъ, — въ томъ видитъ на роду ихъ написанную судьбу; что она не видитъ согласной и правильной семейной жизни и проживаетъ какъ бы на вдовьемъ положеніи, — въ томъ винить нужду, бесплодную землю, разгоняющую мужчинъ по бѣлому свѣту. Казалось бы, слѣдовало здѣсь встрѣтить женщину, нуждой забитую, судьбой загнанную, хмурую, огрубѣлую до полной утраты женственности, — нѣтъ, безючка не забита и не загнана; условія ея жизни сдѣлали ее какъ бы стальной; она вынослива, энергична, полна жизненной силы, значительно развитѣе обыкновенной бабы, она живетъ тою напряженною жизнью, которая поневолѣ заставляетъ ее почаще «раскидывать умомъ» и тратить энергію свою безразсечно, — «кипнуть, горить, за то и быстро увядаетъ».

Бурашевская колонія для душевно-больныхъ. Въ одномъ изъ предыдущихъ номеровъ «Міра Божьяго», мы говорили о коллективной отставкѣ всѣхъ врачей Бурашевской колоніи, вызванной удаленіемъ отъ должности главнаго врача и основателя колоніи — д-ра Литвинова. Теперь въ газетахъ попадаются извѣстія о положеніи дѣлъ въ Бурашевѣ при новомъ врачебномъ персоналѣ. Вотъ, напримѣръ, что сообщаютъ по этому поводу въ «Новое Время». «Еще не успѣло окончиться слѣдствіе по дѣлу о помѣзѣ въ Бурашевской колоніи душевно-больному 15 реберъ, поль-

зовавшемуся тамъ, какъ вновь предложено прокуроромъ тверскаго окружного суда г. судебному слѣдователю по важнѣйшимъ дѣламъ, г. Лутковскому, произвести слѣдствіе о положѣніи 5 реберъ въ Бурашевской колоніи душевно-больной крестьянкѣ Корчевскаго уѣзда, Зиновіи Табаковой. Вчера, 29 октября, судебный слѣдователь, г. Лутковскій, съ 4-мя экспертами-врачами: гг. Петрунkevичемъ, военнымъ врачомъ Свирѣлинымъ, старшимъ врачомъ земской больницы Баратынскимъ и уѣзднымъ врачомъ Орфановымъ, производили осмотръ трупа искалѣченной Табаковой, при чемъ оказались кровопотечки мышцъ рукъ, съ обозначеніемъ на кожѣ вдавленныхъ пальцевъ, и 5 сломанныхъ реберъ недавняго происхожденія, изъ которыхъ эксперты признали 2 ребра, сломанными нѣсколько дней, а 3 ребра около двухъ недѣль назадъ. Поломы открылись при вскрытіи трупа недавно прибывшимъ въ Бурашево старшимъ врачомъ, г. Совѣтовымъ, который не скрылъ отъ мѣстной администраціи этого обстоятельства, подобно своему предшественнику, исправляющему должность старшаго врача, г. Дарашкевичу, при ломѣ 15 реберъ.

Тотъ же корреспондентъ сообщаетъ о новыхъ порядкахъ въ колоніи, которые отчасти объясняютъ, какъ могутъ происходить эти «печальные инциденты».

По распоряженію губернской земской управы, врачи колоніи все свое вниманіе обратили на экономію. Съ цѣлью сократить расходы, въ Бурашевъ закрыта амбулаторія, отъ чего окрестное населеніе на 80 верстъ лишилось врачебной помощи; прекращенъ отпускъ лѣкарствъ изъ бурашевской аптеки мѣстному населенію. Съ цѣлью той же экономіи, губернская управа не исполнила постановленія губернскаго земскаго собранія о приглашеніи шестого врача ордина-

тора въ Бурашево къ 4-мъ врачамъ-ординаторамъ и 5-му врачу директору колоніи.

Понятно, что всѣ эти печальныя нововведенія сильно повліяли на репутацію колоніи. Вслѣдствіе этого, напримѣръ, новоторжское уѣздное земское собраніе постановило избрать комиссію для осмотра настоящаго состоянія Бурашевской колоніи и, если комиссія признаетъ его ненормальнымъ, войти съ ходатайствомъ въ сосѣднія земства о переводѣ оттуда своихъ душевно-больныхъ. Прежнему директору колоніи, г. Литвинову, рѣшили поднести благодарственный адресъ нѣкоторымъ уѣзднымъ земствамъ (новоторжское, старецкое, и др.).

Прокаженные въ Прибалтійскомъ краѣ. Корреспондентъ «Недѣли» описываетъ свое посѣщеніе дома прокаженныхъ въ Ненналь, близъ Юрьева. Онъ говоритъ, что первыя впечатлѣнія его были совсѣмъ не тѣ, какъ онъ ожидалъ: «Подѣхавъ къ дому, я увидѣлъ группу мужчинъ и женщинъ, мывшихъ полы коридора и ставни оконъ. Работа кипѣла среди шутокъ, заигрываній и веселаго смѣха. Если бы не однообразные больничные костюмы, да еще не темно-коричневые рубцы и узлы на загорѣлыхъ лицахъ этихъ людей, напоминавшихъ татуированныхъ сѣвероамериканскихъ индѣйцевъ, то трудно бы догадаться, что видишь передъ собою больныхъ проказой. Къ сожалѣнію, это были одни легко больные, недавно еще поступившіе въ лепрозорій».

Больница устроена въ бывшемъ станціонномъ домѣ, въ которомъ въ 1764 г. останавливалась Екатерина II; въ немъ помѣщаются прокаженные женщины; часть бывшей конюшни приспособлена для больныхъ мужчинъ. Больничныя помѣщенія рассчитаны на 80 больныхъ. Видъ тяжело больныхъ, по словамъ корреспондента «Недѣли»,

производить удручающее впечатлѣніе. Онъ пишетъ: «Въ тѣсныхъ комнатахъ, вовсе не предназначавшихся для больныхъ, среди спертата воздуха, на желѣзныхъ кроватяхъ, покрытыхъ грубыми матрацами и подушками, набитыми соломой и сѣномъ, подъ грубыми одѣялами, я видѣлъ людей, прикованныхъ навсегда къ постели и обреченныхъ на медленное угасаніе при полномъ сознаніи. Разрушительное дѣйствіе проказы распространилось уже на суставы конечностей, на головныя связки, на глаза больныхъ, и они лежали слѣпые, безъ движенія. Испускающая только по временамъ хрипаче стоны. Никогда не забуду я одной молодой дѣвушки, у которой отнялись уже обѣ ноги и появилась, кромѣ того, водянка. Съ лицомъ, бѣлымъ какъ воскъ, полусидѣла она, привалившись къ подушкамъ, и точно загнипнотизированная, смотрѣла чрезъ единственное открытое окно, предъ которымъ разстилалась водная гладь Чудского озера. Взглядъ ея былъ совершенно неподвиженъ, и трудно было догадаться, прислушивается ли она къ веселому чириканью птичекъ или вся ушла въ мечты о прошломъ...»

Такихъ больныхъ, окончательно слегшихъ въ постель, немного. Большая часть изъ нихъ могутъ ходить по комнатамъ, гулять въ саду и даже работать. Больные сами убираютъ комнаты, моютъ свою посуду, топятъ печи, стираютъ бѣлье, однимъ словомъ, исполняютъ всѣ домашнія работы, такъ какъ здоровая прислуга нанимается только для приготовленія пищи. Нѣкоторые больные лѣтомъ работаютъ въ саду, въ огородѣ и на сѣнокосѣ. При домѣ прокаженныхъ находится участокъ земли въ нѣсколько десятковъ десятинъ. Часть этой земли отдается сосѣднимъ крестьянамъ подъ посѣвъ льна, ржи и ячменя за половину урожая, часть засѣяна картофелемъ и, наконецъ, болѣе половины занято сѣнокосомъ. Лепрозорій пред-

ставляетъ изъ себя маленькое имѣніе: въ немъ имѣется лошадь, пять коровъ, овцы, свиньи. Женщины илучаютъ ленъ и шерсть, изъ которыхъ прядутъ нитки и вяжутъ чулки для собственныхъ, разумѣется, потребностей.

Вообще, прокаженные, попавшіе въ лепрозорій по желанію или по принужденію, стараются устроиться въ немъ по домашнему. Надъ кроватями больныхъ развѣшаны захваченные изъ дому портреты покойнаго государя фотографическія карточки родныхъ и знакомыхъ, вырванныя изъ иллюстрированныхъ журналовъ картины и т. д. У одной больной на самомъ видномъ мѣстѣ находилось даже маленькое зеркальце. На одномъ окнѣ жжала старая эстонская біблія въ кожаномъ переплетѣ съ вложенными въ средину полуразвалившимися отками: что касается молитвенниковъ, то я видѣлъ ихъ нѣсколько.

Лепрозорій содержится на счетъ благотворительнаго общества, отпускающаго на содержаніе каждаго прокаженнаго по 5 р. въ мѣсяцъ. Прибалтійское населеніе въ общемъ относится къ больнымъ проказою гораздо гуманнѣе, чѣмъ якуты, посѣщенные миссъ Марсденъ. Но, тѣмъ не менѣе, крестьяне бывають недовольны, когда больные въ своихъ прогулкахъ приближаются къ нимъ, и не позволяютъ хоронить ихъ на общихъ кладбищахъ.

Якуты Верхоянскаго округа. «Восточное Обзорѣніе» въ краткихъ чертахъ излагаетъ недавно изданную книжку г. Ковалика о верхоянскихъ якутахъ. «Верхоянскій округъ Якутской области занимаетъ громадную площадь области на сѣверѣ отъ полярнаго круга между рѣками Леной и Индигиркой вплоть до Ледовитаго океана. На этомъ пространствѣ числится 10.682 человекъ обоимъ пола главнымъ образомъ якутовъ. Тунгусы и русскіе, послѣдніе—главнымъ обра-

зомъ слыльные, составляютъ около $\frac{1}{10}$ части всего населенія округа. Географическимъ положеніемъ края обусловленъ рѣзкій и суровый климатъ. Верхоянскъ самое холодное мѣсто на земномъ шарѣ; морозы достигаютъ тамъ невѣроятнаго напряженія—до 70° Ц. Къ счастью для жителей, абсолютная температура воздуха и сухость его зимою дѣлаютъ ужасные морозы не столь чувствительными для человѣка. Рѣки и озера замерзаютъ въ сентябрѣ и вскрываются въ концѣ мая. Поэтому для Верхоянска слѣдуетъ считать только два времени года—короткое лѣто и продолжительную зиму. Въ теченіе тамошняго трехмѣсячнаго лѣта силюшь и рядомъ цѣлыя недѣли стоятъ такіе холода, что приходится топить печи.

Понятно, что при такихъ климатическихъ условіяхъ о земледѣліи въ округѣ не можетъ быть и рѣчи. Возможно только скотоводство и то въ болѣе южныхъ частяхъ округа, гдѣ родится трава. Впрочемъ, и здѣсь покосы часто страдаютъ отъ разлива рѣкъ въ лѣтнее время года вслѣдствіе таянія обильныхъ снѣговъ. Лѣсъ имѣется мѣстами, главнымъ образомъ лиственничный; отсутствіе сосны лишаетъ жителей того подспорья въ пищу, которое имѣется у якутовъ болѣе южныхъ частей области: тамъ заболонь (лубъ) сосны заготавливается жителями на зиму въ большомъ количествѣ и употребляется въ пищу, какъ суррогатъ хлѣба. Изъ минеральныхъ богатствъ округа авторъ указываетъ на серебро-свинцовую руду, залежи которой извѣстны давно, но не разрабатываются за отсутствіемъ въ краѣ провизіи для прокормленія рабочихъ».

Верхоянскій округъ дѣлится на 4 улуса, каждый улусъ, въ свою очередь дѣлится на «наследи» или роды. Родъ избираетъ на три года старосту, въ лицѣ котораго сосредоточено родовое управленіе. Старосты собираются

два раза въ годъ и рѣшаютъ общественныя дѣла. Высшая власть надъ якутами сосредоточена въ рукахъ исправника и его помощника.

Въ описываемомъ краѣ земледѣліе невозможно, поэтому хлѣбныхъ магазиновъ, кромѣ казенныхъ съ продажей муки, тамъ нѣтъ; взамѣнъ ихъ существуетъ складъ общественнаго сѣна, образовавшагося посредствомъ взиманія съ cadaго двора по одному возу. Сборъ сдѣланъ былъ только разъ и больше не повторялся. Это своеобразное учрежденіе по своей идѣе—помогать населенію раздачей ссуды сѣна въ годы неурожая, крайне симпатичное. къ сожалѣнію, не приноситъ должныхъ результатовъ. Сѣно, собранное въ первый разъ, почти все роздано и числится въ недоимкѣ: новыхъ сборовъ почему-то не производится. Для наблюденія за этимъ складомъ избираются особые старосты.

Подати, состоящая изъ ясака—(около 1 руб. на ревизскую душу) и мірскихъ повинностей на содержаніе больницы, школы, управы и проч. уплачиваются два раза въ годъ, въ началѣ января и іюля. Недоимки случаются очень рѣдко. Чаще всего староста, или другой богатый человѣкъ уплачиваютъ отъ себя недоимку, а потомъ получаютъ отъ недоимщиковъ мясомъ, молокомъ, пушнинаю и проч.

Изъ обязательныхъ для верхоянцевъ расходовъ должно отмѣнить расходы на школу и больницу. Единственная въ округѣ школа существуетъ въ Верхоянскѣ, и каждый наслегъ обязанъ высылать туда для обученія по одному мальчику, содержаніе котораго обходится около 60 р. въ годъ. Обыкновенно якуты смотрятъ на ученіе въ мѣстной школѣ, какъ на повинность, отбываніе которой возлагается на дѣтей бѣдныхъ семей; богатые, въ виду безуспѣшности занятій въ Верхоянской школѣ, своихъ дѣтей туда не отдаютъ.

Состояніе лѣчебницы немногимъ

лучше школы. Врача не бываетъ въ Верхоянскѣ по году. Фельдшероу тоже недостаетъ.

Пища небогатой якутской семьи состоитъ круглый годъ изъ молока. «Лѣтомъ, когда молока нѣсколько больше, его ѣдятъ цѣльнымъ и два раза въ день, а зимою... зимою остроумный бѣдвѣкъ обманываетъ свой собственный желудокъ. Выдоенное молоко разводится обильно водою и при кипяченіи сбивается особой мутовкой въ пѣну. Опытная хозяйка умѣетъ изъ небольшого количества молока приготовить цѣлый котель пѣны, хватающей на всю семью. Въ этомъ и состоитъ зимній обѣдъ многихъ тысячъ верхоянскихъ якутовъ. При большомъ обиліи молока такое блюдо готовится дважды въ день». Авторъ статьи очень трогательно описываетъ, съ какимъ смиреніемъ бѣдный инородецъ переноситъ такой режимъ: верхоянскій якутъ въ голодное время старается производить возможно меньше мускульной работы, чтобы не обострять аппетита, и единственная жалоба въ его устахъ та, что у него желудокъ «капсіе», т. е. говоритъ, что хочетъ ѣсть.

«Впрочемъ, природа, заинтересованная въ сохраненіи верхоянскаго якута, какъ вида, посылаетъ ему нѣкоторое подспорье къ пищѣ—лиственничную кору, иногда зайца, мелкую рыбешку... Нерѣдко бѣднякъ изворачивается собственными средствами: выпрашиваетъ что-нибудь у богатаго сосѣда въ долгъ, подѣ сѣно или иную работу, или, узнавъ, что гдѣ-нибудь по близости убита скотина, отправляется туда въ «гости» и нерѣдко получаетъ въ подарокъ кое-какіе отбросы мяса...»

Самосожигатели XVII вѣка. Въ № 11 «Вѣстника Европы» помѣщенъ отчетъ г-на А. П. о любопытномъ старинномъ трактатѣ — «Отрагительное писаніе о новозобрѣтенномъ пути самоубійственныхъ смертей 1691 г.»

Трактатъ этотъ изданъ Хр. Лопыревымъ и снабженъ его вступительной статьей. Появленіе самоожженія совпадаетъ съ началомъ распространенія раскола при Никонѣ и тотчасъ послѣ него. Изданный недавно трактатъ подъ вышеприведеннымъ заглавіемъ любопытенъ тѣмъ, что это памятникъ, вышедшій изъ самой среды раскола; это — обличіе самоожженія, которая возмущали и самихъ старообрядцевъ своею бессмысленною жестокостью. Авторомъ его былъ одинъ изъ расколуучителей XVII вѣка, нѣкто Ефресіанъ, близко стоявшій ко всемъ фактамъ, которые онъ описываетъ.

Происхожденіе раскола обыкновенно объяснялось невѣжествомъ народной массы, не понявшей исправленія церковныхъ книгъ при Никонѣ. «Но, — говоритъ г-нъ Лопыревъ, — новѣйшія изслѣдованія показали, что корни «старой вѣры» лежали дальше Никона... и что глубокая основа раскола лежала въ социально-экономическихъ отношеніяхъ».

Въ этомъ смыслѣ расколъ на сѣверѣ и востокѣ является порожденіемъ тѣхъ же причинъ, которые на югѣ породили казачество. «Администрація тинулась къ центру, къ Москвѣ; а населеніе, подавленное налогами и тяжестью своего экономического положенія, оказывало протестъ, обособлялось и не хотѣло признавать центральной власти. Казачество бѣжало на югъ и въ Запорожской Сѣчи создало себѣ особое военное царство. Раскольники собрались на сѣверѣ и въ Сибири, образовали тѣсную общину и, при попыткѣ ихъ усмирения, отвѣчали возмущеніемъ и самопожертвованіемъ». Расколъ вскорѣ сталъ распадаться на разные толки, и въ одномъ изъ нихъ развилось ученіе о новомъ пути къ спасенію, который заключается въ самоуничтоженіи. Самоожженіе было одной изъ формъ самоуничтоженія. На первое время самоожженія происходили вполнѣ добровольно, безъ вѣ-

пательства какихъ-либо «мучителей»; но когда правительство стало принимать мѣры противъ самоожженія, то появились «мучители», которые подстрекали ревность единовѣрцевъ, и тогда самоожженія стали совершаться «въ разбѣрахъ, по-истинѣ, ужасающихъ». Однимъ изъ побудительныхъ мотивовъ къ самоожженію была крайне распространенная вѣра въ близкій конецъ свѣта, и въ то, «что самоожженцы избавятся отъ огненнаго испытанія при свѣтопреставленіи».

Книга Ефросина рассказываетъ, какъ распространялись самоожженія. «Духовные и свѣтскіе люди, руководимые двумя-тремя предводителями, отправлялись съ тетрадами и книгами по селамъ и деревнямъ, проповѣдая ученіе о самоубійственныхъ смертяхъ; одинъ изъ предводителей посылалъ метать самоубійственныя «писма» (воззванія) съ колокольни Ивана Великаго; но очень немногіе изъ нихъ сами жертвовали собою при массовомъ самоубійствѣ. Ефросинъ рассказываетъ, какъ они поощряли другъ друга: «станемъ добръ и не ослабѣемъ до смерти, возвысимъ проповѣдь, умножимъ слово, да не устанетъ наша ревность, дондеже наши всѣ погорятъ; не больно вить намъ, и не жарокъ огонь, не нашему тѣлу и не намъ въ немъ кипѣть...; иныхъ терпѣніе, а наши вѣнцы; иныхъ тѣлеса страждутъ, а намъ похвала; пусть они сгорятъ, а намъ нѣтъ той нужды, мы еще побудемъ на бѣломъ свѣтѣ...»

Ефросинъ передаетъ страшныя сцены самоожженій. «Около 1685 г. была «гарь» близъ Пошеховья. Раскольничій попъ до того довелъ свою паству, что она рѣшилась идти въ огонь и въ ту же ночь человекъ 600 собралось въ одномъ домѣ, подожгли его и заживо сгорѣли». До какого изуверства и жестокости доходили эти обезумѣвшіе люди, можно видѣть по слѣдующему: «Одинъ старикъ уже пламенемъ затѣлѣ, вскочилъ на заборъ

и хотѣлъ уйти черезъ ограду, но родные сыновья отрубили ему руки бердышемъ и онъ упалъ въ огонь». Когда готовилось самоожженіе, то кругомъ разставляли караулъ, чтобы удерживать бѣглецовъ, не устоявшихъ передъ страшною участію, готовящейся имъ, и рѣшавшихся въ послѣднюю минуту бѣжать.

Имущество сожженныхъ зажигатели отдавали въ раскольничьи скиты, раздавали немущимъ, а иногда просто грабили себѣ; тѣ, кто видѣли это, и особенно молодежь, замѣчаетъ Ефросинъ, терали охоту сожигаться...

«Иногда же рѣшившіеся на самоожженіе не отпускали своихъ наставниковъ, говорившихъ имъ о святости такого дѣла, и заставляли ихъ горѣть вмѣстѣ съ собою».

Ефросинъ свидѣтельствуеетъ, что большинство раскольниковъ-зажигателей были людьми необразованными, людьми «глубоко безсловесными», чѣмъ отчасти и объясняется фактъ массовыхъ самоубійствъ.

Подводя итогъ всѣмъ имѣющимся даннымъ о «гаряхъ» и другихъ видахъ самоуничтоженія, г-нъ Лопыревъ приходитъ къ заключенію, что за 16 лѣтъ (съ 1675—1691) погибло, главнымъ образомъ, отъ самоожженія, болѣе 20.000 человекъ; за этотъ періодъ онъ насчиталъ нѣсколько случаевъ самоуморенія, самоутопленія и самозакланія и 37 случаевъ самоожженія.

Г-нъ А. П. справедливо замѣчаетъ, что «книга Ефросина есть одна изъ самыхъ страшныхъ книгъ въ русской литературѣ. Есть тяжелыя картины чело­вѣческихъ заблужденій, бѣдствій и жестокостей всякаго рода — картины военныхъ опустошеній, политическихъ гоненій, религиозныхъ преслѣдованій, моровыхъ повѣтрій, голода и т. п.. словомъ, бѣдствій стихійныхъ или историческихъ. Здѣсь же мы видимъ зрѣлище добровольнаго самоистребленія, съ его мотивами и фактами, одинаково ужасными».

Въ московской картинной галлерей Третьяковыхъ можно видѣть ужасную картину самоожженія, если не ошибаемся, писанную г. Мясоедовымъ. Эта картина, по удивительной экспрессіи лицъ, производитъ впечатлѣніе не-

взглядимое, и желающимъ понять, что такое самоожженіе и чѣмъ вдохновлялись люди, предпочитавшіе такую смерть жизни, — рекомендуемъ посмотреть ее.

За границей.

Столѣтіе Французскаго института. Французскій институтъ, представляющій совокупность пяти академій, отпраздновалъ въ нынѣшнемъ году, въ октябрѣ мѣсяцѣ, столѣтіе своего существованія. Празднество это, конечно, напомнило исторію этого учрежденія, съ которою мы и постараемся вкратцѣ познакомить нашихъ читателей.

Въ августѣ мѣсяцѣ 1793 года, въ Парижѣ существовали четыре академіи: французская академія, основанная Ришелье въ январѣ 1635 года; королевская академія живописи и скульптуры, основанная въ январѣ 1648 года; академія надписей и литературы, основанная въ 1663 г., и академія наукъ—въ 1666 году. Но революція уничтожила всѣ эти учрежденія. Конвентъ, по докладу комитета народнаго просвѣщенія, издалъ декретъ о закрытіи всѣхъ ученыхъ обществъ. Еще раньше, впрочемъ, въ учредительномъ собраніи поднимался вопросъ объ академіяхъ и противники ихъ доказывали преимущества свободныхъ литературныхъ и научныхъ обществъ, не привилегированныхъ, утверждая, что такія общества въ состояніи совершить гораздо больше работы и работа ихъ будетъ лучше. Въ доказательство приводилась энциклопедія и рядомъ съ нею — необыкновенно медленно подвигающееся изданіе академическаго словаря. Судьба академій была, слѣдовательно, уже предрѣшена заранѣе. Онѣ были закрыты, но дольше другихъ продержалась все-таки академія наукъ, имѣвшая въ конвентѣ многихъ защитниковъ и по-

читателей. Докладчикъ комитета народнаго просвѣщенія, Грегуаръ, сдѣлалъ для этой академіи исключеніе и предложилъ конвенту разрѣшить ей продолженіе трудовъ впредь до организациі новаго общества «съ цѣлью преуспѣянія наукъ». «Для насъ будетъ большимъ позоромъ, — говорилъ въ своемъ докладѣ Грегуаръ, — если наши ученые будутъ доведены до того, что имъ придется нести въ чужія страны свои таланты и нашъ стыдъ». Однако, и это не помогло, также какъ не помогли старанія друзей академіи въ конвентѣ и хлопоты Лавуазье, бывшаго казначеимъ академіи и дѣлавшаго все, что отъ него зависить, чтобы спасти ее отъ крушенія. Такъ, напримѣръ, Лавуазье изъ своихъ денегъ выдавалъ авансомъ жалованье членамъ академіи, такъ какъ въ академію не поступали суммы и касса была совершенно пуста. Затѣмъ, Лавуазье обратился непосредственно къ конвенту, помимо комитета народнаго просвѣщенія, и ему удалось выхлопотать декретъ, въ которомъ разрѣшалось членамъ «бывшей» академіи наукъ собираться въ обычномъ мѣстѣ для своихъ занятій по предметамъ, «спеціально порученнымъ имъ національнымъ конвентомъ». Въ этотъ декретъ была включена также статья о вознагражденіи ученыхъ за ихъ труды. Но декретъ явился слишкомъ поздно, и залы академіи уже были запечатаны по распоряженію управленія парижскаго департамента. Огорченные академики разошлись и рѣшили не собираться болѣе.

Такъ были упразднены всѣ четыре академіи. Но прошло два года и повѣялъ другой вѣтеръ. Въ августѣ 1795 года подвѣять былъ вопросъ объ учрежденіи «Национальнаго института наукъ и искусствъ», и декретомъ 25-го октября этого же года былъ открытъ французскій институтъ, замѣнившій прежнія академіи. Первоначально онъ состоялъ изъ трехъ классовъ или отдѣленій (впослѣдствіи академій): 1) физическихъ и математическихъ наукъ; 2) нравственныхъ и политическихъ, и 3) литературнаго искусства. Первое засѣданіе института состоялось 12 января 1796 г. Институтъ насчитывалъ въ то время 144 члена въ Парижѣ, 144 члена-корреспондента въ провинціи и 24 члена-сотрудника. Мало того, институтъ принималъ въ число своихъ членовъ тогда даже всѣхъ знаменитыхъ актеровъ, «придающихъ жизнь драматическимъ произведеніямъ, снабжая ихъ душой, выражающей въ жестахъ, взглядѣ и голосѣ, и слѣдовательно, дополняющихъ Расина и Вольтера».

Наполеонъ, будучи консуломъ, снабдилъ институтъ новымъ уставомъ, и этотъ уставъ съ небольшими измѣненіями дѣйствуетъ и до сихъ поръ. Онъ раздѣляетъ институтъ на четыре разряда или класса: 1) математическихъ и физическихъ наукъ; 2) французскаго языка и литературы; 3) исторіи и древностей; 4) искусства. Въ 1816 г. институтъ снова подвергся измѣненіямъ, но уже чисто внѣшнимъ; классы превратились въ академіи, существующія и понынѣ. Последнее измѣненіе, постигшее институтъ, было не въ ущербъ, а въ пользу ему и касалось учрежденія пятой академіи—«нравственныхъ и политическихъ наукъ». Въ настоящее время институтъ Франціи представляетъ въ высшей степени почтенное учрежденіе и пользуется заслуженною репутаціей въ цѣлой Европѣ. Одинъ только списокъ его членовъ занимаетъ 176 страницъ.

Институтъ помѣщается въ старинномъ зданіи, насчитывающемъ 221 годъ существованія. Тамъ некогда существовала коллегія «des Quatres Nations», основанная Мазарини для пятидесяти учениковъ, выбранныхъ изъ уроженцевъ Пиньероля, Эльзаса, прилегающихъ нѣмецкихъ областей, Фландріи, Руссильона и Сардиніи. Эти ученики, получивъ свое образованіе въ Парижѣ, обязаны были вернуться на родину и увлечь своимъ приѣздомъ другихъ, чтобы они также отправились въ Парижъ, для получения того же образованія. «Такимъ образомъ, всѣ эти провинціи должны были нечувствительнымъ образомъ «офранцузиться», превратиться въ французскія провинціи путемъ распространенія французской науки и языка». Напомнимъ нашимъ читателямъ, что эту же самую цѣль, главнымъ образомъ относительно колоній, преслѣдуетъ въ настоящее время, такъ называемое, «Alliance française». Зданіе коллегіи, бібліотека и церковь сохранились до сихъ поръ.

Музей на открытомъ воздухѣ.
Четыре года тому назадъ въ Швеціи состоялось открытіе чрезвычайно оригинальнаго этнографическаго музея на открытомъ воздухѣ, основаннаго профессоромъ Артуромъ Газеліусомъ. Окончивъ курсъ въ uppsальскомъ университетѣ, Артуръ Газеліусъ посвятилъ себя филологическимъ наукамъ. Нѣкоторое время онъ читалъ лекціи въ университетѣ, но, затѣмъ, бросивъ кафедру, отправился путешествовать по Швеціи, производя вездѣ филологическія изслѣдованія. Въ 1872 г., странствуя по горнымъ долинамъ мало посѣщаемой провинціи Далеккарліи, онъ впервые остановился на идеѣ устройства сѣвернаго этнографическаго музея. Изъ всѣхъ провинцій Швеціи Далеккарлія долѣе другихъ сохранила въ неприкосновенности нравы, обычаи и костюмы древности, также

какъ и сельскую промышленность. Разсѣянное по маленькимъ деревушкамъ, изолированнымъ другъ отъ друга, население этой провинціи въ теченіе многихъ вѣковъ отдѣлено было отъ остального міра. Поэтому-то въ каждой деревушкѣ и сохранились въ неприкосновенности обычаи и нравы, специальная архитектура и старинное убранство хижинъ, а также старинные живописные костюмы. Преданія, конечно, должны были удержаться въ этой мѣстности долѣе, чѣмъ во всякой другой. Въ первобытныхъ станкахъ, по очень стариннымъ образцамъ, изготовлялись пестрыя ткани для одежды; домашняя утварь въ хижинахъ была самаго примитивнаго устройства, относящагося къ XI вѣку, и дома строились также по старинному плану, переходящему изъ поколѣнія въ поколѣніе. Однако, мало-помалу и въ этой мѣстности, такъ долго сохранявшей свой первобытный отпечатокъ, стали обнаруживаться признаки, указывающіе на проникновеніе и въ нее новыхъ элементовъ, грозящихъ въ непродолжительномъ времени смести всѣ остатки старины. Распространеніе сѣти желѣзныхъ дорогъ сдѣлало болѣе удобными сношенія съ этой отдаленной провинціей, и въ ней появились торговцы и коллекционеры, скупавшіе остатки стариннаго убранства хижинъ, старинную домашнюю утварь, довольно охотно уступаемую жителями, скоро появившимися свою выгоду. Какъ разъ въ эту переходную эпоху Газеліусъ находился въ Далеккарліи, съ огорченіемъ наблюдая, какъ мало-помалу безслѣдно исчезаютъ всѣ эти драгоценныя памятники старины. Тогда же ему пришлось въ голову устройство этнографическаго музея съ верныхъ народовъ, въ которомъ бы могли сохраниться всѣ эти быстро исчезающіе остатки старины. Съ этою цѣлью онъ вступилъ немедленно въ сношенія со скандинавскими странами и Исландіей и Финляндіей, и по-

жертвовалъ на учрежденіе музея все свое личное состояніе. Въ 1873 году было открыто первое отдѣленіе этого музея, но Газеліусъ тогда уже увлекся болѣе широкими планами устройства этнографическаго музея на открытомъ воздухѣ, такъ какъ онъ пришелъ къ убѣжденію, что въ стѣнахъ закрытаго музея никогда нельзя дать полной этнографической картины развитія какой-нибудь страны. Для достиженія этой цѣли нужно было сосредоточить въ одномъ и томъ же мѣстѣ все, что можетъ дать точное понятіе не только о жилищахъ предковъ, но и посвятить во всѣ подробности ихъ домашняго быта. Надо было ввести посетителя музея въ залы паршествъ его предковъ, съ ихъ своеобразнымъ убранствомъ, показать ему, гдѣ пили круговую чашу; надо было познакомить его съ внутренностью рыцарскихъ замковъ, со всѣми ихъ принадлежностями, башнями, подъемными мостами и т. п., затѣмъ — съ буржуазными жилищами ганзейскихъ городовъ и съ жилищами крестьянъ разныхъ мѣстностей, показать ему шалашъ (*kata*) лапландца, хижину (*slogdad*) далеккарлійца, лагуну (*backstuga*) смаландца, хижину (*jördhus*) исландца и т. д. И притомъ каждый домикъ, выстроенный изъ старинныхъ материаловъ и по старому способу, надо было окружить растениями той самой мѣстности, къ которой относится данное жилище, чтобы получилась полная иллюзія. Планъ грандіозный, но Газеліусу удалось-таки привести его въ исполненіе, и въ 1891 году, въ Сканиенѣ, былъ открытъ этотъ оригинальный этнографическій музей сѣвера, переносящій посетителя въ отдаленныя эпохи и самыя укромныя уголки сѣверныхъ странъ, знакомя его съ бытомъ народовъ, извѣстныхъ ему, да и то не всегда, только по имени. Въ этомъ отношеніи особенный интересъ представляетъ лагерь лапландцевъ, устроенный въ музеѣ. Посетитель сразу пе-

реносится на самую сѣверную границу страны. Лапландцы, племя другого происхожденія, нежели шведы, и теперь еще ведутъ такой же образъ жизни, какой вели въ началѣ нашей эры. Племя это раздѣляется на горныхъ лапландцевъ, лѣсныхъ и рыбаковъ. Горные лапландцы до сихъ поръ сохранили въ неприкосновенности всѣ свои привычки номадовъ, и въ ихъ образѣ жизни не произошло никакихъ перемѣнъ. «Ката» лапландца сдѣлана изъ бревенъ и обернута или грубой шерстяною матеріей или оленьими кожами, сшитыми вмѣстѣ. Въ такомъ шалашѣ лапландецъ со своимъ семействомъ проводитъ суровую сѣверную зиму. Впрочемъ, онъ никогда не раздѣвается и спитъ на ложѣ, изготовленномъ изъ срубленныхъ сосновыхъ вѣтокъ, — протянувши ноги къ огню, который поддерживается постоянно по серединѣ шалаша. Лагерь лапландцевъ такъ хорошо устроенъ въ музеѣ, что иллюзія получается полная, особенно зимой, когда всѣ деревья и искусственно устроенныя скалы покрываются снѣгомъ, а по нимъ прогуливаются олени, отыскивающіе для себя мохъ, служащій имъ пищей.

Кромѣ лапландскаго лагеря, огромный интересъ для посѣтителей представляетъ также старинное кладбище, и хотя въ немъ отсутствуютъ мертвецы, но находятся всевозможные старинныя памятники—урны, кресты и надгробныя плиты, съ грубо выраженными изображениями. Въ музеѣ устроены также нѣсколько фермъ изъ различныхъ мѣстностей, согласно стариннымъ образцамъ, и жилища крестьянъ также разныхъ мѣстностей, на которыхъ можно воочию наблюдать, какъ культура городовъ постепенно оказывала вліяніе и на деревни, и прошлое мало-по-малу уступало мѣсто настоящему.

Ученыя женщины въ Германіи. Женщины въ Германіи нѣкогда обра-

щали на себя вниманіе своею образованностью. Въ средніе вѣка онѣ занимали даже въ этомъ отношеніи первенствующее мѣсто, но затѣмъ, мало-по-малу, германская женщина отказалась отъ этого первенства; замкнутая силою исторически сложившихся условій въ узкія рамки семейныхъ обязанностей, она повидимому, не добивалась никакой другой роли въ обществѣ. Разумѣется, это прежде всего отразилось на ея образованіи, и ученые женщины въ Германіи скоро сдѣлались величайшимъ исключеніемъ.

Эпоха возрожденія, во время которой такъ много женщинъ въ Италіи и Франціи блистали своимъ умомъ и образованіемъ, въ Германіи отразилась совершенно иначе. Женщины не выразили особеннаго стремленія соперничать умомъ съ мужчинами, но за то возникли очень горячіе теоретическіе споры по поводу разницы, существующей между обоими полами съ точки зрѣнія интеллектуальныхъ способностей. Впрочемъ, подобное же явленіе наблюдалось въ Италіи. Тогда-то были написаны всѣ эти толстыя томы по вопросу о томъ, слѣдуетъ ли смотрѣть на женщину, какъ на человека? Но были и защитники женщинъ, возставшіе противъ взглядовъ, высказываемыхъ германскими учеными. Въ числѣ этихъ сторонниковъ женскихъ правъ, въ XVI вѣкѣ, слѣдуетъ поставить Конрада Цельтеса, ученика Рудольфа Агриколы и поэта-лауреата императора Максимилиана. Кромѣ Цельтеса, въ этомъ движеніи гуманистовъ въ пользу женщинъ участвовали: Эразмъ, Симонъ Гедике, Шоппиусъ и особенно Агриппа Неттесгеймъ, издавшій въ 1529 году въ Антверпенѣ книгу на латинскомъ языкѣ, въ которой доказываетъ не только благородство и прекрасныя качества женскаго пола, но и его превосходство надъ мужскимъ. Книга эта была переведена на французскій языкъ въ XVI вѣкѣ и имѣла большой успѣхъ.

Скоро, однако, и женщины начали принимать активное участие въ этомъ движеніи въ ихъ пользу. Уже въ началѣ XVII вѣка многія изъ нихъ возвысили свой голосъ. Прежде всего въ Нидерландахъ возникла специально женская литература и женщины рекомендовали себя въ области науки. Огромное вліяніе на женское движеніе оказывала тогда Анна-Марія Шурманнъ, прозванная голландской Минервой, отличавшаяся замѣчательною эрудиціей и громадными знаніями въ области классическихъ языковъ. Но Анна Марія обладала еще и другими талантами; она была художницей и писала стихи. Въ 164 г. она издала въ Лейденѣ книгу о женщинахъ, имѣвшую громкій успѣхъ и также переведенную на французскій языкъ. Имя Анны-Маріи приобрѣло извѣстность, и она вступила въ сношенія съ величайшими учеными и выдающимися людьми своего времени. Вліяніе Анны-Маріи, по словамъ Штейнгаузена, автора статьи въ «Nord und Süd», посвященной германской ученой женщинѣ, особенно сильно отразилось на способахъ воспитанія женщинъ въ началѣ XVIII вѣка. Германскіе родители начали стремиться къ тому, чтобы сдѣлать изъ своихъ дочерей такихъ же «дикиночекъ» въ умственномъ отношеніи, какова была Анна-Марія, и поэтому пичкали имъ головы всевозможными знаніями, часто безъ всякой системы. Чуть ли не въ каждомъ семействѣ можно было найти тогда ученую маленькую дѣвицу, поражающую обиліемъ своихъ познаній, вродѣ, напримѣръ, Анны-Маріи Крамеръ, умершей въ четырнадцать лѣтъ, вѣроятно, отъ переутомленія мозга. Отецъ ея былъ пасторомъ въ Магдебургѣ и изъ всѣхъ силъ старался набить ей голову всѣми знаніями, какія только можно было получить въ его время. Когда она умерла, то онъ утѣшился тѣмъ, что написалъ ей очень высокопарную эпитафію по ла-

тыни, въ которой перечислилъ все ея познанія.

Вся образованная Германія оплакала тогда смерть этой «дѣвочки-чуда», и въ каждой семьѣ возникло нѣчто вродѣ соревновенія въ дѣлѣ воспитанія дѣвочекъ, которыхъ старались учить какъ можно больше. Даже въ семьяхъ принцевъ стремились къ той же цѣли, и маленькія принцессы соперничали другъ передъ другомъ своими знаніями; напримѣръ, Луиза Аме-не, ангалтская принцесса, изучала древнееврейской языкъ; баденская принцесса Катерина-Урсула могла поспорить съ любымъ ученымъ латинистомъ своего времени; принцесса Антуанета Вюртембергская занимала не послѣднее мѣсто среди знатоковъ Греціи. Софія Брунswickская говорила и писала на нѣсколькихъ языкахъ и имѣла большія познанія въ богословскихъ, географическихъ и историческихъ наукахъ. Дочь ея, Софія-Шарлотта, бывшая другомъ Лейбница, наслѣдовала ея способности и также получила универсальное образованіе.

Въ буржуазныхъ кружкахъ стремленіе къ эрудиціи было нисколько не меньшее, и не мало женщинъ изъ этого круга приобрѣло извѣстность своими познаніями. Многіе изъ писателей выступили тогда въ защиту ученыхъ женщинъ и нѣкоторые, особенно Пауллини, горячо отстаивали ихъ права, не щадя своихъ противниковъ. Но въ этомъ хвалебномъ гимнѣ ученымъ женщинамъ раздавался также и голосъ критики. Гохбергъ, напримѣръ, раточая похвалы гениальнымъ женщинамъ, все-таки высказалъ мнѣніе, что, быть можетъ, слишкомъ много знаній для женщинъ приносятъ болѣе вреда, нежели пользы. «Однако,—говоритъ онъ,—нельзя же отрицать, что женщина также сотворена по образу и подобию Божьему, а если у которой-нибудь изъ нихъ обнаруживаются необыкновенно

выдающийся умъ, способность къ глубинѣ сужденій и превосходныя идеи, и если онѣ употребляютъ эти свои способности во славу Божию, то мы должны ихъ восхвалять и прославлять за это. Но такъ какъ это примѣры исключительные и героическіе, то было бы опасно ставить ихъ образцомъ для всѣхъ прочихъ, особенно же въ такихъ случаяхъ, когда для пріобрѣтенія такихъ даровъ женщины должны бывать пренебречь своими прямыми обязанностями».

Почти такія же мысли высказываются въ другой любопытной книгѣ, вышедшей въ свѣтъ нѣсколько позднѣе, съ такимъ курьезнымъ заглавіемъ: «Полезный, вѣжливый и любопытный словарь женщинъ». Въ предисловіи къ этой книгѣ говорится о горячихъ спорахъ, которые возбуждаетъ вопросъ объ ученыхъ женщинахъ и, въ свою очередь, ставится вопросъ, надо ли давать женщинамъ научное образованіе и въ какихъ размѣрахъ. Авторъ склоняется въ пользу положительнаго отвѣта на этотъ вопросъ, но съ нѣкоторыми ограниченіями. «Женщины,—говоритъ онъ,—которыя слишкомъ глубоко ушли въ изученіе математики, философіи, естественныхъ наукъ, политики, критики, филологіи, поэзіи, языковъ, высшего богословія, юриспруденціи и медицины, никому не приносятъ пользы. Когда подобнаго рода растеніе вырастаетъ на поляхъ науки, то надо смотрѣть на него, какъ на растеніе рѣдкое и экзотическое, а никакъ не выставлять его какъ образецъ».

Такая точка зрѣнія постепенно пріобрѣтала все болѣе и болѣе сторонниковъ. Не надо диковинокъ, но надо обезпечить правильное развитіе женскаго воспитанія — таковъ былъ лозунгъ. Германія первая заговорила о болѣе рациональномъ воспитаніи женщинъ. Секендорфъ, канцлеръ университетета въ Галле, въ концѣ XVII вѣка, не разъ высказывалъ горячее

сожалѣніе о томъ, что, рядомъ съ нѣсколькими учеными женщинами, находится тысячи такихъ, которыя ничего не знаютъ, и говорятъ, что собственно о женскомъ образованіи очень мало заботятся, такъ какъ «до сихъ поръ существуютъ только три школы для дѣвочекъ, по 40 ученицъ въ каждой, и эти школы не привели ни къ какимъ особеннымъ результатамъ». Во многихъ другихъ сочиненіяхъ, относящихся къ тому времени, также высказываются мысли о необходимости реформы женскаго образованія и даже эмансипаціи женщинъ, но о примѣненіи этихъ идей въ жизни пока еще никто не помышлялъ. Однако, все же существовали два течения въ общественномъ мнѣніи: одно—очень узкое, но вполне опредѣленное, направлено было въ пользу женской эрудиціи; другое же, едва замѣтное, требовало общаго образованія для женщинъ. Въ 1707 году одинъ авторъ предложилъ учредить академію для молодыхъ дѣвушекъ и представилъ даже планъ ея организаціи, но осуществленія не послѣдовало. Такая же участь постигла и другое, подобное же предложеніе, сдѣланное въ Гамбургѣ. Во всякомъ случаѣ, это указываетъ, что и тогда уже были искренніе сторонники женскаго образованія. Знаменитый критикъ Готшедъ былъ однимъ изъ самыхъ горячихъ защитниковъ женскаго образованія и въ одной изъ своихъ статей высказалъ по этому поводу слѣдующія мысли: «Я часто удивляюсь той антипатіи, которую питаютъ нѣкоторые люди къ женской образованности. Развѣ не мало такихъ, у которыхъ самое названіе «ученая женщина» всегда сопряжено съ представленіемъ о существѣ, лишенномъ всякой привлекательности, смѣшномъ и отталкивающимъ? А между тѣмъ какія же условія могутъ болѣе способствовать супружескому счастью, какъ не взаимное пониманіе? Я часто ду-

маю, какъ былъ счастливъ знамени-
тый Дасье въ обществѣ своей уче-
ной жены. Я представляю ихъ себѣ
сидящими рядомъ и переводящими сов-
мѣстно мудрыя изреченія Эпиктета.
Какіе пріятные и интересные споры
должны были возникать между ними
по поводу какой-нибудь фразы, мысли
философа, какъ они оба соперничали
своею эрудиціей и какъ, наконецъ,
они вмѣстѣ приходили къ одинако-
вымъ выводамъ и выпускали книгу,
подписанную ихъ именами.

Но Готшелъ не только теоретиче-
ски представлялъ себѣ счастье имѣть
ученую жену, онъ испыталъ его на
практикѣ. Жена его была очень уче-
на и была его сотрудницею во всемъ,
настоящею германскою ученою жен-
щиной. Она превосходно знала древ-
ніе и новые языки и литературу и
считались звѣздой первой величины
на горизонтѣ женской учености. Это,
однако, не мѣшало ей, по признанію
всѣхъ современниковъ блистать въ
семейными добродѣтелями и быть пре-
красною матерью семейства. Послѣ
нея, въ концѣ XVIII вѣка, ученая
женщина мало-по-малу уступила свое
мѣсто просто образованной женщинѣ,
и единственная ученая нѣмка, про-
славившаяся въ то время, была Анна-
Христина Бальтазаръ, муза Грейфс-
вальда, произнесшая въ 1750 году
торжественную рѣчь по случаю откры-
тія академической бібліотеки. По
мнѣнію современниковъ, она превос-
ходила своей эрудиціей всѣхъ уче-
ныхъ женщинъ, пользовавшихся та-
кою репутаціей. Но съ восемнадца-
тымъ вѣкомъ кончился золотой вѣкъ
женской учености въ Германіи. Обра-
зование сдѣлалось болѣе распростра-
неннымъ, но уровень его понизился
и рамки умственной дѣятельности
женщинъ очень ссузились. Идеаломъ
современной нѣмецкой жены сдѣла-
лось уже не ученая женщина, ко-
торую нѣкогда восхвалялъ критикъ
Готшедъ, а скромная хозяйка «Haus-

frau», не мудрствующая лукаво, не
умѣющая переводить Эпиктета и спо-
рить о философскихъ вопросахъ, но
за то умѣющая хорошо готовить
обѣдъ и чинить бѣлье. Этотъ идеалъ
упорно держится и до сихъ поръ въ
современномъ нѣмецкомъ обществѣ,
и потому-то въ Германіи женщинамъ
такъ трудно добиться расширенія
своихъ правъ и такъ туго подвигает-
ся дѣло высшаго женскаго обра-
зованія.

Періодическая печать въ Японіи.
Развитіе и распространеніе періоди-
ческой печати въ Японіи достигло
поразительныхъ размѣровъ въ очень
небольшой промежутокъ времени. Про-
шло не болѣе 30 лѣтъ съ тѣхъ поръ,
какъ аптекаръ Кишида-Гинкау поло-
жилъ начало японской журналистикѣ
въ формѣ корреспонденціи, и теперь
уже Японія обладаетъ очень внуши-
тельнымъ числомъ газетъ и журна-
ловъ. Въ самомъ дѣлѣ, въ настоя-
щее время, въ Японіи издается ни
болѣе, ни менѣе, какъ чтыреста еже-
дневныхъ газетъ и больше двухсотъ
журналовъ и газетъ, выходящихъ
въ другіе сроки. Японская печать
очень похожа на европейскую. Въ
ней также есть органы партій, ча-
стныхъ лицъ, либеральные и кон-
сервативные органы, правительствен-
ные и оппозиціонные, однимъ словомъ
все, какъ въ Европѣ, только назва-
нія всѣхъ этихъ органовъ трудно вы-
говорить съ непривычки. Нѣкоторые
изъ оппозиціонныхъ газетъ имѣютъ
огромное распространеніе, напримѣръ:
«Goubin — Noshi — Shin — Vou» (Почта
объявленія, новости), успѣхъ кото-
рой, главнымъ образомъ, зависитъ отъ
того количества лѣтъ, которое про-
сидѣли ея редакторы въ тюрьмѣ. Въ
числѣ японскихъ журналистовъ на-
ходятся очень талантливые люди, ост-
роумные публицисты, сдѣлавшіе бы
честь даже европейской печати. Слѣ-
дующій эпизодъ во время послѣдней

японско-китайской войны въ достаточно степени обрисовывает остроуміе японскихъ журналистовъ. Правительство, вслѣдствіе какихъ-то особенныхъ соображеній, окружало глубочайшей тайной всѣ военныя операціи и не давало печати никакихъ разъясненій насчетъ того, что происходило на театрѣ военныхъ дѣйствій. Но, разумѣется, общество требовало, чтобы ему давались эти свѣдѣнія, и негодовало на тактику правительства. Чтобы поднять на смѣхъ эту тактику, одинъ журналистъ придумалъ напечатать въ газетахъ такую телеграмму: «Въ Х произошло большое сраженіе. Японцы дрались, какъ львы, подъ командою генерала Х... Китайцы потеряли 000 ранеными и 000 убитыми. Кромѣ того, японцы захватили 000 фургоновъ китайскаго обоза и отбросили китайцевъ къ Х... Потери японцевъ: 0 убитыхъ и 0 раненыхъ. Японцы побѣдоносно двигаются къ Х...» Телеграмма эта достигла своей цѣли и возбудила не мало насмѣшекъ надъ таинственностью правительства, которое, наконецъ, рѣшилось удовлетворить общественное мнѣніе.

Кромѣ серьезныхъ органовъ печати, въ Японіи очень много такихъ, которые отличаются легкомысленностью своего содержанія и въ этомъ отношеніи много превосходятъ даже парижскую бульварную печать, также какъ и японскій реализмъ зачастую превосходитъ реализмъ французскихъ писателей.

Серьезные японскіе журналы отличаются оригинальностью. Лучшими изъ нихъ считаются «Цвѣтокъ столицы» (Migakanohoma) и «Политика» (Sei Lon). Недавно началъ издаваться еще одинъ журналъ, «Солнце», обратившій на себя вниманіе своими статьями и выборомъ своихъ сотрудниковъ. Редакторъ этого журнала основалъ кромѣ того еще журналъ для юношества, который называется

«Міръ молодежи», отличающійся какъ превосходно исполненными рисунками такъ и статьями. Этотъ журналъ самый распространенный изъ всѣхъ японскихъ журналовъ. Впрочемъ, въ послѣднее время «Солнце» также начинаетъ пріобрѣтать большую популярность. Заимствуемъ изъ статьи о японской печати, напечатанной въ «Reviues de Reviues», содержаніе одного изъ номеровъ этого журнала, указывающее съ какою тщательностью онъ составляется. Статья объ обработкѣ историческихъ матеріаловъ, написанная профессоромъ Кумадо Теубен; философская статья о прогрессѣ нравственности, принадлежащая перу одного извѣстнаго японскаго публициста, статья о наследственности и воспитаніи, политическія статьи, обсуждающія отношенія Японіи къ другимъ націямъ; статья по литературѣ, носящая странное названіе «Посредникъ слезъ» и посвященная китайской и японской поэзіи, смѣсь и т. п.

Объявленія и рекламы служатъ также источникомъ дохода японскихъ газетъ и занимаютъ въ японской печати такое же большое мѣсто, какъ и въ европейской. Впрочемъ, японская журналистика собственно развилась и выросла именно на этой почвѣ. Отецъ японской журналистики знаменитый аптекарь Кишида-Глинкау, имя котораго такъ же уважается въ Токио, какъ имя Теофраста Рендо во Франціи, сталъ издавать свой первый листокъ или газету собственно только для объявленій, весь же остальной текстъ служить лишь прибавкою къ нимъ и играетъ второстепенную роль. Теперь, конечно, это отношеніе измѣнилось и текстъ играетъ уже первую роль въ японскихъ журналахъ и газетахъ; но, тѣмъ не менѣе, объявления занимаютъ еще очень большое мѣсто и, напримѣръ, въ журналѣ «Солнце» для нихъ отводится 20 страницъ-

Въ числѣ современныхъ японскихъ

журналистовъ заслуживаетъ спеціального упоминанія Юкуши Фукуцава, основатель журнала «Время» (Liji Shimpo). Онъ отличается большою независимостью мнѣній, журналъ его не только очень распространенъ, но и пользуется большимъ вліяніемъ и уваженіемъ. Въ Японіи этотъ почтенный журналистъ называется «великимъ старцемъ», какъ Гладстонъ въ Англіи. Онъ былъ также основателемъ и директоромъ университета «Keiogiuku», насчитывающаго до 1.200 студентовъ. Въ общежитіи этого журналиста часто называютъ «Jensei» (нашъ учитель), такъ какъ почти вся современная Японія состоитъ изъ его учениковъ. Ему уже воздвигнута теперь бронзовая статуя, и деньги на сооруженіе этого памятника были пожертвованы его многочисленными учениками. Фукуцава—очень горячій патриотъ и былъ инициаторомъ націоналистскаго движенія, стремящагося замѣнить англійскій языкъ, культъ Америки и Великобританіи японскимъ языкомъ и культурой. Это движеніе все сильнѣе и сильнѣе разрастается въ Японіи, и девизъ «Японія—японцамъ» становится въ настоящее время національнымъ девизомъ. Ученые японцы стремятся даже возстановить культуру прошлаго. Такъ недавно образовался въ Токио комитетъ изъ 30 писателей, къ числу которыхъ принадлежитъ такъ же и ректоръ университета, которые поставили себѣ цѣлью изданіе старинныхъ японскихъ книгъ и ознакомленіе японскаго народа съ классическими произведеніями, могущими укрѣпить въ немъ національное чувство.

Развитіе и расиространеніе религиозной печати въ Японіи, гдѣ существуетъ 145 религиозныхъ періодическихъ изданій, указываетъ, повидимому, что Японія не обнаруживаетъ особенной склонности къ воспринятію которой-нибудь изъ евро-

пейскихъ религій. Одинъ изъ этихъ религиозныхъ журналовъ, основанный недавно, поставилъ себѣ главною задачею изученіе религій всего свѣта съ цѣлью извлечь изъ нихъ лучшіе принципы, для учрежденія новой національной религій. Во всякомъ случаѣ ясно, что японцы, сознавъ свои собственныя силы, стремятся какъ можно скорѣе освободиться отъ всякой европейской опеки и основать свою собственную культуру и цивилизацію, хотя главныя черты ея и заимствованы ими у Европы.

Успѣхи современной хирургіи. Заявленія о необыкновенныхъ успѣхахъ въ хирургіи сдѣлались почти общими мѣстомъ въ настоящее время. Эти заявленія можно слышать всюду, въ любомъ обществѣ и салонѣ. Хирургія, дѣйствительно, быстро шагнула впередъ, и этимъ она обязана тремъ великимъ открытіямъ: новѣйшимъ открытіямъ Пастера, положившимъ начало бактериологіи,—наукѣ, перевернувшей всю медицину въ настоящее время, и еще двумъ, гораздо болѣе раннимъ открытіямъ—анестезіи (уничтоженію боли) и остановкѣ кровотеченій. Къ этимъ двумъ способамъ присоединяется теперь способъ «асепсиса», т. е. уничтоженія болѣзнетворныхъ зародышей, основывающійся на данныхъ бактериологіи. Такимъ образомъ, возникли три великихъ фактора, вознесшіе хирургию на ту высоту, на которой она теперь находится.

Употребленіе анестезическихъ средствъ, т. е. такихъ, которыя уничтожаютъ ощущеніе боли при операціяхъ, было исходною точкою прогресса современной хирургіи. Безъ этого способа, конечно, невозможны были бы многія операціи. Этимъ открытіемъ мы обязаны американцамъ, и бостонцы увѣковѣчили его памятникомъ въ формѣ фонтана, который называется «Монументомъ эфира» и возвышается въ «Соптонъ», въ велико-

лѣпною городскою общественною садоу. Памятникъ этотъ поставленъ въ честь двухъ дантистовъ, впервые употребившихъ эфиръ для утоленія боли при выдергиваніи зубовъ у своихъ пациентовъ. Эфиръ былъ первымъ анестезическимъ средствомъ, введеннымъ въ хирургическую практику, и его долго предпочитали хлороформу и другимъ средствамъ на томъ основаніи, что онъ безопаснѣе. Опять-таки два американца, Мортонъ и Джексонъ, ввели въ общую хирургию этотъ способъ анестезіи въ 1846 г. Въ слѣдующемъ году уже, въ Англіи, Симпсонъ впервые попробовалъ употреблять хлороформъ при хирургическихъ операціяхъ.

Но, разумѣется, только одно открытіе способа уничтоженія боли или остановки кровотеченій, не могло бы вызвать такихъ громадныхъ, паразитическихъ усилій, какіе сдѣлала современная хирургія, въ сравнительно очень недавній промежутокъ времени. Знаменитый въ свое время хирургъ. Нелатонъ, сказалъ однажды: «Надо будетъ воздвигнуть золотую статую тому, кто устранилъ нагноеніе въ ранахъ!» Въ настоящее время это почти уже достигнуто, и надо было бы воздвигнуть золотую статую двумъ ученымъ, Пастёру и Листеру, открытія которыхъ привели къ такимъ благодѣтельнымъ результатамъ. Какъ только сдѣлался извѣстенъ міръ «безконечно-малыхъ» враговъ человѣчества, изученъ, изслѣдованъ и классифицированъ, то найдены были и средства для борьбы съ ними. Надо было предупредить попаданіе въ рану, случайную или искусственную, произведенную для операціи, микроорганизмовъ, вызывающихъ своимъ присутствіемъ нагноеніе, или, если они попали туда, то немедленно удалить ихъ оттуда и обезвредить. Извѣстно, что воздухъ переполненъ такого рода болѣзнетворными зародышами, которые проникаютъ въ нашъ организмъ при малѣй-

шемъ нарушеніи цѣлости тканей. По этому-то всякое такое нарушеніе цѣлости тканей, даже очень незначительное, въ прежнія времена всегда было сопряжено съ опасностью для организма. Теперь же, въ «антисептикѣ» (такъ называется способъ обеззараживанія раны, путемъ обмыванія ея такими жидкостями, которыя убиваютъ микробовъ) мы имѣемъ могущественное средство для борьбы съ микроорганизмами. Листеръ, въ Англіи, первый ввелъ способъ антисептической перевязки ранъ и спасъ этимъ много тысячъ человѣческихъ жизней. Еще болѣе важный шагъ впередъ въ области хирургіи былъ сдѣланъ введеніемъ способа «асепсіи», т. е. предупрежденіе попаданія микробовъ въ искусственную рану, наносимую хирургомъ при операціи. Прежде каждая болѣе или менѣе серьезная операція была всегда сопряжена со смертельною опасностью для больного. Теперь же хирургъ со спокойной совѣстью совершаетъ такія операціи въ полости груди, живота, въ полости черепа, о которыхъ прежде и помышлять нельзя было, такъ какъ онъ считались безусловно смертельными. Въ настоящее время все зависитъ лишь отъ ловкости хирурга, такъ какъ операціи совершаются при такихъ условіяхъ, при которыхъ совершенно исключается всякая возможность проникновенія въ организмъ микробовъ, вызывающихъ нагноеніе и отравленіе крови и подвергающихъ опасности жизнь больного. Для достиженія этихъ условій, окружающая атмосфера, операціонный столъ или постель, одежда больного и самого хирурга, также какъ и его помощниковъ, инструменты, руки хирурга, перевязочныя средства и т. д., однимъ словомъ, все, что прикасается къ больному и окружаетъ его во время операціи—подвергается самому тщательному обеззараживанію, посредствомъ прокалыванія, обмыванія и распыленія жидкостей, дѣйствующихъ на

микробовъ убійственнымъ образомъ. Хирургъ во время операціи долженъ постоянно помнить о томъ, чтобы «безконечно малый» врагъ не получилъ доступа въ рану и не испортилъ бы всѣхъ его стараній, а послѣ операціи долженъ позаботиться о тщательномъ «герметическомъ» закрытіи раны, опять-таки, чтобы этотъ страшный невидимый врагъ, представляющій родъ Дамоклова меча, висящаго постоянно надъ головою больного, не проникъ бы въ рану и не причинилъ бы новыхъ бѣдъ. Только при соблюденіи всѣхъ этихъ предосторожностей хирургія могла достигнуть той высоты, на которой она находится въ настоящее время.

Томасъ Карлейль. Въ декабрѣ этого года исполнилось столѣтіе со дня рожденія знаменитаго англійскаго писателя, историка и философа, Томаса Карлейля. Карлейль родился въ простой крестьянской семьѣ въ Шотландіи, но отецъ его, все-таки, захотѣлъ дать мальчику образованіе, предназначая его къ духовной карьерѣ, хотя всѣ родные и знакомые отговаривали его, увѣряя, что, получивъ образованіе, «юноша станетъ презирать своихъ необразованныхъ родителей». Почтенный каменщикъ, отецъ будущаго знаменитаго писателя, не испугался этихъ пророчествъ, отдавая своего мальчика въ школу, гдѣ онъ изучилъ латинскій и французскій языкъ, ариметику и алгебру и др. предметы, а затѣмъ, когда ему исполнилось 14 лѣтъ, отправилъ его въ эдинбургскій университетъ.

Отъ природы несообщительный и замкнутый, Карлейль и на студенческой скамьѣ держался особнякомъ, также какъ и въ то время, когда находился въ школѣ. Онъ сошелся лишь съ очень немногими товарищами, такими же крестьянскими дѣтьми, какъ онъ самъ, и въ этомъ тѣсномъ кружкѣ пользовался большимъ вліяніемъ и игралъ большую роль, и

товарищи какъ будто предугадывали въ немъ будущее литературное свѣтило. Однако, слава заставила себя долго ждать, и Карлейль не скоро выступилъ на литературное поприще. Отецъ его, мечтавшій сдѣлать изъ него священника, долженъ былъ отказать отъ своихъ плановъ, такъ какъ молодой Карлейль не питалъ ни малѣйшаго призванія къ духовной карьерѣ, и душу его очень рано начали мучить разные сомнѣнія. Отказавшись отъ карьеры священника, Карлейль принялся за учительство, но и этимъ занимался недолго. Также недолго занимался онъ и изученіемъ права, готовясь къ адвокатской дѣятельности; онъ оставилъ это занятіе, увлекшись изученіемъ нѣмецкой литературы. Женившись на 31 году своей жизни, на дочери врача Уэльша, Дженни, Карлейль поселился въ Эдинбургѣ, на окраинѣ города, и такъ какъ средствъ у него не было, то молодой женѣ Карлейля, воспитанной въ сравнительной роскоши въ родительскомъ домѣ, пришлось на опытъ узнать, что такое нужда. Заработки Карлейля были очень скудные. То, что онъ приносилъ издателямъ, до такой степени было странно, такъ не подходило къ духу времени, что издатели недоумѣвали и возвращали ему обратно его рукописи. Такая же участь постигла его знаменитое произведеніе «Sartor Resartus», изданное впоследствии въ Америкѣ, даже раньше, чѣмъ въ Англии, и его «Исторію нѣмецкой литературы»: Въ эти трудные годы жена Карлейля была ему вѣрнымъ и неизмѣннымъ товарищемъ; она исполняла всѣ работы, даже самыя непривычныя для нея, избавляя своего мужа отъ всякихъ работъ и тщательно оберегая его отъ всякихъ неприятностей, она поставила задачей всей своей жизни создать своему мужу такую обстановку, въ которой онъ могъ бы спокойно работать, и эту задачу выполнила самымъ добросовѣстнымъ

образомъ. Въ теченіе сорока лѣтъ она безропотно несла свой крестъ: дѣтей у нея не было, и поэтому вся ея заботливость была исключительно посвящена мужу. Сначала она мечтала раздѣлить съ нимъ умственный трудъ, но это оказалось невозможнымъ, такъ какъ занятость Карлейля, любив-

шаго оставаться наединѣ со своими мыслями, не выносившаго присутствія посторонняго человѣка въ своемъ рабочемъ кабинетѣ, не допускало ея сотрудничества въ работѣ. Дженни ушла въ себя, замкнулась въ кругъ своихъ узкихъ семейныхъ обязанностей и, казалось, съ головою ушла въ

Томасъ Карлейль.

заботы о житейскихъ мелочахъ. Карлейль, считавшій, что «мужъ долженъ быть центромъ и главою семьи», принималъ, какъ должное, все ея заботы и никогда не обращалъ вниманія на ея трудъ и не интересовался вопросомъ, счастлива ли она. Правда, и она тщательно скрывала свои страданія и разочарованія и только однаж-

ды у нея зырвалась въ письмѣ къ подругѣ такая фраза: «Дорогая моя, чтобы тамъ ни было, никогда не выходите замужъ за гениальнаго человѣка»... Послѣ ея смерти самъ Карлейль, въ припадкѣ раскаянія, обвинялъ себя въ слишкомъ безучастномъ отношеніи къ ней и эгоизмѣ.

Не легко досталась слава Карлей

лю, и, только перейдя сорокалѣтній возрастъ, онъ достигъ популярности. но затѣмъ уже слава его возрастала не по днямъ, а по часамъ. Англія, долго не признававшая его, преклонилась наконецъ, передъ его гениемъ, и послѣдніе годы его жизни были настоящею непрерывною оваціей, не прекратившейся и послѣ его смерти. Ороедъ славы, окружавшей его, все возрасталъ и мѣшалъ критикѣ составить себѣ правильное сужденіе о дѣятельности этого, безъ сомнѣнія, великаго писателя, произведенія котораго, однако, должны вызывать протесты въ душѣ многихъ читателей. Карлейль былъ проникнутъ стремленіемъ свести весь прогрессъ человѣчества къ жизни отдѣльныхъ выдающихся личностей—героевъ. Эта преувеличенная оцѣнка героическаго въ исторіи, доходящая до настоящаго недоумѣнія къ силѣ знанія и учреждений, привела его къ формальному культу прошедшихъ временъ, какъ болѣе благоприятныхъ для существованія и дѣятельности героевъ. Карлейль писалъ исторію, какъ поэтъ. Онъ видѣлъ событія и людей сквозь призму своего могущественнаго воображенія, которое ихъ то увеличивало до невѣроятныхъ размѣровъ, то уменьшало, извращало, превращало въ карикатуры, смотря по тому, въ какую сторону увлекали автора его фантазія и инстинкты. Языкъ Карлейля, образный и живописный, переполненный сильными выраженіями и эпитетами, зачастую его собственнаго изобрѣтенія, яркія краски, внезапные и странные обороты, обращенія, изумительные парадоксы—все это поражало и увлекало читателей, не допуская ихъ зачастую разобраться въ положеніяхъ автора и отличить истину отъ того одѣянія, въ которое ея облачила фантазія автора. Его «Исторія французской революціи» даже въ Англіи была охарактеризована какъ «эпическая поэма въ прозѣ». Въ этой книгѣ

также ярко выразилось необычайное дарованіе Карлейля, какъ и всѣ особенности этого дарованія, и именно въ виду этихъ особенностей ее нельзя назвать исторіей въ настоящемъ значеніи этого слова. Но взгляды его еще болѣе ярко выразились въ его «Latter day pamphlets» (Послѣднихъ дней памфлета), въ которыхъ онъ такъ рѣзко расходится съ политическими взглядами своихъ современниковъ, что даже приводитъ своихъ сторонниковъ въ смущеніе. Онъ является въ нихъ настоящимъ проповѣдникомъ абсолютизма, возстаетъ противъ эмансипаціи негровъ, смѣется надъ демократіей, филантропіей, политико-экономическими ученіями и т. д. Отчасти это объясняется тѣмъ, что Карлейль отвергалъ всякія формулы, и въ томъ числѣ политическія, всегда становясь лицомъ къ лицу съ «обнаженною сущностью вещей» и горячо нападая на тѣхъ, кто прикрывалъ эту сущность фразами, все равно, въ какой бы цвѣтъ онѣ ни были окрашены. Такъ какъ политическія убѣжденія Карлейля не подходили ни къ одному изъ существовавшихъ журналовъ, то онъ задумалъ—было издавать свою собственную газету, чтобы проповѣдовать свое ученіе, но вслѣдствіе разныхъ обстоятельствъ, мысль эта не была приведена въ исполненіе.

Самымъ лучшимъ произведеніемъ Карлейля являются его «Герои»—лекціи, прочтанныя имъ въ Лондонѣ при громадномъ стеченіи публики. Въ этихъ лекціяхъ онъ также выступилъ противъ общаго теченія мыслей, противъ идеи равенства людей и противъ того положенія, что цивилизація составляетъ результатъ развитія знаній. Въ основу цивилизаціи онъ кладетъ нравственное начало—долгъ, и доказываетъ, что движеніе человѣчества впередъ всецѣло зависитъ отъ отдѣльныхъ личностей, одаренныхъ необычайнымъ талантомъ, и посылаемыхъ въ міръ провидѣніемъ. Это—герои, и всемірная.

исторія представляет въ сущности исторію великихъ людей, потрудившихся на землѣ, ихъ біографію. Карлейль игнорируетъ массу, называя ее убогой, и говорить, что сама по себѣ она неспособна ни къ какому прогрессу. Современные историки не раздѣляютъ, разумѣется, такого преувеличеннаго отношенія Карлейля къ героямъ и такого игнорирования массъ, но, конечно, никто не станетъ отрицать, что страстная рѣчь Карлейля, блестящая и оригинальная, способна пробудить въ сердцѣ челоѵка искру божественнаго огня, такъ какъ Карлейль вѣрить, что въ душѣ каждаго изъ насъ существуетъ тяготѣніе къ идеалу, къ чему-то болѣе высокому, нежели окружающая насъ дѣйствительность. Объ этомъ-то идеалѣ, о которомъ мало-по-малу забываютъ люди, погрязшіе въ мелочахъ будничной жизни, и напоминаютъ намъ тѣ особенные люди, которыхъ Карлейль называетъ героями и возводитъ на пьедесталъ. Въ этомъ-то возвышенномъ идеализмѣ и глубокой вѣрѣ въ достоинство челоѵческой природы и заключается главное значеніе и сила книги Карлейля.

Карлейль умеръ въ 1881 году, 85 лѣтъ отъ роду. Онъ пережилъ на 15 лѣтъ свою жену, «бѣдняжку Дженни», послѣ смерти которой онъ понылъ наконецъ, какъ мало цѣнилъ ее при жизни и какъ мало думалъ о томъ, чтобы сдѣлать ее счастливой. Тогда онъ началъ обвинять себя и мучился. Это состояніе его души выразилось въ его воспоминаніяхъ о покойной женѣ и въ комментаріяхъ къ ея пись-

мамъ, переполненнымъ самообвиненіями и горестными мыслями. Но, не смотря на горе, причиненное смертью жены, и старость, Карлейль продолжалъ работать, такъ какъ трудъ представлялъ для него вѣчто вродѣ религіознаго догмата. Онъ продолжалъ отзываться на всякія злобы дня: въ 1871 году помѣстивъ статьи въ «Times», въ которыхъ сталъ на сторону Пруссіи, считая бѣдствія Франціи справедливымъ наказаніемъ за ея легкомысліе, наполеоновскій режимъ и т. д. Послѣднимъ его произведеніемъ была книга о первыхъ норвежскихъ короляхъ. Карлейль до конца дѣи своихъ оставался суровымъ цуританиномъ и сохранилъ простой, скромный образъ жизни. Онъ отказался отъ предложеннаго ему баронетства и ордена, такъ какъ въ жизни выше всего цѣнилъ только званіе мыслителя, мудреца и рабочаго, чѣмъ онъ и былъ въ дѣйствительности.

По желанію Карлейля, онъ былъ похороненъ на деревенскомъ кладбищѣ, на своей родинѣ, возлѣ могилы отца и матери, къ которой всю жизнь Карлейль питалъ самую глубокую и нѣжную привязанность, дѣлясь съ ней постоянно своими мыслями и ставя ее выше всѣхъ женщинъ въ мірѣ.

Изъ сочиненій Карлейля переведены на русскій языкъ: «Исторія французской революціи», «Историческіе и критическіе опыты», «Герои и героическое въ исторіи» и «Нибелунги»; затѣмъ существуетъ еще на русскомъ языкѣ компиляція его исторіи Фридриха Великаго.

Изъ иностранныхъ журналовъ.

«Revue des Revues», «North American Review».

Супруга извѣстнаго французскаго романиста Альфонса Додэ написала для серіи женскихъ портретовъ, проектируемой журналомъ «Revue des Revues» статью о французской женщинѣ. Предшествующая статья, помѣщенная въ вышеназванномъ журналѣ, была посвящена румынской женщинѣ и принадлежала перу Карменъ Сильва (псевдонимъ румынской королевы). Въ свое время мы познакомили читателей съ содержаніемъ этой статьи, въ которой Карменъ Сильва превозносила достоинства и добродѣтели румынской женщины, пожалуй, не имѣющей себѣ равной въ Европѣ. Г-жа Додэ также превозноситъ качества французской женщины, но въ ея описаніи французженка выступаетъ передъ нами такою же свѣтскою дамой, какую мы привыкли видѣть на страницахъ французскихъ романовъ. Это преимущественно парижанка, смѣшанный типъ, соединившій въ себѣ черты различныхъ расъ, свѣтская женщина, носящая перчатки до локтя, дѣлающая визиты, посѣщающая магазины и занимающаяся спортомъ и благотворительностью. Карменъ Сильва, рисуя намъ образъ румынской женщины, представила ее героиней, мужественно и храбро защищающей свою родину и семью. Она развернула передъ нами цѣлый рядъ историческихъ подвиговъ румынской женщины, которая, несмотря на свою преданность семейному очагу и долгу матери и жены, все-таки стремится, по словамъ Карменъ Сильва, къ расширенію своего умственнаго кругозора, къ пріобрѣтенію знаній и равноправію. Ничего подобнаго нѣтъ въ статьѣ г-жи Додэ. Ея идеальная французженка—это очаровательная, изящная, всегда одѣтая по послѣдней модѣ, куклолка, создан-

ная для того, чтобы царить въ салонахъ, умѣющая говорить обо всемъ, но не знающая ничего на самомъ дѣлѣ. Это невѣдѣніе, по мнѣнію автора, составляетъ одну изъ самыхъ привлекательныхъ чертъ французженки, и авторъ очень боится, какъ бы не лишили французженку этой привлекательности, развивъ ея мозги. «Я знаю, — говорить она, — что въ кубокъ свѣжей воды, изъ котораго пьеть французженка, любящая на свое изображеніе, стремятся прибавить немного «вина знанія», отъ котораго она можетъ лишь слегка опьянѣть, но которое не подкрѣпитъ ее!» Вотъ почему г-жа Додэ такъ и возстаетъ противъ этой прибавки. Не отрицая, конечно, что поверхностное знаніе, хватаніе вершущекъ науки, часто бываетъ вреднѣе и хуже всякаго незнанія, мы все-таки не можемъ согласиться съ г-жею Додэ, утверждающею, что «наука не нужна женщинѣ, развѣ только за тѣмъ исключеніемъ, когда она выбираетъ мужскую карьеру, о чемъ всегда слѣдуетъ сожалѣть», и т. д. Не вдаваясь въ дальнѣйшія подробности аргументаціи г-жи Додэ, такъ какъ все это сотни и тысячи разъ повторялось различными противниками женской эмансипаціи, мы, въ заключеніе, позволимъ себѣ выразить сожалѣніе, что г-жа Додэ представила намъ въ своемъ очеркѣ не идеальный типъ французской женщины-человѣка, а лишь свѣтскую куклу, которую она наряжаетъ въ блестящіе лоскуты и показываетъ намъ, какъ привлекательную, хорошенькую игрушку.

Ученый американскій публицистъ, докторъ Спрусъ Эдсанъ, проводитъ крайне оригинальныя мысли о социальной роли микробовъ въ своей

статьѣ въ «North American Review» Эта роль, по мнѣнію американскаго публициста очень велика, такъ какъ она обуславливаетъ братство народовъ и необходимость коопераціи, доказывая самымъ неоспаримымъ образомъ, что благоденствіе одного непремѣнно находится въ зависимости отъ благоденствія всѣхъ остальныхъ. Ничего не можетъ быть легче какъ сказать, что интересы людей, обставленныхъ всевозможнымъ жизненнымъ комфортомъ, не затрогиваются непосредственно нуждою, которою приходится терпѣть бѣднѣйшимъ классамъ населенія, и человекъ, занимающій роскошную квартиру въ бельэтажѣ какого-нибудь огромнаго дома, обыкновенно пребываетъ въ томъ заблужденіи, что его совершенно не касаются условія жизни обитателей чердаковъ и подвальныхъ этажей этого дома. Но современная наука легко можетъ разрушить это заблужденіе, указавъ ему на ту связь, которая существуетъ не только между обитателями одного и того же города, но даже отдѣльныхъ странъ.

Наука, которую мы называемъ гигиеной, образовалась благодаря великимъ открытіямъ, сдѣланнымъ учеными, посвятившими ей всю свою жизнь, и теперь законы ея достаточно ясно формулированы, и она занимаетъ подобающее ей мѣсто въ ряду важнѣйшихъ наукъ для жизни человечества. Хотя многое еще остается сдѣлать въ этой области, но все же теперь, благодаря этой наукѣ, мы имѣемъ въ рукахъ такое оружіе для борьбы со зломъ эпидемическихъ болѣзней, о которомъ и не подозревали наши предки. Наши врачи стремятся не только къ лѣченію, но и къ предупрежденію болѣзней. Открытіе міра безконечно малыхъ, имѣющихъ такое огромное вліяніе, привело къ чрезвычайному важному результату. Открытіе было сдѣлано въ двухъ направленіяхъ: во первыхъ,

было доказано, что заразные болѣзни, вызываются микробами и, во вторыхъ, что эти самыя болѣзни въ свою очередь производятъ микробовъ, которые, распространяясь сами, или посредствомъ своихъ продуктовъ, вызываютъ опять таки появленіе различныхъ болѣзней у людей до того времени здоровыхъ. Заразительность многихъ болѣзней была известна тысячи лѣтъ тому назадъ, доказательствомъ чему служатъ карантинныя, но человечество не знало другихъ средствъ для борьбы съ этимъ зломъ, и когда появлялась какая-нибудь эпидемія, врачи терялись, народъ разбѣгался въ разныя стороны, какъ это было во время чумы въ Лондонѣ, въ царствованіе Карла II, и разносилъ болѣзнь по разнымъ мѣстамъ. Теперь подобные факты невозможны. Мы боремся на мѣстѣ съ очагомъ заразы и, зная законы ея распространенія, можемъ предупредить или, по крайней мѣрѣ, значительно ограничить ея распространеніе. Микробы уничтожаются при самомъ своемъ появленіи, и поэтому теперь уже не бываетъ такихъ опустошительныхъ эпидемій, какія бывали въ прежнія времена.

Борьба съ микробами, съ распространеніемъ заразы, предупрежденіе болѣзней—вотъ главная цѣль всѣхъ санитарныхъ учрежденій въ настоящее время, но люди, работающіе въ этихъ учрежденіяхъ, убѣждаются все болѣе и болѣе въ томъ, какая тѣсная связь существуетъ между санитарными интересами, не только всѣхъ членовъ общины, равно какъ богатыхъ, такъ и бѣдныхъ, но и всѣхъ народовъ. Болѣзнетворный микробъ не знаетъ различій между людьми и никакіе капиталы, лежащіе въ банкѣ, не внушаютъ ему почтенія. Конечно, условія жизни, хорошая квартира и пища, теплая одежда, служить до нѣкоторой степени защитой отъ его нападенія, но именно только до нѣкоторой степени, такъ какъ

весьма часто изнѣженность и излишества, сопряженныя съ образомъ жизни богатыхъ людей, ведутъ къ уменьшенію жизненныхъ силъ организма и къ ослабленію сопротивляемости разнымъ вреднымъ, болѣзнетворнымъ вліяніямъ. Такимъ образомъ, условія жизни богатыхъ людей очень часто уменьшаютъ значеніе ихъ богатства, какъ защиты противъ микробовъ, начинающихъ свое дѣло разрушенія и смерти.

Соціальная роль микроба сводится, слѣдовательно, къ тому, что онъ дѣлаетъ необходимой одинаковую борьбу съ болѣзнетворными вліяніями во всѣхъ слояхъ общества. Мы не можемъ отдѣлить рабочіе кварталы отъ резиденціи богатыхъ въ какомъ-нибудь городѣ такъ, чтобы между ними не существовало никакой непосредственной связи. Болѣзнь, начинающаяся въ рабочихъ кварталахъ, угрожаетъ всѣмъ, такъ какъ существуютъ сотни путей, по которымъ зараза можетъ распространиться изъ бѣдной лачужки въ богатые хоромы. Для того, чтобы сохранить здоровье народа, мы должны заботиться о немъ, какъ о цѣломъ, не раздробляя на отдѣльныя, самодовлѣющія части. Санитарные интересы общи для всѣхъ и если обитатель подвального этажа становится восприимчивъ къ болѣзнямъ вслѣдствіе дурного питанія, то, въ свою очередь, обитатель роскошной квартиры можетъ сдѣлаться восприимчивымъ къ заразѣ вслѣдствіе истощенія своей нервной системы, вызваннаго его образомъ жизни. Такимъ образомъ, богатый человѣкъ непосредственно заинтересованъ въ благосостояніи бѣдняка, такъ какъ лишенія, которыя терпитъ послѣдній, могутъ породить болѣзнь и микробы этой болѣзни, рано или поздно, проникнуть сквозь окна и двери роскошныхъ помѣщеній и соберутъ тамъ свою жатву. Такова связь, образующая микробами, между всѣми члена-

ми человѣческой общины, каково бы ни было ихъ соціальное положеніе.

Существуетъ не мало примѣровъ того, какъ голодъ, свирѣпствуя въ одной мѣстности и порождая всевозможныя бѣдствія и болѣзни, вызывалъ появленіе эпидемій, которыя быстро распространялись, проникая даже въ самыя отдаленныя мѣстности. Коммерческія сношенія между народами, развитіе путей сообщенія и т. п.—все это благопріятствуетъ распространенію заразы, и бѣдствіе, появившееся въ одной странѣ, непременно угрожаетъ и всѣмъ остальнымъ. Холерная эпидемія, появившаяся въ Персіи, перешла не только въ Европу, но даже въ Америку. и это достаточно указываетъ, какаятѣсная связь въ санитарномъ отношеніи существуетъ между людьми всего міра. Но еще тѣснѣе эта связь между жителями одного и того же города. Санитарные интересы ихъ соприкасаются другъ съ другомъ. Стараюсь облегчить участь бѣднѣйшихъ классовъ населенія, дать работу безработнымъ, мы въ то же время дѣйствуемъ и въ собственныхъ интересахъ, и въ интересахъ всей общины, такъ какъ предупреждаемъ появленіе и распространеніе болѣзней, равно угрожающихъ жизни каждаго изъ насъ.

Во время великихъ голодныхъ бѣдствій, свирѣпствовавшихъ въ Европѣ и Азіи въ средніе вѣка, и затѣмъ по прошествіи этой заразной эпохи, на каждаго умершаго отъ голода и истощенія силъ приходится по крайней мѣрѣ десять смертей, вызванныхъ инфекціонными болѣзнями, порожденными и усиленными голоднымъ бѣдствіемъ. Эти болѣзни продолжали опустошать Европу и по минованіи этого бѣдствія, потому что оставшаяся зараза постоянно находила благопріятныя условія для своего развитія среди тѣхъ, кто осужденъ терпѣть всевозможныя лишенія. Развившись въ

этой средѣ, она распространялась дальше и поражала уже всѣхъ остальныхъ. Въ XVI вѣкѣ ужасающее состояніе тюремъ и страданія заключенныхъ въ нихъ вызвали появленіе страшной эпидеміи тифа, унесшей въ могилу не только преступниковъ, присужденныхъ къ наказанію, но и судей, справедливо понесшихъ наказаніе въ данномъ случаѣ за то, что они допустили такое положеніе вещей, которое вызвало появленіе и развитіе страшной эпидеміи. Таковъ урокъ, преподаваемый намъ исторіей, когда мы разсматриваемъ ее при свѣтѣ великихъ современныхъ научныхъ открытій, и такова мораль прошлаго, видимая нами черезъ стеклышко микроскопа.

Издательница А. Давыдова.

Редакторъ Викторъ Острогорскій.

Отчет секретаря Общества для пособія нуждающимся литераторамъ и ученымъ за время съ 10 апрѣля по 2-е октября 1895 г.

Съ 10-го апрѣля по 2 октября Комитетъ Общества имѣлъ 12 засѣданій, въ которыхъ состоялось 223 постановленія по разнымъ ходатайствамъ, заявленіямъ и вопросамъ, относящимся къ дѣятельности Общества.

Въ постановленіяхъ этихъ выразились нижеслѣдующія дѣйствія Комитета:

1) Выдача единовременныхъ пособій 40 лицамъ: по 100 р.—пяти лицамъ; въ 60 р. одному; по 50 р.—семинадцати; по 30 р.—двумъ; по 25 р.—тринадцати; по 15 р.—двумъ и сверхъ того уплачено за содержаніе одного писателя въ больницѣ 90 руб. и выдано 60 р. писателю, находившемуся въ одной изъ петербургскихъ больницъ и по выздоровленіи уѣхавшему на родину; всего на сумму 1.975 рублей.

2) Назначеніе продолжительныхъ пособій 4 лицамъ: на годъ, въ 180 р.,—одному лицу и въ 120 р. — двумъ; на три мѣсяца, въ 45 р. — одному, всего на сумму 465 рублей.

3) Выдача безсрочныхъ ссудъ 15 лицамъ: въ 600 р.—двумъ; въ 300 р.—одному; въ 200 р. — одному; въ 150 р. — одному; въ 100 р. — четыремъ; въ 50 р.—тремъ; въ 30 р.—одному; всего на сумму 2.490 рублей.

4) Выдача срочныхъ ссудъ 10 лицамъ: въ 300 р.—одному, на 8 мѣсяцевъ; въ 300 р. — двумъ, на 6 мѣсяцевъ; въ 250 р. — одному, на 8 мѣсяцевъ; въ 200 р. — одному, на 8 мѣсяцевъ; въ 200 р. — одному, на 5 мѣсяцевъ; въ 150 р.—одному, на 10 мѣсяцевъ; въ 150 р.—одному, на 3 мѣсяца; въ 100 р.—одному на 10 мѣсяцевъ и въ 100 р.—одному, на 4 мѣсяца; всего на сумму 1.550 рублей.

5) Предоставленіе стипендій двумъ студентамъ Харьковскаго университета и одному студенту Петербургскаго университета.

6) Уплата за слушаніе лекцій на Педагогическихъ курсахъ одной слушательницы.

7) Уплата за воспитаніе и ученіе 10 дѣтей и зачисленіе на открывающуюся въ будущемъ учебномъ году вакансію стипендіатки Общества въ гимназію г-жи Таганцевой дочери одного писателя.

8) Выдача на погребеніе скончавшихся въ теченіе отчетнаго времени писателей роднымъ этихъ писателей: одному 31 р.; двумъ — по 50 руб. и одному—25 р.

9) Оказаніе неденежныхъ пособій. Пособія эти заключались: въ сношеніи съ однимъ издательемъ по ходатайству писателя, которому издатель этотъ уплатилъ гонораръ не сполна и передача доставленной издателемъ доплаты по принадлежности; въ выдачѣ рекомендательнаго письма одной писательницѣ для полученія ею мѣста; въ сношеніи съ одной издательницей, оставившей безъ отвѣта запросы сотрудника о времени напечатанія принятой уже ранѣе работы и передачи этому сотруднику объясненій издательницы; помѣщеніе одной писательницы на бесплатное лѣченіе минеральными водами по ходатайству Комитета; сношенія съ директоромъ одной больницы о положеніи находящагося въ этой больницѣ на излѣченіи писателя; въ медицинской помощи клиентамъ Литературнаго фонда.

10) Отклоненіе 28 просьбъ 21 лица.

11) Принятіе помертвованій: отъ Г. А. Джаншиева на образованіе капитала имени покойнаго д-ра Н. А. Бѣлголоваго 100 р. и отъ начальницы женскаго учебнаго заведенія А. П. Шуйской предоставленія права Обществу помѣстить въ учебное заведеніе двухъ бесплатныхъ приходящихъ ученицъ.

12) Совершеніе довѣренности д-ру А. В. Крылову на продажу имѣнія, завѣщаннаго Обществу покойною О. К. Палашковскою.

Отчетъ казначея Общества для пособія нуждающимся литераторамъ и ученымъ за время съ 1-го января по 20 октября 1895 г.

I. Неприкосновенный и именные капиталы.

Къ 1-му января числилось:

въ капиталѣ неприкосновенномъ	21.871 р. 68 ¹ / ₄ к.
въ именныхъ	273.943 » 50 »

Итого . . 295.815 р. 27¹/₄ к.

За отчетное время поступило:

а) въ капиталъ неприкосновенный:

1) Возмѣщенные Обществу Министерствомъ Финансовъ убытки отъ конверсіи 5% билетовъ Государственнаго Банка и облигацій Восточныхъ Займовъ въ 4% государственную ренту съ — по 15 марта	13.078 р. 25 к.
2) Пожизненный членскій взносъ г. Ремизова	100 » — »

Итого . . . 13.178 р. 25 к.

б) въ капиталы именные:

П. А. Гайдебурова	31 р. — к.
С. Я. Надсона (отъ изд. соч.)	6.721 » — »
В. М. Гаршина (отъ изд. соч.)	2.499 » 75 »
А. М. Унковскаго	400 » — »

Итого . . . 9.651 р. 75 к.

Списаны со счета капиталовъ именныхъ, выдержанные на изданіе сочиненій С. Я. Надсона	2.763 р. 30 к
В. М. Гаршина	1.066 » 28 »

3.829 р. 58 к.

За семь къ 20 октября имѣются въ капиталахъ:

неприкосновенномъ	35.049 р. 93 к.
именныхъ	279.765 » 76 »

314.815 р. 69 к.

II. Расходный капиталъ.

Поступило:

1. Пожарованій Высочайшихъ Особъ	1.700 р. — к.
2. Годовыхъ членскихъ взносов	716 » — »
3. Пожертвованій	504 » 50 »
4. Отъ предпріятій Общества (публичн. лекціи П. Д. Воборыкина и Грибоѣдовск. веч.)	750 » 57 »
5. Возвратъ безсрочныхъ ссудъ	75 » — »
6. Отъ изданій Общества (за исключеніемъ суммъ, причисленныхъ къ именнымъ капиталамъ)	17 » — »
7. Пособіе отъ Министерства Народн. Просв.	1.000 » — »
8. Процентовъ	
а) съ капиталовъ	7.643 р. 12 к.
б) по срочн. ссудамъ	116 » — »
9. Разныхъ	101 » — »
10. Оборотныхъ	410 » — »

13.033 р. 19 к.

Израсходовано:

1. На пенсіи	4.377 р. — к.
2. » продолжительн. пособія	2.785 » — »
3. » стипендіи	745 » — »
4. » обученіе и воспитаніе	2.351 » — »
5. » пособія единовременныя	4.577 » 86 »

«миръ вождй», № 12, декабрь.

19

6. На ссуды безсрочныя	3.600 р — к
7. » выдачи по духовн. завѣщ. Г. З. Елисеева . . .	536 » — »
8. » Расходы общіе: почтовые, храненіе и страхова- ніе бумагъ, сборъ членскихъ взносов и т. д.	356 » 79 »
9. Оборотныя	350 » — »
	<hr/>
	19.678 р. 65 »
На 1-е января остатокъ расходнаго капитала составлялъ 195—20; поступило въ этотъ капи- талъ.	13.033 » 19 »
выдано за счетъ его	19.678 » 65 »
такимъ образомъ по 20 октября образовался пе- рерасходъ.	6.450 » 25 »
III. Ссудный капиталъ.	
По постановленію Комитета въ ссудный капиталъ отчислено было изъ неприкосновеннаго капитала . . .	3.000 р. — к
Къ 1-му января числилось за разными лицами . . .	2.231 » 60 »
Вновь выдано въ ссуды	2.850 » — »
Поступило въ погашеніе ссудъ	2.426 » 60 »
За симъ въ 20 октября остается свободный остатокъ сего капитала.	345 » — »
IV. Переходныя суммы.	
Къ 1-му января числилось на этомъ счетѣ	3.052 р. 90 к.
Поступило	3.164 » 95 »
Выдано	3.137 » — »
Засимъ къ 20 окт. числится.	3.080 » 85 »

Общій выводъ.

Къ 20 октября было:			
Капитала неприкоснов.	45.049 р. 93 к.		
Капиталовъ именныхъ	279.765 » 76 »		
Капитала ссуднаго	345 » — »		
Переходящихъ суммъ	3.080 » 85 »	318.241 р. 54 к.	
А за вычетомъ перерасхода расходн. капитала . . .		6.450 » 25 »	
		311.791 » 29 »	
Что вмѣстѣ съ числящимся за разными лицами по срочнымъ ссудамъ.			
	2.655 р. — к.		
представляетъ совокупность средствъ Общества въ			
Средства эти заключались:			
Въ процентныхъ бумагахъ	306.275 р. — к.		
Въ наличныхъ деньгахъ (на те- кущихъ счетахъ и въ кассѣ)	5.516 » 29 »		
Въ долгахъ по срочнымъ ссудамъ.	2.655 » — »		
	<hr/>		
Итого.	314.446 р. 29 к.		

БИБЛИОГРАФИЧЕСКІЙ ОТДѢЛЪ

ЖУРНАЛА

„МІРЪ БОЖІЙ“.

Декабрь

1895 г.

Содержаніе. Беллетристика.—Критика.—Философія и этика.—Соціологія.—Исторія всеобщая.—Политическая экономія.—Естествознаніе.—Путешествія.—Указатель книгъ, разобранныхъ въ библиографическомъ отдѣлѣ (іюнь—декабрь).—Обзоръ иностранныхъ литературъ.—Новыя книги, поступившія въ редакцію.

БЕЛЛЕТРИСТИКА.

А. Барановъ. «Осенью».—«Маленькая антологія».—*Лесажи.* «Жиль Блажь».

А. Барановъ. Осенью. Изд. второе Л. В. Кекина. Вятка. 1895 г. Ц. 1 руб. Второе изданіе рассказовъ отчасти служитъ рекомендаціей для г. Баранова. Но, познакомившись съ ними ближе, мы понимаемъ, почему на ихъ долю выпалъ такой, сравнительно замѣтный, успѣхъ. Не всѣ изъ этихъ рассказовъ равнаго достоинства, но всѣ проникнуты извѣстнымъ, вполне опредѣленнымъ, настроеніемъ, которое передается и читателю, а въ этомъ и заключается отличительная черта художественнаго произведенія. Рассказы г. Баранова представляютъ рядъ наблюденій и очерковъ изъ жизни маленькихъ людей провинціи. Авторъ относится къ своимъ героямъ сочувственно, даже горячо, словно самъ переживая съ ними ихъ горести и радости, но этотъ отбѣнокъ субъективизма не портитъ художественности впечатлѣнія, благодаря отсутствію сентиментализма и лирическихъ отступленій. Лучшіе изъ рассказовъ, какъ «Чудаки», «Неудачникъ», «На первыхъ порахъ», «Подъ музыку», отличаются той характерной сжатостью, которая исключаетъ все нетипичное и случайное, оставляя только яркія черты, рѣзко обрисовывающія данный типъ или положеніе. Это не значитъ, что г. Барановъ рисуетъ все однимъ тономъ, безъ нюансовъ, но, какъ художникъ, онъ подмѣчаетъ наиболее характерное для даннаго лица, на чемъ и сосредоточиваетъ вниманіе читателя. Настроеніе автора печальное, во всей книгѣ нѣтъ ни одной веселой сценки, и заглавіе вѣрно опредѣляетъ общій фонъ изображаемой авторомъ жизни. Менѣе удались г. Баранову его «Сказки», хотя нѣкоторыя не лишены истинно поэтическаго колорита, какъ «Падающіе листья» и «Мое одиночество». Последнее можно-бы назвать настоящимъ стихотвореніемъ въ прозѣ, если бы не излишне приподнятый мѣстами тонъ, нарушающій простоту и безыскусственность, необходимыя для такого рода произведеній. Къ числу достоинствъ г. Баранова слѣдуетъ отнести его слогъ, простой и образный, безъ всякой вычурности и прикрасъ.

Недавно мы говорили о ростѣ провинціальной печати, обладающей уже теперь достаточными силами для самостоятельнаго существованія. Книга г. Баранова вполне подтверждаетъ высказанное нами заключеніе о блестящей будущности, ожидающей провинціальную печать, потому что, какъ беллетристъ, авторъ ея нисколько не уступаетъ безчисленнымъ сочинителямъ «разсказовъ, очерковъ, эскизовъ» и проч., подвизающимся съ успѣхомъ въ столичной прессѣ. Кромѣ того, разсказы г. Баранова выгодно отличаются отъ столичныхъ «шедевровъ» своимъ здоровымъ реализмомъ, отсутствіемъ мистическо-декадентской подкладки и порнографическаго элемента. Замѣтимъ, кстати, что и г. Барановъ не вполне чужой нашей журналистикѣ, такъ какъ въ февральскомъ номерѣ «Русск. Богатства» за текущій годъ былъ помѣщенъ его очеркъ «Монологи», а еще ранѣе (въ 1890 и 1891 гг.) въ томъ же журналѣ были напечатаны два его разсказа.

Маленькая антологія. № 1. Китай и Японія въ ихъ поэзіи. Слб. 1896 г. Ц. 30 к. Еще одно изданіе, цѣль котораго познакомить русскихъ читателей съ лучшими поэтами всѣхъ культурныхъ народовъ и всѣхъ временъ. Въ видѣ перваго шага, издатель выпустилъ крошечную книжечку — «Китай и Японія въ ихъ поэзіи», очевидно, рассчитывая на тотъ живой интересъ, съ какимъ всѣ относятся теперь къ этимъ странамъ. Такъ какъ ничего цѣльнаго и сколько-нибудь серьезнаго для ознакомленія съ литературой китайцевъ и японцевъ у насъ нѣтъ, то и эта книжечка можетъ возбудить нѣкоторый интересъ, хотя представленіе, какое выносишь при чтеніи ея о поэзіи упомянутыхъ народовъ, крайне слабо и неопредѣленно. И это вполне понятно. Трудно составить себѣ заключеніе по нѣсколькимъ образцамъ, и притомъ довольно однороднымъ. Повидимому, лирическая поэзія обоихъ народовъ близка и схожа по мотивамъ къ общечеловѣческой, да и эпосъ не отличается оригинальностью, какъ о томъ свидѣтельствуетъ поэма о двѣдушкѣ - воинѣ или сказка о юношѣ, увлеченномъ феей въ царство юности. Есть нѣсколько правоучительныхъ изреченій, тоже не отличающихся особой оригинальностью. Очевидно, переводчики брали не то, что отличаетъ эту поэзію крайняго востока отъ нашей, а скорѣе то, что въ ней родственно намъ. Иначе, трудно объяснить эту близость, такъ какъ столь отличныя культуры, какъ японская и китайская, должны имѣть и поэзію, значительно отличающуюся отъ нашей. Переводы сдѣланы не съ оригинала, а съ нѣмецкаго языка, и вообще недурны.

Лесаажъ. Исторія Жиль Блаза де-Сантльяна. Пер. съ французскаго. С.-Петербургъ, 1895 г. Л. Ф. Пантелѣва. Переводъ «Жиль Блаза» знакомитъ русскую публику съ однимъ изъ тѣхъ литературныхъ произведеній, которыя пользуются очень громкой извѣстностью и въ то же время мало читаются. Созданный Лесаажемъ типъ смышленнаго простолюдина, достигающаго высшихъ ступеней общественной лѣстницы, сдѣлался крайне популярнымъ во французской и общеевропейской литературѣ и дошелъ до насъ въ безчисленныхъ переработкахъ. Безпечный и остроумный Фигаро Бомарше, благородный по своимъ чувствамъ, лакей Рюи-Блазъ у

Гюго и другіе характеры въ театрѣ Мариво, въ романахъ Прево (автора *Мамонъ Леско*), наконецъ многое въ приключеніяхъ, описываемыхъ въ *Confessions Руссо*—все это развилось по прямой линіи изъ романа Лесажа, къ отдаленнымъ отпрыскамъ котораго принадлежитъ и французскій натуралистическій романъ съ Э. Зола во главѣ. Первоисточникъ же этихъ переработокъ «Жиль Блазъ» Лесажа, самый популярный романъ первой половины XVIII вѣка, отошелъ въ «область историко-литературныхъ памятниковъ», изучаемыхъ лишь въ качествѣ таковыхъ. А между тѣмъ, литературныя достоинства «Жиль Блаза» дѣлають чтеніе его крайне интереснымъ и для современнаго читателя; освоившись послѣ первыхъ нѣсколькихъ главъ съ особенностями описываемой Лесажемъ среды, съ сравними на современный взглядъ нравами «искателей счастья», читатель начинаетъ съ увлеченіемъ слѣдить за безконечными приключеніями героя, начинающаго жизнь простоватымъ деревенскимъ парнемъ и такъ успѣшно усваивающаго правила житейской мудрости, что онъ дѣлается подъ старость знатнымъ сановникомъ и пользуется всеобщимъ почетомъ. Исторія пестрой жизни Жиль Блаза рассказана съ неистощимымъ количествомъ характерныхъ подробностей, такъ что въ общемъ получается живая картина нравовъ цѣлой эпохи во всѣхъ ея проявленіяхъ.

Значеніе «Жиль Блаза» для исторіи литературы заключается въ томъ, что это первый истинно реалистическій романъ. Развитие романа во Франціи относится, главнымъ образомъ, къ XVII вѣку, когда на ряду съ расцвѣтомъ національной драмы, стали появляться одинъ за другимъ безконечные по объему романы вродѣ пятитомной «*Astrée*» Юрфе, десяти и двѣнадцатитомныхъ романовъ Ла-Кальпренеда, *m-elle de-Скюдери* и др., воспѣвающихъ идеальные подвиги и чувства, ходульно добродѣтельныхъ и напыщенно-нѣжныхъ героевъ и героинь; первымъ проблескомъ жизненной правды среди этой условности и напыщенности былъ романъ *m-me de-Лафайетъ*, знаменитая «*Princesse Clèves*», гдѣ есть намеки на психологію и искренность. Но и этотъ лучший изъ романовъ XVII вѣка написанъ въ условномъ духѣ своей эпохи и далекъ отъ изображенія дѣйствительности. Только около полувѣка послѣ «*Princesse Clèves*», въ 1715 г. появилась первая часть романа, похоронившаго навсегда героически-утонченные романы предъидущаго вѣка; это былъ «Жиль Блазъ».

Авторъ Жиль-Блаза, Алэнъ-Рене Лесажъ, былъ прежде всего сатирикомъ, и началъ съ драмъ и фантастическихъ произведений, вродѣ знаменитаго «*Diable Boiteux*», гдѣ съ неподражаемымъ юморомъ высмѣивалъ нравы своего времени. Бретонецъ по происхожденію, Лесажъ обладалъ отъ природы скептическимъ умомъ и свойственной его расѣ независимостью характера; пріѣхавъ въ Парижъ для изученія юриспруденціи, молодой бретонецъ имѣлъ возможность развить свои литературныя задатки и проявить особенности своей натуры. Онъ велъ веселую студенческую жизнь и, кромѣ того, имѣлъ возможность бывать въ свѣтскомъ обществѣ, гдѣ имѣлъ успѣхъ, благодаря своему уму и сво-

ей личной привлекательности. Все это давало ему обширный материалъ для наблюденія, и онъ воспользовался имъ уже нѣсколько позже, когда, двадцати шести лѣтъ, женился и сталъ вести умѣренный образъ жизни, всецѣло поглощенный своимъ трудомъ. Онъ сталъ рѣдко бывать въ обществѣ, питая особую неприязнь къ такъ называемымъ «фабрикамъ остроумія», т.-е. литературнымъ салонамъ, процвѣтавшимъ въ то время; онъ находилъ больше удовольствія въ своемъ семейномъ кругу и въ обществѣ литературныхъ друзей, собиравшихся по вечерамъ въ café Гросоре, обращенномъ въ своего рода литературный клубъ. Туда онъ являлся съ своей «благодѣтельницаей», какъ онъ называлъ свою слуховую трубу, ставшею ему необходимой, когда онъ оглохъ въ 40 лѣтъ; добродушный и веселый по прежнему, онъ принималъ живое участіе въ бесѣдѣ, слушалъ со вниманіемъ интересные рѣчи, самъ занималъ всѣхъ своимъ блестящимъ остроуміемъ—но лишь только разговоръ становился скучнымъ, «благодѣтельница» исчезала въ карманѣ сатирика, и онъ оставался наединѣ съ своими мыслями. Вся жизнь Лесажа протекла среди мирной обстановки его рабочаго уголка въ парижскомъ предмѣстьи St Jacques, гдѣ онъ облакалъ свой жизненный опытъ въ яркіе образы, навсегда упрочившіе его литературную славу. Онъ дожилъ до 80 лѣтъ и умеръ въ 1747 году, окруженный преданной ему семьей.

Литературная дѣятельность Лесажа началась съ переводовъ и передѣлокъ съ испанскаго. Таковыми были его «Lettres d'Aristépete», рядъ драмъ, собранныхъ въ послѣдствіи подъ общимъ заглавіемъ «Испанскаго театра». Все испанское было въ то время крайне популярно во Франціи, и вслѣдъ за Корнелемъ и Мольеромъ, Лесажъ сталъ искать вдохновенія въ старыхъ гомансего и другихъ испанскихъ источникахъ. Но, заимствуя въ нихъ сюжеты для своихъ произведеній, Лесажъ, въ противоположность своимъ предшественникамъ, очень свободно обращался съ своими образцами. Въ предисловіи къ «Испанскому театру» онъ самъ заявляетъ, что намѣренъ заимствовать у испанцевъ лишь то, что у нихъ есть блестящаго и оригинальнаго, избѣгая всего преувеличеннаго и высокопарнаго. Въ самомъ дѣлѣ, въ произведеніяхъ Лесажа испанскій характеръ сказывается лишь въ рамкахъ, среди которыхъ дѣйствіе происходитъ, и въ нѣкоторыхъ бытовыхъ подробностяхъ. Само же внутреннее содержаніе рисуетъ французскіе нравы, и подъ маской испанскихъ именъ онъ выводитъ общечеловѣческіе типы. Въ первыхъ произведеніяхъ Лесажа, драмахъ «Don Felix Mendocse», «Point d'honneur» и въ передѣланномъ съ испанскаго «Don Guichotte» испанское вліяніе сказывается сильнѣе, чѣмъ въ позднѣйшемъ творествѣ сатирика. Начиная съ драмы «Crispin rival de son maître», Лесажъ переходитъ къ самостоятельной и смѣлой сатирѣ нравовъ и становится обличителемъ современныхъ ему пороковъ. Особенно рѣзки его нападки на финансовый міръ, на интендантовъ и откупщиковъ, классическій типъ которыхъ выведенъ въ знаменитой комедіи Лесажа,

«*Toussaint*» *)), появившейся на сценѣ Théâtre Français въ 1709 г. Темный міръ дѣльцевъ, безпощадныхъ по отношенію къ своимъ жертвамъ, лишенныхъ всякаго пониманія законовъ чести и прикрывающихъ свое нравственное паденіе щедростью и благородствомъ въ обращеніи съ свѣтскимъ и полусвѣтскимъ обществомъ— все это ярко освѣщено въ комедіи Лесажа и встрѣтило большое сочувствіе въ современникахъ, раздѣлявшихъ негодованіе автора противъ богатѣющихъ на чужой счетъ откупщиковъ.

Но «*Toussaint*», при всей мѣткости сатирическаго таланта автора, имѣетъ преходящій характеръ— комедія эта осмѣиваетъ давно забытые нравы и предаетъ огласкѣ исчезнувшія злоупотребленія; она интересуетъ современнаго читателя уже только своими подробностями, остроуміемъ діалога и типами плутоватыхъ лакеевъ, управляющихъ судьбой своихъ довѣрчивыхъ хозяевъ; заимствованные Лесажемъ у Мольера, они служатъ дальнѣйшимъ развитіемъ основного типа и готовятъ типъ классическаго героя Лесажа, Жиль Блаза. Въ то время, какъ лакеи Мольера, при всемъ своемъ остроуміи, соответствуютъ своему положенію тривиальностью своихъ стремленій и наклонностей, у Лесажа плутоватые Фронтены и т. д. до нѣкоторой степени представляютъ демократическаго начала; они сознаютъ свое умственное превосходство и стремятся силой своего ума завосвать себѣ земныя блага, въ которыхъ имъ отказала судьба.

Лучшія и вполне самостоятельныя произведенія Лесажа два романа, «*Le Diable Boiteux*» **) и «*Gil-Blas*». Первый вышелъ въ свѣтъ въ 1709 г. и представляетъ фантастическій рассказъ о дьяволѣ Асмодеѣ, который несется вмѣстѣ съ студентомъ Леандро надъ городомъ, и показываетъ ему внутренность домовъ, снимая съ этой цѣлью ихъ крыши. Въ калейдоскопѣ открывающихся передъ ними зрѣлищъ развертывается передъ читателемъ широкая картина жизни съ ея переходами отъ радостей къ страданіямъ, отъ нищеты къ роскоши, отъ счастья къ горю и болѣзнямъ.

Но еще гораздо шире захвачена жизнь въ главномъ произведеніи Лесажа—Жиль Блазѣ. Испанскій крестьянинъ Жиль Блазъ начинаетъ свою жизнь искателемъ счастья и лакеемъ, и цѣлый рядъ приключеній долго заставляетъ его жить среди самаго непригляднаго люда, грабителей и обманщиковъ, авантюристовъ и шарлатановъ, странствующихъ актеровъ и т. п. людей, принадлежащихъ къ общему разряду «*ricans*», т. е. мошенниковъ. Первые шесть книгъ романа повѣствуютъ почти исключительно о типахъ сомнительной нравственности и ихъ умѣніи устроиваться въ жизни, причемъ неистощимый юморъ Лесажа придаетъ отдѣльнымъ эпизодамъ большой художественный интересъ. Ловкость и природный умъ замѣняетъ въ этихъ непосредственныхъ и веселыхъ искателяхъ счастья стремленіе къ справедливости, но, благодаря тому, что ихъ жертвами являются себялюбивые и близорукіе баловни

*) Изданъ недавно г. М. Ледерле въ переводѣ г-жи Шерстобитовой, подъ редакціей и съ предисловіемъ В. П. Острогорскаго.

**) «Хромой чортъ».

судьбы, читатель чувствуетъ симпатію къ торжеству разума и находчивости въ борьбѣ съ жизнью. Нѣсколько эпизодовъ болѣе возвышеннаго характера разнообразятъ пестрый рассказъ о приключеніяхъ Жиль Блаза въ убѣжищѣ разбойниковъ, и затѣмъ въ качествѣ слуги сначала у стараго богача, потомъ у доктора, умерившаго его своими универсальными средствами, и, наконецъ, у молодого свѣтскаго кутилы, виѣстѣ съ которымъ Жиль Блазъ ведетъ легкомысленный и порочный образъ жизни. Печальный рассказъ о добродѣтельной доннѣ Менсіи, граціозная исторія Авроры, невиннымъ обманомъ достигающей желанной ей цѣли—такіе и подобные рассказы облагораживаютъ сатирической тонъ первыхъ книгъ романа. Сатира Лесажа становится болѣе широкой и захватываетъ глубже жизнь общества во второй части Жиль Блаза, появившейся гораздо позже первой, въ 1734 г. Бывшій лакей появляется снова на сценѣ уже умудреннымъ опытомъ; онъ не попадаетъ болѣе на удочку всякаго авантюриста, а, напротивъ, умѣетъ устраивать свои дѣла и быстро поднимается по общественной лѣстницѣ, главнымъ образомъ, потому, что соединяетъ практичность и умъ съ положительными качествами, честностью, умѣніемъ быть благороднымъ. Онъ дѣлается секретаремъ ученаго прелата, потомъ управляющимъ знатнаго вельможи и, попавъ въ милость къ министру, играетъ видную политическую роль. И среди этихъ событій обрисовывается широкая картина придворныхъ нравовъ, безконечныхъ интригъ и управляющихъ ими людей самыхъ разнообразныхъ типовъ. Великолѣпнѣе, напримѣръ, прелатъ, который самъ проситъ Жиль Блаза сказать ему откровенно, когда онъ подмѣтитъ въ немъ начало умственного ослабленія; когда же этотъ моментъ наступаетъ и Жиль Блазъ исполняетъ свое обѣщаніе, прелатъ выгоняетъ его изъ дому. Безпощадной сатирой Лесажъ преслѣдуетъ всѣхъ карьеристовъ, съ которыми Жиль Блазъ сталкивается на своемъ пути, и каждый эпизодъ романа направленъ противъ какого-нибудь господствующаго въ обществѣ порока. Изложеніе романа при этомъ таково, что въ немъ не чувствуется дидактическаго элемента. Лесажъ рисуетъ жизнь такой, какова она въ дѣйствительности, перемѣшивая трогательное съ комическимъ, грустное съ веселымъ, и реализмъ его рассказовъ тѣмъ глубже, что Лесажъ менѣе всего моралистъ, что его жизненные правила заключаются въ примѣненіи къ обстоятельствамъ жизни и что его непосредственная житейская мудрость такъ же неизмѣнна, какъ неизмѣнны вѣчные законы человѣческихъ чувствъ и страстей.

Послѣднія книги романа написаны въ нѣсколько иномъ тонѣ, чѣмъ все предъидущее: Жиль Блазъ не только умудренъ жизнью, но и пресыщенъ ею; онъ жаждетъ уединенія среди природы и любимыхъ книгъ, жаждетъ спокойнаго семейнаго очага,—это исторія самаго автора, который подъ старость уединился въ семейномъ кругу, оставаясь лишь созерцателемъ окружающей жизни. Послѣ разнородныхъ элементовъ предъидущихъ книгъ, жизнерадостности и здороваго, трезваго отношенія къ жизни, послѣднія книги звучатъ достойнымъ, заключительнымъ, аккордомъ, внося-

щимъ ноту философскаго примиренія въ изображеніе реальной жизни со всѣми ея неприглядными сторонами.

Русскій переводъ Жиль Блаза въ общемъ вполне удовлетворителенъ и лишь изрѣдка встрѣчаются неловкія выраженія, какъ, напримѣръ, «освистать актера въ пухъ и прахъ» или «отличаться на боѣ быковъ».

КРИТИКА.

М. А. Протопоповъ. «Литературно-критическія характеристики». — Р. Левенфельдъ. «Гр. Л. Н. Толстой».

М. А. Протопоповъ. Литературно - критическія характеристики. Изд. журн. «Рус. Богатство». 1896 г, Ц. 2 р. 20 к. Въ лицѣ г. Протопопова мы имѣемъ одного изъ представителей критики, сохранившей лучшія традиции литературы временъ Бѣлинскаго и Добролюбова. Въ своихъ «литературно - критическихъ характеристикахъ» онъ даетъ не столько характеристики авторовъ, сколько общественныхъ направленій, выразителями которыхъ они являются. Книга начинается характеристикой Бѣлинскаго, въ которой, между прочимъ, г. Протопоповъ пользуется формулировкой воззрѣній его на литературную дѣятельность, чтобы освѣтить свои взгляды на задачи критики. Задачи эти «не эстетическія и даже не чисто литературныя», а строго и непосредственно общественныя—развивать въ обществѣ «сознаніе солидарности, будить въ немъ тотъ духъ общенности, безъ котораго нѣтъ ни прогресса, ни настоящей умственной жизни». Какъ достигаетъ этого критикъ, видно лучше всего въ его статьяхъ, посвященныхъ обстоятельному разбору произведеній Л. Н. Толстого и народниковъ — Н. Н. Златовратскаго, Рѣшетникова и Гл. Успенскаго. Относясь съ полнымъ уваженіемъ къ тому «громадному, столько же глубокому, сколько и разнообразному, психологическому матеріалу», который заключается въ произведеніяхъ Л. Н. Толстого, критикъ безусловно отрицаетъ его «платоническую мораль», остроумно характеризуя ея безсиліе. «Богъ-то Богъ,—говоритъ онъ по поводу «Власти тьмы»,—да и самъ не будь плохъ, скажемъ мы русской пословицей. Это хорошо, что въ Никитѣ заговорила, наконецъ, совѣсть, но нехорошо то, что она заговорила слишкомъ поздно, когда все зло, какое могъ сдѣлать Никита, уже сдѣлано имъ подъ влияніемъ матери. ...И все это происходило, такъ сказать, подъ носомъ у Акима, подъ аккомпаниментъ его мудрыхъ изреченій—«по душѣ, по закону, по Божьи». Можно ли ярче и рельефнѣе изобразить безсиліе этой платонической морали, которая брызгаетъ прозой и грязью жизни, и этихъ моралистовъ, которые, по тупости ли своего пониманія, или изъ нелѣпо-преувеличеннаго ригоризма, никакъ не хотятъ взять въ толкъ, что живой человѣкъ—не мумія, что его волнуютъ чувства, обуревають страсти, что опасности грѣха, увлеченія, паденія постоянно висятъ надъ нимъ черной тучей, и что, слѣдовательно,

людей прежде всего надо оберегать и уже потомъ карать, карать тогда, когда, по выраженію юристовъ, «злая воля» безвозвратно овладѣла человѣкомъ? А предостерегать совѣмъ не значить съ утра до ночи и съ вечера до утра выбалтывать добродѣтельныя изреченія, а значить *дѣйствовать*» (стр. 209). Въ произведеніяхъ Н. Н. Златовратскаго критикъ указываетъ ту ложь, которую создали народники невѣрнымъ освѣщеніемъ народной среды. Статья эта, по нашему мнѣнію, принадлежитъ къ числу лучшихъ въ книгѣ. «Г. Златовратскій, — говоритъ критикъ по поводу его «Деревенскихъ буденъ», — болѣе роялистъ, чѣмъ самъ король, болѣе народникъ, чѣмъ самъ народъ. Въ этомъ источникъ и его несправедливости по отношенію къ намъ и къ нашей культурѣ, и его оптимистическихъ воззрѣній на народную жизнь. Повторяемъ: идеалы, выработанные въ нашей средѣ, вычитанные изъ *нашихъ* книжекъ, замствованные отъ *нашихъ* общихъ учителей, г. Златовратскій съ спокойнымъ духомъ и съ свѣтлымъ лицомъ вмѣняетъ въ заслугу народу и дѣлаетъ ихъ содержаніемъ пустопорожнихъ формъ патріархальной жизни. Онъ усматриваетъ разумность и сознательность тамъ, гдѣ дѣйствуетъ только инстинктъ; онъ находитъ «гарантіи» тамъ, гдѣ, въ сущности, имѣется только пассивное сопротивленіе; онъ говоритъ объ идеалахъ, имѣя настоящее право говорить только о платоническихъ благопожеланіяхъ». *Апокалипсическій оптимизмъ* — этимъ острымъ словомъ мѣтко опредѣляетъ критикъ народническое «сладкогласованіе» о трехъ китахъ (община, артель, кустари), и, въ противоположность ему, выдвигаетъ здоровый реализмъ Гл. Успенскаго и Рѣшетникова, которые говорили *правду* о народѣ, а не сочиняли народъ.

Такими мѣтками и остроумными опредѣленіями отличается большинство характеристикъ г. Протопопова, къ числу особыхъ достоинствъ котораго принадлежитъ блестящій слогъ, нерѣдко увлекающій самого автора, что иногда вредитъ ясности его основныхъ положеній. Какъ критикъ, г. Протопоповъ оказалъ немалую услугу русскому читателю, сорвавъ блестящую мишуру съ пустопорожнихъ словъ и представивъ въ надлежащемъ видѣ ихъ скорбныхъ творцовъ. Вполнѣ умѣстно, поэтому, появленіе собранія его статей, разсѣянныхъ по лучшимъ нашимъ журналамъ, на протяженіи болѣе, чѣмъ пятнадцати лѣтъ.

Р. Левенфельдъ. Гр. Л. Н. Толстой. Его жизнь, произведенія и міросозерцаніе. Пер. съ нѣмецкаго С. Шклявера. Спб. Изд. Б. М. Вольфа. 1896 г. Ц. 1 р. Въ русской литературѣ критика до сихъ поръ занимала совѣмъ особое мѣсто. Она не столько разъясняла, сколько направляла писателей, не столько говорила о нихъ, сколько по поводу нихъ. Для нея они были интересны и достойны изученія не сами по себѣ, а скорѣе какъ выразители извѣстныхъ настроеній. Результатомъ такого направленія критической мысли явилась довольно солидная критическая публицистика, но критики, въ европейскомъ смыслѣ, у насъ нѣтъ. Поэтому, въ иностранной литературѣ, по мѣрѣ оживленія интереса къ нашей литературѣ, стала ощущаться потребность въ критикѣ ея. Мы имѣемъ иностранную критику, которая помогаетъ

намъ разбираться въ европейскихъ писателяхъ. Но иностранцамъ приходится разбираться самимъ, такъ какъ ваша критика для нихъ непонятна. Первые начали французы, и съ легкой руки де-Вогюз, наболтали не мало вздору съ свойственнымъ имъ легкомысленнымъ высокохриемъ ко всему, что не французское. Отчасти въ этомъ проявилась мода на русское, подъ влияніемъ франкорусскихъ симпатій, поверхностныхъ, и потому несерьезныхъ. И хотя Брюнетьеръ хвастаетъ, что именно французы первые принимались всегда за изученіе иностранныхъ литературъ, но они больше заимствовали, чѣмъ изучали, перелицовывая на свой ладъ испанцевъ и англичанъ, какъ теперь коверкаютъ русскихъ. Галльская самовлюбленность не допускаетъ серьезнаго отношенія къ другимъ. Иначе относятся къ намъ нѣмцы. Они прежде всего перевели всѣхъ лучшихъ нашихъ писателей, и перевели въ общемъ превосходно, а теперь приступаютъ къ систематическому ихъ разбору, внося въ это дѣло свойственную имъ добросовѣстность и полную.

Этими качествами отмѣченъ и трудъ Р. Левенфельда—«Графъ Л. Н. Толстой, его жизнь, произведенія и міросозерпаніе». Авторъ задался цѣлью прослѣдить въ жизни и произведеніяхъ знаменитаго писателя постепенный ростъ и развитіе тѣхъ возрѣній, которыя такъ полно вылились въ дѣятельности графа за послѣдній періодъ. Р. Левенфельдъ начинаетъ съ «Адама», т.-е. съ предковъ графа, о которыхъ онъ собралъ кое-какія свѣдѣнія. Онъ очень подробно останавливается на дѣтствѣ и юности, пользуясь книгой «Дѣтство и отрочество», и дополняя по воспоминаніямъ и запискамъ, существующимъ въ русской литературѣ, гдѣ говорится о жизни графа въ Казани. Такого же метода держится онъ и въ послѣдующемъ изложеніи, сопоставляя біографическія данныя, тщательно имъ сгруппированныя, съ тѣми мѣстами въ произведеніяхъ графа, которыя носятъ несомнѣнный личный характеръ. Основная мысль труда Р. Левенфельда заключается въ томъ, что между возрѣніями графа, выраженными имъ въ «Исповѣди» и другихъ произведеніяхъ того же періода, и произведеніями предшествующими имъ противорѣчія, что даже въ самыхъ первыхъ, по времени, его произведеніяхъ уже есть зародышъ тѣхъ сомнѣній и отрицательнаго отношенія къ современной цивилизаціи, которыя затѣмъ вылились въ цѣлое ученіе. Мысль эта для русскихъ читателей отнюдь не нова, но работа Р. Левенфельда не теряетъ отъ этого своего значенія, такъ какъ въ русской литературѣ не имѣется такого подробнаго анализа жизни и произведеній графа,—анализа, веденнаго спокойно и безпристрастно, безъ факирскаго поклоненія и безъ злобнаго подчеркиванія тѣхъ или иныхъ отрицательныхъ сторонъ въ дѣятельности писателя. Авторъ не скрываетъ своего уваженія къ личности графа и восхищенія имъ, какъ художникомъ, но, какъ европеецъ, онъ совершенно свободенъ отъ русскаго идолопоклонства, униженія и рабства.

Въ вышедшемъ томѣ работа Р. Левенфельда доведена до жеманности графа и заканчивается разборомъ его педагогической дѣятельности въ Ясной Полянѣ. Такимъ образомъ, главные произведенія графа остаются критикомъ еще не тронутыми и соста-

вять содержаніе дальнѣйшихъ выпускѣвъ его сочиненія, какъ общааетъ Р. Левенфельдъ въ предисловіи.

ФИЛОСОФІЯ И ЭТИКА.

Паульсенъ. «Введеніе въ философію». — *Кирхнеръ.* «Исторія философіи съ древнѣйшихъ временъ». — *Цилеръ.* «Что такое нравственность?»

Паульсенъ. Введеніе въ философію. Переводъ Н. Титовскаго подъ редакціею В. Преображенскаго. Москва, 1894 г. (Изданіе Московскаго Психологическаго Общества). Вотъ уже годъ, какъ вышла эта прекрасная книга на русско́мъ языкѣ, но до сихъ поръ, какъ намъ кажется, она была слишкомъ мало оцѣнена русской публикой. Паульсенъ,—это одинъ изъ самыхъ популярныхъ профессоровъ берлинскаго университета. Онъ извѣстенъ въ литературѣ своими изслѣдованіями о Кантовской философіи и этикѣ, которая въ короткій промежутокъ времени выдержала три изданія.

Что касается разбираемой книги, то мы не можемъ ее достаточно рекомендовать: по нашему мнѣнію, интересующіеся философіею и приступающіе къ изученію ея должны считать особенно благоприятнымъ для себя появленіе такой замѣчательной во всѣхъ отношеніяхъ книги. Кажется едва возможнымъ—о высшихъ философскихъ вопросахъ говорить такъ ясно и удобопонятно, какъ это мы находимъ у Паульсена; всѣ самые основные вопросы нашли себѣ мѣсто въ этой книгѣ. Мы не рѣшаемся излагать содержанія ея цѣликомъ, что въ маленькой журнальной замѣткѣ едва ли возможно для такой богатой содержаніемъ книги, какъ эта. Мы ограничимся изложеніемъ взгляда Паульсена на то, что такое философія; это, по нашему мнѣнію, можетъ характеризовать, до нѣкоторой степени, само сочиненіе. Чтобы отвѣтить на вопросъ, что такое философія, слѣдуетъ показать, каковъ ея предметъ, и чѣмъ онъ отличается отъ другихъ наукъ? Философія можетъ отличаться отъ другихъ наукъ или предметомъ, которымъ она занимается, или способомъ, какимъ она трактуетъ его. По одному воззрѣнію, у философіи есть своя собственная область дѣйствительности, на которую не заявляетъ претензіи ни одна наука, поэтому она есть какъ бы отдѣльная наука на ряду съ другими. По другому воззрѣнію, философія имѣетъ общіе съ другими науками предметы, но трактуетъ ихъ на собственный ладъ и отличается отъ нихъ, слѣдовательно, своимъ методомъ. Это есть взглядъ спекулятивной философіи, по которой вся дѣйствительность служитъ предметомъ двоякаго изслѣдованія: философскаго и научнаго, спекулятивнаго и эмпирическаго. По этому взгляду, въ обѣихъ большихъ областяхъ человѣческаго знанія, въ природѣ и исторіи, мы имѣемъ рядомъ другъ съ другомъ естествознаніе и натурфилософію, исторію и философію исторіи. Задача науки состоитъ въ томъ, чтобы путемъ методическаго опыта добыть свѣдѣнія о фактахъ; задача же философіи состоитъ, напротивъ, въ томъ, чтобы, съ помощью свойственнаго ей метода, представить собственную

сущность и внутреннюю связь вещей. Но вмѣстѣ съ вѣрой въ спекулятивный методъ возрѣніе это вымерло. Наше время не вѣритъ болѣе въ возможность познанія смысла дѣйствительности съ помощью діалектическаго развитія понятій. Оно знаетъ какъ одну только дѣйствительность, такъ и одну только истину и одиный путь къ ней: *отытъ*, руководимый мыслью. Безопытное мышленіе такъ же мало приводитъ къ познанію дѣйствительности, какъ и лишенный *мысли* опытъ. Философъ не обладаетъ какимъ-нибудь особеннымъ способомъ познанія.

Если нѣтъ особаго философскаго метода, то остается, повидимому, второе возрѣніе, что философія отличается отъ другихъ наукъ своимъ особымъ *предметомъ*. Нѣкоторые философы говорили, что, такъ какъ умъ человѣческій не въ состояніи рѣшить тѣхъ вопросовъ, которые поставяетъ себѣ философія, то она должна ограничиться рѣшеніемъ вопроса, что *доступно* *человѣческому познанію* и отъ чего оно должно навсегда отказаться? Но едва ли можно согласиться съ тѣмъ, чтобы это было предметомъ философіи, потому что есть особая наука—логика или *теорія познанія*, предметомъ которой и является именно этотъ вопросъ.

Другіе говорятъ, что философія должна трактовать о сущности *матеріи*, о *силѣ*, о *движеніи*, о *пространствѣ* и *времени*. Она должна, какъ говорятъ, разъяснить эмпирическимъ наукамъ неразсмотрѣнныя ими основныя понятія. Но какъ она должна приходить къ познанію этихъ вещей? Должна ли она, на примѣръ, изслѣдовать матерію посредствомъ наблюденія и эксперимента? Если да, то вѣдь этимъ путемъ изслѣдуютъ сущность матеріи и физика и химія. Если же у философіи нѣтъ никакихъ другихъ средствъ, то, очевидно, что науки эти не нуждаются ни въ какой другой философіи, чтобы узнать, что такое матерія.

Если, слѣдовательно, философія не отличается отъ наукъ ни особымъ методомъ, ни особымъ предметомъ, то она должна совпасть съ ними. Въ самомъ дѣлѣ, философію нельзя отдѣлить отъ другихъ наукъ,—она есть не что иное, какъ *совокупность всего научнаго познанія*.

Всѣ науки суть члены единой системы, предметомъ которой служитъ *вся совокупность дѣйствительности*. Каждая отдѣльная наука изслѣдуетъ одну часть дѣйствительности: биологія, напр., разсматриваетъ явленія жизни, происходящія въ матеріи; психологія разсматриваетъ дѣйствительность съ другой стороны—именно, поскольку она существуетъ въ сознаніи сама для себя. Такимъ образомъ, всѣ отдѣльныя науки доставляютъ частныя данныя для рѣшенія проблемы дѣйствительности, попытка же высказать рѣшеніе этой загадки, найти ключъ къ великой тайнѣ бытія—будетъ философія. Философія есть не отдѣльная наука, а совокупная система наукъ.

Хотя философія за многовѣковое свое существованіе подвергалась различнымъ видоизмѣненіямъ, но, тѣмъ не менѣе, если мы сравнимъ задачи самой древнѣйшей философіи и самой новѣйшей, то мы найдемъ, что она оставалась всегда одною тою же. Почему, на примѣръ, Фалесъ называется философомъ, и въ чемъ со-

стоитъ его философія? Философія его состоитъ въ томъ, что онъ стремится дать общую теорію дѣйствительности. Всѣ вещи произошли изъ воды, въ воду же всѣ онѣ и возвращаются. Это есть первая попытка научнаго объясненія *всѣхъ вещей*. То же самое мы находимъ у современныхъ философовъ. По Огюсту *Конту*, напримѣръ, философія есть «общая система человѣческаго знанія». *Спенсеръ* сближаетъ области знанія науки и философіи; по его мнѣнію, «философія есть воистинѣ объединенное знаніе». *Вундтъ* определяетъ философію какъ «всеобщую науку, имѣющую цѣлью соединить добытыя отдѣльными науками общія познанія въ одну стройную систему».

На это могутъ возразить: «если философія есть именно это, то она предоставляетъ собою невозможную вещь. Кто взялся бы за эту задачу? Кто рѣшился сказать, что онъ обладаетъ, или хотя бы стремится къ чему-то такому, какъ совокупность научнаго познаній? У кого бы хватило теперь смѣлости назвать себя именемъ философа? Да и сама по себѣ не есть ли *теорія міра* также невозможная вещь, по крайней мѣрѣ, для человѣческаго ума? Далесъ еще могъ предпринять вѣчто въ этомъ родѣ. Но теперь, послѣ того, какъ двухтысячелѣтняя работа показала, какъ велико такое предпріятіе, мы сѣлалась скромнѣе и рады, если тамъ и сямъ какой-нибудь кусочекъ дѣйствительности поддается нашему ознанію». Нба это можно отвѣчать: «Безъ сомнѣнія, философія, какъ готовая и завершенная теорія, міра не существуетъ ни въ настоящее время, ни будетъ когда-либо достигнута. Но вѣдь то же возраженіе можно направить и противъ всякой другой науки. Не существуетъ также и астрономія, физика или физиологія, какъ готовые и законченныя системы. Понятія ннаукъ не суть понятія объ эмпирически данныхъ вещахъ, а понятія *о задачахъ*, и истинность этихъ понятій покоится на правильномъ обозначеніи задачи, все равно, какъ бы далеко ни подвинулось разрѣшеніе послѣдней. Далѣе, существуетъ ли въ настоящее время хоть одинъ умъ, который былъ бы въ состояніи воспринять въ себя все естественно-научное знаніе или все историко-филологическое знаніе? И, тѣмъ не менѣе, мы говоримъ о филологахъ, историкахъ и физикахъ, обозначая этимъ именемъ не обладателей науки, а ислѣдователей, не тѣхъ, кто *позналъ* извѣстную часть дѣйствительности, а тѣхъ, кто *стремится* къ такому познанію. Точно также мы употребляемъ и имя философа: оно обозначаетъ такого человѣка, который стремится къ *единому и универсальному познанію дѣйствительности*».

Изъ такого опредѣленія философіи каждый легко можетъ видѣть, что философія Паульсена не имѣетъ ничего общаго съ той туманной метафизикой, которую обыкновенно разумѣетъ русский читатель, когда слышитъ названіе философіи.

Мы желаемъ, чтобы эта книга нашла себѣ сочувственный приемъ среди того большого круга читателей, которые хотятъ себѣ составить міровоззрѣніе, основанное на научно-философскихъ принципахъ. Намъ кажется также, что распространеніе этой книги могло бы способствовать освобожденію русскаго читателя отъ того предразсудка, будто бы, философія есть отжившая наука.

Кирхнеръ. Исторія философіи съ древнѣйшаго до настоящаго времени: Переводъ съ нѣмецкаго В. Д. Вольфсона. Съ дополнительною статьею «Русская философія» В. Чуйко. Спб. 1895 г. Написать краткую исторію философіи представляется дѣломъ въ высокой мѣрѣ труднымъ; нужно обладать искусствомъ соединять краткость съ удобопонятностью, если книжка предназначается для начинающихъ; нужно при краткости соблюсти полнѣйшую точность, если книжка предназначается въ качествѣ повторительнаго конспекта для учащихся. Ни въ томъ, ни въ другомъ отношеніи книжка не можетъ быть названа удовлетворительной. Къ обилію неточностей въ текстѣ присоединяется обиліе ошибокъ въ переводѣ, въ особенности при передачѣ именъ. Мы не согласны поэтому съ переводчикомъ, что «книжка можетъ служить полезнымъ компендіемъ для учащихся»; по нашему мнѣнію, для учащихся она совсѣмъ непригодна, въ чемъ легко убѣдится всякій, кто разсмотритъ переводъ этой книги. Укажемъ на нѣкоторыя изъ такихъ неточностей.

На стр. 63 говорится: «Платонъ строго различаетъ эмпирію отъ истиннаго знанія: первая создаетъ только мнѣнія, второе же—идеи; первая имѣетъ дѣло съ *существующимъ* (!), второе — съ *сущимъ*» (Переводчикъ, очевидно, не знаетъ разницы между такими философскими понятіями, какъ «бываніе» и «бытіе»). Понятіе доха въ греческой философіи, которое у насъ принято переводить условнымъ терминомъ «мнѣніе», переводчикъ переводитъ посредствомъ, «ходячее мнѣніе», что, конечно, совсѣмъ не то (стр. 64). На стр. 86 у Аристотеля: «разумъ страдательный», у переводчика «умъ (!) страждущій (!)».

На стр. 272. Названіе сочиненія Канта «О формѣ и принципахъ *ощутимаго* и мыслимаго міра» *ви. чувственнаго*.

На стр. 274. Нѣмецкое *Verstand* (у Канта) переводится черезъ «умъ» вмѣсто принятаго у насъ «разсудокъ». На стр. 274 модальность: асерторическая и аподиктическая—переводится: «до-стовѣрная», «доказательная». Стр. 275 кантовское «*Anticipationen der Wahrnehmung*», что можно было бы перевести: «предваренія воспріятія» переводится: «предвкушенія истины» (!)

На стр. 311 оказывается, что «Шопенгауеръ совершенно отрицаетъ «вещь самое по себѣ», а на стр. 312 утверждаетъ, что «по Шопенгауеру, во внутреннемъ сознаніи нашей воли мы познаемъ истинно—сущее, то, что Кантъ называлъ «вещь сама по себѣ». Какъ же примирить это противорѣчіе? На стр. 320 «соціологія, по мнѣнію переводчика, есть наука о «человѣкѣ». На стр. 324 говорится, что Д. С. Милль «усвоилъ себѣ главнѣйшія положенія Огюста Конта», и что онъ съ истинно англійскимъ коварствомъ скрываетъ это». Всѣмъ извѣстно, что по отношенію къ Миллю это несправедливо, такъ какъ онъ откровенно сознавался въ тѣхъ заимствованіяхъ, которыя онъ дѣлалъ у Конта. На той же стр. читатель, къ своему удивленію, узнаетъ, что «Милль въ своихъ сочиненіяхъ является чистѣйшимъ метафизикомъ» (!), что, конечно, чистѣйшая ложь.

Стр. 133 «Модусы силлогизма» передается черезъ «модули».

Нежелательнымъ кажется также употребленіе такихъ нелитературныхъ выраженій, какъ «подхалимство» (стр. 211—270).

Что касается именъ, то переводчикъ какъ будто бы съ цѣлю, рѣшилъ ихъ извращать. На стр. 3 *Viadъ* вмѣсто принятаго *Biasъ*. (Если переводчикъ хочетъ держаться новогреческаго произношенія, то онъ долженъ былъ бы, вмѣсто *Θαλες* Милетскій, писать *Θαλεις* Милитскій и т. п.). На стр. 41. Мать Сократа у переводчика «Френета» вмѣсто «Фенарета». Стр. 121 «Аркезилай», у переводчика «Архезилай». Скептикъ «Энезидемъ»—у него «Анезидемъ» стр. 124 — 5. Стр. 149 и 244 «εοοδισея», вмѣсто «теодисея». Стр. 180 вмѣсто «Маймоидъ» — «Мэмоидъ». Стр. 183 «Денсъ Скоттъ» вмѣсто «Дунсъ Скоттъ». Стр. 184 «Раймондъ Лулъ» вмѣсто «Раймундъ Лулли»; «Петръ Испанъ», вмѣсто «Петръ Испанскій». Стр. 187 «Бернардъ Клерву» вмѣсто «Клервосскій». Стр. 259 знаменитый натуралистъ «Бозргавъ» названъ «Бургавомъ». Знаменитый современный философъ «*Эоуардъ* Гартманъ» названъ, стр. 316, «*Карломъ* Гартманномъ».

Что касается дополнительной статьи г. Чуйко, то на 50 страницахъ едва ли полнѣе и лучше можно было бы изложить «состояніе философіи въ Россіи», какъ, кажется, было бы цѣлесообразнѣе ее назвать вмѣсто «Русская философія».

Можетъ быть, при скудости нашей философской литературы. и эта книжка принесетъ свою долю пользы кому-нибудь изъ тѣхъ, «кто интересуется философией не какъ учебнымъ предметомъ, а какъ наукой наукъ», по выраженію переводчика, но мы считаемъ долгомъ указать нашимъ читателямъ, что разбираемая книжка изобилуетъ неточностями какъ въ переводѣ, такъ и въ изложеніи.

Циглеръ. Что такое нравственность? Спб. 1895. Перев. А. Острогорскаго. Ц. 50 к. Нравственная философія или этика должна сказать человѣку, что ему слѣдуетъ дѣлать? или, другими словами, что такое *добро*? Чтобы отвѣтить на этотъ вопросъ, этика, какъ наука, должна познать существующее, постигнуть совершающееся, повяты совершившееся. Какъ ботаника должна знать растенія, а исторія факты, такъ и этика должна быть, подобно ботаникѣ и исторіи, прежде всего наукой *описательной*. Но этимъ задача этики не ограничивается. Почему, спрашиваетъ она, люди даютъ однимъ поступкамъ одну, другимъ—другую оцѣнку? Почему ложь считается безнравственной, а истина нравственной? Почему мы называемъ эгоиста дурнымъ человѣкомъ, а добродетельнаго и самоотверженнаго человѣка хорошимъ? Чтобы отвѣтить на эти вопросы, этика должна имѣть опредѣленный масштабъ. Самая важная задача этики и заключается именно въ томъ, чтобы найти этотъ масштабъ. Если мы предположимъ, что этотъ масштабъ есть принципъ общественнаго блага, тогда этика можетъ стать наукой *нормирующей*, т. е. указывающей правила поведенія. Этотъ масштабъ почерпается нами изъ реального міра нравственныхъ явленій, взятыхъ изъ дѣйствительной жизни. То, что *должно* быть, очень не далеко отъ того, что есть, отъ того лучшаго, что живетъ въ насъ и въ другихъ намъ подобныхъ. Изъ этого ясно, что этика есть наука эмпирическая, добро есть нѣчто существую-

щее, исторически образовавшееся и стремящееся къ осуществленію идеальныхъ цѣлей. На вопросъ, *откуда* явилось доброе начало въ человѣкѣ, мы можемъ отвѣтить лишь гипотезами, построенными на основаніи тщательныхъ *психологическихъ* изслѣдованій. На вопросъ же, куда направленъ путь всего человѣчества и каждаго человѣка въ отдѣльности съ его стремленіемъ къ добру или ко злу?—прогрессъ или регрессъ, оптимизмъ или пессимизмъ?—наши историческія познанія отвѣтить не могутъ; мы можемъ отвѣтить лишь религіознымъ вѣрованіемъ, или метафизической спекуляціей. Такимъ образомъ, этика построена на психологическихъ основахъ и кончается или религіозной вѣрой, или же метафизикой, переходящей за предѣлы всякаго опыта.

Авторъ, согласно понимаемой имъ задачѣ этики, послѣдовательно разсматриваетъ вопросы «о происхожденіи нравственности» изъ обычая, о «долгѣ и добродѣтели», о «высшемъ благѣ».

Подъ высшимъ благомъ, по его мнѣнію, слѣдуетъ понимать совокупность всѣхъ тѣхъ общественныхъ благъ, кои связаны съ высшими и лучшими въ насъ стремленіями. Иначе формулируя, подъ высшимъ благомъ авторъ разумѣетъ «*всеобщее благополучіе*». Всеобщее благополучіе постоянно требуетъ отъ каждаго изъ насъ жертвъ, отреченія отъ своего личнаго счастья и благополучія. Въ этомъ заключается внутреннее противорѣчіе въ понятіи высшаго блага, то вѣчное противорѣчіе между отдѣльнымъ индивидумомъ и цѣлымъ міромъ, между *нравственностью* и *счастьемъ*, которое приводитъ насъ къ вопросу, становится ли человѣчество подъ вліяніемъ прогрессирующей культуры нравственнѣе и счастливѣе? Циглеръ находитъ, что на этотъ вопросъ нельзя отвѣтить, потому что онъ ставится неправильно. Намъ не слѣдовало бы спрашивать, каковъ ходъ человѣческаго развитія, ибо этого мы не можемъ знать, такъ какъ онъ еще не законченъ, и мы никогда не въ состояніи обозрѣть его во всей цѣлости, потому что начало его скрыто отъ нашего историческаго познанія. Вопросъ нашъ долженъ состоять не въ томъ, каковъ этотъ процессъ, но мы должны и можемъ спросить, каковъ онъ *долженъ быть*. Но, при такой постановкѣ вопроса, кто можетъ согласиться съ мыслью, что *все духовное и нравственное содержаніе жизни человечества ничтожно*? Конечно, доказать или *знать* это невозможно, но мы должны *вѣрить*, что все въ мірѣ идетъ впередъ, и что существуетъ вѣчто такое, какъ нравственный порядокъ вещей, по которому зло, какъ эгоистичное и самоизолирующееся, слабо и безсильно и носить въ себѣ самогъ зародышъ собственнаго уничтоженія, добро же, напротивъ того, есть здоровое и сильное, оказывающееся въ борьбѣ за существованіе болѣе устойчивымъ, и ему поэтому принадлежитъ побѣда. Только, одушевленные этой вѣрой, можемъ мы посвятить всѣ свои силы служенію добру, можемъ твердо и радостно исполнять свои обязанности, и, гдѣ нужно, приносить жертвы для всѣхъ и на пользу высшаго блага.

Такъ краткій пересказъ содержанія книжки Циглера, которую мы рекомендуемъ всѣмъ интересующимся вопросами мораль-

ной философіи. Книжка написана доступно, и переводъ вполне удовлетворителенъ.

СОЦИОЛОГІЯ.

Л. Гумпловичъ. «Соціологія и политика». — П. Лакомбъ. «Соціологическія основы исторіи».

Людвигъ Гумпловичъ. Соціологія и политика. Перев. съ нѣмец. Спб. Прокоповича, изд. В. Бончъ-Бруевича. М. 1895 г. Ц. 50 коп. Настоящій трудъ грацкаго профессора Л. Гумпловича представляетъ въ нѣсколько распространенномъ и переработанномъ видѣ его лекцію «О сущности соціологіи», читанную имъ въ Дрезденѣ 11 окт. 1890 г. Въ этой работѣ читатель найдетъ всѣ основныя воззрѣнія этого оригинальнаго писателя, съ бѣльшей подробностью развитыя имъ въ его капитальныхъ сочиненіяхъ: «Grundriss der Sociologie» и «Philosophisches Staatsrecht». Рѣзкая опредѣленность научныхъ взглядовъ Л. Гумпловича создала ему въ Германіи нѣсколько исключительное положеніе. Въ странѣ, выдающейся обширностью литературы государственнаго права, Л. Гумпловичъ выступилъ съ убѣжденіемъ, что не только ученіе объ обществѣ не составляетъ подчиненной отрасли общаго ученія о государствѣ, но что, наоборотъ, ученіе о государствѣ является нераздѣльною, постоянною частью соціологіи. Оттолкнувъ отъ себя государствовѣдovъ-юристовъ, Гумпловичъ занялъ особое мѣсто и среди соціологовъ. Обладая умомъ точнымъ и послѣдовательнымъ, онъ явился непримиримымъ противникомъ той неопредѣленности понятій и произвольнаго употребленія терминовъ, благодаря которымъ обширная область явленій общественной и государственной жизни стала достояніемъ цѣлаго ряда самыхъ разнообразныхъ наукъ: исторіи, философіи исторіи, исторіи культуры, соціологіи, философіи права и пр., нерѣдко совпадающихъ въ отдѣльныхъ сочиненіяхъ, какъ по своимъ задачамъ, такъ и по приемамъ изученія, и, во всякомъ случаѣ, существующихъ рядомъ безъ строгаго разграниченія сферы, подлежащей изученію каждой изъ этихъ специальныхъ наукъ. Л. Гумпловичъ смѣло бросается въ самую глубину тѣхъ противорѣчій, путаницы и неясностей, которыя царятъ въ наукѣ объ обществѣ и государствѣ, беспощадно разоблачаетъ многіе, глубоко вкоренившіеся научные предразсудки и банальности, и съ рѣдкимъ полемическимъ талантомъ отражаетъ возраженія своихъ многочисленныхъ противниковъ.

Прежде всего онъ устанавливаетъ твердо права соціологіи на самостоятельное, независимое отъ прочихъ наукъ, существованіе, что въ Германіи далеко не столь неоспоримо, какъ въ Англии или Франціи. Это право соціологія, какъ и всякая другая наука, можетъ получить, по его мнѣнію, лишь тогда, когда будетъ доказано, что она изучаетъ предметъ, не входящій въ сферу изученія другихъ соприкасающихся съ нею наукъ, или же, если и разсматриваетъ уже извѣстный, изслѣдуемый другими науками,

предметъ, то съ новой, еще не примѣненной точки зрѣнія. И Гумпловичъ находитъ, что социологія удовлетворяетъ обоимъ этимъ требованіямъ, разъ она опредѣлитъ свою задачу и методъ такъ, какъ онъ это понимаетъ. А именно, предметомъ социологіи можетъ быть только система движеній социальныхъ группъ, совершающихся по столь же строгимъ и неизмѣннымъ законамъ, какъ движенія небесныхъ свѣтилъ. Методъ социологіи — наблюденіе фактовъ и нахожденіе общихъ законовъ, по которымъ совершается это движеніе социальныхъ группъ, — историческій процессъ, что возможно лишь при полномъ исключеніи личной воли и нравственной оцѣнки изъ разсмотрѣнія общественныхъ событій.

Подобное опредѣленіе предмета и пріемовъ социологіи сразу выдѣляетъ ее, въ глазахъ Л. Гумпловича, изъ ряда прочихъ соприкасающихся съ нею наукъ. Прежде всего опредѣляется ея отношеніе къ *исторіи*, которая, къ тому же, отнюдь не представляетъ науки. Тогда какъ всякая наука имѣетъ цѣлью раскрыть общіе законы, исторія имѣетъ своею цѣлью «живое представленіе событий», художественное воспроизведеніе политической жизни, и тѣмъ самымъ отходитъ въ область искусства (стр. 33). Это не только не лишаетъ ее права на существованіе, но и нисколько не унижаетъ ее. Являясь всегда «болѣе или менѣе поэтическимъ разсказомъ о дѣяніяхъ человѣческихъ въ области государственной жизни», она черпаетъ свое право существованія «въ той вѣчной потребности человѣческаго духа, которая питаетъ также поэзію» (22 стр.). Вѣдь, даже, такъ называемая «прагматическая» исторія, когда ищетъ причины историческихъ событій, въ концѣ концовъ, находитъ ихъ въ волѣ дѣйствующихъ историческихъ лицъ. Между тѣмъ, воля и духовныя свойства личностей вовсе не условія историческихъ дѣяній и не первопричина событій, какъ то любятъ изображать историки: скорѣе на долю историческихъ личностей на всемъ протяженіи исторіи выпадаетъ подчиненная роль, такъ какъ не они опредѣляютъ стремленія и дѣйствія социальныхъ группъ, а, наоборотъ, поведение личности опредѣляется ея социальнымъ положеніемъ. Исторія же, не будучи въ состояніи отрѣшиться отъ идеи руководящей роли личности, благодаря тому, лишается единственно научной точки зрѣнія при разсмотрѣніи хода вещей, но за то удовлетворяетъ глубоко коренящемуся въ человечествѣ культу личности. Но установленное такимъ образомъ строгое разграниченіе исторіи и социологіи не устраняетъ сомнѣнія, — не можетъ ли сдѣлать излишнею социологію — *философія исторіи*, имѣющая притязаніе возноситься надъ отдѣльными конкретными явленіями исторіи? Л. Гумпловичъ отвѣчаетъ и на этотъ вопросъ отрицательно. Каждая философія исторіи непремѣнно ставитъ себѣ задачею отвѣтить на вопросы: откуда? и куда? относительно всего человечества. Но, во-первыхъ, она, тѣмъ самымъ предполагаетъ одно понятіе апіорно даннымъ, именно понятіе «человѣчества» какъ цѣлаго, тогда какъ отнюдь не изслѣдованы еще отдѣльныя общественныя явленія, слагающія это понятіе; во-вторыхъ, приписывая этой неизвѣстной ей величинѣ «человѣчеству» планомѣрный и прогрессивный ходъ развитія, она припи-

сываетъ себѣ знаніе общаго плана мірозданія, что, очевидно, невозможно, пока не закончился историческій процессъ. «Развѣ возможно, напримѣръ, опредѣлить планъ обширнаго зданія, когда видѣнъ лишь уголокъ плана или одно только колѣно? И кто можетъ сказать, что мы знаемъ болѣе о ходѣ исторіи» (13 стр.)?

Исторія культуры еще менѣе исторіи можетъ претендовать на замѣщеніе социологіи уже по одному тому, что предметомъ своего изученія она имѣетъ, собственно говоря, не общество, а произведенія человѣческаго общества. Такъ какъ подъ собирательнымъ именемъ культуры разумѣются различнѣйшія стороны человѣческой жизни и проявленія человѣческой мысли: литература, наука, искусство, культъ, а также промышленность, торговля, орудія, домашній комфортъ и пр., то каждая изъ нихъ дѣлаетъ возможнымъ отдѣльное описаніе или всѣ они одно общее, но такъ или иначе предметъ науки, вѣдающей эти явленія, не имѣетъ ничего общаго съ социологіей. Такъ же мало общаго имѣетъ послѣдняя съ *философією права*, истиннымъ предметомъ которой является право—какъ самостоятельное, социально-психическое явленіе, подобное языку, религіи, искусству и т. д. Социологія же должна изслѣдовать общественныя явленія во всемъ ихъ объемѣ и дать, такимъ образомъ, всѣмъ этимъ общественнымъ наукамъ, включая и философію права, настоящую почву и основаніе.

Но говоря объ «обществѣ», съ которымъ имѣетъ дѣло социологія, мы имѣемъ въ виду отнюдь не индивидуальное понятіе, совпадающее въ концѣ концовъ съ еще менѣе опредѣленнымъ понятіемъ человѣчества. Социологія имѣетъ въ виду родовое понятіе «общества». Есть также много обществъ, иначе говоря, социальныхъ группъ, какъ есть много людей (?), и, по объединеніи ихъ общихъ признаковъ, по исключеніи ихъ особенностей, возникаетъ родовое понятіе «общество». Если считать общество «родовымъ понятіемъ», то задача той науки, которая дѣлаетъ предметомъ своихъ изслѣдованій «общество», состоитъ въ изслѣдованіи и научной обработкѣ какъ общаго, такъ и особенностей всѣхъ въ этомъ родѣ существующихъ индивидуальностей.

Ни одна наука, по мнѣнію Л. Гумпловича, не сдѣлала этого до сихъ поръ. «Ни одна наука не задавалась до сихъ поръ вопросомъ, какіе различные виды и индивидуальныя формы общества существуютъ въ человѣческомъ мірѣ? Что такое кланы, племена, сословія и классы, что такое народы, націи? Какія существуютъ другія социальныя подраздѣленія? Что такое сущность этихъ обществъ, ихъ видовъ и индивидуальностей? Какъ относятся они другъ къ другу? Какъ воздѣйствуютъ они на своихъ сочленовъ и собратьевъ? Какъ возникаютъ они, какъ развиваются? Вѣчны ли они, или могутъ погибнуть? И какіе законы управляютъ ихъ возникновеніемъ и гибелью?» (стр. 49).

Л. Гумпловичъ не только ставитъ вопросы, но и пытается ихъ разрѣшить. Здѣсь къ основной идеѣ Конта о закономерности явленій общественныхъ присоединяется вліяніе теоріи Дарвина о борьбѣ за существованіе въ примѣненіи къ процессу социаль-

наго развитія. Но борьба эта, совершающаяся подъ вліяніемъ высшаго закона—закона самосохраненія,—ведется не между отдѣльными индивидуумами (которые могутъ и отступать, повидимому, изъ подъ власти этого закона, увлекаемыя стремленіями общественнаго характера), а между социальными группами. Простѣйшею схемою историческаго процесса будетъ столкновение двухъ разнородныхъ группъ, изъ которыхъ каждая стремится или поглотить другую, или извлечь возможно больше для себя выгодъ изъ другой. Этимъ путемъ и въ силу этихъ причинъ исторія человечества всегда и вездѣ переходитъ отъ борьбы множества мелкихъ группъ къ образованію большихъ, путемъ порабощенія сильнѣйшими слабѣйшихъ. Высшей ступенью этого естественно-необходимаго процесса является происхожденіе государства. Какъ группы, заключающіяся внутри государства, такъ и государства между собою реагируютъ другъ на друга, въ результатѣ чего получается, съ одной стороны, внутренняя исторія государства, съ другой—исторія международныхъ отношеній. Здѣсь мы подошли къ узлу, гдѣ сплетаются социологія и политика и сплетаются, по воззрѣніямъ Л. Гумпловича, настолько тѣсно, что ученіе о государствѣ является нераздѣльною, постоянною частью социологіи (стр. 71).

Таковы основныя идеи Гумпловича, которыя раздѣляетъ съ нимъ въ Германіи изъ болѣе или менѣе выдающихся ученыхъ развѣ только одинъ Зиммель. Тѣсныя и строго ограниченныя рамки, поставленныя имъ для науки социологіи, врядъ ли выдержатъ дальнѣйшій ростъ этой еще только слагающейся, но много обѣщающей отрасли познанія; однако, нельзя не отдать должнаго тому критическому таланту, съ которымъ Гумпловичъ борется противъ столь часто встрѣчающагося въ нѣмецкой наукѣ обыкновенія оперировать надъ понятіями безъ всякаго опредѣленнаго содержанія, противъ исключительныхъ притязаній однихъ наукъ и широкой расплывчатости другихъ.

П. Лакомбъ. Соціологическія основы исторіи. Перев. съ фр. подъ ред. Р. П. Сементковскаго. Изд. Ф. Павленкова. Спб. 1895 г. Ц. 1 р. 50 коп. Какую цѣль имѣлъ авторъ разсматриваемой нами книги? Онъ самъ отвѣчаетъ на это слѣдующимъ образомъ: «Во-первыхъ, я хочу показать, что исторія можетъ быть построена на научной почвѣ, и, во-вторыхъ, мнѣ хотѣлось бы выяснитъ, что этого удастся достигнуть только въ томъ случаѣ, если произойдетъ строгій выборъ матеріаловъ съ устраненіемъ всего излишняго, если ученые будутъ по преимуществу пользоваться извѣстными методами и признавать неудовлетворительными другіе, имѣющіе выиѣ нлиболѣе сторонниковъ». Посмотримъ, выполнилъ ли авторъ свое намѣреніе и какъ онъ его выполняетъ.

Авторъ отнюдь не такъ щепетилень въ опредѣленіи интересующей его отрасли знанія, какъ только что упомянутый нами Л. Гумпловичъ. Онъ былъ бы не прочь «вездѣ замѣнить названіе исторіи названіемъ социологіи, тѣмъ болѣе, что это послѣднее названіе входитъ теперь въ общее употребленіе», и если не дѣлаетъ этого, то лишь затѣмъ, чтобы не лишиться черезъ то вни-

*

манія и сочувствія лицъ, посвящающихъ себя изученію исторіи въ общепринятомъ смыслѣ этого слова. Съ другой стороны, по его мнѣнію, «хотя на первый взглядъ между философіею исторіи и соціологіею существуетъ большая разница, но на самомъ дѣлѣ она совершенно поверхностна. Монтескье—авторъ «Духа законовъ»—и Спенсеръ сходятся въ основной точкѣ зрѣнія». Последнее замѣчаніе П. Лакомбъ считаетъ вполне достаточнымъ, чтобы покончить разъ навсегда съ вопросомъ о различіи философіи исторіи и соціологіи.

Такъ наз. историческая эрудиція доставляетъ намъ обширное собраніе самыхъ разнородныхъ фактовъ изъ прошлаго человѣчества. Этими фактами можетъ пользоваться исторія, какъ искусство, и исторія, какъ наука. Подъ именемъ первой Лакомбъ понимаетъ то, что для Гумпловича представляетъ вся исторія, причемъ и аргументація его, когда онъ доказываетъ, что подобная исторія не есть наука, очень близка къ той, которую употребляетъ Гумпловичъ: «Искусство и наука преслѣдуютъ совершенно различныя цѣли. Историческій герой представляетъ собою благодарную задачу для искусства, но для исторіи онъ является препятствіемъ и подводнымъ камнемъ». Въ томъ обширномъ и разнообразномъ матеріалѣ, который даетъ намъ прошлая жизнь человѣчества, наряду съ элементами, поддающимися научному познанію, существуютъ элементы, неподдающіеся ему. Научное познаніе или просто наука можетъ имѣть дѣло только съ такими явленіями, между которыми можетъ быть установлено постоянное сходство, однообразіе, способное сдѣлаться предметомъ общаго положенія. Ясно, что множество фактовъ, которые обыкновенно включаются въ исторію, не могутъ быть названы научными. Отдѣльныя событія, факты, битвы, измѣны, интриги, подвиги и пр. — все это единичныя явленія, съ которыми нечего дѣлать исторіи, какъ наукѣ. Въ дѣйствіи отдѣльныхъ личностей, выступающихъ въ исторіи, мы должны отмѣтить дѣйствія ихъ, какъ людей вообще, лицъ давной эпохи и мѣста, и, наконецъ, дѣйствія, вытекающія изъ ихъ индивидуальной неповторяющейся природы. Но индивидуальное не можетъ быть причиной, въ научномъ смыслѣ слова, и поэтому человѣкъ можетъ быть причиной въ исторіи только какъ человѣкъ вообще или человѣкъ временный. Таковымъ является онъ въ дѣйствіяхъ, совершаемыхъ сообща и однообразно болѣе или менѣе значительнымъ числомъ людей. Совокупность такого рода дѣйствій составляетъ то, что можетъ быть названо *установленіемъ*. Вотъ только съ установленіями—то и можетъ имѣть дѣло наука, а также съ событіями, по скольку они обусловили собою возникновеніе какого-либо новаго установленія, или же по скольку они, будучи дѣломъ человѣка даннаго времени, обнаруживаютъ значеніе и силу господствующихъ установленій. Однако, авторъ не даетъ намъ никакого руководства для того, чтобы мы могли безошибочно различить, когда человѣкъ дѣйствуетъ, какъ человѣкъ своей эпохи, и когда онъ выходитъ изъ подъ ея вліянія.

Что же такое установленія, съ которыми предлагается имѣть дѣло наукѣ? Авторъ, какъ и въ другихъ случаяхъ, не считаетъ

нужнымъ стѣснять себя рамками строгихъ опредѣленій. Въ одномъ мѣстѣ онъ говоритъ такъ: «мы совершенно согласны, что установленія или толпа, или среда, *что одно и то же*, играютъ большую роль въ исторіи» (22 стр.). Въ другомъ случаѣ онъ опредѣляетъ установленіе, какъ «средство къ достиженію общей цѣли, обыкновенно употребляемое болѣе или менѣе многочисленною группою людей» (217). При такой неясности общихъ опредѣленій, посмотримъ, что въ болѣе конкретномъ видѣ выступаетъ у автора въ качествѣ установленій. Человѣческія дѣйствія обуславливаются мотивами, вытекающими изъ потребностей. Но въ исторіи дѣйствуютъ не біологическія потребности, а психологическія, не реальныя біологическія силы, а сознанныя стремленія. Группируя эти стремленія или мотивы, дѣйствующія на людей, авторъ различаетъ мотивы экономической, половой, симпатической, мотивъ чести, художественный, научный, дѣйствующіе съ большей или меньшей настоятельностью. Эти-то психическія силы связываютъ дѣйствія людей въ сходныя группы и даютъ, такимъ образомъ, происхождение установленіямъ, которыя авторъ и перечисляетъ въ главѣ VI. Это—установленія экономическія, семейственныя, классовыя, свѣтскія (!), политическія, художественныя и литературныя, научныя, религіозныя. «Такія установленія, какъ правительство, административный строй, армія, бѣлое духовенство, судебное вѣдомство, монашескіе ордена, являются словно машинами, захватывающими человѣка и превращающими его въ зубчатое колесо» (202 стр.). Изъ этихъ словъ автора вы, можетъ быть, заключите, что онъ, какъ и Гумпловичъ, считаетъ роль личности въ исторіи ничтожной и подчиненной общественнымъ теченіямъ? Напрасно. Авторъ не только утверждаетъ, что каждый историческій дѣятель вноситъ въ исполненіе своей роли нѣчто особенное, лично ему свойственное, онъ допускаетъ выраженія, подобныя слѣдующему: «отъ исключительныхъ натуръ исходятъ всякаго рода перемѣны» (стр. 90).

Впрочемъ, отмѣченное нами противорѣчіе далеко не единственное въ книгѣ П. Лакомба. Значеніе, которое придаетъ онъ экономическому мотиву передъ прочими, соображенія, которыя высказываетъ онъ о роли экономическихъ установленій, о вліяніи богатства, давали поводъ отнести П. Лакомба къ сторонникамъ теоріи экономического матеріализма въ исторіи. Авторъ, категорически заявляющій, что «экономическій мотивъ сильно преобладаетъ (въ исторіи) надъ всѣми остальными» (стр. 320), повидимому, даетъ къ тому достаточное основаніе. Но все это одно недоразумѣніе. Рядомъ съ подобными утвержденіями авторъ не останавливается передъ положеніями, не имѣющими ничего общаго съ идеями экономического матеріализма. «Какъ ни сильны экономическіе интересы, потребность заручиться уваженіемъ другихъ людей успѣшно имъ противодѣйствуетъ и даже часто ихъ побѣждаетъ» (90). На стр. 97 авторъ утверждаетъ, что «политическія установленія съ точки зрѣнія управляемаго принадлежатъ вначалѣ исключительно къ области экономической, да и впоследствии экономическіе интересы всегда преобладаютъ». Однако, ниже, въ концѣ главы XIII, мы находимъ слѣдующее мнѣніе: «всѣ явленія поли-

тивческой исторіи: войны, договоры, измѣненія въ законодательствѣ и т. п. носятъ чрезвычайно рѣзко выраженный отпечатокъ случайности, измѣняющійся, однако, въ зависимости отъ формы правленія» (стр. 204).

Всѣ эти слишкомъ очевидныя противорѣчія, неопредѣленность понятій, самое широкое злоупотребленіе научными терминами, смѣшеніе совершенно противоположныхъ точекъ зрѣнія, глубокомысленныя, но мало поучительныя соображенія о томъ, «что было бы съ Ньютономъ, если бы его лишили только бумаги и пера, не говоря уже объ инструментахъ, которыми онъ пользовался?» (стр. 185), или «что случилось бы съ человѣкомъ, если бы у него не было рукъ или языка?» (142 стр.), все это заставляетъ насъ усомниться въ научныхъ достоинствахъ сочиненія П. Лакомба и скорѣе отнести его въ разрядъ неудачныхъ популяризацій соціологическихъ идей, чѣмъ къ оригинальнымъ работамъ въ этой области.

ИСТОРИЯ ВСЕОБЩАЯ.

Зенченко. «Учебникъ древней исторіи». — *Д. фонъ - Фрикенъ*. «Итальянское искусство эпохи возрожденія». — *М. С. Корелинъ*. «Паденіе античнаго міросоверданія».

Зенченко: Учебникъ древней исторіи. Выпускъ I. Востокъ и Греція. М. 1895. Стр. 174—118. Ц. 75 н. Въ послѣднее время у насъ развилась страсть составлять школьные учебники «примѣнительно къ программамъ»: учителямъ и Богъ велѣлъ дѣлать это, когда съ «реформы» 1884 г., и университетскіе профессора начали запружать книжный рынокъ «конспектами» своихъ лекцій, имѣющими видъ экзаменаціонныхъ программъ. Что касается исторіи, цѣль помянутыхъ учебниковъ—соперничать между собой въ краткости: авторы напоминаютъ тѣхъ американскихъ обыводовъ, которые старались перещегоолять другъ друга, доводя головы своихъ овецъ до шипшута. Среди проистекающей отсюда педагогической пустыни, естественно жаждешь, какъ оазиса, увидѣть учебникъ, авторъ котораго обваруживалъ бы сколько-нибудь своеобразности, свободы отъ программнаго рутинерства.

Такимъ оазисомъ оказалась намъ, съ перваго взгляда, книга г. Зенченка. Въ концѣ ея—небывалыя таблицы для объясненія реформъ Солона и даже греческой культуры, а также отрывки изъ греческихъ поэтовъ; въ началѣ—предисловіе, съ желаніемъ сказать что-то свое; наконецъ, во введеніи,—первобытный чловѣкъ. Но при ближайшемъ разсмотрѣніи книги вышло не совсѣмъ то, что казалось.

«Преподаватель института», г. Зенченко наираетъ на пресловутый учительскій «опытъ», который такъ легко, при недосмотрѣ, ведетъ къ педагогической схоластикѣ. Онъ, какъ записной педагогъ, видитъ въ классѣ особый мірокъ, живущій и даже говорящій не такъ, какъ остальные смертныя: его учебникъ, «есть результатъ цѣлаго ряда наблюденій, замѣтокъ и опытовъ»; даже

онъ отчасти «былъ диктованъ въ классѣ и поправленъ, сообразно съ отвѣтами ученицъ и учениковъ». Забывая, что древнюю исторію изучаютъ дѣти «конца вѣка» не моложе 14 лѣтъ, авторъ не только объясняетъ имъ то, что было извѣстно и въ тѣ времена, когда не существовало газетъ, но обращаетъ особенное вниманіе на «языкъ», который, конечно, во всякомъ міркѣ имѣетъ видъ жаргона. Упрекая проф. Виноградова (учебникъ котораго, впрочемъ, послужилъ «поводомъ» къ составленію разбираемой книги) въ «слишкомъ серьезномъ изложеніи», г. Зенченко рѣшительно требуетъ отъ учебника такого языка, который былъ бы «сроденъ дѣтскому мышленію», т. е. состоялъ бы «или изъ главныхъ предложей, или же изъ главныхъ съ однимъ и, много, двумя придаточными». Такъ и видно, что мы имѣемъ дѣло не съ историкомъ только: г. Зенченко считаетъ счастливымъ обстоятельствомъ то, что онъ «давалъ уроки русскаго языка именно въ тѣхъ классахъ, гдѣ по программѣ назначено проходить древнюю исторію». Въ силу этого, онъ «имѣлъ случаи ознакомиться съ способомъ изложенія мыслей дѣтьми». Какъ извѣстно, именно въ наши дни этотъ способъ оказывается плачевнымъ. И какимъ это способомъ будетъ писать авторъ новую исторію, которую проходить уже не дѣти?

Этотъ способъ сказывается вездѣ у автора, но особенно ясно во введеніи, посвященномъ такой симпатичной темѣ, какъ первобытный человекъ. Здѣсь почти половина изложенія пошла на дѣтское описаніе современнаго быта: теперь-де «люди живутъ въ очень удобныхъ *помѣщеніяхъ* (жирный шрифтъ), которыя большею частью состоятъ изъ нѣсколькихъ комнатъ; каждая комната имѣетъ свое особое назначеніе: столовая, спальня, классная, гостиная и т. п.»; въ вагонахъ можно «ѣсть, пить, спать въ определенное время и даже заниматься: читать и писать»; есть «*почтовые вагоны* (жирный шрифтъ), куда опускаютъ письма» и т. д. Книга изобилуетъ такими примѣчаніями: «1 версту можно пройти обыкновеннымъ шагомъ въ 10—15 минутъ»; «архитектура есть искусство строить зданія», «русское слово *азбука* происходитъ отъ славянскаго названія двухъ первыхъ буквъ *азъ, буки*» и т. п.*). Подобныя свѣдѣнія авторъ, очевидно, относитъ къ числу «подробностей», которыя онъ, «на основаніи опыта», считаетъ полезными.

Г. Зенченко справедливо протестуетъ въ предисловіи противъ «пустыхъ фразъ», относя къ нимъ все, что говорится объ искусствѣ и географіи безъ рисунковъ и картъ; а въ текстѣ, лишенномъ тѣхъ и другихъ, поступаетъ наоборотъ. Желая въ предисловіи сдѣлать какую-то новую постановку учебника исторіи, онъ ведетъ текстъ обычнымъ путемъ и даже прибѣгаетъ къ такой рутинѣ, какъ мелкій шрифтъ для (вѣроятно, излишнихъ) подробностей, вопросники и «содержаніе» при каждомъ отдѣлѣ,

*) Любопытно, что рядомъ встрѣчаются примѣчанія, годныя для ученой диссертациі: напримѣръ, перечисленіе всѣхъ мѣстъ у Гомера о разныхъ сторонахъ жизни грековъ.

которое есть ничто иное, какъ «конспектъ», весьма напоминающій простое оглавленіе. Таблица развитія греческой культуры—также одинъ изъ избитыхъ кувшюковъ мнемоники. Тѣмъ же противорѣчіемъ, насколько можно понять, страдаетъ самый взглядъ г. Зенченко на исторію. Иногда кажется, что тутъ эволюціонная теорія, уже проникшая въ наши учебники въ послѣднее время (I и II); а рядомъ такая фраза «послѣ обстоятельнаго изученія исторіи Востока и Греціи, учащіеся усвоятъ себѣ (благодаря вопросникамъ) историко-культурныя понятія».

Если отбросить эти попытки своеобразія и новизны, которыя нельзя не признать неудачными, то учебникъ г. Зенченко не будетъ лишень своего значенія. По содержанію, онъ именно не щеголяетъ новизной: онъ не обнаруживаетъ знакомства автора не только съ послѣдними, иногда крайне важными и любопытными, пріобрѣтеніями науки, но и съ новѣйшими лучшими учебниками. По изложенію, онъ именно не пролагаетъ никакихъ путей въ педагогию. Но зато его языкъ (тамъ, гдѣ онъ забываетъ про «дѣтей») простъ и легокъ; встрѣчаются занимательныя подробности; обращено вниманіе на объясненіе терминовъ, особенно ставшихъ достояніемъ всего человѣчества. Въ особенности симпатично всюду выдержанное намѣреніе автора выдвинуть *культурную*, бытовую сторону жизни древняго міра. Эти страницы (а ихъ много) прочтутся съ пользой и даже съ удовольствіемъ, хотя не «дѣтьми». Приложение отрывковъ и пересказовъ изъ греческихъ поэтовъ—также полезное чтеніе, которое можетъ оживить прохожденіе учебника. Только мы посовѣтовали бы выбросить цѣлыхъ 48 страницъ изложенія Иліады и Одесsey: оно не представляетъ ничего особеннаго, а предметъ слишкомъ избитъ, чтобы бесполезно возвышать цѣну книги.

А. фонъ-Фрикенъ. Итальянское искусство въ эпоху Возрожденія. Москва. 1895. Часть I и II. Настоящій трудъ Фрикена примыкаетъ къ другой работѣ того же автора, — о римскихъ катакомбахъ и памятникахъ первоначальнаго христіанскаго искусства, — изданной г. Солдатенковымъ, въ 4-хъ частяхъ, въ 1872—1877 гг. «Катакомбы» написаны съ большимъ знаніемъ дѣла, а главное—съ любовью къ нему и съ широкимъ взглядомъ развитого человѣка. Въ нихъ, между прочимъ, не упущено ничего изъ работъ русскихъ ученыхъ; и самая книга посвящена памяти В. П. Боткина.

Г. Фрикенъ смотритъ на искусство съ современной, бытовой точки зрѣнія: его исторія имѣетъ главною цѣлю «разъясненіе, обогащеніе и, при скудости или отсутствіи другихъ источниковъ, созданіе исторіи *нравственнаго и умственнаго развитія* известнаго народа, общества, среды». Особенно интересенъ конецъ «Катакомбъ», гдѣ отчетливо выразилась основная мысль автора, руководящая имъ и въ его новомъ трудѣ. Замѣтивъ, со времени Константина, измѣненіе въ характерѣ религіозныхъ изображеній у первыхъ христіанъ, г. Фрикенъ выводитъ его коренную причину. Это—вліяніе Востока, создавшее византійскій стиль и возобладавшее съ перенесеніемъ столицы изъ Рима въ Константинополь. Мысль глубокая и вѣрная; жаль только, что авторъ суживаетъ ее пристрастіемъ къ теоріи семитства и ариѣства. Самъ г. Фрикенъ косвенно воз-

ражаетъ противъ устарѣлыхъ расовыхъ теорій, объясняя расовыя различія по Боклю. А главное, онъ не можетъ указать слѣдовъ византизма у первыхъ христіанъ Востока и, говоря о послѣднихъ, принужденъ смѣшивать семитовъ съ арійцами. Ему еще труднѣе было поддерживать расовую теорію въ объясненіи дальнѣйшей исторіи искусства: выходило такъ, что Возрожденіе—арійство, а католическая реакція съ иезуитствомъ—семитство!

Этотъ же недостатокъ еще очевиднѣе проходитъ по всему новому сочиненію г. Фрикена (стр. 83—84, 230 и др.). Но въ остальномъ это — одна изъ лучшихъ исторій искусства Возрожденія. Изложеніе — простое, ясное и чрезвычайно обстоятельное: упоминаются самые мелкіе художники, которыхъ не встрѣтишь въ объемистыхъ учебникахъ Куглера или Любке. Часто мелочное изслѣдованіе оживляется личными наблюденіями автора и его любовью къ предмету. Весьма занимательно и умно написаны общіе очерки эпохъ и исторической среды, причѣмъ авторъ пользовался лучшими сочиненіями по этой части: обращаемъ вниманіе читателя особенно на описаніе состоянія Венеціи, Флоренціи и Италіи вообще (II, 154, 191, 298—313). Взгляды у г. Фрикена вездѣ современные, не связанные никакими предвзятыми пристрастіями и страхами.

Слѣдующая, третья, часть новаго сочиненія г. Фрикена будетъ посвящена такимъ великанамъ искусства, какъ Рафаэль, Тиціанъ, Леонардо да-Винчи и т. под. Ожидаемъ ее съ нетерпѣніемъ, тѣмъ болѣе, что намъ предстоитъ поучительное сравненіе: съ прошлаго года въ Парижѣ издается роскошная исторія искусства Возрожденія такого знатока дѣла, какъ Мюнцъ *) (*Histoire de l'art pendant la Renaissance*).

М. С. Корелинъ. Паденіе античнаго міросозерцанія (культурный кризисъ въ Римской имперіи). Изд. О. Н. Поповой. Культурно-историч. библ. № 2. 1895 г. Ц. 75 к. Лекціи, читанныя авторомъ въ Московскомъ политехническомъ музеѣ въ 1891—1892 гг., составили настоящую книгу, которая въ легкой и общедоступной формѣ знакомитъ читателя съ культурнымъ кризисомъ, пережитымъ Римской имперіей въ первые вѣка нашей эры. Авторъ ограничиваетъ свою задачу только идейной борьбой христіанства и древняго міросозерцанія, оставляя въ сторонѣ социальныя, политическія и экономическія условія, при которыхъ шла эта борьба и которыя склонили побѣду на сторону христіанства. Цѣль его — «показать безсиліе языческой реформы и выяснить причины побѣды новой религии, поскольку онѣ заключались въ психическихъ условіяхъ эпохи». Въ предѣлахъ этой задачи книга г. Корелина даетъ нѣсколько крайне интересныхъ и живыхъ очерковъ, рисующихъ настроеніе высшихъ классовъ римскаго общества, въ которыхъ рѣзче всего проявлялась неудовлетворенность старою религіей и исканіе новыхъ началъ нравственности. Для характеристики этого настроенія авторъ останавливается на личности императора Адриана, котораго онъ считаетъ близко подходящимъ къ тому идеалу со-

*) См. «Обзоръ иностран. литературъ», Франція.

вершеннаго человѣка, какимъ онъ представлялся древнѣйш. Высоко и всесторонне образованный, красивый, здоровый, необыкновенно дѣятельный, смѣлый и предприимчивый, «удачливый» во всѣхъ начинаніяхъ,—этотъ, повидимому, всѣмъ надѣленный для счастья человѣкъ всю жизнь глубоко томился, не находя въ жизни, къ чему «прилѣпиться душой». Словно гонимый духомъ безпокойства, онъ, съ момента вступленія на престолъ, не можетъ найти себѣ мѣста въ своей обширной имперіи, и среди безконечныхъ перебѣдовъ ищетъ то новыхъ неизвѣданныхъ еще наслажденій, то новыхъ боговъ. Онъ признаетъ всѣ религіи, даже христіанскую, «но ни странствованія, ни религіозный синкретизмъ не давали душевнаго мира императору», и въ этомъ отношеніи біографія Адріана чрезвычайно поучительна, показывая, «что одряхлѣвшее язычество не давало своимъ адептамъ необходимыхъ условій ни для счастливой жизни, ни для спокойной смерти». Стремленія замѣнить народную религію философіей потерпѣли полную неудачу. Отъ стоицизма, наиболѣе яркимъ представителемъ котораго явился Маркъ Аврелій, общество перешло къ неоплатонизму. Но какъ первый, при всей возвышенности отдѣльныхъ сторонъ, былъ лишь философіей отчаянія, облегчавшей переходъ къ смерти, такъ второй расплывался въ безплодной символистикѣ, способной вызвать лишь «смѣхъ несказанный», когда неоплатоники пытались истолковать аллегорически народные мѣвы о походженіяхъ боговъ. Не было недостатка и въ попыткахъ создать нѣчто въ родѣ особой, одухотворенной языческой вѣры, въ которой причудливо смѣшивалось старое многобожіе съ христіанскимъ духомъ. Какъ на особенно интересную попытку такого рода, авторъ указываетъ на сочиненіе софиста III-го вѣка Филострата—фантастическую біографію Аполлонія Тіанскаго, которую часто называютъ «языческимъ евангеліемъ» и въ которой «дѣйствительно воплощены всѣ религіозно-нравственные идеалы умирающей религіи». Изложивъ довольно подробно содержаніе этой любопытной и мало извѣстной нашей читающей публикѣ книги, г. Корелинъ дѣлаетъ ей слѣдующую оцѣнку. «Въ религіозной сферѣ біографія тіанскаго мудреца не обнаруживаетъ ни малѣйшихъ слѣдовъ евангельскаго вліянія. Заимствованія изъ Новаго Завѣта ограничиваются моралью. Оттуда взяли Филостратъ привлекательный конкретный образецъ высоконравственной личности, оттуда же почерпнулъ онъ и нравственное ученіе,—и причина этого совершенно понятна. Мы видѣли, что языческая религія не могла дать прочныхъ основъ для нравственнаго ученія, а мораль стоиковъ, эпикурейцевъ и неоплатониковъ не удовлетворяла общество своею эгоистичностью, сухостью и односторонностями. Моральные идеалы переросли религію и развившуюся на языческой почвѣ философскую этику; поэтому искренній язычникъ Филостратъ долженъ былъ обратиться за нравственнымъ ученіемъ къ Евангелію, такъ какъ другихъ источниковъ у него не было. Такимъ образомъ, послѣдній и вѣнчавшій моральный идеалъ заимствованъ язычниками изъ Новаго Завѣта, и книга Филострата показываетъ полную неспособность язычества выйти изъ культурнаго кризиса безъ посторонней помощи».

Очеркъ г. Корелина не претендуетъ на полноту изложенія, оставляя многое незатронутымъ въ отношеніяхъ христіанства къ цивилизаціи древняго міра, но то, что имъ изложено относительно борьбы старой философіи и новой вѣры, полно интереса и можетъ служить введеніемъ къ болѣе полному изученію этой, безспорно, интереснѣйшей и важнѣйшей эпохи, когда-либо пережитой человѣчествомъ.

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЭКОНОМІЯ.

В. Святловскій. «Государственное страхованіе рабочихъ въ Германіи». — И. Х. Озеровъ. «Общества потребителей».

В. Святловскій 2-й. Государственное страхованіе рабочихъ въ Германіи. Историко-статистическій очеркъ. Москва. 1895 г. Ц. 50 к. Кромѣ краткаго, яснаго и отчетливаго изложенія исторіи германскаго законодательства о страхованіи рабочихъ, брошюра г. Святловскаго заключаетъ весьма интересныя данныя о новой формѣ правительственнаго вмѣшательства въ сферу промышленныхъ отношеній, именно о *страхованіи отъ безработицы*.

Несмотря на повсемѣстное сочувствіе, государственное страхованіе отъ безработицы находится еще въ періодъ теоретической разработки и имѣетъ пока самое ограниченное примѣненіе. Впервые подобное учрежденіе открыло свои операціи съ 1892 года въ Бернскомъ кантонѣ. Бернское страховое учрежденіе управляется выборною комиссіею изъ семи членовъ и находится подъ наблюденіемъ общественнаго совѣта.

Эти члены руководятъ всѣмъ дѣломъ; въ ихъ же вѣдѣніи находится и страховая касса, куда поступаютъ взносы отъ рабочихъ, предпринимателей и общины, въ строго опредѣленномъ размѣрѣ. Получить вспомошествованіе при безработицѣ можетъ только тотъ рабочій, который нѣмѣше шесть мѣсяцевъ состоялъ членомъ безработной кассы и, имѣя заработокъ, дѣлалъ правильно свои взносы и находится, по меньшей мѣрѣ, двѣ недѣли безъ работы. Дневное пособіе не превышаетъ одного франка холостому и полуторыхъ—женатому. Потерявшій работу по собственной винѣ пособіемъ не пользуется. Общинный совѣтъ, работодатели и рабочіе союзы организуютъ совмѣстно наблюдательный комитетъ, въ которомъ первый имѣетъ три голоса, вторые и третьи—по два. На обязанности комитета лежитъ забота о пріисканіи нуждающимся работы и изслѣдованіе случаевъ безработицы.

Въ видѣ частнаго института, страхованіе отъ безработицы правильно и успѣшно функционируетъ у «южно-австрійскаго ферейна типографщиковъ и словолитейщиковъ». Взносы рабочихъ, въ виду вообще очень хорошаго матеріальнаго положенія лицъ, занятыхъ въ этой профессіи, весьма значительны, они равняются 4 гульденамъ 20 крэйцерамъ въ недѣлю. Участникъ, внесившій въ теченіе года аккуратно, имѣетъ право на пособіе въ теченіе 12 недѣль по шести гульденовъ въ недѣлю. Кромѣ того, каждый,

вернувшійся съ военной службы получаетъ пособие въ теченіе 42 дней. Изъ числа 1.900 человѣкъ, страховавшихся въ бюро въ 1892 году, безъ работы осталось 247 человѣкъ; они получили въ общей сложности пособие болѣе чѣмъ въ 400 случаяхъ. 154 лицамъ пособие было выдано одинъ разъ, 51—два раза, 24—три раза; 13 человѣкъ испрашивали пособие четыре раза, четверо—пять разъ и, наконецъ, одинъ—шесть разъ въ теченіе года. Всѣхъ дней безработицы было около 9.500. Пособія требовались больше всего гѣтомѣ—въ іюлѣ 84 раза—и постепенно падали къ зимѣ, когда въ январѣ ихъ значилось 24.

Въ Англіи, какъ извѣстно, нѣтъ особой формы страхованія рабочихъ отъ безработицы, тамъ помогать безработнымъ лежитъ на обязанности союзовъ (трэдъ-юніоновъ), которые и выдаютъ пособие всѣмъ, выкинутымъ за бортъ на рынкѣ труда. Союзы различаютъ слѣдующія четыре категоріи безработныхъ. Первая—рабочіе съ узкою, точно опредѣленною спеціальностью, въ данный моментъ временно незанятые. Вторая—такъ-называемые «сезонные рабочіе», не занятые въ данный моментъ, потому что сезонъ еще не наступилъ. Третья категорія обнимаетъ собою тотъ избытокъ рабочихъ рукъ по различнымъ производствамъ, который всегда образуется или отъ пониженія общей производительности (кризисъ), или отъ малаго спроса на рабочія руки въ данный моментъ. Наконецъ, къ четвертой группѣ относятся рабочіе, не имѣющіе никакихъ заработковъ въ силу невозможности удовлетворить требованіямъ выработки, т. е. контингенты, такъ-называемыхъ, «хроническихъ безработныхъ».

Вопросъ о безработицѣ въ Германіи занимаетъ не только рабочихъ, но и все нѣмецкое общество. Общее мнѣніе сводится къ необходимости обстоятельныхъ предварительныхъ изысканій, которыя должны выяснитъ статистику безработныхъ. Въ этомъ же смыслѣ высказался конгрессъ германскихъ социаль-демократовъ, происходившій 22-го октября 1893 года, въ Кельнѣ, подъ предѣтельствомъ Зингера и Фелля.

Общества потребителей. Историческій очеркъ ихъ развитія въ Западной Европѣ, Америкѣ и Россіи и краткое руководство къ основанію и веденію потребительныхъ обществъ, составилъ М. Х. Озеровъ. Подъ редакціей и съ предисловіемъ проф. И. И. Янжула. С.-Петербургъ. 1894 г. 1 р. 50 к. При своемъ возникновеніи, потребительныя общества преслѣдовали одну, довольно узкую, цѣль—доставить своимъ членамъ необходимые предметы потреблевія хорошаго качества по возможно дешевой цѣнѣ. Но мало-по-малу къ этой цѣли присоединились еще и другія, такъ что теперь общества, между прочимъ, преслѣдуютъ слѣдующія задачи: 1) *Сбереженіе*. Отъ торговыхъ операцій потребительныхъ обществъ, какъ извѣстно, образуется прибыль; вмѣсто того, чтобы брать эту прибыль на руки, члены могутъ оставлять ее для дальнѣйшихъ оборотовъ; отсюда чрезъ нѣсколько гѣтъ получаютъ довольно значительныя суммы, сбереженія, столь важныя въ черныя дни. 2) *Образованіе членовъ*. Почти всѣ потребительныя общества Западной Европы и Америки отчисляютъ извѣстный процентъ изъ

чистой прибыли на образовательныя цѣли: общества заводятъ школы для дѣтей членовъ, открываютъ библіотеки и читальни, устраиваютъ лекціи, общія вечеринки, прогулки, театральныя представленія и т. п.; наконецъ, общества учреждаютъ стипендіи, чтобы давать возможность нѣкоторымъ членамъ слушать университетскіе курсы. 3) *Страхованіе членовъ*. Многія общества изъ своихъ дивидендовъ выплачиваютъ страховыя преміи за членовъ; такимъ образомъ членъ, при наступленіи старости, получаетъ ежегодную пенсію, а въ случаѣ смерти его наследникамъ единовременно выдается извѣстная сумма. 4) *Постройка домовъ для членовъ*. Потребительная лавка, располагая большимъ капиталомъ, покупаетъ землю, строитъ дома и затѣмъ продаетъ ихъ членамъ, разсрочивая уплату на болѣе или менѣе продолжительный періодъ времени. Иногда же общества даютъ только ссуду на постройку. Въ Англіи для этой цѣли потребительными обществами затрачено болѣе 10.000.000 руб. 5) *Производительная кооперація*. Потребительныя общества нерѣдко настолько успѣшно ведутъ свои торговыя дѣла, настолько богатѣютъ, что сами получаютъ возможность заниматься производствомъ, образуя, такимъ образомъ, производительную ассоціацію.

Однако, значеніе потребительныхъ обществъ не исчерпывается и этимъ. Они сильно способствуютъ развитію того чувства, которое можно назвать демократическимъ. «Здѣсь лица разныхъ классовъ, сословій, простые рабочіе и первые ученые, епископы, лорды сходятся вмѣстѣ за общимъ дѣломъ, классовая рознь исчезаетъ между ними за общимъ столомъ, и они научаются цѣнить другъ друга и уважать. Это взаимное пониманіе и уваженіе подготавлиетъ почву для мирнаго разрѣшенія социальнаго вопроса: высшіе классы не будутъ индифферентно относиться къ требованіямъ рабочаго класса... 2¹/₂% прибыли, отчисляемые на образовательныя цѣли, служатъ также прекраснымъ орудіемъ для пролома той крѣпкой стѣны, раздѣляющей общественныя классы, которая создалась вѣкамъ».

Все это съ достаточной ясностью показываетъ, насколько важно познакомиться съ вопросомъ о потребительныхъ обществахъ. Въ этомъ случаѣ книга И. Х. Озерова является вполне пригодною для всякаго, интересующагося даннымъ предметомъ. Здѣсь подробно изложено историческое развитіе потребительныхъ обществъ не только въ Западной Европѣ и Сѣверной Америкѣ, но и у насъ въ Россіи; далѣе, въ книгѣ Озерова весьма тщательно описана самая организація такихъ обществъ, приложенъ «Уставъ» и довольно полный указатель литературы предмета. Кромѣ того, въ концѣ книги помѣщена программа вопросовъ для изслѣдованія потребительныхъ обществъ въ Россіи, составленная самимъ И. Х. Озеровымъ.

ЕСТЕСТВОЗНАНІЕ.

Лачиновъ. «Основы метеорологіи».

Лачиновъ. Основы метеорологіи. Второе, вполне передѣланное изданіе съ 234 рис. и 13 раскрашенными картами. С.-Петербургъ. 1895 г. V 563 ст. Изд. Девриена. Ц. 4 руб. До послѣдняго времени не существовало руководства по метеорологіи, которое по полнотѣ и научному характеру соответствовало бы современнымъ требованіямъ. Правда, у насъ есть нѣсколько руководствъ, переводныхъ и оригинальныхъ, по метеорологіи, какъ-то: книга Мона «Основанія метеорологіи», переведенная съ 1-го нѣмецкаго изданія, вышедшаго въ 1875 г.; въ ней прекрасно изложены основанія синоптической метеорологіи или ученія о погодѣ, но весьма недостаточны данныя по климатологіи, что и составляетъ существенный недостатокъ этого сочиненія; къ тому же, оно уже нѣсколько устарѣло. Затѣмъ мы имѣемъ классическій трудъ по климатологіи г. Воейкова «Климаты земного шара», 1884 г.; это первый трудъ по климатологіи, потому что однородное по пѣли сочиненіе Нанп'а «Handbuch der Klimatologie», вышло позднѣе. Трудъ г. Воейкова имѣетъ большое научное значеніе, но, благодаря своему значительному объему, не вполне строго выдержанной системѣ и тяжелому языку, онъ, конечно, не можетъ служить руководствомъ. Это превосходная справочная книга; лучшей характеристикой ея служитъ то, что она тотчасъ же была переведена на нѣмецкій языкъ (уже послѣ выхода въ свѣтъ соч. Нанп'а)—рѣдкій примѣръ для русскихъ ученыхъ трудовъ. Другая книга г. Воейкова «Руководство по метеорологіи» не можетъ пользоваться успѣхомъ, благодаря своей относительной краткости, тяжелому языку и значительному количеству редакціонныхъ ошибокъ.

Вотъ все, что имѣлось по части систематическихъ руководствъ. Мы не упоминаемъ, конечно, о цѣнныхъ трудахъ гг. Вильда, Веселовскаго, Клоссовскаго, Тилло и другихъ русскихъ метеорологовъ, имѣющихъ уже только чисто научное значеніе.

Появленіе второго изданія труда г. Лачинова въ столь короткій, сравнительно, срокъ со времени перваго, вышедшаго въ 1889 г., указываетъ на значительную потребность среди учащихся въ подобномъ трудѣ. Авторъ очень обстоятельно останавливается на всѣхъ метеорологическихъ элементахъ, отводитъ, не вполне, впрочемъ, достаточное, мѣсто климатологіи и синоптической метеорологіи. Во введеніи, послѣ опредѣленія понятій «метеорологія, климатологія, синоптическая метеорологія», авторъ останавливается на обстоятельствахъ, способствовавшихъ громаднѣмъ успѣхамъ синоптической метеорологіи, именно на усовершенствованіи самопишущихъ приборовъ, періодическихъ международныхъ метеорологическихъ конгрессахъ и приспособленіи телеграфной сѣти къ цѣлямъ метеорологіи. Введеніе заканчивается разсмотрѣніемъ организациі русскихъ метеорологическихъ станцій, съ перечисленіемъ станцій перваго разряда и обзоромъ дѣятельности станцій второго и третьяго разрядовъ.

Авторъ начинаетъ съ вида и предѣла земной атмосферы (I гл.), гдѣ приводитъ также нѣсколько способовъ опредѣленія послѣдняго. Ученіе о лучеиспусканіи (актинометріи) (II гл.) изложено съ такою обстоятельностью, какъ ни въ одномъ изъ вышеупомянутыхъ руководствъ, гдѣ объ этомъ важнѣйшемъ метеорологическомъ элементѣ упоминается чрезвычайно поверхностно; здѣсь описаны также почти всѣ существующіе приборы для измѣренія лучеиспусканія. Вообще, къ немаловажнымъ достоинствамъ этого труда принадлежитъ то, что авторъ очень тщательно описываетъ при соответствующихъ отдѣлахъ различные приборы, служащіе для измѣренія всевозможныхъ метеорологическихъ элементовъ, и способы ихъ употребленія; достаточное мѣсто отведено и самопишущимъ приборамъ, которые все болѣе и болѣе распространяются. Этимъ авторъ не мало отличается отъ своихъ предшественниковъ, которые обыкновенно очень поверхностно описывали приборы.

Слѣдующія три главы посвящены температурѣ воздуха, почвы и воды. Въ главѣ о температурѣ воздуха (III гл.) подробно разбираются температурныя данныя, вліяніе различныхъ факторовъ на температуру воздуха, а также приведены климатическія данныя по этому метеорологическому элементу съ приложеніемъ трехъ картъ распредѣленія по землѣ изотермъ и изанемаль. Въ IV гл. разбирается температура почвы и вліяніе на нее такихъ факторовъ, какъ снѣжный покровъ, лѣсъ и т. д. V гл. посвящена температурѣ водъ на земной поверхности и морскимъ теченіямъ съ двумя картами: распредѣленія изотермъ по поверхности моря и морскихъ теченій.

Слѣдующія двѣ главы VI и VII объ атмосферическомъ давленіи (съ приложеніемъ двухъ картъ изобаръ) и о вѣтрахъ. Очень хорошо написана глава о вѣтрахъ; авторъ описываетъ многіе анеометры и анеографы и подробно разбираетъ происхожденіе, классификацію и распредѣленіе вѣтровъ.

VIII глава о влажности. Послѣ изложенія испаренія при различныхъ условіяхъ, авторъ даетъ теорію психрометра; подробно останавливается на гидрометеорахъ и облачности съ двумя картами распредѣленія облачности. Слѣдующая глава посвящена осадкамъ; въ ней даются довольно детальныя данныя относительно количества и распредѣленія осадковъ по земному шару (карта распредѣленія дождей); обращено особое вниманіе на осадки въ Россіи; въ концѣ главы дана небольшая таблица важнѣйшихъ метеорологическихъ элементовъ для нѣкоторыхъ городовъ Россіи.

Глава объ атмосферномъ электричествѣ (X) одна изъ лучшихъ по полнотѣ даваемыхъ свѣдѣній. Послѣ описанія различныхъ электрометровъ и электрографовъ, авторъ останавливается на напряженности электрическаго поля и вліяніи на него различныхъ факторовъ; переходитъ затѣмъ къ грозовымъ явленіямъ и распредѣленію грозъ (приложена карта). Кромѣ того, авторъ даетъ понятіе объ актино-электрическихъ явленіяхъ, которыя имѣютъ непосредственную связь съ метеорологіей и объясняютъ многія явленія, до сихъ поръ недостаточно выясненныя.

Послѣдняя глава посвящена ученію о погодѣ. Авторъ подробно

разбираетъ теорію циклоновъ и антициклоновъ, ихъ пути, скорости и зависимости отъ общаго положенія изобаръ; затѣмъ переходитъ къ описанію бурь, условіямъ ихъ образованія и географическому распредѣленію; заканчивается глава описаніемъ вихрей и смерчей и теоріей ихъ происхожденія.

Въ цѣломъ, книга даетъ въ высокой степени полное и ясное представленіе о предметѣ. Недостаточно, по нашему мнѣнію, разработана только климатическая часть; она безъ ущерба для цѣлости всего могла бы быть болѣе полною. Слѣдовало бы также, ради полноты, упомянуть и объ оптическихъ явленіяхъ въ атмосферѣ, какъ-то: о сѣверномъ сіяніи, цвѣтныхъ кольцахъ вокругъ солнца и луны, о радугѣ, о миражахъ и т. д. Не лишнимъ былъ бы также указатель въ виду довольно значительнаго размѣра труда.

Въ заключеніе нѣсколько словъ о наружности изданія. Книга отпечатана на хорошей бумагѣ, очень четко и чисто; рисунки и карты исполнены вполне удовлетворительно; опечатокъ немного.

Вообще, книга эта не производитъ впечатлѣнія русскаго изданія.

ЭТНОГРАФІЯ И ПУТЕШЕСТВІЯ.

Д. И. Шрейдеръ. «Японія и японцы».

Японія и японцы. Путевые очерки современной Японіи. Д. И. Шрейдера. Съ 145 рис. въ текстѣ. Спб. Изд. А. Ф. Девриена. Ц. 4 р. Около восьмидесяти лѣтъ тому назадъ на русскомъ языкѣ появилась книга, впервые познакомившая русскихъ читателей съ Японіей и японцами. Это были «Записки флота капитана Головинна» *) о двухлѣтнемъ его пребываніи въ плѣну у японцевъ. Не смотря на исключительность условій, въ которыхъ пришлось Головинну наблюдать Японію, его «Записки» поражаютъ и современнаго читателя удивительнымъ проникновеніемъ въ духъ страны, пониманіемъ основныхъ свойствъ народа и мѣстами почти пророческимъ предсказаніемъ о вѣроятной его будущности. «Если надъ симъ многочисленнымъ, умнымъ, тонкимъ, переимчивымъ, терпѣливымъ, трудолюбивымъ и ко всему способнымъ народомъ будетъ царствовать государь, подобный великому нашему Петру, то съ пособіями и сокровищами, которыя Японія имѣетъ въ гѣдрахъ своихъ, онъ приведетъ ее въ состояніе черезъ малое число лѣтъ владычествовать надъ всѣмъ Восточнымъ океаномъ», писалъ Головинъ тогда. Теперь мы присутствуемъ при осуществленіи его предсказанія, и книга г. Шрейдера, «Японія и японцы»,

*) Кстати, «Записки» эти издали редакціей журнала «Сѣверъ» въ видѣ приложенія въ октябрь 1894 г. «Записки» нисколько не потеряли своего интереса и теперь, и мы ихъ рекомендуемъ желающимъ познакомиться съ Японією, какъ одинъ изъ самыхъ вѣрныхъ источниковъ. Написаны онѣ очень живо и въ богатой русско-литературѣ путешествій должны занимать одно изъ почетнѣйшихъ мѣстъ.

подтверждаетъ во всемъ заключенія наблюдательнаго русскаго моряка.

Наши читатели вѣскольکو знакомы съ этимъ авторомъ, такъ какъ въ апрѣльской и майской книгахъ «Міра Вожія» за текущій годъ было помѣщено описаніе его знакомства съ японской семейной обстановкой въ живомъ очеркѣ «Йаматойо и его семья», вошедшемъ и въ настоящую его книгу. Г. Шрейдеръ, на основаніи личныхъ наблюденій, а также историческихъ данныхъ, заимствуемыхъ изъ лучшихъ источниковъ, даетъ въ своей книгѣ широкое описаніе жизни и нравовъ Японіи, останавливаясь на такихъ сторонахъ общественной жизни и частнаго быта страны, которыя обыкновенно лишь вскользь упоминаются путешественниками. Онъ постепенно вводитъ насъ въ мирную обстановку японской семьи, школы, мастерской, знакомитъ попутно съ природой, средствами передвиженія, затѣмъ переходитъ къ жизни общественной, всякій разъ, гдѣ это необходимо, дѣлая историческія справки и поясненія. Благодаря живости описанія, мѣстами почти художественнаго, его книга даетъ цѣльное представленіе о странѣ и о тѣхъ поразительныхъ успѣхахъ по пути прогресса, которые сдѣлали японцы за послѣднюю четверть вѣка. Не довольствуясь личными наблюденіями, авторъ вездѣ старается обосновать свои взгляды цифровыми данными и мнѣніями лицъ, долго жившихъ въ странѣ и хорошо ее знающихъ, что дѣлаетъ книгу г. Шрейдера положительно незамѣнимой для русскихъ читателей, такъ какъ болѣе полного, всесторонняго и такъ хорошо написаннаго сочиненія объ Японіи на русскомъ языкѣ до сихъ не появлялось. Самъ авторъ глубоко симпатизируетъ японцамъ, не скрывая этого, хотя и указываетъ всякій разъ на темныя стороны ихъ быта. Прочитавъ его книгу, вы тоже становитесь горячимъ сторонникомъ этого удивительнаго народа, который былъ совершенно не понятъ Гончаровымъ. Не смотря на свой художественный талантъ, Гончаровъ отнесся къ японцамъ, какъ чиновникъ, и все, что было чуждо его чиновничьей душѣ, представилъ въ карикатурномъ видѣ.

Намъ было бы смѣшно теперь раздѣлять его высокомѣріе по отношенію къ народу, основными свойствами котораго являются «гордость и честь», среди котораго «послѣдній нищій и рабочій держатъ себя съ большимъ достоинствомъ и ревниво оберегаютъ свои человѣческія права, предпочитая смерть безчестию». «Японцы,—говоритъ Шрейдеръ,—страшно самолюбивы, чувство чести развито у нихъ въ высочайшей степени. Съ малыхъ лѣтъ они воспитываются въ духѣ благородства и чести, доходящей до рыцарства», ибо, какъ выражается японскій министръ народнаго просвѣщенія въ своемъ циркулярѣ къ учителямъ, «честь или достоинство есть черенокъ всѣхъ клинковъ характера». Это подмѣтилъ еще Головинъ, объясняя крайнимъ развитіемъ чувства достоинства ту деликатность, которую наблюдаютъ японцы въ обращеніи. Гончаровъ, который, какъ и всякій русскій, привыкъ къ тому, чтобы любой прохожимецъ безнаказанно запуская ему въ душу свою грязную лапу,—подсмѣялся надъ утонченными ма-

нерами японцевъ и изобразилъ ихъ обезьянами. Эти «обезьяны» — горячіе патриоты: «честь, слава, могущество и процвѣтаніе отечества — ихъ высшая гордость», и это они доказали въ періодъ тяжелой борьбы съ европейцами, въ началѣ 70-хъ годовъ, когда частныя лица и дайміосы отказывались отъ своихъ доходовъ въ пользу государства, чтобы усилить оборону страны. И они въ правѣ гордиться своей родиной, какъ показываютъ факты, приводимые г. Шрейдеромъ. Въ настоящее время процентъ безграмотныхъ въ Лондонѣ, Парижѣ, Берлинѣ, Вѣнѣ, Нью-Йоркѣ и Мельбурнѣ — значительно выше, чѣмъ, напр., въ Токио или Нагасаки. Общее количество элементарныхъ школъ достигаетъ 30.000, что при 40-милліонномъ населеніи Японіи составляетъ одну школу на 1.300 душъ. Но японцы не удовлетворяются элементарнымъ образованіемъ и ставятъ, какъ ближайшую цѣль, — созданіе такого средняго и высшаго образованія, которое было бы достояніемъ не отдѣльныхъ личностей, а *всего народа*. Какъ высоко подвинулись они на пути просвѣщенія, показываетъ неслыханный и небывалый до сихъ поръ ростъ печати. Двадцать пять лѣтъ тому назадъ у нихъ не было понятія о томъ, что такое періодическая печать. Теперь въ Токио издается болѣе четырехсотъ ежедневныхъ газетъ и трехсотъ мѣсячныхъ журналовъ, въ количествѣ до *восьми милліоновъ* экземпляровъ ежемѣсячно.

Приблизительно, столько же издается въ провинціи, что составляетъ почти 40 изданій на 1 милл. жителей. Всего въ 1887 г. было издано до 100 милліоновъ экземпляровъ книгъ и текущихъ изданій, или по 3 на каждую душу *).

Изумленные этими успѣхами, иностранцы смотрятъ съ тревогой и восхищеніемъ на этотъ народъ, которому предстоитъ великое будущее. Уже теперь японцы вытѣснили иностранную мануфактуру и создали торговый флотъ, съ которымъ американцы отказываются конкурировать, сбывая имъ свои суда, доки и фабрики, лѣтъ тридцать построенныя ими для эксплуатаціи Японіи. Обладая необычайной выдержкой, гордые и смѣлые, въ то же время чрезвычайно скромные и нетребовательные въ жизни, японцы не знаютъ соперниковъ въ преслѣдованіи намѣченныхъ цѣлей. Ихъ побѣда надъ китайцами — это лишь незначительный актъ, прологъ къ великой борьбѣ, начатой ими за обладаніе Великимъ океаномъ. Первые поняли это американцы, немедленно предложившіе японцамъ синдикатъ, для совмѣстнаго захвата побережій и постепеннаго вытѣсненія всѣхъ другихъ народовъ съ торговаго рынка, представляющаго на этомъ океанѣ необъятный просторъ. Многое еще непонятно и неясно для насъ въ культурѣ этой оригинальнѣйшей страны, но чѣмъ ближе знакомятся съ нею европейцы, тѣмъ съ большимъ уваженіемъ начинаютъ относиться къ ней. Давно ли, напр., о японской женщинѣ судили, какъ о фарфоровой куколкѣ, благодаря манерно-порнографическимъ очеркамъ Лоти и подобныхъ ему «просвѣщенныхъ мореплавателей»? А те-

*) Подробности о японской печати см. въ настоящей (декабрьской) книгѣ «М. В.», въ отдѣлѣ «За границей».

перь, по словамъ англичанъ, отзывы которыхъ приводитъ г. Шрейдеръ, «японка—это идеалъ женщины и человѣка», существо, способное «на высокое самопожертвованіе и самоотреченіе». Любопытно, между прочимъ, что въ дѣлѣ образованія японцы даже не понимаютъ вопроса, надо ли ограничивать просвѣщеніе женщинъ, или же поставить его на одинъ уровень съ мужчинами? Женщины сравнены во всемъ, и г. Шрейдеръ приводитъ примѣръ женщины-адвоката.

Сводя въ одно общее заключеніе все, что даетъ прошлое и настоящее этой страны, по скольку мы теперь знаемъ и то, и другое,—приходится признать, что «флота капитанъ Головинъ» оказался истиннымъ пророкомъ, предсказавъ блестящую судьбу Японіи. Книга г. Шрейдера, подтверждая его выводы, даетъ возможность русскому читателю заглянуть въ этотъ обаятельный уголокъ міра.

Указатель книгъ, разобранныхъ въ библиографическомъ отдѣлѣ (іюнь—декабрь).

I. БЕЛЛЕТРИСТИКА.

Оригинальныя произведенія:

- К. М. Станюковичъ. «Откровенные», іюнь.
В. Стрешевскій. «Якутскіе рассказы», іюнь.
Діонео. «На крайнемъ сѣверо-востокѣ Сибири», іюнь.
Д. Маминъ-Сибирякъ. «Золото», іюль.
— «Три конца», ноябрь.
И. А. Саловъ. «Грезы», іюль.
В. Быстренинъ. «Житейскія были», іюль.
Н. Гаринъ. «Очерки и рассказы», августъ.
С. Я. Надсонъ. «Стихотворенія», августъ.
Вл. Соловьевъ. «Стихотворенія», сентябрь.
И. Ф. Порфирьевъ. «Лирика и антологія русскихъ поэтовъ», сентябрь.
О. В. Всеволодская. «Помощь переселенцамъ», сентябрь.
Изд. «Посредника». «Къ чему жить», сентябрь.
А. В. Кругловъ. «Немудрое счастье», октябрь.
— «Въ сѣверныхъ лѣсахъ», октябрь.
О. Петерсонъ. «Семейство Бронте», ноябрь.
А. Барановъ. «Осенью», декабрь.
«Въ добрый часъ», сборникъ рассказовъ, ноябрь.

Переводныя произведенія:

- К. Д. Бальмонтъ. «Сочиненія Шелли», іюнь.
Лонгфелло. «Сборникъ стихотвореній», іюль.
Элиза Ожешко. «Повѣсти и рассказы», августъ.
Онорэ Бальзакъ. «Рассказы», августъ.
В. Тэккерей. «Полное собраніе сочиненій», сентябрь.
Альфонсъ Додэ. «Полное собраніе сочиненій», октябрь.
Эдмундъ Арнольдъ. «Свѣтъ Азіи», ноябрь.
Лесаажъ. «Жиль Блавъ», декабрь.
«Маленькая антологія». Японія и Китай, декабрь.

II. КРИТИКА И ИСТОРИЯ ЛИТЕРАТУРЫ.

- А. М. Скабичевскій. «Критическіе этюды», іюнь.
М. А. Протопоповъ. «Литературно-критическія характеристики», декабрь.
Р. Левенфельдъ. «Гр. Л. Н. Толстой, его жизнь, произведенія, міросозерцаніе», декабрь.
Эмихень. «Греческій и римскій театръ», іюнь.
«Journal intime de Benjamin Constant», іюнь.
«Автобіографія Гервинуса», іюль.
«H. Taine» Par Amedée de Margerie, іюль.
С. А. Венгеровъ. «Русская поэзія», сборникъ, августъ.
Emile Dechanel. «Etudes sur Aristophane», августъ.

III. ПУБЛИЦИСТИКА.

- А. Мертваго. «Не по торному пути», іюнь.
 Ж. Пайо. «Воспитаніе воли», іюнь.
 Н. Каръевъ. «Письма къ учащейся молодежи», іюнь.
 — «Бесѣды о выработкѣ міросозерцанія», іюнь.
 Э. Ренавъ. «Сборникъ мелкихъ статей и рѣчей», ноябрь.

IV. ФИЛОСОФІЯ, ПСИХОЛОГІЯ И ЭТИКА.

- Паульсенъ. «Введеніе въ философію», декабрь.
 Кирхнеръ. «Исторія философіи», декабрь.
 Гейеръ. «Мозгъ и мысли», августъ.
 Вундтъ. «Душа и мозгъ», августъ.
 Ломброзо. «Геніальность и помѣшательство», сентябрь.
 Селли. «Геніальность и помѣшательство», сентябрь.
 Рибо. «Современная германская психологія», августъ.
 Рибо. «Исслѣдованіе аффективной памяти», августъ.
 Ф. Юдль. «Этика и политическая экономія», августъ.
 Циглеръ. «Что такое нравственность», декабрь.

V. АНТРОПОЛОГІЯ.

- Фридрихъ Энгельсъ. «Происхожденіе семьи, частной собственности и государства», августъ.
 Карлъ Каутскій. «Возникновеніе брака и семьи», августъ.
 М. Ковалевскій. «Очеркъ происхожденія и развитія семьи и общества», августъ.

VI. СОЦІОЛОГІЯ.

- Л. Гумпловичъ. «Соціологія и политика», декабрь.
 П. Лакомбъ. «Соціологическія основы исторіи», декабрь.

VII. ИСТОРІЯ ВСЕОБЩАЯ И РУССКАЯ. ЗАПИСКИ, ВОСПОМИНАНІЯ И БІОГРАФІИ.

- М. Карно. «Исторія французской революціи», іюнь.
 Б. Куглеръ. «Исторія крестовыхъ походовъ», іюнь.
 Е. Лихачева. «Къ исторіи женскаго образованія въ Россіи», іюнь.
 А. Мюллеръ. «Исторія Ислама», сентябрь.
 Бокль. «Исторія цивилизаціи въ Англіи», октябрь.
 Ч. Міатовичъ. «Константиинъ, или взятіе Константинополя турками», октябрь.
 Фрикенъ. «Исторія искусствъ эпохи возрожденія», декабрь.
 Земченио. «Учебникъ древней исторіи», декабрь.
 Морелинъ. «Паденіе античнаго міросозерцанія», декабрь.
 «Un anglais à Paris». Записки, іюль.
 Б. Глинскій. «Біографія Н. М. Ядринцева», іюнь.
 С. Кавось-Дехтерева. «А. Г. Рубинштейнъ», іюль.

VIII. ЮРИДИЧЕСКІЯ НАУКИ.

- А. Д. Градовскій. «Государственное право», іюль.
 М. Свѣшниковъ. «Русское государственное право», ноябрь.

- А. Шенбахъ. «Государственный строй Соединенныхъ Американскихъ Штатовъ», июль.
 Лабандъ «Государственный строй Германской имперіи», июль.
 Лебовъ. «Государственный строй Франціи», июль.
 М. Мартенсъ. «Современное международное право», июль.
 В. Дерюжинскій. «Навеас Согрус Актъ», сентябрь.
 Я. Д. Канторовичъ. «Литературная собственность», сентябрь.
 У. Эшштейнъ. «Честь въ философіи и правѣ», сентябрь.
 Гольцендорфъ. «Общественное мнѣніе», сентябрь.
 Я. Оровичъ. «Женщина въ правѣ», сентябрь.

IX. ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЭКОНОМІЯ.

- В. В. «Очерки теоретической экономіи», июнь.
 — «Артель въ кустарномъ промыслѣ», июль.
 Отто Элерсъ. «Популярная политическая экономія», июль.
 А. Исаевъ. «Начала политической экономіи», июль.
 Бруно Шенланъ. «Промысловые синдикаты», июль.
 Адамъ Смитъ. «Исслѣдованіе о богатствѣ народовъ», августъ.
 В. Яковенко. «Адамъ Смитъ, его жизнь и научная дѣятельность», августъ.
 Евг. Соловьевъ. «Ротшильды», августъ.
 «Библиотека экономистовъ», ноябрь.
 Гиббинсъ. «Промышленная исторія Англій», ноябрь.
 Е. Деметьевъ. «Фабрика. Что она даетъ народу и что у него беретъ», сентябрь.
 Луйо Brentano. «Объ отношеніи заработной платы и рабочаго времени къ производительности труда», сентябрь.
 Эрнестъ Магаймъ. «Профессиональные рабочіе союзы», сентябрь.
 В. Г. Яроцкій. «Страхованіе рабочихъ», октябрь.
 В. Святловскій. «Государственное страхованіе рабочихъ въ Германіи», декабрь.
 Г. Сазоновъ. «Ростовщичество и кудачество», октябрь.
 И. Озеровъ. «Ощества потребителей», декабрь.

X. ЕСТЕСТВОЗНАНИЕ.

- П. А. Зилловъ. «Курсъ физики», сентябрь.
 — «Звукъ», ноябрь.
 Ф. Клау. «Краткій очеркъ химическихъ явленій», октябрь.
 Н. Мушкетовъ. «Курсъ петрографіи», сентябрь.
 Лачиновъ. «Основы метеорологіи», декабрь.
 М. Пенаторосъ. «Явленія въ атмосферѣ», октябрь.
 Ванъ-Тигемъ. «Общая ботаника», сентябрь.
 Корнелинъ. «Ядовитыя растенія», сентябрь.
 В. Эльсъ. «Опыты по физиологіи растеній», сентябрь.
 М. Мензбиръ. «Птицы Россіи», ноябрь.
 Зюршэръ и Марголлъ. «Микроскопъ и телескопъ», ноябрь.
 Н. Святскій. «Драгоценныя камни», ноябрь.
 Беккерледжъ. «Устройство простѣйшихъ акваріумовъ», октябрь.
 М. Нетыкса. «Способъ воздухонасыщенія комнатныхъ растеній», октябрь.
 Г. Финдейсъ. «Акваріумъ и его обитатели», октябрь.

XI. ГЕОГРАФІЯ, ЭТНОГРАФІЯ И ПУТЕШЕСТВІЯ.

- М. Соколова. «Земля и ея обитатели», октябрь.
 Г. Шурцъ. «Краткое народовѣдѣніе», октябрь.
 В. Волгинъ. «Въ странѣ черныхъ христіанъ», октябрь.
 Г. Сенкевичъ. «Письма объ Африкѣ», октябрь.
 В. Витковскій. «За океаномъ», октябрь.
 А. Шрейдеръ. «Японія и японцы», декабрь.

XII. МЕДИЦИНА И ГИГИЕНА.

- Др. Ковнеръ. «Исторія медицины», июль.
 В. Прейеръ. «О сохраненіи здоровья», июль.
 Др. Гурфинкель. «Популярная гигиена для матерей», июль.

XIII. СЕЛЬСКОЕ ХОЗЯЙСТВО.

- Л. Костычевъ. «Общедоступное руководство къ земледѣлю», июль.
 Др. фонъ-Кленце. «Молочное хозяйство», июль.
 К. Линдеманъ. «Вредныя насекомыя», июль.
 В. Анзимировъ. «Удобреніе фосфатами», июль.
 В. Бѣляевъ. «Садоводство и огородничество», июль.
 П. Ростовцевъ. «Промышленныя растенія», июль.
 «Деревенскій календарь», июль.

XIV. НАРОДНЫЯ ИЗДАНІЯ.

- «Разсказы о Западной Сибири», июль.
 «Читальня народной школы», июль.
 «Изданія книжнаго склада П. К. Прянишникава», октябрь.

XV. ДѢТСКІЯ КНИГИ.

А. Естествознаніе:

- Ю. Вагнеръ. «Мой акваріумъ», ноябрь.
 М. Богдановъ. «Разсказы о птицахъ», ноябрь.
 М. Лялина. «Путешествіе Дарвина», ноябрь.

Б. Историческіе разсказы:

- Авгариусъ. «Въ львиной пасти», ноябрь.
 Р. Гоггардтъ. «Дочь Монтезумы», ноябрь.
 Янтарева. «Марраны», ноябрь.
 Л. Шелгунова. «Георгъ Эберсъ въ пересказахъ для русскаго юношества»,
 ноябрь.

В. Беллетристика:

- Л. Нелидова. «Дѣвочка Лида», ноябрь.
 П. Засодимскій. «Влудный сынъ», ноябрь.
 Эдм. де-Амичисъ. «Дневникъ школьника», ноябрь.

XVI. УЧЕБНАЯ ЛИТЕРАТУРА.

- А. Н. Чудиновъ и И. Глазуновъ. «Русская классная бібліотека», сентябрь.

ОБЗОРЪ ИНОСТРАННЫХЪ ЛИТЕРАТУРЪ.

Англійскій журналъ «Athenaeum» даетъ обыкновенно въ одномъ изъ своихъ лѣтнихъ номеровъ обзоры литературъ всѣхъ европейскихъ странъ за предъидущій годъ, и въ виду скудости библиографическихъ свѣдѣній, проникающихъ въ наше общество изъ Европы, мы рѣшаемся познакомить читателей съ обзоромъ, появившимся въ нынѣшнемъ году. Въ немъ каждой странѣ посвящена отдѣльная статья, написанная специалистомъ, знающимъ родной литературы, и статьи эти носятъ довольно разнообразный характеръ: одни авторы даютъ почти только сухой перечень вновь появившихся книгъ, другіе обращаютъ вниманіе и на общее состояніе литературы; одни подъ «литературой» подразумѣваютъ только беллетристику и литературную критику, другіе подводятъ подъ это понятіе и научныя произведенія; представители странъ съ высоко развитою культурою (Франція, Германія и др.) отмѣчаютъ только наиболѣе выдающіяся сочиненія, обозрѣватели менѣе культурныхъ государствъ тщательно перечисляютъ всѣ литературныя новинки, съ любовью останавливаются даже на журнальныхъ статейкахъ и мелкихъ повѣстяхъ. Такъ какъ обзоры касаются литературы «иностранной» для англичанъ, то среди нихъ мы не находимъ статьи объ англійской литературѣ. Обзоръ русской литературы по-казался бы недостаточно полнымъ для русскихъ читателей, и потому мы его не помѣщаемъ. Обзоръ литературъ нѣкоторыхъ мелкихъ народностей (Греція, Румыніи и т. п.), какъ не представляющій особаго интереса, нами выпущенъ.

А. Анненская.

Ш в е ц і я.

Подъ вліявіемъ окружающей природы, громадныхъ темныхъ лѣсовъ, обширныхъ озеръ и стремительныхъ потоковъ, поэтическое творчество Швеціи направлено преимущественно на лирику. Простой, заунывный тонъ народной пѣсни проходитъ черезъ всю поэзію Швеціи. Сложныя отношенія и приключенія, отличающія жизнь въ центрахъ континентальной культуры и дающія богатый матеріалъ для драмъ и романовъ, отсутствуютъ въ Швеціи. Но лирика вполне подходитъ къ характеру шведовъ и въ этой области произведено въ прошломъ году весьма много. Известные старые поэты Гейденштамъ (Heidenstamm), Фрѣдигъ (Frödиг) и Левертинъ (Levertin) подарили странѣ нѣсколько новыхъ произведеній, появилось много новыхъ поэтовъ, и нѣкоторые изъ нихъ блещутъ оригинальностью таланта, такъ, напр., Клинокстрёмъ (Klinckovström), занимающій свои сюжеты изъ скандинавской мифологіи.

Послѣ господства реализма,—крайняго проявленія котораго никогда не встрѣчали симпатіи въ Швеціи,—явилось въ видѣ реакціи стремленіе къ романтизму и символизму; писатели, по складу своего ума не склонные къ этому направленію, слѣпо подчиняются господствующей модѣ, часто въ ущербъ своей оригинальности и, благодаря этому, даютъ плохія произведенія. П. Гальстрёмъ (Hallström), составившій себѣ имя какъ лирикъ и тонкій знатокъ человеческой души («Vildna flagar»), издалъ подъ заглавіемъ «Purgur» рядъ очерковъ съ яркимъ оттѣнкомъ романтизма. Тому же направленію слѣдуетъ Селива Лагерлѣфъ (Lagerlöf); Норденсванъ (Nordensvan), Лундегердъ (Lundegörd) и Анна Валенбергъ (Wahlenberg) продолжаютъ дарить публику новыми романами. Наибольшій успѣхъ имѣлъ «En Roman om Förste Konsuln», въ которомъ выводится на сцену Наполеонъ I и многія личности изъ времени начала его карьеры. Авторомъ этого романа, появившагося безъ под-

писи, оказалась г-жа Малингъ (Malling). урожд. Крузе.

Въ прошломъ году Швеція справляла нѣсколько юбилеевъ, между прочимъ 100-лѣтіе кончины Бельмана (Bellman), величайшаго юмориста Скандинавіи. По этому поводу вышло нѣсколько интересныхъ историко-литературныхъ произведеній, освѣщающихъ личность и дѣятельность этого популярнѣйшаго поэта Швеціи. Празднованіе памяти великаго шведскаго короля Густава Адольфа также вызвало оживленіе въ литературѣ и подъемъ патриотическаго духа въ странѣ. Какъ на образецъ національной литературы можно указать на вновь вышедшій томъ сочиненій Оскара Фредрика (короля Оскара II), содержащій его рѣчи, произнесенныя по разнымъ случаямъ. Его поэтическія произведенія не лишены достоинства, въ рѣчахъ же своихъ онъ является самымъ выдающимся изъ современныхъ ораторовъ Швеціи. Другое изданіе, носящее національный характеръ, это—весьма изящно изданныя «Swenska Bilder» Снойльскаго (Snoilsky). Словарь шведской академіи начать сто лѣтъ тому назадъ. Это гигантское предпріятіе должно представитъ въ сжатой формѣ всю исторію и литературу шведскаго языка и дать полную картину его современнаго состоянія. Она медленно подвигается впередъ и для окончанія ея потребуется, вѣроятно, еще одно поколѣніе писателей. Мальмстрёмъ (Malmström) далъ новое, отчасти переработанное изданіе своего талантливаго очерка такъ наз. вѣка свободы въ Швеціи «Sveriges Politiska Historia från Carl XII s. Död till Statshvölfningen, 1772». Льюнгренъ (Ljungren) издалъ вторую часть своей «Svenska Vitterhetens Häfder efter Gustaf III's Död», а Гильдебрандъ продолженіе своей интересной и популярной «Kulturhistorika Teckning af Sveriges Medeltid».

Норвегія.

Обозрѣватель норвежской литературы г. Бринхманнъ предупреждаетъ, что не станетъ говорить о двухъ «великихъ старцахъ», Ибсенѣ и Бьёрнсонѣ, такъ какъ имена ихъ слишкомъ хорошо извѣстны въ Европѣ и всякая новинка, выходящая изъ подъ ихъ пера, немедленно переводится на разные европейскіе языки. Изъ прочихъ писателей онъ всего больше останавливается на Ионасѣ Ли (Lie) *), произведенія котораго тоже начинаютъ проникать за предѣлы Скандинавіи.

Романы Ли переносятъ насъ въ атмосферу комфортабельной буржуазной жизни, которую авторъ изображаетъ съ полною правдивостью, но съ легкимъ отбѣнкомъ юмора и насмѣшки. Онъ умѣетъ трогать насъ до слезъ и въ то же время возбуждать мысль. Въ прошломъ году Ли далъ не романъ, а драму «Lystige Koner», главная героиня которой молодая женщина, потерпѣвъ разочарованіе въ бракѣ, старается забыть въ вихрѣ удовольствій. Драма смотрится съ удовольствіемъ, но не производитъ такого впечатлѣнія, какъ романы его. Гораздо выше въ литературномъ отношеніи стоятъ его вышедшіе въ томъ же году мелкіе рассказы «Told», волшебныя сказки, отчасти аллегорическаго содержанія, въ которыхъ онъ далъ полную волю своему воображенію, и которыя поражаютъ грандіозностью образовъ и изяществомъ исполненія. Два года тому назадъ, Ионасъ Ли праздновалъ свое 60-лѣтіе. По этому поводу вышла біографія его, написанная Арне Гарборгомъ (Garborg). Гарборгъ, замѣчательный писатель, долго считался какимъ-то номадомъ въ литературномъ мірѣ. Онъ родился въ бѣдной семьѣ, получилъ скудное образованіе и занималъ мѣсто учителя въ элементарной школѣ. Но вскорѣ его блестящій литературный талантъ обратилъ на него вниманіе прессы. Послѣ этого онъ жилъ въ Мюнхенѣ и Берлинѣ, и принадлежалъ къ партіи «Юной Германіи». Въ послѣднее время онъ энергично боролся за полноправность Норвегіи при уни со Швеціей и отрицалъ пессимизмъ, заявляя, что безъ вѣры въ жизнь нѣтъ спасенія. Онъ написалъ нѣсколько натуралистическихъ романовъ, а затѣмъ издалъ свой «Tuaette Maend», дневникъ пессимиста, находя-

*) Въ будущемъ году въ «М. Б.» будетъ напечатанъ романъ его «Злой духъ».

щаго въ концѣ концовъ успокоеніе въ церкви. Духовенство привѣтствовало эту книгу, какъ возвращеніе заблудшей овцы, а публика читала ее восторженно. Менѣе успѣха имѣлъ его слѣдующій романъ «Fred», изображающій страданія и религиозныя шатаванія фермера-пѣтиста. Вслѣдъ затѣмъ онъ удивилъ своихъ читателей своей «Hauptstuaa», романомъ въ стихахъ, въ которомъ разсказывается несчастная любовная исторія простой деревенской дѣвушки - визионерки, бесѣдующей съ волшебницами и духами; нѣкоторыя сцены проникнуты такою наввною поэзіей, что трудно представить себѣ, какъ могъ возвыситься до нея вѣчно рефлектирующій умъ Гарборга.

Послѣ Ибсена и Бьёрнсена первымъ драматическимъ писателемъ Норвегіи можно назвать Гуннара Гейберга (Heiberg). Десять лѣтъ тому назадъ, онъ дебютировалъ своею «Tante Ulricke», затѣмъ въ «Kong Midas» возсталъ противъ категорическаго требованія Бьёрнсена: «Правда прежде всего!». Въ обѣихъ этихъ пьесахъ онъ является оригинальнымъ художникомъ и знаткомъ сцены. Эти же качества характеризуютъ и слѣдующія произведенія его—драмы: «Kunstnere», «Balkonen», «Gerts Have» и «Det store Lod».

Большаго вниманія заслуживаетъ, какъ писатель—Кнутъ Гамсунъ (Hamsun). Нѣсколько лѣтъ тому назадъ, онъ былъ простымъ землекопомъ на родннѣ и въ Сѣверной Америкѣ. Теперь онъ завоевалъ себѣ почетное мѣсто въ литературѣ. Слогъ его нѣсколько напоминаетъ опытнаго американскаго репортера; онъ любитъ громкія фразы, мистификаціи, и часто съ пламеннымъ негодованіемъ нападаетъ на выдающихся людей и модныя тенденціи. Онъ читалъ лекціи въ разныхъ городахъ Норвегіи и на нихъ смѣло отрицалъ всякое значеніе Ибсена, Бьёрнсена, Ли и Мопассана, какъ психологовъ. Первымъ произведеніемъ, выдвинувшимъ его, былъ очеркъ «Sult», написанный такъ живо, что при чтеніи его является настоящее ощущеніе голода. Слѣдующій очеркъ его «Amerikas Åndsliv» блещетъ нѣсколько грубымъ юморомъ. Романъ его «Mysterier» напоминаетъ отчасти Достоевскаго, отчасти Эдгара По; въ «Redaktør Lyngø» и «Nyford» онъ бросаетъ вызовъ литературнымъ и художественнымъ котеріямъ Христианіи. Послѣднее произведеніе его «Pan» замѣчательно удивительно поэтическими описаніями природы и смѣлыми сценами любви.

Та же любовь къ природѣ, которая брызжитъ въ «Рап»'ѣ, характеризуетъ и Томаса Крага (Krag); его очерки прибрежной жизни ового Христианзанда носятъ отпечатокъ глубокаго пониманія природы и ощущеній простой, первобытной человѣческой души. Народная жизнь въ фюрдахъ между Ставангеромъ и Бергеномъ изображена двумя замѣчательными художниками: Йенсъ Тведтъ (Tvedt) заимствовалъ изъ нея матеріалъ для всѣхъ своихъ романовъ въ жанрѣ Зола, а Расмусъ Леландъ (Løland), необыкновенно талантливый молодой крестьянинъ, посвятивъ ей рядъ престыжныхъ очерковъ. Гансъ Кинкъ (Kinck) въ своихъ двухъ романахъ «Huldren» и «Ungt Folk» далъ безпощадно правдивый и художественный очеркъ малосимпатичнаго населенія берега Гардангерскаго фюрда. Въ своемъ сборникѣ мелкихъ рассказовъ «Flaggermus-vinger» онъ даетъ поэтическія миниатюры той же мѣстности и ея тѣньнаго вліянія на душу первобытныхъ обитателей ея.

Многіе другіе норвежскіе писатели тоже занимаются народною жизнью. Назовемъ: Ганса Аанруда (Aanrud), Якоба Хильдича (Hilditch), Гульду Гарборгъ (Garborg), Ганса Зеланда (Seland), Маттиаса Скейброка (Skeibrok) и Розенкранцъ Йонсена (Johnsen).

Городская жизнь, въ особенности жизнь Бергена, также описана романистами, какъ, напр., г-жею Амалей Скрамъ (Skram) въ ея «Professor Hieronymus», Теодоромъ Мадсенъ (Madsen) въ его «I. Drift». Многіе норвежскіе беллетристы нарочно выбираютъ мрачныя темы для своихъ романовъ или разрабатываютъ сюжеты, внушающіе отвращеніе. Такъ поступаетъ, напр., Габриель Финне (Finne) и Монсъ Ля, сынъ извѣстнаго Йонаса Ля; романъ «Remeni» Монса Ля очень напоминаетъ манеру Достоевскаго. Энергичнымъ противникомъ крайностей натурализма является Іакобъ Буль (Bull) въ своихъ двухъ драмахъ «Uden Ansvar» и «Almoss maend», хотя самъ того не замѣчая, часто вводитъ въ свои пьесы сцены, не менѣе грубыя, чѣмъ у натуралистовъ. Изъ современныхъ женщинъ-писательницъ яв одну нельзя назвать художницей. Наиболее замѣчательная изъ нихъ Камилла Коллетъ (Collet) умерла недавно, 80 лѣтъ отъ роду. По ея стопамъ не безъ успѣха слѣдуютъ: Авилле Придъзъ (Prydz), Елена Дикмаръ (Dickmar) и Анна Мёнхъ (Munch). Всѣ онѣ и въ романахъ, и въ драмати-

ческихъ произведеніяхъ ратуютъ за права женщины.

Нѣсколько лѣтъ тому назадъ, въ Норвегіи почти никто не писалъ стиховъ, теперь она насчитываетъ десятки поэтовъ самыхъ разнообразныхъ направленій. Перъ Сивле (Sivle) воспѣваетъ демократію и народную свободу; Каспари (Caspari) пишетъ сантиментальныя поэмы, Отто Синдингъ (Sinding) издаетъ сборникъ мрачныхъ поэмія, проникнутыхъ страннымъ романтизмомъ; стихотворенія Нильса Коллетта Фогта (Vogt) выражаютъ страсть въ бурное наслаженіе жизнью; Сигбьёрвъ Обстфельдеръ (Obstfelder) въ вѣжныхъ, глубоко прочувствованныхъ, хотя вѣскольکو туманныхъ строфахъ силится передать читателю свое мистическое настроеніе.

Кромѣ беллетристическихъ произведеній, Норвегія мало чѣмъ можетъ гордиться. Недавно О. А. Оверландъ (Overland) закончилъ свою обширную исторію Норвегіи съ древнѣйшихъ временъ до 1814 г.; Андreasъ Оберъ (Aubert) издалъ прекрасную біографію отца норвежской живописи Іоганна Хр. Дая. Ерикъ Ля (другой сынъ Йонаса Ля) написалъ книгу о Бальзакѣ. Книга Ш. Коллина (Collin) «Kunst og Moral», хотя не вполне удовлетворительная по формѣ, обладаетъ большими достоинствами. Онъ возстаетъ противъ натурализма съ точки зрѣнія нравственности и горячо защищаетъ положеніе, что искусство должно уважать законы морали. Въ журналахъ появился новый критикъ Карлъ Нерупъ (Naerup), талантливая статья котораго заключаетъ разборы современныхъ писателей. Въ заключеніе слѣдуетъ отмѣтить, какъ знакъ времени, что молодой норвежскій философъ Ханзенъ (Hanzen) въ своемъ прекрасно написанномъ трактатѣ «Rimmet og Sjaelen» заявляетъ себя сторонникомъ чистаго гегелианства, которое уже много лѣтъ не имѣло поклонниковъ въ Норвегіи.

Д а н і я.

Приступая къ своему обзору датской литературы, Ибсенъ жалуется на быструю смѣну литературныхъ методовъ и движеній, отличающую наше время. Взгляды и теории, считавшіяся новыми 10—15 лѣтъ тому назадъ, уже устарѣли и потеряли всякій интересъ. А между тѣмъ, они еще почти не привѣнчались на практикѣ; они не успѣли сообщить свой цвѣтъ и токъ душѣ художника,

вагенскихъ и римскихъ; появились изслѣдованія и описанія остатковъ мавританскаго господства и средневѣковыхъ монастырей. Образовалось два клуба экскурсионистовъ, одинъ въ Мадридѣ, другой въ Валенсіи съ исключительною цѣлью посѣщенія древностей, разсыянныхъ на полуостровѣ и на соедѣнныхъ островахъ. Благодаря этому, появилось множество описаній разныхъ мѣстностей, какъ-то: «До-историческія гробницы въ Цьемпоуэлозъ» Вивеса (Vives); «До-историческія свѣдѣнія и преданья въ Севильи» Кано и Куеста (Cano y Cuesta); «Исслѣдованія кельтической эпохи въ Галиціи» Саралеги Медины (Saralegui y Medina); «Galicias y Asturias» (Галиція и Астурія) Ла Браны (La Brana); «Cuarenta Leguas por Cantabria» (Сорокъ миль по Кантабрія) Переса Гальдоса, извѣстнаго романиста, и проч.

Эти археологическія изысканія естественно усилили интересъ къ провинціальной и мѣстной исторіи. Цѣлыя дюжины сочиненій по этой отрасли знанія появились въ Мадридѣ, Барселонѣ, Севильѣ, Валенсіи, Сарагосѣ и Бильбао. Правда, большинство этихъ изданій составляютъ перепечатку старыхъ съ разными сокращеніями или дополненіями, но есть нѣкоторыя и новыя. Такъ, напр.: «Prehistoria de la Provincia de Sevilla» (Доисторическія свѣдѣнія о Севильской области) Кандау Пизарро (Candaу y Pizarro); «Yacimientos prehistóricos de la Provincia de Sevilla» (Доисторическія гробницы Севильской провинціи); К. Каналя (Canal) «Tarragona antigua y moderna» (Древній и современный Таррагонъ); «Arquipes históricos sobre la Villa de Torrijos» (Историческія записки города Торрихосъ) «Mallorca en 1612 y los Libros de la Tabla numularia» (Малорка въ 1612 г.) Санчо (Sancho); «Rebellion de Memorca en 1463 г.» (Возстаніе въ Меморкѣ въ 1463 г.) Боне (Bonet).

По исторіи испанскихъ колоній, а въ особенности по исторіи Южной Америки вышло также не мало сочиненій. 400-лѣтній юбилей Колумба давно отпразднованъ, а вызванное имъ печатаніе документовъ, обзоровъ, трактатовъ и проч. все еще продолжается. «Критическія изслѣдованія объ испанскомъ владычествѣ въ Америкѣ» — Отпа Каппа (Cappa) дополнено двумя новыми томами, 12-мъ и 13-мъ, а изданіе — «Рѣдкія книги объ Америкѣ» однимъ 11-мъ. Королеу (Coroleu) успѣлъ передъ смертью издать два тома своей «Исто-

рїи колонизаціи, господства и независимости Америки». Нѣсколько мелкихъ брошюръ и даже толстыхъ книгъ посвящено Кубѣ и Порторико, преимущественно ихъ администраціи, и выясненію причинъ кубанскаго возстанія; нѣсколько сочиненій касаются исторіи Филиппинскихъ острововъ, вышелъ седьмой томъ «Общей исторіи» Канарскихъ острововъ. Описаніе послѣдней войны между Китаемъ и Японіей Дюльо де Лома (de Lôme), министра-резидента Испаніи въ Китаѣ, и рядъ лекцій подъ заглавіемъ «Pericia geográfica» (Географическія [знанія]), значительно выясняютъ вопросъ о пользѣ эмиграціи въ разныя внѣевропейскія страны.

За послѣдній годъ труды испанской академіи ограничились выпускомъ двухъ новыхъ томовъ произведеній Лопе де Вега, вступающей рѣчи маркиза де Пидаль и отвѣта на нее Менендеса Пелайо; и рѣчь, и отвѣтъ касались историческихъ драмъ Лопе де Вега и другихъ испанскихъ писателей. Это, конечно, немного для академіи, которая считаетъ въ числѣ своихъ членовъ лучшихъ испанскихъ писателей. Безлѣтельность ея объясняется, во-1-хъ, тѣмъ что за издательское дѣло принялись въ послѣднее время многія частныя фирмы, во-вторыхъ, полнымъ упадкомъ поэзіи въ Испаніи. Нельзя сказать, что въ ней нѣтъ поэтовъ, но произведенія ихъ не заслуживаютъ вниманія. Драматическая поэзія тоже переживаетъ кризисъ. Классическая комедія въ стихахъ замѣняется коротенькими пьесками въ одинъ, два акта, по большей части въ прозѣ. За послѣднее время на театрѣ были съ успѣхомъ поставлены только двѣ настоящія комедіи Ечегарайа (Echegaray) «La Monja Descalza» (Кармелитская монахиня) и «Mancha que limpia» (Облѣяющій проступокъ, буквально: пятно, которое очищаетъ).

Романы продолжаютъ выходить по прежнему въ большомъ количествѣ. «Penas Arriba» (На скалахъ) Хозе Маріа Переда (Pereda) и «La buen fama» (Добрая слава) Хуана Валера (Valera) имѣли большой успѣхъ. «Torquemado y San Pedro» (Торквемадо и св. Петръ) Гальдоса (Galdoz) понравился публикѣ, но передѣланный въ драму того же имени провалился на мадридской сценѣ. Весьма недурны: «Cuentos» (Сказки) Сепульведы (Enrique Sepulveda) и «Cuentos de Levante» (Левантійскіе сказки) Альтаміры (Altamira) и въ особенности «Narraciones vulgares» (Народные рассказы) молодого, многообѣщающаго писателя Guillen

у Sotelo. Но главною новостью сезона былъ безспорно «Retratos de Andano» (Портреты изъ стараго времени) иезуита, отца Колома (Coloma). Въ этомъ романѣ, какъ и въ своемъ «Requenezes» (Мелочи), надѣлавшемъ шуму два года тому назадъ, авторъ поставилъ себѣ цѣлью изобличеніе пороковъ высшихъ классахъ общества. Сначала романъ былъ напечатанъ въ очень скромномъ видѣ въ С.-Себастьянѣ, а затѣмъ вышелъ роскошнымъ изданіемъ, насчетъ герцогини де-Виллагермоза, дочери послѣдняго герцога дона Марчеліно Арагонскаго. Въ «Retratos» (Портретахъ) всѣ личности историческія, ихъ корреспонденціи и дневники хранятся въ архивахъ фамиліи герцоговъ Арагонскихъ. Центральной фигурой романа является доня Марія Мануела, дочь графа Фуентесъ Арагонскаго, жена герцога Виллагермоза, посланника Фердинанда VI при дворѣ Людовика XV. Вокругъ нея группируется масса лицъ, принадлежавшихъ къ испанской и французской аристократіи. По своимъ внутреннимъ достоинствамъ, сочиненіе это вполне заслуживаетъ тотъ успѣхъ, какимъ пользуется.

По отдѣлу библиографіи за послѣдній годъ вышли двѣ важныя работы: каталогъ церкви коллегіи въ Хересъ де ла Фронтера и новые два тома Biblioteca Colombina (Библиотека Колумбийская). По отдѣлу искусствъ и исторіи литературы нельзя не упомянуть, что проф. Кодера (Codera) выпустилъ новый томъ своего изданія арабскихъ авторовъ и что за послѣднее время вышло три сошедшихъ сочиненій, касающихся боя быковъ.

Изъ двухъ изданій, озаглавленныхъ: «Documetos inéditos para la Historia de España» (Неизданные документы исторіи Испаніи) первое достигло 113 тома, заключающаго переписку Филиппа II съ германскими государями, второе только 4-го и 5-го. Графъ Casa Valento, испанскій посланникъ въ Англію, издалъ три интересныя книги: первая — «Посольство дона Хорхе Хуана въ Маруэко въ 1767 г.», вторая — описаніе войны Испаніи противъ Перу и Чили и третья — дневникъ Фердинанда VII въ 1823 г. «Донъ Кихотъ» Сервантеса до сихъ поръ окруженъ въ Испаніи нѣкотораго рода культомъ. Постоянно выходятъ новыя изданія его, новые комментаріи на него. Въ прошломъ году одинъ № иллюстрированнаго журнала «Ilustracion Artística»; (Журналъ художественная иллюстрація), выходящаго въ Барселонѣ, былъ посвященъ «безсмертной памяти» Сервантеса. Въ немъ, кромѣ раз-

ныхъ биографическихъ и библиографическихъ замѣтокъ, помѣщенъ каталогъ почти трехъ сотъ разныхъ изданій Донъ-Кихота и переводовъ его на всѣ европейскіе языки. Поклонники Сервантеса обыкновенно переносятъ на него всѣ хорошія свойства которыми онъ одаряетъ своихъ героевъ, и выставляютъ его образцовымъ дѣятелемъ на всѣхъ поприщахъ. Его прославляли какъ «солдата», «моряка», «врача», «философа и теолога» и наконецъ какъ «баскофила», сторонника Басковъ. Этотъ послѣдній титулъ вызывалъ, впрочемъ, большія сомнѣнія. Указывали на нѣкоторыя мѣста въ Донъ-Кихотѣ, которыя отзывались насмѣшкой надъ Басками, и наконецъ въ 1863 г. найдены въ Севильѣ двѣ рукописи, приписываемыя Сервантесу, въ которой онъ прямо оскорбительно отзывался о Баскахъ. Это открытіе возбудило сильное негодованіе Басковъ. Теперь они успокоились: Julian Argaiz y Sainz издалъ цѣлый ученый трактатъ, доказывающій неосновательность прежнихъ изслѣдованій и озаглавленный: «Сервантесъ баскофилъ или Сервантесъ, оправданный въ обвиненіи антибаскофильства».

И т а л і я .

Въ Италіи не появилось за прошлый годъ ни одного выдающагося литературнаго произведенія, но итальянцы съ восторгомъ приветствуютъ появленіе у себя новаго поэта. Джіовани Пасколи (Pascoli), профессоръ латинскаго языка въ Асхорнѣ, нѣсколько разъ получалъ первую премію на состязаніяхъ, устроенныхъ Флорентійской академіей въ Амстердамѣ. Сборникъ его итальянскихъ стихотвореній, «Mugisae», очень красиво изданный Джусты, выдержалъ въ короткое время три изданія. Основными нотами поэзіи Пасколи являются цѣломудріе и простота. Слогъ его страдаетъ иногда темнотой и вычурностью. Но содержаніе безъискусственно, часто заимствовано изъ воспоминаній о дѣтствѣ и ранней молодости автора. Пасколи далеко отъ грубости, вульгарности, онъ никогда не оскорбитъ самый требовательный вкусъ. Но его иногда трудно понимать, онъ слишкомъ любитъ употреблять необыкновенныя слова и при чтеніи его приходится часто заглядывать въ словарь. Настроеніе Пасколи меланхолично, какъ и всѣхъ современныхъ итальянскихъ поэтовъ. Молодой писатель Альфредъ Баччелли (Bacchelli), сынъ нынѣшняго министра на-

роднаго просвѣщенія, издалъ небольшую, весьма недурную книжку, озаглавленную *Vittime e Ribelli*. Жертвами онъ называетъ тѣхъ, кто палъ въ борьбѣ за существованіе, мятежниками тѣхъ, кто возстаетъ противъ общественной несправедливости. Баччелли не социалистъ, какъ можно подумать по заглавію книги; онъ относится къ жертвамъ сочувственно, но безъ горечи, и описываетъ мятежниковъ правдиво, безъ всякаго энтузіазма. Кардучи (*Carducci*), который считается величайшимъ изъ современныхъ поэтовъ Італіи, написалъ по поводу юбилея смерти Торквато Тассо «Оду городу Феррарѣ». Къ сожалѣнію, въ послѣднее время этотъ писатель усвоилъ себѣ весьма непріятную манеру писанья. Онъ такъ запутываетъ свою мысль вычурной формой, что даже образованному читателю часто трудно слѣдить за ея ходомъ. Ода Феррарѣ, городу, гдѣ Тассо провѣлъ счастливейшіе часы юности и печальнѣйшіе дни зрѣлыхъ лѣтъ,—написана размѣромъ латинскихъ стихотвореній, и эта псевдоклассическая форма еще болѣе затрудняетъ читателя, которому приходится постоянно напрягать умъ, чтобы понять, что хочетъ сказать авторъ. Трехсотлѣтній юбилей смерти Тассо торжественно справлялся въ Італіи. Тассо умеръ въ Римѣ и погребенъ въ церкви св. Онуфрія. Въ этой церкви была устроена выставка его рукописей, портретовъ и проч., а въ Капитоліи провознесена рѣчь въ честь его. Благодаря этому юбилею, литература обогатилась нѣсколькими новыми сочиненіями. Главное изъ нихъ принадлежитъ перу Анжело Солерти (*Solerti*), профессору въ Болоньѣ. Оно состоитъ изъ 3 томовъ. Въ первомъ заключается біографія Тассо, во 2-мъ—его ненапечатанныя прежде письма, въ 3-мъ—его портреты и разные документы, касающіеся его біографіи. Солерти уже много лѣтъ занимается специально Тассомъ и всѣ изслѣдованія его отличаются добросовѣстностью и безпристрастіемъ. Камнемъ преткновенія для біографовъ Тассо являлось его сумасшествіе, которому они не хотѣли вѣрять. Солерти, не смотря на свое восхищеніе поэтомъ, не скрываетъ истины. Истинная исторія жизни Тассо оказывается гораздо менѣе романчивой, чѣмъ многие думаютъ. Приходится отказаться отъ старой легенды о любви Тассо къ Леонорѣ или Лукреціи и о мести Альфонса. Леонора была женщина почтенная, но вовсе не поэтичная, а Альфонсъ самымъ дружелюбнымъ образомъ относился къ Тассо и помѣстилъ его въ

больницу для его же пользы. Очень многимъ критикамъ трудно примириться съ этими фактами; въ доказательство можно привести рѣчь, провознесенную однимъ римскимъ профессоромъ по случаю юбилея Тассо. Онъ утверждалъ, что поэтъ попалъ въ немилость и былъ лишенъ свободы за то, что узналъ и сообщилъ другимъ о преступной страсти Альфонса къ его сестрѣ, герцогинѣ Урбино. Въ исторіи нѣтъ никакого намека, подтверждающаго это странное предположеніе. Солерти продолжаетъ свое изданіе второстепенныхъ произведеній Тассо. Изъ 10 предположенныхъ томовъ вышло до сихъ поръ 3. Изъ прочихъ критиковъ, разбравшихъ произведенія Тассо, стоитъ упомянуть Гвидо Фортебрачи (*Fortebracci*) и Шарлоту Вантѣ (*Vanti*).

Кромѣ того, вышло еще нѣсколько интересныхъ сочиненій по исторіи литературы: Винченцо Рринцивали (*Prinzivalli*): «Торквато Тассо въ Римѣ» и «Торквато Тассо въ жизни и произведеніяхъ»; Энрико Прото (*Proto*) «*Rinaldo*» (Ринальдо); Фаббри (*Fabri*) «*Studi Alfieriani*» (Изслѣдованія объ Альфьери); Лейнарди—(*Leopardi*) «Психологія искусства въ Божественной комедіи»; Новата Флатини (*Flatini*) «*Studi critici*» (Критическія изслѣдованія); Кресчини—(*Crescini*) «Новые матеріалы къ изслѣдованіямъ о Вокаччио» и Мартини (*Martini*) «*Il Teatro*» (Театръ).

Что касается романовъ, то несомнѣнно, что за прошлый годъ ихъ вышло множество, но очень немногіе изъ нихъ перешли за Альпы или имѣли большой успѣхъ въ самой Італіи. Къ числу этихъ послѣднихъ принадлежитъ «*La Baraonda*» (Бараондо) Роветто (*Rovetto*), замѣчательно живо рисующій задушевную сторону политической жизни. Джузеппе Эррико (*Ergico*), неаполитанецъ, издалъ очень недурную книжку рассказовъ изъ быта бѣдняковъ подъ заглавіемъ «*Piccoli Schiavi Bianchi*» (Маленькіе бѣлые рабы). Габриэль д'Аннунціо (*Annunzio*) продолжаетъ быть моднымъ романистомъ. Его признани французскіе критики, а это всего важнѣе для итальянцевъ. Хотя надобно сознаться, что иностранцы-читатели никогда не читали его книгъ дѣлякомъ. Переводчики обыкновенно пропускаютъ все, что имъ представляется у него скучнымъ. Слозь д'Аннунціо по итальянски очень выработанъ и нѣсколько аффектированъ. Французскіе журналы увѣряютъ, будто онъ собирается издать слѣдующій сборникъ своихъ рассказовъ по французски, такъ какъ ему кажется

что одни только французы поняли его. Между тѣмъ его послѣдняя повѣсть «Le Vergini delle Rosse» (Дѣвы скалъ) напечатана въ журналѣ «Il Convita» (Пирь), органѣ «Молодой Италіи».

Историческія сочиненія, вышедшія за прошлый годъ, носятъ характеръ скорѣе просто изслѣдованій, чѣмъ настоящихъ научныхъ произведеній, выясняющихъ историческіе вопросы. Лучшіе изъ нихъ: «Къ исторіи Италіи и ея завоевателей въ началѣ среднихъ вѣковъ». три статьи Карла Чиполла (Cipolla); Книга Рафаеле Барбiera (Barbiera) «Il Salotto della Contessa Clara Maffei» (Салонъ графини Клары Маффеи) даетъ живую картину эпохи интересной и съ литературной, и съ политической точки зрѣнія. Во время всей долгой жизни графини Маффеи, ея домъ въ Миланѣ, былъ открытъ для всякаго человѣка, сколько-нибудь извѣстнаго въ литературѣ и политикѣ и стоявшаго въ оппозиціи съ австрійскимъ дѣломъ. Это была прелестная женщина, съ очень опредѣленными симпатіями и антипатіями. Мужъ ея, Андрей Маффеи, извѣстенъ какъ замѣчательный переводчикъ на италіянскій языкъ разныхъ поэтовъ, преимущественно нѣмецкихъ. Графиня Маффеи умерла въ 1866 г. и никто не зналъ ея мѣста ни въ Миланѣ, ни въ другомъ городѣ. Очень интересно прослѣдить, какія причины вызвали возникновеніе ея салона и какія помѣшали другому подобному же явиться вмѣсто него.

Франція.

Во Франціи литературная жатва прошлаго года отличалась болѣе количествомъ, чѣмъ качествомъ. На малое количество полновѣсныхъ колосовъ пришлась масса пустыхъ и просто соломъ. Мода на разнаго рода мемуары продолжалась. Изъ произведеній этого рода почетное мѣсто принадлежатъ «Мемуарамъ канцлера Пакье» (Memoires du Chancelier Pasquier), особенно послѣднему тому, въ которомъ содержится совершенно новыя данныя о роли Луи Филиппа во время іюльской революціи и объ интригахъ сестры его, мадамъ Аделяидъ, являвшейся до нѣкоторой степени леди Макбетъ герцога Орлеанскаго.

«Мемуары генерала Тибо» (Memoires du général Thibaut) даютъ массу интересныхъ подробностей о состояніи дисциплины среди высшихъ офицеровъ наполеоновской арміи: оказывается, что

только присутствіе императора нѣсколько сдерживало ихъ; едва онъ удалялся какъ среди нихъ начиналась борьба мелкихъ интригъ и соперничества. Заслуживаютъ вниманія записки маршала Кастеляна, этого остроумнаго и честнаго стараго воина, служившаго Наполеону I на полѣ битвъ и Наполеону III при дворѣ. Мемуары Барра вызвали разочарованіе. Въ нихъ разсказывается много скандаловъ, но мало интересныхъ фактовъ. Изданіе мемуаровъ Ларевельера-Лено ожидалось съ большимъ любопытствомъ, но оказалось, что наиболѣе интересная часть ихъ уже использована Мишле и Тьеромъ въ ихъ исторіяхъ революціи.

По новѣйшей исторіи, въ особенности по исторіи второй имперіи вышло нѣсколько сочиненій. De la Gorce (Де ля Горсь), авторъ интересной исторіи республики 1848 г., приступилъ къ общей исторіи второй имперіи (Histoire générale du Second Empire) и выпустилъ въ свѣтъ два тома. Это очень добросовѣстный писатель, умѣющій критически относиться къ своему матеріалу.

Г. Эмиль Оливье издалъ первый томъ своей «l'Empire liberal» (Либеральной Имперіи), исторіи его министерства и войны 1870 г. до 4 сентября. Г. Альфредъ Дюке (Duquet) продолжаетъ свою «Histoire militaire du siège de Paris par les Prussiens» (Военную исторію осады Парижа пруссаками), онъ относится къ Трошку, можетъ быть, слишкомъ строго, тѣмъ не менѣе, его книгу можно назвать лучшимъ сочиненіемъ по исторіи 1870 г. Посмертное сочиненіе генерала Лебрена (Lebrun), о его тайномъ посольствѣ въ Вѣну, заключаетъ интересные разоблаченія о томъ, какъ, униживъ Австрію, Наполеонъ III немедленно послѣ этого сталъ хлопотать о томъ, чтобы Австрія и Италія соединились противъ Пруссіи и Сѣверной Германіи. Изъ прочихъ историческихъ сочиненій, вышедшихъ въ прошломъ году, стоить упомянуть только одно: книгу герцога Брляи объ австрійскомъ союзѣ. Это въ высшей степени интересный вкладъ въ дипломатическую исторію времени Людовика XV и Маріи-Терези.

Изъ массы сочиненій, касающихся политическихъ вопросовъ особеннаго вниманія заслуживаютъ посмертныя сочиненія Вейсса (J. J. Weiss), а именно томъ, озаглавленный «Combats constitutionnels» (Конституціонныя битвы). Это собраніе журнальныхъ статей, посвященныхъ злобѣ дня, въ которомъ авторъ является необыкновенно остроумнымъ и провицательнымъ поли-

тикомъ. Спюллеръ, бывшій министромъ народного просвѣщенія въ министерствѣ Казимира Перье, издалъ свои рѣчи за это время, въ числѣ которыхъ находится и его знаменитая рѣчь о «Новомъ духѣ». Въ предисловіи Спюллеръ рассказываетъ, какое онъ принималъ участіе въ составленіи кабинета Перье и въ избраніи его президентомъ республики, и какъ неохотно въ томъ и другомъ случаѣ Перье подчинился желанію своихъ друзей. Г. Рене Милле (Béné Millet) въ своей «l'Expansion de la France» (Расширеніе Франціи) представляетъ не только основательное, но и блестящее изслѣдованіе. Г. Робинье продолжаетъ интересное изданіе писемъ Жюль Ферри; третій томъ почти исключительно посвященъ подготовленію и измѣненію школьныхъ законовъ. Подъ заглавіемъ «Souveraineté du Peuple et Gouvernement» (Власть народа и правительство). Эжевъ Эгаль (Eulthal) издалъ сочиненіе о необходимыхъ условіяхъ демократическаго правленія. Онъ находитъ, что свобода не можетъ существовать безъ сильной власти, и настаиваетъ на различіи между административною децентрализациею, необходимостью которой становится съ каждымъ днемъ очевиднѣе, и политическою децентрализациею, являющеюся лишь маскою федерализма. Онъ—сторонникъ демократіи и, можетъ быть, именно поэтому слабо указываетъ ей на ея недостатки. Г. Эмиль Шевалье (Chevalier) въ сочиненіи, по справедливости заслужившемъ премію академіи, даетъ очеркъ истории и критическій разборъ «Закона о бѣдныхъ». Г. Ивъ Гюйо (Yves Guyot) издалъ цѣлый рядъ памфлетовъ противъ социализма.

Изъ изданій по философіи единственное заслуживающее вниманія есть «l'Année philosophique» (Философскій годъ), г.г. Б. ни и Бине (Beaunie et Binet). Статья г. Брюнегера въ «Revue des Deux Mondes» о несостоятельности науки возбудила горячую полеміку*). Эта статья и отвѣтъ на нее Бертелло изданы отдѣльными брошюрами.

Отдѣлъ литературной критики, по обыкновенію, весьма богатъ. Г. Ларуже (Larroumet), бывшій директоръ школы изящныхъ искусствъ, написалъ специальное изслѣдованіе о соотношеніи между искусствомъ и литературою въ XVIII вѣкѣ. Гастонъ Пари (Paris) издалъ свои лекціи по поэзіи среднихъ вѣковъ. Г. Моно (Monot) издалъ «Revue

Historique», соединилъ въ одномъ томѣ свои этюды о Тавѣ, Ренавѣ и Машле**). Онъ лично знакомъ съ этими писателями и рассказываетъ исторію ихъ литературной и философской дѣятельности съ свойственнымъ ему безпристрастіемъ. Г. Жюссеранъ (Jusserand) продолжаетъ свое изданіе: «Les grands Ecrivains Français» (Великіе французскіе писатели). Въ послѣднихъ томахъ помѣщены: «Монтень» Поля Стаффера (Stapfer), «Фруассаръ» г-жи Дарместетеръ (Darmesteter), «Руссо» Шукке (Chuquet), «Лесаажъ» Линтильяка (Lintlilac), «Ларошфуко» Бурдо (Bourdeau), «Лакордеръ» д'Осонвилля (d'Hassonville), «Дилеро» Ж. Рейнаха (Reinach).

По исторіи искусства вышло нѣсколько замѣчательно изящныхъ иллюстрированныхъ изданій. Трудно въ какой-либо странѣ найти что-нибудь подобное Рафаэлю Мунца, Рембранду Мишеля или Salon carré Грюера (Gruyer). Фирмъ Hachette приваллежитъ первое мѣсто въ этомъ дѣлѣ: ея изданія отличаются тонкимъ вкусомъ и сравнительною дешевизною. Самыя замѣчательныя изъ нихъ: 1) «Histoire de l'Art dans l'Antiquité» Perrot et Chapiez (Исторія искусства въ древности Перро и Шапье) дошло до настоящаго времени до 6-го тома, т. е. до конца мѣсячного періода. По части иллюстрацій 2) «Histoire ancienne des Peuples de l'Orient classique» Maspero (Древняя исторія народовъ классическаго востока Масперо), пожалуй, еще изящнѣе. Публика знала Масперо, какъ замѣчательнаго ученаго, но въ этой книгѣ онъ является и талантливымъ писателемъ. 3) «Histoire de l'Art pendant la renaissance italienne» (Исторія искусства во время итальянскаго Возрожденія), въ 3 томахъ. Первый посвященъ до-рафаэлевскому періоду, второй обнимаетъ золотой вѣкъ, третій—конецъ Возрожденія. Г. Мунцъ (Müntz) вполне овладѣлъ своимъ предметомъ. Серьезный ученый, онъ въ то же время популярный писатель, и его книга можетъ занять мѣсто какъ на столѣ гостиной, такъ и на полкѣ бібліотеки.

Галомонъ Рейнахъ издалъ второй томъ своего: «Description raisonnée du Musée de St. Germain» (Объяснительнаго описанія С. Жерменскаго музея), посвященный бровнямъ романской Галліи; первый томъ «Histoire de la Sculpture grecque» (Исторія греческой

*) См. мартъ «М. В.» 1895 г., статью Раша, о г-нѣ Брюнетьеру.

*) См. июль «М. В.» 1895 г., бібліографич. отдѣлъ, «Критика и исторія литературы».

скульптуры) Коллинсона доходить до Фидія. Гастонъ Буассье въ своей «L'Afrique Romaine» (Римской Африки) даетъ рядъ интересныхъ статей по исторіи, географіи, культурѣ и искусству этой страны. Онъ сообщаетъ результаты новѣйшихъ изслѣдованій французскихъ археологовъ въ Алжирѣ и Тунисѣ. Гайе (Gayet) написалъ изслѣдованіе о персидскомъ искусствѣ и Robert de la Sizeranne (Р. де ля Сизеранъ) рядъ интересныхъ очерковъ о современныхъ английскихъ художникахъ.

Изъ описаній путешествій наибольшаго вниманія заслуживаютъ описанія поѣздки въ Америку Поля Бурже, два толстыхъ тома подъ заглавіемъ «Outre-mer» (За моремъ)*. Американцы въ восторгѣ отъ нихъ, парижане не ходятъ въ нихъ не мало новаго для себя. «Jérusalem» и «Le Desert» (Иерусалимъ и Пустыня) Лоти могутъ служить образцами поэтическихъ описаній.

Отдѣлъ беллетристики очень богатъ. Изъ стихотвореній особеннаго вниманія заслуживаютъ: «Les Pleureuses» (Плакальщицы) Генри Барбюсса (Barbousse); это рядъ стихотвореній, составляющихъ одну длинную поэму, воспѣвающую сладость траура и тѣни, удивленія и печали; «Aréthus» (Арэтуза), новый сборникъ стихотвореній Генри Реньо, литературнаго вника Андре Шенье; полное собраніе сельскихъ поэмъ Франсуа Фабіе; хорошенькіе «Noëls» Мориса Бушуара; сильно аффектированныя стихотворенія Катюла Мендеса: «La Grive des Vignes» (Привірка винограда); новыя натуралистическія сцены Аристиды Брюана (Briant).

Романы появляются въ необыкновенномъ изобиліи, почти каждый день приносятъ какое-нибудь новое произведеніе въ этомъ родѣ, но, къ сожалѣнію, качество далеко не соответствовало количеству. Мы назовемъ лишь нѣкоторые изъ нихъ:

Въ L'Armature Поль Гервье (Hervieu) съ безпощадною строгостью разбираетъ отношеніе между любовью и деньгами. Въ «l'Education de Prince» (Воспитаніе принца) Морисъ Доннэ (Dauphay) рисуетъ съ ѣдкимъ юморомъ, чему учить свѣтскій человѣкъ лишенаго престола государя, прѣхавшаго въ Парижъ повеселиться. Леонъ Додэ въ Les Morticole нападаетъ на медицинскую профессію. Всѣ съ нетерпѣніемъ ожидали новаго романа Альфонса Додэ, но опас-

ная болѣзнь лишила его на нѣсколько мѣсяцевъ возможности работать и по выздоровленіи онъ не могъ ничего дать, кромѣ перевода дневника одного провансальскаго крестьянина-поэта, гдѣ-то разсказаннаго имъ. Талантъ Додэ до сихъ поръ не ослабѣваетъ. Его «Маленькій приходъ» (La Petite Paroisse) не принадлежитъ къ числу лучшихъ его произведеній, но содержитъ множество замѣчательно талантливо написанныхъ сценъ. Большой успѣхъ имѣлъ въ прошломъ году «Le lys rouge» (Красная лилія) Анатоля Франсъ (France); написавъ онъ на избитую тему аристократическихъ liaisons, многія сцены въ немъ неприличны, но онъ изобилуетъ красивыми описаніями. Кромѣ этого романа, Франсъ издалъ томъ философскихъ «sauseries» (разговоровъ) «Le Jardin d'Epicure» (Садъ Эпикура) и книжку разсказовъ «Les puits de Sainte-Claire» (Колодезь св. Клары), проникнутую реновскимъ скептицизмомъ.

Кромѣ этого слѣдуетъ отмѣтить «Мира» (Myrrha), прелестный разсказъ Жюльа Леметра; два психологическихъ этюда Эдуарда Рода: «Le silence» (Бѣлая скала и Молчаніе) и «Les Roches Blanches»; Абаля Германа (Hermann) «Eddy et Patty» (Эдди и Патти); Франсуа Коппе «Contes tout simples» (Простыя сказки); хорошенькіе деревенскіе разсказы Фердинанда Фабра (Fabre) «Mon ami Gaffarot» (Мой другъ Гаффаро) и «Taillevant» (Тайлеванъ); Андре Тэриэ «Paternité» (Право отца); два разсказа Пала Арена, лауреата Прованса: «Domine» и «Les Demoiselles de Lire» (Дѣвочки Лире); сборникъ разсказовъ Поля Маргерита (Marguerite) «Pour l'Honneur» (Ради чести).

Германія.

Литература нынѣшняго года, — такъ картинно начинается свой обзоръ нѣмецкой литературы Робертъ Циммерманъ, — родилась подъ неблагоприятными созвѣздіями. По словамъ календарей, распорядителемъ ея судебъ является Сатурнъ, жестокий богъ, пожирающій собственныхъ дѣтей. Поэтому, изъ всей громадной массы литературныхъ произведеній лишь незначительной частію предостоятъ долговѣчность, и мы можемъ утѣшаться вмѣстѣ съ Валленштейномъ Шиллера, сваливая всю вину на несчастныя планеты. Нѣмцы не истребляютъ своихъ пѣвчыхъ птицъ, какъ другіе народы, они любятъ своихъ подлыхъ пѣвцовъ и приманиваютъ чужо-

* См. май «М. Б.», «Старый хожинъ», изъ этого сборника.

странныхъ. Во всѣхъ частяхъ Германіи каждый годъ появляются новыя арміи лириковъ, которые по крайней мѣрѣ, по мнѣнію поэтовъ, могутъ быть названы «арміей спасенія». Въ 3 мѣсяца вышло болѣе 25 сборниковъ лирическихъ стихотвореній, не считая разныхъ «антологій» и «избранныхъ произведеній». Изъ этихъ изданій наибольшаго вниманія заслуживаетъ Коттскій Альманахъ Музь (Musenalmanach), журналъ Францога, посвященный исключительно нѣмецкимъ стихотвореніямъ; сборникъ Альберта Путткамера Offenbarungen, (Откровенія) и посмертныя произведенія Бетти Паоли, извѣстнаго вѣнскаго поэта, скончавшагося въ прошломъ году. Вышло новое изданіе стихотвореній Германа ф. Гильмъ (Gilm), тирольскаго поэта, прелестныя любовныя пѣсни и пламенные оды котораго высоко цѣнятся въ Германіи. Альбрехтъ, графъ Визкенбургъ, посвятилъ «прекрасному городу на голубомъ Дунаѣ», сборникъ стихотвореній, проникнутыхъ добродушнымъ юморомъ и теплотой чувствъ подъ заглавіемъ «Mein Wien» (Моя Вѣна). Нѣмецкіе декаденты продолжаютъ въ своихъ эротическихъ стихотвореніяхъ изображать грубыя и даже грязныя стороны любви. Феликсъ Дѣрманъ (Dörmann) озаглавилъ свой сборникъ «Neurotika» (Нейрозъ), а Поль Фишеръ «Hallucinationen» (Галлюцинаціи).

Въ эническомъ родѣ слѣдуетъ отмѣтить два замѣчательныя произведенія «Робеспьеръ» молодой писательницы венгерки Маріи Евгени делья Граціе (delle Grazie), и «Фаустъ и Прометей» Германа Ганго (Hango). Въ краснорѣчивомъ прологѣ къ своей поэмѣ, 24 пѣсни которой составляютъ два довольно объемистыхъ тома, авторъ «Робеспьера» прославляетъ дѣятелей и жертвы исторической идеи революціи, какъ преемниковъ христіанскихъ мучениковъ и предшественниковъ жертвъ социализма. Эта тенденція окрашиваетъ все произведеніе, изобилующее драматическими сценами и картинными описаніями. Въ своемъ изложеніи авторъ старается сохранять полное безпристрастіе: онъ не смягчаетъ и не преувеличиваетъ ни пороковъ двора, ни увлеченій народной массы. Фигуры Маріи-Литванеты и короля нарисованы такъ же жизненно, какъ фигуры Мирабо, Лафайета, жирондистовъ и якобинцевъ. Какъ сторонница современнаго реалистическаго направленія, г-жа делья Граціе не отступаетъ передъ нѣсколькими грубыми описаніями и рискованными выраже-

ніями, какъ, напр., при изображеніи сентябрьскихъ убійствъ или поклоненія богинѣ разума. «Фаустъ» г. Ганго — ввукъ Фауста Грегенъ, и занимается не любовью, а изслѣдованіемъ вселенной. Прометей зажигаетъ для него факелъ, освѣщающій тьму вѣчной загадки природы и человечества. Поэтъ передаетъ въ блестящихъ притчахъ и звучныхъ стихахъ открытія современной науки и возстаетъ какъ противъ пессимизма, такъ и противъ теоріи случайности, безцѣльности. Онъ краснорѣчиво защищаетъ планомерность въ строеніи природы и проводитъ мысль, что «зародыши лучшихъ міровъ» создадутся изъ праха нашей земли и ея обитателей, растворенныхъ во вселенной.

Драматическій родъ поэзіи представленъ въ прошломъ году исключительно комедіями и драмами изъ семейной жизни. Наибольшій успѣхъ имѣла комедія Зудермана «Бой бабочекъ» (Schmetterlingsschlagt), которую правильнѣе было бы назвать Борьбой пауковъ, такъ какъ всѣ ея дѣйствующія лица, — исключая кроткой героини и еще болѣе кроткаго jeune premier, — гораздо болѣе походятъ на хищныхъ пауковъ, чѣмъ на легкрылыхъ бабочекъ. Соціальныя вопросы затронуты въ драмѣ Макса Нордау «Die Kugel» (Пуля) и въ комедіи Фульда «Die Kameraden» (Товарищи), но въ обоихъ выволѣ, дѣлаемый читателемъ, идетъ въ разрѣзъ съ намѣреніями авторовъ. Герой первой изъ нихъ стремится достигнуть положенія въ обществѣ и богатства, стыдится своей бѣдной матери и постоянно мучится сознаніемъ своего низкаго происхожденія; авторъ хотѣлъ сдѣлать изъ него трагическую фигуру, а на самомъ дѣлѣ онъ просто вызываетъ презрѣніе; героиня второй проповѣдуетъ свободную любовь, бросаетъ мужа ради недостойнаго «товарища» и является чѣмъ-то крайне нелѣпымъ, хотя авторъ хочетъ представить ее возвышенной натурой. Въ концѣ кощовъ обѣ пьесы превращаются въ савтменатальныя семейныя драмы. Зудерманъ, какъ драматическій писатель, имѣлъ сомнительный успѣхъ со своимъ «Боемъ Бабочекъ»; Зудерманъ, какъ романистъ, одержалъ побѣду надъ всеми соперниками своимъ романомъ «Это было» (Es war), который въ одинъ годъ выдержалъ 7 изданій. Въ то время, какъ звѣзда его знаменитыхъ предшественниковъ Шпильгагена, Дана и пр., меркнетъ, звѣзда автора «Die Sorge», «Der Katzensteig» «Im Zwielficht» и «Iolantha's Hochzeit» (Забота, Кошачья тропа, Въ сумеркахъ. Свадьба Иолан-ты) быстро поднимается.

Основная идея его романа «Это было» заключается въ томъ что каждое злое дѣло требуетъ искупленія. Кромѣ интереснаго содержанія романъ этотъ отличается замѣчательно живыми описаніями мѣстности и характеровъ; дѣйствіе происходитъ на сѣверѣ Германіи, въ восточной Пруссіи и мѣстный колоритъ удивительно сохраненъ не только въ языкѣ, но и въ образѣ дѣйствій, образѣ мыслей разныхъ лицъ. Описанія аристократическаго провинціального общества, самоодольной, но пустой жизни разныхъ пасторовъ и старомодныхъ честныхъ нѣмецкихъ семействъ замѣчательно удались автору. Всѣ его дѣйствующія лица дышутъ жизненной правдой. Нельзя сказать того же о лицахъ въ послѣднемъ романѣ Шпильгагена «Stimme des Himmels» (Нѣмая неба). Славу Шпильгагена составили его романы съ политической тенденціей. Послѣ объединенія Германіи онъ отказался отъ этой тенденціи, частью вслѣдствіе временнаго истощенія творческой силы, частью вслѣдствіе отрицательнаго отношенія къ современному ходу дѣлъ. Въ своемъ послѣднемъ произведеніи онъ не проводитъ ни политическихъ, ни социальныхъ идей, а затрогиваетъ вопросъ исключительно общественный и при томъ довольно избитый: вопросъ объ аристократическихъ предрассудкахъ. Въ губерванткѣ изъ буржуазной семьи влюбляется молодой аристократъ. Они вполнѣ подходящая пара, но онъ женатъ на аристократкѣ и сословные предрассудки мѣшаютъ имъ развестись; поэтому влюбленные бросаются въ воду и тонуть. Они становятся «нѣмыми гражданами неба, такъ какъ боги не дали имъ способности высказать, насколько они страдаютъ». Историческій романъ находится, повидимому, въ періодѣ упадка. «Клеопатра» Эберса и «Юліанъ Отступникъ» (Julian der Abtrünnige) Дана слабѣе прежнихъ произведеній этихъ авторовъ. Смерть Густава Фрейтага лишила въ прошломъ году Германію одного изъ талантливыхъ ея писателей. Въ своей пьесѣ «Die Journalisten» (Журналисты) онъ первый вывелъ на сцену нѣмецкихъ журналистовъ; его романы «Soll und Haben» (Приходъ и расходъ) и «Die verlorene Handschrift» (Потерянная рукопись) пользуются заслуженною извѣстностью; своимъ многотомнымъ произведеніемъ «Die Ahnen» (Предки), въ которыхъ онъ проводитъ исторію одной семьи черезъ всѣ періоды развитія Германіи, начиная съ великаго переселенія народовъ, онъ создалъ школу

историческаго романа. Послѣдователями его въ прошломъ году явились Рудолфъ ф. Готшалъ (Gottschall) съ своимъ романомъ «Im Bann des schwarzen Adlers» (Подъ властью Чернаго Орла) и Гансъ Гоффманъ съ своимъ: «Wider den Kurfürsten» (Противъ курфирста). Оба автора пруссаки и взяли свои сюжеты изъ прусской исторіи; у Готшала дѣйствіе происходитъ въ восточной Пруссіи, у Гоффмана въ Помераніи. Гоффманъ самъ родомъ изъ Помераніи и его «Novellen aus Hinterprohmern» (Померанскія повѣсти)—предельно картинны изъ жизни этой страны. Дѣйствіе его новаго романа происходитъ въ Штетинѣ, въ то время шведскомъ городѣ при осадѣ его «великимъ курфирстомъ» (1678 г.). Граждане, хотя подданные Швеціи, но сердцемъ сочувствуютъ Бранденбургу и отчаянно сражаются противъ его войскъ только для того, чтобы доказать, что достойны чести стать подданными великаго курфирста, — словомъ, порядочная билиберда.

Изъ мелкихъ разсказовъ замѣчательны новыя произведенія Маріи фонъ-Ебнеръ-Эшенбахъ (Ebner-Eschenbach) «Die Todten wacht» («Вдѣніе у гроба») и «Das Schädliche» («Вредное»). Первое—по оригинальности изображаемаго въ немъ положенія: все дѣйствіе происходитъ во время ночного бдѣнія у гроба; второе—по интересному вопросу, возбуждаемому имъ: можно ли примѣнять къ людямъ право охотниковъ убивать животныхъ, вредоносныхъ по своей природѣ. Поль Гейзе оставилъ драму и снова вернулся къ своему прежнему жанру—повѣстямъ. Его разсказы хороши не столько по своему содержанию, сколько по отдѣлкѣ частностей; лучшій изъ нихъ: Donna Lionarda (Донна Лионарда). Недурны повѣсти Ильзы Фрапанъ и Маріи ф. Бунзенъ; послѣдняя печатается свои произведенія въ журналѣ Deutsche Rundschau. Въ этомъ же журналѣ напечатанъ «Садъ Клавдія» *) Эрнеста Вильденбруха, разсказъ изъ первыхъ временъ христіанства, содержащій описаніе гоненій на христіанъ при Неронѣ. «Смерть», повѣсть Шницлера есть новѣйшій продуктъ крайняго реализма, не отступающаго передъ изображеніемъ какого бы то ни было безобразія физическаго или нравственнаго. Авторъ изображаетъ чахоточнаго больного, приговореннаго къ смерти, и передаетъ всѣ подробности его болѣзни, всѣ физиче-

*) Будетъ помѣщенъ въ «М. Б.» въ 1896 г.

скія и нравственныя страданія его. Такъ же въ новѣйшемъ вкусѣ, хотя совершенно въ другомъ родѣ, написанъ «Garten der Erkenntniss» («Садъ Познанія») Леопольда Адриана. Если Шнитцлера можно назвать художникомъ-реалистомъ, то Адрианъ несомнѣнно импрессионистъ. У одного все ясно и опредѣленно, у другого туманно и неопредѣленно. Лудвигъ Гангхоферъ (Ganghofer), извѣстный своими талантливыми изображениями горныхъ пейзажей Зальцбурга, подарилъ намъ рассказомъ изъ средневѣковой жизни: «Martinsklause». Дѣйствіе происходитъ у подножія снѣжной вершины Вацпанна во времена папы Григорія VII; его распоряженіе о томъ, чтобы духовенство соблюдало безбрачіе возбуждаетъ страшную бурю въ душѣ стараго священника, который мирно прожилъ 50 лѣтъ съ своей женой и предпочитаетъ смерть разлукѣ съ ней. Рядомъ съ этой драмой описывается страшная физическая катастрофа — сползаніе Вацпанна, которая стоила жизни многимъ жертвамъ.

Въ 1894 г. Германия праздновала 80 годъ рожденія Бисмарка. Вслѣдствіе этого масса изданій, касающихся «великаго Отца», наводнила нѣмецкую литературу. Первое мѣсто среди этихъ изданій занимаетъ біографія Бисмарка Ганса Влума, сына извѣстнаго революціонера 48 г., разстрѣяннаго въ Вѣнѣ. Главное достоинство этой біографіи состоитъ въ томъ, что она дѣлаетъ вполне понятными измѣненія въ политическихъ взглядахъ Бисмарка и показываетъ, какъ внутреннія убѣжденія его не мѣнялись. На развитіе Бисмарка, такъ же какъ на развитіе Гете, мать оказала большіе вліянія, чѣмъ отецъ; поэтъ унаслѣдовалъ отъ матери ея веселый нравъ, ея «любовь къ сказкамъ» — будущій политикъ заимствовалъ отъ своей матери трезвую расчетливость, холодность и страстное честолюбіе. Вообще писать біографію Бисмарка не трудно, такъ какъ для нея существуетъ масса матеріаловъ. Письма его къ роднымъ, особенно къ любимой сестрѣ его Мальвинѣ, изданныя нѣсколько лѣтъ тому назадъ, рисуютъ его, какъ частнаго человѣка, въ его семейныхъ отношеніяхъ; 12 томовъ его политическихъ рѣчей изданія Горста Коль (Horst Kohl) и собраніе его изреченій Г. ф. Пошингера (Poschinger) даютъ понятіе о немъ, какъ о политическомъ дѣятелѣ. Мало того, въ прошломъ году тѣмъ же Пошингеромъ (Poschinger) издано собраніе застольныхъ разговоровъ и интервью князя Бисмарка. (Fürst Bismarck neue Tischgespräche und Interviews).

Изъ разговоровъ князя за обѣдомъ, «за рюмкой хереса и сигарой», всего интереснѣе его разговоры съ извѣстнымъ историкомъ Мотлеемъ, бывшимъ посланникомъ Соед. Штат. въ Вѣнѣ въ 1864 г. и посѣтившимъ Бисмарка въ Варшавѣ въ 1872 г.

Въ Германіи существуютъ такъ-называемые Ежегодники (Jahrbuch) въ честь нѣкоторыхъ знаменитыхъ писателей, вокругъ имени которыхъ создаются дѣлая литература (Шекспиръ, Гете, Шиллеръ); Горстъ Коль предложилъ основать такой же «Ежегодникъ» въ честь Бисмарка и первый выпускъ его вышелъ въ мартѣ 1894 г. Онъ заключаетъ нѣкоторые документы, касающіеся князя; нѣсколько стихотвореній и статей, написанныхъ въ честь его.

Вышедшіе въ прошломъ году шестой и седьмой томы «Исторіи основанія Германской Имперіи Вильгельмомъ I» Гейнриха Зибеля представляютъ собственно ни болѣе, ни менѣе, какъ біографію Бисмарка. Авторъ былъ противникомъ политики прусскаго министра Бисмарка въ періодъ борьбы предъ 1866 г. и энергично противодѣйствовалъ проведенію въ жизнь его монархическихъ стремленій. Тѣмъ не менѣе, канцлеръ разрѣшилъ историкъ свободно пользоваться документами министерства иностранныхъ дѣлъ. Характерно для новаго режима, что послѣ отставки Бисмарка разрѣшеніе это было отнято отъ Зибеля. Къ счастью, это не мѣшаетъ историкъ продолжать его трудъ. Седьмой томъ доходитъ до объявленія франко-прусской войны.

Первый томъ біографіи побѣдителя при Аспернѣ, издаваемой Гейнрихомъ Цейсбергомъ (Zeissberg), бросаетъ новый свѣтъ на исторію наполеоновскихъ войнъ, многія частности которыхъ до сихъ поръ плохо выяснены. Среди массы историческихъ монографій заслуживаетъ вниманія изслѣдованіе Эрнста Гаффера о жизни извѣстнаго агитатора Георга Іенатса, героя романа Конрада Фердинанда Мейера; изслѣдованіе это доказываетъ, что иногда поэтъ можетъ путемъ интуиціи, безъ точнаго знанія историческихъ фактовъ, угадать характеръ историческихъ дѣятелей.

Изъ литературы, посвященной Гете, слѣдуетъ отмѣтить статьи Ричарда Мейера (Meur), появившіяся въ видѣ отдѣльной книги; изъ шекспировской литературы замѣчательна по заключающимся въ ней курьезамъ книга Едвина Борманна подъ заглавіемъ: «Тайна Шекспи-

ра*)). По словамъ автора, *instauratio magna* Бэкона состоитъ изъ двухъ частей, одной—научной, написанной въ прозѣ подъ его собственнымъ именемъ, другой—символической, въ драматической формѣ, подъ псевдонимомъ Шекспира. Борманнъ находить подтвержденіе своей теоріи, главнымъ образомъ, въ именахъ разныхъ дѣйствующихъ лицъ; такъ, въ Гамлетѣ солдатъ Франциска никто другой, какъ Францисъ Бэконъ, Гораціо, который на вопросъ Фернадо: «Какъ, Гораціи здѣсь?»—отвѣчаетъ:— «Часть его»,—есть воплощеніе мудрости Бэкона: (Но—ratio).

Очень интересная книжка, изданная Генри Тодемъ (Thode) «Кольцо Франципани» («Der Ring des Frangirani») относится на половину къ области исторіи, на половину къ области романа. Одинъ крестьянинъ нашелъ въ окрестностяхъ Норденона кольцо со старо-германскою надписью. Документы, случайно открытые въ архивѣ, и цѣлый рядъ остроумныхъ сблуженій привели автора къ убѣжденію, что это кольцо есть то самое, которое Аполлонія Лангъ, дочь одного Аугсбургскаго патриція и сестра извѣстнаго любима импер. Максимилиана I, кардинала Матвея Ланга,—дала своему второму мужу, графу Франципани въ 1513 г.

Если соображенія, которыя привели автора къ этому выводу, правильны, вся исторія является въ высшей степени фантастичной; если они неправильны, сказка во всякомъ случаѣ сочинена весьма правдоподобно.

Философская литература потеряла въ прошломъ году одного изъ своихъ видныхъ представителей, Морица Каррьера (Carriere). Последнія произведенія этого автора, бывшаго ученика Гегеля и protégé Беттины ф. Арнимъ, одного изъ основателей фихтевской теистической школы, появилось въ прошломъ году подъ заглавіемъ: «Christus» («Христость»), «Das Wachstum der Energie»

(«Возрастаніе энергіи») и «Fichte's Geistesentwicklung» («Развитіе духа Фихте»); они дышатъ тѣмъ же горячимъ энтузіазмомъ, тѣмъ же страстнымъ поклоненіемъ красотѣ, какъ и главныя произведенія его: «Эстетика» и «Die Kunst im Zusammenhang der Cultur-entwicklung» («Искусство въ связи съ развитіемъ культуры»). Укажемъ еще одно произведеніе, однородное съ этимъ послѣднимъ по количеству собраннаго въ немъ научнаго матеріала и въ особенности по общимъ взглядамъ автора на міръ по его гуманно-религіозному духу, чуждому всякаго сектанства: это—недавно вышедшее въ двухъ томахъ сочиненіе Гектора Арнета: «Das classische Heidenthum und die christliche Religion» («Классическое язычество и христіанская религія»), «Die Aesthetischen Zeitfragen» («Современные эстетическіе вопросы»), Иоганна Фолькельта (Volkelt) и «Die Literatur und Kunstkritische Studien» («Критическіе очерки литературы и искусства»). Л. Мюльнера (Müllner) представляютъ монографіи по отдѣльнымъ вопросамъ; первая направлена противъ крайняго реализма въ искусствѣ, вторая, авторъ которой католическій священникъ, трактуетъ о литературѣ и искусствѣ съ клерикальной точки зрѣнія. Книга Рихарда Вале (Wahle) «Das ganze der Philosophie und ihr Ende» («Философія въ ея цѣломъ и ея конецъ») разсматриваетъ философскую дѣятельность въ ея цѣломъ и приходитъ къ выводу, что когда вся глубина философіи будетъ исчерпана, тогда настанетъ конецъ ея. Въ результатъ безопазальной критики, какой авторъ подвергаетъ всѣ отрасли философіи, не исключая и математики, въ особенности же психологію и этику, является такое положеніе: всѣ дѣятельныя силы и факторы неизвѣстны человѣчеству и всѣ принципы для него закрытая книга. Въ послѣднемъ выводѣ получается, говоря словами автора, «агностицизмъ», нѣчто сходное съ «неизвѣстнымъ» Герберта Спенсера.

*) См. ноябрь «М. В.» 1895 г., статья проф. Стороженко—«Модная ересь».

НОВЫЯ КНИГИ, ПОСТУПИВШІЯ ВЪ РЕДАКЦІЮ

съ 15-го октября по 15-е ноября.

- Д. Н. Маминъ-Сибирякъ. *Хлѣбъ*. Романъ. Изданіе ред. журнала «Русская Мысль». Москва. 1896 г. Ц. 2 р.
- Капитанъ Майнъ-Ридъ. *Всадникъ безъ головы*. Приложение къ журналу «Вокругъ Свѣта» за 1895 г.
- К. М. Станюковичъ. *Морскіе силуэты*. Спб. 1896 г. Ц. 1 р.
- Д. Е. Лаппо. *Бѣлорусскіе рассказы*. Казань. 1895 г. Ц. 1 р.
- П. П. Гнѣдичъ. *Черезъ Черное море на Босфоръ*. Рис. М. Далькевича. Спб. 1896 г. Изданіе А. Ф. Маркса.
- Приключенія двухъ кораблей или рассказы о царствѣ вѣчнаго холода. *Составилъ Н. А. Рубакинъ*. Изданіе О. Н. Поповой. Спб. 1896 г.
- Эрнстъ Экштейнъ. *Въ карьерѣ*. Юмористическій очеркъ изъ гимназической жизни. Спб. 1895 г. Ц. 15 к.
- Изданія Харьковскаго Общества распространенія въ народѣ грамотности: *На краю свѣта. Братства. Школа*.
- Викторъ Гюго. Собраніе стихотвореній въ переводахъ русскихъ писателей подъ редакціей И. Ф. Тхоржевскаго. Вып. VII. Ц. 20 к.
- Аполлонъ Коринфскій. *Черныя розы*. Спб. 1896 г. Ц. 1 р.
- Альфредъ де-Мюссе. *Ночи*. Перев. А. Д. Облеухова. Москва. 1895 г. Ц. 60 к.
- Н. А. Мурашкинцевъ. *Ветеринарія въ примѣненіи къ сельскому хозяйству*. Изданіе К. Тихомірова. Москва. 1895 г. *О сибирской язвѣ*. Ц. 5 к. *О бурчаткѣ домашнихъ животныхъ*. Ц. 5 к.
- Д. И. Шрейдеръ. *Японія и японцы*. Съ 145 рис. въ текстѣ и картою. Изданіе А. Ф. Девриена. Ц. 4 р.
- К. А. Ивановъ. *Средневѣковой монастырь и его обитатели*. Спб. 1895 г. Ц. 1 р.
- Полезная бібліотека. *Драгоценныя камни*. Составилъ И. Святскій. Съ 38 рис. Изданіе П. Сойкина. Ц. 50 к.
- М. И. Ростовцева. *Практическое руководство къ пчеловодству*. Сост. по лекціямъ, читаннымъ на курсахъ для народныхъ учителей въ 1894 г. Ц. 25 к. Оренб. 1895 г.
- Д-ръ Гефель. *Противъ разврата*. Соціально-медицинскій очеркъ. Перев. съ нѣм. Съ предисловіемъ Калмыковой. Одесса. 1896 г. Изданіе Лейненберга. Ц. 10 к.
- Библіотека для всѣхъ. *Исторія культуры*. Фридрихъ Штрайслеръ. Изданіе Н. Лейненберга. Одесса. 1896 г. Ц. 40 к.
- Ф. Листъ. *Наказаніе и его плыи*. Перев. съ нѣм. Изданіе Г. Юровскаго. Ц. 25 к.
- В. Я. Я — въ. *Георгі Вашингтонъ и основаніе Стыверо-Американскіхъ Соединенныхъ Штатовъ*. Изданіе В. Я. Муринова. Москва. 1895 г.
- О положительномъ воспитаніи. Народн. учителя А. Ц. 65 к. Спб. 1895 г.
- Н. И. Борисовъ. *Вопросы школьной статистики*. Изданіе Херсонскаго губ. земства.
- Опытъ элементарной алгебры въ связи съ логикой. Руководство къ самообразованію. П. Фирсова. Спб. 1895 г. Ц. 1 р.
- Полезная бібліотека. *Спортъ во все время года*. Съ 60 рис. Изданіе П. П. Сойкина. Спб. 1895 г. Ц. 50 к.
- Десять чтеній по литературѣ. *А. А. Лавровъ, А. Грузинскій, Ф. Нелюдовъ, С. Смирновъ*. Съ 29 рисунками. Изданіе А. И. Мамонтова. Москва. 1895 г. Ц. 1 р.
- А. М. Алексѣевскій. Памяти Императора Всероссийскаго Александра III. Спб. 1895 Ц. 60 к.
- Іоанна Даріа. *Историческая хроника Н. Деметъевой*.
- Землевѣдніе. Периодическое изданіе Географическаго Отдѣленія Императорскаго Общества любителей естествознанія, этнонологіи и этнографіи. Кн. II и III подъ ред. Д. Н. Анучина и В. В. Богданова.
- Метеорологическое обозрѣніе. Труды метеорологической съѣти Юго-Западной Россіи въ 1894 г. Вып. VII. А. Клоссовскаго. Одесса. 1895 г.
- Лѣтописи метеорологической обсерваторіи Императорскаго Новороссійскаго университета. А. Клоссовскаго. Одесса. 1895 г.
- В. А. Гольцевъ. *Литературные очерки*. Изданіе ред. журн. «Русская Мысль». Москва. 1895 г. Ц. 1 р.
- Н. В. Шелгуновъ. *Очерки русской жизни*. Изданіе О. Н. Поповой. Ц. 2 р.
- Ч. Дарвинъ. *Происхожденіе видовъ путемъ естественнаго подбора или сохраненіе благоприятствующихъ породъ въ борьбѣ за жизнь* Выпуски I и II. Перев. М. Филиппова. Спб. 1895 г. Приложение къ журналу «Научное Обозрѣніе».

АЛФАВИТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ ЗА 1895 г.

ЖУРНАЛА «МІРЪ ВОЖІЙ».

- Агафоновъ, В. Карлъ Фохтъ.** Биографич. очеркъ, сент., 70.
- Адлеръ, Готт.** О свойствахъ матеріи. (Переводъ съ нѣмец.), июнь, 49.
- Барановъ, М.** Деревенскія картинки, июль, 27.
- Бальмонтъ, К.** Стихотвореніе, августъ, 56. Жизнь и смерть (стихотвореніе), сентябрь, 151.
- Бунинъ, И.** Святая ночь, апр., 1.
- А. Б.** Новый шагъ къ просвѣщенію. (По поводу прогр. дом. чтенія), февр., 50.
- Безродная, Ю.** Аудіенція. (Эпизодъ изъ жизни Вастиліи), мартъ, 1; апрѣль, 24.
- Бородинъ, И.** Процессъ оплодотворенія въ растительномъ царствѣ. янв., 195; февр., 112; мартъ, 75; апр., 172; май, 164; июнь, 120; авг., 155; сент., 129.
- Бурже-Поль, Старый** хозяинъ. (Пер. съ франц.), май, 45.
- Веселовскій, Юр.** Стихотвореніе. (Изъ Гейне), янв., 65.
- Валленбергъ, А.** Великій чело-вѣкъ. (Пер. со шведскаго), янв., 96; февр., 174; мартъ, 112; апр., 207; май, 79; июнь, 155; июль, 136; авг., 103.
- Де-Варинъ, Н.** Незвѣстная Япо-нія. Ларфкадіо Гирнъ. (Пер. съ франц.), окт., 157.
- Де-Винъ, Альфр.** Севъ - Марсъ. Пер. съ франц., приложение, июль, 1; авг., 52; сент., 49; окт., 81; нояб., 117, декабрь, 166.
- Ватсонъ, М.** Поэтъ. (Стих. изъ Кардуччи), май, 15.
- Гр — ть, Берлинская** Уранія. (Письма изъ Берлина), окт., 49.
- Гутцлеръ, Сара.** Юные амери-канцы. (Пер. съ англ.), апр., 81.
- Гейерстамъ, Густ.** На хлѣбахъ. (Пер. со шведск.), июнь, 30.
- Гаринъ, Н.** Бурлаки, янв., 150.
- Гёксли, Т.** Изъ моей жизни (авто-биографическія замѣтки). (Пер. съ англ.), окт., 149.
- Гарднеръ, Е., Н. В. Стасова.** (Не:рологъ), ноябрь, 238.
- Дюкюдрэ.** Исторія цивилизаціи. (Пер. съ франц.), приложение, янв. 1; февр., 41; мартъ, 65; апр., 81; май, 105; июнь, 137; июль, 153; авг., 177; сент., 201; окт., 233; ноябрь, 265; дек., 290.
- Дубовенко, Гр.** Воскресныя чте-нія въ сельской школѣ, февр., 161.
- Давыдова, Л.** Ричардъ Остлеръ, король фабричныхъ дѣтей, мартъ, 22.
- Ивановъ, Ив.** Иванъ Сергѣевичъ Тургеневъ. Жизнь, личность, творче-ство, янв., 1; февр. 15; мартъ, 146; апр., 101; май, 120; июнь, 1; июль, 80.
- Положительныя слова, ноябрь, 200
- Новая французская литература у новѣйшихъ историковъ. декабрь, 156.
- Киплингъ и Ольк. Балле-стриаръ.** Конецъ пути, янв., 176.
- Наулака.** (Пер. съ англ.), июнь, 59; июль, 49; авг., 71; сент., 103; окт., 61; нояб., 98; декабрь, 119.
- Компейра,** Основанія элементар-ной психологіи. (Пер. съ франц.), при-ложение, авг., 1; сент., 33; окт., 65; нояб., 95, декабрь, 127.
- Кайгородовъ, Д.** Животный ор-ганизмъ и погода, авг., 1.
- Крашевскій, I.** Князь и кметы. (Пер. съ польск.), приложение, янв. 1; фев., 33; мар., 49; апр., 65; май, 81; июнь, 103.
- Лучицкая, М.** Шведско-норвеж-скій конфликтъ, авг., 93.
- Ладыженскій, В.** Стихотвореніе. (Изъ Викт. Гюго), февр., 49. Стих. изъ Фр. Коппе, июнь, 29.
- Лесевичъ, В.** Денисовскій казакъ Р. Ф. Чмыхало, его сказки и присказки, апр., 9.
- Лѣбокъ, Д.** Какъ пользоваться жизнью. (Пер. съ англ.), мартъ, 210; апр., 225; май, 218; июнь, 182; июль, 163.
- Маминъ-Сибирякъ, Д.** Да, виновенъ. (Очеркъ), февр., 1.
- А. В. Елисѣевъ. (Страничка изъ воспом.), июль, 37.
- Красная Шапочка, дек., 76.
- Миклашевскій, А.** Машины и народное благосостояніе, окт., 86.
- Милюковъ, П.** Очерки по исто-ріи русской культуры, янв., 136; февр., 221; апр., 44, июнь, 77; июль, 1; сент., 183; нояб., 141; дек. 194.
- Мейснеръ, А.** Двѣ матери. Стих. изъ В. Гюго, апр., 23. На вершинѣ. (Стих. изъ В. Гюго), сент., 128.
- Минскій, Н.** Осенняя мелодія. (Стих.), окт., 154. У моря. (Стих.), но-ябрь, 46.
- Никольскій, А.** Автомотія у животныхъ, сент., 152.
- Наши первенцы.** (Изъ литер. воспом. Эберса, Шнильгагена и Зудер-мана), февр., 194.
- Обзоръ иностраннхъ ли-тературъ,** декабрь, см. библиогра-фическій отдѣлъ.
- Острогорскій, В.** Пралѣдъ со-временнаго романа, авг., 57.
- В. Д. Сиповскій. (Некрологъ), сент., 236.
- Кого мы лишились двадцать пять лѣтъ назатъ, дек., 152.
- Ожешко, Э.** Два брата. (Пер. съ польск.), сент., 160; окт., 168.

Остои, Философка. (Пер. съ польс.), мартъ, 96.

П. Э. Дѣятельность женщинъ въ Соед. Штатахъ, февр., 86. Лу: Пастерь, октябрь, 238.

Потапенко, И. Грѣхи. (Наброски и силуэты), сент., 1; окт., 1; ноябрь, 18, декабрь, 1.

Ренанъ, Э. Моя сестра Генриэтта. (Пер. съ франц.), сент. 24.

Рише, Ш. Потерѣла ли наука банкротство? (Съ франц.), мартъ, 102.

Станюковичъ, К. Исторія одной жизни, янв., 43; февр., 60; мартъ, 53; апр., 147; май, 197; июнь, 101; июль, 183; авг., 181; окт., 175; ноябрь, 177.

Стороженко, В. Модная литературная ересь, ноябрь, 1.

Селивановъ, Н. Стихотвореніе, апр., 224.

Туганъ-Барановскій, М. Значеніе экономическаго фактора въ исторіи; декабрь, 100.

Уйда, Неблагодарный, рассказъ. (Пер. съ англ.), ноябрь, 44; декабрь, 41.

Холодковскій, Н. Отъ грековъ до Дарвина. (Истор. очеркъ идеи развитія органич. міра Генри Осборна), октябрь, 38. Окраска животныхъ, нояб., 76.

Франко, И. Къ свѣту, рассказъ. (Перев. съ русинскаго), февр., 140.

Фабръ, Изъ энтимологическихъ воспоминаній. (Перев. съ франц.), сент., 56.

Фулье, Альфр. Характеръ и разумъ. (Пер. съ франц.), янв., 67.

Чюмина, О. Стихотвореніе. (Изъ Вальт. Скотта), июль, 25. Стихотвореніе. (Изъ Альф. де-Мюссе), авг., 180. Стихотвореніе, декабрь, 193.

Чириковъ, Е. Ранніе восходы, авг., 20.

Шрейдеръ, Д. Яматою и его семья. (Изъ воспом. о Японіи), апр., 59; май, 26.

Цераскій, В. Нѣсколько соображеній о температурѣ солнца на основаніи опытовъ съ большимъ зажигаемымъ зеркаломъ, мартъ, 102.

Ядринцевъ, Стихотвореніе, мар., 49.

Отдѣлъ I. Критическія замѣтки. Мартъ, 227. Неопредѣленность понятія «народъ» въ нашей «народнической» литературѣ. Вытекающія отсюда противорѣчія. Какъ образчикъ послѣднихъ книга А. Пругавина «Запросы народа и обязанности интеллигенція». Положительная сторона этой книги. Два слова по поводу «Обзора народно-учебной литературы С.-Петербургскаго Комитета грамотности». Какимъ оружіемъ надо бороться съ издателями Никольскаго рынка. Наша за-

бывчивость къ памяти выдающихся тѣлителей. «Юридическія поминки» А. Э. Кони. Его блестящія характеристика. Любопытная страничка изъ прошлаго, имъ приводимая.

Апрѣль, 245. Обиліе выставокъ: четыре художественныхъ и первая все-россійская выставка печатнаго дѣла. Обыватель и его отношеніе къ книгѣ. Оживленіе издательской дѣятельности. «Молодая поэзія». Изъ «Литературныхъ очерковъ» Надсона. Два разсказа на одну тему: Д. Н. Мамина—«Исповѣть» и Л. Н. Толстого—«Хозяинъ и работникъ». Какъ умираютъ люди культуры.

Май, 234. «Очерки Сѣверо-Американскихъ Соединенныхъ Штатовъ» П. А. Тверскаго. Двѣ главныя отличительныя черты американской культуры. Обывательскій патріотизмъ «чисто русскаго» челоука и его мистическая подкладка. «Гимназисты»—Гарина. Два рода живописи. Отчего у насъ такъ мало настоящихъ людей? Вліяніе семьи и школы. Въ записку старости—брошюра А. Э. Кони «Предѣльный возрастъ для судей».

Юнь, 212. «Ганнеле», фантастическія сцены въ двухъ частяхъ, Гергарта Гауптмана. Въ чемъ заключается причина успѣха пьесы? Символическій реализмъ «Ганнеле». «Починъ», сборникъ общества любителей російской словесности. «Пritch» Л. Н. Толстого. Ошибочность его взгляда на отношенія общества къ его проповѣди. Удивительное толкованіе послѣдней повѣсти графа «Хозяинъ и работникъ». «Этюды о русской читающей публикѣ» Н. А. Рубкина. Упадокъ читателей изъ привилегированныхъ классовъ и ростъ читателей изъ народа.

Юль, 207. Воспоминанія Г. Мертваго «Не по торному пути». Чего искали злѣтъ пятнадцать назадъ и чего ищутъ теперь. Французскій «пролетарій» и русскій общинникъ. «Мысли о школьномъ и домашнемъ воспитаніи» Л. Келльнера. Какъ понимаютъ значеніе учителя въ Германіи и у насъ. «Историческое Обзорѣніе» т. восьмой. Благодарное соревнованіе. Новыя программы для самообразованія. Нѣкоторыя ихъ особенности и общая односторонность.

Августъ, 201. Любопытная страничка изъ жизни тридцатыхъ годовъ. «Записки А. О. Смирновой». Литературный салонъ, его хозяйка и ея гости. Личность Смирновой. Отсутствие интересовъ общественнаго характера. Пушкинъ и трагизмъ его положенія. Невозможность его гибели. Изъ воспоминаній Н. В. Шелгунова о томъ же времени. Полное собраніе сочиненій 2 т. Къ характеристикѣ современной молодежи. Отвѣтъ г-ну Коппе его «Юнаго друга». «Отвѣтъ од-

ного изъ учащейся молодежи» г-цу Карьеву на его «Письма о самообразовании» и «Обращение товарища къ студентамъ».

Сентябрь, 217. Оживление интереса къ книгѣ. Удовлетвореніе этого интереса. Новая книга о книгахъ. «Мнѣнія русскихъ людей о лучшихъ книгахъ для чтенія». Различныя мнѣнія о вліяніи книги. Что сильнѣе—книга или жизнь? Изъ общественной жизни заграницей; «Нѣкоторыя изъ учрежденій общественнаго благоустройства въ Западной Европѣ», изъ отчета г. Сперанскаго. Пародія на такія же учрежденія у насъ. Рѣдкій у насъ типъ ученаго: Я. К. Гротъ по даннымъ его автобіографіи. Нѣкоторыя изъ его «мыслей, посвященныхъ покойному наслѣднику Николаю Александровичу».

Октябрь, 193. Русскіе декаденты и символисты «Шедевры» г-на Брюсова. «Русскіе символисты», изд. г-на Брюсова. Творенія г-на Коханскаго и Добролюбова. Общее впечатлѣніе отъ русскаго символизма. Символизмъ Метерлинка въ его драмѣ «Тайны души». Символизмъ Ибсена въ драмахъ «Архитекторъ Сольнесъ» и «Маленькій Эвольфъ». Значеніе нашихъ символистовъ. Школа шестидесятихъ годовъ, какъ противоположность современной. Памяти Т. Н. Грановскаго.

Ноябрь, 223. Романъ г-на Мережковскаго «Отверженный». Двойственность производимаго имъ впечатлѣнія. Вѣрное изображеніе настроенія эпохи. Отсутствие шаблонности въ описовкѣ типовъ. Странное освѣщеніе характера главнаго героя. Историческая справка для декадентовъ. «Волгжгания», лит. литературно-научный сборникъ. Къ характеристикѣ провинціальной прессы. «Изъ записокъ сельской учительницы», г-жи А. Штевенъ. Общій интересъ книги и ея большое общественное значеніе.

Декабрь, 231. «Хлѣбъ», романъ г. Мамина. Новые типы: «интеллигентная черничка» и человекъ будущаго. «Душевные свойства женщины» г. Каптерева. Проповѣдникъ для молодежи: г. Н. Карѣевъ и его произведенія для молодежи. Тридцатилѣтіе «Вѣстника Европы».

Отдѣлъ II. На родинѣ. Январь, 210. Вопросы русской общественной жизни. Вопросы народнаго образованія на земскихъ собраніяхъ. Народное образованіе въ Финляндіи. Культурные успѣхи Финляндии. Нашествіе мшшей. Изъ переписки М. Е. Салтыкова. Одна изъ женъ декабристовъ.

Февраль, 236. Новая организація прирѣдныя библіотекъ въ Москвѣ. Народныя библіотеки. Человѣчскія жертвоприно-

шенія въ Вятской губ. Изъ жур. «Вѣстникъ Европы», «Сѣверный Вѣстникъ», «Русская Школа».

Мартъ, 237. Секта блѣдоризцевъ. Женская доля. Калмыцкое оружное училище. На родинѣ Тургенева. Изъ журн. «Русская Мысль», «Русская Школа».

Апрѣль, 260. Рѣчь сенатора Кони о судѣ присяжныхъ. Памяти Я. И. Ростовцева. Восемьчасовой рабочий день на русской фабрикѣ. Изъ исторіи народнаго образованія въ Сибири. Грамотность и холера. Идеальный народный учитель. Изъ частной жизни гр. Д. Н. Толстого. Первая всероссійская выставка печатнаго дѣла. Н. С. Лѣсковъ. Ломоносовъ и его современники.

Май, 251. Женскій медицинскій институтъ. Всеобщее народное образованіе. Новый типъ общины. Новая секта «тайныхъ духовныхъ христіанъ». Разбѣи на Кавказѣ. Изъ русскихъ журналовъ.

Іюнь, 227. Къ вопросу о тѣлесномъ наказаніи. Народныя чтенія. Народныя библіотеки въ Николаевскомъ уѣздѣ. Летучка. Секта дулиателей. Человѣчскія норы. А. В. Елисейевъ (некрологъ). Поэзія гр. Алексѣя Толстого. Смерть Пушкина. Воспоминанія о московскомъ университетѣ.

Іюль, 226. Всесословная волость. Дѣти-работники. Фабричныя школы. Помощь вятскаго земства кустарямъ. Буршевская психіатрическая колонія. Вымараніе внородцевъ. Н. Х. Бунге (некрологъ). Переписка Бѣлинскаго съ его вѣсткой. Изъ журналовъ. Условія распространенія образованія въ народѣ.

Августъ, 210. Земскія мнѣнія о необходимыхъ сельско-хозяйственныхъ и экономическихъ реформахъ. Отношенія народа къ школѣ. Шадринскій приютъ для сиротъ. Павловская артель кустарей. Дѣло о безпорядкахъ близъ Святогорскаго монастыря. На дальнемъ Востоцкѣ.

Сентябрь, 240. Изъ записокъ земскаго статистика. Изъ быта русскихъ рабочихъ. О тѣлесномъ наказаніи. Докладъ проф. Якобіа. О вахскихъ останахъ. Газета для народа. Сибирскіе бродяги. Сельская медицина въ неземскихъ губерніяхъ.

Октябрь, 210. Двадцатилѣтіе городского самоуправленія въ Россіи. Къ вопросу о нормировкѣ рабочаго дня на русскихъ фабрикахъ. Народное образованіе въ Мулаторовскомъ округѣ. Кавказскіе духоборы. Воздвиженское трудовое братство.

Ноябрь, 243. Общедоступныя литературныя вечера въ Одесѣ. Христіанское хозяйство въ Полтавской губ. Гвацкое кустарное производство въ Чернигов-

ской губ. Земскія читальни для народа. Церковно-приходскія школы въ Оренбургской губ. Юбилей А. О. Кони. Гоголь и Чаадаевъ. Рабочіе на Сибирской желѣзной дорогѣ.

Декабрь, 250. Земледѣльческая артели въ Елисаветградскомъ уѣздѣ. Пытки въ Рѣшицкомъ уѣздѣ. Общественная благотворительность въ деревнѣ. Бабье царство. Бурашевская колонія для душевнобольныхъ. Прокаженные въ Прибалтийскомъ краѣ. Якуты Верхоянскаго округа. Самоубийствѣ.

Отдѣлъ III. За границей.
Январь, 232. Ремесленные совѣты въ Соединенныхъ Штатахъ Сѣверной Америки. Литературный клубъ въ Лондонѣ. Театръ для рабочихъ въ Германіи. Географическія общества въ Европѣ и другихъ частяхъ свѣта. Народныя кухни въ Вѣнѣ. Медицинское образованіе въ Шотландіи. Изъ журналовъ: «Westminster Review», «Revue des deux Mondes», «La Nature», «Revue des Revues», «Die Zeit», «Vong Woman», «Northamerican Review», «Popular Science Monthly».

Февраль, 250. Оксфордскій митингъ британской ассоціаціи. Драматургъ-художникъ. Американская печать. Астрономъ-воздухоплаватель. Самая высокая обсерваторія въ Великобританіи. Женщины-миссіонеры въ Африкѣ. Этическое общество въ Вѣнѣ. Счастливая идея. Новая гипотеза о происхожденіи Австраліи. Изъ иностран. журналовъ: Полемика «Revue des deux Mondes» съ «Revue Scientifique», «Revue des Revues», «Educational Review», «Forum», «Revue des deux Mondes», «Review of Reviews», «Fortnightly Review», «Northamerican Review».

Мартъ, 247. Англійскія школы. Способность приспособленія у животныхъ. Народное образованіе въ Австріи. Разговоръ съ Альфонсомъ Дола. Европейскія женщины въ Конго. Первобытный народъ. Изъ иностр. журналовъ: «Revue de Paris», «Natural Science», «Zukunft».

Апрѣль, 260. Темныя стороны общественной благотворительности въ Германіи. Права женщинъ въ Австраліи и Европѣ. Американскія странствующія бібліотеки. Драматическое искусство въ Индіи. Новая летательная машина.

Май, 264. Бисмаркъ на судѣ общественнаго мнѣнія. Негры въ Америкѣ. Соціально-экономическій музей. Воспитаніе женщинъ въ Нидерландахъ. Психологическія особенности нѣкоторыхъ писателей. Дезинфекція посредствомъ солнца. «Revue de deux Mondes», «Re-

vue des Revues», «Revue internationale de sociologie», «Revue scientifique».

Іюнь, 243. Женщины въ европейскихъ университетахъ. Столѣтіе Парижской нормальной школы. Деревенская жизнь въ Америкѣ. Тайныя и явныя общества въ Китаѣ. Землетрясенія. Катастрофа въ Лайбахѣ. «Revue des Deux Mondes», «Revue scientifique», «Popular science Monthly».

Іюль, 247. Ирландскіе ландлорды и ихъ фермеры. Научное путешествіе на воздушномъ шарѣ. Борьба женщинъ противъ пьянства въ Америкѣ. Англійское общество покровительства дѣтямъ. Благотворительность во Франціи. Крестьянскіе ферейны въ Германіи. Голландскій писатель I. Кремеръ и его произведенія. «Revue des Deux Mondes», «Journal des Savantes», «Cosmopolitan». Литературная жизнь въ Англии, школа Диккенса и литературная богема.

Августъ, 220. Экономическіе вопросы въ Сѣверо-Американскихъ Соединенныхъ Штатахъ. Положеніе женщины въ Индіи. Вліяніе душевно-больныхъ на здоровыхъ. Т. Г. Гексли (некрологъ) съ портретомъ. «Revue Scientifique», «Popular Science Monthly».

Сентябрь, 253. Международный географическій конгрессъ въ Лондонѣ. Другъ человечества донна Концепція Ареналь Гарція де Карраско. Англійскіе парламентскіе обычаи. Заработная плата и условія труда въ Японіи. Типографія американскаго правительства. Профессоръ Гижиджіи и этическое движеніе въ Германіи. Литературныя воспоминанія Локя. «Popular Science Monthly».

Октябрь, 223. Фермерское общество домашняго чтенія въ Сѣверной Америкѣ. Турецкіе армяне. Переписка Эрвста Ренана съ его сестрой Генриетой. «Deutsche Revue», «Contemporary Review», «Revue des deux Mondes», «Le Monde Moderne».

Ноябрь, 256. Бюро правосудія. Стѣпные авторы. Исчезающіе народы: Тодды въ Индіи. На воздушномъ шарѣ къ Сѣверному полюсу. Скандинавскіе народы и ихъ политика. «Revue des Revues», «Revue de Paris», «Revue Scientifique».

Декабрь, 262. Столѣтіе французскаго института. Музей на открытомъ воздухѣ. Ученыя женщины въ Германіи. Успѣхи современной хирургіи. Периодическая печать въ Японіи. Томасъ Карлейль. «Revue des Revues», «North American Review».

This book should be returned to
the Library on or before the last date
stamped below.

A fine is incurred by retaining it
beyond the specified time.

Please return promptly.

AUG 4 '64

336-080

